Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Исторический факультет

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

[215]

Серия II
Исторические исследования
(146)

Редакционный совет:

академик РАО, д-р ист. наук, проф. Л. С. Белоусов (*сопредседатель*),
академик РАН, д-р ист. наук, проф. С. П. Карпов (*сопредседатель*),
д-р ист. наук, проф. Н. С. Борисов, *чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф.* Л. И. Бородкин,
д-р ист. наук, проф. А. Г. Голиков, *д-р ист. наук, проф.* С. В. Девятов,
д-р ист. наук О. Е. Казьмина, *д-р ист. наук* А. Р. Канторович,
гл. науч. сотр., д-р ист. наук Л. В. Кошман, *ст. науч. сотр.* Н. В. Литвина,
д-р ист. наук, проф. Г. Ф. Матвеев,
чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. С. В. Мироненко, *канд. экон. наук* С. В. Орлов,
чл.-корр. РАН, д-р ист. наук, проф. Е. И. Пивовар,
д-р ист. наук А. В. Подосинов, *д-р филол. наук, проф.* О. В. Раевская,
канд. ист. наук Ю. Н. Рогулев, *д-р ист. наук* С. Ю. Сапрыкин,
чл.-корр. РАН, д-р искусствоведения, проф. В. В. Седов,
д-р экон. наук, проф. В. В. Симонов,
канд. ист. наук О. В. Солопова,
канд. ист. наук А. А. Талызина

Москва
2022

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Исторический факультет

А. Р. Канторович

ИСКУССТВО СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

КЛАССИФИКАЦИЯ, ТИПОЛОГИЯ, ХРОНОЛОГИЯ, ЭВОЛЮЦИЯ

Том 1

Издательство Московского университета
2022

УДК 902/904+7.072.2
ББК 63.4
К19

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 21-19-00153, не подлежит продаже

Канторович, А. Р.

К19 Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы (классификация, типология, хронология, эволюция) : в двух томах / А. Р. Канторович. — Москва : Издательство Московского университета, 2022. — Т. 1. — 431, [1] с.

ISBN 978-5-19-011664-9 (т. 1)
ISBN 978-5-19-011663-2

В монографии впервые систематизирован, проанализирован и репродуцирован практически весь известный к осени 2021 г. массив зооморфных изображений, выполненных в соответствии с канонами скифо-сибирского звериного стиля и относящихся к скифской археологической культуре Северного Причерноморья и Северного Кавказа VII — начала III в. до н. э. Представлено более 2500 оригинальных изображений, формирующих 355 морфологических типов. Разработана детальная хронология восточноевропейского локального варианта скифо-сибирского звериного стиля. Моделированы процессы генезиса и эволюции образов, сюжетов, мотивов и основных художественных приемов восточноевропейского скифского звериного стиля, прослежены инокультурные влияния на данный феномен. Затронуты вопросы семантики скифского звериного стиля. Предложен алгоритм учета, классифицирования и буквенно-цифрового кодирования изображений в зверином стиле на всем пространстве скифо-сибирской культурно-исторической области.

УДК 902/904+7.072.2
ББК 63.4

Kantorovich A.R.

The art of the Scythian Animal Style of Eastern Europe: Classification, Typology, Chronology, Evolution: in two volumes / A. R. Kantorovich. — Moscow: Moscow University Press, 2022. — Vol. 1. — 432 p.

The monograph is the first to systematize, analyze and reproduce almost the entire array (known by the fall of 2021) of zoomorphic images made in accordance with the canons of the Scythian-Siberian animal style those attributed to the Scythian archaeological culture of the Northern Black Sea region and the North Caucasus of the seventh — early third centuries BC. More than 2500 original images are presented, forming 355 morphological types. A detailed chronology of the Eastern European local version of the Scythian-Siberian animal style was developed. The monograph models the processes of the genesis and evolution of images, compositions, motifs and the main artistic devices of the East European Scythian animal style. Foreign cultural influences on this phenomenon are revealed. The issues of semantics of the Scythian animal style are touched upon. An algorithm for accounting, classifying and alphanumeric encoding of images in the animal style throughout the whole Scythian-Siberian cultural and historical region is proposed.

ISBN 978-5-19-011664-9 (т. 1)
ISBN 978-5-19-011663-2

© А. Р. Канторович, 2022
© Издательство Московского университета, 2022

Оглавление

Введение 7

Глава I. Основные принципы классификации, типологии и хронологии образов восточноевропейского скифского звериного стиля как компонента скифо-сибирского звериного стиля 11

§ 1. Историография систематизации изображений в контексте общей истории исследования скифо-сибирского звериного стиля 11
§ 2. Принципы атрибуции, классификации, типологии и количественного учета изображений восточноевропейского скифского звериного стиля 17
§ 3. Алгоритм типологии и принципы хронологии конкретных типов 23

Глава II. Образ хищника: классификация, типология и хронология изображений 25

§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений 25
§ 2. Полнофигурные изображения хищников 25
§ 3. Редуцированные изображения хищников 70
Краткие итоги систематизации изображений хищников 112

Глава III. Образы копытных животных: классификация, типология и хронология изображений 115

III.1. Образ оленя 115
§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений 115
§ 2. Полнофигурные изображения оленей 115
§ 3. Редуцированные изображения оленей 138
III.2. Образ лося 156
§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений 156
§ 2. Полнофигурные изображения лосей 157
§ 3. Редуцированные изображения лосей 162
III.3. Образ горного козла 171
§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений 171
§ 2. Полнофигурные изображения козла 171
§ 3. Редуцированные изображения козла 178
III.4. Образ барана 181
§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений 181
§ 2. Полнофигурные изображения барана 181
§ 3. Редуцированные изображения барана 181
III.5. Образ лошади 189
§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений 189
§ 2. Полнофигурные изображения лошадей 189
§ 3. Редуцированные изображения лошадей 191
III.6. Образ быка 200
§ 1. Полнофигурные изображения быков 200
§ 2. Редуцированные изображения быков (головы) 200
III.7. Образ кабана 201
§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений 201
§ 2. Полнофигурные изображения кабанов 202
§ 3. Редуцированные изображения кабанов 207
III.8. Образ «оленелося» 212
III.9. Образ «лосекозла» 215
III.10. Образ «оленекозла» 220
III.11. Мотив обособленных ушей копытных 222
III.12. Мотив обособленных конечностей копытных 223
§ 1. Сдвоенные ноги 224
§ 2. Одиночные ноги 225
Краткие итоги систематизации изображений копытных 230

Глава IV. Образы птицы и «скифского грифона»: классификация, типология и хронология изображений . . 233

§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений 233
§ 2. Полнофигурные изображения птицы 233
§ 3. Редуцированные изображения птиц 248
Краткие итоги систематизации изображений птиц 278

Оглавление

Глава V. Образы синкретических существ: классификация, типология и хронология изображений 280
V.1. Образ грифона и крылатого льва 280
§ 1. Проблема идентификации образа грифона в скифском зверином стиле 280
§ 2. Полнофигурные изображения грифонов 281
§ 3. Редуцированные изображения грифонов 301
V.2. Образ бараноптицы/грифобарана 307
§ 1. Принципы идентификации образа 307
§ 2. Головы в сочетании с задними ногами или копытами — знаки полнофигурных бараноптиц 308
§ 3. Обособленная голова бараноптицы 310
V.3. Комбинация образов грифона и бараноптицы 311
V.4. Образ тупорылого зверя 312
V.5. Образы гиппокампа-лошади, грифоно-гиппокампа и «петушка-гиппокампа» 313
§ 1. Комбинация гиппокампа и лошади 314
§ 2. Грифоно-гиппокампы 314
§ 3. «Петушки-гиппокампы» 316
V.6. Образ «лосептицы» 318
V.7. Образ «оленептицы» 319
V.8. Комбинация элементов птицы и неопределенного копытного 320
V.9. Образ рогатой рыбы 321
Краткие итоги систематизации изображений синкретических существ 322

Глава VI. Прочие образы: классификация, типология и хронология изображений 323
VI.1. Образ зайца 323
§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений 323
§ 2. Классификация, типология и хронология изображений зайца 324
VI.2. Образ верблюда 327
VI.3. Образ дельфина 328
VI.4. Образ рыбы 330
VI.5. Неопределенные животные 334
§ 1. Полнофигурные изображения 334
§ 2. Редуцированные изображения 336

Глава VII. Репертуар, хронологическая и пространственная динамика образов, сюжетов и мотивов восточноевропейского скифского звериного стиля как локального варианта скифо-сибирского звериного стиля 340
§ 1. Основные статистические показатели 340
§ 2. Хронологическая и пространственная динамика образов, сюжетов и мотивов восточноевропейского скифского звериного стиля 343
§ 3. Вопрос об истоках восточноевропейского скифского звериного стиля в контексте общей проблемы происхождения скифо-сибирского звериного стиля 395
Заключение 402
Список литературы и архивных материалов 405

ВВЕДЕНИЕ

Скифский, или скифо-сибирский, звериный стиль, составляющий наряду с вооружением и конским снаряжением «скифскую триаду», — это художественное направление в древнем прикладном зооморфном искусстве, которое характеризуется стабильным набором животных персонажей, отображаемых в строго определенных позах и композициях с использованием особых приемов моделирования деталей[1].

Хронология этого направления в изобразительном искусстве определяется примерно рамками второй четверти VII — начала III в. до н. э. Ареал собственно скифского звериного стиля — степь и лесостепь Восточной Европы (включая Крым), а также Северный Кавказ. В широком же смысле данное искусство, именуемое часто также скифским, а более точно — скифо-сибирским звериным стилем, охватывает, помимо указанных регионов, степи Поволжья и Приуралья, степи Казахстана и Средней Азии, Памир, а также степь, лесостепь и горную зону Южной Сибири, включая Саяно-Алтай. Влияние данного художественного направления проявляется и вне зоны скифо-сибирского мира — на территории юга Средней Европы (во фракийском искусстве), центра Средней Европы (в культуре Векерцуг), в Закавказье, на территории Монголии и Ордоса. Со скифо-сибирским миром тесно взаимосвязаны ананьинская и кобанская культуры, но их зооморфное искусство всё же имеет особый характер и, на наш взгляд, не является составной частью скифо-сибирского звериного стиля.

Скифо-сибирский звериный стиль — в сущности, один из «больших стилей» в изобразительном искусстве, соразмерный с такими направлениями в древнегреческом искусстве, как геометрический, архаический или классический стили, или же с барокко и классицизмом в новоевропейском искусстве. Как явление, общее для всей евразийской Степи, он сформировался в VII в. до н. э. на определенном этапе исторического развития у кочевых скотоводов Евразии, которые в своем большинстве были ираноязычны, имели сходный уровень производительных сил и схожую общественную систему. В этой ситуации на базе единой хозяйственно-культурной и этноязыковой основы складывались общие идеологические представления и эстетические предпочтения, что и выразилось, в частности, в формировании особого зооморфного искусства. Благодаря высокой мобильности, свойственной кочевникам, осуществлялись интенсивные культурные связи и взаимовлияния внутри евразийских степей, что вело к обмену темами и сюжетами, навыками моделирования и т. д. Кроме того, формирование и развитие скифо-сибирского звериного стиля происходило при постоянном непосредственном или опосредованном воздействии на те или иные регионы скифо-сибирского мира со стороны древнегреческого искусства периода архаики и классики, а также богатой зооморфной традиции переднеазиатских цивилизаций (Ассирии, Урарту, наследия Хеттского царства, «луристанского стиля», позднее — Ахеменидского Ирана). Определенное влияние на западную часть скифо-сибирского мира оказывало и фракийское искусство, на восточную часть — искусство Древнего Китая; имели место и ответные импульсы со стороны скифо-сибирского мира. Наконец, существенную роль в формировании репертуара и поэтики собственно скифского звериного стиля сыграло взаимодействие скифской археологической культуры с оседлоземледельческими культурами Северного Кавказа — меотской и кобанской, а также с оседлыми жителями лесостепного Поднепровья и лесостепного Подонья.

---

[1] Термин «скифский звериный стиль», несмотря на заведомо более узкое его значение, апеллирующее в основном к формальной стороне и не исчерпывающее всего содержания данного искусства, вполне пригоден как конвенциональный, условный, имеющий длительную традицию. В книге автор будет употреблять этот термин, подразумевая под ним именно определенное художественное направление, поскольку имеется в виду взаимозависимость формы и содержания (ср.: Королькова, 1996. С. 23).

Введение

Уже более столетия скифо-сибирский звериный стиль как в целом, так и в рамках отдельных локальных групп привлекает к себе внимание археологов, искусствоведов и историков в контексте общих проблем истории древнего искусства и идеологии, генезиса, функционирования и исчезновения скифо-сибирской культурно-исторической области и ее отдельных компонентов, ее взаимосвязей с античной и восточными цивилизациями, с ее северными соседями и т. д.

В рамках скифо-сибирского звериного стиля выделяются несколько локальных вариантов: собственно скифский стиль восточноевропейской зоны скифо-сибирского звериного стиля (охватывает территории степного, лесостепного и северокавказского локальных субвариантов скифского звериного стиля[1]), «савроматский» звериный стиль (включает нижневолжский и южноуральский локальные субварианты), «сако-массагетский» звериный стиль (в рамках которого можно выделить приаральский, тасмолинский, семиреченско-восточноказахстанский и памирский субварианты), а также пазырыкский, тагарский и уюкский локальные варианты.

Еще в 1952 г. на 1-й Скифской конференции выдающиеся скифологи Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова, характеризуя археологические памятники юга Восточной Европы, выявили три взаимосвязанных локальных культурных группы скифской эпохи — степную (данные исследователи считали, что именно ее памятники принадлежат скифам письменных источников, прежде всего скифам Геродота), лесостепную и прикубанскую (которые Б. Н. Граков и А. И. Мелюкова соотносили с окружением скифов, но не с самими историческими скифами) (Граков, Мелюкова, 1954. С. 64–91). Тем самым данные исследователи инициировали раздельное изучение элементов, составляющих особенности этих локальных групп. В применении к искусству скифского звериного стиля это в свое время отразилось в специальном исследовании его локальных вариантов —лесостепного (Шкурко, 1975а), прикубанского (Переводчикова, 1980а) и степного (Канторович, 1994), а затем в еще более дробном изучении некоторых из этих регионов скифского звериного стиля другими исследователями (прежде всего, это специальное изучение звериного стиля Среднего Подонья[2]).

Вместе с тем степная и лесостепная культурные группы, описанные Б. Н. Граковым и А. И. Мелюковой, в совокупности определяют территорию скифской археологической культуры, которая представляет собой явление более широкое, нежели исторические скифы, поскольку как археологическая культура связана не только с регионом их постоянного присутствия, но и с зоной их постоянного влияния. К этим территориям в качестве зоны постоянного присутствия исторических скифов как минимум для VII–VI вв. до н. э. примыкает Прикубанье (зона меотской культуры) и, отчасти, Центральное Предкавказье (зона кобанской культуры), а в V–IV вв. до н. э. эти территории находятся под скифским влиянием. Помимо скифов в создании памятников скифской археологической культуры приняли участие этносы, тесно связанные со скифами в хозяйственном и культурном отношении (в том числе иноязычные племена лесостепи Среднего Поднепровья и Среднего Подонья)[3].

С учетом значительного прироста материала назрела настоятельная необходимость совокупного исследования степной (северопричерноморско-приазовской), лесостепной (среднеднепровской и среднедонской) и северокавказской зон скифского звериного стиля как составляющих единого восточноевропейского локального варианта скифо-сибирского звериного стиля, соответствующего зоне скифской археологической культуры. Между тем до настоящего времени специально изучались именно указанные региональные субварианты восточноевропейского скифского звериного стиля, попытки же систематизировать всю совокупность его изображений по единым принципам не предпринимались.

---

[1] Под северокавказским вариантом скифского звериного стиля здесь подразумеваются в первую очередь многочисленные прикубанские изображения, выполненные в соответствующем духе (невзирая на то, были ли конкретные мастера скифами, меотами или кем-либо еще), а также уже весьма представительный массив изображений из Ставрополья (Краснознаменские, Новозаведенские курганы и др.) и прилегающих территорий (в частности, из Нартанского могильника).

[2] При этом П. Д. Либеров (Либеров, 1976. С. 138–146) и позднее Л. И. Гончарова рассматривали среднедонскую зону как отдельный локальный вариант скифского звериного стиля, как особую школу зооморфизма (Гончарова, 2000. С. 51–61; Гончарова, 2001а; Гончарова, 2001б. С. 36–38), тогда как В. И. Гуляев не видит оснований для выделения среднедонской зоны в особый локальный вариант скифского звериного стиля (хотя и признает в качестве местной специфики преобладание здесь мотивов местной фауны и следы воздействия «савроматского» искусства Поволжья и Приуралья) (Гуляев, 2010. С. 209–243). Результаты нашего исследования, как будет показано ниже, подтверждают скорее позицию В. И. Гуляева.

[3] В тесном контакте со скифами находились создатели оседлых земледельческо-скотоводческих культур Северного Кавказа, существовавших более длительное время и отличавшихся высокоразвитым ремеслом. Это меотская культура в бассейне Кубани (рубеж IX/VIII вв. до н. э. — III в. н.э.) и кобанская культура Центрального Предкавказья (XII–IV вв. до н. э.).

Введение

В данной монографии представлены результаты исследования одного из крупнейших локальных вариантов скифо-сибирского звериного стиля — восточноевропейского — с точки зрения структуры его образно-сюжетной системы, морфологии и хронологии изображений.

Определяя задачи и метод исследования, необходимо соотносить их со спецификой изучаемого материала. Представляется, что характеристика изображений звериного стиля как исторического источника требует учета всего многообразия присущих им признаков (в пределах возможного) — подобно тому, как это предусматривает классификация и типология других категорий археологических источников (сосудов, предметов вооружения, конского снаряжения, украшений и т. д.). Вместе с тем изображения звериного стиля как произведения искусства существенно отличаются от этих вещей (часто оформляемых или украшаемых тем же звериным стилем — в первую очередь это относится к конскому снаряжению и вооружению) значительно большим количеством присущих им признаков (в соответствии с большей семантической и эстетической нагрузкой), что делает тем более необходимым упорядочение этих признаков, выстраивание их иерархии в соответствии с антитезой общего и частного.

С учетом вышесказанного автором в работе были поставлены и решены следующие задачи:

– на материале восточноевропейского скифского звериного стиля впервые разработаны основы классификации и типологии зооморфных изображений, применимые для всего скифо-сибирского звериного стиля;

– на этой базе зафиксированы и классифицированы (с использованием жесткой таксономической иерархии) и подробно описаны в рамках основной классификационной единицы — типа — практически все известные на данный момент изображения восточноевропейского скифского звериного стиля (как локального варианта скифо-сибирского звериного стиля), а именно 2538 оригинальных изображений (рассмотрены также копии этих изображений, сделанные с одного штампа либо по единой форме или по одному образцу, а также зеркальные отображения).

– в рамках конкретных образов и сюжетов выявлены и обоснованы 355 морфологических типов, им дана подробная характеристика, прослежена стилистическая эволюция в рамках типов, межтиповая и межобразная морфологическая динамика;

– определены хронологические рамки всех выявленных морфологических типов изображений на основе объективных хроноиндикаторов, внутритиповой стилистической (морфологической) динамики и надежно датируемых аналогий;

– на основании статистического анализа массива изображений и морфологических типов, с учетом реконструируемых межтиповых и межобразных взаимосвязей и взаимодействий моделированы процессы генезиса и развития образов, сюжетов и мотивов восточноевропейского скифского звериного стиля;

– прослежены связи данного локального варианта скифо-сибирского звериного стиля с другими локальными вариантами этой художественной системы, а также с искусством Передней Азии, Греции, Фракии, меотской, кобанской и ананьинской культур;

– разработана универсальная система буквенно-цифрового кодирования совокупности изображений восточноевропейского скифского звериного стиля. Предполагается, что эта система может быть применена для учета, кодирования и классификации изображений в зверином стиле из других регионов скифо-сибирского мира, что даст возможность осуществлять сравнение изображений в рамках этого художественного направления на единой основе, что особенно актуально в силу высоких темпов прироста археологического материала.

Методы исследования: классификационный, сравнительно-типологический, иконографический анализ, метод аналогий, хронологический, статистический, картографирование.

Пространственные границы исследования (см. Приложение 5, рис. 29) составила территория степного Северного Причерноморья и Приазовья (от левобережья Нижнего Дуная до левобережья Нижнего Подонья), лесостепного Среднего Поднепровья, Подонцовья и Среднего Подонья, а также Северо-Западного Кавказа и Центрального Предкавказья, т. е. зона, занимаемая скифской археологической культурой (постоянно или в отдельные периоды ее существования), и территория ее непосредственного влияния.

Хронологические рамки исследования: вторая четверть VII — рубеж IV–III вв. до н. э., т. е. основное время функционирования скифской археологической культуры.

Источниковую базу работы составили зооморфные изображения, соответствующие критериям скифо-сибирского звериного стиля и происходящие с вышеуказанной территории, соответствующей восточноевропейскому локальному варианту данного художественного направления. В работе учтены, классифицированы, описаны и воспроизведены в графике или фото практически все изображения восточноевропейского скифского звериного стиля, опубликованные до октября 2021 г. включительно. Кроме того, в состав источников вошел и ряд неопубликованных изображений, являющихся результатом раскопок автора и раскопок,

соавтором которых он является (с любезного разрешения остальных соавторов раскопок — В. Г. Петренко, В. Е. Маслова, А. Б. Белинского и С. Райнхольд). Принцип сбора материала с опорой на опубликованные источники был избран постольку, поскольку предметы, оформленные или украшенные в зверином стиле, как правило, публикуются исследователями в первую очередь, что подтвердило изучение мною полевых отчетов в научных архивах Института археологии РАН и Института археологии Национальной Академии наук Украины.

Всего это 2538 оригинальных изображений (не считая копий), оформляющих/украшающих предметы, происходящие из археологических памятников (погребений, поселений) и местонахождений (случайных находок, покупок), локализуемых в вышеуказанных пределах зоны скифской археологической культуры (количественные данные об этих местонахождениях см. в главе VII, § 1).

Ряд погребальных комплексов, составивших источниковую базу монографии и содержащих изделия в скифском зверином стиле, был исследован в ходе раскопок под руководством автора или при его участии в качестве соавтора раскопок. Это материалы раскопок 2006–2017 гг. руководимой автором Ставропольской экспедиции кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, а также раскопок Краснознаменской экспедиции Института археологии РАН (под руководством В. Г. Петренко) и экспедиции ГУП «Наследие» при Министерстве культуры Ставропольского края (под руководством А. Б. Белинского), в работах которых автор принимал участие соответственно в 1994–2003 гг. и в 2012 г.

Основная масса составивших источниковую базу предметов, несущих изображения, а также ряд их аналогов из других зон скифо-сибирского мира и из других археологических культур были изучены автором de visu, зафиксированы в фотографиях и рисунках и соотнесены с их публикациями. Для этого была проведена работа в экспозиции и в фондах Государственного исторического музея, Государственного Эрмитажа, Государственного музея искусства народов Востока, учебного кабинета-музея кафедры археологии МГУ имени М. В. Ломоносова, Ростовского областного музея краеведения, Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника, Ставропольского государственного историко-культурного и природно-ландшафтного музея-заповедника, Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника, Национального музея Республики Адыгея, Северо-Осетинского государственного объединенного музея истории, архитектуры и литературы, Национального музея Кабардино-Балкарской Республики, Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН, Национального музея истории Украины (далее — НМИУ) и его филиала — Музея исторических драгоценностей, Музея археологии Института археологии НАНУ (в составе Национального научно-природоведческого музея НАНУ), Одесского археологического музея НАНУ, Харьковского исторического музея, Музея археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета, Полтавского краеведческого музея, Музея научно-исследовательской лаборатории «Археология» Приднестровского государственного университета, Абхазского государственного музея, Государственных музеев Берлина.

Автор искренне признателен за предоставленную возможность изучения данных коллекций, за плодотворное общение сотрудникам этих музеев: К. Б. Фирсову, Е. Ю. Новиковой, А. П. Мошинскому, И. И. Гущиной, Л. К. Галаниной, А. Ю. Алексееву, Е. Ф. Корольковой, Ю. Ю. Пиотровскому, Н. З. Куниной, Д. Е. Чистову, Е. В. Власовой, Р. С. Минасяну, И. В. Ксенофонтовой, В. Р. Эрлиху, Е. А. Бегловой, В. С. Житеневу, Л. С. Ильюкову, В. М. Косяненко, А. А. Горбенко, М. Е. Филимоновой, В. И. Перевозчикову, В. Н. Галаевой, И. В. Отюцкому, С. Л. Кравцовой, Е. А. Хачатуровой, А. В. Пьянкову, Н. Ф. Шевченко, А. А. Коцевой, А. Х. Набоковой, Ф. К. Джигуновой, А. Б. Деппуевой, И. А. Хашевой, Ф. Р. Накову, С. В. Диденко, Л. С. Клочко, А. А. Грибковой, Е. С. Подвысоцкой, Т. Ф. Шаминой, Н. А. Сон, Е. Ф. Рединой, И. В. Бруяко, Л. И. Бабенко, И. Б. Шрамко, С. А. Задникову, А. Б. Супруненко, В. С. Синике, Н. П. Тельнову, И. В. Четверикову, М. К. Инал-Ипа, А. Б. Джопуа и др.

Автор выражает глубокую благодарность за ценные советы и рекомендации выдающимся отечественным скифологам: своему учителю Ирине Владимировне Яценко, Марии Николаевне Погребовой, Дмитрию Сергеевичу Раевскому, Владимире Гавриловне Петренко, Валерию Ивановичу Гуляеву и Дмитрию Глебовичу Савинову. Кроме того, автор благодарит за плодотворное общение, содействовавшее написанию этой книги, С. И. Лукьяшко, Ю. Б. Полидовича, С. С. Бессонову, С. А. Скорого, Ю. В. Болтрика, Е. Е. Фиалко, С. В. Полина, М. Н. Дараган, А. Д. Могилова, Р. В. Зимовца, Т. В. Рябкову и др. Также автор признателен за советы и неизменную помощь своим друзьям и коллегам А. Б. Белинскому, В. Е. Маслову и В. Р. Эрлиху. Отдельную благодарность и особую признательность автор выражает археологам Украины за их радушное гостеприимство и дружеское содействие; без их помощи не была бы написана эта книга.

Глава I

Основные принципы классификации, типологии и хронологии образов восточноевропейского скифского звериного стиля как компонента скифо-сибирского звериного стиля

§ 1. Историография систематизации изображений в контексте общей истории исследования скифо-сибирского звериного стиля

Изучение скифского звериного стиля идет уже более столетия. Феномен данного художественного направления был выявлен на фоне других тенденций в анималистическом искусстве древности в трудах Э. Х. Миннза (Minns, 1913. P. 261–264) и Б. В. Фармаковского (Фармаковский, 1914. С. 29–37). Затем М. И. Ростовцев (Ростовцев, 1918; Rostovtzeff, 1922, 1929), Г. И. Боровка (Borovka, 1928) и К. Шефольд (Schefold, 1938. S. 3–77) описали характерные признаки скифского звериного стиля, проанализировали ведущие образы и мотивы, определили его примерный ареал, попытались установить его хронологию, истоки и направления развития. Но особый масштаб исследования скифского звериного стиля приобрели во второй половине XX в. на основе массового прироста археологического материала, продемонстрировавшего, что данное искусство является одним из важнейших маркеров скифо-сибирского мира.

По справедливому замечанию Д. Г. Савинова, ныне перед нами простирается «море литературы по звериному стилю» (Савинов, 2010. С. 5–6). Соответственно в историографическом разделе мы лишь обозначим основные тенденции в изучении скифского звериного стиля и сосредоточимся на важнейшей для нашего исследования проблеме классификации и типологии образов, сюжетов и мотивов данного художественного направления[1].

Изучение феномена скифского и, шире, скифо-сибирского звериного стиля традиционно осуществляется по следующим важнейшим направлениям:

– комплексное изучение определенных регионов (локальных вариантов), хронологических периодов и художественных школ скифо-сибирского звериного стиля (в послевоенное время в советской и постсоветский археологии такие исследования, как правило, являются одним из компонентов монографической характеристики конкретных археологических культур, составляющих скифо-сибирский мир). Для восточноевропейского скифского звериного стиля эта тенденция проявляется также в дифференцированном исследовании трех его локальных вариантов — лесостепного (среднеднепровско-среднедонского), степного (северопричерноморского и приазовского) и северокавказского;

– специальное исследование определенных образов, сюжетов, мотивов и художественных приемов звериного стиля, осуществляемое не только в рамках локальных вариантов и субвариантов, но и в пределах скифо-сибирского мира в целом (естественно, в применении к «сквозным» образам и сюжетам);

– дифференцированное изучение определенных категорий изделий, оформленных или украшенных в скифо-сибирском зверином стиле;

– исследование технологии изготовления вещей, оформленных в скифском и, шире, скифо-сибирском зверином стиле;

– семиотическое исследование скифского звериного стиля, предполагающее реконструкцию семантики и прагматики его конкретных образов, сюжетов и композиций, определения его роли в идеологической системе «скифо-сибирского мира». С реконструкцией семантики, в силу единства формы и содержания, неразрывно связано изучение поэтики (совокупности художественных приемов) скифо-сибирского звериного стиля;

– реконструкция генезиса скифо-сибирского звериного стиля и его отдельных локальных вариантов. Эта сложнейшая проблема, попытку решения которой мы находим еще в трудах Б. В. Фармаковского, М. И. Ростовцева и Г. И. Боровки, ныне стала еще более актуальной, с учетом огромного

---

[1] Более детально (с акцентом на исследования двух последних десятилетий) соответствующие тенденции изучения восточноевропейского скифского звериного стиля проанализированы в нашей специальной статье (Канторович, 2015).

материала, накопленного археологией после выхода этих работ;

– в контексте данной проблемы и вне ее рассматриваются вопросы межкультурных обменов между локальными вариантами скифо-сибирского звериного стиля и вопросы влияния внешних художественных направлений;

– наконец, значительные усилия, в условиях неуклонного прироста массива изображений скифо-сибирского звериного стиля, направлены на решение проблем систематизации, классификации и типологии этого материала.

* * *

Как уже было сказано, начало исследованиям скифо-сибирского звериного стиля как феномена положено трудами Эллиса Хоуэлла Миннза, Бориса Владимировича Фармаковского, Михаила Ивановича Ростовцева и Григория Иосифовича Боровки. Классификационные разработки скифского звериного стиля первоначально шли по пути систематизации не столько самих изображений или украшаемых ими предметов, сколько признаков данного художественного направления, что вполне закономерно на стадии первичного выявления его произведений на фоне различных зооморфных изображений и художественных стилей древности.

Скифо-сибирское зооморфное искусство было опознано и выделено его первыми исследователями именно по формальным признакам и, естественно, изначально было названо стилем. Показательно, что пространственно-временной охват термина «звериный стиль» по мере его исследования постепенно сужался. Э. Х. Миннз и М. И. Ростовцев под термином «звериный стиль», в сущности, подразумевали всякое зооморфное искусство начиная с эпохи палеолита (Minns, 1913. P. 261–264; Rostovtzeff, 1922, 1929). Учитывая обилие зооморфных образов в палеолите, М. И. Ростовцев квалифицировал звериный стиль как «древнейший стиль декоративного искусства в истории человечества» (Rostovtzeff, 1929. P. 4). Вместе с тем именно Э. Х. Миннз и М. И. Ростовцев, а также Г. И. Боровка (Borovka, 1928), соотнося скифо-сибирский анимализм с общемировой традицией зооморфизма, исключительно точно выявили его отличительные признаки именно как художественного направления.

Позднее, по мере прироста материала, было признано, что ко всему мировому зооморфному искусству, существующему как минимум с эпохи верхнего палеолита, термин «звериный стиль» неприменим, как неприменимы термины «человеческий стиль» или «растительный стиль» ко всяким изображениям людей или растений. Как справедливо указал Г. А. Федоров-Давыдов, «не просто анимализм определяет особенность скифо-сибирского звериного стиля. "Звериный стиль" на всем протяжении "Великого пояса степей" отличается внутренним единством и общими тенденциями в своей эволюции. Это искусство обладает особым образным строем, специфическим подходом к действительности» (Федоров-Давыдов, 1976. С. 15).

При этом Э. Х. Миннз, впервые обративший внимание на декоративность, условность, изоморфность изображения фактуре украшаемой вещи в качестве специфических черт скифского звериного стиля, еще не предпринимал попыток какой-либо систематизации массива изображений этого художественного направления, послужившего всего лишь одной из многих тем его фундаментального труда (Minns, 1913. P. 261–264).

Отсутствует этот аспект и в почти синхронной по отношению к монографии Э. Х. Миннза статье выдающегося российского антиковеда Б. В. Фармаковского, в которой проблема скифского звериного стиля явилась одним из сюжетов анализа искусства эпохи бронзы и железа юга Восточной Европы. Сконцентрировавшись на поиске истоков скифского звериного стиля Северного Причерноморья, исследователь, рассмотрев изображения данного стиля на фоне древнегреческого искусства, выявил ряд сходных элементов в этих художественных традициях и предложил идею греко-ионийского происхождения скифского звериного стиля (Фармаковский, 1914. С. 29–37).

Решающим шагом не только в идентификации, но и в типологии изображений скифо-сибирского звериного стиля следует считать изданные почти одновременно исследования М. И. Ростовцева и Г. И. Боровки, специально посвященные этому самостоятельному направлению в зооморфном искусстве.

Первые усилия по систематизации изображений скифо-сибирского звериного стиля были предприняты М. И. Ростовцевым. В своей монографии 1929 г. он обозначил 4 стадии скифской истории: A — архаический период конца VII — начала V в. до н. э., B — переходный, или греко-ионийский период V — начала IV в. до н. э., C — классический, или пантикапейский период IV в. до н. э., D — период упадка и новых особенностей и влияний конца IV — начала III вв. до н. э. (Rostovtzeff, 1929. P. 24). В той же работе исследователем было выявлено двенадцать изначальных признаков скифо-сибирского звериного стиля, характерных для архаического периода скифской истории, а именно:

1) тенденция полного или частичного зооморфного оформления вещи, используемой в быту;

2) украшение вещи фигурами животных или частями этих фигур;

3) примитивная компоновка изображений животных в ряды, колонны при нетипичности антитетических и синтетических композиций;

4) «боязнь» пустого пространства;

5) «натурализм» в отображении животных;

6) тенденция превращать отдельные части животных (такие, как рога у оленей) в декоративный элемент;

7) трактовка отдельных частей животных в качестве фигур других животных или их частей;

8) изображения животных чаще всего сводятся к воспроизведению их наиболее типичных частей (например, орла — к клюву, глазу и крылу);

9) предпочтение отдается отображению реальных животных (образы фантастических животных — исключение);

10) специфический репертуарный набор: фауна лесов и гор;

11) полное отсутствие изображения человеческой фигуры;

12) отсутствие растительного орнамента (Rostovtzeff, 1929. P. 28–29).

Эти признаки, по М. И. Ростовцеву, характеризовали прежде всего первую стадию скифской истории, но большинство из них, как можно наблюдать на основе накопленного к сегодняшнему дню массового материала, присущи и следующим ее фазам (исключая 3-й, 5-й и 9-й признаки). Исследователь предпринял попытку представить дальнейшую эволюцию скифо-сибирского звериного стиля, стараясь определить для каждой из выявленных им четырех ступеней скифской истории специфические, только ей присущие черты. При этом в качестве объекта исследования выступали локальные группы археологических комплексов.

В остальных обобщающих исследованиях скифского звериного стиля, появившихся в 1920–1930-е годы (Borovka, 1928; Ebert, 1928; Schefold, 1938), определенная таксономическая иерархия изображений была предложена лишь в работе Г. И. Боровки. Исследователь выявил, во-первых, более общие «базовые мотивы» (связанные с изображениями целых фигур и частей тела животных), во-вторых, производные от них декоративные сочетания базовых мотивов (сюда же были отнесены и образы фантастических животных, как комбинация элементов реальных животных) и, в третьих, субъекты зооморфной трансформации тел изображаемых животных (Borovka, 1928. P. 30–31).

Процесс первичной систематизации изображений скифского звериного стиля нашел отражение также в работе К. Шефольда. Данный исследователь, обратившийся (вслед за Г. И. Боровкой и Е. Р. Малкиной: Malkina, 1928) к дифференцированному изучению образов и мотивов скифского звериного стиля, распределил изображения по отдельным группам образов и мотивов (олени, горные козлы, хищники, головы птиц, конечности зверей, головы львов) (Schefold, 1938. S. 33–60). Пристально изучив эти образы и мотивы, К. Шефольд выявил их парциальную стилистическую эволюцию. При этом в группировке не предусматривалась какая-либо таксономическая иерархия с последующим синтезом данных, на что в качестве существенного недостатка было позднее указано Н. Н. Погребовой (Погребова, 1950. С. 135).

В послевоенное время, по мере резкого роста источниковой базы, началась систематизация памятников скифо-сибирского звериного стиля в рамках отдельных археологических культур и этнокультурных регионов, что предполагало дальнейшее развитие методов классификации и типологии. Важной вехой на этом пути стала классификация «савроматского» (нижневолжского и южноуральского) звериного стиля, предпринятая К. Ф. Смирновым. Она представляла собой дифференцирование трех базовых тематических групп: изображений хищных птиц, хищников и копытных, разделяемых далее по категориям вещей, которые эти изображения украшали (Смирнов, 1964. С. 216–246). Позднее К. Ф. Смирнов классифицировал репертуар «савроматского» звериного стиля по более конкретным образам (Смирнов, 1976. С. 75–85. Рис. 1–5).

Ярким примером классификации и типологии изображений скифо-сибирского звериного стиля именно как произведений искусства, с наличием иерархии таксономических уровней, стал осуществленный Н. Л. Членовой анализ тагарского локального варианта (Членова, 1967. С. 110–165). Исследовательница сгруппировала изображения по отдельным образам (или мотивам, как именует эту таксономическую группу автор) в соответствии с зоологическим видом или родом животного (отдельный образ составили грифоны). На следующем классификационном уровне образные группы были разделены в соответствии со способом воплощения образа — полнофигурным или редуцированным. В свою очередь, целые фигуры были дифференцированы сюжетно — по позам. Кроме того, был принят во внимание сюжетный контекст, в котором находились изображения: они разделялись на одиночные и составляющие элементы композиции.

Однако указанный порядок характеристики изображений соблюдался далеко не для каждого образа. Больше того, сами образы рассматривались на одном уровне с группами «редких мотивов» и «ахеменидских мотивов», хотя последние, естественно, являются более общими понятиями и сами подразделяются на образы, соответствующие зоологическим видам или родам (Членова, 1967. С. 164–165). Наконец, при анализе Н. Л. Членовой изображений, относимых к VI в. до н. э., образная

диффсренциация вообще не стала базовой, а в основу первичного классификационного деления был положен принцип изобразительного средства: были дифференцированы два основных раздела — круглой скульптуры и рельефа, в свою очередь включающие различные зооморфные мотивы. Такое отсутствие единого принципа классификации, естественно, объяснимо многообразием признаков изображений, однако не дает возможности группировать значения этих признаков с точки зрения общих и частных и соответственно описывать их и сравнивать в одной системе, каждый на своем уровне.

Наряду с упомянутыми работами К. Ф. Смирнова и Н. Л. Членовой важным опытом локальной систематизации являются типологии лесостепного (приднепровско-подонского) и прикубанского вариантов восточноевропейского скифского звериного стиля, осуществленные А. И. Шкурко и Е. В. Переводчиковой в их кандидатских диссертациях (Шкурко, 1975б; Переводчикова, 1980в) и последующих работах. При этом подход этих исследователей к систематизации изображений принципиально различается.

А. И. Шкурко рассматривает произведения звериного стиля лесостепи Поднепровья и Подонья прежде всего как предметы искусства, продукт определенных изобразительных школ. Он основывает свою работу на образно-стилистической типологии изображений в рамках трех хронологических периодов развития стиля — конца VII–VI, V и IV–III вв. до н. э. (Шкурко, 1975б; Шкурко, 2000. С. 306–308). Исследователь осуществил первичную классификацию изображений Лесостепной Скифии, первоначально дифференцировав четыре мегаобраза (копытные животные, хищные звери, птицы, фантастические существа) и отдельный таксон прочих образов. Таксоны (исключая группу фантастических существ) подразделяются на конкретно-видовые подгруппы, и на данной стадии классификация завершается, сменяясь типологией (Шкурко, 2000. С. 305–306. Табл. 1). Эта типология, в общем учитывающая и сюжетику, строится на базе подробного и всеобъемлющего описания эталонных изображений, сюжетно-стилистические черты которых формируют основу стилистических групп. Типообразующие признаки лишь констатируются в отношении массы остальных изображений без детальной характеристики последних. Прослеживаются развитие и смена стилистических групп и делаются выводы о направлениях развития стиля в течение каждого из трех периодов — как в рамках определенных образов, так и в целом.

Большинство изображений при этом не получает такой полной характеристики, как те, которые можно назвать эталонными, и их морфологическое и стилистическое многообразие остается «за скобками». Вероятно, такой подход закономерен и целесообразен в контексте поставленных автором задач, при наличии обширного и относительно единообразного материала лесостепного варианта скифского звериного стиля. Однако для того чтобы компенсировать многочисленные признаки изображений, вынесенные «за скобки», автору приходится постоянно прибегать к обобщающим оценочным эпитетам, вводить не всегда, как представляется, достаточно определенные термины — «школа», «манера» и т. д. (Шкурко, 2000. С. 306–307). На это, в частности, обратила внимание Е. В. Переводчикова, подвергшая критике предложенную А. И. Шкурко концепцию двух школ («саккызско-келермесской» и «скифо-сакской») в создании изображений оленя (Переводчикова, 1980в. С. 114–116).

В свою очередь, Е. В. Переводчикова, наряду с выявлением специфики репертуара и изобразительных средств, отличающих звериный стиль Прикубанья[1], анализирует изображения зверей как знаки — элементы невербального религиозно-мифологического текста. Исследовательница рассматривает прикубанский вариант, равно как и всю совокупность произведений скифо-сибирского звериного стиля, в качестве структурно организованного текста (Переводчикова, 1980в. С. 10–12). С этой целью описание реализуется исключительно по тем четко акцентированным признакам, значения которых в научной литературе определяют принадлежность изображений к звериному стилю. На основании корреляции с конкретными видами и группами видов изображаемых животных признаки распределяются по трем уровням, в целом формирующим изобразительную систему скифского звериного стиля:

1) нейтральные (или инвариантные, отличающие звериный стиль как таковой);

2) значимые для определения трех основных групп животных в скифском искусстве (птицы, хищники, копытные);

3) видообразующие (в зоологическом понимании) (Переводчикова, 1994. С. 41).

В этом ракурсе Е. В. Переводчикова рассматривает изображения трех названных выше основных групп животных, а также синкретических существ (грифонов и др.), т. е. тех же четырех мегаобразов, которые описаны в работах А. И. Шкурко. Используя признаки 2-го и 3-го уровней в качестве классификационных критериев, исследовательница,

[1] Здесь и везде далее термин «Прикубанье» употребляется нами не в известном значении «правый берег Кубани» (соответственно его антипод — Закубанье), а в значении «бассейн Кубани» (аналогично терминам «Приднепровье» и «Подонье»).

не декларируя специально иерархическую систему, фактически осуществила классификацию массива изображений прикубанского варианта скифского звериного стиля. Ею было проведено разделение по двум уровням: были выявлены, во-первых, четыре упомянутых выше мегаобраза (в рамках мегаобраза копытных были также дифференцированы конкретные виды) и, во-вторых, различные сюжеты (только для мегаобразов хищников и копытных), определяемые позами, причем на этом же таксономическом уровне рассматривались и редуцированные изображения (Переводчикова, 1995. С. 99–103).

Стремясь проследить эволюцию скифо-сибирского звериного стиля, исследовательница дифференцирует архаический период VII–VI вв. до н. э. — эпоху складывания данной изобразительной системы на пространствах евразийских степей, в ходе которого художественные приемы, возникавшие в отдельных центрах кочевнических культур, распространялись вширь и становились стандартными, и период V–IV вв. до н. э., когда в уже устоявшуюся систему привносились новые элементы из внешних источников и происходило разделение звериного стиля на локальные варианты (Переводчикова, 1980в. С. 69).

Впоследствии Е. В. Переводчикова успешно применила разработанный ею подход к скифо-сибирскому звериному стилю в целом как к тексту с едиными параметрами (Переводчикова, 1994).

Вместе с тем в силу многообразия значений признаков, выявляемых Е. В. Переводчиковой, ряд этих значений при корреляции внутри образов остается неучтенным, что компенсируется исследованием модификаций системы во времени. Такой подход, очевидно, нацелен на решение качественно иных семантических задач, нежели в диссертации А. И. Шкурко, однако при нем тем более неизбежно игнорирование определенных признаков изображений.

Особое значение для систематизации изображений скифо-сибирского звериного стиля имели работы Я. А. Шера. В своем обобщающем труде о петроглифах Средней и Центральной Азии, опираясь на обширный материал, исследователь выделил две группы признаков зооморфных изображений: вариативные (отражают содержание образа и соответственно меняются от образа к образу) и инвариантные («стилистические элементы», связанные не столько с «планом содержания», сколько с «планом выражения»). На этой основе Я. А. Шер предложил математический алгоритм описания изображений, их типологизации (Шер, 1980. С. 25–33, 50–59). Хотя исследователь не декларирует иерархию признаков (оба вышеупомянутых таксона рассматриваются как равнозначные), эта методика, по сути, позволяет при классификации самих зооморфных изображений двигаться последовательно от разделения на образы на основании образно-видовых признаков (у Я. А. Шера — вариативных) к разделению внутри образов по сюжетам и, в рамках сюжетов, по стилистическим особенностям изображений на основании собственно стилистических признаков (у Я. А. Шера — инвариантных).

Аналогичный алгоритм классифицирования был предложен в моей кандидатской диссертации, посвященной звериному стилю степной Скифии (иначе говоря, северопричерноморскому локальному варианту восточноевропейского скифского звериного стиля) и развит в последующих исследованиях (Канторович, 1994; 2002; 2011; 2012а). В этих работах была обоснована иерархия классификационных уровней, исходя из искусствоведческих терминов «образ», «сюжет» и «мотив», соотносимых друг с другом как общее и частное. Понятие «образа» в этой иерархической цепочке является наиболее общим[1] и имеет два уровня в соответствии с природными коннотациями: надвидовой (копытные звери, хищные звери, птицы и синкретические животные — грифоны и др.)[2] и конкретно-видовой (или, как максимум, конкретно-родовой). Следующая ступень иерархии — понятие сюжета (в искусствоведении — конкретное художественное воплощение какого-либо события), в данном случае обозначающее характер действия или бездействия изображаемого персонажа, в первую очередь его позу. Понятие «мотив» было применено прежде всего для обозначения элементов логической оппозиции «полнофигурные — редуцированные изображения», хотя данный термин имеет в искусствоведении более широкое значение.

На основании этих принципов была осуществлена классификация и типология всех изображений звериного стиля в пределах степной Скифии, опубликованных к тому моменту (т. е. более четверти века назад) (Канторович, 1994).

Более подробно эти принципы были обоснованы в специальной методологической статье (Канторович, 2011. С. 34–37) и будут представлены в данной главе в параграфе 2.

---

[1] Образ понимается нами как специфически присущая искусству форма отражения действительности, раскрывающая общее через конкретное, воздействующая одновременно на мысль и на чувства (Краткий словарь, 1959. С. 106).

[2] Остальные крупные таксоны биологического царства животных либо находятся на тематической периферии скифо-сибирского звериного стиля и воплощаются крайне редко (как зайцы, рыбы и др.), либо никогда не изображаются.

Очень важную роль в разработке теории классифицирования скифо-сибирского звериного стиля сыграли труды Е. Ф. Корольковой (Чежиной), в которых исследовательница на основании искусствоведческой терминологии разработала понятийный аппарат для изучения скифо-сибирского звериного стиля (Королькова, 1996; Королькова, 2006. С. 145–168). Е. Ф. Королькова тщательно обосновала понятия стиля, художественного направления, иконографии, темы, образа, сюжета, мотива, канона и другие терминологические единицы, базовые для изучения скифо-сибирского искусства. Исследовательница поддержала наше мнение о необходимости четкого разграничения понятий «образ», «сюжет» и «мотив» и «разделения разных уровней понимания и возможности применения термина "образ"» (Королькова, 1996. С. 21). Вместе с тем Е. Ф. Королькова подвергла критике нашу позицию относительно значения термина «образ», указав, что понятие «образ хищника» слишком расплывчато, а в целом «образ представляется более сложным и многоплановым феноменом, несущим конкретное содержание» (Королькова, 1996. С. 21). Однако, применяя свои теоретические построения на практике, графически экспонируя и словесно характеризуя звериный стиль Нижнего Поволжья и Южного Приуралья скифской эпохи, исследовательница прибегла к той же иерархии описания, которая давно сложилась в литературе и была формализована и проведена в наших работах на материале степной Скифии: сначала разделила массив изображений звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья по образам, затем по позам, т. е., по сути, по сюжетам, после чего, не выявляя конкретные изобразительные типы, фактически обобщенно описала их на широком фоне аналогий из других регионов скифо-сибирского мира (Королькова, 2006. С. 36–83).

Ю. Б. Полидович в своей кандидатской диссертации, посвященной образу хищника в рамках всего скифо-сибирского звериного стиля, собрал обширный материал (1709 изображений из 18 регионов скифо-сибирского мира) и подверг его формально-типологическому и структурно-семиотическому анализу, для чего предварительно выработал собственные принципы систематизации изображений (Полідович, 2001). Так же, как ранее А. Р. Канторович, исследователь установил такую иерархию уровней классификации, в которой поза животного составляет более высокий таксономический уровень по сравнению с позицией головы. Вместе с тем разделение на группы было проведено Ю. Б. Полидовичем не только по критерию позы, но и по степени реализации образа (оппозиция «полнофигурное — редуцированное») и степени единичности изображения (оппозиция «единичное — входящее в многофигурную композицию»). В соответствии с этим исследователь выделил три группы изображений хищника: изображения единичных целых фигур хищников в разнообразных статичных позах (1-я группа), изображения отдельных частей тела хищника (2-я группа) и сюжетные изображения (3-я группа).

Поддерживая сам принцип классификационной иерархии Ю. Б. Полидовича, при котором поза животного воспринимается как более высокий таксон по сравнению с позицией его головы, нельзя согласиться с классификационным делением более чем по одному критерию при дифференцировании групп. Это является нарушением базового принципа классификаций, состоящего в том, что при одном и том же делении необходимо применять одно и то же основание (Розова, 1986. С. 42). Вероятно, целесообразно не группировать раздельно одиночные изображения хищников и их изображения в многофигурных композициях, как это делает Ю. Б. Полидович, а рассматривать их в рамках единой группы, мысленно обособляя изображения хищников во втором случае, ибо в сценах терзания, преследования, геральдических сценах хищники чаще изображались в тех же канонических позах, что и одиночные звери. То же относится и к другим образам скифо-сибирского звериного стиля.

Далее Ю. Б. Полидович разделяет группы на типы, а типы, в свою очередь, — на четыре варианта по позиции головы (опущена, поставлена прямо, повернута анфас, повернута назад). На наш взгляд, это вполне правомерное деление может быть упрощено до бинарной оппозиции: голова сонаправлена туловищу — голова так или иначе повернута относительно туловища (туловище в скифском зверином стиле почти всегда отображается в расчете на профильное восприятие).

В работе Е. С. Богданова, также посвященной образу хищника в скифо-сибирском мире, но в пределах Центральной Азии (макрорегиона, включающего, по Е. С. Богданову, территории Южной Сибири, Восточного Туркестана, Забайкалья, Северного Китая и Монголии), также присутствует определенная систематизация (Богданов, 2006. С. 35–45). Автор разделил массив изображений хищника на свернувшихся в кольцо, с одной стороны, и на идущих и припавших к земле, в том числе в сценах терзания и борьбы, с другой. Далее эти типы изображений анализируются применительно к тем или иным категориям украшаемых вещей. Кроме того, Е. С. Богданов специально рассматривает изображения обособленной головы хищника, разделяя их на два типа — скульптурные и плоскорельефные (последние разделяются на профильный и фасный варианты) (Богданов, 2006. С. 45). Тем самым реализуется еще одно классификацион-

ное деление — на полнофигурные и редуцированные изображения.

Итак, анализ накопленного опыта классификации и типологии изображений, относимых к скифо-сибирскому звериному стилю, приводит к заключению, что характеристика изображений звериного стиля как исторического источника требует их подробного описания с учетом всего многообразия присущих им признаков (насколько это возможно, поскольку их число в принципе бесконечно, как бесконечно познание), как это предусматривает классификация и типология других макрокатегорий археологических источников (вооружения, конского снаряжения, сосудов и т. д.). Однако в сравнении с этими макрокатегориями систематизация изображений из-за их бóльшей семантической и эстетической нагрузки должна учитывать значительно бóльшее количество признаков, что делает необходимым установление четкой иерархии этих признаков в соответствии с антитезой общего и частного.

§ 2. Принципы атрибуции, классификации, типологии и количественного учета изображений восточноевропейского скифского звериного стиля

Какие таксономические принципы могут быть надежной основой классификации произведений звериного стиля?

Очевидно, что для этого невозможно механически применить выработанную в биологической науке классификацию животных, основанную на таксономии Карла Линнея и исходящую из природных признаков тех прототипов, которые нашли воплощение в скифском зооморфизме. Во-первых, в искусстве скифо-сибирского звериного стиля отображаются не только реальные, но и фантастические существа, во-вторых, при изучении скифского искусства систематизируются и описываются не реальные природные особи, а произведения искусства, в которых их природные признаки могли существенно модифицироваться в соответствии с существовавшими тогда представлениями и «народными классификациями»[1]. Эти представления далеко не всегда были истинными, о чем говорит не только восприятие фантастических животных (грифона и др.), например, в древнегреческой письменной традиции как абсолютно реальных существ, хотя и живущих на периферии ойкумены, но и придание реальным образам совершенно чуждых им природных черт.

Ярким примером подобного восприятия, помимо широко распространенных зооморфных трансформаций, могут служить полнофигурные (т. е. семантически несомненные) изображения птиц, наделенных ушами, моделированными с большей или меньшей четкостью. Мы встречаем такие изображения в скифомеотском искусстве Прикубанья (птица, клюющая рыбу на золотой пластине из «Майкопского клада») (Greifenhagen, 1970. S. 57. Taf. 31, 4; Leskov, 2008. Cat. №149. P. 117–118), в тагарском искусстве (бронзовые скульптуры водоплавающих птиц из Минусинского музея) (Левашова, 1971. Илл. 406)) и особенно в пазырыкской культуре, в памятниках которой достаточно много скульптур птиц-грифов и орлов, в том числе со вставными ушами, как сохранившимися, так и утраченными, но реконструируемыми по соответствующим гнездам для крепления — фигуры из Туэктинских, Башадарских, Укокских курганов (Ак-Алаха, Кутургунтас) и др. (Руденко, 1960. Рис. 145, а, в, д, 146, н. Табл. XCVII, 1–3; Баркова, 1987. С. 6–9; Полосьмак, 2001. Рис. 49–50. С. 49–52, 84–85, 88–89, 104–105. Рис. 26–28, 60, 65, 82). Возможно, в качестве ушей древние мастера могли воспринимать реальные кожные складки в основании головы хищных птиц (в особенности черных грифов[2]), что в сочетании со стремлением художника непременно наделить изображаемое существо явными органами слуха могло стимулировать изображение ушей, не существующих у птиц в природе[3].

И всё же скифский звериный стиль как таковой не появился бы либо без предварительного наблюдения реальных животных в природе, либо без восприятия этой натуры, отраженной в изделиях переднеазиатских, древнегреческих, фракийских и других инокультурных мастеров, искусство которых отчасти выступало донором образов, сюжетов и мотивов для скифского зооморфизма). В подтверждение мысли об онтологичности природного элемента в формировании и развитии скифо-сибирского звериного стиля можно привести следующее мнение М. И. Стеблин-Каменского, основанное на раннесредневековом скандинавском материале, культурно и хронологически далеком, но семантически родственном скифскому: «...В любом мифе, каким бы фантастическим он ни был, все его

---

[1] Об опыте «народных классификаций» растений, животных, почв и т. д. см.: Розова, 1986. С. 178–180.

[2] Черный гриф, *Aegypius monachus*, обитает в предгорьях и горах Центральной Азии, Средней Азии, Кавказа, Крыма и Северной Африки. Он наделен хохолком из перьев и воротником — «на нижней части шеи ожерелье из длинных заостренных перьев» (Жизнь животных, 1970. С. 182).

[3] Ср. нижеследующее замечание Е. Ф. Корольковой: «наличие уха вообще в подобных изображениях свидетельствует о каком-то содержательном аспекте, заставлявшем внести эту деталь, отсутствующую у представителей фауны в природе, и отражает результат осмысления реальности, а не ее фиксации» (Королькова, 2006. С. 54).

отдельные элементы — это всегда образы той же действительности, в которой он возникал. Так, в эддических мифах эти элементы — земля, небо, море, реки, долины, горы, леса, деревья, растения, дикие и домашние животные, люди, их оружие, их жилье и т. д. Если в эддических мифах и встречаются существа, которых не могло быть в действительности, как, например, великаны или драконы, то ведь эти существа состоят из тех же частей, что и тела людей или животных, так что и в этом случае элементы мифа — образы той действительности, в которой миф возникал. Однако, хотя все отдельные элементы мифа... — это образы действительности, связи между этими элементами обусловлены внутренней действительностью человеческого сознания, а не действительностью, внешней по отношению к человеку» (Стеблин-Каменский, 1976. С. 41–42).

Н. Л. Членова исключительно емко и точно указала, что звериный стиль есть «изображение определенных животных определенным образом» (Tchlenova, 1962. P. 3). Соответственно, классификация должна учитывать «определенность» этих животных, т. е. признакам изображений, так или иначе указывающим на биологический вид (род, семейство) животного, должен соответствовать определенный таксон.

В основе предлагаемой классификации лежит иерархия признаков, предусматривающая предварительное диагностирование изображений как относящихся к скифо-сибирскому звериному стилю (во избежание привлечения изображений, тождественных в образном и сюжетном отношении, но относящихся по своим стилистическим особенностям к принципиально иным художественным направлениям), а затем последовательное распределение изображений по образным, далее по сюжетным и, наконец, по сюжетно-стилистическим (морфологическим) совокупностям, последние из которых образуют типы и варианты.

Критерием принадлежности конкретного полнофигурного зооморфного изображения к скифо-сибирскому звериному стилю как художественному направлению можно считать обязательное наличие трех общестилевых признаков:

1) специфические пропорции животного — преувеличенность определенных частей тела (в ущерб остальным): гипертофированность глаз, пасти, ноздрей, ушей, лопатки, бедра — во всех образных группах, рогов и копыт — у копытных, зубов и когтей — у хищников, клюва и крыльев — у птиц, всех вышеперечисленных деталей (при их наличии) — у синкретических животных;

2) акцентирование определенных анатомических деталей (глаз, рог, лопатка, плечо, бедро, копыто или лапа) посредством рельефа, линейного обрамления, намеренной геометризации и/или зооморфного превращения этой детали;

3) специфическая поза животного, соответствующая ограниченному набору поз, строго определенному для той или иной группы образов (Граков, 1947а. С. 77–78).

При этом для полнофигурного изображения необходимо наличие всех трех признаков, для намеренно редуцированного достаточно первых двух.

В соответствии с вышеуказанными требованиями в рамках общего массива зооморфных изображений, известных на территории скифской археологической культуры, нами были идентифицированы 2538 оригинальных изображений, имеющих признаки скифского звериного стиля. Это количество установлено без учета копий (например, оттисков бляшек, сделанных по одному штампу), поскольку их включение в общую статистику исказило бы реальную картину[1]; в качестве одной статистической единицы рассматривались и зеркальные изображения (например, на парных конских нащечниках).

При этом элементы зооморфных превращений также учитывались в данном массиве как единицы изображений, для чего был разработан определенный алгоритм[2]. Несколько «вторичных» изобра-

---

[1] По тому же принципу был осуществлен подсчет изображений прикубанского варианта звериного стиля в трудах Е. В. Переводчиковой (см., в частности: Переводчикова, 1995. С. 99–103), тогда как А. И. Шкурко в своем статистическом анализе массива изображений с территории Лесостепной Скифии учитывал каждый предмет (см., в частности: Шкурко, 1977; 2000. Табл.1).

[2] Под термином «зооморфное превращение» нами подразумевается определенный стилистический прием (и его результаты), предполагающий такое вписывание изображения дополнительного животного (т. е. элемента «превращения») в какую-либо часть тела основного изображаемого животного, при котором учитывается и используется контур и фактура этой анатомической детали или сочетания деталей, будь то отросток рогов, лопатка, бедро, нога или ее завершение, либо сочетание глаза и щеки, глаза и уха и т. д. В результате происходит трансформация части основного животного в дополнительное (при этом оба они могут быть даны как в полнофигурном отображении, так и pars pro toto), причем трансформируемая часть тела может быть скорректирована в соответствии с параметрами того изображения животного, в которое она превращена, так что иногда дополнительное животное оказывается конструктивным элементом основного. В некоторых случаях какая-либо часть дополнительного животного выступает за пределы контура основного. Тем не менее, и такие дополнительные изображения можно условно считать элементами «превращений», поскольку основная их часть соответствует этому принципу. Проблема истоков зооморфных превращений и причин широкой распространенности этого художественного приема в скифском зверином стиле

жений, принадлежащих к одному зооморфному мотиву, учитывались как один элемент «превращения», если являлись результатом трансформации одной и той же анатомической части оригинального «первичного» изображения (например, четыре птичьих головки, в которые превращены четыре отростка рогов оленя в одном из его оригинальных изображений, фиксировались как единый случай трансформации); напротив, «вторичные» изображения учитывались как несколько элементов, если с их помощью трансформировались несколько разных анатомических частей конкретного оригинального изображения — в соответствии с количеством этих анатомических частей. А в том случае, когда «первичное» изображение было трансформировано с помощью элементов «превращения», относящихся к разным зооморфным мотивам, учитывались все «вторичные» изображения в соответствии с количеством этих мотивов и с количеством трансформируемых анатомических деталей, если эти детали были различны. При этом само «первичное» изображение учитывалось лишь единожды и повторные обращения к нему для учета «вторичных» изображений исключались из итоговой суммы (см. подробнее о принципах и результатах классификации, типологии и о статистике зооморфных превращений на примере степной Скифии: Канторович, 2002б. С. 77–130).

В сжатом виде принципы классифицирования изображений восточноевропейского скифского звериного стиля и иерархия таксономических уровней представлены в табл. А.

Первое основание, или критерий классификационного деления составляют биологические признаки высоких надвидовых уровней, определяющие принадлежность наделенных ими изображений к образным группам, соответствующим надвидовым биологическим таксонам, — классам (млекопитающие, птицы) и отрядам (хищники, парнокопытные, непарнокопытные, хищные птицы, гусеобразные и др.). Для звериного стиля эта классификационная единица может именоваться таксоном *обобщенного* образа животного[1].

Таблица А. Таксономические уровни и критерии классифицирования изображений

1. КЛАСС ОБРАЗОВ / КОНКРЕТНЫЙ ОБРАЗ **критерий классифицирования** — *надвидовые и видовые биологические признаки*
2. СТЕПЕНЬ ВОПЛОЩЕНИЯ ОБРАЗА (полностью или pars pro toto)
3. СЮЖЕТ (для полнофигурных изображений и для протом) 3. 1. Сюжетные группы **критерий классифицирования** — *позиция ног (хищники, копытные, синкретические существа) или крыльев (птицы) относительно туловища* 3. 2. Сюжетные подгруппы **критерий классифицирования** — *соотношение позиции передних и задних ног* 3. 3. Сюжетные отделы **критерий классифицирования** — *позиция головы относительно туловища*
4. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ (и, при необходимости, — варианты) **критерии классифицирования** — *остальные композиционные и видовые особенности, пропорции и морфологические особенности анатомических деталей*

Данный таксономический уровень, по сути, учитывался большинством исследователей скифского зооморфного искусства звериного стиля с самого начала его изучения. Общим местом в научной литературе стал вывод о том, что в скифо-сибирском искусстве звериного стиля прослеживаются тенденции обобщенного изображения животных, что позволяет говорить о наличии «образа копытного», «образа хищника», «образа птицы», «образа фантастического животного» (см., например: Смирнов, 1964. С. 216–246; Переводчикова, 1994. С. 42–54; Шкурко, 2000. С. 305). Каждая из этих групп животных является элементом зоологического кода и маркирует определенный уровень мироздания (Раевский, 1985. С. 111). Поэтому существуют совершенно определенные признаки изображений, совпадающие с зоологическими, и призванные дать представление о принадлежности данного персонажа той или иной группе. Эти признаки, как доказано Е. В. Переводчиковой, сохраняются при любой стилизации, даже если более конкретные признаки зоологической принадлежности персонажей отсутствуют (Переводчикова, 1980в. С. 67–69; Переводчикова, 1986. С. 8; Переводчикова, 1994. С. 37–41). Справедливо указывая, что «группировка животных в большие классификационные единицы могла быть порою важнее, нежели воспроизведение конкретного вида животного во всех подробностях» (Переводчикова, 1994. С. 41), Е. В. Переводчикова,

---

рассматривается нами в специальной статье (Канторович, 2002а); другое исследование посвящено подробной характеристике этого явления в пределах степной Скифии (Канторович, 2002б). Поэтому в данной работе мы будем рассматривать этот прием не как феномен, а в контексте общей систематизации изображений восточноевропейского скифского звериного стиля.

[1] Образ — специфически присущая искусству форма отражения действительности, раскрывающая общее через конкретное, воздействующая одновременно на мысль и на чувства (Краткий словарь, 1959. С. 106).

по сути, подразумевает наличие в обществе создателей скифо-сибирского звериного стиля своей собственной, «народной» классификации, не совпадающей с объективной биологической.

Таксон обобщенного образа разделяется на таксоны конкретных образов животных. Критерий классификационного деления составляют биологические признаки видовых и низших надвидовых (семейство, род) уровней. Так, среди копытных дифференцируются олени, лоси, горные козлы, горные бараны, кабаны, лошади и др.; среди хищников — представители семейства кошачьих (львы, тигры, снежные барсы), семейства собачьих (волки, собаки), семейства медвежьих; среди птиц — орлы, грифы, утки и др. Возможна спецификация и группы образов синкретических животных — выделяются грифоны, бараноптицы (грифобараны), рогатые львы, крылатые львы, гиппокампы и др. — но дифференцирование таксона синкретических животных должно производиться, с одной стороны, с учетом нормальных биологических признаков (которые присущи и этим изображениям, но в фантастическом сочетании), с другой — исходя из соответствующей письменной традиции (например, данные древних источников об образе грифона)[1].

Если признаки, связываемые преимущественно с таксоном образной группы, имеют большую семантическую нагрузку, и оттого их количество крайне ограничено, то признаки изображений, отмечающие непосредственно видовые качества животного, очевидно, более многообразны и менее обусловлены мифологической основой искусства звериного стиля, а в большей мере несут нагрузку видовой идентификации. Однако и образ животного в узком смысле слова в скифском искусстве может быть связан с совершенно определенным и неповторимым идеологическим «заказом» — см., например, образ кабана как медиатора между средним и нижним мирами (Переводчикова, 1994. С. 46–48) или образ бараноптицы как воплощение божественной благодати Хварно/Фарна (Канторович, 2007а. С. 238–240).

Таксон образа в соответствии со степенью воспроизведения последнего — полностью или pars pro toto — разделяется на таксон полнофигурных и таксон редуцированных изображений. Учитывая особую популярность в скифском зверином стиле редуцированных изображений — как первичных, так и вторичных (элементы зооморфных превращений, в первую очередь голова птицы), данное дифференцирование представляется необходимым.

Следующий уровень классифицирования полнофигурных воспроизведений конкретного образа — сюжетный[2] — предполагает их дифференцирование по позам, каковые определяются взаиморасположением трех основных компонентов всякой фигуры: ног, туловища и головы (это относится к изображениям млекопитающих и синкретических существ в скифском зверином стиле, тогда как для определения позы птиц важнее учет позиции крыльев относительно туловища).

Как мы видели, предшествующий опыт систематизации изображений звериного стиля степной Скифии (работы А. Р. Канторовича) и образа хищника на всем пространстве скифо-сибирского мира (работы Ю. Б. Полидовича) говорит в пользу иерархического принципа, оптимального для систематизации всех полнофигурных изображений в скифском зверином стиле, к какому бы образу они ни относились, и предполагающего сначала дифференцирование по положению ног (у зверей) или крыльев (у птиц) относительно туловища, и лишь затем, внутри образовавшихся таксонов — разделение по позиции головы относительно туловища.

Итак, вариация позиции ног (у птиц — крыльев) относительно туловища — критерий, который позволяет дифференцировать сюжетные группы. При необходимости в рамках таксона сюжетной группы могут быть выделены сюжетные подгруппы, критерием распределения изображений по которым является вариация взаиморасположения передних и задних ног.

Предлагаемый подход к пониманию сюжета основан на представлении о том, что в скифском зверином стиле в конечном счете отражаются какие-то реальные действия (в том числе способ бездействия) изображаемых животных, и потому правомерно искать в любом полнофигурном изображении, даже самом схематизированном, связь с этим действием. Не мешает этому и осознание того факта, что стиль имеет религиозно-мифологическую семантическую базу, поскольку в основе мифологических позиций изображаемых животных в силу реальности их основных прототипов неизбежно заложены наблюдения мастера над природой (непосредственные или опосредованные заимствованием) и фиксация

---

[1] Говоря о фантастичности образов, составляющих четвертую из вышеназванных основных тематических групп, надо помнить, что и образы, относящиеся к первым трем группам, также не являются непосредственным воплощением конкретных природных прототипов в образах искусства, а скорее представляют собой вариации на соответствующие темы. Например, рогатые копытные могут изображаться с рогами, завершающимися птичьими или грифоньими головками; у хищников в виде тех же птичьих голов могут оформляться лапы, у птиц — когти, у всех зверей (т. е. у отряда млекопитающих) — лопатка или хвост, у зверей и птиц — основание головы и т. д.

[2] Сюжет — конкретное художественное воплощение явления, события (Краткий словарь, 1959. С. 161).

определенных поз или элементов поз, которые присущи животным в натуре. Наиболее характерным примером в этом отношении является сюжет свернувшегося в кольцо хищника. Принимая мнение Д. С. Раевского об изначальной первичности этого сюжета как символа периферийной зоны горизонтальной подсистемы космической модели, а не как результат композиционного «сгибания или разгибания» реально стоящего хищника (Раевский, 1985. С. 116–119; здесь же см. литературу по этому вопросу), все равно возможно осуществить предлагаемый типологический подход, поскольку, строя подобную композицию, мастер, видимо, не мог не учитывать естественные законы размещения частей тела животного и тем самым в определенной мере опять же воспроизводил какую-то реальную позу.

По существу, понятие сюжета как действия, совершаемого животным, в рамках предлагаемой таксономии, предусматривающей классифицирование изображений каждого животного в отдельности, сводится прежде всего к оценке его позы. Даже при наличии композиции из нескольких животных — сцены терзания, сцены преследования, геральдического сочетания и др. — каждое изображение рассматривается обособленно в рамках соответствующего таксона наравне с одиночными изображениями. Сюжетный смысл, характерный для тех же сцен терзания, в этом случае учитывается в последнюю очередь. Принцип такой классификации основан на общепризнанном выводе о том, что скифо-сибирскому звериному стилю была имманентно присуща замкнутость образа отдельного животного в себе, его закрытый, изолированный характер, а сложные сюжетные многофигурные сцены были первоначально чужды этому искусству (Артамонов, 1968б, С. 45; Федоров-Давыдов, 1976. С. 17–20; Переводчикова, 1994. С. 54–55)[1]. Как указывал Г. А. Федоров-Давыдов, «в искусстве скифо-сибирского анимализма VI–IV вв. до н. э. можно было “вырезать” каждого зверя или каждую группу борющихся зверей и рассматривать их отдельно» (Федоров-Давыдов, 1976. С. 65)[2].

В то же время само понятие «позы животного» (в особенности, если это не птица, а зверь) достаточно сложно и может быть представлено иерархично. Видимо, определяющую роль в том, какова поза зверя, играет положение его ног, с которым, как правило, сопрягается расположение туловища. Это, как правило, хорошо осознавалось исследователями — см., например, типологию Н. Л. Членовой, разделившей весь массив полнофигурных изображений оленей в скифо-сибирском зверином стиле на группу оленей с подогнутыми ногами и группу стоящих оленей (Членова, 1962. С. 167).

Как менее важный признак, позу определяет и расположение головы животного. Позиция головы относительно туловища — критерий, позволяющий дифференцировать в рамках каждой сюжетной группы или подгруппы сюжетные отделы. Следует учитывать при этом, что скифское анималистическое искусство, будучи декоративно-прикладным, как правило, предполагает отображение животного в профильном ракурсе (даже при скульптурном исполнении). Можно выделить два сюжетных отдела, универсальных для всех полнофигурных изображений животных в скифском зверином стиле. К I отделу следует относить изображения животных с головой, однонаправленной с туловищем (голова показана либо прямо и горизонтально, либо поднята, либо опущена), ко II отделу — с повернутой головой (либо назад, либо вполоборота, либо анфас и т. д.).

Все остальные элементы композиции изображений (например, положение хвоста или уха относительно всей фигуры), как правило, позу не определяют и могут учитываться на более низком таксономическом уровне.

Таксон сюжетного отдела разделяется на таксоны сюжетно-стилистических[3], **или морфологических, тинов** и, при необходимости, вариантов. Критерием дифференцирования типов должна быть совокупность особенностей моделирования изображения, трактовки анатомических деталей и декорирования изображений. Каждому типу свойственен целый ряд соответствующих особенностей, среди которых невозможно выявить доминирующий признак, по которому можно было бы именовать типы. Поэтому типы целесообразно обозначать по названиям археологических

---

[1] Здесь мы не имеем в виду многофигурные композиции из сюжетно не связанных между собой животных и их частей, которые имели значительное распространение в скифо-сибирском зверином стиле, особенно в рамках пазырыкского и уюкского локальных вариантов. Но и при классифицировании изображений, составляющих эти композиции, они легко изымаются из контекста и распределяются по соответствующим таксонам и классам, а сами композиции могут и должны классифицироваться как единое целое по иным критериям (см., например: Тришина, 2003; Тришина, 2004; Рукавишникова, 2006).

[2] Это уже практиковалось ранее при исследовании скифо-сибирского искусства (ср. например: Руденко, 1960. Рис. 140, 148, 154).

[3] Термин «стилистический» употребляется в данном словосочетании в узком смысле и подразумевает воплощение преимущественно формальной стороны изображения животного, в противовес семантике его образа и сюжета, т. е. содержанию художественного произведения. В этом отличие смысла употребляемого термина от понятия «стиль» в широком смысле слова, как единства формы и содержания; именно в таком качестве это понятие традиционно используется в словосочетании «звериный стиль».

памятников, давших эталонные изображения либо определяющих пространственные или хронологические границы конкретного типа, — ср. практикуемый принцип обозначения типов уздечных элементов предскифской эпохи (Вальчак, 2009).

Каждый тип был описан по единому алгоритму; были выявлены общие и особенные черты изображений, формирующих каждый конкретный тип; на этой основе было, по возможности, намечено направление морфологической динамики — изначально в рамках типа и, далее, на межтиповом уровне в рамках сюжета и образа.

Говорить о сюжетности, о реконструкции какого-либо действия персонажа в применении к преднамеренно редуцированным изображениям, как правило, затруднительно или невозможно, поэтому разделение на типы здесь должно проводиться непосредственно с таксономического уровня образа, точнее, с уровня степени воспроизведения образа. Однако и здесь возможны попытки реконструкции определенных действий в случае наличия неких намеков на таковые. Так, В. А. Ильинская трактует положение ушей, прижатых к шее животного, в сочетании с вытянутостью последней (признаки, присущие изображению конской головы на псалиях из Посулья) как выражение стремительного бега животного (Ильинская, 1965б. С. 89. Рис. 1). Нами была проделана работа по сюжетной группировке изображений обособленных конечностей хищников, в результате чего удалось до распределения по типам на более высоких таксономических уровнях выявить сюжетные группы и подгруппы (Канторович, 2008; 2012а).

Последующий синтез данных, полученных в результате классифицирования, с учетом объективных хронологических показателей, позволяет воссоздать эволюцию типов в рамках сюжетов и сюжетов в рамках образов. Это дает возможность уточнить относительную хронологию, а при наличии объективных хроноиндикаторов для определенных изображений в рамках типов — и абсолютную хронологию.

Предлагаемая таксономия изображений скифского звериного стиля не исчерпывает задач характеристики данного культурно-исторического феномена. Для его более полного изучения и понимания может осуществляться специальное классифицирование элементов «зооморфных превращений», которые предварительно уже в качестве отдельно взятых изображений должны быть учтены в классификационной схеме изображений скифского звериного стиля[1].

После дифференцирования типов осуществляется описание выявленных типов, типология. В основе используемого подхода лежит отношение к процессу классифицирования как к наилучшему способу описания, а к его результату — собственно классификационной системе — как к «свернутому описанию» (Щапова, 1994. С. 82), логическим финалом которого является демонстрация индивидуальных признаков конкретного объекта (Никитина, 1994. С. 93). В нашем случае классифицирование сочетается с морфологической типологией изображений. Предлагаемое комбинирование этих подходов обусловлено таким отношением к классификации, которое предусматривает одновременное применение в ее процессе как дедуктивного, так и индуктивного пути (см. Якушкин, 1973. С. 269). Дедуктивный путь служит для образования высших таксономических сообществ (в нашем случае — обобщенных образных и конкретных образных групп и сюжетных отделов и подотделов, см. ниже), индуктивный — для образования низших сообществ (в нашем случае — сюжетно-стилистических типов и вариантов в рамках конкретных образов, см. ниже). И, наоборот, типология трактуется как метод научного познания, который может «либо непосредственно основываться на понятии типа как основной логической единице расчленения изучаемой реальности, либо использовать иные логические формы. Это, во-первых, классификация...» (Огурцов, Юдин, 1976. С. 564).

Таким образом, автор не разделяет известный гиперкритический подход к классификации, при котором она признается исключительно дедуктивным процессом, а типология — исключительно индуктивным, что неизбежно приводит к выводу об их взаимоисключающем характере и, в конечном счете, к пессимистическому заключению об искусственности и неэффективности всякой классификации и всякого классифицирования в археологии (Никитина, 1994. С. 93–94).

Г. А. Федоров-Давыдов, базируясь на археологическом материале, выступал за комбинирование классификации и типологии и отмечал: «Проверкой классификации является то, в какой мере классификация выявляет закономерности, заложенные в исследуемой массе объектов. На этой стадии классификация переходит в типологию» (Федоров-Давыдов, 1987. С. 190). Сходное мнение высказали во время известной ленинградской методологической дискуссии 1974 г. Г. Л. Тульчинский и В. А. Светлов: «Основная роль теоретического знания при выборе основания классификации заключается... в как можно более полном исключении с определенных теоретических позиций всех потенциально ложных альтернативных классификаций. Функции же эмпирического знания заключаются в достаточ-

[1] См. опыт нашей классификации и типологии субъектов и объектов зооморфных превращений в рамках одного из локальных субвариантов скифо-сибирского звериного стиля — звериного стиля степной Скифии (Канторович, 2002б).

ном подтверждении тех классификаций, которые допускаются в качестве истинных в основном теоретическом знании. Если выполняются оба эти условия, то мы получаем информативную и устойчивую классификацию» (Тульчинский, Светлов, 1979. С. 27–28).

Более подробно данную позицию обосновал Г. Л. Тульчинский: «Классификация, типизация, систематизация и т. д. являются прежде всего концептуальными операциями, т. е. являются анализом понятий»[1], «точнее — содержания понятий, поскольку именно в содержании отражаются свойства исследуемых объектов, образующих объем понятий... Различия между ними состоят не в специфике оперирования свойствами и признаками, так как основу их составляют одни и те же познавательные операции — отождествления и различения этих свойств. Скорее различия выражаются в стратегии этих отождествлений и различений, направленности и целях анализов. Так, классификация — это раздельное и последовательное рассмотрение признаков, образующих классы. Типизация же — целостное, "холистическое" рассмотрение признаков как гармонического целого, образующего сущность вещи. Результатом такого рассмотрения и является выработка типа, т. е. образца, парадигмы. Систематизация с этой точки зрения будет построением иерархической структуры признаков, взаимозависимых и взаимообусловленных функциональными связями в этой структуре.

Классификация... нейтральна к сущности вещей, к набору атрибутивных свойств, органическое свойство которых и характеризует сущность предмета... При типизации же требуется выработать представление об органическом единстве набора существенных признаков, т. е. признаков, определяющих сущность предмета анализа. Систематизация будет давать уже иерархию сущностей, причем не только рассматривать их внутреннюю структуру, но и включать их в систему большей степени общности» (Тульчинский, 1979. С. 168–169).

§ 3. Алгоритм типологии и принципы хронологии конкретных типов

Конкретная типология изображений в нашей работе осуществляется по следующему алгоритму. Первоначально характеризуется пространственное размещение и определяются категории вещей, оформляемых или украшаемых изображениями конкретного типа. Затем следует описание модели данного типа, сочетающей основные морфологические признаки, общие для всех изображений. При реконструкции модели типа сначала характеризуются признаки, содержащие информацию о единой образно-видовой (а в случаях полового диморфизма природных прототипов и о половой или возрастной) принадлежности изображений данного конкретного типа; при этом уровень биологической атрибуции в идеале соответствует уровню вида в биологической классификации, но может в случае обобщенных или пограничных изображений соответствовать более общим таксономическим уровням (род, подсемейство, семейство). Затем описывается общая композиция в рамках уже известного композиционного сюжета. Затем характеризуются общие для всех изображений этого типа признаки трактовки анатомических деталей и, наконец, композиционно-стилистические признаки отдельных изображений, выходящие за рамки стандартов данной модели. На основании такого внутритипового морфологического сравнения по возможности определяется морфологическая динамика в рамках этого типа.

В заключение характеристики конкретного типа приводятся его ближайшие аналогии (при их наличии) — как в рамках самого восточноевропейского скифского звериного стиля (композиционные и стилистические аналогии из других образов, сюжетов и мотивов), так и из-за его пределов (в случае, если эти аналогичные изображения того же образа и сюжета настолько близки, что могут быть отнесены к тому же типу изображений или если приводимая аналогия является объективным хроноиндикатором для данного типа). Далее для каждого типа определяются его хронологические границы, исходя из датирования изображений, происходящих из комплексов, объективно датируемых (прежде всего на основании античных и передневосточных импортов, во вторую очередь — по типам вооружения и конского снаряжения) или же изображений, имеющих надежно датируемые аналогии, с последующим датированием остальных изображений этого типа на основании их сходства с изображениями, составляющими «хронологическое ядро» типа и с учетом выявленной внутритиповой морфологической динамики.

Каждый тип перед его типологией обозначается кодом (см. также таблицы Приложения 2), содержащим информацию о группе и отделе, к которому этот тип относится (таксоны группы и отдела — универсальные для полнофигурных изображений — обозначаются римскими цифрами), а также (при наличии таковых) — о подгруппе, классе и подотоделе (таксоны подгруппы, класса и подотдела обозначаются арабскими цифрами и кириллическими буквами) и, наконец, о порядковом номере типа в рамках его таксона (номер типа

---

[1] Скорее под анализом понятий следует подразумевать лишь классификацию, тогда как типология или типизация — это анализ и синтез конкретных объектов (ср. Розова, 1986. С. 12–13).

дается арабской цифрой). Данный код типа дополняется его словесным обозначением по названиям изображений, наиболее характерных для данного типа или рубежных в хронологическом или пространственном отношении. Для редуцированных изображений приводится лишь порядковый номер типа в рамках соответствующих таксонов — голов, протом, конечностей и т. д., однако при возникающей возможности сюжетного классифицирования каких-либо редуцированных изображений, также перед номером типа указывается номер группы или отдела. Вслед за наименованием изобразительного типа сразу же для сведения читателя указываются его хронологические рамки, определяемые в итоге нижеследующей типологии.

* * *

Информация о происхождении каждого из оригинальных изображений, составляющих источниковую базу данной работы, содержится в Приложении 3 — в табличном текстовом Каталоге изображений, организованном в соответствии с классификацией и типологией. Для каждого типа введена самостоятельная нумерация относящихся к нему оригинальных изображений (арабскими цифрами), при этом порядковые номера изображений, перечисляемые в рамках характеристики конкретного типа в основном тексте, соответствуют порядковым номерам Каталога[1]. Все эти оригинальные изображения воспроизведены в Приложении 1 на фотографических и рисуночных (далее: графических) таблицах, содержащих репродукции изображений, сгруппированные по морфологическим типам. Численно-буквенный код и эпонимное название морфологического типа в основном тексте и в Каталоге (Приложение 3) соответствует коду и названию морфологического типа на графической таблице Приложения 1, а внутритиповой порядковый номер конкретного оригинального изображения в основном тексте и в Каталоге соответствует внутритиповому порядковому номеру его репродукции на графической таблице. Задача графических таблиц — воспроизведение и сравнительная характеристика именно изображений, а не вещей, ими оформляемых, поэтому в каждой таблице изображения даны в сходном размере без соблюдения и указания масштаба, что практикуется во многих работах по звериному стилю (ср. Королькова, 2006. С. 235. Прим. 1, табл. 1–56, 60–66), поскольку все эти изделия, как правило, ранее уже были опубликованы с масштабом.

В том случае, если для лучшей экспозиции одного и того же изображения в таблицах Приложения 1 приводится и фото, и рисунок, к порядковому номеру добавляются строчные индексы «а» (для фото) и «б» — для рисунка. В отдельных случаях, при необходимости экспонирования очень близких инокультурных аналогий, которые не могут быть непосредственно включены в состав конкретного типа, таковые аналогии воспроизведены в рамках графической таблицы этого типа и обозначены прописными кириллическими буквами (А, Б, В...), а соответствующие ссылки на них даются в каталоге вслед за перечнем изображений данного типа.

В Каталоге даны ссылки на основные публикации изучаемых изображений, которые послужили источником репродукций (рисунков и фотографий), приводимых в графических таблицах Приложения 1. Особо оговорены те случаи, когда на основании визуального изучения конкретного предмета в музейном хранении автором настоящей работы были внесены поправки в репродукцию ранее опубликованного рисунка и были сделаны специальное фото или рисунок, которые и приводятся в графических таблицах. В этих случаях в Каталоге указывается соответствующее музейное хранение, причем для краткости музейный шифр изделия приводится исключительно в тех случаях, когда изображение ранее не публиковалось или когда наше знакомство с вещью позволило существенно уточнить или скорректировать информацию, содержащуюся в предшествующих публикациях.

---

[1] При воспроизведении зеркальных или тождественных изображений из одного и того же комплекса, в соответствии с принятыми статистическими принципами, они обозначаются одним и тем же номером, а в случае незначительных различий — одним и тем же номером с дополнительным индексом (1–1, 1–2, 1–3, ...).

Глава II

Образ хищника: классификация, типология и хронология изображений

§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений

К мегаобразу хищника относятся изображения, наделенные вышеуказанными признаками скифского звериного стиля и природными признаками отряда хищные (*Carnivora*), семейств кошачьи (*Felidae*), волчьи или псовые (*Canidae*) и медвежьи (*Ursidae*), т. е. прежде всего наличием: лап (т. е. стоп) хищника, круглой или подквадратной головы кошачьего хищника с короткой мордой (как правило, с отображением зубов) с коротким, относительно широким (овальным или овально-треугольным) ухом, либо более длинной широколобой головы волка (род *Canis*) или медведя (род *Ursus*) с зауженной мордой (как правило, с отображением зубов), с длинным, относительно узким подтреугольным ухом у волка и более коротким овальным у медведя — при непременном отсутствии копыт, клюва и крыльев, т. е. признаков других мегаобразов.

Известна сложность изначального семейственного и родо-видового дифференцирования хищников в изображениях скифского звериного стиля, обусловленная частым стремлением мастера отобразить некоего «хищника вообще», идею хищника, по мнению Е. В. Переводчиковой, основанному на изучении изображений из различных регионов скифо-сибирского мира (Переводчикова, 1986[1]). Это заставляет нас, в противовес классификации мегаобраза копытного, изначально классифицировать изображения хищников в едином массиве, невзирая на их семейственно-родовую атрибуцию, прибегая к попыткам соответствующей идентификации уже на уровне дифференцирования типов.

Тема хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется как в полнофигурном, так и в редуцированном отображении (протома, голова, конечности).

§ 2. Полнофигурные изображения хищников

2.1. Таксопомические уровпи классификации

Основу классифицирования полнофигурных изображений хищника составляют три универсальных таксономических уровня.

1. ***По позиции ног относительно оси туловища*** полнофигурные изображения хищника разделяются на ***три сюжетных группы***:

группа I — нижние части ног (по крайней мере, одна передняя и одна задняя) параллельны оси туловища как минимум ниже локтевого сгиба (передняя нога) и сустава заплюсны и пяточной кости (задняя нога): **лежащие, летящие в прыжке и т. п.**;

группа II — нижние части ног под углом или перпендикулярны туловищу: **стоящие, идущие, присевшие**;

группа III — комбинация позиций ног, характерных для первых двух групп: **полулежащие/полустоящие** (это, как правило, хищники с низко опущенной грудной частью, опирающейся на передние ноги, направленные вперед; задняя часть туловища приподнята, показаны обе задние ноги в шаге).

2. ***По позиции головы относительно туловища*** каждая сюжетная группа разделяется на ***два сюжетных отдела***:

отдел I — изображения животных с головой, сонаправленной туловищу (голова показана либо прямо и горизонтально, либо поднята, либо опущена);

отдел II — изображения животных с повернутой головой (либо назад, либо вполоборота, либо анфас и т. д.).

3. ***По менее значимым композиционным показателям, а также с учетом образно-стилистических признаков*** каждый сюжетный отдел разделяется на изобразительные типы.

Вместе с тем в силу большого композиционного разнообразия трактовок хищников определенные таксоны сюжетных **групп** (*до разделения по сюжетным*

---

[1] См., например: «Изначально различие между хищниками разных семейств могло быть несущественным и не отражалось особыми признаками в произведениях искусства. Хищники вообще достаточно четко отличались от других животных» (С. 8–11).

отделам) дифференцируются дополнительно по индивидуальным классификационным уровням.

В частности, в рамках I группы изображения хищника дополнительно дифференцируются ***по взаимоположению передних и задних ног*** на 4 сюжетные ***подгруппы***:

подгруппа I-1 — передняя и задняя ноги направлены вперед;

подгруппа I-2 — передняя нога направлена назад, задняя вперед;

подгруппа I-3 — передняя нога направлена вперед, задняя назад;

подгруппа I-4 — передняя и задняя ноги направлены назад.

В рамках II и III групп такое деление на данный момент нецелесообразно из-за малой вариативности взаимоположения ног.

Далее, ***по взаимоположению передней и задней части туловища*** изображения I сюжетной группы (по соответствующим подгруппам) и II сюжетной группы (непосредственно) разделяются на ***два сюжетных класса***:

класс **А** — передняя и задняя части туловища даны в едином ракурсе;

класс **Б** — задняя часть туловища вывернута относительно передней на 180 градусов.

В рамках III группы такое деление на данный момент нецелесообразно, так как все известные изображения данной группы соответствуют классу А.

Далее, ***по степени изогнутости туловища*** изображения класса **А** дополнительно разделяются на два сюжетных ***подкласса***:

подкласс **а** — туловище прямое или слабоизогнутое;

подкласс **б** — туловище согнуто в кольцо или полукольцо (свернувшиеся хищники[1]).

Такое деление на данный момент актуально только для изображений I группы, так как все изображения II и III групп соответствуют подклассу **а**.

2.2. Типология и хронология полнофигурных изображений хищников

Группа I – подгруппа 1 – класс А – подкласс а – отдел I

Тип I-1-А-а-I-1 Краснознаменско-новозаведенский, вторая пол. VII — начало V в. до н. э.

К данному типу относятся 14 изображений, происходящих с территории Ставрополья и Центрального Предкавказья (1, 2, 4–6, 12), Прикубанья (8), Нижнего Подонья (13) и Среднего Поднепровья (3, 7, 9–11, 14). Это фигуры, оформляющие самые разнообразные предметы: бронзовые уздечные бляхи (1, 11), навершие из рога (2), выступ каменного ритуального блюда (3), выступ ритуального блюда из лосиного рога (4–6), навершие рукояти костяной ложечки (7), золотую нашивную бляшку (8) и золотые аппликации горита (9, 10, 14), бронзовую рукоять зеркала (12), а также изображенную на каменной статуе накладку на горит воина (13)[2].

Модель типа. Изображен относительно коротконоголовый и широкомордый короткоухий (т. е. кошачий) хищник с массивной головой, с мощными лапами (пантера? леопард? львица?). Моделирован в одностороннем высоком рельефе (1, 4–11, 13, 14) или объемно, но в расчете преимущественно на боковой обзор (2, 3, 12). Фигура строго профильная (при односторонне-рельефном исполнении) или сложенная из двух строгих профилей (при объемном исполнении). Хищник показан с вертикально опущенной головой, как бы упирающейся в землю, с подковообразным ртом, с ухом, глазом и ноздрей на одной линии (причем глаз округлый концентрический, а ухо короткое, направленное вверх или наискось вперед), с горизонтально ориентированным туловищем и горизонтальными предплечьем и пальцами передней ноги, в идеале вытянутыми в одну линию со стопой и пальцами задней ноги.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Изобразительная динамика в рамках данного типа предполагает движение от более рельефных и геометричных фигур (1–3) к более сглаженным,

---

[1] Еще А. И. Шкурко обосновывал правомерность рассмотрения свернувшихся хищников в едином массиве вместе с лежащими, указав, что «любую из келермесских свернувшихся пантер можно "разогнуть" и получить обычное изображение припавшего к земле хищника» (Шкурко, 1969. С. 34; см. также: Членова, 1967. С. 127; Королькова, 2006. С. 73).

[2] Возможно, к данному типу следует отнести также изображение хищника (скорее, это голова с рудиментами лап), оформляющее нижний конец посоховидного костяного «навершия» из могильника Донской (курган 1, погр. 24) на Нижнем Дону (Ильюков, Лукьяшко, 1994. С. 57–67. Рис. 20: 4); противоположная сторона навершия выполнена в виде головы барана, отнесенной нами к типу 1 Келермесско-новозаведенскому в рамках соответствующего образа (см. ниже). Однако в силу неясности и фрагментированности изображение хищника из Донского нами здесь не учитывается.

Кроме того, несколько изображений реалий, украшенных в зверином стиле, присутствуют на некоторых других скифских каменных изваяниях, помимо манычского. Это налучье в виде птичьей головки и обкладка ритона в виде птичьей головки на статуе из Терновки (г. Николаев), налучье в виде птичьей головки на статуе из Киевского музея, налучье в виде птичьей головки на статуе из Ольховчика (г. Шахтерск Донецкой обл.), крупные бляхи одежды в виде голов ушастых птиц и оленя из Краснодарского музея (Преградная?) (Ольховский, Евдокимов, 1994. Кат. 11, 73, 81, 119). Однако в силу относительной неясности данных изображений они не включены в нашу сводку.

порой с более детальной зооморфной трансформацией анатомических частей тела (9, 10) или с проработкой пальцев лап (11, 12, 14). При этом хабазское изображение (12) представляется периферийной репликой с изображений данного типа, прежде всего таких, как манычское (13) (пропорции, композиция) и журовское (проработка пальцев, лопатки) (11). При этом само хабазское зеркало — подражание зеркалам «ольвийского типа», на рукоятях которых хищники показаны в позе Келермесской пантеры, т. е. стоящими или чуть присевшими перед прыжком (см. ниже, тип II-A-I-2 Роменско-ольвийский), но хабазский хищник почти лежит (ср. Скуднова, 1962. С. 12–13), что и позволило нам отнести его к группе лежащих хищников и к описываемому типу. В хабазском изображении нельзя не видеть и влияния элементов «савроматского» искусства, проявившихся в трактовке пальцев, преувеличенных (равновелики остальной нижней части конечностей) и как бы скребущих землю (ср.: Виноградов, 1972. С. 159–160).

Композиционными параллелями изображениям рассматриваемого типа могут служить фигурки припавшего к земле кошачьего хищника на рукояти Келермесской секиры, выполненные в пограничной передневосточно-скифской манере.

Хропология. Из объективно датируемых изображений (см. Список опорных хроноиндикаторов) основными маркерами нижней границы существования типа могут быть признаны краснознаменское изображение (1), относящееся к рубежу третьей — четвертой четв. VII в. до н. э., и новозаведенские (2, 4–6), совокупно датируемые в рамках второй пол. VII — начала VI в. до н. э. Следующими по времени из объективно датируемых являются манычское изображение (13) конца VII — третьей четв. VI в. до н. э. и ульское (8) второй пол. VI в. до н. э. (Эрлих, 2010. С. 117–118, 125). Изображение из могильника Скоробора (14) соотнесено И. Б. Шрамко и С. Н. Задниковым с горизонтом D-1 связанного с этим могильником Бельского городища и датируется третьей — четвертой четв. VI в. до н. э. (Shramko, 2021. P. 195). Верхняя граница существования типа может определяться объективно датируемым журовским изображением (11), компромиссная дата которого может быть определена как конец VI — начало V в. до н. э.

Среди изображений, не имеющих объективной датировки, фигура из Шполы (3) по таким признакам, как техника моделировки, пропорции и контуры головы и ног, скорее примыкает к ранним, нежели поздним из надежно датируемых изображений данного типа (1, 2, 4), тогда как опишлянские и витовские (9, 10) изображения очень сходны со скороборским, причем, как и последнее, оформляют золотые пластины — аппликации горита, и соответственно должны датироваться аналогично. Уже было указано на подражательный характер и, следовательно, хронологическую близость хабазского изображения (12) по отношению к более надежно датируемым манычскому и журовскому; с учетом объективных ограничений в датировке самого хабазского зеркала[1], хабазское изображение может быть отнесено ко времени не позднее начала V в. до н. э.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: вторая пол. VII — начало V в. до н. э.[2]

Тип I-1-A-a-I-2 Новозаведепский, вторая пол. VII в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Ставрополья (1). Это фигура на отростке и на примыкающей к нему части бортика блюда из рога лося из одного из курганов группы Новозаведенное-II.

Представлен длинноголовый длинноухий хищник (волк). Фигура моделирована в высоком рельефе, строго профильная. Хищник показан вытянутым, с дуговидно выгнутой спиной, с плотно подогнутыми ногами. Морда прямоугольная тупая, оскаленная (хищник показан ощерившимся): гравировкой нанесена решетка зубов, оканчивающаяся более крупными треугольными клыками, нижний из которых заходит на верхний. Глаз миндалевидный (выпуклость в углублении) со слезником, ухо треугольное с аналогичной впадиной (имитация раковины). Шерстная складка в основании головы обозначена овальной выпуклостью. Шея и туловище трапециевидные. Лопатка крупная овальная, тазобедренная ямка обозначена треугольной впадиной, локтевой выступ и стопа акцентированы овальными выступами, окончания лап овальные, с рельефно выделенными пальцами, короткий хвост отходит назад (полностью не сохранился?).

В сюжетно-стилистическом отношении данное изображение близко фигурам кошачьих хищников из того же комплекса, но оно принадлежит к другому образно-видовому таксону. С точки зрения

---

[1] Это II класс II отдел I группа — «модификационный тип» по классификации Т. М. Кузнецовой (Кузнецова, 2002. С. 167. Табл. 95), которая датирует его широко — второй пол. VI — V в. до н. э. (Кузнецова, 2002. С. 335).

[2] К данному типу композиционно примыкает изображение припавшего на лапы или присевшего хищника на бронзовой пряжке из могильника Гастон Уота (погр. 13) (Мошинский, 2006. Рис. 33: 4), однако по трактовке деталей и общей стилистике это изображение в большей мере соответствует критериям кобанского искусства, поэтому оно не включается нами в массив изображений скифского звериного стиля.

совпадения тематики, сюжетики и стилистики новозаведенский волк находит себе параллели не столько в скифском, сколько среди многочисленных волчьих образов савроматского искусства; ближайшую аналогию ему составляет роговая фигура волка на рукояти нагайки конца VI — начала V в. до н. э. из Южного Приуралья — из кургана Черная гора у с. Абрамовка (Смирнов, 1964. С. 227. Рис. 9, 2б, 80, 8).

Хропология. По объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) курган 5 группы Новозаведенное-II датируется второй пол. VII в. до н. э.

Тип I-1-A-a-I-3 Ульско-малгобекский, вторая пол. VI — пачало V в. до п. э.

К данному типу относятся 3 изображения. Два из них происходят из Прикубанья (1, 2), одно — с Центрального Предкавказья (3). Это фигуры, оформляющие лопасти псалиев — бронзового (1) и серебряных (2), а также костяную ручку ножа (3).

Модель типа. Изображен короткомордый (кошачий) хищник с узким длинным телом, со склоненной низко головой и огромным острым ухом, равновеликим голове и продолжающим единую линию тела, с закрытой пастью, с трапециевидными шеей и туловищем, с плотно подогнутыми ногами, с облегающим круп хвостом, закручивающимся на конце, превращаясь в птичью головку. Фигуры строго профильные.

На большое сходство малгобекского (3) с ульскими изображениями давно было указано В. Б. Виноградовым и А. И. Шкурко, при учете ими также сходства морды малгобекского зверя с мордой животного на псалиях из хут. Шумейко (Виноградов, Шкурко, 1963. С. 38). При этом, соглашаясь с позицией исследователей о возможном влиянии на малгобекское изображение изделий савроматского круга (Виноградов, Шкурко, 1963. С. 38, 40; см. также: Смирнов, 1964. С. 269. Рис. 81: 9), вряд ли стоит на основании того, что окончание передней конечности малгобекского животного имеет некоторое сходство с копытом, однозначно утверждать, что данный зверь синкретичен, т. е. сочетает в себе хищника и копытного. Скорее всего, перед нами следствие технического приема, позволившего мастеру вписать в лапу хищника изгиб упирающейся в нее головы. Вместе с тем вполне приемлем вывод В. Б. Виноградова и А. И. Шкурко о том, что такие особенности малгобекского изображения, находящие себе параллели в кобанском стиле, как трактовка шерсти (косыми насечками на шее и туловище, с оставлением лопатки гладкой) и отображение самцового полового органа малгобекского зверя (редко встречающееся в скифском искусстве) позволяют «видеть в малгобекской пластине произведение местного кавказского мастера, работавшего по образцам искусства своих северных соседей» — скифов и савроматов (Виноградов, Шкурко, 1963. С. 40).

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Изобразительпая дипамика. Ульские изображения представляются более оригинальными, первичными, малгобекское — вторичным (периферийным подражанием) по отношению к изображениям круга ульских, чем объясняется и его недостаточная образная «строгость» («копытовидная лапа»). Композиционным же истоком данного типа могут считаться изображения, подобные фигурам припавших к земле кошачьих хищников с устремленным вперед ухом на третьем извне ряду серебряного диска или блюда с золотыми аппликациями VII в. до н. э. из Саккызского клада (Луконин, 1977. Фото на с. 23).

Хропология. Хронологическую основу типа составляют объективно датируемые ульские изображения второй пол. VI в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Малгобекское изображение не имеет объективных хроноиндикаторов, но его близость и одновременно подражательность по отношению к ульским позволяет принять предложенную В. Б. Виноградовым (на основании позы зверя и стилистики) датировку этой вещи рубежом VI–V вв. до н. э. или началом V в. до н. э. (Виноградов, 1972. С. 160–161)[1].

Тип I-1-A-a-I-4 Бельско-епкивецкий, последняя четв. VII — первая пол. V в. до п. э.

К данному типу относятся 3 изображения из Среднего Поднепровья. Это фигуры на костяных пластинах (1, 2) и на пластине бронзовой крестовидной бляхи «ольвийского типа» (3).

Модель типа. Изображен относительно длинноголовый и узкомордый длинноухий хищник (волк?). Хищники показаны с закрытой пастью, опущенной наискось мордой, с торчащим вверх ухом, с маленьким глазом, выступающим за контур морды, с прямоугольно-трапециевидной шеей, с трапециевидным туловищем, с треугольной тазобедренной выемкой, с укороченными ногами и преувеличенными лапами. Фигуры моделированы в низком рельефе, строго профильные, трактовка крайне схематичная.

Эти фигуры составляют вертикальные композиции из пяти однонаправленных фигур (1) или

[1] Ср. также вышеупомянутые привлеченные в качестве аналогии В. Б. Виноградовым и А. И. Шкурко шумейковские псалии, рассматриваемые нами ниже в рамках образа лошади (типы Аксютинецко-шумейковский и Шумейковско-волковецкий).

фигур, чередующихся в своей ориентировке (3), или же вертикальную геральдическо-синтетическую композицию сдвоенных фигур (2).

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Хропология данного типа основывается на объективной датировке бельской пластины — переработанной ложки (2). Она относится к горизонту Б2 Бельского Западного городища, т. е. датируется последней четв. VII — первой четв. VI в. до н. э. (Шрамко, Задников, 2010). Кроме того, данное геральдическое изображение достаточно близко одному из изображений краснознаменско-новозаведенского типа, а именно парной геральдической композиции кошачьих хищников на фрагменте блюда из лосиного рога из кургана 13 Новозаведенного, на что уже указывалось в литературе (Петренко, Маслов, Канторович, 2000. С. 246. Рис. 5: 15, 17). Лишь композиционное и, особенно, тематическое (волчьи–кошачьи) различие этих изображений мешает отнести их к одному типу. Поскольку новозаведенское изображение, как уже говорилось, датируется второй пол. VII в. до н. э., можно предполагать и производство данной бельской пластины в период «скифской архаики» или на ее границе со «скифской классикой».

Композиционно близки ей изображения на другой бельской пластине (1). Данные бельские фигурки сочетаются на украшаемом ими предмете с птичьей головой, относящейся к 16 Жаботинско-Герасимовскому типу птичьих головок, датируемому серединой VII в. до н. э. — серединой VI в. до н. э. (см. ниже). Кроме того, образуемая этими фигурками на бельской пластине вертикальная композиция опять-таки имеет аналогии именно в скифской архаике (Константиновская пластина).

Даты морфологически близкого бельским енкивецкого изображения могут быть верифицированы с учетом типологии конской узды, осуществленной А. Д. Могиловым. По данным исследователя, енкивецкая бляха может относиться как к выделенной им 1-й среднескифской, так и ко 2-й среднескифской группе предметов конского снаряжения, т. е. ее дата определяется им в широких рамках последней четв. VI — V вв. до н. э. (Могилов, 2008. С. 418. Рис. 193). Сравнивая енкивецкую бляху с остальными бляхами «ольвийского типа», Ю. Б. Полидович пришел к выводу о ее абсолютной уникальности в связи со стилистической спецификой ее изображений (Полідович, 2000. С. 2, 8). При этом исследователи обоснованно предполагают, что данная бляха могла быть продукцией бронзолитейщиков Бельского городища (Мурзін, Ролле, Супруненко, 1999. С. 74–75). Очевидно, енкивецкую бляху, учитывая также традиционную датировку большинства «ольвийских блях» концом VI — началом V вв. до н. э., нужно датировать не ранее конца VI в. и не позднее середины V в. до н. э.

Тип I-1-A-a-I-5 Кужорский,
первая — третья четв. IV в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение сдвоенных хищников, происходящее с территории Прикубанья (1). Оно оформляет бронзовый налобник.

Изображены короткоголовые короткоухие хищники (кошачьи), сдвоенные в вертикальной осесимметричной геральдическо-синтетической композиции, примыкающие друг к другу мордами, животами и ногами. Фигуры плоскостные, ажурные, с анатомическими деталями, моделированными с помощью углубленных линий, в строго профильном ракурсе. Хищники удлиненные, с полосообразным вытянутым телом, с дуговидно прогнутой спиной, с вертикально опущенной головой, с широко открытой пастью, с торчащим наискось вперед ухом.

Уши хищников выполнены в виде трехлепестковой пальметки, эта пальметка одновременно образует небольшую голову птицы с загнутым клювом, линия рта и глаз которой показаны единой полоской. Глаза хищников преувеличенные, овальные, с отходящими вперед и назад короткими слезниками. Края пасти, подбородка и лобно-теменной части хищников дублированы линиями. Зубы имитированы рифленой полосой вдоль края рта. Преувеличенная носовая часть каждого хищника завершается завитком ноздри. Верхняя челюсть и глазная часть отграничены специальной линией. Вдоль верхнего и нижнего края шеи рифлеными полосками имитирована шерсть. Лопатки оформлены в виде голов птиц. Передние ноги хищников вытянуты вперед, лапы отогнуты от запястья вверх и упираются в подбородки единственным преувеличенным загнутым когтем, вписанным в изгиб шеи. Бедренная часть отделена от живота дуговидной линией. Задние ноги хищников упираются в живот. У задних лап по два когтя — преувеличенные и сдвоенные, они образуют пальметовидную фигуру. Хвосты хищников облегают зады, отделены от их поверхности полосой, упираются на конце в изгиб задней ноги и закручиваются в обратную сторону. Поверхность пластины в месте прогиба грудной части образует овально-удлиненную гладкую фигуру, а на участках между хвостом и задней ногой — листовидную рифленую фигуру.

Не находя себе прямых аналогий в рамках своего классификационного таксона, данное изображение по общей композиционной схеме и по трактовке и моделировке анатомических деталей,

в особенности головы, примыкает к сдвоенным фигурам хищников (но с головой назад) описываемого ниже типа I-3-A-II-2 Елизаветинско-кужорский, объединяющего изображения на налобниках и щитках псалиев из той же станицы Кужорской и из Елизаветинских курганов.

Хропология. Изображения Кужорского типа датируются в рамках первой — третьей четв. IV в. до н. э. на основании стилистических и морфологических аналогий с более надежно датированными елизаветинскими комплексами (Елизаветинские курганы, курган 4/1913 г., или Южный, датируемый первой четв. IV в. до н. э., и курган 7/1917 г., датируемый третьей четв. IV в. до н. э.), к которым относятся изображения смежного Елизаветинско-кужорского типа (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тип I-1-A-a-I-6 Нимфейско-любимовский, V–IV вв. до п. э.

К данному типу относятся 5 изображений с территории Нижнего Поднепровья (2, 3), Крыма (1, 4) и Прикубанья (5). Это фигуры, оформляющие золотые нашивные бляшки (1–4), а также бронзовые уздечные бляхи-распределители, на поверхности шляпок которых представлены парные центрально-симметричные изображения (5).

Модель типа. В большинстве случаев (1–4) изображен лев с четко проработанной гривой (передана крупными рельефными выступами на шее). В одном случае (5) форма морды позволяет считать, что представлен кошачий хищник, но грива при этом не показана. Звери моделированы в низком рельефе, строго профильно, геометрично (подпрямоугольные). Хищник представлен с преувеличенной, прямо посаженной головой, с укороченным туловищем, практически сведенным к лопатке и бедру, почти без шеи, с плотно поджатыми ногами, с округлым или овальным глазом, к которому почти примыкает треугольное ухо, прижатое к спине и направленное немного вверх.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Изображения данного типа, исключая фигуры из Дыша (5), находятся на грани скифского и греческого анимализма, однако намеренная диспропорциональность, обособление узкой лопатки в одних случаях, акцентирование гривы в других, геометризм в трактовке не позволяют исключать эти фигуры из корпуса произведений скифского звериного стиля. Ближайшую аналогию изображениям данного типа составляет фигура льва в нижней части золотой пластины под фигурами сфинксов из Нимфейского некрополя (курган 17) (ОАК за 1877 г. Табл. III, 31; Силантьева, 1959. Рис. 38: 11; Артамонов. 1966б. Рис. 96), но оно не включается в данный тип, поскольку представляется, как и сфинксы, выполненным уже целиком в греческой (хотя и упрощенной) манере.

Основу **хропологии** типа составляют объективно датируемые нимфейское изображение 475–425 гг. до н. э. и малочертомлыкское изображение второй пол. V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Комплекс из кургана 1 могильника Дыш IV датирован его публикаторами в пределах первой пол. — середины V в. до н. э. (Маслов, Гей, Андреева, 2021). Комплекс из Любимовки датирован А. М. Лесковым IV в. до н. э. (Лесков, 1972. С. 53. Табл. 16), что вполне соответствует упрощенности и гротескности любимовских изображений львов по сравнению с нимфейскими. Курганы группы Дорт-Оба датируются в целом IV в. до н. э. (Артамонов, 1966б. С. 59).

Таким образом, предельные хронологические рамки типа — V–IV вв. до н. э.

Тип I-1-A-a-I-7 Семибратпепский, сер. — третья четв. V в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение из Прикубанья (1). Оно оформляет бронзовую уздечную бляху.

Это изображение льва с натуралистично переданной головой. Лев является объектом терзания кошачьим хищником меньшего размера — пантерой или львицей, вцепившейся льву в спину (другой вариант трактовки сцены — брачная игра льва и львицы?). Моделировка тела в целом низкорельефная, ажурная, исключая высокорельефные лопатку, пальцы, ухо, гриву на спине и в основании головы. Животное представлено без соблюдения строгой профильности. Лев показан с двумя плотно поджатыми передними ногами (задние ноги обломаны), с выгнутой спиной. Голова дана относительно натуралистично, с открытой пастью, обозначенной прорезью, с выступающими зубами и замыкающими пасть клыками, с пересекающим пасть стержневндным языком, с рельефно подчеркнутой линией рта, с каплевндной рельефной ноздрей, с миндалевидной глазницей, содержащей овальный глаз, с рельефным надбровьем, сложенным из двух рельефных треугольников. В основании головы вдоль шеи полосой из чередующихся противонаправленных рельефных треугольников имитирована шерсть или грива. Два аналогичных однонаправленных треугольника моделируют небольшое ухо льва. Аналогичные треугольники передают гриву льва по поверхности шеи ото лба до лопатки. Шея мощная трапециевидная. Лопатка преувеличенная сегментовидная. Туловище гладкое, мощное, плавно переходит в заднюю часть (обломана внизу). Лапы сведены к двум рельефным пальцам на каждой.

Не находя себе прямых аналогий в рамках своего классификационного таксона, данное изображение

по трактовке и моделировке головы близко изображениям обособленной головы типа 2 Нимфейско-журовского (см. ниже)[1].

Хропология. Изображение датируется второй пол. (скорее, серединой — третьей четв.) V в. до н. э. по объективным данным (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тип I-1-A-a-I-8 «Веселое — Частые», копец V — середипа IV в. до п. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Среднего Подонцовья (1) и Среднего Подонья (2). Они оформляют бронзовые уздечные бляхи.

Модель типа. Представлен длинноголовый остроухий хищник (волк). Изображения моделированы в низком рельефе, в строго профильном ракурсе, крайне схематично и геометрично. Хищник показан с опущенной наискось головой и торчащим в противоположном направлении ухом, с неплотно прижатыми ногами, со свисающим вдоль зада хвостом. Морда трапециевидная, пасть приоткрыта, глаз небольшой, овальный, туловище узкое, без акцентированных лопатки и бедра, лапы преувеличены, образованы тремя рельефно выделенными пальцами, локтевой сустав и пятка акцентированы овальными выступами.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Хропология типа определяется в первую очередь датой изображения из Частых курганов, объективно датируемого серединой IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). С учетом изображения из Частых курганов должна определяться и дата близкого ему изображения на бляхе из Веселого, и соответственно хронология этого комплекса, в литературе весьма широкая: вторая пол. V — IV вв. до н. э. (см.: Бандуровский, Буйнов, 2000. С. 17; Могилов, 2008. С. 49), может сужаться до пределов конца V — сер. IV в. до н. э.

Тип I-1-A-a-I-9 Нижнедопской, IV — пачало III в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение из Нижнего Подонья (1). Оно оформляет широкую часть железного колчанного/поясного крючка, обтянутого золотыми пластинами.

Это изображение короткоголового и короткоухого хищника, очевидно, кошачьего (по мнению В. И. Гуляева, это барс — см.: Гуляев, 1969. С. 119). Моделировка высокорельефная, ажурная, изображение строго профильное. Хищник представлен с неплотно поджатыми ногами, с выгнутой спиной, с ориентированной прямо головой. Голова сведена к огромному глазу (выпуклый овал в аналогичном обрамлении глазницы), к которому с одной стороны примыкает открытая треугольная пасть с замыкающими ее двумя рельефными клыками, а с другой стороны — выступающее над шеей наискось назад бесформенное ухо. Края рта и глазница маркированы линией из точечных углублений. Шея короткая, узкая, с продольной линией из точечных углублений. Лопатка удлиненно-овальная, с продольной линией из точечных углублений и с двумя аналогичными линиями по контуру. Туловище укороченное, заполнено рельефной головой «зубастой птицы» с округлым концентрическим глазом в обрамлении округлой глазницы, маркированной линией точек, клюв птицы слабо загнут, маркирован линией точек, зубы даны рельефными сегментами. Ноги мощные в нижней части, локтевой выступ акцентирован глазом, аналогичным глазу самого хищника, пальцы даны рельефно, тазобедренный уступ намечен треугольной впадиной. Хвост мощный, примыкает к задней ноге, доходит до пятки, оформлен рельефной полосой с косым рифлением.

Не имея прямых аналогий в рамках своего классификационного таксона, данное изображение по контексту, моделировке и трактовке анатомических деталей находит себе аналогии в серии среднедонских колчанных/поясных крючков с головой птицы на вершине и фигурой зверя в основании (Гуляев, 1969. Рис. 7: 1–5, 7). Соответственно, его можно датировать, как и всю эту серию, IV — началом III в. до н. э.[2]

---

[1] К данному типу композиционно близко (при существенных отличиях в трактовке деталей) изображение некоего животного на золотой обкладке деревянного сосуда из кургана в Новочеркасске раскопок 1973 г. (Максименко, 1983. С. 174. Рис. 20:11). Однако новочеркасское изображение отличает крайняя семантическая неясность (проявляются черты и копытного, и хищника), которая представляется результатом очень поздней искажающей переработки изображений припавшего к земле хищника, что подтверждается и объективной датировкой новочеркасского погребального комплекса: по поздней эллинистической херсонесской амфоре он датируется концом III — II в. до н. э., т. е. фактически сарматской эпохой (Максименко, 1983. С. 32–33). Это не позволяет нам включать данное изображение в состав нашего источника.

[2] Композиционно-стилистически данному таксону соответствует также изображение хищника на золотой обкладке ручки сосуда, происходящего из погребения, раскопанного в Новочеркасске в 1973 г. Однако этот комплекс относится уже к сарматской эпохе и датируется по херсонесской амфоре позднего эллинистического типа концом III — II в. до н. э. (Максименко, 1983. С. 32–33; С. 174. Рис. 20: 10). Кроме того, к нижнедонскому изображению композиционно примыкает, но не учитывается в нашей сводке изображение хищника (?), оформляющего бронзовый колчанный/поясной крючок из ст. Тихорецкой (Виноградов, 1972. С. 318. Рис. 2: 7), так как крюк обломан, задняя часть животного отсутствует, поза животного непонятна.

Тип I-1-А-а-I-10 Псепафский, IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Прикубанья и оформляющее парные бронзовые псалии (1).

Представлен хищник, короткоголовый, широкомордый и относительно короткоухий (т. е. относящийся к семейству кошачьих). Моделировка односторонняя рельефная, ракурс строго профильный.

Основу композиции составляет S-видная схема. Хищник представлен с остроугольно подогнутой передней ногой, предплечье и кисть идут вдоль шеи, лапа упирается в открытую пасть; задняя часть туловища и задняя нога вывернуты на 180 градусов, задняя нога сильно согнута, так что голень перпендикулярна бедру, а стопа перпендикулярна голени и упирается передним краем в живот. Хвост облегает зад и заднюю ногу.

Анатомические детали трактованы четким рельефом. Глаз хищника выпуклый, овальный, углублен в глазницу с отходящим назад коротким широким слезником. Ухо преувеличенное, овально-подтреугольное, выступающее над головой, с выпуклостью в углублении, маркирующим раковину. Передняя часть головы отделена от глазной части желобком, линия рта образована подковообразным валиком, имитирующим десны. Подбородок и щека обозначены выпуклостями. Голова отделена от шеи уступом, имитирующим шерстную складку. Шея гладкая, изогнуто-трапециевидная, расширяющаяся к преувеличенной сегментовидной выпуклой лопатке, переходящей в плечо, за лопаткой туловище резко сужается и при переходе к отверстиям псалия становится крайне узким и удлиненным (сообразно фактуре оформляемой вещи), переходит в сегментовидную заднюю часть. Бедро сглажено, тазобедренный уступ едва намечен впадиной, хвост отделен от ноги углубленной линией. Передняя нога хищника тонкая и длинная, задняя короткая. Лапы сведены к преувеличенным рельефным пальцам (четыре на передней ноге, три на задней).

Каждый псалий создан по уникальной восковой модели, соответственно, изображения на них имеют незначительные различия. Более качественно выполнен псалий с хищником, обращенным вправо. У него хорошо подработаны гравировкой ухо, подромбический глаз и когти на лапах. Псалий с хищником, обращенным влево, отлит не так тщательно: на задней лапе имеются отверстия-каверны, хуже проведена доработка гравировкой изделия после отливки, несколько отличается трактовка глаза: он имеет короткий задний слезник (Эрлих, Канторович, 2017. С. 391)

Аналогии и хропология. Полные аналогии псалиям из Псенафы автору не известны. Вероятно, к тому же типу следует относить изображение на псалии из «Майкопского клада», хранившегося до Великой Отечественной войны в фондах Музеев Берлина и известного в настоящее время лишь по рисунку (Leskov, 2008. Cat. 299; ср. Эрлих, 2014. С. 32–33), недостаточная четкость которого мешает уверенно относить майкопское изображение к рассматриваемому типу. А. М. Лесков сопоставил данный псалий с изделиями «елизаветинского» стиля — налобником из кургана 2 Уляпа и наносником и псалием из Кужорской (речь о них пойдет ниже) — и датировал его IV в. до н. э. (Leskov, 2008. P. 216–217).

В образно-композиционном отношении (исключая расположение задней части туловища и задней ноги) и отчасти в трактовке деталей псенафское изображение весьма сходно с фигурами рассматриваемого ниже типа I-3-Б-I-1 Семибратненский середины — третьей четв. V в. до н. э. Однако псенафское изображение, при всей своей четкости, более геометрично и, что характерно для прикубанских изображений скифо-меотского «елизаветинского стиля»[1], оформляет не обе, а только одну (очевидно, обращенную к зрителю) сторону псалия (Канторович, Эрлих 2006. С. 102–103); показателен и отказ от 180-градусной перекрученности задней части тела, присущей типу I-3-Б-I-1 Семибратненский (ср. Эрлих, 2014. С. 32–33). Следовательно, данное изображение должно датироваться не ранее типа I-3-Б-I-1 Семибратненский и, с учетом его близости последнему, не может быть значительно оторвано во времени. Что касается вещей «елизаветинского» стиля, пенафские псалии близки конским бронзовым налобникам с изображением припавших к земле кошачьих хищников с вывернутой задней частью из 2-го Уляпского кургана, 2-го кургана некрополя II Тенгинского городища, «Майкопского клада» и Мезмая. Данные изображения объединены нами в Уляпско-тенгинский тип хищников (классификационный код I-1-Б-I-1), см. ниже. Подобные налобники обнаружены и в Закавказье — в кургане 2 святилища в Гюэносе (Шамба, 1988. Табл. XX). Уляпско-тенгинский тип датируется IV — началом III в. до н. э.

---

[1] Термин стиль «круга ст. Елизаветинской» был введен Е. В. Переводчиковой (Переводчикова, 1994. С. 158–167) и развит Е. Ф. Корольковой, по словам которой, «елизаветинский» стиль изделий отличается «обобщенностью образов, сложными текучими ритмами и плавностью контуров, подчеркнутой зачастую характерным рубчатым кантом; плоскостностью и графичностью решения; вытянутостью пропорций и декоративностью... стилизованных изображений... обилием дополнительных звериных мотивов... сочетанием признаков разных животных в едином образе..., зооморфными завершениями отростков рогов» (Королькова, 2001б. С. 91–92. Рис. 1, 2, 9, 13–16; Рис. 2).

(см. ниже). В то же время в изображениях на конских бронзовых налобниках известно и близкое псенафскому положение ног, как, например, на налобнике с изображением крылатого кошачьего хищника (упрощенный вариант грифона) из Краснодарского музея — случайная находка в районе Майкопа. Данное изображение отнесено нами к Майкопскому типу грифонов (классификационный код I-1-I-4), датируемому первой — третьей четв. IV в. до н. э. (см. ниже).

Но наиболее близка псенафской композиция и, отчасти, моделировка изображения монстра, оформляющего S-образный бронзовый двудырчатый псалий и происходящего из «Майкопского клада»; изображение отнесено нами к датируемому V — третьей четв. IV в. до н. э. Тузлинско-кужорскому типу грифонов (классификационный код I-1-I-1), см. ниже. Это существо с туловищем хищника, короткой головой и коротким широким ухом, но при этом с клювовидной мордой (вместо пасти — клюв, закрученный в кольцо, с кружком-отверстием посередине) — гибрид кошачьего хищника и птицы, своеобразный вариант грифона без крыльев. При этом по моделировке деталей, по полноте реализации образа майкопское изображение, очевидно, является достаточно поздним в эволюционном ряду Тузлинско-кужорского типа, поскольку, в отличие от других изображений данного типа, уже утрачивает важнейшие иконографические признаки грифона: у майкопского персонажа нет крыльев и длинного уха, соответствующего канону «остроклювых, безгласных псов Зевса», в описании Эсхила (Aeschyl. Prom., 829–833 ff.; пер. В. В. Латышева).

Наконец, выходя за пределы образов хищников и грифонов, нельзя не отметить определенное композиционное и стилистическое сходство псенафского изображения хищника и двустороннего изображения оленя на аналогичных парных бронзовых псалиях из 2 Уляпского кургана, комплекс которого датируется по объективным показателям первой пол. (ближе к середине) IV в. до н. э. (Лесков и др., 2013. С. 28). Данные изображения составляют Уляпский тип оленей по моей классификации (классификационный код I-1-I-7), см. ниже. Помимо того что псенафское и уляпское изображения сходны в трактовке задней части туловища и задней ноги, следует обратить внимание на сочетание в обоих изображениях плоскостной трактовки шейно-грудной части с высокорельефной моделировкой головы и передней ноги. При этом показательно, что у уляпских оленей также в высоком рельефе передана и задняя часть туловища, и хвост, тогда как у псенафских хищников эта часть, не будучи абсолютно плоской (как на вышеописанных налобниках), тем не менее, сильно сглажена, а хвост почти слит с нею. Это показатель постепенного перехода от объемной к плоскостной моделировке (не забудем также, что уляпское изображение двустороннее, а псенафское односторонее), т. е. псенафское изображение находится на следующей стадии развития стиля и, несомненно, является более поздним, нежели уляпское. Псенафские хищники, в конечном счете, восходят к композиционной традиции, заложенной рельефными образами круга ранней группы Семибратних курганов V в. до н. э. и продолженной рельефно-плоскостными изображениями круга Уляпских курганов первой пол. IV в. до н. э.; псенафские изображения сформировались также под влиянием ажурно-плоскостных образов «елизаветинского стиля», характерных преимущественно для сер. — второй пол. IV в. до н. э. (об этой стилистической эволюции в Прикубанье см. подробнее: Переводчикова, 1994. С. 158–167; Масленицына, 1992; Канторович, Эрлих, 2006. С. 46–47).

При этом вполне естественно, что переход от высокого рельефа к плоскостной ажурной трактовке гораздо быстрее происходил в орнаментации изначально плоскостных предметов — налобников и иных уздечных блях, тогда как в оформление псалиев — традиционно объемных предметов — принципы «елизаветинского стиля» проникали значительно медленнее, и соответственно с плоскостными односторонними зооморфными изображениями на налобниках могли хронологически сосуществовать рельефно-плоскостные (но, что характерно, уже односторонние) изображения на псалиях типа псенафских (в итоге основным полем зооморфизации псалия стал специально выделенный для этого участок — плоский щиток на конце).

В этой ситуации вполне закономерным является хронологический контекст скопления 13 святилища Псенафы, к которому относятся характеризуемые нами псалии. В. Р. Эрлих ранее предложил датировать скопление 13 второй пол. IV — началом III в. до н. э., исходя из общего контекста археологического комплекса Псенафа и, в частности, хронологии жертвенных приношений в святилище (Эрлих, 2013. С. 477; Эрлих, 2014. С. 71). Весь остальной инвентарь, обнаруженный как в погребальных, так и в ритуальных комплексах кургана 1, датирован не раньше конца IV в. до н. э., и В. Р. Эрлих полагает, что значительно отрывать комплекс скопления 13 от этой даты не следует. Таким образом, скопление 13 — одно из наиболее ранних жертвенных приношений в святилище. Эта дата также согласуется и с материалами времени начала функционирования поселения Псенафа, где в районе колодца обнаружены фрагменты амфор IV в. до н. э.: хиосской с колпачковой ножкой, фасосской

биконического типа и предположительно эритрейской (определения С. В. Монахова).

Итак, публикуемые псенафские псалии следует датировать в пределах второй пол. IV в. до н. э. и рассматривать их в качестве одного из лучших и весьма оригинальных произведений скифо-меотского звериного стиля на его завершающей, «елизаветинской» стадии.

Группа I – подгруппа 1 – класс А – подкласс а – отдел II

Тип I-1-А-а-II-1 Архапгельско-белозерский, копец V — IV в. до п. э.

К данному типу относятся 2 изображения из Нижнего Приднепровья. Они оформляют золотые накладки колчана (1) и основную пластину золотой обкладки ножен меча — последний хищник в многофигурной композиции (2).

Модель типа. Изображен относительно короткоголовый, широкомордый, короткоухий (т. е. кошачий) хищник с пятнами на шкуре (тигр или леопард?). Звери моделированы в высоком рельефе, без соблюдения строгой профильности. Хищник лежит на прижатых к туловищу четырех ногах, правая нога над левой, с направленной наискось вверх шеей, с повернутой анфас вертикально посаженной головой, нижняя челюсть не показана. Голова четко разделена на два симметричных сектора вертикальным валиком, обозначающим нос, а горизонтальным валиком бровных дуг голова разделена на лицевую и лобно-теменную часть. Шея мощная, трапециевидная, моделирована двумя сходящимися плоскостями, разделена продольной линией. Шея, как и туловище, и задняя часть, покрыта редкими крупными округлыми углублениями, имитирующими, скорее всего, пятна на шкуре (или шерсть?) (у хищника из Архангельской слободы (1) лопатка оставлена гладкой). Рельефная лопатка полуовальная, в ее контуре рельефно выделено плечо («малая лопатка»), у белозерского хищника (2) оформленное рельефным завитком. Туловище узкое, зад крупный, тазобедренный участок отделен от туловища узким глубоким каплевидным углублением, подчеркивающим выступ коленного сустава. Зверь на накладках колчана из Архангельской слободы держит в передних лапах и грызет человеческую голову.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Хропология. Изображение из Архангельской слободы (1) по объективным показателям датируется концом V — началом IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Эта датировка подтверждается наличием в данном комплексе золотых обивок колчана с изображением лежащего оленя Завадско-акмечетского типа (Канторович, 1996. Рис. 2: 8). Этот олень занимает с точки зрения иконографии указанного типа (Канторович, 1996. Рис. 2: 2–4, 8–11) промежуточную позицию между утонченными и усложненными изображениями на золотых обивках чаш из 1-й Завадской могилы 450–425 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов) и упрощенными схематизированными фигурами оленей на золотых бляшках из бокового погребения Солохи, датируемого 400–375 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Погребение у села Великая Белозерка датировано В. В. Отрощенко последней третью IV в. до н. э. (Отрощенко, 1984. С. 121–126).

Тип I-1-А-а-II-2 Ульско-майкопский, вторая пол. VI — первая пол. IV в. до п. э.

К данному типу относятся 7 изображений из Прикубанья. Они оформляют лопасти серебряных псалиев (1, 2) и бронзовые уздечные бляхи и подвески (3–7).

Модель типа. Изображен короткоухий хищник (кошачий), в строго профильном ракурсе. Хищник представлен с повернутой назад головой, противонаправленной туловищу и опирающейся подбородком на спину. Пасть подковообразная, приоткрытая, глаз округлый, ухо овально-подтреугольное или овальное, с углублением раковины.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Изобразительпая дипамика. Различия в композиции в трактовке анатомических деталей демонстрируют архаичность ульских изображений (1, 2), несущих в себе (при всей их условности) элементы натурализма, по сравнению со схематизмом майкопских изображений, постепенно нарастающим от относительно натуралистичных фигур (3, 4) к условным (5–7), где налицо снижение видовой определенности и утрата качества «хищности» персонажа, представляемого в центрально-симметричной трактовке в рамках S-видной структуры.

Хропология. Основу хронологии типа составляют объективно датируемые ульские изображения, относящиеся ко второй пол. VI в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). В силу вышеуказанной морфологической динамики можно относить майкопские изображения к более позднему времени — к V в. до н. э. (3, 4), а наиболее схематичные из них (5–7) — к первой пол. IV в. до н. э. (вторую пол. IV в. до н. э., видимо, следует исключить, так как в этот период в Прикубанье господствовали уже плоскостные изображения).

Тип I-1-А-а-II-3 Новозаведепский, вторая пол. VII в. до п. э.

К данному типу относится одно оригинальное изображение из Ставрополья (1), которое оформ-

ляет отросток лосиного рога, составляющего ритуальное блюдо из одного из курганов группы Новозаведенное-II.

Представлено животное с мордой, скорее присущей копытному, но с коротким ухом, как у кошачьего хищника и с лапами хищника, что заставило публикаторов данного предмета квалифицировать это существо как хищника (Петренко, Маслов, 1999. С. 252).

Изображение моделировано в одностороннем рельефе, строго профильное. Хищник лежит на прижатых к туловищу ногах (впрочем, в ином ракурсе можно трактовать позицию ног как «свисающих»: Петренко, Маслов, 1999. С. 252), с повернутой назад горизонтально посаженной головой.

Изображение трактовано схематично. Голова преувеличенная, восьмерковидная, рот не обозначен. Окончание морды сведено к преувеличенной ноздре, обозначенной рельефным кольцом. Глаз также преувеличен, заполняет всё оставшееся пространство головы, зеница показана рельефным кольцом в аналогичном кольце глазницы. Ухо дано рельефным овалом, со впадиной раковины, продолжает линию ноздри и глаза, т. е. налицо композиция из трех кружков на одной линии, свойственная трактовке хищника в период «скифской архаики» (ср. ниже свернувшихся в кольцо хищников, например тип I-1-А-б-I–1 Келермесско-яблоновский). Шея закрыта головой. Лопаточно-плечевая часть рельефная овальная. Непосредственно в нос зверя упирается мощная задняя часть в виде рельефного полуовала. Ноги укороченные (в особенности задняя), показаны схематично, лапы обозначены округлым углублением, при этом форма лап по форме напоминает копыто.

Хропология. По объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) курган 5 группы Новозаведенное-II датируется второй пол. VII в. до н. э.

Тип I-1-А-а-II-4 Ульско-аксютипецкий, вторая пол. VI — пачало V в. до п. э.

К данному типу относятся 2 изображения — из Прикубанья (1) и из Среднего Поднепровья (2), оформляющие золотые нашивные бляшки соответственно из Ульского могильника и из аксютинецких курганов.

Модель типа. Представлен короткоголовый, широкомордый, короткоухий (т. е. кошачий) хищник. Д. Я. Самоквасов трактовал аксютинецкое изображение как сфинкса (Самоквасов, 1908. С. 104), а В. А. Ильинская — как кошачьего хищника (Ильинская, 1968. С. 29). Представляется, что определение В. А. Ильинской более точное, учитывая отсутствие каких-либо антропоморфных черт в данном изображении и его композиционное сходство с вышеописанными изображениями архангельско-белозерского типа.

Изображения моделированы в рельефе. Хищник лежит на прижатых к туловищу трех ногах — различимы одна задняя под животом и подложенные под голову передние: либо одна (1), либо обе (2, здесь правая, дальняя от зрителя, выступает из-за левой), с головой, повернутой анфас вертикально (2) или наискось (1).

Изображения трактованы схематично, в особенности аксютинецкое. Голова трапециевидная (1) или овальная, почти округлая (2), нижняя челюсть не показана. Нос обозначен валиком, переходящим в выпуклости щек, глаза преувеличены и моделированы овальными впадинами. Уши овальные, расходятся под острым углом, в ульском изображении (1) впадиной показаны ушные раковины. Шея практически закрыта головой. Лопаточно-плечевая часть рельефная сегментовидная, с продольными желобками, обозначающими мускулы (1), или с разделкой полуовалами, возможно, имитирующими львиную гриву (2). Задняя часть мощная, в виде полуовала. Ноги даны рельефными полосками, лапы даны схематично, в ульском изображении (1) с тремя (передняя) и двумя (задняя) пальцами, в аксютинецком лапы еле различимы. Хвост в ульском изображении закинут на спину и моделирован дуговидным тонким валиком, в аксютинецком изображении слабо различим, — очевидно, опущен вдоль зада.

Хропология. Ульский курган № 1 (раскопки 1909 г.) отнесен В. Р. Эрлихом по объективным показателям ко второму хронологическому горизонту Ульских курганов (см. Список опорных хроноиндикаторов), т. е. ко второй пол. VI в. до н. э. В. А. Ильинская датирует аксютинецкий комплекс началом V в. до н. э. (Ильинская, 1968. С. 198), основываясь на таких достаточно надежных хроноиндикаторах, как античное зеркало второй пол. VI — начала V в. до н. э. и набор женских золотых украшений греческого производства того же времени (Ильинская, 1968. С. 76–77).

Таким образом, данный тип датируется в пределах второй пол. VI — начала V в. до н. э.

Тип I-1-А-а-II-5 Майкопский, сер. V — IV в. до п. э.

К данному типу относится одно оригинальное изображение из Прикубанья, оформляющее две почти тождественные зеркальные костяные накладки (с отверстиями для крепления к некой основе) из «Майкопского клада» (1-1, 1-2).

Представлен длинноголовый остроухий хищник (волк). Изображения моделированы в низком рельефе на изогнутой основе, с использованием прорезей, четко вписаны в S-видный модуль.

Ракурс строго профильный, исключая передачу ушей. Хищник лежит на прижатых к туловищу ногах с повернутой назад головой, опирающейся подбородком на лопатку, уши противонаправлены морде и частично перекрывают друг друга.

Детали трактованы тщательно, налицо сочетание элементов натурализма и орнаментальности. Морда трапециевидная, оскаленная (хищник показан ощерившимся): рельефно показаны два крупных треугольных клыка, верхний из которых заходит на нижний. Ноздря и складки верхней челюсти моделированы выступами, линия рта оформлена подковообразным валиком, подбородок треугольный. Глаз образован округой выпуклостью зеницы в подтреугольном углублении глазницы с волютовидным желобком-завитком слезника. Уши асимметрично-ромбические с углубленной раковиной, заполненной косыми рельефными валиками, имитирующими шерсть; эти уши напоминают уши копытных в скифском искусстве (см. ниже изображения оленей Завадско-акмечетского типа и мотив обособленных ушей копытных). Скула образована волютовидным завитком, переходящим в валик шерстной складки в основании головы. Шея мощная, дуговидная, продольная складка шерсти на шее вдоль всей длины от основания головы до лопатки обозначена рельефной полосой из крупных ов. Туловище трапециевидное, широкое в грудной части и поджарое у бедра. Лопатка крупная полуовальная, обрамлена валиком из крупного «жемчужника», передний выступ лопатки акцентирован концентрическими рельефными полукружиями (1-2), аналогичные полукружия акцентируют коленный выступ. Плечевой сустав — «малая лопатка» — акцентирован S-видным завитком, очевидно, представляющим собой атавизм птичьей головки. Туловище при переходе в заднюю часть гладкое. Мускулы ног подчеркнуты углубленной линией, идущей вдоль заднего края ноги. Пястный и пяточный выступы акцентированы округлыми выступами. Лапы сведены к одному преувеличенному пальцу с рельефным когтем. Хвост в одном случае обломан (1-1), в другом случае сохранился (1-2), он толстый и короткий, опущен вниз и чуть загнут назад, оформлен на конце рудиментарной птичьей головкой.

Аналогии и хропология. В данном изображении очевидно проявление влияний греческого искусства в орнаментальных приемах (использование ов и волют). В этом отношении данное изображение близко описываемым ниже изображениям типа II-A-I-6 Солохско-ушаковский (450–300 гг. до н. э.), в особенности фигурам львов на золотой обкладке ножен меча из Ушаковского кургана Елизаветовского могильника (1, 2) (ср. концентрические рельефные полукружия на лопатке, оформление плечевого сустава в виде S-видного завитка — птичьей головки). Представляется, что, как и изображения Солохско-ушаковского типа, фигуры на пластинах из «Майкопского клада» являются фактом скифо-греческого симбиоза, или «койнэ», в искусстве и могут датироваться аналогично Солохско-ушаковскому типу серединой V — IV в. до н. э.

Группа I – подгруппа 1 – класс А – подкласс б – отдел I[1]

Тип I-1-А-б-I-1 Келермесско-яблоповский, вторая четв. VII — первая пол. V в. до п. э.

К данному типу относятся 29 изображений, происходящих с территории Прикубанья (1–12, 26, 27, 29), Ставрополья и Центрального Предкавказья (13, 18, 21, 23, 24), Крыма (17), Нижнего Подонья (15, 16), Нижнего Поднепровья (22), Среднего Поднепровья (14, 19, 20, 28) и неизвестного происхождения (25). Это фигуры, оформляющие в основном предметы конского снаряжения и вооружения: костяные пронизи для перекрестных ремней (1–5), костяные цилиндрические пронизи (21), бронзовые уздечные бляхи (20, 22, 25), золотую наременную обкладку — портупейную деталь ножен (6), золотую накладку на щит или горит[2] (7, 8), костяные (12, 14, 24) и бронзовые (13, 23, 26, 27, 29) бутероли ножен меча, костяные налучья (15, 16, 28), а также изделия иного назначения — костяную бляху, возможно, окончание рукояти плети (17), костяной перстень-печатку (18), бронзовые бляшки — центральные ручки бронзовых зеркал (9–11)[3].

Модель типа. Изображен хищник, относительно короткоголовый и тупомордый (т. е. кошачий), с закрытой, реже чуть приоткрытой пастью, без зубов, с широким ухом, находящимся на одной прямой линии с глазом и ноздрей. Изображения моделированы в высоком, порой почти скульптурном рельефе — одностороннем (1–12, 16–22, 25) или двустороннем (13–15, 23, 24, 26–29). Фигура строго профильная (при односторонне-рельефном исполнении) или сложенная из двух строгих профилей

---

[1] См. картографию и сводную хронологию изображений свернувшихся хищников в Приложении 5, рис. 1, 2.

[2] Аргументацию в пользу того, что знаменитые крупные золотые пластины из Келермесского кургана 1/Ш, 1-го Разменного кургана у ст. Костромский и из Куль-Обы являются не бляхами щита, как традиционно считалось, а пластинами горита, см.: Алексееев, 1996. С. 130–134.

[3] К данному типу морфологически примыкает подражательное изображение из Центрального Предкавказья — на бронзовой бляхе из Осетии (Крупнов, 1960. Табл. XI, 2). Здесь налицо попытка передать свернувшегося хищника, однако это изображение совершенно десемантизировано и поэтому не включается нами в рамки данного типа и не учитывается в общей статистике.

(при двустороннем исполнении), вписана в круг, овал, полукруг или полуовал. Вся фигура компактная, композиция центростремительная, поскольку хищник показан с укороченными и утолщенными предплечьем и стопой, либо близко подведенными к шее и туловищу (почти без оставления пространства), либо примыкающими к шее и туловищу, либо заходящими на шею и туловище, частично перекрывая их. Соотношение передних и задних ног в их нижней части может быть различно: в зависимости от композиции туловища ноги могут располагаться последовательно (по дуге) (1, 14, 16, 23), параллельно и противонаправленно друг другу в рамках контура (при том, что и та, и другая идут вперед вдоль туловища) (2, 6, 9–11, 13, 22, 25) или же перпендикулярно друг другу (3–5, 7, 8, 12, 15, 17, 19, 20, 21, 24, 26, 27, 29)[1]. В краснознаменском изображении (18), видимо, в силу композиционной недоработки, передняя нога хищника уместилась внутри контура фигуры, а идущая за ней по дуге задняя нога была обведена вокруг фигуры с внешней стороны, так что уперлась кольчатой лапой в основание хвоста.

Голова складывается из кружков и овалов, формирующих глаз, ноздрю, пасть, щеку (скулу), а также ухо. Ноздря, глаз и ухо хищника, как правило, примыкают или почти примыкают друг к другу. Глаз округлый. Ухо округлое, овальное или овально-подтреугольное, лишь в двух случаях треугольное (21, 23), оно часто оформляется в виде подошвы копыта[2] (3–5, 9, 11, 14, 15, 23, 24, 25, 27, 28). Ноздря большая, соразмерная глазу, уподобленная глазу или уху, соответственно чаще округло-овальная, редко овально-подтреугольная (23, 24, 27). Пасть, в тех случаях, когда она не слита с ноздрей (см. ниже), уподоблена и симметрична ноздре, т. е. подковообразная или овальная. Щека округлая или овальная, уподоблена глазу. При этом налицо тенденция экономии места и реализации компактной схемы за счет эти деталей. Это часто достигается замещением пасти и щеки другими анатомическими деталями: пасть заменяется овальным или округлым окончанием хвоста, заходящего под ноздрю (1–3, 5, 17, 26), а щека — окончанием передней лапы (3, 5, 7, 18, 23). В отдельных же случаях пасть сведена к минимуму (13, 19, 20) или вовсе не обозначена, т. е. слита воедино с ноздрей (4, 12, 16, 23, 27, 29), в частности, формирует вместе с пастью единую S-видную фигуру (28).

Шея, лопатка, туловище, бедро и ноги достаточно мощные, исключая хищника на бутероли из Дарьевки (14), у которого нехватка места привела к атрофии задней ноги, которая дана коротким завитком, поджатым к бедру и тем самым напоминающим второй хвост[3]. Эти анатомические детали, как правило, имеют гладкую поверхность, и лишь у хищника на зеркале у Краснодарского водохранилища (11) участок укороченного туловища между лопаткой и бедром покрыт поперечным рифлением (имитация шерсти?). Лапы, как правило, оформлены кружком или петлей (чаще с округлой впадиной посередине), за несколькими исключениями, которые предусматривают рельефную передачу пальцев (15, 19, 20, 28). Аналогично оформлено и окончание хвоста, исключая случаи, когда он практически не отображен (6, 11, 21) или зооморфно трансформирован (23). Зад, как правило, подведен близко к морде, так что между ними оставлено лишь узкое пространство, в которое пропущен хвост, замыкающий контур фигуры и заходящий внутрь; исключение в этом отношении составляют два изображения:

1) изображение из Фаскау (23), в котором хвост как бы завернут назад, на спину (ср. изображения хищников с загнутым вверх хвостом типа пантеры на бляшках из 6-го Краснознаменского кургана — Петренко, 1989. Табл. 87: 76; 2006. Табл. 74, 102, кат. 178), идет в направлении головы, повторяя дуговидную линию спины и на конце загибается вовнутрь, опираясь на лопатку, причем в целом хвост трансформирован в голову и шею водоплавающей птицы;

2) изображение из Краснознаменских курганов (18). Здесь хвосту не нашлось места в общем контуре, и он отходит вовне, перпендикулярно фигуре.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Изобразительпая дипамика. Иконографическую основу типа составляют изображения, в которых наиболее полно проявляются видовая

---

[1] Вариации соположения передней и задней ног для всех свернувшихся хищников скифо-сибирского звериного стиля были четко выявлены и проанализированы Ю. Б. Полидовичем (Полидович, 1994), что позволило исследователю обозначить крупные локальные школы в создании сюжета свернувшегося хищника в масштабах всего скифо-сибирского мира и наметить тенденции в их взаимовлиянии. При этом в рамках выделяемых нами типов мы имеем дело с уже сложившимся на базе разновекторных заимствований иконографическим единством, функционировавшим далее по внутренним законам развития типа. Поэтому в рамках этих типов разные варианты соположения ног рассмотрены не выше, а наравне с остальными композиционными и стилистическими признаками.

[2] А. И. Шкурко считает это копыто конским (Шкурко, 1969. С. 32), но оно бывает и полностью раздвоенным, как у парнокопытного.

[3] Эта атрофия ноги привела А. И. Шкурко к ошибочному заключению, что задняя нога в дарьевском изображении либо вовсе не показана, либо неестественно вывернута (Шкурко, 1969. С. 34).

идентичность, компактность, композиционная замкнутость, рельефность, композиционный принцип «ухо–глаз–ноздря на одной линии» и другие характерные черты типа — как келермесские (из курганов Веселовского) (1, 2, 9), на зеркале из Краснодарского вдхр. (11), темиргоринское (17), из хутора Грозного (12), с Бельского городища (28), нартанское (17) и на бляхе из ГАИМК (25); к ним примыкает краснознаменское изображение (18), которое при этом демонстрирует композиционные отклонения от нормы, обусловленные пространственными ограничениями украшаемой вещи и, возможно (с учетом его ранней датировки, см. ниже), еще неустоявшейся иконографией. Остальные изображения Келермесского типа обнаруживают различные упрощения, схематизации (фигуры на ручке зеркала из Краснодарского музея (10), Новоалександровка (15), Константиновка (22), Дарьевка (14), Ленинский путь (27), бутероль из Майкопа (26), Дыш (29), Гудермес (13)), связанные с искажениями в ходе заимствований, либо, напротив, возникает усложнение, дополнение новыми деталями, обусловленное влиянием местной зооморфной традиции (Фаскау). В конце эволюционного ряда, уже на грани другого морфологического типа (тип I-1-А-б-I-3 Кулаковско-ковалевский, см. ниже), как представляется, находятся волковецкие (20) и яблоновские (19) изображения. Они демонстрируют существенную схематизацию в трактовке туловища, полный отказ от стилизации лап в внде кружков и завитков, относительное уменьшение размеров головы и уха, что свндетельствует либо о влиянии натурализма античного стиля, либо о воздействии иконографии Кулаковско-ковалевского типа.

Хропология. Terminus post quem для данного типа определяется датой следующих имеющих объективные датировки изображений (см. Список опорных хроноиндикаторов): краснознаменского (середина — третья четв. VII в. до н. э.), келермесских (из курганов Веселовского) (660–640 гг. до н. э.) и темиргоринского (третья четв. VII в. до н. э. или, более узко, 640–630 гг. до н. э.). Возможно, с этими изображениями надо хронологически сближать сходные с ними фигуры из хутора Грозного, нартанскую и на бляхе из ГАИМК.

За этими изображениями в хронологическом ряду из объективно датируемых (см. Список опорных хроноиндикаторов) следуют келермесские из курганов Шульца (6–8) (вторая пол. VII в. до н. э.), новозаведенское (21) (610–590 гг. до н. э.), келермесские из кургана № 24 (3–5) (конец VII — начало VI в. до н. э.) и новоалександровское (15) (вторая — третья четв. VI в. до н. э.).

Близкое новоалексадровскому изображение на налучье из зольника № 28 Западного Бельского городища (28) (отметим и морфологическое сходство самих налучий) должно датироваться сходно, что не противоречит датировке И. Б. Шрамко соответствующего диапазона культурных отложений на данном зольнике в пределах последней четв. VII — первой четв. VI в. до н. э. (Шрамко, 2015. С. 487). Бутероль из Фаскау (23) датируется А. П. Мошинским широко, но все же в пределах «скифской архаики», в диапазоне VII–VI вв. до н. э. (Мошинский, 2010. С. 198). Бутероль из Дыша (29) датируется публикаторами данного комплекса по контексту (прежде всего, по конскому снаряжению и вооружению) второй пол., возможно, третьей четв. VII в. до н. э. (Маслов, Гей, Андреева, 2020. С. 195). Аналогично может датироваться изображение из Майкопа (26), на большое сходство которого с фигурой из Дыша обратили внимание В. Е. Маслов, А. Н. Гей и М. В. Андреева (Маслов, Гей, Андреева, 2020. С. 190). Тот факт, что бутероль из Гудермеса (13) была надета на острие акинака с биметаллической рукоятью, говорит в пользу ее датировки в пределах VII в. до н. э.

Что касается упрощенных, схематизированных или, напротив, усложненных изображений на ручках кубанских зеркал из Константиновки, Дарьевки, Ленинского пути и на бляхе из ГАИМК (22, 14, 27, 25), они могут датироваться в рамках всего вышеуказанного диапазона второй четв. VII — третьей четв. VI в. до н. э. Зеркало, случайная находка у Краснодарского вдхр. (11), датируется Т. М. Кузнецовой второй пол. VI в. до н. э. (Кузнецова, 2002. С. 325).

Комплекс из кургана 2 у с. Волковцы (20) раскопок 1897–1898 гг., с учетом находки в данном комплексе крестовидной бляхи «ольвийского типа», был отнесен к первой пол. V в. до н. э. (Ильинская, 1968. С. 49, 78). При этом данная бляха (тоже несущая изображения свернувшегося хищника, которые относятся к другому типу — I-1-А-б-I-6 Ольвийско-басовскому, см. ниже) была использована не как застежка колчана, а как элемент конской узды, что указывает, по мнению Ю. Б. Полидовича, на ее позднюю позицию в ряду крестовидных блях[1]. Соответственно, волковецкое изображение Келермесского типа на округлых бляхах и близкое ему яблоновское (19) определяют финальную дату Келермесского типа, что соответствует их позиции

[1] «Загалом боткінська, а надто вовківецька, бляхи знаменували собою припинення традиції виготовлення хрестоподібних блях у Причорномор'ї… І до того ж, бляху з Вовківців (найпізнішу з-поміж причорноморських) було поміщено вже у зовсім інший контекст: якщо фупкціонально більшість блях були пов'язані із горитом, то вовківецька — із оформленням кінської вузди» (Полідович, 2000. С. 10).

во внутритиповой морфологической эволюции, обозначенной выше.

Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа: вторая четв. VII — первая пол. V в. до н. э.

Тип I-1-А-б-I-2 «Старшая могила», вторая пол. VII в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Среднего Поднепровья и оформляющее бронзовую бутероль ножен меча (1).

Представлен хищник, короткоголовый и тупомордый, с широким коротким ухом (т. е. кошачий). Изображение моделировано в двустороннем высоком рельефе. Фигура строго профильная, вписана в треугольник. В соответствии с фактурой оформляемой вещи хищник показан с зауженным туловищем и с крайне удлиненными задней и передней ногой, прямыми и близко подведенными к столь же длинным и тонким шее и туловищу, так что между ними остается лишь узкое пространство. Голова складывается из кружков и овалов, формирующих глаз, ноздрю, пасть, ухо и щеку (скулу). Ноздря, глаз и ухо хищника находятся на прямой линии, преувеличены и примыкают друг к другу. Глаз округлый, оформлен выпуклостью в углублении. Ухо овально-подтреугольное («сердцевидное»), похожее на основание копыта, с двумя каплевидными впадинами, обозначающими раковину. Ноздря почти округлая, также похожая на основание копыта, с мощным ободком и впадиной. Пасть не оформлена. Щека мощная, с дуговидными рельефными складками. На шее рельефными линиями показаны складки шерсти. Лопатка обозначена рельефной птичьей головой, далее туловище гладкое, тазобедренный участок обозначен рельефным завитком. Передняя нога сведена к вытянутым в единую линию плечу, предплечью и кисти. Очевидно, она упиралась лапой в подбородок (в этом месте бутероль обломана). Задняя нога сведена к вытянутым в единую линию голени и стопе, она вписывается изогнутой под прямым углом лапой (плюсной) в изгиб туловища в вершине треугольника, а крупный рельефный палец, который и составляет всю заднюю лапу, упирается в лопатку. Хвост, очевидно, проходил внутрь контура фигуры вдоль морды зверя, однако однозначно это утверждать нельзя, так как данная часть бутероли утрачена.

Апалогии и хропология. По трактовке анатомических деталей изображение из Старшой могилы волне соответствует вышеописанному типу I-1-А-б-I-1 Келермесско-яблоновскому (в особенности фигурам на бутеролях), но крайняя композиционная оригинальность данного изображения, обусловленная модулем оформляемой вещи, заставляет всё же относить его к особому типу.

Курган Старшая могила с учетом наличия архаичных ритуальных ножей и по другим основаниям датирован А. Ю. Алексеевым второй пол. VII в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 53, 295).

Тип I-1-А-б-I-3 Кулаковско-ковалевский, последняя четв. VI — IV в. до н. э.

Кулаковско-ковалевский тип объединяет 21 изображение. В основном они оформляют предметы конского снаряжения — бронзовые уздечные бляхи, за исключением двух случаев, в которых они помещены на предметы вооружения, — на золотую обкладку ножен меча (13) и на бронзовую крестовидную бляху «ольвийского типа» (20). Эти предметы происходят практически из всех регионов скифской археологической культуры: с территории Крыма (1, 10), Нижнего Побужья (2), Нижнего Поднестровья (12), Среднего Поднепровья (3–7, 20), Среднего Подонья (8, 9, 15, 19), Нижнего Поднепровья (13), Прикубанья (14, 17, 18, 21), Ставрополья (11, 16). Изображения в основном оформляют предметы конского снаряжения — бронзовые уздечные бляхи (1–12, 14–19, 21), за исключением двух случаев, когда они помещены на предметы вооружения — на золотую обкладку ножен меча (13) и на бронзовую крестовидную бляху «ольвийского типа» (20).

Модель типа. Изображен поджарый хищник с относительно узкими туловищем, шеей и ногами, с узкой и, как правило, длинной мордой, с открытой пастью, с узким листовидным или трапециевидным ухом. Очевидно, это волк[1]. Изображения моделированы в одностороннем рельефе, с прорезями, отделяющими туловище, шею и хвост от ног, т. е. они ажурные, исключая фигуры на перекрестье рукояти меча и на крестовидной бляхе, для которых ажурная моделировка была нецелесообразна в силу назначения предмета (13, 20).

Фигура строго профильная, вписана в замкнутый круг или овал. Нижние части ног всегда отделены от туловища пространством. Зад отстоит на расстоянии от морды, соответственно контур замыкается хвостом, продолжающим дугу спины и вытянутым к носу хищника, в который упирается загнутым концом. Глаз и ухо, как правило, примыкают или почти примыкают друг к другу, тогда как ноздря находится на расстоянии, порой значительном, от глаза. Ухо облегает шею или отступает вверх от шеи (ноздря, глаз и ухо хищника находятся

[1] Ср. аналогичную видовую атрибуцию: Шкурко, 1969. С. 37; Ильинская, 1971. С. 83–84; Яковенко, 1976. С. 130–131; Королькова, 2006. С. 74.

на прямой линии или же на ломаной линии, вершину которой составляет глаз).

Глаз округлый или овальный. Ноздря овальная или петлевидная, в единичных случаях не обозначенная (14, 16, 20). В устье пасти отображены зубы (исключая изображение из некрополя Волна-I (21) и наиболее схематичные изображения, очевидно, являющиеся периферийными подражаниями — 15, 16, 20): это клыки, замыкающие пасть и моделированные рельефной или скульптурной одной или двумя поперечными полосками, причем эта анатомическая деталь иногда превращается в декоративный элемент (14, 17–19). Лопатка и бедро, выделенные в контуре и рельефно, на фоне узких шеи и туловища выглядят мощными. У большинства зверей, за исключением явно подражательных изображений (7, 13, 15, 17–20), вдоль шеи до лопатки проходит так или иначе подчеркнутая грань плоскостей, имитирующая напряженные шейные мускулы, а по нижнему краю шеи — валик, очевидно, передающий шерсть (1, 2, 5, 6, 7, 9, 10–12, 14, 16, 18, 21), иногда покрытый поперечным рифлением (1, 2, 5, 6, 9, 12, 21); аналогичное рифление может проходить и по внешней стороне шеи (9) или же покрывать шею полностью (19). Полоса, аналогичная шейной, рифленая или гладкая, имитирующая, очевидно, шерсть на загривке зверя (Ковпаненко, Бунятян, 1978. С. 66), обрамляет с внешней стороны лопатку; исключение опять-таки составляют подражательные изображения (14, 15, 17, 18, 20), а также изображения на томаковском мече (13). Часто эта полоса завершается птичьей головой, отчетливо выраженной или схематизированной (1, 3–7, 10, 11, 12, 15), ее рудимент сохраняется в подражательных изображениях (14, 16) и у фигуры из некрополя Волна-I (21). В одном случае (9) аналогичное рифление, имитирующее шерсть, присуще и участку туловища между лопаткой и бедром с внешней и внутренней стороны.

Хвост, как правило, тонкий, гладкий, лишь в двух случае более мощный (1, 20) и покрытый поперечным рифлением (1), почти всегда (исключение — енкивецкое изображение, 20) закручен на конце и часто завершается более (1, 2, 9, 13, 21) или менее (3, 5, 8) отчетливой птичьей головкой, иногда атавистичной (6, 7, 10, 12). Лапы хищника загнуты или закручены, но никогда не обозначены простым кружком, поскольку показаны с рельефно проработанными преувеличенными пальцами (от одного до трех), исключая енкивецкое изображение.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Изобразительпая дипамика типа (см. Приложение 5, рис. 3). Ядро, иконографическую основу типа составляют такие изображения, как кулаковское (1), ковалевское (2), пантикапейское (10), из некрополя Волна-I (21), журовское (3), раскаецкое (12), староживотинное (9) и, в меньшей мере, раннее изображение из Частых курганов (курган 8 раскопок ВУАК) (8) (о датировке изображений из Частых курганов см. ниже)[1]. В них характерные черты типа наиболее устойчивы, эти изображения более высокого качества, чем остальные фигуры этого типа, кроме того, в этих изображениях наиболее распространены и отчетливы сложные зооморфные трансформации. К этим образцам по иконографии и моделировке примыкает и бурлацкое изображение (11), очевидно являющееся ранним провинциальным подражанием.

При этом сравнение среднедонских изображений со степными и лесостепными поднепровскими подтверждает мысль А. И. Шкурко о вторичности сюжета свернувшегося хищника на среднедонской территории по отношению к Поднепровью (Шкурко, 1976. С. 99, 101. Рис. 3). Так, в изображениях из Частых курганов (8, 15) контуры ног становятся изломанными, крайне схематизируются или вовсе атрофируются лапы, лопатка сливается с туловищем и шеей. Впрочем, подобное вырождение образного строя характерно и для некоторых лесостепных поднепровских изображений, например для журовского, где лопатка и бедро животного не выделены и туловище довольно бесформенно, валик на лопатке выражен слабее. Возможно, всё это показывает, что схема изображений свернувшегося в кольцо хищника данной сюжетно-стилистической группы сформировалась в степной Скифии и затем заимствовалась в изображениях лесостепного Поднепровья с последующим копированием в лесостепном Подонье. При этом мотив окаймления лопатки рифленым валиком, более отчетливый в степном Поднепровье, известен и за пределами восточноевропейского скифского звериного стиля (на бляхе из Зивие (Сорокин, 1972. С. 75–78), хотя и не столь ярко выражен, валик короче)[2]. Отображение гениталий зверя в кулаковском изображе-

[1] На значительное сходство бляхи из Староживотинного с бляхами из Кулаковского кургана и Ковалевки уже указывал А. П Медведев (Медведев, 2001. С. 7), справедливо обративший внимание и на почти тождественное староживотинному изображение хищника на бляхе из погр. 23 Ананьинского могильника, датируемое V в. до н. э. (Збруева, 1952. С. 37. Табл. IV, 12). Этому хронологическому контексту соответствует то, что Староживотинная бляха происходит предположительно из комплекса с зеркалом с боковой ручкой, датированным Т. М. Кузнецовой второй пол. V в. до н. э. (Медведев, 2001. С. 7).

[2] В то же время мотив обрамления лопатки рифленой полосой отсутствует в известных мне сако-сибирских, поволжско-приуральских и прикубанских изображениях в зверином стиле (Ильинская,1971. С. 64–84; Руденко, 1953, 1960; Переводчикова, 1984. С. 20–30).

нии, в принципе не типичное для скифо-сибирского звериного стиля, по всей видимости, в данном случае является следствием влияния античной традиции.

Очевиден провинциально-подражательный характер (по отношению к вышеперечисленным изображениям) схематичных геометричных плоскостных изображений «мирного» хищника — беззубого (14–16) или чьи зубы превратились в декоративный элемент (17–19), с территории Среднего Подонья, Прикубанья и Ставрополья (позднее изображение из Частых курганов (курган 1 раскопок ВУАК) (15), Русская Тростянка (19), майкопская покупка (14), Семибратнее городище (18), Елизаветинская (17), Грушевские курганы (16)). Эти изображения демонстрируют постепенное вырождение иконографии данного типа.

Наконец, енкивецкое (20) и томаковское (13) изображения представляются тупиками ранней стадии развития иконографии данного типа. Характерно, что Ю. Б. Полидович вывел изображение свернувшегося хищника на енкивецкой крестовидной бляхе за рамки выделенной им иконографической группы образов хищников на «ольвийских» бляхах как ни с чем не сходное (Полідович, 2000. С. 3). Мне представляется, что по видовым чертам и по композиционно-стилистическим признакам енкивецкое изображение относится к Кулаковско-ковалевскому типу, к его иконографической периферии.

Геральдическое томаковское изображение, вероятно, представляет собой попытку вписать в контур свернувшегося хищника геральдическо-синтетическую сцену, заимствованную из античного или передневосточного искусства, с применением элементов иконографии, сложившейся в рамках Кулаковско-ковалевского типа.

Хропология. Нижнюю хронологическую границу типа определяют объективные датировки таких изображений, как пантикапейское (10) (конец VI — первая четв. V в. до н. э.), из кургана 8 группы Частых (раскопки ВУАК) (8) (рубеж VI–V вв. до н. э.) и протопоповское (7) (вторая четв. V в. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов). Для макеевского изображения (5) имеется объективная датировка первой пол. V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Кулаковское и ковалевское изображения (1, 2) можно датировать в совокупном интервале очень близких им пантикапейского и протопоповского изображений, т. е. в рамках конца VI — первой пол. V в. до н. э. Это немного позднее, чем дата, предложенная для кулаковского комплекса Э. В. Яковенко (вторая пол. VI — рубеж VI–V вв. до н. э.) на основании типов наконечников стрел и по иконографии вотивного скипетра (Яковенко, 1976. С. 130).

Острая Томаковская могила включена А. Ю. Алексеевым в 1-ю из выделенных им трех хронологических групп скифских памятников конца VI–V в. до н. э., отличающуюся от остальных целым рядом архаизирующих признаков в погребальном инвентаре и в стратиграфии; в конечном счете этот курган отнесен исследователем к концу VI — началу V в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 196–198, 296). Это соотносится с нашим наблюдением о возможной ориентировке «мастера томаковского меча» на изначальные образцы Кулаковско-ковалевского типа.

Как уже отмечалось в связи с датированием изображений Бельско-енкивецкого типа, дата енкивецкой бляхи (20) может определяться в рамках конца VI — середины V в. до н. э.

Индикатором верхней хронологической границы типа является изображение из кургана 1 группы Частых (раскопки ВУАК) (15). Данный курган датирован П. Д. Либеровым IV в. до н. э., справедливость этой датировки подтверждается наличием в данном комплексе налобника с крючком, относящегося к категории изделий, которые в скифских памятниках не могут датироваться ранее IV в. до н. э. (см. Канторович, 2007б; 2007в). Относительно другого среднедонского изображения — из кургана 10 группы Русская Тростянка (19) — нет таких независимых хроноиндикаторов, сам комплекс датирован П. Д. Либеровым широко: в пределах V–IV вв. до н. э. (Либеров, 1965. Табл. IX); однако ясно, что крайний схематизм этого изображения не позволяет отнести его ко времени ранее эталонных изображений данного типа, т. е. ранее середины V в. до н. э. Тот же принцип должен быть применен и к подражательным и схематичным северокавказским изображениям (исключая вышеупомянутое бурлацкое (11), более близкое к иконографическому ядру данного типа): именно, майкопская покупка (14), семибратнее (18), елизаветинское (17), грушевское (16) изображения не могут датироваться ранее середины V в. до н. э. При этом применение косвенного объективного хроноиндикатора возможно в отношении грушевской бляхи[1], поскольку в комплексе с ней присутствует меч синдо-меотского типа, который следует отнести в рамках классификации В. Р. Эрлиха к 1-му отделу, 1-му подотделу 1-му типу. Мечи этого таксона датируются в рамках второй пол. V в. — IV в. до н. э. (они появляются во второй пол. V в. до н. э., наибольшее распространение

[1] Комплекс из Грушевских курганов раскопок Федотова В. Б. Виноградов датировал сер. V в. до н. э., без указания на какие-либо основания (Виноградов, 1972. С. 34). Ю. А. Прокопенко предложил совершенно иную датировку — началом IV в. до н. э.: по стрелам, зеркалу и с учетом самой бляхи с исследуемым нами зооморфным изображением (Прокопенко, 2005. С. 403).

получают в IV в. до н. э.) (Эрлих, 1991. С. 79–80. Рис. 1). Очевидно, в этих рамках следует датировать и весь грушевский комплекс.

Таким образом, данный тип изображений датируется в рамках последней четв. VI — конца IV в. до н. э.

Тин I-1-А-б-I-4 Кумбултинский, вторая нол. V — начало IV в. до н. э.

К данному типу относятся 5 изображений, происходящих с территории Центрального Предкавказья. Это фигуры, оформляющие бронзовые уздечные бляхи.

Модель тина. Представлен хищник неопределенной видовой принадлежности, со сглаженным туловищем, со схематично переданными анатомическими элементами. Изображения ажурные: моделированы в одностороннем высоком рельефе, с прорезями, отделяющими туловище и шею хвост от ног. Фигура строго профильная, вписана в замкнутый круг. Нижние части ног отделены от туловища пространством. Зад отстоит от морды, соответственно контур замкнут хвостом, который может проходить вовнутрь контура фигуры между задом и мордой хищника (1, 3), а может продолжать дугу спины и упираться загнутым концом в нос хищника. Глаз и ухо примыкают друг к другу, тогда как ноздря находится на расстоянии от глаза. Ухо крупное, облегает шею (ноздря, глаз и ухо хищника находятся на ломаной линии, вершину которой составляет глаз). Глаз округлый или овальный, крупный (1) или средних размеров (2–5). Ноздря овальная или петлевидная. В устье пасти отображены зубы (исключая схематичное изображение из Лугового могильника, 5): это клыки, моделированные рельефно. В трех случаях рельефно показаны один за другим два больших сегментовидных клыка, впереди верхний, за ним нижний (1, 2, 4).

Лопатка и бедро почти не акцентированы рельефно, а выделены в контуре или же вовсе не выделены (4, 5). В наиболее качественном изображении типа вдоль шеи до лопатки проходит рельефная полоса из четырех крупных овалов, обрамленных полосами и, очевидно, передающих шерсть (1); рудименты этого приема мы встречаем в другом изображении (2), в котором таким же образом имитирована и шерсть на туловище от лопатки до бедра. В одном случае лопатка заполнена рифленой птичьей головой с округлым глазом и закрученным клювом (1), в другом случае на лопатке помещен рельефный завиток (атавизм клюва?), а еще один такой же маркирует бедро (3). Хвост как правило тонкий, гладкий, в одном случае (2) закручен на конце. Нижние части ног либо параллельны друг другу и упираются друг в друга (лапа передней — в пятку, лапа задней — в локтевой выступ), образуя замкнутый овал, повторяющий внешний контур фигуры (1–3), либо же в схематичных подражаниях ноги перпендикулярны (4, 5). Лапы хищника загнуты, показаны либо с тремя рельефно проработанными преувеличенными пальцами (1, 3), либо утолщениями (2, 4, 5).

Изобразительная динамика. Более четкое, более рельефное и подвергнутое зооморфной трансформации кумбултинское изображение (1) представляется первичным по отношению к остальным изображениям. При этом изображения из Гастон Уота и Фаскау (2, 3) — уплощенные, схематичные, с атавизмами зооморфной трансформации — представляются непосредственными подражаниями кумбултинскому, тогда как фигуры из Лугового могильника (4, 5) — отдаленными подражаниями, доводящими признаки этих изображений до крайней схематизации.

Кумбултинский тип, вероятно, возник вследствие подражания в кобанском искусстве изображениям свернувшегося хищника скифского круга (как келермесского типа, так и Кулаковско-ковалевского типа, либо по отношению к савроматским образцам), чем и обусловлена его видовая неопределенность (ср. Мошинский, Переводчикова, 2004. С. 8).

Хронология Кумбултинского типа определяется в первую очередь датировкой верхнего слоя погр. 19 могильника Гастон Уота. Этот комплекс отнесен А. П. Мошинским по типам различных содержащихся в нем вещей к выделенному им горизонту дигорских погребений конца V — начала IV в. до н. э. (Мошинский, 2006. Табл. 1. С. 141. Табл. 2). Большое сходство кумбултинского и фаскауского изображений с бляхой из Гастон Уота позволило исследователю датировать их аналогично (Мошинский, 2006. Табл. 1. С. 141). При этом кумбултинское изображение как первичное скорее должно быть отнесено к началу этого хронологического отрезка. Общая дата Лугового могильника, по Р. М. Мунчаеву: VI–V вв. до н. э. (Мунчаев, 1963. С. 211). С учетом наличия в том же погр. 64/128 изображений, подражающих скифомеотской композиции «птица на рыбе», появившейся в скифском искусстве не ранее первой пол. V в. до н. э. (см. ниже), можно сузить датировку данного комплекса и соответственно блях со свернувшимся хищником до V в. до н. э.

Таким образом, предельные рамки Кумбултинского типа могут быть определены как V — начало IV в. до н. э.

Тин I-1-А-б-I-5 Акбурунско-семибратненский, середина — вторая нол. V в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Крыма (1), Прикубанья (3) и Среднего Подонцовья (2). Это фигуры, оформля-

ющие бронзовые уздечные бляхи (1, 3) и золотую нашивную бляшку (2).

Модель тина. Представлен хищник с короткой мощной головой, большим овальным ухом, широким туловищем, с гривой или ее рудиментом (кошачий хищник, скорее всего, лев[1]). Изображения моделированы в одностороннем высоком рельефе, одно из них (1) ажурное, для передачи анатомических деталей применяется контраст между гладкой поверхностью и крупным рифлением. Фигура строго профильная, вписана в замкнутый круг. Ноздря, глаз и ухо хищника преувеличены, почти примыкают друг к другу и не выходят за пределы контура фигуры. Ухо прилегает к шее, вписываясь в общий контур. Глаз относительно натуралистичный, овальный, в одном случае (3) со слезником. Ноздря округлая (2) или петлевидная (1, 3). Пасть открыта, образована подковообразной рельефной линией. Лопатка и бедро достаточно мощные, гладкие, выделены сегментовидными выпуклостями (в одном случае (1) выделена дополнительная «малая лопатка» — попытка передать плечо зверя); коленный выступ отделен углублением. Предплечье с кистью и стопа относительно тонкие на фоне мощного туловища. Лапы хищника загнуты или закручены, поскольку показаны с рельефно проработанными преувеличенными пальцами (с одним (1), двумя (3) или тремя (2)). Зад отстоит от морды, контур замыкается хвостом, продолжающим кривую линию спины и вытянутым к носу хищника, в который упирается загнутым концом.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Хронология. Хронологическую основу типа составляет объективная датировка семибратненских блях (3) серединой — третьей четв. V в. до н. э., или, более узко — 440–430 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Сходно должно датироваться близкое ему акбурунское изображение (1), что не противоречит датировке происходящей из акбурунского комплекса бляхи в виде конечности хищника типа 6 («Ак-Бурун — Острая могила»), датируемого в рамках V — третьей четв. IV в. до н. э. (акбурунское изображение конечности находится в начале эволюционного ряда, соответствующего данному типу). Старомерчикское изображение (2) представляется подражанием изображениям такого рода, как семибратненское и акбурунское, и может быть ориентировочно датировано второй пол. V в. до н. э.

Таким образом, совокупная дата Акбурунско-семибратненского типа: сер. — вторая пол. V в. до н. э.

[1] В. А. Ильинская трактует хищника на семибратненской бляхе однозначно как льва (Ильинская, 1971. С. 80).

Тин I-1-А-б-I-6 Ольвийско-басовский, вторая четв. VI — начало V в. до н. э.

К данному типу относятся 7 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (3, 5, 6), Нижнего Побужья (1), Нижнего Поднепровья (4, 7) и Нижнего Подонья (2). Это фигуры, оформляющие бронзовые крестовидные бляхи «ольвийского типа» (1, 2, 5), в том числе обтянутые золотым листом (3, 4) — вероятно, атрибуты вооружения (колчана?), а также бронзовые уздечные бляхи (6, 7).

Модель тина. Представлен хищник, относительно короткоголовый и узкомордый, с хоботовидной верхней челюстью, с округлым или овальным ухом (скорее, семейства кошачьих). Изображения моделированы в одностороннем рельефе, крайне схематичные и примитивно выполненные. Фигура строго профильная, одиночная (1, 2, 5–7) или в композиции с терзаемым копытным (3, 4), вписана в круг или овал. Хищник представлен с округлым/овальным концентрическим глазом, с аналогичным ухом, с каплевидной ноздрей, с закрытой или чуть приоткрытой пастью (зубы не показаны), с рельефно выступающим подбородком. Туловище гладкое, лопатка и бедро не акцентированы. Предплечье и стопа относительно тонкие, завершаются преувеличенными лапами-утолщениями без пальцев или со слабо намеченными пальцами. Зад отстоит от морды, в замкнутых фигурах контур ограничивается хвостом, продолжающим линию спины и вытянутым к носу хищника, на конце закручиваясь назад, либо передней лапой, просунутой между хвостом и мордой (1).

Изобразительная динамика и аналогии. На несомненную близость композиционной основы данных изображений и, возможно, преемственность по отношению к схеме стоящих на полусогнутых ногах кошачьих хищников типа келермесской пантеры и наверший рукоятей зеркал «ольвийского типа» уже указывала С. И. Капошина (Капошина, 1956. С. 178, 179). Не следует исключать правоту В. Ю. Мурзина, связывающего примитивизм гусаровских фигур (4) с влиянием греческого искусства (Мурзин, 1977. С. 57), но всё же точнее предположить, что искажение и огрубление рисунка здесь объяснимо неумелой попыткой скифского мастера подражать греческим художественным приемам.

Видовую оригинальность и иконографическую близость образов хищников на бляхах «ольвийского типа» отмечал и Ю. Б. Полидович (Полідович, 2000. С. 3; см. также: Полидович, 2009)[2], обоснованно

[2] «Вони досить оригінальні і майже не зустрічаються на інших скіфських виробах. Хижаки мають масивну голову з великим круглим оком і округлим верхнім контуром (на відміну від профільованого у реальних хижаків

выведший за рамки этой группы изображение свернувшегося хищника на енкивецкой бляхе как ни с чем не сходное (в нашей классификации енкивецкий хищник также отнесен к другому типу — Ковалевско-кулаковскому). Опять-таки Ю. Б. Полидович (Полідович, 2000. С. 3–4) уже обратил внимание на то, как похожи на «ольвийские» изображения фигуры хищников, оформляющие уздечные бляхи из Басовки, курган 482 (6) и «из г. Майкопа» (7) (в реальности майкопская локализация, установленная В. А. Ильинской и А. И. Тереножкиным, ошибочна, эта бляха происходит из Мелитопольского уезда)[1].

Ближайшую аналогию ольвийскому и дугинскому изображениям (1, 2) составляют фигуры на бляхах «ольвийского типа», найденных за пределами восточноевропейского скифского звериного стиля: из погр. 3 кургана 3 могильника Аксай-I в Нижнем Поволжье (Дьяченко и др., 1999. Рис. 5: 2) и из Армашоайи и Бырсешти в Румынии (Dumitrescu, 1974. Fig. 471: 1, 2). Кроме того, близкое изображение помещено в центре известной бляхи «ольвийского типа» из коллекции Боткина (Капошина, 1956. С. 188. Рис. 26); ввиду неясности происхождения этого изделия данная фигура, как и все остальные зооморфные изображения на бляхе, не включаются нами в общий массив изображений восточноевропейского скифского звериного стиля.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Хронология типа определяется датировкой ольвийского изображения (1), происходящего из комплекса, предельные рамки которого определяются как вторая четв. VI — начало V в. до н. э. (по другой версии — не позднее второй четв. VI в. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов). Эта датировка распространяется на все крестовидные бляхи «ольвийского типа». Этому не противоречит и датировка вышеупомянутой аксайской аналогии, происходящей из комплекса, который надежно датируется по античной амфоре, расписанной красной краской, относящейся к сер. — второй пол. VI в. до н. э. (Дьяченко и др., 1999. С. 108; Рис. 5: 1; Алексеев, 2003. С. 202).

Тип I-1-А-б-I-7 Роменский,
конец VI — нервая нол. V в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Среднего Поднепровья (1). Это изображение на корне кабаньего клыка, на острой части которого изображена птичья голова.

Изображен хищник, короткоголовый и тупомордый, с широким коротким полуовальным ухом (т. е. кошачий). Изображение моделировано гравировкой. Фигура строго профильная, вписана в овал, нижние части ног противонаправлены и упираются друг в друга. Передняя нога плотно прижата к шее и подведена к подбородку, причем примыкает к пятке задней ноги, в свою очередь упирающейся в подбородок, голень хищника примыкает к нижней челюсти, хвост упирается в нос. Пространство в центре фигуры между задней ногой заполнено трехлепестковой пальметкой, обрамленной волютами, одной из которых является задняя лапа хищника, а вторая, симметричная ей волюта, превращена в птичью голову и наложена на бедро.

Голова овальная, в ее контуре заключен подобный глаз среднего размера. Ноздря, глаз и ухо хищника находятся на прямой линии. Ухо овально-листовидное, как бы торчащее на коротком черенке. Ноздря укрупненная, дана лотосовидным завитком, отделена углубленной прямой линией рта от узкой нижней челюсти. Щека выпуклая, маркирована клювовидным завитком по поверхности. Шея мощная, гладкая, длинная, трапециевидно-дуговидная. На шее рельефными линиями показаны складки шерсти. Лопатка обозначена рельефной птичьей головой, далее туловище вновь гладкое, тазобедренный участок, как уже сказано, маркирован птичьей головой, одновременно составляющей одну из волют пальметки. Хвост короткий, тонкий.

Хронология. Большинство орнаментированных кабаньих клыков, а также их бронзовых моделей, в соответствии с выводами Е. Ф. Корольковой, составившей наиболее полную их сводку, «ложится в сравнительно небольшой временной интервал,

---

та більшості хижаків, зображених у “звіриному стилі”). Нижню щелепу зображено відокремленою, пащу — беззубою. Велика голова через коротку шию, що повністю закрита вухом, переходить у тіло з трипалими лапами і довгим хвостом, кінець якого закручений у спіраль або ж кільце. Таких хижаків зображено згорнутими у центрі блях (Ольвія, Дугіне, Аксай — рис. 2: 1–3) і у сценах “нападу” (Опішлянка, Гусарка — рис. 1, 7–8). Близькими до них за зображенням тіла є хижаки, що розміщені у верхніх частинах блях з Опішлянки та Гусарки. Але головна особливість останніх — троїсте кільчасте зображення вуха, ока і ніздрі — відрізняє цих звірів від визначеної групи хижаків, але наближає їх до архаїчних зображень келермесського типу» (Полідович, 2000. С. 3).

[1] В первой публикации данной бляхи в книге В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина ее местонахождение указано как «окрестности г. Майкопа» (Ильинская, Тереножкин, 1983. Рис. на с. 52, подпись). Однако в ходе нашего изучения этой бляхи de visu и анализа связанной с ней документации в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (это стало возможным благодаря любезному содействию А. Ю. Алексеева и Т. В. Рябковой) было обнаружено, что бляха (шифр: ГЭ Дн 1901) происходит «из окрестностей с. Водяного Мелитопольского уезда Таврической губернии» (Дело Архивной комиссии 1901, № 109). Эта бляха упомянута в: ОАК за 1901 г. С. 134.

определяемый примерно концом VI — первой пол. V в. до н. э.» (Королькова, 2006. С. 121; ср. Яковенко, 1969. С. 207). Эта датировка не противоречит стилистике роменского изображения, сочетающего архаичные черты иконографии кошачьего хищника вышеописанного Келермесского типа с явным влиянием на скифский звериный стиль античной орнаментики (пальметка с волютами), которое началось уже в период «скифской классики».

Тин I-1-А-б-I-8 Кулаковский,
конец VI — нервая нол. V в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Среднего Поднепровья (1). Эта фигура оформляет бронзовую уздечную бляху, происходящую из кургана Кулаковского того же погребального комплекса, к которому относится бляха большего размера с изображением, являющимся одним из эпонимов Кулаковско-ковалевского типа.

При всем стилистическом сходстве с вышеописанным изображением на большой Кулаковской бляхе фигура на малой Кулаковской бляхе составляет отдельный тип, поскольку представляет собой композиционный эксперимент. Здесь изображен свернувшийся хищник в полуовальном контуре с задней ногой под туловищем и с передней ногой, вывернутой наружу над туловищем и вытянутой вдоль шеи с внешней стороны животного. Шея и туловище изогнуты дугой, а прямая задняя нога, как хорда, замыкает дугу, концом вытянутой лапы подпирая пасть животного. При этом никакой «вывихнутости» задней конечности нет, и если мысленно согнуть заднюю ногу животного, она разместится аналогично ноге других свернувшихся хищников. В этой связи представляются неверными суждения о «перевернутости» задней ноги животного по отношению к туловищу (Артамонов, 1966б. С. 30), равно как и о «вывихнутости» туловища (Яковенко, 1976. С. 131–132).

В стилистическом отношении данное изображение аналогично изображениям Кулаковско-ковалевского типа, и в первую очередь фигуре на большой бляхе из того же Кулаковского погребального комплекса (в том числе и по такому признаку, как зооморфное превращение лопатки — в данном случае в голову лося, аналогичную голове лося на предплечье хищника на большой кулаковской бляхе). Отметим лишь те черты в трактовке анатомических деталей, которые отличают данное изображение от стандарта Кулаковско-ковалевского типа: лапы зверя, хотя и преувеличены, но трактованы более реалистично, с рельефной имитацией всех четырех пальцев; на внутренней стороне бедра тазобедренная впадина заполнена клювовидным рельефным завитком.

Хронология. Поскольку большая бляха из Кулаковского кургана, будучи сходной с пантикапейскими и протопоповскими изображениями Кулаковско-ковалевского типа, может датироваться аналогично пантикапейскому и протопоповскому закрытым комплексам с объективными хроноиндикаторами в их совокупном интервале концом VI — первой пол. V в. до н. э., аналогично должна датироваться и малая Кулаковская бляха.

Группа I – подгруппа 1 – класс А – подкласс б – отдел II

Тин I-1-А-б-II-1 Ольвийский,
сер. VI — нервая нол. V в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Нижнего Побужья и оформляющее золотые нашивные бляшки (1).

Изображен хищник, относительно короткоголовый, широкомордый и тупомордый, с короткими ушами (семейства кошачьих), с головой анфас. Изображение моделировано рельефно, строго профильно, исключая голову, представленную в плане с обоими глазами и ушами. Голова повернута на зрителя на 90 градусов относительно всей фигуры и продолжает линию шеи. Уши, глаза, лапы и завиток хвоста моделированы соразмерными кружками с углублением. Глаза обрамлены рельефными бровными дугами, переходящими в рельефный нос, разделяющий поверхность головы надвое, в результате образуется V-образная (или лотосовидная) фигура. Щеки выпуклые. Тело смоделировано плавно сходящимися плоскостями; рельефно отделенные от туловища лопатка и бедро имеют сегментовидные очертания, нижние части ног укорочены, параллельны и противонаправлены друг другу. Завиток хвоста, отделенный от зада рельефными полосками (имитация перекрученности хвоста?), упирается в морду зверя.

Проблема аналогий и хронология. Все немногочисленные изображения свернувшихся хищников с головой анфас в скифо-сибирском зверином стиле, включая ольвийское, были собраны Е. С. Богдановым и Ю. Б. Полидовичем (Богданов, 2006. Табл. XIII; Полидович, 2008. Рис. 4). На сегодняшний день самая близкая (в территориальном отношении) композиционная аналогия ольвийскому изображению происходит с территории Казахстана — из комплекса у с. Чистый Яр, датируемого Ф. Х. Арслановой VI в. до н. э. (Арсланова, 1974. С. 77–83. Рис. 22), остальные происходят из различных районов Китая и Монголии. Возможно, что эта необычная для Северного Причерноморья композиционная схема, действительно, могла прийти сюда из указанных регионов, но, пока не найдены промежуточные территориальные аналогии, не следует исключать и другие возможности.

Так, если безусловно принимать идею семантической изначальности сюжета свернувшегося хищника, можно объяснять поворот головы животного на ольвийской бляхе как композиционное отклонение от основной схемы свернувшегося хищника Келермесско-яблоновского типа, — отклонение, возникшее либо в результате влияния схем идущего или лежащего в профиль кошачьего хищника в скифском искусстве (наподобие пантеры из Золотого кургана, см. ниже), либо как влияние греческого искусства, практиковавшего поворот головы анфас еще на коринфских вазах, или же передневосточного искусства, где этот ракурс также хорошо известен.

Нижняя хронологическая граница погребального комплекса, откуда происходят ольвийские бляшки, определяется Б. В. Фармаковским по алебастровым вазам из того же комплекса, предположительно происходящим из Навкратиса. Эти предметы датируются Б. В. Фармаковским не ранее середины VI в. до н. э. (Фармаковский, 1914. С. 18–19, 26. Табл. IV, 1, 2). Верхняя граница исследователем не указана, но такие архаизирующие иконографические особенности ольвийского изображения, как композиционная компактность, мощные укороченные конечности, обозначение лап и хвоста кружками, заставляют связывать его с изначальной иконографией типа I-1-А-б-I-1 Келермесского, но, естественно, учитывая дату алебастровых ваз, а также нетипичную для местного скифского звериного стиля постановку головы ольвийского зверя, нельзя синхронизировать ольвийское изображение с ранними стадиями келермесского типа. Скорее, надо отнести его к поздней фазе этого типа, представленной волковецким и яблоновским изображениями и, таким образом, датировать ольвийское изображение в рамках сер. VI — первой пол. V в. до н. э.

Группа I – подгруппа 1 – класс Б – отдел I
Тин I-1-Б-I-1 Улянско-тенгинский,
IV — начало III в. до н. э.

К данному типу относятся 7 изображений, происходящих с территории Прикубанья (1–7). Это фигуры, оформляющие бронзовые налобники.

Модель тина. В большинстве случаев (1–5) изображен хищник, относительно короткоголовый, тупомордый и короткоухий (т. е. семейства кошачьих). Однако звери на налобниках из хутора Прикубанского имеют отчетливые признаки волка: длинную морду и длинное, узкое ухо (6–7); тем не менее, в остальном эти изображения очень близки другим фигурам данного типа, что позволяет их относить к единому морфологическом типу.

Моделировка плоскостная ажурная, контуры деталей обозначены углубленными линиями и прорезями. Фигура строго профильная, основу композиции составляет S-видная центрально-симметричная схема.

Хищники представлены с прямоугольно подогнутой передней ногой, упирающейся лапой в морду, с широко открытой пастью, в одном случае зверь поглощает обособленную голову оленя (4); задняя часть туловища и задняя нога вывернуты на 180 градусов, задняя нога согнута параллельно передней и упирается внешней стороной лапы в спину зверя.

Глаз хищника округлый или овальный, с отходящим назад дуговидным слезником; но в одном из тенгинских изображений глаз сформирован завитком, завершающим желобок, отходящий от ноздри (возможно, это одновременно клюв схематичной птичьей головки, чей глаз образует ноздря хищника) (7). Участок головы с верхней челюстью и глазом в большинстве случаев (1–4) отделен углубленной линией от шеи и нижней челюсти, а голова как таковая, исключая одно из изображений из хут. Прикубанский (7), отделена по основанию от шеи границей в виде простого желобка (1–4) или полоски с поперечным рифлением (5, 6). Пасть замыкается преувеличенными клыками, между которыми в одном случае (4) зажата морда поглощаемого оленя. Остальные зубы имитированы четкой или слабовыраженной рифленой полосой вдоль края пасти. Туловище и ноги хищника зауженные гладкие, туловище в большинстве случаев (1–5) оконтурено углубленной линией (в трех случаях покрытой поперечным рифлением — 2, 4, 5; в одном случае это рифление идет лишь по загривку — 7), придающей плоскостному изображению видимость рельефности и, возможно, имитирующей шерсть. Лапы преувеличенные, сведены к одному или двум прочерченным пальцам с загнутыми когтями. Хвост хищника прилегает к поверхности зада и задней ноги.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Изобразительная динамика и ближайшие аналогии. Совершенно очевиден вторичный и подражательный характер геометричных и схематичных тенгинских изображений, особенно зверей из хут. Прикубанский (2, 3, 6, 7) по отношению к более натуралистичным уляпскому, «майкопскому» и мезмайскому (1, 4, 5).

Ближайшей аналогией уляпским и тенгинским изображениям (в большей мере уляпскому) является налобник из Гюэноса (Шамба, 1988. Табл. XX, 1; Эрлих, 2004а. Рис. 6). Кроме того, в комплексе кургана 3 Филипповской группы, у подножия насыпи, в сочетании с рядом других уздечных предметов, оформленных в прикубанском стиле, обнаружен бронзовый налобник с весьма схематичным

изображением припавшего на передние лапы изогнутого хищника с вывернутой задней частью. Очевидно, это подражание налобникам типа уляпского и тенгинского (Канторович, Яблонский, 2009. С. 82).

Хронология. Основу хронологии данного типа составляют датируемые по объективным показателям (преимущественно по античным импортам) уляпские изображения (в рамках IV в. до н. э.), изображения из хут. Прикубанский (комплексы погр. 33 и 224, откуда происходят налобники соответственно с изображениями 6 и 7, датируются соответственно второй четв. — серединой IV в. до н. э. и 360–340-ми гг. до н. э.), а также тенгинские изображения (вторая пол. IV в. до н. э. — начало III в. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов). Заметим, что более поздняя дата тенгинских изображений соответствует их позиции в эволюционном ряду.

В силу морфологического сходства с этими изображениями изображение из «Майкопского клада» также должно датироваться в рамках IV в. до н. э. (ср. Leskov 2008. P. 136). Таким образом, предельные рамки Уляпско-тенгинского типа: IV — начало III в. до н. э.

Тин I-1-Б-I-2 Кужорский,
нервая — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Прикубанья (1).

Изображен хищник, относительно короткоголовый и тупомордый (т. е. семейства кошачьих), при этом без явно выраженного уха (попытка показать грифона?). Моделировка плоскостная ажурная, контуры деталей обозначены углубленными линиями и прорезями. Изображение составлено из сдвоенных антитетичных строго профильных, S-видных фигур, которые примыкают друг к другу шеями и (частично) ногами.

Хищники крутолобые, с преувеличенными каплевидными глазами, обведенными двойным контуром, с отходящим назад дуговидным слезником. Внешние контуры фигур хищников дублированы линией. Кроме того, линией отграничена часть головы с глазом и ноздрей. Контур ноздри обозначен округлой или овальной линией. Пасть широко открыта, ее окончания упираются в переднюю ногу. Зубы имитированы рифленой полосой вдоль края пасти. Лопаточно-плечевая часть каждого хищника обрисована в виде закрученного птичьего клюва, причем глаз этой птицы помещен уже в основании изгиба передней ноги. Сама же передняя нога укорочена, ступня преувеличена и завершается единственным крупным когтем. Задняя нога одного из хищников первоначально отходит перпендикулярно от туловища, но затем при переходе в ступню изгибается вверх или вперед (задняя часть второго хищника не сохранилась, но нет сомнения, что она аналогична). Преувеличенная ступня, имеющая всего один коготь, подпирает в завершающей части живот хищника и оказывается зажатой между грудной частью хищников. Кроме того, вся ступня в целом, включая коготь, превращена в шею и голову хищной птицы. Роль шеи птицы здесь выполняет собственно лапа до когтя, глаз обозначен незамкнутой овальной линией в основании когтя, а сам коготь играет одновременно роль загнутого клюва.

Аналогии. Данное изображение композиционно-стилистически очень сходно с хищниками типа I-3-А-II-2 Елизаветинско-кужорский, с той разницей, что последние показаны не с вывернутой на 180 градусов задней частью, а с туловищем в нормальном ракурсе, но с повернутой назад головой, причем место лапы, в которую вгрызается данный кужорский хищник, занимает в композиции хищников Елизаветинско-кужорского типа обособленная голова оленя. Также см. ниже, в главе о синкретических существах изображение крылатого льва из того же комплекса — это тип I-3-II-1 Кужорский таксона грифонов и крылатых львов: крылатый лев вцепляется в собственное крыло, подобно описанному выше кужорскому хищнику, грызущему собственную лапу.

Хронология. Изображение Кужорского типа датируется в рамках первой — третьей четв. IV в. до н. э. на основании стилистических и морфологических аналогий с более надежно датированными елизаветинскими комплексами (Елизаветинские курганы, курган 4/1913 г., или Южный, датируемый первой четв. IV в. до н. э., и курган 7/1917 г., датируемый третьей четв. IV в. до н. э.), к которым относятся изображения смежного Елизаветинско-кужорского типа (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Группа I – подгруппа 2 – отдел II
Тин I-2-II-1 Журовский,
нервая нол. V в. до н. э.

К данному типу относятся 2 сходных, но нетождественных изображения, происходящие из одного комплекса на территории Среднего Поднепровья (1, 2) и оформляющие бронзовые налобники.

Модель тина. Изображен хищник, короткоголовый, широкомордый и короткоухий (семейства кошачьих). Моделировка туловища и ног высокорельефная ажурная, в этой части фигура строго профильная. Моделировка шеи и головы объемная. Хищник представлен с тупоугольно подогнутыми ногами, с упирающимися друг в друга лапами, с вертикальной посаженной относительно туловища головой, перпендикулярно сидящей на шее

и повернутой анфас к зрителю, с приоткрытой пастью, с торчащими ушами. Хвост облегает поверхность зада, упирается в голень хищника с внешней стороны.

Уши, глаза и ноздри преувеличены. Глаза овальные выпуклые, в ромбической рамке глазницы. Уши овально-листовидные, с широким краем, с имитацией раковины впадиной. Ноздри выпуклые, отверстия даны углублением. Рот обозначен впадиной. Щеки и нос рельефно выделены. Подбородочные выступы рельефно акцентированы. Шея цилиндрическая. Сегментовидная лопатка и овальное бедро рельефно выделены, тазобедренная впадина обозначена выемкой. Специальным рельефным выступом показан выступ лопатки над спиной. Мускулы ног подчеркнуты углубленной линией. Лапы преувеличены, обозначены расширением, заполненным рельефными волнистыми линиями, обозначающими три пальца каждой лапы, сливающиеся с противоположными, а также отстоящий отдельно четвертый палец каждой лапы. Хвост превращен в крупную голову хищной птицы.

Различие между изображениями данного типа состоит только в пропорциях: у одного из них (1) шея значительно короче, чем у другого (2).

Хронология типа определяется объективной датировкой комплекса кургана Журовка 401 по античному импорту первой пол. V в. до н. э., возможно, еще у́же — около 475 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тин I-2-II-2 «Терновое — Семибратние», нервая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 7 изображений, происходящих с территории Среднего Подонья (1, 2, 6, 7) и Прикубанья (3–5). Эти фигуры оформляют роговой гребень (1), бронзовые уздечные бляхи (2, 5), колчанные/поясные крюки — бронзовые (3, 4, 7) и золотой (6).

Модель тина. Изображен хищник, относительно короткомордый и короткоухий (семейства кошачьих?[1]). Моделировка чаще плоскостная (1–5), реже рельефная (6, 7) ажурная, контуры деталей обозначены углубленными линиями и прорезями. Фигура строго профильная, основу композиции составляет S-видная центрально-симметричная (2–7) или осесимметричная (1) схема. Хищник представлен с подогнутыми ногами, с горизонтальной головой, повернутой противоположно туловищу, с приоткрытой пастью.

Ухо, глаз и ноздря среднего размера. Глаз хищника округлый или овальный, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы (1, 3, 4, 6, 7), причем в изображении из Тернового точкой показан зрачок (1); реже глаз дан слабозаметной выпуклостью без детализации (2, 5). Ухо овальное, с имитацией раковины впадиной (2–5) или рельефными складками (1, 6, 7). Нос округлый или овальный, полностью (1, 7) или частично (3–5) выступает за пределы контура, отверстие ноздри дано углублением; однако на одном из крючков из сборов А. А. Спицына (6) нос (как и вся морда) минимизирован, ноздря неразличима. Подбородочный выступ акцентирован (за одним исключением — 6) и соединяет голову со спиной животного, что, очевидно, было связано для бронзовых изделий (2–5, 7) не только со стилистическими, но и с технологическими соображениями (замыкание контура для обеспечения заливки металла). Для изображения на роговом гребне из Тернового (1) данный выступ технологически никак не обусловлен, т. е. осмыслен как важная образно-стилистическая деталь, причем особенность этого изображения состоит в преувеличении этого сегментовидного выступа, превращенного в своего рода бороду или складку шерсти.

Туловище и ноги хищника длинные, геометризированные (трапециевидные или подпрямоугольные), для придания плоскостному изображению видимости рельефности туловище оконтурено уступом (1, 3, 4) либо углубленной линией (2, 5), в одном случае покрытой поперечным рифлением и, возможно, имитирующей шерсть (5).

Хищники этого типа могут соприкасаться лапами, с упором передней ноги в лапу задней (1, 5) или с наложением передней на заднюю (2, 3, 7), либо же лапа задней ноги упирается в изгиб предплечья заходящей на нее передней ноги (4, 6). Кроме того, передняя нога хищника может упираться лапой в его живот (2, 4–7). Основная отличительная особенность семибратненского изображения (5) состоит в том, что задняя нога зверя, упирающаяся лапой в переднюю, здесь превращена в еще одну, тождественную голову и шею хищника, как бы кусающего собственный хвост, в роли которого выступает лапа передней ноги. Соответственно, хвост «основного хищника» играет роль передней ноги «вторичного хищника». Таким образом, это изображение представляет собой перевертыш, который может рассматриваться в обоих ракурсах, но в основе его лежит вышеописанная композиционная схема, характерная и для других изображений данного типа.

Лапы хищников обозначены утолщением, в изображении из Тернового они даны в виде концентрических окружностей, аналогичных вышеупомянутым окружностям на шее, груди, верхней части задней и передней ноги и на хвосте (1), в четырех

[1] В отношении персонажа на бляхе из Частых курганов (2) С. Н. Замятнин с сомнением указывает: «волк? собака?» (Замятнин, 1946. С. 46).

случаях показаны в виде трех или четырех рельефных пальцев (2–4, 6), в одном — без проработки пальцев (5), в одном случае выделены всего два пальца, и соответственно лапы приобретают сходство с копытами (7).

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Изобразительная динамика. Наиболее совершенным с точки зрения исполнения является изображение из Тернового (1), однако акцентирование и переосмысление подбородочного выступа, изменение пропорций туловища, наличие зооморфного превращения хвоста при создании данного образа не позволяет помещать его в начало эволюционного ряда и соответственно считать его самым ранним в рамках данного типа. То же самое, с учетом наличия полного зооморфного превращения, можно сказать и о семибратненском изображении (5), несмотря на его высокое качество. Остальные изображения, в особенности майкопское (3), схематичны и явно подражательны либо искажают образ (6, 7). Очевидно, истоки данного типа либо еще не найдены, либо находятся вне его рамок, среди других типов хищников с аналогичной композицией.

Хронология типа базируется на объективной датировке семибратненского изображения (390–380 гг. до н. э.) и изображения из Частых курганов (начало IV в. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов). Представляется, что остальные изображения данного типа не могут быть хронологически отдалены от вышеназванных, т. е. рамки типа могут быть обозначены как первая пол. IV в. до н. э.

Группа I – подгруппа 3 – класс А – отдел I

Тин I-3-А-I-1 Пастырский,
вторая нол. VI — начало V в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение с территории Среднего Приднепровья, оформляющее бронзовую уздечную бляху (1).

Представлен короткоголовый и широкомордый хищник (семейства кошачьих). Моделирован в высоком рельефе, с разделкой поверхности крупными элементами. Фигура строго профильная. Хищник показан с узким, длинным телом, вытянутым в линию, со склоненной вертикально вниз головой и торчащим большим острым ухом, равновеликим голове и продолжающим линию туловища, с приоткрытой пастью, с трапециевидными шеей и туловищем, с плотно прижатыми к шее и хвосту ногами, с подведенной к подбородку передней ногой, с мощным длинным хвостом, равновеликим задней ноге и продолжающим линию туловища. Очевидно, хищник показан в прыжке (ср. природный прототип), менее вероятно, что здесь представлен зверь, распластанный по земле.

Морда имеет подпрямоугольное завершение. Пасть приоткрытая с подковообразным рельефным краем, завершается преувеличенными клыками, нижний из которых заходит внутрь пасти за верхний. Ноздря обозначена выступом. Глаз округлый, с овальным широким слезником. Ухо полуовально-подтреугольное, с широким краем и углублением раковины. Шея мощная трапециевидная, лопатка отграничена от шеи выступом. Спина вогнутая. Туловище плавно переходит в расширенную бедренную часть. Задняя нога отделена от хвоста углублением. Ноги укорочены, лапы преувеличены, обозначены утолщениями с рельефно намеченными пальцами.

В целом данное изображение по моделировке сходно с изображениями периода «скифской архаики», а по композиции более всего близко изображениям типа I-1-А-а-I-3 Ульско-малгобекский. Соответственно можно датировать пастырское изображение второй пол. VI — началом V в. до н. э.

Тин I-3-А-I-2 Константиновский,
конец VII — начало VI в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение с территории Среднего Подонья, гравированное на известной Константиновской пластине (1).

Короткоголовый и широкомордый хищник с коротким овальным ухом (семейства кошачьих) моделирован в низком рельефе, с разделкой поверхности крупными элементами. Фигура строго профильная, схематичная. Хищник представлен нападающим на более крупного, чем он, оленя, распластанным вдоль головы и шеи своей жертвы. Голова с торчащим ухом склонена вниз, пасть приоткрыта, передняя нога плотно прижата к шее и подведена к подбородку, задняя часть проработана слабо. Морда имеет подпрямоугольное завершение. Ноздря обозначена точкой. Глаз округлый, обозначен точкой. Ухо овальное. Шея мощная трапециевидная, овальная лопатка отграничена от шеи и туловища углубленной линией. Туловище короткое, плавно переходит в отделенную линией бедренную часть. Зад отделен от хвоста углублением. Ноги укорочены, лапы преувеличены, обозначены утолщениями, передняя сведена к мощному загнутому пальцу, задняя лапа не прослеживается.

Хронология. Это изображение в композиционно-стилистическом отношении сходно с изображением Пастырского типа, в остальном относится к тому же стилистическому кругу, что и изображения оленей на Константиновской пластине. В. В. Кияшко и В. А. Кореняко, опубликовавшие Константиновский погребение, датировали данный комплекс первой пол. VI в. до н. э. по аналогиям керамике и каменному блюду из погр. 1 кургана 5 так называемого Западного могильника

Ростова-на-Дону, а данный комплекс, в свою очередь, датируется не позднее VI в. до н. э. по зеркалу с центральной ручкой-петелькой (Кияшко, Кореняко, 1976. С. 173, 176; Брашинский, 1973. С. 54–56. Рис. 20). Однако исходя из большого стилистического и технологического сходства изображений оленей на Константиновской пластине с изображениями лосей на роговых Жаботинских пластинах и бляхах, датируемых не позднее последней трети VII в. до н. э. (см. ниже), а также учитывая наличие «киммерийской розетки» как атавизма предскифской эпохи на шее и крупе одного из оленей Константиновской пластины (ср. изображения на лопатке редуцированных пантер из ранней группы Келермесских курганов, см. ниже), представляется возможным датировать собственно Константиновскую пластину концом VII — началом VI в. до н. э.

Тин I-3-A-I-3 Майконский,
IV в. до н. э. (?)

К данному типу относится одно изображение с территории Прикубанья, представленное в многофигурной композиции на бронзовой уздечной бляхе, найденной в районе г. Майкоп (нижний хищник, если ориентировать бляху относительно центрального персонажа) (1).

Изображен короткоголовый и широкомордый хищник с относительно короткими ушами (семейства кошачьих). Этот хищник образует центрально-симметричную композицию с аналогичным хищником, отличающимся позицией головы (анфас); оба хищника дуговидно изогнуты, упираются друг другу в хвосты и обрамляют третьего, стоящего, хищника. Моделирован в высоком рельефе. Фигура строго профильна. Хищник имеет узкое длинное тело, прижатое к шее ухо, приоткрытую пасть. Ноги плотно прижаты к шее и хвосту, передняя нога подведена к подбородку. Мощный длинный хвост продолжает линию туловища.

Морда имеет подпрямоугольное завершение. Ноздря обозначены выступом. Глаз округлый концентрический. Пасть подковообразная. Ухо подтреугольное, с углублением раковины. Шея разделена продольным ребром на плоскости, сегментовидная лопатка обозначена рельефным выступом. Туловище плавно переходит в расширенную бедренную часть. Задняя нога отделена от хвоста углублением. Ноги укорочены, лапы преувеличены, обозначены утолщениями. Хвост облегает заднюю ногу, закручивается на конце назад, превращаясь на этом участке в птичью голову.

Хронология. Это изображение не привязано к какому-либо комплексу и не имеет близких аналогий. Данную бляху следует датировать в рамках V–IV вв. до н. э., исходя из моделировки изображений, не характерной для периода скифской архаики (сглаженные поверхности, схематизм, геометризм), Возможно, датировку бляхи можно сузить до IV вв. до н. э. (?), учитывая сходство моделировки туловища и лап центрального хищника бляхи, туловищ и хвостов обрамляющих его хищников с аналогичными деталями стоящего хищника с головой анфас из ритуального комплекса 1 кургана 8 Уляпского могильника второй пол. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тин I-3-A-I-4 Елизаветинский,
третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения с территории Прикубанья, оформляющие бронзовые уздечные бляхи (1, 2) и бронзовый псалий (3). Предметы с изображениями 2, 3 обломаны, но их близкое сходство с изображением 1 позволяют допустить, что здесь также были представлены полные фигуры животных.

Модель тина. Изображен длинноголовый и узкомордый хищник (семейства волчьих). Моделирован в высоком одностороннем (1, 2) или двустороннем (3) рельефе. Фигура строго профильная в передней части. Хищник показан с узким длинным телом, вытянутым в линию, со склоненной головой и торчащим острым ухом, перпендикулярным дуговидной шее, с широко открытой пастью, с согнутой в локте и подведенной к подбородку передней ногой, с отброшенными назад двумя задними ногами, с мощным хвостом, отходящим назад, упирающимся в заднюю ногу и чуть загибающимся вверх. Очевидно, хищник показан в прыжке (ср. природный прототип).

Морда трапециевидная. Пасть с подковообразным рельефным краем, завершается преувеличенными клыками, слитыми в единую полоску. Ноздря обозначена выступом с углублением посередине. Глаз крупный, округлый, вписанный в лобный выступ, с углублением глазного яблока в обрамлении рельефной глазницы. Ухо полуовально-подтреугольное, с рельефным краем и углублением раковины. Шея узкая, туловище поджарое, лопатка отграничена от шеи выступом и оформлена рельефным завитком (1, 2) или кружком (3). Туловище выступом плавно переходит в расширенную бедренную часть. Ноги тонкие, лапы преувеличены, пальцы обозначены впадинами (1, 2) или рельефными полосами (3).

Хронология типа основывается на объективной датировке елизаветинских изображений третьей четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Изображение из Майкопского клада, как уже указывал А. М. Лесков, очень близко одному из елизаветинских изображений (2) (Leskov, 2008. P. 137–138) и, следовательно, может датироваться аналогично.

Группа I – подгруппа 3 – класс А – отдел II
Тин I-3-А-II-1 Майконский,
IV в. до н. э. (?)

К данному типу относится одно изображение с территории Прикубанья, представленное в многофигурной композиции на вышеупомянутой Майкопской бронзовой уздечной бляхе (верхний хищник) (1).

Изображен короткоголовый и широкомордый хищник с относительно короткими ушами (семейства кошачьих). Этот хищник образует центрально-симметричную композицию с вышеупомянутым аналогичным хищником с головой в профиль и обрамляет третьего, стоящего, хищника. Моделирован в высоком рельефе. Фигура строго профильна, исключая голову, повернутую анфас на 90 градусов на зрителя и продолжающую линию тела. Хищник имеет узкое, длинное тело, торчащие назад вдоль шеи уши, ноги, плотно прижатые к шее и хвосту, подведенную к подбородку переднюю ногу, мощный длинный хвост, продолжающий линию туловища.

Морда имеет подпрямоугольное завершение. Нижняя челюсть закрыта верхней. Ноздри обозначены выступом. Глаз округлый. Уши подтреугольные, с углублением раковины. Шея разделена продольным ребром на плоскости, сегментовидная лопатка обозначена рельефным выступом от шеи выступом. Туловище плавно переходит в расширенную бедренную часть. Задняя нога отделена от хвоста углублением. Ноги укорочены, лапы преувеличены, обозначены утолщениями. Хвост облегает заднюю ногу, закручивается на конце назад, превращаясь на этом участке в птичью голову.

Как уже было сказано в связи с характеристикой типа I-3-А-I-3, майкопскую бляху, возможно, следует датировать IV в. до н. э.(?).

Тин I-3-А-II-2 Елизаветинско-кужорский,
нервая — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 6 геральдических парных изображений с территории Прикубанья, оформляющих уздечные принадлежности, — бронзовые налобники (1, 2) и бронзовые щитки псалиев (3–6).

Образный строй, моделировка, ракурс. Изображен хищник, относительно короткоголовый, тупомордый и короткоухий (т. е. семейства кошачьих). Моделировка плоскостная ажурная, контуры деталей обозначены углубленными линиями и прорезями. Фигура строго профильная.

Композиционные показатели. Хищники представлены с повернутой назад головой, противонаправленной туловищу и опирающейся подбородком на спину. Хищники сдвоены, зеркально-симметричны, примыкают друг к другу туловищами и ногами, с широко открытой пастью, каждый поглощает обособленную голову оленя (описана ниже, см. соответствующий раздел), причем морда последнего зажата между верхним и нижним клыками хищника, ухо опирается на круп хищника. Головы оленей как бы вырастают из спин хищников. Передние ноги хищников вытянуты вперед, согнуты в предплечьях вверх и назад, так что преувеличенные лапы как бы подпирают голову, упираясь в изгиб шеи (3–5) или в саму голову хищника за ухом (1, 2, 6). Задние ноги редуцированы и схематизированы, однако можно утверждать, что они в основной своей части отброшены назад, и лишь их окончания (собственно лапы) могут быть отогнуты вперед.

Трактовка анатомических составляющих. Уши выполнены в виде трехлепестковой пальметки с завитками лепестков. Глаза хищников преувеличенные, овальные, с отходящим назад дуговидным слезником. В пасти выделены преувеличенные верхний и нижний клыки, между которыми зажата морда поглощаемого оленя. Остальные зубы имитированы четкой или слабовыраженной рифленой полосой вдоль края пасти. Преувеличенная каплевидная носовая часть хищников завершается спиралевидной ноздрей. Туловища хищников зауженные, гладкие; крупная лопатка, за одним исключением (1), обособлена (с помощью углубленного контура) и имеет полуовально-сегментовидные очертания; задняя часть утяжеленная, овально-сегментовидная. Хвосты хищников направлены назад, прилегая к поверхности зада и задней ноги. У изгиба ноги хвост выгибается в обратную сторону, причем его окончание превращается в голову хищной птицы с овальным глазом, спирально закрученным клювом и выступающей над поверхностью клюва восковицей.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Аналогии и хронология. Изображения данного типа композиционно-стилистически очень сходны с вышеописанными хищниками на фрагментированном ажурном щитке псалия второй пол. IV в. до н. э. из того же Кужорского кургана (тип I-1-Б-I-2).

Возможно, поскольку эти головы оленей фактически вырастают из спин хищников, их надо считать зооморфным превращением крыльев, и в этом случае сами хищники должны квалифицироваться как фантастические, т. е. как львиноголовые грифоны (ср. вышеупомянутый тип I-3-II-1 Кужорский таксона грифонов и крылатых львов: крылатый лев вцепляется в собственное крыло, подобно хищникам Елизаветинско-кужорского типа, грызущим голову оленя).

Хронология типа основывается на объективной датировке елизаветинских изображений в рамках

первой — третьей четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Группа I – подгруппа 3 – класс Б – отдел I

Тин I-3-Б-I-1 Семибратненский,
середина — третья четв. V в. до н. э.

К данному типу относятся 5 изображений, происходящих с территории Прикубанья и оформляющих уздечные принадлежности — бронзовые псалии (1, 3–5) и бронзовые уздечные бляхи (4)[1].

Модель тина. Изображен хищник, относительно короткоголовый, широкомордый и короткоухий (т. е. семейства кошачьих). Моделировка объемная, но складывающаяся из двух строго профильных рельефов. Основу композиции составляет S-видная центрально-симметричная схема.

Хищник представлен с прямоугольно или остроугольно подогнутой передней ногой, предплечье и кисть идут вдоль шеи, лапа упирается в подбородок, с широко открытой пастью. Задняя часть туловища и задняя нога вывернуты на 180 градусов, задняя нога вытянута или слабо согнута, так что стопа с голенью ориентированы противоположно предплечью зверя. Хвост облегает зад и заднюю ногу.

Глаз хищника выпуклый, округлый или овальный, с отходящим назад углубленным слезником. Ухо овально-треугольное, чуть выступающее над головой. Пасть подковообразная, край выделен рельефной полосой. Ноздря дана каплевидным утолщением. Щека и подбородок выделены выпуклостями. Голова отделена от шеи рельефной полосой, имитирующей шерстную складку, причем в одном случае эта полоса расходится в окружность с округлым выступом посередине (5). Шея удлиненная, туловище укороченное и зауженное, сообразно фактуре оформляемой вещи. Лопатка обозначена овальной выпуклостью, бедро — менее рельефным сегментом, тазобедренный уступ обозначен впадиной, хвост отделен от ноги углубленной линией. Передняя нога тонкая, задняя мощная, поскольку оформляет лопасть псалия. Лапы сведены к одному или двум преувеличенным рельефным пальцам с загнутыми когтями.

Хронология типа основывается на объективной датировке семибратненских изображений середины — третьей четв. V в. до н. э., возможно, более узко — 440–430 гг. до н. э. Остальные изображения, очень близкие семибратненским, должны датироваться аналогично, во всяком случае, в рамках середины — третьей четв. V в. до н. э.

Группа I – подгруппа 4 – отдел II

Тин I-4-II-1 Кужорский,
нервая — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Прикубанья и оформляющее бронзовый налобник (1).

Представлен хищник, относительно короткоголовый, широкомордый и короткоухий (т. е. семейства кошачьих). Моделировка скульптурная, рассчитанная на трехмерное обозрение. Хищник лежит с параллельными отогнутыми назад ногами, с повернутой наискось назад шеей и головой, опирающейся подбородком на спину. Зверь наделен преувеличенной полой головой с прорезью в нижней челюсти. Глаза полуовальные выпуклые, окантурены углубленными линиями. Нос мощный, выпуклый, овальный в плане, также отграниченный углублением. Ноздревые отверстия не обозначены. Пасть широко раскрыта. Края пасти обозначены рельефными полосами. В пасти у ее концов остроконечными рельефными выступами обозначены три верхних зуба и два нижних. Мощный подбородочный выступ сливается с поверхностью спины. Надбровные дуги слиты в единую дуговидную рельефную полоску, соединяющуюся на конце с линией верхней челюсти и отграничивающую теменную часть, полностью занятую торчащими вверх рельефными ушами. Уши крупные треугольные, остроконечные, со впадиной раковины, немного развернуты вовне. Голова уступом переходит в прямую цилиндрическую шею, чуть расширяющуюся к основанию. Лопатки не выделены. Передние ноги расположены по сторонам туловища и упираются лапами в бока, подпирая окончаниями колени задних ног. Лапы преувеличенные, с тремя рельефными гипертрофированными когтями, передний из которых загнут назад. Задние ноги согнуты под острым углом в коленях и чуть изогнуты при переходе в стопу. При переходе от живота к бедрам с каждой стороны от верхней части бедра отходит небольшой рельефный клювовидный завиток. Лапы задних ног вытянуты назад и состоят из трех рельефных преувеличенных когтей, передний из которых загнут назад и упирается в коготь противоположной ноги. Хвост хищника мощный прямой, отходит наискось вниз и упирается окончанием в плоскость, образованную сочетанием задних лап. Окончание хвоста выделено утолщением.

Это изображение — интересный и редкий пример объемного воспроизведения хищника в указанном сюжете в данное время. Близких полнофигурных аналогий ему нет. Вообще, если остальные

[1] К данному типу следует относить и два пока не опубликованных изображения на бронзовых уздечных бляхах, которые были учтены Е. В. Переводчиковой в ее кандидатской диссертации — из 2-го Семибратнего кургана (Переводчикова, 1980в. Кат. 37; ГЭ СБр, II-69) и из Малых Семибратних курганов (Переводчикова, 1980в. Кат. 42; ГЭ МСБр, 29).

изображения кужорского комплекса четко вписываются в стилистику «елизаветинской» стадии «классического» периода, то данная скульптура как по моделировке, так и по трактовке деталей соответствует требованиям предшествующей, «уляпской» стадии. Не случайно ей очень близка в композиционно-стилистическом отношении протома грифоноподобного хищника на наснике из 8-го Уляпского кургана (см. ниже головы и протомы грифонов, тип 4 Уляпский), который, впрочем, датируется по объективным показателям позже остальных уляпских курганов (второй пол. IV в. до н. э.) — см. Список опорных хроноиндикаторов.

Хронология. Изображение Кужорского типа датируется в рамках первой — третьей четв. IV в. до н. э. на основании стилистических и морфологических аналогий с более надежно датированными елизаветинскими комплексами (Елизаветинские курганы, курган 4/1913 г., или Южный, датируемый первой четв. IV в. до н. э., и курган 7/1917 г., датируемый третьей четв. IV в. до н. э.), к которым относятся изображения смежного Елизаветинско-кужорского типа (см. Список опорных хроноиндикаторов). Это не противоречит вышеприведенной аналогии с наносником из 8-го Уляпского кургана.

Группа II – класс А – отдел I

Тин II-А-I-1 Келермесский,
вторая нол. VII — нервая нол. VI в. до н. э.

К данному типу относятся 6 изображений, происходящих с территории Прикубанья (1–4, 6) и Ставрополья (5). Это фигуры, полностью оформляющие золотую накладку на щит или горит (Келермесская пантера, 1), золотые нашивные бляшки (4, 5) и бронзовую уздечную бляху (геральдическая композиция, 6); также это изображения, помещенные наряду с прочими образами на золотую накладку горита (2) и золотую накладку на серебряное зеркало (3).

Модель тина. Изображен относительно коротконоловый и широкомордый короткоухий (т. е. кошачий) хищник с массивной головой с мощными лапами (леопард или барс, т. е. собственно вид *Panthera pardus*, в частности, его кавказский подвид Pardus ciscaucasicus? львица? обобщенный кошачий хищник?). Моделирован в одностороннем высоком рельефе (2–6), иногда почти скульптурно (1). Хищник показан с согнутыми под тупым углом ногами (в одном случае почти вытянутыми — 2), нижние части которых (предплечье и кисть передней ноги, стопа задней ноги) ориентированы наискось вперед, с вертикально опущенной головой, иногда почти до земли, с торчащим вертикально ухом. Возможно, это поза присевшего, готовящегося к прыжку кошачьего хищника (ср. природный прототип). Органы движения, внимания и поражения, в особенности лопатка и тазобедренная часть, преувеличены и рельефно акцентированы. Ухо, глаз и ноздря находятся на одной линии, близко расположены или примыкают друг к другу. Ухо наполовину выступает над краем головы, с впадиной (имитация раковины), с широким рельефным краем, в одном случае (1) разграниченным перегородками для инкрустаций.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Хронология типа определяется датой объективно датируемых келермесских изображений из курганов Шульца (вторая пол. VII в. до н. э.), новозаведенского (610–590 гг. до н. э.) и из Цукур-Лимана (около 600 г. до н. э.) и наиболее позднего — ульского (первая пол. VI в. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов). Итоговые хронологические рамки типа: вторая пол. VII в. до н. э. — первая пол. VI в. до н. э.

Тин II-А-I-2 Роменско-ольвийский,
вторая нол. VI в. до н. э.

К данному типу относятся 22 изображения, происходящие с территории Среднего Поднепровья (вариант 1: 1, 5), Подолья (вариант 1: 2), Приазовья (вариант 1: 3), Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья (вариант 2: 1–5, 14, 17), Крыма (вариант 2: 15), Прикубанья (вариант 2: 6–13, 16) и Центрального Предкавказья (вариант 1: 4, вариант 2: 9). Все они оформляют окончания ручек бронзовых зеркал «ольвийского типа»[1].

---

[1] В рамках нашей сводки не учитываются несколько изображений, оформляющих окончания ручек бронзовых зеркал «ольвийского типа» и несомненно соответствующих Роменско-ольвийскому типу, но пока не опубликованных, а именно:

1) неизвестного происхождения, хранящееся в Одесском археологическом музее (ОАМ. Инв. № 4360) и упомянутое В. М. Скудновой (Скуднова, 1962. С. 10);

2) из могильника Березани (мог. 309), раскопки Г. Е. Скадовского 1900 г., хранящееся в Историческом музее г. Херсона (Инв. № 13812) и упомянутое В. М. Скудновой (Скуднова, 1962. С. 8) и Т. М. Кузнецовой (Кузнецова, 2002. С. 233. Кат. 61);

3) из кургана могильника Мингрельский-II в Краснодарском крае, опубликовано Т. М. Кузнецовой, но без нижней, очевидно, фрагментированной части. Представлен только олень под диском, пантера на конце ручки не опубликована, но подразумевается, исходя из номенклатуры II типа по Кузнецовой (Кузнецова, 2002. С. 165);

4) неизвестного происхождения (коллекция И. И. Толстого, Эрмитаж – В2848) (Скуднова, 1962. С. 23. Рис. 18; Кузнецова, 2002. Табл. 85. Кат. 623), датируется по Т. М. Кузнецовой второй пол. VI — V в. до н. э. (?) (Кузнецова, 2002. С. 336).

Модель тина. Изображен относительно короткололовый и широкомордый короткоухий хищник с массивной головой и мощными лапами (кошачий хищник). Исключение составляет лишь изображение из Скоробора (вариант 1: 5), представляющее нечто среднее между медведем (покатый лоб, переходящий в сужающуюся морду, мощная верхняя челюсть, более узкое, чем у кошачьих, ухо, хотя и не длинное, т. е. не волчье) и пантерой (низкий сед перед прыжком, совершенно не свойственный этологии медведя, и длинный закрученный на конце хвост, абсолютно не похожий на короткий широкий медвежий хвост).

Изображения моделированы в двустороннем высоком рельефе, строго профильно, обобщенно. Хищник показан в высокой стойке, чуть присевшим (скороборский хищник, как уже сказано, имеет более низкий сед — вариант 1: 5), с согнутыми под тупым углом ногами, нижние части которых (предплечье и кисть передней ноги, стопа задней ноги) ориентированы наискось вперед, с вертикально опущенной головой (морда опущена не ниже сгиба ног, опять же исключая скороборского хищника, у которого, в силу низкого седа, окончание морды оказалось на уровне пальцев), с закрытой или чуть приоткрытой на конце пастью, с торчащим вертикально ухом. Ухо, глаз и ноздря находятся на одной линии. Ухо наполовину или на треть выступает над краем головы. Хвост опущен вдоль задней ноги, прилегает к ней, на конце закручивается или загибается назад.

Данный тип по трактовке анатомических деталей разделяется на 2 варианта.

1-й вариант (1–5). К данному варианту относятся более экспрессивные и более близкие канонам скифского звериного стиля изображения, которым свойственно четкое рельефное акцентирование органов движения, внимания и поражения, разделка тела на сходящиеся плоскости. Морда имеет подпрямоугольное завершение. Глаза средних размеров, округлые, моделированы выпуклостью, а в скороборском изображении (5) — отверстием. Ноздри обозначены невысоким выступом, пасть рельефной складкой. Уши округло-овальные, с впадиной (имитация раковины), с широким рельефным краем. Щеки овальные выпуклые. Шея и туловище гладкие. Шея короткая, разделенная продольной полосой на две сходящиеся плоскости (в скороборском изображении эта полоса сглажена). Лопатка широкая полуовальная, ее верх чуть выступает над поверхностью спины. Туловище короткое, переход от таза к бедру акцентирован широкой треугольной впадиной. Лапы переданы кружком. Изгиб хвоста образует четкий кружок с отверстием посередине.

По классификации Т. М. Кузнецовой, это 1-й вариант зеркал II класса, II отдела, I группы, I типа, I вида — «реалистичная фигурка на рифленой подставке» (Кузнецова, 2002. С. 142).

2-й вариант (1–17). К данному варианту относятся более статичные и схематичные изображения, трактовка их деталей более примитивная, без рельефного акцентирования органов движения, внимания и поражения, с преуменьшенной головой и геометричными туловищем и конечностями. Морда имеет подпрямоугольное или овальное завершение. Ухо, глаз и ноздря в основном обозначены выступами, ухо округло-овальное, со впадиной (имитация раковины), с широким рельефным краем. Ноздри обозначены выпуклостью, пасть рельефной складкой. Щеки не выделены. Шея и туловище тонкие, лопатка и бедро не выделены. Изгиб хвоста образует петлю или дан овальным утолщением.

По классификации Т. М. Кузнецовой это 2-й вариант зеркал II класса, II отдела, I группы, I типа, I вида — «стилизованная фигурка на гладкой подставке» (Кузнецова, 2002. С. 142).

Изобразительная динамика, ближайшие аналогии, хронология. Если 1-й вариант Роменско-ольвийского типа представляется репликой с изображений Келермесского типа, то 2-й вариант Роменско-ольвийского типа — это, вероятно, реплика уже с изображений 1-го варианта. При этом в рамках 1-го варианта явно выбивается из общего ряда скороборское изображение (5), представляющее собой провинциальное подражание, в котором (очевидно, при попытке соотнести копируемый образ кошачьего хищника с местной фауной, более привычной мастеру) возник гибридный образ пантеро-медведя, а также (при достаточно высоком качестве исполнения) была усилена геометричность изображения.

Именно 2-му варианту обнаруживается большинство аналогий за пределами зоны восточноевропейского скифского звериного стиля. Это:

1) Комсомольский в Поволжье (?) (раскопки Дворниченко, не опубликовано). Впервые опубликовано: Кузнецова, 2002. Табл. 80, кат. 260-а. Вторая пол. VI в. до н. э. (Кузнецова, 2002. С. 326).

2) Елга, с. Преображенка (Граков, 1947б. С. 30. Рис. 1; Смирнов, 1964. Рис. 72: 15; Кузнецова, 2002. Табл. 83, кат. 165). Вторая пол. VI в. до н. э. (Кузнецова, 2002. С. 324).

3) Андреевка (Кузнецова, 2002. Табл. 83, кат. 28). Вторая пол. VI в. до н. э. (Кузнецова, 2002. С. 322).

4) Макфалва (Чиндари) — случайная находка (Кузнецова, 2002. Табл. 84, кат. 62). Вторая пол. VI в. до н. э. (?) (Кузнецова, 2002. С. 328).

5) Дебрецен — случайная находка (Кузнецова, 2002. Табл. 85, кат. 158). Вторая пол. VI в. до н. э. (?) (Кузнецова, 2002. С. 324).

6) Дюдюйка — случайная находка (Кузнецова, 2002. Табл. 85, кат. 164). Вторая пол. VI в. до н. э. (?) (Кузнецова, 2002. С. 324).

7) Пакафалва — случайная находка (Кузнецова, 2002. Табл. 88, кат. 438). Вторая пол. VI в. до н. э. (?) (Кузнецова, 2002. С. 332).

8) Борзод — случайная находка (Кузнецова, 2002. Табл. 91, кат. 79). Вторая пол. VI — V в. до н. э. (?) (Кузнецова, 2002. С. 323).

Все эти аналогии, как мы видим, датируются Т. М. Кузнецовой второй пол. VI в. до н. э., и лишь находка из Борзода — шире: второй пол. VI — V в. до н. э. (Кузнецова, 2002. С. 322, 323, 324, 326, 328, 332).

Хронология типа должна определяться датировкой массива зеркал «ольвийского типа», большинство из которых относятся ко второй пол. VI в. до н. э. (Мелюкова, 1958. С. 43; Онайко, 1966. С. 58, 65; Ескина, 1995. С. 10; Кузнецова, 2002. С. 283, 297, 323, 325, 326, 327, 328, 333). Для некоторых комплексов с зеркалами из некрополя Ольвии дата определяется исследователями более узко — последней третью VI в. до н. э. (мог. 41 некрополя Ольвии), (Скуднова, 1962. С. 17; 1988. С. 116; Кузнецова, 2002. С. 330), 550–525 гг. до н. э. (могильник 36 некрополя Ольвии) (Кузнецова, 2002. С. 330).

Тин II-A-I-3 Майконский,
вторая нол. VI в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Прикубанья и оформляющее окончание бронзовой рукояти зеркала (1).

Представлен узкомордый и короткоухий хищник с короткой шеей, массивным туловищем, мощными ногами и коротким хвостом (медведь). Моделирован в двустороннем высоком рельефе, строго профильно, весьма обобщенно и схематично. Хищник показан стоящим с вытянутыми вертикально ногами с опорой на согнутые под тупым углом лапы, с вертикально опущенной головой. Голова трапециевидная, с узкой мордой и закрытой пастью. Ухо, глаз и ноздря находятся на одной линии, намечены соответственно выступом над головой, овальной выпуклостью и овальной впадиной. Скула выделена выпуклым полуовалом. Шея и туловище гладкие. Шея мощная, короткая. Лопатка овальная, выпуклая. Переход от таза к бедру обозначен треугольной выемкой. Лапы преувеличены, рельефны, превращены в птичьи головы/клювы с ободком и впадиной посередине. Хвост опущен вдоль задней ноги, намечен рельефной полоской.

Аналогии и хронология. Ближайщую аналогию майкопскому изображению в образном отношении и с точки зрения тенденции к зооморфному превращению лап составляет медведь на Келермесской секире, лапы которого однозначно превращены в птичьи головы (Кисель, 1997. С. 36, 72). Это изображение, в соответствии с принятыми выше критериями оценки изображений Келермесской секиры, оставлено за пределами корпуса изображений скифского звериного стиля. Не исключено, однако, что именно такого рода фигуры могли стать иконографическим истоком майкопского изображения, но нельзя хронологически отождествлять майкопское изображение на зеркале «ольвийского типа» с медведем на Келермесской секире, датирующейся первой — второй третью VII в. до н. э. (Кисель, 1998. С. 8) и попавшей в погребальный комплекс ненамного позже своего изготовления — во второй пол. VII в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Именно с изображениями на рукоятях зеркал «ольвийского типа», но представляющих не медведя, а кошачьих хищников проявляет сходство майкопская фигура (в композиционном отношении и по моделировке деталей). Эти изображения выделены нами в вышеописанный тип II-A-I-2 Роменско-ольвийский, причем майкопский ближе 1-му, стадиально начальному варианту данного типа, от изображений которого его отличают более мощные и короткие ноги, зооморфное превращение лап и форма головы и хвоста, соответствующая медвежьей. Вероятно, майкопское изображение является провинциальным подражанием изображениям 1-му варианту Роменско-ольвийского типа со сменой образа кошачьего хищника на медведя, т. е. мастер Майкопского зеркала благополучно миновал гибридизацию пантеры и медведя, к которой прибег мастер вышеупомянутого Скороборского зеркала. Соответственно датировка майкопского изображения должна определяться в рамках второй пол. VI в. до н. э. — по датировке зеркал данного типа (Онайко, 1966а. С. 65; Кузнецова, 2002. С. 297, 327).

Тин II-A-I-4 Гусарско-онишлянский,
конец VI — нервая нол. V в. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья (1) и Среднего Поднепровья (2–4). Эти фигуры составляют вертикальные композиции, размещенные на длинных лопастях бронзовых крестовидных блях «ольвийского типа» (1–3), в двух случаях обтянутых золотым листом (1, 2), а также на золотой обкладке ножен меча (4).

Модель тина. Изображен короткоголовый и широкомордый короткоухий хищник с массивной головой с мощными лапами (кошачий хищник). Моделирован в одностороннем высоком рельефе, строго профильно, обобщенно и схематично. Хищник показан в относительно высокой стойке, чуть присевшим, с согнутыми под тупым углом ногами, нижние части которых (предплечье и кисть

передней ноги, стопа задней ноги) ориентированы наискось вперед, с вертикально опущенной головой. При этом, поскольку голова преувеличена и составляет треть всего изображения, то, несмотря на высокую стойку зверя, его морда утыкается в землю (1–3) или в переднюю лапу (4). Ухо наполовину выступает над краем головы. Ухо, глаз и ноздря находятся на одной линии, преувеличены и упираются друг в друга. Ухо оформлено рельефным овалом с впадиной раковины, глаз — кружком с выступом зеницы, ноздря — овалом со впадиной. Пасть приоткрыта в основании, но закрыта впереди, рот оформлен каплевидной рельефной полоской. Глаз округлый. Щека овальная выпуклая. Шея, туловище и ноги преуменьшены по сравнению с головой, схематичные, укороченные. Лопатка овальная рельефная. Переход от таза к бедру акцентирован широкой каплевидной впадиной. Лапы преувеличены, переданы кружком (1, 2) или же с тремя или четырьмя рельефными пальцами (2, 4). Хвост опущен вдоль задней ноги, на конце закручивается назад.

Аналогии и хронология. Близкую аналогию изображениям данного типа составляют фигуры хищников на плоскости и на навершии рукояти зеркала «ольвийского типа» из с. Гавриловка (II класс, II отдел, I группа, I тип, I вид 3 вариант зеркал по классификации Т. М. Кузнецовой) (Кузнецова, 2002. С. 154. Табл. 86, № 135), однако моделировка тела гавриловских хищников уже не отвечает критериям скифского звериного стиля, т. е. перед нами, скорее всего, вполне греческая реплика[1]. Тем не менее, эта аналогия, соотносящая Гусарско-опишлянский тип с зеркалами «ольвийского типа», позволяет подтвердить обоснованную в литературе датировку большинства крестовидных «ольвийских блях» концом VI — началом V вв. до н. э. (см. выше). Волковецкая бляха, как уже отмечалось, занимает наиболее позднюю позицию в ряду крестовидных блях (первая пол. V в. до н. э.). С учетом того, что этим датировкам не противоречит и дата меча из погребения у хут. Шумейко, отнесенного А. Ю. Алексеевым к группе скифских памятников, синхронизируемых им с 5-м периодом скифской истории по его периодизации, т. е. с последними десятилетиями VI — началом V в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 27, 196–200, 296), хронологические рамки Гусарско-опишлянского типа могут определяться как конец VI — первая пол. V в. до н. э.[2]

Тин II-A-I-5 Кащеевско-колбинский, V–IV вв. до н. э.

К данному типу относятся 27 изображений, происходящие в основном с территории Среднего Подонья (2–19, 25–27), а также Нижнего Подонья–Подонцовья (1), Среднего Поднепровья (24), Нижнего Поднепровья (22–23), Прикубанья (20), Приазовья (3) и Центрального Предкавказья (21)[3]. Это изображения, оформляющие в основном бронзовые уздечные бляхи (4, 6–17), бронзовые (обложенные серебром) уздечные бляхи, украшавшие ремень, поддерживающий нагрудник (22), а также колчанные/поясные крючки — бронзовые (1–3, 5, 21, 24–27) и серебряный (19), золотые обивки деревянного сосуда (18, 23) и бронзовую пряжку (20).

Модель тина. Изображен массивный большеголовый, короткоухий, большеногий, короткохвостый хищник, опирающийся на полную стопу, что, в противовес пальцеходящим хищникам семейства кошачьих и волчьих свойственно в местной фауне только семейству медвежьих[4]. Моделирован в одностороннем рельефе, строго профильно; исключение составляет неясное изображение из Чабанцовой могилы (23), в котором можно усматривать попытку передать две пары ног (Мозолевский, 1980. С. 83), каковые, впрочем, практически слиты. Медведь показан стоящим на относительно прямых ногах, с огромными лапами, согнутыми под прямым углом к коротким мощным голеням, с вертикально опущенной головой на дуговидной шее («сгорбленно»), с приоткрытой или раскрытой пастью, как бы вгрызающейся в землю (поза «пьющего медведя»). Композиционный каркас изображения, таким образом, составляют три вертикальные линии — головы и ног, дуговидная линия туловища

---

[1] Ср.: «К числу предметов античного производства, несомненно, относится бронзовое зеркало из кургана у с. Гавриловка на Псле» (Ильинская, 1971. С. 79).

[2] Кроме того, сходные изображения (две верхние фигуры) помещены на длинной лопасти бляхи «ольвийского типа» из коллекции Боткина (Капошина, 1956. С. 188. Рис. 26); как уже было сказано, ввиду неясности происхождения этого изделия зооморфные изображения на данной бляхе не включаются нами в общий массив изображений восточноевропейского скифского звериного стиля, а рассматриваются как аналогии.

[3] Данному типу соответствует, но не учитывается, ввиду того, что еще не опубликовано, изображение из кургана 11/11 группы Частых (раскопок 1954 г.) на железном (в золотой оковке) колчанном/поясном крючке (Либеров, 1955. Табл. XVII. Рис. 1). Этот крючок упомянут у А. И. Пузиковой без приведения рисунка ввиду плохой сохранности вещи (Пузикова, 2001. С. 13) и у Е. И. Савченко как ближайшая аналогия крючку из кургана 1/9 Колбино (Савченко, 2001а. С. 159). Курган 11/11 группы Частых (раскопок 1954 г.) датируется сер. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов), что не выходит за уставновленные хронологические рамки Кащеевско-колбинского типа.

[4] Ср. атрибуцию колбинского изображения (19) Е. И. Савченко как «стоящего в профиль медведя» (Савченко, 2001а. С. 158).

и шеи и горизонтальная линия лап, задняя из которых упирается в переднюю, а передняя — в подбородок зверя.

Голова медведя подпрямоугольная, с массивным бугристым лбом (Савченко, 2009. С. 261). Ухо оформлено рельефным овалом со впадиной раковины, глаз — округлой выпуклостью в углублении, иногда со слезником (8, 11, 23), иногда рельефным завитком (13), ноздря — небольшой каплевидной впадиной. В пасти часто показаны рельефные клыки (или их рудименты), чаще два, верхний и нижний, но в одном случае — по всей линии рта (18). Шея, туловище и ноги преуменьшены по сравнению с головой, схематичные, укороченные. Шея массивная трапециевидная. Туловище, за одним исключением (18), практически сжато между лопаткой и бедром. Лопатка и бедро так или иначе акцентированы. Спина гладкая, за одним исключением (22), в котором за ухом зверя показана шерсть на загривке с помощью ряда коротких поперечных рельефных полос. Лапы мощные, складываются из четырех, реже из трех (17) или пяти (22) рельефных пальцев. Хвост толстый.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Изобразительная динамика. В рамках данного типа четко выделяется массив среднедонских (плюс одно нижнедонское) ажурных изображений на колчанных/поясных крючках и на уздечных бляхах, которые составляют стилистическое «ядро» типа, тогда как изображения на обивках сосудов (18, 22, 23) представляют стилистическую «периферию», при этом они могут быть более натуралистичными и качественными по исполнению (22). В свою очередь, среди изображений на колчанных/поясных крючках и на уздечных бляхах на фоне более живых и подробных изображений четко выделяются подражательные схематичные, с нивелировкой ряда анатомических деталей, с геометризацией всей фигуры — как местные среднедонские (5, 10, 15, 17, 25–27), так и периферийные среднеднепровские (24) и северокавказские (20, 21).

Данный тип в той части составляющих его изображений, которая связана с крючками и уздечными принадлежностями, был выявлен еще в работах Е. И. Савченко (Савченко, 2001а. С. 158–159; 2009. С. 261); В. И. Гуляев справедливо добавил к этим изображениям изображение на золотой обивке ручки деревянного сосуда (18) (Гуляев, 2010. С. 220). Исследователи однозначно трактуют данные фигуры как медвежьи.

Хронология тина. Основными хроноиндикаторами служат изображения, имеющие объективные датировки. Наиболее ранние из них: из Частых курганов, курган 8 (раскопки ВУАК) (14) — начало V в. до н. э. и из Чабанцовой могилы (23) (третья четв. V в. до н. э.), более позднее — мастюгинское (конец V — начало IV в. до н. э.), далее следуют изображения из Частых курганов, курган 11 (5) (раскопки ВУАК) (начало IV в. до н. э.), из Колбино, курган 1/9 (19) (середина — третья четв. IV в. до н. э.) и желтокаменское изображение (22) (третья четв. IV в. до н. э.). Изображение из Частых курганов, курган 1 (раскопки ВУАК) (12) датируется менее точно, но не выходит за рамки IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Этим хронологическим пределам не противоречит датировка Е. И. Савченко комплексов из Горок (курган 10) (7) серединой — третьей четв. IV в. до н. э. и из Колбино (курган 5) (4) — первой пол. IV в. до н. э. по набору вещей, в том числе по наконечникам стрел (Савченко, 2009. С. 261).

Таким образом, Кащеевско-колбинский тип датируется в рамках V–IV вв. до н. э.

Тин II-А-I -6 Солохско-ушаковский, 450–300 гг. до н. э.

К данному типу относятся 17 изображений, происходящих в основном с территории Нижнего Поднепровья и Приазовья (3–10, 13, 14–17), а также из Нижнего Подонья (1, 2) и Крыма (11, 12). Эти фигуры помещены на золотые обкладки ножен мечей (1–6, 12, 13), на серебряную чашу (11), на золотой налобник (14), оформляют золотые уздечные пластины (Алексеев, 2012. С. 258) (7), костяной гребень (8), золотые обивки деревянных сосудов (9, 10) и золотые нашивные бляшки (15–17).

Модель тина. Изображен относительно коротконеголовый и широкомордый (т. е. кошачий) хищник, с более или менее четко обозначенной гривой (лев). Гривы лишен лишь один из хищников данного типа (5), соседствующий на одной и той же вещи (меч из Солохи) с изображением льва (6), а в остальном подобный ему, — вероятно, это львица. Персонаж, оформляющий бляшки из Солохи (15), трактуется А. П. Манцевич и А. Ю. Алексеевым как рогатый лев (Манцевич,1987. С. 66; Алексеев, 2012. С. 163). Действительно, это животное, имея все признаки льва (короткая широкая морда, грива), наделено рогом, более всего похожим на козлиный. В силу большого сходства с остальными изображениями данного типа это изображение в виде исключения рассматривается не в рамках таксона синкретических образов, а в рамках образа хищника, тем более что семантической доминантой в нем остается тема льва, тогда как рога призваны «усиливать мощь и без того очень опасного, почти непобедимого хищника» (Алексеев, 2012. С. 163). Эту позицию подтверждает наделение козлиными рогами агрессивной львицы в сцене охоты на греческом сосуде из того же комплекса

Боковой могилы Солохи (Алексеев, 2012, С. 150–151. Илл. на с. 157).

Изображения моделированы чаще в высоком рельефе, в двух случаях (7, 8) моделировка ближе к плоскостной с доработкой деталей углублениями и прорезями, но и в этих случаях элементы рельефной трактовки сохраняются в передаче глаза, уха, гривы и иных деталей. Хищник показан со всеми четырьмя ногами. Задние ноги находятся в шаге, передние — либо также в шаге (5, 6, 8, 9, 10), либо одна из передних ног поставлена на землю, а вторая согнута под тупым или прямым углом и ориентирована предплечьем и кистью/пястью вперед, по направлению движения (1–4, 7, 15), либо обе передние ноги ориентированы таким образом (11–14, 16, 17), при этом в одном случае пальцы загнуты вверх, так что левая лапа подпирает правую, а та, в свою очередь, подпирает нос зверя (15). При этом голова хищника опущена до уровня нижней точки лопатки или до лап (11–13, 15) и лишь в двух случаях направлена вперед, в продолжение линии туловища (2, 14). Это поза льва, остановившегося в шаге с поднятой передней лапой, в готовности нападения или в состоянии терзания, хорошо известная по геральдическим композициям разных эпох, а также поза нападающего на жертву льва, почти припавшего передней частью к земле (но не касающегося ее). Соответственно большинство хищников данного типа включены в многофигурные композиции: они либо преследуют жертву (3), либо набрасываются на нее, впиваясь когтями и зубами (11–14), либо поглощают ее (1–6, 8). В роли жертвы выступает голова оленя (1–4, 8), рука человека (5) или целый кошачий хищник (6), либо целый олень (11–14).

Хищники отображены относительно натуралистично, но с элементами декоративности. Пасть подковообразная, открытая или приоткрытая, обрамлена рельефной полоской по краю. В пасти рельефно отображены или слабо обозначены клыки или зубы. Ноздря показана небольшой каплевидной выемкой. Глаз округлый или овальный, дан выпуклостью в углублении, которое может продолжаться в стороны, образуя слезник или слезники (1–4, 6–8, 11–14). Выпуклость лба обозначена бугорком над глазом. Ухо прилегает к шее, может чуть оттопыриваться (5, 7), овальное или листовидное. Шея короткая, рельефным перепадом или полоской отделена от головы и, за указанным исключением (5), полностью или по верхнему краю покрыта львиной гривой. Туловище широкое в грудной части и поджарое у бедра, что опять-таки свойственно экстерьеру льва в природе. Лопатка полуовальная или сегментовидная, рельефная, чаще контрастирующая своей гладкой поверхностью с гривой, за исключением изображения львицы (5), в котором лопатка акцентирована противоположным способом: она выделена на фоне гладкого туловища с помощью рельефной зооморфной трансформации (птичья голова). Бедро гладкое, тазобедренная часть акцентирована более или менее глубокой полуовальной впадиной. Мускулы ног подчеркнуты, как правило, углубленной линией, идущей вдоль заднего края ноги. Локтевые и пяточные выступы в большинстве случаев акцентированы овальными выступами, рельефными завитками, полукружиями, а в одном случае локтевой и предплюсневый выступы усилены соответственно концентрическими рельефными окружностями и дугами (7). На лапах рельефно переданы крупные пальцы, иногда сведенные к одному преувеличенному пальцу (15–17).

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Аналогии. В большинстве изображений этого типа очевидно проявление влияний переднеазиатского и греческого искусства не только в композиции, но и в стилистике. В частности, уже было отмечено (Канторович, 1998б) значительное композиционное сходство и параллели в трактовке деталей между елизаветовскими изображениями (1, 2) и луристанскими изображениями львов, представленных в геральдической композиции на обкладке щита VIII–VII вв. до н. э. (Ghirshman, 1964a. Abb. 90). Значительно присутствие антично-передневосточных декоративных мотивов (плетенка, концентрические круги и полукружия) в бердянском (8) и одном из александропольских (7) изображений. Налицо влияние переднеазиатской традиции геральдических композиций и изображений шествующих хищников. Эта позиция позднее, очевидно, становится основой для сюжетов нападающих хищников в сценах терзания греческой стилистики (см., например, фигуры львов и леопарда на пекторали из Толстой могилы: Мозолевский, 1979. С. 80. Рис. 61, 62), и могла проникать в скифский звериный стиль уже не из передневосточного, а из греческого искусства. Думается, что мы имеем дело с приспособлением античными и передневосточными мастерами характерных для их репертуара образов льва к вкусам скифской среды, в связи с чем этими мастерами вносились зооморфные превращения и некоторая дробность моделировки фигур. Но возможно и обратное: подражание скифских мастеров популярным в искусстве цивилизаций образам, с сохранением элементов скифской стилистики.

Хронология. Практически все изображения данного типа имеют объективные датировки в своих комплексах (см. Список опорных хроноиндикаторов). Наиболее ранним является малоцимбальское изображение (9) (450–420 гг. до н. э.), затем

следуют солохские (3–6) (400–375 гг. до н. э.), бердянские (9, 14) (первая треть IV в. до н. э. или, у́же, 380–370 гг. до н. э. до н. э.), елизаветовские (1, 2) (первая пол. IV в. до н. э.), еще позднее, во второй пол. IV в. до н. э. — кульобское (345–335 гг. до н. э.) (11, 12), огузское (10) (350–310 гг. до н. э.) и александропольские (16) (340–300 гг. до н. э.). Белозерское изображение (13), почти тождественное кульобскому, должно датироваться аналогично и, во всяком случае, не позднее предложенной для данного комплекса В. В. Отрощенко даты — последней трети IV в. до н. э. (Отрощенко, 1984. С. 121–126).

Таким образом, хронологические рамки Солохско-ушаковского типа — 450–300 гг. до н. э.

Тин II-A-I-7 Улянский,
нервая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Прикубанья и оформляющее золотые нашивные бляшки (1).

Изображен короткоголовый, широкомордый и короткоухий хищник с четко обозначенной гривой (лев). Изображение моделировано в высоком рельефе с использованием прорезей. Хищник показан со всеми четырьмя ногами, в высоком шаге, с приподнятой головой, с прогнутой спиной, с закинутым на спину хвостом. Это поза шествующего льва, что дополнительно акцентировано отображением поверхности, по которой идет лев, моделированной веретенообразной полосой.

Хищник отображен относительно натуралистично. Пасть подковообразная, широко открыта, обрамлена рельефной полоской по краю, замыкается рельефно отображенными верхним и нижним клыками. Ноздря показана рельефной выпуклостью. Глаз овальный, моделирован выпуклостью в углублении. Ухо небольшое треугольное с неглубокой впадиной раковины, примыкает к голове, вписано в пространство между гривой на холке, гривой на шее и глазом. Голова перерастает в короткую мощную шею, которая отделена двумя поперечными крупнорифлеными полосками гривы; третья такая полоска обрамляет контур головы снизу, отделяясь от шеи углублением. Туловище мощное, короткое. Лопатка мощная, рельефная, сегментовидная, с вписанной в нее внизу «малой лопаткой» — имитацией плеча. Бедро гладкое, тазобедренная часть акцентирована слабозаметной полуовальной впадиной. Мускулы ног подчеркнуты углубленной линией, идущей вдоль заднего края ног. На лапах рельефно переданы крупные пальцы. Хвост мощный, с расширением на конце, образующим «кисточку».

Аналогии и хронология. Данное изображение несомненно создано под влиянием античного искусства, учитывая особую деталь — поверхность, по которой движется лев, а также определенный натурализм в передаче туловища. Вместе с тем налицо такие признаки скифского звериного стиля, как акцентирование деталей и нарушение пропорций. Отображение поверхности — горизонтальной опоры для захвата лап хищника — также встречается, хотя и не часто, в скифомеотской стилистике, ср. изображения типа II-A-I-7 Уляпский, первой трети IV в. до н. э. и типа II-A-II-5 Уляпский, второй пол. IV в. до н. э., а также не столь надежно датируемых типов II-A-II-3 Майкопский и II-A-II-7 Майкопский.

Комплекс, из которого происходит данное изображение, датируется по объективным показателям первой пол. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тин II-A-I-8 Чертомлыцкий,
вторая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Нижнего Приднепровья и оформляющее бронзовые навершия (1).

Изображен короткоголовый и короткоухий хищник с четко обозначенной вдоль шеи гривой (лев)[1]. Изображение моделировано в низком рельефе с использованием прорезей. Композиция животного подчинена общему подпрямоугольному контуру, заданному для верхней части навершия, что подчеркнуто переходом линии гривы льва в гладкий пруток, облегающий голову спереди и смыкающийся с помощью коротких отростков с рудиментарным ухом и лбом зверя; пруток проходит перпендикулярно к прутку основания изображения (то есть симметрично задней ноге зверя, что образует своего рода рамку в верхней части навершия), а затем переходит в одну из сторон нижней, V-образной рамки навершия.

Лев показан со всеми четырьмя ногами, в высоком шаге задних ног, со стопами, изогнутыми под тупым углом относительно голеней, с рельефно подчеркнутми выступами пяток. При этом одна из передних ног согнута в кисти назад (кисть направлена вверх) и опирается изгибом о «землю»; другая же нога изогнута в запястье под прямым углом вперед, лапа опирается о землю. Хищнику свойствен крутой прогиб, как бы излом, туловища, вытянутая вперед шея с опущенной вертикально вниз головой. Хвост закинут на спину и закручен на конце.

Хищник отображен весьма условно и схематично. Голова зауженная, пасть закрыта, рот моделирован желобком, ноздря не обозначена. Глаз

[1] Как представляется, вопреки мнению А. Ю. Алексеева, В. Ю. Мурзина и Р. Ролле (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991. С. 154), нет оснований видеть в этом образе львиноголового грифона, поскольку никаких признаков грифона здесь не обнаруживается.

округлый выпуклый. Ухо намечено треугольным выступом. От подбородка к шее отходит петля с отверстием посередине (имитация свисающих складок шерсти или фантастической бороды?). Шея трапециевидная, отделена от головы уступом, от ее верхнего края наискось вперед отходят крупные выступы, имитирующие гриву. Туловище геометричное. Плечевой пояс с передними ногами рельефно отделен от туловища, тем самым обозначена лопатка. Бедро гладкое, тазобедренная часть акцентирована слабозаметной полуовальной впадиной. Лапы оформлены утолщениями, пальцы не обозначены.

На сюжетно-стилистическое своеобразие данной фигуры, не позволяющее усматривать ей аналогий, уже указывалось (Переводчикова, 1980а. Рис. 2). Это изображение представляется примером крайней схематизации и геометризации образа хищника на поздних этапах существования скифского звериного стиля.

Хронология. Дата изображения определяется по объективным показателям датировки находок в насыпи кургана Чертомлык в рамках второй пол. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тин II-А-I-9 Нимфейско-плавненский, вторая четв. V — начало IV в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Крыма (1, 2) и Нижнего Поднепровья (3). Эти фигуры оформляют золотые нашивные бляшки.

Модель тина. Представлен короткоголовый и широкомордый (т. е. кошачий) хищник, с более или менее четко обозначенной гривой (лев). Изображение моделировано в высоком рельефе. Хищник показан со всеми четырьмя ногами. Задние ноги находятся в шаге, одна из передних ног согнута под тупым углом и поставлена на землю, а вторая лежит на первой. При этом голова хищника направлена вперед, в продолжение линии туловища, а хвост задран вверх, закинут на спину и закручен назад на конце. Это поза льва, набрасывающегося на ходу на жертву[1].

Хищники отображены относительно натуралистично. Пасть подковообразная, открытая, обрамлена рельефной полоской по краю. Ноздря показана небольшой каплевидной выемкой. Глаз округлый или овальный, дан выпуклостью в углублении, которое может продолжаться в стороны, образуя слезник (3). Выпуклость лба обозначена бугорком над глазом. Ухо прилегает к шее, овальное, рельефное, с впадиной раковины. Шея короткая, рельефным перепадом отделена от головы, по верхнему краю (1–2) или полностью (3) покрыта львиной гривой, выполненной с помощью крупного косого рифления. Вдоль нижнего края шеи может проходить рельефная линия — гладкая (1) или из крупного «жемчужника» (2, 3), обозначающая шерстную складку. Лопатка полуовальная, рельефная, в одном случае контрастирующая своей гладкой поверхностью с гривой (3). За лопаткой короткими косыми валиками могут быть имитированы ребра (2, 3). Бедро гладкое, рельефное, тазобедренная часть акцентирована глубокой полуовальной впадиной. Мускулы ног подчеркнуты, как правило, углубленной линией, идущей вдоль заднего края ноги. На лапах рельефно переданы крупные пальцы (по одному).

Хвост льва может быть превращен в голову хищной птицы, противонаправленную фигуре самого льва (1, 2).

Хронология типа основана на датировках нимфейского изображения (1), устанавливаемого в рамках общей хронологии данного некрополя, каковые составляют 475–425 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Аналогично должно датироваться практически идентичное нимфейскому «майкопское» изображение (2). Бляшка из кургана у г. Плавни (3), отнесенная публикаторами ориентировочно к IV в. до н. э. (Treasures, 2006. P. 122), очевидно, должна на основании морфологического сходства с нимфейской и «майкопской» датироваться сходно с ними или, во всяком случае, не позднее начала IV в. до н. э.

Тин II-А-I-10 «Толстая могила — Гайманова могила», вторая — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья и оформляющие золотые бляшки (1, 2).

Модель тина. Представлен короткоголовый и широкомордый (т. е. кошачий) хищник. Изображение моделировано в высоком рельефе, на гладком фоне, заключено в рифленую рамку. Хищник показан со всеми четырьмя ногами. Задние ноги находятся в шаге, одна из передних ног согнута под тупым углом и поставлена на землю, а вторая согнута под прямым углом и ориентирована предплечьем и кистью вперед, по направлению движения. При этом голова хищника направлена вперед, в продолжение линии туловища, а хвост задран вверх, закинут на спину и закручен на конце. Это поза льва, набрасывающегося на ходу на жертву.

Хищники отображены крайне схематично. Пасть подковообразная, открытая, намечена рельефной полоской по краю. Ноздря показана небольшой каплевидной выемкой. Глаз округлый или овальный, дан выпуклостью в углублении. Выпуклость

[1] Ср. мнение М. Викерса в отношении нимфейского изображения (1): «с поднятым и закрученным хвостом — в позе готовности броситься на жертву» (Vickers, 1979. P. 42).

лба обозначена бугорком над глазом. Ухо почти не различимо. Шея короткая, вдоль нижнего края шеи может проходить рельефная гладкая линия шерстной складки (1). Лопатка полуовальная, рельефная. Туловище короткое, бедро гладкое, тазобедренная часть акцентирована глубокой полуовальной впадиной. На лапах рельефно переданы крупные пальцы (по одному). Хвост льва закинут на спину и на середине длины отогнут назад.

Хронология. Изображение из Толстой могилы (1) на основании объективных показателей датируется в пределах второй — третьей четв. IV в. до н. э., из Гайматовой могилы (Северная гробница №1) (2) — 365–350 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Таким образом, хронологические рамки типа: вторая — третья четв. IV в. до н. э.

Группа II – класс А – отдел II

Тин II-А-II-1 «Золотой курган — Макеевка», конец VI — нервая нол. V в. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Крыма (1, 2) и Среднего Поднепровья (3, 4). В одном случае это обложенная золотом бронзовая фигура, возможно, украшавшая крышку колчана (1), в других эти фигуры оформляли бронзовую уздечную бляху (2) и бронзовые налобники (3, 4).

Модель тина. Изображен хищник, относительно короткоголовый, тупомордый и короткоухий (т. е. семейства кошачьих). Моделировка туловища и ног высокорельефная с прорезями, моделировка шеи и головы скульптурная. В части передачи ног изображения чаще представляют хищника со всеми четырьмя ногами, но могут быть и строго профильны (3). Хищник изображен с прямыми ногами, с упирающимися друг в друга лапами, с головой, направленной вертикально или чуть наискось (1) относительно туловища, перпендикулярно сидящей на шее и повернутой анфас к зрителю, с приоткрытой пастью, с торчащими ушами. Задние ноги при этом даны в профиль, а передние — либо в профиль (3, 4), либо в плане, развернутыми к зрителю, причем в этом случае лапы не подогнуты, а упираются в землю пальцами или как бы свисают(1, 2). Таким образом, перед нами хищник в шаге задних и, в одних случаях, также и передних ног, остановившийся и обернувшийся к зрителю. Возможна и другая трактовка изображений со «свисающими» передними ногами (1, 2) — как хищников, лежащих с отброшенными в одну сторону передними и задними ногами, опять-таки повернувших голову на зрителя (о возможной семантике этого ракурса поворота и прямого взгляда см.: Полидович, 2008. С. 39–59). Глаза овальные выпуклые, в ромбической рамке глазницы. Уши овально-листовидные, с широким краем, с имитацией раковины впадиной. Нос образован сходящимися плоскостями. Ноздри выпуклые, отверстия даны углублением. Рот обозначен впадиной. Щеки и нос рельефно выделены, причем в одном случае складки щек обозначены поперечным рифлением (1). Подбородочные выступы рельефно акцентированы. Шея цилиндрическая. Туловище поджарое. Сегментовидная лопатка и овальное бедро рельефно выделены, тазобедренная впадина обозначена каплевидной выемкой. Специальным рельефным выступом показан выступ лопаточных мускулов над спиной. Мускулы ног подчеркнуты углубленной линией вдоль заднего края. Лапы преувеличены, обозначены расширением, заполненным рельефными линиями, обозначающими пальцы каждой лапы.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Изобразительная динамика и аналогии. Более ранними в рамках типа представляются изображения из Золотого кургана и Пантикапея (1, 2), как более качественные и композиционно более усложненные. Фигура из Журовки (4) и особенно из Макеевки (3) — следующие в эволюционном ряду, поскольку подражательны и схематичны. При этом прием напаивания на туловище гнезд для цветных вставок, отличающий пантеру из Золотого кургана и встречавшийся значительно раньше в скифском зверином стиле лишь в отображении уха Келермесской пантеры, свойственен и фракийскому аналогу Золотой пантеры на золотом нагруднике V в. до н. э. из Башовой могилы (Венедиков, Герасимов, 1973. С. 375. Табл. 213). Л. Огненова-Маринова объяснила эти особенности для фигурки из Золотого кургана как попытку прямого применения раннегреческой скульптурной техники сфирелатон, а для плоскостного башовского как наследование и трансформацию приемов этой техники в изображениях (Огненова-Маринова, 1975. С. 127–138). По мнению исследовательницы, мотив переходящих в лопатку передних ног первоначально в скульптурной технике сфирелатон реализуется в их превращении в одну сплошную ленту, перебрасываемую через плечо зверя, а затем, при переходе к плоскостным изображениям, отражается в двух концентрических дугообразных изогнутых линиях, сливающихся с контуром передней ноги (Там же. С. 132).

Хронология типа базируется на объективных датировках журовского изображения концом VI — началом V в. до н. э. и макеевского изображения первой пол. V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Изображение из Золотого кургана (А. Ю. Алексеев датирует его концом VI — началом V в. до н. э.: Алексеев, 2003. Рис. 26: 14)

и пантикапейское не могут быть существенно хронологически отдалены от журовского и макеевского в силу их морфологического сходства, во всяком случае, не могут быть позднее их.

Таким образом, рамки типа определяются как конец VI — первая пол. V в. до н. э.

Тип II-A-II-2 «Частые курганы», копец VI — пачало V в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Среднего Подонья и оформляющее серебряный налобник (1).

Изображен массивный, большеголовый, узкомордый, короткоухий, короткохвостый хищник, опирающийся на полную стопу (медведь). Моделировка туловища и ног высокорельефная с прорезями, моделировка шеи и головы скульптурная. В части передачи ног изображение строго профильное. Медведь показан стоящим на практически прямых ногах, с лапами, согнутыми под прямым углом к коротким мощным голеням и упирающимися друг в друга, с вертикально опущенной почти до земли головой на дуговидной шее («сгорбленно»), с раскрытой пастью. Голова медведя трапециевидная, сужающаяся книзу, с массивным бугристым лбом. Уши торчат вверх, оформлены рельефным овалом с впадиной раковины, глаз — округлой выпуклостью в ромбовидном углублении, намечающем слезники, ноздри оформлены выступами. Нос образован сходящимися плоскостями. В пасти показаны рельефные клыки, чаще два — верхний и нижний, замыкающие пасть. Шея массивная цилиндрическая. Туловище относительно поджарое, гладкое. Лопатка и бедро моделированы овальными выступами. На спине рельефно выделены надлопаточные мускулы. Лапы преувеличенные, длинные, складываются из рельефных пальцев. Хвост толстый, опущен вниз.

Аналогии. Данное изображение композиционно-стилистически и по моделировке очень близко типу «Золотой курган — Макеевка», и лишь видовая принадлежность персонажа не позволяет относить его к этому типу. Примечательна и большая сгорбленность, более низкий наклон головы зверя из Частых курганов, поскольку мастер, очевидно, стремился добиться канонической схемы «пьющего медведя», разработанной в среднедонской среде в плоскостном воплощении (ср. вышеописанный тип II-A-I-5 Кащеевско-колбинский, одно из изображений которого оформляет уздечную бляху из того же комплекса, что и описываемое здесь изображение).

Хропология изображения определяется по объективным показателям концом VI — началом V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тип II-A-II-3 Майкопский, IV в. до п. э. (?)

К данному типу относится одно изображение с территории Прикубанья, помещенное в середине вышеупомянутой майкопской бронзовой уздечной бляхи (1).

Представлен короткоголовый и широкомордый хищник с относительно коротким мощным ухом (семейства кошачьих). Этот хищник составляет центральную фигуру многофигурной композиции, будучи обрамленным двумя дуговидно изогнутыми хищниками. Изображение моделировано в высоком рельефе. Фигура строго профильна в части трактовки туловища и головы, при этом показаны все четыре ноги. Хищник показан стоящим, в высоком одноименном шаге на почти прямых ногах с соприкасающимися лапами, охватывающими стержень, на котором балансирует зверь. Спина прогнута, голова на дуговидно изогнутой шее повернута назад и противонаправлена туловищу, ухо торчит вверх.

Голова подпрямоугольная, с открытой пастью, пасть подковообразная, рот обозначен рельефной полоской. Глаз моделирован округлой выпуклостью в углублении. Ухо треугольное, со впадиной раковины, почти примыкает к глазу. Хищник имеет мощную шею и поджарое гладкое туловище.

Лопатка обозначена рельефным выступом. Туловище плавно переходит в тазобедренную часть, отделенную неглубокой впадиной. Задняя нога отделена от хвоста углублением. Ноги мощные, лапы преувеличены, с рельефно обозначенными четырьмя пальцами на каждой. Хвост мощный, длинный, облегает заднюю ногу, упирается сзади в голень и закручивается назад.

Хропология. Как уже было сказано в связи с характеристикой типов I-3-A-I-3 и I-3-A-II-1, к которым отнесены два других изображения на майкопской бляхе, данное изделие, возможно, следует датировать IV в. до н. э. Ср. также наличие редкого мотива — горизонтальной опоры для захвата лап хищника, которая была отмечена для еще двух надежно датируемых прикубанских изображений — типа II-A-I-7 Уляпский, первой трети IV в. до н. э. и типа II-A-II-5 Уляпский, третьей — четвертой четв. IV в. до н. э.

Тип II-A-II-4 Семибратпепско-елизаветовский, середипа V — IV в. до п. э.

К данному типу относятся 5 изображений, происходящих из Прикубанья (1), Нижнего Подонья (2), Нижнего Поднепровья (5) и Крыма (3, 4). Они помещены на золотую обкладку ритона (1), на пластины золотой обкладки ножен мечей (2, 4), на золотые бляшки (5) и на серебряную чашу (3).

Модель типа. Изображен относительно короткоголовый и широкомордый, короткоухий (т. е.

кошачий) хищник, с хвостом с кисточкой, с четко обозначенной гривой (лев) (1, 2 и, возможно, 5) (другой вариант интерпретации: здесь показаны пятна или полосы на шкуре, и в таком случае это тигр) или без гривы (львица) (3, 4), в том числе с сосцами (3). Изображение моделировано в высоком рельефе. Хищник показан с туловищем в профиль, строго профильно (1) или со всеми четырьмя ногами (2–5), с шеей и головой в плане, почти горизонтально (1, 2, 4) или наискось вверх (3, 5), при этом шея и голова повернуты на зрителя вправо (1–3, 5) или влево (4), шея вытянута вперед и немного отогнута вниз (1, 2, 4) или вверх (3, 5), голова продолжает линию шеи. Это хищники, на ходу (2–4) или в прыжке (1) вцепляющиеся в оленя и повернувшие голову для удобства захвата добычи; либо это кошачий, приготовившийся вцепиться в добычу (5).

Голова хищников трапециевидная в плане, нижняя челюсть у вцепившихся хищников скрыта от зрителя добычей. Голова разделена на два симметричных продольных сектора валиком, обозначающим нос; этот валик имеет крупное рифление (1, 2, 5) или он гладкий (3, 4). По сторонам носа с помощью рельефных полос отображены складки кожи. Носовой валик упирается в перпендикулярную ему рельефную волнистую линию под глазами (1) или над глазами (2–5), во втором случае эта линия обозначает бровные выступы. Глаза даны округлой выпуклостью в треугольном углублении, углом вовне, обозначающим слезник. Лобно-теменная часть выпуклая, может быть разделена уступом надвое (1). Уши вписаны в контур головы, направлены назад, даны рельефным кружком или овалом с углублением раковины.

Лопатка преувеличена, отграничена желобком и оформлена полуовальной выпуклостью, с уступом внизу с задней стороны. Туловище широкое в грудной части и поджарое у бедра, что соответствует экстерьеру льва. Бедро гладкое, тазобедренная часть акцентирована более или менее глубокой полуовальной впадиной. На лапах рельефно переданы крупные пальцы — либо три пальца в плане (1), либо три пальца в три четверти (3, 4), либо один палец в профиль (2, 5).

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Хронология типа основывается на объективных датировках, которые позволяют расценивать семибратненское изображение (1) как наиболее раннее (вторая пол. V в. до н. э. или, более узко, 450–440 гг. до н. э.), следующим считать елизаветовское (2) (конец V — первая пол. IV в. до н. э.), самыми поздними — кульобские (3, 4) (345–335 гг. до н. э.) и александропольское (5) (340–300 гг. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов). Следовательно, хронологические рамки Семибратненско-елизаветовского типа: сер. V — IV в. до н. э.

Тип II-A-II-5 Уляпский,
вторая пол. IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение с территории Прикубанья, оформляющее золотую ажурную пластину (1).

Представлен короткоголовый и широкомордый хищник с относительно коротким мощным ухом (семейства кошачьих). Изображение моделировано в высоком рельефе, схематичное. Хищник показан стоящим в высоком одноименном шаге с обеими задними и правой передней ногой, упирающимися в стержень, на котором балансирует зверь, с повернутой анфас головой, посаженной вертикально на вертикальной шее. При этом предплечье левой передней ноги согнуто под острым углом вверх, лапа прижата к щеке.

Голова хищника трапециевидная в плане, нижняя челюсть скрыта от зрителя. Нос обозначен треугольным выступом, глаза — округлыми выпуклостями. Уши вписаны в контур головы, направлены вверх, даны рельефными кружками с углублением раковины. Лобная часть показана округлым выступом. Хищник имеет поджарое гладкое туловище. Лопатка отделена от шеи рельефным выступом, имеет сегментовидные очертания с дополнительным выступом плеча на ее поверхности. Завершение лопатки и бугор соответствующих мускулов обозначены выступом над спиной хищника. Туловище плавно переходит в тазобедренную часть, отделенную неглубокой впадиной. Ноги мощные, лапы преувеличены, с рельефно обозначенными пальцами. Хвост мощный, закинут на спину и на конце загнут вверх.

Хропология типа основывается на объективной датировке соответствующего комплекса третьей — четвертой четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тип II-A-II-6 Нартапский,
VI в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение с территории Центрального Предкавказья, оформляющее золотую пластину (1).

Представлен хищник с короткой мощной головой, широким коротким ухом, широким туловищем (семейства кошачьих). Изображение моделировано в высоком рельефе, крупными выпуклостями, строго профильное. Хищник как бы стоит на кончиках пальцев, с вытянутыми ногами и сведенными воедино лапами, с повернутой назад горизонтальной головой, почти прилегающей к лопатке; зверь упирается мордой в окончание

хвоста, закинутого на спину и закрученного на конце в противоположную сторону.

Голова трапециевидная, с закрытой пастью, рот и ноздря намечены небольшими углублениями, пасть подковообразная, рот обозначен рельефной полоской. Глаз овальный, моделирован выпуклостью в углублении. Ухо горизонтальное, преувеличенное, подтреугольное, с широким краем и впадиной раковины, отделено от головы желобком. Хищник имеет короткую мощную шею, которая переходит в выпуклую овальную лопатку. Туловище между лопаткой и бедром широкое и короткое, задняя часть моделирована рельефным овалом, тазобедренная впадина обозначена маленькой выемкой. Ноги как бы свисают, мускулы подчеркнуты рельефными линиями вдоль края ног, лапы преувеличены, продолжают линию ног, показаны с рельефными вертикальными пальцами. Хвост мощный, длинный.

Аналогии и хропология. Не имея близких аналогий, данное изображение по способу моделирования, по лаконизму в передаче образа напоминает золотые бляшки с изображением пантеры и оленя из Ульских курганов (курган 1/1908 г.) — комплекса первой пол. VI в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Это заставляет ограничивать датировку нартанской пластины рамками скифской архаики и, скорее всего, относить ее к VI в. до н. э., возможно, к первой пол. VI в. до н. э. Тематически-композиционную параллель нартанскому хищнику составляют изображения кошачьего хищника на описываемой ниже золотой бляшке из «Майкопского клада» (Leskov, 2008. Cat. № 316), а также на знаменитой пластине из рога лося из погр. 3 кургана 4 группы Пятимары I в Южном Приуралье (Смирнов, 1964. Рис. 79, 6). Также композиционно сходен (хотя и в меньшей мере) с нартанским хищником крылатый лев на золотой бляшке из кургана 17 Нимфейского некрополя (Артамонов 1966б. Табл. 101).

Тип II-A-II-7 Майкопский,
сер. V — пачало IV в. до п. э. (?)

К данному типу относится одно изображение с территории Прикубанья, оформляющее золотые нашивные бляшки (1).

Представлен короткоголовый и широкомордый хищник с коротким ухом и покатым лбом, придающим морде клювовидные очертания (семейства кошачьих? львиный грифон?). Изображение моделировано в высоком рельефе. Фигура строго профильна в части трактовки туловища и головы, при этом отображены все четыре ноги. Хищник показан стоящим в высоком одноименном шаге на слабо согнутых ногах с соприкасающимися лапами, охватывающими стержень, на котором он балансирует. Голова на дуговидно изогнутой шее повернута назад и опущена вертикально, упираясь раскрытой пастью в лопатку зверя, как бы впиваясь в нее.

Голова овальная, пасть подковообразная, рот обозначен рельефной полоской. Глаз преувеличен, моделирован округлой выпуклостью в овальном углублении. Ухо торчит вверх, треугольное, со впадиной раковины. Хищник имеет мощную шею и широкое короткое туловище, зажатое между преувеличенными лопаткой и бедром. Лопатка и бедро обозначены овальными выступами. Ноги тонкие, с преувеличенными, почти вертикальными лапами, с рельефно обозначенными тремя пальцами на каждой. Хвост мощный, длинный, закинут на спину и закручен посередине назад, почти упираясь изгибом в голову зверя.

Аналогии и хропология. Не имея близких аналогий, данное изображение композиционно наиболее близко крылатому льву на золотой бляшке из кургана 17 Нимфейского некрополя (Артамонов, 1966б. Табл. 101), датируемого 475–425 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Вместе с тем майкопская фигура гораздо схематичнее нимфейской, а по наличию столь редкого мотива, как горизонтальная опора для захвата лап хищника, которая была отмечена для еще двух надежно датируемых прикубанских изображений — типа II-A-I-7 Уляпский, первой трети IV в. до н. э. и типа II-A-II-5 Уляпский, третьей — четвертой четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов), майкопское изображение тяготеет уже к IV в. до н. э. Таким образом, отчасти соглашаясь с датировкой А. М. Лескова для этого изображения, (середина — конец V в. до н. э.) (Leskov, 2008. P. 225), можно допустить и продление этой датировки в начало IV в. до н. э.

Тип II-A-II-8 Нечерзийский,
IV в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение с территории Прикубанья, оформляющее золотую бляшку (1).

Представлен короткоголовый и широкомордый хищник с короткими ушами, мощным телом и длинным тонким хвостом (семейства кошачьих). Изображение моделировано в высоком рельефе. Хищник показан стоящим в высоком разноименном шаге на слабо согнутых четырех ногах с соприкасающимися лапами, опирающимися на спину (на рифленую щетину) терзаемого им кабана. Голова на дуговидно изогнутой шее развернута анфас вертикально и опущена вниз ниже уровня лап, упирается в темя кабана.

Трактовка деталей относительно натуралистична. Голова хищника трапециевидная в плане, нижняя челюсть закрывает верхнюю. Голова разделена на два симметричных продольных сектора расши-

ряющимся книзу валиком, обозначающим нос. По сторонам носа с помощью рельефных выступов отображены складки кожи, граничащие с миндалевидными глазами, сформированными выпуклостью в углублении, с углублениями слезников. Носовой валик раздваивается над глазами под прямым углом, образуя бровные выступы, от которых вверх отходят полуовальные рельефные уши с впадинами раковин. Хищник имеет мощную шею, плавно переходящую в гладкую лопатку, выделенную слабой выпуклостью. За лопаткой туловище также гладкое, широкое, плавно переходит в выпуклую овально-округлую заднюю часть, тазобедренная впадина обозначена глубокой каплевидной выемкой. Ноги тонкие укороченные, с преувеличенными лапами, с рельефно обозначенными двумя пальцами на каждой. Хвост сначала опускается вниз, упирается в пяточный сустав, затем загибается вертикально вверх до середины зада, после чего опять сгибается вниз, утолщаясь на конце.

Хропология. Датировка комплекса, из которого происходит Нечерзийское изображение хищника, его публикаторами в пределах IV в. до н. э. (Шедевры, 1987. Кат. № 80. Табл. 54) подкрепляется сюжетным сходством кабана терзаемого вышеописанным хищником, с надежно датируемым изображением другого кабана — типа I-I-2 Уляпский, первой пол. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тип II-A-II-9 Тепгипский, вторая пол. IV в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Прикубанья (из 1-го кургана некрополя II Тенгинского городища), оформляющее бронзовый наносник (1).

Плоская часть данного наносника представляет собой человеческую голову в обрамлении двух пар согнутых в стопах «свисающих» звериных лап (слева от головы лапа или пара лап не сохранилась, но здесь четко видны следы облома). К голове человека примыкает трапециевидная пластина, передающая, вероятнее всего, его шею и грудь, которую охватывает хищник, — либо двумя парами лап, либо только передними лапами.

Изображен хищник не совсем ясной видовой принадлежности: относительно длинноголовый, узкомордый и короткоухий. Моделировка объемная в части шеи и головы, плоскостная в части ног. Участок туловища занят изображением человеческой головы. К голове примыкает трапециевидная пластина, передающая либо шею человека, либо торс животного. В другой плоскости по отношению к человеческой голове находится голова описываемого хищника. Хищник представлен с приоткрытой пастью, впивающимся в голову человека сверху. Голова хищника венчает дуговидную шею, по верху которой автор поместил высокий узкий валик с несколькими волнообразными выступами, отделенный от шеи канавкой, тем самым, очевидно, имитировав львиную гриву с завитками. Скорее всего, это действительно лев, ибо только этому виду кошачьих был присущ соответствующий половой диморфизм, и потому даже в самых примитивных изображениях самцов художники стремились отобразить гриву (менее вероятно, что рельефный валик имитирует зубчатый гребень на шее грифона). Глаза хищника миндалевидные, с углублением слезника, нос выпуклый, ноздри не обозначены, уши короткие, овальные, с впадиной раковины.

Апалогии и хропология. Как таковое данное изображение хищника не находит себе близких аналогий, несмотря на то что оно вполне соответствует нормам скифомеотского звериного стиля. Отдаленное же сходство по форме головы оно имеет среди протом хищников на нижнеднепровских налобниках типа 2 Чертомлыцко-огузский, второй четв. — второй пол. IV в. до н. э. (см. ниже). Вместе с тем обнаруживается определенное сходство тенгинского изображения по таким признакам, как позиция головы и шеи и трактовка морды, со скульптурной фигурой хищника с длинной изогнутой назад шеей на выпуклом ажурном налобнике с продольной петлей на обороте из территориально и хронологически близкого кургана 1 у станицы Кужорской тип I-4-II-1 (первой — третьей четв. IV в. до н. э.).

По своим конструктивным особенностям тенгинский наносник не имеет прототипов в Прикубанье и, очевидно, восходит к группе наносников и налобников Северного Причерноморья в виде объемной головки или протомы хищника. Появившись в лесостепной и степной Скифии в первой пол. V в. до н. э. именно как протома — склоненная вниз голова на прямой шее, перпендикулярно отходящей от шейно-грудного отдела, с акцентированными плечами и опущенными вниз передними ногами с соприкасающимися лапами (Новопетровка, случайная находка (Островерхов, Тощев, 1985. С. 75–77. Рис. 1), Макеевка, к. 491 (Петренко, 1967. Табл. 29, 26)[1], эти изображения, очевидно, упрощались в течение V в. до н. э., в результате чего

[1] В свою очередь, данные протомы, очевидно, следует считать редукцией полнофигурных изображений стоящего хищника с туловищем и задними ногами в профиль, а передней частью в фас типа фигур конца VI — первой пол. V в. до н. э. из Золотого кургана в Крыму (ОАК за 1890 г. С. 4–6. Рис. 1), из Пантикапея (ОАМ №А-45166; Островерхов, Охотников, 1989. С. 50–51. Рис. 1, 1) и из лесостепных комплексов Журовки, курганы Г и вышеупомянутой Макеевки, кургана 491 (Петренко, 1967. Табл. 29, 19, 27), ср. более поздние изображения из Частых курганов на Среднем Дону (Замятнин, 1946. С. 29. Рис. 14, 1–3).

место ног занял щиток, возможно, имитирующий грудь и сложенные лапы (см. налобники/наносники из Бердянского кургана (Чередниченко, Фиалко, 1988. С. 156–157. Рис. 6, 5) и из района Майкопа (покупка, хранящаяся в Государственном Эрмитаже) (Переводчикова, 1980в. С. 34. Кат. 106). Эти упрощенные протомы, видимо, и стали прототипом для популярных наносных украшений в уздечных наборах степной Скифии второй пол. IV в. до н. э. — протом хищника с объемной головой и шеей, верхней пластиной — имитацией плечевой зоны и нижней пластиной — имитацией грудной части и передних ног (Ильинская, 1968. С. 121; Мозолевський, 1979. С. 185–186). Это наносники из царских и аристократических курганов Нижнего Поднепровья (Чертомлык, Огуз, Козел, Чмырёва могила, Толстая могила), на которых имеются изображения в двух плоскостях: скульптурное изображение головы и шеи льва или львиноголового грифона и рельефное изображение львиной личины (как правило, с акцентированными мускулами или складками на лбу, схематично отображенными над глазами и под ушами), помещенной на плоской пластине, играющей одновременно роль груди основного хищника, причем в наиболее натуралистичном из этих изображений — из Чмырёвой могилы — по сторонам нижней пластины рельефно показана пара ног основного хищника (Браун, 1906. С. 102. Рис. 46, 47, 47а; Мелюкова, 1976. С. 113. Рис. 3, 5; Мозолевський, 1979. С. 185–186. Рис. 131). На наш взгляд, именно наносник типа чмырёвского наиболее близок описываемому тенгинскому. Курган Чмырёва могила датируется серединой — третьей четв. IV в. до н. э., т. е. временем, синхронным или непосредственно предшествующим комплексу кургана 1 некрополя II Тенгинского городища (Алексеев, 2003. С. 264–265). Итак, именно наносник типа чмырёвского мог послужить прототипом для тенгинского, но создатель последнего переосмыслил известную ему композицию, введя человеческое изображение вместо вторичного звериного.

Хропология. Тенгинский могильник датируется по объективным показателям в предельных рамках второй пол. IV — начала III в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). При этом комплекс коня 12 из кургана 1, к которому относится налобник с данным изображением, по железным удилам с устрожающими насадками, по прямым двудырчатым железным псалиям может быть ограничен второй пол. IV в. до н. э. (Эрлих, 2000. Рис. 73: 1–4; Канторович, Эрлих, 2005–2009. С. 286).

Тип II-A-II-10 Белозерско-кульобский, IV в. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья (1, 2), Приазовья (4) и Крыма (3). Эти фигуры помещены на золотые обкладки ножен мечей (1, 2), на серебряную чащу (3) и на золотой налобник (4).

Модель типа. Изображен относительно короткоголовый, широкомордый, короткоухий (т. е. кошачий) хищник, с четко обозначенной кисточкой на конце хвоста, в многофигурных композициях в сочетании с вышеописанными львами семибратненско-елизаветовского типа (львицы и тигры или леопарды?). При этом бердянский хищник (4) наделен бычьими рогами, исходящими из темени (их корень моделирован пальметкой, рога расходятся горизонтально и загибаются на конце вверх). Это существо оттеснено к образу хищников, а не синкретических существ по тем же основаниям (см. выше), что и лев с козлиным рогом, включенный в вышеописанный тип II-A-I-6 Солохско-ушаковский.

Изображение моделировано в высоком рельефе. Хищник показан со всеми четырьмя ногами. Задние ноги находятся в шаге, передние согнуты под острым (2) или прямым (1, 3, 4) углом и ориентированы предплечьем и кистью вперед, правая над левой. При этом спина прогнута, передняя часть близка к земле, голова хищника вертикальна, повернута анфас. Шея вытянута вперед и немного вверх, голова находится под углом к линии шеи.

Хищники отображены относительно натуралистично — исключая схематичную фигуру из Солохи (2), — но с элементами декоративности. Голова хищников трапециевидная в плане, нижняя челюсть не показана. Голова разделена на два симметричных продольных сектора валиком, обозначающим нос. По сторонам носа двумя выступами отображены складки кожи. Носовой валик упирается в перпендикулярную ему рельефную волнистую линию над глазами, эта линия обозначает бровные выступы. Глаза даны округлой выпуклостью в треугольном углублении, углом вовне, обозначающим слезник. Лобно-теменная часть выпуклая, может быть разделена уступом надвое (обозначение мускулов) (1). Уши вписаны в контур головы, направлены вверх (у бердянского хищника (4) — в стороны), даны рельефным овалом с углублением раковины. Лопатка отграничена желобком, рельефно обособлена (в бердянском изображении, кроме того, контрастирует гладкой поверхностью с пятнистыми шеей и туловищем), имеет форму полуовала и содержит в выемке подобную ей по форме «малую» лопатку — отображение плеча, оформленное рельефным завитком. Туловище плавно переходит в бедро, тазобедренная часть акцентирована глубокой полуовальной впадиной. Мускулы ног подчеркнуты углубленными линиями, идущими вдоль заднего края ноги, пятка подчеркнута рельефным завитком. Рельефно переданы крупные пальцы.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Хропология. По объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) солохское изображение (2) датируется 400–375 гг. до н. э., бердянское (4) — первой третью IV в. до н. э., кульобское (3) — 345–335 гг. до н. э. Белозерское изображение (1), очень близкое кульобскому, должно датироваться аналогично, во всяком случае, не позднее предложенной для данного комплекса В. В. Отрощенко даты: последней трети IV в. до н. э. (Отрощенко, 1984. С. 121–126).

Таким образом, хронологические рамки данного типа — IV в. до н. э.

Группа II – класс Б – отдел I

Тип II-Б-I-1 Ушаковский,
первая пол. IV в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Нижнего Подонья и помещенное на основной пластине золотой обкладки ножен меча (1).

Представлен относительно короткоголовый и широкомордый (т. е. кошачий) хищник, с четко обозначенной гривой (лев). Данное изображение (лев, следующий за бегущим львом) практически тождественно по моделировке, композиции и трактовке анатомических деталей изображению предстоящего ему льва на том же мече, отнесенному нами к типу II-А-I Солохско-ушаковский, 450–300 гг. до н. э. Однако у зверя на основной пластине ножен меча задняя часть туловища с задними ногами вывернуты на 180 градусов (возможно, в целях экономии места), соответственно данное изображение следует относить к другому таксону, объединяя их при этом в единую надсюжетную стилистическую совокупность.

Хропология. Ушаковское изображение датируется по объективным показателям второй пол. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиидикаторов).

Группа III – отдел I

Тип III-I-1 Уляпский,
первая пол. IV в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Прикубанья и являющееся бронзовым штампом, вероятно, предназначенным для моделирования золотых бляшек (1).

Представлен короткоголовый, широкомордый и короткоухий хищник с длинным хвостом. Изображение моделировано в высоком рельефе. Хищник показан с двумя задними и одной передней ногами. Задние ноги находятся в шаге, передняя нога согнута в предплечье под прямым углом и ориентирована предплечьем и кистью вперед. Туловище прогнуто над лопаткой, голова хищника посажена на идущую наискось вверх шею, немного опущена.

Хищник отображен обобщенно, без детализации (каковая, возможно, предполагалась при доработке оттиска). Голова прямоугольная, пасть приоткрыта, клыки сомкнуты впереди, что обозначено отверстием. Ноздря показана овальной выпуклостью. Глаз преувеличенный, округлый, дан выпуклостью в углублении. Ухо вертикальное, полуовальное, с рельефным краем, обрамляющим впадину раковины. Голова отделена от шеи рельефным уступом. Шея мощная трапециевидная, переходит в выпуклую полуовальную лопатку. Туловище плавно переходит в овальную выпуклую заднюю часть. На лапах рельефно переданы единичные крупные пальцы. Хвост отходит наискось вниз, затем загибается наискось вверх и утолщается на конце (имитация кисточки?).

Хропология типа: уляпское изображение датируется по объективным показателям первой пол. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тип III-I-2 Александропольский,
сер. IV — рубеж IV–III вв. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Нижнего Поднепровья и оформляющее золотую пластину (1).

Представлен относительно короткоголовый, широкомордый и короткоухий (т. е. кошачий) хищник, с четко обозначенной гривой и кисточкой на конце хвоста (лев). Изображение моделировано в низком рельефе, детали доработаны углублениями. Хищник показан со всеми четырьмя ногами. Задние ноги находятся в широком низком шаге, так что левая задняя нога упирается в предплечье правой передней. Передние ноги согнуты под прямым углом и ориентированы предплечьем и лапой вперед, одна над другой, по направлению движения. Туловище прогнуто над лопаткой, голова опущена вертикально до уровня лопатки.

Хищник отображен схематично, с элементами декоративности. Пасть подковообразная, закрыта, но приоткрыта в основании, что обозначено отверстием. Пасть обрамлена рельефной полоской по краю. Ноздря преувеличена, показана овальной выпуклостью в обрамлении валика. Подбородок преувеличен. Морда имеет треугольный выступ по верхнему краю. Глаз округлый, дан выпуклостью в углублении. Выпуклость лба обозначена бугорком над глазом. Голова отделена от шеи рельефным уступом. Ухо вертикальное каплевидное, с рельефным краем, обрамляющим выступ раковины, зажато между головой и шеей. Шея трапециевидная, полностью покрыта львиной гривой, завитки которой имитированы крупными сегментовидными фигурами, выходящими

за пределы контура шеи. Туловище узкое, геометричное. Лопатка слита с грудной частью, покрыта рифлением, отделена желобком от туловища. За лопаткой дуговидными желобками имитированы ребра. Туловище плавно переходит в бедро, тазобедренная часть акцентирована неглубокой впадиной. Туловище за ребрами, бедро, ноги, хвост, покрыты крупными точками, возможно, имитирующими шерсть. Мускулы ног подчеркнуты углубленными линиями, идущими вдоль заднего края ноги. Пяточные и локтевые выступы в большинстве случаев (1–3) акцентированы концентрическими дуговидными желобками. На лапах рельефно переданы крупные пальцы. Хвост отходит вверх и назад, затем загибается вниз и вперед, проходит между ногами и доходит до земли. Кисточка имитирована расширением и продольными желобками (шерсть?).

Хропология. Изображение на основании объективных показателей датируется в пределах 340–310 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тип III-I-3 «Архапгельская слобода», копец V — пачало IV в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Нижнего Поднепровья и украшающее золотые накладки колчана (1).

Представлен относительно длинноухий хищник с толстым, относительно коротким сужающимся на конце хвостом, с поджарым туловищем и мощными ногами. А. М. Лесков, раскопавший и опубликовавший данный комплекс, предположил, что это собака (Лесков, 1972. С. 57–58). Возможно, это волк, во всяком случае хищник семейства волчьих, хотя морда зверя короткая, и в этой части он больше похож на льва.

Изображение моделировано в высоком рельефе на фоне гладкого листа. Хищник показан со всеми четырьмя ногами. Задние ноги расположены в широком низком шаге, грудная часть прижата к земле, передние ноги вытянуты вперед горизонтально, правая лежит на земле, левая находится непосредственно перед ней, подпирая подбородок зверя. Горизонтально посаженная голова увенчивает идущую наискось вверх шею. Шея хищника разделена надвое продольным гладким валиком, имитирующим мускулы и идущим от лопатки к глазу, где валик, расходясь, образует треугольное обрамление глаза, в котором заключена небольшая округлая впадина зеницы; затем данный валик образует носовую часть и переходит в ноздревую выпуклость с небольшим углублением. Открытая подковообразная пасть обрамлена по краю мощной рельефной полоской, внутри пасти различимы два рельефных клыка — верхний впереди нижнего. За глазом вверх отходит остроконечное подтреугольное левое ухо с рельефным краем и с косыми валиками, имитирующими внутреннее строение раковины. Важной особенностью изображения является воспроизведение обоих ушей, что совершенно не характерно для профильных изображений хищников. Правое ухо отходит от головы на уровне глаза горизонтально и по своим очертаниям и структуре аналогично левому. Уши по своему строению аналогичны ушам большинства оленей Завадско-акмечетского типа, а также самостоятельным изображением ушей копытных. По верхнему и нижнему краю шея обрамлена рифлеными валиками, имитирующими складки шерсти. Аналогичная рифленая рельефная полоса — имитация шерсти — проходит по спине от лопатки вплоть до хвоста. Лопатка рельефно обособлена, имеет форму полуовала и содержит в выемке подобную ей по форме «малую» лопатку — отображение плеча. За лопаткой поверхность туловища животного гладкая. Гладкой рельефной полоской под брюхом хищника передан самцовый половой орган. Лапы примитивно стилизованы: четыре передних пальца слиты в единственный мощный загнутый коготь в виде рельефного полуовала, а короткий выступ внутри него, вероятно, обозначает пятый, задний палец зверя. Пяточные суставы подчеркнуты округлыми выпуклостями. Хвост облегает заднюю ногу и упирается в голень, где чуть отгибается вверх.

Аналогии и хропология. Не имея ближайших аналогий, архангельское изображение демонстрирует влияние античного искусства в таких деталях, как наличие фона и отображение самцового полового органа. Изображение датируется по объективным показателям концом V — началом IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов), ср. дополнительные основания для датировки вышеописанных изображений оленей и кабанов на пластинах того же горита.

Тип III-I-4 Березапско-ольвийский, копец VI — пачало V в. до п. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Нижнего Побужья — с близлежащих территорий Березани и Ольвии и представляющие собой гравировки на каменных матрицах для отливки бляшек (1, 2).

Модель типа. Представлен короткоголовый и широкомордый хищник с гривой или пышной шерстью на шее, т. е. скорее, кошачий, но при этом наделенный в одном случае длинным ухом, напоминающим волчье (2). Изображение рельефное, строго профильное. Хищник представлен как бы полусвернувшимся, с дуговидным телом, опущенной вниз головой, продолжающей линию шеи,

слабо согнутой и опущенной вниз передней ногой и с подведенной к ее лапе лапой согнутой задней ноги с горизонтальной ступней. Хвост при этом облегает зад и затем отходит от туловища назад горизонтально (1) или наискось (2), заворачиваясь на конце вверх.

Анатомические детали трактованы обобщенно. Открытая подковообразная пасть обрамлена по краю рельефной полоской, внутри пасти различимы два рельефных клыка. Шея мощная, туловище поджарое. Глаз преувеличенный, округлый (1) или овальный (2) образован выпуклостью зеницы во впадине глазницы. От носа ольвийского хищника (2) вперед отходит клювовидный загнутый вверх выступ, очевидно, составляющий клюв дополнительной птичьей головки, глаз которой совпадает с глазом хищника. Непосредственно за глазом вверх отходит остроконечное подтреугольное ухо с продольной насечкой (1) или впадиной (2), имитирующей раковину. Щека четко выступает в контуре, голова отграничена от шеи уступом.

Шея вдоль верхнего края покрыта сетчатым (1) или поперечным (2) рифлением, заходящим на лопатку и, видимо, имитирующим гриву. Кроме того, вдоль нижнего края шеи и туловища в ольвийском изображении (2) также проходит поперечное рифление, очевидно, имитирующее свисающую шерсть под животом и шеей, характерную для льва в природе. Лопатка в березанском изображении (1) не выделена, в ольвийском рельефно обособлена, имеет форму трапеции. Бедро ромбовидное, рельефно обособлено. Лапы стилизованы в виде завитков.

Апалогии и хропология. Не имея ближайших аналогий, изображения данного типа в композиционном отношении сходны с изображением синтетических «недосвернувшихся» хищников на Томаковском мече, относящемся к типу I-1-А-б-I-3 Кулаковско-ковалевский, последней четв.VI — конца IV в. до н. э. Как уже говорилось, «мастер томаковского меча», вероятно, подражал изначальным образцам этого типа и создал на этой основе геральдическую композицию, не получившую дальнейшего развития в рамках данного типа: это согласуется с морфологией меча и с датировкой комплекса Острой Томаковской могилы А. Ю. Алексеевым конца VI — начала V в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 196–198, 296). Очевидно, этим временем и следует датировать изображения Березанско-ольвийского типа.

Группа III – отдел II
Тип III-II-1 «Скифская могила», вторая пол. V в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Нижнего Поднепровья и оформляющее бронзовую нащечную бляху (1)[1].

Изображен относительно короткоголовый, широкомордый, с гривой, массивным ухом и мощными ногами хищник (т. е. кошачий, скорее всего, лев). Изображение моделировано в высоком рельефе. Хищник показан со всеми четырьмя ногами. Задние ноги находятся в высоком шаге, так что левая задняя нога почти упирается в предплечье правой передней. Передние ноги согнуты под прямым углом и ориентированы предплечьем и кистью вперед, одна над другой. Туловище прогнуто над лопаткой, голова на дуговидно изогнутой шее повернута на 180 градусов назад и упирается мордой в спину над лопаткой.

Хищник отображен схематично. Пасть подковообразная. Ноздря преувеличена, показана овальной выпуклостью. Подбородок преувеличен. Глаз округлый, моделирован выпуклостью в углублении. Ухо горизонтальное удлиненно-овальное, преувеличенное, с рельефным краем, обрамляющим впадину раковины. Голова отделена от шеи валиком, имитирующим складку шерсти. Шея хищника разделена надвое продольным гладким валиком, имитирующим мускулы. По верхнему краю шея обрамлена рифленым валиком, имитирующим львиную гриву. Лопатка рельефно обособлена, имеет форму полуовала и содержит в выемке подобную ей по форме «малую» лопатку — отображение плеча. Туловище плавно переходит в бедро. Мускулы ног подчеркнуты углубленной линией, идущей вдоль заднего края ноги. Лапы преувеличены, на них рельефно переданы крупные пальцы (по два). Хвост мощный, облегает снаружи заднюю ногу и упирается в лапу.

Хропология. Изображение на основании объективных показателей датируется в пределах второй пол. V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тип III-II-2 Солохский, 400–375 гг. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Нижнего Поднепровья и помещенное на золотую обкладку ножен меча (1).

Изображен короткоголовый широкомордый хищник (семейства кошачьих?). Это зверь, терзаемый и поглощаемый львом. Мы будем его рассматривать, мысленно перевернув всю композицию.

Изображение моделировано в рельефе, крайне схематично. Хищник показан со всеми четырьмя

[1] Представляется, что данное изображение достаточно ясно в видовом отношении, и нет основания трактовать его как «синкретический образ» — с чертами травоядного и кошачьего, как это предлагают С. А. Скорый и Я. Хохоровский (Скорый, Хохоровски, 2005–2009. С. 266).

ногами. Туловище выгнуто над лопаткой, шея идет наискось вниз, голова продолжает линию шеи, повернута анфас. Задние ноги находятся как бы в шаге, передние ноги согнуты в предплечье под прямым углом и ориентированы предплечьем и кистью вперед, по линии шеи и головы, по обеим сторонам которых они показаны. Хищник отображен крайне обобщенно, без детализации. Голова трапециевидная, полуовальная в плане, нижняя челюсть не показана. Глаза даны округлой выпуклостью. Уши вписаны в контур головы, подтреугольные. Туловище поджарое, гладкое, ноги длинные, лапы даны утолщениями с рельефно выделенным пальцем. Хвост отходит вверх назад, загибается вниз и на конце снова вверх.

Хропология. Изображение на основании объективных показателей датируется в пределах 400–375 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

§ 3. Редуцированные изображения хищников

3.1. Головы хищпиков (в том числе с шеями)

В зависимости от ракурса и моделировки голов дифференцируются изображения профильные, фасные и скульптурные (рассчитанные на объемное восприятие).

3.1.1. Профили

Тип 1 Новозаведепско-берестнягский, вторая четв. VII — первая пол. V в. до п. э.

К данному типу относятся 6 изображений, происходящих с территории Ставрополья (1), Прикубанья (3) и Среднего Поднепровья (2, 4–6). Это головы, оформляющие бронзовые навершия рукоятей бронзовых ножей (1), бронзовое навершие рукояти железного ножа (2), железное навершие рукояти железного ножей (5), а также бронзовые уздечные бляхи (3, 4) и навершие рогового трехдырчатого псалия (6)[1].

Образпо-видовые призпаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Представлены головы с шеями (у наверший ножей и у псалия роль шеи выполняют соответственно рукоять и стержень), принадлежащие короткоголовым широкомордым хищникам с короткими ушами, т. е. семейства кошачьих. Головы моделированы в одно- или двустороннем рельефе, рассчитаны на профильное восприятие. Голова перпеидикулярна шее или чуть приподнята (с «задранным носом»); ухо, глаз и ноздря размещены на прямой линии, при этом ухо направлено, как правило, наискось назад и вверх (1–5), лишь в одном случае горизонтально (6).

Хищник наделен подпрямоугольной головой. Пасть плотно закрыта (1–3) или чуть приоткрыта (6–8), зубы во всяком случае не показаны, рот дан углублением. В новозаведенском изображении (1) четким подковообразным валиком очерчены края рта. Глаз и нос выступают над поверхностью морды. Глаз овальный или округлый, он либо моделирован выпуклостью без специального обозначения зеницы (1, 5), либо зеница обозначена впадиной (2, 3, 4, 6). Нос моделирован овальным выступом, иногда с округлой впадиной ноздри (1, 2, 6). Ухо неизменно показано со впадиной раковины, иногда очень маленькой (6). Ухо может быть уподоблено подошве конского копыта (1, 2), а может быть овальным (3–6). Голова переходит в шею уступом, соответственно скула и подбородок очерчены более (1, 3, 6) или менее (2, 4, 5) рельефно. Шея мощная подпрямоугольная, обычно гладкая, но в одном случае (4) рифленая. На келермесской бляхе (3) шея, расширяясь, переходит в квадрат, заполненный рельефной «киммерийской розеткой», и далее вновь фигура сужается. Очевидно, мастер хотел таким образом моделировать лопаточно-плечевую зону.

Морфологическая дипамика: от более рельефных голов (1–3, 6) к более сглаженным (4, 5), с нечетким отображением глаза и ноздри.

Хропология. Из объективно датируемых изображений (см. Список опорных хроноиндикаторов) более ранними (что вполне соответствует морфологической динамике) оказываются келермесское изображение (3) (660–640 гг. до н. э.) и новозаведенское (1) (610–590 гг. до н. э.), а более поздним — макеевское (5) (первая пол. V в. до н. э.). Изображение из Берестняг (2) ближе новозаведенскому (по трактовке деталей, по трансформации уха в копыто, так что должно занять хронологическую позицию между ним и макеевским (ср. датировку кургана 6 Берестняг второй пол. VII в. до н. э.: Ковпаненко, 1981. С. 8, 9. Рис. 2, 5; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989. Рис. 16, 27. С. 271). Мачухское изображение (4), напротив, иконографически ближе макеевскому и должно датироваться сходно с ним. Псалий с поселения Лазьковские ставки I (6) датируется второй пол. VII — началом VI в. до н. э. по контексту культурного слоя (в частности, по килику третьей четв. VII в. до н. э.) (Шрамко,

[1] В силу недостаточного качества публикации и отсутствия визуального знакомства с вещью нами не включается в число изображений данного типа и в общий копус изображений головка на бронзовой бляхе с поселения Широкая Балка близ Ольвии (Яценко, 1954. Табл. IV. Рис. 2; Островерхов, Отрешко, 1986. Рис. 2: 2), которое, очевидно, отвечает его критериям. Кроме того, здесь не учитывается в силу фрагментированности головка на рукояти железного ножа с Восточного Бельского городища (Шрамко, 1987. Рис. 55: 6), которая в своей сохранившейся части соответствует параметрам данного типа.

Задников, 2019. С. 86–87), что вполне соответствует стилистическому сходству навершия данного псалия с навершиями на ножах из Новозаведенного.

Таким образом, хронологические рамки типа: вторая четв. VII в. —первая пол. V в. до н. э.

Тип 2 Нимфейско-журовский, VI–V вв. до п. э.

К данному типу относятся 30 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1, 2, 4–13, 16, 18–20), Нижнего Поднепровья и Нижнего Побужья (14, 15), Приднестровья (29), Крыма (3, 21–28) и Центрального Предкавказья (17, 30). Это головы, оформляющие в основном бронзовые уздечные принадлежности — бляхи (3–5, 7–13, 16, 21–29) и подвески (6, 15), а также каменную литейную форму для отливки бляшек (14), отросток железного псалия (17), оба конца костяного трехдырчатого псалия (1, 2), навершия рукоятей железных ножей — из железа (18) и кости (19, 20), а также костяную накладку на навершие меча с изображениями на золотой фольге (30)[1].

Образно-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Представлены головы (иногда посаженные на шеи — 1, 2, 6, 12, 15, 17, 18–20, 30) относительно короткомордых хищников с коротким и, как правило, закругленным ухом (лишь у зверя на навершии костяной рукояти ножа из Бельского городища (20) ухо треугольное заостренное), т. е. в большинстве это хищники семейства кошачьих, но, возможно, в некоторых случаях это медведи (при наличии отчетливой длинной впадины между лбом и носовым выступом — 5, 8, 11, 16, 17), а в упомянутом бельском изображении — волк (20). Изображения, как правило, моделированы в одностороннем рельефе, реже моделировка объемная (18) или горельефная (1, 2), но с расчетом на профильный обзор; соответственно ракурс обычно строго профильный (одно ухо, один глаз), лишь в одном случае объемный (18). Зверь показан с открытой пастью с зубами, причем у всех хищников данного типа имеются крупные клыки, замыкающие пасть, за двумя исключениями, когда зубы едва намечены (13) или не прослеживаются (17). Ухо хищника частично или полностью выступает за контур головы, торчит вверх или назад (в двух случаях оно рудиментарно, дано чуть заметным выступом (10, 13), но направление этого выступа аналогично ориентировке ушей остальных головок данного типа).

Головы подпрямоугольных или подквадратных очертаний, ухо овально-ромбическое или овальное (лишь в одном случае, как уже сказано, оно подтреугольное (20), с впадиной раковины. Нос выделен слабозаметным выступом. Глаз округлый или овальный. Лоб относительно покатый. Рот широкий подковообразный. Скула и подбородок моделированы более или менее отчетливыми выступами.

Композиционная особенность бамутского изображения (30) состоит в том, что оно парное (антитетическое), что привело С. Б. Буркова и В. Е. Маслова к заключению, что это реплика с некоего импортного образца, поскольку параллели такому навершию меча исследователи усматривают либо в тагарской культуре, либо в Чертомлыке, откуда происходит знаменитый ахеменидский меч с бычьими головами (Бурков, Маслов, 2007. С. 60).

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Морфологическая дипамика, очевидно, состоит в движении от более рельефных, иногда почти скульптурных и четко выполненных голов с мощным ухом (1–6, 16), в том числе с ухом в виде отчетливой подошвы копыта (1, 2, 16) (архаический признак) — к более сглаженным и схематичным (9, 13, 17, 22–29) или к провинциальным почти плоскостным репликам (19, 20), с нечетким отображением глаза (12, 17) и ноздри (19), с «атрофированием» уха (10) или его геометризацией (20). В лесостепном Приднепровье черты кошачьего хищника, очевидно, контаминируются с медвежьими (5, 8, 11, 16) или волчьими (20).

Хропология. Определяется по объективно датируемым изображениям — журовским (4–6) (из кургана 400 — 500–475 гг. до н. э.; из кургана 401 — около 475 г. до н. э.), нимфейским (3) (475–425 гг. до н. э.), макеевскому (7) (первая пол. V в. до н. э.), басовскому (9) (первая пол. V в. до н. э.), броварскому (8) (первая пол. V в. до н. э.), брутскому (17) (V в. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов). Остальные изображения так или иначе иконографически сходны с вышеназванными и должны датироваться близким временем, причем журовские и нимфейские изображения представляются начальными в эволюционной цепочке данного типа. Ср. датировку комплекса, из которого происходит гуляйгородское изображение (12), по В. А. Ильинской, отнесшей его к старшей журовской хронологической группе, т. е. к V в. до н. э. (Ильинская, 1975. С. 7, 14), и датировку В. Г. Петренко кургана 522 из Юрьевой горы у Смелы V в. до н. э. (откуда происходит изображение 16) по псалию (Петренко, 1967. Табл. 93). Ср. также

[1] Композиционно к данному типу примыкает головка хищника — бронзовое навершие рукояти железного ножа из 1-го Аллероевского могильника (Виноградов, 1972. Рис. 45: 1; Вольная, 2002. Рис. 6: 3), однако это изображение выполнено скорее в кобанском стиле и соответственно не включается нами в изучаемый тип.

датировку С. В. Махортых ранней хронологической группы Перещепинского могильника, к которой относится комплекс кургана 9, погр. 1, из которого происходят бляхи с изображением Нимфейско-журовского типа (11), первой — третьей четв. V в. до н. э. (Махортих, 2006. С. 58, 63).

Вместе с тем в рамках данного типа выявляется и более ранний, хотя и не столь «мощный» хронологический пласт. Так, два из трех бельских изображений (18, 19) близки макеевскому изображению типа 1 Новозаведенско-берестнягский, второй четв. VII — первой пол. V в. до н. э., причем соответсвующее макеевское изображение, как уже отмечалось, датируется по объективным показателям первой пол. V в. до н. э. В любом случае бельские изображения с Западного укрепления не могут датироваться позднее первой пол. V в. до н. э. соответственно terminus ante quem Западного Бельского городища (Шрамко, 2010. С. 38). Что же касается изображений на журовском псалии (2, 3), они представляются самыми архаичными в данном эволюционном ряду, наиболее соответствующими канонам изображения хищника в эпоху скифской архаики (ср. головы хищников в полнофигурных изображениях типа I-1-А-а-I–1 Краснознаменско-новозаведенский, второй пол. VII — начала V в. до н. э.). Это, в свою очередь, корреспондирует с морфологией самого журовского псалия, относящегося к группе 3-дырчатых костяных псалиев с головой кошачьего хищника по классификации А. Д. Могилова, а эта группа датируется исследователем сер. VII — сер. VI вв. до н. э. (Могилов, 2008. С. 27). Учитывая морфологическую близость журовских головок на псалии остальным изображениям рассматриваемого типа, в том числе из кургана 401 Журовки, представляется возможным датировать этот псалий в пределах первой пол. VI в. до н. э.

Таким образом, хронологические рамки нимфейско-журовского типа — в пределах VI–V вв. до н. э., при том что большинство изображений относится к V в. до н. э.

Тип 3 Берестнягско-стеблевский, вторая пол. V — пачало IV в. до п. э.

К данному типу относятся 6 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1, 2, 6), Среднего Подонья (3) и Центрального Предкавказья (4, 5). Это головы, оформляющие бронзовые уздечные или поясные бляхи (1, 2)[1], бронзовые уздечные бляхи (3–5) и золотую пластину — обивку деревянного сосуда (6).

Образпо-видовые призпаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Здесь представлен короткомордый хищник с покатым лбом, коротким ухом и отчетливой гривой, т. е. лев. Головы овальных или трапециевидных очертаний, моделированы в высоком рельефе. Ухо прижато к голове, практически не выступает за ее контур. Пасть широко открыта, с решеткой зубов вдоль линии рта и с крупными клыками, замыкающими пасть, упираясь или почти упираясь друг в друга (1–5), а в одном случае нижний клык охватывает верхний (6). Очевидно, это оскалившийся лев в угрожающей гримасе, прижавший уши и приготовившийся к нападению.

Ухо подтреугольное, почти сливающееся с завитками гривы, в одном случае (3-2) полностью спрятанное в ней, еще в одном — превращенное в рельефный завиток (3-1), овальное, со впадиной раковины, заключенной в рельефный контур. Нос чуть приподнят. Глаз овальный, дан выпуклостью в углублении. Линия рта подчеркнута рельефным контуром. Скула и подбородок моделированы выступами. Шерстная складка в основания головы широкая, рельефно выделенная, в трех случаях дополнительно отграниченная рельефной полосой (1, 3, 6), покрыта крупными поперечными волнистыми полосами, имитирующими львиную гриву.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Морфологическая дипамика: от более натуралистичных, восходящих к переднеазиатской и греческой традиции, трактовок головы льва, связанных со среднеднепровским регионом (1, 2, 6), к более схематичным центральнокавказским подражаниям (4, 5) и к искажениям и упрощениям в среднедонском зверином стиле (3).

Хропология. Основу хронологии типа составляет изображение из кургана 4 Берестняг (1), комплекс которого по объективным показателям относится ко второй пол. V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Практически тождественные берестнягскому стеблевское изображение должно датироваться аналогично, равно как и близкое берестнягскому орликское. По иконографическим показателям эти изображения — более ранние в рамках данного типа. Изображения из Частых курганов (3) должны датироваться как минимум не ранее их, что не противоречит широкой датировке П. Д. Либеровым соответствующего комплекса в рамках V в. до н. э. (Либеров, 1965. Табл. IX)[2]. Комплекс погр. 19 могильника Гастон

[1] Е. В. Черненко полагал, что берестнягские и стеблевские бляхи — это часть наборного портупейного пояса (Черненко, 1968. С. 66–67), тогда как А. И. Могилов считает их уздечными (Могилов, 2008. С. 45–46).

[2] В другом месте своей работы П. Д. Либеров предлагает более раннюю датировку кургана 7 группы Частых (раскопки ВУАК 1911–1915 гг.), отнеся его к группе курганов рубежа VI– V вв. до н. э. (Либеров, 1965. С. 28. Рис. 3), однако оснований для такой узкой датировки исследователь

Уота (4) отнесен А. П. Мошинским по типам различных содержащихся в нем вещей к выделенному им горизонту дигорских погребений конца V — начала IV в. до н. э. (Мошинский, 2006. Табл. 1. С. 141, Табл. 2). Аналогично должно датироваться и почти тождественное изображению из Гастон Уота изображение из коллекции Е. Зичи (5).

Таким образом, хронологические рамки типа: вторая пол. V — начало IV в. до н. э.

Тип 4 Ольвийский,
V–IV вв. до п. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Нижнего Побужья (1, 2), Крыма (4) и Прикубанья (3). Это головы, оформляющие роговую уздечную пряжку, костяную бляшку — накладку на нож (2), костяное изделие (4) и бронзовые уздечные бляхи (3).

Образно-видовые признаки, моделировка и композиция. Представлен хищник с мордой средней длины, с тупым мощным носом, с овально-ромбовидным ухом (1, 3, 4) или без уха (2), который равно может считаться волчьим и кошачьим. Головы подпрямоугольных или трапециевидных очертаний, моделированы в высоком рельефе. Пасть приоткрыта, с решеткой зубов вдоль линии рта и с крупными клыками, замыкающими пасть.

Трактовка деталей. Нос может не выступать над мордой (1, 3, 4), может быть приподнят (2). Глаз округлый или овальный, дан выпуклостью в углублении. Линия рта подчеркнута рельефным контуром. Рельефными полуовалами во рту обозначены мощные зубы, клыки моделированы сегментами. Скула и подбородок акцентированы выступами (в мирмекийском изображении (4) подбородок не сохранился).

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Хронология типа. Верхнюю границу данного типа составляет объективно датированное второй пол. IV в. до н. э. изображение из северной могилы кургана 20 урочища Холодный Яр (5). При этом ольвийское изображение (1), с учетом трактовки глаза в виде ромба, являющегося известным архаизирующим признаком (Погребова, 1948. С. 66), должно датироваться как минимум не позднее начала V в. до н. э. Несмотря на отсутствие объективных хроноиндикаторов, остальные изображения данного типа морфологически ближе ольвийскому, нежели холодноярскому — по трактовке зубов, по форме дополнительной птичьей головки, т. е. скорее могут быть совокупно датированы в рамках V в. до н. э., тем более учитывая их иконографическое сходство с изображениями Нимфейско-журовского типа, ограниченного рамками VI–V вв. до н. э.

Таким образом, рамки данного типа могут быть определены как V–IV вв. до н. э., с преобладанием в нем изображений V в. до н. э.

Тип 5 Ромепско-сладковский,
копец VI — пачало III в. до п. э.

К данному типу относятся 36 изображений, происходящих с территории Прикубанья (1, 3, 4, 7, 19, 25, 30, 34), Среднего Подонья (9–11, 18, 20–23, 32), Нижнего Подонья (2), Центрального Предкавказья (5, 6, 26–29, 33, 36), Среднего Поднепровья (8, 12–15, 17, 35), Крыма (16, 24), Нижнего Поднепровья и Побужья (12–13, 31). Это изображения, оформляющие бронзовые уздечные бляхи (1, 3–8, 19, 34), подвески из клыка кабана и их бронзовые имитации (12–17, 25–30, 33), колчанные крючки/застежки пояса из железа (в том числе с золотым покрытием) (9–10, 20–23), из бронзы (2) и из кости (32), а также роговой псалий (18), костяную трубочку, возможно, ручку какого-то предмета (35), навершие роговой булавки (36) и костяное навершие нагайки (31)[1].

Образно-видовые признаки, моделировка и композиция. Представлены длинномордые хищники с длинными остроконечными ушами — волки[2]. Головы моделированы в рельефе, иногда с использованием прорезей. Головы могут быть совершенно обособлены (1, 3–8, 19, 35), но чаще имеют шею (2, 9–18, 20–34, 36). Волки показаны с параллельными или чуть расходящимися челюстями, с оскаленной пастью, с так или иначе обозначенными зубами, с горизонтальным отходящим назад ухом, ориентированным противоположно морде (лишь в одном случае перпендикулярно ей — 29) и плотно прижатым к голове или шее; в отдельных случаях ухо не сохранилось (8) либо практически не различимо (34).

Трактовка деталей. Голова геометричная, подпрямоугольная. Шея мощная, трапециевидная. Ухо показано с впадиной раковины (в двух случаях она не отображена, а само ухо трактовано крайне

не приводит. Данная датировка представляется заниженной (ср. происходящую из того же комплекса бляху с изображением кабана Нимфейско-днепрянского типа).

[1] К данному типу также следует относить пока не опубликованное изображение на бронзовой пряжке из крымского поселения Госпиталь близ Керчи (раскопки 1990 г., любезное сообщение Н. Ф. Федосеева). Весь найденный здесь материал датируется последней четв. V — третьей четв. IV в. до н. э., причем данное изображение является грубым подражанием елизаветинской головке (1) или ей подобной.

[2] Ср. атрибуцию А. А. Моруженко изображения из Полковой Никитовки (35) (Моруженко, 1988. С. 42).

условно — прямоугольным выступом: 35, 36). Глаза крупные округлые, реже овальные, глазное яблоко дано выпуклостью в обрамлении рельефной глазницы, повторяющей его очертания (в одном случае — ромбической: 28); в одном случае глаз слаборазличим (16), еще в одном — обозначен треугольным выступом над поверхностью головы, на плоскости практически не показан, если не считать маленькую треугольную фигуру, очевидно, имитирующую глазное яблоко (36). Пасть приоткрыта, полоска рта подковообразная (в одном случае (35) пасть ощерена, но спереди закрыта, полоса рта удлиненно-овальная; еще в одном случае (36) края рта не обозначены). Пасть почти всегда замыкается преувеличенными клыками, исключая изображения наиболее стилизованные и подражательные (9–11, 31, 32, 35) или наиболее натуралистичное (5); в новозаведенском изображении (36) насечкой намечен сегментовидный нижний клык, упирающийся в верхнюю челюсть. Нос немного приподнят. Ноздря, подбородок и скула акцентированы расширениями или выступами, причем нижняя челюсть и подбородок часто симметричны носовому выступу. Для большинства изображений данного типа характерно наличие дополнительной детали в основании головы на выступе скулы: чаще это дополнительный глаз хищника, преобразующий данный профиль в соединение двух горизонтальных профилей, формирующих единый вертикальный фас хищника (6, 7, 9–11, 13, 17, 22, 23, 30, 34), что в ряде случаев подчеркивается наличием около второго глаза и второго уха (9–11, 22, 23). Возможно и превращение этого выступа в глаз птицы (1, 3, 4), клюв которой уходит вверх по дуге, окаймляя голову хищника (это может быть трансформация кожно-шерстной складки на шее хищника).

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Морфологическая дипамика. Стилистически первичными представляются изображения на клыках, которые, исключая центральнокавказские провинциальные реплики, демонстрируют наибольшую натуралистичность и однозначность профильного ракурса, нежели бронзовые подвески — подражания клыкам, бронзовые уздечные бляхи и, тем более, колчанные/поясные крючки. Примечательно, что в большинстве изображений на клыках дополнительный глаз либо отсутствует (12, 14, 15, 16, 24–29), либо не сопровождается дополнительным ухом (13, 17, 30), т. е. здесь нет эффекта трансформации двух профилей в единый фас. Напротив, большинство изображений на крючках, за редким исключением (20, 21, 32) представляют именно «фас из двух профилей» (2, 9–11, 22, 23), к ним в этом отношении примыкают и два изображения на уздечных бляхах (6, 34), тогда как на других уздечных бляхах, исключая провинциальное подражание из Гастон Уота (5), на месте второго глаза хищника также находится глаз, но относящийся к птичьей голове, клюв которой направлен к уху хищника (1, 3, 4, 7, 8, 19).

Аналогии и хропология типа. Ближайшие аналогии изображениям данного типа за пределами восточноевропейского скифского звериного стиля составляют: бронзовая застежка из Ананьинского могильника (Гуляев, 1969. С. 114. Рис. 5; С. 121. Рис. 11), бронзовые уздечные бляхи из Филипповских курганов с изображением обособленной головы волчьего хищника (Филипповка, курган 16, погр. 3; курган 4, жертвенный комплекс 1; курган 3, подножие насыпи (The Golden Deer of Eurasia, 2000. P. 167. Cat. 109; Očir-Gorjaeva, 2005. Abb. 72: 2), бронзовая имитация кабаньего клыка из Хошеутова (Očir-Gorjaeva, 2005. Cat. 203), рукоять костяной ложечки из группы Пятимары I, курган 4, погр. 1 (Смирнов, 1964. Рис. 32: 2б). По сути, эти аналогии полностью соответствуют критериям Роменско-сладковского иконографического типа. Их датировки не противоречат хронологическим рамкам данного типа (см. ниже).

Основу хронологии составляют, во-первых, немногочисленные изображения из комплексов, датируемых по объективным показателям, во-вторых, серия кабаньих клыков и их имитаций.

К объективно датируемым относятся: сладковское изображение (2) (не позднее V в. до н. э., возможно, вторая пол. V в. до н. э.), бердянское (31) (первая треть IV в. до н. э.), елизаветинское из кургана 7 (1) (третья четв. IV в. до н. э.) и мастюгинское (курган 11/16) (9) (IV — начало III в. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов). Дата новозаведенской костяной булавки (36) определяется тем, что по объективным показателям соответствующий погребальный комплекс не может датироваться ранее последней трети V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов), а с учетом иных компонентов он может датироваться и первой третью IV в. до н. э.

Изображение на роговом псалии из кургана 4 могильника Терновое I (18) сочетается с головой кабана на его противоположном конце, каковая, как будет показано ниже (см. раздел «Кабаны»), относится к типу 2 (Нимфейско-днепрянский) изображений голов кабана, датируемому первой пол. V — началом IV в. до н. э.; данная кабанья головка, будучи несомненным подражанием изображениям кабаньих голов на кабаньих клыках, не может датироваться ранее их.

Большинство кабаньих клыков «савроматского» варианта скифо-сибирского звериного стиля с редуцированными изображениями (голова хищника на основании — голова птицы на острие), а также

их бронзовых моделей, в соответствии с выводами Е. Ф. Корольковой, составившей наиболее полную их сводку (Чежина, 1991. С. 30–42), «ложится в сравнительно небольшой временной интервал, определяемый примерно концом VI — первой пол. V в. до н. э.» (Королькова, 2006. С. 121). Соответственно, псалий из Тернового датируется первой пол. V — началом IV в. до н. э.

Рассматриваемые нами северопричерноморские и северокавказские клыки и их бронзовые имитации явно вторичны по отношению к упомянутой серии «савроматских» кабаньих клыков с редуцированными изображениями (Яковенко, 1969. С. 201, 205сл.; 1976. С. 130–133), соответственно должны датироваться близким им временем[1]. Стадиально головы на колчанных крючках или застежках представляются подражанием головам на кабаньих клыках. По объективным показателям (совокупность предметов в комплексах) среднедонские комплексы с такими крючками (Мастюгино, курган 32/32, курган 34/39; Частые курганы, курган 3, 10, раскопки ВУАК), датируются хотя и широко, но неизменно не раньше IV в. до н. э. (Либеров, 1965. С. 25, 27. Табл. IX). Сладковский крючок, таким образом, оказывается наиболее ранним из этих изделий.

Очевидными более поздними репликами изображений рассматриваемого нами типа являются изображения второй пол. IV — начала III в. до н. э.: железный крючок с золотой обкладкой и бронзовая застежка из Частых курганов (Гуляев, 1969. С. 113–114. Рис. 3, 4), равно как железная и костяная застежки из Мастюгино и бронзовая застежка из Ананьинского могильника (Гуляев, 1969. С. 114. Рис. 5; С. 121. Рис. 11).

Как мы видим, основная масса датируемых по хронологии погребальных комплексов изображений Роменско-сладковского типа ограничена рамками второй пол. V — IV в. до н. э.[2] Предельные же хронологические рамки данного типа голов хищников определяются как конец VI — начало III в. до н. э.

Тип 6 Дуровско-мастюгипский, первая пол. — третья четв. IV в. до п. э.

К данному типу относятся 5 изображений, происходящих с территории Среднего Подонья (1–5). Это изображения, оформляющие бронзовые уздечные бляхи (1–4) и серебряные парные нащечники (5).

Образпо-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей и морфологическая дипамика. Представлен хищник с относительно длинной мордой и остроугольным ухом — волк. Изображения моделированы в рельефе, с прорезями. Волк показан ощерившимся, с торчащим наискось назад ухом, с прямой трапециевидной шеей, переходящей в овальную или трапециевидную лопатку, отделенную от шеи S-видной рельефной перемычкой.

Голова подпрямоугольная, с лобным выступом над глазом, пасть треугольная, без малых зубов, дана прорезью, замкнута преувеличенными треугольными клыками, упирающимися друг в друга, или же верхний клык охватывает нижний. Глаз округлый или овальный, выпуклый в углублении, ноздря намечена овальной или округлой впадиной, ухо овально-треугольное, с впадиной раковины. Шея разделена продольно ребром плоскостей или рельефной линией, доходящей до S-видной перемычки. Лопатка чаще гладкая (1–4), но в колбинском изображении (5) разделена продольными желобками на четыре рельефных полосы. Возможно, это имитация пальцев, и в таком случае перед нами превращение лопатки в лапу хищника и попытка представить его «сжатую» протому или же дать образ хищника по принципу «начала и конца» (голова и лапа).

Примечательно, что именно в колбинском изображении клыки трактованы более схематично и условно (петлями с отверстием), нежели в остальных изображениях данного типа, что свидетельствует о стилистической периферийности колбинского изображения в рамках выявленного типа.

Хропология типа основывается в первую очередь на объективной датировке дуровского изображения из кургана 14 (2) дуровской группы первой пол. IV в. до н. э. и мастюгинского изображения (3) — второй — третьей четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Аналогично должно датироваться почти тождественное им изображение из Горок (4), тогда как колбинское (5), в силу своей подражательности, не может быть датировано более ранним временем.

Таким образом, хронологические рамки данного типа могут быть определены как первая пол. — третья четв. IV в. до н. э.

Тип 7 Елизаветипско-кужорский, IV в. до п. э.

К данному типу относятся 11 изображений, происходящих с территории Прикубанья и оформляющие щитки бронзовых псалиев (1–11).

---

[1] При этом полнофигурные изображения на клыках могли появиться и раньше, о чем свидетельствует дата клыка из погребения близ Эшерского городища, определяемая по столовой амфоре из комплекса, относящейся к концу третьей четв. VI в. до н. э. (Шамба, 1983. С. 33–37. Рис. 1: 20, 21). Однако это не мешает принять хронологию Е. Ф. Корольковой в отношении массива редуцированных изображений на клыках.

[2] Канторович, 2016. С. 82, 83. Рис. 1: 2.

Образпо-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Тип представляет головы хищников на длинных шеях. Среди них есть как относительно короткомордые, с коротким широким ухом, с тупым мощным носом (кошачьи?) (1, 2, 4–6, 10, 11), так и длинномордые, с более узким ухом и заостренным носом (3, 7–9). Моделировка плоскостная, на внешней стороне щитка псалия, с оформлением деталей с помощью прорезей и углубленных линий.

Шеи хищников относительно тонкие, прямые или слабоизогнутые. Вдоль шеи по ее нижнему краю и верхнему краю (за одним исключением — 9) проходит полоска кожно-шерстной складки, отделенная желобком; чаще эта полоска покрыта поперечным рифлением (1–6), реже она гладкая (7, 8), а в одном случае она идет посередине шеи (10). Хищники показаны с широко открытой пастью, впивающейся или упирающейся носом в объект нападения (см. ниже), с торчащим наискось назад ухом, с изогнутой вперед шеей. Зубы имитированы рифленой (в одном случае гладкой — 8) полоской вдоль края пасти, а у некоторых хищников (2, 5, 6, 11) — еще и клыками, замыкающими пасть. Нижняя челюсть, за тремя исключениями (1, 10, 11), утолщена и в той или иной мере отвисает. Глаз хищника небольшой овальный, дополнительно маркирован лобным выступом. Ухо отходит вверх и назад, оно подтреугольное, выделено выступом над контуром головы. За одним исключением (5) все эти изображения являются элементами зооморфной трансформации другого зооморфного изображения — рогов оленя или птичьей лапы (см. ниже).

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Морфологическая дипамика, апалогии, хропология. Более оригинальными в рамках данного типа представляются относительно натуралистичные изображения из Елизаветинского кургана 1917 г., из Майкопа и из курганной группы «Кеслерово-4» (2, 4, 11). Другое елизаветинское изображение (курган 4/1913 г.) (1), а также изображения кужорское и из хут. Прикубанский (3, 7–10) являются упрощающими репликами с них и с подобных им изображений, — репликами, в которых плоскостная моделировка и геометризм практически вытесняют остатки рельефности и натуралистичности.

Ближайшая аналогия изображениям данного типа происходит из Филипповки, курган 3, подножие насыпи (Канторович, Яблонский, 2009. Рис. 11).

Хронология типа основывается на объективной датировке елизаветинского изображения из кургана 4/1913 г. (Южного) — самого раннего из Елизаветинских, первой четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Поскольку остальные елизаветинские курганы датируются Л. К. Галаниной второй пол. IV в. до н. э. (Галанина, 2005. С. 104), то елизаветинское изображение из кургана 1917 г., а также близкое ему майкопское и, конечно, крайне стилизованное кужорское (3) должны относиться к этому времени. Между тем более сложные кужорские изображения (5, 6) очень близки голове хищника — части протомы и голове крылатого льва, оформляющим уздечные принадлежности из того же погребального комплекса — Кужорского кургана 1 (Канторович, Эрлих, 2006. Кат. 98, 101). В целом же кужорские изображения, вписывающиеся в поздние проявления вычурного «елизаветинского стиля», датируются второй пол. IV в. до н. э. (Канторович, Эрлих, 2006. С. 101–103).

Датировка изображений из хут. Прикубанский определяется античными импортами: комплексы погр. 159, 394 и 236, откуда происходят налобники соответственно с изображениями 7, 8, 9, датируются второй четв. IV в. до н. э., а комплекс погр. 427, откуда происходит налобник с изображением 10, датируется третьей четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Комплекс гробницы из курганной группы «Кеслерово-4» (11) датируется его публикатором началом IV в. до н. э., в том числе по материалам тризны, связанной с этой гробницей и содержащей фасосскую амфору первой пол. IV в. до н. э. (Иванов, 2018. С. 67). Как мы видим, это соответствует позиции рассматриваемого нами изображения на псалии в общем ряду стилистической эволюции изображений данного типа.

Таким образом, совокупная дата Елизаветинско-кужорского типа — в пределах IV в. до н. э.

Тип 8 Майкопский, вторая четв. V в. до п. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Прикубанья и оформляющие бронзовые уздечные бляхи (1–4)[1].

Образпо-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Тип представляет хищника неопределенной видовой принадлежности[2], отображены головы на коротких шеях. Моделировка — низкий рельеф. Хищники относительно короткомордые, беззубые, с большими округлыми концентрическими глазами (выпук-

[1] Судя по всему, все бляхи происходят из района Майкопа. Две из них (1, 2) хранятся в ГИМ как «покупка в Майкопе», еще две (3, 4), относящиеся к коллекции «Майкопского клада», по мнению А. М. Лескова, происходят из того же, что и бляхи, хранящиеся в ГИМ, погребального комплекса, разграбленного в начале XX в. (Leskov, 2008. P. 29).

[2] Е. Ф. Королькова связывает изображения такого рода с семейством кошачьих (Королькова, 2006. Табл. 39), тогда как А. М. Лесков — с семейством волчьих (Leskov, 2008. P. 28).

лость глазного яблока в обрамлении рельефного контура глазницы), приоткрытой пастью и овально-ромбическим торчащим наискось назад ухом с углублением раковины. Шея подпрямоугольная, чаще имеет поперечное рифление по переднему краю, имитирующее шерсть (2–4).

Хропология. При отсутствии объективных хроноиндикаторов, но при наличии рельефной моделировки, изживавшейся в Прикубанье в IV в. до н. э., с учетом стилистического лаконизма и при явном подражательном характере данного типа по отношению к прикубанским полнофигурным изображениям хищника типа I-1-A-a-II-2 Ульско-майкопский, второй пол. VI — V в. до н. э. (ср. майкопское изображение типа I-1-A-б-I-3 Кулаковско-ковалевский; ср. также: Leskov, 2008. P. 29), представляется возможным говорить о датировке в рамках V — начала IV в. до н. э. (?). А. М. Лесков, основываясь на дате комплекса из Хошеутово, продуцирующего ближайшую аналогию изображениям данного типа, на что уже было указано Е. Ф. Корольковой (Королькова, 2006. Табл. 39: 15), датирует изображения из «Майкопского клада» (3, 4) второй четв. V в. до н. э. (Leskov, 2008. P. 28–29).

Тип 9 Александропольский,
340–300 гг. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Нижнего Поднепровья и оформляющее бронзовые пластины (1).

Изображение представляет короткомордого и короткоухого хищника (кошачьего?) с приоткрытой пастью, с мощной изогнутой вперед шеей, линию которой продолжает голова. Моделировка плоскостная, с элементами рельефности.

Шея хищника сегментовидная, немного сужающаяся к голове. Кожно-шерстная складка вдоль шеи по ее обоим краям моделирована полосой из рельефных кружков. В основании шеи выделен рельефный треугольник, возможно, имитирующий лопатку. Голова подпрямоугольная, пасть беззубая. Глаз хищника небольшой, округлый, выпуклый, дополнительно маркирован выступом головы. Ухо торчит наискось назад, оно подовальное, с чуть намеченной впадиной раковины. Ноздря специально не выделена.

Не имея близких аналогий, александропольское изображение датируется по объективным показателям в рамках 340–300 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тип 10 «Полковая Никитовка»,
конец VI — первая пол. V в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение из Среднего Поднепровья, происходящее с территории городища у с. Полковая Никитовка (1). Это голова, оформляющая костяную уздечную бляху.

Образпо-видовые призпаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Представлен длинноголовый, но при этом короткомордый (учитывая длину пасти) хищник с покатым лбом, с коротким, широким овально-ромбовидным ухом — вероятнее всего, это медведь. Голова моделирована в одностороннем рельефе, с использованием прорези для обозначения полости рта. Зверь показан с параллельными челюстями, с приоткрытой пастью, с ухом, ориентированным противоположно морде.

Изображение трактовано лаконично и вместе с тем с четким оформлением деталей. Пасть приоткрыта, края рта моделированы подковообразным валиком, рот показан без зубов вдоль своей линии, но с мощными короткими подтреугольно-сегментовидными клыками, замыкающими пасть, так что верхний заходит за нижний. Нос приподнят, отверстие ноздри совпадает с глазом дополнительной птичьей головки, ориентированной вверх и офрмляющей завитком клюва выступ носа основного хищника. Ухо имеет рельефный ободок и заполнено крупным продольным рифлением, имитирующим шерсть в раковине. Скула и подбородок акцентированы выступами. При этом подбородок оформлен в виде поперечно рифленого прямоугольника, напоминающего и, возможно, имитирующего прижатые к морде лапы (сокращенная протома). Шерстная складка в основания головы рельефно выделена и трансформирована в голову хищной птицы клювом вверх, при этом глаз птицы одновременно оформляет выступ скулы медведя, а клюв упирается в ухо зверя. По низу головы до подбородка проходит широкая полоса, отграниченная желобком от верхней части головы и покрытая елочным поперечным рифлением из ломаных валиков. В. Е. Радзиевская, опубликовавшая и подробно описавшая это изображение, считает, что эта полоса имитирует зауженное и стилизованное туловище птицы со сложенными крыльями, показанное в профиль (Радзиевская, 1979. С. 269), но отсутствие лап и какого-либо намека на крылья позволяет лишь допускать, что эта полоса может играть роль шеи дополнительной птицы, а ее рифление призвано имитировать перья птицы.

Не находя себе прямых аналогий, данное изображение тем не менее сходно с головками двух типов — типа 4 Ольвийский (по контуру морды и трактовке шерстной складки, по морфологии самой птичьей головы, оформляющей эту складку) и типа 2 Нимфейско-журовский (трактовка уха, подбородка, шерстной складки под головой зверя). Эта голова представляется провинциальным

переосмыслением базового мотива кошачьего/волчьего хищника (ср. прежде всего тип 4 Ольвийский), приобретшего здесь несомненно медвежьи черты, но сохранившего принцип зооморфной трансформации[1].

Хропология. Городище Полковая Никитовка в целом датируется VI–V вв. до н. э. (Радзиевская, 1979. С. 266). Это не противоречит близости данного изображения вышеназванным типам, ограниченным VI–V вв. до н. э. (тип 2 Нимфейско-журовский) и V–IV вв. до н. э. (тип 4 Ольвийский), при том что никитовское изображение ближе именно изображениям V в. до н. э. в рамках Ольвийского типа. С учетом своей подражательности и в то же время четкости, данное изображение может датироваться в рамках конца VI — первой пол. V в. до н. э.

Тип 11 Краснодарский музей, вторая пол. IV в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Прикубанья и оформляющее бронзовую уздечную бляху (1).

Образно-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Представлен хищник с длинной головой, но с короткой мордой, с тупым мощным носом, с длинным широким ухом. Видовая и семейственная атрибуция хищника затруднена, но морда его более всего схожа с львиной. Моделировка плоскостная, с оформлением деталей с помощью прорезей и углубленных линий. Хищник показан с плотно закрытой пастью, с отходящим назад ухом, прилегающим к голове.

Глаз хищника овальный, схематичный, занимает почти всё пространство небольшого лобного выступа. Ухо практически примыкает к глазу, сегментовидное, шерсть в ухе обозначена продольными линиями. Носовая часть завершается завитком ноздри, линия рта обозначена углублением, подбородочный выступ выделен в общем контуре, края морды маркированы линиями. Шерстная складка в основании головы оформлена в виде головы птицы клювом вверх, клюв упирается в ухо зверя.

Аналогии и хропология. Изображение не имеет близких аналогий в рамках своего образа, но по проработке морды и уха, по пропорциям ему близки головы хищников на псалиях кужорского круга (ср. вышеописанный тип 7 Елизаветинско-кужорский (№ 6) — превращение рогов оленя на щитке кужорский псалия. Соответственно это изображение может датироваться второй пол. IV в. до н. э.

Тип 12 «Шелковая», копец VI — первая пол. V в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Среднего Подонцовья — из материалов поселения у станции Шелковая Харьковской обл. (1). Это изображение, оформляющее навершие рукояти костяной ложки.

Образно-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Представлена голова с шеей (роль шеи играет рукоять ложки), принадлежащая длинноголовому, узкомордому хищнику с длинным, острым ухом, с верхней частью морды более длинной, нежели нижняя, т. е. зверю семейства волчьих[2]. Голова моделирована в одностороннем рельефе с доработкой деталей гравировкой. Голова чуть приподнята, образуя тупой угол с шеей. Ухо направлено назад и вверх.

Анатомические детали трактованы крайне лаконично, изображение геометрично. Хищник наделен подпрямоугольной головой, подпрямоугольной шеей и треугольным ухом. Пасть хищника чуть приоткрыта, зубы не показаны. Глаз и нос вписаны в контур морды. Глаз овальный, зеница очерчена углубленной линией с отходящей от нее вперед линией слезника. Ухо несоразмерно крупное, с треугольной раковиной, очерченной линией и заполненной косой штриховкой, имитирующей шерсть. Голова переходит в шею плавно, шея/рукоять ложки длинная, мощная (в соотношении с головой), усеченно-коническая, расширяющаяся книзу.

Аналогии и хропология. Не имея близких аналогий, данное изображение является несомненной провинциальной репликой с изображений типа 1 Новозаведенско-берестнягский, второй четв. VII в. — первой пол. V в. до н. э., с которыми головку из Шелковой связывает большое композиционное сходство, в особенности с макеевским (первая пол. V в. до н. э.), берестнягским и мачухинским. В ходе подражания, очевидно, изменился образ зверя: вместо кошачьего изображен более привычный мастеру волчий хищник и усилилась геометричность изображения.

Б. А. Шрамко датировал поселение у станции Шелковая концом VI — первой пол. V в. до н. э. (Шрамко, 1964. С. 189–190), что не противоречит вышеприведенным аналогиям и соответствует подражательному характеру изучаемого изображения в сравнении с новозаведенско-берестнягскими.

---

[1] Ср. справедливое замечание В. Е. Радзиевской: «Несмотря на то, что отдельные элементы декора описываемого изделия находят параллели в торевтике V в. до н. э., самобытность и оригинальность этого произведения скифского звериного стиля несомненны» (Радзиевская, 1979. С. 269).

[2] Б. А. Шрамко, нашедший и опубликовавший это изделие, считает данное животное лосем, исходя из горбоносости его морды (Шрамко, 1964. С. 186), однако характер уха и недостаточные для лося степень горбоносости и размер верхней губы не позволяют согласиться с такой трактовкой.

Тип 13 Тауйхабльско-хаджохский, первая пол. VII в. до н. э.

К данному типу относятся 2 почти тождественные изображения, происходящие с территории Прикубанья и оформляющие лопасти щитка бронзовых пронизей-распределителей для перекрестных уздечных ремней, при том что этот щиток оформлен в виде четырехлучевой правосторонней свастической композиции, с солярным знаком («киммерийской розеткой») в центре в виде круга с центральной точкой, вписанной в четырехугольник с дуговидными сторонами, в свою очередь, вписанный в окружность (1, 2).

Образно-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Представлены шеи и головы хищников с относительно длинной мордой и длинным острым ухом — скорее всего, это зверь семейства волчьих. Моделировка рельефная, односторонняя. Шея дуговидно изогнута, голова продолжает линию шеи, образуя с ней прямоугольную лопасть свастики, ухо противонаправлено морде.

Трактовка деталей лаконична, изображение геометрично. Доминируют три детали: преувеличенная округлая ноздря, преувеличенный округлый глаз и овально-остроконечное ухо. Отверстие ноздри, зрачок и ушная и раковина обозначены углублениями. Голова подпрямоугольная, ноздря и глаз немного выступают за пределы этого контура. Пасть чуть приоткрыта, края рта обозначены валиком, сливающимся с рельефным контуром ноздри. Голова переходит в шею уступом, отграничивающим скулу, шея короткая, полосообразная.

Хронология. Основу хронологии данного типа составляет хаджохское изображение (1), происходящее из комплекса, датируемого первой пол., возможно, второй четв. VII в. до н. э. по весьма архаичным типам конского снаряжения, прежде всего по удилам, псалиям и предметам колесничной упряжи (см. подробнее: Канторович, Эрлих, 2006. С. 36–38; см. ниже о возможных истоках данного типа изображений). Почти тождественное ему тауйхабльское изображение (2) должно датироваться аналогично.

3.1.2. Фасы

Тип 1 «Берестняги — Солоха», вторая пол. VI — IV в. до н. э.

К данному типу относятся 25 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1–3, 7, 13, 15, 17, 18, 22, 25), Нижнего Поднепровья (4–6, 8–11, 14, 16), Прикубанья (19–21), Крыма (12) и, возможно, опять-таки из Крыма — из коллекции, собранной и опубликованной С. А. Скорым и Р. В. Зимовцом (Скорый, Зимовец, 2014), ныне хранящейся в Археологическом музее Института археологии НАН Украины и условной названной нами «Крымской коллекцией» (23, 24)[1]. Это головы, оформляющие в основном бронзовые уздечные бляхи (6, 7, 18, 20–25), бронзовые поясные портупейные или уздечные бляхи (1)[2], бронзовый конский налобник (15), бронзовый наконечник некоего предмета (19), золотой конский налобник (13), золотые нашивные бляшки (2–4, 17), золотые обкладки деревянных чаш (5, 14), золотые пластины горита (8–10, 12), золотые обкладки ножен меча — верхней части (16) и бутероли (11).

Образно-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Представлен короткоголовый хищник с мощной лобно-теменной частью (семейство кошачьих, возможно, лев). Изображение моделировано в высоком или низком рельефе, часто с использованием прорезей для моделировки деталей (1, 3, 8–10, 22)[3] или же скульптурно, но с расчетом на обозрение в плане, о чем свидетельствует «маскоидность» — отсутствие нижней челюсти (19–21).

Контур головы чаще подпрямоугольный (1, 2, 5, 13, 17, 18, 19–22) или трапециевидный (3, 4, 6–10, 14, 15, 16, 23–25), реже округлый (11, 12), в соответствии с контуром оформляемого предмета. Хищник представлен без нижней челюсти, с прижатыми к голове ушами. Морда разделена на два симметричных сектора вертикальным валиком носа или полосой, его обозначающей. Глаза даны овальной или округлой выпуклостью или, в одном случае, прорезью (8). Нос образует с бровными дугами единую V-образную линию, отграничивающую лобную часть; брови в большинстве гладкие, в трех случаях (9, 10, 12) — рифленые. По сторонам носа рельефными полосами или завитками обозначены

[1] Здесь и далее в отношении тех типов, в составе которых нет иных изображений, происходящих с территории Крымского полуострова, кроме как предметов из «Крымской коллекции», нами будет употребляться словосочетание «возможно, из Крыма» — в силу сохраняющихся сомнений в крымской локализации всех предметов из «Крымской коллекции», поскольку иконографический и статистический анализ позволяет говорить о том, что эти предметы могут происходить и из других регионов скифской археологической культуры, и в первую очередь с территорий Прикубанья, Среднего и Нижнего Поднепровья (см. подробнее: Канторович, 2019. С. 430–455).

[2] Е. В. Черненко полагал, что берестнягские бляхи — часть наборного портупейного пояса (Черненко, 1968. С. 66), тогда как А. И. Могилов считает их уздечными (Могилов, 2008. С. 45–46).

[3] В отношении изображения из Олефирщины (22), в связи с недостаточным качеством его воспроизведения в публикациях и отсутствием визуального знакомства автора с этими бляхами все морфологические характеристики приводятся с долей допущения.

складки кожи. Ото лба вверху волнистым или дуговидным валиком (чаще гладким, в одном случае (9) — рифленым) или аналогичным желобком отделена теменная часть, покрытая рифлением, — вертикальным (1, 2, 4, 7–10, 12, 13, 15, 18, 23, 24), горизонтальным (17) или волнистым (5, 11, 14), реже (3, 6) — жемчужником (имитация гривы, в одном случае (13) топорщащейся «ежиком»). Исключение составляют испановское изображение, в котором лобная и теменная части слиты в одну складчатую V-образную фигуру (14), а также томаковское, в котором теменная часть гладкая (16). Уши направлены вверх либо абсолютно вертикально (8–10, 12, 16, 17, 19, 21, 23, 24), либо с отклонением наружу (1–7, 14, 22, 25), реже — вовнутрь (13, 15, 18, 20).

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Морфологическая дипамика и апалогии. Очевидно, стилистическая динамика в рамках типа состоит в движении от изображений более лаконичных, относительно близких зооморфной основе и лишенных декоративности (15–18, 25), к изображениям более дробным, с декоративными элементами, элементами геометризма и антропоморфности (1, 2, 6, 7), причем ряд из них получают безусловные черты греческой стилистики, напоминая маскоиды (8–10, 11, 13). Компактную вариацию в рамках данного типа формируют объемные изображения с передачей шеи из Прикубанья — из Шунтука, Елизаветинской и «Майкопского клада» (19–21), в которых возникает определенная реалистическая тенденция при всей условности изначального канона и при сохранении здесь уже наметившейся ранее в этом типе игры зооморфными превращениями (ср. испановское (14) и елизаветинское (20) изображения, в которых фас хищника складывается из двух профилей птичьих голов). Эта вариация, видимо, появилась как локальное прикубанское развитие канонов данного типа в условиях влияния античного искусства на меото-скифское.

В целом данный тип достаточно оригинален, но наделение львов ушами копытных находит соответствие в полнофигурных изображениях львов на мече из Солохи (тип II-A-I-6 Солохско-ушаковский, изображение 3). Прием стилизации изображений в направлении придания им антропоморфных черт достаточно хорошо известен для позднего периода звериного стиля Скифии (Бессонова, 1977. С. 12–13). Отметим, что и в Сибири существуют изображения, сочетающие черты антропоморфных и зооморфных кошачьих схем, как например антропоморфная голова на уздечной бляхе из 2-го Пазырыкского кургана (Грязнов, 1958. Табл. 12), с явно кошачьими ушами, в своих очертаниях и композиции находящая параллели с пластинками из Толстой могилы (8–10) (в особенности характерны завитки по бокам головы у глаз и секироподобный лоб с дуговидной полосой над ним). Как представляется, именно схемы голов кошачьих хищников могли быть наиболее часто используемыми для антропоморфных превращений в силу их изначального композиционного сходства с фасом человеческого лица.

М. И. Ростовцев указывал на возможное появление изображений типа Томаковской могилы (16) в результате подражания головкам на пантикапейских монетах (Ростовцев, 1925. С. 477). Не следует, однако, исключать, что томаковские изображения являются плоскостным продолжением иконографии объемных головок типа «Будки» (см. ниже).

Хропология типа базируется на объективно датируемых изображениях: журовского (17) (первая пол. V в. до н. э.), берестнягского (1) (вторая пол. V в. до н. э.), первомаевского (6) (первая четв. IV в. до н. э.), малорогозянского (7) (начало IV в. до н. э.), солохского (11) (400–375 гг. до н. э.), из Толстой могилы (8–10) (предельные рамки: вторая — третья четв. IV в. до н. э.), волковецкого (13) (предельные рамки: вторая четв. — вторая пол. IV в. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов). Головка из Скоробора (25) датируется И. Б. Шрамко второй пол. VI в. до н. э. (Shramko, 2021. P. 195), что в общем соответствует ее позиции в контексте морфологической динамики изучаемого типа. Томаковское изображение (16) по форме украшаемого им меча, по золотому колпачку в комплексе Острой Томаковской могилы может датироваться концом VI — началом V в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 196–197, 296). Дортобинское изображение (12), близкое солохскому и волковецкому (11, 13), должно датироваться в тех же рамках. Ворсклинское изображение (15), одно из начальных в эволюционном ряду данного типа, не должно датироваться позднее ранних изображений, имеющих объективную датировку, что согласуется с датировкой публикаторами данного комплекта конского снаряжения из бассейна р. Ворсклы по типам узды и звериному стилю второй — третьей четв. V в. до н. э. (Исследования, 2005. С. 102). Испановское изображение (14) происходит из комплекса, датируемого V в. до н. э. (Мозолевский, 1980. С. 70–71) и близкого кругу памятников 1-й Завадской могилы, датируемой третьей четв. V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Наконец, шунтукско-елизаветинская вариация объемных головок (19–21), как следует из анализа морфологической динамики типа, должна соответствовать поздней стадии его развития, вероятно, находиться в пределах IV в. до н. э.

Таким образом, хронологические рамки типа: вторая пол. VI — IV в. до н. э.

Тип 2 Уляпско-шуптукский,
сер. — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Прикубанья и оформляющие бронзовые уздечные бляхи (1–4)[1].

Образно-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Представлен короткоголовый, широкомордый и короткоухий хищник (семейства кошачьих). Фас моделирован в высоком рельефе, строго в плане — без отображения нижней челюсти. Контур головы трапециевидно-полуовальный. Голова разделена на два симметричных сектора расширяющимся книзу вертикальным валиком, обозначающим мощный нос. Нос в верхней части гладкий, в нижней имеет поперечное рифлением углубленными линиями — имитация кожных складок. По сторонам носа двумя выступами отображены две складки кожи верхней челюсти, которые имеют вертикальное рифление тремя волнистыми валиками. Глаза небольшие овальные, идут наискось, как бы в ракурсе, обозначены углублением и обрамлены сверху рельефными бровными дугами, соединяющимися в полоску носа. Лобная часть мощная, занимает половину фаса, разделена надвое уступом, продолжающим линию носа (имитация лобных мускулов). Уши вертикальные, наполовину выступают над краем головы, полуовальные, с углублением раковины.

Хропология типа основана на датировке уляпского (1) и изображения из хут. Прикубанский (4) по объективным показателям. Комплекс кургана 2 Уляпского могильника датируется сер. IV в. до н. э., а комплекс погр. 427 могильника у хут. Прикубанский, как уже было сказано, относится к третьей четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Аналогично должны датироваться шунтукское (2) и майкопское (3) изображения, почти идентичные изображениям из Уляпа и из хут. Прикубанский.

Таким образом, совокупная дата данного типа: сер. — третья четв. IV в. до н. э.

Тип 3 Бельско-аксютипецкий,
сер. VII — третья четв. V в. до н. э.

К данному типу относятся 5 изображений, происходящие с территории Среднего Поднепровья (1–3) и, возможно, из Крыма (4, 5). Они оформляют бронзовые уздечные бляхи (1, 2, 4, 5) и костяную пряжку-пронизку.

Образно-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Представлен остромордый хищник с короткими ушами (медведь?), ср. атрибуцию А. Д. Могиловым аксютинецкого изображения (Могилов, 2008. С. 46). Фас моделирован в высоком рельефе, строго в плане, без отображения нижней челюсти. Контур головы трапециевидный. Морда разделена надвое ребром сходящихся плоскостей (1, 2, 4, 5) или же впадиной, обозначающей нос (3). Нос отграничен от щек желобками (1, 2, 4, 5) или же щеки не показаны (3). Глаза округлые, глазные яблоки оформлены выпуклостью (1, 2, 4, 5) или впадиной (3) в углублении глазницы, в том числе с точеным углублением, имитирующим зрачок (4). Лобная часть выпуклая, может быть разделена продольным выступом (2, 4, 5) надвое. Уши вертикальные, вписанные полностью в контур головы (т. е. прижатые), овально-подтреугольные, заостренные, с углублением раковины. Теменная часть показана либо выпуклостью (1), либо углублением (3) между ушами, может быть продолжением продольного выступа (2, 4, 5) на лбу.

Хропология типа основана на датировке бельского изображения (3), относящегося к 11-му зольнику Западного Бельского городища, т. е. ко 2-му периоду существования Бельского городища, датируемому сер. VII — второй четв. VI в. до н. э. (Шрамко, 2010. С. 38). Ср. также датировку кургана 23 Перещепинского могильника, отнесенного С. В. Махортых к ранней хронологической группе этого памятника, т. е. к первой — третьей четв. V в. до н. э. (Махортих, 2006. С. 58, 63).

Таким образом, хронологические рамки типа: сер. VII — третья четв. V в. до н. э.

Тип 4 Капевско-майкопский,
вторая пол. VI — V в. до н. э.

К данному типу относятся 8 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1, 8), Прикубанья (2, 3), Центрального Предкавказья (4) и, возможно, из Крыма (5–7). Они оформляют бронзовые уздечные бляхи.

Образно-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Представлена крайне схематизированная голова или «маска» хищника неопределенного вида с острыми ушами (3, 4, 7, 8) или без ушей (1, 2, 5, 6), с покрытой вертикальным рифлением нижней частью головы — это щеки или, возможно, лапы, или же и то, и другое одновременно. Т.е. это голова, состоящая практически из глаз (и ушей, при их наличии), соединенных со щеками/лапами. Так, каневское изображение (1) А. Д. Могилов квалифицирует как «медведя, что припал на лапы» (Могилов, 2008. Рис. 47).

Голова разделена на два симметричных сектора вертикальным гладким валиком, обозначающим нос, в большинстве случаев нос передан гладкой трапецией на рифленом фоне (4–8). По сторонам

---

[1] К данному типу также относятся неопубликованные изображения на бронзовых уздечных бляхах и на бронзовых налобниках из Малых Семибратних курганов (ГЭ СБР 18, 22; Переводчикова, 1980в. Кат. 100 а-г).

носа двумя полукружиями отображены две складки кожи верхней челюсти, имеющие вертикальное рифление и напоминающие подложенные под голову лапы в плане (см. особенно одно из майкопских изображений (2), в котором щеки/лапы наполовину выступают за пределы контура головы). Эти рифленые складки отделены валиками от остальной части морды. Глаза даны округлыми концентрическими выпуклостями (в одном случае (3) они прослеживаются слабо). Глаза либо непосредственно соединяются с ушами наверху и с щеками внизу, оставаясь в контуре фаса (3, 4, 7, 8), либо, при отсутствии ушей (1, 2, 5, 6), отделены от щек пространством, занимая в композиции место ушей; в этом случае глаза выступают за пределы контура фаса. Уши (3, 4) торчат вверх, они овально-остроугольные или треугольные, с впадиной раковины, с теменной частью между ними; в одном случае темя подтреугольное, в подражание ушам (4).

Аналогии и хронология. Возможно, этот тип действительно возник в результате упрощения изображения хищника в плане с подложенными под голову лапами. Ближайшие аналогии ему составляют многочисленные изображения с территории Нижнего Поволжья — из Новопривольного, Старицы, курган 51 (Королькова, 2006. Табл. 39, 18–20), из Хошеутова (Očir-Gorjaeva, 2005. Cat. 53–56, 94–95, 210–236), из кургана 5 могильника Кривая Лука (Očir-Gorjaeva, 2005. Abb. 57: 1), где, очевидно, и находились истоки соответствующей иконографической традиции. Поэтому не имеющие объективных датировок изображения данного типа, явно вторичные по отношению к своим поволжским аналогам (в последних данный образ обычно представлен более полно), в основном могут быть датированы с учетом даты поволжских памятников V в. до н. э. При этом головка из Скоробора (8) датируется И. Б. Шрамко второй пол. VI в. до н. э. (Shramko, 2021. P. 195).

Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа: вторая пол. VI — V в. до н. э.

Тин 5 Елизаветовский,
конец V — нервая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение из Нижнего Подонья, помещенное на золотую обкладку боковой пластины ножен меча (1). Это голова льва анфас, горизонтальная и повернутая вправо, впивающаяся в лопатку оленя. Голова явно сделана по той же матрице, что и фигура льва на основной пластине ножен данного меча, отнесенная нами к типу II-A-II-4 Семибратненско-елизаветовский. Соответственно описание этого фаса уже дано в рамках типологии Семибратненско-елизаветовского типа.

Хронология елизаветовского изображения основана на объективных датировках и составляет конец V — первую пол. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тин 6 Чертомлыцко-огузский,
вторая четв. — вторая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 9 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья и украшающих конские налобники/наносники — бронзовые, серебряные и золотые (1–9).

Образно-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Все эти изображения — субъекты зооморфного превращения передних конечностей кошачьих хищников, протомы которых оформляют налобники/наносники (шеи и головы этих хищников рассчитаны на объемное восприятие, тогда как зооморфно трансформированные передние конечности — на одностороннее).

Представлен широкоголовый и тупомордый хищник (т. е. семейства кошачьих), с мощным выступающим носом, широкими ушами и, как правило, с оформленными надглазничными выступами или лобными мускулами (возможно, лев или львица)[1]. Изображения чаще всего моделированы в рельефе; реже — плоскостные (8, 9), с оформлением анатомических деталей углубленными контурами и выступами за пределы контура в той же плоскости. Голова хищника дана строго в плане, без нижней челюсти. Контур фаса трапециевидный, с выступающими за пределы трапеции окончаниями носа и выпуклых щек.

Голова разделена по всей плоскости на два симметричных сектора вертикальным валиком или полосой, обозначающими нос и значительно расширяющимися книзу. Нос чаще гладкий, в единичных случаях имеет на конце дуговидные впадины (7) или насечки (9) — имитация кожных складок на носу зверя (?) либо декоративные рельефные кружки, идущие продольно (8). Преувеличенные округлые концентрические глаза, моделированные углубленными окружностями, непосредственно примыкают к носу; ободок глаза, как правило, заполнен поперечным рифлением (исключения — 3, 6). Непосредственно над глазами, опять-таки примыкая к носу, размещаются две соразмерные глазам каплевидные или овальные заостренные книзу фигуры, расходящиеся наискось вверх, каждая фигура разделена надвое продольным углублением (в одном случае (8) вместо этого углубления в центре этой фигуры помещен маленький кружок). Вероятно, так имитированы лобные мускулы или надбровные утолщения льва или львицы (ср. основное

[1] Ср. акцентирование лобных мускулов льва в передневосточном и древнегреческом искусстве.

скульптурное изображение головы хищника на данных налобниках, в особенности из Толстой могилы (8), при рассмотрении его в плане). В одном случае (9) эта деталь отсутствует. Непосредственно к основанию носа примыкают и заходят на грудь основного хищника рельефные овальные заостренные книзу уши, с углублением раковины; уши направлены вверх; в одном случае (8) эти уши не показаны. За пределами описанных анатомических деталей вся пластина налобника или его край покрыты косой рельефной штриховкой, симметричной относительно носа хищника; в одном случае (8) эта штриховка есть только в верхней части, тогда как по нижнему краю она замещена рельефными кружками. Возможно, с помощью штриховки и кружков имитирована складчатая кожа льва, но, вероятнее всего, это чисто декоративные элементы, позволяющие заполнить пустое пространство.

Помимо этого, фасы данного типа складываются из двух профилей антитетических птичьих голов с загнутым клювом, исключение опять-таки составляет лемешевское изображение (9), в котором подобная трансформация не просматривается.

Схематизация морды кошачьего хищника в описанных изображениях столь велика, что некоторые исследователи считали, что здесь представлен растительный орнамент (Ильинская, 1973. С. 46). Но С. С. Бессонова (Бессонова, 1977. С. 12–13) и Б. Н. Мозолевский (Мозолевский, 1979. С. 185–186) указали на подлинный смысл этих изображений: воспроизведение морды кошачьего хищника, скорее всего — льва.

Очевидно, что в целом все изображения отличает иконографическое единство, при этом лемешевское изображение (9) является схематичным и явно подражательным по отношению к остальным.

Хронология типа основывается на объективных датировках большинства изображений — огузских (2) (350–310 гг. до н. э.), краснокутского (3) (350–320 гг. до н. э.), чертомлыцких (4) (350–320 гг. до н. э.), мелитопольского (5) (350–325 гг. до н. э.), александропольского (7) (350–310 гг. до н. э.) и из Толстой могилы (8) (вторая — третья четв. IV в. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Таким образом, совокупная дата данного типа определяется в рамках второй четв. — второй пол. IV в. до н. э.

Тин 7 «Толстая могила», вторая — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Нижнего Поднепровья и украшающее бронзовые конские налобники/наносники (1).

Образно-видовые нризнаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Это изображение, как и фасы Чертомлыцко-огузского типа — субъект зооморфного превращения передних конечностей кошачьих хищников, протомы которых оформляют налобники/наносники.

Представлен широкоголовый и тупомордый хищник, с мощным носом и широкими ушами (т. е. семейства кошачьих). Изображение моделировано на плоскости, с оформлением анатомических деталей углубленными контурами. Голова хищника дана строго в плане, без нижней челюсти, верхняя челюсть сведена к минимуму, изображение геометризировано. Контур прямоугольный. Голова разделена по всей плоскости на два симметричных сектора широкой вертикальной полосой, обозначающей нос. Нос покрыт поперечным рифлением (имитация кожных складок). Низко, почти у самого края фаса, помещены округлые широко расставленные глаза, моделированные углубленными окружностями, они непосредственно примыкают к носу. От глаз вверх, занимая почти всю плоскость фаса, отходят отграниченные углублением крупные листовидные остроконечные уши, несколько загибающиеся к краям пластины, с раковиной, обозначенной выемкой. Широкие края ушей покрыты штриховкой, аналогичная штриховка обрамляет контур фаса.

Аналогии и хронология. Как представляется, рассмотренный фас, аналогичный фасам Чертомлыцко-огузского типа, но более схематичный, не является упрощением чертомлыцко-огузской иконографии, а связан с иной изобразительной традицией. Как видим, здесь отсутствует ряд признаков, присущих схеме изображений Чертомлыцко-огузского типа, а именно: выделение щек, преувеличение глаз; нос — базовая деталь этих сцен — не является в рассматриваемом случае обязательным элементом композиции; гораздо более важная роль в ней отводится ушам. Ближайшей аналогией этому типу является фракийский налобник V в. до н. э. из Аджигиоля (Berciu, 1969. P. 50. Fig. 18–14), где подобная схема воплощена в достаточно яркой кошачьей головке анфас на пластине, запечатленной между лап хищника, чья протома составляет налобник. Видимо, именно схема, лежащая в основе подобного изображения, эксплуатировалась создателем налобников из Толстой могилы и была искажена в силу непонимания оригинала. Высказанную мысль подтверждает и определенное стилистическое сходство самих скульптурных головок налобников из Толстой могилы и Аджигиола. В свою очередь, можно предположить, что прототип подобных аджигиольскому изображений следует искать опять-таки в Скифии, но в архаичных памятниках. Так, аджигиольская головка с точки зрения вытянутости по вертикали, очертаний ушей и незначительности композиционной роли носа может

соотноситься с достаточно редкой схемой головок из с. Будки в Лесостепи (Шкурко, 1976. Рис. 1: 8), наиболее раннего из кошачьих фасов в Скифии, датируемого А. И. Шкурко VI в. до н. э. (Шкурко, 1976. С. 91), а также из г. Ржищева (Петренко, 1967. Табл. 29: 6).

По объективным показателям изображение из Толстой могилы датируется второй — третьей четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

3.1.3. Скульптурные изображения голов хищников

Тин 1 «Будки»,
сер. VII — VI в. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Среднего Поднепровья — из кургана Будки (1–2). Они оформляют 5 костяных пронизок для перекрестных ремней.

Образно-видовые нризнаки, моделировка, комнозиция, трактовка деталей. Представлена голова относительно короткоголового, длинноухого и тупомордого хищника неясной видовой принадлежности. Изображение скульптурное, рассчитанное в целом на объемное восприятие, но преимущественно анфас. Контур головы в плане подпрямоугольный, в профиль также подпрямоугольный с выступающими вверх и вниз за пределы прямоугольника ушами и окончанием морды: по сути, это параллелепипед. Пасть открыта. Голова разделена на два симметричных сектора гладким вертикальным валиком, обозначающим нос. По сторонам носа двумя выступами отображены две складки кожи над верхней челюстью, которые имеют вертикальное рифление — четкое (1, 2-1) или малозаметное (2-2, 2-3, 2-4)[1]. Глаза округлые, концентрические, даны углубленной кольцевидной глазницей, заключающей выпуклое кольцо глаза с впадиной зрачка. Лобная часть разделена надвое валиком носа. Уши вертикальные, в плане удлиненно-овальные приостренные, в объеме ложковндные, они прижаты друг к другу (разделены узкой впадиной), с углублением раковины, обращены раковинами сообразно глазам. Теменная часть практически закрыта ушами. Пасть подковообразная, очерчена валиком, в пасти рельефными треугольниками отображены зубы. Изображения различаются длиной головы — одно из них более короткое (1), другое более вытянутое по вертикали, в трех вариантах соответственно степени четкости рифления морды (2-1, 2-2, 2-3). С этими различиями коррелируется и форма ушей — в первом случае они короче и шире, а в плане сливаются в фигуру, напоминающую подошву копыта, во втором случае они длиннее и уже.

Хронология. А. Д. Могилов датирует данные пронизки «Келермесским временем», без дальнейшего уточнения (Могилов, 2008. С. 71). Вместе с тем, не имея близких аналогий в рамках образа хищника, данные изображения сходны с рядом архаических изображений, оформляющих уздечные пронизки, и прежде всего с изображениями лошади Волковецко-гуляйгородского типа, которые по А. Д. Могилову составляют единый тип пронизок и датируются им в рамках сер. VII — VI в. до н. э. (Могилов, 2008. С. 68). Эта датировка не противоречит тому, что пронизки из Будков происходят из одного уздечного комплекта с псалиями, изображения на которых отнесены нами к Аксютинецо-шумейковскому типу, датируемому в рамках сер. VII — первой пол. V в. до н. э.

Тин 2 Краснодворский,
VI–V в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, оформляющее три одинаковые ножки каменного столика-алтарика из хутора Краснодворский на Нижнем Подонье (1).

Образно-видовые нризнаки, моделировка, комнозиция, трактовка деталей. Представлена голова короткоголового, короткоухого и узкоухого хищника с сужающейся мордой, скорее всего, это волк (ср. Ильюков, 1998. С. 56) или медведь. Изображение скульптурное, рассчитанное в целом на объемное восприятие. Контур головы в плане и в профиле трапециевидный, анфас морда овальная. Уши направлены наискось вверх.

Пасть оскалена, клыки смыкаются окончаниями. Голова разделена на две половины гладким вертикальным валиком, идущим «от загривка по оси лба» (Ильюков, 1998. С. 56) и на участке ниже глаз моделирующим нос. Лобная часть выделена выступом. Глаза округлые, образованы углубленной кольцевидной зеницей, отграниченной углублением от кольцевидной глазницы. Уши в плане удлиненно-овальные приостренные, с углублением раковины, прилегают к теменной части. Пасть подковообразная в профиле, в пасти крупными рельефными треугольниками отображены зубы.

Аналогии. В восточноевропейском скифском зверином стиле аналогии данному изображению отсутствуют. Вместе с тем, данный алтарик учтен К. Ф. Смирновым и относится по его классификации к Группе первой, подгруппе Б, типу I каменных алтариков (Смирнов, 1964. С. 163. Рис. 74: 8), в который также входят южноприуральские алта-

[1] А. Д. Могилов трактует эти складки как отображение лап, а всё изображение как «медведя, что припал на лапы» (Могилов, 2008. С. 71). Если такая сюжетная игра представляется допустимой, то видовая принадлежность данного хищника, скорее всего, не медвежья, учитывая относительно длинные уши зверя.

рики из группы Бис-Оба (курган 7), из хут. Черниговский, из с. Уш-Кюн на р. Илек у с. Ак-Булак, из урочища Маячная гора близ Оренбурга (Смирнов, 1964. С. 163. Рис. 74: 7, 9, 10, 11). Похожие жертвенники происходят также из кургана 6 у Чкаловского, из урочища Курайли, урочища Кумис-Сай, курганов 1 и 2 (Васильев, 1998. Рис. 12: 1, 3, 6, 7). Однако морды хищников, оформляющих ножки этих жертвенников, более узкие, удлиненные в сравнении с мордой краснодворского хищника.

Хронология. Все алтарики подгруппы Б Группы первой датируются К. Ф. Смирновым VI–V в. до н. э. (исключая акбулакский, возможно, датируемый IV в. до н. э., но он относится не к I, как краснодворский, а к III типу подгруппы Б Группы первой) (Смирнов, 1964. С. 164). Очевидно, именно в рамках VI–V вв. до н. э. нужно датировать и краснодворский алтарик.

Тин 3 «Скифская могила — Макеевка», V–IV вв. до н. э.

К данному типу относятся 12 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1, 3), Нижнего Поднепровья (2, 7), Среднего Подонья (9), Нижнего Подонья (10), Прикубанья (4, 6, 8, 12), Ставрополья (5) и, возможно, из Крыма (11). Это головы, оформляющие уздечные принадлежности, в основном псалии или их компоненты (1–11), еще в одном случае это бронзовая уздечная бляха — по мнению публикаторов, вероятный фрагмент имитации кабаньего клыка (Маслов, Гей, Андреева, 2021). Псалии S-видные, С-видные и Г-образные двудырчатые (в двух случаях сохранилась только верхняя часть псалия — 10, 11), по материалу бронзовые (1, 4–7, 9, 11) и железные (3). Кроме того, это бронзовые навершия — приливы железных псалиев (8), а также свинцовое навершие обломанного железного псалия (10)[1].

Образно-видовые нризнаки, моделировка, комнозиция, трактовка деталей. Данный тип объединяет изображения шеи и головы хищника, короткоголового, широкомордого, с выпуклой лобно-теменной частью, как правило, наделенного короткими относительно широкими ушами — вероятно, это кошачий хищник. Исключения составляют изображение на тенгинских псалиях (8), в которых зверь представлен с длинными узкими ушами, а также на гаймановских и тростянецких псалиях (7, 9), хищник на которых при наличии овальных ушей наделен зауженной мордой. Но и их нельзя трактовать как волков: этому мешает форма морды (возможно, хищника на гаймановских и тростянецких псалиях следует считать медведем). Таким образом, в этих изображениях неясна видовая принадлежность зверя, очевидна лишь хищная природа персонажа.

Изображения скульптурные, рассчитанные в целом на объемное восприятие, но в основном с предпочтением профильного ракурса, что подтверждается ориентировкой ушей и глаз хищников данного типа плоскостью к зрителю по бокам головы или, по крайне мере, в три четверти (10), а также строгой профильностью отдельных головок (8). Голова перпендикулярна шее, уши чаще отходят горизонтально или наискось назад. В одном случае уши не прослеживаются (5), еще в одном они слаборазличимы (12).

Хищник показан с открытой или ощеренной пастью (лишь в одном случае она закрыта — 9). Нос выделен в той или иной мере подъемом, может быть оформлен четким полушарным выступом (5, 7, 8, 10, 12), ноздри обозначены углублениями, четкими или слабозаметными. Хищник крутолобый, иногда лобная часть выпирает, будучи полностью занята преувеличенным глазом (1, 5, 7, 8, 11, 12). Глаз округлый или овальный, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Рот подковообразный. Уши овальные (исключая тенгинское изображение на псалиях, в котором уши подтреугольные, — 8), впадиной показана или намечена раковина. Голова плавно переходит в шею. Шея цилиндрическая.

Нижняя часть псалиев трактована в виде ноги копытного животного или ее рудимента (в трех случаях сохранилась только верхняя часть псалия — 2, 10, 11). Если воспринимать эту часть как изобразительное продолжение верхней части, тогда следует трактовать весь псалий в целом как образ фантастического, синкретического животного с головой хищника и ногой копытного. Однако слабая выраженность копыта (относительно реалистично оно выполнено лишь на тенгинских псалиях (8), в остальных случаях это либо шишковидное расширение — рудимент копыта (3, 5), либо обозначенное с помощью утолщения или расширения преувеличенное копыто, трансформированное в растительный мотив — 1, 7, 9)[2], очевидно,

---

[1] Еще одно изображение, относящееся к данному типу, не опубликовано. Оно происходит из кургана 6 у с. Гурийская (завершение бронзовых псалиев) (ГЭ, Ку1914 2/15, 2/26; Переводчикова, 1980в. Кат. 70 аб).

[2] Фитоморфность доказывается тем, что в дополнение к двум рудиментарным пальцам, оформленным треугольными выступами в основании копыта, с противоположной стороны копыта вопреки анатомии показан еще один треугольный выступ, что придает копыту облик бутона или иного растительного элемента. На поверхности копыта, кроме того, могут находиться анатомически не обоснованные поперечные насечки (9); кроме того, копыта на гаймановских и тростянецких псалиях уплощаются и превращаются в откровенно декоративную деталь (7, 9).

демонстрирует чистую декоративность этого мотива, скорее всего никак нее связываемого мастерами в единое целое с головой и шеей хищника на верхнем конце псалия. Это доказывается и случаем трактовки нижней части псалия в виде головки хищника, аналогичной верхней головке (4).

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Морфологическая динамика данного типа состоит в движении от более качественных, экспрессивных, объемных и относительно близких к натуре изображений типа Скифской могилы, Днепрян, Макеевки, Частых курганов, Гайкмановой могилы, Дыша (1–3, 7, 10, 12) к более схематичным, геометричным и уплощенным изображениям типа елизаветинских и тенгинских (4, 8), при этом гайкмановское и тростянецкое изображения (7, 9) представляются боковыми ответвлениями данной линии, в которых образ кошачьего хищника искажается, становясь неопределенным или медвежьим.

Аналогии и хронология. Ближайшая аналогия происходит из конского жертвоприношения в Гюэносе, раскопки М. Б. Барамидзе 1975 г. (Эрлих, 2002. С. 15. Рис. 7, 3).

Хронология типа основывается на объективных датировках (см. Список опорных хроноиндикаторов) макеевского изображения (первая пол. V в. до н. э.), из боковой гробницы Скифской могилы (вторая пол. V в. до н. э.), из Частых курганов-2 (V — начало IV в. до н. э.), тростянецкого (рубеж V–IV или начало IV в. до н. э.), гайкмановского (390–380 гг. до н. э.), елизаветинского (третья четв. IV в. до н. э.) и тенгинских (вторая пол. IV в. до н. э. — начало III в. до н. э.). Изображение из Дыша (курган 1) датируется публикаторами, как и весь соответствующий погребальный комплекс, по аттической чернолаковой кружке и аналогиям предметам узды первой пол. — сер. V в. до н. э. (Маслов, Гей, Андреева, 2021), что, как мы видели, соответствует морфологической динамике данного типа. Днепрянское изображение, очень близкое псалиям из Скифской могилы, должно датироваться аналогично.

Таким образом, предельные рамки данного типа: V–IV вв. до н. э.

Тин 4 «Частые курганы-2 — Аллероевский», V — нервая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 18 изображений с территории Нижнего Подонья (1, 15), Приазовья (16), Крыма (5, 17, 18), Центрального Предкавказья (2–4, 6, 14), Прикубанья (8–13) и Среднего Поднепровья (7). Данные изображения оформляют бронзовые уздечные подвески, налобник, наносник и иные уздечные бляхи (1–3, 9–11, 14, 16), навершие деревянного посоха (5), навершие бронзового скипетра (6), а также бронзовые навершия двудырчатых псалиев — бронзовых (4, 7, 8, 12, 13, 15, 17) и биметаллического (18)[1].

Образно-видовые нризнаки, моделировка, комнозиция, трактовка деталей. Это изображение хищника, наделенного сужающейся к носу мордой (как правило, оскалившегося) и узкими остроконечными ушами, т. е. скорее волка, во всяком случае, не кошачьего хищника: ср. природный прототип в соответствующей описанию данного типа таблице Приложения 1 (по: Королькова, 2006. Табл. 32: 7)[2].

Моделировка скульптурная, рассчитанная на круговой обзор, детали обозначены рельефно или насечками. Пасть в большинстве случаев открыта, оскалена, уши чаще развернуты раковинами анфас (характерная черта природного экстерьера оскалившегося волка). Но в двух случаях пасть сомкнута (16, 18). Уши в большинстве случаев направлены наискось вверх и назад, немного в стороны, но в трех случаях уши противонаправлены голове и прижаты к темени или шее (5, 8, 10).

Изображения относительно натуралистичны с точки зрения общих пропорций, однако новогрозненское и аксютинецкое более схематичны и как бы сплюснуты по бокам (6, 7). Морда животного чаще подпрямоугольная в профильном ракурсе, трапециевидная в плане, что опять же соответствует экстерьеру волка. Носовая часть чуть вогнута, сам же нос на конце немного вздернут, мощный и выпуклый в плане, ноздревые отверстия обозначены углублениями. Глаза овальные или округлые, выпуклые (лишь в новогрозненском изображении плоскостные — 6), оконтурены углубленной линией. В ушах впадинами показаны раковины. Края пасти обозначены подковообразной рельефной линией, в одном случае — рифленой полоской (6). Но в двух случаях рот не акцентирован (16, 18). Подбородок подчеркнут выступом.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Иконографическое ядро типа составляют изображения из Частых курганов-2 (1) и аллероевские (2, 3), а также на псалии из Осетии (4) — наиболее натуралистичные и качественные отображения волчьего хищника. Аксютинецкое, баксинское и новогрозненское изображения (7, 5, 6), более схематичные, представляются вторичными по отношению к этому иконографическому ядру, при

---

[1] На близость изображений аллероевских изображений головкам из Частых круганов-2 уже обращал внимание Ю. А. Прокопенко (Прокопенко, 2005. С. 393).

[2] Исследователи, опубликовавшие головки из Частых курганов-2 однозначно определяют их как волчьи (Максименко и др., 2001. С. 221).

этом новогрозненское может быть и репликой не с названных изображений, а с «савроматских» изображений волчьего хищника. Остальные изображения еще более схематичны и подражательны, порой с утратой видовой идентичности (не случайно С. А. Скорый и Р. В. Зимовец квалифицировали одно из изображений из «Крымской коллекции» (18) как конское (Скорый, Зимовец, 2014. С. 69).

Хронология типа базируется в первую очередь на объективных датировках (см. Список опорных хроноиндикаторов) изображения из Частых курганов-2 (V — начало IV в. до н. э.)[1], бердянского (первая треть IV в. до н. э.) и уляпского (первая пол. IV в. до н. э.). По логике морфологической динамики, изображения из Частых курганов-2, равно как и почти тождественные им аллероевские (которые должны датироваться идентично головкам из Частых), находятся в начале эволюционного ряда. Соответственно баксинское, аксютинецкое и новогрозненское не могут быть датированы раньше них. Между тем курган 1 раскопок 1883–1885 гг. у с. Аксютинцы был отнесен В. А. Ильинской к V в. до н. э., «без уточнения даты» (Ильинская, 1968. С. 77), на основании морфологической аналогии тем же псалиям среди S-видных псалиев в хорошо датируемых курганах 2 и 4 Семибратней группы и в Младшей Журовской группе. Данному хронологическому контексту соответствует и наличие в криволиманском погребальном комплексе бронзовых трехлопастных наконечников стрел V в. до н. э. (Прохорова, 1987. С. 253).

Таким образом, вероятные хронологические рамки типа: V — первая пол. IV в. до н. э.

Тин 5 Новозаведенско-старокорсунский, VI в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Ставрополья (1), Центрального Предкавказья (2) и Прикубанья (3). Они оформляют бронзовые наконечники — бутероли копий[2].

Образно-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Представлена голова (в двух случаях еще и с шеей — 2, 3) длинномордого и длинноухого зверя (волка?). Моделировка в целом объемная, при этом рассчитанная преимущественно на обзор анфас, о чем свидетельствует позиция глаз и ушей, находящихся в одной плоскости с поверхностью головы, а в случае с новозаведенским изображением — еще и отсутствие нижней челюсти (1). Соответственно, новозаведенское изображение составлено из двух плоскостных фасов с проработкой деталей гравировкой — углубленными линиями и точечными вдавлениями, тогда как белореченское и старокорсунское односторонние и с рельефной моделировкой деталей. Уши противонаправлены голове, шея составляет единую линию с головой, уши прилегают к шее (2, 3).

Изображение схематичное. Морда животного трапециевидная, с тупым окончанием. Глаза округлые, моделированы либо кружками со зрачками, обозначенными точечными углублениями (1), либо полушарными выпуклостями (2, 3). Уши преувеличенные, заостренные, с четким обозначением краев и раковины (в новозаведенском изображении плоские раковины заполнены точечными углублениями (имитация шерсти), контрастирующими с гладкими краями ушей; в белореченском и старокорсунском раковины даны углублениями), в остальном уши трактованы по-разному: либо овально-подтреугольные широкие, сомкнутые в единую фигуру, напоминающую подошву копыта (1), либо овально-подтреугольные, узкие, немного расходящиеся (2), либо лавролистные параллельные (3). Носовая часть в новозаведенском изображении немного выпуклая, разделена надвое ребром плоскостей, формирующих фасы, дополнительно удлиненным овалом подчеркнут нос хищника, а ноздри показаны крупными точками на конце носа. В белореченском и старокорсунском изображениях носовая часть более плавная, чуть вогнутая (2) или прямая (3), ее окончание выступает вверх и завершается одной (1) или двумя (3)

---

[1] Вместе с тем трудно согласиться с предположением В. Е. Максименко, В. В. Ключникова и С. В. Гуркина о том, что данный предмет является «бронзовой деталью ручки деревянного котла» (Максименко и др., 2001. С. 222), поскольку такой котел здесь не найден и, насколько нам известно, какие-либо аналогии такого рода деталям отсутствуют. Вместе с тем в этом же комплексе в разрозненном состоянии обнаружены предметы конского снаряжения, в частности 4 бронзовые бляхи с головой хищника (вероятно, наременные оголовные бляхи), фрагмент железного двудырчатого псалия и обломок еще одного железного псалия со свинцовой головой хищника на конце, бронзовый налобник в виде головы и шеи ушастого зверя, бронзовая ворворка и бронзовая зооморфная бляха с композицией из трех голов (Там же. С. 221–222, 224. Рис. 4). Всё это, в сочетании с наличием близких аналогий в рамках массива уздечных блях с изображениями типа «Журовка — Аксютинцы», позволяет предполагать, что и в Частых курганах мы имеем дело с наременной уздечной бляхой.

[2] В. Б. Виноградов и А. З. Аптекарев трактовали соответственно белореченское и старокорсунское изделия (2, 3) как наконечники ножен мечей (Виноградов, 1972. С. 116, 168; Аптекарев, 1986. С. 245–249), однако находка в Новозаведенском комплексе аналогичного предмета (1) в рабочем состоянии именно как бутероли копья, очевидно, решает вопрос о назначении и остальных предметов, учитывая открытость устья бутероли, что логично для предохранения от лезвий копья, но не дает защиты от острия меча (Петренко, Маслов, Канторович, 2006. С. 402).

выпуклостями, очевидно, имитирующими ноздри, причем в старокорсунском изображении эти выступы дополнены еще парой меньших выпуклостей выше на поверхности морды. Пасть в белореченском и старокорсунском изображениях открыта, нижняя челюсть параллельна верхней, зубы обозначены перемычкой — либо мощной косой, дуговидной (2), либо тонкой вертикальной (3). Шея в белореченском и старокорсунском изображениях мощная, трапециевидная в плане, уплощенная, гладкая, переход головы в шею либо плавный (2), либо уступом (3).

Новозаведенское изображение представляется более архаичным, нежели белореченское и старокорсунское, с учетом превращения ушей в подошву копыта и более лаконичной трактовкой, моделировкой сходящимися плоскостями.

Аналогии и хронология. Ближайшая видовая аналогия данному типу изображений — голова волка, оформляющая костяной футляр копья из кургана А12 у с. Блюменфельд, конца VI — начала V в. до н. э., однако стилистически это иное изображение: оно профильное и в общем далекое в трактовке деталей, связанное с местными, «савроматскими» традициями трактовки волчьего хищника. Кроме того, из того же комплекса происходит морфологически сходный (по общим очертаниям), но лишенный какого-либо зооморфизма костяной футляр копья (Смирнов, 1964. Рис. 11А, 5; 11В, 31).

Основу хронологии типа составляет новозаведенское изображение, происходящее из комплекса, датируемого по наконечникам стрел, все типы которых не выходят за пределы VI в. до н. э., а также по уздечным наборам, дата которых не противоречит этому, по золотой подковообразной подвеске и гребню из слоновой кости (Петренко, Маслов, Канторович, 2006. С. 396–401). Белореченский и старокорсунский комплексы, судя по всему набору составляющих их инвентарей, относятся скорее не к V в. до н. э., как считали В. Б. Виноградов и А. З. Аптекарев (Виноградов, 1972. С. 116, 168; Аптекарев, 1986. С. 245–249), а к VI в. до н. э. (Петренко, Маслов, Канторович, 2006. С. 402).

Таким образом, вероятные рамки данного типа — VI в. до н. э.

Тин 6 «Кошеватое»,
конец V — IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение с территории Среднего Поднепровья — из кургана у с. Кошеватое, оформляющее бронзовый наносник/налобник (1).

Образно-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Это погрудное изображение животного — узкомордого и коротко-ухого хищника с короткой шеей, т. е. медведя (ср. Могилов, 2008. С. 89). Моделировка объемная, рассчитанная преимущественно на профильный обзор, о чем свидетельствует позиция ушей и глаз по сторонам головы. Шея образует прямой угол с грудной частью, голова параллельна груди, уши отходят наискось вверх по оси головы.

Голова животного схематичная, морда укорочена. Глаз образован выпуклой зеницей во впадине глазницы с углублением зрачка. Морда трапециевидная. Ноздри и рот моделированы узкими горизонтальными впадинами на конце морды. Уши ромбические, с впадиной раковины, в некоторых случаях удлиненные. Шея мощная короткая трапециевидная, гладкая. Шея плавно переходит в грудную зону, расширяющуюся книзу и покрытую на конце крупным продольным рифлением, возможно, имитирующим лапу или же кожно-шерстные складки на груди.

Хронология. Кошеватовское изображение датируется по объективным показателям концом V — IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов)

Тин 7 Солохский,
400–375 гг. до н. э.

К данному типу относится одно изображение с территории Нижнего Поднепровья — из боковой могилы Солохи, оформляющее золотую обкладку ручки деревянного сосуда (1).

Образно-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Это изображение головы животного — широкомордого и широкоухого хищника, т. е. кошачьего. Моделировка объемная, рассчитанная на круговой обзор, детали обозначены рельефно. Шея почти не выделена, голова практически непосредственно переходит в рудимент грудной части, оформляющей изгиб пластины.

Изображение исчерпывающе описано А. П. Манцевич: «Голова как бы выступает из пластины, окаймляющей часть борта сосуда и обрамленной по краю рядом выпуклых точек; пасть зверя раскрыта, видны зубы и клыки; усы (скорее, складки щек. — *А. К.*) обозначены тремя параллельными извилистыми желобками; ухо в виде рельефной волюты; ноздри в виде неполного овала; на затылке шерсть стилизована прямыми параллельными прядями; на шее до ушей — в виде елочки. На глазах обозначены слезники и зрачки» (Манцевич, 1987. С. 46). К этому можно лишь добавить, что глаза даны углубленным полуовалом, зрачки моделированы выпуклостью, а морда разделена продольной линией сходящихся плоскостей.

А. П. Манцевич в качестве параллели справедливо привела изображения кошачьих хищников

на бронзовых пластинах из Журовских курганов 400 и Г, в то же время не находя близких аналогий данному изображению; отдельно исследовательница также привела аналогии пояску в виде елочки в различных образах скифского звериного стиля (Манцевич, 1987. С. 46, 48).

Хронология. Солохское изображение датируется по объективным показателям 400–375 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов), при этом А. П. Манцевич предполагала, что вещь создана значительно ранее попадания в комплекс, поскольку датировала ее второй пол. или концом V в. до н. э. (Манцевич, 1987. С. 48).

Тин 8 Елизаветинско-шалушкинский, IV в. до н. э.

К данному типу относятся 7 изображений, происходящих с территории Прикубанья (1, 2, 4–7) и Центрального Предкавказья (3). Это головы, оформляющие предметы узды: бронзовые наносники (6, 7) и, в большинстве, окончания псалиев: либо это цельнобронзовые псалии (2, 4), либо это бронзовые окончания железных псалиев (1), либо же сердцевина псалиев железная, оболочка — бронзовая (3, 5), как в отношении шалушкинских и гришковских псалиев установила Г. Н. Вольная (Вольная, 2013. С. 69). В двух случаях противоположный конец псалия оформлен в виде головы неопределимого животного (3, 5).

Образно-видовые нризнаки, моделировка, комнозиция, трактовка деталей. Представлены голова и шея оскалившегося хищника неопределенного вида и семейства: животное наделено мордой, представляющей собой нечто среднее между мордой волчьего и кошачьего хищника, чаще с острыми удлиненными ушами скорее волчьего хищника (1, 3—5, 6-2, 7-2), но в трех случаях ухо короткое, как у кошачьего (2, 6-1, 7-1). Моделировка объемная, но рассчитанная преимущественно на профильный обзор, о чем свидетельствует позиция ушей, обращенных раковинами вбок, на зрителя. Композиционная особенность данного типа состоит в том, что голова вытянута вперед и продолжает линию шеи, при этом уши либо прижаты к шее и отходят назад (1, 3–5, 6-2, 7-2), загибаясь на конце вверх, либо направлены вертикально (2, 6-1, 7-1).

Голова животного трактована схематично. Глаз образован выпуклой овальной (5) или округлой (3, 6, 7) зеницей во впадине глазницы — округлой (6, 7) или каплевидной (3, 5); либо же глаз выпуклый, округлый без детализации (2), либо он оконтурен насечкой (1, 4). Морда трапециевидная (1, 2, 4, 6, 7) или подпрямоугольная (3, 5). Пасть открыта или приоткрыта. Зубов по всей длине нет, показаны лишь клыки в устье пасти, слитые в единый валик, в двух случаях пасть беззубая (6-2, 7-2). Нос немного вздернут, утолщен на конце, ноздря чаще моделирована впадиной в рамках валика (1, 3, 5, 7-1, 7-2), но может быть обозначена просто утолщением или расширением носа (2, 4, 6-1, 6-2). Уши показаны чаще с впадиной раковины (1-3, 6-2, 7-2), реже без нее (4, 6-1, 7-1), они удлиненно-овальные (1, 4, 6-1, 7-1), сегментовидные (3, 5, 6-2, 7-2) или ромбические (2). Шея цилиндрическая, гладкая, голова переходит в шею плавно (1, 2, 6-2, 7), уступом (3, 5, 6-1) или же через рельефную перемычку-поясок (4).

Тенгинские изображения (6-1, 6-2) являются элементом трансформации соответсвенно морды и рога «оленелося» типа 3 Елизаветинско-кужорский, так что ухо хищника 6-2 одновременно является ухом «оленелося», поэтому оно так далеко отстоит от головы хищника.

Гурийские изображения, очевидно, также возникшие на композиционной основе головы «оленелося», как трансформация его морды (7-1) и рогов (7-2), тем не менее, совершенно самостоятельны, и объект трансформации здесь уже отсутствует, сохраняется лишь рудиментарная композиционная основа. Кроме того, вдоль шеи одного из вариантов гурийского хищника (7-2) проходят рельефные завитки с петлевидным окончанием (ухо уподоблено этим завиткам, но всё же четко идентифицируется по раковине). Возможно, это обозначение локонов (ср. ниже иконографию грифона ориентализирующего типа эпохи «скифской архаики») или гривы (?).

В рамках данного типа почти тождественные шалушкинское и гришковское изображения представляются более детальными и натуралистичными (3, 5), остальные изображения более схематичны и подражательны, менее определенны в образном отношении.

Аналогии и хронология. Ближайшая аналогия изображениям данного типа происходит из конского жертвоприношения в Гюэносе в Абхазии, раскопки М. Б. Барамидзе, 1975 г. (Эрлих, 2002. С. 15. Рис. 7, 3). Хронология типа основывается на объективной датировке (см. Список опорных хроноиндикаторов) тенгинских изображений (вторая пол. IV в. до н. э. — начало III в. до н. э.). Но это наиболее схематичные и условные изображения данного типа (наряду с гурийскими), очевидно завершающие его морфологическую эволюцию. В целом же изображения данного типа, не имея близких аналогий, сближаются по моделировке с изображениями типа «Макеевка — Скифская могила», причем скорее с более схематичными из них, датируемыми IV в. до н. э. Этому не противоречит наличие устрожающих насадок на шалушкинских псалиях. Таким образом, существование Елизаветинско-

шалушкинского типа следует определять, вероятно, в рамках IV в. до н. э.

Тин 9 «Майконского клада», конец VII — начало V в. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Прикубанья и оформляющие бронзовые навершия (1, 2).

Образно-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Представлена голова и шея хищника с короткой и широкой мордой (кошачий хищник, по мнению А. М. Лескова — пантера (Leskov, 2008. P. 176–177). Моделировка объемная, рассчитанная на круговой обзор, детали обозначены рельефно. Голова перпендикулярна шее, уши направлены вертикально вверх. Голова животного близка к натуре. Морда с тупым окончанием, пасть может быть открыта (1) или закрыта (2). Глаза овальные, с каплевидными слезниками, обозначены впадинами. Уши заостренные, с практически не обозначенными раковинами, обращены внутренней стороной вперед по линии морды. Нос обозначен валиком, под ним рельефно показаны складки щек. Носовая часть отделена уступом от верхней части головы. У зверя с открытой пастью (1) отображена пара зубов, моделированных вертикальными валиками. Голова отделена от шеи тремя (1) или одной (2) горизонтальными рельефными полосками, очевидно, имитирующими складки кожи или шерсти. Шея короткая мощная усечено-коническая, переходит в бубенец навершия.

Аналогии и хронология. Не находя себе непосредственных аналогий в рамках образа хищника (не считая сходный по композиции и моделировке Новогрозненский тип, воплощающий, однако, в отличие от майкопского, образ волка или медведя), данные изображения, в особенности 2, находят композиционные аналогии среди изображений синкретического «тупорылого животного» периода «скифской архаики», оформляющего преимущественно аналогичные навершия.

А. М. Лесков датирует данные навершия VI в. до н. э. по аналогии с навершиями на Суле и соотнося их с типами V и VII по классификации Е. В. Переводчиковой, датирующимися соответственно концом VII — VI в. до н. э. и VI — началом V в. до н. э. (Leskov, 2008. P. 176–177).

Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа: конец VII — начало V в. до н. э.

3.2. Протомы хищников

Тин 1 Новонетровско-макеевский, конец VI — первая пол. V в. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья (1), Среднего Поднепровья (2) и Центрального Предкавказья (3, 4-1, 4-2[1]) и оформляющих бронзовые конские налобники.

Образно-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Представлен хищник, относительно короткоголовый, тупомордый и короткоухий (скорее всего, семейства кошачьих). Моделировка шеи и головы скульптурная, туловища и ног высокорельефная.

Хищник изображен с прямыми ногами, плотно прижатыми (2–4) или чуть разомкнутыми посередине (1), со смыкающимися лапами, которые упираются в землю пальцами или как бы свисают. При этом одно из бамутских изображений (4-1, 4-2) представляет хищника поглощающим эти самые ноги: по сути, это не протома, а голова хищника с добычей во рту, однако в виде исключения эти налобники рассматриваются в рамках данного типа в силу их большой стилистической близости остальным, в первую очередь другому бамутскому изображению из того же комплекса (3). Хищник показан с головой, перпендикулярно сидящей на шее и опущенной вниз (1, 2) или наклоненной под углом 45 градусов (3, 4), с приоткрытой пастью, с торчащими ушами.

Глаза даны относительно натуралистично, они овальные, выпуклые, в ромбической рамке глазницы. Уши овально-листовидные, с рельефным краем, с имитацией раковины впадиной. Нос образован сходящимися плоскостями (1, 2) или выделен рельефной полосой (3, 4). Край рта рельефный. Щеки рельефно выделены. Шея усеченно-коническая. Лапы преувеличены, обозначены расширением, заполненным рельефными линиями, обозначающими пальцы каждой лапы.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Морфологическая динамика. Несомненна иконографическая первичность приднепровских изображений (1, 2) в рамках данного типа, в силу большей полноты и композиционной свободы образа, тогда как центральнокавказские являются подражаниями, с редуцированием шеи, развитием мотива оскаливания в одном из бамутских изображений (3) и с тематическим переосмыслением образа в другом (4-1, 4-2) — созданием темы терзания и поглощения на основе существующей композиции.

Композиционно-стилистически первичные изображения данного типа — приднепровские — несомненно восходят к полнофигурным изображе-

[1] Два из трех налобников с протомами из кургана 3 Бамутского могильника/Ассиновских курганов почти тождественны, поэтому рассматриваются как одно оригинальное изображение в двух вариантах (4-1 и 4-2).

ниям кошачьего хищника типа II-A-II-1 «Золотой курган — Макеевка», причем характерно, что одно из изображений этого типа — макеевское — происходит из того же комплекса, что и макеевская протома (2).

Хронология. При наличии объективных хроноиндикаторов для макеевского изображения (первая пол. V в. до н. э., см. Список опорных хроноиндикаторов), с учетом указанных аналогий с ранними изображениями кошачьего хищника типа II-A-II-1 «Золотой курган — Макеевка» (это журовское изображение конца VI — начала V в. до н. э. и вышеупомянутое макеевское изображение), приднепровские протомы Новопетровско-макеевского типа (1, 2) могут датироваться концом VI — первой пол. V в. до н. э. (ср. датировку новопетровского налобника авторами его публикации концом VI — началом V в. до н. э.: Островерхов, Тощев, 1985. С. 75–77). Подражающие им бамутские изображения должны датироваться в тех же рамках.

Тин 2 Чертомлыцко-огузский,
вторая четв. — вторая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 11 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья и оформляющих конские налобники/наносники — бронзовые, серебряные и золотые (1–11).

Образно-видовые нризнаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Представлен коротконоголовый и тупомордый хищник (т. е. семейства кошачьих)[1]. Как уже отмечалось в связи с характеристикой Чертомлыцко-огузского типа фасов кошачьих хищников (субъектов зооморфного превращения передних конечностей протом, рассматриваемых здесь), шеи и головы протом хищников рассчитаны на объемное восприятие, тогда как их передние конечности — на одностороннее восприятие. Соответственно шеи и головы скульптурные, передние конечности, как правило, моделированы в рельефе, но с оформлением анатомических деталей углубленными контурами и выступами за пределы контура в той же плоскости. Хищник представлен с головой, перпендикулярной шее, т. е. параллельной груди, реже — немного опущенной (8) или приподнятой (10, 11), с широко раскрытой пастью, с вертикально торчащими ушами.

Хищник наделен мощным, выступающим (порой почти обособленным) носом, овально-подпрямоугольными ушами со впадиной раковины (в одном из изображений из Толстой могилы (8) уши слиты в единый полуовал), овальными глазами, образованными выпуклыми глазными яблоками в обрамлении рельефных глазниц, иногда покрытых поперечным рифлением (1–4, 7, 9, 10). В двух изображениях из Толстой могилы (8, 11) двумя валиками оформлены напряженные лобные мускулы[2]. Окончание носа и выпуклые щеки выступают в плане. Хищник показан беззубым, с выступающим узким окончанием нижней челюсти, с высунутым языком, слитым с нижней челюстью. Пасть оформлена по краю рельефным ободком, часто зарифленным (1–4, 7–11); аналогичная рельефная полоска обозначает гриву или шерстную складку и затем переходит в обрамление ушей; эта полоска также может быть зарифлена (1–4, 7–9, 11). Голова отделена от шеи уступом. Шея гладкая, усеченно-коническая. Ее задняя сторона переходит уступом или плавно в сегментовидную пластину (холка зверя), а передняя — в овально-подпрямоугольную пластину, обозначающую грудь и передние ноги зверя, превращенные в фас хищника, который (кроме лемешевского изображения и одного из изображений из Толстой могилы — 9, 10) является одновременно сочетанием двух профилей антитетических птичьих голов с загнутым клювом. В одном случае вместо фаса на груди основного хищника помещена углубленная 5-лепестковая пальметка, а сама грудная часть обрамлена поясом из углубленных окружностей.

Особенности трактовки конкретных изображений и морфологическая динамика. Очевидно, что в целом все изображения отличает иконографическое единство, при этом лемешевское изображение и одно из изображений из Толстой могилы (9, 10) являются схематичными и явно подражательными по отношению к остальным. Достаточно схематичны также мелитопольское и краснокутское изображения (3, 5). Еще одно из изображений из Толстой могилы (8), при высоком качестве исполнения, в то же время более декоративно и лишено ряда конструктивных элементов (отсутствуют уши у дополнительного фаса), уши основного зверя слились в единый конгломерат. Таким образом, основная

[1] Ряд исследователей полагают, что эти протомы принадлежат фантастическому хищнику, трактуемому как «львиный грифон» (Ильинская, 1968. С. 122; 1973. С. 42; Мозолевский, 1979. С. 185), а порой и как «дракон» (Тереножкин и др., 1973. С. 138). Однако ничего фантастического, по крайней мере с точки зрения замысла мастера, эти скульптурные головки не содержат (ср.: Переводчикова, Фирсов, 2002. С. 48–49), о чем свидетельствует выявленное стилистическое подобие между ними и фасами кошачьих хищников Чертомлыцко-огузского типа на пластинах тех же налобников. Кроме того, ни одна из головок с описанным выше фасом не имеет в профиле очертаний клюва. В то же время, как будет показано ниже, ни одна из действительно фантастических головок, наделенная одновременно клювом и ушами, не сочетается с рисунком кошачьего фаса на пластине налобника.

[2] Ср. акцентирование лобных мускулов льва в передневосточном и древнегреческом искусстве.

иконографическая линия связана с изображениями из Козла (1), Огуза (2) и Чертомлыка (4).

Аналогии. Ближайшей аналогией протомам Чертомлыцко-огузского типа в композиционном отношении является золотой налобник коня № 3 из Чмырёвой могилы (А) (Браун, 1906. Рис. 46, 47, 47а), на что уже указывал Б. Н. Мозолевский (Мозолевский, 1979. С. 185). Однако это произведение не содержит ничего, соответствующего скифскому звериному стилю — ср. мнение Е. В. Переводчиковой и К. Б. Фирсова, не включающих чмырёвский налобник в одну группу с остальными вышеперечисленными налобниками «из-за значительных внешних различий» (Переводчикова, Фирсов, 2002. С. 47). Чмырёвская протома — произведение греко-фракийского стиля, о чем свидетельствует и предельный натурализм изображения львиных голов — основной и дополнительной, и отказ от полной зооморфной трансформации лап в голову хищника (в результате лапы основного хищника обрамляют дополнительный львиный фас в качестве гривы), и наличие фракийского орнамента в оформлении верхней пластины. При этом интересен сам факт зооморфного превращения, свидетельствующий о возникновении чмырёвского налобника не без влияния скифской стилистической среды или скифских запросов. Следовательно, чмырёвская протома должна была быть создана в период реализации иконографии Чертомлыцко-огузского типа, и ее объективная датировка (предельно — вторая — третья четв. IV в. до н. э.) подтверждает этот факт.

Хронология типа, основанная на объективных датировках большинства изображений была уже обоснована выше при характеристике Чертомлыцко-огузского типа фасов голов как вторая четв. — вторая пол. IV в. до н. э.

Тин 3 «Староживотиное — Семибратние», сер. V — конец IV в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья (3), Среднего Подонья (2) и Прикубанья (1) и оформляющих уздечные принадлежности — бронзовые бляхи (1, 2) и серебряный наносник (3).

Образно-видовые признаки, моделировка, комнозиция, трактовка деталей. Изображен короткоголовый и широкомордый хищник с мощной лобно-теменной частью (семейства кошачьих, возможно, лев). Изображение моделировано в высоком или низком рельефе, в двух случаях (1, 2) с использованием прорезей для моделировки деталей. Хищник изображен в плане, с прямыми параллельно вытянутыми ногами, между которыми заключена голова анфас, без нижней челюсти, с торчащими ушами. Хищник как бы впивается в добычу (в семибратнем изображении он, действительно, терзает другого хищника — 1) либо как бы распластан в жертвенной позе (ср. тему жертвенного медведя в финно-угорском искусстве). Голова подпрямоугольная. Глаза даны относительно натуралистично, овальные, выпуклые в ромбической рамке глазницы. Уши овально-листовидные, с рельефным краем, с имитацией раковины впадиной. Нос образует с бровными дугами единую V-образную рельефную линию, отграничивающую лобную часть; нос и брови гладкие. По сторонам носа рельефными волнистыми полосами обозначены складки кожи. Ноги хищников тонкие, лапы обозначены расширением, заполненным рельефными линиями, обозначающими пальцы, причем в семибратненском изображении пальцы моделированы почти скульптурно.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Морфологическая динамика. Семибратненское изображение (1) представляется первичным в рамках данного типа, староживотиновское (2) и огузское (3) — вторичными. В огузском изображении очевидно и присутствие фракийской стилистики (рифленый декоративный пояс по контуру туловища, который, как уже было сказано, возможно, одновременно имитировал гриву). Все остальные аксессуары шести уздечных гарнитур Огуза (Фиалко, 1995. Рис. 1–10) оформлены во вполне фракийском зооморфно-орнаментальном стиле, однако данное изображение выбивается из общего ряда с точки зрения меньшей декоративности и, как мы видели, отличается композиционно-стилистическим соответствием по отношению к вполне скифским изображениям из Староживотинного и из Семибратних курганов, поэтому мы сочли возможным включить его в рассматриваемый массив изображений как пример скифо-фракийского художественного симбиоза — ср. вывод Е. Е. Фиалко, тщательно изучившей эти гарнитуры, о том, что они «были сделаны фракийскими мастерами по заказу скифов с учетом их вкусов» (Фиалко, 1995. С. 145). Показательно, что в отношении изучаемой протомы данная исследовательница приводит в качестве близкой аналогии изображения из скифо-сибирского звериного стиля — деревянные налобники из 2-го Пазырыкского кургана (Фиалко, 1995. С. 144).

Хронология типа основана на объективной датировке комплексов, содержащих семибратненское изображение (вторая пол. V в. до н. э., возможно, более узко 440–430 гг. до н. э.), и огузской протомы (предельные рамки: 350–310 гг. до н. э.), см. Список опорных хроноиндикаторов. Староживотиновское изображение представляется подражанием изображениям типа семибратненского.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: сер. V — конец IV в. до н. э.

Тин 4 Кужорско-майконский,
нервая — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 6 изображений[1], происходящих с территории Прикубанья и оформляющих бронзовые уздечные принадлежности — щитки псалиев (1, 2, 5), щиток и навершие псалия (6), а также налобники (3, 4)[2].

Образно-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Представлен хищник, относительно короткоголовый, тупомордый и короткоухий (т. е. семейства кошачьих). При этом изображения на налобниках из «Майкопского клада» (3–4) являются частью синтетических композиций: это хищники, перевернутые вниз головой, разделенные и удерживаемые антропоморфным персонажем; туловище хищника и задняя нога при этом превращено в шею и голову птицы, так что, по сути, хищник представлен протомой. Моделировка плоскостная ажурная, контуры деталей обозначены углубленными линиями и прорезями.

Хищник показан в строго профильном ракурсе, с подогнутой укороченной ногой, упирающейся лапой в подбородок, со слабоизогнутой шеей, с преувеличенной головой, продолжающей линию шеи, с открытой пастью, с торчащим ухом. Ухо выделено подтреугольным выступом и на плоскости выполнено в виде двухлепестковой пальметки, в рамках одного из лепестков которой может быть помещена овальная фигура неясного назначения (2), возможно, это имитация ушной раковины. Глаз овальный. Зверь наделен мощным носом и подбородком. Пасть подковообразная, очерченная линией, оконтуривающей затем подбородок. В пасти выделены преувеличенные верхний и нижний клыки, сливающиеся в единую полосу. Остальные зубы имитированы рифленой (1, 3, 4) или гладкой полосой вдоль края пасти (2, 6), в одном случае показаны две пары выступающих в пасть трапециевидных зубов (5). Преувеличенная каплевидная носовая часть хищников завершается спиралевидной ноздрей. Шеи и лопатки хищников зауженные, гладкие. Кожно-шерстная складка вдоль переднего края шеи отграничена углубленной линией.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Хронология типа основана на объективной датировке елизаветинского изображения (третья четв. IV в. до н. э.), см. Список опорных хроноиндикаторов. При этом елизаветинское изображение (5) — очевидно, одно из последних в эволюционном ряду в рамках данного типа: наиболее схематичное и почти полностью лишенное рельефности, с изломанной ногой и слабо различимыми анатомическими деталями, оно, несомненно, является искажающей репликой с таких изображений, как кужорское и из Краснодарского музея (1, 2). Кроме того, хронология Кужорско-майкопского типа основывается на совокупной датировке геральдических изображений львов IV в. до н. э. (Leskov, 2008. P. 194), а также на композиционно-стилистической аналогии полнофигурным изображениям хищников типа I-4-II-1 Кужорский, первой — третьей четв. IV в. до н. э., и типа I-3-A-II-2 Елизаветинско-кужорский, первой — третьей четв. IV в. до н. э. Этому не противоречит объективная датировка пока не опубликованного бронзового псалия с аналогичным изображением из кургана 3 группы Семибратних курганов (390–380 гг. до н. э.)

Таким образом, Кужорско-майкопский тип следует датировать в рамках первой — третьей четв. IV в. до н. э.

Тин 5 Малобудковско-волковецкий,
конец VI — нервая нол. V в. до н. э.

К данному типу относятся 6 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья. Это составляющие одно оригинальное изображение четыре идентичные протомы, оформляющие основание и конец кабаньего клыка (1), а также протомы, помещенные на рукоять костяной ложки (2), на железные рукояти мечей (3–5) и на бронзовый налобник или нащечник (6).

Образно-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Изображен относительно длинноголовый и остромордый хищник с длиннопалыми лапами (медведь?), причем

---

[1] Критериям данного типа также соответствуют пока не опубликованные и потому не включаемые в общий массив изображения на щитках бронзовых псалиев из кургана 1917 г. у станицы Елизаветинской (ГЭ, Ку 1917 1/149; Переводчикова, 1980в. Кат. 53) и из Семибратних курганов, курган 3 (ГЭ, Ку 1917 1/136; Переводчикова, 1980в. Кат. 54).

[2] Одно из изображений (3), помещенное на двух идентичных налобниках (одном целом и одном обломанном), однозначно связано с «Майкопским кладом» (коллекция Массоно). Что касается другого изображения на налобнике (4), ранее данная вещь квалифицировалась как предмет «неизвестного происхождения», причем впервые опубликовавшая ее Е. Ф. Королькова писала о происхождении данной пластины весьма неопределенно, в одном месте она указывала на Северный Кавказ (Королькова, 2001. С. 99), в другом уточняла, что это Прикубанье (Королькова, 2001. С. 100). Недавно эта вещь была переопубликована и атрибутирована как «Карталини» или «Картли», т. е. связана с Картли (Карталинией) — исторической областью в Восточной Грузии (Железный век, 2000. С. 567. Кат. 198. 1), однако тождественность данного предмета с налобниками из «Майкопского клада» (коллекция Массоно) позволяет атрибутировать его аналогично.

как минимум в трех случаях — в малобудковском, одном из волковецких и в аксютинецком изображениях (1, 4, 6) можно различить, что эти лапы пятипалые, что свойственно именно медведю, а не кошачьему или волчьему хищнику, имеющим только четыре развитых пальца на передних лапах. У люботинского, кировского (с. Киров Потавской обл.) и волковецких хищников различимы как минимум три пальца (2, 3, 5).

Изображения на клыке и на налобнике/нащечнике моделированы в высоком рельефе (1, 6), на ложке и мечах — плоскостные с проработкой деталей с помощью врезных линий (2–5).

Зверь показан строго анфас, без нижней челюсти. Морда в плане овальная, резко сужающаяся при переходе в длинный прямоугольный или трапециевидный нос (в аксютинецком изображении морда практически не прослеживается), что соответствует анатомии медведя и волка, но отсутствие длинных ушей во всех изображениях, кроме аксютинецкого (6), делает это животное ближе медведю. По сторонам носа к нему прижаты лапы с рельефными пальцами, вписанные в изгиб морды. То, что это именно пальцы, а не складки верхней челюсти, в малобудковском (1) изображении подтверждается не только горизонтальностью рельефных полос, имитирующих пальцы, но и наличием узкого пространства между ними и мордой; в остальных изображениях пальцы идут не к носу, а вниз и могут одновременно восприниматься как складки верхней челюсти, и в такой трактовке перед нами предстает не медведь, а кошачий хищник (ср. 1 тип «Берестняги — Солоха» фасов голов кошачьих хищников). При этом в кировском изображении (3) пространство между выступами лап/щек под носом заполнено трехлепестковой пальметкой.

Глаза хищников округлые, глазные яблоки — зеницы — оформлены в малобудковском, кировском, волковецких изображениях кольцевидным выступом в резном контуре глазницы, имеют углубление зрачка посередине, в аксютинецком изображении аналогично, но без впадины зрачка и с рельефной глазницей (6), тогда как в люботинском изображении (2) глаза моделированы простыми впадинами. Лобная часть чаще плоская гладкая, в аксютинецком изображении (6) разделена невысоким продольным ребром, продолжающимся далее как разделитель носовой части и лап. Уши вертикальные, полностью вписанные у всех зверей, кроме аксютинецкого, в контур головы, овально-удлиненные, с углублением раковины; в люботинском изображении впадины раковины едва намечены насечками. У аксютинецкого зверя уши заостренные, с четким рельефным краем раковины, вписаны во впадины лобно-теменной части.

Лобно-теменная часть у всех зверей заключена между ушами, она относительно короткая и широкая у всех хищников, кроме аксютинецкого, при этом у малобудковского она покрыта поперечным рифлением (имитация шерсти?), у люботинского, кировского и волковецких — гладкая, отграничена от лба одинарной или двойной врезной дуговидной линией. У аксютинецкого зверя лобно-теменная часть длинная подовальная, по контуру выше ушей обрамлена рифленым валиком: возможно, мастер стремился показать холку зверя, а рифленое обрамление было призвано имитировать шерсть или гриву.

Важная особенность аксютинецкого изображения состоит в том, что оно амбивалентно — одновременно оно является отображением как бы свисающих обособленных конечностей хищника. «Вытянутая морда… как бы упала на передние лапы, переданные рубчиками» (Ильинская, 1968. С. 134).

Аналогии и хронология. Не имея прямых аналогий на территории восточноевропейского скифского звериного стиля, данные изображения соответствуют традиции изображения медведя анфас с лапами, подведенными к морде, характерной для «савроматского» искусства. Ближайшие аналогии ему составляют многочисленные изображения V в. до н. э. с территории Нижнего Поволжья — из Новопривольного, Старицы, курган 51 (Королькова, 2006. Табл. 39, 18–20), из Хошеутова (Očir-Gorjaeva, 2005. Cat. 53–56, 94–95, 210–236), из кургана 5 могильника Кривая Лука (Očir-Gorjaeva, 2005. Abb. 57: 1), где, очевидно, и находились истоки соответствующей иконографической традиции[1]. Малобудковское изображение, несомненно, одно из ранних в этом ряду, поскольку в нем можно четко выявить образно-сюжетную задачу мастера. Также следует учесть, что украшаемый предмет — кабаний клык — относится к серии изделий, датируемых в рамках конца VI — первой пол. V в. до н. э. (Королькова, 2006. С. 121). Именно этим временем и следует датировать малобудковское изображение, а также близкое ему люботинское, в котором еще сохраняется образная точность в реализации головы медведя, хотя трактовка лап уже не столь четко соответствует натуре. Волковецкие и кировкое изображения, менее четкие и находящиеся на грани образов медведя и кошачьего (а возможно, и волчьего) хищника, представляются подражанием изображениям типа малобудковского и люботинского

[1] Этот сюжет впоследствии, в эпоху Великого переселения народов и еще позднее, нашел дальнейшее развитие в Прикамье и на Урале и в Западной Сибири, где мы видим множество аналогичных изображений медведя в жертвенной позе (см., например: Чемякин, 2006. С. 70 сл.).

или их поволжским прототипам, соответственно они не могут датироваться ранее малобудковского, люботинского и хошеутовских.

Что касается аксютинецкого изображения, оно находится на стилистической грани между описываемым типом и рассмотренным выше типом II-A-II-1 «Золотой курган — Макеевка». Представляется, что уплощение объемных протом этого типа (см. Приложение 5, рис. 5: 3, 4) при одновременном воздействии иконографии медведя привело к аксютинецкому изображению как своего рода тупиковому ответвлению в эволюции Малобудковско-волковецкого типа. Этому не противоречит объективная датировка аксютинецкого комплекса (см. Список опорных хроноиндикаторов) первой пол. V в. до н. э. (Ильинская, 1968. С. 27, 75) или более узко — второй четв. V в. до н. э. (Алексеев, 2003. Табл. 26: 6).

Таким образом, можно датировать данный тип в рамках конца VI — первой пол. V в. до н. э. Морфология волковецких и кировского акинаков не противоречит этой датировке.

Тин 6 Александронольский, 340–300 гг. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Нижнего Поднепровья и оформляющее парные золотые нащечники (1).

Образно-видовые признаки, моделировка, композиция, трактовка деталей. Изображен хищник с короткой мордой, тупомордый и короткоухий, с мощной лобно-теменной частью, с гривой, т. е. лев.

Моделировка плоскостная, контуры деталей обозначены углубленными линиями. Хищник показан в плане (мы как бы смотрим на него сверху), с вытянутой вперед единственной укороченной ногой, с изогнутой перпендикулярно туловищу укороченной шеей, с головой, продолжающей линию шеи, с ушами, торчащими в стороны. Это лежащий, припавший к земле лев, искусно вписанный в контур модуля обособленных конечностей хищника: его фигура S-видно изогнута, зад льва занимает место бедра в композиции конечностей хищника, изгиб зада льва совпадает с выступом бедер в указанной позиции; контур передней ноги льва совпадает с контуром передней из обособленных ног в шаге, а головная часть льва заполняет место задней лапы в этом шаге.

Лев показан с трапециевидной головой. Морда и лоб разделены на два симметричных сектора вертикальной полосой, обозначающей нос, расширение этой полосы у края морды образует ноздри, с противоположной стороны полоса раздваивается над глазами, отграничивая лобно-теменную часть. Глаза овальные, в обрамлении линий глазниц. Уши овальные, с полосками краев, ограничивающих раковины. Лобно-теменная часть и загривок заполнены единой сегментовидно-пальметовидной фигурой, состоящей из рельефных полос и имитирующей гриву. Эта фигура отграничена от ушей широкими рифлеными полосками, а от спины — узкой гладкой линией. За границей загривка вдоль спины льва отходят широкие дуговидные полосы — гладкие вперемежку с рифлеными, очевидно, имитирующими шерсть. По периметру и в основании туловище обрамлено аналогичными рифлеными полосами.

Хронология. По объективным показателям александропольское изображение датируется предельно в рамках 340–300 гг. до н. э., см. Список опорных хроноиндикаторов.

3.3. Конечности хищников

3.3.1. Таксономические уровни классификации

Весь массив или категория изображений обособленных конечностей хищных зверей или грифонов был разделен по степени редуцированности на две **сюжетных грунны** — отображение пары ног или одной ноги.

Критерием принадлежности к **грунне** I является наличие в изображении двух голеней/предплечий (в соответствии с тем, какие именно ноги отображаются — задние или передние, что не всегда однозначно определимо) и/или двух лап — даже если изображено единственное бедро/плечо (второе в этом случае остается как бы закрытым от зрителя).

Критерием принадлежности к **грунне** II следует считать наличие в изображении единственной лапы[1].

В рамках каждой из этих групп можно дифференцировать два **сюжетных отдела** по композиционному критерию — взаиморасположению пальцев (т. е. собственно лапы) и остальной части ноги, т. е. по наличию/отсутствию изогнутости лапы по отношению к ноге в целом. Это во многом определяет сюжетное содержание изображения, характер действия подразумеваемого персонажа.

Если воспринимать обособленные конечности как ориентированные вертикально, то изогнутость

[1] Изображения обособленных преувеличенных загнутых когтей (один из которых, как правило, противопоставлен остальным) на уздечных бляхах типа бляхи из Берестняг (курган 4) (Петренко, 1967. Табл. 30: 12) и на окончаниях или щитках S-видных и Г-образных псалиев (см, например: Могилов, 2008. Рис. 72: 1–6, 73: 1–4; Канторович, 2010. С. 302. Рис. 52) из-за отсутствия отображения каких-либо голеней/предплечий и бедер/плеч расцениваются нами как птичьи и рассматриваются в рамках соответствующего образа (см. ниже).

лапы по отношению к остальной части ноги будет означать опору на землю, типичную для пальцеходящих хищников (к которым относятся семейства кошачьих и собачьих, и соответствующий признак резко отличает их от стопоходящих, в частности от семейства медвежьих), т. е. опору той частью стопы, которую образуют фаланги пальцев (рис. 4-а Приложения 5). Это может быть опора полностью (с пальцами, перпендикулярными остальной части ноги) или частично (с пальцами, отходящими наискось вниз, что вполне нормально для пальцеходящих в природе: именно так они опираются — окончаниями лап — при быстром движении). Соответственно отсутствие изогнутости верхней, пястной/плюсневой части лапы по отношению к остальной части ноги (даже при некоторой изогнутости самих пальцев или когтей) означает свисание конечностей вниз при статичном положении передних ног — с прямыми или изогнутыми пальцами, отходящими вниз и продолжающими линию ноги (в природе это возможно при условии опоры на задние ноги). Иначе говоря, дифференцируются изображения обособленных стоящих/идущих ног и «свисающих» ног.

Если же трактовать обособленную конечность (в качестве элемента подразумеваемого полнофигурного изображения) как ориентированную горизонтально и лежащую на земле, следует дифференцировать: изображения горизонтально направленных ног с изогнутыми лапами — **отдел I** — и изображения горизонтально направленных ног с выпрямленными лапами — **отдел II**.

Все эти композиционные схемы встречаются в синхронных полнофигурных изображениях хищников в скифском зверином стиле (см. об этом ниже в связи с проблемой истоков мотива редуцированных конечностей).

В рамках отделов выявляются изобразительные **тины** — в соответствии с критериями, обоснованными в главе I данной работы.

В рамках данной классификации не рассматриваются фрагменты полнофигурных изображений, приобретшие вид редуцированных, — такие как задняя часть туловища хищника, в виде которого выполнена золотая обкладка налучья из Толстой могилы (Черненко 1975. С. 155. Рис. 2: 1)[1]. Также не включены в массив анализируемых изображений те рудименты обособленных ног хищника, на композиционной основе которых в скифском зверином стиле возникли новые образы — «петушков-гиппокампов» и птиц (см. главу 7).

3.3.2. Типология и хронология изображений конечностей хищников

Группа I – отдел I

Тин I-I-1 «Тузла — Бобрица», конец V — начало IV в. до н. э.

К данному типу относятся 7 практически тождественных изображений на бронзовых уздечных бляхах из Прикубанья (1[2]), из Среднего Поднепровья (3, 6, 7), возможно, из Крыма («Крымская коллекция») (4, 5) и идентичная бляха неизвестного происхождения (2). Нижняя часть блях из развеянного кургана у Софиевки (6) и с поселения Барвинкова гора I (7) обломана, но сохранившаяся часть, передающая бедра и верхние части ног, по своим очертаниям, по позиции и трактовке хвоста, по направлению ног в их основании находит себе ближайшие аналогии именно в изображениях типа «Тузла — Бобрица», поэтому данные изображения отнесены к этому типу.

---

[1] Это задняя часть туловища хищника с задними ногами в широком шаге (левая нога впереди, как бы поднята и подведена лапой под брюхо; правая нога как бы опирается сзади о землю). Композиционно-стилистически данное изображение сходно с задней частью полнофигурного изображения грифона на ажурной пластине с того же налучья (Черненко, 1975. С. 155. Рис. 2, 3) и, вероятно, являлось не обособленным самостоятельным изображением, а частью целой фигуры, составленной из нескольких пластин.

[2] В самой первой публикации данная уздечная бляха из некрополя Тузлы (как и остальные анализируемые в нашей работе бляхи с изображениями конечностей хищников, см. ниже) были идентифицированы как предметы из коллекции графа Л. А. Перовского, присланной в Эрмитаж в 1852 г. из кургана «около Керчи» (Древности Боспора, 1854. С. 202). Однако в недавнем издании коллекций Государственного Эрмитажа в качестве источника их происхождения были указаны раскопки К. Бегичевым в 1852 г. Тузлинского некрополя, без указания конкретных комплексов (Scythian art, 1986. Подписи к илл. 275–279). Именно об этих раскопках, очевидно, пишет К. К. Герц, характеризуя раскопанный К. Бегичевым в 1852 г. (по указанию тогдашнего российского министра внутренних дел и министра уделов графа Л. А. Перовского) курган на Тузле с разграбленной гробницей с двумя лошадьми с богатым зооморфно украшенным уздечным набором (Герц, 1898. С. 62–63). Кроме того, в «Древностях Боспора...», очевидно, перепутано количество экземпляров данного типа изображений и изображений из той же коллекции, относящихся к типу «Краснопрекопск — Тузла» (см. ниже), поскольку указано, что блях с изображением, относимым нами к типу «Тузла — Бобрица», насчитывается три экземпляра, а блях типа «Краснопрекопск — Тузла» — один экземпляр (Древности Боспора, 1854. С. 202), тогда как публикация Эрмитажной коллекции говорит об обратном (Scythian art, 1987. Fig. 277, 278). Как известно, еще М. И. Ростовцев предполагал, что в «Древностях Боспора Киммерийского» локализация находок в данном случае ошибочна (Ростовцев, 1925. С. 351), на это же недавно указал Ю. А. Виноградов, однозначно связавший «керченскую коллекцию» графа Перовского с Тузлинским некрополем (Греки и варвары, 2005. С. 251).

Моделировка, композиция, трактовка деталей. Это рельефные изображения сдвоенных задних конечностей в профиль в широком «шаге» при воспроизведении обеих голеней и хвоста, проходящего между ними и упирающегося раздвоенным концом в основания трехпалых лап с загнутыми когтями. Данному типу изображений присуще сочетание четкой проработки пальцев с условностью (геометричность бедра и, в большинстве изображений (1, 2, 4, 5, 7), — превращение надколенного уступа на бедре в завиток). При этом бедро показано очень широким, овальным, переходящим в преувеличенные лапы через короткие, почти атрофированные голени.

Хронология. Основным хроноиндикатором для данного типа может служить бляха из Бобрицы (3)[1], принадлежащая к погребальному комплексу, датируемому на основании античной керамики концом V — началом IV в. до н. э. (Онайко, 1966а. С. 62), а на основании местных изделий (браслет, блюдо, псалий) — не позже рубежа V–IV вв. до н. э. (Петренко, 1967. С. 94). Вероятно, и остальные изображения, практически ндентичные изображению из Бобрицы, должны датироваться тем же временем. Обломанная бляха из Софиевки (6) предположительно может датироваться не позже рубежа V–IV вв. до н. э., а учитывая принадлежность остальных вещей из данного комплекса — предметов вооружения и конского снаряжения (в том числе описываемой бляхи с изображением конечности типа «Ак-Бурун — Острая могила», см. ниже) в целом относиться к V в. до н. э. (Ильинская, 1968а. С. 160, рис. 10).

Таким образом, данный тип в целом датируется концом V — началом IV в. до н. э.

Тин I-I-2 «Краснонереконск — Тузла», вторая нол. V — начало IV в. до н. э.

К данному типу относятся 5 изображений. Среди них: изображения на бронзовых нащечниках из Нижнего Поднепровья (2) и Крыма (3), на бронзовых уздечных бляхах из Прикубанья (1), практически тождественные им изображения на бронзовых уздечных бляхах из коллекции Б-28 Национального музея истории Украины (4)[2] и неизвестного происхождения (5).

Ранее в монографической публикации, посвященной конечностям хищников, в данный тип нами была включена упрощенная реплика с образцов данного типа (Канторович, 2012. С. 24–26. Рис. 3: 6), которая происходит из-за пределов скифской археологической культуры — из памятника «савроматской» культуры в Южном Приуралье: это изображение на бронзовой уздечной бляхе из кургана 28 могильника Филипповка I (Мещеряков, Яблонский, 2007. Рис. 4: 17; Сокровища, 2008. Фото 121; Канторович, Яблонский, 2009. С. 80–81. Рис. 9: 1–2). В настоящей работе она не включается непосредственно в тип, а привлекается как аналогия в силу географической отдаленности от скифской археологической культуры (возможно, это не импорт из зоны скифской культуры, а местное подражание).

Моделировка, композиция, трактовка деталей. Данный тип объединяет изображения рельефных сдвоенных задних/передних конечностей, показанных в профиль при воспроизведении обеих голеней/предплечий и двупалых лап с загнутыми когтями. Можно интерпретировать ноги как вертикально направленные — в узком «шаге» и упирающиеся в землю кончиками, а можно считать их горизонтально ориентированными — лежащими вплотную друг к другу в таком положении, что ближняя к зрителю (левая) нога накрывает дальнюю (правую).

Важной особенностью всех изображений данного типа является частичная зооморфная трансформация конечностей хищника в голову хищной птицы, мощный загнутый клюв которой помещен на плоскости бедра/плеча, а овальный глаз обозначен тремя дуговидными линиями на переднем выступе бедра/плеча. Возможно, данным изображениям, помимо частичной трансформированности, присуща амбивалентность, так как в горизонтальном положении они могут одновременно трактоваться как воспроизведение головы кабана по подобию изображений обособленных голов этого животного на бронзовых уздечных бляхах V в. до н. э. (ср., например, изображение головы кабана из Нимфейского некрополя (Borovka, 1928. Pl. 17E). В таком случае объяснима длинная вертикальная рельефная полоска: это одновременно и хвост, проходящий между ногами кошачьего хищника, и линия рта кабана. При этом волнистые насечки над ногой, непонятные в контексте изображения конечности, находят себе объяснение. Вероятно, эти насечки моделируют складки пасти или зубы кабана, а углубленная линия над центральной полоской, идущая

---

[1] В. Г. Петренко считает, что это налобник (Петренко, 1967. С. 40); существует также мнение, что это нащечная бляха (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989. С. 124).

[2] А. Д. Могилов и С. В. Диденко, опубликовавшие данную коллекцию, вещи которой депаспортизированы, предполагают, что значительная часть предметов происходит из Днепровской Правобережной и Левобережной лесостепи, но не исключают и другие регионы (Могилов, Диденко, 2009. С. 195). Поскольку происходящие из комплексов изображения типа «Красноперекопск — Тузла» связаны только с Нижним Поднепровьем и Прикубаньем, можно допустить, что и остальные изображения данного типа происходят из этих регионов.

к верхнему краю пасти, воспринимается как рудимент клыка, в кабаньих схемах отделяющего носовую часть морды. В таком случае выступающие пальцы ближней к зрителю ноги играют роль пятачка, а вся дальняя нога хищника соответствует обособленной нижней челюсти кабана, типичной для трактовки головы этого животного в скифском зверином стиле (4, 5).

Хронология. Основным хроноиндикатором для данного типа может служить нащечник из Красноперекопска (3), датированный А. А. Щепинским и Е. В. Черепановой в рамках второй пол. V — IV в. до н. э. на основании морфологии псалиев из данного комплекса (Щепинский, Черепанова, 1969. С. 70–71). Вероятно, можно скорректировать дату данного комплекса в сторону удревнения, учитывая находку в том же погребальном комплексе нащечника типа «Ак-Бурун — Острая могила» (см. ниже), поскольку этот нащечник, в свою очередь, почти тождественен бляхе из погр. 1 кургана 11 группы V у с. Подгородное, а подгородненский комплекс датирован по античному импорту концом первой — второй четв. V в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 296. Табл. 26: 15).

Этой дате не противоречит контекст находки в локально близком красноперекопскому первомаевском комплексе изображений на нащечниках (2), почти тождественных красноперекопскому и составляющих единый уздечный комплект с S-видными псалиями с натуралистично трактованными копытами на концах и с относительно натуралистичным налобником с птичьей головой, что отражает тенденции V, а не IV в. до н. э. в скифском зверином стиле. Вместе с тем датировка самого первомаевского комплекса концом VI в. до н. э., предложенная его публикаторами Г. Л. Евдокимовым и М. И. Фридманом, представляется неоправданно заниженной. Это подтверждается наличием в первомаевском комплексе удлиненных граненых ворворок, не известных ранее V в. до н. э. (Ильинская, 1968. С. 135; Петренко, 1967. С. 41), и, особенно, прямых стержневидных двудырчатых псалиев с восьмерковидным расширением, появившихся в V в. до н. э. и более популярных в IV в. до н. э. (Петренко, 1967. С. 37; Савченко, 2009. С. 241–242). Аналогичные псалии присутствуют и в красноперекопском комплексе.

Обращаясь к аналогии из Филипповки, отметим, что это изображение также подвергнуто частичной зооморфной трансформации (глаз и клюв хищной птицы на плоскости бедра/плеча), но лишено вышеописанной амбивалентности (здесь не читается голова кабана), что в сочетании с более схематичной трактовкой лап свидетельствует в пользу вторичности данного изображения по отношению к северопричерноморским и прикубанским изображениям данного типа. Дата погребального комплекса кургана 28 могильника Филипповка I не противоречит вышеприведенным хронологическим рамкам изобразительного типа «Красноперекопск — Тузла», учитывая наличие в том же комплексе железного кинжала с когтевидным навершием и прямым брусковидным перекрестием V в. до н. э., железного кинжала со слегка изогнутым брусковидным навершием и бабочковидным перекрестием конца V — начала IV в. до н. э. и бронзовых наконечников стрел второй пол. V — IV в. до н. э. (Канторович, Яблонский, 2009. С. 80).

Таким образом, данный тип в целом датируется второй пол. V — началом IV в. до н. э.

Тип I-I-3 «Бердянский — Петровка», конец V — сер. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 6 изображений на бронзовых уздечных бляхах из Приазовья и Нижнего Поднепровья (1, 2), а также с территории Среднего Поднепровья (6) и Среднего Подонья (3–5). В отношении блях из Бердянского кургана (1), Малой Рогозянки (6) и Петровки (2) авторы публикаций определяют их роль в уздечном комплекте более конкретно: в Бердянском кургане это нащечники (Чередниченко, Фиалко, 1988. С. 156–157), в Малой Рогозянке — нащечники (Бандуровский, Буйнов, 2000. С. 73), в Петровке — назатыльники, ибо «наличие одной петли… предполагает их крепление на затылочном ремне справа и слева от холки» (Братченко, Швецов, Дубовская, 1989. С. 175).

Моделировка, композиция, трактовка деталей. Данный тип объединяет геометризированные уплощенные изображения сдвоенных задних/передних конечностей в профиль, в узком «шаге», с «жемчужником» из крупных овалов (имитация шерсти?), обрамляющим округлое бедро/плечо с клювовидным завитком вокруг крупного углубления в середине, с прямоугольным изломом в районе пятки при переходе от предплечья/голени к стопе, со «скелетными» ногами и закрученными в кружки однопалыми лапами.

Бердянское (1), петровское (2), рогозянское (6) изображения и изображение из могильника Колбино-I, курган 26 (3) практически тождественны. Очень близко им, хотя и несколько схематизировано, изображение из Русской Тростянки (5) («жемчужник» сглажен, но лапы хищника еще читаются). Наконец, изображение из могильника Колбино-I, курган 29 (4) — искаженная геометризированная реплика с образцов этого рода, практически лишенная зооморфности.

Хронология. Хронологическую привязку основной группы изображений данного типа определяет хорошо обоснованная дата нащечников из Восточ-

ной могилы Бердянского кургана. Восточная могила, как и две другие могилы этой усыпальницы, относится либо к рубежу V–IV вв. до н. э. (Чередниченко, Фиалко, 1988. С. 165), либо к первой трети IV в. до н. э., либо к 370 г. до н. э., либо, наконец, к 380–365 гг. до н. э. (Болтрик, Фиалко, Чередниченко, 1994. С. 154, 155; Болтрик, 2002. С. 65–66; Алексеев, 2003. С. 261–262). Эта дата получена по амфорному материалу и сочетается с комбинированной радиоуглеродной датировкой в рамках 408–370 гг. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 261–262). Дату изображений данного типа подкрепляет и наличие амфоры Менды начала IV в. до н. э. в комплексе из Малой Рогозянки (Бандуровский, Буйнов, 2000. С. 73), а также акинака второй четв. — сер. IV в. до н. э. и железных удил с витым стержнем в комплексе из Петровки (Братченко, Швецов, Дубовская, 1989. С. 171–172, 176). Датировка бляхи из Русской Тростянки концом V — началом IV в. до н. э. (Савченко, 2009. С. 272) вполне соответствует вышесказанному. Тождественную бердянским, петровским, рогозянским бляху из Колбино-I, кургана 26 Е. И. Савченко датировал сер. — третьей четв. IV в. до н. э. (Савченко, 2009. С. 272), но не исключено, что ее следует хронологически сближать с этими бляхами. Наконец, та из колбинских блях (курган 29), которая представляет собой искаженную реплику изображений этого рода, происходит из комплекса, содержащего гераклейскую амфору с клеймом Архестрата, датируемую 90–80-ми гг. IV в. до н. э. (Шевченко, 2009. С. 40. Рис. 31: 10, 11).

Таким образом, данный тип в целом датируется концом V — сер. IV в. до н. э.

Группа I – отдел II

Тин I–II-1 «Нимфей — Аксютинцы», нервая нол. — третья четв. V в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения на бронзовых налобниках или нащечниках из Среднего Поднепровья (1, 3) и на фрагментированной бронзовой уздечной бляхе из Крыма (2).

Моделировка, комнозиция, трактовка деталей. Это изображения сдвоенных, выпрямленных передних конечностей с рельефно проработанными пальцами лап в плане, т. е. в полном развороте к зрителю. Скорее всего, ноги свисают или опираются на землю концами пальцев.

Особенность изображения из Аксютинцев — Стайкина Верха (1) состоит том, что оно одновременно является фасом протомы хищника, описанным нами выше в рамках типа 5 Малобудковско-волковецкий. Это достигнуто посредством отображения рельефных концентрических глаз (на участке расширения бляхи на уровне запястий) и остроконечных ушей с четко выделенной раковиной. С ним сходно изображение из Борзны (3), но оно более схематизировано, как уже указывала В. А. Ильинская (Ильинская, 1968. С. 134), и его двузначность не столь несомненна. Действительно, вместо глаз здесь треугольные впадины (помещенные на том же участке), уши отсутствуют, количество пальцев уменьшилось (по четыре у аксютинецких конечностей, по три у борзнинских). Кроме того, верхняя часть конечностей из Борзны (плечо) передана не фронтально, а в профиль.

К этому типу, вероятно, следует относить и нимфейское изображение на фрагментированной бляхе (2). Хотя верхняя часть бляхи (вероятно, оформленная локтевой и плечевой частью) была обломана и не сохранилась, композиция и стилистическая трактовка оставшейся части (ноги срослись в лапах и сомкнуты в запястьях там, где бляха расширяется; тщательно проработаны длинные пальцы — по четыре на лапе) очень близка рисунку бляхи из Аксютинцев — Стайкина Верха.

Морфологическая динамика и хронология. Изображение из Аксютинцев — Стайкина Верха, вероятно, наиболее раннее в рамках данного типа: соответствующий комплекс по объективным показателям (на основании находки чернолакового килика) датируется первой пол. V в. до н. э. (Ильинская, 1968. С. 27, 75) или более узко — второй четв. V в. до н. э. (Алексеев, 2003. Табл. 26: 6). Вышеуказанная нимфейская гробница датирована Л. Ф. Силантьевой сер. — третьей четв. V в. до н. э. на основании аналогий уздечным принадлежностям (Силантьева, 1959. С. 83), тогда как А. Ю. Алексеев с учетом датировок античного импорта и опять-таки аналогий уздечным принадлежностям, в том числе выполненным в зверином стиле, совокупно датирует Нимфейские курганы в рамках 475–425 гг. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 296). Комплекс из Борзны датируется В. А. Ильинской V в. до н. э. (без дальнейшего уточнения по типам вооружения, узды и украшений) (Ильинская, 1968. С. 78). Возможно, вторичность изображения из Борзны по отношению к изображению из Стайкина Верха, с учетом также датировки нимфейской бляхи позволяет установить для комплекса из Борзны рамки сер. — третьей четв. V в. до н. э.

Таким образом, данный тип в целом, вероятнее всего, датируется первой пол. — третьей четв. V в. до н. э.

Тин I–II-2 «Арциз — Солоха», конец V — третья четв. IV в. до н. э.

Данный тип составляют 9 изображений на конских нащечниках (в одном случае (9) публикаторы определяют предмет обобщенно как уздечную бляху) из серебра (1, 2, 5, 7, 9), золота (3, 4, 8) и бронзы (6), происходящие с территории Нижнего

Поднепровья (3, 4-6, 7, 8[1]), Нижнего Поднестровья (1[2], 2) и Нижнего Подунавья (9).

Моделировка, комнозиция, трактовка деталей, аналогии, морфологическая динамика. Это изображения геометризированных, уплощенных, сдвоенных задних/передних конечностей в профиль с сегментовидным бедром/плечом, слабоизогутыми, как бы «свисающими» лапами, продолжающими направление голеней/предплечий, причем каждая лапа сведена к единственному преувеличенному пальцу с загнутым или закрученным когтем (в одном случае (8) — к двум противонаправленным когтям). Особенностью изображений этого типа является также то, что, за исключением гайманoвского, все они украшают бляхи из драгоценных металлов — золота и серебра.

Большинству изображений данного типа (Арциз (1), Дубоссары (2), Гэвань (9), Гайманова могила (6), Чмырёва могила (8)), помимо традиционно-скифских, присущи также фракийские стилистические элементы, наиболее характерный из которых — ребристый кант (полоса поперечной штриховки) по контуру бедра/лопатки и ног (ср. Berciu, 1969. P. 129. Fig. 90–92).

Некоторые изображения данного типа подвергнуты частичной зооморфной трансформации. Так, когти арцизских конечностей превращены в птичьи головы с каплевидным глазом и коротким мощным загнутым клювом (4). Это превращение — практически единственная черта, существенно отличающая арцизское изображение от фракийских изображений обособленных конечностей на аналогичных бляхах, таких как бляха из Брезово (конец V — начало IV в. до н. э.) (Венедиков, Герасимов, 1973. С. 380. Кат. 263). Нащечник из дубоссарского кургана (2) и сходная с ним бляха из Гэвани (9) также представляются упрощенными репликами изделий типа фракийских блях из Брезово и из Крайовы, причем зооморфные превращения для них не характерны, но в Гэваньском изображении (9) на месте птичьего клюва, помещенного на плоскости бедра крайовских конечностей и конечностей из Солохи (3), остается в качестве атавизма спиральная фигура. Не случайно А. И. Мелюкова относит дубоссарскую бляху «к кругу фракийских или подражающих им украшений», основываясь на таком признаке, как рубчатая разделка поверхности (Мелюкова, 1995. С. 32).

В солохских изображениях выступающий назад короткий хвост животного преобразуется в птичью головку с загнутым клювом и восковицей, либо четко выступающей над клювом (3-1), либо не акцентированной (4). Кроме того, в солохских изображениях на бляхах из уздечного набора коня № 5 (3), как уже было сказано, плоскость бедра заполнена большой головой хищной птицы с крупным округлым выпуклым глазом, плавно переходящим в восковицу (отделенную углубленной линией) с косым боковым краем (передан двумя параллельными углубленными линиями), а восковица, в свою очередь, плавно, без уступа, перетекает в закрученный клюв[3]. Наконец, вся обособленная конечность на солохских нащечниках (3, 4) в горизонтальном ракурсе может восприниматься одновременно как обособленная голова птицы или хищника; роль собственно головной части исполняет бедро с выступом-глазом, роль восковицы или верхней челюсти — передняя нога, роль клюва или нижней челюсти — задняя нога.

В изображении из Толстой могилы (7) характерные для солохских изображений композиционно-стилистические черты упрощаются, что приводит к геометризации и к почти полной утрате зооморфизма, бедро приобретает очертания овала, а не сегмента, ноги сведены к двум параллельным полоскам, разделенным овальной прорезью; хвост также геометризирован и рудиментарен. Пластины нащечников покрыты пунсонными и прорезными полосками, образующими на бедре спираль, вероятно, появившуюся вследствие схематизации клювов или завитков на рассмотренных солохских

---

[1] Из кургана Чмырёва могила происходят золотые и серебряные нащечники коней 1, 8, 10. При этом к уздечке коня 1 относятся «две большие ажурные золотые бляхи в виде ножек, смотрящие в разные стороны» (Браун, 1906. С. 101. Рис. 62), к уздечке коня 8 — «две золотые ажурные тисненые бляхи типа рис. 62 (т. е. типа нащечников коня 1. — *А. К.*), смотрящие в разные стороны» (Браун, 1906. С. 103). В целях большей статистической точности и ввиду того, что данные бляхи из двух различных уздечных комплектов комплексов кургана Чмырёва могила (общее количество — 4 экз.) занимают одинаковую позицию в уздечном комплекте (нащечники), сделаны из одного материала (золото) и практически идентичны по форме, решено учитывать их как одно оригинальное изображение (под номером 8, как 8-1 и 8-2). Под другим номером (5), поскольку отличаются морфологически и сделаны из другого материала, учитываются «две литые серебряные причудливой формы бляшки, с ушком позади», относящиеся к уздечке коня 10 (Браун, 1906. С. 104. Рис. 68).

[2] Сердечно благодарю Е. Ф. Редину (ОАМ) за предоставленную возможность фотосъемки нащечника из Арциза в фондах ОАМ и публикации фотографии.

[3] Оформление лопаточно-плечевой зоны в виде птичьей головы — достаточно распространенное явление в скифском зверином стиле, свойственное полнофигурным изображениям оленя, кабана и хищника и формирующее вариант 7 Отдела I зооморфных превращений в рамках разработанной ранее классификации данных превращений в зверином стиле степной Скифии (см. подробнее: Канторович, 2002б. С. 95–98. Рис. 4: 1, 2).

нащечниках. Сходно выполнено и одно из чмырёвских изображений (8), с той разницей, что спираль на бедре здесь моделирована ребристым кантом (который, продолжаясь, полностью обрамляет конечности), хвост задран вверх, ноги направлены наискось вперед (это намечено уже в одном из солохских изображений), а на месте предполагаемых лап находятся сердцевидные прорези (вероятно, попытка показать парные противонаправленные когти). Кроме того, чмырёвские изображения могут, как и солохские, восприниматься в горизонтальном ракурсе не только как конечности, но и в качестве искаженных головок птицы или хищника.

Гайматовское изображение (6) представляется упрощенной скифской репликой с фракийских изображений конечностей типа блях из Крайовы первой пол. IV в. до н. э. (Berciu, 1969. P. 129. Fig. 90: 2; Венедиков, Герасимов, 1973. С. 384. Кат. 298, 299) — репликой, в которой исчезли усложненные зооморфные элементы фракийских образцов (голова хищника, птичья головка на бедре), и остался лишь общий контур и рифленая окантовка (см. рис. 2 Приложения 5).

Особое место в рамках изображений данного типа занимает другое изображение из Чмырёвой могилы (5). Еще Е. Р. Малкина указывала на вторичность данных нащечников по отношению к произведениям фракийского искусства (Malkina, 1928. Taf. 27, 1, 2, 6). Действительно, чмыревская бляха представляется репликой с нащечников из Крайовы, при особенном сходстве с одним из них (Berciu, 1969. P. 129. Fig. 90: 2). Это сходство, выразившееся не только в почти идентичных очертаниях изображений и в аналогичной форме прорезей между ног и над загнутыми когтями, но и в более специфических деталях, показывает, что подобное крайовскому изображение непосредственно или опосредованно послужило образцом при создании чмырёвского нащечника (рис. 2 Приложения 5). Так, на чмырёвском нащечнике сохраняется изображение головы хищника, помещенное на крайовской бляхе, на месте хвоста в более ранних прообразах (ср. Брезово), причем голова чмырёвского зверя распадается на три элемента (ухо с глазом, ноздря, пасть) в виде рельефных завитков, почти утрачивающих реальные очертания. То же можно сказать и об эволюции изображения четко проработанной большой птичьей головки на плоскости бедра крайовского хищника: на чмырёвской бляхе сохраняется лишь ее подобие — невыразительный глаз и слабые очертания клюва насечками с прорезью в центре завитка; трапециевидная фигура с выемкой в основании, формирующая шею данной птицы на крайовских бляхах, превратилась на чмырёвской бляхе в направленную вниз по линии ноги самостоятельную голову хищного животного с округлым глазом, овальной щекой и подковообразной сомкнутой пастью. Рифленая полоса, облегающая спереди бедро на крайовских бляхах, превратилась на чмырёвской в некое подобие уха с полосками шерсти внутри. Наконец, лапы чмырёвского хищника сохранили контуры лап крайовского, но птичьи головки, в которые они трансформировались, исчезли. Таким образом, чмырёвское изображение — это, скорее всего, скифское подражание фракийскому произведению.

Хронология. Основу датировки изображений данного типа составляют в первую очередь: бляха из Дубоссар (2), в комплексе с которой найдены горловина гераклейской амфоры I типа и ножка фасосской амфоры начала IV в. до н. э., а также аттический чернолаковый канфар конца первой четв. IV в. до н. э. (Chetraru, Serova, 2001. P. 14, 32. Fig. 3, 1, 2, 3); нащечники из бокового погребения Солохи (3, 4), датируемого по чернолаковому килику 400–375 гг. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 261, 296). Описанному выше процессу упрощения и геометризации изображений данного типа из Толстой и Чмырёвой могил (7, 8) вполне соответствуют как совокупная дата северной конской могилы кургана Толстая могила — 350–320 гг. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 264), так и дата Чмырёвой могилы — сер. — третья четв. IV в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 264–265). Вторичность другого чмырёвского изображения (5) и гайматовского изображения (6) по отношению к прототипам из Крайовы не входит в противоречие с вышеуказанной датой как Чмырёвой могилы, так и группы курганов Гайматовой могилы. Гайматовскую группу А. И. Мелюкова датирует в рамках IV в. до н. э. (Мелюкова, 1976. С. 116).

Изображение из Арциза (1) и весь данный комплекс был отнесен авторами публикации ко второй пол. V в. до н. э., по аналогиям другим уздечным принадлежностям из того же комплекса (Алексеева, Охотников, Редина, 1997. С. 53). А. Ю. Алексеев предположил, что данный комплекс датируется сер. — третьей четв. V в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 201). Думается, что несомненное сходство изображения из Арциза с изображениями из Дубоссар и Солохи, с одной стороны, и с фракийскими бляхами из Брезово — с другой, позволяет, оставаясь в рамках хронологического отрезка, установленного И. Л. Алексеевой, С. Б. Охотниковым и Е. Ф. Рединой, допускать дату конца V — начала IV в. до н. э. и, таким образом, считать арцизское изображение самым ранним в рамках данного типа.

Наконец, бляха из Гэвани, в силу ее большого сходство с нащечником из Дубоссар, не может быть датирована позднее IV в. до н. э., несмотря на наличие в гэваньском кладе более поздних предметов,

датируемых III — первой пол. II в. до н. э. (Зайцев, 2007. С. 265).

Таким образом, данный тип в целом датируется концом V — третьей четв. IV в. до н. э.

Группа II – отдел I

Тип II-I-1 «Ак-Бурун — Острая могила», V — третья четв. IV в. до н. э.

Тип составляют 20 изображений на бронзовых уздечных бляхах из Крыма (1, 9), а также из «Крымской коллекции», т. е., возможно, опять-таки из Крыма (17–20), из Нижнего Поднепровья (5, 6, 8, 10, 15), Среднего Поднепровья (3, 11–14), Нижнего Поднестровья (7), Среднего Подонья (4) и Прикубанья (2, 16[1]). В отношении некоторых из этих блях авторы публикаций определяют их роль в уздечном комплекте более конкретно: в комплексах из Красноперекопска (9), Острой могилы (6), Волковцев (11), Никольского (7), Староживотинного (4) и Николаевки (8) это нащечники, в комплексе из Круполя (3) — налобник.

Моделировка, композиция, трактовка деталей. Это изображения конечности хищника, овальное мощное бедро/плечо которого переходит через короткую голень/предплечье под прямым или тупым углом в лапу, которая как бы опирается о горизонтальную основу либо полной плоскостью фаланг, либо окончаниями пальцев, не свисая при этом вертикально. Впрочем, есть отдельные случаи, когда лапа настолько слабо отогнута, что она кажется свисающей (14–16, 20). Возможно, надо рассматривать все эти конечности в ином ракурсе — как горизонтально направленные, с приподнятой лапой. Вдоль заднего края конечности при этом проходит рельефная полоса, отделенная углублением, скорее всего, имитирующая мускулы ноги, причем округлой выпуклостью может быть показан сустав.

Иногда эти изображения трактуются как «медвежья лапа» (Ильинская, 1968. С. 35. Табл. XVII: 11; Ковалева, Мухопад, 1979. С. 112, 114. Рис. 1: 4; 2: 9), но, скорее, мы здесь имеем дело с изображением конечности кошачьего (менее вероятно, волчьего) хищника, поскольку изображаемые лапы никогда не имеют пять однокоренных пальцев почти одинаковой длины (что свойственно в природе именно медведю). Их здесь обычно четыре, а в иных случаях только три или два. Как известно, у хищников семейства кошачьих и семейства собачьих в природе на задних ногах имеется только по четыре пальца[2], а на передних ногах — по пять, но пятый палец рудиментарен, расположен выше остальных и отделен от них, так что следа не оставляет (Ошмарин, Пикунов, 1990. Рис. 35: в, г; 44: в, г; 62).

В рамках данного типа можно выделить 2 варианта изображений:

1) более массовый, с пальцами, трактованными относительно натуралистично — их три (причем один из трех может быть рудиментарным: 1–5, 9, 10, 13–18) или, реже, четыре (11, 12, 20), когти их так или иначе загнуты, но не закручены в кольцо[3];

2) с двумя геометризированными пальцами, преувеличенные когти которых трактованы кружками или овалами (6–8, 19).

В одном случае (Острая могила — 5, 6) изображения обоих вариантов происходят из одного комплекса.

Некоторые изображения данного типа подвергнуты зооморфной трансформации. Во-первых, это оформление лопаточно-плечевой зоны в виде птичьей головы, подобно тому, что мы наблюдали выше в солохских изображениях типа «Арциз — Солоха». Так, бедро/плечо конечности из Ак-Буруна (1) превращено в направленную вверх птичью голову, о чем свидетельствует наличие рельефного концентрического глаза, углубление на краю конечности, имитирующее ноздрю и окончание сглаженной восковицы, и, наконец, рельефное выделение на плоскости бедра/плеча мощного загнутого клюва[4]. Во-вторых, в одном из вариантов изображения конечностей из Острой могилы

---

[1] К данному типу, несомненно, относится еще одно изображение на бронзовой уздечной бляхе из ст. Елизаветинской (также из неизвестного комплекса). Данная бляха хранится в Краснодарском музее (КМ 302/360) и учтена в диссертации Е. В. Переводчиковой (Переводчикова, 1980в. Кат. 112), однако она до сих пор не опубликована, поэтому не представлена в нашей работе и не учитывается в статистике.

[2] У некоторых пород домашних собак задние лапы пятипалые (Жизнь животных, 1971. С. 303).

[3] На сходство крупольского налобника с бляшками из Острой могилы у Ногайска уже указывала В. Г. Петренко, отметив при этом такое отличие крупольских и ногайских блях от более ранних лесостепных изображений ноги хищника, как то, что «в ее оформлении заметно отклонение от первоначальной реалистической схемы — когти лапы похожи на когти хищного зверя и птицы, а край бедра выделен в виде рубчатой полосы» (Петренко, 1978а. С. 46).

[4] У Э. В. Яковенко, впервые опубликовавшей данный уздечный набор из Ак-Буруна, вероятно, возникла догадка о неоднозначности этого изображения, поскольку исследовательница отметила наличие кружка, похожего на глаз, на бедре хищника. Однако остальные вышеупомянутые дополнительные зооморфные элементы, различимые при рассмотрении вещи de visu, не нашли отражение в описании и прорисовке этой бляхи в статье Э. В. Яковенко (Яковенко, 1970. С. 56. Рис. 23: 2). Возможно, изображение из Ак-Буруна в целом амбивалентно, и конечность хищника одновременно представляет кабанью голову (см. подробнее: Канторович, 2002б. С. 109–111. Рис. 7: 5).

(5) и в изображении из с. Никольское (7) на месте традиционной бедренной надколенной выемки, порой акцентируемой геометрической фигурой — кружком (ср. другой вариант изображения конечностей из Острой могилы, а также изображения из Николаевки и из «Крымской коллекции» — 6, 8, 19) расположен крупный округлый глаз хищной птицы, соединенный с восковицей, переходящей уступом в мощный длинный загнутый клюв, идущий по верхнему краю бедра; в результате вся головка играет роль рельефной окантовки бедра (5, 7). На наличие этого дополнительного зооморфного мотива, равно как и на близость данного изображения с акбурунским, уже указывала И. В. Яценко (Яценко, 1956. С. 161). В то же время, при рассмотрении изображений из Острой могилы (5) и из с. Никольское (7) в горизонтальном ракурсе не следует исключать, что птичий глаз одновременно является глазом кабана, причем в таком случае когти на концах конечности имитируют окончание пасти зверя, а восковицу и клюв птицы следует трактовать соответственно как ухо и щеку кабана (ср. трансформацию изображения из Тузлы, см. Приложение 5, рис. 3: 4, 5).

Примечательно, что С. М. Агульников и Е. Н. Савва, опубликовавшие нащечники из Никольского, справедливо обратив внимание на вышеназванные нащечники из Острой могилы как на ближайшую аналогию никольским бляхам, вовсе не расценивают бляхи из Никольского как изображения конечностей хищника и даже не рассматривают их в вертикальном положении. Воспринимая их исключительно в горизонтальном ракурсе, исследователи интерпретируют их как изображения утки, лежащей с поджатыми лапами (Агульников, Савва, 2004. С. 100). Данная трактовка не представляется достаточно обоснованной, и не случайно ее авторы не находят в скифском зверином стиле никаких аналогий этому гипотетическому изображению утки (Агульников, Савва, 2004. С. 223). Симптоматичным представляется здесь то, что усложненность изображения ведет к отсутствию его восприятия исследователями как ног хищника.

Морфологическая дипамика и хропология. Хронология данного типа основывается прежде всего на бляхе из погр. 1 кургана 11 группы V у с. Подгородное (10), датируемого по античному импорту концом первой — второй четв. V в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 296. Табл. 26: 15), и бляхе из кургана 1 раскопок 1886 г. у с. Аксютинцы (12), датируемого началом V в. до н. э. — по чернолаковому килику (Ильинская, 1968. С. 75). По дате подгородненского изображения из погр. 1 кургана 11 группы V логично датировать и красноперекопское изображение, почти тождественное ему. С аксютинецким следует сближать в хронологическом отношении очень сходные с ним изображения из Софиевки (13) и два изображения из «Крымской коллекции» (17, 18), при том что общая дата группы блях, в которую входит бляха из Софиевки, по А. Д. Могилову, — V в. до н. э. (Могилов, 2008. С. 52–53).

Волковецкое изображение (11), с учетом находки в данном комплексе крестовидной бляхи «ольвийского типа», было отнесено В. А. Ильинской к первой пол. V в. до н. э. (Ильинская, 1968. С. 78), чему вполне соответствует наибольшая натуралистичность данного изображения в рамках выделенного типа (оно единственное демонстрирует четыре пальца на лапе, остальные — три или два). Бляху из Староживотинного (4) А. П. Медведев справедливо ставит в один ряд с волковецким и аксютинецким изображениями, исходя из их относительной натуралистичности (Медведев, 2001. С. 8); с волковецким изображением очень сходно и одно из изображений из «Крымской коллекции» (20). Волковецкому морфологически близко акбурунское изображение (1), но наличие в последнем сложных зооморфных превращений, подобных превращениям типа «Краснопрекопск — Тузла», заставляет допускать датировку акбурунского изображения сер. — второй пол. V в. до н. э. Соответственно должны датироваться сходные с акбурунским изображением бляхи из Тузлы (2) и Круполя (3). Дату кургана Круполь В. Г. Петренко определяет по наконечникам стрел как начало IV в. до н. э., с оговоркой, что остальные вещи комплекса бытовали в пределах конца V — начала IV в. до н. э. (Петренко, 1978а. С. 49).

Для Острой могилы, по указанным среднеднепровским аналогиям этим уздечным бляхам, была установлена дата в рамках V в. до н. э. (Яценко, 1956. С. 162). Изображение из Николаевки (8), очень сходное с одним из вариантов изображений из Острой могилы (6), можно датировать тем же временем, равно как и изображение из Никольского (7) и одно из изображений из «Крымской коллекции» (19), имеющие сходные черты с обоими вариантами изображений из Острой могилы (5, 6). Публикаторы комплекса из Никольского предпочли отнести его именно по уздечному комплекту к первой пол. V в. до н. э. (Агульников, Савва, 2004. С. 222–223).

Еще одно подгородненское изображение (15) происходит из другой группы в данном конгломерате курганных групп (группа X, курган 1, погр. 1). Авторы раскопок датировали этот комплекс первой пол. V в. до н. э., причем именно по этой уздечной бляхе на основании ее «реалистичности» и аналогий со Средним Поднепровьем (Ковалева, Мухопад, 1979. С. 114). Как бы то ни было, это изображение представляется наиболее натуралистичным

в ряду морфологически близких ему изображений из Малой Павловской группы (14) и из Елизаветинской (16). Сходные с ним по положению почти свисающей лапы, они, в отличие от подгородненского, лишены сустава (в малопавловском изображении сохранился его схематичный атавизм). К тому же елизаветинская конечность бесформенна, и ее бедренная/лопаточная часть зооморфно трансформирована (16) — превращена в голову некоего синкретического существа (по мнению Е. В. Переводчиковой, это голова грифона, см. Переводчикова, 1984. С. 10. Рис. 4: 4). Это свидетельствует о ее явной вторичности по отношению к изображениям типа подгородненской и тузлинской, что логично для Прикубанья, составляющего периферию распространения данного мотива. Таким образом, если малопавловское изображение может датироваться в рамках V в. до н. э. (скорее, не началом, а сер. — второй пол. этого столетия), то елизаветинское справедливо отнесено Е. В. Переводчиковой к группе памятников IV в. до н. э. Для этой группы, как указывает исследовательница, характерны массивные окончания лап, с отмеченными когтями, никогда не показанными кружками (Переводчикова, 1980в. С. 75).

Таким образом, предельные рамки данного типа определяются как V — третья четв. IV в. до н. э., при этом основной массив изображений относится к V в. до н. э.

Тип II-I-2 «Нимфей — Завадская могила», вторая четв. — вторая пол. V в. до п. э.

К данному типу относятся 9 изображений: на бронзовых уздечных бляхах из Крыма (1, 3, 4), из Нижнего Поднепровья (7), из Среднего Поднепровья (2, 5, 8), из Прикубанья (9) и неизвестного происхождения (6). В отношении некоторых блях авторы публикаций определяют их роль в уздечном комплекте более конкретно: в комплексах из Акташского могильника (3) и I Завадской могилы (7) это нащечники, в комплексе из Берестняг (2) — налобник/наносник.

Модель типа. Данный тип объединяет рельефные изображения задней ноги с облегающим зад хвостом или его рудиментом, с преувеличенным овальным или ромбическим бедром, непосредственно переходящим в гипертрофированную лапу с сильно загнутыми или закрученными в кольца когтями. При этом голень зверя атрофирована (1–6, 8, 9) или вовсе не отображена (7). Пальцы противонаправлены друг другу: либо один из пальцев противопоставлен двум или трем остальным (1, 3, 7–9), либо, если их всего два, они симметричны (4–6). Всё это придает конечности сходство с птичьей ногой (ср. Шкурко, 1975б. С. 104) и заставляет предположить, что здесь представлена специально нога грифона (см. ниже полнофигурное изображение грифона из с. Защита — 5).

Трактовка деталей и морфологическая динамика. Характерная черта большинства изображений данного типа — наличие с внутренней стороны бедра хищника выемки, соответствующей природной надколенной впадине (1–6, 8). В двух случаях (1, 2) в этой выемке помещено дополнительное изображение обращенной вниз птичьей головки, составленной из двух рельефных овалов (образующих глаз и закрученный клюв), причем в изображении из Берестняг (2) отчетливо проработана рельефная восковица, приподнятая над клювом[1].

Одно из нимфейских и акташское изображения конечностей (1, 3), морфологически почти тождественные, одновременно представляют собой голову лося. При их рассмотрении в горизонтальном положении и при сравнении с изображениями лосиных голов в скифском искусстве становится очевидным, что когти конечностей играют роль отходящих назад отростков лосиных рогов, а бедро — роль мощной горбоносой стилизованной головы лося: соответственно выпуклость между бедром и голенью, где в других случаях (4–6) показан завиток хвоста, заполнена лосиным глазом (очевидно, рудимент хвоста, замещенный глазом). Вероятно, изображение из Берестняг (2) также задумывалось как двузначное (здесь читается голова лося с обломанным глазом, ноздря и рот, но фрагментированность лап хищника/рогов лося не позволяет утверждать это однозначно). При этом вышеупомянутые рельефные кружки, образующие птичью голову в выемке бедра изначального образа хищника в нимфейском и берестнягском изображениях, одновременно маркируют ноздрю лося, переходящую в условно очерченный рот в соответствии с характерным мотивом завитка, соединяющего ноздрю и линию рта, свойственным иконографии лосиных головок в скифском зверином стиле V в. до н. э.

В отношении акташских нащечников (3) на указанную амбивалентность «конечность хищника/голова лося» уже обращали внимание С. С. Бессонова и С. А. Скорый. Очень интересно их предположение о том, что восприятие данных изображений менялось в соответствии с их расположением: в вертикальном — «рабочем» — положении (т. е., видимо, при опущенной голове лошади — «лошадь в сборе») это была конечность хищника, в горизонтальном — голова лося (Бессонова, Скорый, 1986. С. 164, 163. Рис. 5).

---

[1] Сердечно благодарю С. В. Диденко (НМИУ) за предоставленную мне возможность детально изучить данное изделие в фондах НМИУ, сфотографировать его и опубликовать фотографию.

Другое нимфейское изображение (из слоя городища) и практически тождественные, но зеркальные по отношению к нему изображения из Переще-пина и неизвестного происхождения (4–6) лишены этой амбивалентности и более натуралистичны в трактовке хвоста (он четко облегает зад и закручивается в завиток), выемка с внутренней стороны бедра ничем не заполнена, бедро при переходе в нижнюю часть ноги отделено от нее поперечной рельефной полоской. Четко разделены два пальца лапы, с рельефной членистой структурой закрученного когтя, соответствующего скорее птичьей, а не звериной анатомии, что опять-таки говорит в пользу трактовки всей конечности в целом как ноги грифона-птицезверя.

Дальнейшей стилизацией схемы нимфейских и акташских конечностей (1, 3) представляется изображение на четырех практически идентичных нащечниках третьей четв. V в. до н. э. из I Завадской могилы (7)[1]. В данном случае бедро приобрело очертания овала, вытянутого уже не по вертикали, а по горизонтали, причем надколенная выемка как таковая исчезла, но ее место маркировано рельефным овалом[2]. Хвост обозначен рельефной полоской, идущей по краю бедра и обрывающейся на краю перемычки, ведущей к лапе, но в то же время бедро имеет, как указывает Б. Н. Мозолевский, «хвостовое оперение в виде широкой семилепестковой пальметки» (Мозолевский, 1980. С. 96). Ажурная лапа настолько широка и пальцы лапы так далеко отстоят друг от друга, что это дало Б. Н. Мозолевскому повод говорить об изображении «четырех тонких стилизованных ног» (Мозолевский, 1980. С. 96). Все же представляется, что перед нами та же единая лапа, подобная описанным выше, но теперь она имеет четыре пальца с когтями, задний из которых противонаправлен передним и четко обособлен, что еще более соответствует анатомии птицы.

Рассмотренные завадские изображения, как представляется, отличаются от других вышеописанных демонстрацией влияния сразу двух конструктивных схем. Во-первых, они являются, как сказано, стилизаторским продолжением изображений, подобных рассмотренным выше нимфейским, и, следовательно, в известной мере наследуют реалистические схемы отображения конечностей в шаге. Во-вторых, несомненно использование в данных изображениях схемы туловища и когтей хищной птицы — ср., например, изображение грифона на бляхе из с. Защита (5).

Влияние данной схемы ощущается, очевидно, и в нимфейских бляхах, что делает правомерным для них нижеследующее определение А. И. Шкурко: «задняя часть туловища кошачьего хищника, оканчивающаяся орлиной лапой» (Шкурко, 1975. С. 104), используемое исследователем для характеристики подобных лесостепных изображений, однако в случае с завадскими нащечниками видна зависимость от птичьих схем и самого изображения бедра, что отчетливо видно при сравнении их с изображениями птиц, терзающих рыбу на обкладке чаш из основной гробницы I Завадской могилы (Мозолевский, 1980. С. 105. Рис. 44: 4, 7, 8). Мысленно обособляя заднюю часть туловища с когтями и хвостом от всей фигуры птицы в целом, мы получаем композицию, очень близкую к изображениям на нащечниках. В таком случае объяснимо и отмеченное Б. Н. Мозолевским их подобие рыбе, поскольку в данных сценах терзания птицей рыбы туловище птицы и фигура рыбы уподоблялись друг другу.

И всё же наличие мощной бедренной части в завадских изображениях, их сходство с остальными, вполне звериными конечностями данного типа позволяет условно относить их к разряду именно конечностей млекопитающих хищников или грифонов, не исключая возможности иного замысла создателя завадских блях — показать конечности птицы.

Также дальнейшим искажающим копированием изображений круга нимфейских и акташских конечностей, ведущим к десемантизации мотива, представляется изображение из «Майкопского клада» (9). Здесь сохранился рудимент птичьей головки на бедре в виде точек и кружка, но сама головка уже не читается, отсутствует и выемка, соответствующая надколенной впадине. Напротив, мастер «перенасытил» изображение дополнительными зооморфными темами — это две схематичные неатрибутируемые вертикальные головки под бедром и под хвостом, упирающиеся в лапы. В результате сама схема конечностей почти не просматривается, и создается впечатление, что прикубанский мастер, подражавший созданным в Крыму схемам типа акташской и нимфейской, не понимал смысла копируемых изображений.

Хронология данного типа основывается прежде всего на дате соответствующих комплексов из Нимфейского некрополя и из I Завадской могилы (1, 7).

---

[1] В целях большей статистической точности и ввиду того, что данные бляхи из двух различных уздечных комплектов (конь №3 и конь № 4) кургана I Завадская могила занимают одинаковую позицию в уздечном комплекте (парные нащечники), сделаны из одного материала (бронза) и практически идентичны по форме, решено учитывать их как одно оригинальное изображение.

[2] Б. Н. Мозолевский обратил внимание на этот рудимент и назвал данную деталь «углубленной скобкой» «посредине передней части крупа», благодаря которой «фигура при беглом взгляде напоминает толстую рыбу» (Мозолевский, 1980. С. 96).

Как уже отмечалось, нимфейский комплекс кургана 1, гробницы 14 (раскопки 1878 г.), из которого происходит и бляха типа «Нимфей — Аксютинцы», датирован Л. Ф. Силантьевой сер. — третьей четв. V в. до н. э. на основании аналогий уздечным принадлежностям (Силантьева, 1959. С. 83), тогда как А. Ю. Алексеевым с учетом датировок античного импорта и опять-таки аналогий уздечным принадлежностям — в рамках 475–425 гг. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 296). Комплекс I Завадской могилы датирован А. Ю. Алексеевым в рамках 450–425 гг. до н. э. — по хиосским амфорам «нового стиля» (Алексеев, 2003. С. 259, 296).

Близкое сходство, почти тождественность блях из кургана 48 Акташского могильника (3) нимфейскому изображению из некрополя (1) позволяет соответственно определять дату акташских изображений (авторы раскопок датируют этот акташский комплекс второй пол. V в. до н. э. — см. Бессонова, Скорый, 1986. С. 165). Изображения из Берестняг и Дмитровки (2, 8) сходны с нимфейским и акташскими по оформлению бедренной части, при этом берестнягское происходит из комплекса, датированного по античной амфоре второй пол. V в. до н. э. (Онайко, 1966а. С. 61–62; Петренко, 1967. С. 93), что вполне укладывается в логику подражания крымским изображениям типа акташских в лесостепном Поднепровье. При этом членистое строение когтей в дмитровском изображении, грацилизация бедренной части, исчезновение хвоста (остался лишь его след в виде выпуклости), очевидно, демонстрируют семантическую динамику в ходе такого подражания — попытку отобразить уже конечность не зверя, а птицы (ср. выше наблюдения о завадских изображениях).

Очевидно, что к одному времени должны относиться почти идентичные изображения из Перещепинского могильника, с территории Нимфейского городища и неизвестного происхождения (4–6). Перещепинская бляха из погр. 1 кургана 22 входит в состав уздечного набора, отнесенного С. В. Махортых к группе уздечных комплектов и соответствующих погребальных комплексов Перещепинского могильника, датируемых по совокупности аналогий различным элементам узды первой пол. — третьей четв. V в. до н. э. (Махортих, 2006. С. 58–60). Бляха с территории Нимфейского городища отнесена В. М. Скудновой «по стилю к началу V в. до н. э.» (Скуднова, 1954. С. 316). В связи с отсутствием амбивалентности и несколько большей натуралистичностью можно допустить несколько более раннюю датировку этих изображений по сравнению с нимфейским изображением из могильника, а также с акташским и завадским изображениями. Вместе с тем большое сходство с ними в остальных деталях свидетельствует о том, что этот хронологический отрыв не должен быть значительным. Исходя из этого, речь в отношении изображений из Перещепинского могильника, с территории Нимфейского городища и неизвестного происхождения может идти о второй четв. — сер. V в. до н. э. Наконец, изображение из «Майкопского клада» (9), представляющее собой результат подражания схемам типа акташской и нимфейской (1, 3), не может быть старше этих изображений, но может быть близким им по времени.

Таким образом, данный тип в целом датируется второй четв. — второй пол. V в. до н. э.

Тип II-I-3 «Первомаевка — Николаевка», V–IV вв. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения конечностей хищника на окончаниях металлических S-видных псалиев с копытом на противоположной стороне из Нижнего Поднепровья (1), Среднего Поднепровья (3) и Нижнего Поднестровья (2). К этому типу следует относить также изображение 4 (на конце железного псалия из кургана 7 группы Русская Тростянка на Среднем Дону); на противоположном конце этого псалия опять-таки прослеживается изображение копыта, хотя и крайне примитивное[1].

Моделировка, композиция, трактовка деталей. Описываемый тип объединяет изображения лап хищника с четырьмя (2), пятью (1, 3) и даже шестью (4) пальцами. Последнее противоречит натуре и обусловлено, очевидно, десемантизацией (фитоморфизацией?) изображения (см. крайне схематичное копыто на другом конце псалиев с описываемыми изображениями). Показанные в плане, эти лапы в то же время находятся под прямым (1, 3, 2) или тупым углом (4) к стержню псалия, занимающему позицию/играющему роль предплечья/голени, что позволяет говорить об изогнутости ноги в целом. Именно эта композиционная деталь заставляет отделять изображения данного типа от характеризуемых ниже изображений типа «Ак-Бурун — Корнеевка», представляющих ноги с аналогичными лапами, но выпрямленные. Пальцы показаны рельефно, причем более профилированы они на первомаевских и николаевских псалиях (1, 2), тогда как на псалиях

[1] А. И. Пузикова характеризует этот псалий как С-видный (Пузикова, 2001. С. 130), тогда как А. Д. Могилов относит его к типу прямых, двудырчатых, стержневых (тип II. 5. 2. 11 по классификации А. Д. Могилова) (Могилов, 2008. С. 39). Для нас важно то, что концы данного псалия, как специально отмечает А. И. Пузикова, «изогнуты, раскованы и украшены на внешней стороне продольными насечками, образующими растопыренную лапу» (Пузикова, 2001. С. 130).

из Скифской могилы и Русской Тростянки (3, 4) они плоские, и вся лапа весьма условна и геометрична (трапециевидна). Николаевские лапы также геометричны (подквадратные), тогда как изображение из Первомаевки в этой части ближе к натуре.

На территории Степной и Лесостепной Скифии, в Прикубанье и в Центральном Предкавказье известен целый ряд псалиев конца VI — IV вв. до н. э., окончания или щитки которых оформлены в виде когтистой лапы с четырьмя, а позднее тремя пальцами, однако эти лапы справедливо трактуются большинством исследователей скорее не как лапы хищного зверя, а как птичьи (и одновременно в ряде случаев — как перевернутые оленьи рога), а псалии в целом — как ноги птицы (Переводчикова, 1994. С. 163; Полидович, 2004а. С. 152–156, 159–160. Рис. 6–8; Канторович, Эрлих, 2006. С. 66–68, 89–90). Не учитываются в данной работе и случаи преобразования всего псалия в фигуру хищника или грифона, с оформлением одного конца в виде головы, другого — в виде конечности этого персонажа, поскольку по сути это не pars pro toto, а полнофигурное изображение.

Хропология трех из четырех изображений данного типа определяется морфологией S-видных псалиев, типичных для V в. до н. э. Дата псалиев из Николаевки (2) (Treasures, 2006. P. 199), кроме того, проверяется датировкой вышеописанного нащечника из того же комплекса, относящегося к типу «Ак-Бурун — Острая могила». Для Боковой гробницы Скифской могилы (3), близкой по времени Центральной гробнице этого кургана, авторы раскопок указывают более узкую датировку: вторая пол. V в. до н. э., определяемую в первую очередь фрагментами хиосских амфор из Центральной гробницы. С. А. Скорый и Я. Хохоровский делают при этом оговорку, что данные уздечные комплекты как таковые датируются в рамках всего V в. до н. э. (Скорый, Хохоровски, 2005–2009. С. 272, 273). Дата предметов, сопутствующих псалиям в комплексе из Первомаевки (1), не противоречит этим хронологическим рамкам: наконечники копий датируются публикаторами концом V — первой пол. IV в. до н. э., сами же псалии Г. Л. Евдокимов и М. И. Фридман, не находя им прямых аналогий, «по технике и стилю исполнения» датируют VI–V вв. до н. э., наиболее вероятным считая хронологический отрезок второй пол. — конца V в. до н. э. (Евдокимов, Фридман, 1987. С. 113–114).

Очевидно, тиражирование такого рода псалиев и попытка подражать им на Среднем Дону стали причиной появления в этом регионе псалия из кургана 7 группы Русская Тростянка (Пузикова, 2001. Рис. 10: 6). Этот погребальный комплекс, с учетом присутствия в нем конского налобника с крючком (Пузикова, 2001. Рис. 10: 3)[1] не может датироваться ранее IV в. до н. э., что вполне соответствует схематичности и примитивности далекого от реальности изображения лапы хищника на конце псалия, равно как и копыта на другом его конце.

Таким образом, можно считать, что реализация изобразительного типа «Первомаевка — Николаевка» связана в основном с V в. до н. э., тогда как в IV в. до н. э. эта стилистическая линия дает лишь схематичные повторы.

Группа II – отдел II

Тип II-II-1 «Ак-Бурун — Корпеевка», V–IV вв. до н. э.

25 изображений этого типа оформляют бронзовые уздечные бляхи с территории Крыма (1, 12, 21–25), Среднего Поднепровья (6–8, 10, 13, 14–18), Нижнего Поднепровья и Приазовья (3, 4, 11, 20), Среднего Подонья (2, 19), а также неизвестного происхождения (5). В отношении некоторых из этих блях (из Ак-Буруна (1), Колбина (2, 19), Корнеевки (3), Круполя (10), Малой Цимбалки (20) и Бердянского кургана (11)) авторы публикаций определяют их роль в уздечном комплекте более конкретно: это нащечники.

Кроме того, к данному типу следует относить изображение, оформляющее золотую одежную нашивную бляшку (9) из Песочинского могильника (курган 32) в лесостепном Левобережье Днепра.

Моделировка, композиция, трактовка деталей. Судя по позиции лапы, в изображениях данного типа представлены передние конечности. Лапа, продолжающая линию основной части ноги, показана всегда в плане, с пятью вытянутыми пальцами, причем пальцы эти примерно одной длины или же крайний (крайние) несколько укорочен, но ни в коем случае не обособлен от остальных, как можно было бы ожидать при отображении передней лапы кошачьего или волчьего хищника (см. выше об этих природных параметрах). Эта конечность более всего соответствует параметрам пятипалой медвежьей лапы (А) (Жизнь животных, 1971. С. 322–323) или кисти руки человека. Изначально лапа морфологически близка к натуре или овальная, позднее укорачивается и расширяется, становясь подпрямоугольной или, в одном случае, напротив, крайне удлиняется, становясь трапециевидной (Колбино, курган 3) (19). Но особенно значительно геометризация проявляется в крупольском изображении (10), в котором пальцы неразличимы: они слились

[1] Об этой категории вещей, в том числе о ее датировке на Дону см. подробнее: Канторович, 2007б. С. 74–77; 2007в. С. 252–274.

в единый овальный конгломерат (остались лишь неглубокие желобки между пальцами).

Плечо в отдельных изображениях этого типа передано в профиль (1, 2, 20, 24), в большинстве же случаев показано в плане. Предплечье укорочено по сравнению с плечом и лапой, а в ряде изображений обозначено короткой перемычкой, соединяющей плечо и лапу (13–17). Плечо и лапа моделированы в более ранних изображениях данного типа в высоком рельефе, кости запястья могут быть выделены горизонтальным бугорком на предплечье (1, 3, 4, 5, 7, 8, 20), затем становятся плоскостными, а запястье либо исчезает, либо превращается в декоративный валик (11, 19). Плечо изначально вытянуто по вертикали и имеет овальные очертания (или сегментовидные — в изображениях, где оно дано в профиль: Ак-Бурун (1), Колбино, курган 14 (2), Корнеевка (3), Солоха (4), Аксютинцы (6), Стеблев (7), Хитцы (8), Малая Цимбалка (20), «Крымская коллекция» (21–25)), а позднее может превратиться в горизонтальный сегмент (Тавель (12), Журовка (13), Кошеватое (14), Пастырское–Галущино (15)), причем края этого сегмента могут загнуться и слиться с верхним краем лапы, образуя отверстия (Резино (18)). В одном случае (Бердянский курган (11)) плечо слито с предплечьем. Плечо в более ранних изображениях может обрамляться жемчужником из крупных овалов (Корнеевка (3), Солоха (4), Аксютинцы (6), Стеблев (7), Хитцы (8 Бердянский курган (11), Малая Цимбалка (20), «Крымская коллекция» (21–25)), в более поздних изображениях это обрамление отсутствует.

Существенная особенность песочинского изображения (9) состоит в том, что в плечо хищника вписана перевернутая человеческая (?) личина анфас, подробное описание которой приводит Л. И. Бабенко (Бабенко, 2005. С. 135–136). Соответственно у данной бляшки выявляется дополнительная линия аналогий, на которые указал Л. И. Бабенко, — золотые бляшки с личинами хищников из Журовки (курган 397), Дуровки (курган 1), Чертомлыка и Дарьевки (Бабенко, 2005. С. 168–170), однако какое-либо отображение лапы хищника на этих бляшках отсутствует (ср. Петренко, 1967. Табл. 19: 41–47, 59; Пузикова, 2001. С. 211. Рис. 9: 3).

Отметим, что Е. И. Савченко трактует изображение из кургана 14 могильника Колбино (2) не как конечность хищника, а как правую руку человека, интерпретируя бедренную/плечевую часть как кисть с изогнутыми указательным и большим пальцами (Савченко, 2009. С. 273). Однако в таком случае большой палец оказывается самым длинным, и, кроме того, остается анатомически необъяснимой противоположная часть бляхи, поскольку вместо пальцев хищника исследователь усматривает здесь «рельефные горизонтальные полоски с желобками между ними» (Савченко, 2009. С. 273). Поэтому представляется, что данную бляху, с учетом ее сходства с остальными изображениями типа «Ак-Бурун — Корнеевка», надо все же рассматривать в обратном ракурсе и трактовать как конечность хищника. При этом нельзя также исключать антропоморфизацию данного мотива в процессе подражания местными среднедонскими мастерами, равно как и возможную двузначность колбинского изображения.

Опять же как антропоморфное трактует Е. И. Савченко другое изображение из могильника Колбино (курган 3) (19), на этот раз усматривая здесь полную фигуру человека анфас и трактуя выступы в верхней части как раскинутые в стороны руки. При этом аналогий данному мотиву при такой интерпретации не обнаруживается (Савченко, 2009. С. 273). Думается, что в контексте данной типологии все-таки надо рассматривать композиционную основу этого изображения как конечность хищника, подвергшуюся дополнительному декорированию и, возможно, антропоморфизации.

Хропология. К V в. до н. э., несомненно, относится изображение на акбурунской бляхе (1), происходящей из того же уздечного набора, что и рассмотренная выше бляха типа «Ак-Бурун — Острая могила». К ранней группе в рамках данного типа относятся парные бляхи из конской могилы, сопровождающей основное погребение Солохи (4), датируемое 420/410–400 гг. до н. э. по серебряному килику и уздечным принадлежностям (Алексеев, 2003. С. 259–261, 296). Практически идентичные солохским парные бляхи из Корнеевки (3) происходят из комплекса, датируемого либо сер. — третьей четв. V в. до н. э. по вооружению и узде (именно к этой дате и склоняются публикаторы), либо концом V — первой четв. IV в. до н. э. по клейменым гераклейским амфорам (Ковалев, Полин, 1991. С. 50–51). Думается, что вторая дата более реалистична, учитывая и указанное сходство корнеевских блях с солохскими. Морфологически близки солохским и корнеевским нижеследующие изображения: из Аксютинцев (6), датируемое сер. V в. до н. э. по античному чернолаковому килику (Ильинская, 1968. С. 76–77) или третьей четв. V в. до н. э. (Алексеев, 2003. Табл. 26: 10); из Хитцов (8), происходящее из комплекса, датируемого сер. — второй пол. V в. до н. э. по уздечным принадлежностям, включая саму эту бляху (Ильинская, 1968. С. 78–79) или третьей четв. V в. до н. э. (Алексеев, 2003. Табл. 26: 9); из Стеблева (7), датируемое в рамках V в. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989. С. 202); из Малой Цимбалки (20), комплекс которой датируется по стрелам 450–420 гг. до н. э. (Алексеев, 1995. С. 58). К более поздней хронологической группе в рамках данного типа

относятся нижеследующие изображения: из кургана Круполь (10), датируемого в пределах конца V — начала IV в. до н. э. (Петренко, 1978а. С. 49); из кургана 3 могильника Колбино (19), комплекс которого датируется первыми десятилетиями IV в. до н. э. по античной амфоре из Гераклеи (Савченко, 2009. С. 273); сходное с колбинским изображение из интернет-каталога "Ancient touch" (5), которое можно соответственно датировать в рамках конца V — первой пол. IV в. до н. э.; из кургана 14 могильника Колбино (2), датируемого сер. — третьей четв. IV в. до н. э. по наконечникам стрел и котлу (Савченко, 2009. С. 273); из Бердянского кургана (11), датируемого первой третью IV в. до н. э. или 370-ми гг. до н. э., либо 380–365 гг. до н. э. (об основаниях датировки Бердянского кургана см. выше) (Алексеев, 2003. С. 261–262); из погребения у Кошеватого (14), датируемого рубежом V–IV или IV в. до н. э. по стрелам и бляшкам от конской сбруи (Петренко, 1967. Табл. 30: 3); из кургана 2 Пастырского-Галущина (15–17), дата которого по золотым бляшкам определяется как IV–III вв. до н. э. (Петренко, 1967. С. 96). Журовское изображение (13), сходное с кошеватовским (14) и пастырскими (15–17), может датироваться соответственно в рамках IV в. до н. э. Сходно, во всяком случае, не ранее IV в. до н. э., можно датировать и бляху из Резино, геометризированную и практически утратившую облик лапы хищника. Эту дату предлагает и А. Д. Могилов (Могилов, 2008. С. 45)[1]. Не вызывает возражений предложенная Л. И. Бабенко датировка бляшки (9) из Песочинского кургана № 32 (на основании аналогий другим изделиям из данного комплекса) второй — третьей четв. IV в. до н. э. (Бабенко, 2005. С. 168–170), тем более учитывая наличие в том же комплексе золотых бляшек с изображением оленя (Бабенко, 2005. Рис. 31: 5), которое можно относить к Завадско-акмечетскому типу изображений оленя в поздней вариации на основании близкого сходства этих бляшек с золотыми бляшками из боковой могилы Солохи, оформленными в виде фигуры оленя этого типа (см. Манцевич, 1987. Кат. 46; Канторович, 1996. Рис. 2: 10, 11). Тавельская бляха (12), происходящая из могильника II в. до н. э. — I в. н.э., была переиспользована как амулет и датируется О. Д. Дашевской «не позже IV в. до н. э.» (Дашевская, 1991. С. 24, 40, 52); см. об анахронизмах такого рода в позднескифских погребальных комплексах: Храпунов, Стоянова, Канторович, 2021.

Таким образом, хронологический диапазон данного типа охватывает V–IV вв. до н. э.

Тип II-II-2 «Журовка — Аксютинцы», V — сер. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 29 изображений, которые оформляют бронзовые уздечные бляхи с территории Среднего Поднепровья (1–8, 10–12, 14–19, 29[2]), Нижнего Поднепровья (20), Нижнего Поднестровья (13), Крыма (21, 22, 25–27), Нижнего Подунавья (23), Прикубанья (24), Центрального Предкавказья (9[3]) и из Центральной Европы (28[4]).

Моделировка, композиция, трактовка деталей. Данный тип включает рельефные изображения лапы медведя (ср. лапу медведя в природе — А) и/или кисти руки человека в плане без предплечья. Лапы/кисти имеют подовальные, подпрямоугольные или трапециевидные очертания, а арцизское изображение (13) трапециевидное и уподоблено перевернутой пальметке. При этом четко выделяются две разновидности[5]: 1) преобладает конечность с пальцами одной длины, или же с более короткими пальцами по обеим сторонам — скорее, медвежья (1–14, 16, 19, 22–29); 2) реже встречается

---

[1] На указанной странице А. Д. Могилов ошибочно описывает изображение из Резино (Рис. 10: 18) как известную подковообразную бляху с лежащим сверху хищником из кургана Журовка Г (Могилов, 2008. С. 45). Очевидно, бляхе из Резино соответствует описание двумя строками выше, ошибочно соотнесенное с рис. 92: 17, на котором, в свою очередь, отображена одна из блях из Пастырского, урочище Галущино, курган 2 (ср. в том же издании правильный перечень рисунков: Могилов, 2008. С. 188).

[2] По поводу изображений из кургана у р. Удай у с. Крячковка (17, 18) отмечу, что, строго говоря, в описании данного комплекса не упомянуты никакие другие элементы конского снаряжения, причем автор публикации именует данные бляхи пряжками и отмечает, что они располагались к северу от панциря погребенного (Сидоренко, 1964. С. 194). Тем не менее А. Д. Могилов, составивший наиболее полную на сегодняшний день сводку уздечных принадлежностей Лесостепи Поднепровья и Подонья скифского времени, не сомневается в том, что бляхи из Крячковки — уздечные (Могилов, 2008. С. 56). Мы также примем это предположение, основываясь на типологическом сходстве с уздечными бляхами, несущими изображения данного типа.

[3] Этим изображениям аналогично изображение на бронзовой уздечной бляхе из могильника Заманкул в Осетии. Я благодарен В. Е. Маслову, любезно обратившему мое внимание на это изделие, хранящееся в СОГОМИАЛ (инвентарный номер КМСО 10422/5). Однако поскольку данная бляха пока не опубликована, она не воспроизводится в нашей работе и не учитывается в общей статистике.

[4] Как было указано А. И. Мелюковой, бляха, обнаруженная в знаменитом гальштатском погребении в пещере Бычья скала, — единственное изображение такого рода за пределами скифской культуры Восточной Европы (Мелюкова, 2006. С. 33. Рис. 5, 15).

[5] В данном случае, ввиду большого сходства изображений, выделяются не варианты, а разновидности.

конечность с четко выделенным укороченным большим пальцем, это уже нечто среднее между лапой медведя и кистью левой (15, 17, 18, 20) или правой (21) руки человека.

Аналогии и хропология. Ближайшую аналогию изображениям 1-й разновидности данного типа составляет изображения из зоны «савроматской» культуры из кургана 51 у с. Старица в Нижнем Поволжье (Ан: А). Кроме того, из зоны собственно скифской культуры (из степного Подонцовья и из Центрального Предкавказья) происходит ряд аналогий 2-й разновидности данного типа — это изображения правой или левой руки человека. Ранее в монографической публикации, посвященной конечностям хищников, эти изображения были условно включены нами в данный тип (Канторович, 2012. С. 42–44. Рис. 11: 15–17, 20–22), но теперь принято решение вывести их за пределы этого типа в силу откровенной антропоморфности данных изображений, в ряде случаев воспроизводящих даже ногти (Ан: Б–3).

Хронология 1-й разновидности данного типа определяется датировкой комплексов: из кургана 398 Журовки (1) — первой пол. V в. до н. э., по совокупности аналогий (бляха со свернувшимся хищником, керамика) (Петренко, 1967. С. 93); из кургана 4 Берестняг (11), датируемого второй пол. V в. до н. э. по античной керамике (килик, лекиф) (Онайко, 1966а. С. 61–62; Петренко, 1967. С. 93). Морфологически близкие вышеперечисленным изображения 1-й разновидности из Перещепина (13), Кыйлова (8), Новоселок (12) и из района Кавказских Минеральных вод (9) должны датироваться в рамках V в. до н. э. (ср. Могилов, 2008. С. 58). Выше уже обосновывалась дата погр. 13 из кургана у г. Арциз — вторая пол. (конец?) или сер. — третья четв. V в. н.э. Погребение в пещере Бычья скала по наконечникам стрел и другим материалам датируется рубежом VI–V вв. до н. э. (Мелюкова, 2006. С. 33). Комплекс центральной могилы Михайловского кургана 1, к которой относится погребение коня и уздечный комплект с пятью бляхами в виде медвежьей лапы (29), датируется публикаторами по амфоре из тризны концом VI — началом V в. до н. э. (Могилов, Ляшко, Руденко, 2021. С. 73). Как представляется, сами эти бляхи, с учетом их значительного сходства с вышеуказанными журовскими (1), могут датироваться не ранее начала V в. до н. э.

Комплексы нижнедунайского могильника Чилик-дере, содержащие целую группу скифских изделий, включающую в том числе и рассматриваемые бляхи (23) с изображением конечности хищника, датируются Г. Симионом по античной керамике совокупно третьей четв. V в. до н. э. — IV в. до н. э. и однозначно интерпретируются как следствие вторжения скифской воинской группы и пребывания скифского населения в зоне фракийской культуры (Simion, 2003. P. 250, 257. Fig. 6).

Что касается изображений 2-й разновидности, то курган 2 урочища «Стайкин Верх» в Аксютинцах, как уже отмечалось, датируется на основании античного импорта первой пол. или второй четв. V в. до н. э. (Ильинская, 1968. С. 27, 75; Алексеев, 2003. Табл. 26: 6). Курган у с. Крячковка (17–18) на р. Удай В. А. Ильинская датировала сер. — второй пол. V в. до н. э. как раз на основании сходства блях из этого кургана с вышеупомянутой бляхой из кургана 4 у с. Берестняги (Ильинская, 1968. С. 78–79). При этом в качестве независимого хроноиндикатора для блях из Крячковки может выступать набор стрел, представленный в публикации данного кургана (Сидоренко, 1964. Рис. 3). Дата этих наконечников согласуется с датировкой, предложенной В. А. Ильинской, поскольку, на наш взгляд, крячковские стрелы соответствуют стандартам III хронологической группы (вторая пол. V — начало IV в. до н. э.) по классификации А. И. Мелюковой, к которой сама А. И. Мелюкова отнесла и стрелы из кургана 4 у с. Берестняги (Мелюкова, 1964. С. 23–25. Табл. 8). Этим датам не противоречит датировка комплекса кургана 1 группы Частые курганы II на Нижнем Дону V началом IV в. до н. э. его публикаторами В. Е. Максименко, В. В. Ключниковым и С. В. Гуркиным (Максименко и др., 2001. С. 222), представляющаяся вполне обоснованной с точки зрения типов наконечников стрел и акинака из этого комплекса[1].

Комплексы из Нартанского второго могильника, курган 1 и из ст. Ассиновской, курган 3, откуда происходят аналогии 2-й разновидности изучаемого типа (Ан: Д, Е), датируются не ранее конца V в. до н. э. по уздечным принадлежностям

---

[1] Вместе с тем трудно согласиться с предположением В. Е. Максименко, В. В. Ключникова и С. В. Гуркина о том, что данный предмет является «бронзовой деталью ручки деревянного котла» (Максименко и др., 2001. С. 222), поскольку такой котел здесь не найден и, насколько нам известно, какие-либо аналогии такого рода деталям отсутствуют. Вместе с тем в этом же комплексе в разрозненном состоянии обнаружены предметы конского снаряжения, в частности четыре бронзовые бляхи с головой хищника (вероятно, наременные оголовные бляхи), фрагмент железного двудырчатого псалия и обломок еще одного железного псалия со свинцовой головой хищника на конце, бронзовый налобник в виде головы и шеи ушастого зверя, бронзовая ворворка и бронзовая зооморфная бляха с композицией из трех голов (Максименко и др., 2001. С. 221–222, 224. Рис. 4). Всё это, в сочетании с наличием близких аналогий в рамках массива уздечных блях с изображениями типа «Журовка — Аксютинцы» позволяет предполагать, что и в Частых курганах мы имеем дело с наременной уздечной бляхой.

(Бурков, Маслов, 2007. С. 298). В недавней работе В. Е. Маслов предложил датировать всю серию центральнокавказских блях в виде человеческой руки, включая аналогичные нартанской и ассиновской бляхам бляху из района Кавказских Минеральных вод, находящуюся в частной коллекции, а также вышупомянутую неопубликованную бляху из Заманкула, концом V — сер. IV в. до н. э., исходя из морфологии других уздечных принадлежностей из соответствующего комплекса Нартанского второго могильника (Маслов, 2011). Такая датировка вполне правомерна. Вероятно, более ранними с точки зрения стилистического развития в рамках 2-й разновидности являются именно лесостепные поднепровские бляхи, очень близкие то ли зооморфным, то ли антропоморфным бляхам 1-й разновидности, тогда как натуралистичные и «утонченные», отчетливо антропоморфные северокавказские изображения появились на их основе в ходе заимствования уздечных комплектов через посредство скифской культуры, связывавшей Приднепровье и Северный Кавказ, и соответственно бляхи из Центрального Предкавказья — более поздние. Возможно, дальнейшая антропоморфизация, наметившаяся уже в искусстве Поднепровья — в аксютинецком изображении (отображение ногтей), стимулировалась в таких нижнеднепровских изображениях, как шевченковское (Ан: 3-1, 3-2) влиянием античного антропоморфизма, а в Центральном Предкавказье — объективно существовавшей там самостоятельной традицией изображения отдельной человеческой руки с четко обособляемыми пальцами на пряжках или подвесках кобанской культуры (см., например, пряжки/подвески первой пол. I тыс. до н. э. из могильников Кабардино-Балкарии и Северной Осетии: Доманский, 1984. Кат. 167, 168).

Таким образом, хронологический диапазон данного типа охватывает V — сер. IV в. до н. э.

Тип II-II-3 «Солоха — Чертомлык», конец V — IV в. до н. э.

Тип включает 38 изображений. Многочисленные уздечные бляхи с изображениями данного типа происходят из погребальных комплексов Среднего Поднепровья (11, 12, 16–24), Нижнего Поднепровья (1–6, 25, 32–34), Нижнего Придунавья (31), Подонцовья (8, 9), Среднего Подонья (10), Крыма (7, 26, 27, 35–38), Прикубанья (30). Также к данному типу в качестве декоративных периферийных реплик (оставлена лишь бедренная/плечевая часть, зооморфность уступает место растительному мотиву) можно отнести изображения из Нижнего Поднестровья (13) и с территории Фракии (31). Есть и бляхи неизвестного происхождения (14, 15), в том числе из «Майкопского клада» (28, 29)[1].

В основном эти бляхи бронзовые, в одном случае (23) бляха золотая. В отдельных случаях (Солоха (1, 2), Чертомлык (3), Бабина могила (4), Петровка (8), Дубовой (10), Днепрорудный (25), Старый Мерчик (18), Гайманова могила, тризна и центральная гробница № 2 (33), Братолюбовский курган (34)) исследователям удавалось конкретизировать место блях в уздечном комплекте: это нащечники. Бляха из погр. 1 кургана 29 на Гаймановом поле (6) располагалась «на затылке слева» (Тереножкин, Ильинская, Мозолевский, 1977. С. 153). Парные бляхи из кургана Беш-Оба IV/2 (26) в уздечном комплекте коня 2 найдены «в области таза», в уздечном комплекте коня 3 (27) — «у коленного сустава правой ноги», но автор подчеркивает: «Расположение бронзовых блях свидетельствует, что некоторые ременные части узды могли быть сняты (разорваны?) и положены отдельно» (Колтухов, 2007. С. 196).

Моделировка, композиция, трактовка деталей. Данный морфологический тип отличают крайняя схематизированность и стабильная рельефная моделировка. Некоторые из этих изображений трактуются исследователями как «медвежья лапа» (Братченко, Швецов, Дубовская, 1989. С. 175), но вряд ли такая определенность оправданна (могли подразумеваться и конечности кошачьих хищников), тем более что зооморфность в изображениях этого типа фактически вытеснена декоративностью. На всех этих нащечниках показана практически одна и та же изобразительная схема (с очень незначительными вариациями). Представлено округлое бедро/плечо с рельефной спиралью на плоскости, обрамленное широкой полоской с крупным рифлением. Бедро/плечо переходит в невнятный конгломерат ноги, состоящей из двух или трех рельефных линий и завершающейся трехлепестковым выступом. Всё это придает данным конечностям вид цветков. На плоскости бедра/плеча неизменно рельефно

[1] Как уже не раз отмечалось, термин «Майкопский клад», введенный М. И. Ростовцевым, условен, поскольку не доказано, что эти разнообразные древности относятся к определенному скифскому кладу или погребению на Кубани. Их с равным основанием можно считать происходящими из разных комплексов, причем находившихся не только на Кубани, но и под Никополем (Фаркаш, 1992. С. 199, 200). Не случайно А. М. Лесков, полностью опубликовавший музейные коллекции, составляющие «Майкопский клад», предполагает, что данные бляхи (№№ 38, 263 по каталогу А. М. Лескова) происходят скорее не с территории Прикубанья, а с территории Северного Причерноморья, где сосредоточена основная масса изображений данного типа (Leskov, 2008. P. 37, 193).

показана спираль, бедро/плечо обрамлено широкой полоской с крупным рифлением, на передней части бедра/плеча — выемка наподобие птичьего клюва.

Хропология данного типа определяется датировкой следующих комплексов: из конских могил при впускном погребении Солохи (1, 2) — 400–375 гг. до н. э., по чернолаковому килику (Алексеев, 2003. С. 261, 296); из Братолюбовского кургана (34) (см. Список опорных хроноиндикаторов) — первой пол. IV в. до н. э.; из насыпи, крепиды и южной конской могилы Чертомлыка (3), датируемого в целом в рамках 350–300, возможно, 330–300 гг. до н. э. (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991. С. 130–131; Алексеев, 2003. С. 267–269); из скопления конской упряжи во рву Бабиной могилы (4) — третьей четв. IV в. до н. э., по античной керамике (Мозолевский, Полин, 2005. С. 321–324); из Петровки (8) — по акинаку второй четв. — сер. IV в. до н. э. и железным удилам с витым стержнем (Братченко, Швецов, Дубовская, 1989. С. 171–172); из погребения у Кошеватого (11) — рубежом V–IV вв. до н. э. или IV в. до н. э., по стрелам и бляшкам от конской сбруи (Петренко, 1967. Табл. 30: 3); из кургана 1/1897–1898 гг. Волковцев (21–24) — второй пол. IV в. до н. э., по чернолаковому килику (Ильинская, 1968. С. 79); из Старого Мерчика, курган 3 (18) — первой пол. IV в. до н. э., по амфоре типа Солоха-1 (Бандуровский, Буйнов, 2000. С. 74); из Беш-Обы (26, 27) — третьей четв. IV в. до н. э., по морфологии амфор (Колтухов, 2007. С. 198); из кургана Карагодеуашх (30), дата которого установлена как первая пол. IV в. до н. э., причем конское захоронение в нем (помещение 3б), к которому относятся бронзовые бляхи с изображением данного типа, было совершено одним из первых в ряду последовательных погребений в гробнице этого кургана (Каменецкий, 2010. С. 484). Выше уже обосновывалась дата погр. 13 из кургана у г. Арциз (13) — конец V в. до н. э. Это изображение, как и изображение из Луковит (31) — единственные выбивающиеся из общего ряда по такому признаку, как преувеличенный жемчужник-обрамление и отсутствие четко выраженной голени/предплечья и лапы (в луковитском изображении они заменены пальметоидной фигурой). Дата клада из Луковит определяется его публикаторами как вторая пол. IV в. до н. э. (Венедиков, Герасимов, 1973. С. 381, 382).

Думается, что все остальные изображения данного типа, абсолютно стандартные, должны датироваться в соответствии с приведенными хронологическими реперами в рамках IV в. до н. э. По мнению А. Ю. Алексеева, В. Ю. Мурзина и Р. Ролле бляхи этого типа в целом тяготеют к первой пол. — сер. IV в. до н. э. (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991. С. 86), но, как мы видели, такие изделия есть и в комплексах второй пол. IV в. до н. э. О. Д. Дашевская, опубликовавшая Беляусский могильник, датируемый в целом II в. до н. э. — I в. н.э., специально подчеркивает, что бляха с изображением рассматриваемого нами типа должна датироваться «не позже IV в. до н. э.» и была переиспользована как амулет (Дашевская, 1991. С. 25, 40, 55).

Таким образом, общие хронологические рамки типа: конец V — IV в. до н. э.

Тип II-II-4 «Барвипкова гора — Алексапдровка», V — сер. IV в. до п. э.

К данному типу относятся 2 изображения, оформляющие бронзовые уздечные бляхи с территории Среднего Поднепровья (1) и, возможно, из Крыма («Крымская коллекция», у села Александровка, Белогорского района) (2).

Моделировка, композиция, трактовка деталей. Данный тип составляют рельефные изображения четырехпалой лапы хищника (как известно, 4 пальца свойственны кошачьим хищникам) в плане без предплечья. Лапы имеют трапециевидные очертания, четко выделены тонкие рельефные пальцы с треугольными утолщениями когтей. Пальцы соединены тремя перепонками кожи с овальными выступами у основания когтей.

Анализ изображения из Крымской коллекции (2) привел С. А. Скорого и Р. В. Зимовца к предположению «о существовании отдельной группы изображений лап хищных фантастических животных» (Скорый, Зимовец, 2014. С. 126). Такая интерпретация возможна, но не следует исключать и трактовку данных лап как конечностей кошачьего хищника.

Аналогии и хропология. Ближайшую аналогию изображениям данного типа составляют изображения вышеописанного типа II-II-2 «Журовка — Аксютинцы», очень сходные по контуру, но отличающиеся пятипалостью, что, как уже говорилось, соответствует анатомии медведя и руки человека в плане без предплечья. Возможно, лапы типа «Барвинкова гора — Александровка» являются дериватом типа II-II-2 «Журовка — Аксютинцы», V — сер. IV в. до н. э., и соответственно в тех же рамках (при отсутствии других надежных хроноиндикаторов) может определяться хронология типа «Барвинкова гора — Александровка».

Краткие итоги систематизации изображений хищников

Нами выявлено и систематизировано 660 оригинальных изображений животных, наделенных указанными в главе I признаками скифского звериного стиля и природными признаками отряда хищные (*Carnivora*), семейств кошачьи (*Felidae*),

волчьи или псовые (*Canidae*) и медвежьи (*Ursidae*). Эти изображения образуют 110 морфологических типов и в совокупности присутствуют во всех субрегионах восточноевропейского скифского звериного стиля на всем протяжении его функционирования.

Мегаобраз хищника реализуется полнофигурно (263 изображения, т. е. 39,8% от всего массива изображений хищника; они распределяются по 63 типам) и, чаще, редуцированно — протома, голова, конечности (397 изображений, соответственно 60,2%; они образуют 47 типов). Таким образом, редуцированные изображения, будучи многочисленнее полнофигурных, образуют меньшее количество морфологических типов, т. е. более стандартизированы.

Господствующими сюжетными направлениями в полнофигурной реализации образа хищника являются сюжеты лежащего хищника и стоящего/идущего хищника. Сюжет полулежащего/полустоящего хищника имеет маргинальный характер.

В свою очередь, основными тенденциями отображения лежащего хищника, концентрирующими относительно большое количество оригинальных изображений, являются три иконографические линии, или канона, в совокупности охватывающие все зоны скифской археологической культуры. Во-первых, это припавшее к земле животное с прямым туловищем, с головой прямо и ногами впередред рода *Panthera* (леопард *Panthera tigris*? львица *Panthera leo*?). Этот тип связан в основном с эпохой «скифской архаики» (VII–VI вв. до н. э.), лишь единичные изображения датируются эпохой «скифской классики» (V–IV вв. до н. э.), причем самым ее началом. Во-вторых и в-третьих, это два стадиально последовательных иконографических канона, составляющие основные тенденции композиционно-сюжетной линии свернувшегося в кольцо хищника — одного из основных маркеров скифо-сибирского звериного стиля: хищник семейства кошачьих, компактно скомпонованный и лаконичный в деталях (характерный преимущественно для эпохи «скифской архаики», но завершающий свое существование уже в эпоху «скифской классики», в первой половине V в. до н. э.), а также хищник семейства волчьих, в более свободной анатомической компоновке, с большей детализацией и с частыми зооморфными превращениями (распространен в основном в период «скифской классики») (см. Приложение 5, рис. 1–4).

В рамках сюжета стоящего/идущего хищника базовыми иконографическими тенденциями, концентрирующими наибольшее число оригинальных изображений, являются: во-первых, канон знаменитой Келермесской пантеры, представляющий кошачьего хищника — львицу и/или леопарда, немного присевшего и приготовившегося к прыжку (характерен для большинства зон скифской археологической культуры, ограничен эпохой «скифской архаики»); во-вторых, канон медведя в характерной для него природной позе кормления (мордой в землю) на мощных прямых ногах, с опорой на полную стопу (преимущественно среднедонской тип изображений с проявлениями во всех остальных регионах скифской археологической культуры, ограничен эпохой «скифской классики»). Остальные типы стоящего/идущего хищника в большинстве связаны не столько со скифо-сибирскими корнями, сколько с влиянием греческой и греко-персидской стилистики.

Основной массив редуцированных изображений хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле связан с мотивом обособленной головы (209 изображений, 29 типов), в меньшей мере — с мотивом обособленных конечностей (157 изображений, 12 типов), еще менее значительна доля протом (31 изображение, 6 типов).

В рамках мотива обособленной головы, показанной в профильном ракурсе, наиболее массовым и распространенным во всех зонах восточноевропейского скифского звериного стиля является тип, представляющий преимущественно волка, чьи голова и шея оформляют подвески из кабаньего клыка и их бронзовые имитации, а также колчанные крючки/застежки пояса. Этот тип датируется в рамках конца VI — начала III в. до н. э., т. е. преимущественно в период «скифской классики». Для ракурса головы анфас господствующей и достаточно широко распространенной является иконографическая тенденция отображения голов львов и иных кошачьих хищников со скрытой от зрителя нижней челюстью — как бы маска хищника (ареал: Среднее и Нижнее Поднепровье, Прикубанье и Крым). Этот канон ограничен рубежом VI–V — IV в. до н. э., т. е. опять-таки эпохой «скифской классики». Наконец, среди изображений голов хищника, рассчитанных на круговой обзор, наиболее массовым является определенный морфологический тип, отображающий волка: этот тип широко распространен (Нижнее Подонье, Крым, Центральное Предкавказье, Прикубанье и Среднее Поднепровье), но хронологически ограничен (V — начало IV в. до н. э.), а его иконографическое ядро связано с Северным Кавказом.

Мотив обособленных конечностей хищника (кошачьего, волчьего, медведя, а в некоторых случаях, возможно, грифона) реализуется в период скифской «классики» V–IV вв. до н. э., при этом не исключено датирование отдельных изображений, с одной стороны, концом VI в. до н. э., с другой — началом III в. до н. э. Данные изображения

преимущественно оформляют элементы конского убора, а именно наременных блях, в том числе нащечников, гораздо реже — налобников/наносников. Картографирование продемонстрировало, что, за редкими исключениями, памятники, из которых они происходят, находятся в рамках скифской археологической культуры на территории Лесостепного Поднепровья и Подонья, степного Северного Причерноморья и, в меньшей мере, Северного Кавказа. Все композиционные схемы, задействованные при передаче обособленных ног хищника, встречаются в синхронных и несколько более ранних полнофигурных изображениях хищников в скифском зверином стиле. Основная тенденция эволюции этого мотива состоит в переходе от подражания соответствующим элементам синхронных полнофигурных изображений и от сочетания элементов натурализма с имманентными для скифского звериного стиля принципами зооморфных превращений — к схематизации и геометризации, к полному отрыву от параллельно развивающегося мотива фигуры хищника, и, в конечном счете, к утрате всякой зооморфной основы или же к созданию изображений, находящихся на грани зооморфности и антропоморфности (кисть руки, сходная с медвежьей лапой). В результате десемантизации во второй половине IV в. до н. э. мотив обособленных конечностей хищника часто становится композиционной основой для реализации иных мотивов — синкретических «петушков»-гиппокампов и фигур птиц и хищников.

Подробной характеристике истоков и направлений реализации мегаобраза хищника посвящена глава VII (§ 2).

Глава III

Образы копытных животных: классификация, типология и хронология изображений

III.1. ОБРАЗ ОЛЕНЯ

§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений

Образ оленя в восточноевропейском скифском зверином стиле реализован в изображениях, наделенных вышеназванными общестилевыми признаками, а также объективными морфологическими признаками надотряда копытные (*Ungulata*), отряда парнокопытные (*Artiodactyla*), семейства оленевые (*Cervidae*) и вида благородного оленя (*Cervus elaphus*), которому, в частности, присущи относительно узкая морда и специфические рога (стержень с отходящими вверх отростками, которыми этот стержень может полностью замещаться, либо ветвь с отростками, отходящими от нее вверх и вниз и иногда образующими пучок на ее конце). С небольшим отличием в трактовке завершающего пучка рогов в скифском искусстве воспроизводится относящийся к тому же семейству оленевые (*Cervidae*) самец другого вида — лани (*Cervus dama*), конечные отростки рогов которого в природе слиты в лопатовидный конгломерат, что вполне могло быть передано в скифском искусстве с помощью пучка дуговидных отростков. Представляется возможным не выделять специально образ лани в скифском искусстве и относить единичные изображения оленеподобных копытных с рогами лани к образу оленя. Природное сходство благородных оленей и ланей[1] могло обусловить их семантическое отождествление скифскими мастерами и уподобление ланей оленям, поскольку непосредственно лань в природе скифы теоретически могли наблюдать только в Южной Европе, Передней Азии и Северо-Западной Африке, ибо вторичный завоз лани в Европу, вызвавший ее широкое распространение в этой зоне (включая Северное Причерноморье), состоялся не ранее, чем 2000 лет тому назад (Жизнь животных, 1971. С. 455).

Тема оленя/лани в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется как в полнофигурном, так и в редуцированном отображении (протома, голова, рога).

§ 2. Полнофигурные изображения оленей

2.1. Таксопомические уровпи классификации

Основу классифицирования полнофигурных изображений оленя составляют три универсальных таксономических уровня:

1. ***По позиции ног относительно оси туловища*** полнофигурные изображения оленя разделяются на три ***сюжетных группы***[2]:

группа I — нижние части ног (по крайней мере, одна передняя и одна задняя) параллельны оси туловища как минимум ниже сгиба запястья (передняя нога)[3] и сустава заплюсны или пятки (задняя нога): это **лежащие олепи**;

групна II — ноги животного полностью или как минимум ниже сгибов запястья (передняя нога) и сустава заплюсны или пятки (задняя нога) находятся под прямым или близким к прямому углом к продольной оси туловища. Это изображения **олепей стоящих или идущих**. Двойное название сюжетной группы вызвано тем, что в скифском искусстве не всегда возможно четко дифференцировать положение статичное (однозначно диагностируемое

---

[1] Примечательно, что биологи относят благородного оленя и лань к единому подсемейству — «настоящих оленей», входящему в семейство оленевые, тогда как лось и северный олень формируют отдельные подсемейства в указанном семействе.

[2] Ср. классификацию Н. Л. Членовой, разделившей весь массив полнофигурных изображений оленей в скифо-сибирском зверином стиле на группу оленей с подогнутыми ногами и группу стоящих оленей (Членова, 1962. С. 167).

[3] Поскольку занястье у оленей длиннее занястья кошачьих и волчьих хищников, сгибание ноги под острым углом между занястьем и локтевой костью уже означает лежащее положение оленя, по крайней мере, в его передней части.

лишь при строго профильном ракурсе) и положение в шаге, в движении;

группа III — положение одной (как правило, задней) пары ног оленя соответствует первой из вышеназванных сюжетных групп оленей, положение другой пары ног — второй группе: это **полулежащие-полустоящие олени**[1].

2. ***По позиции головы относительно туловища*** каждая сюжетная группа разделяется на два сюжетных ***отдела***:

отдел I — изображения оленей с головой, однонаправленной с туловищем (голова показана либо прямо и горизонтально, либо поднята, либо опущена);

отдел II — изображения оленей с повернутой головой (либо назад, либо вполоборота, либо анфас и т. д.).

3. ***По менее значимым композиционным показателям, а также с учетом образно-стилистических признаков*** каждый сюжетный отдел разделяется на изобразительные (сюжетно-стилистические) типы.

В силу композиционного разнообразия трактовки оленей некоторые таксоны сюжетных групп до разделения по сюжетным отделам дифференцируются дополнительно по индивидуальным классификационным уровням.

В частности, в рамках I **группы** изображения лежащего оленя дополнительно дифференцируются по взаимоположению передних и задних ног на 2 сюжетные ***подгруппы***:

подгруппа I-1 — олени с подогнутыми под туловище передними и задними ногами;

подгруппа I-2 — олени с подогнутыми под туловище задними ногами и направленной вперед одной или двумя передними ногами.

В рамках II и III групп такое деление на данный момент нецелесообразно из-за малой вариативности взаимоположения ног.

[1] Частный случай в рамках данной сюжетной группы составляют изображения оленей, у которых по крайней мере одна передняя и одна задняя нога даны по схеме спокойно лежащего оленя, но при этом другая передняя или другая задняя нога, либо обе этих ноги согнуты в колене и поставлены на копыто соответственно перед грудью и за крупом. Такие изображения в собственно скифском зверином стиле достаточно редки и связаны более с греко-скифским искусством, со сценами нападения хищника на оленя, в которых художник стремился показать терзаемого оленя то ли пытающимся привстать (после того как на него, лежащего, набросился хищник), то ли, что менее вероятно, рухнувшим на живот с двумя подломленными ногами и двумя согнутыми (после того как он, стоящий, был атакован).

2.2. Типология и хронология полнофигурных изображений оленя

Группа I – подгруппа 1 – отдел I

Тип I-1-I-1 Келермесско-кульобский, VII — начало IV в. до н. э.

К данному типу (разделяющемуся на 3 варианта — о принципах деления см. ниже) относятся 37 изображений, происходящих с территории Прикубанья (вариант 1: 2–10, 19; вариант 3: 6, 7, 9–11, 14, 15), Ставрополья (вариант 1: 12), Среднего Поднепровья (вариант 1: 11; вариант 2: 1–3; вариант 3: 12, 13)[2], Нижнего Поднепровья (вариант 1: 1, вариант 2: 11–14), Крыма (вариант 1: 17, 18), Подолии (вариант 3: 8), Нижнего Подонья (вариант 1: 13–16) и неизвестного происхождения, скорее всего, с территории Поднепровья (вариант 3: 5). Это фигуры, оформляющие самые разнообразные предметы: лопасти золотой обкладки ножен меча (вариант 1: 1, 2), золотую обкладку горита (вариант 1: 3), золотой наконечник (вариант 1: 4), золотую обкладку уздечного фалара (вариант 1: 5), золотую бляху щита или горита (вариант 1: 6, 18), бронзовые навершия (вариант 1: 7, 8, вариант 3: 13), золотые нашивные бляшки (вариант 1: 9–11, 17, вариант 2: 1–3), бронзовые рукояти зеркал (вариант 3: 1–12, 14, 15), костяные пластины-накладки (вариант 1: 12–16), роговой скипетр (вариант 1: 19)[3].

Модель типа. Данный тип объединяет изображения взрослого оленя-самца с длинными рогами (у отдельных фигур рога частично утрачены (вариант 1: 5, 13, 14, 19)). Моделировка в одностороннем высоком рельефе (вариант 1: 1–3, 5, 6, 9–12) или объемно, но в расчете на боковой обзор (вариант 1: 4, 7, 8, вариант 3: 1–15), на костяной Кон-

[2] Возможно, к данному типу относится еще одно изображение из лесостепного Поднепровья — обломок керамической литейной формы с Бельского городища (Шрамко, 1987. Рис. 57: 1), насколько можно судить по сохранившейся части формы с передними отростками рогов. Однако сильная фрагментированность формы не позволяет включать это изображение в наш массив источников и учитывать в общей статистике.

[3] Сердечно благодарю авторов публикации за предоставленную возможность ознакомиться с неопубликованными фотографиями деталей данного предмета, не вошедшими в его публикацию.

На поверхности скипетра из Дыша присутствуют еще два изображения копытных, одно из которых публикаторы этого комплекса трактуют как фигуру горного козла (данная фигура рассматривается нами ниже в соответствующем разделе), а другую фигуру идентифицируют как лошадиную (Маслов, Гей, Андреева, 2020. С. 312). Фигура лошади может также трактоваться и как фигура молодого безрогого оленя или оленихи, но в любом случае значительные утраты не позволяют идентифицировать позу этого животного, соответственно оно в нашей работе не учитывается.

стантиновской пластине и на роговом скипетре из Дыша — гравировкой на плоскости (вариант 1: 13–16, 19). Фигуры строго профильные, исключая оленя на Кульобской бляхе (вариант 1: 18), у которого показаны фрагменты дальних от зрителя ног, как бы выступающих из-за ближних к зрителю — копыто левой передней и голень и верх ступни левой задней ноги. Изображение так или иначе имеет очертания перевернутой трапеции с тремя горизонтальными осями: ног (линия короткого основания трапеции), туловища (средняя ось) и рогов (линия длинного основания трапеции); боковые стороны трапеции образованы осью шеи, переходящей в линию головы, и линией нижней части задней ноги, переходящей в линию крупа; за пределы этого контура могут выходить передние ноги в сгибе запястья. Рога чаще всего замыкают этот контур, опираясь на круп оленя, но они могут быть на конце приподняты; во всяком случае, рога параллельны спине и доходят до конца фигуры. Ноги размещены внахлест, так что нижняя часть передней ноги животного лежит на задней, доходя концом копыта до сгиба заплюсны, тогда как задняя нога доходит концом копыта до сгиба запястья, подпирая его. Шея вытянута вперед и направлена наискось вверх, или, реже, немного приподнята; голова продолжает линию шеи (или, реже, находится под небольшим углом к ее оси, но в любом случае линия нижнего края шеи плавно переходит в линию нижней части морды). Ухо горизонтальное, заполняет пространство между рогами и туловищем (исключения — константиновские изображения, в верхнем из которых ухо торчит (вариант 1: 13), а в нижних не прослеживается (вариант 1: 14–16)). Спина оленя в той или иной мере прогнута.

Рога преувеличены, образуют горизонтальную композицию, составленную из наклонных S-видных, C-видных или сигмовидных отростков, отходящих от единой ветви или же плотно прижатых друг к другу (в последнем случае ветвь как бы подразумевается). В соответствии с утрированной анатомией благородного оленя, они разделены над глазом на отходящие вперед «глазные» отростки (один или два, в одном случае (вариант 1: 2) — три) и основную часть, насчитывающую от трех до семи отростков, отходящих назад наискось вверх или горизонтально; последний из этих отростков часто акцентирован — преувеличен, раздвоен или зооморфно трансформирован. Исключение составляют два верхних изображения Константиновской пластины, в которых при наличии передних отростков задние почти не сохранились вследствие утрат и дефектов самой пластины (различимы лишь нижние части завитков рогов) (вариант 1: 13–16), а также изображение из Гладковщины (вариант 3: 13), в котором передний отросток намеренно не показан.

Глаз концентрический, чаще округлый (см. характеристику вариантов типа). Ухо тонкое удлиненное (обычно листовидное или асимметрично-ромбическое, лишь в константиновском изображении (вариант 1: 13) — треугольное), как правило, со впадиной раковины.

Шея трапециевидная, переходит в рельефную преувеличенную овальную/полуовальную/сегментовидную лопаточно-плечевую зону. Переход от бедра к колену акцентирован впадиной. Бедренная часть полуовальная рельефная с выемкой/выступом, обозначающим колено. Лопатка и бедро могут быть акцентированы с помощью контраста между их гладкой поверхностью и заштрихованной поверхностью шеи и туловища (19). Копыта преувеличенные. Хвост короткий, загнутый вниз.

Келермесско-кульобский тип разделяется на три варианта, различающиеся в композиционном отношении, а также особенностями моделировки и трактовкой некоторых деталей.

1-й вариапт (1–19)

Данный вариант предполагает более динамичное, нежели в остальных вариантах, изображение оленя, обусловленное позицией шеи, как правило, вытянутой наискось вверх и напряженной, что может подчеркиваться продольным членением шеи на плоскости, акцентирующим мускулы (1, 2, 6, 17, 18), а также неизменной прогнутостью спины. Изображениям варианта 1, исключая плоскостные константиновские фигуры и фрагментированную фигуру из Дыша (13–16, 19), присуще отображение кожно-шерстной складки под шеей с помощью уступа или рельефной линии, которая может быть зарифлена (18). Четыре изображения данного варианта — костромское, нимфейское, одно из константиновских и кульобское (6, 13, 17, 18) — несут на себе дополнительные изображения. У верхнего, наиболее крупного, и, очевидно, главного из константиновских изображений (13) — это акцентирующие шею и круп резные «киммерийские розетки», а также заполняющая пространство туловища (имитация ребер?) широкая полоса с поперечной насечкой. У нимфейского (17), костромского (6) и кульобского оленей (18) — это зооморфные мотивы: превращение последнего отростка рога в птичью головку (17) или в голову и шею барана (18), превращение хвоста в голову «скифского грифона» — ушастой хищной птицы (18); наложение фигур собаки, льва, зайца и грифона соответственно на шейную складку, лопатку, живот и круп у кульобского оленя (18)[1], трактовка копыт как птичьих голов (6, 18).

[1] Дополнительные изображения на туловище, рогах и хвосте кульобского оленя, как было показано исследователями, выполнены в греческом стиле или в греко-фракийском стиле, практически без элементов скифской тра-

Глаз оленей 1-го варианта округлый концентрический, как правило, без слезника (исключение — заведомо более поздние изображения: нимфейское и кульобское). Ноздря и рот могут быть более или менее четко ограничены рельефными контурами — округлым или овальным для ноздри, каплевидным для рта (1–11, 17, 18), или могут сливаться в лотосовидную фигуру (1, 2), могут быть обозначены двумя впадинами-кружками (14, 15), могут составлять единую впадину (13, 16, 19), могут сливаться в петлевидно-клювовидную фигуру (12). Иногда в ранних изображениях под нижней губой обозначается рельефный выступ, симметричный ноздре, что приводит к образованию лотосовидной фигуры (келермесское изображение на мече, 2; костромское изображение, 6); со временем этот выступ гипертрофируется (кульобское изображение, 18). Для оленей на мельгуновском и келермесском мечах (1, 2) характерно также отображение бровной складки в виде двух выпуклых дуговидных полосок со смыкающимися концами[1]. На костромской бляхе (6) эта складка отображена с помощью валика, который, возможно, уже моделирует не столько складку, сколько корень рогов. В ухе в единичных случаях акцентирована шерсть с помощью косого рифления (1, 19).

У оленей данного варианта чаще показано более одного переднего «глазного» отростка рогов — обычно два, один под другим (очевидно, отростки обеих ветвей рогов, в нарушение строго профильной схемы) (1, 4, 7–12, 17, 18), реже один (3, 13, 15, 16, 19), а в келермесском изображении на мече, явно созданном нескифским мастером, их три (2). У некоторых оленей 1-го варианта с помощью гладкой рельефной линии имитирован корень рогов (6, 7, 8, 18).

Особенным по структуре рогов на фоне остальных изображений данного варианта и всего типа является олень на навершии из станицы Губской (7), детально охарактеризованный В. И. Марковиным (Марковин, 1971). Его рога древовидны (ср. также рога оленя из Дыша, 19) и более всего похожи на рога «летящих» оленей на золотом поясе из Саккызского клада в Иранском Курдистане (которые М. И. Артамонов предлагал возводить к урартской схеме «древа жизни», см.: Артамонов, 1961б. С. 44). При этом оленям в других сюжетных вариантах, начиная с фигур на Келермесской секире, та или иная древовидность также иногда была присуща[2].

2-й вариапт (1–3)

Изображения данного варианта характеризуются утерей четкости контура, композиционной аморфностью, гипертрофированием туловища при атрофии нижней части ног, практическим исчезновением шеи в связи с преувеличением головы, ставшей короткой, широкой и с тупым завершением, что придает изображаемому животному сходство с быком или коровой. Глаз преувеличенный, рельефный, округлый, концентрический, без слезника. Ноздри и рот обозначены впадинами.

У оленей данного варианта может быть показан один передний отросток (2, 3) рогов или два (1). Особенность оленей данного варианта также в том, что корень их рогов показан близко к натуре: он не только рельефно выделен, что присуще и некоторым изображениям 1-го варианта, но кроме того, поперечными полосами имитировано его естественное рифление (1, 2).

3-й вариапт (1–15)

Данный вариант, к которому относятся все изображения на зеркалах «ольвийского типа» (1–14), а также фигура на навершии из Гладковщины (15), характеризуется сглаженной моделировкой туловища, горизонтальной позицией шеи (олень как бы придавлен диском зеркала, который он призван удерживать на рогах), общим схематизмом в воспроизведении анатомических элементов. Глаз оленей 3-го варианта может быть почти не заметен (7–9, 12, 15); в тех случаях, когда он всё же различим, он округлый концентрический, без слезника (исключение — гладковщинское изображение, 13). Рога иногда сливаются с диском зеркала, также становясь малоразличимыми (1, 6) или вовсе не различимыми (5), копыта практически не оформлены.

Апалогии и морфологическая дипамика. Келермесско-кульобский тип относится к широко известному в скифо-сибирском зверином стиле сюжету «летящего», или «классического скифского» оленя, распространенному от Южной Сибири до Северного Причерноморья, соответственно аналогии ему многочисленны и хорошо известны (см., например: Черников, 1965. Рис. 7; о проблеме происхождения данного типа и сюжета см. в главе VII).

Как известно, сюжет такого рода изображений является предметом длительной дискуссии[3]: одни

диции или с сильным ее искажением (Артамонов, 1968а. С. 13; Королькова (Чежина), Алексеев, 1994. С. 106–108). Соответсвенно они не рассматриваются в нашей работе в качестве самостоятельных объектов исследования и не учитываются в общей статистике.

[1] А.И. Шкурко называет эту деталь «рельефным надглазничным валиком» и считает ее одной из определяющих особенностей так называемой саккызско-келермесской стилистической группы оленей.

[2] Подробнее о проблеме формирования схемы рогов и, в целом, сюжета «летящего» оленя см.: Погребова, Раевский, 1992. С. 145; Кисель, 1997. С. 30–31.

[3] Предполагалось, что изображен летящий олень (Черников, 1965. С. 31), олень, приготовившийся к прыжку (Рос-

исследователи считают, что в последнем случае олень представлен в прыжке, «летящим», хотя данные биологии не допускают подобного положения ног (Ермолова, 1980. С. 258–262), тогда как другие видят в этом лежачую позу. Действительно, таких оленей можно считать и «напряженно лежащими», учитывая взаиморасположение туловища и шеи (шея обычно ориентирована наискось вверх, перпендикулярно или почти перпендикулярно продольной оси туловища, направленного — при рассмотрении от крупа к груди — наискось вниз, что определяет динамичный характер всей фигуры); такая поза вполне может трактоваться как жертвенная (см., например: Вязьмитина, 1963. С. 163–164; Артамонов, 1973. С. 220). Впрочем, возможно, здесь и не следует искать точного соответствия реальным движениям оленя, ибо эта условная поза могла служить для создания образа-символа. Например, как считает ряд исследователей, мотив петлевидных рогов оленя мог символизировать движение солнца по небосводу (вариант 1: 8), или же древовидность рогов, в других трактовках, могла ассоциироваться со священным древом (вариант 1: 7, 19) (ср.: Мартынов, 1987. С. 14 сл.).

Оставаясь в рамках восточноевропейского скифского звериного стиля, отметим, что наиболее лаконичные и крайне экспрессивные изображения Келермесско-константиновского типа (вариант 1), лучше всего соответствующие скифо-сибирскому канону «летящего» оленя, связаны в первую очередь с Прикубаньем, Ставрополье и Нижним Подоньем. Со временем эти иконографические образцы, сохраняя композиционную основу и схему рогов, схематизируются в ходе их распространения в Приднепровской Лесостепи, что ведет к аморфизации и утрате сходства с натурой (вариант 2)[1]. Другая линия подражания ведет к тиражированию при использовании этого сюжета в качестве «местного колорита» греческими мастерами — создателями «ольвийских» зеркал, в результате чего возникают статичные изображения оленей, как бы «нагруженных» или «придавленных» тяжестью диска зеркала (вариант 3). Приходя в Среднюю Европу, данная традиция вызывает появление здесь таких близких варианту 3 подражаний, как изображения на зеркалах (все — случайные находки) из Пакафалвы, Борзода, Рэскруц и Фейерде (Кузнецова, 2002. Табл. 88. Кат. 438; Табл. 91. Кат. 79; Табл. 113. Кат. 486; Табл. 113. Кат. 563). Кроме того, дальнейшее развитие иконографии в рамках варианта 1 (Нимфей, Куль-Оба) приводит к появлению изображений с зооморфными превращениями и наложениями, элементы которых могут быть выполнены и с учетом греческой стилистики (Куль-Оба).

Хронология. Реконструируемой морфологической динамике не противоречит хронология данного типа. Ее основу составляют изображения из комплексов с независимыми хроноиндикаторами, такие как из Келермесских курганов Шульца (не позднее второй пол. VII в. до н. э., само производство предметов может быть отнесено ко второй — третьей четв. VII в. до н. э. (Кисель, 2003. С. 30), но в любом случае не ранее VII в. до н. э., из Костромского (1-го Разменного) кургана (рубеж VII–VI — начало VI в до н. э.), из кургана 17 Нимфейского некрополя (475–425 гг. до н. э.), из кургана 447 у с. Журовка (вторая пол. VI в. до н. э.), из могилы 36 некрополя Ольвии (550–525 гг. до н. э.), из могилы 64 некрополя Ольвии (третья четв. VI в. до н. э.), из 54 некрополя Ольвии (V в. до н. э.), из могилы 18 некрополя Ольвии (последняя четв. VI в. до н. э.).

Говердовский курган 1 его публикаторы по ряду типологических показателей (сходство типов котла, «близость навершия с ушастым существом с навершием из кургана 3/Ш, а также редуцированность образа грифона у одной из пар наверший») соотносят «с младшей группой келермесских курганов (курганов Д. Г. Шульца), которые в свою очередь, на основании близких соответствий с курганом 16 могильника Новозаведенное 2, имеющего ряд фрагментов восточно-греческих сосудов, датируются временем, близким к рубежу VII и VI вв. до н. э.» (Эрлих, Нехаев, 2011. С. 143).

Комплекс погр. 1 кургана 3 могильника Дыш IV вполне обоснованно отнесен его публикаторами по ряду типологических показателей к жаботинскому горизонту (конское снаряжение, роговой клювовидный молоток-скипетр с «киммерийской розеткой», керамика протомеотского типа), конкретнее — к первой трети VII в. до н. э. (Маслов, Гей, Андреева, 2020. С. 509–525). Этому соответствует архаизирующий характер изображения оленя, отнесенного нами к описываемому типу.

Комплекс Ульского кургана № 1 раскопок 1908 г., по В. Р. Эрлиху, — древнейший в данной курганной группе и относится по узде (трехпетельчатые железные псалии и бронзовые стремечковидные

товцев, 1925. С. 318), лежащий олень (Толстов, Кондаков, 1890. С. 35), олень в летучем галопе (Арциховский, 1947. С. 97), приготовленный к жертве олень (Вязьмитина, 1963. С. 164), в средней стадии прыжка (Граков, 1971. С. 99).

[1] В частности, такой элемент, как гипертрофированные бровные складки, при дальнейшем развитии не был утрачен и присутствует в другом типе изображений оленя — Завадско-акмечетском (см. ниже), но стал в ряде случаев передаваться при помощи простого углубления-насечки (Ак-Мечеть, Житков, фигуры оленей на навершиях из Толстой могилы), теряя таким образом рельефность, отражавшую реальную выпуклость надбровных дуг животного.

с литым орнаментом — как в курганах Шульца, т. е. Младшей Келермесской группы) к первому хронологическому горизонту Ульских курганов, т. е. к первой пол. VI в. до н. э. (Эрлих, 2010. С. 117).

По типу зеркала из кургана IV у с. Братышев помещенное на нем изображение может быть отнесено ко второй пол. VI в. до н. э. (Мелюкова, 1958. С. 43; Кузнецова, 2002. С. 283). Для изображений на случайно обнаруженных или неизвестного происхождения зеркалах «ольвийского типа», а также для фигуры на навершии из Гладковщины в силу их сходства с фигурами на вышеперечисленных зеркалах, происходящих из комплексов, дата должна быть аналогична: в рамках второй пол. VI в. до н. э. — начала V в. до н. э. Дата захоронения в склепе кургана Куль-Оба определяется, по мнению Н. Л. Грач (Grač, 1997. S. 157), по найденной там фасосской амфоре с клеймом, относящимся к 345–335 гг. до н. э. (Debidour, 1986. P. 330). Если же считать кульобскую бляху с оленем относящейся к более раннему разграбленному захоронению («захоронение под склепом») (Алексеев, 2003. С. 276, 296), она должна датироваться началом IV в. до н. э. (это вполне закономерно, учитывая архаизированный тип кульобской композиции), но всё же не первой пол. V в. до н. э., как это полагают А. Ю. Алексеев и Е. Ф. Королькова (их обоснование такой датировки кульобской пластины см.: Королькова (Чежина), Алексеев, 1994. С. 102–109; наши возражения на эту тему см.: Канторович, 1996).

Таким образом, большинство изображений 1-го варианта по иконографическим показателям образуют компактную группу и должны в соотнесении с изображениями, имеющими независимую датировку, датироваться VII–VI вв. до н. э., исключая нимфейское и кульобское (17, 18), первое из которых относится к 475–425 гг. до н. э., второе, во всяком случае, к концу V — началу IV в. до н. э. К VII–VI вв. до н. э. должны быть отнесены и изображения 2-го варианта, являющиеся «тупиковой ветвью», искажениями изображений 1-го варианта, близкими им по времени. Наконец, изображения 3-го варианта, в соответствии с общей датировкой «ольвийских» зеркал и вышеприведенными иконографическими наблюдениями, указывающими на подражательность и стадиальную последовательность 3-го варианта (включая и изображение на навершии из Гладковщины) по отношению 1-му варианту — «иконографическому ядру» Келермесско-костромского типа, — должны быть датированы в предельных рамках второй пол. VI в. до н. э. — начала V в. до н. э.

Таким образом, хронологические рамки Келермесско-кульобского типа: VII — начало IV в. до н. э.

Тип I-1-I-2 Новозаведепско-ромепский, вторая пол. VII — VI в. до п. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Ставрополья (1) и Среднего Поднепровья (2). Это фигуры, увенчивающие бронзовые навершия.

Модель типа. Изображены безрогие представители вида *Cervus elaphus* — оленихи или молодые олени. Моделировка объемная. Ноги размещены внахлест, так что нижняя часть передней ноги животного лежит на задней, доходя концом копыта до сгиба заплюсны, тогда как задняя нога доходит концом копыта до сгиба запястья, подпирая его. Шея вытянута вперед и направлена наискось вверх; голова находится под небольшим углом к шее, будучи чуть приподнята (1) или чуть опущена (2). Уши подняты вверх. Спина прогнута. Хвост отходит наискось вверх (1) или назад (2).

Глаза овальные, обрамлены углубленной линией. Уши тонкие, удлиненные, листовидные. Ноздри и рот ограничены рельефными контурами — овальным для ноздрей, каплевидным для рта. Плечевой пояс и круп рельефно выделены. Копыта не акцентированы.

Аналогии и хропология. Изображения данного типа во всем сходны с фигурами 1-го варианта типа I-1-I-1 (Келермесско-кульобский) и отличаются от них лишь отсутствием рогов и позицией ушей и хвоста. Сходны данные изображения и с центральноевропейскими изображениями безрогих представителей вида благородного оленя на навершиях, с втулкой, аналогичной роменским (в первую очередь навершия из Семиградья (Герниезег), из Бухарестского музея), на что указывал уже А. А. Бобринский (Бобринский, 1901. С. 64; ср. Іллінська, 1963. Рис. 3: 3; 4: 7, 11). Е. В. Переводчикова отнесла роменские навершия к VIII типу по своей классификации (навершия с грушевидными бубенцами и двумя рядами прорезей), датируемому в рамках конца VI — V в. до н. э. (Переводчикова, 1980. Рис. 6. С. 29–30, 39). Новозаведенские навершия, найденные после публикации типологии Е. В. Переводчиковой, следует относить к VII типу по ее системе (навершия с колоколовидными бубенцами на втулке круглого сечения), датируемому исследовательницей в рамках VI — начала V вв. до н. э. (Переводчикова, 1980б. Рис. 5. С. 26–27, 39), причем не ко второму его варианту, с прорезями в два ряда на втулке и с «молодыми оленями» (Переводчикова, 1980б. Рис. 5: 8–10) (а именно к нему относятся вышеупомянутые аналогии из Семиградья и Бухареста), а к первому, с прорезями в один ряд, в рамках которого ранее изображения «молодых оленей» не встречались (Переводчикова, 1980б. Рис. 5: 1–7).

В основу хронологии Новозаведенско-роменского типа, помимо аналогии с 1-м вариантом Келер-

месско-кульобского типа, должна быть положена также объективная датировка могильника Новозаведенное-2 в рамках второй пол. VII — начала VI в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Это в принципе не противоречит датировке типа по Е. В. Переводчиковой, если позиционировать новозаведенские навершия в качестве древнейших изделий этого типа. Вместе с тем дата роменских наверший, в силу близости роменского изображения новозаведенскому, не может быть существенно отдалена от новозаведенской и, во всяком случае, вряд ли выходит за пределы VI в. до н. э., составляя дальнейшее развитие изображений типа новозаведенского на территории Лесостепного Поднепровья (этому соответствует выявленное Е. В. Переводчиковой воздействие наверший типа VII на навершия типа VIII) (Переводчикова, 1980б. Рис. 9. С. 41).

Таким образом, предельные рамки данного типа: вторая пол. VII в. —VI в. до н. э.

Тип I-1-I-3 Завадско-акмечетский, вторая четв. V — первая пол. III в. до п. э.

К данному типу (разделяющемуся на 3 варианта; о принципах деления см. ниже) относятся 45 изображений (1-й вариант — 34, 2-й вариант — 4, 3-й вариант — 7), происходящих с территории Нижнего Поднепровья (вариант 1: 1–10, 13, 17–19, вариант 2: 1–4, вариант 3: 2, 4, 5, 7), Среднего Поднепровья (вариант 1: 11, 12, 16, 20, 22–25, 28–32, 34, вариант 3: 3), Среднего Подонья (вариант 1: 14, 27, вариант 3: 1, 6), Нижнего Подонья (вариант 1: 21, 26), Прикубанья (вариант 1: 15) и Крыма (вариант 1: 17, 18, 33). Это фигуры, украшающие и оформляющие в основном золотые обивки деревянных чаш и иных сосудов, деревянных и роговых (вариант 1: 1–5, 7, 10–12, 18, 19, 21, 26, 28–32, 34), золотые нашивные бляшки (вариант 1: 8, 9, 14, 15, 17, 20, 22–25, 27, вариант 3: 1–4, 7). Кроме того, изображения данного типа помещены на золотые пластины — обивки горита (вариант 1: 13), на золотой конский наносник (вариант 1: 16), бронзовые уздечные бляхи (вариант 1: 34), серебряные уздечные бляхи (вариант 3: 5), золотую пластину (вариант 3: 6) и бронзовые навершия (вариант 2: 1–4).

Модель типа. Это изображение взрослого оленя-самца с длинными рогами. Моделировка в высоком рельефе, в основном одностороннем, и лишь на навершиях моделировка объемна, но в расчете на боковой обзор (вариант 2: 1–4). С точки зрения ракурса данный тип предполагает вариативность — возможно отображение обеих пар ног, при котором фрагменты дальних от зрителя ног как бы выступают из-за передних (вариант 1: 1, 2, 7, 17, 21, 26, вариант 3: 1, 4), но чаще соблюдается строгая профильность. Основу завадско-акмечетской композиционной схемы составляет подпрямоугольный (в некоторых случаях подквадратный) контур, при этом длинные стороны прямоугольника составляют две условные линии — нижних частей подогнутых ног и стержня горизонтальных рогов (исключение — мастюгинское изображение (вариант 1: 27), в котором пальметовидные схематизированные рога направлены наискось вверх). Параллельная им линия спины проходит посередине как ось симметрии всего изображения, а перпендикулярная им линия шеи образует короткую сторону прямоугольника. За пределы этого контура могут выходить колени животного, но, как правило, это нарушение очертаний уравновешивается выступающей головой (подбородок оленя проецируется на колени). Передние и задние ноги соединены в одну линию и упираются или почти упираются внешними сторонами копыт друг в друга (исключение — олень из кургана Бабы (вариант 1: 5), у которого копыта немного не доведены до соединения, что производит впечатление полета). Шея, как правило, вертикальна, в единичных случаях немного отклонена назад (вариант 1: 26) или вперед (вариант 3: 5), спина прямая или чуть прогнутая. Голова перпеидикулярна шее, горизонтальна или немного приподнята или опущена. Ухо параллельно рогам, либо пересекает их наискось вверх, либо уходит наискось вниз (см. ниже).

Рога четко разделяются на переднюю часть, с одним или двумя «глазными» отростками, и основную, заднюю часть, состоящую из слабоизогнутых дугообразных отростков, в той или иной мере загнутых на конце вверх и образующих преимущественно пальметовидные и древовидные сочетания, реже древовидные с пальметовидным завершением, а в одном случае концентрически-дуговидные (вариант 1: 5) (см. ниже о вариациях рогов). Морда геометризирована и укорочена, с тупым завершением, лишь в единичных случаях лосевидная с горбинкой (вариант 1: 15, вариант 2: 2, вариант 3: 6). Глаз концентрический, с выпуклой зеницей во впадине глазницы в обрамлении рельефного края. Ноздря и рот чаще намечены впадинами в рельефном обрамлении, могут быть слиты воедино (вариант 1: 10, 12. 19, 20, 27, вариант 3: 1–6), а в схематичном чертомлыцком изображении (вариант 2: 4) вовсе не отображены. Ухо сегментовидно-подтреугольное или асимметрично-ромбическое, со впадиной раковины. Шея трапециевидная, как правило, с рельефно выделенной продольной кожно-шерстной складкой (см. варианты). Поверхность шеи переходит в рельефную преувеличенную овальную/полуовальную/сегментовидную лопаточно-плечевую зону. Переход от бедра к колену акцентирован впадиной. Бедренная часть полуовальная рельефная с выемкой/выступом,

обозначающим колено. Копыта преувеличенные рельефные. Хвост короткий или средней длины, загнут вниз.

Завадско-акмечетский тип разделяется на три варианта, различающиеся в переделах вышеперечисленных признаков в композиционном отношении и трактовкой ряда анатомических деталей, в первую очередь рогов.

1-й вариант (1–34)

Данный вариант в сравнении с остальными вариантами предполагает более детальную трактовку рогов с частым применением зооморфных превращений роговых отростков и доминированием схемы пальметки в качестве структуры задней части рогов. В основе задней части, как правило, лежит веерообразный пучок дуговидных отростков, выходящих из одной точки или из близко расположенных друг к другу точек (1, 3, 4, 6–12, 14–25, 27–34), реже — древо с пальметовидным завершением (одна основная горизонтальная ветвь, от которой вверх и вниз отходят дуговидные отростки, с пучком таких же отростков на ее конце) (2, 13, 26); в единичном случае, как уже отмечалось, применяется схема концентрических разновеликих дуг (5). Это конструкции, в общем гиперболизирующие природную структуру оленьих рогов и использующие античный мотив пальметки, модифицированной в веерообразную фигуру и в большинстве случаев просто подменяющей собой рога оленя в их основной части (1, 3, 4, 7–10, 14, 16, 20, 22, 23, 25, 27–34); иногда эта пальметка обрамлена в основании двумя волютами, роль которых играют обособляемые отростки рогов (1, 3, 4). Иногда, впрочем, задняя часть представляет собой смесь пальметки и вихревой (свастической?) композиции (6, 18, 19). При этом передний, «глазной» отросток и ближайший к нему один из задних отростков, обособляемый от остальных, часто образуют единую фигуру серповидной «короны» (2, 5, 6–10, 13, 14, 20, 22, 23, 25, 27, 29–34) — по сути, это вариант двух симметричных волют, что в одном случае подтверждается наличием маленькой пальметки между ними (2). Для некоторых более крупных и менее схематичных изображений 1-го варианта (в основном на обивках чаш) также характерно зооморфное трансформирование определенных отростков рогов (передних и обособленных задних) в птичьи головы с закрученными клювами, что подчеркивает волютовидный характер отростков (1–4, 11, 13, 15, 21, 31, 32), а в елизаветовском изображении отростки просто превращены в волюты, образующие единые ряды (26).

Ухо в изображениях 1-го варианта может быть горизонтальным (1–4, 10, 11–13, 16, 21. 26), отходить наискось вверх (5–8, 14, 15, 19, 20, 22–25, 28–34) или вниз, в одном случае оно неразличимо (27), в другом (9) — замещено слабоизогнутый рифленой полоской, отходящей от затылка и, очевидно, имитирующей козлиный (Манцевич, 1987. С. 68) или сайгачий рог. При этом ухо чаще накладывается на корень рогов или на их задний пучок (1–8, 10–12, 14–20, 22–25, 28–34) или заполняет пространство между рогами и туловищем (13, 21, 26). Во впадине ушной раковины косыми или волнистыми рельефными полосами может быть намечена шерсть (2, 7, 13, 21).

Глаз либо отображен близко к натуре — среднего размера, наделен слезником и имеет овальные, реже полуовальные или подтреугольные очертания (2–4, 6, 7, 10, 12, 13, 15–17, 21–24, 26) либо же показан упрощенно округло-овальным без слезников — чаще преувеличенным, занимающим до половины плоскости головы (8, 9, 11, 14, 18, 19, 20, 25, 27–34), реже среднего размера (1, 5). Над глазом в единичных случаях (4, 21) может быть показана бровная дуга (углубленной линией).

В изображениях оленя 1-го варианта в общий контур или во внутреннюю впадину лопаточно-плечевой зоны, как правило, вписана рельефная «малая лопатка» (вероятно, сустав плеча) (1–10, 13–15, 17–19, 21–24, 26–29). За лопаткой косыми рельефными полосами могут быть отображены ребра (1, 3, 6, 11, 17, 21, 24). Пятна на шкуре могут быть имитированы парными насечками (21). Кожно-шерстная складка на шее неизменно выделена и чаще бывает рельефной — в виде «жемчужника» (2, 4–9, 12–14, 17, 21–25, 27), реже — гладкой (1, 3, 10, 11, 15, 16, 26, 28–34).

2-й вариант (1–4)

В основе задней части рогов оленя 2-го варианта лежит схема дуговидных, идущих вверх отростков, выходящих из одной точки или из близко расположенных друг к другу точек (2–4), а в бердянском изображении — более близкая к натуре древовидная схема (1).

Лопаточно-плечевая зона обозначена рельефным спиралевидный завитком во впадине, что несомненно является геометризированным вариантом дробной лопатки (сочетание «большой и малой» лопаток), прослеживаемой в изображениях 1-го варианта. Здесь плечевой сустав («малая лопатка») превратился в кольцо, завершающее завиток. В схематичном чертомлыцком изображении (4) эта деталь практически отсутствует.

Ухо оленя в более качественных изображениях 2-го варианта отходит наискось вверх и накладываться на корень рогов (1, 2), в менее качественных — не прослеживается, будучи совершенно слитым с рогами (3, 4) , что уже намемечно в на навершиях из Толстой могилы (2).

Глаз чаще показан упрощенно преувеличенным, округлым без слезников (1, 3, 4), но в изображе-

нии из Толстой могилы отображен близко к натуре — среднего размера, овальных очертаний, со слезником (2). Как уже отмечалось, изображение из Толстой могилы имеет также особенность в трактовке морды — она лосевидная с горбинкой. Еще одной особенностью наверший из Толстой могилы является то, что олень на них показан с бородой, упирающейся в шею и превращенной в птичью голову (ср. ниже Гайдамовско-чмыревский тип).

3-й вариант (1–7)

К 3-му варианту относятся изображения, отличающиеся при всем их схематизме относительной натуралистичностью в трактовке рогов, туловища и ног. Им присуща преимущественно близкая к натуре древовидная схема рогов, напоминающих скорее рога самца лани (исключая мастюгинское изображение (6), рога которого представляют нечто среднее между Завадско-акмечетским и Келермесско-кульобским каноном).

Ухо оленей 3-го варианта может быть горизонтальным (2–4, 5), идти наискось вниз (1, 7) или вверх (6), при этом оно заполняет пространство между рогами и туловищем. Глаз среднего размера, наделен слезником и имеет овальные очертания. Лопаточно-плечевая зона выделена рельефно а в мастюгинском изображении (6), несмотря на его миниатюрность, впадиной имитирована также «малая лопатка» (вероятно, сустав плеча) (1–10. 13–15, 17–19, 21–24, 26–28). За лопаткой косыми рельефными полосами могут быть отображены ребра (1, 3, 6, 7). Бедренная часть чаще гладкая, но может быть дополнительно отмечена впадиной (6, 7). Как уже отмечалось, мастюгинское изображение также отличается формой морды — она лосевидная с горбинкой и утолщением верхней губы.

В изображениях 3-го варианта выше доля оленей со всеми четырьмя ногами (1–4), нежели в остальных вариантах (во 2-м варианте таких нет, в 1-м их доля незначительна).

Все изображений 3-го варианта, кроме покровского (5) заключены в рифленую прямоугольную рамку, присущую античной орнаментике.

Морфологическая динамика. Для морфологической динамики 1-го варианта характерна определенная тенденция, в основном прослеживаемая на степном северопричерноморском материале: от более сложных и разнообразных изображений, с четко детализированой лопаточно-плечевой зоной, со сложными по структуре рогами (1–4) к более геометричным и упрощенным образам, с укороченной схематичной головой, рогами, сведенными к пальметке (6–10, 18, 19). Аналогичны и среднеднепровские изображения, очевидные подражаниями степным (10–12, 20, 29–32, 34), еще более схематичны среднедонецкие, среднедонские и крымские подражания степным и лесостепным поднепровским изображениям (14, 22–25, 27, 29, 33). В то же время выделяется особая прикубанская линия с динамичным продолжением ранних степных трактовок, с относительным натурализмом в трактовке туловища (15).

Морфологическая динамика 2-го варианта несомненно состоит в движении от более совершенных и детализированных изображений из Бердянского кургана (1) и Толстой могилы (2) к подражающим им изображениям на навершиях из Каменской Близницы (3) и из Чертомлыка (4), причем чертомлыцкое изображение представляет собой предельную схематизацию данного варианта вплоть до утраты зооморфной основы.

В рамках 3-го варианта сложно говорить о какой-либо морфологической динамике, группа достаточно монолитна, исключая крайне схематичное изображение из Покровки (5).

Переходя к **межвариантной морфологической динамике**, следует отметить, что композиционно-стилистическое разбиение по вариантам внутри Завадско-акмечетского типа повлекло за собой дифференцирование изображений по категориям украшаемых предметов. Изображения 1-го варианта оказались связаны с золотыми обивками чаш и иных ритуальных сосудов, а также с золотыми одежными бляшками и с золотыми пластинами горита; исключение составляет Журовский золотой налобник. Олени 2-го варианта украшают исключительно бронзовые навершия. Олени 3-го варианта помещены в основном на золотые нашивные бляшки, исключение составляет изображение на серебряных уздечных бляхах из Покровки.

Представляется, что базовым для Завадско-акмечетского типа является 1-й вариант. 2-й и 3-й варианты, менее представительные по количеству оригинальных изображений и в целом более иконографически однообразные, возникли по композиционному образцу 1-го варианта, причем в период, когда иконография этого варианта уже существенно упростилась. При этом если изображения 2-го варианта вполне самобытны, то большинство изображений 3-го варианта — это явно скифо-греческие изображения оленей, возникшие под влиянием 1-го варианта, но с учетом натуралистических и декоративных элементов античной традиции.

Аналогии и хронология. Аналогии изображениям Завадско-акмечетского типа за пределами восточноевропейского скифского звериного стиля немногочисленны: единственную близкую аналогию им составляет фигура на электровой обивке деревянного сосуда IV в. до н. э. из Гурбанешт, на территории Фракии (Rosetti, 1961. P. 795). Кроме того,

завадско-акмечетским оленям близки в композиционном отношении (но отличны по стилю) олени на фракийских серебряных нащечниках из кургана Огуз (Спицын, 1906. С. 165. Рис. 31), датируемого в пределах 350–310 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Хронология данного типа базируется на объективно датируемых изображениях, а также с учетом вышеуказанных аналогий и прослеженной морфологической динамики.

Хронология 1-го варианта определяется следующими объективно датируемыми изображениями (в хронологическом порядке): журовское (16) (первая пол. V в. до н. э., скорее около 475 г. до н. э.), бабинское (5) (470–450 гг. до н. э.), завадские (1–3) (450–425 гг. до н. э.), солохские из Бокового погребения (6–8) (400–375 гг. до н. э.), уляпское (15) (первая пол. IV в. до н. э.), пастырское (25) (первая пол. IV в. до н. э.), елизаветовское (26) (первая пол. IV в. до н. э.), братолюбовское (18) (предельные границы — первая пол. IV в. до н. э.), малолепетихинское (17) (вторая четв. IV в. до н. э., скорее, ее конец), гайматовское из Северной гробницы (19) (вторая треть IV в. до н. э.), песочинские (22–24) (вторая — третья четв. IV в. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Остальные изображения, так или иначе сходные с вышеперечисленными, должны датироваться в сходных рамках (ср. датировку П. Д. Либеровым комплекса Частых курганов, курган 4 (раскопки В. А. Городцова в 1927 г.) IV в. до н. э. (Либеров, 1965. Табл. IX)

Выявленная нами морфологическая динамика 1-го варианта не противоречит этим датировкам, при этом симптоматична относительно ранняя временная позиция бабинского изображения, объясняющая его иконографическую периферийность в рамках Завадско-акмечетского типа (позиция ног, структура рогов), сближающая бабинское изображение по этим признакам с Келермесско-кульобским каноном.

Таким образом, хронологические рамки 1-го варианта: вторая четв. V — третья четв. IV в. до н. э.

Хронология 2-го варианта определяется объективными датировками всех относящихся к нему изображений (в хронологическом порядке): бердянского (1) (первая треть IV в. до н. э.), из Толстой могилы (2) (вторая — третья четв. IV в. до н. э.), чертомлыцкого из насыпи (4) (предельные рамки создания кургана 350–300 гг. до н. э.) и из Каменской Близницы (3) (третья четв. IV в. до н. э. — начало III в. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Таким образом, хронологические рамки 2-го варианта: IV в. до н. э.

Хронология 3-го варианта определяется объективными датировками (см. Список опорных хроноиндикаторов) изображений Александропольского кургана (7) (в предельных рамках 340–300 гг. до н. э.), из Огуза (4) (в максимальных пределах 350–310 гг. до н. э.) и из Дуровки (1) (вторая пол. IV в. — первая пол. III в. до н. э.). Изображение на бляшке из Будков (3), почти идентичное дуровскому и огузскому, должно датироваться аналогично. Сходно с ним и покровское изображение (5). Характерно, что С. С. Бессонова рассматривает покровское изображение в одной связке с изображением из Будков и считает их результатом стилизации образа, «представленного в начале IV в. до н. э. на бронзовых навершиях из восточной могилы Бердянского кургана и кургана 5 у с. Архангельская слобода» (Бессонова, 2009. С. 37). Мастюгинское изображение (6) должно датироваться близким временем, исходя из его композиционного сходства и наличия аналогичной рамки, П. Д. Либеров и А. И. Пузикова датируют курган 11/16 Мастюгино как узко — IV в. до н. э., так и достаточно широко — IV–III вв. до н. э. — по набору стрел, зооморфных поясных крючков и по самим изучаемым бляшкам в зверином стиле (Либеров, 1965. Табл. IX; Пузикова, 2001. С. 57). Думается, что мастюгинское изображение не может быть позже дуровского, т. е. позже первой пол. III в. до н. э., в силу его некоторых архаизирующих черт (форма рогов, трактовка морды).

Таким образом, предельные хронологические рамки 3-го варианта: вторая пол. IV в. — первая пол. III в. до н. э.

Данные датировки вариантов подкрепляются выявленной межвариантной морфологической динамикой, указывающей на первичный характер 1-го варианта данного типа.

Таким образом, предельные хронологические рамки Завадско-акмечетского типа: вторая четв. V — первая пол. III в. до н. э., при том что большинство его изображений относится ко второй четв. V — третьей четв. IV в. до н. э.

Тин I-1-I-4 Ильичевско-журовский, нервая нол. V в. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Крыма (1) и Среднего Поднепровья (2). Это фигуры, украшающие золотую обкладку колчана (1) и золотую нашивную пластинку (2).

Модель тина. Данный тип объединяет изображения взрослого оленя-самца с длинными рогами (у ильичевского оленя (1) рога в передней части утрачены). При этом ильичевский олень является объектом терзания: кошачий хищник вгрызается в его грудь и обхватывает шею лапой, когтящей

плечо, в круп его клюет птица, а перед мордой, угрожая ему, вздымается змея[1].

Моделировка в одностороннем высоком рельефе. Фигуры строго профильные. Композиция в целом аналогична иконографии Завадско-акмечетского типа: общий контур подпрямоугольный, нижняя часть ног на одной линии, ноги соприкасаются внешними сторонами копыт, шея вертикальна, чуть наклонена вперед. Ухо горизонтальное.

Трактовка основной части рогов сходна с каноном Келермесско-кульобского типа: S-видные отростки, отходящие вверх и немного назад от горизонтальной волнистой оси. Глаз концентрический, с округлой зеницей в овальной глазнице, намеченным слезником. Морда узкая, ноздря и рот намечены впадинами. Ухо тонкое удлиненное, с впадиной раковины, в которой косым рифлением обозначена шерсть. Шея трапециевидная, четко показана кожно-шерстная складка вдоль шеи, оформленная с помощью уступа или зарифленной рельефной линии — «жемчужника». Шея переходит в рельефную преувеличенную полуовальную лопаточно-плечевую зону. Рельефно отображены ребра: в ильичевском изображении их роль играет лапа левой передней ноги хищника, выступающая из-под туловища оленя, в журовском ребра шире, имитированы дуговидными полосами. Бедренная часть полуовальная, рельефная, переход от бедра к колену акцентирован впадиной. Мускулы ног подчеркнуты углубленными линиями. Копыта преувеличенные, рельефные. Хвост короткий, загнутый вниз, на конце отогнут назад.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Хронология типа определяется датировкой журовского изображения (2) по объективным показателям первой пол. V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Сходное с ним ильичевское изображение должно датироваться аналогично, что согласуется с датировкой А. М. Лесковым данной колчанной пластины первой пол. V в. до н. э. по аналогиям золотому колпачку в Острой Томаковской могиле и в Журовке 400 (Лесков, 1968. С. 163).

Тин I-1-I-5 «Александронольский— Частые», IV — начало III в. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Крыма (5), Нижнего Поднепровья (1-1, 1-2) и Среднего Подонья (2–4). Это фигуры, украшающие золотой и серебряный колчанные крючки (тождественные) (1-1, 1-2), бронзовый колчанный крючок/застежку пояса (2), аналогичный предмет из кости (4) и бронзовые уздечные бляхи (3).

Модель тина. Данный тип объединяет изображения взрослого оленя-самца с рогами средней длины (1, 3) или укороченными (2–4). Моделировка в одностороннем высоком рельефе. Фигуры строго профильные, трактованы схематично. Общий контур подпрямоугольный, шея вертикальна, голова горизонтальна либо чуть приподнята или чуть опущена, рога горизонтальны (т. е. по завадско-акмечетскому канону). Спина изогнута, круп приподнят, ухо закрывает пространство между рогами и туловищем, подпирает рога и упирается концом в спину. Ноги размещены внахлест, исключая мастюгинское изображение, в котором ноги упираются друг в друга внешними сторонами копыт (4).

Трактовка рогов сходна с каноном Келермесско-кульобского типа, исключая мастюгинского оленя с рудиментарными рогами. Это С-видные отростки, отходящие вверх от основного стержня, в одном случае сливающиеся в пальметовидную фигуру на конце задней ветви рогов (2). При этом в изображении на александропольских крючках в той или иной мере присутствует и элемент завадско-акмечетской трактовки рогов — наличие отходящего вниз отростка на конце рогов, упирающегося в круп и «уравновешивающего верхний отросток» (1-1, 1-2). Глаз преувеличенный, концентрический, с округлой зеницей в округлой/овальной глазнице. Морда геометризирована — трапециевидная (1, 2) или прямоугольная (3, 4), ноздря и рот намечены углублениями. Ухо оленей подтреугольное с четко оформленным корнем, с впадиной раковины, при этом в одном случае корень преувеличен и зарифлен, а само ухо преуменьшено (2). Шея укорочена и, как и туловище, заужена, вместе с туловищем и бедром они образуют S-видную фигуру. Бедренная часть гладкая, переход от бедра к колену обозначен впадиной, отграничивающей слабовыраженный коленный выступ. Хвост короткий, отогнут вверх (1, 3, 4) либо закручен вниз (2).

Особенности трактовки отдельных изображений и морфологическая динамика. Туловище оленей либо имеет гладкую поверхность (3), либо покрыто «елочными» углублениями, лопатка может быть акцентирована рельефными завитками (1, 2), а может быть сглажена и практически не обозначена (3, 4). Слезник в одном случае намечен (1), но чаще не показан. Ноги в нижней части чаще находятся под углом друг к другу (2–4), в александропольском изображении они параллельны (1). Из спины одного из среднедонских изображений вырастает дополнительная птичья или грифонья голова (2).

Особенность мастюгинского оленя в том, что он является объектом терзания — в его шею впивается

[1] Кошачий хищник и змея выполнены не в скифском, а, скорее, в греко-персидском стиле (?).

редуцированный хищник Роменско-сладковского типа. Рога мастюгинского оленя представляют собой короткий пучок. «Глазные» отростки рогов могут присутствовать (3), но чаще не показаны. Это изображение представляется упрощающим подражанием таким изображениям данного типа, как фигуры из Частых курганов (2, 3). Александропольские крючки, возможно, также являются репликой с изображений типа фигур из Частых курганов, но высококачественной, с усложнением акцентирования лопатки, с появлением элементов завадско-акмечетской иконографии в трактовке рогов.

Хронология типа в первую очередь определяется датировкой александропольского изображения по объективным показателям в предельных рамках 340–300 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Сходно должно датироваться близкое александропольскому изображение на крючке из кургана 12 группы Частых. Курган 1 группы Частых (раскопки ВУАК) датируется П. Д. Либеровым в рамках IV в. до н. э. (Либеров, 1965. Табл. IX), и эта дата подкрепляется наличием в этом комплексе налобника с крючком и др. предметов не ранее IV в. до н. э. (о датировке и эволюции налобников с крючком в скифской археологической культуре см.: Канторович, 2007б, 2007в; см. также заключительную главу данной книги). Среднедонские комплексы с такими крючками, как крючок из Мастюгино, курган 34/39, датируются хотя и широко, но неизменно не раньше IV в. до н. э. (Либеров, 1965. Табл. IX). В любом случае, как показывает иконографический анализ, мастюгинское изображение стадиально позднее фигур из Частых курганов (2, 3).

Таким образом, хронологические рамки типа определяются как IV — начало III в. до н. э.

Тин I-1-I-6 «Смела — Елизаветовская», V — нервая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Среднего Поднепровья (1) и Нижнего Подонья (2, 3). Это фигуры, оформляющие бронзовые уздечные привески (1) и украшающие основную (2) и боковую (3) пластины золотой обкладки ножен меча.

Модель тина. Данный тип объединяет изображения взрослого оленя-самца с рогами средней длины. Моделировка в одностороннем рельефе. Фигуры строго профильные (однако у елизаветовских оленей отображены оба уха — 2, 3), трактованы схематично. Общий контур трапециевидный, шея отходит наискось вверх, голова продолжает линию шеи, рога горизонтальны. Спина изогнута, круп приподнят, ухо закрывает пространство между рогами и туловищем, подпирает рога. Ноги в нижней части находятся на одной линии, упираются друг в друга внешними сторонами копыт.

Рога вытянуты в линию, передний отросток обособлен, задняя часть состоит из стержня с отходящими вверх короткими отростками. Глаз концентрический, с округлой зеницей в овальной глазнице со слезником. Ноздря и рот намечены углублениями. Ухо удлиненное, подтреугольное, с четко оформленным корнем, с впадиной раковины. Шея и туловище трапециевидные, лопатка сегментовидная, рельефно выделенная. Бедренная часть гладкая, переход от бедра к колену обозначен впадиной. Хвост короткий, загнут вниз.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Аналогии и хронология. Данный тип иконографически эклектичен: в нем есть элементы Келермесско-кульобского канона (общая композиция, положение шеи и головы) и Завадско-акмечетского канона (позиция ног), трактовка рогов.

Композиционно аналогично елизаветовским (2, 3) изображение на золотой ленте (метопиде) головного убора из Чертомлыка (Древности Геродотовой..., 1872. С. 99. Табл. XXV, 5) 350–320 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов), но оно уже практически лишено признаков скифского звериного стиля.

Опорой для хронологии типа служит датировка елизаветовских изображений по объективным показателям первой пол. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов), тогда как более лаконичное и рельефное изображение из Смелы (1) представляется стадиально более ранним, что согласуется с датировкой всего комплекса по псалиям V в. до н. э. (Петренко, 1967. Табл. 93) или началом среднескифского периода (Могилов, 2008. С. 35).

Таким образом, предельные хронологические рамки типа: V — первая пол. IV в. до н. э.

Тин I-1-I-7 Улянский, нервая нол. (ближе к сер.) IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Прикубанья (1). Это тождественные фигуры, оформляющие бронзовые двудырчатые Г-образные псалии.

Изображен взрослый олень-самец с укороченными рогами средней длины. Моделировка объемная, в расчете на боковой обзор. Ракурс строго профильный. Олень представлен с подогнутыми под углом к туловищу и не соединенными ногами, которые упираются в туловище копытами, с прямой спиной, с шеей, перпендикулярной туловищу и чуть отогнутой вперед, с головой, перпендикулярной шее и с горизонтальными рогами.

Рога оленей представлены в внде двух противонаправленных симметричных волютовидных отростков (с пальметкой посередине), разложенных по поверхности головы и опирающихся на носовую часть

и на ухо. Морда укороченная и утолщенная. Ноздря и рот даны углублениями, ограниченными единой S-видной рельефной линией. Глаз преувеличенный, округлый, концентрический, с выпуклым оком в рельефной глазнице. При этом ноздри оленей преувеличены и уподоблены лосиной ноздре, хотя отсутствие у них двух характернейших хабитуальных признаков натурального лося — «перелома» морды вниз и кожной складки-«серьги» под подбородком — все же не позволяет считать уляпские изображения лосиными. Ухо широкое, асимметрично-ромбическое, с четко оформленным корнем, со впадиной раковины, заполненной продольными рельефными линиями, имитирующими шерсть. Голова отграничена от шеи рельефной линией, обозначающей шерстную складку. Шея плоская, гладкая, трапециевидная, переходит выступом в лопатку. Туловище за лопаткой сокращено до участка восьмерковидного расширения псалия, переходит выступом в бедренную часть. Коленный выступ слабо намечен. Ноги гладкие, с рельефно отделенными копытами. Хвост примыкает к задней стороне ноги, отделен от нее желобком, на конце загнут назад.

Аналогии и хронология. В силу фактуры украшаемой вещи мастер, очевидно, не имел возможности и конструктивной необходимости показать подломленные ноги оленей соединенными. Возможно, те же конструктивные ограничения, сложность отливки помешали отобразить всю ветвь оленьих рогов, хотя эта черта может иметь и иное объяснение. Рога несомненно подражают доминировавшей в северопричерноморском скифском зверином стиле V в. до н. э. (и восходящей еще к архаичным жаботиновским пластинам) иконографической схеме лося с двумя симметрично разложенными рогами, образующими «корону». Эти завитки рогов в V в. до н. э. уподоблялись порой античным волютам, что часто подчеркивалось наличием пальметки между ними.

В образном и композиционном отношении уляпскому изображению близко более схематизированное редуцированное изображение (с исключенной передней ногой) оленя на псалиях, образующее тип 1 Кужорский второй пол. IV в. до н. э. объемных протом и иных редуцированных трактовок оленя (см. ниже). Кроме того, по трактовке головы и рогов это изображение находит себе очень близкую аналогию в изображениях обособленной головы «оленелося» типа 1 Уляпско-вознесенский (см. ниже).

Уляпское изображение датируется первой пол., ближе к сер., IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

* * *

Композиционно к данному классификационному таксону относятся также изображения оленей на золотых обкладках рукоятей мечей, 6 из которых происходят из Чертомлыка (Древности Геродотовой, 1872. Табл. XL, 12; Алексеев и др., 1991. Рис. на с. 170. Кат. 72; Древности Геродотовой, 1872. Табл. XXVII, 3; Алексеев и др., 1991. Рис. на с. 222. Кат. 184; Древности Геродотовой, 1872. Табл. XL, 9; Алексеев и др., 1991. Рис. на с. 223. Кат. 185; Древности Геродотовой, 1872. Табл. XL, 14; Алексеев и др., 1991. Рис. на с. 223. Кат. 186; Рис. на с. 223. Кат. 187), 1 — из Куль-Обы (Древности Боспора, 1854. 3. Табл. XXXI, 7), 1 — из кургана Кекуватского (Древности Боспора, 1854. С. 68. Табл. XXVII, 9), 1 — из Метрополитен-музея, происхождение неизвестно (Онайко, 1970. Табл. XII, № 424), 2 — из Колбино, курган 7 и курган 36 (Гуляев, 2010. С. 104. Рис. 1: 5; Савченко, 2004. Рис. 2: 1–2; Гуляев, 2010. С. 85. Рис. 27: 14), 1 — из Елизаветовского могильника, Пятибратнего кургана 8 (Шилов, 1962. Рис. 11, 12; L' or des Amazones, 2001. Cat. 88), 1 — из Великой Белозерки (Отрощенко, 1980. Рис. на с. 318; Отрощенко, 1984. С. 121–126. Рис. на с. 123; Gold der Steppe. 1991. S. 359. Cat. 89).

Однако данные изображения не включаются в нашу типологию в силу крайней схематичности и малоразличимости этих миниатюрных изображений, приведшего к утрате каких-либо стилевых признаков. Изначально данные фигуры представляются попыткой греческих мастеров подражать скифскому звериному стилю, но в большинстве случаев это сделано крайне некачественно и условно.

Группа I – подгруппа 1 – отдел II

Тип I-1-II-1 Константиновский, конец VII — начало VI в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Нижнего Подонья (1), — на Константиновской костяной пластине-накладке.

Представлен безрогий представитель вида *Cervus elaphus* — олениха или молодой олень. Моделировка плоскостная, детали даны гравировкой. Ракурс строго профильный. Ноги размещены внахлест, так что нижняя часть передней ноги животного лежит на задней. Шея изогнута назад, голова перпендикулярна к ее оси и параллельна спине. Ухо торчит перпендикулярно голове. Спина слабо выгнута.

Глаз небольшой овальный, образован углубленной линией. Ухо подтреугольное, с продольной насечкой посередине, обозначающей впадину, раковины тонкие удлиненные листовидные. Ноздря намечена овальным выступом в контуре морды, рот обозначен каплевидным углублением. Голова отграничена углубленной линией от шеи, лопатка обрамлена по верху двумя дуговидными углубленными линиями, аналогичной линией отграничено

бедро, внешняя линия бедра переходит уступом в короткую дуговидную линию, отграничивающую коленный выступ. Копыта не акцентированы.

Аналогии и хронология. Данное изображение во всем, исключая сюжет, сходно с остальными изображениями оленя на Константиновской пластине, датируемой ориентировочно концом VII — началом VI в. до н. э. (аргументы в пользу такой датировки Константиновской пластины приведены выше, в связи с хронологией типа изображения лежащего хищника на данной пластине — тип I-3-A-I-2 Константиновский).

Тин I-1-II-2 Семибратненско-журовский, V в. до н. э.

К данному типу относятся 10 изображений, происходящих с территории Прикубанья (1–7), Ставрополья (10), Среднего Поднепровья (8) и Нижнего Поднепровья (9). Это фигуры, оформляющие бронзовые уздечные бляхи (1–3, 6. 7), бронзовый налобник (5), золотые обивки деревянных сосудов (8, 9), золотую пластину (10).

Модель тина. Данный тип объединяет изображения взрослого оленя-самца с рогами. Моделировка в одностороннем рельефе. Олени показаны в сложном ракурсе, сочетающем профильность (не обязательно строгую) в передаче головы и тела, с фронтальностью в передаче рогов, симметрично развернутых на зрителя обеими ветвями. Общий контур при этом подпрямоугольный или овальный, вся композиция, как правило, осесимметрична относительно линии, проходящей через копыта, подведенные под брюхо оленя. Ноги при этом заполняют треугольное пространство под туловищем. Шея изогнута назад, направлена горизонтально, дуговидно или наискось, голова продолжает ее линию и параллельна спине, размещаясь по центру или близко к центру композиции. Спина слабо выгнута.

Рога среднего размера, симметричны относительно глаза, пальметоидно-древовидные (об их разновидностях см. ниже), их передние отростки обособлены или выделены меньшим размером. Корни рогов так или иначе отображены рельефной полоской, могут быть зарифлены в соответствии с природой (4). Глаз концентрический, округлый (реже овальный — 4, 8), рельефно выступающий в обрамлении более или менее выраженной рельефной глазницы. Ухо тонкое, подтреугольное или асимметрично-ромбическое, с впадиной раковины. Лопаточно-плечевая часть поуовальная, симметрична бедру, бедро отделено впадиной от коленного выступа. Копыта рельефно акцентированы. Хвост короткий.

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Морфологическая динамика и хронология. Данный тип сочетает элементы преимущественно завадско-акмечетского канона (композиция, положение ног большинства оленей, структура рогов) с некоторыми элементами келермесско-кульобского канона (трактовка рогов отдельных изображений, позиция шеи). При этом наиболее иконографически выдержанными и качественными представляются некоторые сеимбратненские изображения (1, 2), а также майкопское (7). Остальные либо более схематичны (3, 5, 8, 9) вплоть до крайнего упрощения (изображение из Татарки — 10), либо, напротив, усложнены и наделены дополнительными деталями, не всегда ясно понятыми мастером, возможно, греческим или меотским (попытка подражать зооморфным превращениям, обрамление глаза рубчатым кантом — 4). Опорой для хронологии данного типа служит датировка по объективным показателям семибратненских изображений из кургана 2 (4, 5) 450–440 гг. до н. э. и из кургана 4 (1–3) 440–430 гг. до н. э., а также журовских изображений (8) первой пол. V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Шунтукское изображение (6), практически идентичное семибратненскому из кургана 2, должно датироваться аналогично с ним, а днепрорудненское, очень близкое журовскому, — соответственно. Изображение из Татарки, являющееся очевидной провинциальной репликой с семибратненских, не может быть датировано раньше их и, возможно, относится к последней трети V в. до н. э.

Таким образом, предельные хронологические рамки типа: V в. до н. э.

Группа I – подгруппа 2 – отдел I

Тин I-2-I-1 Аксютинецкий, нервая нол. V в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение из Среднего Поднепровья, на золотой пластине — обивке колчана (1).

Это фигура взрослого оленя-самца с длинными рогами, с подогнутыми под туловище задними ногами и одной передней; вторая передняя нога направлена вперед и подведена копытом под голову. Изображение моделировано в рельефе. Фигура не строго профильная: дальние от зрителя задние ноги выступают из-за ближних, видны копыто и ступня правой передней ноги, копыто, голень и верх ступни правой задней ноги. Композиция ближе иконографии Завадско-акмечетского типа, нижняя часть ног на одной линии, левая передняя и задние ноги соприкасаются внешними сторонами копыт. Однако шея горизонтальна, вытянута вперед, голова продолжает линию шеи. Ухо отходит вверх и чуть назад, частично перекрывая рога, за ним выступает второе ухо. Спина оленя круто выгнута.

Рога преувеличены, представляют собой полосу, образованную С-видными отростками, отходящими от единой ветви. Они разделены над глазом на отходящий наискось вперед и обращенный назад «глазной» отросток и основную, заднюю часть, насчитывающую четыре отростка, отходящих назад наискось вверх и обращенных вперед (они превращены в головы и шеи грифонов) и заключительный пятый, укрупненный и превращенный в 5-лепестковую пальметку, загнутую вперед. Глаз близок к природным пропорциям и форме, передан выпуклостью в обрамлении рельефной глазницы с отходящими вперед и назад углубленными линиями слезников. Морда дана натуралистично, ноздря и рот намечены линиями-впадинами. Ухо листовидное, с рельефным верхним краем, со впадиной раковины, в которой косым крупным рифлением обозначена шерсть, аналогично передана и видимая часть второго уха. Шея трапециевидная, четко показана кожно-шерстная складка вдоль шеи, оформленная с помощью зарифленной рельефной линии — «жемчужника», а на поверхности шеи — линия мускулов, переданная продольным ребром плоскостей. Шея переходит в рельефную сегментовидную лопаточно-плечевую зону, трансформированную в лосиную голову, обращенную вверх. За лопаточно-плечевой зоной в основании брюха на туловище оленя наложена перевернутая птичья голова. Остальная часть туловища и бедро гладкие, переход от бедра к колену акцентирован глубокой каплевидной впадиной. Мускулы ног подчеркнуты углубленными линиями. Копыта преувеличенные рельефные. Хвост короткий, загнут вниз.

Аналогии и хронология. Аксютинецкое изображение более всего сходно по натуралистичности трактовки головы и туловища, по эклектичному сочетанию элементов завадско-акмечетской и келермесско-кульобской иконографии с ильичевским изображением Ильичевско-журовского типа и должно датироваться в рамках хронологии этого типа — первой пол. V в. до н. э.[1]

Тип I-2-I-2 Семибратненский, 450–440 гг. до н. э.

К данному типу относится одно изображение из Прикубанья, на золотой пластине — обивке колчана (1).

Показан взрослый олень-самец с мощными рогами, с подогнутой под туловище единственной задней ногой и с двумя передними ногами, одна из которых подогнута под туловище, а вторая направлена вперед и вверх. Это олень, терзаемый львом (вскочившим к нему на спину) и пытающийся подняться.

Изображение моделировано в высоком рельефе. Фигура, как мы видели, не строго профильная. Композиция ближе иконографии Завадско-акмечетского типа: нижние части подогнутых ног находятся на одной линии и соприкасаются внешними сторонами копыт. Передняя правая нога при этом сначала отходит вперед от локтевого сустава, затем дуговидно изгибается на 180 градусов в запястье и идет пястью назад, так что копыта оказываются под лопаткой. Передняя левая нога имеет аналогичный изгиб, но направлена предплечьем вверх, соответственно после изгиба в запястье пясть идет вниз, почти упираясь копытом в запястье первой передней ноги. Шея вертикальна, перпендикулярна туловищу, голова горизонтальна. Ухо отходит назад и чуть вверх, закрывая пустое пространство между рогами и головой льва. Спина оленя выгнута.

Рога имеют сложную структуру: от темени вверх они расходятся в виде пальметоидной фигуры, от которой вперед отходит короткий С-видный глазной отросток, а назад — три концентрические дуги, обозначающие заднюю часть рогов. Глаз преувеличенный, концентрический, овальный, рельефно выступающий в обрамлении рельефной глазницы с отходящим вперед углублением слезника. Ухо мощное, подтреугольное, с впадиной раковины и четко проработанным корнем. Ноздря и рот четко обозначены соответственно овальной и большой каплевидной впадиной. Шея мощная, прямоугольная, вдоль шеи четко показана кожно-шерстная складка, оформленная с помощью зарифленной рельефной линии — «жемчужника», а на поверхности шеи — линия мускулов, переданная продольным ребром плоскостей. Лопаточно-плечевая часть овальная, выделена рельефным выступом. Туловище моделировано продольными сходящимися плоскостями, рельефной полоской обозначены самцовые гениталии. Туловище при переходе в бедро образует впадину, обозначающую коленный выступ. Мускулы ног подчеркнуты углубленными линиями. Копыта преувеличенные рельефные. Хвост короткий, загнут вниз.

Хронология. Семибратненское изображение не имеет близких аналогий, будучи, очевидно, попыткой греческого мастера (о чем свидетельствует отображение самцовых гениталий и пальметоидность рогов) выполнить произведение в скифском стиле. По объективным показателям изображение датируется 450–440 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

[1] Изображение лося на лопатке оленя относится к выделенному ниже типу 5 обособленных лосиных голов (Журовско-чигиринскому), рамки которого на основании объективных хроноиндикаторов определены как вторая пол. VI — начало IV в. до н. э.

Тин I-2-I-3 Дуровский,
вторая нол. IV — нервая нол. III в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение с территории Среднего Подонья — на золотой пластине из кургана 1 Дуровки (1).

Это фигура самца лани (*Cervus dama*) с тонкими рудиментарными рогами, терзаемого грифоном и пытающегося подняться. В многофигурную композицию, помимо грифона (вскочившего на спину к лани и когтящего ее за плечи, см. ниже тип II-I-1 Защитненско-дуровский), включен антропоморфный персонаж, оседлавший грифона.

Изображение лани моделировано в одностороннем рельефе — на плоскости. Отображены все четыре ноги. Композиция близка иконографии Завадско-акмечетского типа оленей: лань показана с подогнутыми под туловище левой передней и левой задней ногами (их нижние части находятся на одной линии и соприкасаются внешними сторонами копыт), с правой передней ногой, подогнутой под грудь, и с правой задней ногой, отставленной назад. Передняя правая нога при этом сначала отходит вперед от локтевого сустава, затем дуговидно изгибается почти на 180 градусов в запястье и идет пястью назад, так что копыто упирается в запястье левой передней ноги. Шея горизонтальна, продолжает линию туловища, голова вертикально опущена. Ухо отходит наискось вперед, рога противонаправлены голове, при этом рога отходят не от темени перед ухом, а, вопреки анатомии, от затылка лани (очевидно, вследствие подражания композиции на аттическом керамическом медальоне из Феодосийского музея (см. ниже) и из-за нехватки места на пластине).

Анатомические детали трактованы условно и лаконично. Голова подпрямоугольная, с доминирующим глазом. Глаз преувеличенный округлый, сформирован выпуклой зеницей в обрамлении рельефной глазницы с отходящим назад углублением слезников. Ноздря и рот четко обозначены соответственно овальной и каплевидной впадинами. Ухо мощное, удлиненно-треугольное, с овальной впадиной раковины и широкой внешней частью. Рога состоят из тонкого стержня, разделяющегося на две короткие ветки — прямую и дуговидную, имитирующие передние и задние отростки реальных рогов лани.

Шея тонкая, слабоизогнутая, прямоугольная. Лопаточно-плечевая часть овальная. С тыльной стороны лопаточно-плечевой зоны и под животом с помощью рифленого валика имитирована кожно-шерстная складка. Туловище при переходе в бедро образует впадину, в которой выступом намечены самцовые гениталии. Мускулы ног подчеркнуты углубленными линиями, при этом у отставленной назад задней ноги, упирающейся в ноги грифона, практически не показана плюсневая часть (очевидно, вследствие нехватки места). Копыта намечены выпуклостями. Хвост короткий, намечен треугольным выступом.

Аналогии и хронология. Дуровская композиция в целом и ее персонажи являются несомненным варварским подражанием, схематизацией греческих трехфигурных сцен охоты героя (сидящего на грифоне) на копытное — типа композиций на аттическом керамическом медальоне из Феодосийского музея (см. подробнее: Онайко, 1976. С. 168–169. Рис. 5; Онайко, 1977. С. 154–155. Рис. 1–3; Канторович, 1998а. С. 78–88), а также сцены на боспорских пеликах «керченского стиля».

А. И. Пузикова, кроме того, обоснованно связала изображение на дуровской бляхе со сценой на навершиях из Слоновской Близницы (Пузикова, 1966. С. 88), зооморфные персонажи которой будут рассмотрены нами ниже в контексте образов грифона (см. тип II-I-1 Защитненско-дуровский) и неопределенных животных (см. тип III-I-1 Слоновская Близница). Сцена из Слоновской Близницы, впрочем, содержательно отличается от дуровской и феодосийской: здесь герой не преследует на грифоне некое животное, а убивает грифона, тем самым защищая его жертву[1].

Дуровское изображение датируется по объективным показателям второй пол. IV — первой пол. III в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Это вполне соотносится с его подражательным характером по отношению к изображениям на феодосийском медальоне.

Группа I – подгруппа 2 – отдел II
Тин I-2-II-1 Ульско-тенгинский,
сер. VI — начало III в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения из Прикубанья — на лопастях серебряных псалиев (1), на щитках бронзовых псалиев (2) и на золотых обивках деревянной чаши (3).

Модель тина. Данный тип объединяет изображения взрослого оленя-самца с крупными рогами, с подогнутой под туловище задней ногой и с передней ногой, вытянутой вперед. Изображения имеют плоскостную моделировку, анатомические детали оформлены либо с помощью углубленных линий (1, 3), либо прорезями (2). Ракурс строго профильный. Задняя часть туловища приподнята, передняя опущена. Шея вертикальна, перпендикулярна туловищу, голова горизонтальна, рога обрамляют голову и шею. Спина оленя выгнута.

---

[1] Обзор мнений о семантике данной сцены и семантико-стилистический анализ изображений см.: Канторович, 1998а. С. 78–80.

Рога древовидные или пальметоидные (об их разновидностях см. ниже), их передние отростки обособлены, задняя часть мощная, состоит из стержня, от которого отходят дуговидные отростки. Морда укороченная, зауженная. Глаз концентрический, округлый. Ноздря и рот обозначены небольшими впадинами. Шея сегментовидная, образует S-видную фигуру вместе с туловищем и бедром. Бедренная часть мощная, бедро отделено от коленного выступа впадиной (2, 3) или узкой выемкой (1). Хвост короткий, опущен вдоль крупа.

Особенности трактовки отдельных изображений и изобразительная динамика. Ветви рогов имеют древовидные (1) или кустовидные (2, 3) очертания, при этом стержень рогов ульского оленя мощный и заполнен, как и отростки, точечным орнаментом (1), стержень и отростки рогов елизаветинского и тенгиского оленей (2, 3) тонкие, отростков значительно больше, чем у ульского оленя. Ухо ульского оленя опущено наискось вниз, листовидное, с узкой впадиной раковины. Уши елизаветинского и тенгиского оленей неразличимы. Лопаточно-плечевая часть в елизаветинском изображении не акцентирована, тогда как у ульского и тенгинского оленей отграничена от шеи и туловища, сегментовидная и зооморфно трансформированная — соответственно в приподнятую голову безрогого лося и перевернутую голову птицы. Шея, туловище и бедро ульского и елизаветинского оленей гладкие. Напротив, у тенгинского оленя шея продольно разделена линией, очевидно, имитирующей мускулы, а туловище за лопаткой заполнено треугольной фигурой с косой штриховкой, очевидно, имитирующей ребра, далее пространство заполняет небольшая ромбическая фигура, далее две дуговидные линии отделяют заднюю часть, заполненную птичьей головой. Ноги ульского и елизаветинского оленей трактованы обобщенно и схематично, копыта не выделены (1) или выделены утолщением (2), тогда как ноги тенгинского оленя (3) переданы более детально: они укорочены и утолщены, передняя нога согнута и в запястье, и дополнительно в локте, фаланги (копыта) отграничены полосками. Наконец, особенность елизаветинского изображения в том, что оно представляет собой пару симметричных фигур оленей, являющихся элементом зооморфной трансформации обособленных пальметоидных оленьих рогов.

Морфологическая динамика типа состоит в движении от обобщенного и лаконичного, но в то же время анатомически более точного ульского изображения к схематичному в передаче туловища, но более декоративному в передаче рогов елизаветинскому изображению и к схематизированному, «скелетному» тенгинскому изображению, насыщенному зооморфными превращениями.

Хронология. Опорой для хронологии типа служит датировка по объективным показателям: для ульского изображения (1) — вторая пол. VI в. до н. э., для елизаветинского (2) — третья четв. IV в. до н. э., для тенгинского (3) — вторая пол. IV в. до н. э. — начало III в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Прослеженная морфологическая динамика не противоречит этим данным.

Таким образом, предельные хронологические рамки типа: вторая пол. VI — начало III в. до н. э.

Группа II – отдел I

Тин II-I-1 Нимфейско-улянский, вторая четв. V — конец IV в. до н. э.

К данному типу относятся 5 оригинальных изображений, происходящих с территории Крыма (1), Прикубанья (2, 3), Среднего Подонья (4) и Среднего Поднепровья (5). Это фигуры: на бронзовой уздечной бляхе (1), на золотых нашивных бляшках (2, 3), на золотых обкладках деревянных сосудов (4, 5).

Модель тина. Изображен взрослый олень-самец, с четырьмя ногами в относительно узком шаге (копыта соприкасаются (1, 2, 3) или сближены (4, 5)), шествующий в четырех случаях вправо (1–4), в одном случае влево (5), с горизонтально направленными рогами, выполненными в виде пальметки (2–5) или с пальметовидным завершением (1), с горизонтально посаженной головой, с короткой тупой (в одном случае заостренной — 4) мордой, с рельефно акцентированной сегментовидной лопаткой.

Особенности трактовки конкретных изображений и иконографическая динамика. Нимфейское изображение (1), при всей своей условности, определяемой общими канонами стиля, все же натуралистичнее, нежели майкопское (2), уляпское (3), из Частых курганов (4) и из Омельника (5). В пользу этого говорят и более близкое к природе соотношение длины ног и высоты всей фигуры нимфейского оленя, отсутствие зооморфной трансформации отростков рогов и полного превращения рогов в пальметку. Рога нимфейского оленя, очевидно, складываются из двух основных частей. Одна из них — это сочетание двух коротких противонаправленных отростков, симметричных относительно корня рогов и, скорее всего, отображающих передний обособленный отросток рогов благородного оленя (традиционно выделяемый в скифском искусстве) и первый из задних отростков. Другая составная часть, имитирующая задние ветви природных рогов, представляет собой идущий из той же точки длинный стержневой отросток, от которого примерно посередине отходят вверх и вниз два ответвления, затем смыкающиеся с ним над крупом, образуя конгломерат из трех загнутых вверх дуг.

А. И. Шкурко, рассматривая данное изображение в качестве аналогий лесостепным, справедливо отмечал, что в основе этой геометрической фигуры лежит реальный гребевидный пучок задних отростков благородного оленя[1], однако непонятно, почему он счел такое окончание «необычным» (Шкурко, 1975. С. 39). Напротив, как видно на примере изображений «спокойно лежащего» оленя из Завадской 1-й могилы (Мозолевский, 1980. С. 105–107. Рис. 44, *6*, *9*; 47, *3*), Ак-Мечети (ОАК за 1882–1888 гг. С. XCI; Толстой, Кондаков, 1889. С. 126. Рис. 107; Артамонов, 1966б. Табл. 72), Солохи (Манцевич, 1987. С. 67, 68), Мастюгино (ОАК за 1905 г. Рис. 97, *5*) и т. д., в период сер. V–IV в. до н. э. эта деталь вполне привычна как для искусства Степи, так и Лесостепи и находит себе оптимальное оформление в виде пальметки — мотива, активно проникавшего в это время в скифский звериный стиль из греческого искусства (Канторович, 1997. С. 101–106. Рис. 3–5). Этим же изображениям присуще свойственное всем оленям нимфейского типа вертикальное расположение прямой шеи и горизонтальная постановка головы. Но примечательно, что в схеме рогов нимфейского оленя мотив пальметки как таковой еще не присутствует. Обращаясь же к «майкопскому», уляпскому и омельникскому изображениям оленей данного типа, а также к изображениям вышеупомянутых лежащих оленей из Ак-Мечети, Завадской могилы и т. д. мы можем наблюдать, как с укорачиванием основного стержня рогов и с увеличением числа задних отростков нимфейская схема рогов в дальнейшем приобретала вид пальметки.

«Майкопским», уляпским и омельникским изображениям, в сравнении с нимфейским, присущ меньший натурализм. В целях придания «майкопским» и уляпским фигурам-бляшкам квадратного, а омельникскому изображению на обивке чаши прямоугольного контура их создатели меняют пропорции (ноги оленей укорачиваются, туловище удлиняется, шея становится короче и мощнее), что делает изображения более далекими от натуры, чем нимфейские. Рога, как уже сказано, уподобляются пальметке между волютами, для чего может увеличиваться количество отростков в пучке, завершающем рога (2, 3), и создается еще один отросток у основания этого пучка, симметричный верхнему (2, 3). Используется прием зооморфной трансформации— эти два симметричных отростка рогов преобразуются в головки хищных птиц (у оленей из «Майкопского клада» так же трансформирован и передний, «глазной» отросток, тогда как в уляпском изображении он рудиментарен). В омельникском изображении (5) волютовидный характер со слабо намеченными элементами зооморфной трансформации — птичьими головками — приобретает сочетание глазного отростка с верхним из задних отростков. В результате мы видим, что схема рогов этих оленей оказывается тождественной схеме рогов «спокойно лежащего» оленя из Ак-Мечети (то же можно сказать и о позиции головы). Вместе с тем форма глаза «майкопского» и омельникского оленей (миндалевидный) — более естественная по сравнению с глазами остальных оленей Нимфейско-уляпского типа (округлые концентрические), но здесь уже, видимо, сказывается влияние греческой стилистики.

«Майкопский» и уляпский олени изображены опирающимися на всю плоскость пальцев, включая рудиментарные пальцы, а не только на копыта, что напоминает опору не копытоходящих, а пальцеходящих, т. е. хищников. Это неестественно для оленя и других копытных в природе и нетипично для традиционного скифо-сибирского искусства, причем отнести это на счет схематизма или низкого качества нельзя: и копыта, и «шпоры» четко и тонко проработаны[2]. В результате, оставаясь копытным, «майкопский» олень стоит на копытах, как кошачий хищник стоял бы на лапах[3]. Соответственно и сустав заплюсны задних ног «майкопских» оленей располагается ниже, чем у нимфейского. Здесь очевидно влияние иконографии хищника, о чем свидетельствует явное композиционно-стилистическое сходство «майкопских» оленей с грифонами из того же клада (Фаркаш, 1992. Рис. 6: 1, 3; 7: 1, 2). Такая контаминация иконографии оленя и хищника проявляется и во встречной тенденции изображения кошачьего хищника с видовыми элементами оленей и других копытных[4]. Этому процессу имеется параллель в пазырыкском искусстве[5].

---

[1] О композиционной структуре рогов благородного оленя (*Cervus elaphus*) в природе было сказано выше.

[2] В данном контексте «копытами» именуются два средних, опорных пальца, гипертрофированность которых определяет принадлежность того или иного природного копытного к отряду парнокопытных; под условным названием «шпор» подразумеваются два атрофированных боковых пальца, располагающихся выше средних. Реально же в природе копытами одеты концевые фаланги всех пальцев (Жизнь животных, 1971. С. 437).

[3] В скифском зверином стиле его показывают чаще опирающимся на все четыре пальца, составляющих в природе лапу любого кошачьего хищника (Жизнь животных, 1971. С. 301).

[4] Ср. ниже изображение льва с оленьими рогами на золотой обивке чаши из Елизаветовского могильника (Borovka, 1928. Pl. 20, B).

[5] Ср. кошачьего хищника с оленьими рогами, оформляющего кожаную аппликацию на седло из Туэктинского 1 кургана (Руденко, 1960. Рис. 87).

Наиболее схематичным в рамках данного типа является изображение из Частых курганов (4). Его рога в передней части сведены в маленький полумесяц-серп. В остальных изображениях данного типа продолговатое остроконечное ухо со впадиной раковины (иногда с рифлением, имитирующем шерсть в ухе, — 5) показано натуралистично, противонаправлено морде и параллельно задней ветви рогов, заполняя пустое пространство между рогами и выгнутой спиной. Напротив, в изображении из Частых курганов непропорционально крупное геометризированное ухо перекрывает задний пучок рогов. Однако о вторичности данного изображения свидетельствует — помимо того, что оно заключено в рифленую рамку — потеря видовой определенности: гибкое поджарое тело и мощные ноги, оканчивающиеся подобием лап хищника, а также заостренность, клювовидность морды — элемент, навеянный иконографией грифона.

Таким образом, можно уверенно говорить об иконографической изначальности нимфейского изображения (1) по отношению к остальным изображениям Нимфейско-уляпского типа и дальнейшей морфологической динамике в направлении таких изображений, как майкопские, уляпские и омельникское. Изображение из Частых курганов представляется периферийной репликой с утратой семантической определенности.

Хронология тина. Указанные различия между изображениями в рамках Нимфейско-уляпского типа корреспондируют с датировкой соответствующих погребальных комплексов. Хроноиндикаторами данного типа являются прежде всего датируемые по объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) нимфейское изображение (475–425 гг. до н. э.) и уляпское (первая пол. IV в. до н. э.). Л. Ф. Силантьева датировала гробницу 8 кургана 17 Нимфейского некрополя второй пол. V в., в том числе на основании даты чернолаковых чаш (третья четв. V в. до н. э.), но сам уздечный набор, включающий бляху с оленем, она отнесла к середине V в. до н. э. (Силантьева, 1959. С. 75, 76, 106). А. Ю. Алексеев, исходя в первую очередь из тех же импортов, относит комплекс опять-таки ко второй четв. V в. до н. э., при том что он совокупно датирует Нимфейские курганы в рамках 475–425 гг. до н. э. с учетом хронологии античного импорта и аналогий уздечным принадлежностям, в том числе выполненным в зверином стиле (Алексеев, 1991. С. 50, 51. Рис. 2: 20; 2003. С. 296). При этом «майкопские» олени, как мы видели, занимают среднюю позицию в эволюционном ряду между нимфейским и уляпским изображениями данного типа, и, соответственно, их датировка может быть уточнена до рамок сер. V — начала IV в. до н. э., учитывая, что курган 5 Уляпского курганного могильника на основании античного импорта надежно датируется первой пол. IV в. до н. э. (Сокровища, 1985. С. 36, 111; Лесков и др., 2013. С. 56). Схематизм и примитивность изображения из Частых курганов опять-таки не противоречит объективной датировке кургана 11/2 группы Частых серединой IV — началом III в. до н. э.

Такая же «аномальность» в постановке копыт, приземистость, тяжеловесность свойственны и вышеуказанным изображениям стоящего оленя на обивках чаши из Филипповского 1 кургана и на кара-абызских бляхах[1]. Представляется, что именно изображения оленей типа «Майкопского клада» или вторичные по отношению к ним (такие, как изображение из Частых курганов) послужили прототипами для фигур приземистых оленей из Филипповского 1 кургана, которые, в свою очередь, стали образцом для кара-абызских блях.

Тин II-I-2 Акимовско-пятибратненский, вторая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 3 оригинальных изображения, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1, 2) и Нижнего Подонья (3). Это фигуры на золотых бляшках.

Модель тина. Изображен взрослый самец лани (чубарого оленя — *Cervus Dama*), вписанный в рифленую прямоугольную рамку, в широком шаге, шествующий влево, с древовидными горизонтальными рогами с лопатообразным завершением (что соответствует природной форме рогов самца лани), с немного приподнятой головой, с узкой мордой, с натуралистично выполненным глазом со слезником, с диагонально направленным ухом, перекрывающим задний пучок рогов, со слабо намеченной сегментовидной лопаткой.

Большему из акимовских и пятибратненскому изображениям (1, 3), в отличие от малого акимовского (2), свойственно акцентирование ребер, имитированных диагональными насечками. Большему из акимовских также свойственно наличие полосы каплевидных впадин по туловищу вдоль спины (имитация пятен на шкуре).

Хроноиндикатором типа служит пятибратненское изображение, происходящее из комплекса, датируемого по античной керамике, в первую очередь по клейму Хабрия второй пол. IV в. до н. э. (Брашинский, 1980а. С. 206). Предлагается и более узкая

[1] Интересно, что в еще одном изображении стоящего оленя на золотых обивках из того же 1-го тайника Филипповского 1-го кургана мастер, отобразив копыта точно таким же образом — подобно лапам хищника — всё же показал и «шпоры» (The Golden Deer of Eurasia. Cat. 28). Однако этот олень, как и олени-«штандарты», и по остальным композиционно-стилистическим признакам существенно отличается от скифских стоящих оленей.

датировка, но в пределах той же половины столетия: 340–330 гг. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 265), 350–345 гг. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012. С. 533). Акимовские изображения должны датироваться аналогично пятибратненскому.

Таким образом, предельные хронологические рамки типа: вторая пол. IV в. до н. э.

Тин II-I-3 Улянский,
нервая нол. IV в. до н. э.

Данный тип объединяет 2 оригинальных изображения с территории Прикубанья — из Уляпского курганного могильника. Два почти идентичных фрагментированных изображения, которые могут трактоваться как одно оригинальное изображение, представлены на крупных золотых пластинах из кургана 1 (1), еще одно изображение — на золотых нашивных бляшках из кургана 5 (2).

Модель тина. Изображен взрослый олень-самец, шествующий влево или внезапно остановившийся, в относительно узком шаге, с выпяченной грудью и немного отклоненной назад шеей, с прогнутой спиной, с двумя вертикальными ветвями рогов, показанными в развертке и составленными из зооморфно трансформированных отростков (в виде вертикально направленных перевернутых птичьих голов), с короткой тупой мордой, с натуралистично отображенными глазом и ухом, с рельефной сегментовидной лопаткой.

Изображения на пластинах (1) отличаются от изображений на бляшках (2) ориентировкой рогов, показанных в первом случае вертикальными, во втором горизонтальными, формой птичьих голов — элементов зооморфного превращения рогов (см. типологию в главе «Птицы»), наличием на бляшках прямоугольной рамки из «жемчужника», в которую вписано изображение и которая, видимо, определяла ориентировку рогов.

Налицо определенное композиционное сходство между данными уляпскими оленями на золотых ажурных нашивных бляшках из кургана 5 (2) и оленями на описываемых ниже сплошных золотых нашивных бляшках типа II-I-2 Акимовско-пятибратненский. И все же поскольку олени Уляпского типа значительно отклонены назад, ноги их даны в менее широкой постановке (они не идут, как акимовско-пятибратненские, а как бы остановились в движении) и, кроме того, у них принципиально иначе трактованы рога, следует отнести их к отдельному сюжетно-стилистическому типу.

Хронология типа определяется датируемыми по объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) изображениями из 1-го кургана Уляпского могильника (первая пол. IV в. до н. э.: Лесков и др., 2013. С. 23), но с тяготением к первой трети IV в. до н. э. (Ксенофонтова, 2010. С. 138–139, 142–144. Кат. 9–12, 21) и из 5-го кургана того же могильника (в рамках первой пол. IV в. до н. э.: Лесков и др., 2013. С. 56)

Тин II-I-4 Аксютинецко-волковецкий,
V–IV вв. до н. э.

К данному типу относятся 3 оригинальных изображения на бронзовых навершиях, два из которых происходят с территории Среднего Поднепровья (1, 2) и одно — вероятно, из Крыма (3)[1].

Модель тина. Это скульптурное изображение (но рассчитанное на профильный обзор) стоящего взрослого оленя-самца, показанного со всеми четырьмя ногами, плотно сдвинутыми, с опирающимися на спину горизонтальными рогами.

При этом налицо определенные композиционные различия: аксютинецкий олень (1) и олень из «Крымской коллекции» (3) стоят на совершенно прямых ногах, помещенных на одной линии, шея перпендикулярна туловищу, голова горизонтальна, находится на одной линии с основным пучком рогов, что подчеркивается положением уха точно по оси симметрии головы и по линии основного отростка заднего пучка рогов. Волковецкий олень (2) показан с немного согнутыми ногами, примыкающими друг к другу, правые впереди левых, в узком шаге, шея направлена наискось вверх, голова наклонена наискось вниз.

Олени трактованы лаконично, в аксютинецком изображении и изображении из «Крымской коллекции» — с элементами натурализма, в волковецком — крайне схематично. Рога преувеличены, образуют горизонтальную линию, составленную из С-видных (сильно загнутых у аксютинецкого оленя и оленя из «Крымской коллекции» и слабо загнутых у волковецкого оленя) отростков. У аксютинецкого оленя и оленя из «Крымской коллекции» рога четко разделены на «глазные» отростки, отходящие вверх и загнутые назад (два отростка у аксютинецкого и один у оленя из «Крымской коллекции»), и на основную, заднюю часть отходящих веерообразно (у аксютинецкого оленя) или пальметообразно (у оленя из «Крымской коллекции») от единого

[1] Композиционно близка данным изображениям фигура стоящего оленя на навершии протомеотского периода из ст. Махошевской в Прикубанье. Однако это изображение не включается нами в массив изображений скифского звериного стиля, поскольку в большей мере соответствует критериям кобанского искусства. Так, Е. В. Переводчикова, отметив вначале, что «форма навершия, да и сам принцип организации этой вещи принадлежат именно к скифской культуре и могут быть связаны с культурами Кавказа лишь генетически», в то же время указывает, что «моделировка поверхности обычна для изображения животных в искусстве кобанской культуры Кавказа...» (Переводчикова, 1994. С. 98; ср. Канторович, Эрлих, 2006. С. 34. Рис. 7).

стержня и загнутых вперед. У волковецкого оленя рога имеют аналогичную структуру и такое же количество отростков, но «глазные» отростки отходят назад, а задняя часть опирается на ухо, проходящее между рогами и спиной.

Морда геометризирована и укорочена, с тупым завершением. Рот обозначен каплевидной впадиной, ноздря — щелевидной. Глаз образован округлой выпуклостью зеницы в овальном углублении глазницы, с отходящими вперед и назад каналами слезников. Ухо преувеличено, оно асимметрично-ромбическое, удлиненное, на мощном корне, с четкой впадиной раковины. У аксютинецкого оленя при переходе от головы к шее с помощью завитко-образного желобка отграничена шерстная складка.

Шея мощная трапециевидная, у аксютинецкого оленя переходит в рельефную, преувеличенную, овальную лопаточно-плечевую зону. В волковецком изображении и изображении из «Крымской коллекции» туловище гладкое, без выделения лопатки и бедра. Переход от бедра к колену акцентирован овальной впадиной. Копыта даны схематично, у аксютинецкого оленя преувеличенные, с отстоящим рудиментарным пальцем, опущенным на землю вопреки натуре, что напоминает лапу хищника. У волковецкого оленя и у оленя из «Крымской коллекции» рудиментарный палец не обозначен. Хвост короткий мощный.

Аксютинецкое изображение отличается от остальных значительно большей четкостью и рельефностью; его общая композиция (исключая положение ног) и, в частности, схема его рогов соответствует иконографии эталонных изображений лежащего оленя вышеописанного типа I-1-I-3 Завадско-акмечетский. Волковецкое изображение и изображение из «Крымской коллекции» представляются схематизированными репликами с таких изображений, как аксютинецкое.

Хронология нижней границы типа определяется как V в. до н. э. в соответствии с датировкой В. А. Ильинской погребения в кургане у с. Аксютинцы 1897–1899 гг. на основании аналогий предметов из этого комплекса (гвоздевидные булавки, браслеты, зеркала, кувшинчик) с более надежно датируемыми курганами той же группы (Ильинская, 1968. С. 75–76). Параллель аксютинецкого оленя с ранними изображениями Завалско-акмечетского типа подтверждает эту датировку. Верхняя граница типа четко маркируется комплексом из кургана 1 у с. Волковцы 1897–1898 гг., отнесенного В. А. Ильинской ко второй пол. IV в. до н. э. по чернолаковому килику (Ильинская, 1968. С. 79). Это, как мы видим, соответствует вторичности волковецкого изображения в рамках изучаемого типа.

Таким образом, предельные рамки данного типа: V–IV вв. до н. э.

Тин II-I-5 Елизаветинско-дуровский, конец V — IV в. до н. э.

Данный тип включает 3 оригинальных изображения, происходящие из Прикубанья (1), Среднего Подонья (2) и Среднего Приднепровья (3) и оформляющие бронзовые уздечные бляхи (1, 2) и бронзовую уздечную подвеску (3).

Модель тина. Это схематичное ажурное изображение взрослого оленя-самца, вписанного в округлую или полукруглую рамку, упирающегося в эту рамку носом, рогами, хвостом и ногами, с лосеобразной расширенной вислой мордой, округлым глазом, зауженным ухом, рогами в виде горизонтального стержня с отходящими вверх отростками, с приподнятым хвостом, с гладким телом, без акцентирования анатомических деталей.

Елизаветинское (1) и дуровское (2) изображения представляют оленя четырехногим в шаге, как бы карабкающимся по внутренней стороне рамки, с лаповидными окончаниями конечностей, тогда как черкасский олень (3) строго профильный, его ноги укорочены и направлены наискось вперед, их окончания не проработаны (преднамеренно укорочены? следствие облома или недолива металла?). Хвост елизаветинского и дуровского оленей короткий прямой, черкасского оленя — длинный, S-видно изогнутый, упирается изгибом в рога.

Хронология данного типа основана на объективной датировке кургана 14 у с. Дуровка первой пол. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Елизаветинский курган 7 раскопок 1917 г. датируется третьей четвертью IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Черкасскую подвеску А. Д. Могилов датирует в широких рамках V–IV вв. до н. э. (Могилов, 2008. С. 82–83. Рис. 152, 6). С учетом значительного сходства данного изображения с изображениями Елизаветинско-дуровского типа и, в то же время, несколько большей архаичности черкасского изображения (строгая профильность, позиция ног) можно сузить датировку черкасского оленя до конца V — начала IV вв. до н. э.

Сходные изображения происходят с территории тагарской культуры — на что в отношении черкасской подвески уже было указано (Могилов, 2008. С. 83). В особенности им близки бронзовые обтянутые золотом бляшки из Большого Полтаковского кургана (погр. 2) тагарской культуры (Курочкин, 1993. С. 16. Рис. 20, верхний ряд, 1-е изображение справа). Возможно, именно такого рода изображения послужили образцом для черкасского, а уже на его основе были созданы изображения типа Дуровки и Елизаветинки.

Таким образом, данный тип может датироваться в предельных рамках конца V — IV в. до н. э.

Тин II-I-6 Калининский,
сер. IV вв. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Крыма, — на золотой обкладке деревянного сосуда из кургана 3, погр. 3 у с. Калинино (1).

Это очевидная провинциальная реплика с изображений Нимфейско-уляпского и Акимовско-пятибратнего типов. Калининское изображение отличает от них строгая профильность (при этом передняя и задняя расширенные короткие широкие ноги калининского оленя как бы слиты из пар конечностей), передача копытной части с помощью треугольной выемки, деление тела рельефными полосами на участки шеи, лопатки, ребер, бедра и крупа, каждый из которых имеет особую рельефную штриховку, а также наличие гипертрофированной шерстной складки под брюхом, обозначенной тремя горизонтальными линиями «жемчужника».

Схематизм и примитивность калининского изображения в сравнении с нифмейско-уляпскими и акимовско-пятибратними не противоречит объективной датировке комплекса погр. 3 кургана 3 у с. Калинино, содержащего чернолаковую чашечку середины IV в. до н. э. (Колотухин, 2000. С. 24–25. Рис. 15, 9). В. А. Колотухин относит это погребение к выделенной им поздней группе погребений сер. IV — III вв. до н. э. (Колотухин, 2000. С. 62–64)[1].

Тин II– I -7 Ульский,
вторая нол. VI в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение из Прикубанья — на лопасти серебряного псалия (1).

Представлен безрогий представитель вида *Cervus elaphus* — олениха или молодой олень с вытянутыми наискось вперед ногами (задняя нога почти уложена на землю, по крайней мере в своей плюсневой части), так что это олень, скорее, в позе внезапной остановки, нежели стоящий. Изображение имеет плоскостную моделировку, анатомические детали оформлены с помощью углубленных линий. Ракурс строго профильный, исключая уши (показаны оба). Задняя часть туловища опущена, спина копытного выгнута в лопаточной части. Шея идет наискось вниз, голова продолжает линию шеи, уши торчат вверх перпендикулярно шее.

Морда укороченная притупленная. Глаз преувеличенный каплевидный. Ноздря не обозначена, рот показан дуговидным желобком. Уши преувеличенно-удлиненные, асимметрично-ромбические. Голова отделена от шеи поперечной полоской (обрамленной двумя желобками), очевидно, имитирующей кожно-шерстную складку, пятна шерсти показаны на ней точечными углублениями. Шея трапециевидная, переходит в сегментовидную лопатку, акцентированную вторичным изображением — вертикальной головой лося с тупой мордой и клювовидной «серьгой» — кожно-шерстной складкой под головой лося. Туловище гладкое трапециевидное, переходит в мощную бедренную часть, а бедро, в свою очередь, переходит в мощную укороченную голень с желобком, имитирующим мускулы. Копыта передней и задней ноги преувеличены, они геометризированные (сегментовидные, с выгнутой подошвой), отделены уступом. Плюсневая часть задней ноги мощная короткая. Хвост мощный, опущен вдоль крупа.

По объективным показателям комплекс Ульского кургана 2 раскопок 1909 г. датируется в пределах второй пол. VI в. до н. э.

Группа II – отдел II
Тин II-II-1 «Дубовая»,
нервая нол. V в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение. Это внекомплексное изображение из Приднепровья — на золотой обивке деревянного сосуда из д. Дубовой (дар Войновича)[2].

Комнозиция изображения. Это осесимметричное изображение взрослого оленя-самца, представленного с четырьмя ногами, с дуговидно изогнутой шеей, идущей назад, вдоль спины, облегая туловище оленя, с головой, уложенной на спину, с двумя ветвями рогов, показанными в развертке, так что ось симметрии проходит через корень рогов и через глаз, с лопаткой, трансформированной в лосиную голову. Ноги композиционно оригинальны: показаны прямыми «на цыпочках», но не параллельно, а в узком разноименном шаге — в результате возникает нечто среднее между композицией «свисающих ног», с одной стороны (на аналогию

[1] В то же время в этом комплексе присутствуют стрелы 3-й хрон. группы по А. И. Мелюковой, а также копья, датируемые в рамках V–III вв. до н. э. (Колотухин, 2000. С. 24–25).

[2] При изучении автором данной обивки в коллекции ГИМ (ГИМ, № 38157) выяснилось, что этот предмет и соответственно само изображение оленя традиционно воспроизводится в литературе, начиная с первой публикации, в зеркальном отображении — как на фото, так и в рисунках (см.: Borovka, 1928. Pl. 3A; Ebert, 1928. Taf. 35B, abb. b; Членова, 1962. Табл. IV, 5; 1967. Табл. 32, 12; Potratz, 1963. Taf. 39; Королькова, 2006. Табл. 7, 3); исключение см.: Манцевич, 1966. Рис. 4, 19; На краю Ойкумены, 2002. № 456, фото на с. 102). В картотеке ГИМ эта обкладка характеризуется как «дар Войновича Л. В.», и неясно, что именно здесь указано — местонахождение вещи или место жительства дарителя: «Екатеринославская губерния, Верхнеднепровский уезд, д. Дубовая» (благодарю Е. Ю. Новикову за предоставленную возможность детального ознакомления с вещью и документацией).

с соответствующими сибирскими изображениями в зверином стиле указывал еще Г. Боровка (Borovka, 1928. P. 36–37. Tabl. 41)), и местной традицией, соответствующей вышеописанному типу II-I-1 Нимфейско-уляпский — с другой.

Трактовка основных деталей. Голова также преувеличенно удлинена, небольшой глаз под выпуклым надбровьем составлен округлой выпуклой зеницей в впадине, переходящей в слезник. Ноздря намечена утолщением, ее отверстие дано впадиной, линия закрытого рта передана рельефным овалом. Ухо оленя — удлиненно-листовидное, с узкой впадиной раковины, противонаправлено морде и подпирает левую ветвь рогов. Узкая длинная щека дана рельефной выпуклостью. Отходящие из макушки рога оленя симметрично развернуты на зрителя и близки по структуре рогам оленей вышеописанного типа I-1-II-2 Семибратненско-журовский: передние отростки дуговидно согнуты, находятся в центре композиции и сопоставлены изгибами, а основные ветви имеют по три отходящих вверх от стержня косо наклоненных отростка, изогнутых противоположно передним отросткам. Лопатка акцентирована рельефной лосиной головой мордой вверх. Бедро рельефно выделено, с треугольной выемкой впереди.

Копыта оленя подтреугольные, переходят в собственно ноги через рельефный перешеек — «пятку»; ноги узкие, длинные, с акцентированными мышцами (углубленная линия от туловища до «пятки»). Короткий хвост загнут вниз. Непропорционально удлиненная мощная шея изящно изгибается назад вдоль спины.

В разработке головы, рогов и туловища данное изображение композиционно тождественно и стилистически сходно с фигурами оленей вышеописанного типа I-1-II-2 Семибратненско-журовский, и, особенно, на предметах той же категории — золотых обкладках сосудов из Журовки, Омельника и Днепрорудного. Представляется, что в данном изображении сочетаются архаичные традиции трактовки оленей и лосей со «свисающими ногами» и головой назад, подобных рассматриваемой ниже протоме оленя типа 1 Константиновский и фигуре лося на Жаботинских бляшках (тип I-II-1 Жаботинский) и, с другой стороны, более поздние местные композиционно-стилистические элементы (что прежде всего отражается в трактовке рогов, головы и туловища).

Предлагаемая нами датировка изделия — первая пол. V в. до н. э. Она обусловлена стилем изображения, занимающего определенное место в эволюции данного сюжета (см. ниже)[1].

[1] Композиционно близка данному изображению в части трактовки туловища и ног (но с иной позицией головы) фигура оленя на бронзовой бутероли кинжала из сел. Урус-Мартан (Крупнов, 1960. Табл. XI, 6). Если считать устье бутероли низом, а ее закрытый конец верхом, перед нами олень на прямых, почти свисающих ногах, с головой, как бы опущенной до земли; если считать устье бутероли верхом, это убитый олень, подвешенный за конечности и за конец морды к палке — охотничий трофей или жертвенное животное. Но в любом случае это изображение в большей мере соответствует критериям кобанского искусства, поэтому оно не включается нами в массив изображений скифского звериного стиля. На том же основании здесь не учитывается изображение стоящего оленя с вытянутой вверх шеей на бронзовой пряжке из Фаскау (Галлат) (Мошинский, 2006. Рис. 33: 1).

Группа III – отдел I

Тин III-I-1 Чмырёвско-гаймановский, вторая — начало третьей четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 2 практически тождественных изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья (1, 2). Это фигуры, украшающие бронзовые навершия.

Модель тина. Изображен взрослый олень-самец с длинными рогами и бородой (фантастическая деталь, ср. некоторых оленей Завадско-акмечетского типа). Моделировка объемная, с прорезями, в расчете на боковой обзор. Голова, рога и туловище трактованы строго профильно, в то же время отображены все четыре ноги. Задние ноги показаны в широком шаге и чуть согнуты в пятке. Одна из передних ног предплечьем от локтевого сустава направлена вперед, затем в запястье изгибается на 180 градусов и идет пястью назад, так что копыто оказывается подложено под грудь и упирается внешней стороной во внешнюю сторону выставленной вперед задней ноги. Другая передняя нога направлена предплечьем наискось вперед и вверх, в запястье изгибается под прямым углом и пястью идет вниз, упираясь копытом в запястье первой передней ноги. Таким образом, олень показан припавшим к земле передней частью туловища с поднятой задней частью. Туловище направлено наискось вниз, шея вертикальна, голова чуть приподнята, рога своим изгибом уравновешивают изгиб туловища и опираются на круп, а борода замыкает контур с другой стороны, упираясь в запястье верхней из передних ног. Ухо отходит назад и вниз, параллельно рогам, закрывая пустое пространство между рогами и прогнутой спиной.

Рога преувеличены, вытянуты вдоль туловища. «Глазной» отросток обособлен, направлен вперед и опирается концом на изгиб морды оленя. Задняя часть рогов имеет пальметовидные очертания и состоит из четырех отростков (на чмыревских навершиях верхний отросток может быть обломан), отходящих из одной точки над глазом и на конце закрученных вверх. Ухо уподоблено нижнему

из этих отростков — удлиненное, тонкое, асимметрично-ромбическое, со впадиной раковины, с продольным ребром сходящихся плоскостей на обороте. Глаз овальный, оформлен выпуклостью во впадине глазницы с отходящими вперед и назад каналами слезников. Морда натуралистичная, ноздря и рот намечены соответственно точечной и каплевидной впадинами. Борода узкая длинная, складывается из трех разновеликих рельефных полос и, по сути, трансформирована в птичью голову. Голова переходит уступом в гладкую трапециевидную шею, переходящую уступом в лопаточно-плечевую часть, трансформированную в рельефное изображение птичьей головы, обращенной назад по линии туловища; в основании лопатки поперечным рифлением имитированы ребра. Туловище за лопаткой гладкое, плавно переходит в гладкое бедро. Переход от бедра к колену акцентирован каплевидной впадиной. Мускулы ног подчеркнуты углубленными линиями. Копыта рельефные. Хвост короткий, дуговидный, отогнут назад.

Хронология тина определяется датировкой гайдамановского изображения (2) по объективным показателям 365–320 гг. до н. э. и чмыревского (1) рубежом второй — третьей четв. IV в. до н. э., в первую очередь по сходству с гайдамановским, а также по ряду других показателей (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тин III-I-2 Кульобско-белозерский,
конец V — IV в. до н. э.

К данному типу относятся 6 изображений, происходящих с территории Крыма (1, 2) и Нижнего Поднепровья (3–6). Это фигуры, украшающие золотые пластины — обкладки ножен мечей (1, 3), серебряную чашу (2), золотые элементы конского снаряжения — налобник (4, 5) и нагрудник (Алексеев, 2012. С. 252) (6).

Модель тина. Изображен взрослый олень-самец с рогами, являющийся объектом терзания хищниками и грифонами. Моделировка рельефная (1–5), в александропольском изображении (6) — с помощью прорезей. Отображены все четыре ноги. Олени показаны почти припавшими к земле передней частью туловища, опирающейся на передние ноги, с поднятой задней частью. Соответственно задние ноги показаны в шаге, широком или узком, тогда как одна из передних вытянута вперед, другая передняя либо вытянута так же (1, 2), либо предплечьем от локтевого сустава направлена вниз и вперед, затем в запястье изгибается под острым углом и идет пястью назад, так что копыто упирается или почти упирается внешней стороной во внешнюю сторону выставленной вперед задней ноги (3–6). Туловище и шея образуют S-видную фигуру, рога своим концом опираются на лопатку (1–3, 6) или на круп (4, 5). Ухо отходит назад, параллельно спине и рогам, перекрывая основание рогов (1, 6) либо прижимаясь или накладываясь на шею (3, 6), либо закрывая пустое пространство между рогами и спиной (2, 4).

Морда относительно натуралистичная. Глаз естественных пропорций, овальный, оформлен выпуклостью во впадине глазницы с отходящими вперед и назад слезниками. Ноздря и рот намечены соответственно точечной и каплевидной впадинами. Ухо асимметрично-ромбическое. Шея трапециевидная. Лопаточно-плечевая часть овальная или сегментовидная, обрамлена рельефной полосой, отделяющей ее от шеи и брюха. Лопаточно-плечевая часть чаще дополняется «малой лопаткой» — плечевым суставом в виде завитка или полуовала (1–5), лишь в александропольском изображении (6) эта деталь отсутствует. Туловище поджарое, плавно переходит в бедро, отделенное от коленного выступа впадиной. Мускулы ног подчеркнуты углубленными линиями, в том числе рифлеными (4, 5). Копыта рельефные. Хвост короткий, опущен вдоль крупа (1–4, 6) или отходит назад (5).

О морфологических особенностях конкретных изображений данного типа см. в Каталоге.

Хронология тина. Все изображения данного типа имеют объективные датировки в своих комплексах (см. Список опорных хроноиндикаторов). Наиболее ранними являются бердянские изображения (4, 5) (конец V — первая треть IV в. до н. э.), затем следуют кульобские (1, 2) (345–335 гг. до н. э.). Белозерское изображение (3), очень близкое кульобскому на мече (1), должно датироваться аналогично и, во всяком случае, не позднее предложенной для данного комплекса В. В. Отрощенко даты последней трети IV в. до н. э. (Отрощенко, 1984. С. 121–126). Дата александропольского изображения — в пределах 340–300 гг. до н. э.

Таким образом, хронологические рамки типа: конец V — IV в. до н. э.

§ 3. Редуцированные изображения оленей

3.1. Протомы и иные редуцированные изображения голов с ногами

3.1.1. Объемные

Тин 1 Кужорский,
сер.— третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение из Прикубанья, оформляющее парные бронзовые псалии (1).

Это изображение представляет голову, шею, туловище и заднюю часть взрослого оленя-самца с рогами — без передних ног, с преувеличенным и вывернутым на 180 градусов копытом задней ноги. Моделировка объемная, но в расчете на бо-

ковой обзор, с доработкой деталей углубленными линиями. Ракурс строго профильный. Изображение имеет S-видные очертания. Олень представлен с прямой спиной, с выступающей грудью, с шеей, перпендикулярной туловищу и чуть отогнутой вперед, с головой, перпендикулярной шее и чуть приподнятой, с горизонтальными рогами.

Рога оленя образованы двумя противонаправленными симметричными отростками, разложенными над головой, загнутыми вверх на концах и опирающимися на носовую часть и на ухо. Контуры рогов дублированы углубленными линиями. Морда зауженная, с преувеличенными ноздрями и ртом, уподоблена симметричному ей уху. Ухо асимметрично-ромбическое, загнуто вверх и трансформировано в перевернутую голову хищной птицы с подтреугольным глазом, узкой восковицей и загнутым клювом. Глаз, ноздря и рот обозначены углубленными линиями. Глаз каплевидный, с отходящими в обе стороны слезниками — длинной задней, обозначенной завитком, и короткой передней, обозначенной черточкой.

Шея оленя гладкая, удлиненная, грудная часть выделена рельефным выступом. Туловище сокращено до участка восьмерковидного расширения псалия, за этим расширением переходит выступом в бедренную часть. Задняя часть псалиев обломана. Судя по лучше сохранившемуся псалию, то место в общей композиции, где у полнофигурных оленей отображены бедро, круп и подогнутая под туловище задняя нога, практически полностью занято чрезвычайно гипертрофированной и вывернутой на 180 градусов надкопытной и копытной частью, с удлиненным копытом (обломано) и удлиненным рудиментальным пальцем, упирающимся на конце в подошву копыта. Природное рифление корня копыта отображено с помощью двух коротких полос, образованных углубленными линиями. Аналогичными линиями подчеркнуты контуры копыта и рудиментарного пальца. Переход в надкопытную часть выделен ступенькой, а само копыто удлинено и сужено и на конце слабо загибается вверх.

Вместе с тем описанные анатомические детали дополнены с правой стороны псалия рядом углубленных линий, которые выявляют в данной части оленьей фигуры плоскостную голову некоего дополнительного животного, ориентированную в направлении окончания псалия. Миндалевидный глаз этого животного с отходящей назад дуговидным слезником показан с помощью углубленной линии. Ступенчатый переход в надкопытную часть является одновременно крутым лбом данного существа, а сочетание копыта и рудиментарного пальца — верхней и нижней челюстями этого животного.

Удлиненно-овальная фигура в основании пасти этого существа, образованная углубленной линией, вероятно, имитирует ноздрю (вариант: очерчивает контур восковицы птичьего клюва), а аналогично проработанные подтреугольные фигуры, вписанные друг в друга в основании рудиментарного пальца на копыте, не находят иного объяснения, как попытка имитировать клыки в пасти описываемого вторичного животного (грифона?).

Аналогии и хронология. Создатель кужорских псалиев, очевидно, ориентировался на общие композиционные рамки, задаваемые оформляющими Г-образные псалии полнофигурными и более натуралистичными оленями типа I-1-I-7 Уляпский, первой пол. (ближе к середине) IV в. до н. э. Одновременно мастер подражал давно существовавшей манере показывать на нижних концах псалиев преувеличенные копыта, противонаправленные голове животного на верхнем конце того же псалия (ср., в первую очередь, псалий из 2-го Семибратнего кургана), где наверху — протома лошади, а внизу — огромное копыто с рифленой надкопытной частью и большим рудиментарным пальцем (Артамонов, 1966б. Табл. 125); ср. также бляху из 11-го Ульского кургана в виде аналогичного обособленного копыта (Масленицына,1992. Рис. 1, 8). В результате у данных кужорских оленей то место в общей композиции, где у уляпских оленей отображены бедро, круп и подогнутая под туловище задняя нога, практически полностью занято чрезвычайно гипертрофированной и вывернутой на 180 градусов надкопытной и копытной частью.

Таким образом, с учетом вторичности кужорского изображения по отношению к объективно датируемым (см. Список опорных хроноидикаторов) вышеназванным семибратнему изображению (вторая пол. V в. до н. э. или, более узко, 450–440 гг. до н. э.), ульскому из 11-го кургана (V в. до н. э.) и, в особенности, уляпскому типа I-1-I-7 Уляпский первой пол. (ближе к сер.) IV в. до н. э., прямым продолжением и усложнением которого является кужорское, последнее должно датироваться не ранее сер. IV в. до н. э. Выше, при характеристике изображений хищников, уже указывалось, что соответствующие изображения из кургана 1 у ст. Кужорской, относящиеся к разным типам, датируются в рамках первой — третьей четв. IV в. до н. э. на основании стилистических и иконографических аналогий с более надежно датированными елизаветинскими комплексами (Елизаветинские курганы, курган 4/1913 г., или Южный, датируемый первой четв. IV в. до н. э., и курган 7/1917 г., датируемый третьей четв. IV в. до н. э.), к которым относятся изображения смежного Елизаветинско-кужорского типа (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Таким образом, дата данного типа, скорее всего: сер. — третья четв. IV в. до н. э.

Тин 2 Ассиновский,
конец V — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение из Центрального Предкавказья, оформляющее бронзовый налобник (1).

Это изображение представляет протому взрослого оленя-самца с рогами. Моделировка рельефная скульптурная, в расчете на всесторонний обзор. Олень показан с опущенной головой, перпендикулярной шее, с отходящими вверх рогами, развернутыми анфас, с немного наклоненной вперед шеей, с отходящими вперед сдвоенными ногами, слабо-изогнутыми в запястье. Ухо отходит назад перпендикулярно шее.

Рога образованы двумя пучками дуговидных отростков. Морда показана условно, с преувеличенной носовой частью. Рот образован углубленной каплевидной фигурой. Глаз преувеличенный, образован овальной выпуклостью. Шея короткая, мощная, гладкая, расширяется при переходе в лопаточно-плечевую часть. Ноги гладкие, разделенные желобком в месте соприкосновения, копыта не акцентированы, подошвы копыт обозначены плоскостью.

Аналогии и хронология. Ближайшую аналогию как в композиционном, так и в стилистическом отношении данному изображению составляет тип 3 объемных оленьих голов (Хатажукаевско-елизаветинский) конца V — третьей четв. IV в. до н. э. (см. ниже), соответственно в этих же рамках должно датироваться ассиновское изображение.

Тин 3 «Большая Близница»,
вторая — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение из Прикубанья, оформляющее бронзовые псалии (1).

Это изображение представляет голову и ногу взрослого оленя-самца с рогами. По аналогии с композицией изображения оленя типа 1 Кужорский здесь отображен «знак оленя», составленный головой, заключенной в квадратную рамку (оформление щитка псалия) с преувеличенным и вывернутым на 180 градусов окончанием задней ноги (голень, согнутая под прямым углом при переходе в ступню) — на противоположном конце псалия.

Моделировка плоскостная, односторонняя в части отображения головы и рогов, с оформлением деталей углубленными линиями и прорезями, тогда как в трактовке задней ноги моделировка объемная. Ракурс: анфас в обзоре головы и рогов, круговой в обзоре задней ноги.

Рога оленя образованы двумя симметричными отростками, расходящимися из корня на темени (корень отчеркнут углубленными линиями, на плоскости края рогов дублируются продольными углубленными линиями), преломляющимися под тупым углом (на переломах углами выступают вверх два передних отростка), далее направленными в противоположные стороны по горизонтали и заходящими на плоскость рамки, где углубленными линиями моделированы пальметовидные окончания рогов. По структуре рога соответствуют природным рогам самца лани.

Уши асимметрично-ромбические, уподоблены рогам, направлены горизонтально в противоположные стороны, заходя концами на рамку, с дублирующими края углубленными линиями на плоскости. Морда геометричная, с тупым завершением, разделена продольной рельефной линией на две симметричных части. Глаза моделированы овальными выпуклостями, отходящими в стороны от головы; зеницы обрамлены рельефными глазницами. Задняя нога сведена к гипертрофированной голени и ступне с четко оформленной надкопытной частью, переходящей уступом в мощное копыто.

Хронология. Датировка изображения из Большой Близницы основана на объективных показателях и составляет вторую — третью четв. IV в. до н. э.

3.1.2. Плоскостные

Тин 1 Константиновский,
конец VII — начало VI в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение из Нижнего Подонья, украшающее костяную Константиновскую пластину (1).

Представлена протома взрослого оленя-самца с рогами. Моделировка — гравировкой на плоскости. Протома строго профильная. Олень показан с повернутой назад головой, перекрывающей плечо, с согнутой в запястье и «свисающей» («на пуантах») левой ногой, с отходящей вверх ветвью рогов, подпираемой острием уха, параллельного рогам. Рога показаны только в задней части, состоят из единой ветви с тремя последовательно соединяющимися сигмовидными отростками-завитками. Морда укорочена и сужена (вписана в изгиб ноги), подбородок и скула даны дуговидными линями. Глаз и слитая со ртом ноздря обозначены округлыми впадинами, надбровная дуга обозначена насечкой, ухо сегментовидное. Шея и грудь образуют единую сегментовидную фигуру, копыто отделено от рудиментарного пальца насечкой.

Аналогии и хронология. Данное изображение стилистически сходно с остальными изображениями оленя на Константиновской пластине, датируемой ориентировочно концом VII — началом VI в. до н. э. (о дате данного изделия см. выше).

Тин 2 Майконский,
третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение из Прикубанья, оформляющее бронзовый налобник (1).

Представлена протома взрослого оленя-самца с рогами. Моделировка плоскостная ажурная, контуры деталей обозначены углубленными линиями и прорезями. Протома строго профильная в трактовке головы и ноги, но рога развернуты анфас на зрителя. Олень показан с горизонтальной головой, с отходящими вверх рогами, опирающимися на окончание уха и на нос оленя, с изогнутой под прямым углом шеей и с согнутой под 180 градусов ногой, подпирающей изгибом запястья (?) морду. Изображение вытянуто в длину, рога симметричны относительно оси, проходящей через глаз, составляющий композиционный центр изображени. Ухо горизонтально и симметрично морде относительно глаза.

Рога образованы двумя выходящими из единого корня (показан выступом с поперечным рифлением) пальметовидными симметричными пучками С-видных отростков, большинство из которых трансформировны в узкие птичьи головы. Морда показана условно, удлиненной, с преувеличенной носовой частью. Ноздря дана углубленной дугой, рот углубленной каплевидной фигурой. Глаз преувеличенный, образован овальной зеницей в контуре каплевидной глазницы с мощным задним слезником, тогда как передний слезник обозначен углубленной линией. Ухо сегментовидное, удлиненное, на конце изогнуто вверх, шерсть в ухе намечена продольным желобком. В основании головы при переходе в шею выделена кожно-шерстная складка, трансформированная в перевернутую птичью голову. Шея и нога оленя крайне геометризированные, удлиненные, фактически слитые в единую S-видную полосу, их контур дополнительно маркирован углубленной линией. Участок запястья в месте перегиба ноги маркирован S-видной углубленной линией. Грудная часть, лопатка, копыта никак не обозначены.

Аналогии и хронология. Данное изображение сходно с плоскостными изображениями оленьей головы, относящимися к типу 6 Елизаветинско-тенгинский и на рассматриваемом налобнике соседствует с одним из изображений этого типа (см. ниже тип 6 Елизаветинско-тенгинский, 13), которое присоединено к описываемой протоме спереди, причем сзади к протоме было присоединено, скорее всего, второе такое же изображение, но оно обломано. Следовательно, датировка данной протомы определяется хронологическими рамками Елизаветинско-тенгинского типа, которые составляют вторую пол. IV — начало III в. до н. э. По качеству исполнения майкопская протома должна стоять в начале эволюционного ряда Елизаветинско-тенгинского типа и относиться, скорее всего, к третьей четв. IV в. до н. э.

Тин 3 Елизаветинский,
третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение из Прикубанья, оформляющее щитки бронзовых псалиев (1).

Представлена протома взрослого оленя-самца с рогами. Моделировка плоскостная, контуры деталей обозначены углубленными линиями и прорезями. Ракурс строго профильный. Оленя показан с согнутой под 180 градусов ногой, подпирающей изгибом запястья морду, со слабоизогнутой шеей, перпендикулярной шее головой, от которой вверх отходят рога, опирающиеся на морду оленя и на ухо, перпендикулярное морде. Изображение вытянуто в высоту.

Рога делятся четко на переднюю и заднюю часть. Передняя часть состоит из узкого глазного отростка, опирающегося на морду и загнутого назад, превращаясь в голову хищной птицы. Задняя часть образована конгломератом типа лопаты лосиных рогов с тремя отходящими от нее отростками. Морда показана условно, удлиненной и зауженной при переходе в носовую часть, ноздря и рот обозначены углубленными линиями. Глаз условный, образован округлой зеницей в углубленном контуре глазницы, от которой вперед отходит углубленная линия слезника. Ухо асимметрично-ромбическое, шерсть в ухе намечена двумя продольными желобками, одновременно отграничивающими глаз и восковицу птичьей головы, в которую превращено ухо. Голова отделена от шеи углубленной линией. Шея геометризированная, шерсть на шее показана продольной рифленой полосой, аналогичные полосы проходят вдоль переднего и заднего края шеи. При переходе в лопатку шея отделена от нее аналогичной полосой, переходящей в завиток, оконтуривающий зону небольшой округлой лопатки. Нога гладкая, копыто частично отграничено углубленной линией. Контур изображения дополнительно маркирован рифленой полоской.

Аналогии и хронология. Данная протома сходна по форме рогов с рядом изображений оленьей головы, относящихся к типу 6 Елизаветинско-тенгинский (см. ниже тип 6 Елизаветинско-тенгинский, 14, 15, 18), второй пол. IV — начала III в. до н. э. По объективным показателям елизаветинские изображения из кургана 7 раскопок 1917 г. датируются третьей четв. IV в. до н. э.

3.2. Головы

3.2.1. Объемные

Тин 1 Журовско-семибратненский,
начало — вторая треть V в. до н. э.

К данному типу относятся 5 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1–3, 5), и Прикубанья (4). Это фигуры, оформляющие бронзовые налобники/наносники.

Модель тина. Это погрудное (с большим (1, 2, 5) или меньшим (3, 4) охватом грудной зоны) изображение взрослого оленя-самца с рогами относительно небольшого размера. Голова перпендикулярна шее, рога параллельны голове, опираются на ухо, отходящее назад по оси головы. Особенность волковецкого изображения — в развороте головы на 180 градусов назад относительно грудной области (2). Моделировка объемна, но в расчете преимущественно на боковой обзор, что подтверждается ракурсом: чаще соблюдается строгая профильность в отображении рогов (1–3), но в семибратненском изображении показаны оба рога (4).

Каждый рог четко разделяется на переднюю и заднюю часть. Передняя часть образована одним (1, 2, 4, 5) или двумя (3) «глазными» отростками, как правило, дуговидными, исключая аксютинецкое изображение (3), в котором «глазной» отросток рудиментарен, изогнут под прямым углом и упирается концом в задний отросток. Задняя, основная часть рогов состоит из дугообразных отростков, загнутых на конце вверх и образующих либо пальметовидные сочетания (1–3), либо два близко расположенных рога, к заднему из которых прилегает ухо (5), либо более натуралистичные сочетания, напоминающие лосиную «лопату» (4). Морда близка к натуре (1–4) или укорочена (5), в семибратненском изображении с перпендикулярным желобком при переходе в носовую часть. Ноздря и рот моделированы впадинами. Глаз образован выпуклой зеницей во впадине глазницы в обрамлении рельефного края, среднего размера, чаще показан упрощенно округлым, без слезников (1–3) или с желобчатым передним слезником (5), а в семибратненском изображении более близок к натуре: глазница овальная, наделен слезниками, а над глазом желобком показана надбровная дуга (4). Ухо чаще асимметрично-ромбическое, со впадиной раковины, причем в семибратненском изображении во впадине ушной раковины косыми рельефными полосами показана шерсть; в аксютинецком изображение ухо уловное, удлиненное, примыкает по всей длине к заднему отростку рогов (5). Шея усеченно-коническая трапециевидная, гладкая, в одном случае на шее отчетливо намечены вертикальные мускулы с помощью сходящихся плоскостей (3). Шея плавно переходит в гладкую грудную зону, в двух случаях переходящую далее в трапециевидную плоскость фаса груди, покрытую продольным рифлением, образующим 11-ти или 5-тилепестковую пальметку, что может являться чисто декоративным элементом, а может имитировать шерсть на груди — так называемый «подвес». В аксютинецком изображении (5) грудная зона сужена и удлинена.

Аналогии и морфологическая динамика. Схема рогов оленей данного типа, в целом соответствуя структуре рогов благородного оленя в природе, напоминает канон Завадско-акмечетского типа. В рамках типа как первичные четко дифференцируются более условные среднеднепровские изображения (1–3) и более натуралистичное и по моделировке, и по трактовке деталей семибратненское изображение (4), что отражает, вероятно, две линии развития Завадско-акмечетской иконографии: схематизацию в Лесостепном Поднепровье и усиление натурализма (вероятно, при влиянии боспорской стилистической традиции) — в Прикубанье. При этом аксютинецкое изображение, судя по дегенерации переднего отростка, неясной трактовке задней части рогов (возможно, обусловленной непониманием мотива пальметки) и условности в моделировке уха, видимо, является репликой с изображений типа журовских и волковецкого.

Хронология тина определяется датировкой по объективным показателям журовских изображений первой пол. V в. до н. э. и семибратненского 450–440 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Близкое журовским волковецкое изображение должно датироваться аналогично им. Аксютинецкое изображение, как мы видели, в качестве вариаций журовских и волковецкого, должно датироваться сходно с ними. При этом морфологически аксютинецкое изображение сходно с погрудными изображениями безрогих оленей/олених типа 5 Волковецко-стеблевский сер. VII — сер. V в. до н. э.

Таким образом, совокупная датировка типа: начало — вторая треть V в. до н. э.

Тин 2 Берестнягско-елизаветовский, середина — вторая нол. V в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Среднего Поднепровья (1), Подонья (2) и Крыма (3). Это фигуры, оформляющие бронзовые налобники/наносники (1, 3) и бронзовую головку — навершие (2).

Модель тина. Это изображение головы взрослого оленя-самца с короткими рогами. Моделировка объемная. Голова перпендикулярна шее, ухо отходит назад горизонтально (1, 2) или наискось вверх (3), рога идут наискось вверх и затем под тупым углом изгибаются назад (1, 3) или вперед (2).

Рога сведены к паре отростков, которые в берестнягском изображении (1) в месте изгиба разделяются еще на три коротких отростка (в совокупности они образуют глаз и клюв хищной птицы), а в елизаветовском изображении после изгиба рог, напротив, трапециевидно расширяется. Морда схематична, в елизаветовском (2) и акбурунском (3) изображениях сужена. Ноздри и рот в берестнягском и акбурунском изображениях моделированы каплевидными впадинами, в елизаветовском изо-

бражении не выражены. Глаз округлый, преувеличенный, образован выпуклой зеницей во впадине глазницы, от которой в берестнягском изображении вперед отходит канал слезника. Ухо в берестнягском и акбурунском изображениях асимметрично-ромбическое, с впадиной раковины, в которой в берестнягском изображении косыми рельефными полосами показана шерсть; в елизаветовском изображении ухо слабо выражено, подтреугольное. В берестнягском и акбурунском изображениях головы посажены на перпендикулярные им шеи, усеченно-конические, близкие к цилиндрическим, гладкие.

Аналогии и хронология тина. Данный тип представляется упрощением схемы типа 1 Журовско-семибратненского. Этому не противоречит хронология типа, которая определяется датировкой по объективным показателям берестнягского изображения второй пол. V в. до н. э. и елизаветовского сер. — третьей четв. V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Акбурунский налобник находится в одном уздечном комплекте с бляхой с изображением свернувшегося в кольцо хищника типа I-1-А-б-I-5 Акбурунско-семибратненский сер. — второй пол. V в. до н. э., причем в рамках этого типа изображение хищника, в свою очередь, ближе всего хищнику на семибратненских бляхах сер. — третьей четв. V в. до н. э. (см. выше).

Таким образом, датировка данного типа: сер. — вторая пол. V в. до н. э.

Тин 3 Хатажукаевско-елизаветинский, конец V — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Прикубанья. Это фигуры, оформляющие бронзовые навершия (1, 2) и стержень и окончание бронзового псалия (3)[1].

Модель тина. Это изображение головы и шеи взрослого оленя-самца с мощными рогами (на навершиях, верхняя часть рогов (1, 2) и уши (2) в той или иной мере обломаны, но их струтура восстанавливается по взаимным аналогиям). Моделировка оленей на навершиях объемная, в елизаветинском изображении (3) сочетается объемная моделировка головы и шеи с плоскостной, рассчитанной на односторонний обзор моделировкой рогов, детали которых оформлены с помощью прорезей и углубленных линий. Голова перпендикулярна шее, ухо и рога перпендикулярны оси головы, т. е. рассчитаны преимущественно на фронтальный обзор, при этом рога опираются на уши, отходящие наискось вверх и в стороны от головы.

Олень показан крутолобым, переход от лба к морде дан крутым уступом. Голова оленя на навершиях отображена достаточно натуралистично, на псалии (3) более условно (морда предельно заужена). Овальное углубление глазницы содержит округло-овальную выпуклость зеницы. Впадина глазницы через узкий канал переходит в каплевидное углубление слезника перед глазом. Рот оленя на навершиях в основании приоткрыт (что показано с помощью сквозных каплевидных отверстий с обеих сторон морды), линия рта на участке сомкнутых челюстей отображена углубленной линией по всему объему морды; аналогичным образом, но с перемычкой на конце носа, отображена линия ноздрей, завершающаяся каплевидным углублением на месте ноздревого отверстия с обеих сторон морды. В елизаветинском изображении рот закрыт, ноздря и рот намечены углубленными линиями.

Уши оленей асимметрично-ромбические, с четко выраженным корнем; у оленей на навершиях уши более натуралистичны, с рельефным краем и впадиной раковины; на елизаветинском псалии уши удлиненные, превращены в птичьи головы, моделированы выступами, отходящими в стороны от головы. Голова посажена на длинную цилиндрическую шею, роль которой выполняет соответственно втулка навершия или стержень псалия, в елизаветовском изображении шея немного согнута вперед. На переходе от головы к шее оленя рельефно моделированы горизонтальные кожно-шерстные складки — по одной у оленей на навершиях и три у елизаветинского оленя на псалии. На навершиях эта складка делится на две части и трансформирована в перевернутые птичьи головы с длинными круто загнутыми клювами, ориентированными противоположно морде оленя и завершающимися за ушами.

Рога оленей на навершиях и на псалии, будучи композиционно идентичными, имеют разную структуру. Рога оленей на навершиях (1, 2) четко разделяются на переднюю часть с двумя дуговидными отростками, отходящими вперед над глазами, и на основную, заднюю часть, представленную двумя симметричными древовидными ветвями, в общем соответствующими структуре рогов в природе, если не считать их фронтальную развертку. Рога оленя на елизаветинском псалии абсолютно декоративны, сведены к задней части, без «глазных» отростков и образуют декоративную пальметовидную фигуру из шести С-видных, загнутых вовнутрь отростков, превращенных в птичьи головы. Эти отростки образуют два скопления по три отростка, симметричных относительно линии,

[1] К данному типу примыкает изображение золотой головы оленя (с шеей и с серебряными рогами) — сохранившаяся верхняя часть скульптуры оленя из 1-го Уляпского кургана (Шедевры, 1987. Табл. XXIV. Кат. 7). Однако оно представляется скорее греческим по стилю и поэтому не включается нами в состав источника.

проходящей через темя оленя; в этих скоплениях внутренние отростки меньшего размера (возможно, соответствуют «глазным» в природе), а следующие за ними — более крупные.

Морфологическая динамика, аналогии и хронология. В рамках типа первичными представляются изображения на навершиях, тогда как голова на елизаветинском псалии — несомненная дальнейшая стилизация данной схемы, с усилением декоративности. Последнее изображение сходно с плоскостными схемами оленьей головы типа 6 Елизаветинско-тенгинский, в том числе на навершиях (см. ниже). Аналогию данному типу по общей композиции, по характерным складкам на шее составляет также известное навершие с головой оленя и пышными фронтальными рогами из Новочеркаского музея (Ильинская, 1967. Рис. 4. С. 297), но новочеркасское навершие — натуралистичное в передаче головы и шеи, а также птиц на рогах, изысканно-декоративное в трактовке рогов — выполнено безусловно в нескифском стиле (скорее, в греческом).

Хронология типа основывается на датировке елизаветинского изображения сер. — третьей четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Изображения на навершиях по логике морфологической динамики должны датироваться более ранним временем и близко друг к другу, исходя из их значительного сходства. Это согласуется с позицией Е. В. Переводчиковой, отнесшей хатажукаевское навершие (2) (обозначено в ее каталоге как навершие из Майкопского музея — т. е. по месту хранения) — к I типу разработанной ею классификации (рамки I типа — VII–IV вв. до н. э.) и позиционировавшей его по стилю вслед за В. А. Ильинской «раньше навершия из Новочеркаского музея», которое, в свою очередь, датировано обеими исследовательницами V в. до н. э. (Ильинская, 1967. С. 298; Переводчикова, 1980б. Рис. 1: 1–9. С. 31–32, 34. Табл. 2). Думается, что между оленями на навершиях и елизаветинским оленем не может быть очень значительного временного промежутка, т. е. олени на навершиях должны быть отнесены к концу V в. — началу IV в. до н. э.

Таким образом, возможная датировка всего типа: конец V — третья четв. IV в. до н. э.

Тин 4 Тузлинский,
начало IV в. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Прикубанья. Это фигуры, оформляющие лопасти бронзовых псалиев (1, 2).

Модель тина. Это изображение головы взрослого оленя-самца с мощными рогами. Моделировка головы и рогов рассчитана на односторонний, фронтальный обзор, при этом рога плоскостные, тогда как голова объемная, но боковые стороны головы проработаны условно, а детали головы оформлены с помощью углубленных линий. Ракурс — голова анфас, уши отходят наискось вверх в стороны, накладываясь на рога, сами рога развернуты на зрителя и продолжают вертикальную линию оси головы.

Головы оленей трапециевидные с расширенными книзу мордами. Ноздри показаны либо единой сегментовидной фигурой (1), либо двумя кружками (2). Глаза миндалевидные, с выступающими вовнутрь короткими линиями слезников. Лобно-теменная часть обрисована дуговидным контуром, отделяющим ее от шеи, в одном случае это тонкая линия (1), в другом — полоска с поперечным рифлением, имитирующим шерсть (2). Над глазами слабоизогнутыми (1) или дуговидными (2) линиями намечены надбровья. Уши сегментовидные, условные, корень не выражен; в одном случае (1) переданы углубленными линиями на плоскости, в другом случае (2) моделированы выступами; в одном случае дуговидной линией намечена впадина раковины (1). Рога образованы мощной вертикальной ветвью с отходящими в стороны вверх отростками, близкими к натуре (2) или С-видными и S-видными (1). В одном случае (2) рога завершаются близким к натуре пуком отростков.

Аналогиии и хронология. Не имея близких аналогий, данный тип изображений представляется следствием стилизации изображений оленя на навершиях, относящихся к Хатаужкаевско-елизаветинскому типу. Кроме того, в Южном Приуралье в погр. 4 кургана 15 Филипповского могильника найдена костяная ритуальная ложка, рукоять которой оформлена в виде сходной с тузлинскими схематизированной тупорылой головы оленя с пучком вертикально направленных рогов (Канторович, Яблонский, 2009. Рис. 4, *1*). Это логический результат процесса тиражирования и стилизации обособленной головы оленя с вертикально отходящими ветвистыми рогами, причем тузлинские изображения составляют среднее звено в процессе эволюции от изображений, подобных хатажукаевскому, к филипповским и к минимизированным оленьим головам с пышными вертикальными рогами — см. ниже тип 8 Семибратненско-елизаветинский. Поскольку, как уже было сказано, изображения хатажукаевского навершия и наверший из Краснодарского музея скорее всего должны быть отнесены к концу V в. до н. э. — началу IV в. до н. э., это подтверждает датировку близких им тузлинских изображений на псалиях началом IV в. до н. э.. предложенную рядом исследователей (Сорокина, 1957; Коровина, 1957. Рис. 9: 1).

Тин 5 Волковецко-стеблевский,
сер. VII — сер. V в. до н. э.

К данному типу относятся 17 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1–5, 7–11), Нижнего Поднепровья (12), Нижнего Подонья (6) и Крыма (13–17). Это фигуры, оформляющие бронзовые налобники/наносники; возможно, однако, что обломанное навершие с поселения Биели (17) было частью не налобника, а псалия (Соколов, 2020. С. 385).

Модель тина. Это погрудное (в случае с фрагментированным изображением с поселения Биели — предположительно) изображение молодого оленя/оленихи — безрогого или, реже (1, 9) с рудиментарными рогами. Моделировка объемная. Шея чаще образует прямой угол с грудной частью, реже чуть приподнята (1, 3, 9, 14), голова перпендикулярна шее (2, 4, 10, 11, 17) или немного приподнята (1, 3, 5–9, 12, 15) либо опущена (16), ухо относительно оси головы отходит наискось назад и вверх (1–3, 5, 9, 14, 15, 17) или же назад по оси головы (4, 7, 8, 11–13), в двух случаях вертикально (6, 10, 16). Особенность изображения из Прус (2) — в наличии трех голов на трех шеях, вырастающих из единого «корня».

Голова животного схематичная, морда укорочена. Глаз показан упрощенно округлым, без слезников, образован выпуклой зеницей во впадине глазницы в обрамлении рельефного края, среднего или большого размера. Ноздри и рот моделированы впадинами, в ряде случаев ноздри четко не оформлены (2, 5, 6). Уши асимметрично-ромбические или ромбические, со впадиной раковины (за одним исключением — 17), в некоторых случаях удлиненные (1, 5, 9, 12, 15, 16). Шея усеченно-коническая, в некоторых случаях крайне укороченная (4–7), гладкая. Шея плавно переходит в гладкую грудную зону, сужающуюся (6–16) или расширяющуюся (1–5) книзу. В одном случае грудная часть переходит в рельефно оформленное преувеличенное копыто, т. е. это сокращенная протома (3); в трех случаях грудная часть переходит в покрытую продольным рифлением зону, отделенную от гладкой части груди рельефной перемычкой (11, 14) или изгибом (4): скорее всего, это имитация «подвеса» — кожно-шерстной складки на груди.

При наличии рогов они представлены либо рудиментарным бугром (9), либо единственным сегментовидным выступом (1).

Хронология тина определяется датировкой по объективным показателям стеблевского изображения (10) первой пол. — сер. V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Комплекс Старшой могилы (4) датируется, в первую очередь по стрелковому набору, не позже 600 г. до н. э., вероятнее всего, в пределах 650–600 гг. (Алексеев, 2003. С. 154, 295). Остальные изображения данного типа, так или иначе сходные с стеблевским или из Старшой могилы, могут датироваться в этих рамках.

Таким, образом, вероятная хронология данного типа: сер. VII — сер. V в. до н. э.[1]

Тин 6 Кужорский,
нервая — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение из Прикубанья, оформляющее окончание бронзового псалия (1).

Это изображение представляет голову и рога взрослого оленя-самца. Стержень Г-образного псалия при переходе в щиток оформлен в виде объемной головки оленя, плоскостные рога которого отображены уже на щитке на внешней его стороне, их детали доработаны углубленными линиями и прорезями. Голова рассчитана преимущественно на обозрение анфас, рога также развернуты на зрителя и направлены вверх.

Трактовка деталей. Голова оленя подтреугольная анфас и в профиль. Глаза натуралистичные, овальные, выпуклые. Над глазами дуговидными выпуклостями моделированы брови, сходящиеся между глазами в мощный выпуклый нос, расширяющийся книзу. Непосредственно от окончания носа вниз отходят две выпуклые полоски, моделирующие рот. Овальный выпуклый лоб оленя обрамлен изгибами передних рогов. Отображены оба рога, они осесимметричные, преувеличенные, трансформированы в сдвоенные профильные фигуры крылатых львов, упирающихся раскрытыми ртами в собственные крылья (описание крылатых львов см. в соответствующем разделе). При этом нижние части хвостов этих хищников играют роль передних отростков рогов оленя, а вся остальная часть грифоньих тел является одновременно задней частью рогов оленя.

Аналогии и хронология. Изображение в целом уникально, композиционно ближайшую аналогию ему составляют головы оленей Хатажукаевсо-елизаветинского типа и, по позиции и моделировке

[1] П. М. Соколов, опубликовавший головку из поселения Биели (17), отнес ее к выделенному нами образу «тупорылого зверя» и датировал IV в. до н. э. (Соколов, 2020. С. 385–386). Однако нам представляется, что данное изображение представляет именно узкомордого молодого оленя/оленихи и вполне соответствует иконографии Волковецко-стеблевского типа. Что касается даты предмета, он относится к «подъемному материалу, обнаруженному на поверхности будущего раскопа», причем стратиграфически он относится «к границе поврежденного строительными работами современного почвенного слоя и верхней части культурного слоя поселения» (Соколов, 2020. С. 385). Соответственно, датировка этой находки IV веком до н. э. не может быть окончательной.

головы, — Тузлинского типа. Датировка этих типов не противоречит хронологии комплекса кургана 1 у ст. Кужорской, обоснованной нами на основании анализа изображений хищников как период первой — третьей четв. IV в. до н. э.

3.2.2. Плоскостные

Тин 1 Константиновский,
конец VII — начало VI в. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения из Нижнего Подонья, украшающие костяную Константиновскую пластину (1–4).

Модель тина. Представлены стилистически сходные головы одного взрослого оленя-самца с рогами (1) и трех безрогих оленей (2–4). Моделировка — гравировкой на плоскости. Ракурс строго профильный. Олени показаны схематично и лаконично, с горизонтальным ухом. У рогатого оленя рога показаны в виде симметричной короны из двух сегментовидных отростков. Морда оленей овальная, скула и складка под головой дана дуговидной линией, глаз обозначен округлой впадиной, в одном случае обведенной большой окружностью глазницы (3). Ноздря дана единой впадиной со ртом (в одном случае они показаны раздельно — 3). Ухо подтреугольное (1) или листовидное (2–4). В одном случае обозначена трапециевидная шея, отделенная от головы углубленной линией (4).

Аналогии и хронология. Данные изображения стилистически сходны с остальными изображениями оленя на Константиновской пластине, датируемой ориентировочно концом VII — началом VI в. до н. э. (о дате данного изделия см. выше).

Тин 2 Семибратненско-ульский,
вторая нол. V — начало IV в. до н. э.

К этому типу относятся 18 изображений, происходящих с территории Прикубанья (1–4, 11) Среднего Поднепровья (5–9, 12, 13, 18), Нижнего Поднепровья (14, 15), Нижнего Поднестровья (16), Ставрополья (10) и, возможно, из Крыма (17). Это головы, оформляющие в основном бронзовые уздечные бляхи (1–13, 17), бронзовое обломанное навершие псалия (18), а также золотые накладки ритона (14, 15) и золотую обивку деревянного сосуда (16). К данному типу отнесены не только целые, но и некоторые фрагментированные изображения с учетом их близости основной массе остальных изображений: в одном из перещепинских изображений утрачена основная часть заднего пучка рогов (8), но оно учитывается, будучи аналогичным лучше сохранившемуся изображению из другого перещепинского комплекса (9). На основании близости другим изображениям в данный тип включается и головка из Бельска (12), в которой задняя часть рогов сохранилась полностью, об изначальном же существовании переднего отростка говорить трудно.

Модель тина. Это изображения взрослого оленя-самца с рогами. Моделировка в высоком рельефе, ракурс строго профильный. Как правило, изображение ограничено головой и рогами, но в четырех случаях отображена также и верхняя часть шеи (6, 15, 16, 18). Рога противонаправлены голове или находятся под тупым углом к ней, так что в целом изображение вытянуто, образуя овал или эллипс. При этом ухо чаще параллельно рогам и подпирает их (1–4, 6, 7, 9, 10, 11–13, 15, 17, 18), реже накладывается на их корень (5, 14, 16).

Трактовка деталей. Рога, как правило, четко разделяются на переднюю часть с одним «глазным» отростком (в некоторых случаях он утрачен, но его обломок остался — 3, 8, 9), в трех случаях он отсутствует — 10, 17, 18) и основную, заднюю часть, состоящую из слабоизогнутых дугообразных отростков, в той или иной мере загнутых на конце вверх и образующих преимущественно пальметовидные сочетания (1–7), реже — более близкую к естественной схеме рогов благородного оленя древовидную фигуру (10) или древовидную с пальметовидным завершением (9), в одном случае рога сводятся к двум завиткам (18). Иногда пальметоидный пучок рогов обрамлен в основании двумя волютами, роль которых играют обособляемые отростки рогов (1, 4, 11, 15). Передний отросток в совокупности с аналогичным обособленным задним может формировать симметричную комбинацию — своего рода «корону» (1, 4, 11, 14–16). Для большинства изображений также характерно зооморфное трансформирование передних и первых задних отростков рогов в птичьи головы (1, 2, 4–7, 11, 14–16).

Морда геометризирована, с относительно натуралистичным (1, 3–5, 11, 16) либо же коротким тупым (8–10, 13–15) или острым (6, 18) завершением. Глаз концентрический, с выпуклой зеницей во впадине глазницы в обрамлении рельефного края. Глаз либо отображен близко к натуре — среднего размера, наделен слезником и имеет овальные очертания (2–4, 7, 14–17), либо показан упрощенно округло-овальным без слезников — среднего размера (1, 6, 11) или преувеличенным (8–10, 12, 18), иногда настолько, что занимает всю плоскость головы, не оставляя места для морды (13). Над глазом в одном случае (3) показана бровная дуга (углубленной линией). Ноздря и рот намечены округлой и каплевидной впадинами (1–3, 5–7, 14–18), могут быть слиты воедино (4, 8–10) или же вовсе не показаны за отсутствием места (13). Ухо асимметрично-ромбическое, иногда крайне удлиненное (9, 16, 18), со впадиной раковины, в которой поперечными (16), продольными (9) или косыми (2, 3, 13– 15) рельеф-

ными полосами может быть намечена шерсть. В одном случае (12) пространство между ухом и затылком занято пальметкой. В основании головы может быть выделена кожно-шерстная складка, которая чаще бывает гладкой (2, 3, 5, 12, 16, 17), реже рельефной (7). Аналогичная складка, рельефная, может быть отображена вдоль шеи, при наличии последней (14, 16).

Аналогии и хронология. Ближайщую аналогию данным головкам составляет изображение с территории Нижнего Поволжья — из могильника Кривая Лука III, курган 5, погр. 16 (Očir-Gorjaeva, 2005. Abb. 58: 2a, 2b). По структуре рогов большинство изображений данного типа соответствуют канону Завадско-акмечетского типа полнофигурных изображений оленя, при этом иконографическое ядро данного типа составляют прикубанские и степные северопричерноморские головки (1–4, 11, 14–16), лесостепные и ставропольская (5–10, 12, 13) представляются репликами с них, доходящими порой до полного непонимании образа (13).

Основу хронологии типа составляют объективные датировки семибратненского (курган 4) (3) (440–430 гг. до н. э.) и берестнягского (5) (вторая пол. V в. до н. э.) изображений. Ульский курган № 11, откуда происходит еще одно изображение данного типа (4), по узде позднейший в группе, относится к четвертому хронологическому горизонту Ульских курганов по В. Р. Эрлиху, т. е. датируется в пределах V в. до н. э. (Эрлих, 2010. С. 118). При этом ульское изображение по иконографическим показателям стадиально не может быть ранее семибратненского (курган 4), поскольку очень сходно с ним. Близкое этим изображениям «майкопское» (11) должно датироваться аналогично. Малосемибратненские изображения (2, 3), сходные, но более упрощенные, нежели вышеперечисленные, должны датироваться близко берестнягскому, но более упрощенные перещепинские (8, 9), тенетинское (6) и звенигородское (7) — не раньше берестнягского. Великознаменские (14, 15) и чобручское (16) изображения близки изображениям полнофигурного оленя Завадско-акчмечетского типа на обивках чаш, чему не противоречит датировка С. М. Агульниковым и А. В. Субботиным комплекса у с. Чобручи концом V — началом IV в. до н. э. (Агульников, Субботин, 1997. С. 182–186). Крайне упрощенное и схематизированное (на грани потери видовой идентичности) изображение из кургана Орликова могила (18) датируется публикаторами 430-ми гг. до н. э. по античному импорту в соответствующем комплексе (Скорый, Орлик, Зимовец, Каравайко, 2019. С. 173).

Таким образом, хронология типа может быть установлена в рамках второй пол. V в. до н. э. — начала IV в. до н. э.

Тин 3 Кужорско-елизаветинский, IV — начало III в. до н. э.

К данному типу относятся 7 изображений, происходящих с территории Прикубанья (1–7) и оформляющих бронзовые налобники (1, 2, 7) и бронзовые щитки псалиев (3–6).

Модель тина. Это головы оленей-самцов с рогами, поглощаемые сдвоенными предлежащими кошачьими хищниками типа I-3-А-II-2 Елизаветинско-кужорский (хронологические рамки: первая — третья четв. IV в. до н. э.) и одиночным кошачьим хищником типа I-1-Б-I-1 Уляпско-тенгинский (хронологические рамки: IV — начало III в. до н. э.).

Моделировка плоскостная ажурная, контуры деталей обозначены углубленными линиями и прорезями. Ракурс строго профильный.

Из спины хищников как бы вырастают головы оленей, которые композиционно тождественны идущим наискось вперед крыльям грифонов в изображениях «елизаветинского стиля»[1]. Морды оленей посередине зажаты между клыками хищников. Передний отросток оленьего рога опирается на морду оленя в месте ее зажима. Задняя часть оленьих рогов упирается в основание хвоста хищника в месте его изгиба.

В большинстве случаев (1, 3–6) рога оленей разделяются на неравные части — меньшую переднюю, состоящую из одного отростка, и основную, состоящую из пучка отростков, либо пальметовидного, отходящего назад (3–6), либо — с пальметовидным скоплением отростков над глазом и с лосеобразной лопатой рогов позади (1). В одном случае рог оленя состоят из двух примерно равных симметричных отростков — переднего и заднего (2), причем каждый из отростков превращен в перевернутую птичью голову с преувеличенным глазом, с выступающей восковицей и спирально закрученным клювом.

Морды оленей резко сужаются при переходе в ноздревую часть (в месте зажима хищником) и затем вновь каплевидно расширяются. Глаз концентрический, с выпуклой зеницей во впадине глазницы, среднего размера, наделен слезником и имеет овальные очертания. Ноздря и рот намечены дуговидными впадинами. Ухо овально-подтреугольное (2, 4–6) или преувеличенное, асимметрично-ромбическое (1, 3), с косыми прорезями шерсти в раковине (за одним исключением — 1). В одном случае (12) пространство между ухом и затылком занято пальметкой. В основании головы может быть выделена кожно-шерстная складка, которая

[1] Возможно, вышеописанные головы оленей являются зооморфным превращением крыльев, и в этом случае хищники должны считаться фантастическими и квалифицироваться как грифоны.

чаще бывает гладкой (2, 3, 5, 12) реже — рельефной (7). Аналогичная складка, рельефная, может быть отображена вдоль шеи, при наличии последней (14, 16).

Хронология типа соответствует совокупным хронологическим рамкам типов основных персонажей сцены — хищников, т. е. устанавливается в рамках IV — начала III в. до н. э.

Тин 4 Журовско-ильичевский,
нервая нол. V — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Среднего Поднепровья (1), Крыма (3) и Прикубанья (2). Это головы, украшающие золотые обивки деревянного сосуда (1, 2) и золотую нашивную пластину (3). При этом фрагментированное изображение из Ильичево (3) реконструируется с учетом его близости остальным изображениям данного типа.

Модель тина. Это изображения взрослого оленя-самца с рогами. Моделировка в высоком рельефе, ракурс строго профильный. Голова горизонтальна, рога вертикальны, ухо отходит назад наискось вверх.

Рога состоят из вертикального прямого стержня, от которого в стороны отходят короткие горизонтальные отростки, превращенные в птичьи головы (в ильичевском изображении стержень не прослеживается вследствие фрагментации пластины, но корень рога и боковые отростки в нижней части сохранились). Этот стержень и эти отростки в журовском и в ильичевском изображениях (1, 3) мощные и четкие, в карагодеуашском (2) — тонкие и схематичные, в журовском стержень поперечно зарифлен, в карагодеуашском – гладкий.

Морда геометризирована (1, 2) или относительно натуралистична (3). Глаз по пропорциям и форме отображен близко к натуре, представлен выпуклой зеницей во впадине овальной глазницы в обрамлении рельефного края, наделен слезниками. Ноздря и рот намечены впадинами, в ильичевском изображении носовая часть рельефно обособлена (3). Ухо асимметрично-ромбическое, со впадиной раковины, в которой в журовском и в ильичевском изображениях (1, 3) косыми рельефными полосами может быть намечена шерсть, тогда как в карагодеуашхском изображении ухо превращено в птичью голову (2). В основании головы в журовском и в ильичевском изображениях рельефно выделена кожно-шерстная складка, которая в ильичевском трансформирована в птичью голову; аналогичная птичья головы «приставлена» под подбородком оленя, возможно, имитируя складку шерсти под мордой.

В целом карагодеуашхское изображение значительно схематичнее журовского и ильичевского и представляется следствием тиражирования такого рода изображений.

Хронология тина определяется датировкой по объективным показателям журовского и ильичевского изображений первой пол. V в. до н. э. и карагодеуашхского сер. — третьей четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов), что согласуется с морфологической динамикой в рамках данного типа.

Таким образом, хронологические рамки типа: первая пол. V — третья четв. IV в. до н. э.

Тин 5 Елизаветовско-ассиновский,
конец V — нервая четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Нижнего Подонья (1), Прикубанья (2) и Центрального Предкавказья (3). Это головы, украшающие боковую лопасть золотой обкладки ножен меча (1), золотую пластину от головного убора (2) и костяную пластину (5).

Модель тина. Данный тип объединяет изображения головы (в елизаветовском изображении (1) — с шеей) взрослого оленя-самца с длинными рогами. Моделировка в рельефе (1, 2) либо плоскостная с разработкой всех внутренних деталей прорезями и углубленными линиями (3). Ракурс строго профильный. Голова и рога горизонтальны, вытянуты в единую линию, ухо отходит назад наискось вверх (1) или вниз (2, 3). При этом изображение из Краснодарского музея состоит из двух антитетичных голов, упирающихся друг в друга задними пучками рогов (2).

Проработка деталей достаточно подробная. Рога оленей данного типа разделены на переднюю часть (с отходящими вперед одним (3), двумя (1) или тремя (2) «глазными» С-видными отростками, опирающимися на нос оленя) и заднюю, основную часть, состоящую из стержня (в елизаветовском изображении он подразумевается, но как бы скрыт за тесно сопоставленными отростками рогов), от которого вверх (в изображении из Краснодарского музея один отросток отходит также и вниз) отходят С-видные (2, 3) или S-видные (1) отростки рогов. В елизаветовском изображении все отростки рогов трансформированы в волютовидные птичьи головы с мощными шеями (см. ниже тип 26 птичьих голов Елизаветовско-елизаветинский), а сами рога в этом и краснодарском изображениях завершаются пальметовидным пучком из семи (1) или трех отростков (2).

Морда в елизаветовском изображении близка к натуре, в остальных резко заужена. Глаз близок к натуре — он среднего размера, глазница овальной формы, заключает округлую зеницу, выпуклую во впадине глазницы в обрамлении рельефного края. Слезники отображены с обеих сторон,

даны натуралистично, углублениями в глазнице. Над глазом в елизаветовском изображении показана бровная дуга (рельефной полоской). Ноздря моделирована впадиной-завитком (1) либо округлой впадиной (2, 3), рот — впадиной в виде прямого желобка, упирающегося в волнистые линии, обозначающие складки щеки (1) либо дуги (3) или каплевидной фигуры (2). Ухо асимметрично-ромбическое, в елизаветовском и ассиновском (3) изображениях предельно удлиненное, имеет впадину раковины, в которой в елизаветовском изображении продольными рельефными полосами показана шерсть. В елизаветовском изображении в основании головы выделена рельефная кожно-шерстная складка, отделяющая голову от шеи и трансформированная в перевернутую птичью голову.

Морфологическая динамика, аналогии и хронология. Сложное и высококачественное елизаветовское изображение (1) представляет, по существу, фрагмент передней части оленя, выполненного в каноне композиции и стилистики полнофигурного оленя типа Келермеско-константиновский, о чем свидетельствует вытянутость шеи наискось вперед и стилизованные S-видные рога. Очевидно, изображения, подобные елизаветовскому, равно как и сами полнофигурные изображения оленя Келермеско-константиновского типа, послужили образцом для подражания мастеров, создавших краснодарское и ассиновское изображения, более условные и геометризированные. Таким образом, краснодарское изображение представляется стилизацией изображений круга елизаветовского, тогда как ассиновское — провинциальной репликой с такого рода изображений (при возможном «савроматском» влиянии), т. е. эти изображения не должны существенно отрываться от елизаветовского в хронологическом отношении.

Вместе с тем близкую композиционную аналогию елизаветовскому и краснодарскому изображениям составляет профиль оленьей головы, слитый в единый фас с другим профилем на налобнике из кургана 3 группы Семибратних курганов. Это изображение является очевидным дальнейшим усложнением и стилизацией изображений круга елизаветовского и краснодарского (см. ниже тип 8 Семибратненско-елизаветинский). По объективным показателям семибратненское изображение датируется 390–380 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов), по крайней мере, не выходит за пределы первой четв. IV в. до н. э. Соответственно елизаветовское изображение не должно датироваться позднее семибратненского и может быть отнесено к концу V — началу IV в. до н. э., равно как и краснодарское и ассиновское. Кроме того, композиционную аналогию изображениям данного типа составляют изображения на бронзовых уздечных бляхах из Елизаветинского могильника, курган 7/1917 г. (Галанина, 2010. Табл. 7: 11, 14), датируемого третьей четв. IV в. до н. э. Они практически лишены зооморфной основы и являются очевидным следствием тиражирования изображений круга семибратненского и кужорского (3, 4). Подражающее ему, но явно упрощенное кужорское, — не раньше этого времени, что не противоречит датировке других изображений из того же кургана 1 у ст. Кужорской, в рамках первой — третьей четв. IV в. до н. э. (см. выше).

Таким образом, предположительные хронологические рамки данного типа: конец V — первая четв. IV в. до н. э.

Тин 6 Елизаветинско-тенгинский, вторая нол. IV — начало III в. до н. э.

К данному типу относятся 25 изображений. Все они происходят с территории Прикубанья (1–24), за исключением одного, относящегося к Центральному Предкавказью — из могильника Нартан-2 (25). Это головы, оформляющие в основном лопасти бронзовых псалиев (1–5, 14–25), а также бронзовые навершия (6–11) и бронзовые налобники (12, 13).

Модель тина. Данный тип объединяет изображения взрослого оленя-самца с рогами. Моделировка плоскостная ажурная, изображения односторонние, контуры деталей обозначены углубленными линиями и прорезями. Ракурс профильный. Изображение может быть ограничено головой и рогами (2–5, 12, 20, 23), но может быть отображена также верхняя часть шеи или шея полностью (1, 6–11, 13–19, 22, 24). Голова горизонтальна, при наличии шеи перпендикулярна ей, рога отходят вверх, опираясь на окончание уха и на нос оленя, перпендикулярны голове, так что в целом изображения в той или иной мере вытянуты по вертикали, образуя овал или эллипс. Ухо ориентировано назад и немного вверх. Основная композиционная тенденция данного типа состоит в том, что рога оленя, явно уподобляемые пальметке, раскладываются на два почти равных пучка (порой осесимметричных), причем сама голова копытного трактуется аналогично, для чего морда сужается и как бы раскладывается на две зеркально противостоящие части, практически уподобляясь (и по трактовке, и позиционно) уху, симметричному ей относительно глаза, через который и проходит вертикальная ось всей композиции.

Трактовка деталей. Ввиду вышеуказанной композиционной тенденции рога, за некоторыми исключениями (1, 6), не делятся четко на переднюю и заднюю части, а образуют конгломерат С-видных или дуговидных отростков. Этот конгломерат чаще

является декоративным пальметовидным/древовидным, осесимметричным относительно вертикальной линии, проходящей через глаз оленя или центр его головы (2–5, 7–13, 20, 21, 22–25), реже — кустовидным, из трех последовательных загнутых вперед отростков (19-1, 19-2) или в виде лопаты лосиных рогов с отходящими от нее отростками (14–18). В вышеуказанных случаях, когда имеет место деление на переднюю и заднюю часть (в соответствии с естественной схемой рогов благородного оленя) (1, 6), задняя часть в одном случае сведена к единственному отростку (1), симметричному переднему и упирающемуся в него, в другом состоит из трех последовательных отростков, в которые упирается преувеличенный передний отросток. Пальметоидный пучок рогов может быть обрамлен в основании двумя волютами, роль которых играют обособляемые отростки рогов (4, 13), причем одна из таких пальметок включает в свой контур дополнительную розетковидную фигуру, более (4) или менее (21, 22) выраженную. Для многих изображений также характерно зооморфное трансформирование отростков рогов — в птичьи головы (1 — передний отросток, 6 — передний отросток, «нижний ярус», 7–9, 13, 19-1, 19-2 — все отростки, 14 — передний отросток), в грифоньи головы (1 — задний отросток, 6 — передний отросток, «верхний ярус»), а также в целую фигуру грифона (6 — все три задних отростка в совокупности, см. ниже).

Морда показана условно, в одних случаях с преувеличенной носовой частью (1, 4, 6–8, 10, 13, 17, 24, 25) в других — предельно геометризированной и зауженной, вплоть до утраты зооморфности (2, 3, 5, 11, 12, 14–16, 18, 20–23)[1]. Соответственно во втором случае ноздря и рот не выражены, а в первом случае ноздря дана углубленным завитком или дугой, рот — углубленной дугой или каплевидной фигурой. Глаз среднего размера, овальный, с так или иначе намеченной слезником, обозначенной углубленной дугой или завитком (1, 4, 6–8, 10, 13, 16, 17, 23–25), который может отходить далеко назад (6) или вперед (13, 17). В более условных изображениях глаз может быть едва намечен (концентрический округлый) (2, 21, 23) или вовсе не прослеживается (3, 5, 11, 12, 15. 19–22). Ухо удлиненное, сегментовидное, уподобленное по форме отросткам рогов, соответственно часто трансформируемое в перевернутую птичью голову (1, 6–9, 13, 14, 16, 17, 19-1, 19-2). В основании головы при переходе в шею (при наличии шеи) в некоторых случаях выделена кожно-шерстная складка (1. 4, 6–8, 10, 13), которая может быть трансформирована в перевернутую птичью голову (6, 7, 13). Аналогичная складка в одном случае с помощью углубленных линий отображается вдоль шеи (6): на одной из боковых граней втулки, играющей роль оленьей шеи, под ухом оленя — на задней стороне оленьей шеи — находится вертикальная полоса-«елочка», очевидно, отображающая шерсть на загривке оленя, а на противоположной боковой грани втулки, под мордой оленя, вертикальная волнистая линия из S-образных фигур, имитирующая шерстную складку вдоль передней стороны оленьей шеи. Рога и голова по контуру могут быть обрамлены рифленой полоской (1, 6–9, 16, 19–1, 19–2).

Особого рассмотрения, в силу сложности изображения, требуют головы оленей на четырех навершиях из кургана 2 Тенгинского могильника (6–9). Их подробная характеристика, результаты стилистического и металлографического анализа, подбор аналогий содержатся в совместных работах А. Р. Канторовича и В. Р. Эрлиха (см, в частности: Канторович, Эрлих, 2005), поэтому здесь, в дополнение к вышеприведенным характеристикам данных изображений, надо коснуться лишь важнейших для типологии признаков, связанных в первую очередь с проработкой и зооморфной трансформацией рогов оленя.

Наиболее сложным и качественным из четырех является изображение 6. Рога оленя, как уже сказано, состоят из четырех загнутых на конце отростков — переднего и трех задних, упирающихся окончаниями друг в друга. Все отростки исходят из единого корня, моделированного в соответствии с натурой в виде дуговидной рифленой полоски над теменем оленя. Передний рог направлен от корня вперед и затем, опираясь на нос оленя, переламывается под прямым углом и идет вверх, превращаясь в голову хищной птицы с крутым лбом, ступенчатой восковицей и длинным клювом, спиралевидно закручивающимся на конце и упирающимся в окончание первого из задних рогов оленя. Крупный глаз птицы соразмерен глазу описываемого оленя и моделирован сходно, с аналогичным слезником. Нижняя часть восковицы отображена с помощью углубленной линии. Контур клюва дублирован углубленной линией, каковая по верхнему краю полностью соответствует внешним очертаниям, а по нижнему краю клюва до его завитка представляет собой волнистую линию из S-образных фигур, причем левый край этой линии, переходя во внешний контур, образует завиток, маркирующий щеку птицы. Сам же передний отросток оленьих рогов продолжается и выше данного клюва, теперь уже в виде шеи и головы грифона или иного фантастического хищника

[1] Еще В. А. Ильинская на примере наверший из Анап-кургана отмечала, что собственно голова оленя в такого рода композициях служит прежде всего основой для явно доминирующих изощренных рогов и потому чрезвычайно схематизирована (Іллінська, 1963. С. 48).

со спирально загнутыми клювовидными челюстями, нижняя из которых упирается в окончание первого из задних рогов оленя, а верхняя — в окончание второго заднего рога. Шея хищника обрамлена вдоль верхнего и нижнего контура рифлеными полосами, образованными углубленными линиями и, возможно, маркирующими шерстную складку на шее. Ухо грифона выступает в профиле над его лобно-теменной частью и моделировано трехлепестковой пальметкой, элементы которой образованы углубленными линиями. Глаз грифона овальный, с завитком-слезником, сформирован углубленной линией. Аналогичная линия отграничивает снизу восковицу. Контуры верхней и нижней челюстей клюва также подчеркнуты углубленной линией. При этом нижняя челюсть превращена в дополнительную голову хищной птицы с овальным глазом и ступенчатой восковицей, представляющую собой и в композиции, и в трактовке деталей уменьшенное подобие верхней челюсти. Углубленная линия, идущая вдоль нижнего края нижней челюсти, образуя у своего основания завиток, маркирует тем самым щеку грифона.

Задние рога оленя композиционно противопоставлены переднему рогу и также зооморфно трансформированы, поскольку сливаются в единую композицию, представляющую собой условно-полнофигурное изображение стилизованного грифона с выпяченной грудью, с дуговидно изогнутыми шеей и крыльями. Первый из задних отростков оленьих рогов играет роль передней части грифона (голова, шея, грудная часть), второй и третий — роль крыльев грифона, а основание задних рогов оленя — это сведенное к минимуму туловище грифона со схематичными атрофированными ногами. Клюв грифона, образованный завитком и подчеркнутый углубленной линией, упирается в противостоящий ему завиток клюва птицы, формирующего нижнюю часть переднего отростка оленьего рога. Вдоль всего верхнего края шеи грифона идет линия, от которой вниз отходят овы, образующие единую полосу, являющуюся ничем иным, как обозначением гребня грифона, который мастер был вынужден отобразить в плоскостном варианте, очевидно, не имея возможности сделать это рельефно.

Как известно, в канонической греческой иконографии гребень идет вдоль всей шеи, затем переходит на голову, проходит по темени между ушей и завершается над глазом, причем завершающий выступ часто обособлен и имеет очертания небольшого рога (ср., например, голову грифона на рукояти махайры из 3-го Семибратнего кургана (Артамонов, 1966б. Табл. 137), головы грифонов на уздечных распределителях из Филипповских курганов (The Golden Deer of Eurasia, 2000. Fig. 10) или на деталях саркофага из Большой Близницы (Артамонов, 1966б. Табл. 312). Нельзя исключить, что и описываемый полнофигурный тенгинский грифон наделен этим роговидным выступом, завершающим гребень. Роль этого выступа (другой вариант — роль торчащего уха), возможно, выполняет упирающаяся в темя данного грифона противонаправленная ему загнутая нижняя челюсть обособленной головы грифона, в которую превращена верхняя часть переднего отростка оленьего рога. Примечательно, что именно под этим выступом-гребнем или выступом-ухом на самой плоскости головы полнофигурного грифона располагается его вероятный глаз, в роли которого выступает четвертая от начала ова, наделенная завитком наподобие слезника. Вместе с тем овы продолжаются и перед предполагаемым глазом, по поверхности клюва грифона. Здесь они либо обозначают обыкновенное продолжение гребня в силу отступления мастера-«варвара» от традиционной иконографии позднегреческого грифона, либо маркируют клюв, как это иногда практиковалось в иконографии переднеазиатского грифона, а также хищной птицы и грифобарана в скифском зверином стиле начиная с эпохи архаики (см., например, изображения из Кармир-Блура, Зивие, Грушевки, Аксютинцев, Мельниковки и т. д.: Шкурко, 1982. С. 3. Табл. 1: 1, 2, 5, 13, 19, 20)[1].

Спереди шея и грудь грифона также акцентированы по контуру углубленной линией, которая в месте перехода грудной части в переднюю ногу образует завиток, отграничивающий грудь. Тем самым мастер показывает, что выпяченная грудь грифона переходит уступом в выступающую вперед переднюю ногу. Роль этой передней ноги выполняет начальная часть вышеописанного переднего

[1] Мы не вправе исключить и другой, менее вероятный вариант интерпретации данного полнофигурного изображения грифона. Возможно, мастер стремился показать его с огромной раскрытой пастью, для чего задействовал весь клюв противостоящей ему птицы, трансформирующей нижнюю часть переднего отростка оленьего рога. В таком случае перед нами предстает грифон с дуговидно изогнутыми челюстями, в совокупности образующими полукруг, и с высунутым, закрученным вверх языком; как мы знаем, в таком духе выполнялись скифские реплики с архаичных греко-восточных грифонов начиная еще с VII в. до н. э. — см. келермесские навершия из кургана 3/Ш, подражающие грифонам на диадеме и на ритоне из того же комплекса (Галанина, 1997. С. 156, 161, 229. Кат. 46. Табл. 6) и до IV в. до н. э. включительно. С этой точки зрения тенгинскому монстру особенно близки и иконографически, и территориально грифоны, оформляющие псалии и налобники IV в. до н. э. из кургана 1 у ст. Кужорской в Адыгее (Канторович, Эрлих, 2006. Кат. 92, 106). Роль глаза тенгинского грифона в такой ситуации должна играть не четвертая, а вторая от начала ова, наделенная, так же как и четвертая, завитком наподобие слезника.

отростка оленьих рогов (от корня рогов до места, где рог, опираясь на нос оленя, переламывается вверх под прямым углом). Фактически вся эта нога грифона сведена к преувеличенной лапе с четырьмя когтями, отображенными с помощью четырех ов. Именно так можно объяснить присутствие данных ов в исследуемой композиции, ибо данная деталь не имеет никакого иного оправдания с точки зрения анатомии как основного образа оленя, так и дополнительного образа грифона. Вторая передняя нога грифона также отображена крайне условно и примитивно, с помощью двух волнистых линий. Эти линии начинаются от спины грифона между шеей и крылом и идут по его туловищу, сближаясь и изгибаясь, отображая тем самым сужение и изгиб ноги и упираясь в перпендикулярную им дуговидную рифленую полоску корня оленьих рогов, который тем самым задействуется в композиции грифона в роли лапы с когтями. Аналогичная рифленая полоска помещена и в основании второго и третьего из задних отростков, где она совершенно не оправдана с точки зрения анатомии основного образа навершия (оленя), но находит объяснение как лапа грифона, вернее, сдвоенные лапы, ибо именно ими оканчиваются сдвоенные задние ноги грифона, моделированные аналогично второй из передних ног. Второй из задних отростков оленьего рога, как уже сказано, выполняет роль переднего крыла грифона. Данное крыло повторяет линию грифоньей шеи и, закручиваясь вперед (завиток подчеркнут углубленной линией), упирается в нее. По всей длине крыла проходит волнистая линия из S-образных фигур, причем в основании крыла эта линия переходит в ломаную линию, обозначающую передний край первой из задних ног. Параллельно этой ломаной линии ниже ее идет аналогичная линия, обозначающая задний край данной ноги и одновременно передний край второй из задних ног. Ниже проходит еще одна такая линия, обозначающая задний край второй из задних ног. Эти сдвоенные ноги, как уже сказано, переходят в единую лапу, обозначенную рифленой полоской. Наконец, третий из задних отростков оленьих рогов, будучи меньшего размера и повторяя очертания второго отростка, упирается в него, закручиваясь на конце. Вдоль краев этот отросток оконтурен углубленной линией, которая в основании переходит в вышеупомянутую линию заднего края последней ноги грифона.

В отношении функции данного отростка в композиции изображения — элемента трансформации — можно выдвинуть две версии: это либо второе крыло, либо торчащий хвост. Скорее всего, верна первая версия, учитывая композиционный канон грифона на вазах «керченского стиля», которые являются наиболее вероятным композиционным прототипом для данной фигуры грифона. На этих вазах хвост грифона опущен и пропущен между задних ног, что заставляет в нашем случае думать, что в роли грифоньего хвоста задействовано ухо оленя — основного персонажа навершия, на которое опирается задний отросток рогов этого оленя. В этом контексте находит объяснение и странная позиция второй из передних ног грифона на тенгинском навершии, отходящей от спины животного, что совершенно неестественно. Эта нога явно представляет собой подражание ноге седока, изображаемого в ряде композиций на грифоне или на коне на «боспорских» вазах и на других предметах с изображениями в греческом стиле[1].

В свою очередь, обе задние ноги тенгинского грифона композиционно сходны с его второй передней ногой, поскольку были трактованы уже по ее подобию. Рассматривая изображения детально, можно заметить, что в графических приемах передачи гребня грифона и оперения хищных птиц использованы декоративные элементы греческого искусства этого времени: редуцированные овы и бегущая волна из волют. Это лишний раз подтверждает наше предположение о близком знакомстве мастера с греческой вазописью, а, возможно, и с ювелирным искусством, где последний элемент употреблялся еще чаще и откуда он проникал и в изображения скифского звериного стиля (ср., например, трактовку рогов оленя на золотой обивке деревянной чаши из Елизаветовского могильника: Артамонов, 1966б. Табл. 322).

Наконец, в изображении 6 можно усматривать еще один факт зооморфной трансформации. Ступенчатость задних отростков оленьих рогов, которая не может найти объяснение в требованиях иконографии формируемого ими грифона, заставляет предположить, что эти отростки, как и передний, являются одновременно птичьими головами. В отношении переднего из отростков это менее очевидно, поскольку глаз соответствующей птицы в изображении не представлен, но в целом весь этот рог имеет очертания птичьего клюва со ступенчатой восковицей. В отношении среднего из задних отростков можно говорить об этом с большей уверенностью, учитывая наличие в его основании (ниже рифленой полоски/лапы) полуовального завитка с отходящим от него дуговидным углублением. Эта

[1] Отсутствие самого седока на тенгинском изображении и завершение данной ноги хищной лапой свидетельствуют о том, что создатель тенгинского навершия либо не разобрался в греческом образце, либо, вероятнее, использовал эту иконографию в собственных целях, не имея возможности как-либо иначе воспроизвести ногу грифона, ибо был связан фактурой навершия и требованиями основного изображения — оленьей головы с рогами.

деталь, не оправдываемая ни иконографией образа трансформируемого оленя, ни иконографией образа трансформирующего грифона, может быть квалифицирована лишь как глаз птицы, клюв которой собственно и образован средним из задних оленьих рогов. Лобная часть этой птицы, расположенная прямо над глазом (если рассматривать навершие в перевернутом виде), переходит уступом в восковицу, которая спускается двумя ступеньками к клюву. Что касается последнего из задних отростков оленьих рогов, роль глаза соответствующей ему птичьей головы может выполнять либо завиток уха оленя, подпирающего данный отросток (в таком случае восковица этой птичьей головы также является двухступенчатой), либо, что вероятнее, нижний выступ этого отростка, на котором завиток обрамляющей линии образует нечто вроде глаза.

Изображению на другом тенгинском навершии (7) присуще уже не скульптурное, а плоскостное отображение головы оленя на поверхности трапециевидной плоской фигуры, сходной по контуру с головой оленя в изображении 6, причем выступы, аналогичные выступам навершия с изображением 6, моделирующим носовую часть и ухо, остались незаполненными и стали композиционной основой для размещения дополнительных отростков рогов спереди и сзади, в результате чего количество отростков достигло здесь шести. Вся же композиция в целом теперь построена, как и в большинстве изображений Елизаветинско-тенгинского типа, по законам осевой симметрии, причем ось эта проходит по вертикали посередине втулки, разделяя рога на две симметричные группы по три последовательно нарастающих отростка, средние из которых — крупнейшие — упираются друг в друга завитками. Соответственно здесь тема полнофигурного грифона как элемент трансформации отсутствует, а отростки рогов, как уже отмечалось, превращены в большие птичьи головы.

Те же отличия от эталонного изображения 6 свойственны и оленю на тенгинском навершии 8, с той спецификой, что голова этого оленя ориентирована на этот раз не влево, а вправо; морда копытного скорее лосиная, поскольку изломана на конце под тупым углом, однако рога по-прежнему оленьи. Вместо птичьей головы под мордой оленя представлены волнистые линии; ухо отображено более четко, с овальным внутренним контуром. Корень рогов полностью смещен и обрамляет сверху морду копытного в виде «елочки»; самый малый из передних отростков рогов практически лишен зооморфного трансформирования, поскольку глаз птицы распался на беспорядочные дуговидные линии. Наконец, у оленя на последнем из четверки тенгинских наверший — 9 — мы видим рога, аналогичные рогам оленей на навершиях 7 и 8, при этом о голове данного оленя мы не можем судить в силу дефектов украшаемой вещи и ее очевидной починки (см. подробнее: Канторович, Эрлих, 2006. С. 30–31).

Морфологическая динамика и аналогии. Как показывает стилистический анализ, основное направление стилизации в рамках характеризуемого типа состоит в схематизации головы оленя, которая преуменьшается, порой становится почти неразличимой, сведенной к геометрической схеме перевернутого треугольника с вырезанным основанием, являющегося лишь композиционно-симметрической основой (по подобию волют в основании пальметки) для схемы рогов (2–5, 7–9. 11, 12, 14–22). Вместе с тем традиционная скифская схема рогов благородного оленя с дифференцированием на небольшую переднюю и мощную заднюю части, соответствующая природной их структуре, продолжает проявляться в некоторых изображениях (1, 6). В одном из этих изображений — на одном из тенгинских наверший (6) — данная схема оказалась удобной для воплощения навеянной греческой иконографией образа грифона, «прячущегося» в рогах оленя. Данный грифон клювоголовый, с гребнем, несомненно соответствующий, за некоторыми исключениями, иконографии грифона позднегреческого типа, хотя и трактованный в духе скифо-меотской изобразительности. Наиболее близкими в композиционном отношении этому изображению, как уже было сказано, являются фигуры грифонов на распространенных в Боспорском царстве расписных вазах «керченского стиля» второй пол. IV в. до н. э. (Кобылина, 1951. Рис. 5: 1; 6: 3, 4, 7; Шталь, 2000. С. 150. Кат. 56а. С. 152. Кат. 60а, 64а. С. 154. Кат. 62а. С. 155. Кат. 63а. С. 156. Кат. 65а). На этих вазах мы встречаем такого же, как бы остановившегося на ходу грифона с выпяченной грудью и дуговидно изогнутой, отклоняющейся назад шеей. В особенности примечательны те сцены, в которых грифон предстоит коню с седоком, ибо именно голове этого коня соответствует в тенгинской композиции обособленная голова грифона, трансформирующего верхнюю часть переднего отростка рогов. Таким образом, находит себе аналогию вся композиция трансформированных рогов тенгинского оленя, а не только три задних отростка, образующих целого грифона. Представляется, что именно сцены на вазах «керченского стиля» послужили образцом для подражания при зооморфном трансформировании рогов оленя на тенгинском изображении (6). При этом, превращение рогов оленя в целую фигуру грифона в данном иконографическом решении беспрецедентно, хотя, как мы уже видели, сам по себе такой прием использован на щитке псалиев из ст. Кужорской (тип 6 Кужорский), где рога оленя трансформированы

в парные геральдические фигуры грифонов, но в совершенно иной трактовке, нежели на тенгинском навершии.

В свою очередь, творению более искусного во всех отношениях (ср. рецептуру сплава и технологию изготовления наверший: Канторович, Эрлих, 2006. С. 29–32, 145. Табл. 1) мастеру навершия с изображением 6 подражали мастера наверший с изображениями 7–9. При этом изменение схемы рогов, вероятно, произошло не только из-за недостатка мастерства или незнакомства с греческими прототипами грифона, вписанного в рога оленя на изображении 6, но и под воздействием сформировавшегося в рамках Елизаветинско-тенгинскогго типа композиционного канона отображения рогов оленя.

Близкую аналогию изображениям данного типа, причем как с симметричными, так и с асимметричными рогами, составляют головы на лопастях псалиев из святилища Гюэнос в Абхазии (Шамба, 1988. С. 94. Табл. XIX, 6; Канторович, Эрлих, 2006. Рис. 15: 8).

Основу **хронологии** данного типа составляют объективные датировки елизаветинских изображений (из кургана 7 раскопок 1917 г.) третьей четв. IV в. до н. э., а тенгинских — второй пол. IV — началом III в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Этому не противоречит датировка ваз «керченского стиля» второй пол. IV в. до н. э. Остальные изображения, так или иначе сходные с елизаветинским или тенгинским, должны датироваться в тех же рамках.

Таким образом, совокупная дата типа: вторая пол. IV — начало III в. до н. э.

Тин 7 Солохско-бердянский,
нервая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 5 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1, 2, 4, 5) и Нижнего Подонья (3). Это головы, помещенные на золотые обкладки ножен меча (1–3), на костяной гребень (4) и на бронзовые навершия (5).

Модель тина. Тип объединяет головы оленей-самцов с рогами (1–3) и безрогих молодых оленей/олених (4, 5), являющихся объектом терзания и поглощениями грифоном (5) и львами типа II-A-I-6 Солохско-ушаковский (1–4). Изображения моделировано в высоком рельефе, одностороннем или двустороннем. Ракурс профильный. Головы оленей ориентированы горизонтально (1, 2) или наискось вверх (3–5), мордой в пасть хищника. Ухо противонаправлено голове. В одном случае показана и шея, как бы вырастающая из груди терзающего грифона (5). Рога при их наличии перпендикулярны голове (3) или находятся под тупым углом к ней (1, 2).

Трактовка деталей. Рога тонкие схематичные, в солохских изображениях (1, 2) разделены на передний «глазной» ломаный отросток и древовидную заднюю часть, первый отросток которой также ломаный и составляет симметричную фигуру с «глазным», остальные — прямые, отходят от основной ветви, а на конце образуют пучок из трех отростков, что соответствует натуре. В елизаветовском изображении (3) рога моделированы пальметовидным пучком отростков.

Морда в елизаветовском изображении близка к натуре, во всех остальных резко заужена. Глаз среднего размера, лишь в одном случае он преувеличен (4), овальной или округлой формы; моделирован выпуклой зеницей во впадине глазницы в обрамлении рельефного края. Слезники отображены либо с обеих сторон (1–3) либо отдельным каплевидной впадиной позади глаза (4). Ноздря и рот моделированы углублениями. Ухо асимметрично-ромбическое (1–3) либо подтреугольно-овальное (4, 5), в солохских изображениях удлиненное (1, 2); в трех случаях обозначена впадина, в которой продольными рельефными полосами отображена шерсть (1, 2, 4).

Хронология тина. Основу хронологии данного типа составляют временные рамки типа кошачьих хищников II-A-I-6 Солохско-ушаковский: данный тип, как уже отмечалось выше, вписывается в 450–300 гг. до н. э., и практически все его изображения имеют объективные датировки в своих комплексах (см. Список опорных хроноиндикаторов). Наиболее ранними в рамках изучаемого Солохско-бердянского типа оленьих голов являются солохские изображения (400–375 гг. до н. э.), к ним близки по времени бердянское (первая треть IV в. до н. э. или, у́же, 380–370 гг. до н. э. до н. э.) и елизаветовское (первая пол. IV в. до н. э.). Догмаровское (5) изображение должно датироваться также в этих рамках, и этому не противоречит сходство грифона на догмаровских навершиях с грифонами из Слоновской Близницы, датируемой по объективным показателям максимально в рамках второй четв. — конца IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Таким образом, хронологические рамки данного типа: первая пол. IV в. до н. э.

Тин 8 Семибратненско-елизаветинский,
нервая — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 7 изображений: 6 из них оформляют бронзовые налобники с территории Прикубанья (1–6), еще одно — бронзовую уздечную бляху, возможно, происходящую из Крыма (7).

Модель тина. Данный тип объединяет изображения головы взрослого оленя-самца с длинными рогами. Моделировка плоскостная, с разработкой всех внутренних деталей прорезями и (на плоскости) углубленными линиями. Ракурс специфичный:

два профиля, сочетаясь антитетически в осесимметричную композицию, образуют единый фас, т. е. при повороте на 90 градусов данные сдвоенные профили могли одновременно восприниматься как фасное вертикальное изображение оленьих голов, сложенное из двух профилей. Здесь они будут описаны в профильном ракурсе, поскольку он очевидно первичен, тогда как фасный вторичен.

Изображения трактованы схематично и геометрично. Голова и рога в профиль горизонтальны, вытянуты в единую полосу, уши практически неразличимы на фоне рогов. Рога разделены на переднюю часть, с отходящими вперед «глазными» С-видными отростками, опирающимися на носы оленей (при этом «глазной» отросток в семибратненском, в кужорском изображениях и на налобнике из хутора Прикубанского различим четко (1, 2, 6), тогда как в елизаветинских и воронежском (3–5) он практически сливается с атрофированной головой) и заднюю, основную часть, состоящую из прямого стержня (1, 3, 4, 6), двух расходящихся прямых стержней (5, 7) или же воображаемого стержня (2), от которого отходят дуговидные отростки рогов.

Голова резко заужена, в елизаветинских, воронежском изображениях и на налобнике из «Крымской коллекции» слаборазличима. Глаз среднего размера, лишь в одном случае он преувеличен (2), овальной формы. Он либо наполовину выступает над контуром головы и моделирован концентрически без слезников — кружком зеницы с точкой зрачка в круге глазницы (1), либо простым овальным контуром, от которого вперед и назад отходят углубленные линии слезников, передняя из которых образует завиток (2, 6), либо же глаз вовсе не различим (3–5, 7). Ноздря и рот моделированы параллельными насечками — прямыми (1, 3–5) или дуговидными (2, 7), либо впадинами (6).

Морфологическая динамика, аналогии и хронология. Семибратненское и кужорское изображения, а также изображение из хутора Прикубанского (1, 2, 6), сохраняющие некую связь с природным прототипом, составляют иконографическое ядро данного типа и представляются разработкой мотива сдвоенных голов оленя в ходе композиционной игры «фас из двух профилей». В свою очередь, очевидным следствием тиражирования этих изображений являются геометризированные елизаветинские и воронежское изображения, а также изображение из «Крымской коллекции», в которых зооморфная основа почти не сохранилась (3–5, 7). Этой динамике соответствует и хронология — по объективным показателям семибратненское изображение датируется 390–380 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов), подражающие ему елизаветинские из кургана 7/1917 г. относятся к третьей четв. IV в. до н. э. Изображение из погр. 402 хутора Прикубанского датируется первой — третьей четв. IV в. до н. э. по объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов). Кужорское изображение также является подражанием семибратненскому и не может датироваться раньше него (ср. выше наши выводы о датировке других изображений из того же кургана 1 у ст. Кужорской, в рамках первой — третьей четв. IV в. до н. э.). Воронежское изображение и изображение из «Крымской коллекции» очень близки елизаветинским и должны датироваться соответственно. Близкую аналогию данному типу составляют изображения на бляхах из ритуального погребения коней в святилище Гюэнос (Шамба, 1988. Табл. XXII, 4).

Таким образом, предположительные хронологические рамки типа: первая — третья четв. IV в. до н. э.

3.3. Обособленные рога оленя

Тин 1 Семибратненско-елизаветинский, четвертая четв. VI — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относится 41 изображение, происходящее в основном с территории Прикубанья (1–12, 17–26, 28–41), а также из Среднего Поднепровья (13–16) и Центрального Предкавказья (27). Все они оформляют бронзовые уздечные принадлежности. Изображение чаще нанесено только на внешнюю сторону щитка Г-образных псалиев, при этом щиток перпендикулярен стержню псалия (1–12, 22–26, 28, 29, 31–41), реже — на обе стороны лопасти/лопастей двудырчатых S-видных или Г-образных псалиев, при этом лопасть находится в одной плоскости со стержнем псалия (13–21, 27); в одном случае изображение оформляет налобник (30).

Модель тина. Данный тип составляют изображения обособленных оленьих рогов, одновременно представляющие собой птичью лапу/лапу хищника, т. е. амбивалентные мотивы. Моделировка в низком рельефе или плоскостная с проработкой деталей прорезями и углубленными линиями. Рога дуговидные, исходят из единого корня и могут быть разделены на две части — передний, «глазной» отросток и противонаправленные ему отростки задней части рогов, причем задних отростков три (1, 14–16, 19–21, 27 (здесь один рудиментарен, но различим)) или два (6, 7, 9–11, 25, 26, 30, 31–35). В ином случае рога могут состоять только из однонаправленных отростков — чаще трех (2, 4, 17, 18, 22–24, 28, 29, 36–41), реже четырех (12, 13). Исключение составляют три изображения: в двух случаях отростки осесимметричны относительно вертикального стержня, их два (5) или четыре (3), а еще в одном случае отростки формируют бесформенный конгломерат (8).

Характеристику морфологических особенностей конкретных изображений в рамках данного типа см. в Каталоге.

Хронология тина. 9 изображений данного типа (2, 10–12, 30–35) происходят из комплекса Елизаветинского кургана 7/1917 г., датируемого по объективным показателям третьей четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Кроме того, объективно датируются изображения: из Елизаветинского кургана 4/1913 г., самого раннего из Елизаветинских (23) (первая четв. IV в. до н. э.), из 3-го Семибратнего, самого позднего в группе Семибратних (1) (первая четв. IV в. до н. э.), из кургана 2 Уляпского могильника (17–21) (первая пол., ближе к сер. IV в. до н. э.), из могильника у хутора Прикубанского (36–40) (погр. 159 — вторая четв. IV в. до н. э.; погр. 224 — 360–340-е гг. до н. э.; погр. 236 — начало второй четв. IV в. до н. э.; погр. 394 — вторая четв. IV в. до н. э.; погр. 427 — начало третьей четв. IV в. до н. э.). Комплекс гробницы из курганной группы «Кеслерово-4» (41) датируется его публикатором по объективным данным началом IV в. до н. э., в том числе по материалам тризны, связанной с этой гробницей и содержащей фасосскую амфору первой пол. IV в. до н. э. (Иванов, 2018. С. 67). Эти объективно датируемые изображения составляют в совокупности почти половину типа.

Вместе с тем, хотя одному из семибратненских (1) и уляпским (19–21) близки волковецкое, роменское, стеблевское и каррасское (14–16), последние изображения представляются более ранними, с учетом типа псалия (S-видный или Г-образный со щитком в той же плоскости, что и стержень) и манеры самих изображений (относительная рельефность, меньшая стилизованность). Это согласуется с датировкой А. Д. Могиловым в рамках его классификации тех типов псалиев, к которым он относит волковецкие (курган 2), роменские и каррасские (14, 15, 27), к «1-й половине среднескифского периода», или, иначе, к 1-й среднескифской группе — т. е., в соответствии с разработанной А. Д. Могиловым хронологией, к четвертой четв. VI — первой пол. V в. до н. э., тогда как другие волковецкие (курган 4) и стеблевские (13, 16) — к V в. до н. э. (Могилов, 2008. С. 33, 35, 142. Рис. 193). Что касается всех остальных изображений, они примыкают к поздней датированной группе в рамках данного типа, в первую очередь к елизаветинским изображениям из кургана 4/1913 г. и кургана 7/1917 г.: это относится к изображениям из Краснодарского музея (3–5, 7, 22) и из различных курганов Елизаветинской (6, 26), из Кужорской (24, 25), из могильника Лебеди (28, 29), из «Майкопского клада» (35). Соответственно эти изображения должны датироваться в рамках IV в. до н. э., а весь тип — максимально в пределах четвертой четв. VI — третьей четв. IV в. до н. э.

III.2. ОБРАЗ ЛОСЯ

§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений

Природным прототипом изучаемых изображений являются особи единственного вида лоси (*Alces alces*) единственного рода *Alces* подсемейства *Alcinae* семейства олени (*Cervidae*). В природе важнейшими отличительными чертами лося на фоне остальных оленьих, помимо размера, пропорций, формы туловища и ног, являются: в первую очередь мощная горбоносая морда, вздутая верхняя губа, сильно нависающая над нижней, кожно-шерстный вырост под горлом («серьга»), достигающий 40 см, а также специфической формы рога (у четырехлетних и более старших самцов), состоящие из короткого ствола и широкой уплощенной, несколько вогнутой «лопаты», от которой вперед, вбок и назад отходят отростки; вместе с тем у лосей бывают и рога оленьего типа, т. е. с отростками, прямо отходящими от ствола, без «лопаты» (Жизнь животных, 1971. С. 473, 476)[1]. Именно эти признаки приняты нами как критерии, по которым из массива зооморфных изображений, имеющих признаки скифского звериного стиля, отобраны изображения лося[2].

Образ лося в восточноевропейской зоне скифо-сибирского звериного стиля в той или иной мере рассматривался многими исследователями, занимавшимися данным художественным направлением, но лишь однажды теме полнофигурного и редуцированного воплощения лося была посвящена специальная работа — статья А. И. Шкурко (Шкурко, 1980. С. 71–78). Автор, характеризуя преимущественно лесостепной локальный вариант скифского звериного стиля, привлек при этом практически все известные на тот момент основные аналогии с территории степной Скифии и Прикубанья.

---

[1] Природные прототипы образа лося, представленные в графических таблицах Приложения 1, даны по материалам сайтов: www.ecosystema.ru, www.clas.ufl.edu

[2] При применении этих критериев к дискуссии между В. А. Ильинской (Ильинская, 1965. С. 89; 1968. С. 18. Рис. 1) и Б. А. Шрамко (Шрамко, 1971. Рис. 4, 7–13) о видовой атрибуции изображений копытных с вытянутой вперед мордой и прижатым к шее длинным ухом, оформляющих окончания костяных псалий из Среднего Поднепровья, мнение В. А. Ильинской, считающей их конскими, представляется более соответствующим природным реалиям, нежели позиция Б. А. Шрамко, соотносящего их с образом лося (лосихи). Поэтому данные изображения рассматриваются в настоящей работе в рамках образа лошади.

В результате анализа, осуществленного А. И. Шкурко, им были выявлены две вехи в реализации образа лося — полнофигурное воспроизведение в VII в. до н. э. (изображения на знаменитых пластинах и бляшках из Жаботинского кургана 2) и затем, после более чем столетнего перерыва, — редуцированное воспроизведение (обособленная голова) в V в. до н. э. В отношении периода «скифской архаики» VII–VI вв. до н. э. А. И. Шкурко пришел к выводу об отсутствии четкой иконографической схемы лося как в Степной, так и в Лесостепной Скифии, поскольку здесь этот мотив, как считает исследователь, исходным не был. Напротив, в V в. до н. э., по мнению А. И. Шкурко, здесь складывается своя иконографическая схема с преимущественной ее разработкой в Лесостепной Скифии.

Еще одной работой, специально посвященной теме лося в скифском зверином стиле, стала статья С. А. Скорого, которая касается лишь редуцированных изображений животного. Исследователем рассматривались предметы, оформленные в виде лосиной головы, относящиеся к скифской эпохе и происходящие с территории Восточной Европы. Сводка С. А. Скорого насчитывает 17 предметов, в том числе 11 — с территории Лесостепи Северного Причерноморья, 5 — с территории Степи Северного Причерноморья и Крыма, 1 — с Тамани, 1 — из Добруджи (Скорый, 2006. С. 155–156).

Со времени публикации статей А. И. Шкурко и С. А. Скорого произошел значительный прирост археологического материала.

В рамках данной классификации рассматривается образ лося как видового явления, изначально не дифференцируемого на половозрастные категории на основании критерия наличия рогов (зрелый рогатый самец) или их отсутствия (лосиха или молодой безрогий самец). Хотя в семантическом отношении, безусловно, наличие/отсутствие рога было важным признаком, образно-сюжетные различия между этими половозрастными категориями незначительны и учитываются уже на уровне выявления типов.

Тема лося в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется как в полнофигурном, так и в редуцированном отображении (голова). В этот массив не включены изображенные на рукояти Келермесской секиры копытные животные, наделенные всеми видовыми чертами лося (горбоносая морда, «серьга», рога (у самцов), отличные от оленьих)[1], поскольку эти изображения находятся на грани передневосточно-закавказской и скифосибирской иконографии, как и все остальные фигуры на секире[2], кроме оленей на торце обушка и на боковинах втулки.

§ 2. Полнофигурные изображения лосей

2.1. Таксономические уровни классификации

1. ***По позиции ног относительно оси туловища*** полнофигурные изображения лося разделяются на две сюжетные ***группы***:

группа I — ноги животного полностью или ниже сгибов запястья (передняя нога) и сустава заплюсны или пятки (задняя нога) находятся под прямым или близким к прямому углом к продольной оси его туловища. Это изображения лосей **стоящих** или **идущих**;

грунна II — нижние части ног параллельны оси туловища как минимум ниже сгиба запястья (передняя нога) и сустава заплюсны или пятки (задняя нога). Это изображения лосей **лежащих**.

2. ***По позиции головы относительно туловища*** каждая сюжетная группа разделяется на 2 сюжетных отдела:

отдел I — изображения лосей с головой, однонаправленной с туловищем;

отдел II — изображения лосей с повернутой головой.

Всего выявлено 6 типов полнофигурных изображений лося, к которым относятся 19 изображений.

2.2. Тинология и хронология нолнофигурных изображений лося

Группа I – отдел I

Тин I-I-1 Жаботинский,
сер. — вторая нол. VII в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение. Это плоскостное гравированное изображение (1) на роговой пластине[3] — деталь конского снаряжения из Среднего Поднепровья (Жаботинский курган 2).

Представлен рогатый лось (т. е. взрослый самец) в строго профильном ракурсе, с полусогнутыми ногами, направленными в нижней части — ниже локтевого сустава (передняя нога) и сустава заплюсны-пятки (задняя нога) — наискось вперед, т. е. в позе быстрого бега или «внезапной остановки», с прогнутой спиной в районе лопатки, с головой, вытянутой вперед по линии шеи.

Своеобразная трактовка анатомических деталей не позволяет найти данному изображению близких

---

[1] Это лежащий лось (18-я фигура от верха рукояти), а также стоящие на пуантах/со свисающими ногами лосиха/молодой лось (22-я фигура) и лось (24-я фигура) (Кисель, 1997. С. 10–11. Рис. 2: 25, 29, 31).

[2] Переводчикова, 1979. С. 138–155; Кисель, 2003. С. 44.

[3] Все костяные предметы из Жаботинского кургана 2, согласно определению И. Г. Пидопличко, сделаны из рога благородного оленя (Вязьмитина, 1963. С. 160). Все жаботинские пластины с зооморфными изображениями являются деталями конского снаряжения (Зуев, 1993. С. 38).

аналогий на соответствующем классификационном уровне и заставляет выделять его в самостоятельный тип[1].

С точки зрения техники и общей стилистики (стилистический лаконизм, моделировка анатомических деталей геометрическими фигурами — окружностью, треугольниками, овалами и сегментами и, особенно, моделирование копыта посредством известного в искусстве скифской архаики мотива выемчатого прямоугольного треугольника) это изображение сходно с изображениями лосей в иных сюжетах и ракурсах на других жаботинских пластинах и бляшках и на зеркале из Ольвии (см. ниже), а из более отдаленных изображений лося в скифо-сибирском зверином стиле — с фигурой на зеркале из могильника Уйгарак, курган 21 (Вишневская, 1973. С. 117; Ильинская, 1976. С. 19. Рис. 2: 5–8). За пределами образа лося с точки зрения техники исполнения и общей стилистики данному жаботинскому изображению близки изображения оленей на вышеописанной Константиновской пластине.

Независимыми **хроноиндикаторами** для датировки Жаботинского типа, как и всех остальных изображений из Жаботинского кургана 2, служат двукольчатые и стремечковидные бронзовые удила из данного комплекса. По мнению М. И. Вязьмитиной и В. А. Ильинской (Вязьмитина, 1963. С. 159–165; Ильинская, 1975. С. 61–62, 157–159), сочетание этих удил с самими жаботинскими изображениями (учитывая келермесские, урартские и передневосточные изобразительные аналогии последним) заставляет датировать весь комплекс кургана 2 концом VII в. до н. э. (Вязьмитина, 1963. С. 159–165) или рубежом VII–VI вв. до н. э. (Ильинская, 1975. С. 61–62, 157–159). Исходя из тех же соображений, Г. Т. Ковпаненко, С. С. Бессонова и С. А. Скорый датировали этот комплекс несколько шире: сер. — второй пол. VII в. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989. С. 159), что наиболее приемлемо, учитывая объективное удревнение келермесских комплексов, происшедшее в годы после выхода работ М. И. Вязьмитиной и В. А. Ильинской. В любом случае датировки М. И. Вязьмитиной, В. А. Ильинской, Г. Т. Ковпаненко, С. С. Бессоновой и С. А. Скорого представляются более обоснованными, нежели излишне заниженные или завышенные датировки Жаботинского кургана 2, предлагаемые рядом исследователей[2].

Тин I-I-2 Ольвийский,
носледняя треть VI в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение (1). Это плоскостное гравированное изображение на диске бронзового зеркала «ольвийского типа» из Нижнего Поднепровья (могила 41 Ольвийского некрополя). Представлен лось или лосиха (рога либо отсутствуют, либо не сохранились) в строго профильном ракурсе, в позе «внезапной остановки», с прогнутой спиной, с головой, перпендикулярной шее и опущенной параллельно ногам. Несмотря на некоторые утраты, форма морды и наличие копыт позволяют утверждать, что здесь изображено животное вида *Alces alces*.

С точки зрения композиции (поза, положение туловища, но при иной постановке головы) и общей стилистики ольвийское изображение сходно с вышеописанным изображением лося типа I-I-1 Жаботинский. Поза ольвийского лося на диске зеркала в целом повторяет позу кошачьего хищника на конце ручки данного зеркала (соответствующую композиционному канону знаменитой Келермесской пантеры) с той разницей, что у хищника голова опущена не наискось, а вертикально. Возможно, именно вследствие влияния иконографии кошачьего хищника ольвийскому изображению присуща не только нормальная для скифского звериного стиля непропорциональность, но и минимизация передней ноги по сравнению с задней, а также удлиненность хвоста вопреки натуре.

Хронология Ольвийского типа определяется типом зеркала и контекстом погребения. По данным В. М. Скудновой, комплекс датируется последней третью VI в. до н. э. (Скуднова, 1962. С. 17; Скуднова, 1988. С. 116; ср. Кузнецова, 2002. С. 330). По классификации Т. М. Кузнецовой, зеркало принадлежит к классу II отделу II группе 01 типу 0I виду 0I варианту 02. Все зеркала этого таксона датируются Т. М. Кузнецовой вслед за В. М. Скудновой концом VI в. до н. э. (Кузнецова, 2002. С. 142, 155, 243. Кат. 404).

Группа I – отдел II
Тин I-II-1 Жаботинский,
сер. — вторая нол. VII в. до н. э.

К данному типу относятся 2 плоскостных гравированных изображения на двух роговых пластинах из Среднего Поднепровья (Жаботинский курган 2).

Модель тина. Представлен безрогий представитель вида *Alces alces* — лосенок, молодой лось или лосиха, в строго профильном ракурсе с полусогну-

---

[1] То же можно сказать обо всех других изображениях копытных из Жаботинского кургана 2 (Погребова, Раевский, 1999. С. 263).

[2] См. подробный анализ соответствующей дискуссии в статье В. Ю. Зуева с упоминанием всех вариаций датировок (исключая версию Г. Т. Ковпаненко, С. С. Бессоновой и С. А. Скорого). При этом позиция самого В. Ю. Зуева в отношении хронологии жаботинских изображений сходна с мнением М. И. Вязьмитиной (Зуев, 1993. С. 38–40, 52. Рис. 3).

тыми ногами, направленными в нижней части наискось вперед, с дуговидно изогнутой шеей, с головой, обращенной назад и полностью опирающейся на спину.

В одном случае фигура примыкает задней ногой к морде лежащего лося-самца (1), во втором случае — к крупу лежащей лосихи (2). Это может означать попытку обозначить лежащее положение безрогих лосей в контексте общей композиции пластин. Однако такая трактовка позы, встречающаяся в научной литературе (Вязьмитина, 1963, С. 160), дискуссионна, поскольку подразумевает непременное наличие многофигурной сюжетной сцены, в чем можно в принципе сомневаться (Ильинская, 1975. С. 158–159.) или же, соглашаясь с наличием единого сюжета, интерпретировать его иначе (Погребова, Раевский, 1999, С. 269–272). В любом случае, если даже соглашаться с тем, что древний косторез пытался передать здесь лежачее положение безрогого лося[1], мастер использовал для этого широко распространенный в скифо-сибирском искусстве канон изображения копытного, стоящего на кончиках копыт.

С точки зрения техники и общей стилистики ближайшую аналогию изображениям этого типа составляют фигуры лосей в иных сюжетах и ракурсах на других жаботинских пластинах и бляшках (см. выше и ниже). Кроме того, за пределами образа лося с точки зрения сюжетики и общей стилистики данным жаботинским изображениям ближе всего нижнее изображение оленя на Константиновской пластине — вышеописанный тип 1 Константиновский, конца VII — начала VI в. до н. э.

Хронология данного типа идентична хронологии типа I-I-1 Жаботинский, т. е. это сер. — вторая пол. VII в. до н. э.

Группа II – отдел I

Тин II-I-1 Жаботинский,
сер. — вторая нол. VII в. до н. э.

К данному типу относится одно плоскостное гравированное изображение на роговой пластине (1) из Среднего Поднепровья (Жаботинский курган 2).

Представлен рогатый лось (т. е. взрослый самец) в строго профильном ракурсе с согнутыми ногами, подложенными под туловище (ноги ниже сгиба запястья (передняя нога) и сустава заплюсны — пятки (задняя нога) параллельны оси туловища, так что передняя нога заходит на заднюю), с прогнутой спиной в районе лопатки, с головой, вытянутой вперед и вверх по линии шеи.

Рассматриваемое изображение на своем классификационном уровне не находит близких аналогий, что и заставляет выделять это изображение в отдельный тип. При этом жаботинский лось отдела I группы II почти тождественен в трактовке большинства анатомических деталей вышеописанному жаботинскому изображению отдела I группы I: аналогично оформлены голова, шея, лопаточно-плечевая зона, туловище, бедренно-коленная часть, нижние части ног, копыта.

Композиционно данное изображение вполне соответствует канону классического скифского «летящего» оленя, в рамках которого наибольшее стилистическое сходство обнаруживается с сюжетно аналогичными изображения оленей на Константиновской пластине, относящихся к вышеописанному типу I-1-I-1 Келермесско-кульобский. В рамках образа лося с точки зрения способа моделировки и общей стилистики ближайшую аналогию данному изображению представляют фигуры лосей в иных сюжетах и ракурсах на других жаботинских пластинах и бляшках (см. выше и ниже).

Хронология данного типа идентична хронологии вышеописанных Жаботинских типов группы I, т. е. это сер. — вторая пол. VII в. до н. э.

Группа II – отдел II

Тин II-II-1 Жаботинский,
сер. — вторая нол. VII в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения. Это фигуры представителей вида *Alces alces* из Жаботинского кургана 2 (рогатый лось-самец, гравированный на роговой пластине (1), а также безрогие лосиха с лосенком (с единым туловищем и разными головами, вписанными друг в друга), гравированные на той же пластине (2) и оформляющие две роговые уздечные бляшки с зеркальными изображениями (3).

Модель тина. Этот тип представляет собой отображение лося в строго профильном ракурсе с согнутыми ногами, подложенными под туловище (ноги ниже сгиба запястья (передняя нога) и сустава заплюсны — пятки (задняя нога) параллельны оси туловища, так что передняя нога заходит на заднюю), с прогнутой спиной в районе лопатки (позиция «летящего» оленя), с головой, обращенной назад и опирающейся на спину.

Изображения лосей данного типа, при их композиционной специфичности, аналогичны в трактовке большинства анатомических деталей вышеописанным жаботинским изображениям других классификационных таксонов — по оформлению головы, лопаточно-плечевой зоны, туловища,

---

[1] Вязьмитина, 1963. С. 160–161. При этом следует учитывать мнение В. А. Ильинской, которая отвергла предложенную М. И. Вязьмитиной интерпретацию этой сцены (облизывание лосихой новорожденного лосенка) и справедливо указала на наличие рогов у мнимой «лосихи». В. А. Ильинская в принципе трактовала позу безрогого лося как стоящего, но помещенного вниз головой из-за недостатка места на пластине (Ильинская , 1975. С. 158).

бедренно-коленной части, нижних частей ног, копыт — со всеми из этих изображений, по оформлению шеи — с жаботинскими изображениями отдела 2 группы I; хвост лосихи на одной из бляшек опущен, как и у лося Жаботинского типа отдела 1 группы I, тогда как хвост лосихи на другой бляшке, лося и лосихи на пластине приподнят, как и у лося Жаботинского типа отдела 1 группы II. В то же время в рамках рассматриваемого типа наблюдается своеобразие в трактовке ряда деталей. Так, уши лосей даны более натуралистично — они отстоят от глаз, близки к треугольным, пропорциональные, с внутренним контуром, отображающим раковину (ср. отображение копыт). «Серьга» намечена и отделена впадиной от скулы. Ноздря отображена треугольной впадиной, а на одной из бляшек аналогичной впадиной обозначен и рот. У самца на пластине и у самки с лосенком на одной из бляшек косыми насечками намечена шерсть на шее, аналогично показана шерсть на спине у того же самца. Имеются и различия между самими изображениями данного типа. Так, изображение самца на пластине характеризуется общим S-видным контуром, растянутостью, удлиненностью туловища, в противовес остальным изображениям данного типа, по контуру близким к овальному. Глаз не выступает за контур головы. Его рога переданы двумя симметричными сегментовидными отростками. Особенностью одного из изображений на бляшках является наличие солярного знака — «киммерийской розетки» — на лопатке самки лося.

За пределами образа лося с точки зрения сюжетики и общей стилистики данным жаботинским изображениям ближе всего одно из изображений оленей (третье снизу) на Константиновской пластине (Кияшко, Кореняко, 1976. С. 174. Рис. 3). Кроме того, композиционно изображения рассматриваемого типа аналогичны изображениям лося типа II-II-2 Журовско-ольвийский (см. ниже). Вместе с тем композиционный прием вписывания головы и шеи лосенка в контур головы и шеи лосихи, позволяющий отображать двух животных с единым туловищем и ногами, уникален и логически соотносится со стилями иных эпох и культур.

Хронология. Об основании датирования жаботинских пластин и блях сер. — второй пол. VII в. до н. э. было сказано выше.

Тин II-II-2 Журовско-ольвийский, конец VI — нервая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 19 изображений — основная масса полнофигурных изображений лося в восточноевропейском скифском зверином стиле. Соответствующие изделия происходят с территорий: Среднего Поднепровья — на бронзовых уздечных бляхах (1, 3, 7, 11); Нижнего Поднепровья и Поднестровья — на бронзовой пряжке (4), на бронзовых уздечных бляхах (5, 6); Среднего Подонья и Среднего Подонцовья — на бронзовых уздечных бляхах (8, 9); Нижнего Подонья — на бронзовой уздечной бляхе (10); Центрального Предкавказья — на бронзовой уздечной бляхе (2); возможно, из Крыма — из «Крымской коллекции» (12–19).

Модель тина. Представлен рогатый лось (т. е. взрослый самец) в строго профильном ракурсе с согнутыми ногами, подложенными под туловище (ноги ниже сгиба запястья (передняя нога) и сустава заплюсны — пятки (задняя нога) параллельны оси туловища), с дуговидно изогнутой шеей, с головой, обращенной назад и опирающейся носовой частью в спину над бедром.

Все изображения моделированы в высоком рельефе. Большинству изображений данного типа, помимо вышеприведенных композиционных признаков, свойствен близкий к треугольному контур, определяемый тремя конструктивными линиями — двумя горизонтальными (линия спины, линия подогнутых ног, — передняя нога заходит на заднюю или полностью, или копытом) и одной вертикальной (линия шеи, груди и верхней части передней ноги). Исключение составляет лишь елизаветовское изображение (10), имеющее S-видный композиционный «каркас» и иную схему ног (см. ниже). В двух случаях (изображения из Журовки и из Ингушетии — 1, 2) фигура лося зиждется на подставке в виде птичьей ноги (использован прием «зооморфного приставления»)[1].

Изображениям данного типа в той или иной мере присущ лаконизм и определенный геометризм в моделировке анатомических деталей: полуовальная морда, рельефно обозначенные ноздря и рот (иногда слитые в единую каплевидную фигуру), крупный округлый глаз (в одном случае овальный — ольвийское изображение на пряжке (4), асимметрично-ромбическое или близкое к треугольному ухо (дополнительным контуром обозначена ушная раковина, либо косыми рифлеными полосками — шерсть). Рога представляют собой компактную симметричную «корону», состоящую либо из двух осесимметричных пар отростков (1, 2, 12), либо в виде четырехлепестковой пальметки (3, 16–19), либо в виде двух осесимметричных волют (10), либо, наконец, в виде узкого сегмента (4, 13, 14); в некоторых случаях рога не сохранились (6, 9, 11, 15). Лопатка овально-сегментовидная, пре-

[1] Приставленная к лосиной фигуре и практически десемантизированная птичья нога на журовской бляхе и на бляхе из Ингушетии (1, 2) не воспроизводится нами в графической таблице рассматриваемого типа лосиных изображений для демонстрации единства данного типа.

увеличенная, туловище укороченное трапециевидное, бедренно-коленная часть полуовальная, порой с акцентированной тазобедренной выемкой. Копыта преувеличенные.

Морфологическая динамика. Истоком типа представляются такие изображения, как журовское (1), сохраняющее четкость и лаконизм, моделировку сходящимися плоскостями, т. е. стилистические традиции «скифской архаики». Схема рогов журовского и подражающего ему лося из Ингушетии (2, здесь поверхность уже менее рельефна) — еще не вполне декоративная, не только благодаря близости к природным прототипам, но и, очевидно, вследствие развития здесь иконографии Жаботинского типа отдела II группы II. Традиция жаботинского круга проявляется и в акцентировании «серьги» в журовском и ингушском изображениях: здесь она четко моделирована дуговидной линией из двух сходящихся плоскостей на переходе от головы к шее. Напротив, передача напряженных продольных мускулов на шее журовского лося, равно как и рельефное обособление плеча этого копытного и лося из Ингушетии на фоне лопатки (мотив «малой лопатки»), рельефное акцентирование мускулов ноги связаны с натуралистическими влияниями греческого и переднеазиатского искусства в конце «скифской архаики» — начале «скифской классики». Возможно, жаботинская традиция передачи рогов в виде серповидной фигуры повлияла на схему рогов ольвийского лося на пряжке из ямы 15 (4), а композиция, характерная для изображения самца Жаботинского типа отдела II группы II, — на позу данного ольвийского лося.

Таким образом, журовское, ингушское и ольвийское изображения представляются наиболее ранними в эволюционном ряду Журовско-ольвийского типа. Вероятно, последующее тиражирование таких изображений, как журовское, привело к тому, что относительно натуралистичная корона рогов превратилась в пальметку (Каневский уезд, Частые курганы, «Крымская коллекция» — 3, 9, 17–19), а ольвийская схема рогов упростилась до дуговидных выступов над ухом (другое ольвийское изображение (5), фигуры из Никония, Огульцов, Плавиищ, Скоробора — 6, 8–11). Одновременно в ходе этих подражаний постепенно исчезала рельефность изображения и обособленность важнейших анатомических деталей, ноздря и рот сливались в единый каплевидный конгломерат. Предельную схематизацию демонстрирует елизаветовское изображение (10), в котором морда лося геометрична и имеет трапециевидные очертания, рога сведены к почти незаметным волютам, копыта бесформенны и напоминают лапы хищника, причем передняя нога рудиментарна и, по сути, сведена к одной копытной части. Вместе с тем елизаветовское изображение отражает и попытки натуралистичной трактовки: глаз относительно небольшой, причем показан зрачок, на шее рифленой полосой обозначена шерстная складка.

Аналогии и хронология. Близкая аналогия изображениям Журовско-ольвийского типа — бронзовая бляха из Сфынтул-Георге в Румынии, представляющая собой провинциальную реплику с изображений данного типа (Dumitrescu, 1974. Fig. 472: 6).

Прослеженная выше внутритиповая стилистическая динамика соответствует объективным хронологическим показателям комплексов, из которых происходят вещи с изображениями Журовско-ольвийского типа. Комплексы курганов Г Журовки датируются по античной керамике (самосский сероглиняный лекиф, аск) концом VI — началом V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Соответственно журовскому можно датировать очень близкое ему, но менее рельефное изображение лося из Ингушетии. Для ямы 15 в Ольвии, содержащей, в частности, клазоменскую амфору и краснофигурный килик, установлены временные рамки: VI — начало V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Курган 8 группы Частых (раскопки ВУАК) датирован П. Д. Либеровым (прежде всего по длинным бронзовым жертвенным ножам, характерным для периода «скифской архаики») рубежом VI–V в. до н. э., тогда как Е. И. Савченко датирует тот же комплекс по бронзовым наконечникам стрел началом V в. до н. э. (Либеров, 1965. С. 25, 28. Табл. IX. Рис. 2: 188, 189; Савченко, 2009. С. 257). Сходная с этим среднедонским изображением фигура из Каневского уезда может датироваться тем же временем. Погребение из кургана 7 могильника Скоробор отнесено Б. А. Шрамко к V в. до н. э., причем terminus post quem для этого комплекса определяется находкой фрагментов протофасосской амфоры VI — начала V в. до н. э. на перекрытии могилы; типы наконечников стрел из данного комплекса позволяют относить его к V в. до н. э. (Шрамко, 1994. С. 108, 123. Рис. 6: 18–20). Симптоматично, что наиболее примитивное изображение лося, представляющееся периферийным подражанием иконографии данного типа — елизаветовское, — происходит из более позднего комплекса, датируемого по античной керамике первой пол. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Другое изображение из Ольвии, изображения из Никония, Скоробора, городища у Огульцов и из Плавиищ, из «Крымской коллекции» более схематичные, нежели журовское, сходные с изображениями из Каневского уезда и из Частых курганов, и в то же время не столь примитивные, как елизаветовское, вероятно, были созданы

в хронологическом промежутке между появлением журовского и елизаветовского изображений.

Таким образом, общие хронологические границы типа определяются как конец VI — первая пол. IV в. до н. э.

§ 3. Редуцированные изображения лосей

Отображение лося в редуцированном виде в скифском зверином стиле представляет собой мотив обособленной головы с рогами или без них, иногда с передачей шеи копытного. Выявление каких-либо сюжетных групп, отделов и подотделов в применении к этому мотиву невозможно, так что классифицирование непосредственно выводит нас на уровень изобразительного типа. Выявляются 11 типов изображений обособленной лосиной головы, включающих 69 оригинальных изображений (без учета копий и зеркальных отображений).

Тин 1 «Скифская могила — Кошеватое», вторая нол. V — IV в. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения: на бронзовых уздечных бляхах, происходящих из Среднего Поднепровья (1, 2), с территории Ставрополья (3) и Прикубанья (4).

Модель тина. Изображения данного типа представляют собой голову взрослого лося-самца с несколько удлиненной мордой, с отходящим наискось вверх ухом, с рогами, структура которых повторяет (в схематичном виде) структуру рогов лося в природе. Изображения моделированы в низком рельефе, с использованием сквозных отверстий.

Трактовка конкретных изображений и морфологическая динамика. Наиболее качественные и, очевидно, стилистически первичные для данного типа изображения мы видим на бляхах из Скифской могилы (1-1, 1-2). Они представляют животное с дуговидно изогнутой (без явного перелома) сегментовидной головой, рельефно моделированной овальной ноздрей и аналогичным ртом, с выпуклой округлой зеницей, помещенной в углубленную овальную глазницу, от которой вперед и назад отходят дуговидные слезники, с асимметрично-ромбическим ухом, края которого рельефно выделены. Ажурные рога по своим очертаниям четко соответствуют переднему, «глазному отростку» лосиных рогов в натуре (он имитирован двойной волнообразной линией) и «лопате» — задней части лосиных рогов (сама лопата передана S-образной линией, а малые отростки, отходящие вверх от «лопаты», — зигзагообразной линией). Снизу под глазом и за ухом голову окаймляет рельефно выступающая полоса с овальными выпуклостями на ней — очевидно, это имитация кожно-шерстной складки на нижней челюсти, переходящей в «серьгу». Изображения на бляхах из Скифской могилы (всего этих блях 11) однонаправлены и различаются лишь количеством выпуклостей кожно-шерстной складки, степенью проработанности глаза, ноздри и пасти и степенью изогнутости морды. По сути, они могут считаться вариантами одного оригинального изображения.

Изображение из Кошеватого (2) представляет следующую стадию морфологической динамики. Здесь очевидна схематизация изначального натуралистичного образца, при которой ажурность минимизируется, морда укорачивается и утолщается, теряя при этом горбатость, ноздря и пасть передаются тремя углубленными линиями, зеница и глазница становятся овальными, исчезают слезники, ухо становится треугольным, задняя часть рогов превращается в бесформенный конгломерат, а «жемчужник» кожно-шерстной складки превращается в единую линию с поперечным рифлением.

Грушевское изображение (3) и изображение из могильника у хут. Прикубанского (4) демонстрируют предельную схематизацию образа в рамках данного типа. Так, в грушевском изображении передний отросток рогов преувеличивается, удлиняется и опирается на окончание морды (ноздри и пасть обозначены двумя полосками), причем завершение этого отростка уподоблено клюву хищной птицы с выступающей восковицей. Задняя часть рогов имитируется тремя толстыми дуговидными отростками, с последним из которых, очевидно, слито ухо лося (фактически же ухо здесь отсутствует). На месте глаза мы видим овальную прорезь, аналогичная прорезь отделяет рог от поверхности морды, назначение еще двух прорезей неясно: очевидно, это следствие распада образа.

Головка лося из могильника Прикубанского обрамлена полоской с поперечным рифлением, характерной для скифо-меотского плоскостного стиля; аналогичная полоска окружает каплевидную прорезь, отделяющую геометризированный передний отросток рогов, изломанный под тупым углом, от поверхности морды, причем эта прорезь композиционно соответствует глазу в остальных изображениях данного типа, тогда как сам глаз вынесен вперед и моделирован овальным желобком с отходящими вперед и назад желобками-слезниками (аналогичная фигура непонятного назначения помещена в основание головы лося). Остальная часть рогов имитируется четырьмя отростками — двумя слитыми и изогнутыми, отделенными от головы прорезями, и еще двумя обособленными, отходящими назад; с верхним из них, очевидно, слито ухо, поскольку этот отросток композиционно соответствует уху в изображениях из Скифской могилы (1) и из Кошеватова (2). Морда горбатая, с намеком на клювовидность, ее перед-

няя часть отделена двумя поперечными желобками от глазной части, ноздря и пасть не обозначены. Очевидно, это крайняя степень стилизации иконографии данного типа.

Хронология. Нижняя хронологическая граница существования данного типа на сегодняшний момент определяется датой Боковой гробницы Скифской могилы (1). Этот комплекс, с учетом его хронологической близости к Центральной гробнице данного кургана, С. А. Скорый и Я. Хохоровский датируют второй пол. V в. до н. э., в первую очередь по фрагментам хиосских амфор из Центральной гробницы (при этом уздечные комплекты Боковой гробницы Скифской могилы по морфологическим основаниям датируются в рамках всего V в. до н. э.) (Скорый, Хохоровский, 2008. С. 272–273).

Комплекс кургана у с. Кошеватое (2) датируется В. Г. Петренко рубежом V–IV или IV в. до н. э. по типам наконечников стрел, при этом исследовательница учитывала также многочисленные и разнообразные бляшки от конской сбруи (Петренко, 1967. С. 94). Эта датировка подтверждается наличием в том же кошеватовском комплексе трех уздечных блях с изображением обособленной конечности хищника (Петренко, 1967. Табл. 30: 1), ибо эта конечность, в соответствии с разработанной нами классификацией изображений обособленных ног хищника, относится к типу «Солоха — Чертомлык», большинство изображений которого надежно датируются античным импортом или другими объективными хроноиндикаторами в рамках конца V — IV в. до н. э. (см. выше).

Бляха из культурного слоя Грушевского городища (3) относится к горизонту второго периода существования городища, датируемому VI–V вв. до н. э. и давшему также двух- и трехлопастные наконечники стрел с шипами и без шипов, а также железные петельчатые удила с железными двудырчатыми стержневидными псалиями. При этом рассматриваемая бляха найдена в верхнем слое этого горизонта, более позднем по отношению к слою с двулопастными наконечниками стрел (Найденко, Прокопенко, 1996. С. 28. Табл. 2). Учитывая несомненную вторичность грушевского изображения по отношению к изображениям из Скифской могилы и им подобным, можно датировать грушевскую бляху V в. до н. э., предпочтительнее его второй половины.

Наконец, комплекс погр. 427 могильника у хут. Прикубанского, откуда происходит еще одно изображение (4), датируется по объективным показателям началом третьей четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Таким образом, общие хронологические границы типа определяются как вторая пол. V — IV в. до н. э.

Тин 2 Нимфейско-журовский, V — сер. IV в. до н. э.

К данному типу относится 21 изображение. Тип объединяет изображения, оформляющие бронзовые уздечные бляхи с территорий: Среднего Поднепровья (8–12, 14, 20, 21); Среднего Подонья (6); Крыма (1–2, 7, 16–19); Прикубанья (5); Нижнего Побужья–Поднестровья (4). К данному типу можно отнести изображения на бронзовых пластинах колчана из Нижнего Поднепровья (15) и Приазовья (3), а также изображения на золотой диадеме (две зеркальные группы, каждая из 4 идентичных изображений) из лесостепной зоны бассейна Южного Буга (13).

Модель тина. Это изображения головы взрослого лося-самца с предельно акцентированными видовыми чертами — с двумя короткими симметричными ветвями рогов, формирующими своего рода «корону», с тупой горбоносой, как бы переломанной мордой, с нависающей верхней губой, с рельефно моделированной кожно-шерстной складкой на нижней челюсти — «подвесом», переходящим в «серьгу».

Данный тип, по сути, был выявлен уже А. И. Шкурко, который отмечал, что наиболее распространенной трактовкой обособленной головы лося в скифском зверином стиле является «тип довольно декоративной головки с двумя симметричными ветвями рогов, оканчивающимися орлиными головками и пальметкой между ними» (Шкурко, 1976. С. 96.)

Все изображения моделированы в высоком рельефе и (за исключением изображения из Новоселки (13) и с поселения Барвинкова гора (20)) с использованием сквозных отверстий[1].

Общее и особенное в изображениях тина. Центром композиции головы лося является глаз, относительно которого голова симметрична, соответственно над глазом находится корень рогов, в большинстве случаев акцентированный пальметкой (на бляхе с поселения Барвинкова гора эта часть обломана). Глаз в большинстве случаев предельно преувеличенный, округлый, оформленный выпуклостью (имитация зеницы, т. е. видимой части глаза), обрамленной рельефным кольцом (глазница), без слезника или с обособленным слезником; реже (Журовка (9), Табаевка (12), Турья (8), Новоселка, Барвинкова гора) глазница ближе к натуре, с выделенным слезником. Ухо чаще ориентировано наискось вверх, реже — горизонтально;

[1] Кроме того, к данному типу, судя по сохранившемуся фрагменту, могло относиться изображение на обломанной бронзовой уздечной бляхе из Кулар (Вольная, 2002. Рис. 19: 3), однако ввиду сильной фрагментированности изделия данное изображение здесь не учитывается.

оно близко к треугольному или асимметрично-ромбическое, с рельефно выделенным краем и иногда с обозначением шерсти с помощью рельефных продольных или поперечных полосок. Полоса, обозначающая «подвес», как правило, плоская, но в трех случаях (Турья, Новоселка, Барвинкова гора) она показана с волнообразными поперечными полосками, имитирующими шерсть, и в этих случаях «подвес» сливается с ухом. В одном случае (Жовнино — 10) данная полоса трансформирована в голову хищной птицы. Впадина между ухом и выступом скулы может заполняться пальметкой. Ноздря и пасть обозначены по краю единой рельефной петлеобразной полосой, с утолщениями на участке нижней губы и ноздри; эта полоса может иметь продолжение в виде завитков на поверхности морды (Турья). В пасти могут быть обозначены зубы (Журовка, Жовнино). Ниже перелома морды может быть рельефно акцентирована имеющаяся у природных прототипов впадина мягких тканей у окончания носовой кости (Жданов/Мариуполь (3), Воронеж (6), Журовка, Табаевка, Грищенцы (11), Большая Яблоновка (14), Новая Розановка (15)). В одном случае (Жовнино) морде лося придана отчетливая форма копыта (зооморфная трансформация), причем над верхней губой поперечной рельефной полосой отображено надкопытное рифление, а нижняя челюсть играет роль рудиментарного пальца, при этом она еще дополнительно превращена в маленькое копыто, подошва которого дана рельефным полуовалом. В некоторых других изображениях из Среднего Поднепровья (Журовка, Грищенцы, Большая Яблоновка) также можно усмотреть попытку (хотя и не столь отчетливую) придать морде лося угловатый контур копыта, что, напротив, не свойственно изображениям с территории Нижнего Поднепровья, Крыма и Прикубанья, в которых морда лося имеет более плавные очертания.

По трактовке рогов в рамках Нимфейско-журовского типа выявляются два варианта изображений. К варианту 1 относится основная масса изображений, за исключением головок из Большой Яблоновки и Новой Розановки. Рога лосей варианта 1 состоят из двух симметричных, горизонтально или вертикально направленных выгнутых ветвей (с пальметкой в центре симметрии), чьим завершением являются волютообразные завитки (схема «пальметка в обрамлении волют»), как правило, превращенные полностью или на концах в птичьи головки (или их атавизмы), обращенные клювами вверх (лишь в более схематичных изображениях из Новоселок и Барвинковой горы такая трансформация не прослеживается). При этом задний рог опирается на ухо, а передний или опирается на морду в месте ее перегиба, или нависает над ней. К варианту 2 относятся лишь два изображения — новорозановское и яблоновское: это лосиные головы, рога которых трактованы в виде трех компактных завитков. В яблоновском изображении задний завиток превращен в голову хищной птицы с загнутым, но не закрученным клювом, этому завитку симметричны два передних, которые разделены с ним рельефным корнем рогов над глазом. В новорозановском изображении два задние отростка противостоят переднему, причем в них можно усматривать атавизмы птичьих головок (?).

Хронология. Хроноиндикаторами данного типа являются следующие изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов): нимфейские (1, 2) — в рамках 475–425 гг. до н. э., из Журовки 401 (около 475 г. до н. э. или первая пол. V в. до н. э.), из Турьи (начало — первая пол. V в. до н. э.), из Грищенцев (рубеж V–IV вв. до н. э. по типам наконечников стрел — см.: Петренко, 1967. С. 94; Галанина, 1977. С. 53), из Новоселки (первая пол. IV в. до н. э.). Изображение на бляхе из центральной могилы Михайловского кургана 1 (21) относится к тому же уздечному комплекту, что и вышеупомянутые бляхи в виде медвежьей лапы типа II-II-2 «Журовка — Аксютинцы», а данный погребальный комплекс, как мы помним, датируется публикаторами по амфоре из тризны концом VI — началом V в. до н. э. (Могилов, Ляшко, Руденко, 2021. С. 73). Значительное сходство с нимфейским изображением (1) заставляет датировать михайловскую лосиную головку не ранее начала V в. до н. э. (ср. датировку михайловских изображений медвежьей лапы).

И. В. Яценко отнесла впускное погребение кургана 7 у г. Мариуполя к V в. до н. э. по морфологии меча, отметив при том, что «в комплексе стрел преобладают наконечники, характерные для конца V в. до н. э.» (Яценко, 1959. С. 55). По аналогии с изображением из Журовки 401 (9) публикаторы изображения из Жовнина датировали его «не позднее начала первой пол. V в. до н. э.» (Ильинская, Горишний, 1975. С. 209). Эти датировки не противоречат хронологическим рамкам V — сер. IV в. до н. э., устанавливаемым на основании совокупного учета вышеперечисленных хроноиндикаторов.

Тин 3 Нимфейско-семибратненский, V в. до н. э.

К данному типу относятся 7 изображений, оформляющих бронзовые уздечные бляхи с территории Среднего Поднепровья (5), Нижнего Поднестровья (2), Прикубанья (3, 4, 6, 7). Еще одно изображение оформляет бронзовое нагрудное украшение пластинчатого панциря из Крыма (1).

Модель тина. Этот тип объединяет изображения лося с единственным передним отростком рогов,

направленным от уха наискось вперед над глазом. Изображения моделированы в высоком рельефе, с использованием сквозных отверстий.

Общее и особенное в изображениях тина. В целом морфология данного типа близка морфологии Нимфейско-журовского типа. Единственный рог лосей Нимфейско-семибратненского типа занимает композиционное место переднего отростка «короны» в изображениях Нимфейско-журовского типа. Этот отросток чаще удлинен и облегает морду, опираясь на ее носовой выступ, где трансформируется в перевернутую голову хищной птицы (1, 3, 5, 6; в никонийском (2) и одном из дышских изображений (7) эта головка обломана), в одном случае укорочен и полностью превращен в аналогичную голову птицы (4). Ухо отходит вверх и назад, оно либо подтреугольное с впадиной раковины или продольным рифлением, имитирующим складки шерсти (1, 2, 5), либо овальное со впадиной раковины (4, 6, 7).

Ухо сливается с рельефной полосой, обозначающей шерсть на шее и «серьгу» (в семибратнем (3) и майкопском (4) изображениях эта полоса гладкая, в нимфейском (1), никонийском (2) и ворсклинском (5) — с поперечным рифлением, причем в нимфейском изображении полоса разделена на четыре сегмента; в изображении из Дыша (6) данная складка трансформирована в птичью голову). Глаз рельефный, с округлой или овальной зеницей, с рельефными веками, с выделенным слезником (исключая изображения из Дыша — 6, 7). Овальный приоткрытый рот моделирован прорезью или впадиной, обрамленной рельефной S-образной линией, оканчивающейся овальным завитком ноздри. В одном случае (ворсклинские изображения) в прорези рта рельефно обозначены два зуба (ср. жовнинское и грищенецкое изображения Нимфейско-журовского типа). На поверхности морды, очевидно, с целью заполнения пустого пространства, могут быть размещены дополнительные рельефные одинарные и сдвоенные S-видные декоративные завитки (Нимфей, Ворскла, «Майкопский клад»), иногда трансформируемые в птичью голову (Нимфей).

Аналогии и хронология. Ближайшую аналогию данным изображениям составляют три различных изображения на бронзовых налобниках[1] из погребения у с. Хошеутово в Нижнем Поволжье (Б) (Дворниченко, Очир-Горяева, 1997. С. 108–109. Рис. 1: 10–12), а также голова, оформляющая бронзовую уздечную бляху с городища Аргамум в Добрудже (А) (по: Simion, 2003. P. 236. Fig. 12c)[2]. С. А. Скорый, который датирует аргамумскую бляху V в. до н. э., связывает ее с начавшимся еще в конце VII — VI в. до н. э. проникновением в Добруджу населения из днепровской лесостепи (Skory, 1998. P. 11–14).

Мотив однорогого лося может квалифицироваться как боковое ответвление традиции полнофигурного/редуцированного воспроизведения лося в скифском зверином стиле V в. до н. э., т. е. как модификация трактовки лося с двумя симметрично разложенными рогами, образующими «корону», в первую очередь, вышеописанного типа 2 Нимфейско-журовский.

Хронологическую базу данного типа формирует нимфейское изображение (совокупная дата Нимфейских курганов, как известно, составляет 475–425 гг. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов). Изображение из Дыша (курган 1), как уже было сказано, датируется публикаторами по объективным показателям первой пол. — сер. V в. до н. э. (Маслов, Гей, Андреева, 2021). Датировка остальных изображений на основании независимых хроноиндикаторов невозможна, но их значительное сходство с вышеупомянутыми нимфейским и дышскими позволяет относить их к V в. до н. э. Бляха из Никония (2) датируется И. В. Бруяко и А. С. Островерховым первой пол. — сер. V в. до н. э. по признаку прямой постановки зеницы лося: по мнению публикаторов, это «архаизирующий признак» в противовес очерчиванию круглой зеницы косыми линиями (в более позднее время), создающему впечатление постановки глаза в ракурс (Бруяко, Островерхов, 2010. С. 113).

Тин 4 Нимфейско-акташский,
вторая четв. V в. до н. э. — вторая нол. V в. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения, оформляющие бронзовые уздечные бляхи из Крыма (1, 2). В отношении блях из Акташского могильника (2) роль в уздечном комплекте определена более конкретно: это парные нащечники.

Модель тина. Этот тип объединяет амбивалентные изображения головы лося, одновременно являющейся обособленными конечностями хищника.

---

[1] Один из этих налобников хорошей сохранности, а два остальных сильно фрагментированы, но, по мнению авторов публикации, воспроизводят аналогичный образ (Дворниченко, Очир-Горяева, 1997. С. 108–109).

[2] Как уже было нами показано (Канторович, Эрлих, 2006. С. 69), в азиатской части «скифского мира» имеется параллель данному приему инвертирования рога, однако аналогичные сходные алтайско-тувинские и тасмолинское изображения являются редукцией таких южносибирско-восточноказахстанских изображений оленя с полным воспроизведением рогов, как фигуры на аржан-ском камне и бухтарминском зеркале (Бородаев, 1998. С. 66. Рис. 8), т. е. мы имеем здесь дело с конвергентным параллельным развитием.

Изображения моделированы в рельефе, с использованием сквозных отверстий.

При рассмотрении этих блях в горизонтальном положении и при сравнении с вышеприведенными изображениями лосиных голов в скифском искусстве становится очевидным, что когти конечностей хищника играют здесь роль отходящих назад отростков лосиных рогов, а бедро — роль мощной горбоносой стилизованной головы лося: соответственно, выпуклость между бедром и голенью, где в других случаях в сходных изображениях конечностей показан завиток хвоста, заполнена лосиным глазом (очевидно, рудимент хвоста, замещенный глазом). При этом рельефные кружки, образующие птичью голову в выемке бедра изначального образа хищника, в нимфейском изображении (1) одновременно маркируют ноздрю лося, переходящую в условно очерченный рот лося в соответствии с характерным мотивом завитка, соединяющего ноздрю и линию рта и свойственным иконографии лосиных головок в скифском зверином стиле V в. до н. э.

В отношении акташских нащечников (2) на указанную амбивалентность уже обратили внимание С. С. Бессонова и С. А. Скорый. Очень интересно их предположение о том, что восприятие данных изображений менялось в соответствии с их расположением: в вертикальном — «рабочем» — положении (т. е., видимо, при опущенной голове лошади — «лошадь в сборе») это была конечность хищника, в горизонтальном — голова лося (Бессонова, Скорый, 1986. С. 163 (рис. 5), 164).

Хронология данного типа основывается прежде всего на дате комплекса из Нимфейского некрополя. Как уже отмечалось, нимфейский комплекс кургана 1, гробницы 14 (раскопки 1878 г.), из которого происходит и бляха с лосиной головой Нимфейско-журовского типа, датирован Л. Ф. Силантьевой сер. — третьей четв. V в. до н. э. на основании аналогий уздечным принадлежностям, тогда как А. Ю. Алексеевым с учетом датировок античного импорта и опять-таки аналогий уздечным принадлежностям — в рамках 475–425 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Близкое сходство, почти тождественность блях из кургана 48 Акташского могильника данному нимфейскому изображению позволяет определять дату акташских изображений (авторы раскопок датируют соответствующий акташский комплекс второй пол. V в. до н. э. (Бессонова, Скорый, 1986. С. 165). Характерно, что изображение из Берестняг, сходное с нимфейским и акташскими по оформлению бедренной части, происходит из комплекса, датированного по античной амфоре второй пол. V в. до н. э. (Онайко, 1966а. С. 61–62; Петренко, 1967. С. 93), что вполне укладывается в логику подражания данным крымским изображениям в лесостепной зоне.

Близкой морфологической **аналогией** Нимфейско-акташскому типу вне рамок образа лося является изображение из Среднего Поднепровья (Берестняги, курган 5). Это изображение вместе с нашими нимфейским и акташским как отображение конечностей хищника в рамках соответствующего таксона образа хищника входит в вышеописанный изобразительный тип II-I-2 «Нимфей — Завадская могила», второй четв. V в. до н. э. — второй пол. V в. до н. э. Возможно, изображение из Берестняг также задумывалось как двузначное (здесь читается голова лося с обломанным глазом, ноздря и рот), но обломанность лап хищника / рогов лося не позволяет утверждать это безоговорочно. Датировка берестнягского изображения по объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) второй пол. V в. до н. э. подтверждает хронологию рассматриваемого нами типа лосиных голов.

Тин 5 Журовско-чигиринский,
вторая нол. VI — сер. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 19 изображений. Большинство из них происходят из Среднего Поднепровья. Это головы на золотой подвеске (первоначально, возможно, деталь ожерелья) (4); на костяной уздечной бляхе (3); сдвоенные синтетично размещенные головки, оформляющие бронзовые пряжки (1[1], 2[2]) и трактуемые как застежки панциря (Петренко, 1967. С. 50) или же подпружного/нагрудного уздечного ремня (Могилов, 2008. С. 65); на золотой пластине — обивке колчана (9); на лопастях S-видных бронзовых псалиев (10, 11). Отдельные произведения происходят с территории Нижнего Поднепровья и Побужья: это голова на лопатке вышеописанного оленя типа II-II-1 «Дубовая» на золотой пластине — обивке деревянного сосуда (7), три головы, нарастающие в размерах и размещенные цепочкой так, что конец морды предыдущего лося упирается в затылок последующего (эти головки, по сути, представляют собой варианты одного оригинального изображения) на лопатке хищника, в свою очередь оформляющего бронзовую уздечную бляху — (8). Два изображения этого типа происходят из Крыма: голова на плечевом отделе

[1] А. А. Бобринский интерпретировал это изображение как «головку хищника» (Бобринский, 1905. С. 26). Действительно, совокупно сдвоенные лосиные профили походят на фас кошачьего хищника. Это зооморфная трансформация, результатом которой является амбивалентное изображение.

[2] А. А. Бобринский полагал, что эта бляха выполнена «в виде грубо намеченной головы коровы» (Бобринский, 1905. С. 12).

хищника, оформляющего большую бронзовую уздечную бляху из кургана Кулаковского (5), а также голова на лопатке хищника, оформляющего малую бронзовую уздечную бляху из того же комплекса (6). Известны изображения данного типа и в Прикубанье: это голова на плече хищника на бронзовом псалии (12), а также головы на серебряных псалиях из того же комплекса — на плече большого хищника (13), на плече малого хищника (16), на плече оленя (14), на плече неопределенного копытного (15) и под глазом основной птичьей головы (17). Наконец, одно изображение происходит из курганов Среднего Подонья: это голова лося между ног сдвоенных грифонов золотой нашивной бляшки (18) и на практически тождественных ей семи идентичных бляшках, собранных А. А. Спицыным из грабительских раскопок кургана у того же села в 1905 г. (19)[1].

Модель тина. Данный тип объединяет геометризированные головы, имеющие близкий к прямоугольному или сегментовидный контур, как правило, безрогие, но четко атрибутируемые как лосиные по форме мощной и вислой носовой части; в числе прочих к этому типу относятся головы — элементы зооморфных трансформаций конечностей других животных.

Изображения в большинстве моделированы в рельефе, исключая ульские, очерченные с помощью углубленных линий на плоскости.

Общее и особенное в изображениях тина. Всем изображениям данного типа, помимо вышеперечисленных признаков, свойственен стилистический лаконизм, в некоторых случаях предельный, приводящий к отказу от воспроизведения уха, так что единственным признаком видовой принадлежности остается форма морды — либо переломанной, либо плавно изогнутой (Аксютинцы (9), Смела (10), Харьковский музей (11), малая и средняя в цепочке головок из Ковалевки (8), ульские псалии (12–17), кулаковские бляхи (5, 6), Мастюгино (18, 19)). В тех случаях, когда ухо отображается, оно геометричное — асимметрично-ромбическое (Журовка В — 1), трапециевидное (Близнец — 4), овальное (Дубовая — 7), большая голова в цепочке головок из Ковалевки — 8) или овально-треугольное (Чигирин — 3); ухо может иметь продольное рифление, имитирующее складки шерсти (Журовка В, Близнец). Глаз чаще выступает за пределы контура, он всегда крупный геометричный, далекий от сходства с натурой — либо просто округлый без слезника (выпуклость в углублении) (Журовка 400 (2), Чигирин (3), Смела (10), Харьковский музей (11), Ковалевка (8), Дубовая (7), ульские серебряные псалии (13–17), малая Кулаковская бляха (5), Мастюгино (18, 19)), реже с рудиментом слезника (ульские бронзовые псалии (12), большая кулаковская бляха (5)) или же с нарочито обособленным слезником, обозначенным рельефной черточкой или кружком (Журовка В (1), Близнец (4), Аксютинцы (9)). Морда овальная или близкая к прямоугольной, с каплевидным ртом, обозначенным углублением или прорезью, иногда окантованным рельефной полосой; в одном случае (Чигирин — 3) рельефными выпуклостями во рту показаны зубы. Ноздря слабо намечена, петлевидна или каплевидна; в некоторых случаях ноздря вовсе не обозначена (Журовка В (1), Смела (10), Харьковский музей (11), Ковалевка (8), Дубовая (7), Аксютинцы (9), ульские серебряные псалии (13–17)). Шерсть в основании головы и шеи может не акцентироваться (Журовка В (1) и 400 (2)), но чаще каким-то образом отображается: либо дана выступом в общем контуре (Близнец (4), Смела (10), Харьковский музей (11), Ковалевка (8) Дубовая (7), Аксютинцы (9), Кулаковские бляхи (5, 6)), либо оформлена в виде рельефной головки хищной птицы (Чигирин — 3), кружком или завитком (ульские псалии (12–17)).

Не следует исключать того, что некоторые лосиные головы данного типа — элементы зооморфной трансформации — были наделены рогами, «спрятанными» в других анатомических элементах зверя — основного объекта этой трансформации. Так, в качестве «короны» рогов лося (ср. Нимфейско-журовский тип) на большей бляхе из кургана Кулаковского могла выступать серповидно изогнутая задняя лапа хищника с тремя когтями. Для головы на малой бляхе из кургана Кулаковского роль единственного рога, отходящего вперед и вверх, могла играть передняя нога хищника, вывернутая наружу (ср. Нимфейско-семибратненский тип однорогих головок). Аналогичная роль единственного рога могла быть придана конечностям животных, лопатки которых трансформированы лосиными головами на некоторых изображениях на ульских псалиях.

Трудно говорить об отчетливой морфологической динамике в рамках данного типа, но несомненно, что изображение на бляшке из кургана Журовка 400 является упрощенной репликой с изображения на бляшке из кургана Журовка В или ей подобной, причем в ходе этого копирования исчезло отображение уха, слезника и ноздри, а морда вытянулась и предельно сузилась.

На стилистическое сходство ряда изображений, объединенных в нашей классификации в Журовско-чигиринский тип, уже обращал внимание

---

[1] Еще Н. Е. Макаренко обратил внимание на наличие «внизу, между ног животных, как бы головы животного же с большими глазами» (Макаренко, 1911. С. 73). А. И. Шкурко однозначно трактовал эту голову как лосиную, а ее позицию как свидетельство «второстепенной роли этого мотива в IV–III вв. до н. э.» (Шкурко, 1980. С. 75).

А. И. Шкурко. Он характеризует голову на чигиринской бляхе как тип «массивной безрогой головы в геометризированной схеме»; этот тип исследователь связывает исключительно с лесостепным днепровским Правобережьем (Шкурко, 1976. С. 96). С чигиринским А. И. Шкурко сближает журовское изображение из кургана 400, квалифицируя его как тип «тех же безрогих, но более изящных и живых головок в парной композиции» (Шкурко, 1976. С. 96). В другой своей работе А. И. Шкурко, расценив зооморфное превращение изображения на лопатке аксютинецкого оленя как «совершенно искаженную головку» лося, указал в качестве ближайших аналогий ей элементы зооморфных превращений из Дубовой и кургана Кулаковского (Шкурко, 1980. С. 75).

Хронология. Нижняя хронологическая граница бытования Журовско-чигиринского типа определяется в первую очередь изображениями из Ульского кургана 2 раскопок 1909 г. Комплекс кургана отнесен В. Р. Эрлихом, доследовавшим данный курган в 2007 г., ко второй хронологической группе Ульских курганов, датируемой по морфологии узды, по характеру импортов и по соотношению с первой и третьей хронологическими группами второй пол. VI в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Курган 400 у с. Журовка по античному импорту датируется первой пол. V в. до н. э., концом первой — второй четв. V в. до н. э. или, еще у́же — 500–475 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Соответственно должно датироваться и изображение из кургана В у с. Журовка, подражанием которому, как уже было показано, является изображение из комплекса кургана 400 у с. Журовка. Комплекс погр. 3 кургана 2 из с. Долинное (курган Кулаковского) отнесен Э. В. Яковенко ко второй пол. VI — рубежу VI–V вв. до н. э. в том числе и по таким независимым показателям, как наконечники стрел и вотивный скипетр (Яковенко, 1976. С. 130). Наиболее поздним из надежно датируемых комплексов, содержащих предметы с изображениями Журовско-чигиринского типа, является, видимо, курган Близнец 2, относимый по типам наконечников стрел и другим хроноиндикаторам к последнему десятилетию V в. до н. э. (Ромашко, Скорый, 2009. С. 85–87). Вместе с тем, П. Д. Либеров датировал курган 5 раскопок 1908 г. у с. Мастюгино в широких рамках IV–III вв. до н. э., прежде всего по наконечникам стрел (Либеров, 1965. Табл. IX. С. 26). Думается, что морфологическая близость лосиной головки на бляшке из этого комплекса остальным изображениям Журовско-чигиринского типа позволяет ставить вопрос если не о сужении хронологических границ комплекса, то, по крайней мере, о датировании самой бляшки с этим изображением сер. IV в. до н. э.

Таким образом, общие хронологические границы типа определяются как вторая пол. VI — сер. IV в. до н. э.

Тин 6 Аксютинецко-басовский, рубеж VI–V — IV в. до н. э.

К данному типу относятся 7 изображений — на бронзовых уздечных бляхах из Среднего Поднепровья (1–3), из Среднего Подонья (4)), из Нижнего Подонья (5) и, возможно, из Крыма (6, 7).

Модель тина. Данный тип объединяет изображения безрогой, безухой лосиной головы, при первоначальном впечатлении — «лопоухой», но в действительности лишенной уха, место которого отчасти занимает непосредственно примыкающая к глазу преувеличенная вертикальная шерстная складка в основании головы. Изображения моделированы в рельефе, с использованием сквозного отверстия.

Общее и особенное в изображениях тина. Изображениям данного типа, помимо вышеуказанных диагностирующих признаков, свойственен предельный стилистический лаконизм и геометризм. Очень крупный округлый глаз (выпуклость зеницы в рельефном обрамлении глазницы) выступает наполовину над линией короткой морды, переламывающейся под прямым углом. Приоткрытый рот подковообразный, обрамлен рельефной линией, ноздря не обозначена. В основании головы, непосредственно примыкая к глазу, помещена рельефная сегментовидная фигура, скорее всего, имитирующая кожно-шерстную складку на шее, поскольку занимает место именно этой детали в традиционной композиции лосиной головки. В то же время не следует исключать, что данная фигура сочетает в себе также и обозначение уха, порой сливающегося в изображениях лося с кожно-шерстной складкой в единый конгломерат, как это было видно на примере других типов.

Эти головки (за исключением елизаветовской — 5) уже выделял в специальный тип А. И. Шкурко, отмечавший, что «в Посулье в это время сложился тип лосиной безрогой головки, отличающейся (от трех описанных А. И. Шкурко перед этим лесостепных типов лосиных голов, среди которых были два безрогих — чигиринский и журовский, по типологии А. И. Шкурко, и один рогатый с пальметкой, соответствующий Нифмейско-журовскому типу по нашей классификации. — *А. К.*) меньшими размерами, большим лаконизмом и условностью в передаче характерных черт. Будучи здесь представлен только в двух комплексах, этот тип имеет прямую аналогию на Среднем Дону» (Шкурко, 1976. С. 97).

В рамках данного типа среднеднепровские и среднедонские изображения (1–4) с точки зрения морфологической динамики представляются пред-

шествующими нижнедонскому изображению из Елизаветовской (5), равно как и изображениям из «Крымская коллекции», поскольку последние наиболее схематичны, и в них кожно-шерстная складка укоротилась и стала более похожа на обыкновенное ухо, занимающее при этом несвойственное ему место в традиционной композиции лосиной головы.

Хронологические рамки данного типа определяются датировкой кургана 12 Аксютинцев — Стайкин верх (рубеж VI–V вв. до н. э. по сочетанию типов наконечников стрел и уздечных принадлежностей, см.: Ильинская, 1968. С. 73), кургана 499 у с. Басовка (первая пол. V в. до н. э. по типам наконечников копий и предметов конской узды, см.: Галанина, 1977. С. 46) и кургана 10/10 группы Частых (V–IV вв. до н. э. вв. до н. э., в том числе по наконечникам стрел, см.: Пузикова, 2001. С. 12).

Тин 7 «Частые курганы»,
вторая нол. V в. до н. э.

Данный тип составляет одно весьма специфичное рельефное изображение сегментовидной головы с плавно изогнутой (без явного перелома) мордой на бронзовой уздечной бляхе из Среднего Подонья[1].

Несмотря на незначительную поврежденность вещи («края изображения (конец морды, рога) слегка обломаны» — Замятнин, 1946. С. 28), различимы подковоообразный рельефный рот, вмятина ноздри, округлая выпуклая зеница, помещенная в углубленную овальную глазницу, от которой вперед и назад отходят дуговидные слезники. Треугольный выступ над глазом — рудимент рога — занимает место корня рогов в традиционной иконографии лосиной головы. Ухо вписано в общий контур, отходит непосредственно от заднего слезника, оно асимметрично-ромбическое, с рельефно выделенным корнем и впадиной раковины. С. Н. Замятнину представлялось, что оно «передано в виде маленького изображения головы какого-то животного» (Замятнин, 1946. С. 28), но, на наш взгляд, какое-либо зооморфное превращение здесь не прослеживается. Снизу под глазом и за ухом голову окаймляет рельефно выступающая полоса с поперечным рифлением — имитация кожно-шерстной складки на нижней челюсти, переходящей в «серьгу».

С. Н. Замятнин видел сходство данной бляхи с бляхами из Турьи и Журовки, отнесенными нами к Нимфейско-журовскому типу. Не отрицая этого сходства, хотелось бы указать на морфологическую близость данного изображения также к лосиным головкам типа «Скифская могила — Кошеватое». Лишь упрощенная трактовка рогов и окончания морды заставляет относить это изображение к отдельному типу, считая его искажающей провинциальной репликой с изображений Нимфейско-журовского типа и типа «Скифская могила — Кошеватое».

Хронология. Комплекс кургана 4 группы Частые (раскопки ВУАК) отнесен П. Д. Либеровым в одном случае к рубежу VI–V вв. до н. э. (Либеров, 1965. С. 28. Табл. 2: 195), в другом — к V в. до н. э. (Либеров, 1965. С. 25. Табл. IX) на основании, очевидно, самой бляхи с лосиной головой. Никаких других независимых данных для датирования комплекса нет, кроме бронзовых трехгранных наконечников стрел, часть из которых может относиться к курганам 6 и 8 данной группы (Замятнин, 1946. С. 27–28). Учитывая вторичность изучаемого изображения по отношению к Нимфейско-журовскому типу и к типу «Скифская могила — Кошеватое», представляется возможным датировать данную бляху второй пол. V в. до н. э.

Тин 8 Елизаветовский,
сер. — третья четв. V в. до н. э.

К данному типу относится одно плоскостное резное изображение шеи и головы безрогого лося с торчащим вверх ухом на фрагментированной костяной пластине из Нижнего Подонья (1).

Несмотря на отсутствие рогов, данную головку можно с уверенностью считать лосиной, исходя из очертаний тупой морды и наличия «серьги».

Глаз лося небольшой, округлый, концентрический. Ухо асимметрично-ромбическое с треугольной раковиной подобной формы. Лоб плавно опускается к морде, длинной и тупой, причем ноздря не показана, а закрытый рот намечен волнистой резной линией, переходящей в верхний край «серьги», каковая трансформирована в перевернутую голову хищной птицы с выступающей восковицей. Птичья голова почти достигает клювом основания уха, тем самым разграничивая голову и шею лося.

Комплекс Елизаветовского кургана 5 (1911 г.) по античной керамике датируется сер. — третьей четв. V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тин 9 Серегинский,
IV — начало III в. до н. э.

Данный тип составляет одно крайне условное рельефное изображение тонкой длинной головы с круто изогнутой, почти переломанной мордой, с рудиментарным рогом, сведенным к корню и с чрезвычайно широкой шерстной складкой в основании головы. Это изображение оформляет бронзовую уздечную бляху из Прикубанья (1).

---

[1] А. И. Пузикова определяет материал данного предмета как бронзу (Пузикова, 1995. Табл. 19), тогда как в первой публикации С. Н. Замятнин указывает, что вещь сделана из «белого сплава (серебро?)» (Замятнин, 1946. С. 28).

Изображение состоит из двух частей — сегментовидной передней и веерообразной задней части. Глаз крупный, округлый (выпуклость зеницы, обрамленная каналом глазницы), над глазом маленьким треугольным выступом оформлен рудиментарный рог, противонаправленный еще меньшему треугольному выступу «серьги» под глазом. Непосредственно к глазу примыкает широкая дуговидная полоса с поперечным рифлением, имитирующая шерсть на шее и практически заполняющая всю плоскость головы за глазом. Ухо не показано. Морда моделирована четырьмя рельефными полосами, разделенными тремя канавками, окончания которых имитируют складку рта и ноздрю.

Комплекс погр. 69 Серегинского могильника датируется IV — началом III в. до н. э. — по железным С-видным двудырчатым псалиям, встреченным в Закубанье только в комплексах IV в. до н. э. (Эрлих, 1992. С. 159). На основании этого комплекс был отнесен А. О. Карповичем к ранней хронологической группе Серегинского могильника (Карпович, 2003. С. 21, 48. Табл. 5. Рис. 15: 1–2).

Тин 10 Солохско–нерещенинский, конец V — нервая четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 9 изображений. Они выполнены в рельефе либо гравировкой на плоскости на поверхностях или золотых обкладках рукоятей железных акинаков (в том числе на перекрестьях, собственно рукоятях и на навершиях) с территории Нижнего и Среднего Поднепровья и Нижнего Подонья. Это изображения на золотой обкладке рукояти меча из Боковой могилы кургана Солоха — 2 головки на самой рукояти (1) и головка на перекрестье (9), на золотой обкладке рукояти меча из погр. 2 кургана 3 Перещепинского могильника — 2 головки на самой рукояти (2) и головка на перекрестье (5), непосредственно на рукояти меча, найденного случайно у с. Ключ Курской обл. — на навершии (3), 2 головки на самой рукояти (4) и головка на перекрестье (8)), на золотой обкладке перекрестья меча из кургана 3, погр. 2 могильника Житков II (6), непосредственно на перекрестье меча, найденного случайно в урочище Хутир и хранящегося в музее с. Медвин Киевской области (7).

Модель тина. Представлены весьма условные изображения узкой головы, с плавно изогнутой мордой с расширением или переломом на конце, без рогов, с длинным «мохнатым» ухом, соразмерным голове, и крупным глазом в центре композиции. Конкретные изображения этого типа чаще квалифицируются исследователями как лосиные (Пузикова, 1984. С. 210), но в одном случае как грифоньи (Ковпаненко, Левченко 1977. С. 60), для чего, на наш взгляд, нет оснований.

Изображениям данного типа, помимо вышеуказанных диагностирующих признаков, свойственен предельный стилистический лаконизм, а для изображений на перекрестьях, повторяющих треугольные очертания, — также геометризм. Крупный округлый (в медвинском изображении — овальный) глаз (моделирован выпуклостью зеницы в рельефном обрамлении глазницы) четко разграничивает изображение на две половины, будучи полностью вписан в контур головы. Ухо непосредственно примыкает к глазу, треугольное у головок на перекрестьях, овально-ромбическое у остальных. Верхний край уха дан гладким, под ним наискось рифлением имитирована ушная раковина. Ноздря и рот маленькие, даны каплевидным углублением.

Хронология тина определяется в первую очередь комплексами Солохи и Перещепинского могильника. В целом, дата бокового погребения Солохи по чернолаковому килику определяется А. Ю. Алексеевым в пределах 400–375 гг. до н. э., но сам меч А. П. Манцевич относила к концу V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Чернофигурный лекиф с изображением сфинкса в комплексе погр. 2 кургана 3 Перещепинского могильника позволяет датировать его концом V — началом IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов); этот комплекс по хронологии С. В. Махортых относится к поздней (III) группе Перещепинского могильника, «захоронения которой приходятся на последнюю четв. — конец V и/или начало — первую пол. IV вв. до н. э. (Махортых, 2012. С. 157). Остальные изображения данного типа на основании их значительного сходства с солохскими и перещепинскими, вероятно, могут быть датированы в рамках конца V — первой пол. IV в. до н. э.

Тин 11 Елизаветинский, нервая — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 8 изображений. Они оформляют (с одной стороны или полностью) стержневидную часть Г-образных бронзовых псалиев, противоположную их плоскому щитку. Все псалии происходят из Прикубанья, из курганов Елизаветинской группы (1–8).

Модель тина. Данный тип составляют крайне условные изображения тонкой длинной головы с расширением на конце, с плавно изогнутой мордой, без рогов и без ушей. Это амбивалентные изображения, выполненные «в виде ноги копытного животного, превращенной… с помощью гравированных деталей (глаз со слезником, линия рта и др.) в голову лося или оленя» (Галанина, 2010. С. 109). То, что здесь изображен скорее лось, определяется не только плавным изгибом морды, но и наличием

крупной овальной ноздри, а также, в некоторых случаях, акцентированного подбородочного выступа — деталь, более отчетливая в природе у лося, нежели у оленя.

Хронология. Оформляемые данными изображениями псалии относятся к типу III, подтипу 2, по классификации Л. К. Галаниной (Галанина, 2005. С. 102). При этом для шести из этих изображений возможна достаточно узкая датировка. Изображения из Южного Елизаветинского кургана (курган 4/1913 г.) относятся к первой четв. IV в. до н. э. (комплекс датирован по гераклейской и фасосской амфорам). Этот курган, по указанию Л. К. Галаниной, самый ранний среди Елизаветинских (Галанина, 2005. С. 104). Изображения из Елизаветинского кургана 7/1917 г. датируются третьей четв. IV в. до н. э. на основании наличия в этом комплексе чернолаковой солонки и золотых украшений (Галанина, 2005. С. 104). В рамках между этими комплексами должны, очевидно, датироваться оставшиеся два изображения Елизаветинского типа, связь которых с конкретным курганом Елизаветинской группы не документирована[1].

III.3. ОБРАЗ ГОРНОГО КОЗЛА

§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений

Образ горного козла в восточноевропейском скифском зверином стиле реализован в изображениях, наделенных вышеназванными общестилевыми признаками, а также объективными морфологическими признаками надотряда копытных, отряда парнокопытных, семейства полорогие (Bovidae), подсемейства козлы и бараны (Caprinae), видов козел безоаровый (Capra aegagrus) и тур кавказский (Capra caucasica). Основным диагностирующим признаком видовой атрибуции изображения является наличие рога, исходящего из точки на темени животного и саблевидно или дуговидно загнутого, не заходя на скулу или щеку копытного, в противовес анатомии близкородственного козлу горного барана. Также важным, хотя и не абсолютным признаком служит наличие бороды, что опять-таки соответствует анатомии козла, наделенного в природе либо густой и длинной бородой (безоаровый козел), либо короткой и широкой (тур кавказский), в отличие от барана, который в природе лишен какой-либо бороды (см. www.floranimal.ru). Таким образом, для отнесения изображения копытного животного с характерной для копытных мордой к образу горного козла требуется наличие у него козлиного рога или бороды.

Тема горного козла в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется как в полнофигурном, так и в редуцированном отображении (протомы и головы).

§ 2. Полнофигурные изображения козла

2.1. Таксономические уровни классификации

Основу классифицирования полнофигурных изображений горного козла составляют три универсальных таксономических уровня.

1. *По позиции ног относительно оси туловища* полнофигурные изображения козла разделяются на три сюжетных группы:

грунна I — нижние части ног (по крайней мере, одна передняя и одна задняя) параллельны оси туловища как минимум ниже сгиба запястья (передняя нога) и сустава заплюсны или пятки (задняя нога). Это **лежащие** козлы;

грунна II — ноги животного полностью или ниже сгибов запястья (передняя нога) и сустава заплюсны или пятки (задняя нога) находятся под прямым или близким к прямому углом к продольной оси его туловища. Это изображения козлов **стоящих/идущих**;

грунна III — положение одной (как правило, задней) пары ног козла соответствует первой из вышеназванных сюжетных групп козлов, положение другой пары ног — второй группе. Это **полулежащие/полустоящие козлы.**

2. *По позиции головы относительно туловища* изображения I и III групп разделяются на 2 сюжетных отдела:

отдел I — изображения животных с головой, однонаправленной с туловищем (голова показана либо прямо и горизонтально, либо поднята, либо опущена);

отдел II — изображения животных с повернутой головой (либо назад, либо вполоборота, либо анфас и т. д.).

В рамках II группы аналогичного разделения на существующем материале пока не наблюдается, все изображения данной группы относятся к отделу I.

По менее значимым композиционным показателям, а также с учетом образно-стилистических

---

[1] Возможно, лосиными являются изображения обособленных голов на бронзовых уздечных бляхах из кургана 357 Константиновки (Бобринский, 1901. Табл. II: 6; Могилов, 2008. Рис. 97: 9, 9а), однако недостаточная выраженность видовых признаков не позволяет однозначно идентифицировать данные изображения с лосем.

Кроме того, в корпус лосиных изображений нами не включена объемная резная голова животного на остром конце клыка кабана (уздечная подвеска) из кургана 3 в имении Талаевой в Крыму — в силу дискуссионности интерпретации этого образа. Нами данное изображение интерпретируется как кабанье и отнесено к отдельному типу 6 Талаевский в рамках этого образа (см. ниже).

признаков каждый сюжетный отдел разделяется на сюжетно-стилистические типы.

2.2. Тинология и хронология нолнофигурных изображений козла

Группа I – отдел I

Тин I-I-1 Волошинско-чегемский, вторая четв. VII — VI в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Среднего Поднепровья (1), Центрального Предкавказья (2) и, возможно, из Крыма («Крымская коллекция», 3). Это фигуры, оформляющие навершие роговой булавки (1), бронзовую подвеску (2) и бронзовую уздечную бляху (3)[1].

Модель тина. Представлены изображения козла в позе «летящего оленя» с приподнятой головой и подложенными под туловище ногами, в духе композиции оленей Келермесско-константиновского типа. Моделировка в одностороннем высоком рельефе, ракурс строго профильный. Изображение имеет очертания в виде перевернутой трапеции с двумя горизонтальными осями: ног (линия короткого основания трапеции), туловища, головы, рога и приподнятого зада (линия длинного основания трапеции). Нижняя часть ног размещена внахлест (1, 3) или же ноги упираются друг в друга, образуя конгломерат, переходящий в выступ в виде птичьей головы клювом вниз (2). Шея направлена наискось вверх (1, 3), или вертикальна (2), голова задрана вверх (1) или приподнята (2). Рог подковообразный, уравновешивает выступ морды, упирается в затылок козла под корнем уха. Ухо противонаправлено голове либо пересекает пространство между рогом и затылком (1, 3) или примыкает к рогу (2).

Рог мощный, зарифленный, в соответствии с натурой. Морда геометризирована, глаз и носовая часть преувеличены, носовая часть акцентирована расширением или утолщением. Рот и ноздря обозначены в контуре морды утолщениями (особенно значительными в нижнечегемском изображении — 2), моделированы каплевидными углублениями в рельефном обрамлении. Глаз округлый концентрический, с углублением зеницы в рельефном кольце глазницы. Ухо дано асимметрично-ромбическим выступом со впадиной раковины. Шея мощная, нормальной длины (1) или укороченная (2, 3), в двух случаях спереди шеи показана кожно-шерстная складка, оформленная с помощью зарифленной рельефной линии — «жемчужника» (1, 3), а в нижнечегемском изображении с помощью горизонтальных валиков показаны кожные поперечные складки шеи, причем аналогичные валики, но вертикальные и более широкие моделируют складки на лопатке и туловище, оставляя гладким лишь зад животного. Шея в двух случаях (1, 3) переходит в рельефную, сегментовидную лопаточно-плечевую зону, при этом в изображении из «Крымской коллекции» несет на себе дополнительное рельефное изображение неясного животного — зооморфное превращение (голова с овальной мордой, огромным округлым концентрическим глазом и треугольным ухом). Переход от бедра к колену в волошинском изображении акцентирован небольшим уступом. Копыта в двух случаях (1, 3) удлиненные рельефные, тогда как в нижнечегемском изображении ноги схематизированы, укорочены и утолщены, заужены, изломаны, копыта не обозначены.

Аналогии и хронология. Изображения Волошинско-чегемского типа, не находя себе близких аналогий в восточноевропейском зверином стиле, имеют многочисленные соответствия в изображениях козла, лежащего с ногами внахлест в передневосточном искусстве, а также в более восточных зонах скифо-сибирского мира, в особенности в Южной Сибири, на что в отношении волошинской булавки уже указали ее публикаторы, особо выделившие изображение на золотой бляхе головного убора из кургана Аржан-2 (Кулатова, Скорий, Супруненко, 2010. С. 33–37. Рис. 30, 31). Судя по композиционным аналогиям с изображениями оленей Келермесско-константиновского типа и по стилистическом лаконизму Волошинско-чегемский тип изображений козла следует связывать с эпохой скифской архаики VII–VI вв. до н. э.

Тин I-I-2 Иснановско-улянский, сер. V— IV в. до н. э.

К данному типу относятся 5 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1), Прикубанья (2, 3, 5) и, возможно, из Крыма (4). Это фигуры, оформляющие бронзовые элементы узды — нащечники (2, 3) и бляхи (4, 5), а также золотую обивку деревянного сосуда (1).

Модель тина. Представлены изображения козла с подложенными под туловище передними и задними ногами. Моделировка в одностороннем рельефе, ракурс строго профильный. Нижняя часть ног размещена либо на одной линии, так что передняя и задняя ноги соприкасаются внешними сторонами копыт (принцип композиции оленей Завадско-акмечетского типа) (1, 2, 5), либо ноги размещены внахлест, так что нижняя часть передней ноги

[1] Возможно, к тому же типу относится бронзовая бляшка — центральная ручка бронзового зеркала из Келермесского могильника, курган 19, погр. 1, датируемого второй пол. VII — началом VI в. до н. э. (Галанина, Алексеев, 1990. С. 46. Рис. 9: 6; Кузнецова, 2002. Табл. 24. Кат. 247). Она оформлена «в виде лежащего копытного» (Кузнецова, 2002. С. 74), однако недостаточная сохранность вещи не позволяет уверенно включать это изображение в рассматриваемый тип.

лежит на задней, доходя концом копыта до сгиба заплюсны-пятки, а задняя нога доходит концом копыта до сгиба запястья, подпирая его (принцип композиции оленей Келермесско-константиновского типа) (3). Туловище параллельно ногам, шея немного наклонена вперед, морда опущена наискось. Рог подковообразно огибает ухо, как бы уравновешивая выступ морды, опирается в холку козла (2, 3, 5) или не доходит до затылка (4), а в испановском изображении (1) рог далее загибается вдоль спины и, наконец, изгибается вверх, превращаясь в птичью голову. Ухо противонаправлено голове, заполняет пространство между рогом и затылком, либо пересекая рог (1), либо упираясь в него (3), либо не доходя до него (2), но неизменно разделяя его изгиб надвое; в одном случае ухо рудиментарно (5).

Рог может быть зарифленным, в соответствии с натурой (3, 5), но может быть и гладким (1, 2, 4), а его объемность при этом может моделироваться продольным ребром сходящихся плоскостей (1). Морда геометризирована, сведена к преувеличенной глазной и носовой частям. Рот и ноздря обозначены в контуре утолщениями, каплевидными углублениями, при этом в щунтукском изображении ноздря не обозначена (2). Глаза преувеличены, округлые концентрические, заполняют почти весь контур этой части головы, обозначены выступом зеницы в рельефном кольце глазницы, причем в щунтукском (2) изображении углом слабо намечен передний слезник. Ухо дано асимметрично-ромбическим выступом с впадиной раковины (1, 3, 4) или просто впадиной (2). Шея короткая, мощная, гладкая, в испановском (1) и уляпском (3) изображениях желобком может быть отделена кожно-шерстная складка спереди шеи (1, 3, 4), а в испановском изображении, помимо того, на поверхности шеи намечена линия мускулов, переданная продольным ребром плоскостей. Шея в испановском изображении переходит в рельефную сегментовидную лопаточно-плечевую зону, с выпуклостью «малой лопатки» — мускула плеча, вписанного в основной сегмент (1), в шунтукском изображении лопаточно-плечевой участок обозначен углублением-завитком, тогда как в уляпском, из «Майкопского клада» и из «Крымской коллекции» (3–5) лопатка выделена слабозаметным овальным утолщением. Остальная часть туловища и бедро гладкие, переход от бедра к колену акцентирован каплевидной впадиной. Мускулы ног в испановском и уляпском изображениях подчеркнуты углубленными линиями, тогда как в шунтукском, из «Крымской коллекции» и из «Майкопского клада» ноги схематизированы, заужены, изломаны. Копыта в испановском и уляпском изображениях преувеличенные рельефные, с четко обособленными рудиментарными пальцами, тогда как в шунтукском, из «Крымской коллекции» и из «Майкопского клада» (2, 4, 5) копыта обозначены утолщениями и не проработаны. Хвост короткий, направлен вертикально вниз (1, 4), наискось вниз (2, 5) или наискось вверх (3).

Шунтукское изображение в трактовке деталей более схематично и, композиционно соответствуя скорее испановскому, представляется вторичным по отношению к такого рода изображениям.

Ближайшие аналогии изображениям Испановско-уляпского типа представляют изображения козлов на бронзовых уздечных бляшках из Хошеутова (А) (Očir-Gorjaeva, 2005. Cat. 83–93, abb. 84), относящиеся практически к тому же морфологическому типу.

Хронология. Базовым хроноиндикатором является уляпское изображение, датируемое по объективным показателям третьей — четвертой четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Комплекс IV Испановой могилы датируется Б. Н. Мозолевским V в. до н. э. (Мозолевский, 1980. С. 70–71), что подтверждается, помимо формы наконечников стрел и псалиев, стилистическим сходством золотых обивок деревянной чаши с обивками из соседней I Завадской могилы, датируемой 450–425 гг. до н. э. — по хиосским амфорам «нового стиля» (Алексеев, 2003. С. 259, 296; Бидзиля, Полин, 2012. С. 513–514). Сходное с испановским, но более схематичное щунтукское изображение может быть отнесено к концу V — началу IV в. до н. э. Датировка Хошеутова как ближайшей аналогии данному типу сер. V в. до н. э. не противоречит данным показателям.

Таким образом, хронологические рамки типа могут быть определены как сер. V — IV в. до н. э.

Тин I-I-3 Новозаведенский, VII в. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Ставрополья (1) и Прикубанья (2). Первое из них оформляет конец отростка и примыкающую часть бортика ритуального блюда из рога лося (1), второе выгравировано на поверхности рогового скипетра (2).

Модель тина. Представлен горный козел (скорее всего, его прототип — кавказский тур, менее вероятно — безоаровый козел), идентифицируемый по мощному рифленому рогу, саблеобразно (1) или дуговидно (2) изогнутому с большим радиусом изгиба. Моделировка в одностороннем рельефе (1) или плоскостная с гравировкой (2), ракурс строго профильный. Козел показан лежащим (1) или полустоящим (2) с вытянутыми вперед нижними частями ног (у козла из Дыша (2) задняя нога ниже бедра не прослеживается, т. е. отсутствуют берцовая часть и плюсна, но направление бедра и коленной части позволяют предполагать именно такую позицию задней ноги). Козел представлен

с горизонтальным туловищем, с шеей, вытянутой вперед и плавно изогнутой вниз (1) или вверх (2), с головой, продолжающей линию шеи. Рог уходит вверх и назад, в новозаведенском (1) изображении уходит вверх, что обусловлено необходимостью вписать рог в отросток лосиной короны рогов, на которую помещено изображение; в дышском изображении рог на конце почти кается кончика уха. Ухо направлено назад, причем у новозаведенского козла оно загибается вверх, тем самым его изгиб противонаправлен изгибу рога и как бы уравновешивает его.

Трактовка деталей лаконичная и в то же время четко обозначающая основные видовые черты. Голова геометризирована, трапециевидна, глаз преувеличенный, концентрически-округлый с углублением зеницы, почти полностью выступает над контуром головы. Ноздря моделирована точечным углублением, рот у новозаведенского козла обозначен прямой углубленной линией, у дышского не прослеживается. У новозаведенского козла показана борода, она моделирована узким треугольником, отходящим перпендикулярно морде. Ухо удлиненное сегментовидое, в новозаведенском изображении со впадиной раковины. Природное рифление рога имитировано косыми гравированными линиями. Шея трапециевидная. Шея и туловище у новозаведенского козла покрыты продольными короткими насечками, очевидно, имитирующими шерсть. Овальная лопатка и бедренная часть у обоих козлов четко выделены: у новозаведенского козла они отграничены углубленными линиями, причем бедро в месте перехода в колено образует с контуром ноги V-образную выемку; у дышского козла дифференцирование лопатки и бедренно-коленной части достигается за счет оставления их гладкими на фоне косой штриховки шеи и туловища. Хвост короткий, у новозаведенского козла кольцевидно загнут на спину, его внутренний изгиб подчеркнут округлым углублением; у дышского козла хвост отходит назад, как бы подчеркивая движение зверя вперед. Копыта у новозаведенского козла четко оформлены, включая выступы рудиментарных пальцев, у дышского козла копыто передней ноги намечено утолщением.

Аналогии. Данные фигуры, не имея прямых аналогий в трактовке позиции ног (их положение скорее соответствует канонам изображения лежащего кабана в скифском искусстве), по очертаниям основных анатомических деталей тяготеют к изображениям горного козла в архаическом скифском искусстве и в тесно связанном с ним переднеазиатско-закавказском круге сюжетов (ср. восьмую сверху фигуру на рукояти келермесской секиры, см.: Галанина, 1997. Табл. 11: 6а; см. также фигуру копытного на костяной ложечке из Дарьевки (Ильинская, 1975. Табл. XXXIV: 2)[1]; ср. также фигуры безоаровых козлов, выполненные в ассирийском стиле на чаше из келермесского кургана 1/Ш, см.: Галанина, 1997. С. 146–148. Табл. 33: 23).

Хронология. По объективным показателям новозаведенское изображение датируется второй пол. VII в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Комплекс погр. 1 кургана 3 могильника Дыш IV, как уже было сказано, вполне обоснованно отнесен его публикаторами к первой трети VII в. до н. э. (Маслов, Гей, Андреева, 2020. С. 509–525).

Таким образом, хронологические рамки данного типа — VII в. до н. э.

Группа I – отдел II

Тин I-II-1 Бобрицко-ульский, вторая нол. VII — нервая нол. V в. до н. э.

К данному типу относятся 18 изображений, происходящих преимущественно с территории Среднего Поднепровья и Среднего Поднестровья (1–8, 14, 17, 18); кроме того, ряд изображений происходит из Прикубанья — из Ульских курганов (10–13), а также с территории Центрального Предкавказья (15, 16) и Крыма (9). Это фигуры, оформляющие или украшающие разнообразные предметы: золотые бляшки (1, 3, 9, 10–12, 14, 18), золотые пластины-аппликации горита (8), золотую обкладку ножен меча (7), бронзовое навершие (13), бронзовую уздечную бляху (9), костяные пряжки-распределители ремней (5), бляшки центральной ручки бронзовых зеркал (4, 11, 15), костяную пластину (6), костяное навершие (16)[2].

Модель тина. Представлены изображения горного козла, лежащего с поджатыми передними и задними ногами и с головой, повернутой назад на 180 градусов. Моделировка в высоком рельефе, ракурс строго профильный. В основе композиции S-видная фигура, в которой изгиб мощного рога уравновешивает изгиб крупа. При этом бельское и шумейковское изображения показаны в геральдических (антитетических) композициях (6, 7),

---

[1] Данное изображение как таковое в нашей работе не учитывается, так как оно фрагментировано, и нет уверенности, горный козел это или иное копытное.

[2] Возможно, к данному типу относится композиционно сходное (но более схематичное по трактовке) прикубанское изображение на золотой пластине неизвестного назначения из кургана 25 у ст. Усть-Лабинской (ОАК за 1903 г. С. 69. Рис. 127), однако недостаточное качество публикации и отсутствие визуального знакомства с этим предметом не позволяют нам включать данное изображение в изучаемый тип и учитывать в общей статистике. Усть-лабинское изображение трактовано в публикации в ОАК как лошадиное (ОАК за 1903 г. С. 69), однако Е. В. Переводчикова справедливо включила его в своей диссертации в массив изображений козла (Переводчикова, 1980в. Кат. 223).

а одно из нартановских является зооморфным приставлением к более крупному, основному изображению птицы (16).

Композиция. Козел лежит с ногами внахлест, так что нижняя часть передней ноги лежит на задней, доходя концом копыта до сгиба заплюсны-пятки, а задняя нога доходит концом копыта до сгиба запястья, подпирая его (принцип композиции лежащих оленей Келермесско-константиновского типа). Шея дуговидно изогнута назад, голова продолжает ее линию и упирается в спину или круп носовой частью (6–13) либо полностью покоится на спине (1–5, 14–18). Рог дуговидный, с большим радиусом изгиба, повторяет очертания шеи, примыкая к ней; рог чаще упирается концом в переднюю ногу над сгибом запястья (1, 3–10, 14, 15, 17, 18), реже не доходит до ноги, упираясь в лопатку (2, 11, 12, 13, 16). Ухо либо отходит назад горизонтально или чуть наискось, противоположно морде, перекрывая рог (1, 3, 5, 9, 10, 14, 18), либо примыкает к рогу снизу, повторяя его изгиб (2, 6, 7, 8, 11–13, 15), в отдельных случаях ухо практически неразличимо (4, 16).

Трактовка деталей. Голова относительно натуралистична, трапециевидна, исключая шумейковских козлов с гипертрофированной носовой частью, практически примыкающей к глазу (8). Ноздря и рот чаще моделированы углублениями (1, 3, 4, 6–15, 17, 18), в том числе в рельефном обрамлении (1, 3, 4, 6–14, 17), но в единичных случаях ноздря слаборазличима (2, 16) или сливается воедино со ртом (5). При этом ноздря и рот могут быть симметричны и соразмерны (1, 8), образуя подобие подошвы копыта (1) но чаще ноздря дана точкой или короткой каплевидной чертой, рот — более длинной углубленной линией. Глаз чаще средних размеров, реже преувеличен (5, 7, 15, 16, 18), чаще вписан в контур головы, но может и выходить за его пределы (7, 13, 15, 16), он округлый, реже овальный (11, 16), моделирован выступом или углублением зеницы в рельефном кольце глазницы. Ухо чаще средних размеров, овально-подтреугольное, со впадиной раковины, но в нартановском изображении на зеркале оно преувеличенное — узкое и удлиненное, с мощным рельефным краем, заключающим впадину раковины (15). Рог мощный, преувеличенный, показано его природное рифление (за исключением миниатюрного нартановского изображения — 16), имитированное косыми рельефными линиями. В некоторых случаях голова отграничена от рога короткой вертикальной линией, чаще с поперечным рифлением — очевидно, это имитация корня рога (1, 3, 14, 17, 18).

Шея обычно нормальной длины, реже укороченная (4, 5, 15, 16, 18). Часто на поверхности шеи показана линия мускулов (1–4, 8–15, 17, 18), переданная продольным ребром плоскостей, иногда сглаженным; в жаботинском изображении роль этой линии выполняет рифленая рельефная полоса, идущая посередине шеи и имитирующая также шерсть (3). Лопатка и бедро преувеличенные, овальные или сегментовидные, как правило, выделенные рельефным выступом, лишь в редких случаях — на костяных пластинах (6, 16), на обивке перекрестья меча (7) и в ульском изображении на навершии (13) они не акцентированы рельефно, при этом в ульском изображении лопатка маркирована птичьей головой, выступающей из нее вверх, повторяя изгиб шеи. Туловище козлов между лопаткой и бедром чаше гладкое, но у жаботинского козла (3) косыми рельефными линиями имитированы ребра, а у одного из нартановских туловище покрыто продольными короткими насечками, очевидно, имитирующими шерсть (16). Переход от бедра к колену всегда акцентирован уступом, иногда глубоким, образующим V-образную выемку (3, 6–8, 13–15, 17, 18). Ноги укороченные. Копыта, как правило, четко оформлены рельефно или в контуре, за некоторыми исключениями, в которых они даны утолщениями (2, 4, 5, 7, 16), часто обозначены выступы рудиментарных пальцев (1, 3, 10–14, 17, 18). Хвост короткий, опущен вдоль крупа (1–3, 7, 8, 10–12, 14, 17, 18), реже торчит наискось вверх (6, 13, 16), иногда не обозначен (4, 5, 9, 15).

О морфологических особенностях конкретных изображений в рамках данного типа см. в Каталоге.

Морфологическая динамика. Стилистическое «ядро» образуют такие лаконичные и высококачественные изображения, как бобрицкое (1), роменское (2), из Коцюбинчиков (14), нартановское (15), из Витовой могилы (8), из Скоробора (18) и ульские на бляшках (10–12), тогда как остальные изображения в той или иной мере вторичны либо усложнены и находятся на грани других образов (Жаботин, Гладковщина, конеподобные козлы — 2, 17)[1] или же

[1] Как известно, жаботинское изображение трактовали как лошадиное В. В. Хвойка (Древности Приднепровья, 1900. Приложение, с. 6) и В. А. Ильинская (Ильинская, 1975. С. 19); Л. К. Галанина аналогично интерпретировала близкое жаботинскому гладковщинское изображение (Галанина, 1977. С. 38). Действительно, рога этих козлов напоминают лошадиную гриву, а их морда сходна с конской, однако всё же «грива» не совсем естественно облегает шею вплоть до ноги, а в гладковщинском изображении «грива», помимо того, разделена надвое продольным желобком, как в безусловно козлином изображении из Бобрицы, и четко сужается к концу, как и у бобрицкого козла. В остальном жаботинское и гладковщинское изображения морфологически полностью вписываются в иконографию данного типа горных козлов. Поэтому, признавая «пограничность» данных изображений, в особенности жаботинского и гладковщинского, мы предпочитаем рассматривать их в рамках образа горного козла.

крайне упрощены и геометризированы: Герасимовка (4), Старшая могила (5), Шумейко (7), ульское на навершии (13), нартановское налучье (16).

Аналогии. Это широко распространенный в эпоху «скифской архаики» VII–VI вв. до н. э. сюжетно-стилистический тип, возникший под влиянием переднеазиатской традиции. Ближайшие аналогии происходят с территории восточноевропейского звериного стиля, но не включены нами в список изображений типа как целиком относящиеся к переднеазиатской стилистической традиции — фигуры козлов на золотом перекрестье меча Мельгуновского кургана (Придик, 1911. Табл. I, II), а также на обушке и на проушине Келермесской секиры из кургана 1/Ш (Галанина, 1997. Кат. 6. Табл. 10). Как показано П. Амандри, сюжет горного козла, лежащего с повернутой назад головой имеет композиционные истоки в переднеазиатской традиции, инициировавшей также подражания в греческом искусстве геометрического стиля (Amandry, 1965. P. 152, 156. Pl. XXIX, 1, 2, 5, XXX, 1–7; ср.: Зуев, 1993. С. 43). Не случайно некоторые изображения бобрицко-ульского типа образуют геральдические композиции (6, 7), в которых аналогичные козлы часто показаны в передневосточном искусстве.

Хронология типа основана в первую очередь на объективных датировках ульских изображений из курганов 1 и 2 раскопок 1909 г. (вторая пол. VI в. до н. э.) и гладковщинского (вторая пол. VI в. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов). Аналогии с мельгуновским и келермесскими изображениями козлов заставляют устанавливать нижнюю дату изучаемого типа соответственно второй пол. VII в. до н. э. Дата кургана Старшая могила определена А. Ю. Алексеевым с учетом наличия архаичных ритуальных ножей и по другим основаниям в рамках второй пол. VII в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 53, 295). Хронология зеркал с центральной ручкой с бляшкой на столбиках, являющихся одним из надежных маркеров эпохи «скифской архаики» (Кузнецова, 2002. С. 43, 62; Алексеев, 2003. С. 46–47), не позволяет датировать представленные на этих бляшках изображения позднее VI в. до н. э. Относительно ранним является и усть-лабинское изображение, комплекс которого в рамках типологии и хронологии наконечников стрел по В. Г. Петренко входит во вторую хронологическую группу вместе с Келермесскими курганами 3/Ш и 4/Ш (Петренко, 1990. С. 72). Наконец, как уже указывалось выше, кулаковское изображение свернувшегося хищника, элементом трансформации лопатки которого является изображение козла, можно датировать в совокупном интервале близких ему и объективно датируемых пантикапейского и протопоповского изображений (см. выше тип I-1-А-б-I-3 Кулаковско-ковалевский, № 7, 10), т. е. в рамках конца VI — первой пол. V в. до н. э.

Остальные изображения Бобрицко-ульского типа должны датироваться в пределах, задаваемых вышеперечисленными изображениями, в силу морфологического сходства.

Таким образом, предельные рамки Бобрицко-ульского типа: вторая пол. VII — первая пол. V в. до н. э.

Группа II – отдел I

Тин II-I-1 Келермесско-чертомлыцкий, вторая нол. VII — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 9 изображений, происходящих в основном с территории Прикубанья (1–7), в первую очередь из Келермесских курганов (1–5), а также с территории Среднего Поднепровья (8) и Нижнего Поднепровья (9). Это фигуры, как правило, оформляющие рукояти бронзовых котлов, но в одном случае еще и украшающие стенки одного из котлов с такими рукоятями (2).

Модель тина. Копытные представлены с параллельными ногами, прямыми (3, 4, 6, 8, 9) или чуть согнутыми в предплюсне и запястье (1, 2, 5, 7), с шеей, в той или иной мере наклоненной вперед и с так или иначе опущенной головой, чаще слабо, но в шаханском и чертомлыцком изображениях — почти вертикально (7, 9). Рог отходит назад, ухо, как правило, идет параллельно рогу, накладываясь на него (1–5, 7) или примыкая снизу (6, 8), и лишь в чертомлыцком изображении ухо торчит вверх, перпендикулярно рогу и как бы подпирая его концом. Моделировка объемная, лишь в одном случае (на стенках котла) — в одностороннем высоком рельефе, но неизменно в расчете на боковой обзор, соответственно ракурс строго профильный.

Фигуры трактованы весьма схематично. Рог мощный, чаще всего удлинен, дуговиден и замыкает контур фигуры, опираясь на круп козла (в бельском изображении (8) рог обломан, но сохранился его фрагмент, прилитый к крупу), однако в шаханском и чертомлыцком изображениях (7, 9) рог показан в более реалистичной композиции: он короче и упирается в лопатку (7) или в изгиб спины (9). При этом рог может быть зарифленным, в соответствии с натурой (1–5), но может быть и гладким (6, 7, 9). Морда прямоугольная в профиле, ее окончание выделено утолщением. Рот обозначен углубленной полоской, ноздри — углублениями. Глаза обозначены слабозаметными овальными выпуклостями, могут выступать над профилем головы (5, 7), иногда с проработкой выпуклого глазного яблока в обрамлении кольцевидной рельефной глазницы (1, 2, 4, 7, 8). Ухо дано овальным или сегментовидным выступом, чаще с впадиной раковины (1–6). Шея трапециевидная, гладкая, лопатка и бедро выделены слабозаметными овальными утолщениями,

туловище гладкое. В некоторых изображениях показана важная видовая деталь — борода, оформленная треугольным выступом (1, 2, 7–9).

Ноги даны схематично, без моделировки копыт, которые могут быть лишь акцентированы утолщениями (1, 2, 7, 8). Особенность шаханского изображения (7) в том, что ноги и туловище здесь тоньше, даны предельно условно тонкими прутками, а в одном из келермескских изображений (5) ноги укорочены, утолщены и практически атрофировано туловище, поскольку мастер, очевидно, принес изображение козла в жертву моделировке ручки котла.

В рамках данного типа намечается иконографическое ядро, представленное относительно более натуралистичными и качественными келермесскими изображениями (1–4), исключая схематичное (5), и иконографическая периферия, характеризуемая условностью и геометризацией (говердовское, шаханское, в меньшей мере бельское изображения — 6–8). Чертомлыцкое изображение (9), несмотря на определенный схематизм, сохраняет основные признаки данного типа, заложенные в келермесских изображениях.

Как уже указывалось, основные аналогии изображениям данного типа связаны с более восточными районами скифо-сибирского мира, где детально разработана иконография стоящего горного козла (см. об этом, например: Галанина, 1997. С. 152).

Хронология тина определяется на основе объективных датировок келермеских изображений из младшей группы Келермеских курганов второй пол. VII в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов), определяющих нижнюю границу изучаемого типа. Явно вторичные по отношению к келермесским изображениям говердовская и шаханская фигуры должны датироваться близким временем. Верхнюю границу типа определяет чертомлыцкое изображение из Центральной гробницы, объективно датируемое 350–320 гг. до н. э., с акцентом на 329/328 г. (см. Список опорных хроноиидикаторов).

Таким образом, хронологические рамки типа: вторая пол VII — третья четв. IV в. до н. э.

Тин II-I-2 Поновско-аксютинецкий,
VII–VI вв. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения с территории Среднего Поднепровья, оформляющие бронзовые уздечные бляхи (1, 2).

Модель тина. Копытные представлены с прямыми ногами, сведенными в одну точку с шеей, наклоненной наискось вперед, и с вертикально опущенной головой. Рог отходит вверх, противонаправлен морде, ухо вертикально, примыкает к рогу. Моделировка в одностороннем высоком рельефе, ракурс строго профильный.

Фигуры трактованы схематично. Рог мощный, с крупным рифлением, сегментовидный, на конце загибается вниз. Голова преувеличена, носовая часть в профиле выделена утолщением. Рот обозначен углубленной полоской, ноздри — углублениями. Глаза обозначены слабозаметными овальными выпуклостями. Ухо дано овально-подтреугольным рельефным выступом, близким натуре. Шея мощная, трапециевидная, гладкая, лопатка и бедро выделены слабозаметными овальными утолщениями. Кроме того, в поповском изображении (1) лопатка с задней стороны маркирована рельефной полосой с поперечным рифлением, огибающей ее по верху, сливаясь с поперечно зарифленным ухом, также эта полоса отходит от лопатки вертикально вниз, раздваиваясь на плоскости ноги и упираясь в копыто; аналогичные полосы очерчивают коленный выступ и тыльную сторону задней ноги, проходят по задней ноге до копыта. Борода не показана.

Ноги укорочены, даны схематично, без моделировки копыт, при этом мускулы ног могут быть акцентированы продольным желобком (1).

Аналогии и хронология. Изображения Поповско-аксютинецкого типа, не имея близких аналогий в восточноевропейском зверином стиле, находят соответствия в многочисленных изображениях козла, стоящего со сведенными в точку ногами в более восточных зонах скифо-сибирского мира, в особенности в Южной Сибири (ср. Могилов, 2008. С. 45). А. Д. Могилов относит бляхи с изображениями данного типа к келермесскому горизонту. В. А. Ильинская датировала данные комплексы из Поповки и Аксютинцев VI в. до н. э. (Ильинская, 1968. С. 192, 194). Вероятно, можно датировать данный тип в рамках всего периода скифской архаики VII–VI вв. до н. э.

Группа III – отдел I
Тин III-I-1 Кульобский,
345–335 гг. до н. э.

К данному типу относится одно изображение — фигура на золотой обкладка ножен меча из Куль-Обы.

Представлен козел, являющийся объектом нападения хищника, терзающего его левую заднюю ногу. Моделировка рельефная. Отображены все четыре ноги. Козел показан почти припавшим к земле передней частью, опирающимся на передние ноги, с приподнятой задней частью, с согнутыми под прямым углом передними ногами, направленными вперед в нижней части. Задние ноги показаны как бы в широком низком шаге, для чего правая задняя нога согнута под прямым углом и направлена вперед в нижней части, левая задняя вытянута назад, ее держит в пасти и когтях кошачий

хищник. Туловище и шея образуют S-видную фигуру, голова вертикально опущена. Рог козла отходит вперед перпендикулярно голове и изгибается под тупым углом вверх. Ухо направлено наискось вперед.

Голова трактована относительно натуралистично. Глаз естественных размеров, овальный, оформлен выпуклостью во впадине глазницы с отходящими вперед и назад слезницами. Ноздря и рот намечены каплевидными впадинами. Ухо асимметрично-ромбическое. Рог короткий, трансформирован в птичью голову с глазом-завитком, выступающей восковицей и слабо загнутым клювом. Корень рога моделирован широкой рифленой полоской, имитирующей естественное рифление. В основании головы двумя завитками показана шерстная складка, заходящая на шею. Шея трапециевидная, с продольной разделкой рельефными полосами, имитирующими шерсть и с поперечно рифленой полоской вдоль переднего края, имитирующей складку на шее. Полосы шерсти на шее прерываются перед лопаткой и затем продолжаются за ней, покрывая туловище до середины. Лопаточно-плечевая часть овальная, включает «малую лопатку» — плечевой сустав, в виде рельефного завитка. Туловище поджарое, плавно переходит в бедро, отделенное от коленного выступа впадиной, акцентированной атичьей головкой с закрученным клювом. Над коленными выступами под животом рельефно обозначен пенис. Мускулы ног подчеркнуты углубленными линиями. Копыта рельефные, рудиментарные пальцы четко моделированы. Хвост не прослеживается, так как находится в зоне поглощения хищником.

Аналогии. По композиции и стилистике данное изображение относится к группе образов, реализованных в скифо-греко-персидской манере. В первую очередь это образы оленей Кульобско-белозерского типа конца V–IV в. до н. э., в частности олень на той же кульобской обкладке ножен. В рамках образа горного козла близкую стилистическую аналогию данному изображению составляют два почти идентичных предстоящих друг другу изображения козла на золотой обивке горита из кургана Дорт-Оба (между ними помещен грифон) (ОАК за 1892 г. С. 9. Рис. 4). Они представляются стилистическим подражанием кульобскому, но уже лишены зооморфных превращений и всяких элементов, позволяющих как-либо связывать их со скифской стилистической традицией, и, очевидно, являются греческими или греко-персидскими примитивизированными изображениями. Поэтому дортобинские изображения не включаются в рассматриваемый тип.

Хронология тина. Кульобское изображение по объективным показателям датируется 345–335 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Возможно, сам меч был произведен существенно раньше его попадания в погребальный комплекс.

Группа III – отдел II

Тин III-II-1 Онишлянско-гусарский, вторая четв. VI — начало V в. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие из Среднего Поднепровья (1) и Нижнего Поднепровья (2). Это фигуры, оформляющие бронзовые крестовидные бляхи «ольвийского типа», обтянутые золотым листом, — вероятно, атрибуты вооружения (колчана?). Они размещены на центральной пластине и на трех боковых, в композиции терзания копытного хищником типа I-1-А-б-I-6 Ольвийско-басовский.

Модель тина. Фигуры в композиции терзания образуют круг вместе с терзающим хищником. Передняя нога козла выпрямлена и как бы свисает, задняя подогнута под туловище. Голова повернута на 180 градусов и покоится на спине, рог противонаправлен головое, ухо отходит наискось вниз. Моделировка в одностороннем высоком рельефе, ракурс строго профильный.

Изображения схематичные. Рог мощный, короткий, чуть изогнутый, рифленый. Голова преувеличена, с утолщенной носовой частью. Глаз преувеличен, округлый концентрический, обозначен выпуклостью зеницы в рельефном обрамлении глазницы. Ухо средних размеров, подтреугольное. Ноздря и рот моделированы симметричными каплевидными углублениями в рельефном обрамлении. Шея укороченная. Лопатка овальная и бедро сегментовидное, выделенные рельефным выступом. Переход от бедра к колену акцентирован глубоким уступом. Ноги заужены, даны схематично, без моделировки копыт.

Хронология Опишлянско-гусарского типа определяется в соответствии с установленной выше датировкой Ольвийско-басовского типа, к которому относятся хищники, терзающие изучаемых козлов, т. е. в рамках второй четв. VI — начала V в. до н. э.

§ 3. Редуцированные изображения козла

3.1. Протомы

Тин 1 Елизаветинско-улянский, вторая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 7 изображений, происходящих в основном с территории Прикубанья (1, 2, 4–7), а также Среднего Подонья (3). Это протомы, оформляющие уздечные элементы, — бронзовые налобники (1–3) и бронзовые наконечники псалиев (4–7) .

Модель тина. Изображено существо с головой и рогом горного козла, но с конечностями, в од-

них случаях соответствующими морфологии копытного (4, 5, 7), в других — оканчивающихся скорее лапами (1–3, 6). Моделировка объемная, но в расчете на боковой обзор, ракурс профильный, но с отображением обеих передних ног, слитых почти воедино.

Животные представлены с параллельными ногами, прямыми и чуть согнутыми на конце (2, 6, 7) или согнутыми в запястье (1, 3–5), с шеей, в той или иной мере наклоненной вперед и с головой, опущенной перпендикулярно шее и опирающейся подбородком в ноги. Рог отходит назад противонаправленно голове, ухо расположено неестественно низко — подпирает завиток рога, отходя от шеи перпендикулярно ей.

В целом изображения условные и геометричные. Рог небольшой, дуговидный, с редким рифлением, иногда слабозаметным (5) , отходит назад и загнут на конце на 180 градусов, иногда упираясь в шею (2, 6, 7). Морда сведена к глазу и носовой части. Ноздря и рот образованы единым S-видным рельефным завитком с впадинами. Рот чаще закрыт (1, 2, 4–7), но может быть и приоткрыт (3, 6). Глаз козлов преувеличенный округлый, обозначен выпуклостью зеницы в обрамлении рельефной глазницы. От глаза непосредственно отходит рог (1–3). Ухо небольшое овальное или подтреугольное, со впадиной раковины. В одном случае широкой короткой полосой имитирована борода (2).

Шея прямая или слабоизогнутая, трапециевидная или подпрямоугольная, имеет продольные рельефные полосы или уступы вдоль одного края или обоих краев, имитирующие шерстную складку. Лопатка не акцентирована (1–4) либо дана овальным выступом (5–7). Ноги утоньшенные, геометричные, завершаются либо рельефными копытами с выделенными рудиментарными пальцами (4, 5, 7), либо лапоподобными расширениями (1–3, 6).

Ближайшую аналогию данному типу составляют головы горного козла Елизаветинско-колбинского типа, одна из которых происходит из того же комплекса Елизаветинского кургана 7/1917 г., что и две протомы рассматриваемого типа.

Хронология типа определяется объективной датировкой елизаветинских изображений из кургана 7 (1, 4) третьей четв. IV в. до н. э. и уляпского изображения из кургана 8 (2) третьей — четвертой четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Соответственно елизаветинскому изображению на налобнике должно датироваться очень близкое ему изображение на налобнике из Горок (3), а близкие елизаветинскому изображению на псалии изображения на псалиях «Майкопского клада» (5, 7) — также соответственно.

Таким образом, рассматриваемый тип козлиных протом должен датироваться второй пол. IV в. до н. э.[1]

3.2. Головы

Тин 1 Келермесский,
660–640 гг. до н. э.

К данному типу относится одно изображение из Прикубанья — на костяных насадках на деревянные псалии из Келермесского могильника, курган 2/В (1).

Изображение представляет голову и шею горного козла, выполненные в технике круглой скульптуры, но в трактовке рога — в строго профильном ракурсе. Голова перпендикулярна шее, рог противонаправлен голове.

Изображение лаконично и относительно натуралистично. Морда козла в целом соответствует природной, с горбатым завершением, с бородой, оформленной эллиптсоидным выступом. Ноздри и рот отображены натуралистично (ноздри — в виде мощных каплевидных утолщений со впадинами посередине, рот — единым длинным овальным утолщением губ с горизонтальным желобком посередине и чуть приоткрытыми уголками). Глаз обозначен выпуклостью, он округлый концентрический, моделирован рельефной глазницей, заключающей выступ глазного яблока с ямкой-зрачком посередине. К глазу непосредственно примыкают ухо и рог. Над глазом в точке углубления между дугами рога и морды помещен скульптурный клювовидный выступ. Рог мощный, объемный, покрыт по верху крупным рифлением, складывающимся из рельефных выступов; рог круто изогнут, закручивается на конце в спираль со впадиной посередине и упирается завитком в затылок козла. В изгиб рога с обеих сторон вписаны уши, сегментовидные, со впадиной раковины, очевидно, образующие с глазами козла дополнительный зооморфный мотив — птичью голову с закрученным клювом. Голова козла переходит в шею уступом, шея мощная, гладкая, усеченоконическая.

Ближайшую стилистическую аналогию данному изображению составляют головы и шеи баранов 1 Келермесско-новозаведенского типа второй трети VII в. до н. э., в первую очередь изображение, относящееся к той же старшей Келермесской группе, но к кургану 1/В.

Хронология. По объективным показателям изображение из старшей группы Келермесских

[1] Профильная протома горного козла на бронзовых парных пластинах из Александропольского кургана (Древности Геродотовой..., I. Табл. V, 1, 3) в целом должна связываться с греческим искусством (с точки зрения натурализма), поэтому не учитывается в нашей работе.

курганов датируется 660–640 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тин 2 Елизаветинско-колбинский, вторая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 5 изображений, происходящих в основном с территории Прикубанья (1–3, 5), а также с территории Среднего Подонья (4). Это головы, оформляющие бронзовые уздечные бляхи (1–3), бронзовый колчанный/поясной крючок (4), а также ажурный плоский щиток с продольной петлей на обороте, вероятно, уздечную бляху (5).

Модель тина. Представлены головы горных козлов с шеями (1, 2 правый, 3, 4), реже без шеи (2 левый), с рудиментарным ухом (2, 5) или вовсе без уха (1, 3, 4). Моделировка рельефная, с использованием прорезей (1–3) или без них (4), но в одном случае — плоскостная, с проработкой контуров внутренних деталей либо прорезями, либо (на плоскости) углубленными линиями (4). Изображения могут составлять свастические композиции из трех (1) и четырех (5) голов, а в двух случаях являются элементом трансформации двух отростков рогов синтетического копытного — «оленекозла» (2, 3). Особенность композиции шунтукского изображения (5) состоит в том, что головы козлов здесь стыкуются затылками, расходятся мордами в четыре разных стороны и слиты попарно рогами.

В целом изображения условные и геометричные, голова вытянута, может быть перпендикулярна шее (1–3), может продолжать ее линию (4, 5). Рог небольшой, дуговидный, в той или иной мере зарифленный, чаще отходит назад и загнут на конце на 180 градусов (1–4), в шунтукском изображении, напротив, отходит вверх, загибается, упирается в ухо и отгибается на конце вверх (5); при этом в шунтукском изображении рифление рога не доходит до конца, а нерифленое окончание рога помещено уже на плоскости, поэтому конечный обратный изгиб подчеркнут углубленным завитком на плоскости парного козла, причем этот завиток одновременно играет роль контура уха парного козла.

Морда козла условна и геометрична, может быть чаще сведена к глазу и носовой части (1–3). Ноздря и рот образованы единым S-видным рельефным завитком с впадинами (1–4) или таким же углубленным завитком на плоскости (5). Рот приоткрыт (1–4), в шунтукском изображении конец морды обломан. Особенность колбинского изображения состоит в наличии крюка, исходящего изо рта козла и, возможно, помимо своей непосредственной функции, имитирующего удлиненно-преувеличенный высунутый язык (4). Глаз козлов овальный, может быть преувеличен (1–3) или средних размеров (4, 5), обозначен чаще выпуклостью зеницы в обрамлении рельефной глазницы, в шунтукском изображении моделирован углубленной замкнутой линией, переходящей в одном случае в дуговидную слезницу. К глазу может непосредственно примыкать рог (1–3). Ухо при его наличии подтреугольное, со впадиной (2 правый) или без впадины раковины (2 левый), в одном случае помещено крайне неестественно — под завитком рога, отходя от шеи (2 правый). В шунтукском изображении ухо обозначено углубленным завитком, кроме того, в этой композиции углубленными завитками обозначена скула каждого козла, а вдоль нижнего края шеи каждого козла проходит углубленная линия, очевидно, имитирующая шерстную складку (5). Шея при ее наличии короткая, может иметь продольные рельефные полосы воль края, имитирующие шерстную складку (1, 2 правый, 3).

Ближайшую **аналогию** данному типу составляют головы протом горного козла Елизаветинско-уляпского типа, некоторые из последних происходят из того же комплекса Елизаветинского кургана 7/1917 г., что и одна и голов рассматриваемого типа.

Хронология тина определяется объективной датировкой елизаветинского изображения из кургана 7 (1) третьей четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Очень близкие ему два других елизаветинских изображения должны датироваться аналогично. Колбинское изображение (4) соседствует на данном крюке с изображением медведя, относящимся к типу II-A-I-5 Кащеевско-колбинский V–IV вв. до н. э., причем территориально и стилистически близкое колбинскому медведю изображение того же хищника на аналогичном колчанном крюке из кургана 1/9 Колбино объективно датируется серединой — третьей четв. IV в. до н. э. Сходные с Елизаветинско-колбинским типом козлиных голов протомы горного козла Елизаветинско-уляпского типа датируются третьей — четвертой четв. IV в. до н. э.

Таким образом, рассматриваемый тип козлиных голов должен датироваться второй пол. IV в. до н. э.

Тин 3 Волковецко-ялхоймохкский, вторая четв. — вторая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения из Среднего Поднепровья (1) и Центрального Предкавказья (2), оформляющие бронзовые налобники.

Модель тина. Представлено погрудное изображение горного козла с рогами относительно небольшого размера. Моделировка объемная. Шея перпендикулярна грудной части, голова перпендикулярна шее, рога опираются на ухо, отходящее назад по оси головы.

Изображение условно. Морда укорочена, в волковецком изображении (1) расширена, в ялхоймохк-

ском — заужена (2). Носовая часть в волковецком изображении рельефно выделена. Ноздря и рот слабо намечены впадинами. Глаз выпуклый, округлый (1) или овальный (2). Ухо ялхоймохкского козла сегментовидное, со впадиной раковины, у волковецкого — обломано, его форма неясна. Рога дуговидно загнуты, у ялхоймохкского козла крупно зарифлены. Шея усеченно-коническая, трапециевидная в профиле, гладкая, у ялхоймохкского козла вдоль заднего края покрыта рифлением, отделенным продольным желобком (имитация шерсти). Шея плавно переходит в гладкую грудную зону.

Хронология тина определяется объективной датировкой волковецкого изображения второй четв. — второй пол. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

III.4. ОБРАЗ БАРАНА

§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений

Образ барана в восточноевропейском скифском зверином стиле реализован в изображениях, наделенных вышеназванными общестилевыми признаками, а также объективными морфологическими признаками надотряда копытных, отряда парнокопытных, семейства полорогие (*Bovidae*), подсемейства козлы и бараны (*Caprinae*), вида горного барана (он же архар или аргали, *Ovis ammon*). Основным диагностирующим признаком видовой атрибуции изображения является наличие рога (часто рифленого), исходящего из точки на темени животного и кольцевидно огибающего зону уха и глаза, проецируясь окончанием на скулу или щеку копытного, что соответствует анатомии горного барана.

Тема барана в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется в основном в редуцированном воплощении (голова, протома, голова в сочетании с копытом) и, крайне редко, в полнофигурном отображении.

§ 2. Полнофигурные изображения барапа

Полнофигурно горный баран в восточноевропейском скифском зверином стиле представлен только с нижними частями ног, параллельными оси туловища ниже сгиба запястья (передняя нога) и сустава заплюсны-пятки (задняя нога) — т. е. лежащим, причем только с головой, однонаправленной с туловищем, что в предложенной нами универсальной таксономической системе соответствует группе I – отделу I полнофигурных отображений животных в скифском зверином стиле. В рамках данного таксона фиксируется единственный тип.

Тин I-I-1 Ульский,
вторая нол. VI в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее из Прикубанья и помещенное на лопасти серебряного псалия (1).

Это изображение горного барана с нижними частями ног, параллельными оси туловища ниже сгиба запястья (передняя нога) и сустава заплюсны-пятки (задняя нога), т. е. лежащего, с головой, однонаправленной с туловищем. Моделировка плоскостная, с проработкой деталей углубленными линиями. Фигура строго профильная. Изображение имеет очертания в виде перевернутой трапеции. Ноги размещены внахлест, так что нижняя часть передней ноги животного лежит на задней, доходя концом копыта до коленного сгиба, упираясь подошвой в живот. Шея направлена наискось вверх; голова немного опущена и находится под небольшим углом к шее. Спина барана прогнута.

Форма морды соответствует натуре, с горбатым завершением. Глаз преувеличенный округлый, ноздря не акцентирована, рот обозначен углубленной линией. Ухо не прослеживается. Рога показаны схематично, но в соответствии с натурой, их изгиб на морде обозначен углубленной линией. Шея трапециевидная, плавно переходит в лопаточную зону с акцентированным суставом плеча (обозначен завитком). Туловище гладкое, бедро не акцентировано. Ноги укороченные, копыта не выделены. Хвост короткий, толстый в основании, опущен вниз.

Аналогии и хронология. Не имея близких аналогий, ульское изображение композиционно соответствует канону оленя Келермесско-константиновского типа. По объективным показателям ульское изображение датируется второй пол. VI в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

§ 3. Редуцированные изображения барана

3.1. Головы (в том числе с шеями)

Тин 1 Келермесско-новозаведенский,
вторая треть VII — нервая нол. VI в. до н. э.

К данному типу относится 21 изображение, происходящее в основном с территории Прикубанья (1–7) и Среднего Поднепровья (8–13, 16, 17, 19), а также с Нижнего Подонья (15), из Ставрополья (14, 18) и, возможно, из Крыма (20, 21). Они оформляют в основном костяные столбики-распределители уздечных ремней (3, 4, 6–13, 20, 21) и костяные навершия деревянных псалиев (1, 2, 5), а также отросток-рукоять ритуального блюда из рога лося (14), костяное крюковидное навершие (15), навершие костяной булавки (16), рукоять каменного жертвенника-алтарика (17), бронзовый топорик-скипетр (19) и бронзовый полый предмет

неизвестного назначения, возможно, также являвшийся навершием деревянного псалия (18).

Модель тина. Изображения представляют голову и шею барана, выполненные в технике круглой скульптуры (волошинское изображение (16) выполнено на грани круглой скульптуры и двустороннего высокого рельефа, во всяком случае, оно единственное рассчитано на боковой обзор, скорее односторонний). Голова чаще перпендикулярна шее или чуть приподнята, лишь в новозаведенском и ставропольском изображениях продолжает линию шеи (14, 18), а в синявском (17) — линию туловища барана, которая по сути превращена в емкость жертвенника, тогда как шея здесь предельно укорочена, почти неразличима.

Морда барана может в целом соответствовать природной — каплевидная, с горбатым завершением (1–6, 14, 15, 18, 19), на грани клювовидности (7, 17), но может быть и геометризирована (овальная или прямоугольная) (8–13, 16, 20, 21). Соответственно во втором случае ноздри и рот обозначены условно — симметричными и соразмерными каплевидными утолщениями (8–13, 16, 20, 21). В первом же случае ноздри и рот чаще отображены натуралистично (ноздри в виде каплевидных утолщений с впадинами посередине, рот — единым овальным утолщением губ с горизонтальным желобком посередине и приоткрытыми уголками) (1–7, 14, 19); исключение составляют изображения из Донского, Синявки и Ставрополя: в донском и ставропольском изображениях ноздря и рот условны, в виде симметричных удлиненно-овальных выступов с точечными углублениями в углах (15) или каплевидными впадинами (18), а в синявском ноздря и рот лишь намечены соответственно овальным и каплевидным углублениями (17). Глаз чаще обозначен выпуклостью (1–7, 10–16, 18–21), он округлый концентрический, обычно со впадиной зеницы в рельефном выступе глазницы, чаще глаз средних размеров, но может быть и преувеличен (10, 16, 20, 21). Реже глаз слабо намечен или подразумевается в зоне обрамления рогами (8, 9, 17). К глазу может непосредственно примыкать ухо, обозначенное коротким овальным, ромбическим или треугольным выступом со впадиной раковины (1–7, 14, 16), аналогичное ухо может отделяться от глаза пространством (19), но в ряде случаев ухо не показано (8–13, 15, 17, 18, 20, 21).

Рога круто изогнуты в соответствии с натурой, но без обозначения природного рифления (за одним исключением — 19), моделированы подковообразной рельефной линией, исходящей из темени, огибающей глаз и ухо (при наличии последнего) и заходящей на морду, пересекая ее, причем часто рога возвышаются окончаниями над поверхностью головы (1, 3, 5, 7, 16, 18, 19). При этом между окончаниями рогов на темени может быть округлый выступ, напоминающий рудиментарный рог грифона или бараноптицы (см. ниже) (2) или же рога в месте схождения могут разделяться рельефным гребнем из трех бугорков (15), а также разграничиваться продольным рифленым валиком, идушим от лба до носа. Рога в изображениях с более реалистичной трактовкой морды обычно мощные, близкие природным (1–7, 14–16, 18). Но в более схематичных изображениях рога показаны условно — они более тонкие, с меньшим радиусом изгиба (8–13, 20, 21), могут упираться концом в глаз, что неправдоподобно (10). В синявском изображении (17) рога сливаются воедино и в месте исхода и на конце, формируя восьмерковидную рельефную полосу. В некоторых келермесских изображениях под подбородком каплевидным выступом показана борода, скорее, соответствующая анатомии козла (1–5). Шея барана прямая или слабоизогнутая, мощная, гладкая (в одном случае продольно разделена ребром сходящихся плоскостей — 19), цилиндрическая или усечено-коническая.

Морфологическая динамика, аналогии и хронология. В рамках данного типа очевидно движение от относительно более натуралистичных изображений (таких, как келермесские, новозаведенское и ставропольское (1–7, 14, 18), в меньшей мере роменское (19), в которых четко отображаются глаз и ухо, а морда и рога близки природным) — к более схематичным изображениям, отражающим такие тенденции, как укорачивание морды, исчезновение горбоносости, преувеличение ноздри и рта, утрата глаза или его схематизация, утрата или рудиментация уха (Захарейкова могила (8), Гуляй-город (9), Текливка (10), Роменский уезд (11), Аксютинцы (12), Поповка (13), Волошинский могильник (16), Синявка (17), «Крымская коллекция» (21)). Особую позицию занимает изображение из Донского (15), в котором натурализм общих пропорций головы, точность в трактовке рогов сочетаются с условностью в передаче ноздрей, рта, глаза, с отсутствием уха, на что специально обратили внимание публикаторы, трактовавшие вслед за А. И. Шкурко этот признак как «омолаживающий» и на этом основании, с учетом приведенных ими технологических и стилистических аналогий, отнесшие крюк-навершие из Донского к «VI в. до н. э., вероятно, ко второй его половине» (Ильюков, Лукьяшко, 1994. С. 62, 67).

Опорными для определения хронологии данного типа служат келермесские изображения (курганы 1/В и 2/В) (1–5) и новозаведенское изображение (14), находящиеся, как мы видели, в начале морфологического эволюционного ряда и датируемые по объективным показателям соответственно 660–640 гг. до н. э. и второй половиной VII в. до н. э.

(см. Список опорных хроноиндикаторов). Комплекс из погр. 1 Захарейковой могилы (8), близкий основному и впускному погребениям Репяховатой могилы, на что указывали публикаторы этих комплексов, может датироваться сходно с последней (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980. С. 53, 63), т. е., по последним данным, рубежом VII–VI вв. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов), что не противоречит вышеуказанной морфологической динамике в рамках данного типа. Очень близкое новозаведенскому изображение из-под Ставрополя (18), хотя и несколько более стилизованное, с преувеличением носовой части, должно датироваться сходно с новозаведенским, равно как и близкое новозаведенскому изображение на роменском скипетре (19). Наконец, изображение из Донского, с учетом вышеуказанного сочетания натурализма с условностью, может быть отнесено не ко второй, а скорее к первой пол. VI вв. до н. э. Особое место занимает изображение из Синявки (17), связанное с категорией каменных жертвенников-алтариков, идея которых, как известно, принесена на территорию Северного Причерноморья с Нижнего Поволжья и из Урало-Казахстанских степей. В целом данная категория изделий датируется в рамках всей скифской эпохи, но синявский жертвенник происходит из комплекса кургана № 100 с рассмотренными выше бляшками с изображением оленя, относящимся к ранним изображениям варианта 1 Келермесско-кульобского типа, а эти изображения, как мы видели, датируются второй пол. VII — началом VI в. до н. э., что не противоречит остальным датировкам изображений рассматриваемого типа бараньих голов.

Таким образом, вероятная рамочная дата типа: вторая треть VII — первая пол. VI в. до н. э.

Тин 2 Келермесский,
вторая треть VII в. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Прикубанья — из Келермесского кургана 1/В и оформляющие верхние плоскости костяных столбиков-распределителей уздечных ремней (1–4).

Модель тина. Изображения представляют голову барана, выполненную в технике односторонне-го высокого рельефа. Ракурс строго профильный. Важная композиционная особенность изображений данного типа состоит в инвертировании бараньего рога, который исходит из точки над ухом, но не огибает ухо и глаз снизу, а охватывает глаз сверху и заходит на морду на участке между глазом и носовой частью. При этом глаз составляет центр всей композиции, так что горизонтально направленное ухо симметрично соразмерной ему носовой части относительно глаза.

Форма морды в целом соответствует природе, с горбатым завершением. Глаз преувеличен, он округлый концентрический, образован впадиной зрачка в обрамлении рельефного глазного яблока, в свою очередь, окруженного рельефной глазницей. Ноздря и рот преувеличены и обозначены симметричными и соразмерными каплевидными утолщениями, вместе они сливаются в фигуру, напоминающую подошву копыта парнокопытного животного. Практически аналогично этой фигуре показано и ухо, как уже сказано, симметричное ноздре и рту относительно глаза. Рог мощный, сегментовидный, имеет рельефные края, верхний из которых в трех их четырех изображениях (1, 2, 4) поперечно зарифлен, имитируя природное рифление бараньего рога. Рог заполнен рельефным изображением вторичного зооморфного мотива: головы птицы, состоящей из округлого глаза со впадиной зеницы, отделенного от клюва вертикальной перемычкой (маркирующей восковицу?). Причем глаз птицы, с учетом трех рельефных краев рога, оказывается таким образом заключен в квадрат с углами-впадинами, что формирует мотив солярного знака — «киммерийской розетки»; и клюв птицы сегментовидный, загнутый сообразно рогу барана, со впадиной рта (в одном случае (3) перед глазом птицы на поверхности клюва выгравированы выступы, также напоминающие птичьи головы).

Хронология. Данные изображения не имеют близких аналогий. Традиция инвертирования рога прослеживается в изображениях «лосекозлов», но этот образ реализуется уже в эпоху «скифской классики». Л. К. Галанина отличает это животное от выявляемых ею баранов и грифобаранов, квалифицируя этот персонаж как некое «животное с загнутым вперед рогом, стилизованным наподобие птичьей головки» (Галанина, 1997. С. 124, 236). Эта версия допускает наличие зооморфного превращения и вполне может служить объяснением причин инвертирования рога. М. Н. Погребова и Д. С. Раевский выдвинули другой аргумент, связав данную аномалию со стремлением мастера следовать определенному композиционному модулю, заданному мотивами свернувшегося хищника и геральдических хищников на аналогичных пронизях и бутеролях мечей (Погребова, Раевский, 1992. С. 136–137. Рис. 23). Не отрицая вышеприведенных версий, замечу, что не следует исключать и обыкновенной ошибки местного мастера, связанной как с первыми опытами освоения еще непривычного образа, так и с ограниченностью пространства украшаемого предмета. В пользу этого предположения может говорить тот факт, что впоследствии в иконографии образа барана в скифском зверином стиле этот прием инвертирования рога никак не закрепился.

Келермесские изображения из курганов 1/В и 2/В датируются по объективным показателям 660–640 гг. до н. э., т. е. второй третью VII в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тин 3 «Старшая могила — Ольвия», вторая нол. VII — начало V в. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Среднего (1) и Нижнего (2) Приднепровья и оформляющие бронзовые уздечные бляхи (1) и длинную лопасть крестовидной бронзовой бляхи «ольвийского» типа (2).

Модель тина. Изображения представляют голову барана, выполненную в технике высокого рельефа. Ракурс строго профильный. Глаз составляет центр всей композиции. Ольвийские головки формируют две пары синтетических голов, направленных мордами к центру крестовидной бляхи.

Форма морды в целом соответствует природе, с горбатым завершением, в изображении из Старшой могилы морда укорочена (1). Глаз преувеличен, он округлый, выпуклый, в изображении из Старшой могилы он немного выступает в профиле над контуром морды, а в ольвийском он концентрический, образован выпуклостью глазного яблока в обрамлении рельефной глазницы. Лобная часть уступом переходит в носовую. Впадина ноздри либо обозначена короткой впадиной (1), либо не акцентирована (2), рот обозначен каплевидным углублением в рельефном ободке губ. Ухо в изображении из Старшей могилы не показано, в ольвийском изображении каплевидное, с впадиной раковины, противонаправлено голове. Рог мощный, поперечно зарифлен, подковообразный, исходит из точки за глазом, огибает голову (1) или ухо (2) и либо заходит на скулу (1), либо упирается в нее (2) закрученного в завиток.

Изображения из Старшой могилы ранее публиковались в перевернутом виде (Альбом фотографий. № 1426, 1428; Ильинская, 1968. Табл. II, 40; Могилов, 2008. Рис. 95: 12), из-за чего складывалось впечатление, что у этих баранов рог инвертирован, подобно изображениям вышеописанного Келермесского типа. Однако в таком случае получалось, что рог исходит из точки перед глазом и расширяется, а не сужается к концу, а ноздря больше рта, что неправдоподобно.

Аналогии и хронология. Не имея прямых аналогий на территории восточноевропейского звериного стиля, изображения из Старшой могилы, как справедливо указывает А. Д. Могилов (Могилов, 2008. С. 47), сходны с многочисленными трактовками барана в восточных вариантах скифо-сибирского звериного стиля, в частности, в Южном Приуралье и в тагарской культуре — ср. изображения из Южного Приуралья (Аландские курганы) (Смирнов, 1976. Рис. 5) и тагарской культуры (ворворка из коллекции И. П. Товостина и бляха — случайная находка из д. Кривая Минусинского округа) (Завитухина, 1983. Кат. 47, 48). Ольвийское изображение также может быть связано с восточными аналогиями такого рода, с учетом уже некоей местной иконографической предыстории в виде тех же изображений из Старшой могилы и влияния греческого натурализма.

В основе датировки данного типа лежит объективная хронология ольвийского изображения, предельные рамки которого — вторая четв. VI в. до н. э. — начало V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Курган Старшая могила с учетом наличия архаичных ритуальных ножей и по другим основаниям датирован А. Ю. Алексеевым второй пол. VII в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 53, 295).

Таким образом, совокупные рамки типа: вторая пол. VII в. — начало V в. до н. э.

Тин 4 Стеблевско-акбурунский, V — нервая четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Среднего (1) и Нижнего (3) Приднепровья и Крыма (2). Они оформляют бронзовые уздечные бляхи (1, 3) и серебряные бляшки (2).

Модель тина. Изображения представляют голову и верхнюю часть шеи, выполненную в технике круглой скульптуры и рассчитанную на объемное восприятие, преимущественно анфас. Этот фас как бы складывается из двух профилей, разделяемых вертикальным ребром сходящихся плоскостей, оформляющим носовой выступ.

Морда барана в целом соответствует природной, с небольшой горбинкой, но несколько укорочена. При этом в стеблевском и солохском изображениях (1, 3) морда заужена и в профиль и анфас, в акубурунском композиция более механистична (2), вследстве чего узкие профили формируют широкий подпрямоугольноый фас. Ноздри и рот обозначены впадинами. Глаз средних размеров, округлый концентрический, образован выпуклостью зеницы в рельефном ободке глазницы. Рога круто изогнутые, близкие натуре, с обозначением рифления, моделированы подковообразной рельефной линией, исходящей из темени, огибающей глаз и заходящей на морду. Уши в стеблевском и солохском изображениях обозначены треугольными выступами со впадиной раковины, наложенными на рога (1, 3), в акбурунском изображении (2) ухо не показано. В солохском изображении на темени продольными рельефными линиями, сливающимися в пальметку, имитирована шерсть.

Аналогии и хронология. Близкую композиционную аналогию изображениям рассматриваемого

типа составляют головы баранов, оформляющие золотые бляшки из кургана 24 (1876 г.) некрополя Нимфея (Силантьева, 1959. С. 57. Рис. 24: 8; Артамонов, 1966б. Рис. 35) и из 2-го Семибратнего курганов (Артамонов, 1966б. Рис. 48), но они представляются чисто греческими по стилистике, учитывая их абсолютный натурализм, тщательность проработки деталей (в особенности отметим четкую передачу ушей, шерсти на темени и шее, остроконечной морды). Возможно, стеблевско-акбурунский тип представляет собой реплику с подобных изображений, их переделку в местной манере.

По объективным показателям стеблевское изображение датируется в пределах первой пол. V в. до н. э. — начала третьей четв. V в. до н. э., солохское — 400–375 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Акбурунское изображение происходит из комплекса, содержащего также изображение свернувшегося кошачьего хищника, относящееся к типу I-1-А-б-I-5 Акбурунско-семибратненский сер. — второй пол. V в. до н. э., причем, как указывалось выше, акбурунский свернувшийся хищник очень близок к составляющим с ним один тип хищникам на бляхах из IV Семибратнего кургана, датируемого по объективным показателям 440–430-ми гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Таким образом, примерные хронологические рамки Стеблевско-акбурунского типа составляют V — первую четв. IV в. до н. э., что не противоречит датировкам вышеприведенных аналогий из Нимфея (475–425 гг. до н. э.) и из 2-го Семибратнего кургана (450–440 гг. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тин 5 Елизаветинский,
третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Прикубанья (из Елизаветинского кургана 7/1917 г.) (1–4). Они оформляют бронзовые S-видные псалии (1, 2, 4) и бронзовый наносник (3).

Модель тина. Изображения представляют голову и шею барана, выполненную в технике круглой скульптуры и рассчитанную на объемное восприятие. Шея плавно изогнута, голова продолжает линию шеи.

Морда барана в целом соответствует природной, с небольшой горбинкой, но несколько заужена и удлинена, будучи уподоблена шее животного. Ноздри и рот обозначены впадинами. Глаз средних размеров, округлый концентрический, образован выпуклостью зеницы в рельефном ободке глазницы. Рога моделированы валиками, они укороченные и зауженные, преуменьшенные, слабо изогнутые, так что огибают ухо и перпендикулярно пересекают шею, чуть загибаясь на конце вперед. Уши обозначены овально-треугольными выступами со впадиной раковины. Шея гладкая, в одном случае (2) орнаментированная по поверхности валиком в виде «бегущей волны» (Галанина, 2010. С. 108).

Хронология. Комплекс Елизаветинского кургана 7/1917 г. по объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) датируется третьей четв. IV в. до н. э.

* * *

На грани со скифским звериным стилем находится изображение головы и шеи барана — элемент трансформации обособленного заднего отростка рогов кульобского оленя, как такового отнесенного нами к Келермесско-константиновскому типу лежащих оленей, с точки зрения композиции и трактовки важнейших анатомических деталей, прежде всего копыт и рогов. Однако эта голова барана, как и остальные дополнительные зооморфные образы — элементы превращений и наложений кульобского оленя (кошачий хищник, заяц, грифон, собака), как уже отмечалось выше, в рамках типологии образа оленя, выполнены вполне в традиции греческого искусства (исключая имеющую черты скифского стиля птичью головку — трансформацию оленьего хвоста).

3.2. Погрудное изображение (сокращенная протома)

Тин 1 «Омельник»,
четвертая четв. VI — вторая треть V в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее из Среднего Поднепровья и оформляющее бронзовый наносник/налобник (1).

Это погрудное изображение барана. Моделировка объемная. Шея образует прямой угол с грудной частью, голова немного приподнята, рога огибают уши, заходя на уровень скулы, уши торчат в стороны перпендикулярно голове.

Голова животного схематичная, морда сужена. Глаз образован выпуклой зеницей во впадине глазницы, среднего размера, с отходящей вперед углубленной линией слезника. Ноздри и рот моделированы впадинами. Уши воронковидные, со впадиной раковины. Рога тонкие, спирально закрученные. Шея усеченно-коническая, на ней отчетливо намечены вертикальные мускулы с помощью сходящихся плоскостей. Шея плавно переходит в гладкую грудную зону, сужающуюся книзу. Грудная часть переходит в рельефно оформленное преувеличенное копыто, т. е. это сокращенная протома. Копыто отделено от груди тремя парами дуговидных рельефных линий, возможно, имитирующих корень копыта.

Аналогии и хронология. Не имея близких аналогий, данное изображение композиционно тождественно типу Волковецко-стеблевскому объемных голов оленей, оформляющих такие же налобники/наносники, в особенности изображению из Каневского уезда, в котором грудная часть непосредственно переходит в преувеличенное копыто. Хронологические рамки Волковецко-стеблевского типа: сер. VII — вторая треть V в. до н. э. При этом омельникское изображение отнесено А. Д. Могиловым на основании аналогий с другими предметами узды к среднескифскому периоду, т. е. четвертой четв. VI — началу IV в. до н. э. по его периодизации (Могилов, 2008. С. 89, 116–128). С учетом пересечения этих хронологических отрезков следует датировать изображение из Омельника четвертой четв. VI — второй третью V в. до н. э.

3.3. Головы в сочетании с ногами или копытами — знаки полнофигурных баранов

Все изображения данного раздела оформляют псалии, вершина которых представляет баранью голову, окончание — ногу копытного. Эти изображения могут интерпретироваться как упрощенное воспроизведение всего животного (Полидович, 2004. С. 209, 210) или, по крайней мере, как его обозначение: «альфа» (голова) и «омега» (копыто).

Изображения этого таксона дифференцируются на **два сюжетных отдела** по взаимоположению головы и ноги. К I **отделу** относятся изображения, в которых ***голова однонаправлена с подошвой копыта*** барана, ко II **отделу** — изображения, в которых ***голова противонаправлена подошве копыта*** (учитываются также изображения с обломанной нижней частью, в тех случаях, когда морфология псалия и стилистическое сходство позволяют допускать наличие и аналогичное положение копыта на другом его конце; напротив, изображения на псалиях с обломанной верхней частью при сохранившейся нижней учитываются в рамках мотива обособленного копыта (см. ниже), так как неизвестно, какому именно образу — барана, баранoптицы, птицы и лошади принадлежало изображение на вершине).

Отдел I

Тин I-1 Аксютинецко-нартановский, сер. VII — VI в. до н. э.

Данный тип объединяет 24 изображения, происходящие в основном с территории Среднего Поднепровья (1, 2, 4, 8–18, 20-23), а также из Подонцовья (3), Прикубанья (19) и Центрального Предкавказья (5, 24). Они оформляют в основном костяные трехпетельчатые и трехдырчатые псалии, в единичных случаях — костяные навершия и костяные окончания деревянных псалиев (24), а также железные трехдырчатые псалии (11) и бронзовые трехпетельчатые псалии (19).

Модель тина. Изображения представляют голову и шею барана (верхняя часть псалия) и ногу барана (нижняя часть псалия), при этом голова перпендикулярна шее либо немного опущена, во всяком случае, формирует прямой или острый угол с шеей. Моделировка объемная, рассчитанная на двусторонее профильное обозрение.

Форма морды может в целом соответствовать натуре, овальная, с горбатым завершением (2, 6, 7, 10–14), реже окончание морды утолщенное, с преувеличенной ноздрей, симметричной рту (1, 3, 5, 8, 9, 24), ноздря и рот могут занимать всё пространство морды перед рогом (15–18). Морда может быть укорочена, геометризирована — прямоугольна (4, 19–21) или треугольна (22, 23). Глаз чаще четко обозначен, он округлый, выпуклый, но может и быть слабо намечен или подразумеваться в зоне очертания рогов (9, 12, 13, 18, 22). Ноздря и рот чаще преувеличены и обозначены симметричными подковообразными утолщениями со впадинами посередине, рельефными линиями или просто впадинами (1, 3, 4, 5, 8, 9, 10, 14–18, 24); реже ноздря может превалировать над ртом и даже сливаться воедино с ртом (2, 6, 7, 11); рот и ноздря могут быть едва намечены неглубокими впадинами (19–22); наконец, данные детали могут быть все не обозначены как обе (22, 23), так и по отдельности (12, 13). Ухо обычно не прослеживается, но в одном случае обозначено коротким треугольным выступом с впадиной раковины (10).

Рога показаны схематично, но чаще в соответствии с натурой, моделированы подковообразной или дуговидной рельефной линией, исходящей из темени, огибающей глаз и ухо (при наличии последнего) и заходящей на морду, чаще полностью пересекая ее и возвышаясь окончаниями над поверхностью головы. В единичных случаях рога слабо намечены, но все же прослеживаются (19). Шея прямая или слабоизогнутая, чаще гладкая, но в некоторых случаях (9, 10) на ее поверхности рельефно обозначена шерсть (елочкой (10), горизонтальными насечками (9) или клеточкой (20), причем эти насечки переходят в центральную зону псалия (имитация шерсти на животе барана?), а затем на его нижнюю часть (имитация шерсти на ноге барана?). Нога укороченная, завершается преувеличенным копытом, обозначенным при переходе от надкопытной части с помощью утолщения; в некоторых случаях четко оформлена подошва копыта, с рельефным краем и выемкой в основании по схеме конского копыта (10, 11).

Морфологическая динамика, аналогии и хронология. В рамках данного типа намечается дви-

жение от относительно более натуралистичных изображений, в которых четко акцентируется глаз, может отображаться ухо, морда представлена ближе к природе, рога помещены так, как они располагаются в природе, копыта трактованы близко к натуре (Аксютинцы, курган 468 (2), курган 2 (18), курган 470 (14), Пожарная Балка (3), Западное Бельское городище, зольник 28 (10), Нартан, курган 13 (6)), — к более утрированным изображениям, с преувеличением ноздри и рта и исчезновением горбоносости (Старшая могила (1), Нартан, курган 23 (5), Новозаведенное (24)) и, далее, к схематичным изображениям, в которых морда укорачивается и геометризируется (Аксютинцы, курган 469 (22), Бельск, урочище Царина, зольник 3 (23), курган 1 у хутора Говердовского (19)), ноздря и рот могут занимать почти всё пространство морды (Старшая могила (1, 15–17)), рога становятся практически декоративным элементом (Старшая могила (15–17), Бельск, урочище Царина, зольник 3 (23)), глаз может не отображаться (Журовка, курган 448 (12)), при этом его зона может сужаться до минимума (Аксютинцы, курган 2 (18)), или же преувеличенная глазница может сливаться с преуменьшенным рогом (Нартан, курган 23 (5), Новозаведенное (24)). Как видно на примере комплекса Старшой могилы, в которой совстречаются изображения разной стадии морфологической динамики, данные изменения могут происходить практически синхронно при непосредственном копировании.

Изображения Аксютинецко-нартановского типа, как и рассматриваемого ниже Журовско-аксютинецкого типа (исключая изображения на металлических псалиях), относятся к массиву изображений на костяных трехпетельчатых и трехдырчатых псалиях, оформляемых также в виде головы и ноги лошади, хищника, бараноптицы и неопределимого животного. Изображения Аксютинецко-нартановского типа соответствуют типам I.1.1.1 и I.1.2.1 по классификации А. Д. Могилова, относимым исследователем к III и IV архаичным группам узды. Эти типы датируются А. Д. Могиловым в общих пределах сер. VII — VI в. до н. э. (Могилов, 2008. С. 27–28). Этому не противоречат имеющиеся объективные датировки отдельных изображений данного типа, таких как новозаведенское (24) (вторая пол. VII в. до н. э.) и говердовское (19) (рубеж VII–VI вв. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Этому не противоречит и дата кургана Старшая могила (1, 15–17), определенная А. Ю. Алексеевым с учетом наличия архаичных ритуальных ножей и по другим основаниям в рамках второй половины VII в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 53, 295). С этим согласуется и датировка нартанского кургана 23, откуда происходят одни из костяных псалиев рассматриваемого типа (5), поскольку данный комплекс отнесен В. Г. Петренко (в том числе по наконечникам стрел и по ряду других показателей, помимо зооморфных изображений) ко второму хронологическому периоду могильника Нартан-1, датируемому в рамках VI в. до н. э. (Петренко, 1989. С. 219. Табл. 86); это корреспондирует с вышеупомянутой утрированностью данных нартанских изображений. Что касается металлических псалиев, то изображения на бронзовых говердовских псалиях (19) объективно датируются рубежом VII–VI вв. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов), что не противоречит вышеуказанным предельным рамкам. Изображения на железных «аксютинецких» псалиях (11) полностью соответствуют морфологическим параметрам костяных псалиев данного типа, следовательно, должны датироваться в установленных для этих костяных псалиев рамках. Изображения на бронзовых нартановских псалиях (6, 7) происходят из курганов 12 и 13 могильника Нартан-1, а эти комплексы отнесены В. Г. Петренко (в том числе по наконечникам стрел и по ряду других показателей, помимо зооморфных изображений) к первому хронологическому периоду могильника Нартан-1, датируемому в рамках второй пол. VII — рубежа VII–VI вв. до н. э. (Петренко, 1989. С. 219. Табл. 86).

Таким образом, предельные рамки данного типа: сер. VII —VI в. до н. э.

Тин I-2 Журовско-аксютинецкий, сер. VII — VI в. до н. э.

К данному типу относятся 18 изображений, происходящих в основном с территории Среднего Поднепровья (1, 2, 4–18), а также из Прикубанья (3). Они оформляют костяные трехпетельчатые и трехдырчатые псалии, в двух случаях — бронзовые трехдырчатые (9, 10).

Модель тина. Изображения представляют голову и шею барана (верхняя часть псалия) и ногу барана (нижняя часть псалия), при этом голова формирует тупой угол с шеей, вплоть до 180 градусов (т. е. голова почти вертикальна — 8–10, 17, 18). Моделировка объемная, рассчитанная на двустороннее профильное обозрение.

Форма морды может соответствовать натуре, овальная, с утолщением на конце или горбатым завершением (1, 2, 5, 11–14), но часто морда укорочена (4), даже почти атрофирована (6–8, 17, 18), либо почти вся сведена к мощной носовой части (9). Морда может соответствовать и видовым признакам других животных — лошади (3) или птицы, т. е. на грани с образом бараноптицы (15, 16) (см. описание данного образа ниже). Глаз так или иначе обозначен, он округлый, чаще со впадиной зеницы в обрамлении рельефной глазницы (1–5, 7, 8, 11, 12, 14, 15) либо в виде углубления (6, 13, 16)

или выступа (9, 10). Ноздря и рот так или иначе обозначены (в случаях, когда морда не атрофирована): чаще они преувеличены, занимают почти всё пространство морды перед рогом и обозначены симметричными подковообразными утолщениями со впадинами (1, 2, 4, 5, 8, 9, 10, 14–18); реже рот и ноздря, моделированные аналогично, имеют нормальные размеры (3, 13, 14), либо ноздря сливается воедино со ртом в выпуклость на конце морды (9, 10) или в клювообразное завершение (15, 16); наконец, данные детали могут быть едва намечены неглубокими впадинами (11).

Ухо может быть обозначено рельефным треугольным (1, 2, 4, 17) или асимметрично-ромбическим (3, 5, 12) выступом со впадиной раковины, причем обычно оно небольшое, но в одном случае преувеличено и не вписывается в зону обрамления рога, а показано позади рога на шее (5). Ухо может и не обозначаться (6–10, 13–16, 18). Рога чаще показаны в соответствии с натурой, моделированы подковообразной или дуговидной рельефной линией, исходящей из темени, огибающей глаз и ухо (при наличии последнего — исключая бельское изображение (5), в котором ухо находится позади рога) и заходящей на морду, полностью пересекая ее и, как правило, возвышаясь окончаниями над поверхностью головы (1–12, 14, 17, 18). Исключение составляют роменские изображения, в которых рог немного не доходит до верха головы (13, 15); в двух случаях на рогах показано природное рифление (3, 18). В одном случае рога слабо намечены, но все же прослеживаются в основании головы (16).

Шея прямая или слабоизогнутая, чаще гладкая, но в некоторых случаях на ее поверхности рельефно обозначена шерсть — клеточкой (3, 4, 14, 18), елочкой (7, 8), горизонтальными насечками (11, 16) или треугольниками, разделенными зигзагом, подобно орнаменту на керамических сосудах (13); эти насечки могут дублироваться на нижней части псалия (имитация шерсти на ноге барана?). Нога укороченная, завершается преувеличенным копытом, обозначенным при переходе от надкопытной части с помощью утолщения, в том числе с рельефной перемычкой (6). В одном случае надкопытная часть покрыта перемежающимися продольными полосами с поперечной и елочной штриховкой (1). В некоторых случаях четко оформлена подошва копыта, с рельефным краем и выемкой в основании по схеме конского копыта (8, 9, 13).

Морфологическая динамика, аналогии и хронология. В рамках данного типа намечается движение от относительно более натуралистичных изображений с приподнятой головой и так или иначе оформленной мордой (Журовка, курган 432 (1), Аксютинцы, курган 2 (2), курган 467 (12), Бельск, урочище Царина, зольник 3 (5), Поповка, курган 18 (14)) — к более схематичным изображениям, с задранной верх головой и рудиментарной или вовсе атрофированной мордой (Аксютинцы, курган 2 (2), Волковцы, курган 9/1886 г. (7), Старшая могила (9, 10), Роменский уезд (13), Западное Бельское городище, зольник 28 (18), Берестняги (17)). Интересно прикубанское изображение неизвестного происхождения (3), в котором мастер, при высоком качестве исполнения, очевидно, нечетко осознавал копируемый образ, поскольку придал барану облик лошади с вытянутой мордой, без характерной для барана горбинки, с длинным ухом, причем рог сделал предельно тонким, напоминающим ремень конской уздечки.

Изображения Журовско-аксютинецкого, как и Аксютинецко-нартановского типа (исключая изображения на бронзовых псалиях) относятся к массиву изображений на костяных трехпетельчатых и трехдырчатых псалиях, оформляемых также в виде головы и ноги лошади, хищника, бараноптицы и неопределимого животного. Изображения журовско-аксютинецкого типа соответствуют типам I.1.1.1 и I.1.2.1 по классификации А. Д. Могилова, относимым исследователем к III и IV архаичным группам узды. Эти типы датируются А. Д. Могиловым в общих пределах сер. VII — VI в. до н. э. (Могилов, 2008. С. 27–28). Этому не противоречат объективные датировки отдельных изображений данного типа, таких как говердовское (3) (рубеж VII–VI вв. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Что же касается относимых нами к Журовско-аксютинецкому типу бронзовых псалиев из Старшой могилы, датировка этого кургана А. Ю. Алексеевым, с учетом наличия архаичных ритуальных ножей и по другим основаниям, второй пол. VII в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 53, 295) также не противоречит хронологическим рамкам, установленным А. Д. Могиловым для костяных псалиев.

Отдел II

Тин II-1 Роменско-хитцовский, V–IV вв. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Среднего Поднепровья (1, 2) и оформляющие двудырчатые S-видные бронзовые псалии.

Модель тина. Изображения представляют голову и шею барана (верхняя часть псалия) и ногу барана (нижняя часть псалия). Моделировка объемная, рассчитанная на двустороннее профильное обозрение. Голова немного приподнята над шеей, копыто изогнуто под тупым углом к надкопытной части.

Морда схематична, укорочена, геометризирована, прямоугольной формы. Глаз округлый, выпуклый. Ноздря и рот обозначены впадинами. Ухо не

прослеживается. Рога показаны схематично, моделированы короткой подковообразной рельефной линией, исходящей из темени, огибающей зону расположения уха и упирающейся окончанием в глаз (1) или чуть огибающей глаз (2), так что сам рог напоминает ухо (возможно, налицо слияние этих деталей) и заходящей на морду.

Хронология. Изображения Роменско-хитцовского типа относятся к массиву изображений на двудырчатых S-видных псалиях. Конкретно роменские и хитцовские псалии относятся к типу II.3.2.15 по классификации А. Д. Могилова и связываются им со среднескифским периодом (Могилов, 2008. С. 35). Роменско-хитцовский тип морфологически близок типам обособленных конечностей копытных, оформляющим окончания аналогичных псалиев, но с головой хищника на верхней части псалия: это тип 5 Первомаевско-аксютинецкий V–IV вв. до н. э. и тип 6 Журовско-гайматовский V — третьей четв. IV вв. до н. э. (см. ниже).

Таким образом, предельные рамки данного типа: V–IV вв. до н. э.

III.5. ОБРАЗ ЛОШАДИ

§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений

Образ лошади в восточноевропейском скифском зверином стиле реализован в изображениях, наделенных вышеназванными общестилевыми признаками, а также объективными морфологическими признаками надотряда копытных (*Ungulata*), отряда непарнокопытных (*Perissodactyla*), семейства лошадиных (*Equidae*), рода лошади (*Equus*). Основным диагностирующим признаком видовой атрибуции конкретного изображения является вытянутая относительно широкая на конце морда — прямая или с небольшой горбинкой, при отсутствии рога, при наличии длинных подтреугольных ушей. Также важными, хотя и не абсолютными признаками служат наличие длинного хвоста, гривы или выступа перед ухом, имитирующего хохолок гривы[1].

Тема лошади в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется в основном в редуцированном (голова, голова в сочетании с копытом) и, крайне редко, в полнофигурном отображении.

§ 2. Полнофигурные изображения лошадей

Полнофигурно лошадь в восточноевропейском скифском зверином стиле представлена только с нижними частями ног, параллельными оси туловища ниже сгиба запястья (передняя нога) и сустава заплюсны-пятки (задняя нога) — т. е. лежащей, причем только с головой, однонаправленной с туловищем, что в предложенной нами универсальной таксономической системе соответствует **грунне I – отделу I** полнофигурных отображений животных в скифском зверином стиле.

Тин I-I-1 Келермесский, вторая нол. VII в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Прикубанья (1, 2) и из Среднего Поднепровья (3). Первые два, происходящие из Келермеского кургана 4/Ш, помещены на золотые обкладки уздечных фаларов, тогда как третье, происходящее с Западного укрепления Бельского городища, находится на бронзовой матрице для басменного формирования бляшек (Зимовец, Скорый, Окатенко, 2018. С. 219).

Модель тина. Изображено копытное с вытянутой мордой, утолщенной на конце, с выступом перед ухом надо лбом, имитирующим хохолок гривы, с длинным хвостом — несомненно, это лошадь. Моделировка рельефная, ракурс строго профильный. Изображения имеют контур перевернутой трапеции. Ноги подогнуты под туловище внахлест, так что нижняя часть передней ноги животного лежит на задней, доходя концом копыта до коленного сгиба. Шея направлена вперед и чуть вверх; голова опущена под прямым углом к шее, ухо противонаправлено голове. Келермесские изображения на прямоугольных фаларах (2) образуют парную синтетическую композицию, симметричную относительно некой вертикальной рельефной линии, «вертикального столба» (Галанина, 1997. С. 230).

Изображения схематизированные. Морда условна (1) или более натуралистична (2, 3), но неизменно с преувеличенной носовой частью. Глаз овальный, у келермесских лошадей он нормальных размеров и моделирован слабозаметным углублением (1, 2), у бельской лошади он преувеличен, оформлен выпуклой зеницей во впадине глазницы. Рот и ноздря моделированы небольшими каплевидными углублениями (2, 3) либо обозначены единым крупным овальным углублением (1). Ухо крупное, удлиненно-овальное, со впадиной раковины. Хохолок гривы имитирован узким рельефным выступом. Шея длинная подпрямоугольная, с продольной рельефной полоской (2, левое изображение) или малозаметной выпуклостью (1, 2, правое изображение, 3), обозначающей мускулы. Лопатка рельефная сегментовидная. Туловище поджарое, ребра в одном случае намечены косым валиком (3), бедренно-коленная часть обозначена малозаметной

[1] Природные прототипы образа лошади, представленные в графических таблицах Приложения 1, даны по: Скибневский, 1999. Рис. 1–2.

выпуклостью. Ноги у келермесских лошадей тонкие, удлиненные, с рельефно выделенными копытами и проработанными рудиментарными пальцами (1, 2), у бельской лошади мощные, со схематичными копытами, обозначенными овальным утолщением. Хвост длинный, тонкий, опущен вниз, повторяет очертания крупа и задней ноги, доходя до копыта задней ноги.

Аналогии и хронология: Не имея близких аналогий в рамках образа лошади, изображения келермесского типа композиционно и стилистически соответствуют канону оленя Келермесско-кульобского типа. По объективным показателям изображения из Младшей Келермесской группы датируются второй пол. VII в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Изображение на матрице из Бельска (найденной вне фиксированного культурного слоя) ее публикаторы совершенно справедливо соотнесли с данными келермесскими изображениями на фаларах (Зимовец, Скорый, Окатенко, 2018. С. 222–223) и предположили, что «она проникла в Поворсклье с территории или через территорию Кавказа, вместе с носителями келермесских традиций» (Зимовец, Скорый, Окатенко, 2018. С. 230). Соответственно, бельское изображение должно датироваться аналогично келермесским.

Таким образом, хронологические рамки данного типа — вторая пол. VII в. до н. э.

Тин I-I-2 Колбинско-мастюгинский, сер. — вторая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие из Среднего Подонья и помещенные на золотые бляшки (1, 2).

Модель тина. Изображено копытное с пышной гривой и длинным ухом — очевидно, лошадь[1]. Моделировка низкорельефная, ракурс строго профильный. Изображение имеет овальные очертания. Ноги подогнуты под туловище, размещены на одной линии, упираясь подошвами копыт друг в друга. Шея направлена вперед; голова опущена под прямым углом к шее, грива отходит назад вдоль спины, пространство между гривой и спиной заполняет ухо.

Изображения схематизированные. Морда условна, подпрямоугольна, с преувеличенной носовой частью. Рот и ноздря моделированы соответственно большим и малым каплевидными углублениями. Глаз овальный преувеличенный, моделирован выступом зеницы в углублении глазницы. Ухо крупное, узкое, удлиненно-треугольное, с узкой впадиной раковины. Над глазом от головы назад отходит широкая полоса с косым крупным рифлением, имитирующая мощную длинную гриву, упирающуюся в хвост. Скуловой выступ оформлен рельефно. Шея предельно укорочена, практически незаметна, подпрямоугольная. Лопатка преувеличенная рельефная сегментовидная. Туловище поджарое, укороченное, ребра обозначены тремя вертикальными валиками, соединяют лопатку и преувеличенное рельефное сегментовидное бедро. Ноги укороченные, копыта выделены расширениями, без рудиментарных пальцев. Хвост короткий, закинут на спину и заворачивается назад, упираясь изгибом в окончание гривы.

Хронология. Основу хронологии данного типа составляет колбинское изображение: Е. И. Савченко датирует данный комплекс сер. — второй пол. IV в. до н. э. (Савченко, 2001. С. 56), и эта датировка не вызывает возражений с учетом наличия в колбинском комплексе меча круга мечей из кургана мирзы Кекуватского (Древности Боспора, 1854. С. 68. Табл. XXVII, 9) и Чертомлыка (Древности Геродотовой..., 1872. Табл. XL, 12; Алексеев и др., 1991. Рис. на с. 170. Кат. 72; Древности Геродотовой..., 1872. Табл. XXVII, 3; Алексеев и др., 1991. Рис. на с. 222. Кат.184; Древности Геродотовой..., 1872. Табл. XL, 9; Алексеев и др., 1991. Рис. на с. 223. Кат. 185; Древности Геродотовой..., 1872. Табл. XL, 14; Алексеев и др., 1991. Рис. на с. 223. Кат. 186; Рис. на с. 223. Кат. 187), а также морфологии наконечников стрел и псалиев. Мастюгинское изображение, почти тождественное колбинскому, должно датироваться аналогично.

Тин I-I-3 Шунтукский, третья четв. V — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Прикубанья (Хутор Шунтук) и оформляющее бронзовый двудырчатый псалий (1).

Представлено копытное с гривой и тонким длинным хвостом — очевидно, лошадь. Моделировка скульптурная, но рассчитанная на двустороннее боковое восприятие, соответственно ракурс в передаче ног строго профильный. Изображение удлиненное. Лошадь показана с изогнутыми под прямым углом и направленными вперед ногами — в позе, более характерной для хищника в скифском искусстве (см. выше). Копыто передней ноги упирается в подбородок, копыто задней — в живот лошади, образуемый восьмеркообразным расширением псалия, доходя концом копыта до коленного сгиба, упираясь подошвой в живот. Шея направлена наискось вверх, дуговидно изогнута; голова опущена под прямым углом к шее, уши торчат вверх и немного в стороны.

---

[1] Е. И. Савченко в отношении колбинского изображения, атрибутируя его как лошадиное, допускает также, что это может быть кулан или осел (Савченко, 2001. С. 98).

Изображение крайне схематизированное. Морда условна, подпрямоугольна в профиле, с утолщенной и приподнятой («курносой») носовой частью, рот и ноздри намечены насечками. Подбородок утолщен. Пасть приоткрыта, ее края подчеркнуты поперечным рифлением. Изо рта свисает толстый язык, соединяясь на конце с копытом, от которого голова отграничена желобком. Глаз округлый, помещен в центр головы, моделирован впадиной зрачка в кольце зеницы, отграниченной углубленной линией глазницы. Уши треугольные, с чуть намеченной впадиной раковины. Скуловой выступ рельефно отделен от шеи и дополнительно акцентирован поперечным рифлением. Шея удлиненная. Верхняя часть шеи покрыта поперечным рифлением, очевидно, имитирующим гриву. Туловище удлиненное зауженное, лопатка и бедро не акцентированы. Ноги в стопе и пясти удлиненные, пятка и запястье подчеркнуты утолщением. Копыта в профиле выделены расширениями, в плане заужены, их подошвы заострены, рудиментарный палец рельефно обособлен. Хвост лошади закинут на спину, подобно хвосту хищника. Хвост короткий, на конце заворачивается назад, упираясь изгибом в окончание гривы.

Хронология. Не имея близких аналогий, данное изображение по композиции и по проработке головы сходно с трактовками кошачьих хищников на псалиях типа I-3-Б-I-1 Семибратненский, датируемый сер. — третьей четв. V в. до н. э. (при этом щунтукское изображения значительно схематичнее) и типа «Майкопского клада». Кроме того, композиция и трактовка деталей передней части шунтукского животного сближают его с волчьими хищниками на псалиях типа I-3-А-I-4 Елизаветинский третьей четв. IV в. до н. э. Эти параллели, а также сам тип псалия позволяют датировать шунтукское изображение в рамках третьей четв. V — третьей четв. IV в. до н. э.

§ 3. Редуцированные изображения лошадей

3.1. Протомы

Тин 1 Тенгинско-новозаведенский, вторая нол. IV — начало III в. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Прикубанья (1) и Ставрополья (2). Они оформляют бронзовые наносники/налобники.

Модель тина. Представлена голова с шеей и грудной частью (сокращенная протома) животного, которое более всего соответствует природным признакам лошади. Это двусторонне-уплощенное изображение животного в строго профильном ракурсе, с головой, перпендикулярной шее; при этом грудная часть животного преобразована в аналогичную головку.

Трактовка деталей лаконичная и четкая. Животное показано с закрытым ртом, с преувеличенными глазом и ухом, с относительно узкой подпрямоугольной мордой. Ухо овально-подтреугольное, заостренное, со впадиной раковины, ориентировано вертикально вверх, по линии шеи. Лобная часть выпирает, будучи практически полностью занята преувеличенным глазом. Глаз овальный, моделирован выпуклостью зеницы в обрамлении рельефной глазницы. Нос выделен подъемом, ноздря и рот слиты в единое углубление. Голова плавно переходит в короткую трапециевидную гладкую шею, образующую расширение в месте крепления к ремню, где шея под тупым (2-1) или острым углом (1, 2-2, 2-3, 3) переходит в грудную часть, завершающуюся дополнительной головкой. Эта головка аналогична основной, имеет оформленные сходно с ней преувеличенный глаз и ухо, с той разницей, что ухо наполовину находится в пределах плоскости шеи. При повороте налобника на 90 градусов становится видно, что дополнительная головка одновременно является копытом на окончании ноги, роль которой в целом выполняет грудной выступ, относящийся к основной головке; при этом ухо дополнительной головки одновременно является рудиментарным пальцем, морда — собственно копытом[1].

Аналогии и хронология. Ближайшей аналогией изображениям данного типа является изображение, оформляющее бронзовый налобник/наносник/подвеску в могильнике Филипповка-I «савроматской» культуры в Южном Приуралье, курган 4, жертвенный комплекс 1 (Ан: 1), что вполне вписывается в наше наблюдение о наличии конского снаряжения прикубанского (скифо-меотского типа) среди материалов данного могильника (см. подробнее: Канторович, Яблонский, 2009). Примечательно, что Л. Т. Яблонский, публикуя этот предмет, однозначно интерпретировал данные изображения как головы лошадей (Яблонский, 2013. С. 67. Кат. 38).

[1] В публикации 2006 г. мы с В. Р. Эрлихом квалифицировали протому из Тенгинского могильника как редуцированное изображение хищника (Канторович, Эрлих, 2006. С. 141). Соответственно ранее я относил тенгинское изображение к вышеописанному морфологическому типу протом хищника (тип «Скифская могила — Макеевка»), хотя и с оговорками о его периферийности для данного типа и неясности его видовой принадлежности (Канторович, 2015. С. 227–230). Наша находка аналогичных налобников в могильнике Новозаведенное-III позволяет теперь говорить не о единичном периферийном изображении, а о некой тенденции — об отдельном морфологическом типе изображений, в которых, пусть и схематизированно, были отражены черты лошади; это заставляет пересмотреть прежнюю атрибуцию и выделять описываемый здесь новый морфологический тип, относящийся к образу лошади.

Хронология описываемого типа определяется по тенгинскому изображению, каковое датируется по объективным показателям: В. Р. Эрлих относит все три кургана Тенгинского некрополя ко второй пол. IV — началу III в. до н. э. на основании античного импорта (краснофигурная пелика, сетчатые лекифы, изделия из золоченой терракоты, амфоры, изделия из стекла) (см. Список опорных хроноиндикаторов). Дата комплексов погр. № 1 кургана № 7 могильника Новозаведенное-III и жертвенного комплекса 1 кургана 4 Филипповки-I не выходит за эти рамки.

Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа: вторая пол. IV — начало III в. до н. э.

3.2. Головы[1]

Тин 1 Волковецко-гуляйгородский, сер. VII — VI в. до н. э.

Данный тип объединяет 9 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1–9). Все изображения данного типа оформляют бронзовые бляхи-распределители уздечных ремней.

Модель тина. Представлена голова лошади анфас с торчащими вертикально ушами. Изображения скульптурные, но рассчитанные на одностороннее восприятие анфас, о чем свидетельствует отсутствие нижней челюсти и позиция глаз и ушей, находящихся в одной плоскости с поверхностью головы. Контур головы в плане подтреугольный или трапециевидный, с характерным для лошади в природе сужением при переходе от лобной к носовой части, которая сама при этом может быть акцентирована расширением (1, 4, 5). Голова разделена на два симметричных сектора гладким вертикальным валиком, обозначающим носовую кость. Глаза преувеличенные, округлые, концентрические, даны выпуклым кольцом с впадиной зрачка. Рот не обозначен, ноздри либо акцентированы, моделированы впадинами в рельефных выступах (1, 4, 5), либо слабо намечены впадинами (3, 6), либо практически незаметны (7, 9), в одном случае носовая часть утрачена (8). Лобная часть может быть разделена надвое валиком, продолжающим валик носа (6, 7). Уши в плане удлиненно-овальные заостренные, с четко оформленной раковиной — она моделирована впадиной.

Хронология. А. Д. Могилов относит уздечные пронизки, оформленные изображениями волковецко-гуляйгородского типа, к единому типу, датируемому им в рамках сер VII — VI в. до н. э. (Могилов, 2008. С. 68). Не имея близких аналогий в рамках образа лошади, данные изображения сходны с изображениями скульптурных голов хищников типа 1 «Будки» сер. VII — VI в. до н. э. Очевидно, именно в этих рамках и следует датировать рассматриваемый тип.

Тин 2 Ульский, вторая пол. VI в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение из Прикубанья (из Ульских курганов) (1) — золотой наконечник или, как считают В. Ю. Мурзин и Е. В. Черненко, модель оголовья боевого коня (Мурзин, Черненко, 1980. С. 166–167. Рис. 13).

Представлена скульптурная голова коня. Изображение при этом рассчитано преимущественно на одностороннее восприятие анфас, о чем свидетельствует атрофия нижней челюсти (показано только ее окончание) и позиция глаз, находящихся в одной плоскости с поверхностью головы. Контур головы трапециевидный, с характерным для лошади в природе сужением при переходе от лобной к носовой части. Голова разделена на два симметричных сектора гладким вертикальным валиком, обозначающим носовую кость. Глаза округлые, концентрические, даны высокорельефным рубчатым кольцом-столбиком с впадиной зрачка. На месте ноздрей помещены рельефные фигуры зайцев. Окончание носа моделировано уступом при переходе к пасти, верхний край рта моделирован валиком, нижний отделен узким пространством, так что рот показан чуть приоткрытым. Лобная и нащечная части пересекаются треугольниками, образованными перегородчатыми гнездами, которые должны были содержать янтарные вставки (Артамонов, 1966б. С. 26). Вероятно, они имитируют гриву. Уши либо не показаны, либо их роль были призваны играть боковые вертикальные треугольники (касты?) на лбу.

Аналогии. Не имея близких аналогий в рамках образа лошади, ульское изображение по стилистике соответствует проникавшей в скифскую среду переднеазиатской традиции — это проявилось прежде всего в моделировке глаз (ср. головы львов из Келермесских курганов). Вертикальные треугольники на лбу опять-таки соответствуют переднеазиатской традиции создания гнезд для вставок (ср., например ухо Келермесской пантеры) (Ильинская, 1971. С. 70). Возможно также влияние и композиции греческих архаических конских налобников (Мурзин, Черненко, 1980. С. 166–167. Рис. 12: 1, 2),

[1] В данный таксон не включены выполненные совершенно во фракийской манере изображения конских голов на уздечных свастических бляхах из Огуза (Лесков, 1974. С. 24), Краснокутского кургана (Мелюкова, 1981. С. 68–69. Рис. 19: 4–7), Козла (Мелюкова, 1976. Рис. 10: 3) и Ольвии (Капошина, 1956. С. 186. Рис. 25), а также фракогреческое натуралистичное изображение головы коня на серебряном налобнике 2 из с. Покровка (Спицын, 1906. С. 173. Рис. 44) и вполне греческое натуралистичное изображение на золотом налобнике из Александропольского кургана (Артамонов, 1966б. Рис. 132).

и в то же время в основе композиции ульского изображения лошади лежит скифская традиция передачи конского фаса, выработанная в рамках таких типов, как Волковецко-гуляйгородский тип изображений на уздечных бляхах. Возможно, повлияла и скифская традиция конских масок из органических материалов (ср. более поздние конские маски пазырыкской культуры).

Хронология. Ульское изображение данного комплекса имеет объективную датировку (см. Список опорных хроноиндикаторов) — вторая пол. VI в. до н. э.

Тин 3 Елизаветовско-александропольский, IV в. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья (1, 2) и Нижнего Подонья (3, 4). Эти изображения оформляют золотые обкладки ручек деревянных сосудов (1–3) и окончания бронзового браслета (4)[1].

Модель тина. Данный тип составляют головы и шеи (в двух случаях — 1, 3 — возможно, еще и фронтальная часть груди) некоего животного, идентифицируемого как лошадь прежде всего по форме морды, но весьма далекого от природных прототипов, что ставит эти изображения на грань с образом другого копытного — мула (именно так трактует А. П. Манцевич елизаветовское изображение (Манцевич, 1967. С. 33) или безрогого оленя, либо даже хищника.

Изображения скульптурные (1–3) или высокорельефные (4), рассчитаны на объемное восприятие. Уши торчат вверх противоположно морде и параллельно друг другу.

Контур головы в плане трапециевидный, с характерным для лошади в природе утолщением окончания носовой части. Голова имеет характерную для лошади горбинку на конце, разделена на два симметричных сектора продольным ребром сходящихся плоскостей, обозначающим носовую кость. Глаза овальные (в одном случае подквадратные — 2), концентрические, моделированы выпуклой зеницей во впадине глазницы. Рот чуть приоткрыт, моделирован прорезью (3) или углублением сбоку (1, 2, 4). Ноздри моделированы каплевидными углублениями. Уши показаны со впадиной раковины, они овальные (1, 2), или удлиненно-подтреугольные (3, 4). Голова плавно переходит в шею, шея гладкая усеченно-коническая (1, 2) или цилиндрическая (3, 4).

Морфологическая динамика в рамках данного типа, как представляется, состоит в движении от более натуралистичного и четкого в видовом отношении елизаветовского изображения (3) (длинные уши, ноздри заключены в рельефные овалы, т. е. как бы раздуваются, как у лошади в природе) к менее биологически определенному высочинскому (4) и, далее, к более схематичным александропольским изображениям (1, 2).

Хронология типа основана прежде всего на объективной датировке изображений из Александропольского кургана (в пределах 340–300 гг. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов). Изображение из Елизаветовского могильника оформляет рукоять той же чаши, которая покрыта двумя обкладками с изображением оленя типа I-1-I-3 Завадско-акмечетский, тогда как хронология данного типа была определена нами в пределах второй четв. V — первой пол. III в. до н. э., при том что елизаветовский олень находится в середине эволюционного ряда изображений Завадско-акмечетского типа, что соответствует примерно первой пол. IV в. до н. э. Это соответствует более ранней позиции елизаветовского изображения лошади в рамках морфологической динамики Елизаветовско-александропольского типа. Высочинское изображение, близкое елизаветовскому, должно датироваться сходно с ним.

Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа могут быть определены как IV в. до н. э.

Тин 4 Нартанско-майконский, V–IV вв. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие из Центрального Предкавказья (1), Прикубанья (2) и Нижнего Поднепровья (3) — на золотых пластинах (1) и (2, 3).

Модель тина. Изображена голова лошади (?) анфас с ушами, торчащими наискось в стороны (образуется острый угол). На щитках бронзовых псалиев представлены по четыре головы, попарно упирающиеся краями друг в друга и переходящие в дуговидно изгибающиеся на 180 градусов шеи, которыми они соединяются также попарно; при переходе в стержень псалия шеи разделены семилепестковой пальметкой, так что, по сути, служат ее волютами (2, 3). Изображения односторонние, моделировка рельефная (1) или плоскостная ажурная с передачей деталей углубленными линиями

[1] К данному типу морфологически и композиционно примыкают изображения некоего животного на бронзовой бляхе из Мастюгино, курган 29/21 (Могилов, 2008. Рис. 111: 23), а также на золотых обкладках двух ручек деревянного сосуда из уже упомянутого в связи с типологией хищников кургана сарматской эпохи (конец III — II в. до н. э.) в Новочеркасске раскопок 1973 г. (Максименко, 1983. С. 32, 33, 174. Рис. 20: 11). В силу крайней семантической неясности (проявляются черты и лошади, и хищника) данные изображения не включаются нами в состав источника.

и прорезями (2, 3). Контур головы в плане овально-подтреугольный, с характерным для лошади в природе сужением при переходе от лобной к носовой части, которая сама при этом акцентирована утолщением (1) или расширением (2, 3). Голова может быть разделена на два симметричных сектора вертикальной впадиной между выпуклостями, возможно, обозначающей носовую кость (2). Края морды акцентированы углубленными линиями. Глаза преувеличенные, округлые, даны округлой выпуклостью (1) или очерчены линиями (2, 3). Рот не обозначен, ноздри практически незаметны. Лобно-теменная часть оформлена треугольником — выпуклым острием вверх (1) или плоскостным острием вниз (2, 3). Уши в нартанском изображении (1) удлиненно-овальные заостренные, с четко оформленной раковиной, она моделирована выпуклостью в обрамлении рельефных краев ушей. В прикубанском и приднепровском изображениях (2, 3) уши в сочетании с лобно-теменной частью образуют трехлепестковую пальметку, причем внутренние края ушей маркированы дуговидными полосками, и аналогичной полоской отграничена шея, с краями, маркированными желобками

Аналогии и хронология. Нартанское изображение представляется очевидной провинциальной репликой со среднеднепровских изображений головы лошади типа 1 Волковецко-гуляйгородский сер. VII — VI в. до н. э. Таким образом, данное изображение не может датироваться ранее Волковецко-гуляйгородского типа. Этому не противоречит отнесение В. М. Батчаевым и В. Г. Петренко кургана 2 могильника Нартан-1 по наконечникам стрел и по узде к поздней группе этого памятника и ограничение исследователями данного комплекса рамками V в. до н. э. (Батчаев, 1985. С. 51–53; Петренко, 1989. С. 218–220. Табл. 86). Прикубанское изображение А. М. Лесков датирует IV в. до н. э., исходя из плоскостного стиля данных изображений, соответствующего прикубанской традиции этого времени (Leskov, 2008. P. 189). Действительно, данные изображения выполнены в «елизаветинском» стиле. Приднепровское изображение, практически тождественное таманскому (возможно, это прикубанский импорт), должно датироваться аналогично.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: V–IV вв. до н. э.

Тин 5 Келермесско-енкивецкий, вторая четв. VII — сер. V в. до н. э.

К данному типу относятся 6 изображений. Три из них происходят с территории Прикубанья (1–3) и оформляют бронзовые навершия (без бубенца из кургана 1/В Келермесской группы (1) и практические такие же, но с петлей на шее под головой из района Майкопа (покупка) (2), а также с бубенцом из хутора Городского (случайная находка) (3). Бронзовое навершие из коллекции Блисс в США (6) также учитывается нами условно как прикубанское, исходя из его тождественности навершию из Майкопа (2) и с учетом авторитетного мнения Л. К. Галаниной, считавшей, что это навершие имеет закубанское происхождение (Галанина, 1997. С. 156). Еще одно (фрагментированное) изображение также происходит из Прикубанья (Ульский курган 4 раскопок 1909 г.) (5) и, по аргументированному мнению А. М. Лескова, также являлось верхней частью навершия (Ульские курганы, 2015. С. 93).

Еще одно изображение (4), относящееся к данному типу, происходит из Среднего Поднепровья и оформляет короткие лопасти бронзовой крестовидной бляхи «ольвийского типа» из с. Енкивцы, фигуры хищников на которой были уже рассмотрены нами выше в рамках типов I-1-А-а-I-4 Бельско-енкивецкий и I-1-А-б-I-3 Кулаковско-ковалевский.

Модель тина. Представлены голова и шея некоего животного, идентифицируемого как лошадь, прежде всего по форме морды, но весьма далекого от природных прототипов, что ставит эти изображения на грань с образом другого копытного. Не случайно Л. К. Галанина идентифицировала келермесские изображения как мулов (т. е. гибридов лошади и осла) или молодых оленей (Галанина, 1997. С. 238). Вместе с тем значительное сходство с изображениями несомненно лошадиных голов типа 1 Волковецко-гуляйгородский позволяет допускать трактовку этих голов именно как лошадиных.

Изображения на навершиях (1–3, 5, 6) скульптурные, рассчитаны на объемное восприятие, на енкивецкой бляхе (4) — моделированы в одностороннем рельефе, рассчитаны на профильное восприятие. Голова на навершиях перпендикулярна шее, уши торчат вертикально вверх (в ульском изображении (5) их верхняя часть обломана — см. Ульские курганы, 2015. С. 152) и развернуты в стороны, тогда как на енкивецкой бляхе голова продолжает линию дуговидной шеи, но при этом ухо показано аналогично скульптурам на навершиях: ориентировано вертикально вверх и развернуто на зрителя.

Изображения выполнены лаконично. Контур головы в плане и в профиле трапециевидный. Голова имеет характерную для лошади в природе небольшую горбинку на конце морды. Глаза округлые, моделированы полушарной (на енкивецкой бляхе — овальной) выпуклостью (лишь в ульском изображении (5) — впадиной), они укрупненные у персонажей на навершиях из Келермеса и из хут. Городской (1, 3) и небольшие у персонажей на майкопском и ульском навершиях, из коллекции Блисс и на енкивецкой бляхе (2, 4–6). Рот на конце сомкнут, в основании может быть приоткрыт и обозначен прорезью (1, 5), края рта в изображе-

ниях келермесских, майкопских и из коллекции Блисс (1, 2, 6) оформлены четкими валиками, которые на навершиях из Келермеса и из коллекции Блисс зарифлены треугольными зубчиками (имитация зубов?). В изображении из хутора Городского эти валики нечеткие, в енкивецком и ульском изображениях — отсутствуют. Ко рту животных на навершиях примыкают крупные ноздри, моделированные каплевидными углублениями, окруженными в келермесских и майкопском изображениях валиками (1, 2, 6). В ульском изображении носовая часть отделена с помощью поперечного выступа.

Уши удлиненные, равные по длине самой голове (в ульском изображении (5) их верхняя часть обломана). Раковины ушей изоморфны структуре подошвы копыта, причем разделены почти надвое двумя смыкающимися валиками (1, 2, 4, 6) или же единым валиком (3), что делает их сходными с копытом не однокопытного, а парнокопытного животного; либо же в ушах треугольником показана ушная раковина (5). Голова переходит в шею уступом, на навершиях без бубенцов шея гладкая, почти цилиндрическая, длинная, поскольку выполняет функцию втулки (1, 2, 6), на навершиях с сохранившимся (3) или с обломанным (5) бубенцом шея короткая, плавно переходящая в широкую грудную часть, слитую с бубенцом. На енкивецкой бляхе (4) шея сегментовидно-трапециевидная (с треугольным выступом впереди, как бы отграничивающим ее от грудной части), с двумя желобками, дублирующими внешний и внутренний край и, очевидно, имитирующими складки кожи или мускулы; в этом изображении от подбородка к шее проходит полоска, возможно, имитирующая бороду или же имеющая чисто технологическое значение (замыкание контура при отливке).

Морфологическая динамика и хронология. Очевидно, что изображение из хутора Городского (3) является подражательным по отношению к навершиям из Келермеса, Майкопа и Уля (1, 2, 5), о чем свидетельствуют: затупление морды (ср. описываемый ниже синкретический образ тупорылого зверя), закругление ушей, т. е. ослабление видовых черт лошади или мула, а также сглаженность рельефной моделировки и сведение двойного разделителя ушной раковины в единый валик. Следующая стадия подражания представлена енкивецким изображением, которое утрачивает четкость оформления ноздри, подчиняется требованиям композиции свастикообразной «ольвийской бляхи», но сохраняет общие пропорции, ракурс уха и характерную трактовку ушной раковины.

Хронология типа основывается на объективной датировке изображений из кургана 1/В Келермесской группы в пределах 660–640 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Большое сходство, практически тождество (если не считать наличия кольца) майкопского изображения (и соответственно изображения из коллекции Блисс) с келермесскими не позволяет существенно отрывать их датировку от вышеуказанной. Вместе с тем упрощенное и отчасти десемантизированное изображение из хут. Городской должно датироваться ни в коем случае не ранее, а возможно, и несколько позднее вышеуказанных, во всяком случае, допустима его датировка рубежом VII–VI вв. до н. э. (ср. датировку, предлагаемую в публикации данного навершия — VI в. до н. э.: Шедевры, 1987. С. 78). Енкивецкую бляху (как уже отмечалось в связи с типологией помещенных на ней изображений хищника), учитывая ее специфические черты и традиционную хронологию большинства «ольвийских блях» (конец VI — начало V в. до н. э.), нужно датировать не ранее конца VI и не позднее сер. V в. до н. э. Ульский курган 4/1909 г. отнесен А. М. Лесковым к первой пол. V в. до н. э. (Ульские курганы, 2015. С. 94).

Таким образом, хронологические рамки данного типа могут определяться как вторая четв. VII — сер. V в. до н. э.

Тин 6 Роменский, конец VI — нервая нол. V в. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Среднего Поднепровья, из Роменского уезда Прикубанья (1–4). Эти изображения оформляют бронзовые вотивные топорики-скипетры — «клинок» (1), обушок (4), а на аксютинецком топорике — и то, и другое (2, 3).

Модель тина. Представлена голова и шея животного, идентифицируемого как лошадь, прежде всего по форме морды (ср. Ильинская, 1968. С. 155).

Изображение скульптурное, рассчитано на объемное восприятие. Голова чаще перпендикулярна шее (1, 2, 4), в одном случае продолжает линию шеи (3), уши отходят вертикально вверх (2), наискось назад (1, 4) либо вдоль шеи (3).

Анатомические детали выполнены лаконично. Контур головы трапециевидный. Голова имеет характерную для лошади в природе горбинку на конце морды. Глаза округлые, моделированы полушарными выпуклостями. Рот закрыт, моделирован прорезью. Ноздри каплевидные. Уши относительно короткие, лишь в одном случае удлиненные и почти равные по длине самой голове (3). Выступающая скула (характерная черта лошади) моделирована утолщением. Голова плавно переходит в шею, шея чаще имеет продольное ребро плоскостей (имитация мускулов?), лишь в одном случае гладкая (4).

Аналогии и хронология. Как уже указывала В. А. Ильинская (Ильинская, 1968. С. 156), секирка, аналогичная будковскому (1) и аксютинецкому

(2, 3) топорикам, изображена в руках у скифа на золотых пластинах парадного пояса из находящегося в том же районе кургана 5 у с. Аксютинцы (На краю Ойкумены. С. 92. Кат. № 398; Конь и всадник. С. 29. Кат. № 38).

Хронология данного типа основывается на датировке топорика из кургана Кулаковского, который происходит из того же комплекса, что и бляха с изображением хищника, отнесенного к выделенному нами Кулаковско-ковалевскому типу свернувшихся в кольцо хищников конца VI — первой пол. V в. до н. э. Ярмолинское изображение (4), более примитивное, но сходное с вышеуказанными, должно датироваться в тех же пределах.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: конец VI — первая пол. V в. до н. э.

3.3. Головы и нротомы в сочетании с задними ногами или конытами — знаки нолнофигурных лошадей

Все изображения данного раздела оформляют псалии, вершина которых представляет лошадиную протому или голову, а окончание — ногу лошади. Эти изображения, как уже отмечалось в связи с аналогичными псалиями с головой барана, могут интерпретироваться как упрощенное воспроизведение всего животного или, по крайней мере, как его знак.

Как и при анализе образа барана на псалиях, учитываются также изображения с обломанной нижней частью, в тех случаях, когда морфология псалия и стилистическое сходство позволяют допускать наличие и аналогичное положение копыта на другом его конце.

Изображения этого таксона дифференцируются на два сюжетных отдела по положению головы относительно шеи. К **I отделу** относятся изображения с ***головой, продолжающей линию шеи***, ко **II отделу** — с ***головой, перпендикулярной шее***.

Отдел I

Тин I-1 Аксютинецко-шумейковский, сер. VII — нервая нол. V в. до н. э.

Данный тип объединяет 29 изображений, 28 из которых происходят с территории Среднего Поднепровья (1–6, 8–29), а одно — с территории Ставрополья, из могильника Новозаведенное-II (7). Все они оформляют костяные трехпетельчатые и трехдырчатые псалии; в одном случае — это заготовка, не ставшая псалием (17).

Модель тина. Изображения представляют голову и шею лошади (верхняя часть псалия) и ногу лошади (нижняя часть псалия), в целом дуговидных очертаний, при этом ухо прижато к шее. В. А. Ильинская видела в такой позиции уха попытку обозначить стремительное движение лошади, прижавшей уши на бегу (Ильинская, 1965. С. 89). В любом случае этология лошади допускает такую характерную позицию уха (ср. природный прототип).

Моделировка объемная, но она рассчитана на профильное обозрение — как двустороннее (например, 15), так и одностороннее.

Форма морды в целом соответствует натуре, она удлиненно-трапециевидная с овальным завершением, как правило, с характерным для лошади скуловым выступом, исключая заготовку (17) и ряд схематичных изображений (7, 16, 20, 21, 25, 26, 30), иногда со слабой горбинкой при переходе к ноздре с горбатым завершением (1–6, 8, 9, 12, 14–17, 19–23, 25–29), реже окончание морды утолщенное, с преувеличенной ноздрей, симметричной рту (7, 10, 11, 13, 18, 24). Глаз нормальных пропорций, как правило, округлый, выпуклый, со впадиной зрачка, но может быть и слабо намечен или не проработан (16–21). Нос и рот чаще обозначены V-образной рельефной фигурой со впадинами ноздри и ротовой полости, которые могут быть линейными или округлыми (1–5, 7, 10–14, 22–29); реже ноздря может превалировать или сливаться воедино со ртом (6–9, 15); рот и ноздря могут быть едва намечены неглубокими впадинами (16, 18–22); наконец, данные детали могут быть вовсе не обозначены (17, 19–21).

Ухо плотно прилегает к шее, перекрывая ее, оно удлиненно-треугольное со впадиной раковины, часто изоморфное подошве копыта (3, 7, 9–12, 14, 15, 22, 23–28); в одном случае широкое без впадины раковины (18), в отдельных случаях почти не проработано и слабо намечено выступом в контуре шеи (16, 17, 19, 20). Шея слабо изогнута, может быть гладкая (1–4, 7–10, 12–23, 25–27, 29), но в ряде случаев на ее поверхности рельефно обозначена шерсть — елочной или горизонтальной или косой насечкой (5–7, 10, 11, 24, 28), причем эти насечки могут переходить в центральную зону псалия (7, 10, 11, 15, 28), а также на его нижнюю часть (имитация мохнатых ног лошади?) (5, 7, 10, 24). Нога укороченная, завершается преувеличенным копытом, обозначенным при переходе от надкопытной части с помощью утолщения, а также иногда отделенным рельефным ободком (8–10, 12). В некоторых случаях четко оформлен рудиментарный палец (12, 13), а около отверстий псалия могут быть выступами обозначены или намечены три остальные копыта лошади (7–9, 15, 23–25).

Аналогии и хронология. Изображения Аксютинецко-щумейковского типа относятся к массиву изображений на трехпетельчатых и трехдырчатых псалиях, оформляемых также в виде аналогичного знака барана, хищника и неопределимого животного. В качестве близкой образной аналогии А. Д. Мо-

гилов справедливо указывает на трехдырчатые псалии с головкой коня из Добруджи в Чилик-Дере (Могилов, 2008. С. 26–27). Костяные псалии с головой лошади с прижатым ухом выделяются по классификации А. Д. Могилова в два типа соответственно морфологии средней части псалия — с тремя петлями и с тремя дырами, и датируются исследователем сер. VII — VI вв. до н. э. (Могилов, 2008. С. 26–27). Этому соответствует и датировка новозаведенского псалия второй пол. VII — началом VI в. до н. э. в соответствии с общими рамками датировки могильника Новозаведенное-2. Вместе с тем комплекс из кургана 505 Броварки может быть отнесен рядом исследователей по составу колчанного набора и типам бронзовых уздечных блях к первой пол. V в. до н. э. (Ильинская, 1957. С. 238; Галанина, 1977. С. 53).

Соответственно, максимальные рамки Аксютинецко-шумейковского типа могут быть определены как сер. VII — первая пол. V в. до н. э.

Отдел II

Тин II-1 Шумейковско-аксютинецкий, сер. VII — VI в. до н. э.

Данный тип объединяет 9 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1–9). Они оформляют в основном костяные трехпетельчатые и трехдырчатые псалии (2–7, 9), в одном случае — костяную пронизку, возможно, навершие такого псалия (1), еще в одном случае — навершие костяного гребня, на котором лошади представлены почти погрудно в антитетической парной композиции (8).

Модель тина. Изображения представляют голову и, за исключением репяховатовского изображения (1), шею лошади (верхняя часть псалия), в сочетании (за исключением репяховатовского изображения) с ногой лошади (нижняя часть псалия) или, на шваковецком гребне, с обозначением ноги лошади отчетливым превращением уха в подошву конского копыта (8). При этом ухо торчит, будучи противонаправленным носовой части и симметричным й относительно глаза, т. е. либо образующим одну линию с головой, либо находящимся к ней под тупым углом. Соответственно ухо перпендикулярно шее. В результате изображения на псалиях в целом имеют Т-образные очертания.

Моделировка рельефная, на псалиях и насадке на псалий скульптурная, на гребне односторонняя, но во всех случаях предполагается профильное обозрение, поэтому причем детали на одной из сторон псалия – глаз, раковина уха (очевидно, на стороне, прилегающей к голове), могут быть не доработаны (например, 4, 5).

Контур морды в целом соответствует натуре, но в отдельных случаях морда укорочена и геометризирована (6). Характерный для лошади овальный скуловой выступ, как правило, рельефно обозначен или слабо намечен (исключение — 2). Носовая часть чаще утолщенная, мощная. Нос и рот чаще моделированы V-образной рельефной фигурой (изоморфной подошве копыта) со впадинами ноздри и ротовой полости, которые могут быть линейными или округлыми (1, 2, 3, 5, 7, 9), реже — треугольными (8). В одном случае рот и ноздря вовсе не обозначены (6). Глаз, как правило, округлый, выпуклый (1–5, 7, 9), в том числе выступающий над контуром головы (1, 5, 7, 9), может иметь впадину зрачка (2–4). У лошадей на гребне (8) глаз иной: он дан углублением в виде правильного треугольника, с углубленным полумесяцем (имитация надбровной дуги) над ним. В одном случае глаз практически не проработан (6).

Ухо чаще удлиненно-треугольное (1–6), реже подовальное (7–9). Всегда показана впадина раковины, которая чаще вырезана таким образом, что ухо оказывается еще и подошвой конского копыта (1–6, 8). Шея прямая или изогнутая, чаще гладкая, реже на ее передней стороне рельефно обозначена шерсть — продольным валиком с крупным рифлением (3, 4), а на швайковецком гребне — желобком с зубчиками (8) (по мнению М. С. Бандривского, это грива — см.: Бандривский, 2013. С. 356). Нога лошадей на псалиях укороченная, на сохранившихся целиком псалиях она завершается преувеличенным копытом, обозначенным при переходе от надкопытной части с помощью утолщения или расширения, без оформления рудиментарного пальца (2, 4–9), а около отверстий псалия могут быть выступами обозначены или намечены три остальные копыта лошади (2–4, 7, 8), иногда покрытые поперечным рифлением или солярными крестовидными знаками (2–4, 7). У лошадей на швайковецком гребне шея под острым углом переходит в условную грудную часть (или спину, если трактовать позу лошадей как повернувших голову назад и опирающихся мордой на спину). В любом случае между шеей и туловищем остается сегментовидный участок, находящиеся под ним часть корпуса гребня и его зубья как бы играют роль туловища и ног. Данное изображение может рассматриваться и как разложенный на два профиля фас передней части лошади — своеобразная протома.

Аналогии и хронология. Вероятно, тупиковым ответвлением иконографии данного типа (аналогия А), демонстрирующим схематизацию и потерю образно-видовой идентичности, является изображение на парных костяных псалиях из кургана 2 у с. Аксютинцы (более точной идентификации данный курган не поддается (Бобринский, 1901. Табл. VIII, 1; Могилов, 2008. Рис. 52: 9, 10).

Морда животного здесь геометризирована, без обозначения глаза, ноздри и рта, с коротким схематичным ухом, в связи с чем А. Д. Могилов расценил это изображение как непонятное с точки зрения видовой принадлежности (Могилов, 2008. С. 28). Возможно, продольные рельефные полосы на поверхности шеи, полностью покрывающие также и голову, могут быть обозначением гривы (не оставившей места для глаза, ноздри и рта), что в сочетании с копытом на другом конце псалия и копытовидными выступами у отверстий псалия дает основание трактовать это изображение как схематизированный образ лошади. Однако, очевидно, А. Д. Могилов прав в том, что в конечном счете уверенно атрибутировать это изображение нельзя, поэтому оно рассматривается нами лишь как аналогия и не учитывается в общей статистике изображений.

В целом же изображения Шумейковско-аксютинецкого типа, исключая изображение на швайковецком гребне (8), как и вышеописанные изображения лошади Аксютинецо-шумейковского типа, относятся к массиву изображений на трехпетельчатых и трехдырчатых псалиях, оформляемых также в виде аналогичного знака барана, хищника и комбинации птицы и копытного. Часть изображений шумейковско-Аксютинецкого типа происходят из того же комплекса (Шумейковский курган), что и вышеописанные изображения лошади Аксютинецо-шумейковского типа. Костяные псалии с головой лошади с поднятым ухом выделяются по классификации А. Д. Могилова в два типа соответственно морфологии средней части псалия — с тремя петлями и с тремя дырами; трехпетельчатые псалии датируются исследователем сер. VII — VI вв. до н. э. (Могилов, 2008. С. 27), аналогичные изображения на трехдырчатых псалиях могут датироваться в тех же рамках.

Репяховатовское изображение датируется по объективным показателям рубежом VII–VI вв. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Этим датам не противоречит датировка швайковецкого гребня, изображение на котором представляется примером применения иконографии лошади, разработанной в процессе зооморфного оформления трехпетельчатых костяных псалиев в том же материале и технике, но на предмете другой категории. М. С. Бандривский датирует комплекс кургана 1 у с. Швайковцы третьей четв. VII в. до н. э. по гальштатской параллели (на городище Смоленице — Мольпир) одному из предметов из швайковецкого компоекса — бронзовому наконечнику ножен меча с рядами прорезных треугольников (переосмысленному навершию), а также с учетом радиоуглеродных показателей (Бандривский, 2013. С. 353–355).

Таким образом, предельные хронологические рамки типа определяются как сер. VII — VI в. до н. э.

Тин II-2 Шумейковско-волковецкий, сер. VII — VI в. до н. э.

Данный тип объединяет 40 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1–40). Все они оформляют костяные трехпетельчатые и трехдырчатые псалии.

Эти изображения и по моделировке, и композиционно близки изображениям вышеописанного типа II-1 Шумейковско-аксютинецкий (отличие лишь в том, что ухо здесь не перпендикулярно шее, а сонаправлено с ней), но гораздо более примитивны. Контур морды иногда соответствует натуре (2, 9, 19, 21, 34, 37), но в большинстве случаев морда укорочена и геометризирована, она подпрямоугольная-подквадратная (1, 3, 4–10, 12, 15, 17, 18, 21, 27–29, 34–36, 38, 39, 40, 49, 31, 32), трапециевидная (11, 13, 14, 17, 22, 23, 26–29, 40) или овальная (16, 18, 20, 24. 25, 30, 33, 35, 36, 38, 39). Нос и рот чаще обозначены V-образной рельефной фигурой со впадинами ноздри и ротовой полости, которые могут быть линейными или округлыми (1–4, 7, 8, 10, 12, 15, 19, 21, 31), реже нос и рот обозначены неглубокими впадинами (5, 6, 13, 14, 16, 18, 22, 23, 38) близко к натуре (19, 34, 37) или же рот и ноздря прослеживаются слабо или вовсе не прослеживаются (11, 17, 20, 24, 25, 26–30, 32, 33, 35, 36, 39, 40).

Характерный для лошади в природе скуловой выступ показан очень редко (2, 7). Глаз, как правило, округлый, дан впадиной на плоскости, выпуклостью с углублением зрачка либо просто выпуклостью, в том числе выступающей над контуром головы (1–4, 8, 9, 10, 13, 15, 18, 19, 21–23, 27, 28, 34, 36–38), но часто он практически не проработан (5–7, 11, 12, 17, 20, 24–26, 30–33, 35, 39). В некоторых случаях округлый концентрический глаз дублирован аналогичными значками на поверхности морды — от одного до трех (14, 27, 29, 40). Эти кружки могут переходить и на поверхность шеи и ноги (1, 40).

Ухо обычно подтреугольное, реже подовальное (5, 7, 14, 23, 27, 28, 32, 33, 37). Оно чаще показано со впадиной раковины (1–6, 8–10, 13, 15, 18, 19, 21, 22, 26, 28, 29, 31, 34–38, 40), в том числе изоморфное подошве копыта (1, 31, 35, 38, 40). В одном случае (Старшая могила — 16) перед ухом над глазом отходит треугольный выступ пучка гривы. Шея прямая или слабо изогнутая, чаще гладкая, реже на ее передней поверхности рельефно обозначена шерсть — продольной полосой с крупным поперечным или елочным рифлением (2–4, 6); шерсть на шее может быть имитирована и вышеупомянутыми концентрическими кружками,

подобными глазу (1, 40), либо Х-видной насечкой между поперечными насечными линиями, ограничивающими шею от головы и от средней части псалия (18), либо, наконец, насечными треугольниками с гладкой поверхностью, сочетающимися с треугольником с поперечными насечками, причем эта композиция, аналогичная орнаменту на керамических сосудах, отделена от средней части псалия поперечной насечкой с заполнением из ромбов (38).

Нога укороченная, на сохранившихся целиком псалиях завершается копытом, обозначенным при переходе от надкопытной части с помощью утолщения или расширения, без оформления рудиментарного пальца (за исключением трех изображений, в которых рудиментарные пальцы намечены треугольными выступами (8, 9, 37), причем в одном из этих случаев рудиментарный палец показан не с той стороны, в которой он должен быть в природе, — 8). На поверхности ноги могут быть насечки, продолжающие насечку шеи и средней части псалия («туловища» лошади) и имитирующие мохноногость (1–4, 6, 8, 40). Около отверстий псалия могут быть выступами обозначены или намечены три остальные копыта лошади (1–4, 6–9), иногда покрытые поперечным рифлением или солярными кружковидными знаками (3, 6, 8).

Аналогии и хронология. Изображения Шумейковско-волковецкого типа, как и вышеописанные изображения лошади Шумейковско-аксютинецкого и Аксютинецо-шумейковского типов, относятся к массиву изображений на трехпетельчатых и трехдырчатых псалиях, оформляемых также в виде аналогичного знака барана, хищника и неопределимого животного. Часть изображений Шумейковско-волковецкого типа происходят из тех же комплексов (Шумейковский курган, Волковцы, курган 12/1886 г., Райгород, курган 1, Аксютинцы, курганы 1 и 2, точной идентификации не поддаются), что и изображения лошадей указанных двух типов. Костяные псалии с головой лошади с поднятым ухом, как уже было сказано, в соответствии с классификацией А. Д. Могилова и нашими иконографическими наблюдениями датируются сер. VII — VI в. до н. э. При этом изображения Шумейковско-волковецкого типа стилистически вторичны по отношению к остальным двум типам изображений лошади на трехпетельчатых и трехдырчатых костяных псалиях, в особенности изображениям типа II-1 Шумейковско-аксютинецкий. Если в последних видовые черты лошади, как показал стилистический анализ, более отчетливы, то в изображениях Шумейковско-волковецкого типа лошадь все более приближается к образу хищника, что сказывается в трактовке морды, в напряженной позиции уха, в ослаблении детализации копыт.

Тин II-3 Семибратненский, вторая нол. V в. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Прикубанья (из 2-го Семибратнего кургана) и оформляющие S-видные бронзовые двудырчатые псалии (1, 2).

Модель тина. Один конец псалия выполнен в виде протомы лошади с двумя передними ногами, тогда как стержень псалия, по сути, играет роль атрофированного туловища, а противоположный конец — роль единственной задней ноги, вывернутой на 180 градусов и сведенной к огромному копыту. Моделировка объемная, но рассчитанная на боковой обзор. Передние ноги согнуты, показаны в «бегущей» позиции. Показаны оба уха, одно за другим, торчашие противонаправленно голове.

Голова лошади подтреугольная, с носовой частью, зауженной и укороченной посередине, на конце расширяющейся в V-образную рельефную фигуру с узкими впадинами ноздри и рта. Глаз образован овальной выпуклой зеницей в углублении преувеличенной миндалевидной глазницы с выступающими вперед и назад слезниками. Скуловой выступ рельефно подчеркнут. Уши подтреугольные, со слабо нанесенной впадиной раковины, узким рельефным выступом. Шея трапециевидная, обрамляющая ее вдоль заднего края грива моделирована рельефной полоской, а вдоль переднего края шеи проходит аналогичная, но гладкая полоска, имитирующая кожную складку. Шея переходит в рельефную овальную лопатку, дополнительно акцентированную обрамляющим ее валиком. Лопатка плавно переходит в атрофированные передние ноги, причем передняя из них согнута в запястье и, по сути, сведена к укороченной пясти с копытом, выделенным расширением и с рельефно подчеркнутым рудиментарным пальцем, тогда как задняя из ног дана обрубком-рудиментом. Туловище трапециевидное, показано до расширения псалия. Задняя нога, как уже сказано, сведена огромному копыту (в одном случае оно обломано — 2), занимающему всю противоположную от головы часть псалия. Это копыто сегментовидное, с мощной надкопытной частью, покрытой крупным продольным рифлением, имитирующим природную структуру. Копыто отделено от надкопытной части валиком, очерчивающим его нижний край, доходя до уровня окончания копыта задней ноги. Четко оформлен рудиментарный палец, отделенный прорезью от копыта.

Хронология тина основана на объективной датировке семибратненских изображений (см. Список опорных хроноиндикаторов) 450–440 гг. до н. э. или, шире, второй пол. V в. до н. э. Таким образом, предельные рамки данного типа — вторая пол. V в. до н. э.

III.6. ОБРАЗ БЫКА

Образ быка, четко идентифицируемого по характерным чертам рода Bos подсемейства бычьи (Bovinae) — коротким рогам, расходящимся в стороны и вверх и мощной голове, — представлен в восточноевропейском скифском зверином стиле полнофигурным изображением (единственный тип) и мотивом обособленной головы данного животного (единственный тип).

§ 1. Полнофигурные изображения быков

Тин 1 Золотоношский,
нервая нол. V в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Среднего Поднепровья (1), оформляющее бронзовое изделие, плакированное золотой фольгой, попавшее в собрание Ханенко из Золотоношского уезда Полтавской губернии. Скорее всего, это накладка на колчан (обоснование функции см.: Грибкова, Полидович, 2013. С. 272). Плохая сохранность изделия и недостаточное качество его публикаций (Древности Поднепровья, 1900. Табл. XLV, 330; Ильинская, 1968. Рис. 22, 2) ранее препятствовали тому, чтобы уверенно относить изображение к скифскому звериному стилю. Однако недавняя высококачественная публикация данной фигурки А. А. Грибковой и Ю. Б. Полидовичем и предпринятый ими тщательный иконографический анализ (Грибкова, Полидович, 2013. С. 259–277) демонстрируют полное соответствие этого золотоношского изображения канонам скифского звериного стиля.

Представлен лежащий бык. Моделировка туловища и ног высокорельефная односторонняя, в этой части фигура строго профильная. Моделировка шеи и головы скульптурная, рассчитанная на круговой осмотр. Шея перпендикулярна туловищу, голова перпендикулярна шее. «В зависимости от точки зрения, поза животного может восприниматься как бык, лежащий с повернутой анфас опущенной головой (при восприятии фигурки фронтально), или как бык, лежащий с поднятой головой (при восприятии фигурки под углом 30°–50°)» (Грибкова, Полидович, 2013. С. 260). Бык показан с тупоугольно подогнутыми ногами, упирающимися друг в друга внешними сторонами копыт. В зависимости от ракурса обзора ноги располагаются либо под, либо перед туловищем (ср. Грибкова, Полидович, 2013. С. 260). Хвост облегает зад, упирается в голень хищника с внешней стороны.

Детали трактованы обобщенно. Глаза и ноздри овальные, выпуклые. Уши овально-листовидные, отходят наискось назад. Рот закрыт, обозначен впадиной. Рога короткие, мощные, поднимаются вверх. «Центральная часть головы между рогами и ушами имеет подтреугольный выступ» (Грибкова, Полидович, 2013. С. 260), — очевидно, это обозначение холки. Шея цилиндрическая. Лопатка и бедро обозначены рельефом, тазобедренная впадина дана V-образной выемкой. Туловище короткое поджарое. Мускулы ног подчеркнуты углубленной линией. Копыта преувеличены, «в путовых суставах ноги согнуты под углом» (Грибкова, Полидович, 2013. С. 260), надкопытная часть переходит в копыто уступом.

Хронология. Не имея непосредственных аналогий, данное изображение композиционно почти тождественно вышеописанным изображениям хищника типа I-2-II-1 Журовский, а этот тип по объективным показателям, как мы уже отмечали, датируется первой пол. V в. до н. э. Аналогичную датировку золотоношского изображения с привлечением широких аналогий среди образов копытных предложили А. А. Грибкова и Ю. Б. Полидович, также на основании композиционных показателей (в особенности с учетом такого признака, как «плавный изгиб нижней части ног в путовом суставе») (Грибкова, Полидович 2013. С. 262–264).

§ 2. Редуцированные изображения быков (головы)

Тин 1 «Старшая могила — Ульские»,
вторая нол. VII — VI в. до н. э.

К данному типу относятся 4 оригинальных изображения, оформляющие бронзовые навершия с территории Среднего Поднепровья (3), из Прикубанья (1, 2) и, возможно, из Крыма (4).

Модель тина. Представлена голова быка с характерными рогами и с шеей, переходящей в грудную часть, слитую с бубенцом навершия. Изображения скульптурные, рассчитанные на объемное восприятие. Бык показан с вертикальной шеей, голова перпендикулярна шее, в четукском изображении (2), в изображении из Старшой могилы (3) и из «Крымской коллекции» (4) чуть опущена, в ульском (1) — немного приподнята.

Анатомические детали трактованы тщательно и подробно в ульском изображении и на навершии из «Крымской коллекции», напротив, более условно — в изображении из Старшой могилы и четукском. Голова трапециевидная в профиле, с тупой мордой, причем в основании головы в прикубанских изображениях (1, 2) обозначена свисающая кожная складка (в ульском изображении — более натуралистично с помощью рельефного выступа, в четукском — схематично, четырьмя горизонтальными валиками, один над другим). Складки кожи с задней стороны шеи рельефно обозначены и в изображении из «Крымской коллекции». Носовая часть рельефно выделена, отверстия ноздрей

обозначены близкими к натуре каплевидными углублениями (ульское изображение) или условными овальными впадинами (четукское, из Старшой могилы, из «Крымской коллекции»), рот дан горизонтальной прорезью. Глаза в прикубанских изображениях миндалевидные, моделированы выпуклостью зрачка в рельефном обрамлении глазницы, причем в ульском изображении очерчены врезными линиями век, сливающимися перед глазом в канал слезницы. В изображениях из Старшой могилы и из «Крымской коллекции» глаза даны условно, помещены не по бокам, а на верху головы, моделированы овальными выступами.

Рога мощные, дуговидно изогнутые, на четукском навершии один рог обломан. При этом в изображении из Старшой могилы и в ульском изображении рога вертикальны, что соответствует позиции головы с точки зрения анатомии, в четукском горизонтальны, вопреки натуре, в изображении из «Крымской коллекции» отходят наискось назад. Уши овальные, в ульском изображении и в изображении из «Крымской коллекции» четко обособлены от рогов, сообразно натуре, и отходят горизонтально в стороны, развернуты внутренней стороной вперед, тогда как в изображении из Старшой могилы и четукском вопреки натуре примыкают к рогам и либо почти слиты с ними, повторяя очертания рогов (Старшая могила), либо ориентированы внутренней стороной вверх, что нереалистично (четукское изображение). В ульском изображении и в изображении из «Крымской коллекции» ушные раковины моделированы впадинами, в четукском и из Старшой могилы не обозначены.

Шея мощная усеченно-коническая, относительно натуралистичная в ульском изображении (гладкая, расширяется книзу), несколько менее натуралистичная и в изображении из «Крымской коллекции» (расширяется книзу, но зарифлена сзади) и более схематичная в четукском (укорочена, сужается книзу, вопреки натуре, поверхность заполнена вышеупомянутыми валиками кожной складки), тогда как в изображении из Старшой могилы шея фактически сливается с грудной частью, оформляя длинный усеченно-конический бубенец навершия. Шея в ульском изображении отделена по основанию от бубенца-«груди» горизонтальным валиком с косыми насечками.

Морфологическая динамика, аналогии и хронология. Очевидно, что среди изображений данного типа первичным является более натуралистичное и более качественное ульское изображение (и, во вторую очередь, изображение из «Крымской коллекции»), тогда как схематичное четукское дает пример тиражирования изображений, подобных ульским. Сами же ульские изображения, как неоднократно указывалось, демонстрируют реализацию переднеазиатской иконографии быка (общий натурализм, миндалевидная форма глаз, оформление глазниц и век, трактовка рогов подчеркнута тремя тонкими линиями над глазом и одной — под ним) в применении к скифским навершиям (см., например, Переводчикова, 1998. С. 31–32).

По объективным показателям ульское изображение датируется второй пол. VI в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). В силу указанной морфологической динамики четукское изображение должно датироваться аналогично, во всяком случае — не ранее ульского (ср. Шедевры, С. 77).

Что касается изображения из Старшой могилы, оно также представляется провинциальным схематизирующим подражанием переднеазиатским или каким-то прикубанским образцам. Дата кургана Старшая могила определена А. Ю. Алексеевым с учетом наличия архаичных ритуальных ножей и по другим основаниям в рамках второй пол. VII в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 53, 295).

III.7. ОБРАЗ КАБАНА

§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений

Диагностирующими признаками, позволяющими однозначно идентифицировать изображения кабана (в том числе и обособленные головы), являются характерные для данного вида (*Sus scrofa*) большая голова, тупое окончание морды и наличие клыка или двух (верхнего и нижнего) клыков, пересекающих морду посередине. Для полнофигурных изображений, кроме того, индикатором служат такие соответствующие натуре признаки, как веретенообразное туловище в сочетании с копытами, а также короткий тонкий хвост[1].

Из классифицируемого массива исключены ряд изображений кабана, хотя и происходящих из скифских погребений или связанных с безусловно скифскими атрибутами, однако не вполне соответствующих критериям скифского звериного стиля.

Прежде всего, это преимущественно переднеазиатско-закавказские по стилю изображения на Келермесской секире (Кисель, 1997. С. 27; 2003. С. 39, 44, 97. Рис. 5, 6: 22, 27; Переводчикова, 1976).

Кроме того, это греческие или переднеазиатско-греческие изображения на зеркалах — на знаменитом Келермесском зеркале (Вахтина, 2005. С. 317) и на зеркале из кургана 35 у с. Бобрица (Бобрин-

[1] Природный прототип образа кабана, представленный в графических таблицах Приложения, дан по материалам сайта: http: // hunter-info.ru

ский, 1901. Фиг. 62. Табл. XIX, 11; Ковпаненко, 1981. Рис. 10: 1; Кузнецова, 2002. С. 65. Табл. 20, А).

Что касается Келермесского зеркала, М. И. Максимова расценивала соответствующее изображение как «прямую копию с… скифо-урартского типа кабана» (Максимова, 1954. С. 299) (имеется в виду тип «тормозящего» кабана на Келермесской секире). В. А. Кисель вслед за ней отнес это изображение к выделенной им третьей группе фигур на Келермесском зеркале (наряду с бараном сектора 4 и кошачьим хищником сектора 3). Эта третья группа, в противовес всем остальным изображениям на зеркале, связывается В. А. Киселем со скифским звериным стилем, но при этом в отношении кабана исследователь усматривает всего лишь три соответствующих стилевых признака: позу «внезапной остановки», наличие выступа над лопаткой — «горбика» и наличие выемки на бедре (Кисель, 2003. С. 97). Однако наличие «горбика» свойственно в этой группе не столько кабану, сколько барану и пантере, и кроме того, нам уже приходилось обращать внимание на то, что мотив «горбика» как попытка акцентировать на плоскости объемную выступающую над спиной лопатку и мускулы животного свойствен не только скифо-сибирскому звериному стилю, но встречается также в более ранних и в близких по времени образах переднеазиатского искусства (Канторович, 2001. С. 201–202, 211–212. Табл. 2). Выемка на бедре — не столько декоративный прием, сколько акцентирование коленного сустава. Таким образом, следует, скорее всего, согласиться с мнением М. Ю. Вахтиной о том, что «единственным изображением зеркала, без всякого сомнения, близкого памятникам архаического скифского искусства, остается изображение свернувшейся «пантеры, помещенное в нижней части сектора с фигурами сфинксов, привставших на задние лапы» (Вахтина, 2005. С. 317), и, соответственно, расценивать фигуру кабана на Келермесском зеркале как стилистически преимущественно передневосточное или восточногреческое изображение со скифо-сибирскими композиционными элементами.

Комплекс с зеркалом из кургана 35 у с. Бобрица датируется сер. VI в. до н. э. (Ковпаненко, 1981. С. 130–131). Несмотря на то что морфологический тип самого украшаемого зеркала, несомненно, не является ни греческим, ни переднеазиатским, изображение на его центральной ручке скорее соответствует выявленным М. И. Максимовой признакам древнегреческих изображений кабанов, которым обычно свойственно сочетание маленькой головы, грузного туловища и высокого гребня, тянущегося вдоль всей спины (Максимова, 1954. С. 296). Как указывала С. И. Капошина, данный кабан «трактован целиком в стиле античного искусства и не имеет аналогий в изображениях кабана на типичных скифских памятниках» (Капошина, 1956. С. 182. Рис. 22). В качестве параллелей исследовательница упоминает изображения в греческой вазовой живописи и на греческих монетах, а также на ножнах меча из клада в Феттерсфельде; на этом основании С. И. Капошина предположила, что бобрицкое зеркало было изготовлено в Ольвии (Капошина, 1956. С. 182–183). Т. М. Кузнецова считает, что аналогии изображению нет; во всяком случае, исследовательница не находит ее в среде скифского звериного стиля (Кузнецова, 2002. С. 62, 65. Табл. 20, А).

Наконец, исключается кельто-фракийская по манере исполнения фигурка вепря — рукоять сосуда из кургана Хомина могила (Мозолевский, 1973. С. 222, 224. Рис. 32).

Тема кабана в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется как в полнофигурном, так и в редуцированном отображении (голова, задняя нога).

§ 2. Полнофигурные изображения кабанов

2.1. Таксономические уровни классификации

Основу классифицирования полнофигурных изображений кабана составляют три универсальных таксономических уровня.

1. ***По позиции ног относительно оси туловища*** полнофигурные изображения кабана разделяются на три сюжетных группы:

группа I — передняя нога ниже локтевого сгиба и задняя нога ниже сустава заплюсны или пятки согнуты перпендикулярно верхним частям ног, подогнуты под туловище и направлены горизонтально вперед (копыта при этом могут быть немного опущены), причем копыто передней ноги кабана подведено под его голову. Это **лежащие** кабаны;

группа II — ноги прямые либо слабо согнутые и направленные наискось вперед (в состоянии внезапной остановки — так называемый «**тормозящий**» кабан), либо вертикально выпрямленные (**стоящий** кабан), либо в шаге (**идущий** кабан);

группа III — положение одной (задней) пары ног кабана соответствует первой из вышеназванных сюжетных групп кабанов, положение другой пары ног — второй группе. Это **полулежащие/полустоящие кабаны.**

2. ***По позиции головы относительно туловища*** изображения кабана теоретически должны разделяться на 2 сюжетных отдела.

Однако кабаны в восточноевропейском скифском зверином стиле, как и во всем скифо-сибирском зверином стиле, представлены только с головой, направленной вперед, т. е. в соответствии с указанной таксономией относятся исключительно к **отделу I**.

2.2. Тинология и хронология нолнофигурных изображений кабана

Группа I – отдел I

Тин I-I-1 Александровско-архангельский, конец VI — начало IV в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения, все они происходят с территории Северного Причерноморья. Это два изображения из Нижнего Поднепровья: фигура на золотой обкладке боковой лопасти ножен меча из погр. 1 кургана 6 у с. Александровка (учхоз «Самарский») (2) и изображение на золотых накладках колчана (6 экз.) из погр. 1 кургана 5 у с. Архангельская слобода (3). Еще одно изображение украшает золотую пластину неизвестного происхождения (1), хранящуюся (как и вышеупомянутые ножны и колчанные накладки) в Музее исторических драгоценностей Украины (далее будет именоваться как «изображение на пластине из МИДУ»); этому изображению посвящена статья: Канторович, Грибкова, 2011. Сходство в технике исполнения и в иконографии изображения на пластине из МИДУ с александровским и архангельским позволяет допускать, что и эта пластина происходит из района Поднепровья или, во всяком случае, с территории Северного Причерноморья. Скорее всего, данное изделие представляет собой обивку ритуального деревянного сосуда — полусферической чаши или, менее вероятно, усеченно-сферического сосуда закрытой формы — двуручного/одноручного/лишенного ручки (см. полную сводку морфологических типов таких сосудов: Королькова, 2003. С. 30)[1].

Модель тина. Представлен лежащий кабан, в строго профильном ракурсе, с опущенной (почти вертикально) головой, так что пятачок находится ниже уровня копыт — зверь как бы уткнулся мордой в землю. Копыта при этом немного согнуты по отношению к пясти и плюсне.

Все три изображения — александровское, архангельское и на пластине из МИДУ — практически тождественны в композиционном отношении, показаны строго в профиль, сходно моделированы, одинаково ориентированы (вправо) и очень близки с точки зрения анатомических пропорций и трактовки большинства частей тела.

Голова зверя сегментовидных очертаний, с покатым лбом и чуть приподнятой средней частью морды (над участком пасти, где клыки приподнимают верхнюю губу), с мощным подпрямоугольным завершением и немного отогнутым пятачком, с ощеренным ртом и торчащим мощным ухом. При этом у архангельского кабана приподнятость верхней губы над клыками и изгиб поверхности морды над этим участком более акцентированы.

Ноздря обозначена небольшой неглубокой каплевидной впадиной, рот передан длинным щелевидным углублением, длинный нижний и короткий верхний клыки — двумя дуговидными рельефными полосками, причем верхний клык более загнут (у архангельского кабана закручен). Глазница кабана на пластине из МИДУ и александровского кабана моделирована ромбическим рельефным контуром с намеченным слезником, собственно глаз — аналогичным выступом с округлым углублением зрачка. Глазница архангельского кабана схематизирована в виде рельефного треугольника с овальным выступом глаза.

Ухо кабана на пластине из МИДУ торчит наискось назад, у александровского кабана — наискось вперед, у архангельского — вверх. По форме ухо кабана на пластине из МИДУ подтреугольно-каплевидное, с широкой рельефной верхней частью (у кабана в природе эта часть уха обычно загибается вовнутрь) и каплевидным углублением раковины; у александровского кабана ухо овально-ромбическое, без складки на верхнем краю. Ухо архангельского кабана, в противовес вышеописанным изображениям, абсолютно лишено правдоподобия, его верхний край дан широкой рифленой полосой — видимо, мастер попытался отобразить на плоскости оттопыренное в сторону ухо с шерстью в раковине (подобно тому, как это искусно смоделировали создатели кабаньих голов на золотой пластине из кургана Бабы и на бронзовой бляхе из 4-го Семибратнего кургана, см. ниже), но сделал это неудачно, так что, судя по всему, этот верхний край уха в архангельском изображении слился с теменным участком гребня щетины. В ушную раковину вписана горизонтальная рельефная птичья голова с округлым глазом и закрученным клювом.

---

[1] На поверхности пластины четко прослеживается продольная складка в том месте, где пластина загибалась для крепления к краю сосуда, и на примерно равном расстоянии от этой складки имеются 4 отверстия для крепления пластины гвоздиками или заклепками с внутренней стороны сосуда и 4 — для крепления с внешней стороны сосуда. Еще 17 отверстий, предназначенных для крепления пластины к стенке сосуда, проходят по боковым и нижнему краю обивки. Соответствующие типы скифских сосудов и их обкладки описаны целым рядом исследователей (Манцевич, 1967. С. 23–38; Мозолевский, 1980. С. 106–112. Рис. 45, 46; Кузнецова, 1988; Королькова, 2003. С. 28–59; Отрощенко, 1992. С. 71–72; Рябова, 1987. С. 144–151; Фиалко, 2004. С. 269–272; Гуляев, 2006). Безручные чаши, сходные с фиалами, свойственны скифской культуре в течение V–IV вв. до н. э. (Рябова, 1987. С. 150), причем в Лесостепном Северном Причерноморье они известны уже с начала V в. до н. э., тогда как в Степном Северном Причерноморье — с сер. V в. до н. э. (Фиалко, 2004. С. 269; Гуляев, 2006. С. 343). Усеченно-сферические сосуды закрытой формы известны в скифской культуре с конца V в. до н. э. по конец IV в. до н. э. (Рябова, 1987. С. 149, 150). Судя по размерам обивки, украшаемый сосуд, скорее всего, был безручной деревянной чашей.

Шерстная складка в основании головы над шеей в изображениях кабанов на пластине из МИДУ и александровского передана широкой дуговидной рельефной полосой с крупным рифлением. При этом создатель александровского кабана использовал для моделирования шерсти криволинейные фигуры, что усилило натурализм изображения. Архангельский кабан лишен полосы кожно-шерстной складки, обрамляющей голову снизу и отделяющей ее от туловища. В изображениях кабана на пластине из МИДУ и александровского кабана гребень щетины на голове передан рельефной полоской (в первом случае — гладкой, во втором случае — с косым рифлением, имитирующим щетину с наклоном вперед), идущей от надглазничной части по темени над ухом. Далее в этих изображениях гребень продолжается на шею и над лопаткой, причем у кабана на пластине из МИДУ ее участок за ухом уже не гладкий, а покрыт редкими косыми насечками, а у александровского кабана на этом участке рифление имитирует щетину с наклоном назад, причем в этом изображении данный гребень продолжается до бедра, не доходя до хвоста. За лопаткой у кабана на пластине из МИДУ торчащая шерсть имитирована узкой гладкой рельефной линией, доходящей до основания хвоста. У архангельского кабана гребень щетины рифленый: вертикально — до лопатки, наклонно назад — за лопаткой, проходит от шеи почти до основания хвоста.

Шея всех трех кабанов мощная, короткая, соответственно выступ вышеописанной шерстной складки почти смыкается с выступом плеча. Лопаточно-плечевая часть рельефная, сегментовидная, и в нее узким каплевидным рельефом вписан плечевой сустав (своего рода «малая лопатка»). У архангельского кабана плечевой сустав при этом стилизован в виде птичьей головы с округлой глазницей (собственно глаз обозначен выемкой), от которой вверх отходит рельефный клюв, закрученный на конце и, в свою очередь, играющий роль глаза еще одной птичьей головки с мощным рельефным загнутым клювом (эта головка дана в перевернутом виде и заходит на живот кабана).

Бедренно-ягодичная часть мощная, дана округлым или овальным рельефом (менее акцентирован у архангельского кабана), отделена каплевидной выемкой от туловища, что негативно позволяет выделтить коленный выступ. На плоскости бедра кабана на пластине из МИДУ и архангельского кабана рельефно выделено окончание закинутого на бедро раздвоенного хвоста, превращенного в голову водоплавающей птицы с овальным глазом и полураскрытым клювом. Аналогичные птичьи головки — элемент трансформации кабаньих хвостов в изображениях из «Майкопского клада» А. М. Лесков трактует как утиные (Leskov, 2008. P. 49). Сходно трансформирован и хвост лежащего кабана на Уляпском навершии, равно как и бегущего кабана на обивке ножен меча из Ушаковского кургана Елизаветовского могильника (Minns, 1913. P. 270. Fig.186; Borovka, 1928. Tabl. 22A; Шилов, 1966. Рис. 8).

Ноги кабанов укороченные, суставы и линии мускулов подчеркнуты с помощью желобка, проходящего вдоль заднего края ног, копыта гипертрофированные, асимметрично-ромбические, с рельефно выделенной надкопытной частью. У архангельского кабана копыта проработаны менее четко, нежели у двух других, вместе с тем рифлением акцентированы боковые пальцы с рудиментарными копытцами.

Особенностью александровского кабана является достаточно отчетливое отображение полового органа самца с помощью рельефной полоски у стыка колена животного с линией живота, что, как и отсутствие зооморфной трансформации, вполне соответствует общему относительно натуралистичному характеру данного изображения, отмеченному еще И. Ф. Ковалевой и С. Е. Мухопадом (Ковалева, Мухопад, 1982. С. 98).

Таким образом, различия между описанными изображениями незначительны и связаны с передачей отдельных деталей. При этом александровское изображение и изображение на пластине из МИДУ обнаруживают несколько бóльшую степень сходства между собой, нежели с архангельским. По сути, кабан на александровских ножнах отличается от кабана на пластине из МИДУ лишь иной ориентировкой уха, формой уха, менее геометричным абрисом морды, лопатки и бедра, более четкой проработкой клыков, сплошным рифлением полоски щетины и отсутствием зооморфного превращения кончика хвоста.

Архангельское изображение, при всем сходстве с вышеописанными, как мы видим, отличается от них определенной схематичностью, дробностью, геометричностью в трактовке деталей, наличием нескольких зооморфных превращений.

Примечательно, что во всех трех случаях фигуры данного типа помещены на золотые пластины[1].

Морфологическая динамика. Александровское изображение — стилистически наиболее ранее из всех трех, ему еще присущ орнаментальный лаконизм и членение изображения крупными элементами, т. е. черты ранней стадии скифского звериного

[1] Интересно, что изделия из александровского и архангельского комплексов обнаружены в погребениях, совершенных в деревянном гробовище, или колоде, использование которой для остальных северопричерноморских скифских степных комплексов VII–V вв. до н. э. не характерно (Ковалева, Мухопад, 1982. С. 98).

стиля. Изображение на пластине из МИДУ по стилистике и качеству очень близко александровскому, хотя и не столь совершенно. Очевидно, оно создано в рамках той же школы и, возможно, является синхронным или несколько более поздним по отношению к александровскому. Архангельское изображение более схематично, геометрично и насыщено декоративными элементами, что заставляет помещать его в конец данного эволюционного ряда, на что уже указано И. Ф. Ковалевой и С. Е. Мухопадом в проведенной ими сравнительной характеристике александровского и архангельского кабанов — последнего они связали со стилем «скифского барокко» (Ковалева, Мухопад, 1982. С. 100).

Объективные **хронологические** показатели (не связанные с собственно скифским звериным стилем) не противоречат реконструируемой эволюции. Так, датировка погр. 1 кургана 6 у с. Александровка концом VI — началом V в. до н. э. основывается его исследователями и публикаторами, в частности, на типологии наконечников копий и стрел из данного комплекса, фибулы балканского типа и, особенно, на морфологии и декоре рукояти и ножен акинака, лопасть которого украшает александровский кабан (Ковалева, Мухопад, 1982. С. 99–100).

В свою очередь, погр. 1 кургана 5 у с. Архангельская слобода датируется А. М. Лесковым по совокупности материала, с учетом античной торевтики, концом V — началом IV в. до н. э. (Лесков, 1972. С. 57; 1974. С. 107). Эта датировка подтверждается наличием в данном комплексе золотых обивок колчана с изображением оленя типа I-1-I-3 Завадско-акмечетский второй четв. V — первой пол. III в. до н. э. Данное изображение оленя занимает с точки зрения иконографии указанного типа промежуточную позицию между утонченными и усложненными изображениями на золотых обивках чаш из 1-й Завадской могилы, комплекс которой датируется по хиосским амфорам «нового стиля» 450–425 гг. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 259, 296), и упрощенными схематизированными фигурами оленей на золотых бляшках из бокового погребения Солохи (Манцевич, 1987. С. 96), датируемого по чернолаковому килику 400–375 гг. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 261, 296).

Определенным хронологическим индикатором может служить также значительное стилистическое сходство головы кабана в изображении из МИДУ с головами кабанов в антитетической композиции на золотой обивке деревянного сосуда из кургана Бабы (см. ниже), — по общему контуру головы, по форме пятачка, по трактовке кожно-шерстной складки на шее. Это позволяет хронологически сближать изображение на пластине из МИДУ с бабинским, происходящим из погребального комплекса, датируемого по ионийской и лесбосской амфорам и по краснофигурному скифосу 470–450 гг. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 259, 296). Как видим, это согласуется с промежуточной позицией, которую занимает изображение на пластине из МИДУ по отношению к александровскому и архангельскому.

Таким образом, Александровско-архангельский тип датируется в рамках конца VI — начала IV в. до н. э.

Тин I-I-2 Улянский,
нервая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение с территории Прикубанья (1). Это двусторонняя фигура кабана, сформированная из двух помещенных на деревянную основу серебряных пластин с золотыми вставками для клыков, глаз и ушей — навершие из 1-го Уляпского кургана.

Лежащий кабан представлен в строго профильном ракурсе и как бы вытянут в струнку, что достигается за счет позиции головы (она направлена вперед) и копыт (они продолжают горизонтальную линию ноги). Уляпское изображение, будучи сходным с изображениями Александровско-архангельского типа, отличается от них более удлиненным контуром, грацильностью нижних частей ног, наличием геометричных рельефных ребер, обрамлением лопатки рельефной декоративной полоской, трактовкой кожно-шерстной складки при переходе головы в туловище в виде гладкой дуговидной полосы, обрамленной рельефной каймой (А. М. Лесков считает эту деталь клювом грифона: Шедевры, 1987. С. 52–53).

Основанием **хронологии** комплекса, в котором найден предмет, — первая пол. IV в. до н. э. — является античный импорт, в первую очередь амфорная керамика (см. Список опорных хроноиндикаторов). Вместе с тем драгоценность навершия с кабаном может обусловливать возможность его изготовления за некоторое время до попадания в комплекс.

Тин I-I-3 Нечерзийский,
IV в. до н. э.

К данному типу относится одно оригинальное изображение, происходящее с территории Прикубанья (1). Это кабан, терзаемый кошачьим хищником, на золотой накладке из погр. 3 кургана За у аула Нечерзий.

Данный тип представляет собой отображение лежащего кабана, сюжетно аналогичного кабану типа I-I-2 Уляпский, но представленного со всеми четырьмя ногами и существенно отличающегося от уляпского в оформлении анатомических деталей.

Помимо вышеупомянутых ракурсных особенностей, начерзийское изображение отличает от кабанов Александровско-архангельского и Уляпского типов менее дробная моделировка (тело кабана

как бы сглажено, без акцентирования лопатки, бедра и других деталей), пропорциональность и даже некоторая преуменьшенность головы, упрощенность и схематичность трактовки анатомических деталей (клыков, шейной складки, хвоста, копыт).

Хронология комплекса, из которого происходит Нечерзийское изображение, его публикаторами в пределах IV в. до н. э. (Шедевры, 1987. Кат. № 80. Табл. 54) подкрепляется и сюжетным сходством нечерзийского кабана с надежно датируемым кабаном типа I-I-2 Уляпский.

Группа II – отдел I

Тин II-I-1 Гуляйгородский, сер. VI в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение с территории Среднего Поднепровья (1). Это фигура на бронзовой бляхе из кургана № 38 у с. Гуляй-город.

Представлено изображение кабана в состоянии внезапной остановки. Гуляйгородская бляха дошла до нас в плохом состоянии, тем не менее, на фото А. А. Бобринского, где она представлена всё же в лучшей сохранности, нежели в ее нынешнем состоянии (экспозиция НМИУ), различимы крупная характерная голова, пятачок над приоткрытым ртом, окончания клыков над поверхностью морды, а также типичный короткий закрученный хвостик.

В. А. Ильинская **датирует** данный комплекс сер. VI в. до н. э., ориентируясь в первую очередь на дату зеркала «ольвийского типа», отнесенного Б. Н. Граковым ко второй трети VI в. до н. э. (Ильинская, 1975. С. 58. Табл. II, 28; Граков, 1947. С. 23). Т. М. Кузнецова, в классификации которой это зеркало относится ко II классу II отделу 01 группе 03 типу 01 виду 02 варианту, датирует зеркало второй пол. VI в. до н. э. (Кузнецова, 2002. С. 195, 286).

Тин II-I-2 Александронольский, 340–300 гг. до н. э.

К данному типу относится одно изображение с территории Нижнего Поднепровья. Это золотая обкладка ручки деревянного сосуда из Александропольского кургана.

Тип представляет собой изображение кабана, стоящего в статичной позе с вертикальными ногами, наискось опущенной головой и закинутым на спину хвостом. Данному изображению присущ, с одной стороны, натурализм в оформлении поверхности туловища (гладкая, художник стремился передать мускулы), с другой стороны, диспропорция в отображении деталей (голова и пятачок преувеличены, ноги укорочены). Верхний и нижний клыки кабана четко и рельефно оформлены. Глаз небольшой овальный выпуклый, помещен в овальную впадину глазницы с отходящим каналом слезника.

Ухо кабана слито в один конгломерат с холкой. Именно диспропорция, определенный геометризм и схематизм позволяют относить данное изображение к скифскому звериному стилю, при наличии у него несомненных параллелей во фракийском и кельтском искусстве — ср. сюжетно и территориально близкое изображение: золотую скульптурку вепря из Хоминой могилы IV в. до н. э. (Мозолевский, 1973. С. 222. Рис. 32. С. 224). Но если александропольский кабан представляется безусловно продуктом местного производства, украшающим достаточно традиционный для степной Скифии ритуальный деревянный сосуд, то золотая литая фигурка стоящего кабана из Хоминой могилы (Мозолевский, 1973. Рис. 32, фото на цветной вкладке) — очевидно, произведение фракийское, греко-фракийское или фрако-кельтское по стилю, признаков скифского звериного стиля здесь нет, кроме некоторой намеренной непропорциональности (что свойственно и фрако-кельтскому зооморфному искусству). Ближайшей аналогией ему является статуэтка кабана из Мезека (Венедиков, Герасимов, 1973. Табл. 60. С. 363), что сказывается как в композиции, так и в трактовке большинства деталей (в особенности в передаче шерсти насечками по всему телу). Ср. позицию Б. Н. Мозолевского, особо отмечающего реалистичность изображения из Хоминой могилы (Мозолевский, 1973. С. 224).

Не следует исключать того, что изделия, подобные фигуре из Хоминой могилы, неоднократно копировались местными скифскими мастерами, что могло приводить к появлению таких изображений, как александропольское.

Хронология тина определяется активно дискутируемой датировкой Александропольского кургана, находящейся в пределах 340–300 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тин II-I-3 Знаменско-елизаветовский, сер. V — нервая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения с территории Нижнего Поднепровья (1) и Нижнего Подонья (2). Это кабан на золотой накладке ритона из кургана 13 с. Великая Знаменка (1) и кабан, преследуемый львом на золотой обкладке ножен меча из Ушаковского кургана Елизаветовского могильника (2).

Модель тина. Представлен идущий (бегущий) кабан, с задними ногами в шаге (левая отставлена назад), с правой передней ногой в вертикальном положении, с левой передней ногой поднятой наискось, с вертикально опущенной (1) или полуопущенной (2) головой. Это природная позиция быстро идущего или бегущего кабана — ср. природный прототип (А) (по: http://hunter-info.ru) и композиционную аналогию на вышеупомянутом зеркале из Бобрицы (Ковпаненко, 1981. Рис. 10: 1). Головы

обоих кабанов очень сходны с головой вышеописанного кабана из Архангельской слободы и обособленных кабаньих голов на обкладке сосуда из кургана Бабы — см. ниже. Именно головы кабанов Знаменско-елизаветовского типа имеют аналогичный архангельскому изображению вертикальный лоб, переходящий под тупым углом в длинную морду, завершающуюся крупным тупым пятачком. Характерен бугор по верхнему краю морды над клыком зверя, являющийся преувеличенным отражением природного утолщения. Глаз оконтурен треугольной углубленной линией, обрамляющей выпуклость зрачка подобной формы; данная линия отходит завитком к уху, отделяя верхнюю часть головы. Пасть показана приоткрытой в том месте, где в природе клык приподнимает верхнюю губу; это достигается с помощью обрамления клыка, сформированного мощным рельефным завитком, треугольным рельефным контуром, от которого к пятачку и к верхнему углу лопатки отходят рельефные полоски. Уши кабанов показаны также сходно с ухом кабана из Архангельской слободы: они крупные складчатые, ушная раковина передана с помощью рельефных завитков; в основании уха ушаковского кабана помещена головка птицы, близкая клювовидному завитку архангельского кабана.

От головы почти до хвоста идет рифленая полоска, обозначающая щетину. Полуовально-подтреугольная лопатка обособлена с помощью рельефного контура и содержит в выемке подобную ей по форме «малую» лопатку — плечевой сустав, образованный каплевидной выпуклостью в подтреугольном рельефном обрамлении. Внешняя сторона лопатки усилена короткими концентрическими дуговидными валиками, противонаправленными изгибу контура лопатки (ср. фигуры львов на том же мече из Ушаковского кургана, относящиеся к вышеописанному типу II-А-I-6 Солохско-ушаковский, № 1, 2). Мускулы ног акцентированы вдоль заднего края с помощью углубленной линии. Мощный короткий хвост кабана торчит вверх, как в позиции нападения[1]. Хвост имеет зооморфное окончание: у знаменского кабана — в виде восьмерковидной замкнутой петли, очевидно, представляющей собой голову хищной птицы с закрученным клювом, упирающимся в круп кабана; у ушаковского кабана — в виде восьмерковидной незамкнутой петли (как и у вышеописанных кабанов на пластине из МИДУ, из Архангельской слободы и из «Майкопского клада»), возможно, имитирующей голову нехищной птицы с полураскрытым клювом.

Хронология обоих комплексов основана на античных импортах (см. Список опорных хроноиндикаторов). Для знаменского комплекса наиболее вероятная дата — сер. V в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012. С. 513), для ушаковского комплекса — первая пол. IV в. до н. э. (Брашинский, 1980а. С. 205).

Таким образом, совокупная датировка изучаемого типа: сер. V — первая пол. IV в. до н. э.

Группа III – отдел I

Тин III-I-1 Александропольский, 340–300 гг. до н. э.

К данному типу относятся 2 зеркальных изображения с территории Нижнего Поднепровья. Это терзаемые грифонами кабаны (которые могут учитываться как одно оригинальное изображение) на золотой ленте — нашивке на нагрудный конский ремень (Алексеев, 2012. С. 252) из Александропольского кургана (1).

Модель тина. Изображен кабан, опустившийся на передние ноги (внешняя к зрителю нога подломлена), с задними ногами в высоком шаге. В соответствии с позицией ног туловище прогнуто и идет наискось вниз, голова продолжает это направление и опирается на копыто вытянутой вперед ноги. В трактовке основных деталей черты вырождающегося звериного стиля могут усматриваться в преувеличенности головы, геометричности глаза, суженности туловища, в акцентировании лопаточно-плечевой части. Голова трапециевидная, с преувеличенным пятачком, оскаленной пастью с торчащими клыками. Глаз овальный, выпуклый в обрамлении рельефной глазницы. Ухо овальное, отходит практически от глаза. Лопатка и плечевой сустав переданы рельефным полуовалом с аналогичной фигурой внутри. Лопатка имеет гладкую поверхность на фоне мелкой косой штриховки, передающей щетину на туловище. Туловище поджарое, преувеличенные ребра переданы рельефными полосами. Бедро выпуклое, неестественно узкое. Ноги кабанов как бы изломанные, похожи на лапы хищника, их мускулы подчеркнуты уступами вдоль краев. У кабана, ориентированного вправо, ноги более согнуты в коленной и заплюсневой части, у ориентированного влево ноги прямее, короткие. Копыта расширенные, но не акцентированные.

Хронология тина определяется активно дискутируемой датировкой Александропольского кургана, находящейся в пределах 340–300 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

§ 3. Редуцированные изображения кабанов

Отображение кабана в редуцированном виде в скифском зверином стиле представляет собой мотив обособленной головы и мотив обособленных задних ног. Выявление каких-либо сюжетных групп

[1] Ср. изображение атакующего кабана на Башадарском саркофаге (Руденко, 1960. Рис. 21).

и отделов в применении к этому мотиву невозможно, так что классифицирование непосредственно выходит на уровень изобразительного типа.

3.1. Голова

Тин 1 Бабинско-семибратненский, вторая четв. — вторая нол. V в. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения, которые происходят с территории Нижнего Приднепровья, Крыма и Прикубанья. Это головы кабанов в антитетической композиции на золотой обивке деревянного сосуда из кургана Бабы (1), а также головы, оформляющие бронзовые уздечные бляхи из Нимфейского некрополя (2-1, 2-2)[1], из 4-го Семибратнего кургана (4) и с Таманского полуострова (случайная находка) (3).

Модель тина. Тип объединяет относительно натуралистичные рельефные отображения головы кабана с закрытой пастью, с четко проработанными анатомическими деталями, в том числе с рельефно обозначенными краями рта, с четко дифференцированными клыками — верхним и нижним (причем последний делит морду на две части), с натуралистично обрисованной подтреугольной глазницей (с выступающими уголками слезников), в которую заключен округлый выпуклый глаз, с ухом природной формы, вписанным в контур общей проекции головы, с мощной рифленой щетиной, отходящей от лобного выступа, обрамляющей ухо и переходящей в шерстную складку на шее.

В бабинском изображении верхний край уха ограничен абрисом головы за счет наложения уха на теменную часть, причем непрерывность рифленой щетины при переходе на затылок достигается вписыванием в нее рифления ушной раковины. В остальных изображениях этого типа ухо скульптурно выделено и отходит в сторону, сообразно натуре. Уши в двух случаях имеют рифленую раковину (Бабы, Семь братьев), в двух — гладкую (Тамань, Нимфей). Для заполнения пустого пространства между основаниями голов бабинских кабанов используется пальметка, лепестки которой вписаны в рифление шерстной складки. В бабинском и таманском изображениях продольными рельефными линиями переданы складки морды, тогда как морда в семибратненском и нимфейском (2-1; у нимфейского кабана 2-2 морда обломана) изображениях гладкая.

Основу **хронологии тина** составляют объективно датируемые изображения (см. Список опорных хрониндикаторов): из кургана Бабы (470–450 гг. до н. э.), из Нимфейского могильника (475–425 гг. до н. э.) и из 4-го Семибратнего кургана (вторая пол. V в. до н. э. или, более узко, 440–430 гг. до н. э.). В этих же рамках, очевидно, должно датироваться таманское изображение, очень близкое бабинскому и семибратнему.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: вторая четв. — вторая пол. V в. до н. э.

Тин 2 Нимфейско-дненрянский, нервая нол. V — IV в. до н. э.

К данному типу относятся 18 изображений, которые происходят с территории Среднего и Нижнего Поднепровья, Среднего и Нижнего Подонья, Крыма, Прикубанья и Центрального Предкавказья. Это головы, оформляющие бронзовые уздечные бляхи с Нимфейского городища (1), из Тузлинского могильника (2), из кургана у с. Днепряны (3), из курганов Роменского уезда (4), из Елизаветовского могильника (5), из кургана 7 раскопок 1911–1915 гг. группы «Частые курганы» (8), из погр. 13 кургана 2 у с. Владимировка в Крыму (9), из кургана 1 на землях землевладельца С. А. Крыма (12), из «Крымской коллекции» (13–16), из района с. Марково–Шахтино в Присивашье (17), из Александропольского кургана (18) и из кургана 24 Нартанского могильника (11)[2]. Кроме того, к данному типу относятся изображения головы кабана на роговом псалии из кургана 4 могильника Терновое I (10) и на кабаньих клыках-подвесках с городища Глубокая Пристань Ольвийской хоры (6) и из разрушенного погребения (?) около Керчи (7).

Модель тина. Данный тип представляет собой относительно схематичное трапециевидное отображение головы кабана, с приоткрытой пастью, обозначенной двумя прорезями, разделенными полоской — недифференцированными слитыми воедино нижним и верхним клыками или же просто нижним клыком, при отсутствии верхнего; с условно-геометрично переданным глазом (овальным или ромбическим), без слезников либо со слабо намеченными слезниками; с геометризированным (овальным или овально-треугольным) ухом,

---

[1] Нимфейская бляха из кургана 1/1878 г. (2-2) учитывается не как самостоятельное изображение, а как вариация нимфейской бляхи из кургана 24/1876 г. (2-1) — в силу значительной фрагментированности, не позволяющей быть уверенным в характере трактовки морды кабана, хотя наличие щетины и форма уха позволяют в принципе идентифицировать данное изображение как кабанье.

[2] Вероятно, критериям данного типа соответствует еще одно изображение из Центрального Предкавказья — на бронзовой бутероли, найденной в окрестностях Каррасского могильника (коллекция Свинадзе), которое В. Б. Виноградов связывает с изображениями скифо-савроматского круга (Виноградов, 1972. С. 176. Рис. 32: 7). Однако недостаточное качество публикации и отсутствие нашего знакомства с этим предметом de visu не позволяют в данный момент включать это изображение в изучаемый тип.

полностью или частично выступающим за пределы общего контура головы (в тузлинском (2) и елизаветовском (5) изображениях ухо едва намечено невысоким выступом)[1].

Морфологическая динамика. Анализируя индивидуальные характеристики изображений, находящиеся за пределами вышеприведенных типообразующих признаков, следует отметить, что иконографическое ядро типа составляет наиболее близкое к натуре днепрянское изображение (3) — как по очертаниям головы, так и по наличию выпуклости в месте прохождения клыка, как бы приподнимающего верхнюю губу и подпирающего саму морду животного. Днепрянскому изображению весьма близки (по контуру головок, по моделировке пасти, по форме глаза и уха) изображения на бляхах из Роменского уезда и из Частых курганов (4, 8). Роменское изображение является образцом «подчеркнутой ажурности» (Шкурко, 1976. С. 97). Изображениям типа днепрянского и роменского, возможно, старался не совсем удачно подражать создатель сходного по контуру нимфейского изображения (1). Здесь роль верхнего клыка, разделяющего пасть надвое, играют зубы, тогда как нижний клык сильно вынесен вперед, и окончание пасти не проработано отверстием, а лишь намечено обрамляющими рельефными полосками. Остальные изображения на бляхах (9, 12–17), в особенности елизаветовская головка (5), представляются репликами с изображений типа днепрянского, роменских и из Частых курганов. Не является исключением и нартанская бляха (11), голова кабана на которой укорочена в сравнении с образцами данного типа, а клык практически слит с пятачком, в результате чего пасть образована не двумя, а одной прорезью (другой вариант объяснения этой аномалии — производственный брак, недолив металла).

Что касается изображений головы кабана на бронзовом (2) и роговом (10) псалиях и на кабаньих клыках (6, 7), их трактовка, будучи генетически связанной с савроматской традицией оформления кабаньих клыков, в иконографическом отношении представляется результатом влияния изображений не столько савроматского, сколько скифского круга — типа днепрянского и нимфейского, которым они подражают, при учете контура и фактуры оформляемого изделия, что приводит к упрощению образа, к сужению и удлинению морды, а порой и к атрофии ряда деталей (ухо у тузлинского кабана (2).

Хронология. Основными хроноиндикаторами для Нимфейско-днепрянского типа выступают кабаньи клыки, а также нимфейская и днепрянская бляхи. Бляху с Нимфейского городища В. М. Скуднова датировала «по стилю» первой пол. V в. до н. э. (Скуднова, 1954. С. 316). В. Ю. Мурзин и Е. В. Черненко датировали комплекс из Днепрян не позднее второй пол. V в. до н. э. по предметам звериного стиля, т. е., не исключено, по аналогии с датировками В. М. Скудновой (Мурзин, Черненко, 1979. С. 61–63; Мурзин, 1984. С. 34). Что касается головок, оформляющих кабаньи клыки, большинство орнаментированных изделий этой категории, как уже отмечалось выше, датируются концом VI — первой пол. V в. до н. э. (Королькова, 2006. С. 121; ср. Яковенко, 1969. С. 207); геометричность наших изображений не позволяет считать их ранними в рамках данной категории, т. е. выводить в VI в. до н. э. Подражающее кабаньим клыкам изображение на псалии из Тернового не может датироваться ранее них. Остальные изображения (владимировское, роменское, нартановское, из Частых курганов, из Тузлинских курганов и елизаветовское), учитывая их явную подражательность, могут быть отнесены ко второй пол. V — началу IV в. до н. э., причем наиболее поздними в этом ряду представляются весьма схематичные елизаветовское, тузлинское и александропольское; последнее соответствует хронологической позиции александропольского комплекса, датируемого по объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) в максимальных пределах 340–300 гг. до н. э.

Таким образом, совокупные рамки типа: первая пол. V — IV в. до н. э.

Тин 3 Белозерский,
носледняя треть IV в. до н. э.

К этому типу относится одно изображение с территории Нижнего Поднепровья. Это боковая лопасть золотой обкладки ножен меча из кургана у с. Великая Белозерка (1).

Представлено относительно натуралистичное отображение головы кабана с приоткрытой пастью, приподнятой нижним клыком, с элементами греческой иконографии и скифо-греческого симбиоза. К элементам греческой стилистики, помимо общей натуралистичности, плавной поверхности тела, относится использование типично греческих орнаментальных элементов для передачи анатомических деталей: пальметка оформляет

---

[1] Предпринятое нами различение типов изображений, обозначенных в нашей работе как Бабинско-семибратненский и Нимфейско-днепрянский, с опорой на такие признаки, как трактовка морды и щетины, уже было ранее намечено в работах В. М. Скудновой (Скуднова, 1954. С. 316) и А. И. Шкурко (Шкурко, 1975. С. 85), выявивших две стилистические группы кабаньих голов. При этом А. И. Шкурко показал хронологическую параллельность этих групп, а не их последовательность, как полагала В. М. Скуднова (Шкурко, 1975. С. 85).

ухо, крупная волюта обозначает завиток шерсти в основании головы, малые волюты завершают пряди шерстной складки. Напротив, скифская стилистика проявляется в зооморфном превращении уха в птичью голову, клюв которой одновременно составляет волюту в основании вышеупомянутой пальметки.

Это изображение обращает на себя внимание с точки зрения множества параллелей с гораздо более ранней композицией из кургана Бабы. Это проявляется прежде всего в преемственности в передаче контуров головы: в обоих случаях она удлиненная, с покатым лбом, плавно переходящим в нос с выпуклостью верхней части морды над местом, где клык приподнимает губу (изгиб морды повторяет изгиб губы). Клык показан столь же реалистично, близким к естественным пропорциям, не доходит до верха морды. Над верхней губой, «приподнимаемой» клыком, показаны складки волнистыми линиями-насечками, так же показаны и морщины у пятачка (эта особенность была намечена в композиции из кургана Бабы, хотя и более примитивно-параллельными насечками). Очень схожи миндалевидные глаза бабинского (особенно левой головки) и белозерского кабанов; зеница, лишь намеченная в бабинских головках, четко проработана в белозерском изображении, причем у век здесь выделены складки. На затылке и загривке показана щетина, на белозерской головке орнаментальными завитками, а не прямыми параллельными полосками, как на бабинской. Намеченный на правой головке в бабинской композиции пятачок изящно проработан на белозерском изображении.

Между тем и бабинскому изображению не чужды чисто орнаментальные детали (пальметка в основании голов). Но в белозерском изображении орнаментальности больше: здесь также, помимо упомянутых завитков, имеется пальметка, но уже как воплощение стилизованного уха (заметим, что естественная форма уха на головках типа бабинских могла быть основанием для такой стилизации). В основании этой пальметки помещена птичья головка, по мнению В. В. Отрощенко, автора публикации меча, — утиная (Отрощенко, 1984. С. 124). В приоткрытой пасти белозерского кабана показаны завитками зубы, аналогично трактованы и ноздри. Сама пасть приоткрыта значительно шире, чем у бабинских кабанов, так как выше приподнята подпираемая клыком верхняя губа. Наконец, еще одним отличием белозерского изображения можно считать несколько иной, неестественный контур головы в задней части у загривка, определяемый, очевидно, формой лопасти, что смягчено декоративным завитком, заполняющим пустое пространство. В целом, хотя белозерской головке присущи гораздо большие стилизация и орнаментализация, нельзя не заметить, что направление развития основных художественных признаков, отразившееся в этом образце, по всей видимости, во многом было определено еще в изображениях, подобных бабинскому.

Таким образом, белозерское изображение не могло быть создано раньше бабинского. В. В. Отрощенко, исходя из типологии и декора меча из Великой Белозерки, датирует его последней третью IV в. до н. э. (Отрощенко, 1984. С. 121–126).

Тин 4 Тузлинский,
вторая нол. V — начало IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение с территории Прикубанья (1). Это бронзовые уздечные бляхи (2 экз.) из Тузлинского некрополя, комплекс неизвестен.

Тип составлен элементом зооморфного превращения обособленных конечностей кошачьего хищника. Основное изображение, являющееся объектом зооморфной трансформации, представляет сдвоенные задние конечности в профиль при воспроизведении обеих голеней и двупалых лап с загнутыми когтями. В этом качестве оно входит в вышеописанный тип обособленных конечностей хищника «Красноперекопск — Тузла» второй пол. V — начала IV в. до н. э.

На тузлинских бляхах глаз кабана обозначен тремя дуговидными линиями на переднем выступе бедра хищника (одновременно это и глаз хищной птицы, мощный загнутый клюв которой помещен на плоскости бедра), длинная гладкая рельефная полоска — это одновременно и хвост, проходящий между ногами кошачьего хищника, и линия рта кабана, волнистые насечки над ногой (непонятные и излишние в контексте изображения конечности) — моделировка складки пасти или зубов кабана, рельефные дуговидные полосы, загнутые вперед, — обозначение нижнего загнутого кабаньего клыка (большая полоска) и верхнего (меньшая полоска); выступающие пальцы той ноги хищника, которая выставлена вперед, возможно, играют роль кабаньего рыла с пятачком.

Остальные изображения обособленных конечностей хищника типа «Красноперекопск — Тузла» не включаются нами в рассматриваемый Тузлинский тип голов кабана, поскольку на них, при всем их сходстве, почти тождестве с тузлинским изображением, нет никаких признаков кабаньих клыков. Вместе с тем определенные нами выше хронологические пределы типа «Красноперекопск — Тузла» позволяют аналогично датировать Тузлинский тип.

Хронология. Основным хроноиндикатором для данного типа может служить нащечник из Красноперекопска, датированный А. А. Щепинским

и Е. В. Черепановой в рамках второй пол. V — IV в. до н. э. на основании морфологии псалиев из данного комплекса (Щепинский, Черепанова, 1969. С. 70–71). Вероятно, можно скорректировать дату данного комплекса в сторону удревнения, учитывая находку в том же погребальном комплексе нащечника типа «Ак-Бурун — Острая могила» (см. ниже), поскольку этот нащечник, в свою очередь, почти тождественен бляхе из погр. 1 кургана 11 группы V у с. Подгородное, а подгородненский комплекс датирован по античному импорту концом первой — второй четв. V в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 296. Табл. 26: 15).

Этой дате не противоречит контекст находки в локально близком краснoперекопскому первомаевском комплексе нащечников, почти тождественных краснoперекопскому и составляющих единый уздечный комплект с S-видными псалиями с натуралистично трактованными копытами на концах и с относительно натуралистичным налобником с птичьей головой, что отражает тенденции V, а не IV в. до н. э. в скифском зверином стиле. Вместе с тем датировка самого первомаевского комплекса концом VI в. до н. э., предложенная его публикаторами Г. Л. Евдокимовым и М. И. Фридманом, представляется неоправданно заниженной. Это подтверждается наличием в первомаевском комплексе удлиненных граненых ворворок, не известных ранее V в. до н. э. (Ильинская, 1968. С. 135; Петренко, 1967. С. 41), и, особенно, прямых стержневидных двудырчатых псалиев с восьмерковидным расширением, появившихся в V в. до н. э. и более популярных в IV в. до н. э. (Петренко, 1967. С. 37; Савченко, 2009. С. 241–242). Аналогичные псалии присутствуют и в краснoперекопском комплексе.

Тин 5 Мастюгинско-колбинский, конец V — нервая треть III в. до н. э.

Данный тип включает 10 оригинальных изображений и связан в основном со среднедонским локальным вариантом скифского звериного стиля (1–8), но также присутствует и в Нижнем Поднепровье (9, 10), куда его иконография, видимо, проникла под влиянием среднедонских импульсов (Гуляев, 2017. С. 81–82). Это парные (1, 2) или одиночные головы (3–6, 9, 10), оформляющие золотые нашивные бляшки из курганов 1 и 4 у дер. Дуровка (1, 2), из погр. 1 кургана 18 группы Колбино I (3) и из кургана 1 той же группы (4), из кургана 1 раскопок 1908 г. у с. Мастюгино (5), из сборов А. А. Спицына 1905 г. у с. Мастюгино (6), из Александропольского кургана (9) и из Деева кургана (10). Кроме того, это головы на концах железной пряжки с золотой обкладкой из кургана 11 раскопок 1911–1915 гг. группы «Частые курганы» (7). Это также бронзовый крючок-застежка из кургана 2 раскопок 1906 г. у с. Мастюгино (8)[1].

Модель тина. Данный тип объединяет объемные отображения схематичной веретенообразной головы кабана со слитыми воедино верхним и нижним клыками, с моделировкой всей поверхности морды (1–7, 9, 10) или ее окончания (8) с помощью частых рельефных полос.

Голова кабанов усеченно-коническая, у большинства она сужается к концу, лишь в мастюгинском изображении на крючке — напротив, расширяется (8). Глаза оформлены овальными выступами. Уши моделированы сегментовидными выпуклостями, разложены по сторонам головы, исключая мастюгинское изображение на крючке (8), где они торчат вертикально и имеют полуовальную форму; ушная раковина дана углублением. За головой показана шея, усеченно-коническая или цилиндрическая, на поверхности шеи показана щетина, чаще — рельефными складками, в мастюгинском изображении на крючке — узким рядом вертикальных выступов (8).

Данный тип, безусловно, периферийный по отношению к основной линии реализации образа кабана в восточноевропейском скифском зверином стиле, о чем говорит крайний схематизм изображений, вплоть до утраты видовой определенности, дробная разделка поверхности головы (исключая мастюгинский крючок, в котором тема кабана разрабатывается более близко к натуре, причем рельефными выступами показаны мелкие зубы в приоткрытой пасти зверя, однако и здесь рельефные клыки, хотя и более четко видны на фоне гладкой морды, всё же представляют собой короткие декоративные отростки, а пятачок подчеркнут тремя линями рельефных полос, охватывающих морду, что также имеет декоративный характер).

Хронология тина определяется в первую очередь объективной датировкой (см. Список опорных хроноиндикаторов) изображений из кургана 1/1 группы Колбино (первая пол. IV в. до н. э.), кургана 11 раскопок 1911–1915 гг. группы «Частые курганы» (начало IV в. до н. э.), из Александропольского кургана (в пределах 340–300 гг. до н. э.), из кургана 1 Дуровки (вторая пол. IV — первая пол. III в. до н. э.) и из кургана 4 Дуровки (первая треть III в. до н. э.). Остальные изображения, демонстрирующие, за исключением мастюгинского, большое сходство с вышеупомянутыми, должны датироваться в рамках, задаваемых этими комплексами. Что же касется более специфичного мастюгинского изображения (8), противоположная сторона крюка, которое оно оформляет, выполнена в виде головы птицы типа 5 Мастюгинский, третьей четв. V —

[1] См. об этой группе изображений: Гуляев, 2010. С. 225–226, 242. Рис. 31.

начала III в. до н. э., причем в рамках этого типа мастюгинское изображение представляется далеко не ранним с точки зрения морфологической динамики (см. ниже), т. е. скорее всего не выходит глубоко в V в. до н. э.

Таким образом, наиболее вероятные хронологические рамки данного типа: конец V — первая треть III в. до н. э.

Тин 6 Талаевский,
конец VI — нервая нол. V в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Крыма (1). Это изображение, оформляющее уздечную подвеску из кургана 3 в имении Талаевой. Подвеска сделана из клыка кабана, другой конец которого оформлен в виде головы хищника вышеописанного типа 5 Роменско-сладковский.

Это рельефное, резное, одностороннее изображение головы животного. Голова узкая, удлиненная, сегментовидная, с покатым лбом, с плавно изогнутой (без явного перелома) мордой, с овально-остроконечным ухом (с углублением раковины), с узким овальным глазом (оконтурен углубленной линией с отходящим вперед плоским слезником) и длинной полуоткрытой (ощеренной, оформленной углублением) пастью, рельефно обрамленным ртом. Ухо овально-остроконечное, с углублением раковины, прилегает к шее. Очевидно, что изгиб клыка был умело использован для передачи изогнутой морды.

Видовая интерпретация этого образа дискуссионна. В свое время Э. В. Яковенко, в противовес мнению Т. Н. Троицкой о кабаньей принадлежности данного изображения, заключила, что здесь представлена безрогая голова лося (Яковенко, 1976. Рис. 8: 1), тогда как Е. Ф. Королькова видит в данном изображении именно голову кабана, что соответствует традиции использования этого мотива для оформления узкого окончания кабаньих клыков, широкий конец которых выполнялся в виде головы хищника (Королькова, 2006. С. 113. Кат. 54. Табл. 64.3)[1]. Несмотря на отсутствие клыка, форма морды и, особенно, уха, говорит скорее в пользу мнения Е. Ф. Корольковой.

Аналогии и хронология. Талаевский клык, как указала Э. В. Яковенко, входит в группу северопричерноморских кабаньих клыков и бронзовых имитаций (Яковенко, 1969. С. 201, 205 сл. Рис. 1). Явно вторичный по отношению к серии зооморфных кабаньих клыков «савроматского» варианта скифо-сибирского звериного стиля, талаевский клык должно датироваться близким им временем. Большинство же изделий такого рода, а также их моделей, в соответствии с выводами Е. Ф. Корольковой, составившей наиболее полную их сводку, «ложится в сравнительно небольшой временной интервал, определяемый примерно концом VI — первой пол. V в. до н. э.» (Королькова, 2006. С. 121).

Таким образом, хронологические рамки талаевского изображения: конец VI — первая пол. V в. до н. э.

3.2. Обособленные конечности

Тин 1 «Майконского клада»,
вторая четв. V — начало IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, предположительно происходящее с территории Прикубанья. Это конечность на золотых обивках деревянных чаш из «Майкопского клада».

Тип представляет собой изображение обособленной задней конечности копытного животного, которая однозначно атрибутируется как кабанья по закинутому на бедро хвосту с раздвоенным концом, характерным именно для полнофигурных изображений кабанов в Прикубанье, Нижнем Поднепровье и Нижнем Подонье (ср. описанные выше Александровско-архангельский, Уляпский и Елизаветовский типы).

Аналогии и хронология. Ближайшую аналогию данному изображению составляют изображения конечностей копытных на аналогичных обивках, составляющих основу типа 7 Бабинско-турьинский V в. до н. э. (в том числе происходящих из того же Майкопского клада). Наше изображение представляется дериватом или вариацией изображений такого рода, в особенности бабинского, объективно датируемого 470–450 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов), с конкретизацией видовой принадлежности, и в то же время оно является редукцией полнофигурных изображений типа I-I-1 Александровско-архангельский, конца VI — начала IV в. до н. э. Соответственно изображение из «Майкопского клада» следует датировать в рамках второй четв. V — начала IV в. до н. э.

III.8. ОБРАЗ «ОЛЕНЕЛОСЯ»

К данному пограничному образу отнесены изображения обособленной головы животного с лосиными рогами (стандартная «корона» рогов с превращениями отростков в птичьи головы), но с узкой оленьей мордой. В рамках данного образа выявляются три морфологически близких типа.

[1] К сожалению, в основном тексте своей монографии Е. Ф. Королькова при описании талаевской уздечной подвески ошибочно ссылается на Табл. 64: 1 (Королькова, 2006. С. 113, 127), но в подписях к таблицам (С. 250) исследовательница дает верную ссылку.

Тин 1 Акташско-нартанский,
вторая четв. V — IV в. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения, оформляющих бронзовые уздечные бляхи, происходящие с территории Крыма (1, 2, 4) и Центрального Предкавказья (3).

Модель тина. Представлен «оленелось» с двумя короткими симметричными ветвями рогов, формирующими лосиную «корону», с относительно узкой короткой мордой оленьего типа (1, 3, 4). Изображение с неоформленной носовой частью (недолив металла?) на бронзовой уздечной бляхе из с. Колоски (2) отнесено к данному типу с учетом его значительного морфологического сходства с территориально близким изображением из Акташского могильника (1).

Изображения односторонние, моделированы в высоком рельефе и, в двух случаях (1, 2), с использованием сквозных отверстий. Центром симметрии композиции рогов является их корень, находящийся над глазом, акцентированный пальметкой, в одном случае превратившейся в бесформенный конгломерат (4). Глаз овальный, оформленный выпуклостью зеницы, в углублении глазницы, в большинстве случаев с обособленным слезником впереди, связанным с зеницей каналом (1–3). Ухо ориентировано наискось или горизонтально назад, оно подтреугольное, с рельефно выделенным краем. В акташском и нартанском (1, 3) изображениях ноздря и пасть обозначены по краю единой рельефной петлеобразной полосой (в нартанском под ней помещена малопонятная фигура, похожая на лапу, в виде ломаной под тупым углом рельефной линии с пальметовидным окончанием), в колосковском (2) эта часть морды отсутствует.

Рельефная полоса в основании головы обозначает «подвес» — кожно-шерстную складку. В большинстве случаев эта складка гладкая (1, 2, 4), в нартанском изображении (3) она трансформирована в голову длинноклювой хищной птицы, вписанную в туловище некоего слабо различимого зверя (собаки или волка?) в прыжке, с направленными вперед и назад соответственно передней и задней ногой, с гладким туловищем, длинной мордой, овальным глазом и подтреугольным горизонтальным ухом. Это животное, в отличие от птичьей головы, не несет в себе никаких признаков скифского звериного стиля, а скорее выполнено в кобанском духе.

Рога состоят из двух симметричных, горизонтально направленных выгнутых ветвей (с пальметкой-корнем в центре симметрии), чьим завершением являются волютообразные завитки (схема «пальметка в обрамлении волют»), превращенные в птичьи головки, обращенные клювами вертикально (1, 2) или горизонтально (3). При этом задний рог опирается на ухо, а передний — на верхнюю точку морды. В одном случае (4) ветви рога упрощены до небольших мощных отростков и вместе с корнем формируют схематичную «корону» на темени животного.

Аналогии, морфологическая динамика и хронология. Данный тип является очевидным дериватом изображений головы лося, относящихся к 1-му варианту типа 2 Нимфейско-журовский, V — сер. IV в. до н. э., и отличается, по сути, только формой морды, соответствующей оленю. При этом акташское и колосковское изображения (1, 2) весьма сходны с такими надежно датируемыми изображениями Нимфейско-журовского типа, как нимфейские (475–435 гг. до н. э.), и не могут датироваться более ранним временем (тем более это относится к схематичной головке из «Крымской коллекции»).

Головка из Нартана-2 является очевидным провинциальным подражанием тому же Нимфейско-журовскому типу, но в данном случае происходит дополнение основного образа зооморфными мотивами, соответствующими в том числе кобанской стилистике; ср. также голову лежащего оленя типа I-1-I-7 Уляпский, первой пол. (ближе к сер.) IV в. до н. э., — такие изображения могли служить «передаточным звеном» к нартанскому изображению от Нимфейско-журовского типа лосей или от акташского и колосковского изображений «оленелосей».

Хронология нартанского изображения не противоречит такому выводу: соответствующий ему комплекс кургана 1 могильника Нартан-2 был первоначально датирован его публикаторами V–IV вв. до н. э. (Керефов, Кармов, 2009. С. 16), затем его рамки были уточнены (на основании морфологии уздечных принадлежностей) — не ранее конца V в. до н. э. (Бурков, Маслов, 2007. С. 298). На наш взгляд, соответствующий курган 1 могильника Нартан-2, с учетом головы оленя на щитке псалия из этого комплекса (относится к типу 6 Елизаветинско-тенгинский, а дата этого типа установлена в пределах второй пол. IV — начала III в. до н. э. (см. выше)), должен датироваться концом V — IV в. до н. э.

Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа: вторая четв. V — IV в. до н. э.

Тин 2 Улянско-вознесенский,
вторая пол. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 6 изображений, оформляющих бронзовые наносники/налобники, происходящие с территории Прикубанья (1, 2, 4, 6), Среднего Поднепровья (5) и Центрального Предкавказья (3).

Модель тина. Представлен «оленелось» с зооморфно трансформированной «короной» рогов из четырех коротких вертикальных отростков, разделенных на две зеркальные пары, при этом

в каждой паре отростки либо однонаправлены (3, 5), либо зеркальны друг другу (во втором случае два средних отростка слиты в пальметоидную фигуру (1, 2, 4, 6). Все внешние и, в большинстве случаев (3–6), внутренние отростки трансформированы в птичьи головы.

Изображения двусторонние, уплощенные, моделированы в рельефе, с использованием сквозных отверстий. Центром композиции является глаз, относительно которого рога симметричны друг другу, а морда симметрична уху, от глаза вверх отходит корень рогов, которые затем расходятся в стороны (исключение — изображение из Верхнеднепровского уезда (5), в котором, видимо, вследствие упрощения при подражании, отростки рогов отходят непосредственно от носа, лба, затылка и уха). Глаз преувеличен, занимает почти всю центральную часть головы, он либо моделирован округлой выпуклостью зеницы, в углублении глазницы, от которой вперед отходит канал слезника (3, 5, 6), либо глаз дан каплевидной впадиной, узкий конец которой маркирует слезник (1, 2, 4). Ухо отходит непосредственно от глаза, ориентировано наискось назад, оно овально-подтреугольное, с рельефно выделенным краем и со стержневидным корнем. Ноздря и пасть преувеличены, обозначены по краю единой рельефной S-видной полосой, занимающей почти всю носовую часть, которая немного опущена в сравнении с ухом, что усиливает, наряду с формой рогов, сходство с лосем. Петля для крепления налобника выполняет роль основания головы, слитого с шеей.

Аналогии и хронология. Данный тип мог появиться как вследствие непосредственной стилизации изображений оленелося типа 1 Акташско-нартанский, второй четв. V — IV в. до н. э., так и в качестве еще одного ответвления мотива головы лося, относящейся к 1-му варианту типа 2 Нимфейско-журовский, V — сер. IV в. до н. э. Опять-таки «передаточным звеном» от Нимфейско-журовского типа к Уляпско-вознесенскому могли послужить изображения лежащего оленя типа I-1-I-7 Уляпский, первой пол. (ближе к сер.) IV в. до н. э. Возможно и развитие по иконографической линии: Завадско-акчметский тип лежащих оленей — Уляпский тип лежащих оленей — голова «оленелося» Уляпско-вознесенского типа.

Близкую аналогию изображениям Уляпско-вознесенского типа (в особенности прикубанским — уляпскому (1), вознесенскому (2) и майкопскому (6)) составляет изображение на бронзовых уздечных подвесках из кургана 3 могильника Филипповка 1 в Южном Приуралье, найденных в сочетании с рядом других уздечных предметов, оформленных в прикубанском стиле (относятся к снаряжению лошадей, лежавших на поверхности погребенной почвы, вне основного погребения, у юго-восточного сектора насыпи кургана, т. е., возможно, датируются позднее основного погребения в этом кургане) (The Golden Deer of Eurasia, 2000. Cat. 104; см. подробнее: Канторович, Яблонский, 2009. С. 74–76. Рис. 1).

Хронология данного типа основывается на объективной датировке (см. Список опорных хроноиндикаторов) уляпского изображения из кургана 8 (вторая пол. IV в. до н. э.). Остальные изображения, очень близкие уляпскому, должны датироваться аналогично, а вышеприведенная межтиповая морфологическая динамика и аналогии не противоречат эти датировкам.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: вторая пол. IV в. до н. э.

Тин 3 Елизаветинско-кужорский, вторая нол. IV — начало III в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения, оформляющие бронзовые наносники/налобники, происходящие с территории Прикубанья (1–3).

Модель тина. Представлен «оленелось» с «короной» из двух дуговидно изогнутых вперед рогов, зооморфно трансформированных в две однонаправленные головы. Изображения двусторонние, уплощенные, моделированы с использованием сквозных отверстий. Петля для крепления налобника выполняет роль основания головы, слитого с шеей. Центром симметрии является глаз (1, 2) или шея (3). Ухо сегментовидное, с раковиной, обозначенной углублением (1, 3) или прорезью (2).

Морфологическая динамика с учетом особенностей трактовки изображений. Елизаветинский «оленелось» (1), очевидно, находится в начале эволюционного ряда — это наиболее четкое изображение, при всей своей условности. Рога трансформированы в однонаправленные головки горного козла, относящиеся к Елизаветинско-колбинскому типу (см. выше). Глаз преувеличен, занимает почти всю центральную часть головы, моделирован овальной выпуклостью зеницы, в углублении каплевидной глазницы, причем слезник также акцентирован выпуклостью. Ухо «оленелося» удлиненное, отходит непосредственно от глаза, ориентировано наискось назад, овально-подтреугольное, с рельефно выделенным краем и со стержневидным корнем. Морда подтреугольная, разделенная прорезью в основании. Ноздря и пасть обозначены единой рельефной S-видной полосой, занимающей всю носовую часть.

Кужорская головка (2) гораздо более схематична. Глаз здесь маленький, образован округлой выпуклостью. Лобно-глазная часть переходит уступом в узкую дуговидно изогнутую морду, расширяющуюся в носовой части. Линия рта обозначена дуговидной впадиной, нос — овальным выступом над

краем морды, отверстие ноздри намечено точечным углублением. Ухо «оленелося» короткое, отходит наискось вверх, его нижний край одновременно играет роль перевернутого (слаборазличимого) загнутого клюва птицы, овальный глаз которой находится в основании уха. Глаз птицы на треть своей высоты выступает над поверхностью клюва и, кроме того, обозначен замкнутой углубленной линией. На поверхности клюва короткой насечкой намечен нижний край восковицы, а по всей длине клюва проходит углубленная дуговидная линия, обозначающая полоску рта.

«Оленелось» наделен двумя рогами. Передний рог отходит от темени и опирается своим концом на носовую часть. Данный рог одновременно образует тонкую дуговидную шею некоего хищника, переходящую в трапециевидную голову. Глаз этого хищника миндалевидный, обозначен замкнутой углубленной линией, назад от глаза отходит волнообразная углубленная линия, обозначающая слезник. Листовидно-подтреугольное ухо хищника, отходящее назад и слитое с завитком заднего рога «оленелося», хорошо различимо лишь при рассмотрении налобника в левостороннем ракурсе. С этой стороны видно, что контур уха очерчен на плоскости углубленной линией. Пасть хищника раскрыта, она подковообразная, преувеличенные верхний и нижний клыки на краю пасти слиты в единую полосу. Нос и подбородок обозначены выпуклостями.

Задний рог «оленелося» то ли слит в своем основании с верхнем краем уха, то ли начинается от его верхнего угла. Данный рог преобразован в голову горного козла, упирающегося изгибом своего рога в ухо находящегося перед ним хищника, в которого превращен передний рог основного копытного. Шея козла тонкая дуговидная, плавно переходит в голову с загнутой мордой. Глаз козла обозначен невысоким овальным выступом на плоскости морды. Морда схематичная, тонкая, с утолщением в носовой части. Ухо козла схематичное, слабо загнутое вверх, симметрично морде. Между глазом и ухом от темени козла отходит рог, дугообразно изгибающийся назад и завершающийся слиянием с шеей, в результате чего ухо оказывается заключенным в пределы замкнутой овальной прорези, обрамленной рогом. Кроме того, есть основание считать, что шея данного козла в сочетании с его мордой и рогом образует в совокупности удлиненную узкую голову птицы, завершающуюся широким открытым клювом с закрученными вниз верхней и нижней частями, причем окончание верхней части одновременно формирует язык птицы. Овальный глаз птицы образован ухом «оленелося», а ее восковица дана специальным выступом, маркирующим окончание уха.

Наконец, тенгинское изображение (3), предельно схематичное, являет собой лишь знак «оленелося». Глаз здесь отсутствует, лобно-глазная часть намечена узкой линией, которая переходит в дуговидно изогнутую морду, расширяющуюся в носовой части, трансформированной в голову хищника, аналогичную голове хищника, трансформирующей передний рог кужорского «оленелося». Ухо тенгинского «оленелося» короткое, вынесено высоко наверх и направлено также вверх. «Оленелось» наделен двумя рогами, причем передний слит с носовой частью в вышеупомянутую голову хищника, задний рог обособлен и превращен в аналогичную голову хищника.

Мы, очевидно, наблюдаем последовательное упрощение и десемантизацию образа «оленелося» при копировании по линии Елизаветинка — Кужоркка — Тенгинка, причем в тенгинском изображении от изначального образа практически ничего не остается, мастер стремится передать две головы хищника, используя известную ему композиционную основу. Что же касается изначального изображения в этой цепочке, схема рогов елизаветинского «оленелося» структурно соответствует композиционной схеме рогов «оленелосей» типа 2 Уляпско-вознесенский, с которыми елизаветинская головка сходна и по трактовке морды.

Следовательно, Елизаветинско-кужорский тип не мог возникнуть ранее Уляпско-вознесенского типа, ответвлением которого он является. Это подтверждается и объективными датировками елизаветинского изображения из кургана 7/1917 г. (третья четв. IV в. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов) и тенгинского изображения (вторая пол. IV — начало III в. до н. э.).

Таким образом, предельные **хронологические рамки** данного типа: вторая пол. IV — начало III в. до н. э.

III.9. ОБРАЗ «ЛОСЕКОЗЛА»

В 1995 г. автор данной монографии ндентифицировал этот синтетический образу как особый мотив и предложил обозначать его условным термином «лосекозел» (Канторович, 1995. С. 45–55). Проанализировав традиционное размежевание в образно-видовой ндентификации данного персонажа (большинство исследователей считали его лосем, меньшинство — горным козлом; см. обзор мнений: Канторович, 1995. С. 45–47), автор пришел к выводу, что перед нами специфический образ некоего обобщенного копытного, имеющего лосиную (реже — оленью) морду, но при этом наделенного рогом, который по контуру соответствует рогу горного козла в природе. Было высказано предположение,

что такое сочетание могло расширять и семантико-прагматическую роль данного персонажа.

Все эти копытные показаны лежащими с повернутой назад головой, причем, вопреки иконографии горного козла с повернутой назад головой в скифо-сибирском зверином стиле и в переднеазиатском анимализме[1], рог не проходит вдоль шеи, а облегает морду, опускается далее на спину животного, и наконец, в соответствии с природной формой козлиного рога, изгибается вверх и назад, как правило, трансформируясь здесь в голову хищной птицы.

Образ «лосекозла» представлен единственным типом.

Полнофигурные изображения

Тин 1 Испановско-солохский,
вторая четв. V — нервая нол. IV в. до н. э.

К образу «лосекозла» и его единственному типу на сегодняшний день относится 21 изображение, украшающее в основном золотые нашивные бляшки (1, 2, 4–8, 10–14, 17–21), реже — золотые обивки деревянных чаш и ритонов (3, 15, 16) и бронзовые уздечные бляхи (9). Изображения происходят в основном с территории Прикубанья — из зоны скифо-меотского звериного стиля (6–19). Кроме того, изображения «лосекозла» известны в Нижнем Поднепровье (3–5), в Крыму (1, 2) и на Ставрополье (20, 21).

Близкую аналогию данному типу составляет упрощенная реплика во фракийском искусстве (А) (2 экз. бляшек из могильника Аджигиол) (Berciu, 1969. P. 49, 50. Fig. 17, 18, 8), в целом же «лосекозел» — специфичный образ для восточноевропейского звериного стиля.

С учетом копий, количество предметов, несущих изображение «лосекозла», не считая аджигиольских, достигает не менее 120 единиц[2]; четверть из этих предметов — 31 экземпляр (представляющий лишь одно оригинальное изображение) — происходит из кургана Солоха. Прирост материала за 25 лет в целом не изменил локализацию данного мотива: он не выходит за пределы скифской археологической культуры и соответствующего ей восточноевропейского локального варианта скифо-сибирского звериного стиля, при этом образ «лосекозла» представлен в пределах северопричерноморской степи, Восточного Крыма, Прикубанья и Ставрополья; в лесостепную зону он не заходит. Всё более выявляется доминирование Прикубанья в разработке этого мотива, а наша находка двух оригинальных изображений в могильнике Новозаведенное-III, маркирующая на сегодняшний день крайнюю восточную точку распространения темы «лосекозла», позволяет теперь говорить о расширении границ ее разработки вплоть до Центрального Предкавказья.

Изображения выполнены в одностороннем высоком рельефе, ракурс строго профильный. Компо-

---

[1] Несомненно, один из прототипов образа «лосекозла» — собственно образ горного козла, как известно, глубоко разработанный в скифо-сибирском искусстве в целом и воплощенный в группе совершенно иных изображений, среди которых в скифском зверином стиле достаточно назвать такие известнейшие, как саккызское, на мельгуповском мече и на Келермесской секире, ульское, семибратние и др. (см. об этом: Ильинская, 1965. С. 96–97). Эти и многие другие изображения, представляющие горного козла как лежащим прямо, так и с повернутой назад головой, существенно отличаются от рассматриваемых нами изображений именно в части признаков, указывающих на вид животного, — по форме морды и рога, которая в данных изображениях близка естественной: морда, как правило, плоская, без перелома книзу и мощной губы, сужающаяся к концу, рог плавно загнут и часто имеет рифление. Особенно важно, что в случаях, когда горный козел показан с закинутой назад головой, т. е. в позе, аналогичной позе рассматриваемых нами животных, эти изображения в любых стилистических вариациях, в отличие от изучаемых нами, всегда сюжетно реалистичны: рог не ложится на спину, а, как в природе, идет вдоль шеи назад (ср., например, фигуры на мельгуновском мече (Придик, 1911. Табл. I, II), на обушке Келермесской секиры кургана 1/Ш рубежа VII–VI вв. (Артамонов, 1966б. Табл. 18), на навершии из Ульских курганов, курган 2/1909 г., конец VI — начало V в. (Артамонов, 1966б. Табл. 58), на золотых бляшках из Ульских курганов, курган 1/1909 г., конца VI в. (Scythian Art, 1987. Tabl. 21), на ульских бляшках (Scythian Art, 1986. Tabl. 21), на лопатке свернувшегося хищника из Кулаковского кургана, начала V в. до н. э. (ОАК за 1895 г. С. 17–18. Рис. 32; Артамонов, 1966б. Табл. 78), на золотых бляшках колчана из Витовой могилы, конца VI — начала V в. (Ильинская, 1965. С. 96. Рис. 8: 4), на ножнах из хут. Шумейко (Онайко, 1966б. Табл. XIII-6), на вотивном акинаке из Меджидии (Berciu, 1969. P. 22–23. Fig.4–5).

Симптоматично, что сам образ козла в композиции с головой вперед продолжал реализовываться в скифском искусстве и в V, и в IV в. (ручки котла из Чертомлыка), хотя и не был массовым. Иногда его рог морфологически почти идентичен рогу «лосекозла» (см. вышеописанную большую Кулаковскую бляху). Примечательно сочетание на одной и той же деревянной чаше в IV Испановой могиле четырех золотых обивок с «лосекозлом» (голова назад) и одной обивки с «нормальным» козлом (голова вперед). Можно было бы допустить, что этот зверь — сайгак, исходя из формы его морды, однако рог сайгака совершенно не похож на рог представленных животных, а ноги значительно тоньше и короче.

[2] Показателен прирост публикуемого материала: к 1994 г., на момент идентификации и первичного анализа образа «лосекозла», количество оригинальных изображений этого персонажа составляло 13 единиц (Канторович, 1995. С. 45). С учетом копий тогда насчитывался 81 экземпляров изделий с этим мотивом.

зиция имеет два варианта общего абриса: она вписывается в овал/полуовал (1, 2, 4, 5, 9, 13, 14, 21) либо в прямоугольник (3, 6–8, 10–12, 15–20), последнее может быть подчеркнуто оставленным пустым пространством обивки чаши (3), ритона (15, 16) или бляшки (17); в остальных случаях фигура полностью заполняет украшаемый предмет.

«Лосекозлы», как правило, ориентированы туловищем вправо от зрителя, за тремя исключениями (18, 20, 21), и неизменно показаны с повернутой назад головой. Ноги подогнуты, нижние части их непосредственно прилегают к туловищу либо с небольшим нахлестом (1, 2, 6, 7, 9, 10, 12, 19) — ближе к Келермесско-кульобскому композиционному канону «летящего», или «классического скифского» оленя, либо на одной линии (3–5, 8, 11, 13–18, 20, 21), по композиционной схеме «спокойно лежащих» оленей Завадско-акмечетского типа. Повернутая назад голова животного чаще горизонтальна или опущена наискось, во всяком случае, покоится на спине или упирается в нее носовой частью (1, 2, 6–13, 15–21), значительно реже вертикально опущена, отчасти перекрывая плечевую зону (3–5, 14). Ухо неизменно находится на одной линии с мордой, ось симметрии всей композиции чаще всего проходит через глаз.

Ряд изображений трактован достаточно четко (1–5, 15–18, 20), ряд — схематично (6–14, 19, 21). Морда животного чаще лосевидная: тупая, горбатая, с нависающей верхней губой (1, 2, 6–9, 11, 12, 14–18, 20, 21), но может быть и узкой, более похожей на оленью или козлиную (3–5, 10, 13, 19). Глаз овальный или округлый, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы, канал слезника может быть показан в соединении со впадиной глазницы (1–5, 17, 18, 20), но часто никак не выделяется (6–9, 10–16, 19, 20, 21). Ухо короткое, овальное или овально-подтреугольное, со впадиной раковины; в одном из «краснодарских» изображений[1] (18) оно уподоблено подошве конского копыта. Рот закрыт или чуть приоткрыт, края рта обозначены рельефными полосками. Ноздря чаще не обозначена, но может и акцентироваться (1–5, 18, 20, 21); в солохском, корнеевском, новозаведенском и одном из «краснодарских» изображений пасть и ноздря образуют в сочетании лотосовидную фигуру — более четкую в северопричерноморских изображениях (4, 5), менее внятную — в северокавказских (18, 20).

Рог дуговидный или изломанный под тупым углом, опирается окончанием-изгибом на круп. Исключение составляет одно из нимфейских изображений (2), в котором рог не показан, но, судя по наличию закраин бляшки над мордой животного, он мог быть запланирован, однако при штамповке или тиснении мог отвалиться, или же для него не хватило золотого листа. Рог, как правило, гладкий (лишь в новозаведенских и в одном из «краснодарских» изображений он зарифлен, как козлиный — 18, 20, 21), а на конце обычно превращен в четко (1–3, 6, 7, 11, 15–18) или невнятно (4, 5, 8, 10, 12–14, 19, 20) выраженную птичью головку с волютообразным клювом. В основании этой головки в одном из нимфейских, в корнеевском, в малосемибратненском и в некоторых уляпских изображениях (1, 5, 6, 11, 12) помещен дополнительный клюв, относящийся к тому же птичьему глазу; в тауйхабльском изображении птичья головка заменена обычным завитком (9). В менее качественном новозаведенском изображении (21) дополнительная птичья головка совсем не читается, но между мордой и рогом помещены два выпуклых кружка — больший и меньший (атавизмы глаза и клюва птицы?), которые можно трактовать как окончание рифленого рога, заворачивающегося к морде. Создается впечатление, что если мастеру более качественного новозаведенского изображения (20) была понятна задача зооморфной трансформации, но ему не вполне удалось ее решить, то мастер менее качественного новозаведенского изображения (21) просто подражал в этой части некоему образцу, не пытаясь вникнуть в содержание.

Голова рельефно переходит в шею, в одном случае дополнительно отделяется от нее шерстной складкой, маркированной крупным рифлением (18). Шея мощная, дуговидно изогнутая, в ряде случаев посередине шеи проходит ребро плоскостей, обозначающих мускулы (1–3, 9, 11, 15–17, 20). В двух случаях вдоль ее заднего края проходит рельефная рифленая полоса, очевидно, обозначающая шерстную складку (4, 5). Лопатка акцентирована выпуклостью, иногда с дополнительным рельефным выделением плечевого сустава во впадине-выемке собственно лопатки (3–5, 17, 18), а в новозаведенских изображениях (20, 21) эти две детали образуют дополнительный зооморфный элемент: четкий глаз с выпуклостью зеницы в рельефном кольце глазницы. Данный глаз в менее качественном новозаведенском изображении (21) составляет единую композицию с носовой частью некоего копытного, в виде которой выполнено бедро «лосекозла», оформленное как кольцевидный валик, обрамляющий выпуклость. В результате туловище «лосекозла» в целом образует крупную голову некоего копытного.

---

[1] Мы условно называем «краснодарскими» изображениями три оригинальных изображения с территории Прикубанья (17–19), конфискованные правоохранительными органами у грабителей и переданные в Краснодарский музей им. Е. Д. Фелицына (Пьянков, Хачатурова, Юрченко, 2014. С. 25, 27; Золото потомков Геракла, 2015. С. 66–67).

Туловище короткое, компактное, бедренная часть выделена выпуклостью. Хвост короткий, слабозаметный, опущен. На нижних частях ног двойными линиями показаны мускулы. Копыта преувеличены и схематичны.

Морфологическая динамика и хронология образа. В настоящее время, как и ранее (Канторович, 1995. С. 47–51), можно дифференцировать две линии в иконографической динамике этого образа. В работе 1995 г. они были обозначены как крымско-причерноморский и крымско-прикубанский векторы (крымские изображения из Нимфея расценивались как изначальные в этих цепочках). С учетом новых находок и публикаций, видимо, нужно теперь говорить об основной иконографической тенденции — прикубанской и о дополнительной — северопричерноморской (по сути — нижнеднепровской).

Прикубанский вектор с точки зрения логики иконографической динамики в качестве исходной точки имеет высококачественные и детальные изображения из Нимфея (1, 2) и «Майкопского клада» (15, 16), стадиально вторичными являются более стилизованные и более схематичные изображения из Малых Семибратних курганов (6), Майкопа (7), Фанагории (14), Уляпского могильника (10–13), Некрасовской (8), а также два изображения из «краснодарских» (17, 18). Эволюционный ряд замыкают крайне упрощенные изображения — из Тауйхабля и еще одно из «краснодарских» (9, 19).

Более качественная фигура «лосекозла» из Новозаведенного-III (20) по морфологическим признакам (прямоугольный абрис, горизонтальная позиция головы, лосиные черты в трактовке морды) должна быть отнесена к прикубанскому иконографическому направлению и находится примерно в середине соответствующего эволюционного ряда. Менее качественная фигура «лосекозла» из Новозаведенного-III (21) представляется результатом подражания изображениям прикубанского варианта (возможно, более качественной фигуре «лосекозла» из Новозаведенного-III — 20) с неизбежной схематизацией (в силу отдаленности от прикубанского очага). Вместе с тем, тенденция зооморфного трансформирования, имманентная скифскому звериному стилю, проявилась и здесь, и более четко было реализовано зооморфное превращение туловища основного персонажа в голову дополнительно животного.

Северопричерноморская цепочка составлена всего лишь тремя оригинальными изображениями. Видимо, она вторична по отношению к прикубанской: в качестве общей исходной точки для прикубанского и нижнеднепровского векторов могут рассматриваться всё те же высококачественные изображения круга Нимфея и «Майкопского клада» (1, 2, 15, 16), на основе которых северопричерноморская школа сначала продуцирует изображения из Испановой могилы (3), на следующем этапе — из Солохи (4) и Корнеевки (5), с искажающим копированием в Аджигиоле (аналогия А).

Симптоматично, что большинство «лосекозлов» основного, прикубанского, вектора (не считая наиболее схематичных) имеют лосиную голову, тогда как все «лосекозлы» нижнеднепровского вектора наделены козлиной головой.

Реконструируемую иконографическую динамику подтверждает хронология образа «лосекозла», основу которой составляют объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов): нимфейские (1, 2) (475–425 гг. до н. э.), из Корнеевки (5) (последняя четв. — конец V в. до н. э.), солохское (4) (400–375 гг. до н. э.); далее идут уляпские изображения (10–13) первой пол. IV в. до н. э. — из ритуального комплекса кургана 5, из ритуального комплекса кургана 4, из погр. 44 кургана 4, из ритуального комплекса кургана 1.

Что касается изображения из погр. 1 кургана 4 могильника Новозаведенное-III (20), terminus post quem для соответствующего комплекса определяет краснофигурный арибаллический лекиф с изображением крылатой богини (Ники или Эос), датируемый последней третью V в. до н. э.[1] Этому, как мы видели, не противоречит позиция новозаведенского «лосекозла» в общем иконографическом ряду.

Таким образом, временные рамки существования образа «лосекозла», с учетом последних находок, в том числе в могильнике Новозаведенное-III, по объективным показателям устанавливаются как вторая четв. V — сер. IV в. до н. э.

Вероятные истоки образа «лосекозла» были обозначены в статье 1995 г. (Канторович, 1995. С. 51–53). Накопление материала не изменило эту концепцию. Мотив «лосекозла» изначально не может считаться простой репликой хорошо разработанного в скифском зверином стиле сюжета «лежащий горный козел с повернутой назад головой» — в силу того, что у большинства «лосекозлов», как мы видели, голова не козлиная, а лосиная. Эту видовую черту, как и иную направленность рога (в сравнении с сюжетом «лежащий

---

[1] Согласно любезной консультации О. В. Тугушевой, морфологически данный сосуд близок к классу XIII В по классификации В. Рудольфа, который относят к последней трети V в. до н. э. К этому периоду относятся обнаруживающие сходство с нашей находкой арибаллические лекифы с летящей Никой из некрополя Керкинитиды (Вдовиченко, 2003. Кат. 100) и с изображением сфинкса из курганов у с. Грищенцы в правобережном Приднепровье (Онайко, 1966а. Кат. 185. Табл. XII, 5), датируемые последней четв. — концом V в. до н. э. (Вдовиченко, 2003. С. 19).

козел с повернутой назад головой»), следует возводить к бытующему в рамках V в. до н. э. мотиву головы лося с единственным рогом, облегающим морду и завершающимся (как правило) птичьей головкой (см. выше тип 3 Нимфейско-семибратненский).

Мотив однорогого лося (как и «лосекозла»), как мы уже видели, представлен исключительно в европейской зоне скифо-сибирского мира[1]. В основном это ареал скифской археологической культуры. Как было показано выше, известен однорогий лось и на территориях, сопредельных скифской археологической культуре, — в Нижнем Поволжье (Хошеутово) и в Добрудже (Аргамум).

В свою очередь, мотив однорогого лося квалифицируется нами как боковое ответвление традиции полнофигурного/редуцированного воспроизведения лося в скифском зверином стиле V в. до н. э., т. е. как модификация трактовки лося с двумя симметрично разложенными рогами, образующими «корону», в первую очередь типа 2 Нимфейско-журовский.

Вместе с тем по-прежнему можно усматривать и определенное влияние образа горного козла и, прежде всего, сюжета «лежащий козел с повернутой назад головой» на формирование и развитие темы «лосекозла» (что отразилось в соответствующей трактовке головы нижнеднепровских «лосекозлов», а также в рифлении рога новозаведенского и одного из «краснодарских» персонажей).

Как известно, нормальное положение рога горного козла в сюжете его возлежания с повернутой назад головой предполагает огибание шеи и лопатки. Соответствующие изображения формируют в восточноевропейском скифском зверином стиле вышеописанный тип I-II-1 Бобрицко-ульский, датируемый в рамках второй пол. VII — первой пол. V в. до н. э. Видимо, именно эта мощная иконографическая струя, иссякшая к сер. V в. до н. э., стала в своем завершении одним из импульсов к появлению мотива «лосекозла», что предусматривало инвертирование рога горного козла при повороте головы во второй четв. — сер. V в. до н. э. под влиянием уже появившегося тогда мотива однорогого лося.

Итак, новые находки изображений «лосекозла» подтверждают специфичность этого образа в системе скифского бестиария, а также доминирование Прикубанья в разработке данного образа (не исключено, что на базе скифо-меотской традиции, по крайней мере, при ее учете, были созданы и нимфейские изображения). Что же касается наличия изображения «лосекозла» в могильнике Новозаведенное-III, это свидетельство присутствия скифского звериного стиля в данном микрорегионе не только в эпоху «скифской архаики» VII–VI вв. до н. э.[2], но и в эпоху «скифской классики» V–IV вв. до н. э. В комплексе с иными материалами могильника Новозаведенное-III и с учетом преемственности погребальной традиции можно говорить о продолжении временного или постоянного пребывания исторических скифов в данном регионе в эпоху «скифской классики» и об их активных контактах с Прикубаньем (откуда и была, несомненно, заимствована весьма специфичная тема «лосекозла»), подтверждаемых находкой меча синдо-меотского типа в раскопанном нами в 2015 г. соседнем кургане (№ 2) могильника Новозаведенное-III.

Вероятнее всего, «лосекозел» изначально представлял собой искаженное отображение реального лося или горного козла мастерами, плохо знакомыми с непосредственными природными прототипами. Но со временем эта «побочная ветвь» стала особой образно-сюжетной линией, параллельной хорошо разработанным в скифском зверином стиле иконографическим линиям лося и горного козла. В результате данный мотив более чем на столетие закрепился в скифском и скифо-меотском зверином стиле, вне прямой связи с какими-либо природными прототипами.

Сочетание видовых черт и особенностей лося и горного козла, вероятно, в представлении древних мастеров, расширяло семантическую роль результирующего персонажа. Возможно и иное объяснение: «лосекозел», в соответствии с тогдашними представлениями, отражает скифскую и скифо-меотскую «народную классификацию» реального и воображаемого животного мира[3], продуктом которой можно являются, помимо «лосекозла», такие пограничные и синтетические образы (Канторович, 2004; 2015), как «оленелось», «оленекозел», «лосептица», «бараноптица», «грифоно-гиппокамп» и т. д.

---

[1] Как уже было нами показано (Канторович, Эрлих, 2006. С. 69), в азиатской части «скифского мира» имеется параллель данному приему инвертирования рога, однако аналогичные сходные алтайско-тувинские и тасмолинское изображения являются редукцией таких южносибирско-восточноказахстанских изображений оленя с полным воспроизведением рогов, как фигуры на аржанском камне и бухтарминском зеркале (Бородаев, 1998. С. 66. Рис. 8), т. е. мы имеем здесь дело с конвергентным параллельным развитием.

[2] Из близлежащего аристократического курганного могильника Новозаведенное-II происходит более 80 предметов, оформленных в скифском зверином стиле (Петренко, Маслов, Канторович, 2009. С. 232).

[3] Об опыте «народных классификаций» растений, животных, почв и т. д. см.: Розова, 1986. С. 178–180.

III.10. ОБРАЗ «ОЛЕНЕКОЗЛА»

Редуцированные изображения (голова)

Тин 1 Елизаветинско-тенгинский,
сер. IV — начало III в. до н. э.

К данному образу, представленному единственным типом, относится 20 изображений, оформляющих бронзовые уздечные наносники/налобники[1], происходящие в основном с территории Прикубанья (16, 8, 9, 11–20), плюс одно нижнедонское изображение (10) и одно среднеднепровское (7).

Представлена голова некоего обобщенного копытного (судя по удлиненной и зауженной морде[2]) с единственным рогом. Этот рог композиционно соответствует рогам рассмотренных выше «лосекозлов» и однорогих лосей, а стилизованная тонкая морда, завершающаяся мощной ноздрей и пастью, которые чаще слиты в S-видную фигуру, представляет собой нечто среднее между оленьей и лосиной. Важнейшей чертой иконографии является то, что рог этого существа морфологически сходен с рогом горного козла: он дуговидный и, как правило, имеет редкие выступы, вероятно, имитирующие рифление рога горного козла (1–6, 10, 12–18, 20). В большинстве случае этот рог трансформирован в шею и голову птицеголового грифона (1–7, 10–15, 20), причем в этих случаях упомянутые выступы козлиного рога одновременно играют роль гребня на шее этого грифона: в отдельных случаях рог превращен в протому орлиноголового грифона (8, 9), голову волкоподобного существа с высунутым языком (19), либо же он не зооморфизирован (17, 18) или сочетается с S-образной фигурой, явным атавизмом головы хищной птицы (16). Поэтому данный образ можно условно именовать «оленекозел».

Такая контаминация лосиных и птичьих образных признаков известна в серии птичьих голов с лосиными рогами и провоцировалась, вероятно, горбоносостью или «изломанностью» лосиной морды в природе. Е. В. Переводчикова уже указывала, что данные прикубанские изображения «составляют единую серию, отличающуюся общими приемами моделировки (мелкие, сходящиеся под углом плоскости), одинаковой вытянутой формой головы зверя, а также одинаковыми размерами» (Переводчикова, 1980в. С. 90). Исследовательница совокупно квалифицировала их как синкретический образ «оленерогого зверя», сочетающий в себе черты хищника и оленя (Переводчикова, 1980в. С. 88–89). Представляется, однако, что сама по себе голова основного животного (если абстрагироваться от трансформаций рогов) в большинстве случаев, исключая некоторые действительно грифонообразные дериваты (12, 16), вполне соответствует видовым критериям копытного в природе, при том что в одних случаях здесь можно усматривать оленьи, в других — лосиные черты[3].

Изображения моделированы в рельефе, с использованием сквозных отверстий. Они двусторонние, уплощенные, с крепежной петлей в плоскости изображения (исключение — скульптурное, хотя и рассчитанное на боковой обзор изображение из Верхнеднепровского уезда (7), соответственно петля здесь перпендикулярна изображению). Центром композиции является глаз, относительно которого морда симметрична уху, рог отходит от точки за глазом и идет вперед по дуге, сонаправленно морде «оленекозла» и упираясь концом в точку морды, обычно находящуюся непосредственно перед глазом, но в редких случаях на конце морды (16, 19). Глаз преувеличен, занимает почти всю центральную часть головы, он моделирован округлой или овальной выпуклостью

---

[1] В. Р. Эрлих определяет бляхи из Тенгинской как наносники, основываясь на их фиксации in situ на черепах лошадей и считает, что они крепились «к ремню при помощи такой же плоской, как они сами, петельки и, вероятно, для фиксации на наносном ремне в вертикальном состоянии имели какие-то дополнительные приспособления, узелки. Возможно, также для фиксации этих наносников на ремне служили и бронзовые колечки, которые встречаются вместе с ними». То, что такое крепление возможно, на наш взгляд, подтверждается находкой на том же отрезке ремня, что был пропущен через отверстие вышеупомянутого морфологически сходного с тенгинским наносником из могильника Машенка-I двух симметрично расположенных колечек, вероятно, служивших дополнительными упорами. Само же изображение В. Р. Эрлих расценивает как «головы оленя или лося с рогом в виде головок хищных птиц» (Эрлих, 2002. С. 12).

[2] В одном случае морда обломана (20), но идентичность остальных деталей изображения соответствующим элементам остальных целых наносников заставляет относить его к данному типу.

[3] Вообще в скифо-сибирском зверином стиле преднамеренное слияние образов оленя и козла хорошо известно: см. вышеприведенные навершия из Чмырёвой могилы (ОАК за 1898 г. С. 80. Рис. 143), изображения на знаменитых штандартах из 1-го Филиппповского кургана, где олени наделены козлиными бородами, либо на обивках чаш из того же кургана (The Golden Deer of Eurasia, 2000. Fig. 1–4, 26, 84–87), на которых, в частности, встречаются изображения оленей с бородами, превращенными в головы козлов (The Golden Deer of Eurasia, 2000. Fig. 28). Однако в данном случае мы имеем дело скорее не с сознательной синкретикой, а с бессознательным использованием образных элементов оленя и козла для создания синтетического изображения, напоминающего именно горного козла (ибо так выглядит рог этого животного в природе).

зеницы, в углублении глазницы, которая либо подобна зенице (1-2, 2, 4, 7, 9–11, 13, 16–20), либо дана каплевидной впадиной, от которой вперед отходит канал слезника (1-1, 3, 5, 6, 8, 12, 14, 15). Ухо отходит непосредственно от глаза (в одном случае рог «поглощает» ухо — 19), ориентировано наискось назад, оно преувеличенное, овально-подтреугольное, с четко показанной раковиной, в основном моделированной углублением, реже прорезью (1-1, 1-2, 6, 11).

Тонкая морда завершается преувеличенными ноздрей и пастью, моделированными единой рельефной S-видной полосой с впадиной для маркирования ноздрей и рта. В одном случае морда напоминает раскрытую грифонью пасть — с загнутой верхней челюстью/надклювьем и прямой нижней челюстью, с прорезью пасти (12), в другом случае видны черты лося, поскольку окончание морды складывается из трех завитков, верхний из которых сходен с преувеличенной лосиной ноздрей, средний может обозначать рот лося, а нижний — подбородочный выступ (19). Еще в одном случае морда имеет очертания закрытого тупого клюва, отделенного поперечным валиком от остальной части головы, без четкого отображения звериной ноздри и рта (16). Часто (1-1, 5–7, 9, 14, 15) носовая часть немного или значительно (под тупым углом) опущена в сравнении с ухом, что усиливает, наряду с формой морды, сходство с лосем. Петля для крепления налобника выполняет роль основания головы, слитого с шеей.

Морфологическая динамика, аналогии и хронология. Очевидно, первичными в рамках данного типа, наиболее четко и детально передающими особенности данного образа, являются такие прикубанские изображения, как некоторые тенгинские (1-1, 1-2), карагодеуашхское (15), некоторые «воронежские» и майкопские (3, 4, 14, 20), одно из изображений из Краснодарского музея (5) и некоторые елизаветинские (6, 11). Остальные изображения демонстрируют либо усложнение данного образа — превращение головы и шеи грифона, трансформирующего козлиный рог, в грифонью протому с вывернутой назад передней ногой или в голову неясного хищника — елизаветинское, воронежское изображения и елизаветинское изображение из Краснодарского музея (8, 9, 19), либо его упрощение — потеря рифления рога в одном из елизаветинских (11) и в верхнеднепровском изображениях (7), крайняя схематизация рогов в тенгинском изображении (2), геометризация морды в шолоховском изображении (10) и атрофия рогов с преувеличением морды в фанагорийском (13) и некрасовских изображениях (17, 18), геометризация и разложение на «составляющие» в одном из елизаветовских изображений (16). Очевидно, что эти процессы могли протекать в очень узком временном промежутке и демонстрируют смысловую неустойчивость образа.

Как бы ни трактовался данный образ, представляется очевидным, что очагом его формирования и последующего распространения является Прикубанье. Ведь именно в этом регионе обнаружена основная масса соответствующих изображений в различных вариациях. Кроме того, именно в искусстве скифо-меотского звериного стиля Прикубанья и сопредельных территорий IV в. до н. э. распространен смежный мотив — обособленной головы «оленелося» типа 2 Уляпско-вознесенский. География территорий, на которых обнаружены подражания обособленной голове «оленекозла», опять-таки доказывает прикубанский приоритет в разработке данного образа. Так, находка блях с головой «оленекозла» на Нижнем Дону и в Верхнеднепровском уезде (7, 10) несомненно связана с прикубанским влиянием, и нигде более в степной Скифии, равно как и в лесостепном варианте скифского звериного стиля, этот мотив пока не известен. О том же свидетельствуют аналогичные находки в Закавказье, в Абхазии (Агудзера) (Б) (Воронов, 1975. С. 231. Рис. 11: 4), Ахул-абаа (В, Г) (Воронов, 1991. Рис. 6: 2, 10), что особенно показательно на фоне открытия в Абхазии меотского святилища (Гюэнос), содержащего множество предметов, выполненных под явным влиянием вещей «елизаветинского круга» скифо-меотского звериного стиля (Шамба, 1988; Эрлих, 2002).

Очень близки ряду прикубанских «оленекозлов» бляхи в виде головы «оленекозла» (А-1, А-2) из Филипповки в Южном Приуралье (курган 3), найденные вместе с бляхами с изображениями «оленелося» среди снаряжения лошадей, лежавших на поверхности погребенной почвы, вне основного погребения, у юго-восточного сектора насыпи кургана (т. е., возможно, датируемые позднее основного погребения в этом кургане) и с рядом других уздечных предметов, оформленных в прикубанском стиле (The Golden Deer of Eurasia, 2000. P. 166. Fig. 105). При этом соответствующая образная традиция отсутствует, нет здесь и ее иконографических корней в виде вышеописанных образов «лосекозлов» и однорогих лосей[1]. Очевидно, что бляхи с головами «оленекозлов» попали в Южное Приуралье в конечном счете под влиянием Прикубанья — либо вместе с другими вышеупомянутыми элементами конского снаряжения, либо были

[1] Известные в Нижнем Поволжье (Хошеутово) изображения головы однорогого лося V в. до н. э. тяготеют к северопричерноморско-прикубанским прототипам (Канторович, 1995; Дворниченко, Очир-Горяева, 1997; Канторович, Эрлих, 2006. С. 69).

изготовлены прикубанским мастером или его местным учеником.

Основу хронологии данного образа и типа формируют объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов): это елизаветинские (третья четв. IV в. до н. э.) и тенгинские изображения (вторая пол. IV — начало III в. до н. э.), а также изображение из Карагодеуашха (сер. — третья четв. IV в. до н. э.). Как мы видели на примере вышеприведенной внутритиповой морфологической динамики, эти комплексы содержат в том числе и эталонные изображения данного типа, к которым, так или иначе, восходят остальные изображения.

Следовательно, совокупные хронологические рамки образа «оленекозла» и его единственного типа определяются как сер. IV — начало III в. до н. э.

III.11. МОТИВ ОБОСОБЛЕННЫХ УШЕЙ КОПЫТНЫХ

Отдельный мотив восточноевропейского скифского звериного стиля составляют изображения обособленных ушей копытных животных (в основном они оформляют конские нащечники). Ряд исследователей (Бидзиля и др., 1977; Мозолевский, 1980; Мурзин, 1984; Манцевич, 1987) считают эти изображения обособленными крыльями птиц, в то время как А. Ю. Алексеев исходит из того, что это уши копытных (Алексеев, 1991. С. 53. Рис. 5, 9, 10; Канторович, 1997. С. 105–106). Думается, что прав А. Ю. Алексеев, поскольку внутренний рисунок этих изображений, за редкими исключениями (см. ниже), не соответствует трактовке крыльев птицы в ее полнофигурных изображениях, в которых предусматривается разграничение в той или иной мере плечевой и маховой частей (см. ниже), чего мы не наблюдаем в рамках рассматриваемого в этом параграфе мотива, где декор или внутренний рисунок един. Вместе с тем, учитывая общий абрис изображений, следует допускать их амбивалентность, т. е. одновременное обозначение уха копытного и крыла птицы (за исключением случая, когда ухо одновременно является не крылом, а копытом — см. тип 2 Семибратненско-малоцимбальский, ср. ниже мотив обособленного копыта).

В рамках данного мотива дифференцируются 2 изобразительных типа.

Тип 1 Нимфейско-бобрицкий, V–IV вв. до н. э.

К данному типу относится 22 изображения, происходящие с территории Среднего Поднепровья (9–13, 15–18), Нижнего Поднепровья–Побужья–Приднестровья (3–6, 14, 19, 22), Крыма (1, 2), Нижнего Подонья и Подонцовья (20, 22), Прикубанья (7) и Центрального Предкавказья (8, 21). Все они оформляют уздечные бляхи (в том числе парные нащечники) — бронзовые (1–3, 7, 8, 10–18, 20–22) и золотые (4–6, 9, 19)[1].

Модель тина. Представлены уши копытных, более похожие на оленьи (см. Алексеев, 1991. С. 53. Рис. 5: 9, 10) или лосиные. Изображения оформлены в рельефе, они односторонние. Уши сегментовидные или асимметрично-ромбические, как правило, с четко оформленным корнем (в некоторых случаях он обломан — 7, 9, 18, 20), являющимся четким маркером уха, поскольку крылу такая деталь не присуща (ср. выше корень-черенок, с помощью которого в ряде изображений оленей и лосей ухо как бы прикрепляется к голове). Реже этот корень сглажен (8, 10, 14) или укорочен (20).

Один из краев уха — вогнутый или выпуклый — почти всегда четко оформлен валиком, отграничивающим ушную раковину (исключение — волковецкое (18) изображение). Сама же ушная раковина изредка гладкая (10, 14, 20), гораздо чаще она заполнена рифлением или насечкой, имитирующей шерсть или складки уха (ср. выше трактовку шерсти в «мохнатом» ухе оленей). Это рифление может быть косым (1, 3, 4, 11–13, 17, 21, 22), а также поперечно-волнистым или продольно-волнистым (2, 5, 6–9, 19, 22), либо в виде ломаных линий (15–18).

Кроме того, в пределах ушной раковины в основании уха часто представлены античные орнаментальные мотивы — рельефная пальметка, обрамленная волютами (1, 3, 8, 12, 13), или же лишь парные волюты без пальметки (4, 7, 11, 21) либо единственная волюта (17). В одном случае место волюты занимает рельефная волютовидная птичья головка с дополнительным клювом в основании (14).

Аналогии и хронология. Ближайшая аналогия данному типу, представляющая собой, по сути, результат провинциальной переработки с использованием композиционной основы мотива, но при этом с отступлением от его амбивалентности, — это старомерчанское изображение фигуры птицы, относящееся к изображениям типа I-II-1 Мельгуновско-солохский (см. описание и репродукцию ниже, в главе IV). Здесь налицо полный отказ от денотации уха копытного (возможно, вследствие

[1] Вероятно, к этому же типу относится и изображение на сохранившейся наполовину бронзовой уздечной бляхе из Каневского уезда (находки хранятся в НМИУ) (Могилов, 2008. Рис. 101: 9), почти идентичное в сохранившейся части райгородскому (10) и шевченковскому (20), однако фрагментированность не позволяет уверенно включать это изображение в рассматриваемый массив.

недопущения мастером такой ассоциации) с сохранением темы птицы для создания изображения. В итоге мотив уха стал преувеличенным хвостом птицы, тогда как ее туловище и голова заместили преувеличенный корень уха, а волюты, выведенные за пределы ушной раковины, стали композиционной основой крыльев птицы, превращенных в птичьи головы.

Нечто подобное, но с сохранением принципа «часть вместо целого» мы наблюдаем и в оформлении серебряных (с позолотой) парных уздечных блях (А) из знаменитого кургана 8 группы Пятибратних Елизаветовского могильника, содержащего горит «чертомлыцкой серии». Эти бляхи представляют уже исключительно птичье крыло, о чем свидетельствует разделка поверхности этих блях насечкой на горизонтальные пояса, заполненные вертикальными узкими полосками с косой частой насечкой. Это подробнейшее отображение перьев. В пользу однозначности этого изображения также говорит отсутствие черенка. При этом тщательность и детальность проработки крыльев, как представляется, выводит данное изображение за рамки стилистики скифского звериного стиля и заставляет связывать его с творчеством греческого (или эллинизированного) мастера, заимствовавшего композиционную основу из скифского искусства.

Приведенные аналогии имеют надежную датировку по объективным показателям: первая пол. IV в. до н. э. для старомерчанского изображения и вторая пол. IV в. до н. э. для пятибратненского (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Эти датировки не противоречат собственным хроноиндикаторам изучаемого типа, к которым относятся нижеперечисленные (в хронологическом порядке) объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов): туриянские (11–13) (первая пол. V в. до н. э.), нимфейские (1, 2) (475–425 гг. до н. э.), завадское (3) (450–425 гг. до н. э.), семибратненское (7) (450–440 гг. до н. э.), берестнягское (17) (вторая пол. V в. до н. э.), солохское из Центрального погребения (19) (420/410–400 гг. до н. э.), бобрицкое (16) (конец V — начало IV в. до н. э.), носакинское (6) (390–380 гг. до н. э.), бердянское (4) (первая треть IV в. до н. э.), чмырёвское (5) (330–315 гг. до н. э.) и волковецкое (9) (вторая четв. — вторая пол. IV в. до н. э.). Бляха из Троицкого (14) датируется И. В. Бруяко и А. С. Островерховым первой пол. — сер. V в. до н. э. по морфологии элемента зооморфного превращения — птичьей головки (Бруяко, Островерхов, 2010. С. 118), что не противоречит вышеприведенным датировкам. Перечисленные изображения составляют больше половины из всех, относящихся к Нимфейско-бобрицкому типу, и задают хронологические рамки, в которых датируются и все остальные изображения данного типа, так или иначе сходные с ними.

Таким образом, предельные хронологические рамки типа: V–IV вв. до н. э.

Тин 2 Семибратненско-малоцимбальский, 450–420-х гг. до н. э.

К данному типу относятся 2 оригинальных изображения, происходящих с территории Прикубанья — из Семибратних курганов (1) и Нижнего Поднепровья — из Малой Цимбалки (2). Изображения данного типа оформляют лопасти S-видных бронзовых двудырчатых псалиев — в одном случае обе лопасти псалия (2), в другом случае одну из лопастей (1), тогда как противоположная оформлена в виде ноги копытного типа 5 Елизаветинско-майкопский (см. ниже).

Модель тина. Представлены уши копытных, более похожие на оленьи (см. Алексеев, 1991. С. 53. Рис. 5, 9, 10) или лосиные. Изображения оформлены в рельефе, они двусторонние. Уши сегментовидные, короткий край уха (2) или оба края (1) четко оформлены валиком, отграничивающим ушную раковину. Сама же ушная раковина заполнена продольным (1) или косым (2) рифлением, имитирующим шерсть или складки уха.

Вместе с тем, очевидно, что эти изображения, как и изображения Нимфейско-бобрицкого типа, амбивалентны, но в данном случае ухо является одновременно не крылом птицы, а скорее, судя по его абрису и местоположению на псалии, стилизованным копытом (впрочем, нельзя абсолютно исключать и тему крыла). Скорее всего, это ответвление базовой Нимфейско-бобрицкой иконографической линии в отображении обособленного уха копытного.

Хронология. Оба изображения, составляющие данный тип, имеют объективную датировку (см. Список опорных хроноиндикаторов): семибратненское — 450–440 гг. до н. э., малоцимбальское — 450–420 гг. до н. э. Это не противоречит и вышеуказанной вторичности данных изображений по отношению к изображениям Нимфейско-бобрицкого типа, учитывая его датировку.

Таким образом, хронологические рамки типа: 450–420-е гг. до н. э.

III.12. МОТИВ ОБОСОБЛЕННЫХ КОНЕЧНОСТЕЙ КОПЫТНЫХ

В рамках мотива обособленных конечностей копытных дифференцируются (по степени редуцированности) изображения сдвоенных и одиночных ног (в том числе метаподий и обособленных копыт).

§ 1. Сдвоенные ноги

Тин 1 Пастырский, V в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения, оформляющие бронзовые уздечные бляхи, происходящие с территории Среднего Поднепровья (1, 3) и Крыма (2).

Модель тина. Представлены передние (1, 2) и задние (3) конечности копытного в профильном ракурсе, ориентированные вправо (1, 3) или влево (2), при этом передняя нога упирается копытом в заднюю. В двух случаях, в условиях полной сохранности изображения, представлены также лопатка (1) и задняя часть с хвостом (3), еще в одном случае лопатка обломана (2). Изображения выполнены в высоком рельефе, в двух случаях (1, 2) с использованием прорези, разделяющей ноги, которые как бы свисают (позиция «на цыпочках») или, если рассматривать бляху в горизонтальном положении, как бы выброшены вперед и слабо изогнуты в надкопытной части. Изображения трактованы лаконично и крайне условно.

В пастырском изображении (1) лопатка и плечо образуют единую сегментовидную гладкую фигуру, далее они переходят в ноги, исходящие практически из одной точки — это слитые воедино тонкие предплечье и пясть, далее ноги переходят под тупым углом в копытную часть; аналогично в своей сохранившейся части оформлена бляха из Опушек (2). В изображении из Ольшанки (3) голень и плюсна образуют тупой угол, а далее опять-таки конечности переходят в копытную часть под тупым углом. К передней части пясти передней ноги в изображении из Опушек примыкает трехлепестковая пальметка, ее корень и лепестки оформлены трапециевидными валиками; аналогичная пальметка помещена на сгиб голени и плюсны в изображении из Ольшанки.

Мускулы в изображениях из Опушек и Ольшанки имитированы продольными желобками. Рудиментарные пальцы («щетки») моделированы тремя (1) или двумя (2, 3) валиками, далее идет трапециевидный основной палец копыта, уступом переходящий в трапециевидные подошвы (в ольшанском изображении его поверхность покрыта S-видными завитками). При этом в изображении из Опушек и Ольшанки волосы (спускающиеся от краевого участка волосатого кожного покрова на копытную кайму) моделированы валиками, разделенными желобками; подошвы копыт в опушкинском изображении частично повернуты на зрителя (ракурс «три четверти»), причем углубление подошвы показано продольным желобком, в котором у переднего копыта вверху помещен валик, возможно, имитирующий стрелку лошадиного копыта (*furca pulvini*).

Выступающий бедренный сустав копытного из Ольшанки (3) превращен в вертикальную голову ушастой птицы («скифского грифона» с миндалевидным глазом и рифленым ухом), упирающейся загнутым клювом в заднюю часть копытного (ср. Могилов, 2016. С. 170). Вниз вдоль крупа копытного идет короткий рельефный хвост, характерный, по справедливому мнению А. Д. Могилова, для оленя и лося, а не для лошади и быка (Могилов, 2016. С. 172).

Аналогии и хронология. Запечатленная в данном типе позиция «на цыпочках» представляется реликтом эпохи «архаики», в которой в восточноевропейском скифском зверином стиле данный сюжет реализовывался в полнофигурных изображениях оленей и лосей с прямыми ногами «на цыпочках» на константиновской и жаботинских пластинах, а на рубеже «архаики» и «классики» — в изображении из д. Дубовой типа II-II-1 (где показаны все четыре ноги); этот тип датируется, как было сказано, в пределах V в. до н. э. Этому не противоречит позиция В. Г. Петренко, которая относит комплекс кургана 3 Пастырского, урочище Галущино к V в. до н. э. на основании изображений в зверином стиле (Петренко, 1967. С. 94; ср. Могилов, 2008. С. 52).

Изображение из Опушек (2) находит себе композиционно-стилистические аналогии в изображениях одиночных конечностей копытных Бабинско-турьинского типа V в. до н. э. (см. ниже) — в особенности на золотой пластине-обивке деревянного сосуда из кургана Бабы и на костяном гребне из курганов у ст. Ассиновской. В приведенных аналогиях мы также наблюдаем рудимент композиции «на цыпочках» (вариант при рассмотрении в горизонтальном положении: позиция с подогнутой и вытянутой вперед ногой). Причем на том же месте, что и в изображении из Опушек, находится пальметка, в данном случае заполняющая пустое пространство между подогнутой пястью и верхней частью ноги копытного. Датировка этих аналогий подтверждает вероятность отнесения бляхи из Опушек к V в. до н. э.

Это важно отметить, поскольку сам погребальный комплекс (склеп № 288), к которому относится бляха из могильника Опушки, как и весь этот позднескифский могильник, датируется гораздо более поздним временем (дата склепа по объективным показателям — первая пол. II в. н. э., см.: Храпунов, Стоянова, Канторович, 2021. С. 335). Следовательно, перед нами один из ярких примеров анахронизма, переиспользования более ранних вещей как экзотических предметов или амулетов создателями позднескифской культуры (ср. вышеупомянутый случай помещения в один из каменных склепов Тавельских курганов, датируе-

мых в рамках II в. до н. э. — I в. н.э., уздечной бляхи в виде конечности хищника типа «Ак-Бурун — Корнеевка» V–IV вв. до н. э., переиспользованной как амулет, — см.: Дашевская, 1991. Табл. 74: 3. С. 24, 40, 52)[1].

Сходство изображения из Ольшанки с пастырским и, отчасти, опушкинским изображением позволяет датировать его также в пределах V в. до н. э. (ср. Могилов, 2016. С. 170).

Таким образом, предельные хронологические рамки типа: V в. до н. э.

§ 2. Одиночные ноги

Тин 1 Келермесско-нартанский, вторая треть VII в. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Прикубанья (1–3) и Центрального Предкавказья (4) и оформляющие костяные насадки на окончания деревянных псалиев. Фактически к тому же типу относятся еще 2 изображения копыта — окончания деревянных псалиев, но они учтены нами как нижние части животных, чьи головы составляют навершия этих псалиев, в рамках соответствующих таксонов — баранов типа I-1 Аксютинецко-нартановский (Новозаведенное-II, курган 13) и бараноптиц (Репяховатая могила, погр. 1).

Модель тина. Представлено завершение конечности (копыто с надкопытной частью), определяемое для келермесских изображений (1–3) как лошадиное по характерной для анатомии этого животного V-образной рельефной подошве копыта; что же касается нартанского изображения (4), его видовая атрибуция затруднена ввиду сквозного отверстия, свойственного данному предмету, но, скорее всего, это также конское копыто.

Это объемные резные изображения. Надкопытная часть короткая цилиндрическая, сужается при переходе в копыто, тем самым выделяя его в рельефе. Подошва копыта чуть скошена. В одном случае (1) выступом показан рудиментарный палец.

Основу **хронологии** данного типа составляют келермесские изображения, которые на основании объективных показателей датируются 660–640 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Остальные изображения, учитывая их большое сходство с келермесскими, должны датироваться аналогично. Следовательно, общая хронология типа может определяться как вторая треть VII в. до н. э.

Тин 2 Краснознаменско-келермесский, сер. VII — начало VI в. до н. э.

К данному типу относятся 8 изображений, происходящих с территории Ставрополья (1, 2, 6, 7) и Прикубанья (2, 3, 8) и оформляющих бронзовые (1, 6) и костяную (2) уздечные пряжки-пронизи, бронзовые уздечные бляхи (5, 8), а также костяные или роговые насадки на деревянные псалии (3, 4) и костяную пряжку (7).

Модель тина. Представлено завершение конечности лошади, определяемое по характерной для анатомии этого животного V-образной подошве копыта с четкой стрелкой лошадиного копыта (*furca pulvini*). Конечность редуцирована до надкопытной части и копыта, причем в трех случаях — предельно, до подошвы копыта (5, 7, 8). Изображения моделированы объемно, в высоком рельефе. Копыто (в тех случаях, когда можно определить его позицию относительно остальной части ноги) как бы свисает (позиция «на цыпочках» — 3, 4) или подогнуто (1, 2, 6). Надкопытная часть (1–4, 6) цилиндрическая, в краснознаменском, новозаведенском и пятигорском изображениях она изгибается под прямым углом и сужается при переходе в копыто (1, 2, 6), в келермесских изображениях переходит непосредственно в копыто (3, 4). Подошва копыта округлая (1, 2, 6) или «сердцевидная» (3–5, 7, 8).

Морфологическая динамика и хронология. В рамках типа наблюдается определенная морфологическая динамика: от относительно натуралистичного изображения нижней части ноги лошади, с фрагментом пясти, переходящей изгибом в копыто (1, 2, 6) — к передаче только непосредственной надкопытной части с копытом (3, 4) — и к отображению только подошвы копыта, как бы его знака (5, 7, 8).

Основу хронологии данного типа составляют келермесские и краснознаменское изображения (1, 3, 4), которые на основании объективных пока-

---

[1] В том же склепе № 288 могильника Опушки находился фрагмент еще одной бронзовой уздечной бляхи, оформленной в скифском зверином стиле (Храпунов, Стоянова, Канторович, 2021. Рис. 1: 1). Этот обломок бляхи сохранил изображение задней конечности кошачьего хищника с бедром и хвостом, причем хвост на конце, вероятно, трансформирован в птичью головку (во всяком случае, читается волютовидный клюв). Скорее всего, это часть полнофигурного изображения хищника, относящегося, судя по форме хвоста, к семейству кошачьих (или же грифона). Возможно, слом давно затерли и воспринимали эту вещь в позднескифскую эпоху как целую. В таком случае данное фрагментированное изображение находит себе аналогии в описанных выше изображениях припавшего к земле и готовящегося к прыжку кошачьего хищника — ср. Краснознаменско-новозаведенский тип, особенно изображения из Ульского кургана 1/1909 г., из Опишлянки, Витовой могилы и курганов Г Журовки. Однако в силу сильной фрагментированности опушкинского изображения нельзя с уверенностью говорить о целостном образе данного животного и, следовательно, невозможно включить это изображение в наш корпус источников.

зателей (см. Список опорных хроноиндикаторов) датируются соответственно 660–640 гг. до н. э. и сер. — третьей четв. VII в. до н. э., что не противоречит вышеприведенной морфологической динамике, предполагающей их хронологическую близость. Новозаведенское (курган 2) и пятигорское изображения (2, 6), почти тождественные краснознаменскому, должны датироваться аналогично, что не противоречит общим пределам существования могильника Новозаведенное-II, т. е. сер. VII — первой трети VI в. до н. э. Аналогично должно датироваться и изображение на новозаведенской пряжке из кургана 11 (7). При этом Новозаведенский курган 11 — один из наиболее ранних в могильнике Новозаведенное-II (Petrenko, 1994. P. 347–348), он датируется скорее сер. — третьей четв. VII в. до н. э. Комплекс из Дыша (8), как уже было сказано выше, датируется публикаторами по контексту (прежде всего, по конскому снаряжению и вооружению) второй пол., возможно, третьей четв. VII в. до н. э. (Маслов, Гей, Андреева, 2020. С. 195). В любом случае дышское и ульское (5) изображения, находящиеся в конце вышеприведенного эволюционного ряда, не могут датироваться ранее келермесских (3, 4), краснознаменских (1) и новозаведенского (7).

Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа: сер. VII — начало VI в. до н. э.

Тин 3 Хаджохско-аксютинецкий, нервая нол. VII — нервая нол. V в. до н. э.

К данному типу относится 42 изображения, происходящие в основном с территории Среднего Поднепровья (3–40), а также из Прикубанья (1, 2), Ставрополья (41) и Центрального Предкавказья (42). Они оформляют окончания псалиев, главным образом — трехдырчатых костяных (5–40, 42), реже трехдырчатых бронзовых (2–4, 41), а в одном случае — бронзовых трехпетельчатых (1)[1].

Модель тина. Представлены объемные или плоскостные изображения окончания ноги копытного, детали которой оформлены рельефом. Копыто как бы свисает (позиция «на цыпочках»). Надкопытная часть стержневидная, слабо изгибается (1, 5, 9, 16, 25, 33, 41) или вертикальна (2–4, 6–8, 10–15, 17–24, 26–32, 34–40, 42); она иногда переходит непосредственно в копыто (2, 3, 11, 22, 29, 34, 40), но чаще в той или иной мере сужается при переходе в копыто, тем самым выделяя его в рельефе (1, 3, 5–16, 18–21, 23–27, 32–39, 41, 42), либо же отделена от копыта рельефной перемычкой или ободком (4, 17, 28, 31). В одном случае четко оформлен рудиментарный палец (36). Надкопытная часть может быть покрыта рифлением — поперечным или елочным с задней стороны (6, 21, 38), возможно, передающим естественное рифление этого участка. В некоторых случаях надкопытная часть покрыта геометрическим орнаментом в виде резных треугольников, составляющих квадраты (27, 30, 42). В одном случае с задней стороны надкопытной части обозначены напряженные мускулы ноги, моделированные продольным валиком, доходящим до копыта.

В рамках данного типа намечается **морфологическая динамика** — от четко оформляемого скульптурного копыта, часто с отображением анатомии подошвы, порой позволяющей дифференцировать однокопытных и парнокопытных (1, 4, 25, 27, 31) — к схематичной геометризированной трактовке, игнорирующей анатомические детали и часто минимизирующей копыто (2, 5–24, 26, 28–30, 32–40).

Аналогии и хронология. Все учтенные в рамках данного типа костяные псалии обломаны в верхней части, так что они, скорее всего, относятся к массиву изображений на трехдырчатых псалиях, верхняя часть которых оформлена в виде голов бараноптицы (см. ниже, тип 1 Новозаведенско-аксютинецкий), барана (см. выше, тип 1 Аксютинецко-нартановский, тип 2 Аксютинецко-нартановский), лошади (см. выше, типы: I-1 Аксютинецко-шумейковский, II-1 Шумейковско-аксютинецкий, II-2 Шумейковско-волковецкий) и птицы (см. ниже, тип 1 Роменско-фаскауский, отнесенный к синкретическим существам). Ср. также Жаботинский псалий с головой птицы и обломанным концом (см. ниже, тип 16 Жаботинско-герасимовский птичьих голов), очень схожий с входящим в описываемый здесь Хаджохско-аксютинецкий тип жаботинским псалием из того же комплекса (27). Такие псалии учтены нами в рамках соответствующих классификационных таксонов. Костяные псалии, включенные в Хаджохско-аксютинецкий тип, решено не игнорировать, несмотря на образно-видовую неясность данных фрагментированных изображений, поскольку их количество очень значительно и их

---

[1] Изображение, оформляющее бронзовые трехдырчатые псалии, жестко скрепленные с удилами, из кургана у Мгарского монастыря около Лубен в Посулье (Титенко, 1954. Рис. 2; Могилов, 2008. Рис. 9: 2, 7) нами не учитывается, так как эти уздечные принадлежности являются вероятным закавказским или ахеменидским импортом и находят себе аналогии в серии изделий такого рода (как с оформлением окончаний копытами, так и без зооморфизма), датируемой в пределах начала V — начала IV в. до н. э. и хорошо известной в комплексах (в том числе надежно датируемых) из Закавказья (Ксанское ущелье, Колхида), Передней Азии (Деве Хуюк, Персеполь) и Балкан (Афины). По В. Р. Эрлиху, это вариант 2 удил с жесткоскрепленными псалиями — «удила с С-образно изогнутыми наружу дырчатыми псалиями» (Эрлих, 2010а. С. 75–77. Рис. 2; см. также: Иванчик, 2001. С. 180–181. Рис. 86; Могилов, 2008. С. 17–18).

исключение из общего массива изображений приведет к искажению статистики. Тем не менее, скорее всего, они должны были бы относиться к вышеперечисленным типам. Следовательно, их датировка определяется в рамках вышеуказанных типов, т. е. предельно сер. VII — первой пол. V в. до н. э.

Что же касается бронзовых псалиев из Медвина, Яснозорья, Шесхариса и Алексеевского (2–4, 41), все они относятся к варианту б («Уашхиту — Жаботин») типа 3 по классификации В. Р. Эрлиха (Эрлих, 1991а. С. 35, 41; 1994. С. 68, 103), возникшему первоначально на Северном Кавказе как «следствие синтеза принесенных с востока трехдырчатых псалиев "сиалковского" варианта и местной классической новочеркасской формы» (Эрлих, 1994. С. 32). Этот вариант датируется В. Р. Эрлихом для Северного Кавказа первой пол. VII в. до н. э., тогда как на территории Среднего Поднепровья псалии данного варианта отнесены им вслед за Г. Т. Ковпаненко к сер. — второй пол. VII в. до н. э. (Ковпаненко, 1981. С. 126–128; Эрлих, 2007. С. 130).

Наконец, комплекс кургана 2 из Хаджоха отнесен его исследователем А. А. Сазоновым к первой пол. — сер. VII в до н. э. как «прямой прототип» железных трехпетельчатых псалиев келермесского времени (Сазонов, 2000. С. 42–67), с чем согласен В. Р. Эрлих, относящий в рамках своей классификации узды соответствующие псалии из этого комплекса ко II типу I отдела и квалифицирующий их как имеющих «раннескифский облик» (Эрлих, 2007. С. 126). Это не противоречит вышеприведенной морфологической динамике.

Таким образом, предельные рамки данного типа: первая пол. VII — первая пол. V в. до н. э. (при этом большинство изображений относятся к периоду скифской архаики).

Тин 4 Первомаевско-аксютинецкий, V–IV вв. до н. э.

Этот тип объединяет 11 изображений, происходящих в основном с территории Среднего Поднепровья и Подонцовья (2, 3, 5–7, 9, 10), а также из Нижнего Поднепровья (1), Центрального Предкавказья (8) и Прикубанья (4, 11). Они оформляют S-видные двудырчатые псалии, в основном бронзовые, но в одном случае (5) — железные.

Модель тина. К данному типу относятся изображения ноги копытного, начиная практически от запястья/заплюсны и до копыта. Изображения выполнены в высоком рельефе. В основном они рассчитаны на двусторонний боковой обзор и строго профильны, но в песочинском изображении (10) трактовка скульптурная, с расчетом на круговой обзор, соответственно здесь показаны оба рудиментарных пальца. Запястье, соответствующее верхней части псалия, дуговидно изгибаясь, переходит в прямую пясть, которая на конце переходит в отогнутое назад под тупым углом копыто, как бы свисающее «на цыпочках», в результате обеспечивается S-видная форма всего псалия.

Изображения трактованы лаконично. Запястья могут быть геометричными трапециевидными (1–4, 11), могут быть оформлены в виде лапы хищника (5), рогов оленя/птичьей лапы (6, 7) или головы хищника (8, 9), могут быть заменены шишечкой (10). Нога тонкая, стержневидная. Рудиментарные пальцы и роговицы копыт рельефно выделены: рудиментарные пальцы четко моделированы треугольными выступами в контуре и могут еще дополнительно выделяться рельефными полосками (4, 7), они могут вместе с надкопытной частью как бы охватывать основной палец копыта (2, 4, 7, 9, 11), в одном случае (8) рудиментарный палец превращен в птичью голову с округлым глазом и длинным загнутым клювом. В объемном песочинском изображении (10) рудиментарные пальцы выделены скульптурно, при этом в они в профиль не заметны, а видны лишь при объемном обзоре с тыльной стороны копыта. Само копыто преувеличенное, чаще трапециевидное в профиле, реже сегментовидное (2, 5, 10), может быть отграничено прорезью (6, 11).

Хронологические рамки данного типа задаются такими объективно датируемыми изображениями (см. Список опорных хроноиндикаторов), как стеблевское (6) (первая пол. — сер. V в. до н. э.), из Скифской могилы (5) (вторая пол. V в. до н. э.) и волковецкое из раскопок Мазараки (3) (предельные рамки: вторая четв. — вторая пол. IV в. до н. э.). Остальные изображения так или иначе морфологически тяготеют либо к стеблевскому (волковецкое из раскопок Линниченко (7)), либо к Скифской могиле (первомаевское[1] (1), «Майкопский клад» (4)), либо к волковецкому (аксютинецкое из кургана 2, 1883–1885 гг. (2)). Кроме того, некоторые из не имеющих объективной датировки изображений (из Осетии (8) и аксютинецкое из кургана 1, 1883–1885 гг.) (9) соседствуют на

[1] Датировка первомаевского комплекса концом VI в. до н. э., предложенная его публикаторами Г. Л. Евдокимовым и М. И. Фридманом (Евдокимов, Фридман, 1991. С. 96), представляется неоправданно заниженной. Это подтверждается наличием в первомаевском комплексе удлиненных граненых ворворок, не известных ранее V в. до н. э. (Ильинская, 1968. С. 135; Петренко, 1967. С. 41), и, особенно, прямых стержневидных двудырчатых псалиев с восьмерковидным расширением, появившихся в V в. до н. э. и более популярных в IV в. до н. э. (Петренко, 1967. С. 37; Савченко, 2009. С. 241–242). Скорее, данный комплекс и соответствующие псалии следует датировать второй пол. V — началом IV в. до н. э.

одном псалии с достаточно узко датируемыми изображениями головы хищника вышеописанного типа 4 «Частые курганы-2 — аллероевский», V — начала IV в. до н. э.

Таким образом, предельные рамки Первомаевско-аксютинецкого типа: V–IV вв. до н. э.

Тин 5 Елизаветинско-майконский, сер. V — третья четв. IV в. до н. э.

Этот тип объединяет 8 изображений, все они происходят с территории Прикубанья и оформляют бронзовые двудырчатые псалии — Г-образные (1–4, 7, 8) и S-видные (5, 6).

Модель тина. Данные изображения представляют только пясть с копытом. Изображения скульптурные и рассчитаны на круговой обзор. Пясть прямая, переходит в отогнутое назад под тупым углом копыто, как бы свисающее («на цыпочках»). Изображения на лопасти S-видных бронзовых двудырчатых псалиев сочетаются с изображением уха копытного/крыла птицы на противоположной лопасти (5; см. выше тип 2 Семибратненско-малоцимбальский) либо с когтевидной лопастью (6).

Изображения трактованы лаконично. Нога тонкая стержневидная. Рудиментарный палец в одном случае сглажен (2), в остальных четко отстоит от копыта, моделирован треугольным выступом в контуре. Копыто преувеличенное, трапециевидное (2), сегментовидное (5, 6) или треугольное (1, 3, 4, 7, 8) в профиле, может быть отграничено уступом (2) и может иметь раздвоенную желобком подошву (2) или поверхность (5), т. е. соответствовать анатомии парнокопытного.

Аналогии и хронология. Данный тип, безусловно, является локальным прикубанским продолжением и стилизацией типа 4 Первомаевско-аксютинецкий (V–IV вв. до н. э.). Сначала на этом пути, видимо, происходило упрощение изображений на противоположной лопасти (5, 6), затем при переходе от S-видной формы псалиев к Г-образной было утеряно отображение запястья и усилилась объемность. Основу хронологии данного типа составляют датируемые по объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) семибратненские изображения из кургана 4 (7) (третья четв. V в. до н. э.) и из кургана 2 (5, 6) (вторая пол. V в. до н. э.), елизаветинские изображения (первая четв. IV в. до н. э.) (1, 2), а также из погр. 202 могильника Прикубанский (8) (сер. — третья четв. IV в. до н. э.). Тауйхабльское (3) и майкопское (7) изображения должны датироваться аналогично елизаветинским (1, 2), которым они очень близки морфологически.

Таким образом, хронологические рамки Елизаветинско-майкопского типа: сер. V — третья четв. IV в. до н. э.

Тин 6 Журовско-гаймановский, V — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 6 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1), Нижнего Поднепровья и Побужья (2–5), а также Среднего Подонья (3). Они оформляют бронзовые S-видные двудырчатые псалии.

Модель тина. Это изображения пястной части ноги копытного с преобразованием копытной части в фитоморфную фигуру, а запястья — либо в аналогичное копыто (6), либо в голову хищника (1–3) или лапу хищника (4, 5). Изображение выполнено объемно, но уплощенно, с расчетом преимущественно на двусторонний боковой обзор. Запястье, соответствующее верхней части псалия, дуговидно изгибаясь, переходит в прямую пясть, которая на конце переходит в отогнутое назад копыто, как бы свисающее «на цыпочках», в результате обеспечивается S-видная форма всего псалия.

Изображения трактованы крайне лаконично. Нога тонкая стержневидная, чаще гладкая, но в одном случае (1) покрытая поперечным рифлением из трех групп трех валиков. Рудиментарные пальцы рельефно выделены и вместе с надкопытной частью формируют как бы основу бутона, из которого выступает или трапециевидное (в одном случае треугольное — 6) копыто-цветок, в двух случаях отделенное прорезью (4, 6). Копыто может быть гладким (1, 2, 4, 6), но в двух случаях оно покрыто поперечным (3) или продольным (5) рифлением. Само копыто преувеличенное, чаще трапециевидное, реже сегментовидное (2, 5), может быть отграничено прорезью (6).

Морфологическая динамика, аналогии. Вероятно, динамика иконографии данного типа состояла в удлинении и фитоморфизации таких изображений, как журовское (6), в котором растительных черт еще мало и которое, очевидно, родственно изображениям Первомаевско-аксютинецкого типа. В конечном счете, этот процесс мог привести к окончательной замене зооморфности фитоморфностью, что мы видим в изображениях на бронзовых уздечных бляхах из Вакулиной Могилы (Клочко, Скорый, 1991. Рис. 5: 7, 8; Могилов, 2008. Рис. 104: 3, 4), которые, составляя аналогию бляхам Журовско-гаймановского типа, не включаются нами в рамки этого типа ввиду полной утраты зооморфности.

Хронология данного типа определяется такими объективно датируемыми изображениями (см. Список опорных хроноиндикаторов), как журовское (первая пол. V в. до н. э.), из Скифской могилы (1) (вторая пол. V в. до н. э.) из Русской Тростянки (3) (рубеж V–IV или начало IV в. до н. э.) и гаймановское (2) (предельные рамки: 360–325/320 гг. до н. э.). Вышеупомянутая стилистическая динамика это подтверждает, не противоре-

чит этому и наличие на противоположной стороне псалиев из Скифской могилы, Гайматовой могилы и Русской Тростянки головы хищника типа 3 «Скифская могила — Макеевка» (V–IV вв. до н. э.), а на противоположной стороне псалиев из Первомаевки (4) и Николаевки (5) — конечностей хищника типа 8 «Первомаевка — Николаевка» (V–IV вв. до н. э.). Первомаевское[1] изображение морфологически тяготеет к Скифской могиле.

Таким образом, вероятные рамки данного типа: V — третья четв. IV в. до н. э.

Тин 7 Бабинско-турьинский,
V в. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья (1), Среднего Поднепровья (2), Прикубанья (3) и Центрального Предкавказья (4). Они оформляют золотые обивки деревянного сосуда (1, 3), бронзовые уздечные бляхи (2) и костяной гребень (4).

Модель тина. Представлены лопатка и передняя нога копытного в профильном ракурсе. Изображения выполнены в высоком рельефе. Нога согнута относительно лопатки под тупым (1–3), в одном случае — под острым (4) углом и как бы свисает (позиция «на цыпочках») или, если рассматривать изображения в горизонтальном положении, как бы выброшена вперед и в надкопытной части чуть изогнута.

Лопатка, плечо, локтевая часть и запястье слиты в полуовальную (1–3) или сегментовидную (4) фигуру, переходящую в короткую мощную пясть с преувеличенным копытом. «Пустота» в изгибе между лопаткой и пястью — в случае наличия значительного пространства (1, 2, 4) — заполнена крупной пальметкой. Рудиментарные пальцы и роговицы копыт выделены рельефно и в контуре. Копыта треугольные, отграничены в основании уступом (в одном случае (2) — еще и прорезью).

Особенности трактовки конкретных изображений и морфологическая динамика. В бабинском изображении (1) в лопатку вписана «малая лопатка» — плечевой сустав, моделированный рельефно и переходящий в рельефную линию вдоль заднего края ноги — имитацию мускулов. Лопатка бабинского копытного маркирована по краю четырьмя группами по три поперечных насечки (имитация шерсти?).

В турьинском изображении (2) пясть отделена от лопатки и запястья поперечным валиком, а рудиментарный палец симметричен выступающей надкопытной части и формирует с ней бутонообразную фигуру, из которой вырастает «цветок-копыто».

В майкопском изображении (3) лопатка преуменьшена и заполнена перевернутой головой птицы типа 3 Ольвийско-завадский (см. ниже); аналогичная голова помещена в основание копыта, тогда как рудиментарный палец и само копыто превращены в клювы зубастых птиц с помощью разделения их надвое линией рельефных кружков — «зубов». С помощью продольной линии — ребра плоскостей — на поверхности пясти имитированы мускулы.

Центральнокавказское изображение (4) отличается наибольшим схематизмом и геометричностью.

Очевидно, иконографическое ядро данного типа составляет бабинское изображение (1), его стилизация приводит к фитоморфности в турьинском изображении (2), нагруженностью зооморфными превращениями в майкопском изображении (3) и схематизации в центральнокавказским изображении (4).

Аналогии и хронология. Запечатленная в данном типе позиция «на цыпочках» представляется, как и в случае с типом 1 Пастырский сдвоенных ног копытного (V в. до н. э.) атавизмом полнофигурных изображений эпохи «архаики». Возможно, Пастырский тип послужил промежуточным звеном в передаче данной традиции для Бабинско-турьинского типа.

Основу хронологии данного типа составляют объективно датируемые (см. Список опорных хроноиндикаторов) турьинское изображение (первая пол. V в. до н. э.) и бабинское изображение (470–450 гг. до н. э.). Вышеприведенная морфологическая динамика заставляет полагать, что остальные изображения не могли появиться раньше бабинского. Птичьи головы на майкопской обивке, как уже сказано, относятся к типу 3 Ольвийско-завадский и в рамках этого типа очень близки головам птиц на аналогичных обивках чаш из 1-й Завадской могилы, соответственно майкопская конечность может датироваться в сходных пределах с объективно датируемым завадским комплексом — 450–425 гг. до н. э. или немного позднее (ср. позицию А. М. Лескова, датирующего майкопские обивки второй пол. V в. до н. э.: Leskov, 2008. P. 119).

Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа: V в. до н. э.

Тин 8 Пастырско-ульский,
V в. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья (1), Среднего Поднепровья (3) и Прикубанья (2, 4). Они оформляют золотые обивки деревянного сосуда (1), бронзовые уздечные бляхи (2, 4), а еще одно из них выгравировано на стенке керамического черпака (2).

---

[1] О проблеме датирования первомаевского комплекса см. выше.

Модель тина. Представлены надкопытная часть и копыто в профильном ракурсе, короткие и широкие. Изображения выполнены в рельефе (1, 3) или же на плоскости, с проработкой деталей углубленными линиями (2, 4, 5). Копыто как бы свисает (позиция «на цыпочках»).

Рудиментарные пальцы и роговицы копыт выделены в контуре и имитированы либо коротким ромбовидным выступом (1), либо длинной полоской, примыкающей к подошве копыта на конце и отделенной от нее прорезью (4), а в двух случаях этот палец трансформирован в птичью голову с закрученным (2) или загнутым (3) клювом. Основание копыта может быть покрыто продольным рифлением (в том числе с заполнением рельефными кружками — 1), что является имитацией природного рифления в основании копыта (?). Копыта отграничены в основании желобком, имеют треугольные очертания (1–3), а в одном случае — сегментовидные, напоминающие перевернутый птичий клюв (4). Конечность из Острой могилы (1) по контуру обрамлена полосой с заполнением рельефными кружками, еще одна такая полоска проходит вдоль подошвы копыта.

Аналогии и хронология. Данный тип изначально представляется следствием непосредственного редуцирования Бабинско-турьинского типа, V в. до н. э., с дальнейшей стилизацией копыта. Эта иконографическая преемственность заставляет полагать, что изображения Пастырско-ульского типа создавались в период функционирования Бабинско-турьинского типа. Это подтверждается объективной датировкой (см. Список опорных хроноиндикаторов) ульского изображения из кургана 11 (4) (V в. до н. э.). В. Г. Петренко датирует комплекс, из которого происходит пастырское изображение (3), на основании уздечного набора, не позднее второй пол. V в. до н. э. (Петренко, 1967. С. 94).

Таким образом, вероятные рамки данного типа: V в. до н. э.[1]

Тин 9 Петровский,
вторая четв. — сер. IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее из Нижнего Поднепровья (1) — из погр. 3 кургана 2 у пгт Петровка. Оно оформляет бронзовую позолоченную уздечную бляху.

Изображение скульптурное, рассчитано на односторонний боковой обзор. Представлено мощное подовальное бедро (лопатка?), которое, сужаясь, переходит в длинную ногу, выгнутую назад в заплюсне; нижняя часть ноги дуговидно изогнута и переходит уступом в короткое геометризованное копыто подпрямоугольной формы. Перед нами знак копытного, как бы тянущегося вперед и отставившего назад заднюю (переднюю?) ногу, прочно поставленную всей плоскостью копыта на землю.

Хронология. Данное изображение по объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) датируется второй четв. — сер. IV в. до н. э.

Краткие итоги систематизации изображений копытных

Нами выявлено и систематизировано 873 оригинальных изображения животных, наделенных указанными в главе I признаками скифского звериного стиля и природными признаками надотряда копытные (Ungulata). Эти изображения образуют 130 морфологических типов и в совокупности присутствуют во всех субрегионах восточноевропейского скифского звериного стиля на всем протяжении его функционирования.

В рамках этого мегаобраза выявлены различные образы копытных животных. Наиболее популярен образ оленя, к которому нами отнесены изображения, наделенные объективными морфологическими признаками отряда парнокопытных, семейства оленевые или оленьи (*Cervidae*), подсемейства настоящие олени (*Cervinae*) и двух видов — благородного оленя (*Cervus elaphus*) и лани (*Cervus dama*), по нашему заключению, не дифференцируемых в системе «народной классификации» создателей скифского звериного стиля.

Всего идентифицированы 292 оригинальных изображений оленя (в том числе 140 полнофигурных и 152 редуцированных). Доля изображений оленей в общем массиве оригинальных изображений копытных составляет, таким образом, одну треть (33,4%). Они образуют 44 типа и в совокупности присутствуют во всех субрегионах восточноевропейского скифского звериного стиля на всем протяжении его функционирования.

Абсолютно преобладающим сюжетным направлением в полнофигурной реализации образа оленя является лежащий олень (113 изображений, т. е. 80,7% от всех полнофигурных изображений оленя), образующие 13 типов, тогда как сюжеты стоящего/

---

[1] Дальнейшая стилизация Пастырско-ульского типа — бронзовая уздечная бляха из группы «Клады» у ст. Новосвободной, курган 52, конь 3 (Габуев, Эрлих, 2001. Рис. 3: 12), выполненная «в виде стилизованного крыла или копыта» (Габуев, Эрлих, 2001. С. 113), а также большая серия S-видных пса-лиев с аналогичными («секировидными») лопастями из Прикубанья (см. тот же комплекс из «Кладов» и псалии из Ульского 11-го кургана (Габуев, Эрлих, 2001. Рис. 3: 2, 4: 1, 2), из кургана у хут. Шунтук (Иль-инская, Тереножкин, 1983. С. 53. Рис. 8) и из Поднепровья (см., в частности: Могилов, 2008. Рис. 70: 4–10, 79: 1–13). Данные изображения представляются дальнейшей стилизацией темы копыта с исчезновением соответствующей семантики и сохранением лишь подосновы композиции, поэтому они не рассматриваются нами в качестве зооморфных.

идущего оленя и полулежащего/полустоящего оленя представлены гораздо меньшим числом изображений и типов.

В свою очередь, в рамках сюжета лежащего оленя выявляются два базовых иконографических канона: канон «летящего» оленя (на самом деле — лежащего в жертвенной позе), т. е. известная композиционная схема «скифского оленя», «сквозная» для всего скифо-сибирского мира и, в основном, используемая в эпоху «скифской архаики», с отдельными инерционными трактовками в V — начала IV в. до н. э., и канон «спокойно лежащего» оленя, характерный специально для восточноевропейского локального варианта и ограниченный периодом «скифской классики», с отдельными «переживаниями» в начале III в. до н. э. По этим канонам, которым соответствуют два морфологических типа (Келермесско-кульобский и Завадско-акмечетский типы, разделяемые на варианты), выполнены 72,6% изображений лежащего оленя и почти 60% всех полнофигурных изображений оленя. Изображения Келермесско-кульобского и Завадско-акмечетского типов охватывают все основные ландшафтные территории, составляющие локальный вариант восточноевропейского скифского звериного стиля (лишь в Среднем Подонье нет изображений Келермесско-кульобского типа, что закономерно, поскольку этот тип реализовывался в основном в эпоху «скифской архаики», тогда как в данном регионе практически нет скифских памятников этого времени).

В редуцированном виде (протомы, головы, рога) олень представлен достаточно широко — это половина общего числа типов и немногим более половины общего числа изображений оленя. Основной массив редуцированных отображений оленя составляют изображения обособленных голов. Данный мотив, известный уже в эпоху «скифской архаики», преимущественно относится к периоду «скифской классики».

Не столь широко представлены лоси, к которым отнесены изображения, наделенные видовыми чертами вида лоси (*Alces alces*) — единственного вида единственного рода *Alces* подсемейства *Alcinae* семейства оленьи (*Cervidae*). Это 108 изображений (полнофигурных — 27, редуцированных — 81), образующие 17 морфологических типов, причем большинство из них является редуцированным воспроизведением лося (голова). Доля изображений лося в массиве изображений копытных составляет, таким образом, 12,4%.

Наиболее крупные по количеству изображений морфологические типы лося покрывают всю зону скифской археологической культуры и территорию ее непосредственного влияния. Мастера восточноевропейского скифского звериного стиля обращались к теме лося на протяжении почти всей скифской эпохи — с сер. VII в. до н. э. вплоть до начала III в. до н. э., но пик популярности образа приходится на период V — первой пол. IV в. до н. э.: именно к этому временному отрезку относится наибольшее количество изображений и морфологических типов лося. При этом если в эпоху «скифской архаики» VII–VI вв. до н. э. образ лося в семантическом отношении относительно обособлен в рамках местного репертуара, то с конца VI в. до н. э. и позднее, в период «скифской классики», этот мотив в значительной мере смыкается с образом оленя (что вполне закономерно в биологическом и географическом отношениях), формируя пограничный образ «оленелося», который объединяет всего 13 изображений (1,5% в общем массиве копытных), но при этом разрабатывается достаточно широко: в Прикубанье, в Центральном Предкавказье, в Среднем Поднепровье и в Крыму. Вместе с тем образ лося порой оказывается на грани иного семантического контекста, будучи контаминированным образами хищной птицы и грифона (что ведет к появлению на рубеже V–IV вв. до н. э. синкретического образа «лосептицы», рассматриваемого нами в главе V).

Существенный сегмент в рамках мегаобраза копытных составляют образы горного барана, вид *Ovis ammon* (80 изображений, т. е. 9,2% в массиве изображений копытных; 10 морфологических типов) и горного козла, виды козел безоаровый (*Capra aegagrus*) и тур кавказский (*Capra caucasica*) (57 изображений, т. е. 6,5% в массиве изображений копытных; 12 морфологических типов). Горный баран начинает отображаться не позднее второй трети VII в. до н. э. и реализуется в основном редуцированно (голова, протома и, особенно часто, голова в сочетании с ногами или копытами — на противоположных концах псалиев) и, по большей части, в период «скифской архаики». Основная масса этих изображений происходит с территорий Северо-Западного Кавказа (в основном из Прикубанья) и Среднего Поднепровья. Горный козел также популярен именно в период «скифской архаики», начиная со второй пол. VII в. до н. э., причем чаще отображается полнофигурно (в основном на территории Среднего Поднепровья и Прикубанья).

На границе образов лося и козла, оленя и козла возникают синтетические образы «лосекозлов» и «оленекозлов». Оба эти образа характерны только для эпохи скифской классики и представлены небольшим количеством изображений (соответственно 21 и 20 оригинальных изображений, т. е. в совокупности 4,7% от всего массива изображений копытных), хронологически весьма ограниченным («лосекозел» — второй четв. V — первой пол. IV в. до н. э.; «оленекозел» — сер. IV — началом III в. до н. э.). При этом «лосекозел» распространен

более широко (он неизвестен лишь в лесостепной зоне), тогда как «оленекозел» — преимущественно прикубанский образ. В рамках этих образов выявляется по одному морфологическому типу, каждый из которых может считаться надежным хронологическим маркером.

Достаточно существенно в количественном выражении представлены изображения лошади (род лошади (*Equus*) семейства лошадиных (*Equidae*) отряда непарнокопытных (*Perissodactyla*) надотряда копытных): всего 116 изображений (13,3% в массиве изображений копытных), образующих 14 морфологических типов. Однако подавляющее их большинство (80 оригинальных изображений, т. е. 69% от всего массива изображений лошади) — это головы в сочетании с копытами на костяных псалиях «скифской архаики», образующие 4 морфологических типа, все изображения которых локализуются в Среднем Поднепровье (лишь одно происходит с территории Ставрополья — из могильника Новозаведенное-II). Очевидно, это исключительно среднеднепровская традиция, возникшая здесь же и практически прерванная с началом «классики». Что же касается полнофигурного отображения лошади, таковое в восточноевропейском скифском зверином стиле практикуется крайне редко, реализуется только в сюжете лежащей лошади с головой вперед и, хотя и появляется еще во второй пол. VII в. до н. э., в основном связано с периодом «скифской классики».

Кабан (*Sus scrofa*) — образ значимый, но не самый популярный в восточноевропейском скифском зверином стиле. Он объединяет 46 оригинальных изображений, т. е. 5,3% от всех изображений копытных. К данной теме мастера восточноевропейского скифского звериного стиля обращались, начиная с сер. VI в. до н. э. и вплоть до рубежа IV–III вв. до н. э. Преобладают редуцированные отображения кабана: 36 изображений (в основном голова, в одном случае обособленная конечность), формирующие 7 типов. Полнофигурных изображений лишь 10, но они распределяются по трем сюжетным группам и, далее, по 7 морфологическим типам, что демонстрирует сюжетно-стилистическое разнообразие мотива фигуры кабана и важность этой темы для местного репертуара. При этом для эпохи «скифской архаики» VII–VI вв. до н. э. характерно полное отсутствие редуцированных и единичность полнофигурных трактовок кабана; основной период реализации данного образа — «скифская классика», причем он встречается во всех субрегионах восточноевропейского скифского звериного стиля.

Образ быка (род *Bos*, подсемейство бычьи (*Bovinae*)) в репертуаре восточноевропейского скифского звериного стиля почти не используется (2 типа, 5 оригинальных изображений). Он эпизодически встречается в период «скифской архаики» в Прикубанье в рамках мотива обособленной головы на бронзовых навершиях (4 изображения) и затем продолжается в единственном полнофигурном изображении первой пол. V в. до н. э. с территории Среднего Поднепровья.

Напротив, очень популярен, распространен почти на всем протяжении существования и во всех субрегионах восточноевропейского скифского звериного стиля мотив обособленных конечностей копытных — сдвоенных ног, одиночной ноги, ее нижней части или собственно копыта (10 типов, 91 изображение, т. е. 10,4% от всех изображений копытных). В рамках данного мотива дифференцируются редкие изображения сдвоенных ног (1 тип, 3 изображения) и большой массив изображений одиночных ног, в том числе обособленных копыт (9 типов, 88 изображений), в основном на окончаниях псалиев периода «скифской архаики» из Среднего Поднепровья. Следует, однако, оговорить, что к этому мотиву были отнесены и многочисленные псалии с обломанной верхней частью, возможно, отображавшей голову лошади, барана, баранопти-цы или хищника.

Наконец, на грани мегаобразов копытных и птиц находится амбивалентный мотив ушей копытных (скорее, оленя или лося) / крыльев птиц (2 типа, 24 изображения). Он реализуется только в эпоху «скифской классики» и практически во всех основных зонах скифской археологической культуры, исключая Среднее Подонье.

Подробной характеристике истоков и направлений реализации мегаобраза копытных животных посвящена глава VII (§ 2).

Глава IV

Образы птицы и «скифского грифона»: классификация, типология и хронология изображений

§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений

Образ птицы в восточноевропейском скифском зверином стиле реализован в изображениях, наделенных вышеназванными общестилевыми признаками, а также объективными морфологическими признаками биологического класса птиц (*Aves*) — наличие крыльев и клюва, отсутствие передних ног. При этом, как мы увидим, большинство птичьих изображений в восточноевропейском скифском зверином стиле можно связывать с отрядом соколообразных, или дневных хищных птиц (*Falconiformes*), подсемейством соколиных (*Falconidae*). Об этом свидетельствует характерная форма загнутого клюва. Возможно, впрочем, что некоторые изображения представляют хищных птиц семейства ястребиных (*Accipitridae*) — из рода орлов или из рода орланов[1], но в любом случае это таксон того же отряда соколообразных птиц.

Более детальная идентификация изображений птицы в скифском зверином стиле с дальнейшими таксономическими уровнями биологической классификации затруднена; в силу обобщенности признаков, эта идентификация иногда осуществима на уровне типов изображений. При этом в исключительных случаях изображения представляют не соколообразных, а иные отряды, в частности отряд гусеобразные (*Anzeriformes*), семейство утиные (*Anatidae*) — с прямым или чуть изогнутым клювом. В силу этого биологическая принадлежность птиц к тому или иному отряду специально оговаривается только при невозможности атрибутировать их как соколообразных, в остальных случаях по умолчанию предполагается идентификация персонажей как дневных хищных птиц[2].

Изображения птиц представлены в виде целых фигур и обособленных голов и когтей.

§ 2. Полнофигурные изображения птицы

2.1. Таксономические уровни классификации

Полнофигурные изображения птиц разделяются по трем универсальным таксономическим уровням.

1. ***По позиции крыльев относительно туловища*** изображения птиц разделяются на 2 сюжетных группы:

грунна I — крылья не прижаты к туловищу, они расправлены (раскрыты полностью) или полураскрыты. С долей условности это можно называть сюжетом **движущейся птицы** — парящей / готовящейся взлететь / усаживающейся — в зависимости от степени раскрытости крыльев и позиции ног;

грунна II — крылья полностью прижаты. Это изображения **статичной, сидящей птицы**.

2. ***По позиции головы относительно крыльев*** каждая сюжетная группа разделяется на 2 сюжетных отдела:

отдел I — изображения птиц с головой, показанной в едином ракурсе с крыльями;

---

[1] В частности, Н. А. Гаврилюк, В. Н. Грищенко и Е. Д. Яблоновская-Грищенко предположили, что птица, клюющая и когтящая рыбу (см. ниже основной массив изображений типа II-I-2 Завадско-елизаветовский), не может быть орлом (который охотится на суше и обычно не питается рыбой), а является орланом-белохвостом, который относится именно к семейству ястребиных (Гаврилюк, Грищенко, Яблоновская-Грищенко, 1999. С. 59, 63. Рис. 2: 14).

[2] Очень интересна попытка Н. А. Гаврилюк, В. Н. Грищенко и Е. Д. Яблоновской-Грищенко осуществить конкретно-видовую идентификацию изображений птиц в изделиях торевтики, происходящих из скифских памятников (Гаврилюк, Грищенко, Яблоновская-Грищенко, 1999. С. 56–64). Исследователи, рассмотрев 83 изображения, дифференцировали 14 видов как хищных, так и нехищных птиц, причем выявилось немало изображений водоплавающих птиц. Однако большинство всех этих изображений связаны с изделиями не скифской, а греческой торевтики, изготовленной с учетом скифских запросов, соответственно среди них мало изображений в скифском зверином стиле. Поэтому в нашем исследовании мы не можем применить выводы о видовой специфике авифауны, сделанные Н. А. Гаврилюк, В. Н. Грищенко и Е. Д. Яблоновской-Грищенко.

отдел II — изображения птиц с головой, показанной в ином ракурсе, нежели крылья.

3. *По менее значимым композиционным показателям, а также с учетом образно-стилистических признаков* каждый сюжетный отдел разделяется на сюжетно-стилистические типы.

2.2. Тинология и хронология нолнофигурных изображений нтицы

Группа I – отдел I

Тин I-I-1 Жаботинский,
сер. — вторая нол. VII в. до н. э.

К данному типу относятся 3 оригинальных изображения, происходящие с территории Среднего Поднепровья (1–3). Это фигуры на трех знаменитых Жаботинских пластинах, подробно описанных выше в рамках характеристики образа лося.

Модель тина. Три птицы на первой пластине, учитываемые нами как одно оригинальное изображение, ориентированы влево (1), еще 2 фигуры и голова птицы (очевидно, для полнофигурного изображения здесь не хватило места) — на второй пластине — направлены вправо (2), а на третьей пластине представлена одна птица, ориентированная вправо и, очевидно, преследуемая лосем (3).

Изображения плоскостные гравированные. Фигуры строго профильные. Всё изображение вписано в S-видную фигуру: птица показана с откинутым наискось назад крылом, опущенным концом до земли (и, очевидно, полностью закрывающим хвост), с наискось вперед направленной ногой и отходящей наискось вверх шеей, линию которой продолжает голова. Крыло и шея центральносимметричны друг другу относительно лопатки.

Трактовка анатомических деталей лаконичная и примитивная. Глаз округлый, чуть выступает над поверхностью головы, клюв мощный, загнутый. Линия рта моделирована дуговидной полоской. Голова, трапециевидно расширяясь, переходит в мощную шею, слитую с грудной частью. Нога отграничена углубленной линией, лопатка мощная, аналогична лопаткам лосей на Жаботинских пластинах, переходит в укороченную мощную лапу без выделенных когтей. Крыло сегментовидное, с выгнутым верхним краем, перья имитированы широкими продольными полосами, разграниченными углубленными линиями.

Хронология. Датировка изображений на Жаботинских пластинах, как уже было указано в связи с образами жаботинских лосей, определяется в рамках сер. — второй пол. VII в. до н. э.

Тин I-I-2 Гаймановско-чертомлыцкий,
вторая треть IV — начало III в. до н. э.

К данному типу относятся 7 оригинальных изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1–7). Это фигуры на бронзовых навершиях[1].

Модель тина. Изображена птица с коротким слабозагнутым или незагнутым клювом, т. е. не относящаяся к отряду дневных хищных птиц, — скорее всего, водоплавающая. Моделировка скульптурная, с доработкой деталей углубленными линиями. Птица показана с опущенной головой[2], с горизонтально ориентированным туловищем и горизонтально поставленными крыльями, прилегающими внутренним краем к туловищу, образуя в плане геометрическую фигуру — трапецию (1) либо прямоугольник (3, 4, 6), в том числе с вогнутыми сторонами (7), либо овал (5). Исключение составляет краснокутское изображение (2), в котором крылья полностью отстоят от туловища, — они как бы полураскрыты. Ноги не обозначены, туловище птицы непосредственно переходит в бубенец навершия. Хвост чаще находится в той же плоскости, что и крылья (1, 3, 4, 5, 7), реже загибается вверх (2, 6). Поза птиц в целом статична, но положение крыльев при их рассмотрении в плане позволяет говорить о том, что птиц еще не сложила крылья и либо взлетает, либо усаживается.

Анатомические детали трактованы весьма схематично. Глаза округлые, моделированы выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Голова переходит в цилиндрическую или усеченно-коническую шею. Туловище узкое, зажато между крыльями. Крылья сегментовидные. Перья крыльев и хвоста имитированы широкими полосами, разграниченными углубленными линиями. Эти полосы идут продольно, исключая краснокутскую птицу, перья крыльев которой имитированы поперечными полосами.

В целом наиболее проработанными (при общем лаконизме и геометризме) представляются александропольское, гайманoвское и бабинское изображения (1, 5, 7), тогда как чертомлыцкое и каменское изображения наиболее схематичны и примитивны (3, 6).

Хронология. Почти все изображения данного типа имеют объективные датировки (см. Список

---

[1] К данному типу композиционно примыкают изображения хищных птиц на знаменитом бронзовом навершии с предполагаемым Папаем, происходящим из Поднепровья (Лысая гора) (Древности Приднепровья, 1899. Рис. на с. 14; Alexeev, Barkova, Galanina, 2001. P. 104–105. Fig. 78), однако они представляются скорее гальштатскими по стилю, поэтому в корпус изображений восточноевропейского скифского звериного стиля не включаются.

[2] В бабинском изображении (7) голова утрачена, но значительное сходство данной фигуры с остальными изображениями Гайманoвско-чертомлыцкого типа позволяет также рассматривать бабинское навершие в рамках данного типа.

опорных хроноиндикаторов), а именно: из Гайма-новой могилы (360–325/320 гг. до н. э.), из насыпи Чертомлыка (в абсолютных пределах 350–300 гг. до н. э.), из Краснокутского кургана (предельные границы: 350–320 гг. до н. э.), из Бабиной могилы (сер. — третья четв. IV в. до н. э.), из Александрополя (в пределах 340–300 гг. до н. э.) и из Каменской Близницы (третья четв. IV — начало III в. до н. э.). Изображение из Одесского музея, очень близкое гайма-новскому, должно датироваться аналогично.

Таким, образом, хронологические рамки данного типа: вторая треть IV — начало III в. до н. э.

Тин I-I-3 Мастюгинский,
IV в. до н. э.

К данному типу относятся 3 оригинальных изображения, происходящих с территории Среднего Подонья (1, 3) и Крыма (2). Это фигуры, оформляющие колчанные или поясные крючки — бронзовый (1), железный (3) и золотой (2).

Модель тина. Представлена птица с загнутым клювом, вероятно, хищная. Изображения моделированы объемно, но с расчетом преимущественно на обзор в плане — как бы взгляд сверху на фигуру птицы. Птица показана с горизонтальной головой, с горизонтально ориентированным туловищем и горизонтально поставленными крыльями, прилегающими внутренним краем к туловищу полностью (1, 3) или частично (2), образуя в плане геометрическую фигуру — трапецию. При этом ноги не обозначены. Хвост находится в той же плоскости, что и крылья. Поза птиц в целом статична, но положение крыльев при их рассмотрении в плане позволяет говорить о том, что птица еще не сложила крылья и либо взлетает, либо усаживается.

Детали трактованы крайне схематично, с нарушением пропорций. Глаза и клюв преувеличены и фактически формируют голову. Глаза округлые, моделированы единым поперечно рифленым валиком перпендикулярно клюву в его основании (1, 3), сама зеница дана выпуклостью в углублении глазницы; в акбурунском изображении глаз не прослеживается (2). Непосредственно за глазом в одном из мастюгинских изображений аналогичным валиком имитированы уши, впадины раковины обозначены углублениями. Клюв длинный и мощный, загнут крючком в соответствии с функцией оформляемого предмета. Шея тонкая трапециевидная (1) или стержневидная (2, 3), в одном случае — Мастюгино, курган 47/30 (1) обрамлена продольными рифлеными валиками, очевидно, имитирующими перьевой покров, в том же изображении шея разделена ребром продольно сходящихся плоскостей. Крылья в двух случаях сливаются с туловищем (2), в одном (1) — контрастируют с гладкой спиной, будучи продольно зарифленными крупными полосками, причем плечевая, коренная часть крыльев маркирована рельефными S-видными завитками; в том же изображении хвост трапециевидный, сформирован пятилепестковой пальметкой из рельефных полос, причем средняя часть шире боковых. Хвост трапециевидный, в одном случае оболоман (3).

Аналогии и хронология. Ближайшую аналогию изображениям данного типа за пределами восточноевропейского локального варианта звериного стиля составляет птичья фигурка, оформляющая бронзовый колчанный крючок/застежку (А) — случайная находка 1904 г. у с. Кише Черноярского уезда Астраханской губ. (На краю Ойкумены, 2002. Кат. 465). Вместе с тем в этом изображении налицо зооморфное превращение туловища и крыльев птицы в фас головы хищника, образованный двумя синтетическими профильными головками птицы.

В пределах восточноевропейского локального варианта звериного стиля изображениям типа I-I-3 Мастюгинский очень близки описываемые ниже многочисленные изображения головы птицы типа 5 Мастюгинский (третья четв. V — начало III в. до н. э.). Последние выделены в отдельный тип и рассматриваются в рамках таксона «голова птицы», поскольку на данных крючках птичье туловище и крылья не читаются, зато эта часть предмета обычно оформляется иными зооморфными образами — головой хищника, кабана, фигурой кошачьего хищника, медведя или оленя; шея и голова птицы в этом контексте идеально соответствуют морфологии колчанного/поясного крючка. Вероятно, малочисленный тип I-I-3 Мастюгинский (полнофигурные птицы) является боковым и хронологически более узким ответвлением типа 5 Мастюгинский (птичьи головы), отсюда такая непропорциональность данных полнофигурных изображений птицы (длинная шея).

Опорной для хронологии типа I-I-3 Мастюгинский является датировка акбурунского изображения (2), объективно относимого к последней трети IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Изображение, которое происходит из кургана 2 группы Мастюгино, разрушенного крестьянами в начале XX в. и затем исследованного А. А. Спицыным в 1905–1906 гг., имеет явно подражательный характер по отношению к изображениям типа мастюгинского кургана 47/30. Между тем предполагаемая идентификация этого комплекса с курганом Мастюгино 29/21, полностью раскопанным в 1960 г. П. Д. Либеровым (Пузикова, 2001. С. 61), послужила причиной анахронизма. Как уже указывалось, если принимать датировку этого кургана П. Д. Либеровым по античной бронзовой гидрии V в. до н. э., данный крючок, равно как и происходящий из того же комплекса конский

налобник с крючком, оказываются наиболее ранними из вещей этой категории и типа на Среднем Дону (см. подробнее о налобниках с крючком: Канторович, 2007в). При этом В. Д. Блаватский считал возможным датировать происходящую из того же комплекса чернолаковую чашу шире — в пределах V–IV вв. до н. э. (Пузикова, 2001. С. 61). Между тем морфологически мастюгинский конский налобник с крючком вполне соответствует типу среднедонских налобников IV в. до н. э., равно как и колчанный/поясной крючок. Таким образом, датировка комплекса кургана 2 группы Мастюгино 1906 г. (он же — курган 29/21 группы Мастюгино 1960 г.) столь ранним временем — V в. до н. э. — вряд ли надежно обоснована, и дата производства гидрии существенно раньше времени ее попадания в погребение. Этому не противоречит датировка комплекса мастюгинского кургана 47/30 с более совершенным колчанным крючком, осуществленная по наконечникам стрел и по самому колчанному крючку А. И. Пузиковой: IV в. до н. э. или IV–III вв. до н. э. (Пузикова, 2001. С. 66). Думается, что изображение из кургана 47/30 могильника Мастюгино, с учетом его близости акбурунскому и другому мастюгинскому изображению (3), может быть датировано в рамках IV в. до н. э., равно как и весь Мастюгинский тип.

Тин I-I-4 Тенгинский,
вторая нол. IV в. до н. э. — начало III в. до н. э.

К данному типу относятся 3 оригинальных изображения, происходящих с территории Прикубанья. Это фигуры на золотых нашивных бляшках из единого комплекса — кургана 2 могильника II Тенгинского городища (1–3).

Модель тина. Представлена птица со слабо загнутым клювом, т. е., возможно, хищная. Изображения моделированы в одностороннем рельефе. Фигуры строго профильные. Птица показана с вертикально поднятым крылом, так или иначе перекрывающим туловище, с вертикально опущенной ногой и отходящей вверх шеей, с головой, перпендикулярной шее.

Трактовка анатомических деталей условная, с нарушением пропорций. Глаз и клюв преувеличены и фактически формируют голову. Глаз округлый, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Клюв короткий и мощный. Шея и грудь гладкие, грудная часть выпуклая. Шея мощная трапециевидная, обрамлена продольными рифлеными валиками, очевидно, имитирующими перьевой покров. Эти рифленые валики в двух случаях (2, 3) обрамляют и грудь. Крыло обособлено, отграничено от туловища валиками или полосками. Нога мощная укороченная, фактически сведенная к огромной лапе с двумя разделенными выступом противонаправленными горизонтальными пальцами с загнутыми когтями; или же нужно видеть здесь две ногти, исходящие из единого корня.

Особенности трактовки конкретных изображений и морфологическая динамика. Крыло может перекрывать туловище полностью (1, 2) или частично (3). Клюв в двух случаях загнутый (1, 2), в одном — практически прямой (3). Плечевая часть крыла в двух случаях (1, 2) отграничена от шеи S-видным валиком, в третьем случае (3) всё крыло оконтурено рифленым валиком. В двух случаях (1, 2) плечевая и маховая части перьев так или иначе разделены: в одном случае (1) плечевая часть заполнена волнообразными выступами, имитирующими перья и контрастирующими с продольными полосами, моделирующими маховые перья и образующими две трехлепестовые пальметки, формирующие в целом сегментовидное крыло (два тонких крыла?). Во втором случае (2) узкая плечевая часть оставлена гладкой по контрасту с маховой, трактованной аналогично первому случаю. В обоих этих изображениях к крылу/крыльям снизу примыкает еще одна трехлепестковая пальметка, имитирующая хвост. В результате в этих композициях четко прослеживается мотив пальметки (крыло) с двумя волютами в основании (пальцы). В третьем случае (3) крыло имеет овально-подтреугольные очертания, плечевая часть не отделена, крыло оконтурено единым рифленым валиком, перья имитированы продольными рельефными полосками, а хвост вовсе не обозначен.

Представляется, что упрощенное изображение птицы (3) — без хвоста с аморфным клювом и недифференцированным крылом — это чисто местное подражание более детализированным скифо-меото-греческим изображениям, имеющим в основе мотив пальметки (1, 2).

Хронология. Тенгинские изображения по объективным показателям датируются в рамках второй пол. IV — начала III в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тин I-I-5 Ялхой-мохкский,
V в. до н. э.

К данному типу относится одно оригинальное изображение из Центрального Предкавказья — на бронзовой уздечной бляхе из Ялхой-мохкского могильника (1).

Моделировка скульптурная, в расчете на объемное восприятие, но это относится преимущественно к голове, шее и крыльям, тогда как туловище и хвост — скорее плоскостные, рассчитанные преимущественно на обозрение сверху или снизу.

Птица представлена с уплощенным туловищем и отходящими от него наискось вверх крестообразно раскинутыми крыльями, с единственной отведен-

ной в сторону согнутой ногой, упирающейся лапой в крыло снизу, с шеей, отходящей вперед и затем по-змеиному изгибающейся вниз и назад (на 180 градусов), под туловище, с головой, продолжающей линию шеи и упирающейся клювом в грудь, т. е. птица как бы подгибает голову под туловище.

Изображение трактовано лаконично. Голова составлена из глаза и клюва. Глаз крупный округлый, моделирован выпуклостью зеницы в кольцевидном обрамлении глазницы. Клюв короткий мощный, с углубленной линией рта. Восковица рельефно выражена.

Шея, туловище и нога гладкие. Шея узкая длинная. Туловище трапециевидное в плане, в видимой части подтреугольное, разделено по нижней стороне продольным ребром сходящихся плоскостей. Нога сведена к преувеличенному бедру, переходящему в тонкую укороченную ногу и преувеличенную лапу, оформленную в виде дополнительной птичьей головки. Крылья по очертаниям близки к натуре, но перья крыльев трактованы условно: они имитированы продольными рельефными полосами в маховой части и короткими каплевидными выемками в плечевой зоне. Крылья геометризованные подтреугольные, переходят в туловище уступом. Хвост мощный трапециевидный, отделен от туловища валиком и желобком. Перья хвоста моделированы крупными продольными каплевидными валиками, разделяемыми желобками.

Аналогии и хронология. Не имея близких аналогий, данное изображение, как представляется, восходит к композиции изображений типа II-I-4 Завадско-елизаветовский (птица, склонившая голову и клюющая рыбу, см. ниже), а также изображений типа II-I-4 Нимфейский (см. ниже), предполагающего сочетание объемной и плоскостной моделировки; такие композиции со сходной трактовкой крыльев известны и на близлежащей к Ялхой-Мохкскому могильнику территории (из Лугового могильника, из курганов в Чечне). Эта композиция была переработана в духе кобанской традиции объемных изображений, в результате и возникло ялхой-мохкское изображение[1]. Таким образом, оно должно хронологически сближаться с ранними изображениями типа II-I-4 Завадско-елизаветовский, т. е. датироваться в рамках V в. до н. э.

Тин I-I-6 Огузско-чертомлыцкий, вторая четв. — конец IV в. до н. э.

К данному типу относятся 13 оригинальных изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1–13). Это фигуры на парных зеркальных нащечниках — золотых (2, 3, 6), серебряных (5, 10, 11) и бронзовых (7, 8, 12). Из Чмырёвой могилы (1) происходят 8 идентичных нащечников — золотых (4 штуки) и серебряных (4 штуки), из кургана Козел (13) — идентичные 4 пары бронзовых и 4 пары серебряных нащечников[2].

Модель тина. Как справедливо указал Б. Н. Мозолевский, эти нащечники являются десемантизированными изображениями конечностей хищника (Мозолевський, 1979. С. 187–188), которые сами по себе уже не осознаются мастером как самостоятельное изображение (Мелюкова, 1981. С. 89), а являются лишь композиционной основой для новой темы, так что в этом отношении о «зооморфном превращении» говорить нельзя. «Характер их украшения становится стандартным и, отличаясь в деталях на разных изделиях, сводится к устойчивой схеме: в верхней части реалистическое или стилизованное изображение птицы, в средней — растительный орнамент в виде лозы аканфа, в нижней — волнистая или зигзагообразная линия» (Алексеев и др., 1991. С. 90).

Птица, представленная здесь, наделена небольшим слабо загнутым клювом и похожа на голубя (ср. Гаврилюк, Грищенко, Яблоновская-Грищенко, 1999. С. 62. Рис. 2: 1–5). Изображения плоскостные, с моделировкой деталей углубленными линиями. Фигуры строго профильные. Птица показана с вертикально поднятым крылом, с аморфным туловищем, с отходящей наискось вверх шеей и горизонтально посаженной головой.

Трактовка анатомических деталей условная, с нарушением пропорций. Глаз округлый или овальный, пропорциональный, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы; в ряде изображений глаз практически не прослеживается или слабо заметен (2, 7–11). Клюв короткий сомкнутый, линия рта обозначена углубленной линией. Шея и грудь чаще гладкие, реже покрыты перьями, имитированными с помощью коротких частых насечек (1) или волнистых линий (6). Шея мощная трапециевидная, обрамлена спереди углубленной линией, придающей изображению объемность. Грудная часть выпуклая. Крыло пальметовидное,

---

[1] Другое изображение птицы (петуха) из Чечни (ст. Ассиновская), приведенное Г. Н. Вольной, не учитывается здесь, так как представляется чисто кобанским, без каких-либо элементов скифского звериного стиля.

[2] Многочисленные изображения из Чертомлыка (всего 32 экз.) практически тождественны, однако в их массиве удалось по некоторым деталям выделить 3 разновидности, каждая из которых учтена как отдельное оригинальное изображение (обозначены в Каталоге и в Таблицах как №№ 4, 5-1, 5-2, 5-3, 5-4, 6). Из рассмотрения исключены такие крайне схематизированные и к тому же фрагментированные нащечники, как бляхи из Краснокутского кургана и некоторые бляхи из кургана Козел (Мелюкова, 1981. С. 89–91. Рис. 27: 1, 9).

состоит из завитков, исходящих из одного корня, направленных назад, вверх и вперед, и, очевидно, имитирующих перья. Ноги даны условно, фактически сведены к механически помещенной под крылом S-видной полоске с пальметовидными завершениями, имитирующими четырехпалые лапы.

В большинстве изображений данного типа присутствует отчетливая окантовка головы, шеи, груди и крыльев птицы, а иногда и всего нащечника полосой с поперечным рифлением, а также проработка такими полосами некоторых перьев (2, 3, 5–10, 12, 13). Это, очевидно, фракийский элемент.

Среди указанных оригинальных композиций большинство (2–10, 13) дополнены зооморфным превращением: при их рассмотрении не в вертикальном, а в горизонтальном ракурсе и в таком положении, при котором голова птицы обращена вниз, выясняется, что практически вся птичья фигура одновременно представляет собой голову оленя, глаз и ноздря которого соответствуют завиткам на груди и туловище трансформируемой птицы (присутствие этих завитков в изображении птицы трудно объяснить чем-либо иным, нежели следствием зооморфной трансформации), а отростки рогов, закрученные на концах, совпадают со стилизованными перьями птицы. На сходство этих перьев с рогами оленей впервые указал Б. Н. Мозолевский (Мозолевский, 1979. С. 187–188), а на возможную амбивалентность данных изображений (фигура птицы — голова оленя) впервые обратила внимание в ходе нашей с ней беседы И. В. Яценко[1]. Именно исходя из вероятности такой трансформации[2], а также учитывая зооморфный фон (конечность хищника), на который помещены эти изображения, представляется возможным, несмотря на почти абсолютное преобладание в них греческой и греко-фракийской изобразительности, усматривать в этих фигурах птиц элементы скифской стилистики и потому включать в наш корпус изображений.

Что же касается двух остальных оригинальных изображений на нащечниках, они содержат либо схематизированно-упрощенную реплику с такого рода изображений, почти лишенную сюжетности (12), либо натуралистичные изображения птичьей фигуры (1), в которых, кроме общего контура нащечника, напоминающего о конечности хищника, нет ничего от скифского стиля, в том числе нет и «зооморфных превращений», и скорее это греко-фракийский стиль, явно послужившей изначальным образцом для копирования и стилизации, приведшей к созданию наших птиц-оленей.

Морфологическая динамика и истоки тина. В рамках данного типа изображений выявляются два полюса:

1) более натуралистичные изображения с абсолютным преобладанием греческой стилистики — Чмырёва могила, определенные изображения из Чертомлыка и Толстой могилы (1, 5, 6, 11);

2) подражающие им скифские изображения — Огуз, Козел, Мелитопольский курган, Лемешевы курганы, определенные изображения из Чертомлыка и Толстой могилы (2–4, 7, 8, 10, 13).

В последних происходит схематизация рисунка, в результате чего собственно птичье изображение становится силуэтным. Дальнейшее упрощение таких схематизированных изображений ведет к почти полной потере образа птицы, к превращению его в чисто геометрическую схему, что мы видим в серии нащечников из Толстой могилы, составляющих одно оригинальное изображение (12). Данное изображение сохранило лишь общий контур птицы, намек на клюв в виде острого выступа, заключающего в себе сходящиеся клином углубленные линии, перья крыла в виде углубленных веерообразных линий, закрученных на конце, и некое подобие ног в виде одной или двух полос (ограниченных углубленными линиями), причем в последнем случае они или идут параллельно вниз, или свастически перекрещиваются.

Дальнейшее тиражирование приводит, как показала А. И. Мелюкова, к появлению такого рода нащечников, как бляхи из курганов Краснокутского и другие бляхи из Козла (Мелюкова, 1981. С. 89–91. Рис. 27: 1, 9), они уже совершенно лишены зооморфного облика и рисунка.

Что же касается иконографических истоков данного типа, таковыми, вероятно, следует считать происходящие из тех же памятников, что и изображения рассматриваемого типа, натуралистичные изображения в греческой и греко-фракийской манере сходного персонажа в той же технике и композиции — такие, как птица и «птица-гиппокамп» (Мозолевський, 1979. С. 42) на золотых нащечниках из Толстой могилы (конская могила №2 — Южная) (Мозолевський, 1979. С. 37. Рис. 25: 7, 8, 26: 1–6); ср. также птиц на нижнем фризе знаменитой чертомлыцкой серебряной позолоченной амфоры (Алексеев и др., 1991. Кат. № 91, детали 1, 13–17, фото на с. 76, 184–186).

Хронология тина базируется на объективной датировке большинства изображений и их греческих прототипов (см. Список опорных хроноиндикаторов): из Толстой могилы (предельные рамки:

---

[1] Я глубоко признателен моему покойному учителю Ирине Владимировне Яценко, некогда привлекшей мое внимание к этому факту.

[2] В этой связи показательно сходство очертаний данных фигур птиц с абрисом оленей на навершиях из Толстой могилы (Мозолевський, 1979. Рис. 102, 1-3) и Чертомлыка (Алексеев и др., 1991. Рис. на с. 156, кат. № 27).

вторая — третья четв. IV в. до н. э.), из Мелитопольского кургана (350–325 гг. до н. э.), из Огуза (предельные рамки: 350–310 гг. до н. э.), из Чертомлыка (в абсолютных пределах 350–300 гг. до н. э.) и из Чмырёвой могилы (330–315 гг. до н. э.). Близкие им изображения из Лемешевых курганов, Страшной могилы и Козла должны датироваться в тех же рамках.

Таким образом, хронологические границы данного типа: вторая четв. — конец IV в. до н. э.

Группа I – отдел II

Тин I-II-1 Мельгуновско-солохский, вторая нол. VII — нервая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 8 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1, 2, 5), Среднего Поднепровья и Подонцовья (3, 4, 7) и Прикубанья (6, 8). Это фигуры, оформляющие самые разнообразные предметы — золотые поясные бляхи (1), бронзовые поясные бляхи (2), бронзовые уздечные бляхи (3, 8), золотой налобник (4), бронзовый налобник (7), бляшку-навершие центральной ручки бронзового зеркала (6)[1].

Модель тина. Изображена птица с загнутым клювом, т. е. хищная. Изображение моделировано в одностороннем высоком рельефе. Птица показана с повернутой в профиль головой, наделена обоими крыльями и хвостом (показаны в плане, в развороте на зрителя), крылья раскрыты и либо направлены вдоль туловища (2–5, 7), либо изогнуты дуговидно или под тупым углом (1, 6, 8). Характерная композиционная черта данного типа — изображение в большинстве случаев (2–5, 8) ноги птицы поверх живота и крыла: мы как бы смотрим снизу вверх на птицу в полете. Контур туловища в обрамлении крыльев строго геометричен — он либо овальный (1, 5, 6), либо прямоугольный (2–4), либо трапециевидный (7, 8), за пределы этого контура выступают лишь голова и в двух случаях (7, 8) — преувеличенный хвост.

Изображения в основном трактованы лаконично, без детализации. Голова преувеличенная, клюв короткий. Глаз моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Шея мощная короткая, в солохском изображении практически слитая с головой (5). Туловище гладкое, узкое, геометричное, зажато между крыльями. Крылья геометричные сегментовидные (1, 6, 7) или подпрямоугольные со срезанным краем (2–4); как правило, у крыльев выделена плечевая часть, в соответствии с анатомией птицы[2] (исключение составляет крайне схематичное краснодарское изображение — 6); при этом плечевая часть может быть моделирована валиком (2, 3, 8). Хвост мощный трапециевидный, в одном случае (старомерчанское изображение — 7) преувеличенный сегментовидный, в силу того, что на данную схему дополнительно повлияла тема обособленных ушей копытного, о чем было сказано выше. Нога, в тех случаях, когда она показана (2–5, 8), дана в профиль и образована рельефным преувеличенным бедром (с надколенной выемкой), напоминающим по своим очертаниям бедра хищников в скифском искусстве (очевидно, это выработанный к тому времени в иконографии хищника в скифском искусстве шаблон или конструктивный блок, используемый в изображениях птицы как стереотип); бедро переходит в укороченную ногу с преувеличенной лапой, составленную из двух противонаправленных загнутых когтей, которые могут перекрывать крыло (2–5).

Особенности трактовки конкретных изображений — см. в Каталоге.

Морфологическая динамика, аналогии и хронология. Морфологическая динамика данного типа состоит в движении от более лаконичных и геометричных фигур типа Мельгуновского орла (1) к изображениям с более детально проработанной анатомией, с проработкой перьев и отображением ног — таким, как птицы из Золотого кургана, Журовки и Дыша (2–4, 8). Дальнейшая эволюция приводит к анатомической схематизации, округлению общего контура изображения, исчезновению шеи, что мы наблюдаем в изображениях из Солохи (5). Боковыми, тупиковыми ответвлениями от основной линии развития являются краснодарское изображение (6), представляющее собой предельное упрощающее подражание изображениям типа Мельгуновского орла, и старомерчанское (7), контаминирующее мельгуновско-журовскую схему с вышеописанной схемой обособленных ушей копытных.

Близкую композиционную аналогию для Мельгуновского орла (исключая иное положение головы), а с учетом позиции головы — еще и для фигуры на журовском налобнике (4) — мы находим в фигуре птицы на знаменитом Келермесском зеркале (Келермес, курган 4/Ш, датируется не позднее второй пол. VII в. до н. э.); при этом стилистически келермесская птица не является скифской, не нахо-

---

[1] Близкую композиционную аналогию изображениям данного типа, в особенности журовским, составляет изображение птицы из кургана Дорт-Оба IV в. до н. э. (на золотой обкладке горита, терзает зайца) (ОАК за 1892 г. С. 9. Рис. 4), однако по трактовке деталей это изображение представляется вполне греческим, лишенным каких-либо признаков скифского звериного стиля.

[2] Как известно, перья птичьего крыла в природе разделяются на две основные группы: во-первых, короткие — плечевые и кроющие и, во-вторых, длинные маховые (Жизнь животных, 1970. С. 12. Рис. 5).

дя себе точных аналогий и в греческом, и в ближневосточном искусстве (Кисель, 2003. С. 96), но все же она связывается исследователями скорее с греческим вектором влияний (Максимова, 1954. С. 28; Вахтина, 200. С. 68–69).

Более отдаленную композиционную аналогию Мельгуновскому орлу, птицам из Золотого кургана и из Журовки составляет бронзовое украшение щита конца VI в. до н. э. из Красномаяцкого могильника в Абхазии (А), в котором Ю. Н. Воронов усматривает преобладание элементов переднеазиатской композиционно-стилистической традиции (композиционная схема, чешуйчатое оформление шеи и двухрядное членение маховых перьев) (Воронов, 1975. С. 226–228. Рис. 7).

Композиционно близким по отношению к птицам из Золотого кургана, Журовки и Солохи является изображение на золотых бляшках погр. 11 могильника Вани (Б); этот комплекс датируется сер. V в. до н. э. (Bill, 2003. Taf. 174: 7, 8).

Помимо этих хорошо датируемых греко-восточных аналогий, наличие которых объясняется дальнейшим развитием в скифское время единой для них и Мельгуновского орла передневосточной композиционной схемы птицы с параллельными крыльями (Ильинская, 1965. С. 105), хронология Мельгуновско-солохского типа обосновывается, в силу сходства Мельгуновского меча и Келермесского меча из кургана 1/Ш, объективной датой этого Келермесского комплекса (не позднее второй пол. VII в. до н. э.). Также объективно датируются (см. Список опорных хроноиндикаторов) журовские изображения из курганов Г (конец VI — начало V в. до н. э.) и кургана 401 (первая пол. V в. до н. э.), изображение из Центрального погребения Солохи (420/410–400 гг. до н. э.) и старомерчанское (первая пол. IV в. до н. э.). Изображение из Золотого кургана, практически тождественное журовскому из курганов Г, должно датироваться соответственно. Наконец, архаический тип украшаемого зеркала из Краснодарского музея и тот факт, что изображение птицы на нем, как показал наш стилистический анализ, является упрощающей репликой с таких изображений, как Мельгуновский орел, заставляет датировать краснодарское изображение в пределах конца VII — VI в. до н. э. Комплекс кургана 1 из Дыша, как было сказано выше, датируется публикаторами по объективным показателям первой пол. — сер. V в. до н. э. (Маслов, Гей, Андреева, 2021. С. 48). Это соответствует значительно большей натуралистичности и четкости дышского изображения по сравнению с такими поздними изображениями данного типа, как солохское и старомерчанское.

Таким образом, хронологические рамки типа: вторая пол. VII — первая пол. IV в. до н. э.

Тин I-II-2 Огузско-желтокаменский, сер. — вторая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 8 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1–7) и Прикубанья (8). Это фигуры, оформляющие золотые нашивные бляшки (1–6, 8) и бронзовую пластину (7).

Модель тина. Изображена птица с загнутым клювом, т. е. хищная. Моделировка в одностороннем рельефе. Птица представлена с повернутой в профиль головой, наделена обоими крыльями и хвостом (показаны в плане, в развороте на зрителя), направленными наискось вниз, вдоль туловища, образуя трапециевидную фигуру (в одном случае (7) крылья почти полностью развернуты, но всё же согнуты под тупым углом посередине). Ноги не показаны, т. е., скорее всего, как бы закрыты от зрителя туловищем (мы как бы смотрим сверху на птицу в полете — в этом принципиальное отличие данного типа от типа I-II-1 Мельгуновско-солохский). Голова перпендикулярна туловищу.

Изображения трактованы относительно натуралистично. Пропорции в целом соблюдены. Клюв короткий, изгиб клюва подчеркнут округлой прорезью между клювом и головой (1, 4, 5) или же углубленной линией рта (2, 3, 6–8). Глаз овальный или округлый, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Шея короткая, трапециевидная или прямоугольная. Крылья геометричные сегментовидные. Хвост мощный трапециевидный. Туловище, крылья и хвост сплошь покрыты перьями, моделированными продольными рельефными полосами или, в одном случае, углубленными линиями (7). Эти полосы могут быть гладкими (1, 2, 7), могут иметь поперечное рифление, имитирующее структуру перьев (3–5, 8), в любом случае плечевые перья отличаются от маховых либо частотой рифления (3–5, 8), либо будучи разделенными желобком или изломом полосок (1, 2, 6. 7).

Аналогии и хронология. Композиционно изображения данного типа сходны с изображениями мельгуновско-солохского типа и представляются композиционно преемственными им, но отличаются от них детализацией и относительным большим натурализмом, что, очевидно, связано с греческим влиянием.

Хронология типа базируется на таких объективно датированных изображениях, как бабинское (сер. — третья четв. IV в. до н. э.), желтокаменское (третья четв. IV в. до н. э.), огузское (предельно широкая дата: 350–310 гг. до н. э.) и александропольские (в пределах 340–300 гг. до н. э.). Изображение из Майкопского клада очень близко александропольским и должно датироваться аналогично им.

Таким образом, хронологические рамки типа: сер. — вторая пол. IV в. до н. э.

Тин I-II-3 Николаевский,
IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящие с территории Нижнего Поднепровья (1). Это фигура, оформляющая золотую нашивную бляшку.

Изображена птица с загнутым клювом, т. е. хищная. Моделировка в одностороннем высоком рельефе. Туловище и крылья оформлены в виде 7-лепестковой пальметки, два крайних лепестка которой, очевидно, имитируют раскинутые крылья («парящая птица»?), а остальные пять — конгломерат туловища и хвоста. Нога не отображена. Птица показана, таким образом, с крыльями и туловищем в плане, с головой в профиль, образующей тупой угол с шеей.

Изображение лаконично. Голова крупная, клюв короткий мощный. Восковица отграничена желобком с помощью рельефного валика. Глаз преувеличенный, округлый, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Шея короткая, почти слита с головой. Лепестки пальметки, очевидно, имитируют перья.

Не имея близких аналогий, данное изображение является, по всей видимости, результатом контаминации греческого мотива пальметты и композиционной схемы типа I-II-1 Мельгуновско-солохский и типа I-II-2 Огузско-желтокаменский.

Хронология. Комплекс, из которого происходит данное изображение, датируется А. И. Мелюковой IV в. до н. э. (Мелюкова, 1984. С. 99–100). Морфология бляшки не противоречит такой датировке, что соотносится и с нашим предположением о генезисе данного изображения в момент «пересечения» композиционных схем Мельгуновско-солохского типа и Огузско-желтокаменского типа, что, исходя из датировки последних, могло иметь место в сер. IV в. до н. э.

Тин I-II-4 Нимфейский,
475–425 гг. до н. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Крыма — из Нимфейского некрополя (1–4). Это фигуры, оформляющие золотые нашивные бляшки.

Модель тина. Изображена птица с загнутым клювом, т. е. хищная. Моделировка в одностороннем высоком рельефе. Контур изображения крестовидный. Птица представлена с показанными в плане обоими крыльями и хвостом (в развороте на зрителя), с головой, туловищем и ногой в профиль, т. е. крылья перпендикулярны туловищу. Это парящая птица, по определению А. И. Шкурко (Шкурко, 1975б. С. 118), при этом нога перекрывает нижнее крыло (т. е. мы как бы смотрим снизу вверх на летящую птицу).

Изображения трактованы лаконично. Голова и хвост преувеличены, туловище, крылья и нога укорочены. Клюв короткий. Глаз преувеличенный округлый, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Шея мощная, короткая, почти слитая с головой, отделена от туловища валиком или желобком. Туловище и бедро в трех случаях гладкие (2–4), а в одном случае (1) бедро гладкое, тогда как верхняя часть туловища покрыта перьями, имитированными «жемчужником» — поперечными зарифленными валиками. Крылья отграничены желобком от туловища, они геометричные сегментовидные (1) или овально-подпрямоугольные (2–4), в одном случае (1) оперение разграничено желобком на узкую плечевую и широкую маховую части. Перья имитированы широкими продольными валиками. Хвост мощный трапециевидный, отграничен от туловища гладким (1, 2) или рифленым (3, 4) валиком и желобком. Нога сведена к преувеличенному бедру, отделенному от туловища желобком и напоминающим по своим очертаниям бедра хищников в скифском искусстве; бедро переходит в преувеличенную закрученную лапу, оформленную в виде зарифленной розетки[1].

Аналогии и хронология. Не имея близких аналогий, данный тип изображений в композиционном отношении сходен с некоторыми изображениями типа I-II-1 Мельгуновско-солохский (позиция ноги и головы) и типа I-II-2 Огузско-желтокаменский (позиция крыльев относительно туловища). В то же время очевидны влияние греческой орнаментики в трактовке хвоста (трехлепестковая пальметка) и лапы (розетка).

По объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) нимфейские изображения датируются в рамках 475–425 гг. до н. э.

Группа II - отдел I

Тин II-I-1 Новозаведенский,
VII — нервая треть VI в. до н. э.

К данному типу относится 2 изображения, происходящие с территории Ставрополья (1, на отростке блюда из лосиного рога из Новозаведенного) и Прикубанья (2, на роговом скипетре из Дыша).

Модель тина. Изображена птица неясной видовой принадлежности — в обоих случаях клюв обломан, но в дышском изображении его кончик сохранился, и по конфигурации клюва можно прийти к выводу, что эта птица — хищная. Моделировка рельефная (1) или с помощью резных линий (2), ракурс строго профильный. Птица представлена

[1] Конечность основной птицы может восприниматься как дополнительная птичья головка — перевернутая, с закрученным клювом, однако с уверенностью утверждать это нельзя.

с крылом, прижатым к туловищу и перекрывающим его, со свисающей ногой, с шеей, продолжающей линию туловища, с головой, находящейся под тупым углом к шее.

Изображение трактовано лаконично и геометрично. Голова крупная, клюв мощный. Глаз преувеличен, он округлый (1) или овальный (2), концентрический, с глазницей, заключающей зеницу (в новозаведенском изображении (1) — с углублением зрачка). Шея мощная короткая гладкая, трапециевидная, плавно переходящая в трапециевидное (1) или овальное (2) туловище, гладкое у новозаведенской птицы и у дышской покрытое заштрихованными и незаштрихованными треугольниками в шахматном порядке (имитация перьев? ср. декор сосудов предскифского и раннескифского круга). Крыло в новозаведенском изображении геометризованное полуовальное, заостренное, перья имитированы короткими насечками, образующими продольные полосы; хвост не отображен (1). В дышском изображении, как и у птиц на Жаботинских пластинах (тип I-I-1 Жаботинский), крыло откинуто наискось назад, опущено концом до земли и, очевидно, полностью закрывает хвост; при этом крыло покрыто двумя зонами косой и продольной штриховки, разделенными незаштрихованным участком. Нога укороченная и зауженная, крайне схематичная, завершается четырьмя прямыми пальцами (1) или двумя противонаправленными пальцами (2).

Хронология. Новозаведенское изображение должно датироваться в соответствии с общей хронологией могильника Новозаведенное-II, т. е. в рамках второй пол. VII — первой трети VI в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Как уже было сказано, комплекс погр. 1 кургана 3 могильника Дыш IV вполне обоснованно отнесен его публикаторами к жаботинскому горизонту, конкретнее — к первой трети VII в. до н. э. (Маслов, Гей, Андреева, 2020. С. 509–525).

Таким образом, предельные рамки данного типа: VII — первая треть VI в. до н. э.

Тин II-I-2 Завадско-елизаветовский, V–IV вв. до н. э.

К данному типу относятся 25 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья и Побужья (1, 2, 18, 22, 23), Крыма (6, 24, 25), Среднего Поднепровья (3, 4, 15), Среднего Подонья (19), Нижнего Подонья (5), Прикубанья (7–11, 16, 20, 21), Ставрополья (17) и Центрального Предкавказья (12–14). Это фигуры, оформляющие самые разнообразные предметы: золотые обивки деревянного сосуда (1–3, 7, 15), золотые нашивные бляшки (4, 6), позолоченный серебряный ритон (5), бронзовую пластину с железными застежками (8), бронзовые нащечники (9, 10), бронзовые уздечные бляхи (12–14, 16–19, 24), щиток бронзового псалия (20), золотой конусовидный предмет — «ворворку» (22), золотую нашивную пластину колчана (23) и серебряную пластину — обивку горита (25).

Модель тина. Изображена птица с загнутым клювом, т. е. хищная. Изображения моделированы в основном в одностороннем высоком рельефе, иногда с доработкой гравировкой (1–7, 9–19, 23); в отдельных случаях моделировка плоскостная, с передачей деталей углубленными линиями (8, 20–22). Птица представлена строго профильно (исключая одно из изображений из «Майкопского клада», в котором показаны обе лапы, — 7), с крылом, параллельным туловищу и либо примыкающим к спине, либо частично перекрывающим туловище, с опущенной ногой и склоненной головой. Большинство птиц данного типа (1–4, 6–16, 24) терзают рыбу, в одном случае — дельфина (5): впиваются клювом в голову жертвы, а когтями — в туловище рыбы или дельфина, которые неизменно показаны параллельно туловищу птицы[1]. В остальных изображениях композиционное место рыбы не остается пустым — его занимает терзаемое птицей животное (21, 23 — подробнее см. ниже) либо преувеличенные когти птицы, в которые она, за двумя исключениями (22[2], 25), упирается клювом, — очевидно, чистит когти (17–20).

Изображения трактованы относительно натуралистично, но ноги при этом укорочены, а когти, как правило, преувеличены. Клюв в той или иной мере загнут, но, как правило, не закручен, исключая два прикубанских изображения (20, 21). Линия рта обычно обозначена углублением. Глаз овальный или округлый, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы, в одном случае специально выделен зрачок (7). Шея мощная трапециевидная или прямоугольная. Крылья геометричные сегмен-

---

[1] См. вышеприведенное предположение Н. А. Гаврилюк, В. Н. Грищенко и Е. Д. Яблоновской-Грищенко о том, что эта птица является орланом-белохвостом, питающимся рыбой.

[2] В отношении арцизского изображения на золотой «ворворке» (22) А. С. Островерхов и С. Б. Охотников, опубликовавшие этот предмет, высказали предположение, что здесь, как и на елизаветовском ритоне, представлена сцена терзания дельфина орлом (Островерхов, Охотников, 1989. С. 56–58); данная трактовка надолго закрепилась в литературе. Однако в ходе моего визуального изучения и фотофиксации данного изделия в Одесском археологическом музее (реквизиты предмета: ОАМ, № А-53498; сердечно благодарю Е. Ф. Редину и И. В. Бруяко за предоставленную возможность ознакомиться с предметом) данное мнение не подтвердилось. Очевидно, за дельфина исследователями была принята удлиненная и преувеличенная конечность птицы.

товидные. Хвост мощный трапециевидно-пальметовидный. Туловище и нога гладкие, неоперенные, контрастирующие с покрытыми перьями крыльями и хвостом, за тремя исключениями, в которых неоперенными показаны также крыло и хвост (22), либо только крыло (14), либо только хвост (16). Перья моделированы крупными продольными валиками или, в двух случаях, углубленными линиями (21, 23). Хвост, за редкими исключениями (16, 23), специально отграничен от туловища валиком (одиночным, двойным или тройным), углубленной линией или полоской.

Особенности трактовки конкретных изображений — см. в Каталоге.

Иконографические истоки, динамика и аналогии. Сцена «птица на рыбе» стала очевидным следствием греко-варварского художественного синтеза периода «скифской классики». О генезисе этой сцены в скифском искусстве давно ведутся споры, ибо одни исследователи считают этот мотив исключительно греческим и попавшим в скифское искусство под влиянием изображений орла, клюющего дельфина и/или сидящего на нем, — на монетах Синопы, Истрии и Ольвии и на амфорных клеймах с именами астиномов (Граков, 1928. С. 22–24, 93, 107, 112. Табл. 3: 1–10; 15: 1–4; 16: 7, 8; 17: 1, 2; 18: 3, 4, 13; Граков, 1965. С. 216; Карышковский, 1982. С. 91–92; 1988. С. 60. Рис. 6: 1–9, 12: 7, 8) или в греческой торевтике (Островерхов, 1984. С. 70; Островерхов, Охотников, 1989. С. 57–58. Рис. 3: 5), тогда как другие утверждают, что он сложился внутри скифского искусства (Шкурко, 1975. С. 119; Копейкина, 1986. С. 58–59) или даже в восточной зоне скифо–сибирского мира (Королькова, 1998. С. 166–174).

Представляется, что верна первая из этих версий и что пришедшая из греческого искусства сцена «орел на дельфине» попала на благодатную композиционную и, очевидно, семантическую почву в скифском зверином стиле (более подробную аргументацию см.: Канторович, Эрлих, 2006. С. 99–100). В композиционном отношении рыба, в основном заместившая в этой сцене малоизвестного скифам дельфина, заняла позицию одного из крыльев во вполне скифской композиционной схеме одиночной птицы с параллельными крыльями в плане и с повернутой в профиль головой (о чем в свое время уже писал А. И. Шкурко (Шкурко, 1975. С. 118–119). Сама же возможность заимствования античной символики «орел на дельфине» (в местном варианте «орел на рыбе»[1]) для обозначения в скифском искусстве контакта двух стихий — неба и воды / влажной земли — была обоснована П. О. Карышковским (Карышковский, 1982. С. 91–92).

В пользу этого говорит как более раннее появление этой сцены на греческих монетах (изображение орла, клюющего дельфина или сидящего на нем, по указанию Б. Н. Гракова — одно из наиболее ранних монетных изображений) и в астиномных клеймах, так и гораздо большее разнообразие вариантов трактовки птицы в этой сцене у греческих мастеров. Она показана как с расправленными крыльями, т. е. поднятыми (в основном на монетах, керамических клеймах и бронзовых табличках Синопы, а с рубежа V–IV вв. до н. э. — и на монетах Ольвии) или разведенными крестом (монеты Ольвии V в. до н. э.), так и с частично или полностью сложенными крыльями (в основном на монетах, клеймах и табличках Истрии, а с IV в. до н. э. — и на монетах Ольвии), причем как с одним, так и с двумя; с головой опущенной или поднятой, в последнем случае часто повернутой назад (на фронтоне плиты V в. до н. э. из Истрии, на монетах Ольвии IV в. до н. э.); с туловищем как параллельным туловищу рыбы или дельфина, так и под углом к нему (см.: Граков, 1928. С. 23–24; Карышковский, 1982. С. 81–83. Рис. 1. Табл. VII, VIII).

Что касается клейм с именами астиномов, то, по указанию Б. Н. Гракова, изображение орла, клюющего дельфина или сидящего на нем, появляется здесь не позднее IV в. до н. э. как реплика монет Синопы (Граков, 1928. С. 22–24, 93, 107, 112. Табл. 3:1–10; 15: 1– 4; 16: 7, 8; 17: 1, 2; 18: 3, 4, 13).

Вместе с тем в наиболее ранних из считающихся скифскими изображениях этой сцены (в Степи — на золотых обкладках ритуальных сосудов сер. V в. до н. э. из Завадской могилы, в Лесостепи — на золотых пластинах начала V в. до н. э. из Петраковки — Ромейкова) птица дана только со сложенными крыльями и с опущенной головой. В это время ольвийское монетное дело еще не знало такой позиции птицы в данной сцене. При внимательном изучении трактовки птицы и рыбы в завадских изображениях в применении к ним представляется обоснованной (хотя и с поправками) версия А. И. Шкурко, выдвинутая им в отношении аналогичных лесостепных изображений, что композиция сцены «птица на рыбе» могла быть производной от традиционного скифского изображения птицы с полураскрытыми крыльями в плане и головой в профиль в результате превращений одного из крыльев в фигуру рыбы. Следует лишь оговориться, что речь в данном случае может идти о сцене «птица на рыбе» только в скифском искусстве (V в. до н. э.), но никак не в греческом, вопреки мнению А. И. Шкурко, считающего, что греки заимствовали эту сцену у скифов (Шкурко, 1975б. С. 118–119).

[1] Ср. вышеупомянутую гипотезу Н. А. Гаврилюк, В. Н. Грищенко и Е. Д. Яблоновская-Грищенко об орлане-белохвосте.

Е. Ф. Королькова выдвинула гипотезу об изначальном возникновении сцены «птица на рыбе» в восточной зоне скифо-сибирского мира — в конечном счете, под влиянием китайского искусства — и о последующем распространении этой сцены на запад, в зону «савроматской», скифской и меотской культур (Королькова, 1998). На наш взгляд, для такого предположения нет достаточных оснований. Если в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе эта сцена, как мы видели, была очень популярна и постоянно подпитывалась античными импульсами, то соответствующие изображения в «савроматском» и сако-сибирском регионах «скифского мира» производят впечатление вторичных, подражательных, в силу крайнего схематизма в воспроизведении персонажей. Это, прежде всего, проявляется в потере здесь одного из двух компонентов данной сцены — образа рыбы, что свидетельствует о недостаточном понимании в этих регионах смысла этой сцены (ср. также изображение из Частых курганов — 19). Именно с этим же искажающим копированием и вторичным осмыслением мы сталкиваемся в приведенных Е. Ф. Корольковой изображениях из Нижнего Поволжья (Кривая Лука, Хошеутово, Старица), Южного Приуралья (Новый Кумак) и Западного Казахстана (Сынтас) (Королькова, 1998. Рис. 1: 10, 11, 15; 2: 1–5). Так, уже в криволукских изображениях, наиболее близких в трактовке птицы по отношению к северопричерноморским и северокавказским (ср. особенно изображение из Журовки), вместо рыбы, как и на бляхе из Частых курганов, показана преувеличенная лапа птицы. Птичьи образы из Хошеутова и Старицы еще дальше от северопричерноморских и северокавказских композиций «птица на рыбе» — здесь также уже нет никакого композиционного атавизма рыбы, причем плечевая часть крыла хошеутовской и старицкой птиц усилена дополнительной птичьей головой. Отсутствует рыба и в новокумакских и сынтасских изображениях, а сама птица крайне схематизирована. Таким образом, эти изображения никак не могут быть поставлены в начало соответствующего эволюционного ряда. Скорее, наоборот, это реплики с более западных изображений — северопричерноморских или северокавказских.

Что же касается приведенного Е. Ф. Корольковой гораздо более раннего и достаточно натуралистичного изображения на нефритовой пластине из Китая, датируемой позднешанским периодом, т. е. концом II тыс. до н. э., то между данной композицией и массивом изображений «птица на рыбе» в скифском зверином стиле пока нет никаких ни хронологических, ни пространственных, ни стилистических соединительных звеньев. В стилистическом отношении китайское изображение достаточно своеобразно. По композиции (крыло и хвост птицы ориентированы вверх) оно скорее ближе к античным, чем к северопричерноморским и северокавказским сценам, но в любом случае очень далеко от вышеперечисленных поволжских, приуральских и западноказахстанских изображений. Не случайно исследователи Сынтасских курганов М. К. Кадырбаев и Ж. К. Курманкулов, публикуя три пряжки с этим изображением, интерпретировали его как «сцену терзания грифоном травоядного животного» и соответственно оценивали и аналогичные изображения из Ново-Кумакского могильника (Кадырбаев, Курманкулов, 1976. С. 140, 143–144, 153. Рис. 2: 1–3).

В рамках Завадско-елизаветовского типа, самого по себе являющегося продуктом ранних схем Мельгуновско-солохского типа, формировались также не связанные с терзанием рыбы изображения, такие как ильичевское (23) и из Молочного (25). Что же касается изображений из Арциза, Ногайского музея, Частых курганов и семибратненского, они представляются производными от схемы «птица на рыбе» на разных стадиях ее развития, но с заменой рыбы преувеличенной ногой птицы. В отношении птицы из Частых курганов на это уже обращали внимание Б. Н. Граков и А. И. Шкурко, наглядно продемонстрировавшие, как рыба в общей композиции уступает место преувеличенной лапе той же птицы, что совершенно изменило семантику сцены (Граков, 1965. С. 215–216): «мощный орел, некогда терзавший пойманную рыбину, теперь спокойно чистит когти» (Шкурко, 1976. С. 100). Близкая аналогия этим изображениям с преувеличенной ногой и без рыбы, в первую очередь изображению из Ногайского музея, происходит из могильника Кривая Лука VIII, курган 5, погр. 16 (Očir-Gorjaeva, 2005. Abb. 54: 1, 2).

Хронология. Основу хронологии данного типа составляют объективно датируемые (см. Список опорных хроноиндикаторов) ильичевское изображение (первая пол. V в. до н. э.), петраковско-ромейковское (первая пол. V в. до н. э.), завадские изображения (450–425 гг. до н. э.), елизаветовское (первая четв. IV в. до н. э.), семибратненское (первая треть IV в. до н. э.), кульобские (345–335 гг. до н. э.). Уздечные принадлежности из кургана 4 группы Частых (раскопки ВУАК) по хронологии А. Д. Могилова относятся к сер. — второй пол. V в. до н. э. (Могилов, 2008. С. 54). Комплекс из погр. 1 кургана у г. Арциза, будучи основным, не может быть позже впускного погребения (№ 13) в этом кургане, которое был отнесено его публикаторами ко второй пол. V в. до н. э. — по аналогиям другим уздечным принадлежностям из того же комплекса (Алексеева, Охотников, Редина, 1997. С. 53) (ср. датировку А. Ю. Алексеева, отнесшего данный ком-

плекс к сер. — третьей четв. V в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 201). Этому не противоречит дата самого «золотого колпачка или ворворки», несущего арцизское изображение, данный предмет А. Ю. Алексеевым отнес к группе I-2 по его классификации золотых конусовидных предметов и датировал второй четв. V в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 214–216). Обивка горита из погр. 8 кургана 1 у с. Молочное датируется по ножке хиосской амфоры и типам наконечников стрел второй — третьей четв. IV в. до н. э. (Колтухов, Сенаторов, 2020. С. 42). Кужорское изображение, сочетающееся с головой хищника типа 10 Кужорский, должно датироваться в раках хронологии этого типа, определенной выше как вторая пол. IV в. до н. э.

Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа: V–IV вв. до н. э.

Тин II-I-3 Уллу,
V в. до н. э.

К данному типу относится одно оригинальное изображение из Центрального Предкавказья, оформляющее бронзовые уздечные бляхи из погр. 3 могильника Уллу (1).

Представлена птица с закрученным клювом, т. е. хищная. Моделировка односторонняя рельефная, с прорезью для обозначения завитка клюва и завитка когтя, ракурс строго профильный. Птица показана с крылом, параллельным туловищу и практически перекрывающим его, с поджатой под туловище и примыкающей к крылу ногой и опущенной вертикально головой.

Изображение условное, с преувеличенными головой и ногой. Голова практически полностью сведена к огромному глазу и мощному закрученному клюву. Глаз округлый концентрический, от глаза отходит рельефная восковица, переходящая в клюв косым уступом, причем клюв в этой точке переламывается под тупым углом и далее закручивается в полтора оборота, упираясь в шею птицы. Шея короткая, прямая, гладкая, подъемом переходит в плечевую часть, которая трансформирована в рельефный птичий клюв в полтора оборота, относящийся к дополнительной головке птицы, глаз которой (округлый рельефный) помещен в начале основании ноги основной птицы. Крыло птицы сегментовидное, с горизонтальным верхним краем, с острым завершением. Перья имитированы крупным волнистым поперечным рифлением. Нога гладкая в основной части, с преувеличенным когтем, закрученным в один оборот.

Аналогии и хронология. Ближайшие аналогии данным изображениям, практически составляющим с ним единый тип, происходят с территории Нижнего Поволжья: это бронзовые бляхи из погребения Хошеутово (А) (Očir-Gorjaeva, 2005. Cat. № 96, 97) и из кургана 51 у с. Старица под Астраханью (Б-1, Б-2) (Смирнов, 1976. Рис. 3: 1; Королькова, 1998. Рис. 1: 10; Očir-Gorjaeva, 2005. Abb. 54: 1, 2).

Здесь мы, несомненно, наблюдаем искажающее копирование и вторичное осмысление сцены «птица на рыбе» Завадско-елизаветовского типа. Как уже говорилось, существует серия подражаний этой сцене в скифском, скифомеотском и «савроматском» искусстве. Это вышеупомянутые изображения из Арциза, Ногайского музея, Частых курганов, Семибратних курганов и из могильника Кривая Лука VIII, курган 5, погр. 16 (Očir-Gorjaeva, 2005. Abb. 54: 1, 2). Они представляются производными от схемы «птица на рыбе» на разных стадиях ее развития, но с заменой рыбы преувеличенной ногой птицы. В изображении из Уллу и его ближайших аналогиях мастер зашел еще дальше, чем в вышеуказанных подражаниях: здесь практически уже нет никакого композиционного «атавизма» рыбы.

Датировка Хошеутовского комплекса V в. до н. э., возможно, его серединой (Očir-Gorjaeva, 2005. S. 70–72), позволяет аналогично датировать изображение из погр. 3 могильника Уллу, чему не противоречит набор бронзовых наконечников стрел из того же комплекса, датируемый в совокупности в рамках V в. до н. э.

Тин II-I-4 Нимфейский,
475–425 гг. до н. э.

К данному типу относится одно оригинальное изображение из Крыма — на бронзовых уздечных бляхах из некрополя Нимфея (1).

Это изображение птицы с загнутым клювом, т. е. хищной. Моделировка рельефная, при этом шея и голова скульптурные, рассчитанные на объемное восприятие, а туловище, крылья и хвост — скорее плоскостные, рассчитанные преимущественно на обозрение сверху, при этом ноги не отображены, так как их место занято петлей для крепления к уздечному ремню. Птица представлена с уплощенным туловищем и прижатыми к нему крыльями, показанными в плане (крылья частично перекрывают туловище), с объемной вертикальной шеей и грудной частью, с головой, перпендикулярной шее.

Изображение трактовано лаконично. Голова преувеличена, клюв короткий, мощный, поднимающийся над глазом, с углубленной линией рта. Восковица четко выражена, переходит в клюв уступом. Глаз крупный, округлый, моделирован выпуклостью зеницы в кольцевидном обрамлении глазницы. Шея мощная, короткая, грудь выступает. Крылья геометризованные подтреугольные, переходят в туловище уступом, туловище в целом трапециевидное, в видимой части подтреугольное.

И крылья, и туловище гладкие. Хвост мощный, веерообразный (пальметовидный), отделен от туловища двумя валиками. Перья хвоста моделированы продольными валиками.

Хронология. По объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) данное изображение датируется в рамках 475–425 гг. до н. э.

Тин II-I-5 Малочертомлыцкий,
вторая нол. V в. до н. э.

К данному типу относится одно оригинальное изображение, происходящее из Нижнего Поднепровья, — на золотых бляшках из кургана Малый Чертомлык (1).

Это изображение птицы с незагнутым клювом, т. е., скорее всего, водоплавающей, возможно, утки. Моделировка рельефная, ракурс строго профильный. Птица представлена с крылом, прижатым к туловищу и полностью перекрывающим его, с опущенной ногой, с вертикальной шеей, с горизонтально посаженной головой, с чуть приподнятым клювом.

Изображение трактовано схематично. Голова преувеличена, клюв короткий, мощный, заостренный. Глаз крупный, округлый, моделирован выпуклостью зеницы в кольцевидном обрамлении глазницы. Шея мощная, короткая, гладкая, грудь выступает. Крыло геометризованное овальное, заостренное, его перья имитированы крупными продольными полосами, сходящимися в одну точку у перехода в хвост; плечевая часть отграничена овальной рамкой. Хвост короткий, мощный, веерообразный, перья хвоста моделированы крупными рельефными полосами. Нога укороченная бесформенная, крайне схематичная, без отчетливо переданных когтей.

Хронология. По объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) данное изображение датируется в рамках второй пол. V в. до н. э.

Тин II-I-6 Малоленетихинский,
конец V — IV в. до н. э.

К данному типу относится одно оригинальное (парное) изображение на бронзовых навершиях из Нижнего Поднепровья — из могильника Малая Лепетиха (1).

Это изображение птицы с незагнутым уплощенным клювом без восковицы, т. е. водоплавающей, скорее всего, это утка. Моделировка скульптурная, рассчитанная на объемное восприятие, при этом ноги не обозначены, туловище птицы непосредственно переходит в бубенец навершия. Уплощенные крылья прижаты к туловищу и почти полностью его перекрывают, оставляя открытой только спинную часть, шея вертикальна, голова перпендикулярна шее — птицы сидят в спокойном, статичном положении или же плывут.

Изображение трактовано лаконично. Глаз преувеличен, он округлый, моделирован выпуклостью зеницы в кольцевидном обрамлении глазницы. Клюв плотно сомкнут, рот намечен углубленной линией. Шея усеченно-коническая, гладкая. Крылья геометризованные полуовальные, отделены желобком от гладкой спины, перья крыльев моделированы крупными косыми рельефными полосами. Хвост не акцентирован.

Хронология. Комплекс «большого кургана № 2» могильника Малая Лепетиха датируется В. И. Бидзилей и С. В. Полиным рубежом V–IV вв. до н. э. по самим навершиям, несущим анализируемые птичьи изображения, а также по бронзовым нащечникам в виде рыб (Бидзиля, Полин, 2012. С. 515). Вместе с тем малолепетихинские навершия отнесены Е. В. Переводчиковой к IX типу по ее классификации (рамки типа: VI–IV вв. до н. э.), при этом лепетихинские навершия датированы исследовательницей IV в. до н. э. (Переводчикова, 1980б. С. 32–33. Рис. 7: 10).

Таким образом, дата изображения определяется в предельных рамках конца V — IV в. до н. э.

Тин II-I-7 Александропольский,
340–300 гг. до н. э.

К данному типу относится одно оригинальное изображение из Нижнего Поднепровья — три тождественные скульптуры на «трезубце» — бронзовом навершии из Александропольского кургана (1).

Это изображение птицы с незагнутым клювом, т. е. нехищной. Моделировка скульптурная, рассчитанная на объемное восприятие. Птица представлена с прижатыми к туловищу крыльями, прямыми ногами, охватывающими лапами окончания трезубца, с наклоненными вниз шеей и головой; птица сидит, охватив ногами опору и балансируя на ней.

Трактовка деталей лаконичная и вместе с тем натуралистичная. Природные пропорции соблюдены. Глаз округлый, моделирован выпуклостью зеницы в кольцевидном обрамлении глазницы. Клюв короткий, приоткрыт в основании, что обозначается отверстием, в которое просунуто кольцо-подвеска колокольчика. Шея, грудь, спина и ноги птицы гладкие, переданы близко к натуре. Крылья сегментовидные полуовальные, отделены уступом от туловища, их перья моделированы пятью продольными валиками, разделенными широкими желобками. Хвост плоский трапециевидный. Когти переданы крупными валиками, по два на лапе.

Хронология. Александропольское изображение по объективным показателям датируется в преде-

лах 340–300 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тин II-I-8 «Частые курганы»,
сер. IV — начало III в. до н. э.

К данному типу относится одно оригинальное изображение с территории Среднего Подонья — золотая скульптурная фигура, украшение ручки деревянного сосуда из Частых курганов (1).

Это изображение птицы с загнутым клювом и акцентированной восковицей, т. е. хищной. Моделировка скульптурная, рассчитанная на объемное восприятие. Птица представлена с прижатыми к туловищу крыльями, с опорой на рудиментарную ногу, с наклоненными вниз шеей и головой, — птица сидит в спокойной позе.

Трактовка деталей условная, с искажением природных пропорций. Голова преувеличена. Глаз укрупненный, округлый, моделирован выпуклостью зеницы в кольцевидном обрамлении глазницы. Клюв мощный короткий, линия рта обозначена желобком, край восковицы — косым уступом. Шея мощная, усеченно-коническая, туловище веретенообразное. Крылья сегментовидные заостренные, оконтурены валиком. Крылья, спина и хвост дифференцированы с помощью разнонаправленной штриховки, отображающей перья. Перья крыльев моделированы пятью продольными валиками, разделенными широкими желобками, при этом плечевая часть обособлена — моделирована волютовидным рельефным завитком. Спина и шея разделены продольным валиком надвое. Спина покрыта косыми валиками, в совокупности образующими елочку. Шея отделена валиками от спины и покрыта поперечными валиками в верхней части, нижняя оставлена гладкой. Хвост плоский полуовальный, его перья имитированы продольными валиками. Ноги укорочены и расширены, моделированы двумя сходящимися пластинами с продольным рифлением, когти не показаны.

Хронология. Изображение из Частых курганов (курган 11/2) объективно датируется сер. IV — началом III в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тин II -I-9 Семибратненский,
третья четв. V в. до н. э.

К данному типу относится одно оригинальное изображение из Прикубанья — на бронзовых уздечных бляхах из Семибратних курганов (1).

Это парное изображение птицы с незагнутым уплощенным клювом без восковицы, т. е. нехищной, скорее всего, водоплавающей (утка?). Моделировка рельефная, при этом шея и голова скульптурные, рассчитанные на объемное восприятие, а туловище, крылья и хвост — скорее плоскостные, рассчитанные преимущественно на обозрение сверху, при этом ноги не отображены. Птица представлена с уплощенным горизонтальным туловищем и прижатыми к нему крыльями, показанными в плане (крылья почти полностью перекрывают туловище), с объемной вертикальной шеей, с головой, перпендикулярной шее и чуть приподнятой.

Изображение трактовано лаконично и условно. Клюв длинный, плоский, широкий, в плане асимметрично-ромбический. Глаз крупный, округлый, моделирован выпуклостью зеницы в кольцевидном обрамлении глазницы. Голова непосредственно переходит в длинную цилиндрическую шею. Крылья геометризованные подтреугольные, переходят в туловище уступом. Плечевые и маховые перья разделены валиком. Плечевая часть крыльев моделирована крупными поперечными валиками, имитирующими перья. Маховая часть гладкая, равно как и незакрытая часть спины. Хвост мощный, трапециевидный (пальметовидный), его перья моделированы крупными продольными валиками, разделенными желобками.

Хронология. Семибратненское изображение объективно датируется третьей четв. V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тин I-I-10 «Займо-Обрыв»,
третья четв. VII — сер. VI в. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения, оформляющие навершия костяных булавок из Нижнего Подонья (1) и Среднего Поднепровья (2).

Модель тина. Представлена птица неясной видовой принадлежности — со слабо загнутым клювом. Моделировка в одностороннем рельефе, с доработкой деталей гравировкой. Показаны голова, шейно-грудная часть и в одном случае (1) сложенные крылья, перекрывающие туловище. Голова перпендикулярна шее. Ноги не показаны.

Изображению присуще сочетание лаконизма и крайнего схематизма в трактовке деталей. Голова птицы имеет близкую к натуре форму, относительно небольшой округлый концентрический глаз (зеница намечена выпуклостью в углублении глазницы), мощный лоб, уступом (1) или плавно (2) переходящий в относительно короткий широкий клюв с покатым надклювьем. Клюв сомкнут, линия рта намечена короткой насечкой. Голова переходит в короткую мощную шею, расширяющуюся в трапециевидную фигуру, которую можно трактовать как непропорционально маленькое (в сравнении с головой) туловище птицы, перекрытое на булавке из Займо-Обрыва (1) крылом с угловатыми завершениями, причем косая гравировка этого участка, идущая в двух направлениях (и заходящая на затылок птицы), может интерпретироваться как имитация перьев. При этом

на булавке из Займо-Обрыва участок, где две штриховки, пересекаясь, образуют сетку, может трактоваться как зона плечевых перьев, а занимающая основное пространство фигуры и выходящая вперед штриховка — как зона маховых перьев птицы. Что касается навершия булавки с Бельского городища (2), то, видимо, крылья тут не отображены; здесь также вдоль затылка и шеи птицы проходит штрихованная полоса, но рифление короткое поперечное — вероятно, данная полоса имитирует перья на шее, тогда как грудная часть остается гладкой, контрастирующей с находящейся ниже прямоугольной зоной сплошной ромбической штриховки (имитация перьев на туловище?); аналогичная зона, отделенная узкой гладкой полосой, находится еще ниже на булавке.

Хронология. Не имея близких аналогий, данные изображения украшают предмет, очень сходный с описываемой ниже посоховидной булавкой из с. Пожарная Балка. Изображение птичьей головы на ней относится к типу 16 Жаботинско-Герасимовскому (сер. VII — сер. VI в. до н. э.), тогда как сама пожарнобалковская булавка датируется В. П. Андриенко (в том числе с учетом амфорного материала) концом VII — сер. VI в. до н. э. (Андриенко, 1978. С. 290). Этому не противоречит объективная дата Бельской булавки, относящейся к горизонтам В-С Бельского городища по англоязычной версии хронологии Бельского городища (Shramko, 2021. P. 187), т. е. к горизонтам Б1-Б2 – В по русскоязычной версии хронологии, а именно к интервалу третья четв. VII — сер. VI в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Таким образом, предельные рамки данного типа: третья четв. VII — сер. VI в. до н. э.

Группа II – отдел II
Тин II-II-1 Солохский,
420/410–400 гг. до н. э.

К данному типу относятся четыре пары синтетических профильных фигурок сидящих птиц, в которые трансформированы грудные и брюшные плавники двух пар синтетических рыб, оформляющих золотые нащечники северного коня из конской могилы, относящейся к Центральному погребению кургана Солоха. Они составляют одно оригинальное изображение (1), при этом возможно, что каждая пара профилей — это разложенная надвое птица.

Это изображение птицы с загнутым клювом и акцентированной восковицей, т. е. хищной. Моделировка рельефная, ракурс строго профильный. Данные изображения миниатюрны и крайне примитивизированы, по сути, состоят из головы и преувеличенного крыла, полностью перекрывающего туловище. Ноги птиц не показаны. Четко выделен крупный концентрический рельефный глаз с выпуклостью зеницы в рельефном обрамлении глазницы и обращенный назад крупный клюв с рельефно подчеркнутой восковицей. Голова покоится на сегментовидном крыле; перья крыла имитированы продольными рельефными полосками, плечевая часть рельефно отделена, крыло оконтурено валиком.

Хронология. По объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) данное изображение датируется 420/410–400 гг. до н. э.

§ 3. Редуцированные изображения птиц

3.1. Голова без шеи или с рудиментарной шеей

Тин 1 Келермесско-гуляйгородский,
сер. VII — третья четв. VI в. до н. э.

К данному типу относятся 22 изображения, происходящие из большинства регионов локального варианта восточноевропейского скифского звериного стиля — с территории Прикубанья (1–4, 20, 21), Центрального Предкавказья (15, 17–19), Среднего Поднепровья (5–14), Нижнего Поднепровья (22) и Нижнего Подонья (16).

Эти птичьи головки оформляют преимущественно столбики-распределители уздечных ремней — бронзовые (2–11, 13, 14, 20, 21), бронзовые, но с обтяжкой золотой фольгой (1), а также костяной распределитель (12). Кроме того, к данному типу следует отнести костяные навершия (15, 19), в том числе с приставленной сверху фигурой горного козла (15), костяную уздечную подвеску (18) и костяные налучья (16, 17, 22[1]), в том числе с дополнительными элементами — с кошачьими хищниками на поверхности клюва и вокруг глаза (16) или же с орнаментом из двойных спиралей на клюве (22) (возможно, это атавизм мотива птичьих головок — см.: Артамонов, 1968. С. 36–37).

Модель тина. Представлена птичья голова с закрученным клювом (если считать от основания клюва у глаза — на 270 градусов, т. е. в 3/4 оборота, реже на 360 градусов, т. е. в один полный оборот). Это хищная птица, на грани реальности и фантастики. Головки данного типа складываются из двух соразмерных элементов — глазной части (прак-

[1] В настоящий момент костяное изделие из погр. 5 кургана 3 у с. Нижние Серогозы существенно фрагментировано (Шкурко, 1982. Табл. I: 8), однако более ранние фото (Браун, 1906. Рис. 6) и прорисовка (Артамонов, 1968. Рис. 5), позволяют идентифицировать это изображение с образом птицы и отнести к данному морфологическому типу. Из контекста находки (у левой руки погребенного, рядом с наконечниками стрел и грибовидными колчанными застежками — см. Браун, 1906. С. 85) следует, что этот предмет — налучье.

тически без шеи) и клюва. Большинство изображений (в первую очередь те, которые оформляют пронизки) имеет подпрямоугольный контур. Моделировка скульптурная, но с расчетом на боковой ракурс обзора.

Изображения в большинстве своем трактованы четко и лаконично. Клюв мощный, сомкнутый (исключение составляет серогозское изображение (22), в котором клюв приоткрыт), рот обозначен углубленной линией, в отдельных случаях он не проработан (4, 15, 19). Восковица трактована с помощью невысокого выступа, покрывает основание надклювья, рельефный край ее косой; в редких случаях восковица не показана (7–9). Глаз преувеличен, он округлый, причем в изображениях, оформляющих пронизки (1–14, 20, 21), роль собственно глаза играет соответствующее отверстие для ремня, а сами стенки столбика выполняют роль глазницы. На комаровской головке (18) глаз моделирован «киммерийской розеткой», т. е. вписанным в выпуклый круг (который играет роль глазницы) равносторонним вогнутым ромбом-углублением с выпуклым кружком внутри (собственно глаз) со впадиной в этом кружке (зрачок). В случае с комаровской головкой это, безусловно, дань традиции помещать «киммерийскую розетку» в качестве имитации глаза на расширение втулки птицеголовых скипетров (в том числе с завершением клюва в виде птичьей головы) предскифской эпохи и самого начала скифского времени (Маслов, Гей, Андреева, 2020. Рис. 8, 10: 4–8).

Особенности трактовки отдельных изображений — см. в Каталоге.

Хронология. Основу хронологии данного типа составляют объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов) , а именно: из Южной гробницы кургана 1 у хут. Красное Знамя (17) (сер. — третья четв. VII в. до н. э.), из Келермесских курганов 2–4/Ш (1) (вторая пол. VII в. до н. э.) и Келермесского кургана 24 (2–4) (конец VII — начало VI в. до н. э.), из погр. 8 кургана 7 Новоалександровки (16) (вторая — третья четв. VI в. до н. э.). Остальные изображения, оформляющие уздечные столбики-распределители (5–14, 20, 21), очень близки или тождественны вышеупомянутым келермесским, что позволяет их датировать в рамках второй пол. VII — начала VI в. до н. э. Нартанские (15, 19), комаровское (18) и серогозское (22) изображения, сходные как с краснознаменским, так и с новоалександровским, должны датироваться в пределах соответствующего временного отрезка.

Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа определяются как сер. VII — третья четв. VI в. до н. э.

Тин 2 Келермесско-нартанский, вторая треть VII — нервая нол. V в. до н. э.

К данному типу относится 28 изображений, происходящих с территории Прикубанья (3, 4, 24, 27, 28), Центрального Предкавказья и Кавказа (1, 2, 5, 18–20, 23, 25, 26), Среднего Поднепровья (6–11, 13–17, 21, 22) и Среднего Подонья (12). Это изображения, оформляющие преимущественно столбики-распределители уздечных ремней — бронзовые (3–15, 19–22, 25, 26, 28), серебряные (1, 2) и железные (27), а также бронзовые подвески (16, 17) и бронзовую накладку неизвестного назначения (18).

Модель тина. Представлена птица с загнутым клювом (если считать от основания клюва у глаза — на 90 градусов, реже на 180 градусов), т. е. хищная. При этом восковица, как правило, не оформлена, что придает изображению вид птичьего когтя. Вероятно, ряд изображений данного типа (1, 2–6, 11, 12, 16, 17, 20, 21, 23, 26–28) должны трактоваться не только как голова, но одновременно и как коготь птицы, т. е. как «альфа и омега» птицы, обозначающие ее в целом[1]. Однако в некоторых случаях глазная/головная часть существенно шире клюва, что исключает амбивалентность изображения, поскольку оно лишается всякого сходства с птичьим когтем (7–9, 13–15, 18, 19, 22, 24, 25).

Моделировка скульптурная, за исключением пластинчатой односторонней слабовыпуклой накладки из Красного Знамени (18). Изображения, за исключением текливского (22), исчерпываются двумя соразмерными элементами — глазной частью и клювом/когтем.

Изображения трактованы лаконично, без дополнительных деталей. Клюв чаще короткий или средней длины и средней толщины, реже — длинный (7, 16, 17, 21, 26–28), в отдельных случаях короткий мощный (3, 10), линия рта чаще не обозначена, реже — дана ребром сходящихся плоскостей (2, 17, 21) или углубленной линией (22). В краснознаменском (18) и в ульском изображениях (28) в основании клюва находятся поперечные валики — соответственно два и один (имитация восковицы?).

Глаз округлый. Роль собственно зеницы играет отверстие для ремня, а сами стенки столбика вы-

[1] Изображениям данного типа изоморфны подвески из клыков кабана, в том числе, вероятно, использовавшиеся и как уздечные подвески. В зоне восточноевропейской скифской культуры это подвески из Басовки, курганы 482, 497 и Журовки, курган 432 (Ильинская, 1968. Табл. XXVII, 7, 43–47; Ильинская, 1975. Табл. XII, 2). Однако поскольку клювовидность/когтевидность этих клыков непреднамеренна (при том что нельзя исключать соответствующие коннотации при их применении древними людьми), они не являются произведениями искусства и соответственно не включаются в нашу сводку.

полняют роль глазницы. Как правило, глаз преувеличен относительно головы в целом (лишь в изображении из Стеблева и Ульских курганов глаза/отверстия среднего размера (16, 27), а из Турии и Подгорной — маленькие (17, 26). Исключение в трактовке и моделировке глаз составляют пронизки из Шумейковского кургана (21) и из Текливки (22), при создании которых мастер моделировал небольшие глаза цилиндрическими выпуклостями отдельно от отверстия пронизки, в основании клюва, причем в шумейковском изображении глаза размещены перпендикулярно клюву, а в текливском — в одной плоскости с клювом, что придает последнему более натуралистичный облик.

Особенность дышского изображения (28) состоит в его крайней удлиненности, практически в отходе от темы клюва в пользу темы когтя.

Хронология. Основу хронологии данного типа составляют объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов): из Келермесского кургана 2/В (3) (660–640-е гг. до н. э.), из Южной гробницы кургана 1 Красного Знамени (2) (сер. — третья четв. VII в. до н. э.) и из Келермесского кургана 24 (4) (конец VII — начало VI в. до н. э.). Изображениям из этих комплексов почти тождественны изображения на уздечных распределителях из кургана 2 Новозаведенного-II (5), из Владимировки (12), малые распределители из Шумейковского кургана (6), из Нартана (19, 20) и Верхней Рутхи (25). Они должны датироваться аналогично, т. е. в рамках второй трети VII — начала VI в. до н. э. Менее близки и явно вторичны, учитывая отдельное от отверстия оформление глаз, изображения на больших распределителях из Шумейковского кургана (21) и текливское, следовательно, они не могут датироваться ранее вышеуказанных рамок. Каменномостское изображение (21) очень сходно с головкой из Южной гробницы кургана 1 Красного Знамени (сер. — третья четв. VII в. до н. э.) и из Келермесского кургана 24 (конец VII — начало VI в. до н. э.), но, с учетом наличия в данном каменномостском комплексе кинжала предскифского типа, должно датироваться не позднее Краснознаменского комплекса, скорее, второй четв. VII в. до н. э. Изображение из могильника Фарс (24) происходит из комплекса, который «сопоставим с древнейшими Келермесскими курганами» по конскому снаряжению и другим остаткам инвентаря (Лесков, Эрлих, 1999. С. 74), следовательно, оно должно датироваться 660–640-ми гг. до н. э. Ему, в свою очередь, близки аксютинецкие (13, 15) и волковецкое (14) изображения, в меньшей мере — еще одно аксютинецкое (9) и шумейковское (8). По отношению к этим среднеднепровским изображениям текливское явно вторично. Все вместе эти головки в совокупности с краснознаменским изображением из кургана 4 (18) составляют компактный вариант изображений в рамках данного типа, у которых глазная/головная часть существенно шире клюва. Этому не противоречит заключение В. Г. Петренко о том, что Краснознаменский курган 4 должен датироваться сходно с Южной могилой кургана 1 того же могильника, т. е. сер. — третьей четв. VII в. до н. э. (Петренко, 2006. С. 114). Таким образом, аксютинецкие, волковецкое и шумейковское изображения (и тем более производное от них текливское) явно вторичны по отношению к фарсскому.

Изображение, оформляющее железные пронизи из Ульского кургана 10/1982 г., по объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) датируются второй пол. VI в. до н. э.

Очевидно, остальные изображения данного типа, в силу их сходства с надежно датируемыми, не могут существенно отличаться в хронологическом отношении. Исключение составляет морфологически особенное изображение на пронизках из кургана 1 могильника Дыш-IV (28). Этот комплекс, как уже было сказано выше, датируется публикаторами по объективным показателям первой пол. — сер. V в. до н. э. (Маслов, Гей, Андреева, 2021. С. 48). Такая поздняя в контексте рассматриваемого типа дата соответствует крайней стилизованности дышского изображения в сравнении с остальными изображениями данного типа. Это корреспондирует с мнением публикаторов о своего рода «реверсном» возникновении дышских пронизок под влиянием ахеменидского круга древностей при наличии архаического скифского «субстрата» (Маслов, Гей, Андреева, 2021. С. 45).

Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа: вторая треть VII в. — первая пол. V в. до н. э.

Тин 3 Ольвийско-завадский, вторая четв. VI — конец IV в. до н. э.

К данному типу относятся 134 оригинальных изображения. Таким образом, это наиболее крупный по количеству оригинальных изображений морфологический тип в рамках всего восточноевропейского скифского звериного стиля.

Модель тина. Это изображения обособленной головы хищной птицы (в том числе с шеей), наделенной волютовидным клювом, спиралевидно закрученным (если считать от основания клюва у глаза) в 3/4 оборота (270 градусов) либо в один оборот (360 градусов) или даже в полтора оборота, наподобие туго сжатой пружины, часто с упором кончиком клюва в подклювье. Это фантастический клюв, абсолютно нереальный в природе. Голова имеет подпрямоугольный или удлиненно-овальный контур, за счет относительно крупной глазной

части (сам глаз также преувеличен), осе-симметричной по отношению к соразмерному ей клюву. Иногда центр завитка клюва акцентируется кружком (ср. античный мотив волюты), центрально-симметричным глазу птицы. Моделировка рельефная или плоскостная с проработкой деталей гравировкой, реже прорезями.

Данный тип может быть разделен на 3 варианта с точки зрения пропорционального соотношения глазной части и клюва:

к 1-му, основному, варианту относятся птицы с клювом практически той же ширины (с учетом завитка), что и глазная часть (91 изображение);

ко 2-му варианту относятся птицы с клювом, несколько более широким, нежели головная часть (32 изображения);

к 3-му варианту относятся птицы с клювом, несколько более узким, нежели головная часть (11 изображений).

Основная масса изображений происходит с территории Среднего Поднепровья (вариант 1: 2, 16, 17, 19–21, 25–27, 33–35, 39, 41, 42, 45, 47, 49, 52, 53, 55, 61, 65, 66, 69, 72, 74, 87, 89, 91; вариант 2: 2, 8, 16, 26, 29; вариант 3: 4, 8, 11, 29), а также Нижнего Поднепровья и Побужья (вариант 1: 1, 4, 6, 14, 29, 30, 32, 40, 43, 44, 46, 56, 58–60, 63, 64, 68, 78*, 81, 83, 85, 86; вариант 2: 7, 12, 14, 21; вариант 3: 1). Также значительное количество изображений относится к Крыму (вариант 1: 3, 7, 12–13*, 31, 51, 54, 70–71*), 73, 75, 76, 84; вариант 2: 10, 11, 13, 22, 23, 24*) и Прикубанью (вариант 1: 15, 22, 28, 36, 37, 62, 67, 77, 79, 80, 82, 88, 90; вариант 2: 1, 3, 4, 6, 9, 15, 17–20, 25, 27, 28; вариант 3: 2, 5–7, 9, 10). Значительно меньшая доля изображений происходит с территории Нижнего Поднестровья (вариант 1: 48, 50, 57; вариант 2: 5), Нижнего Подонья (вариант 1: 11, 18, 23, 24) и Центрального Предкавказья (вариант 1: 8–10, 38; вариант 2: 30, 32; вариант 3: 3). Несколько изображений происходят с территории Ставрополья (вариант 1: 8, вариант 2: 30, 31), еще одно — с территории Среднего Подонья (вариант 2: 32); происхождение еще одного неизвестно (вариант 1: 5). Таким образом, в рамках данного типа так или иначе представлены практически все зоны скифской археологической культуры.

Изображения Ольвийско-завадского типа украшают/оформляют самые разнообразные предметы, но преимущественно — золотые обивки различных деревянных сосудов (вариант 1: 3–5, 7, 14–16, 22, 24–27, 31, 32, 43, 45–51, 56, 57, 66, 81, 83; вариант 2: 13, 14; вариант 3: 10) и накладки на ритоны или золотые ободки по верху ритонов (вариант 1: 36, 37, 58, 59; вариант 2: 9, 12).

Кроме того, изображения данного типа помещены на следующие предметы:

– на нашивные золотые бляшки и пластины одежды и головного убора (вариант 1: 6, 17, 20, 21, 29, 40, 54[1], 62, 67, 73, 80, 82, 84, 88; вариант 2: 7, 18; вариант 3: 2, 4), а в одном случае — на известняковую матрицу для их тиснения (вариант 1: 40);

– на бронзовые крестовидные бляхи «ольвийского типа», на короткие лопасти (вариант 1: 1, 11, 23);

– на бронзовые псалии (вариант 1: 74, 79; вариант 2: 1, 6, 17, 19, 28);

– на бронзовые уздечные бляхи (вариант 1: 9, 10, 12, 13, 28, 33, 39[2], 52, 65, 70, 75–78, 87, 90; вариант 2: 10, 11, 16, 24, 26; вариант 3: 1, 3, 6, 7, 11), бронзовые конские наносники/налобники (вариант 1: 38[3], 69; вариант 2: 15, 25, 27; вариант 3: 8, 9) и бронзовые нащечники (вариант 3: 5);

– на золотой конский наносник (вариант 1: 53) и на золотые конские нащечники (вариант 1: 68);

– на костяные уздечные бляхи (вариант 1: 42, 55);

– на костяные и роговые пластины-накладки (вариант 1: 44, 60; вариант 2: 8);

– на бронзовые зеркала «ольвийского типа», на диске (вариант 1: 85, 86) и на навершие рукояти (вариант 2: 2);

---

* Данные о местонахождении противоречивы.

[1] «Центральную часть пластины занимает голова оленя, хотя горбатый профиль морды более характерен для лося. Рога изображены в виде спирально согнутых птичьих головок» (Лесков, 1968. С. 161). Контекст находки (вместе с золотой гривной и золотой «ворворкой») позволяет допустить, что это пластина костюма, хотя ее значительные размеры (13,6×7,5 см) могут указывать и на иное назначение (однако вряд ли это пластина горита, поскольку таковые также присутствуют в данном комплексе) (Лесков, 1968. С. 160–163).

[2] Данная бляха в виде головы лося, отросток рога которого трансформирован в птичью голову, была ошибочно атрибутирована В. А. Ильинской как происходящая из кургана1 у с. Борзна. На самом деле это предмет из кургана 2 у с. Табаевка (Яценко, 1959. Табл. V: 4). Предмет хранится в ГИМ, инв. № 4539. Оп. Б 580/6 (благодарю К. Б. Фирсова за любезно предоставленную возможность ознакомиться с вещью). Комплекс описан в: Императорский российский..., 1893. С. 151–152.

[3] Очевидно, один и тот же предмет ошибочно воспроизведен Г. Н. Вольной как два разных предмета — см. в подрисуночных подписях: «3 — Кабарда; 4 — Верхний (правильно — Вольный. — *А. К.*) Аул» (Вольная, 2002. С. 160). На рисунке в публикации В. Е. Маслова и М. А. Очир-Горяевой (Маслов, Очир-Горяева, 1997. Рис. 2) индекс предмета ошибочно дан как 2: 2, однако из подрисуночной подписи ясно, что имеется в виду рисунок 2: 4. Возможность проверить информацию, содержащуюся в этих публикациях, с музейным хранением, визуально изучить и сфотографировать этот налобник в НМ КБР у меня появилась благодаря любезности хранителя коллекции А. Б. Депуевой.

– на оба конца костяного гребня (вариант 1: 61);
– на бронзовые навершия (вариант 1: 2, 63, 64, 91; вариант 2: 3–5);
– на золотые пластины и бляшки-аппликации горитов и колчанов (вариант 1: 19, 22, 23, 34, 35, 41, 89);
– на золотые обкладки ножен железного меча (вариант 1: 18, 30; вариант 2: 21);
– на рукоять железного меча (вариант 1: 8);
– на перекрестья железных мечей (вариант 2: 29–32);
– на клык кабана (вариант 1: 72).

Отличительная черта Ольвийско-завадского типа — то, что к нему относится большое количество элементов «зооморфных превращений».

Во-первых, многие изображения данного типа содержат дополнительные птичьи головки, являющиеся зооморфными превращениями или наложениями. Чаще всего это головка с аналогичным клювом (назовем ее «птица-2»), вписанная в контур основной птицы (назовем ее «птица-1»): например, вариант 1: 3–7, 14–18, 33, 50; вариант 2: 3, 16. Головка птицы-2 чаще направлена вниз, так что завиток клюва птицы-2 оформляет щеку/скулу птицы-1, а глаз птицы-1 одновременно является глазом для птицы-2: например, вариант 1: 15, 17, 25, 26, 33, 50, 90, 91 и др.; вариант 2: 3, 13, 16 и др.; вариант 3: 3. Но в некоторых случаях головка птицы-2 направлена вверх, так что глаз птицы-2 формирует щеку птицы-1, а завиток клюва птицы-2 моделирует глаз птицы-1 (например, вариант 1: 3–5, 7), причем в основании головы птицы-2 может быть помещена голова еще меньшей птицы-3 (вариант 1: 4, 14), и в одном из этих случаев (вариант 1: 4) в основании головы птицы-3 помещена еще и голова птицы-4: т. е., по сути, мы здесь имеем дело со сжатой в пружину свастической композицией. Реже головка птицы-2 или грифона помещена на плоскость восковицы и надклювья птицы-1 (вариант 2: 3–5).

Во-вторых, сам мотив головы хищной птицы Ольвийско-завадского типа массово используется в качестве элемента «зооморфного превращения» в изображениях других животных (вариант 1: 18, 30, 34, 35, 38, 39, 42, 52, 54–59, 65, 68, 69–73, 75–79, 83, 84, 87, 88, 89–91; вариант 2: 7, 9–12, 15, 16, 18, 20–23, 25–27; вариант 3: 1, 5–9, 11). Как правило, это завитки рогов копытных, реже их лопатки, в единичных случаях изображение оформляет заднюю часть обособленных конечностей хищника (вариант 1: 68) и носовую часть хищника (вариант 1: 42), еще в одном случае является амбивалентным — птичья головка одновременно оформляет противонаправленную ей фигуру припавшего к земле неясного грифоноподобного существа (вариант 1: 67).

В большинстве своем изображения данного типа трактованы достаточно подробно. Клюв мощный, сомкнутый, восковица преувеличена, покрывает надклювье наполовину, т. е. до изгиба, либо на треть (исключая периферийное для скифской археологической культуры раскаецкое изображение, в котором восковица миниатюрная — вариант 2: 5), край восковицы косой, а моделирована она, как правило, с помощью четкого рельефного выступа или прочерченной линии над надклювьем с боковой его стороны и, во многих случаях — еще и выступом над поверхностью надклювья. Поверхность восковицы часто покрыта продольным или поперечным рифлением (передающим неровности, иногда присущие ей в природе) (вариант 1: 1, 7, 9, 10, 11, 14, 16, 20, 23, 24, 25, 31, 34, 35, 43, 45, 47, 48, 49, 50, 53, 54, 61, 62; вариант 2: 2, 9, 10, 11, 19); иногда это рифление, вопреки натуре, заходит и в основание клюва (вариант 1: 7, 14, 16, 24, 25, 43, 47, 48, 50, 53, 54; вариант 2: 9). В двух случаях на поверхности восковицы, в полном соответствии с анатомией хищных и ряда нехищных птиц, показана ноздря: она моделирована либо впадиной — четкой овальной (вариант 2: 9) или ромбической (вариант 2: 19), либо перевернутым треугольником (вариант 2: 8).

Рот обозначен четкой или слабозаметной углубленной линией или же каплевидной выемкой, иногда ребром плоскостей; в ряде случаев рот не прослеживается. Часто птица показана зубастой, что усиливает ее фантастичность. Зубы обозначены полосой вдоль линии рта (между надклювьем и подклювьем), моделированной «жемчужником» или волнистой рельефной линией (вариант 1: 2, 3, 15, 16, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 45, 46, 47, 50, 60; вариант 2: 3, основное изображение, здесь линия зубов совпадает с линией шерсти на шее грифона, вписанного в клюв основной птицы).

Кружок, образуемый завитком клюва, может быть заполнен розеткой (вариант 1: 16, 25, 27).

Глаз находится в вершине головы и несколько выступает над клювом, но не более чем на 1/2 своей площади (исключая опять-таки периферийное раскаецкое изображение, в котором он почти полностью выступает над клювом, либо показан вровень с верхним краем надклювья. Глаз, как правило, округлый (очень редко овальный, в том числе со слезницами — вариант 1: 42, 63, 64, 67, 91; вариант 2: 17), в том числе концентрический, глазное яблоко дано выпуклостью в обрамлении рельефной глазницы, в двух случаях просто оконтурено углубленной линией (вариант 1: 44; вариант 2: 8).

Глаз может быть оформлен розеткой (вариант 1: 24, 25, 26, 27, 48), в солохском изображении он моделирован отверстием (вариант 1: 68). В одном из ульских изображений — на знаменитом навер-

шии (вариант 2: 3, основное изображение) — глаз звериный или человеческий, с округлым выпуклым зрачком, обрамленным рельефными веками в овальной глазнице, оформленной жгутиковым валиком.

Под глазом птиц Ольвийско-завадского типа находится округлая выпуклая скула/щека, обычно очень четкая, лишь иногда, в отдельных изображениях, являющихся элементами зооморфных превращений, — слабо выраженная. Как уже говорилось, скула может быть превращена в завиток клюва, реже — в завиток глаза дополнительной птицы. В основном птицы данного типа, в согласии с природной анатомией, лишены ушей, но в единичных случаях они наделены небольшим ухом со впадиной раковины, непосредственно примыкающим к глазу: это ухо может быть овальным (вариант 1: 9 (ухо обломано), 10), остроконечным (вариант 2: 9) или треугольным, еле заметным и зажатым между глазом и крупной 11-лепестковой пальметкой в основании головы (вариант 1: 28).

Треугольный участок между завитком клюва и скуловым выступом может быть заполнен пальметкой (вариант 1: 3, 4, 5, 22, 25, 26, 27, 31) или ее рудиментом (вариант 1: 42), что демонстрирует влияние греческого декоративного мотива волюты в сочетании с пальметкой; пальметка, как уже было сказано, может быть помещена и в основание головы (вариант 1: 28) или же зажата между парными клювами (вариант 2: 6, 13,16, 24).

Отдельные головы данного типа наделены шеями — длинными или рудиментарными (вариант 1: 2, 27, 38, 39, 43, 45, 46, 49, 61, 70, 73, 75, 76, 77, 90; вариант 2: 1, 2, 3, 4, 5, 17, 19, 25, 26, 27, 28; вариант 3: 9). Шея обычно гладкая, прямоугольная или трапециевидная в профиль.

В раскаецком изображении (вариант 2: 5) щека крайне утрирована, геометризирована и имеет вид отходящей наискось вниз удлиненной трапеции с отверстием на конце, а симметрично ей (относительно втулки навершия/шеи птицы) располагается аналогичный выступ (имитация уха?). В целом это изображение крайне схематизировано и представляется периферийной репликой с таких изображений, как защитненское и ульские навершия (вариант 1: 2; вариант 2: 3).

Аналогии. На сопредельных или близких со скифской археологической культурой территориях мы обнаруживаем аналогии изображениям Ольвийско-завадского типа. Это, в первую очередь, головы на лопастях тех же блях «ольвийского типа», что и из Ольвии и Дугина (вариант 1: 1, 11). На западных и северо-западных пределах это изображения с территории Румынии — из Бырсешти и Армашоайи (Dumitrescu, 1974. Fig. 471: 1, 2), с территории Словакии — из Хотина (Полідович, 2000. Рис. 2: 5), с территории Венгрии — из Комарно (Полідович, 2000. Рис. 2: 8), Цегледа (Kemeczei, 2009. Taf. 11: 6) и, фрагментированное, из Тёрёксентмиклоша (Kemeczei, 2009. Taf. 127: 1); на восточных окраинах скифской культуры это изображения на бляхе из погр. 3 кургана 3 могильника Аксай-I в Нижнем Поволжье в зоне «савроматской» культуры (Дьяченко и др., 1999. Рис. 5: 2). В этих случаях мы имеем несомненные реплики со скифских изображений, подражания иконографии Ольвийско-завадского типа (на бляхе из Армашоайи тиражирование привело к крайне схематизации). По типологии Ю. Б. Полидовича, эти бляхи относятся к 1-й группе, 4-му типу (Полідович, 2000. С. 36—37. Рис. 2: 1–7). Еще одна близкая аналогия во фракийском мире — многочисленные птичьи головы (как самостоятельные, так и элементы зооморфного превращения) на знаменитой бронзовой пластине-матрице из Гырчинова в Болгарии (Венедиков, Герасимов, 1973. Кат. 152). А в рамках нижневолжского варианта «савроматской» культуры близкое сходство со многими изображениями Ольвийско-завадского типа (в первую очередь с завадскими, берестнягскими, семибратненскими, майкопскими, уляпским, журовскими (вариант 1: 4, 25, 28, 53, 62; вариант 2: 9) демонстрируют персонажи на бронзовых уздечных бляхах из Хошеутова (Očir-Gorjaeva, 2005. Cat. 27, 28, 34). М. А. Очир-Горяева справедливо считает данные хошеутовские изображения следствием импульсов из зоны скифской археологической культуры (Očir-Gorjaeva, 2005. P. 40–44. Abb. 42: 10, 11); также для Нижнего Поволжья отметим сходные с иконографией Ольвийско-завадского типа птичьи головы на золотой обивке чаши из кургана 2 могильника Сазонкин бугор (Королькова, 2006. Табл. 21: 16).

Хронология Ольвийско-завадского типа определяется:

1) целым рядом надежных хроноиндикаторов (в первую очередь, предметами античного, реже — передневосточного импорта, происходящими из тех же комплексов, к которым относятся и предметы, оформленные/украшенные изображениями Ольвийско-завадского типа);

2) ранее установленными рамками определенных категорий вещей, к которым относятся предметы, оформленные/украшенные изображениями Ольвийско-завадского типа[1].

[1] Далее при упоминании изображений Ольвийско-завадского типа в целях краткости изложения, как правило, приводятся номера по каталогу только для тех изображений, которые, не будучи идентичными, украшают различные части одной и той же вещи.

К изображениям, совстречающимся в единых комплексах с объективно датируемыми импортами (см. Список опорных хроноиндикаторов), относятся (в хронологическом порядке): ульские на навершиях из кургана 2/1909 г. (вариант 2: 3) и из кургана 10/1982 г. (вариант 1: 2) (вторая пол. VI в. до н. э.), скороборское (вариант 1: 89) (третья — четвертая четв. VI в. до н. э.) (Shramko, 2021. P. 195), ольвийские на зеркале из могилы 41 соответствующего некрополя (вариант 1: 85, 86) (последняя треть VI в. до н. э.), журовское из курганов Г (вариант 1: 65) (конец VI — начало V в. до н. э.), журовские из курганов 401 и 402 (вариант 1: 17, 21, 52, 53, 66; вариант 3: 4) (первая пол. V в. до н. э.), ильичевское (вариант 1: 54; вариант 2: 22, 23) (первая пол. V в. до н. э.), из кургана 1 могильника Дыш-IV (вариант 1: 90) (первая пол. — сер. V в. до н. э.) (Маслов, Гей, Андреева, 2021. С. 48), нимфейские (вариант 1: 73, 84) (475–425 гг. до н. э.), елизаветовское из кургана 5/1911 г. (вариант 1: 24) (сер. — третья четв. V в. до н. э.), из Великой Знаменки (вариант 1: 43, 58, 59) (сер. V в. до н. э.), завадские (вариант 1: 4, 14; вариант 2: 14) (450–425 гг. до н. э.), семибратненское из кургана 4 (вариант 2: 6; вариант 3: 6) (вторая пол. V в. до н. э.), семибратненское из кургана 2 (вариант 1: 2) (третья четв. V в. до н. э.), берестнягское из кургана 5 (вариант 1: 28) (вторая пол. V в. до н. э.), малочертомлыцкое (вариант 1: 6) (вторая пол. V в. до н. э.), из кургана у разъезда Сторожевой (вариант 1: 51) (начало IV в. до н. э.), из Южного Елизаветинского кургана (вариант 2: 19) (первая четв. IV в. до н. э.), солохское из Бокового погребения (вариант 1: 68; вариант 2: 7, 21) (400–375 гг. до н. э.), уляпское из кургана 1 (вариант 2: 20) (первая пол. IV в. до н. э., но с тяготением к первой трети IV в. до н. э.), уляпское из кургана 4, ритуальный комплекс (вариант 1: 82) (начало — первая пол. IV в. до н. э.), уляпское из кургана 2 (вариант 2: 6; вариант 3: 9) (первая пол., ближе к сер. IV в. до н. э.), уляпское из кургана 5 (вариант 1: 62) (первая пол. IV в. до н. э.), гайматовские из Северной гробницы (вариант 1: 63; вариант 2: 12) (в максимальных пределах 360–325/320 гг. до н. э.), чмырёвские (вариант 1: 64, 91) (в максимальных пределах второй четв. — второй пол. IV в. до н. э.).

Обращаясь к определенным категориям вещей, чьи хронологические рамки бытования так или иначе определены в научной литературе, начнем с блях «ольвийского типа», к которым относятся ольвийское (вариант 1: 1), дугинское (вариант 1: 11) и полушкинское (вариант 2: 23) изображения. Эти бляхи датируются прежде всего на основании хронологии погр. 12/1910 г. некрополя Ольвии, отнесенного С. И. Капошиной по наконечникам стрел и бронзовой рифленой застежке колчана к концу VI — началу V в. до н. э. (Капошина, 1956. С. 174–175. Рис. 17: 1, 2). С. В. Полин по тем же хроноиндикаторам удревнил эти бляхи до рубежа не позднее второй четв. VI в. до н. э. (Полін, 1987. С. 29). Этому не противоречит и хронология вышеупомянутой аналогии из могильника Аксай-I, происходящей из комплекса, который надежно датируется по античной амфоре, расписанной красной краской, относящейся к сер. — второй пол. VI в. до н. э. (Дьяченко и др., 1999. С. 108. Рис. 5: 1; Алексеев, 2003. С. 202). Таким образом, для ольвийского и дугинского изображений изучаемого нами типа допустима датировка в предельных рамках второй четв. VI — начала V в. до н. э.

Кабаньи клыки-подвески, к которым относится изображение из Малых Будков Роменского уезда (вариант 1: 72), в соответствии с общими рамками данной категории изделий, датируются в пределах конца VI — первой пол. V в. до н. э. (Королькова, 2006. С. 121).

Березанское изображение из ямы № 146 (вариант 1: 44) относится к I периоду Березанского поселения, датируемому в рамках конца VII — первой пол. VI в. до н. э., при том что выделение в этом горизонте более ранних и более поздних комплексов не всегда возможно, как указывают авторы публикации (Чистов и др., 2012. С. 8, 15 сл.). В то же время березанское изображение наиболее близко таким объективно датируемым изображениям изучаемого типа, как гравировки на ольвийском зеркале из могилы 41 некрополя (последняя треть VI в. до н. э.) и, в меньшей мере, ульским на навершиях из кургана 2 1909 г. (вторая пол. VI в. до н. э.) и на бляхах «ольвийского типа» (предельные рамки, с учетом удревнения С. В. Полиным и традиционной датировки — вторая четв. VI — начало V в. до н. э.). Вероятно, березанское изображение можно относить ко второй четв. VI в. до н. э., что не будет противоречить датировке I периода Березанского поселения.

Меч, перекрестье которого оформляет каневское изображение (вариант 2: 29), относится по классификации А. И. Мелюковой к 4-му типу I Отдела, при этом большинство акинаков данного типа происходят из комплексов V в. до н. э. (Мелюкова, 1964. С. 52–53). А. И. Мелюкова связывает происхождение данного меча с местным производством под сибирским влиянием, учитывая необычное для Северного Причерноморья оформление перекрестья (двойные птичьи головки), и датирует меч по стилю изучаемых нами изображений V в. до н. э. (Мелюкова, 1964. С. 53). Каневскому изображению близки, хотя и не идентичны головы птиц на перекрестьях мечей из Ставропольского края (акинак с горы Верблюд;

село Александровское)[1] и из с. Тынково в Среднем Подонье (вариант 2: 30–32); в отличие от каневского изображения, где две головки имеют один общий глаз, здесь каждая птица наделена глазом.

Что касается остальных изображений данного типа, они могут датироваться на основании их сходства с объективно датируемыми. Именно, головам на ольвийской и дугинских бляхах «ольвийского типа» и на ольвийских зеркалах близки головы на роменском гребне (вариант 1: 61) и на ольвийской роговой пластине (вариант 1: 60), равно как и на басовском зеркале (вариант 2: 2), скороборской головке (вариант 1: 89), головы на бляшках из Витовой могилы и из Опишлянки (вариант 1: 19, 35, 41); соответственно, все они должны датироваться в диапазоне сер. VI — начала V в. до н. э. (с учетом варианта широкой датировки блях «ольвийского типа»). Ульскому изображению на навершиях из кургана 2/1909 г. (вариант 2: 3) очень близко защитненское (вариант 1: 2), а к ним обоим примыкают хорошо датированное ульское из кургана 10/1982 г. (вариант 2: 4) и раскаецкое (вариант 2: 5) — как явные подражания, что определяет дату защитненского и раскаецкого (вторая пол. VI в. — начало V в. до н. э.). К кругу объективно датируемых изображений — завадских, берестнягского, малочертомлыцкого, одного из елизаветовских (вариант 1: 24), некоторых семибратненских (вариант 1: 28; вариант 2: 9), нимфейского, одного из журовских (вариант 1: 66), из Малых Будков Роменского уезда — так или иначе относятся следующие изображения: акмечетские, испановские, одно из изображений из «Майкопского клада» (вариант 1: 15, 22, 36, 37), одна из Майкопских покупок (вариант 2: 1), из Каневского уезда, неизвестного происхождения (вариант 1: 5), одно из изображений из Яблоновки (вариант 1: 26), из Арциза (вариант 1: 50), из Мреснотой могилы (вариант 1: 48), из Дубового (вариант 1: 32), из Архангельской слободы (вариант 1: 29), бельские (вариант 1: 33; вариант 2: 8), из Дорт-Обы (вариант 1: 7), из Великой Белозерки (вариант 1: 30), одно из ольвийских (вариант 1: 40), из имения Ханджиева (вариант 1: 31). Уже к ним, в свою очередь, примыкают более упрощенные изображения: одно из изображений из Яблоновки (вариант 1: 45), из Пекарей (вариант 1: 49), из Ковалевки (вариант 1: 46), из Жовнина (вариант 1: 16), из Чигирина (вариант 1: 55), одна из майкопских покупок (вариант 1: 80), некоторые волковецкие (вариант 1: 69, 74), из Яснозорья (вариант 1: 47), Колосков (вариант 1: 78), акташское (вариант 1: 76), ассиновское (вариант 3: 3), из Оситняжки (вариант 1: 27), из Краснодарского музея (вариант 1: 88; вариант 2: 17, 18; вариант 3: 2), из ст. Ярославской (вариант 1: 67). Журовскому изображению из кургана 401 (вариант 1: 53) (первая пол. V в. до н. э.) и ильичевскому (вариант 1: 54) (первая пол. V в. до н. э.) очень близки изображения из могильника Нартан-1 (курган 24) (вариант 1: 9, 10), с Бельского городища (вариант 1: 33) и на рукояти меча из с. Александровское (вариант 1: 8). Одному из изображений из кургана 402 Журовки (вариант 1: 21) (первая пол. V в. до н. э.) очень близко изображение из Острой могилы и, как уже отмечал А. М. Новичихин, гостагаевское изображение (вариант 3: 10) (Новичихин, 2006. С. 61).

Таким образом, хронологические рамки данного типа устанавливаются в пределах второй четв. VI — конца IV в. до н. э.

Тин 4 Ковалевско-басовский, конец VI — IV вв. до н. э.

К данному типу относятся 23 изображения, происходящие с территории Среднего Поднепровья (2–13), Нижнего Поднепровья и Побужья (1, 14–18), а также из Крыма (19–22) и Прикубанья (23). Это изображения, оформляющие преимущественно бронзовые уздечные бляхи (1–13, 19–23), а также гравировки на каменных матрицах для тиснения или отливки бляшек (14–18).

Модель тина. Представлена птичья голова без шеи с загнутым клювом (чаще всего, если считать от основания клюва у глаза, на 90 градусов), т. е. хищная. Моделировка рельефная, ракурс строго профильный. Голова птицы имеет сегментовидный контур, причем преувеличенный глаз занимает почти всё пространство головы и так или иначе выступает над поверхностью клюва (исключение — березанские изображения, в которых глаз опущен в область щеки, — 17, 18). При этом одно из ольвийских (16) и березанские изображения (17, 18) представляют собой парную синтетическую композицию, на березанских матрицах — с пальметкой посередине.

Изображения складываются из трех основных элементов: мощного, относительно короткого клюва с четко выраженной восковицей, большого глаза и мощной скулы/щеки, выступ которой уравновешивает изгиб клюва.

Изображения трактованы лаконично. Клюв сомкнутый, рот чаще обозначен короткой каплевидной впадиной (при характеристике негативных изображений на матрицах (14–18) мы будем

[1] Возможно, аналогично была оформлена рукоять еще одного акинака из этого региона (с территории Ставропольского ликероводочного завода), но сильная корродированность предмета не позволяет утверждать это с абсолютной уверенностью, поэтому данный меч здесь не учитывается (см. подробнее: Канторович, Кравцова, 2020. С. 138. Рис. 2: 6; 3: 5).

описывать их гипотетические отливки, т. е. позитивы), реже — желобком по всей длине клюва (12, 16, 17). Исключение составляет одно из броварских изображений (6), в котором подклювье отделено от надклювья прорезью.

Восковица преувеличена, край ее косой, наполовину покрывает надклювье (в трех случаях на треть — 12, 18, 23), часто поднимаясь в профиле над его поверхностью (2, 6, 9, 10, 13–18, 20). Как правило, восковица широкая и полностью закрывает на своем участке клюв в профиль, исключая одно из волковецких (4), одно из бельских (12) изображений и одно из «Крымской коллекции» (21). Поверхность восковицы и примыкающей к ней зоны надклювья, за шестью исключениями (4, 12, 18, 21–23) покрыта крупным рифлением, чаще продольным в соответствии с натурой (1–3, 5, 7–9, 11, 13, 16, 17, 19, 20), реже — поперечным (6, 10, 14) и иногда, вопреки природе, заходящим в основание клюва (6, 7, 15).

Глаз округлый, концентрический, зеница дана выпуклостью в обрамлении рельефной глазницы. Под глазом находится округлая выпуклая скула/щека, обычно четкая, за тремя исключениями, когда она либо слабо выражена (11), либо, как уже говорилось, место щеки занято глазом (17, 18). Скула может быть превращена в завиток дополнительного клюва, образующего вместе с глазом еще одну птичью головку (6, 10, 14–16). Большинство птиц данного типа, исключая одну из волковецких, одну из бельских, ольвийские, березанские и дышскую (4, 11, 14–18, 23), наделены небольшим ухом. Оно моделировано между глазом и скуловым выступом овальной выпуклостью (с углублением раковины); в одном из броварских изображений (6) ухо дано маленькой петлей непосредственно за глазом.

В одном из ольвийских изображений (16) птицы наделены зубами, отображенными в створе приоткрытого рта с помощью округлых впадин, т. е. это фантастические птицы. В одном из броварских изображений (7), в двух из «Крымской коллекции» (19, 22) и в дышском (23) на поверхности клюва впадиной показана ноздря.

Хронология. Нижнюю хронологическую границу данного типа составляет басовское изображение (2), которое по типам наконечников копий и предметов конской узды датируется первой пол. V в. до н. э. (Ильинская, 1968. С. 78; Галанина, 1977. С. 46), а также ольвийские, которые найдены в слое городища «начала V в. до н. э.» (Капошина, 1956. С. 183), и изображение из кургана 1 могильника Дыш-IV (первая пол. — сер. V в. до н. э.) (Маслов, Гей, Андреева, 2021. С. 48). Верхнюю дату, очевидно, надо определять по волковецкому изображению, поскольку комплекс, из которого оно происходит, относится по античным импортам к периоду второй четв. — второй пол. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Остальные изображения близки вышеупомянутым, причем ковалевское (1) происходит из комплекса, содержащего также бляху с изображением свернувшегося хищника типа I-1-А-б-I-3 Кулаковско-ковалевский (предельные рамки: последняя четв. VI — IV в. до н. э.), причем к более раннему хронологическому пласту данного типа, определяемому в пределах конца VI — первой пол. V в. до н. э. (см. выше).

Таким образом, совокупные хронологические рамки типа: конец VI — IV вв. до н. э.

Тин 5 Мастюгинский,
третья четв. V — начало III в. до н. э.

К данному типу относятся 23 оригинальных изображения, происходящих в основном с территории Среднего Подонья (1–6, 9–13, 15, 20–22), а также с территории Нижнего Подонья (7, 14, 23), Нижнего Поднепровья (8), Крыма (19), Прикубанья (18) и Центрального Предкавказья (16, 17). Это в подавляющем большинстве головы, оформляющие крюки колчанных или поясных застежек — бронзовых (5, 9–12, 14, 16, 19–23), железных (1, 3), бронзово-железных (2), железных с золотой обтяжкой (7, 13), золотых (6, 8), серебряных (8[1], 15) и костяных (4). Кроме того, два изображения данного типа оформляют окончания биметаллических псалиев (17, 18).

Модель тина. Представлена птица с загнутым клювом — очевидно, хищная, причем, как правило, наделенная ушами («скифский грифон»). Изображения моделированы объемно. Детали трактованы крайне схематично, с нарушением пропорций. Глаза и клюв преувеличены и фактически формируют всю голову. Глаза округлые или овальные. На большинстве металлических крючков глаза птицы моделированы единым валиком, перпендикулярным клюву в его основании, исключая крючки из Мастюгино (2, 3), из сборов А. А. Спицына (7) и из Колбино (15); при этом в одном из этих мастюгинских изображений (3) и в колбинском атавизмом глаз являются три поперечных валика, разграничивающие клюв и уши птицы, а в изображении из сборов Спицына глаза оформлены раздельными выпуклостями. На костяном крючке из Мастюгино (4) глаза вырезаны раздельно. Очевидно, моделировка глаз единым валиком обусловлена технологией цветного литья (ср. бронзовые изделия в зверином стиле тагарской культуры), в отдельных случаях нашедшей подражание в ковке черного металла (1, 3).

[1] Из Александропольского кургана происходят 2 тождественных колчанных/поясных крючка — золотой и серебряный, которые рассматриваются нами как одно оригинальное изображение (9).

Зеница дана округлой выпуклостью в углублении овальной глазницы, на костяном крючке показан даже зрачок (округлым углублением — 4).

Непосредственно за глазом аналогичным валиком имитированы уши, моделированные либо валиком, аналогичным глазам (3, 8, 11, 13, 14, 16, 23), либо раздельными овальными выпуклостями (1, 2, 4, 5, 6, 9, 10, 12, 15, 17, 18–22). В двух случаях уши не обозначены (7, 13). Впадины ушной раковины обозначены углублениями. Клюв удлиненный и тонкий, на конце загнут крючком в соответствии с функцией оформляемого предмета — колчанной застежки или поясного крючка, тогда как на псалиях этот изгиб не столь значителен (17, 18). Рот, как правило, не обозначен; исключение составляют головки на псалиях, здесь рот показан желобком по всей длине клюва (17, 18). Поверхность клюва может быть поперечно зарифлена (1, 7, 13, 14), в одном случае насечки идут продольно (4). Очевидно, эти неровности обозначают восковицу. Шея птицы трапециевидная или стержневидная, в одном случае затылок отделен от шеи поперечными валиками, очевидно, имитирующими перьевой покров (8), в трех других случаях шея полностью покрыта поперечным прямым или елочным рифлением, возможно, имитирующим шерсть на шее хищника, обращенного в противоположную сторону (4, 13). Еще в одном случае поперечное рифление доходит до фигуры зверя, оформляющего противоположный конец крючка и сонаправленного с птичьей головой (7), в двух случаях поверхность шеи покрыта двумя полосками поперечных валиков, разделенных продольной полосой (6, 16). В остальных случаях шея гладкая.

Аналогии и хронология. Как мы уже отмечали выше, ближайшую аналогию данному типу составляют немногочисленные изображения полнофигурных изображений птиц хронологически более узкого типа I-I-3 Мастюгинский (IV в. до н. э.), в рамках которого весь крючок оформлен в виде птицы с непропорционально длинной шеей (боковое ответвление рассматриваемого типа 5 Мастюгинский). В некоторых случаях зооморфизм в этой части крючка отсутствует, здесь не прослеживаются ни глаза, ни детали клюва птицы, и соответствующие изделия в рамках данного типа не рассматриваются и в общей статистике в этой части не учитываются[1]. Также не включается нами непосредственно в рамки данного типа и рассматривается как десемантизированное подражание (аналогия А) железный колчанный/поясной крючок из кургана 32/32 у с. Мастюгино (Либеров, 1965. Табл. 32: 6; Гуляев, 1969. С. 113–114. Рис. 3: 4). На этом крючке, как и в колбинском изображении (15), атавизмом глаз можно считать три поперечных валика, разграничивающих клюв и уши птицы, но на мастюгинском крючке нет уже и ушей, что говорит о полной десемантизации изображения: очевидно, крючок здесь уже не воспринимается как отображение чего-то зооморфного.

Кроме того, близкую аналогию изображениям данного типа составляет бронзовый колчанный/поясной крючок из коллекции Заусайлова, находившейся в Гельсингфорсе/Хельсинки, — с аналогичной птичьей головой на одном конце и атавизмом птичьей фигуры на другом (Ростовцев, 1993. Табл. VI, 30). Поскольку происхождение этого предмета неизвестно, данное изображение птичьей головы привлекается нами лишь в качестве аналогии и не учитывается в рамках общей статистики.

Основу хронологии Мастюгинского типа составляют прежде всего ранее установленные хронологические диапазоны типов изображений копытных и хищников, с которыми сочетаются в рамках одного предмета изображения рассматриваемого типа. Это: тип фигуры птицы I-I-3 Мастюгинский (IV в. до н. э.); тип головы хищника 5 Роменско-сладковский (конец VI — начало III в. до н. э.), при этом надо учитывать, что изображения на колчанных крючках в рамках данного типа с птичьей головой на противоположной стороне датируются не ранее IV в. до н. э.; тип фигуры оленя 5 Александропольский — Частые (IV — начало III в. до н. э.); тип фигуры медведя II-A-I-5 Кащеевско-колбинский (третья четв. V — IV в. до н. э.)

Кроме того, в рамках данного типа имеется александропольское изображение, датируемое по объективным показателям в пределах 340–300 гг. до н. э.

Этому не противоречит тот факт, что шалушкинское и гришковское изображения (17, 18) соседствуют на псалиях с изображениями объемной головы хищника типа 8 Елизаветинско-шалушкинский, дата для которого была определена в рамках IV в. до н. э. (см. выше).

Таким образом, предельные хронологические рамки типа: третья четв. V — начало III в. до н. э.

Тин 6 Краснознаменский,
вторая четв. VII— начало VI в. до н. э.

К данному типу относятся 5 оригинальных изображений, происходящих с территории Центрального Предкавказья (1, 2, 5), Прикубанья (3) и Среднего Поднепровья (4). Это головы, оформляющие бронзовые уздечные бляхи (1), бронзовые псалии (2), навершия — бронзовые (3) и бронзовое

[1] Это крючки из кургана 25 Сладковского могильника и из кургана 11/16 Мастюгино, широкие концы которых оформлены в виде головы хищника типа 5 Роменско-сладковский.

с железным стержнем[1] (4), а также костяную рукоять железного ножа (5).

Модель тина. Представлена птичья голова с прямой шеей и с клювом без восковицы, загнутым на 90 градусов (3, 4) или закрученным в один оборот (1, 2, 5), но не соприкасающимся концом с подклювьем, т. е. хищная птица, на грани реальности и фантастики. Моделировка рельефная, в двух случаях односторонняя в строго профильном ракурсе (1, 5), в остальных — скульптурная, объемная (2–4).

Изображения трактованы обобщенно и лаконично. Клюв длинный, чаще средней толщины (1-1, 2–5) в одном случае более мощный (1-2), сомкнутый, рот чаще не обозначен, в роменском изображении намечен узкой каплевидной впадиной (4).

Глаз среднего размера, округлый, концентрический, немного приподнят над клювом, зеница обозначена впадиной в обрамлении кольцевидной рельефной глазницы. Под глазом может быть обозначена небольшая овальная скула/щека (1-1).

В одном случае голова птицы представляет собой зооморфное превращение хвоста пантеры (1-1, 1-2), а туловище пантеры может восприниматься как шея птицы. В других случаях шея четко проработана, она может быть тонкой цилиндрической (2), прямоугольной (5), может быть мощной усеченно-конической, переходящей в овальный бубенец навершия, замещающий грудную часть птицы (3, 4).

Хронология. Основу хронологии данного типа составляют объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов): краснознаменские изображения из кургана 6 (1, 2), относящиеся к рубежу третьей — четвертой четв. VII в. до н. э., и из Келермесского кургана 1/В (3) (660–640 гг. до н. э.). Близкое им, в особенности келермескому, изображение из Роменского уезда (4) должно датироваться сходно, этому не противоречит датировка типа украшаемого им навершия: по классификации Е. В. Переводчиковой, это V тип, датируемый в рамках конца VII — начала VI в. до н. э. (Переводчикова, 1980б. С. 26, 30, 39. Рис.4:9).

Таким образом, хронологические рамки данного типа: вторая четв. VII — начало VI в. до н. э.

Тин 7 Новозаведенско-ульский,
вторая нол. VII — начало VI в. до н. э.

К данному типу относятся 5 изображений, происходящих с территории Ставрополья (1, 2) и Прикубанья (3–5). Это изображения, оформляющие бронзовые столбики-распределители уздечных ремней.

Модель тина. Представлена птичья голова с дополнительной слаборазличимой головкой барана или иного животного в основании (прием «зооморфного наложения»), при этом сама птица имеет волютовидный клюв без восковицы, спиралевидно закрученный в полтора оборота, с упором кончиком клюва в подклювье и с акцентированным кружком в середине завитка, т. е. птица хищная, фантастическая. Моделировка рельефная, изображение строго профильное. Голова птицы имеет овально-восьмеркообразный контур, за счет мощного относительно короткого клюва, соразмерного и симметричного головной части.

Изображения трактованы лаконично. Клюв мощный, сомкнутый, отделен от головной части желобком, линия рта не обозначена. Глаз находится в центре головной части и немного выступает за ее задний край. Глаз округлый, концентрический, зеница дана впадиной в обрамлении рельефной глазницы. Глаз птицы совпадает с глазом вышеупомянутого неопределенного животного (барана?), головка которого заполняет пространство головной части птицы; при этом к глазу основной птицы/дополнительного животного снизу примыкает ухо последнего — овально-удлиненное, со впадиной раковины (в одном случае (2) «читаются» оба уха), тогда как сверху глаза располагается морда дополнительного животного — овальная, со впадиной ноздри. Возможно, вокруг уха этого животного древние мастера пытались показать огибающий его бараний подковообразный рог, но уверенно утверждать это нельзя.

Данный тип изображений как весьма специфичный был уже, по сути, выявлен А. Ю. Алексеевым и Л. К. Галаниной, отнесшими к нему изображения на бляхах из кургана 24 Келермесского могильника (3), из Ульских курганов № 1/1910 г. и № 2/1909 г. (4, 5) (Галанина, Алексеев, 1990. С. 40, 43. Рис. 6: 12, 38; Галанина, 1999. Рис. 1: 12). Они трактовали данные изображения как птичью головку с не совсем ясным изображением на затылке. Комментируя это предположение, В. А. Кореняко справедливо указал, что пред нами — редкий случай «совмещения двух самостоятельных и хорошо известных в архаичном скифском искусстве мотивов — массивного клюва хищной птицы и головы барана, несоразмерно меленькой и потому принимаемой за птичью головку» (Кореняко, 2001. С. 62). В. А. Кореняко добавил к этому типу еще одно изображение — на столбике-распределителе уздечных ремней, обнаруженном им при раскопках кургана могильника Новозаведенное-I (1), соседнего с могильником Новозаведенное-II, в котором позднее В. Г. Петренко при раскопках были обнаружены еще шесть столбиков со сходным изображением (2).

---

[1] «Бунчук железный с бронзовой головкой сокола» (Бобринский, 1901. С. 156).

Хронология. Основу хронологии данного типа составляет объективно датируемое изображение (см. Список опорных хроноиндикаторов) из Келермесского кургана 24 (конец VII — начало VI в. до н. э.). Комплекс кургана 2 могильника Новозаведенное-II датируется в пределах рамок существования данного могильника, т. е. в пределах сер. VII — начала VI в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Единственный раскопанный курган могильника Новозаведенное-I был датирован его исследователем В. А. Кореняко началом VI в. до н. э. (Кореняко, 2001. С. 62 сл.). Ульский курган 1/1910 г. был отнесен Л. К. Галаниной на основании аналогий с Келермесскими курганами ко второй пол. VII в. до н. э. (Галанина, 1999. С. 64)

Таким образом, хронологические рамки данного типа: вторая пол. VII — начало VI в. до н. э.

Тин 8 «Ульские — Уллу», вторая нол. VI — V в. до н. э.

К данному типу относятся 10 изображений, происходящих с территории Прикубанья — из Ульских и Уляпских курганов (1–6, 8) и из Центрального Предкавказья — из бескурганного могильника Уллу и курганного могильника Нартан-1 (7, 9, 10). Это изображения, оформляющие окончания железных стержневндных двудырчатых псалиев (1–7, 10) и железных подковообразных уздечных пряжек (8, 9).

Модель тина. Представлены птичьи головы с шеями. Птицы на псалиях изображены с закрученным почти в один оборот клювом, касающимся подклювья (один конец псалия) и со слабозагнутым клювом (противоположный конец псалия) (1, 7), либо только с закрученным клювом (2, 3, 4 (обломан), 5, 6) или только с загнутым клювом (10). Птицы на пряжках показаны с закрученным клювом (8, 9). Таким образом, здесь изображены хищные птицы, в том числе на грани реальности и фантастики. Головы птиц устремлены вверх, при этом они продолжают линию шеи, которая может быть изогнутой (6 левый, 8, 9) или прямой, в последнем случае головы чуть наклонены вперед (1, 2–5, 7, 10).

Изображение двустороннее плоскостное, крайне схематичное, ракурс строго профильный. Лобная (надглазная) часть выпуклая в контуре, переходит в клюв уступом или плавно, ей симметричен подбородочный выступ. Глаза небольшие, округлые, слабозаметные, очерчены неглубокой линией. Восковица специально не проработана (7) или чуть намечена небольшим выступом в контуре (1–3, 5, 6, 8–10). Клюв удлиненный, сужается к концу. В роли гладкой тонкой длинной шеи выступает цилиндрический стержень псалия или пряжки.

Хронология. В. Р. Эрлих в своей периодизации Ульских курганов отнес комплекс кургана 1/1909 г. и кургана 10/1982 г. ко второму хронологическому горизонту Ульских курганов (вторая пол. VI в. до н. э. (Эрлих, 2010. С. 117–118). Комплекс Ульского кургана № 1/1898 г., из которого, как уже сказано, происходят неопубликованные аналогичные псалии, отнесен исследователем к третьему хронологическому горизонту Ульских курганов (конец VI — первая треть V в. до н. э.) (Erlikh, 2010. P. 49). Псалии из Уллу, очевидно, нужно синхронизировать именно с третьим горизонтом Ульских курганов, учитывая их происхождение из комплекса с вещами V в. до н. э., в частности с бляхами с изображениями птицы типа II-I-3 Уллу (см. выше), которые, как мы помним, в свою очередь аналогичны Хошутовским, комплекс которых надежно датируется в рамках V в. до н. э., причем ближе к его середине (Očir-Gorjaeva, 2005. S. 70–72).

Этому не противоречит большое сходство подпружных пряжек и птичьих голов на них из того же погр. 3 Уллу, откуда происходят псалии, с пряжками из близлежащей к Ульской Уляпской курганной группы, курган 15 которой (именно в этом кургане, в конском погр. 3, найдены эти пряжки), отнесен его публикаторами к 1-й хронологической группе Уляпского могильника, датируемой по античной керамике и типам акинаков в предельных рамках первой пол. VI — конца V в. до н. э. (Лесков и др., 2005. С. 76). Комплекс нартанского кургана 4 отнесен В. М. Батчаевым к поздней группе данного могильника, датируемой V в. до н. э. (Батчаев, 1985. С. 52; ср. Петренко, 1989. С. 218–220. Табл. 86).

Таким образом, предельные хронологические рамки типа: вторая пол. VI — V в. до н. э.

Тин 9 Роменско-верхнекобанский, конец VII — VI в. до н. э.

К данному типу относятся 20 изображений, происходящих преимущественно с территории Центрального Предкавказья (6–14) и Прикубанья (2, 3), а также с территории Среднего Поднепровья (1, 4, 20), Нижнего Поднепровья–Побужья (5), Попрутья (19) и Крыма (?) (15–18). Это изображения, оформляющие, в основном, бронзовые бутероли ножен мечей (2–20)[1], а также бронзовое навершие (1).

Модель тина. Представлена птичья голова с шеей, с сильно загнутым (на 180, реже на 90 градусов) и раскрытым клювом, упирающимся концом в подклювье (исключая изображение на роменском навершии и на бутероли из Марченков — 1,

[1] В. А. Ильинская и Е. В. Переводчикова трактуют изделие из Майкопа (3) как навершие (Іллінська, 1963. С. 36. Рис. 2: 5; Переводчикова, 1980б. С. 26–27. Рис. 1: 9), но это, скорее всего, бутероль, учитывая ее сходство с безусловными бутеролями данного типа, прежде всего с владимировской (2).

20), т. е. хищная птица, на грани реальности и фантастики; поскольку большинство птиц показаны с языком в клюве, это сближает их с иконографией грифона (см. ниже).

Моделировка скульптурная, но рассчитанная преимущественно на боковой обзор. Изображения в большинстве своем трактованы лаконично. Клюв мощный, раскрытый рот обозначен прорезью (на роменском навершии — желобком). Во рту, как правило (исключая владимировское, майкопское, березанское, ниспоренское, марченковское изображения и одно из «Крымской коллекции» — 2, 3, 5, 18–20), показан язык, моделированный валиком (1) или прутком (4, 6–14, 15–17); в ряде случаев язык обломан, но его очертания восстановимы (4, 8, 16). Восковица чаще не показана, но на прикубанских бутеролях (2, 3) она обозначена с помощью невысокого выступа над поверхностью надклювья, а на роменском навершии ее косой край по бокам надклювья окаймлен неглубоким желобком. Глаз округлый, чаще обозначен полушаровидной выпуклостью (1, 3, 6–14, 16, 20), реже он концентрический, с выпуклостью зеницы (со впадиной зрачка) в углублении глазницы (2, 4, 5, 15, 17–19). Шея дана условно, она мощная (соразмерная голове по толщине), геометричная — чаще усеченно-коническая, лишь в двух случаях цилиндрическая (4, 5).

Публикаторы марченковской бутероли (20) указали на наличие такой уникальной детали, как шишковидный выступ над глазом, и справедливо соотнесли этот элемент с рудиментами иконографии грифона раннегреческого канона в скифском зверином стиле (Скорый, Окатенко, Зимовец, 2020. С. 116; см. подробнее об этой детали: Канторович, 2012а. С. 118–120).

Особенности трактовки конкретных изображений — см. в Каталоге.

Аналогии и хронология. Ближайшими аналогиями данному типу за пределами ареала восточноевропейского скифского звериного стиля являются бутероли из Закавказья — из Дванского могильника (А), из Кливанского могильника (Б), в меньшей мере — из Тлийского могильника, погр. 246 (Техов, 1980. Рис. 18: 3; 23: 6). Кроме того, репликами этой традиции являются бутероли из Средней Европы — из Фирминиша (Мелюкова, 1989а. С. 87. Табл. 28: 15, 20) и из ананьинской культуры — из Старшего Ахмыловского могильника, погр. 336 (Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 56: 4-в).

Основу хронологии данного типа составляет объективно датируемое изображение из впускного погребения Репяховатой могилы (4) (см. Список опорных хроноиндикаторов) — рубеж VII–VI вв. до н. э. Еще один ориентир — датировка типа наверший, к которому относится роменское изображение (1): по классификации Е. В. Переводчиковой, это VII тип, 1-й вариант, датируемый в рамках VI в. до н. э. (Переводчикова, 1980б. С. 26, 28, 31, 39. Рис. 5: 4). Березанское изображение почти тождественно репяховатовскому и должно датироваться аналогично. Публикаторы марченковской бутероли (20) справедливо отмечают, что наличие шишковидного выступа на головке является архаизирующим признаком и позволяет датировать данную бутероль не позднее конца VII в. до н. э. (Скорый, Окатенко, Зимовец, 2020. С. 116). Сходное с ним пашковское изображение (11) может датироваться аналогично. Остальные изображения в большинстве своем так или иначе сходны с роменским изображением и соответственно должны датироваться по крайней мере не позднее VI в. до н. э.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: конец VII — VI в. до н. э.

Тин 10 «Поновка — Аксютинцы», третья четв. VII — сер. VI в. до н. э.

К данному типу относятся 8 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья. В парной антитетической композиции они оформляют бронзовые уздечные бляхи (1–8).

Модель тина. Представлена птичья голова с шеей, в большинстве случаев (1, 4–8) как бы вырастающая из ажурной «киммерийской розетки» — условного туловища двухголовой птицы (бляхи из Стайкина верха и Герасимовки (2, 3) сохранились только в верхней части, возможно, на них также была представлена такая композиция). Птица обладает мощным загнутым клювом, т. е. она хищная, при этом широкий клюв с мощной ноздрей напоминает также морду лошади, но отсутствие ушей и наличие восковицы исключает такую интерпретацию. Моделировка рельефная, односторонняя, ракурс строго профильный; можно также воспринимать два антитетических профиля как единую птицу, «разложенную надвое». Голова перпендикулярна шее, шея слабо изогнута вперед.

Изображения трактованы лаконично и обобщенно. Клюв мощный, сегментовидный, приоткрытый в основании, рот моделирован каплевидной впадиной. Аналогичная впадина моделирует ноздрю, непосредственно примыкающую ко рту. Восковица выражена достаточно четко, перекрывает клюв почти наполовину, моделирована косой полосой по стороне клюва и небольшим выступом над его поверхностью.

Глаз округлый, преувеличенный, обычно выступает над поверхностью клюва (1–4, 6–8), в одном случае вписан в контур головы (5). Зеница дана выпуклостью в обрамлении рельефной глазницы. Шея мощная, покрыта крупными продольными желобками, разделенными валиками (имитация перьев?).

Хронология данных уздечных блях определяется А. Д. Могиловым в пределах «раннескифской эпохи или, более узко, келермесского времени» (Могилов, 2008. С. 56). Эта позиция подкрепляется наличием «киммерийской розетки» — архаического мотива, сочетание которого со скифским звериным стилем свойственно в основном материалам Келермесских курганов и памятников этого горизонта. В комплексе, откуда происходит берестнягское изображение (Берестняги, курган 45) (8), находились также две крестообразные бляхи с «киммерийской розеткой» и стремечковидные удила (Ковпаненко, 1981. Рис. 6: 2, 3).

С учетом вышесказанного, предельные хронологические рамки типа могут быть определены как третья четв. VII — сер. VI в. до н. э.

Тин 11 Гуляйгородско-макеевский, вторая нол. VI — нервая нол. V в. до н. э.

К данному типу относятся 13 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1–5), Прикубанья (11–13) и Центрального Предкавказья (6–10). Они оформляют острый конец подвесок из кабаньего клыка (1, 2, 6) или их бронзовых имитаций (3–5, 7–9), а также окончания псалиев — костяного, несомненно, уподобленного кабаньему клыку (10), серебряных (11, 12) и бронзового (13). Большинство этих изображений соседствует с еще одним зооморфным изображением, помещенным на широкую часть клыка, — с изображением головы хищника типа 5 Роменско-сладковский. Исключение составляют изображение из Роменского уезда (2), которое сочетается со свернувшимся в кольцо хищником типа I-1-А-б-I-7 Роменский, а также гуляйгородское и кисловодское (1, 10), которые не сочетаются с другим зооморфным мотивом. Ульские изображения (11–13) помещены на псалиях с рядом других изображений (см. выше), а два из них (12, 13), помимо того, являются трансформацией уха хищника типа I-1-А-а-I-3 Ульско-малгобекский, второй пол. VI — начала V в. до н. э.

Модель тина. Представлена птичья голова с шеей. Это птица со слабозагнутым длинным острым клювом, очевидно, хищная. Изображения моделированы рельефно, ракурс строго профильный. Голова птицы относительно узкая.

Изображения трактованы лаконично. Клюв сомкнут на конце, но приоткрыт в основании. Рот обозначен каплевидной или сегментовидной впадиной, идущей чаще по всей длине клюва (1, 2, 4, 6, 7, 9, 11), реже — короткой и малозаметной (3, 5, 8, 10, 12, 13). Восковица, за одним исключением (1), достаточно четко выражена, наискось или перпендикулярно перекрывает треть или четверть клюва, слабо выступая над поверхностью надклювья, будучи отделенной от него желобком по бокам. В ульских изображениях край восковицы маркирован узкой полоской (11–13).

Глаз среднего размера, помещен в верхней части головы, он округлый (1–4, 7, 9, 10, 12, 13) или овальный (5, 6, 8, 11), концентрический, т. е. состоит из зеницы и глазницы (исключая новогрозненское изображение — 8). Скула, за одним исключением (1), так или иначе акцентирована — либо овальным выступом в контуре (4, 7–9, 11), либо оконтурена рельефной полоской (10), либо подчеркнута завитком (2, 12, 13), либо дополнительным рельефным кружком, подобным глазу (3, 5, 6), причем в одном из случаев (3) этот кружок, вероятно, является одновременно клювом дополнительной птицы, глаз которой совпадает с клювом основной птицы.

Затылочная часть головы птицы переходит в мощную шею, чаще являющуюся одновременно шеей хищника на противоположном конце клыка (3–9) либо же оканчивающуюся поперечным валиком, подчеркивающим ее основание (1, 2, 11).

Особенности трактовки конкретных изображений — см. в Каталоге.

Хронология большинства изображений данного типа определяется в первую очередь рамками существования категории изделий, которую они украшают, — кабаньих клыков и их имитаций, т. е. концом VI — первой пол. V в. до н. э. (Королькова, 2006. С. 121; Яковенко, 1976. С. 130–133). Эта датировка накладывается на дату ульских изображений, по объективным показателям относящихся ко второй пол. VI в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Таким образом, хронологические рамки типа: вторая пол. VI в. — первая пол. V в. до н. э.

Тин 12 Семибратненско-ушаковский, третья четв. V — нервая нол. IV в. до н. э.

К данному типу относится 2 изображения, происходящие с территории Прикубанья — из Семибратних курганов (1) и с Нижнего Подонья — из Елизаветовского могильника (Ушаковский курган) (2). Это изображения на золотых предметах — на обкладке ритона (1) и на боковой пластине ножен меча (2).

Модель тина. Представлена птичья голова на длинной шее, являющаяся элементом трансформации хвоста грифоно-гиппокампа (1) и льва (2). В первом случае это птица с незагнутым коротким клювом — очевидно, нехищная, скорее всего, относящаяся к отряду гусеобразных, возможно, к семейству утиных. Во втором случае это хищная птица: клюв загнут на 180 градусов.

Изображения моделированы рельефно. Шея С-видно изогнута, голова продолжает линию шеи. Детали трактованы достаточно подробно.

Шея тонкая, ее поверхность моделирована поперечными желобками (2) или продольным рифлением — имитация шерсти хвоста/перьев шеи. Клюв у утки небольшой, чуть приоткрыт, рот обозначен каплевидной впадиной, аналогично показана ноздря, подклювье маркировано поперечным рифлением. Клюв у хищной птицы относительно мощный. Восковица в обоих случаях не обозначена.

Глаз в семибратненском изображении преувеличен, он округлый концентрический, выпуклость зеницы с впадиной зрачка помещена в углубление глазницы, имеющей два рельефных ободка — гладкий ободок века и собственно глазничный, рифленый. Глаз помещен чуть выше центра головы, поверхность которой моделирована концентрическими прерывистыми желобками, отражающими структуру перьевого покрова утки. Глаз в ушаковском изображении среднего размера, округлый концентрический.

Хропология. По объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) изображение из 4-го Семибратнего кургана датируется третьей четв. V в. до н. э., изображение из Ушаковского кургана — первой пол. IV в. до н. э.

Таким образом, предельные рамки типа — третья четв. V — первая пол. IV в. до н. э.

Тип 13 Ольвийско-грищепецкий, копец VI — V в. до п. э.

К данному типу относятся 8 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (4–6), Нижнего Побужья (1, 3), Прикубанья (2) и Центрального Предкавказья (7, 8). Это изображения, в основном помещенные на уздечные принадлежности: бронзовые бляхи (2–4, 7), роговую пряжку (1), костяную бляху (5), завершение бронзового псалия (8). Одно изображение помещено на золотую обивку колчана (6).

Все эти изображения вторичны, они являются либо элементами зооморфного превращения — кожно-шерстной складки на шее обособленной головы хищника/грифона (1–5), складки на шее и рогов обособленной головы оленелося (7), рудиментарного пальца копыта (8), либо же это накладка на живот оленя (6).

Модель типа. Представлена птичья голова, с длинным узким клювом, загнутым на самом конце на 90 градусов и более (до 135), т. е. это хищная птица, относительно реалистично показанная.

Моделировка рельефная односторонняя, ракурс строго профильный. Изображения трактованы обобщенно. Клюв сомкнут, подклювье прямое или чуть изогнутое, отделено от надклювья желобком, обозначающим линию рта. Восковица выражена предельно четко, далеко перекрывает надклювье — примерно на две трети, моделирована с помощью невысокого выступа над клювом и бокового желобка, отделяющего восковицу от клюва.

Глаз преувеличен, занимает почти всё пространство головной части и немного выступает над клювом, трактован упрощенно — выпуклостью округлой зеницы в рельефном кольце глазницы. Ниже глаза небольшим выступом может быть обозначена скула/щека птицы (3, 5, 8). В майкопском изображении (2) имеется вторичное зооморфное превращение, элементом которого является дополнительная птичья головка с закрученным клювом, при этом глаза основной и дополнительной птицы совпадают, а клюв дополнительной птичьей головы играет роль щечного выступа основной птицы.

В изображении из Полковой Никитовки птица наделена длинной шеей с елочным заполнением — это трансформация кожно-шерстной складки в основании головы хищника, являющегося основным изображением, оформляющим уздечную бляху (5).

Хропология. Одно из ольвийских изображений (3) по аналогии с бляхой в виде головы грифона (но уже без отчетливой головки птицы на шее) из Золотого кургана было датировано С. И. Капошиной первой пол. V в. до н. э. (Капошина, 1956. С. 184. Рис. 24: 2, 3). Другое ольвийское изображение основного животного — хищника (1), с учетом трактовки глаза в виде ромба, являющегося известным архаизирующим признаком (Погребова, 1948. С. 66), должно быть как минимум не позднее начала V в. до н. э. Грищенецкое изображение (4) датировано В. Г. Петренко по типу бляхи началом V в. до н. э. (Петренко, 1967. С. 92).

Второе из ольвийских изображений птицы (1), а также Майкопская покупка (2) близки первому ольвийскому и грищенецкому изображениям, соответственно они могут датироваться сходным с ними временем. Изображение головы хищника из Полковой Никитовки (5), на которое помещена птичья голова данного типа, как уже отмечалось выше, может датироваться в рамках конца VI — первой пол. V в. до н. э.

Комплексы из Нартанского второго могильника, курган 1 (7), как уже сказано выше, датируются не ранее конца V в. до н. э. (Бурков, Маслов, 2007. С. 298). Псалий из Осетии (2) несет на другом конце наиболее натуралистичное и качественное отображение волчьего хищника типа 4 «Частые курганы-2 — аллероевский» и квалифицирован нами выше как иконографический исток этого типа, хронологические пределы которого определены V — первой пол. IV в. до н. э.; следовательно, он вряд ли может датироваться позднее V в. до н. э.

Таким образом, хронологические рамки типа — конец VI —V в. до н. э.

Тип 14 Кужорско-мастюгипский,
IV в. до н. э.

К данному типу относятся 17 изображений, происходящих в основном с территории Прикубанья (1, 3, 9–17), а также с территории Среднего Подонья (2, 8), Среднего Поднепровья (6, 7), Нижнего Поднепровья (4) и Крыма (5). Это изображения, оформляющие в основном уздечные принадлежности — бронзовые бляхи и наносники (1, 2, 5–17), бронзовый позолоченный наносник (4); также это оформление золотой нашивной бляшки (3).

Модель типа. Представлены птичьи головы в свастической композиции (1–3), а также элементы зооморфных превращений — трансформация рогов «лосептицы» (4–6) и «оленекозла» (7–17). Это птица с клювом, загнутым на 90 градусов и более (1–1, 2, 7–17) или закрученным в один оборот (1-2, 1-3, 1-4, 1-5, 3), т. е. хищная. Изображения трактованы крайне обобщенно: головки складываются из огромного концентрического глаза и непосредственно примыкающего к нему короткого клюва.

В изображениях, трансформирующих рога «лосептицы», все головки помещены на короткие тонкие шеи. В изображениях, трансформирующих рога «оленекозла», головки птиц могут восприниматься как лишенные шей, т. е. трактоваться как превращения окончания рога, а могут, напротив, считаться венчающими длинные тонкие шеи. В таком случае это превращение всего козлиного рога, и выступы рога надо трактовать одновременно как гребень на шее грифона, а саму головку считать не птичьей, а грифоньей.

Глаз преувеличенный, округлый концентрический, состоит из округлой выпуклой зеницы, помещенной в углубление округлой глазницы. Клюв мощный (1–6) или тонкий (7–9, 10–17), граница между надклювьем и подклювьем может быть обозначена ребром сходящихся плоскостей (1-2). Восковица может отсутствовать (7–9, 10–17), может быть гипертрофирована и нависать над клювом (10), может наискось покрывать надклювье на треть (1-2); в кужорском и мастюгинском изображениях (1, 2) она приподнята над поверхностью надклювья.

Хропология. Основу хронологии данного типа формирует объективно датируемое уляпское изображение (3) (см. Список опорных хроноиндикаторов) — первая пол. IV в. до н. э. Этому не противоречит датировка П. Д. Либеровым комплекса, из которого происходит мастюгинское изображение (2), IV–III вв. до н. э. (Либеров, 1965. С. 26. Табл. IX), хотя эта датировка представляется излишне широкой за счет маловероятного III в. до н. э. (хотя не следует исключать начала III в. до н. э.) Что касается изображения из кургана 1 у ст. Кужорской (1), то выше, при характеристике изображений хищников, уже указывалось, что соответствующие изображения из данного кургана, относящиеся к разным типам, датируются в рамках первой — третьей четв. IV в. до н. э. на основании стилистических и иконографических аналогий с более надежно датированными елизаветинскими комплексами (Елизаветинские курганы, курган 4/1913 г., или Южный, датируемый первой четв. IV в. до н. э., и курган 7/1917 г., датируемый третьей четв. IV в. до н. э.), к которым относятся изображения смежного Елизаветинско-кужорского типа.

Таким образом, хронологические рамки данного типа могут быть определены как IV в. до н. э.

Тип 15 Поповка,
VII–VI вв. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Нижнего Поднепровья (1). Это изображение, оформляющее бронзовое навершие.

Представлена скульптурно моделированная горизонтальная птичья голова на вертикальной шее. Это птица с чуть выгнутым вверх коротким клювом, очевидно, относящаяся к семейству утиных.

Изображение трактовано крайне лаконично. Клюв большой сомкнутый, чуть приоткрыт, рот едва обозначен углубленной линией, на кончике клюва впадиной показаны ноздри, подклювье маркировано поперечным рифлением. Восковица не обозначена. Глазница преувеличена, она овально-ромбическая, с рельефным ободком, в рамках которого заключена выпуклость маленькой зеницы (с впадиной зрачка). Глаз занимает практически все пространство головы вне клюва. Шея гладкая, короткая, мощная, цилиндрическая, отделена от бубенца навершия (т. е. от условной грудной части) поперечным валиком.

Хропология. Основу хронологии данного изображения составляет датировка соответствующего типа наверший по классификации Е. В. Переводчиковой: это VI тип, датируемый исследовательницей в рамках VII–VI вв. до н. э. (Переводчикова, 1980б. С. 26, 29, 39. Рис. 3: 11).

Тип 16 Жаботипско-герасимовский,
сер. VII — сер. VI в. до п. э.

К данному типу относятся 10 изображений, происходящих в основном с территории Среднего Поднепровья и Подонцовья (1–5, 7, 9, 10), а также с территории Прикубанья (8) и Центрального Предкавказья (6). Это изображения, оформляющие навершия псалиев, — костяного[1] (1), бронзового

[1] Псалий обломан; возможно, на противоположном конце было изображено копыто.

(4) и костяное навершие утраченного деревянного псалия — парная антитетическая композиция из двух головок с единым глазом (7), навершия костяных булавок (2[1], 9), навершие костяной пластины с вертикальной композицией из 5 вышеописанных фигур хищников типа I-1-A-a-I-1-4 Бельско-енкивецкий (5), навершие костяной ложечки (6), навершие рукояти рогового гребня (10)[2], лопасть золотой обкладки ножен меча (8); также к этому типу относится гравировка на диске бронзового зеркала с петелькой (3).

Модель типа. Представлена птичья голова, в четырех случаях без шеи (3, 5, 8, 10), в шести случаях с шеей (1, 2, 4, 6, 7, 9), с закрученным в один оборот (1, 4–7, 10) или сильно загнутым (2, 3, 8, 9) клювом: это хищная птица, будь то фантастическая или реальная. Моделировка рельефная, с расчетом на боковой обзор (даже при двустороннем изображении). В основе изображения лежит S-видная фигура, при этом глаз, за одним исключением (7), выступает как минимум наполовину над поверхностью клюва, уравновешивая его завиток по принципу центральной симметрии.

Изображения трактованы обобщенно, четко и лаконично. Клюв мощный, сомкнутый, рот обозначен углубленной линией, в герасимовском и нартановском изображениях вовсе не обозначен (3, 6). В дарьевском и немировском изображениях линия рта дублирована углубленной линией, маркирующей надклювье (7, 10), в жаботинском, келермесском и люботинском изображениях (1, 8, 9) — двумя углубленными линиями, акцентирующими и надклювье, и подклювье, в пожарнобалковском изображении (2) аналогичную функцию выполняют полоски с поперечной насечкой. Восковица чаще не обозначается (3–9), реже обозначена косой углубленной линией, пересекающей клюв до середины его длины (1, 2, 5). В немировском изображении по всей длине надклювья по его верхнему краю проходит рифленый валик (10).

Глаз преувеличен или среднего размера, он округлый, концентрический, выпуклая зеница показана со впадиной зрачка — за исключением келермесского изображения (8) — и помещена в углубление глазницы; в немировском изображении зеница дана впадиной в обрамлении рельефной глазницы (10). Под глазом обозначена скула/щека — овальная (2–6) или подтреугольная (1, 7–10; причем в дарьевском изображении (7) она складчатая, с поперечным рифлением.

Общей чертой жаботинского, пожарнобалковского и бельского изображений (1, 2, 5) является использование мотива треугольников, типичного для эпохи скифской архаики. В жаботинском и пожарнобалковском изображениях этот мотив, складываясь в прямоугольники, маркирует шею птицы, причем в первом случае треугольники даны углублениями, во втором они удлиненные, плоскостные, гладкие, вперемежку с поперечно штрихованными, разграниченные углубленными линиями. В бельском изображении углубленный треугольник помещен под скулу птицы и также используется для оформления фигур хищников на данной пластине. В люботинском изображении (9) шея птицы маркирована выпуклыми ромбами, соединенными в косые перпендикулярные линии.

В дарьевском изображении (7) глаз птицы, очевидно, образует (в сочетании с выступающей вверх овально-подтреугольной рельефной фигурой) дополнительную птичью головку с углублением рта и линией восковицы с точкой ноздри.

В келермесском изображении (8) к глазу птицы примыкает бровная складка, обозначенная сегментовидной фигурой из трех валиков с двумя желобками между ними, — деталь, характерная для изображения птиц и зверей в переднеазиатском искусстве.

Хропология. Основу хронологии данного типа составляет объективно датируемое изображение на Келермесском мече, поскольку Келермесский курган 1/Ш датируется второй пол. VII в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Зольник, из которого происходит пожарнобалковская булавка, датируется В. П. Андриенко (в том числе с учетом амфорного материала) концом VII — сер. VI в. до н. э. (Андриенко, 1978. С. 290). Аналогично должно датироваться очень близкое пожарнобалковскому люботинское изображение, оформляющее предмет той же категории и из того же материала. Этому не противоречит присутствие в том же люботинском комплексе характерного для эпохи «скифской архаики» зеркала с центральной ручкой-петелькой и бортиком.

Между тем исследователи, опубликовавшие данный люботинский комплекс, синхронизируют это зеркало со 2-м этапом раннескифской культуры по периодизации И. Н. Медведской (Мед-

---

[1] Впрочем, В. П. Андриенко считает, что данное изделие с поселения Пожарная Балка представляет собой «костяной крючок для плетения» (Андриенко, 1978. С. 289).

[2] На лопатке того же гребня с территории Немировского городища имеется еще одно зооморфное изображение (Очеретний, 2019. Илл. на с. 358, фото 3). Оно было проанализировано Ю. Б. Полидовичем, который пришел к выводу, что здесь представлена антитетическая композиция из двух фигур хищников (Очеретний, 2019. С. 359). Не подвергая сомнению трактовку Ю. Б. Полидовича, мы все же не можем включить данную композицию в данный корпус анализируемых изображений, поскольку фотография в публикации гребня не дает полного представления об этом изображении, а изучить его de visu пока не было возможности.

ведская, 1992. С. 88–91), т. е. с 700–650 гг. до н. э. (Бандуровский, Буйнов, Дегтярь, 1998. С. 149). Однако, как полагаем мы с нашими соавторами В. Е. Масловым и В. Р. Эрлихом, предложенная для скифской архаики хронология И. Н. Медведской является заниженной (см. Erlikh, Kantorovich, Maslov, 2013. P. 38–39). Поэтому данный люботинский комплекс нам представляется, во всяком случае, не древнее Келермесского кургана 1/Ш с вышеупомянутым изображением (8), т. е. не ранее сер. VII в. до н. э.

Датировка изображений из 2-го Жаботинского кургана, как уже было сказано в связи с образами лося и птицы, определяется в рамках сер. — второй пол. VII в. до н. э. Близкое ему дарьевское изображение может датироваться аналогично, что не противоречит совстречаемости дарьевского наконечника в одном комплексе с предметами, несущими на себе изображения лежащего и свернувшегося хищника типа I-1-А-а-I–1 Краснознаменско-новозаведенский (вторая пол. VII — начало V в. до н. э.) и типа I-1-А-б-I-1 Келермесско-яблоновский (вторая четв. VII — первая пол. V в. до н. э.). Зеркало из Герасимовки относится к одному из наиболее архаичных типов скифских зеркал. По Т. М. Кузнецовой, это зеркало I класса I отдела I типа I варианта, оно датируется сер. VI в. до н. э. (Кузнецова, 2002. С. 286). Остальные изображения данного типа очень близки вышеперечисленным и могут датироваться в тех же рамках.

Таким образом, хронологические пределы типа: сер. VII — сер. VI в. до н. э.

Тип 17 Майкопско-журовский, V в. до н. э.

К данному типу относятся 9 изображений, происходящих с территории Прикубанья (1, 4, 6, 8), Нижнего Подонья (3, 9) и Среднего Поднепровья (2, 5). Это изображения, оформляющие бронзовые уздечные бляхи (2, 5, 6, 8), золотую обкладку ножен меча (3), золотые пластины — накладки на деревянные сосуды: на ручку (4) и на стенку (9); одно изображение выгравировано на серебряной позолоченной фиале (1).

Изображения из Елизаветовской, Семибратних курганов, Испановой могилы и Цемдолины составляют парные синтетические композиции (3, 4, 7–9), как правило, с пальметкой между клювами — под ними (3, 7, 8) или над ними (4), т. е. сами головы в этой ситуации выступают в качестве волют, обрамляющих пальметку; в одном случае пальметка не прослеживается — 9. Испановское изображение (7), кроме того, как уже было сказано, является одновременно фасом хищника типа 1 «Берестняги — Солоха», сложенным из данных птичьих профилей.

Модель типа. Представлена птичья голова с длинным острым клювом, загнутым на 90 градусов, а в некоторых случаях дополнительно подкрученным на самом конце еще на 90 градусов (1, 3, 4, 8); у журовской птицы (2) конец клюва обломан, но по кривизне клюва можно допускать, что он был загнут не менее чем на 90 градусов. Таким образом, это хищная птица. При этом семь из девяти птиц данного типа наделены небольшим ухом (2–7, 9), т. е. это «скифский грифон», а в одном случае (9) пограничность с мегаобразом хищника проявляется еще и в наличии шерсти в основании головы. Впрочем, последняя деталь может быть трактована и как характерная черта природного прототипа — черного грифа (*Aegypius monachus*), обитающего, в частности, в предгорьях и горах Кавказа и имеющего «на нижней части шеи ожерелье из длинных заостренных перьев» (Жизнь животных, 1970. С. 182).

Моделировка рельефная односторонняя, ракурс строго профильный. Голова птицы сегментовидная. Изображения трактованы достаточно подробно. Клюв мощный, удлиненный, чаще полностью сомкнутый, соответственно линия рта обозначена желобком; в одном случае (6) клюв приоткрыт в основании, линия рта дана каплевидной впадиной. Восковица выражена предельно четко, перекрывает клюв как минимум наполовину, а в стеблевском изображении — на две трети (5), моделирована с помощью выступа над клювом и косой рельефной полосой по сторонам клюва. В елизаветовском изображении на обкладке сосуда (9) восковица и надклювье в нижней части покрыты поперечным рифлением.

Глаз округлый или овальный, выступает над клювом (наполовину или на треть), в четырех случаях трактован лаконично — выпуклостью округлой зеницы в рельефном кольце глазницы (5, 6, 8, 9), в остальных случаях более подробно: с крупным рельефным верхним веком, с завитком на конце (1, 2, 4), причем в семибратненском изображении это веко двойное, а сам глаз имеет слезницы-желобки (4). Глазница птиц на елизаветовском мече (3) образована завитком клюва дополнительной птичьей головки. Ухо у тех птиц, которые им наделены, небольшое (в елизаветовском изображении на мече роль уха основной птицы играет восковица вышеупомянутой дополнительной птичьей головки), со впадиной раковины (в елизаветовском изображении на мече эта впадина совпадает с ноздрей дополнительной птичьей головки). Ухо может быть овальное гладкое (2, 3, 6, 9) либо же асимметрично-ромбическое с имитацией шерсти рифлением в раковине (4, 5, 7). Ниже уха выступом обозначена скула/щека птицы.

Особенности трактовки конкретных изображений — см. в Каталоге.

Хропология. Основу хронологии данного типа составляют объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов): журовское (2) (первая пол. V в. до н. э.) и семибратненское (4) (вторая пол. V в. до н. э.). Остальные изображения так или иначе весьма сходны с ними и должны датироваться в рамках, задаваемых двумя этими ориентирами. А. М. Лесков справедливо относит фиалу с изображением изучаемого типа (1) к V в. до н. э. как аналогичную фиале из 2-го Семибратнего кургана (Артамонов, 1966б. Рис. 53) и подкрепляет эту датировку сближением изображения птичьей головы с головой птицы на обивках из 1-й Завадской могилы (Leskov, 2008. P. 114–116).

Таким образом, совокупные хронологические рамки типа: V в. до н. э.

Тип 18 Кичкасско-пастырский, первая пол. — сер. V в. до п. э.

К данному типу относятся 6 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (3–5), Нижнего Поднепровья и Побужья (1, 2) и Крыма (6). Это изображения, оформляющие преимущественно бронзовые молоточки-клевцы / ритуальные секиры (1–4, 6), а также бронзовую уздечную бляху (5).

Модель типа. Представлена птичья голова с загнутым на 90 градусов и более острым клювом, т. е. хищная. Моделировка скульптурная. Голова птицы узкая удлиненная, глаз находится почти по центру головы.

Изображения трактованы лаконично и обобщенно. Клюв мощный, сомкнутый, линия рта намечена желобком (1, 3, 4) или же не показана (2, 5, 6). Восковица четко выражена, перекрывает наискось треть клюва, выступая над надклювьем на его поверхности и по бокам. Глаз округлый или овальный концентрический, занимает почти всё пространство головы на этом участке, зеница дана выпуклостью в обрамлении рельефной глазницы, в изображениях из коллекций Бурачкова и Кундеревича (1, 3) короткими желобками намечены слезницы. Позади глаза находится цилиндрическая затылочная часть птицы, слитая с короткой шеей.

Аналогии и хропология. Клевцу из коллекции Бурачкова (1) практически тождествен найденный в Румынии топорик из могильника Чилик-дере (курган 11, погр. 6), датируемого Г. Симионом по античной керамике совокупно третьей четв. V — IV в. до н. э. (Simion, 2003. P. 250, 257. Fig. 6).

Основу хронологии данного типа составляет объективная датировка стеблевского изображения (предельные рамки: первая пол. — сер. V в. до н. э.). В этих рамках и следует датировать данный тип изображений, поскольку остальные изображения очень близки стеблевскому.

Тип 19 Журовско-уляпский, копец VI — V в. до п. э.

К данному типу относятся 53 изображения, происходящие преимущественно с территории Среднего Поднепровья (1–5, 10–12, 28–30, 36, 42, 43, 52), а также с территории Среднего Подонья и Подонцовья (31–34, 45, 46, 49, 53), Нижнего Поднепровья и Побужья (7–9), Попрутья и Поднестровья (48, 51), Крыма (6), Прикубанья (13, 14, 37–41) и Центрального Предкавказья (15–27, 35, 44, 47, 50). Это изображения, оформляющие железные антенновидные навершия рукоятей мечей (в одном случае рукоять бронзовая — 29)[1].

Модель типа. Представлены парные синтетические птичьи головы без шей (5–9, 11–13, 15–24, 26, 28, 29, 31–34, 36, 40, 41–51, 53) или же с шеями, в роли которых выступают стержни навершия (1–4, 10, 12, 14, 25, 27, 30, 35, 37–39, 52). Птицы изображены с клювом, загнутым (1–3, 10, 12, 14, 17, 21, 23, 25, 30, 36–41, 46, 52) или закрученным в 3/4 оборота или в один оборот (4–9, 11, 13, 15, 16, 18–20, 22, 24, 26–29, 42–45, 47–51, 53); в одном лишь случае клюв (?) не загнут, а уподоблен клювам водоплавающих птиц или морде какого-то зверя (35). Таким образом, здесь отображены хищные птицы, в том числе на грани реальности и фантастики.

Иначе трактует эти изображения А. И. Мелюкова. Следуя за мнением Б. Н. Гракова, исследовательница указывает, что это когти, а не клювы, а глаза, помещенные здесь же, самодостаточны и символизируют меткость удара, в то время как коготь обозначает силу удара, что совокупно усиливает поражающую способность меча (Мелюкова, 1964. С. 55–56). То же относится и к следующему выделенному нами типу 20 Елизаветовско-солохский с членистой структурой клюва (см. ниже). Однако представляется, что при всей когтевидности композиции наверший типов 19 Журовско-уляпский и 20 Елизаветовско-солохский, в них отчетливо проявляются черты птичьего клюва, и, следовательно, эти изображения можно трактовать и как когти, и как птичьи головы, а в некоторых случаях исключительно как птичьи головы.

Моделировка в основном объемная или двусторонне-рельефная, реже двусторонне-плоскостная

---

[1] В нашей работе не учитываются многочисленные антенновидные навершия мечей, которые, возможно, также были оформлены в виде птичьих голов, но в силу качества работы или качества сохранности эти изображения не прослеживаются достаточно четко — ср., например, навершия рукоятей железных мечей из погребения у с. Жаботин (Петренко, 1967. Табл. 30: 18), из Каменномостского могильника (Батчаев, 1985. Табл. 1: 17), из Шалинского могильника (Дударев, 2011. Рис. 5: 1, 4), из Новороссийского музея (Новичихин, 2006. Рис. 54: 4).

с доработкой деталей гравировкой (10, 12), ракурс строго профильный. Изображения крайне схематичные, иногда примитивные. Лобная (надглазная) часть переходит в клюв уступом или плавно. Клюв сомкнут, линия рта чаще не обозначена, лишь в редких случаях намечена углубленной линией (6, 11, 35). Глаза округлые или овальные, упрощенные или концентрические.

Особенности трактовки конкретных изображений — см. в Каталоге.

Хропология. Основу хронологии данного типа составляют объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов): журовское (2) (первая пол. V в. до н. э., ср. Мелюкова, 1964. С. 55), берестнягское (5) (вторая пол. V в. до н. э.) и из могильника Рассвет (38) (последняя четв. V в. до н. э.). Комплекс погр. 5 и 43 кургана 15 Уляпского могильника (13, 14) должен датироваться V в. до н. э. по базисным наконечникам стрел (Лесков и др., 2005. С. 51. Рис. 169). Что касается погр. 43 того же кургана, оно вместе со всем курганом отнесено публикаторами к 1-й хронологической группе Уляпского могильника, рамки которой установлены в пределах сер. VI — конца V в. до н. э. (Лесков и др., 2005. С. 75–76), причем меч из этого комплекса имеет почковндное перекрестье, характерное более для VI в. до н. э. и изживаемое в начале V в. до н. э. (Мелюкова, 1964. С. 60). Остальные изображения так или иначе весьма сходны с ними и должны датироваться в рамках, задаваемых этими ориентирами.

По классификации А. И. Мелюковой мечи, украшенные изображениями данного типа, относятся к Отделу II, 1-му подотделу — «мечи с антенным навершием, трактованным в зверином стиле» (Мелюкова, 1964. С. 53). Все мечи данного таксона, происходящие из датированных комплексов, по указанию А. И. Мелюковой, датируются в пределах конца VI — IV вв. до н. э. (Мелюкова, 1964. С. 55–58). Однако к этому таксону относятся и изображения на мечах, выделенные нами в следующий тип 20 Елизаветовско-солохский — уплощенные с членистой структурой клюва, причем тип 20, будучи более обеспечен надежными датировками, вписывается преимущественно в конец V — IV в. до н. э.

Таким образом, совокупные рамки типа, с учетом нижней границы, установленной А. И. Мелюковой для 1-го подотдела II Отдела, и с учетом также рамок 1-й хронологической группы Уляпского могильника, устанавливаются в пределах конца VI — V в. до н. э.

Тип 20 Елизаветовско-солохский, копец V — IV в. до п. э.

К данному типу относятся 16 изображений, происходящих в основном с территории Среднего Поднепровья (5, 7–10, 12, 13, 15, 16), а также с территории Нижнего Поднепровья (2–4), Поднестровья (14), Среднего Подонья (11) и Нижнего Подонья (1, 6). Это изображения, оформляющие антенновидные навершия рукоятей мечей — железные (4, 5, 9, 10, 11, 13–16) и железные с золотой обкладкой (1–3, 6–8, 12).

Модель типа. Представлены парные синтетические птичьи головы без шей с загнутым на 180 градусов клювом, касающимся своим концом подклювья, т. е. это хищные птицы, на грани реальности и фантастики. Все эти изображения, несомненно, амбивалентны: их структура соответствует членистой структуре когтей птиц, и в то же время в основании навершия меча четко обозначены птичьи глаза, т. е. клюв тождественен когтю, и эти изображения являются «альфой и омегой» птицы.

Моделировка низкорельефная либо на сплошной плоскостной основе — типа нервюр (1–3, 6–8, 12), либо с прорезями (4, 5, 9–11, 13–16), ракурс строго профильный. Изображение, как правило, подробно проработано, исключая схематичное подражание из Гладковщины (5).

Клюв длинный, членистый, многоступенчатый, он сомкнут, линия рта намечена углубленной линией, исключая схематичные изображения из Гладковщины и из Роменского уезда (5, 15). Восковица оформлена рельефно в профиле, она многоступенчатая и воспроизводит по принципу амбивалентности членистую структуру птичьего когтя. Глаз заполняет практически всю головную часть вне клюва, он округлый, с выпуклостью зеницы во впадине рельефной глазницы, лишь в изображениях из Гладковщины и из ГКИМ он упрощенный, в виде двух выступов.

Хропология. Основу хронологии данного типа составляют объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов): елизаветовское из кургана 10/1909 г. (1) и перещепинское (8) (оба: конец V — начало IV в. до н. э.), елизаветовское из Ушаковского кургана (6) (первая пол. IV в. до н. э.) и солохское (2) (дата Бокового погребения Солохи по чернолаковому килику установлена А. Ю. Алексеевым как 400–375 гг. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 261, 296), при том что дата самого меча определялась А. И. Манцевич как более ранняя по отношению ко всему комплексу — конец V в. до н. э. (Манцевич, 1987. С. 69)).

Дата петровского комплекса (4) была определена публикаторами по типу самого меча и по железным удилам с витым стержнем второй четв. — сер. IV в. до н. э. (Братченко, Швецов, Дубовская, 1989. С. 171–172). Осняжское изображение (7) очень близко елизаветовскому, солохскому и перещепинскому и должно датироваться сходно. Гладковщинское изображение представляется результатом тиражирования данной схемы, т. е. не может

быть раньше таких образцов, как елизаветовское (1) и перещепинское. Опять же елизаветовскому и перещепинскому мечам очень близки и по форме навершия, и по рельефному оформлению рукояти двух акинаков из обвала берега у с. Вязовок на р. Ольшанке (9, 10), т. е. они должны датироваться сходно, в рамках конца V — начала IV в. до н. э.[1] Все остальные изображения так или иначе весьма сходны с елизаветовским (1) и перещепинским (8) и должны датироваться в рамках, задаваемых двумя этими ориентирами. Изощренность и высокое качество белозерского изображения заставляют допускать возможность более поздней его датировки, соответственно дате, предложенной В. В. Отрощенко для белозерского меча на основании его аналогии с кульобским, — последняя треть IV в. до н. э. (Отрощенко, 1984. С. 126).

Таким образом, предельные рамки типа: конец V — IV в. до н. э. Это согласуется и с верхней границей, установленной А. И. Мелюковой для 1-го подотдела II Отдела мечей (Мелюкова, 1964. С. 55–58).

Тип 21 Братишевско-гуляйгородский, сер. VII — VI в. до н. э.

К данному типу относятся 7 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья, из которых 6 оформляют бронзовые столбики-распределители уздечных ремней (1–6), а еще одно — костяную уздечную подвеску (7).

Модель типа. Моделировка скульптурная, но с расчетом на обзор сбоку. Представлена птичья голова с сильно загнутым, фактически закрученным клювом, упирающимся в шею (за одним исключением — 5), т. е. хищная, на грани реальности и фантастики. Клюв ориентирован под острым (1–5), реже под прямым (6, 7) углом к шее. Птица наделена короткой мощной цилиндрической шеей, в которой находятся отверстия для перекрестных ремней; исключение составляет костяная уздечная подвеска без таких отверстий (7).

Изображения трактованы лаконично, без дополнительных деталей. Клюв мощный, сомкнутый, рот либо обозначен углубленной линией (2, 5, 6), либо линия рта не прослеживается (1, 3, 4, 7). Восковица может быть обозначена с помощью невысокого косого выступа на надклювье (2, 5, 6) либо не прослеживается (1, 3, 4, 7). Глаза округлые, в одном случае овальные (7), оформлены отдельно от функционального отверстия, моделированы выпуклостями, в двух случаях во впадине кольцевидной глазницы обозначена зеница (2, 6).

Хропология. В целом уздечные столбики-распределители с изображениями, которые отнесены к Братишевско-гуляйгородскому типу, датируются А. Д. Могиловым в рамках сер. VII — сер. VI вв. до н. э. (Могилов, 2008. С. 69). Можно согласиться с этой хронологией, несколько расширив ее в сторону третьей четв. VI в. до н. э., учитывая несомненную иконографическую параллель между изображениями Братишевско-гуляйгородского типа и вышеописанного Келермесско-гуляйгородского типа (сер. VII — третья четв. VI в. до н. э.), от которого, по сути, Братишевско-гуляйгородский тип отличается лишь наличием шеи и позицией головы относительно шеи (симптоматично, что из единого погребального комплекса кургана 38 у с. Гуляй-город происходят пронизки с изображениями обоих типов). Эту датировку подкрепляет сходство пронизей Братишевско-гуляйгородского типа с пронизью из Сард (Могилов, 2008. С. 69–70), которая, как и бутероль со свернувшимся хищником из Сард, вероятно, появилась вследствие переднеазиатских походов скифов. А. Д. Могилов указывает также на аналогии из частного собрания в Германии, музея Бостона и Метрополитен-Музея, но это внекомплексные предметы, не дающие ориентиров для нашей датировки (он могут происходить также из Закавказья или Передней Азии)[2].

---

[1] Ср. датировку данных мечей, предложенную их публикаторами по форме наверший и перекрестий: конец V — IV в. до н. э. (Мурзин, Шлайфер, 2011. С. 112–113).

[2] Что же касается еще одной близкой аналогии, приводимой А. Д. Могиловым (Могилов, 2008. С. 69), — пронизи из кургана 12 могильника Догээ-Баары 2 в Туве (Чугунов, 2007. Илл. 20: 14), ее дата может служить ориентиром для Братишевско-гуляйгородского типа только в том случае, если принимать традиционную версию абсолютного датирования пазырыкской культуры (сейчас можно ее называть «удревняющей» версией), аналогии с комплексами которой привлекаются К. В. Чугуновым для датирования могильника Догээ-Баары 2. Однако сам К. В. Чугунов придерживается новой, «омолаживающей» версии абсолютной хронологии пазырыкской культуры. Соответственно, коль скоро курган 12 могильника Догээ-Баары 2 по дендродате старше ранних курганов Пазырыкского могильника (курганы 1-й и 2-й) на 90 лет (Чугупов, 2007. С. 140), то при «омолаживающей» версии (312 г. до н. э. для Пазырыкского 2-го кургана — Алексеев и др., 2005. С. 166) курган 12 могильника Догээ-Баары 2 должен датироваться 402 г. до н. э., и это значительно позже Братишевско-гуляйгородского типа; в целом же могильник Догээ-Баары 2 датируется К. В. Чугуновым в рамках V–IV вв. до н. э. (Чугупов, 2007. С. 142). Интересно, что при «удревняющем» варианте абсолютного датирования Пазырыкской группы (455 г. до н. э. для древнейшего в группе Пазырыкского 2-го кургана — Марсадолов, 1998) курган 12 могильника Догээ-Баары 2 относится к 545 г. до н. э., что вполне вписывается в хронологический контекст Братишевско-гуляйгородского типа, и в таком случае аналогия А. Д. Могилова вполне приемлема.

Б. А. Шрамко относит пронизь из Люботинского городища (7) к VI в. до н. э. на основании аналогий в кургане 2 у с. Волковцы и в кургане 482 у Басовки (Шрамко, 1998. С. 123). Явно подражательный характер аморфного люботинского изображения вполне согласуется с такой хронологической оценкой.

Таким образом, предельные рамки данного типа определяются как сер. VII — третья четв. VI в. до н. э.

Тип 22 Волковецко-елизаветовский, первая пол. V — пачало III в. до п. э.

К данному типу относятся 15 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1, 2, 9, 10, 15), Нижнего Поднепровья (11, 13, 14) и Нижнего Подонья (3–8, 12). Это изображения, оформляющие бронзовые уздечные бляхи (1, 2, 7–10), лопасти бронзовых псалиев (15), золотые обивки деревянных чаш (11, 12, 14), золотые конские нащечники (13), а также 4 различных изображения, гравированных на костяной пластине (3–6).

Модель типа. Представлена птичья голова с острым клювом, загнутым на 90 (1, 3–7, 13, 14) или 180 градусов (2, 8–12, 15), т. е. хищная. Моделировка рельефная (1, 2, 7–10, 14, 15) либо плоскостная с гравировкой (3–6, 13) или с рельефными дополнениями (11, 12), ракурс строго профильный. Голова птицы сегментовидная, глаз находится в верхней части головы, не занимая всего пространства головы.

Изображения трактованы крайне лаконично и обобщенно. Клюв короткий мощный, сомкнутый, линия рта чаще отчетливо обозначена — желобком (1–3, 5, 8–10) или двумя валиками (12), но может и не отображаться (4, 6, 7, 11, 13–15). Восковица выражена очень четко, перекрывает клюв на треть или наполовину, в плоскостных изображениях нависает над клювом, образуя ступеньку (3–6, 11–13), в рельефных изображениях моделирована косой полосой по сторонам клюва (1, 2, 8–10, 15), что не исключает в некоторых случаях той же ступеньки (2, 7, 8, 15).

Глаз округлый, концентрический, вписан в контур головы, реже на треть выступает над клювом (8, 10). Зеница дана выпуклостью в обрамлении рельефной глазницы, в одном случае — отверстием (13), в трех случаях дополнительно подчеркнут зрачок (11, 12, 15). К затылочной части в криволиманском и стеблевском изображениях примыкает маленькое ромбическое горизонтальное ухо, покоящееся на небольшой пальметке (8, 9), тогда как в журовском изображении пальметка крупная, ухо не прослеживается, возможно, слито с пальметкой (2).

Гайдановское и азовское изображения (11, 12) представляют собой парные антитетические композиции. Солохское изображение (13) является элементом трансформации хвоста и обособленных конечностей хищника типа 5 «Арциз — Солоха» (см. выше).

В этом отношении ближайшими аналогиями гайдановскому и азовскому изображениям (11, 12) являются изображения с соседней территории савроматского звериного стиля, откуда, видимо, и был заимствован мотив антитетических головок птиц на обкладках чаш — ср., например, изображения из памятников Сазонкин бугор и Пятимары II (Смирнов, 1976. Рис. 3: 8, 23). Видимо, в Степной Скифии рассмотренная антитетическая композиция быстро утрачивала зооморфные признаки, что отразилось в таких композициях, как другие азовские накладки (Максименко, 1983. С. 37, 87, 181. Рис. 27: 13).

Роменское изображение (15) — элемент трансформации переднего отростка рогов оленя / пальца птицы на лопастях псалиев, описанных выше в рамках мотива обособленных рогов оленя, — тип 1 Семибратненско-елизаветинский.

Хропология. Основу хронологии данного типа составляют такие объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов), как журовские (2, 10) (первая пол. V в. до н. э.), елизаветовские (3–7) (сер. — третья четв. V в. до н. э., солохское (13) (400—375 гг. до н. э.), из Бердянского кургана (14) (первая треть IV в. до н. э.) гайдановское (11) (360–325/320 гг. до н. э.) и, наконец, азовское (12) (последняя четв. IV — начало III в. до н. э.). Стеблевское (9) и волковецкое (1) изображения, очень близкие одному из журовских (2), должны датироваться аналогично, то же можно сказать и о соответствии азовского изображения гайдановскому, равно как и о соответствии елизаветовского из кургана 4/1911 г. (7) надежно датируемым елизаветовским изображениям из кургана 5/1911 г. (3–6).

Таким образом, хронологические рамки данного типа: первая пол. V — начало III до н. э.

Тип 23 Ромепско-малокатериповский, V — вторая треть IV в. до п. э.

К данному типу относятся 8 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1, 4, 5, 7), Нижнего Поднепровья (2) и Крыма (3, 6, 8). Это изображения, оформляющие бронзовые уздечные бляхи (1–6), а также золотую обивку колчана (7) и золотую бляху щита или горита (8).

Модель типа. Представлено, по сути, синкретическое существо, но со значительным преобладанием птичьей иконографии, поэтому оно с известной долей условности рассматривается нами в рамках образа птицы. Основу изображения составляет птичья голова с острым клювом, загнутым на 90 градусов (1–3, 6, 7), на 180 градусов (5) либо

закрученным в один оборот (4), т. е. хищная. Вместе с тем изображениям данного типа присущи и чисто звериные черты — помимо ушей, которые, как мы видели, присутствуют в скифском зверином стиле и в рамках птичьей иконографии, это, в трех случаях, еще и четко оформленная грива или шерсть на шее (1, 3, 5).

Моделировка рельефная одностороняя, ракурс строго профильный. Голова птицы сегментовидная. Изображения трактованы лаконично. Клюв мощный, сомкнутый, линия рта обозначена желобком. Восковица выражена четко, перекрывает клюв на половину, моделирована с помощью выступа над клювом и косой полосой по сторонам клюва. Глаз преувеличенный, в большинстве случае округлый, лишь в малокатериновском изображении овальный с небольшой слезницей у заднего края (2), вписан в контур головы, реже чуть выступает над клювом (8). Зеница дана выпуклостью в обрамлении рельефной глазницы, в кульобском изображении она обозначена отверстием (8).

К затылочной части примыкает горизонтальное ухо со впадиной раковины, противонаправленное клюву. Оно либо овально-подтреугольное, остроконечное, средних размеров (1, 2, 4, 8), в том числе напоминающее ухо копытного (7), либо овальное миниатюрное (3, 5), либо короткое, широкое, с продольным рифлением (6). От уха по основанию головы часто проходит рельефная полоса, имитирующая кожно-шерстную складку (1–3, 5, 6). Эта складка может быть гладкой (2), в виде небольшой пальметки (4), но чаще заполнена рельефными поперечными полосами — волнистыми (1, 3) или веерообразными (5), очевидно, имитирующими шерсть или гриву.

Сочетание черт разных животных придает роменскому, нимейскому и журовскому изображениям сходство со «львогрифоном» (1, 3, 5). Малокатериновское изображение (2) более сходно с волком (ср. у Эсхила: грифоны как остроклювые молчаливые собаки Зевса — см.: Aeschyl. Prom., 803–804 ff). В случае с бобрицким изображением (4) налицо лишь фантастическое сочетание черт птицы и зверя.

Изображения из Аксютинцев (7) и Куль-Обы (8) являются трансформацией элементов оленя — соответственно пяти отростков рогов и хвоста. При этом аксютинецкие головки посажены на длинные изогнутые шеи с рифленой кожно-шерстной складкой, одновременно являющиеся отростками рогов. На темени аксютинецких птиц находятся трехлепестковые хохолки.

Хропология. Основу хронологии данного типа составляют такие объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов), как журовское (5) (первая пол. V в. до н. э.), нимфейское (3) (475–425 гг. до н. э.) и кульобское (8) (дата комплекса 345–335 гг. до н. э., хотя сама знаменитая кульобская бляха, возможно, датируется более ранним временем — V в. до н. э. (см. выше, см. также: Алексеев, 2012. С. 172). В. Г. Петренко датирует комплекс из кургана 33 у с. Бобрица (4) по бронзовому позолоченному сосуду с воронкообразным устьем, длинным узким горлом, шаровидным туловом с каннелированным орнаментом второй пол. V в. до н. э. по аналогии с фракийскими сосудами (Петренко, 1967. С. 93). Близкие этим изображениям малокатериновское (2) и роменское (1) изображения должны датироваться аналогично.

Таким образом, предельные хронологические рамки типа: V — вторая треть IV в. до н. э.

Тип 24 Нимфейско-песочипский, вторая — третья четв. V в. до п. э.

К данному типу относятся 5 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (2), Крыма (1, 4, 5) и Центрального Предкавказья (3). Это изображения, оформляющие бронзовые предметы конского снаряжения — псалии (1, 2)[1] и бляхи (3, 4), а также бронзовый топорик-скипетр.

Модель типа. Представлена птичья голова с загнутым клювом, т. е. хищная. Моделировка рельефная с расчетом на двустороний боковой обзор (1, 2, 5) или на одностороний обзор (3, 4), ракурс строго профильный. В трех случаях голова показана с тонкой, с гладкой шеей (1–3), она перпендикулярна шее (1, 2) или приподнята наискось вверх (3).

Изображения трактованы лаконично. Глаз преувеличенный, почти наполовину выступает над поверхностью клюва, он округлый, концентрический — зеница дана выпуклостью в обрамлении рельефной глазницы. Под глазом овально-треугольным выступом в контуре выделена скула. Клюв короткий мощный сегментовидный, он загнут сильно (1, 3) или слабо (2, 4, 5), он сомкнут, линия рта либо обозначена желобком (1, 2, 4, 5), либо не выделена (3). Восковица либо сливается с головной частью, почти не заходя на плоскость клюва и отделяясь от него невысоким уступом сверху и по бокам (1), либо не выступает рельефно, а отграничена от боковой стороны клюва двумя углубленными линиями (3), либо перекрывает клюв наполовину (3), либо моделирована с помощью короткого выступа над клювом (4, 5), либо, наконец, никак не проработана (2).

Хропология. Основу хронологии данного типа составляет нимфейское изображение (3), объективно датируемое 475–425 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Близкое ему песочин-

[1] На морфологическую близость нимфейского и песочинского псалиев уже указывал Л. И. Бабенко (Бабенко, 2005. С. 159).

ское изображение (2) должно датироваться аналогично, а аллероевское (3) и крымские (4, 5), как явные подражания — по крайней мере не раньше этого времени.

Таким образом, примерные хронологические рамки типа: вторая — третья четв. V в. до н. э.

Тип 25 Ушаковско-белозерский, IV в. до н. э.

К данному типу относятся 5 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (2–4) и Нижнего Подонья (1). Это изображения, оформляющие золотые обкладки ножен мечей в районе устья (1–4) и бронзовый налобник (5).

Модель типа. Данные изображения преимущественно составляют синтетические композиции (птицы упираются друг в друга клювами), в том числе с пальметкой над клювами (2, 4), т. е. сами головы в этой ситуации выступают в качестве волют в основании пальметки. Исключение составляет одиночное кужорское изображение (5), являющееся элементом трансформации шейной складки крылатого льва типа I-3-II-1 Кужорский (см. ниже).

В рамках данного типа представлена птичья голова с длинным острым клювом, загнутым на своей середине на 90 градусов и с восковицей, высоко выступающей над клювом. Это хищная птица.

Моделировка рельефная, ракурс строго профильный. Изображения трактованы достаточно подробно. Голова птицы узкая сегментовидная. Клюв сомкнутый, линия рта так или иначе обозначена желобком (1, 5), сходящимися плоскостями надклювья и подклювья (2, 4), либо линией из овальных впадин (3). Восковица выражена предельно четко, перекрывает клюв наполовину, моделирована с помощью выступа над надклювьем и косого уступа по сторонам клюва.

Глаз находится в верхней части головы, выступает над клювом немного (1) либо на треть (2–4), он округлый концентрический (1–4) или овальный (5), с впадиной (1) или выпуклостью (2–4) округлой зеницы в рельефном кольце глазницы, причем в солохском изображении роль зеницы играет розетка, а ядро розетки совпадает со зрачком (3); лишь в кужорском изображении глаз плоскостной, зеница и глазница очерчены углубленной линией (5). При этом две пары антитетических птиц наделены небольшим асимметрично-ромбическим ухом (2, 4), примыкающим к глазу; еще в одном случае наличие уха не исключено, так как эти участки изображений утрачены (1). Ниже глаза завитком обозначена скула/щека птицы, причем этот завиток у антитетических птиц одновременно является закрученным клювом дополнительной птичьей головки, глаз которой совпадает с глазом основной птицы, а клюв — соответственно со щекой основной птицы.

Хропология. Основу хронологии данного типа составляют такие объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов), как елизаветовское (первая пол. IV в. до н. э.), солохское (3) (400–375 гг. до н. э.) и кульобское (2) (меч должен датироваться во всяком случае не позднее общей датировки комплекса — 345–335 гг. до н. э.). Как отмечалось выше, датировка В. В. Отрощенко комплекса Великой Белозерки (4) последней третью IV в. до н. э. представляется вполне оправданной (Отрощенко, 1984. С. 121–126). Дата кужорского изображения, более схематичного, не может иметь более раннюю датировку.

Таким образом, предельные хронологические рамки типа: IV в. до н. э.

Тип 26 Елизаветовско-елизаветипский, сер. V — пачало III в. до п. э.

Елизаветовско-елизаветинский тип включает 29 изображений (без учета копий и зеркальных отображений), происходящих с территории Нижнего Подонья (все — из Елизаветовского могильника: 1, 3, 4, 9), Прикубанья (5–7, 10–28), Среднего Поднепровья (29) и Нижнего Поднепровья (все — из кургана Солоха: 2, 8). Это изображения, оформляющие золотые обкладки деревянных сосудов (1, 2, 8–10) и ритона (6), золотые обкладки ножен меча (3, 4), бронзовые конские налобники (5, 7, 20–26), щитки и лопасти бронзовых псалиев (11–14, 19, 27, 28), бронзовые навершия (15–18), а также костяное навершие (29). Многие из этих изображений являются элементами зооморфных превращений — главным образом это результат трансформации частей тела оленя: рогов (3, 5-1, 10-1 – 18-1), уха (14-2, 15-3, 19-2), шерстной складки на шее оленя (4, 5-2, 15-2, 16-2); кроме того, таким образом трансформированы хвосты хищников (25–28), складка на шее льва (29), рога «оленельва» (9). Изображения на рогах оленя на одном из тенгинских наверший, кроме того, являются частью фигуры грифона, трансформирующего эти рога (16-1). В двух случаях (23, 24) шея и голова изображаемой птицы является превращением туловища синтетических хищников, перевернутых вниз головой и удерживаемых антропоморфным персонажем, — см. тип 4 протом хищников Кужорско-майкопский.

Модель типа. Представлена птичья головка с длинным и очень узким клювом, как правило, закрученным на конце в один оборот, реже — в 3/4 оборота (7, 21), в одном случае — с загнутым (4). Это хищная птица, на границе реальности и фантастичности, в том числе с округлым ухом (29). Моделировка плоскостная, с проработкой деталей углублениями/прорезями (2, 5, 7, 11–19,

21–28) или низкорельефная (1, 3, 4, 6, 8–10, 20, 29), ракурс строго профильный.

Изображения трактованы достаточно подробно. Голова птицы непропорционально удлиненная. Клюв, как уже сказано, зауженный, сомкнутый, линия рта чаще не обозначена, реже дана желобком (3, 4, 6, 7, 12, 21, 22, 25–28). Восковица четко выражена (исключая предельно схематичные елизаветовское, курджипское и одно из уляпских изображений — 9, 20, 21, о них см. ниже) и значительно перекрывает клюв — как минимум наполовину, а иногда и на две трети или почти полностью (3, 8, 25). Моделирована восковица с помощью выступа над клювом и (исключая плоскостное елизаветовское изображение — 2) косой рельефной полосой (иногда зарифленной — 24) по сторонам клюва.

Глаз выступает над клювом, он округлый или овальный, в трех случаях трактован упрощенно — кольцом (1, 26) или точкой (2) зеницы в рельефном кольце глазницы, в остальных случаях более подробно: выпуклостью зеницы в рельефном кольце глазницы — в рельефных изображениях (3, 4, 6, 8–10, 20, 29) либо углубленной линией по контуру с отходящей от нее слезницей — в плоскостных изображениях (5, 7, 11–19, 21–25, 27, 28).

Особенности трактовки конкретных изображений — см. в Каталоге.

Особенности конкретных изображений данного типа проявляются, в частности, в том, что скула/щека птицы может быть обозначена ниже глаза завитком/завитками (3–7, 10, 12, 13, 15, 23–25, 27), причем этот завиток часто является одновременно закрученным клювом дополнительной птичьей головки, глаз которой совпадает с глазом основной птицы, а клюв — соответственно со щекой основной птицы (3–6, 10).

К глазам птиц, трансформирующих отростки рогов и шерстную складку на шее оленя на елизаветовском мече (3, 4), сзади примыкает маленькое ромбическое ухо со впадиной раковины; кроме того, у птичьих головок на отростках рогов (3) сзади показана короткая мощная изогнутая шея с напряженным мускулом (продольное ребро сходящихся плоскостей) и шерстной складкой в виде рифленой полоски[1].

Особенность одного из елизаветовских (9) и курджипского (20) изображений состоит в том, что они предельно упрощены и фактически сводятся к трем геометрическим фигурам — кружку глаза, прямой узкой полоске клюва и завитку — окончанию клюва, соразмерному глазу.

Особенность одного из уляпских налобников (21) в том, что он является дальнейшей фитоморфно-геометричной стилизацией изображения, дублированного на двух других налобниках из того же курганного комплекса (7), в ходе которой восковица фактически исчезает, сохраняя выступ над клювом (последний маркируется впадиной ноздри), и этот выступ утрируется, становясь треугольным, а для симметрии создается аналогичный выступ над глазом птицы. Сам же глаз уменьшен в сравнении с образцом и окружен полоской с поперечным рифлением.

Для головок из «Майкопского клада» и из Эрмитажной коллекции (23, 24) характерно обрамление головы вдоль нижнего края рельефной рифленой полоской, придающее объемность изображению.

Хропология. Основу хронологии данного типа составляют объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов): елизаветовское из кургана 5/1911 г. (1) (сер. — третья четв. V в. до н. э.), солохские (2) (400–375 гг. до н. э.), уляпские (7) (первая пол. IV в. до н. э.), из 3-го Семибратнего кургана (12) (первая четв. IV в. до н. э.), елизаветинские из Южного кургана, иначе — курган 4/1913 г. (19, 27, 28) (первая четв. IV в. до н. э., елизаветинские из кургана 7/1917 г. (13, 22) (третья четв. IV в. до н. э.), из кургана Карагодеуашх (10) (в пределах сер. — третьей четв. IV в. до н. э.), из Тенгинского могильника (15–18) (вторая пол. IV в. до н. э. — начало III в. до н. э.). Имеет объективную дату и изображение из северной могилы кургана 20 урочища Холодный Яр (29): вторая пол. IV в. до н. э. Эти изображения, составляющие 2/3 от всех изображений Елизаветовско-елизаветинского типа, задают следующие хронологические пределы всему типу: сер. или третья четв. V — начало III в. до н. э. Остальные изображения близки вышеперечисленным и должны датироваться, во всяком случае, в пределах этих рамок, при этом курджипское, как следствие стилизации с явной утратой семантики, не может датироваться ранее этих рамок и, скорее всего, относится к концу IV в. до н. э.

Следовательно, предельные хронологические рамки типа: сер. V — начало III в. до н. э.

Тип 27 Журовско-бельский, копец VII — первая пол. V в. до п. э.

К данному типу относятся 5 изображений, оформляющие навершия рукоятей железных ножей и происходящие с территории Среднего Поднепровья (1–4) и Крыма (5).

Модель типа. Представлены птичья голова с шеей, оформляющей рукоять ножа, с длинным

[1] Не исключено, что эта шея одновременно является дополнительной головкой птицы, центрально-симметричной по отношению к основной головке; в таком случае роль глаза и рта здесь играют соответственно завиток скулы и ухо основной головки.

клювом, загнутым в один оборот и касающимся подклювья, т. е. это птица хищная, на грани с фантастической. Головы птиц (при рассмотрении ножей в горизонтальном положении) немного наклонены вниз, образуя тупой угол с прямой шеей. Изображение двустороннее плоскостное, детали моделированы рельефом.

Изображения крайне схематичные. Лобная (надглазная) часть выпуклая в контуре, переходит в клюв уступом или плавно, ей симметричен подбородочный выступ. Глаза округлые, в журовском изображении глаз образован рельефной зеницей в обрамлении кольца глазницы (1), в саржин-ярском и из «Крымсокй коллекции» обозначен впадиной (3, 5), в городищенском и бельском глаз читается только по выступу над головой (2, 4). Клюв сомкнут, подклювье в наиболее четко проработанном изображении — журовском — прямое или чуть изогнутое, отделено от надклювья желобком, обозначающим линию рта, в остальных случаях подклювье слито с надклювьем.

Восковица в журовском изображении выражена четко, перекрывает надклювье наполовину, моделирована с помощью невысокого выступа над клювом и продольным рифлением, покрывающим ее поверхность. В остальных случаях восковица неразличима. Шея мощная, прямоугольная, в журовском изображении покрытая поперечными зарифленными полосками (имитация перьев?), разделенными гладкой полосой.

Хропология. Начальную дату существования данного типа определяет изображение, происходящее из горизонта Б2 Западного Бельского городища (2), датируемого по объективным показателям четвертой четв. VII — первой четв. VI в. до н. э. Журовское изображение (1) по объективным показателям датируется первой пол. V в. до н. э., что вполне согласуется с большей детализированностью данного изображения в сравнении с бельским. Остальные изображения, очевидно, должны находиться в рамках, задаваемых бельским и журовским изображениями, т. е. в пределах конца VII — первой пол. V в. до н. э.

Таким образом, хронологические рамки типа: конец VII — первая пол. V в. до н. э.

3.2. Погрудпое отображепие (сокращеппые протомы)

Тип 1 Гаймаповско-пастырский, сер. V — IV в. до п. э.

К данному типу относятся 34 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья (1, 23, 28), Нижнего Поднестровья (18, 26, 27), Среднего Поднепровья и Подонцовья (2, 3, 5, 6, 9–15, 19–22, 24, 25, 34), Среднего Подонья (4, 7, 8, 16, 17), Прикубанья (29), Крыма (31–33), а также одно изображение предположительно поднепровского происхождения (30). Это изображения, оформляющие исключительно бронзовые уздечные принадлежности, в основном наносники/налобники, в одном случае — бронзовый нащечник (27), в пяти случаях — подвески (13–15, 17, 30, 34).

Модель типа. Представлена птица с загнутым клювом, т. е. хищная. Показаны голова, шея и, как правило, грудная часть птицы (исключение составляют изображения, оформляющие подвески (13–15, 17, 30, 34), здесь грудь не показана). Изображения моделированы скульптурно, но преимущественно в расчете на профильный обзор. Шея перпендикулярна груди, голова вертикально опущена параллельно груди или наклонена, во всяком случае, в области клюва не перпендикулярна груди.

Изображения трактованы лаконично, порой крайне схематично. Клюв мощный, относительно короткий или средней длины, сомкнут, реже чуть приоткрыт (16, 34). Рот обозначен углубленной линией или узкой каплевидной выемкой, в отдельных случаях не прослеживается (6, 13, 11, 14, 23). Ноздря иногда намечена каплевидной впадиной (16, 32, 34), но чаще не показана. Глаза округлые, как правило, преувеличенные, порой занимают всё пространство головы вне клюва (1, 2, 4, 7, 8, 13, 31–34). Шея очень короткая мощная, усеченно-коническая или цилиндрическая, иногда практически сливается с грудью (11, 20, 24, 26–28, 31–34); исключение составляет гаймановское изображение (1), в котором шея длинная цилиндрическая, переходящая в грудь под прямым углом через рельефный выступ, обрамляющий отверстие для крепления.

Особенности трактовки конкретных изображений — см. в Каталоге.

Хропология. Основу хронологии данного типа составляют объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов): из кургана 38 группы Частых (17) (450–425 гг. до н. э.), малорогозянское (24) (начало IV в. до н. э.), старомерчанское (3) (первая пол. IV в. до н. э.) и елизаветинское из кургана 7/1917 г. (29) (третья четв. IV в. до н. э.). Дата старомерчанского изображения подкрепляется его совстречаемостью с нащечником в виде обособленной конечности типа 11 «Солоха — Чертомлык», конца V — IV в. до н. э. (см. выше). Старомерчанскому очень близки некоторые изображения данного типа — в частности, колбинское, из Горок и Дубового (4, 7, 8); также сходны с ним, хотя и в меньшей мере, пастырские изображения (6, 9, 10) и вакулинское (12). Они могут быть датированы близким старомерчанскому временем. Сходные с малорогозянским (24) песочинское (25) и шевченковское (23) изображения можно датировать соответственно. Изображения из кургана 38

группы Частых (17) сходны с птицеголовыми бляхами-распределителями эпохи «скифской архаики», что соответствует их более ранней датировке по отношению к вышеперечисленным изображениям. Налобник из Гайманова поля (1) находится в едином комплекте с назатыльником в виде обособленной конечности типа 11 «Солоха — Чертомлык», конца V — IV в. до н. э. (см. выше). Налобник из Арциза (погр. 13) (26) составляет единый комплект с нащечниками в виде конечностей хищника типа 5 «Арциз — Солоха» (см. выше). Как уже говорилось, весь данный комплекс из Арциза был отнесен авторами публикации ко второй пол. V в. до н. э., по аналогиям другим уздечным принадлежностям из того же комплекса (Алексеева, Охотников, Редина, 1997. С. 53), тогда как А. Ю. Алексеев предположил, что арцизский комплекс датируется сер. — третьей четв. V в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 201). Малоекатериновское изображение (28) происходит из конского погребения в кургане, во рву которого найден фрагмент рюмковидной ножки, атрибутированной А. Г. Плешивенко как амфора Менды (Плешивенко, 1996. С. 26). Амфоры этого центра разделены С. Ю. Монаховым на 3 типа; имеющие рюмковидную ножку относятся ко II типу и датируются данным исследователем в пределах четвертой четв. V — IV в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 89, 91–94).

Таким образом, хронологические рамки данного типа могут быть определены как сер. V — IV в. до н. э. (ср. Могилов, 2008. С. 90).

Тип 2 Цимбальско-будковский, сер. V — IV в. до н. э.

К данному типу относятся 16 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1, 2, 7), Приазовья (8), Среднего Поднепровья (3, 4, 9–14[1]), Среднего Подонья (5, 7, 8), Нижнего Подонья (6, 15) и Крыма (16). Это изображения, оформляющие бронзовые наносники/налобники, в одном случае они позолочены (7).

Модель типа. Представлена птица с загнутым клювом, т. е. хищная (за одним исключением, в котором клюв лишен загиба на конце и напоминает клюв водоплавающей птицы, — 5). Показаны голова и слитые в единый конгломерат шея и грудь птицы. Изображения моделированы скульптурно, но в расчете преимущественно на профильный обзор. Голова направлена горизонтально или чуть приподнята, во всяком случае, перпендикулярна шее и груди.

Изображения трактованы лаконично. Клюв, как правило, узкий или средней ширины. Рот обозначен углубленной линией или ребром плоскостей, формирующих клюв, в одном случае — каплевидной выемкой (12). Глаза моделированы выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Шея обычно слита воедино с грудной частью, но в одном случае четко оформлена и тем самым отделена от абсолютно геометризированной грудной части (14). Грудная зона узкая трапециевидная или треугольная.

Особенности трактовки конкретных изображений — см. в Каталоге.

Хропология. Основу хронологии данного типа составляют объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов): малоцимбальское (1) (450–420 гг. до н. э.), петровское (7) (вторая четв. — сер. IV в. до н. э.), волковецкое (13) (предельные рамки: вторая четв. — вторая пол. IV в. до н. э.) и новониколаевское (15) (последняя четв. — конец IV в. до н. э.). Почти тождественны малоцимбальскому шевченковское и оснягское изображения (8, 10), что позволяет их датировать аналогично; в свою очередь, шевченковскому изображению близко изображение из НМИУ (14). Первомаевское (2)[2], будковское (3) и аксютинецкое (4) изображения также очень близки малоцимбальскому и отличаются от него по сути лишь укороченностью шейно-грудной части, что говорит в пользу их подражательного характера по отношению к таким изображениям, как малоцимбальское, и в пользу сходной с ним датировки. Колбинское изображение (5) представляется периферийной репликой с изображений типа малоцимбальского и др., поскольку при сохранении общего абриса здесь налицо замена хищной птицы на водоплавающую, соответственно, оно должно датироваться не раньше малоцимбальского. Борзнинское изображение (9) ближе к петровскому (7), они вместе, с учетом даты петровского изображения, представляют дальнейшую стадию развития данного типа, а еще

---

[1] Предположительная локализация депаспортизированного изображения на налобнике из НМИУ (14) как среднеднепровского определяется указанием А. Д. Могилова и С. В. Диденко (опубликовавших соответствующую серию принадлежностей конского снаряжения из НМИУ) на то, что в основном эти предметы «происходят из Днепровской Правобережной и Левобережной Лесостепи» и, вероятно, относятся к коллекциям В. В. Хвойки, А. А. Бобринского, Б. Н. и В. И. Ханенко, Е. А. Зноско-Боровского, И. А. Линниченко и С. А. Мазараки (Могилов, Диденко, 2009. С. 195).

[2] Датировка первомаевского комплекса концом VI в. до н. э., предложенная его публикаторами Г. Л. Евдокимовым и М. И. Фридманом (Евдокимов, Фридман, 1991. С. 96), представляется неоправданно заниженной. Это подтверждается наличием в первомаевском комплексе удлиненных граненых ворворок, не известных ранее V в. до н. э. (Ильинская, 1968. С. 135; Петренко, 1967. С. 41), и, особенно, прямых стержневидных двудырчатых псалиев с восьмерковидным расширением, появившихся в V в. до н. э. и более популярных в IV в. до н. э. (Петренко, 1967. С. 37; Савченко, 2009. С. 241–242).

более поздняя объективная датировка волковецкого изображения вполне согласуется с тенденцией усиления декоративности и проникновения греческих мотивов (пальметка) в скифскую стилистику.

Таким образом, хронологические рамки данного типа могут определяться как сер. V — IV в. до н. э.

Тип 3 Гаймаповско-солохский, копец V — IV в. до п. э.

К данному типу относятся 36 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1–5, 7, 8, 24, 26), Нижнего Поднестровья (27), Крыма (23, 28, 30–36), Среднего Поднепровья и Подонцовья (6, 9–12, 14–19), Среднего Подонья (13, 20–22), Нижнего Подонья (25) и Прикубанья (29). Это изображения, оформляющие уздечные наносники/налобники, в основном бронзовые, в единичных случаях из другого материала — золотой (7) и серебряный с позолотой (5).

Модель типа. Представлена ушастая птица (в двух случаях уши частично или полностью обломаны — 6, 19) с загнутым клювом (за исключением изображения из Частых курганов, в котором клюв лишен изгиба и рудиментарен, — 13), т. е. фантастическая хищная птица (возможно, грифон). Показаны голова, шея и грудная часть птицы. Изображения моделированы скульптурно, но в расчете преимущественно на профильный обзор.

Шея перпендикулярна груди, голова перпендикулярна шее и, соответственно, параллельна груди. Уши торчат вверх, вертикально или наискось вперед, за тремя исключениями, когда они направлены горизонтально вперед и прилегают к затылку (16, 17, 35).

Изображения трактованы лаконично, порой схематично. Клюв сомкнутый, мощный. Линия рта чаще обозначена углублением, в отдельных случаях слабо намечена или не прослеживается (10–12, 16, 21, 22, 25, 28). Глаза, как правило, преувеличенные, занимают основное пространство головы, округлые, моделированы выпуклостью зеницы в углублении глазницы; в единичных случаях глаза небольшие (11, 16, 21). Как правило, слезник не обозначен, исключая ржищевское изображение (15), где он моделирован углубленным завитком. Шея мощная, короткая, в профиль трапециевидная или прямоугольная.

Особенности трактовки конкретных изображений — см. в Каталоге.

Морфологическая дипамика. Иконографически первичными представляются изображения типа гаймановских (1–3) и солохских (5), в которых четко выражено сочетание птичьих и звериных признаков. В ходе тиражирования данных образов, в особенности в среднеднепровских, нижнеднестровских, донских и кубанских изображениях, происходило изживание либо птичьих признаков — упрощение и аморфизация клюва (13, 25), либо звериных черт — атрофирование уха (17, 22, 23, 27, 29), либо общая схематизация (10–12, 16).

Хропология. Основу хронологии данного типа составляют следующие объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов): солохское из Боковой могилы (5) (400–375 гг. до н. э.), гаймановские (1–3) (360–325/320 гг. до н. э.), братолюбовское (4) (конец первой — начало второй четв. IV в. до н. э.), волковецкие (6, 16) (вторая четв. — вторая пол. IV в. до н. э.), чертомлыцкое из насыпи (24) (в пределах второй пол. IV в. до н. э.), елизаветинское из кургана 7/1917 г. (29) (третья четв. IV в. до н. э.) и чмырёвские (7, 8) (330–315 гг. до н. э.). Остальные изображения должны датироваться сходно с вышеуказанными, в силу их значительного сходства с ними. Для нововладимировского изображения (26) это подтверждается его совстречаемостью с бляхами в виде обособленной конечности типа 11 «Солоха — Чертомлык», конца V — IV в. до н. э. (см. выше); Г. Т. Ковпаненко и Э. В. Яковенко датируют данный нововладимировский комплекс в пределах IV–III вв. до н. э. (Ковпаненко, Яковенко, 1973. С. 253).

Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа: конец V — IV в. до н. э.

Тип 4 Дуровско-карагодеуашхский, IV — первая пол. III в. до п. э.

К данному типу относятся 7 изображений, происходящих с территории Северного Причерноморья (2[1], 5), Среднего Подонья (1, 4, 6, 7) и Прикубанья (3). Это изображения, оформляющие крючкообразные бронзовые наносники/налобники, а в одном случае — роговой гребень (7 — зооморфное превращение хвоста гепарда).

Модель типа. Представлена птица неопределенной видовой принадлежности — с тонким клювом, загнутым чаще не более чем на 90 градусов (1–3, 5–7), в одном случае на 180 градусов (4). Показаны голова и шея, оформляющие верхнюю часть налобника — крючок, и узкая грудная часть птицы, моделирующая ременную петлю и лопасть. Изображения моделированы скульптурно, но в расчете на профильный обзор. Шея петлевидная, голова продолжает линию шеи, клюв упирается в грудь концом (5, 7), изгибом (2–4) или всей плоскостью надклювья (1).

[1] Местоположение находки, несущей изображение № 2, как указано в литературе, — «в бывшей Таврической губернии» (Гущина, 1962. С. 136). Это может относиться как к Крыму, так и к Нижнему Поднепровью и Северо-Западному Приазовью.

Изображения трактованы крайне схематично. Клюв сомкнут, он относительно короткий или средней длины. Рот обозначен углубленной линией (1, 5, 7) или же не прослеживается (2–4). Глаза преувеличенные (за одним исключением — 4), могут занимать всё основное пространство головы (3), они чаще оформлены в виде выпуклости зеницы в углублении глазницы (1–3, 5, 7), но в одном случае (4) — простой выпуклостью. Шея длинная, тонкая, гладкая, стержневидная, плавно переходит в грудную часть, которая уподоблена шее, и лишь в одном случае трапециевидно расширяется (1). Грудная часть птицы — трансформация хвоста гепарда из Тернового (7) — покрыта концентрическими кружками, очевидно, имитирующими пятна на шерсти гепарда, ведь аналогичные кружки у гепарда показаны на груди и на бедре.

В одном случае от шеи отходят три треугольных выступа, возможно, имитирующие гребень (4), и в таком случае данное изображение должно трактоваться как грифонье (орлиноголовый грифон позднегреческого типа).

Аналогии и хропология. По объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) изображение из Дуровки (1) датируется второй пол. IV в. — первой пол. III в. до н. э., из Карагодеуашха (3) — сер. — третьей четв. IV в. до н. э. Дуровскому изображению очень близки дебальцевское (5) и из Частых курганов (6), а карагодеуашхскому — таврическое (2), тогда как изображение из ст. Воронежской (4) представляется вариацией карагодеуашского, поэтому данные изображения должны датироваться соответственно.

Вместе с тем сами предметы, несущие изображения изучаемого типа, относятся к группе так называемых налобников с крючком/петлей, большинство из которых лишено зооморфности (см. сводку данных изображений и характеристику их генезиса и эволюции в: Канторович, 2007б; Канторович, 2007в). К настоящему моменту благодаря новым раскопкам (в первую очередь на Среднем Дону) общее число опубликованных наносников/налобников этого рода составляет более 30; в подавляющем большинстве они железные, гораздо реже бронзовые (Канторович, 2007в. Рис. 2–3). Их общими морфологическими чертами является наличие над отверстием для продевания ремня выступа в виде замкнутой или незамкнутой петли, а ниже ременной петли — плоской лопасти, имеющей трапециевидную, асимметрично-ромбическую или удлиненно-овальную форму (в изображениях рассматриваемого типа это № 1, 5); реже, когда ременная петля выступает не вперед, а назад, место лопасти занимает стержень (в изображениях изучаемого типа это № 2–4). Автором ранее были дифференцированы два морфологических варианта налобников с крючком/петлей:

1) с крючком или петлей большего диаметра по сравнению с ременной петлей, над которой они «нависают», иногда примыкая к ней, иногда не доходя до нее, иногда образуя завиток, порой в виде птичьей головы (Канторович, 2007в. Рис. 2);

2) с петлей, соразмерной ременной петле или меньшего размера и примыкающей к ней сзади, что иногда приводит к образованию восьмерковидной фигуры (Канторович, 2007в. Рис. 3).

Все зооморфизированные налобники с крючком собраны нами в изучаемый здесь Дуровско-карагодеуашхский тип погрудных изображений птицы и, как мы видим, все они относятся к 1-му из вышеуказанных вариантов налобников. Между тем подавляющее большинство наносников/налобников первого варианта происходят с территории Среднего Подонья, чем подтверждается мнение Е. Е. Фиалко о том, что именно здесь в IV в. до н. э. находился основной район их производства (Фіалко, 1996. С. 96). Вместе с тем само появление изображений Дуровско-карагодеуашхского типа на налобниках 1-го варианта, скорее всего, произошло в Прикубанье под влиянием рассмотренных выше изображений «оленекозла» IV в. до н. э. (см. Приложение 5, рис. 12–13; комментарии см. ниже, в главе VII).

Как видим, объективные датировки 1-го варианта налобников и мотива «оленекозлов» не противоречат указанным выше хронологическим рамкам существования изображений Дуровско-Карагодеуашхского типа. Кроме того, близкую композиционную аналогию данному типу изображений составляет выполненное во вполне греческом стиле изображение головы, шеи и груди грифона, оформляющее знаменитые бронзовые (с золотой обкладкой) налобники из Васюриной горы (А) (Ростовцев, 1914. Табл. XVIII, 4). Эти изображения представляются реализацией чисто греческого зооморфного образа искусным греческим мастером на совершенно негреческом предмете, связанном со скифским или скифо-меотским обиходом — вполне возможно, под влиянием варварской среды. С. В. Полин настаивает на датировке васюринских налобников IV в. до н. э., проявляя при этом готовность отнести их и к более позднему времени, причем видит в этом не единичный случай, а проявление тенденции[1]. Логически следуя мысли С. В. Полина, нельзя исключать для васюринских

[1] «Налобники Прикубанья этого времени (IV в. до н. э. — *А. К.*) имеют характерную особенность — крючки с зооморфным оформлением, которую, возможно (если налобники Васюриной горы все же относятся к позднему времени), сохраняют отчасти и позднее» (Полин, 1992. С. 64–65).

налобников и III в. до н. э., что опять-таки не противоречит предлагаемым нами хронологическим рамкам Дуровско-карагодеуашхского типа, тем более что сами налобники этого типа могут быть первичны (с точки зрения структуры украшаемой вещи) по отношению к васюринским.

Этому не противоречит, но дополняет рамки датировка типа I-2-II-2 «Терновое — Семибратние» (первая пол. IV в. до н. э.), в состав которого входит гепард (на гребне), чей хвост трансформирован в голову и шею птицы.

Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа устанавливаются как IV — первая пол. III в. до н. э.

3.3. Копечпости

Тип 1 «Берестняги — Олефирщипа», вторая пол. V — третья четв. IV в. до п. э.

К данному типу относятся 9 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (2–5), Нижнего Поднепровья (1) и Крыма (6–9). Все они оформляют бронзовые уздечные принадлежности — нащечники (1) и бляхи (2–9).

Модель типа. Данный тип объединяет изображения лапы, состоящей из атрофированной плюсневой части, сведенной к минимуму, и когтей, исходящих из единого корня и имеющих четко выраженное членистое строение, т. е. когтей птицы. Моделировка рельефная (2–9), лишь в одном случае плоскостная (1).

Изображения трактованы схематично. Плюсневая часть маленькая, трапециевидная. Когти длинные, дуговидные, загнутые. Это три соразмерных когтя (в изображении из Прус (4) один из когтей обломан), причем два из них противонаправлены третьему, пальцы упираются друг в друга изгибом окончания. Когти состоят из двух, трех или четырех секций, каждая из которых переходит в следующую уступом.

Хропология. Хронологические рамки данному типу задают изображения из Берестняг, кургана 4 (3) и из Плоской могилы (1). Объективно датируемое берестнягское изображение (см. Список опорных хроноиндикаторов) относится ко второй пол. V в. до н. э. Комплекс из Плоской могилы датируется публикаторами второй четв. — второй пол. IV в. до н. э. Амфоры этого комплекса, по указанию публикаторов, «предельно близки» амфорам Солохи, уздечные принадлежности, исключая сами нащечники с данным изображением, — напротив, более поздние — времени Чертомлыка и Толстой могилы, аналогий же самим нащечникам авторы публикации не находят (Болтрик, Савовский, 1991. С. 107). При этом данные исследователи выявили «хронологические ножницы» в дате захоронения из Плоской могилы, объясняемые подхоронением в погребение мужа пережившей его жены с более поздними уздечными принадлежностями (Болтрик, Савовский, 1991. С. 107). С. В. Полин на основании анализа тех же амфор конкретизирует датировку тризны и первичного захоронения Центральной гробницы Плоской могилы в рамках сер. — начала третьей четв. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012. С. 535). Очевидно, с учетом «хронологических ножниц», для нащечников из Плоской могилы можно принять более узкую дату, предложенную С. В. Полиным.

При этом изображения из Олефирщины (2), Прус (4), Дмитровки (5) и из «Крымской коллекции» (6–9) очень близки берестнягскому, тогда как изображение из Плоской могилы значительно схематичнее и примитивнее остальных изображений данного типа и, очевидно, представляет собой подражание им. Следовательно, изображение из Плоской могилы может определять верхнюю границу существования изучаемого типа.

Таким образом, хронологические рамки данного типа могут определяться как вторая пол. V — третья четв. IV в. до н. э.

Тип 2 Перещепипско-майкопский, V в. до п. э.

К данному типу относятся 6 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1–3), Крыма (6) и Прикубанья (4, 5). Изображения оформляют обе лопасти двудырчатых S-видных псалиев, при этом лопасти находятся в одной плоскости со стержнем псалия (1, 3, 4, 6), либо бляхи (2, 5).

Модель типа. Данный тип составляют изображения мощных длинных когтей, имеющих четко выраженное членистое строение, т. е. когтей птицы. Когти исходят из единого корня, они симметричны и направлены друг к другу, упираются друг в друга изгибами окончаний. Моделировка рельефная, с расчетом на двусторонний обзор (все псалии, исключая акбурунские (6), на оборотной стороне которых нет изображения) или односторонний обзор (все бляхи и акбурунские псалии).

Изображения трактованы достаточно детально. Когти дуговидные, загнутые. Это или два соразмерных когтя, при этом верхний может быть больше нижнего (2, 4, 5, 6) или же три когтя, в последнем случае третий коготь атрофирован и слит со вторым, составляя вместе с ним симметрию противоположному крупному когтю (1, 3). Когти разделены в основании пальметкой (2) или ее рудиментом (1, 3–5), что придает им сходство с волютами, обрамляющими пальметку. Исключение оставляет акбурунское изображение (6), в котором нет пальметки, но зато когти на акбурунских псалиях волютовидно закручены в один оборот. Когти состоят из

двух, трех или четырех секций, каждая из которых переходит в следующую уступом, эти секции могут быть гладкими (5, 6), но чаще они рельефные и расчленяются продольными ребрами сходящихся плоскостей (2–4) или частыми поперечными желобками (1).

Хропология. Комплекс из кургана 484 у с. Плавинищи датируется первой пол. V в. до н. э. (Ильинская, 1968. С. 78; Галанина, 1977. С. 35). Ему очень близки перещепинские и майкопские изображения на псалиях (1, 4), равно как и на перещепинской бляхе (2), они должны датироваться сходно с плавинищенским (3). Шунтукское изображение (5) близко перещепинскому и представляется подражанием данному кругу изображений. А. Д. Могилов определяет предельные хронологические рамки соответствующего типа псалиев по своей классификации концом VI — V в. до н. э., вместе с тем он датирует конкретные плавинищенские и перещепинские псалии сер. — второй пол. V в. до н. э. (Могилов, 2008. С. 35. Рис. 194).

Акбурунские псалии (6) с высококачественным и усложненным изображением происходят из того же уздечного комплекта, что и бляха с изображением свернувшегося хищника типа I-1-А-б-I-5 Акбурунско-семибратненский, сер. — второй пол. V в. до н. э. Это не противоречит вышеуказанным датировкам.

Таким образом, хронологические рамки данного типа могут определяться как V в. до н. э.

Тип 3 Журовско-елизаветовский, V в. до п. э.

К данному типу относятся 8 изображений, происходящих в основном с территории Среднего Поднепровья (1–5), а также из Нижнего Поднепровья (7), Нижнего Подонья (6) и Крыма (8). Все они оформляют бронзовые уздечные бляхи.

Модель типа. Данный тип составляют изображения единственного когтя, имеющего четко выраженное членистое строение, т. е. когтя птицы. Моделировка в высоком рельефе. Изображения трактованы достаточно детально и четко. Когти мощные, длинные, круто загнутые. Они состоят из четырех (2, 4, 5 (одна секция обломана), 6, 8) и пяти секций (1, 3, 7), каждая из которых переходит в следующую уступом. Коготь может быть загнут на 180 градусов (1, 3, 6) или на 270 градусов (2, 4, 7, 8).

Хропология. Основу хронологии данного типа составляют объективно датируемые журовские изображения (1–3) (первая пол. V в. до н. э.) и берестнягское (5) (вторая пол. V в. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов). Остальные изображения им очень близки и должны датироваться сходным временем (ср. датировку А. Д. Могиловым соответствующего типа блях в рамках его классификации V в. до н. э.).

Таким образом, хронологические рамки данного типа — V в. до н. э.

Краткие итоги систематизации изображений птиц

Автором выявлено и систематизировано 691 оригинальное изображение животных, наделенных указанными в главе I признаками скифского звериного стиля и природными признаками биологического класса птиц (*Aves*). Эти изображения образуют 55 морфологических типов и в совокупности присутствуют во всех субрегионах восточноевропейского скифского звериного стиля на всем протяжении его функционирования.

Количество морфологических типов изображений птиц существенно меньше аналогичного показателя в рамках остальных мегаобразов и свидетельствует о высокой стандартизированности образа птицы в восточноевропейском скифском зверином стиле.

В рамках этого мегаобраза большинство изображений можно связывать с отрядом соколообразных, или дневных хищных птиц (*Falconiformes*), подсемейством соколиных (*Falconidae*). Об этом свидетельствует характерная форма загнутого клюва. Возможно, впрочем, что некоторые изображения представляют хищных птиц семейства ястребиных (*Accipitridae*) — из рода орлов или из рода орланов, но в любом случае это таксон того же отряда соколообразных птиц. В редких случаях изображения представляют не соколообразных, а иные отряды, в частности отряд гусеобразные (*Anzeriformes*), семейство утиные (*Anatidae*) — с прямым или чуть изогнутым клювом.

Полнофигурные изображения птиц встречаются значительно реже редуцированных (88 оригинальных изображений, 12,7% всех изображений птиц), но при этом морфологически они весьма разнообразны (21 тип). Чаще всего птицы представлены с так или иначе расправленными крыльями — в полете, садящимися или готовящимися взлететь, с головой прямой и повернутой. В рамках этого сюжета важнейшая иконографическая тенденция инициируется знаменитыми Мельгуновскими золотыми бляхами, составляющими исходную точку для сюжетно-стилистической линии хищных птиц с параллельными туловищу крыльями, развернутыми на зрителя, и с головой, повернутой в профиль. Эта тенденция реализуется на предметах самых разных категорий в течение почти всей скифской эпохи и на широком пространстве — в Нижнем Поднепровье, Среднем Поднепровье и Подонцовье, а также в Прикубанье. От этого морфологического типа, обозначенного

нами как Мельгуновско-солохский, «ответвляются» многие другие типы летящей хищной птицы с повернутой головой. В частности, следствием композиционного развития мельгуновско-солохской композиционной схемы, соединенной с композицией птицы в изначально греческой сцене «птица на рыбе/дельфине», является чрезвычайно популярный (но при этом ограниченный эпохой «скифской классики») мотив сидящей птицы, клюющей и когтящей рыбу. Этот мотив распространен во всех зонах восточноевропейского скифского звериного стиля, т. е. по всему пространству скифской археологической культуры, но при этом ограничен периодом «скифской классики».

Наиболее богато и разнообразно тема птицы реализуется в редуцированном отображении (34 типа, 603 оригинальных изображения, т. е. 87,3% от всего массива изображений птиц). Это, в первую очередь, изображения обособленной птичьей головы (27 типов, 487 оригинальных изображений (70,5%) изображений птиц), включая многочисленные головы птиц — субъекты зооморфной трансформации частей тела других зооморфных образов (и это не считая наиболее миниатюрные и слаборазличимые элементы такого рода, т. е. в реальности их еще больше). Менее распространены погрудные изображения («сокращенные протомы») (4 типа, 93 оригинальных изображения) и конечности (3 типа, 23 оригинальных изображения).

Тема обособленной головы хищной птицы присутствует с самого начала существования скифской археологической культуры — первично в виде простейшего мотива птичьих голов с загнутым или закрученным клювом / птичьих когтей. Однако основной массив изображений птичьей головы в восточноевропейском скифском зверином стиле связан с каноном птицы с волютовидным клювом, спиралевидно закрученным в один или полтора оборота, с упором кончиком клюва в подклювье и акцентированным кружком в середине завитка. Этому канону соответствует Ольвийско-завадский морфологический тип, к которому относятся как минимум 134 оригинальных изображения (более четверти (27,5%) от общего массива изображений обособленной птичьей головы), включая многие элементы зооморфных превращений частей тела других зооморфных образов. Изображения данного типа украшают почти все категории изделий, реализуются в самых различных материалах во всех субрегионах скифской археологической культуры и на сопредельных территориях со второй четв. VI до конца IV в. до н. э. Эта иконография, несомненно, основана на «наработках» эпохи «скифской архаики», в первую очередь, очевидно, на иконографии хронологически стыкующихся с ним типов, в изображениях которых наблюдается закручивание клюва. Очевидно, на этот субстрат, начиная со второй четв. VI в. до н. э. — времени начала активной греческой колонизации Северного Причерноморья — наложилось влияние греческого мотива волюты, в результате чего возник необыкновенно популярный скифо-греческий мотив. Данный мотив распространился и за пределы скифской археологической культуры на соседние территории: близкие аналогии Ольвийско-завадскому типу мы находим в Нижнем Поволжье и в Румынии.

Остальные типы птичьей головы, в том числе и насыщенные изображениями, более хронологически ограниченны и связаны с определенными категориями вещей, будь то навершия, ритуальные секиры, уздечные бляхи, бутероли и навершия мечей, колчанные/поясные крючки.

Популярны и погрудные изображения хищных птиц (по сути — усеченные протомы). Однако эти изображения, будучи достаточно многочисленными (93 оригинальных изображения), более стандартизированы, нежели птичьи головы, и соответственно образуют всего 4 типа. Это объясняется их категориальной и хронологической ограниченностью: все они (за одним исключением) оформляют конские налобники/наносники и подвески, датируемые в общих пределах сер. V — первой пол. III в. до н. э.

Подробной характеристике истоков и направлений реализации мегаобраза птиц посвящена глава VII (§ 2).

Глава V

Образы синкретических существ: классификация, типология и хронология изображений

V.1. ОБРАЗ ГРИФОНА И КРЫЛАТОГО ЛЬВА

§ 1. Проблема идентификации образа грифона в скифском зверином стиле

В данной работе к образу грифона отнесены изображения синкретического существа, необходимыми компонентами которого являются анатомические элементы птицы (голова, крылья, иногда ноги или когти) и хищного зверя, чаще семейства кошачьих (туловище, ноги, хвост, уши, которые могут быть не только короткими, как у кошачьих, но и длинными, как у волчьих хищников или у копытных), а для определенного периода — и элементы рептилии (чешуя, перепончатый гребень).

Именно этим признакам соответствует понятие «грифон» в современной исторической науке, в филологии и в искусствоведении, с опорой на длительную письменную традицию.

Действительно, как таковой термин «гриф/грифон» восходит к древнегреческой письменной традиции, при том что ряд исследователей связывают этимологические корни греческого термина с ассирийским и древнееврейским языками (см., например: Furtwängler, 1886–1890. Sp. 1742; Robert, 1912. Sp. 1906–1911). Упоминания о грифах/грифонах встречаются уже в текстах V в. до н. э. — в «Прикованном Прометее» Эсхила и в «Истории» Геродота. В «Прикованном Прометее» они характеризуются как остроклювые молчаливые собаки Зевса, что может объяснять наличие у грифонов длинных ушей (Aeschyl. Prom., 803–804 ff). В «Истории» Геродота (со ссылкой на поэму Аристея Проконнесского «Аримаспея»[1]) грифы описываются как чудовища, которые стерегут золото на севере Европы и сражаются за него с одноглазыми аримаспами (Hdt., III, 116; IV, 13–14, 27). В других пассажах, уже вне связи с Аристеем, «отец истории» сообщает, что беломраморные статун грифонов украшали дворец царя Скила в Ольвии, а медные головы — венец кратера, отлитого жителями о. Самос для святилища Геры (Hdt., IV, 79, 152). Возможно, этот термин употреблялся древнегреческими авторами и ранее — в конце VIII — VII в. до н. э. Во всяком случае, как отметил еще А. Фуртвенглер, в схолиях к Эсхилу содержится указание на то, что о грифонах упоминал уже Гесиод (Furtwängler, 1886–1890. Sp. 1768).

Соответствующий анатомический облик во всех вышеприведенных деталях фиксируется уже более поздними античными авторами, нежели Гесиод, Аристей, Эсхил и Геродот (в частности, Ктесием Книдским, Помпонием Мелой, Плинием Старшим, Павсанием, Солином, Элианом и др.). Существуют и отступления от данного списка критериев, когда грифоном именуют крылатого льва с рогами козла — «грифон ахеменидского типа» (Azagpay, 1959. P. 326), и просто крылатого льва. Ретроспективно термин «грифон» переносится исследователями на более ранние сходные синкретические образы переднеазиатского, крито-микенского и, иногда, древнеегипетского искусства, что в полной мере оправдано лишь в отношении переднеазиатских изображений, иконография которых стимулировала появление первых древнегреческих образцов, получивших соответствующее обозначение (Furtwängler, 1886–1890. Sp. 1742).

В современной биологии термин «гриф» применяется как таксон в рамках классификации отряда дневных хищных птиц, или соколообразных (*Falconiformes*), и обозначает, во-первых, семейство американских грифов (*Cathartidae*), во-вторых — группу (подсемейство) настоящих грифов (или грифов Старого света) в семействе ястребиных (*Accipitridae*) (Жизнь животных, 1970. С. 160–166. Табл. 17. С. 182–185. Табл. 21).

Таким образом, значение термина «грифон» в гуманитарных науках не совпадает со значением эти-

[1] Дата создания поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнесского — VII или VI в. до н. э. — дискуссионна (см.: Доватур, Каллистов, Шишова, 1982. С. 220; Иванчик, 1989. С. 29–49; Алексеев, Качалова, Тохтасьев, 1993. С. 24–29), но в любом случае это свидетельство о грифонах — более раннее, чем у Эсхила и Геродота.

мологически идентичного и восходящего к мифологии термина «гриф» в биологии. В нашей работе традиционно применяется первое значение.

С какими же вариациями грифона будут соотноситься анализируемые нами изображения? Как известно, в научной литературе выделяются несколько иконографических типов (канонов) грифона, задействованных в скифском культурном контексте: это три типа, описанные Н. Н. Погребовой (Погребова, 1948. С. 62) — раннегреческий, ориентализирующий (переднеазиатский) и «скифский грифон» (см. Приложение 5, рис. 14), а также грифон ахеменидского типа и позднегреческий грифон.

«Скифский грифон», как признает Н. Н. Погребова, выделившая этот канон, «в большинстве случаев оказывается просто головой хищной птицы», порой, однако, имеющей ухо, которое появилось в структуре этого образа, как полагает исследовательница, прежде всего как подражание иконографии грифона (Погребова, 1948. С. 66–67) — см., например, изображения на выступах наверший из 10-го Ульского кургана (Приложение 5, рис. 14: 5) (Канторович, Эрлих, 2006. С. 88–89. Кат. 59, 60). Однако, как было показано при характеристике образа птицы в полнофигурном воплощении, такого рода головы могли быть денотатами не хищников с птичьими крыльями и птичьей головой, а именно птиц, но наделенных ушами, что нереально с точки зрения биологии, но встречается в искусстве скифо-сибирского звериного стиля. Таким образом, данные изображения, при всей их фантастичности, примыкают к теме птицы, а не собственно грифона в его изначальном мифологическом понимании; соответственно все такие изображения в восточноевропейском скифском зверином стиле описаны выше в рамках образа птицы.

Иконография всех остальных канонов грифонов, как уже сказано, предполагает сочетание вышеперечисленных анатомических элементов хищного зверя и хищной птицы. При наличии этого обязательного условия идентификационными признаками конкретных канонов являются:

1) для ориентализирующего (переднеазиатского) грифона — гребень, идущий вдоль всей шеи до темени и завершающийся завитком, закрытый или полузакрытый клювовидный рот: см., например, изображения на обкладке ножен меча из Мельгуновского (Литого) кургана (Граков, 1971. Табл. XXV) (Приложение 5, рис. 14: 1);

2) для грифона раннегреческого типа — отсутствие гребня, столь характерного для грифонов ассиро-урартского, хеттского и позднегреческого типов, а также раскрытая клювовидная пасть и высунутый язык, вертикально торчащие уши и, как правило, шишковидный выступ-рог на темени (Furtwängler. 1886–1890. Sp. 1759–1760, 1766, abb.): см., например, полнофигурные отображения на ритоне и зеркале из курганов 3/Ш, 4/Ш Келермесского могильника (Галанина, 1997. Табл. 38, 39. Кат. 41. Табл. 1. Кат. 52) и редуцированные воплощения на навершиях из кургана 8 могильника Новозаведенное-II (The Treasures, 1991. P. 48. Cat. №11) (Приложение 5, рис. 14: 2–4);

3) для грифона позднегреческого типа — орлиная голова, уши волчьего хищника, длинный перепончатый гребень рептилии, иногда чешуя;

4) для грифона ахеменидского (греко-персидского) — львиная голова с козлиными рогами, при наличии крыльев.

В рамках нашей классификации соответствие изображений данным канонам учитывается не изначально, а уже на уровне дифференцирования по конкретным стилистическим типам. С учетом того, что эти иконографические каноны подвергались в скифском зверином стиле существенной корректировке, отступая от своих инокультурных эталонов, в нашей классификационной системе в таксон грифона были включены также изображения крылатого кошачьего хищника, выходящие за рамки вышеперечисленных канонов, но удовлетворяющие важнейшему признаку грифона — слиянию элементов хищного зверя и птицы.

Образ грифона и крылатого кошачьего хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется как в полнофигурном, так и в редуцированном воплощении (головы и протомы).

§ 2. Полнофигурные изображения грифонов

2.1. Таксопомические уровпи классификации

Основу классифицирования полнофигурных изображений грифона составляют три универсальных таксономических уровня.

1. ***По позиции ног относительно оси туловища*** полнофигурные изображения грифона разделяются на три универсальные сюжетных группы:

группа I — нижние части ног параллельны оси туловища как минимум ниже локтевого сгиба (передняя нога) и сустава заплюсны и пяточной кости (задняя нога) — **лежащие и летящие в прыжке**;

группа II — нижние части ног находятся под углом или перпендикулярно туловищу — **стоящие, идущие**;

группа III — комбинация обеих позиций ног — **полулежащие-полустоящие**.

В рамках I группы изображения грифона дополнительно дифференцируются ***по взаимоположению передних и задних ног*** на 3 сюжетные подгруппы:

подгруппа I-1 — передние и задние ноги направлены вперед;

подгруппа I-2 — передние ноги направлены назад, задние вперед;

подгруппа I-3 — передние ноги направлены вперед, задние назад.

В рамках II и III групп такое деление на данный момент нецелесообразно из-за малой вариативности взаимоположения ног.

2. ***По позиции головы относительно туловища*** каждая сюжетная группа (в рамках I группы — соответствующие подгруппы) разделяется на 2 универсальных сюжетных отдела:

отдел I — изображения грифонов с головой, однонаправленной с туловищем (голова показана либо прямо и горизонтально, либо поднята, либо опущена);

отдел II — изображения грифонов с повернутой головой (либо назад, либо вполоборота, либо анфас и т. д.).

3. ***По менее значимым композиционным показателям, а также с учетом образно-стилистических признаков*** каждый сюжетный отдел разделяется на изобразительные типы.

2.2. Полпофигурпые изображепия грифопов и крылатых хищпиков

Группа I – подгруппа 1 – отдел I

Тип I-1-I-1 Тузлипско-кужорский,
V — третья четв. IV в. до п. э.

К данному типу относятся 3 изображения из Прикубанья, оформляющие S-образные бронзовые двудырчатые псалии (1–3).

Модель типа. Изображения моделированы скульптурно, но в расчете преимущественно на профильный обзор, соответственно парные органы (уши, крылья, ноги) даны в строго профильном ракурсе. При этом детали в тузлинском и майкопском изображениях (1, 3) переданы рельефом, тогда как в кужорском (2) проработаны и рельефом, и углубленными линиями.

Данный тип изображений представляет синкретических существ в едином композиционном построении: с прямой спиной, с шеей наискось вверх, с головой, перпендикулярной шее, т. е. немного наклоненной, и с ногами, подогнутыми под острым углом к туловищу: при этом задние ноги упираются в низ живота, а передние почти параллельны (3) или почти параллельны шее (1) (у кужорского грифона (2) отображены только задние ноги, передние отсутствуют). Образная природа этих персонажей не идентична: кужорский монстр (2) — это очевидная реализация канона позднегреческого грифона (туловище и лапы хищника, клювововидная голова хищной птицы, гребень рептилии).

Тузлинского персонажа (1) Е. В. Переводчикова рассматривает как позднее проявление мотива протомы грифона раннегреческого типа, но трактованного, в сравнении с традицией «скифской архаики» «по-новому» — в стиле круга Семибратних курганов V в. до н. э. 50 (Переводчикова, 1987. С. 49). На майкопском же псалии (3) представлен монстр с туловищем хищника, короткой головой и коротким широким ухом и с клювовидной мордой, т. е. гибрид кошачьего хищника и птицы, своеобразный вариант грифона без крыльев. Однако композиционное единство и крайнее сходство в трактовке анатомических деталей позволяет условно относить все три изображения к единому морфологическому типу.

Особенности трактовки отдельных изображений — см. в Каталоге.

Морфологическая дипамика, апалогии и хропология. Как уже говорилось, Е. В. Переводчикова относит тузлинское изображение к прикубанскому стилю круга Семибратних курганов V в. до н. э., объединяемых (в противовес памятникам «елизаветинского стиля» IV в. до н. э. из Елизаветинских курганов) рельефной моделировкой и определенными особенностями трактовки анатомических деталей (Переводчикова, 1987. С. 47, 49). По моделировке деталей, по полноте реализации образа очевидно, что тузлинское изображение является первичным в эволюционном ряду выделенного нами типа, тогда как майкопское, будучи близким ему по моделировке, уже теряет иконографические элементы грифона (нет крыльев, длинного уха, соответствующего канону «остроклювой молчаливой собаки Зевса»).

Майкопское изображение демонстрирует, помимо прочего, композиционное сходство с изображением оленя на аналогичных псалиях из Уляпского могильника (курган 2, ритуальная площадка), с которым и следует его синхронизировать. Между тем комплекс Уляпского 2-го кургана на основе амфорного материала датируется первой пол. (ближе к сер.) IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Кужорское изображение находится в конце внутритипового эволюционного ряда, поскольку наряду с объемностью «семибратненского стиля» наделено чертами плоскостной моделировки с доработкой углубленными линиями («елизаветинский стиль»), упрощено сообразно фактуре оформляемой вещи (утрачены передние ноги). При этом кужорское изображение возникло не только в результате внутритиповой стилистической эволюции, но и под воздействием внешнего импульса — позднегреческого канона грифона. Кужорские изображения на псалиях очень близки в своей грудной части изображению на налобнике из того же комплекса. Этот налобник относится к описываемому ниже типу протом грифона (тип 2 Носакинско-кужорский). Как и эти протомы, ку-

жорские изображения на псалиях по композиции, трактовке деталей и технике моделировки демонстрируют копирование местными мастерами таких вполне греческих изображений, как головы — золотые украшения саркофага из кургана Большая Близница, датируемого сер. — второй пол. IV в. до н. э. (Minns, 1913. Fig. 318; Артамонов, 1966б. С. 74. Табл. 312).

Выше уже указывалось, что изображения из 1-го Кужорского кургана должны датироваться в рамках первой — третьей четв. IV в. до н. э. на основании стилистических и иконографических аналогий с более надежно датированными елизаветинскими комплексами (Елизаветинские курганы, курган 4/1913 г., или Южный, датируемый первой четв. IV в. до н. э. и курган 7/1917 г., датируемый третьей четв. IV в. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Таким образом, совокупные хронологические рамки данного типа: V — третья четв. IV в. до н. э.

Тип I-1-I-2 Елизаветипский, первая — третья четв. IV в. до п. э.

К данному типу относятся 2 изображения из Прикубанья — на бронзовых налобниках из Елизаветинских курганов (1, 2).

Модель типа. Представлены крылатые существа с туловищем и ногами хищника, с головой, сочетающей черты хищного зверя и птицы (клювовидные челюсти), с рогами лани (*Cervus dama*) (1) и благородного оленя (*Cervus elaphus*) (2). Моделировка плоскостная, ажурная, контуры деталей обозначены углубленными линиями и прорезями. Фигура строго профильная.

Монстр представлен с прямоугольно подогнутой передней ногой, упирающейся лапой в нижнюю челюсть, с задней ногой, в одном случае подогнутой вперед под прямым углом с упором лапой в живот (1), в другом случае согнутой аналогично, но задняя часть туловища и задняя нога вывернуты на 180 градусов, поэтому задняя нога упирается внешней стороной лапы в спину зверя (2). Шея вытянута вперед, голова перпендикулярна шее и опущена вертикально, как бы грызет землю.

Фигуры трактованы крайне геометрично и декоративно. Глаз хищника округлый (1) или овальный (2), с отходящей назад углубленной линией дуговидного слезника. Пасть широко открыта и замыкается преувеличенными клыками. Остальные зубы имитированы четкой рифленой полосой вдоль края пасти. В одном случае (2) каждая челюсть превращена, по сути, в птичью голову, клюв которой совпадает с челюстью, а роль птичьего глаза играет помещенный в основание челюсти монстра углубленный кружок (верхняя челюсть) или завиток (нижняя челюсть). К носу другого монстра (1) примыкает птичья голова (прием зооморфного присоединения), направленная клювом к переднему отростку рогов и упирающаяся в него. Рога исходят из единого корня над глазом. Ухо подпирает рога. Шея, туловище и ноги зауженные гладкие, шея и туловище оконтурены узкой полоской, отделенной углубленной линией (эта полоска вдоль нижнего края шеи зарифлена, что может быть имитацией шерстной складки), придающей плоскостному изображению видимость рельефности и, возможно, имитирующей шерсть. Лопатки акцентированы углубленными линиями, образующими завитки. Крылья серповидные, загнутые на конце. Ноги условны, геометричны, дополнительно оконтурены углубленными линиями. Лапы преувеличенные, сведены к одному огромному пальцу с загнутым когтем. Тазобедренная впадина заполнена клювовидным завитком (имитация самцовых гениталий?), перед ним в одном случае прочерчены еще два завитка (2). Хвост прилегает к задней стороне бедра и у изгиба ноги выгибается в обратную сторону, причем его окончание превращается в голову хищной птицы.

Особенности трактовки конкретных изображений — см. в Каталоге.

Апалогии и хропология. Близкую аналогию данному типу составляет амбивалентное изображение на бронзовом налобнике из кургана 3 Филипповки в Южном Приуралье, обнаруженном на горизонте под насыпью, в сочетании с рядом других уздечных предметов, оформленных в прикубанском стиле (The Golden Deer of Eurasia, 2000. P. 166. Fig. 107; Канторович, Яблонский, 2009. С. 74–76. Рис. 5–6). Это изображение может интерпретироваться одновременно как фигура копытного (оленя?) с подогнутой задней ногой и вывернутой передней ногой (ноги зверя, при этом, в свою очередь, трансформированы в головы птиц с длинным загнутым клювом и ступенчатой восковицей), так и в качестве обособленной ноги со свисающим копытом с акцентированным рудиментарным пальцем-«шпорой», превращенным, опять-таки, в птичью голову[1].

Стилистически наиболее близким данному типу грифонов (а изображению номер 2 данного типа — еще и в композиционном отношении, учитывая вывернутость задней части на 180 градусов) является тип лежащего хищника I-1-Б-I-1 Уляпско-тенгинский, IV — начало III в. до н. э.

[1] Еще один гриfон с вероятными оленьими рогами представлен на золотой пластине из кургана 45 у с. Берестняги (Бобринский, 1901. Табл. XIX, 2), однако недостаточное качество опубликованного изображения и отсутствие знакомства автора с данным изделием de visu не позволяют пока включить это изображение в изучаемый массив.

Хронология описываемого типа определяется объективными датировками (см. Список опорных хроноиндикаторов) соответствующих курганов Елизаветинской группы — кургана 4/1913 г., или Южного (первая четв. IV в. до н. э.), и кургана 7/1917 г. (третья четв. IV в. до н. э.).

Таким образом, хронологические рамки данного типа: первая — третья четв. IV в. до н. э.

Тип I-1-I-3 Малочертомлыцко-солохский, вторая пол. V — IV в. до п. э.

К данному типу относятся 5 изображений, происходящих из Нижнего Поднепровья (1, 2, 4, 5), и Среднего Поднепровья (3) — на золотых нашивных бляшках (1–3, 6) и на золотой обивке деревянного сосуда (4).

Модель типа. Представлены существа с телом хищника, с крыльями, с головой, комбинирующей черты кошачьего хищника и орла (клювовидная верхняя челюсть), с гребнем (в одном случае гребень не прослеживается — 4). Вероятно, это некая модификация грифона позднегреческого типа.

Изображения моделированы в рельефе. Грифон показан чаще со всеми четырьмя ногами (2, 3, 5), реже — строго профильно (1, 4). Крылья ориентированы вертикально, перпендикулярно туловищу. Голова опущена вниз, чаще наискось, в одном случае вертикально (5).

Грифоны данного типа отображены крайне схематично. Клюв чуть приоткрыт, надклювье и подклювье/нижняя челюсть короткие, мощные. Восковица не обозначена. Глаз крупный, округлый или овальный, дан выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Ухо мощное, подовальное, с углублением раковины, оно направлено перпендикулярно темени и зажато между гребнем и крылом. Шея короткая, мощная, практически слита с головой, лишь в одном случае обособлена (5). Гребень крупнозубчатый (рельефная полоса на темени (1–3) или редкие крупные выступы, подобные уху — 5). Лопатка рельефно акцентирована на фоне крыла в виде гладкого сегмента с выемкой, в которой рельефно показан сустав плеча («малая лопатка») (1); в одном случае лопатка практически слита с шеей (5). Крыло сегментовидное/серповидное, дано строго профильно, в виде одной или двух рифленых полос, имитирующих перья. Верхний край крыла маркирован гладкой рельефной линией. Бедро гладкое, тазобедренная часть акцентирована более или менее глубокой полуовальной впадиной. Мускулы ног подчеркнуты углубленной линией, идущей вдоль заднего края ноги. На преувеличенных лапах рельефно переданы крупные пальцы. Хвост закинут на спину и на конце отогнут назад.

Хропология типа определяется объективными датировками (см. Список опорных хроноиндикаторов) малочертомлыцкого (1) (вторая пол. V в. до н. э.), солохского (2) (400–375 гг. до н. э.) и бердянского (4) (первая треть IV в. до н. э.) изображений. Бляшки из собрания Зноско-Боровского (3), на близкое сходство которых с данными бляшками из Солохи уже указывала А. П. Манцевич (Манцевич, 1987. С. 65), должны датироваться аналогично солохским. Красноперекопские изображения (5) — заключенные в рамку (признак, более свойственный IV в. до н. э.) и крайне схематичные, — не могут датироваться ранее вышеописанных.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: вторая пол. V — IV в. до н. э.

Тип I-1-I-4 Майкопский, первая — третья четв. IV в. до п. э.

К данному типу относятся 2 изображения из Прикубанья — случайные находки в районе Майкопа. Это предметы конского снаряжения: элемент бронзового псалия (1) и бронзовая бляха (2).

Модель типа. Представлен крылатый кошачий хищник. Моделировка в одностороннем высоком рельефе с дополнением некоторых деталей углубленными линиями (1) либо плоскостная с передачей анатомических элементов углубленными линиями и прорезями (2). Фигуры в целом строго профильные, однако на псалии показаны оба уха (1), на бляхе — обе задние ноги (2).

Зверь показан с прямоугольно подогнутой передней ногой, упирающейся лапой в подбородок (на псалии эта нога ныне фрагментирована (1-а), но в более ранней публикации еще зафиксирована сохранной (1-б)), с задней ногой (на псалии она обломана в основании — 1), подогнутой вперед с упором лапой в живот, при этом в изображении на бляхе (2) вторая задняя нога упирается в локтевой сустав передней ноги. Шея дуговидно изогнута, голова продолжает линию шеи и направлена мордой к земле. Крыло ориентировано горизонтально вдоль спины.

Фигуры трактованы декоративно и детально. Глаз хищника овальный концентрический (зеница в глазнице, на псалии (2) рельефно подчеркнуты веки), с отходящими вперед и назад дуговидными слезниками. Пасть широко открыта и замыкается преувеличенными клыками. Остальные зубы имитированы узкой рифленой полосой вдоль пасти, край которой на псалии (1) обозначен гладким валиком. Подбородок дополнительно маркирован — либо рельефным клювовидным завитком, упирающимся в завиток передней лапы, вписанной в подбородок монстра (1), либо овальной фигурой, ограниченной желобком (2). Нос мощный, складчатый, кожная складка обозначена рельефно (1) или отграничена желобком (2). У монстра на бляхе (2) в основании головы показаны складки

шерсти, имитированные дуговидными линиями, упирающимися в желобок, отделяющий верхнюю часть головы с глазом и ухом. Ухо торчит перпендикулярно темени, короткое, на псалии развернуто вперед, боком к зрителю (1), на бляхе повернуто на зрителя, напоминает трехлепестковую пальметку (2). Шея трапециевидно-дуговидная, посередине шеи продольно проходит широкая полоса с «елочным» рифлением (1) или две полосы с поперечным рифлением (2) — имитация шерсти. Кроме того, по верху и по низу шеи шерсть передана рельефными полосами без рифления (1) или плоскостными полосами с рифлением (2); у монстра на псалии аналогично оконтурено туловище, причем верхняя полоса заходит и на хвост. Лопатка акцентирована: либо она оформлена в виде крупного спиралевидного завитка (1), либо же овальная лопаточно-плечевая зона оконтурена широкой полосой с крупным рифлением, переходящей в обрамление передней ноги; аналогично обрамлена и нижняя из задних ног данного монстра (2). У монстра на псалии (1) под лопаткой показаны ребра, имитированные семью косыми валиками.

Крыло прижато к шее и спине, на псалии оно длинное подтреугольное, идет вдоль всей спины, окончание обломано (1), на бляхе — короткое, сегментовидное, с тупым окончанием, загибается вверх (2). Перья у монстра на псалии (1) разделены на плечевые (имитированы в своей основе тремя крупными поперечными полосами, формирующими бутонообразную фигуру, затем овалами, образующими вертикальные ряды) и маховые (обозначены пятью крупными продольными полосами). Перья у монстра на бляхе не имеют такого разделения, они дуговидные, слабо или отчетливо зарифленные, продольно делят крыло (1). Туловище поджарое, ноги условны, геометричны, утоньшены. Лапы сведены к одному огромному пальцу с загнутым когтем (исключая переднюю ногу монстра на бляхе (2), на которой с помощью желобков показаны три пальца), у монстра на псалии этот палец преобразован в птичью голову, завиткообразный рельефный глаз которой помещен в основание когтя (1). Задняя часть монстра на псалии обломана, не сохранилась (1); у монстра на бляхе зад овальный, тазобедренная впадина слабо намечена выемкой, хвост тонкий, короткий, отходит дуговидно вниз и плавно переходит в сустав верхней из задних ног (2).

Хропология. Не имея непосредственных аналогий, данные изображения композиционно-стилистически близки вышеописанному типу «грифонов» I-1-I-2 Елизаветинский, первой — третьей четв. IV в. до н. э. В этих хронологических рамках и следует датировать данный Майкопский тип.

Тип I-1-I-5 Майкопский,
первая — третья четв. IV в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, оформляющее бронзовый налобник из Прикубанья — случайная находка в районе Майкопа (1).

Представлен монстр с головой хищной птицы, острыми (вольчими?) ушами, гребнем рептилии, передними ногами копытного и задними ногами хищника, т. е. существо, близкое канону позднегреческого грифона. Моделировка шеи и головы скульптурная, рассчитанная на трехмерное обозрение, моделировка минимизированного туловища и ног плоскостная, рассчитанная на одностороннее обозрение, ракурс в плане (оборотная сторона примыкает к морде лошади), с оформлением деталей углубленными линиями.

Монстр лежит с вытянутыми вперед прямыми ногами, развернутыми в плане, причем передние ноги сходятся в окончаниях внешними сторонами копыт, задние расходятся, упираясь окончаниями в локтевые суставы передних ног. В плане фигура имеет асимметрично-ромбические очертания. Шея перпендикулярна туловищу, голова перпендикулярна шее. Шея и голова трактованы более натуралистично, туловище и ноги — условно и схематично.

Монстр наделен головой с мощным сомкнутым загнутым клювом, рот обозначен желобком. Глаза крупные, полуовальные, сформированы выпуклостью зеницы с точкой-углублением в центре (зрачок), зеница оконтурена углубленной линией глазницы. Уши крупные подтреугольные, с узкой впадиной раковины, развернуты вперед по направлению головы. Гребень мощный, проходит от темени по всей длине шеи, состоит из крупных треугольных выступов с желобком, оконтуривающим их край. Шея мощная, короткая, усеченно-коническая, переходящая впереди в условную плоскостную грудную часть — узкую, трапециевидную, а по сторонам от шеи отходят плоскостные лопатки, края которых отграничены желобком, продолжающимся далее по краям передних ног. Передние ноги расположены по сторонам грудной части и отграничены от нее каплевидными прорезями. Копыта преувеличенные, с гипертрофированными подтреугольными рудиментарными пальцами.

Собственно корпус монстра, на которое опускается гребень, минимизирован и сведен к широкой короткой полосе, переходящей в расширение задней части. Задние ноги отходят под острым углом и отделены от туловища каплевидными прорезями. Ноги сведены к преувеличенным лапам, образованным четырьмя крупными выступами (с одной стороны один выступ обломан), т. е. четырьмя пальцами, сообразно анатомии кошачьего хищника. Пальцы треугольные, их контур подчеркнут желобками вдоль края. Хвост не прослеживается.

Аналогии и хропология. Близких полнофигурных аналогий данному изображению нет. Однако по моделировке и композиции оно отчасти сходно с изображением хищника типа I-4-II-1 Кужорский, первой — третьей четв. IV в. до н. э. Кроме того, образно-стилистически, а также по сочетанию плоскостной и скульптурной моделировки майкопское изображение сходно с протомами грифона типа 2 Носакинско-кужорский, второй пол. V — IV вв. до н. э. Очевидно, на пересечении датировок этих типов и следует определять хронологическую позицию рассмотренного майкопского изображения, т. е. относить его к первой — третьей четв. IV в. до н. э.

Группа I – подгруппа 1 – отдел II

Тип I-1-II-1 Красноперекопско-корпеевский, четвертая четв. — копец V в. до п. э.

К данному типу относятся 3 изображения на золотых нашивных бляшках из Нижнего Поднепровья (1, 2) и Среднего Подонья (3).

Модель типа. Представлены существа с телом хищника, крыльями и с головой, комбинирующей черты кошачьего хищника и орла (клювовидная верхняя челюсть). Вероятно, это некая модификация грифона позднегреческого типа. В мастюгинском изображении это подтверждается наличием гребня рептилии (3).

Изображение моделировано в рельефе. Грифон показан строго профильно. Крылья ориентированы вертикально, перпендикулярно туловищу. Голова повернута на 180 градусов, горизонтальна.

Грифоны данного типа отображены крайне схематично и малопонятно. Клюв чуть приоткрыт, надклювье и подклювье/нижняя челюсть короткие, мощные. Восковица не обозначена. Глаз преувеличенный, занимает почти всё пространство головы, дан выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Ухо торчит перпендикулярно темени, оно короткое, овальное (1, 2) или подтреугольное (3), с углублением раковины. Шея короткая, мощная, практически слита с головой. Гребень в мастюгинском изображении проходит по всей длине шеи, образован четырьмя крупными треугольными зубьями (3); кроме того, у данного грифона под гребнем вдоль шеи проходит узкая рифленая полоса (имитация шерсти). Лопатка рельефно акцентирована на фоне крыла в виде гладкого сегмента. Крыло узкое, серповидное, дано строго профильно, в виде двух полос, рифление которых имитирует перья; в мастюгинском изображении почти незаметно, зажато между хвостом и мордой. Бедро гладкое, тазобедренная часть акцентирована полуовальной впадиной. На преувеличенных лапах рельефно переданы по 2–3 крупных пальца. Хвост закинут вверх на спину и на конце отогнут назад.

Хропология типа определяется объективной датировкой корнеевского (2) изображения (четвертая четв. — конец V в. до н. э.). Краснопе рекопское изображение (1), в силу его сходства с корнеевским, должно датироваться аналогично. Мастюгинское изображение, с одной стороны, ближе к канону позднегреческого грифона (наличие гребня), с другой — достаточно примитивно, крыло атрофировано: в любом случае оно не может датироваться ранее краснопе рекопского.

Таким образом, предполагаемые предельные хронологические рамки данного типа: четвертая четв. — конец V в. до н. э.

Группа I – подгруппа 2 – отдел I

Тип I-2-I-1 Краснопе рекопско-желтокамепский, 340–300 гг. до п. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие из Нижнего Поднепровья и помещенные на золотые нашивные бляшки (1–3).

Модель типа. Представлен орлиноголовый грифон позднегреческого канона со всеми характерными для него атрибутами (в том числе с крупнозубчатым гребнем, который проходит по шее за ухом; в одном случае (2) от гребня остался всего один зубец).

Изображение моделировано в рельефе. Грифон показан с обеими передними ногами (левая над правой, правая согнута на 180 градусов, левая — под прямым углом) и одной задней. Крылья, напротив, отображены строго профильно, горизонтально, параллельно туловищу. Шея вертикальна, голова опущена вниз.

В одном случае (3) грифон держит в передних лапах голову некоего неопределенного существа, которого А. Ю. Алексеев считает зайцем (Полин, Алексеев, 2018. С. 574)[1].

Грифоны данного типа отображены крайне схематично. Клюв чуть приоткрыт, надклювье и подклювье короткие, мощные. Восковица не обозначена. Глаз крупный, занимает почти всё пространство головы, дан выпуклостью овальной зеницы в углублении треугольной глазницы. Ухо отходит перпендикулярно темени, оно крупное, овально-остроконечное, в краснопе рекопском и александропольском изображениях с четким углублением раковины (1, 3).

Шея гладкая, по шее за ухом проходит крупнозубчатый гребень, в той или иной мере различимый, при этом в желтокаменском изображении (2) от него остался всего один зубец. Лопатка в основ-

[1] Учитывая длинные уши терзаемого существа, это вполне правдоподобная трактовка, однако крайняя неясность данного изображения не позволяет нам включить его в корпус рассматриваемых источников.

ном перекрыта крылом, но ее передняя часть оставлена гладкой на фоне рифленого крыла. Крыло сегментовидное, с горизонтальным верхним краем, который в желтокаменском и александропольском изображениях маркирован гладкой рельефной линией (2, 3). Плечевые перья в красноперекопском изображении имитированы тремя широкими поперечными полосами с рифлением треугольниками, в желтокаменском и александропольском изображениях — широкой поперечной полосой с рифлением крупными полосками. Маховые перья обозначены крупными продольными полосами. Бедро гладкое, тазобедренная часть акцентирована впадиной. Ноги условны, геометричны, лапы обозначены лишь в александропольском изображении (двупалые).

Хвост закинут вверх, в красноперекопском изображении упирается в крыло снизу и отгибается вниз, в желтокаменском изображении направлен вертикально и упирается в верхний угол крыла, в александропольском изображении огибает бедро сверху и укладывается четко в изгиб ноги, доходя до сустава заплюсны.

Хропология типа определяется объективной датировкой желтокаменского (третья четв. IV в. до н. э.) и александропольского изображений (340–300 гг. до н. э.) — см. Список опорных хроноиндикаторов. Красноперекопское изображение, очень близкое желтокаменскому, должно датироваться сходно.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: 340–300 гг. до н. э.

Группа I – подгруппа 3 – отдел I

Тип I-3-I-1 Елизаветипский,
третья четв. IV в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Прикубанья, — на бронзовом налобнике из кургана 7/1917 г. у ст. Елизаветинской (1).

Представлена фигура синкретического существа — крылатого кошачьего хищника (ухо короткое широкое, морда широкая), наделенного клювовидными загнутыми вниз челюстями. Это одностороннее изображение на ажурном плоском щитке налобника. Изображение плоскостное, с проработкой деталей углубленными линиями и прорезями. Ракурс строго профильный в передней части, тогда как обе задние ноги отображены одна над другой.

Зверь показан в прыжке с выброшенной вперед передней и вытянутыми назад задними ногами, с вытянутой вперед шеей. При этом голова перпендикулярна шее, опущена и упирается окончаниями клювовидных челюстей в переднюю лапу.

Трактовка деталей подробная и в то же время условная. Глаз преувеличенный, овальный, с отходящим назад дуговидным слезником. Ухо выполнено в виде птичьей головки с загнутым клювом. Пасть широко открыта и замыкается клювовидным верхним клыком, формирующим вместе с верхней челюстью подобие надклювья, тогда как нижняя челюсть, переходя в острый загнутый подбородок, напоминает подклювье. Зубы имитированы рифленой полосой вдоль края пасти, отграниченной от них желобком. Тупая носовая часть завершается овальным углублением ноздри. Ноздря одновременно играет роль глаза дополнительной птичьей головки, клюв которой помещен в основании верхнего клыка основного монстра. Шея зверя длинная, гладкая, ее края маркированы продольными полосами, отграниченными желобками.

Крыло зверя сегментовидное, перекрывает плечо и отходит назад вдоль спины. Плечевые перья имитированы крупными завитками и сегментами, маховые — крупными продольными полосами. Лопатка специально не выделена.

Передняя нога слабо согнута, подведена к нижней челюсти и идет вдоль шеи, завершается лапой с единственным преувеличенным загнутым когтем. Переход живота в бедренную часть обозначен завитком, очевидно, обозначающим коленный выступ. Контуры задних ног дублированы углубленными линиями. Правая задняя нога в бедренно-коленной части полностью перекрывает левую заднюю, стопа правой проходит над стопой левой и загибается к ее окончанию, где завершается лапой с единственным преувеличенным загнутым когтем.

Хвост длинный тонкий, отходит назад по линии туловища, отделен от него прорезью, на конце примыкает к стопе правой задней ноги, где он был обломан, но ясно, что он закручивался вверх.

Хропология. Елизаветинский курган 7/1917 г. по объективным показателям датируется третьей четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Группа I – подгруппа 3 – отдел II

Тип I-3-II-1 Кужорский,
первая — третья четв. IV в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Прикубанья, — на бронзовом налобнике из кургана 1 у ст. Кужорской (1).

Представлена фигура крылатого льва. Это одностороннее изображение на ажурном плоском щитке налобника. Изображение плоскостное, с проработкой деталей углубленными линиями и прорезями.

В зависимости от ракурса рассмотрения можно по-разному трактовать позу зверя: либо он показан в прыжке с выброшенными вперед передними

и вытянутыми назад задними ногами (при рассмотрении налобника в горизонтальном положении), либо он летит со свисающими вниз задними ногами (при рассмотрении в естественном для конского налобника вертикальном положении). При этом голова монстра обращена назад, представлена строго профильно, тогда как крылья и ноги даны как бы в объемном обзоре. Правое крыло представлено полностью (перекрывает плечо) и отходит вниз или назад, левое крыло перекрыто правым и направлено вверх или вперед, упираясь на конце в подбородок. Одна из передних ног сохранилась полностью, вторая обломана. Правая нога частично перекрывает левую. Хвост, вероятно, обломан и сохранился в виде рифленой полосы, поперечно пересекающей задние ноги монстра.

Трактовка деталей подробная и в то же время условная, причем изображение насыщено зооморфными и фитоморфными превращениями анатомических деталей. Глаз преувеличенный, овальный, с отходящими вперед и назад дуговидными слезниками. Ухо выполнено в виде трехлепестковой пальметки. Пасть открыта. В пасти выделены преувеличенные верхний и нижний клыки, причем верхний заходит на нижний. Остальные зубы имитированы рифленой полосой вдоль края пасти. Сочетание верхнего и нижнего клыков хищника одновременно играет роль загнутого клюва птицы (верхний клык соответствует восковице), причем голова этой птицы обозначена с помощью специального выступа над пастью хищника. Преувеличенная носовая часть завершается завитком ноздри, от которого вниз отходит линия, дублирующая край пасти. Голова монстра при переходе в шейную часть на участке, где обычно отображается кожно-шерстная складка, отграничена перевернутой птичьей головой с длинным загнутым клювом (см. выше, тип 25 Ушаковско-белозерский).

Шерсть на шее и на животе монстра имитирована полосами с поперечным рифлением. Крылья сегментовидные, правое крыло представлено полностью (перекрывает плечо) и отходит вниз или назад, левое крыло перекрыто правым и направлено вверх или вперед, упираясь на конце в подбородок. Верхний и нижний края крыльев маркированы продольными гладкими полосами, тогда как перья имитированы крупными поперечными полосами, образующими два яруса.

Одна из передних ног сохранилась полностью, вторая обломана. Сохранившаяся нога идет вдоль шеи и завершается преувеличенной лапой с двумя встречно направленными когтями. Переход живота в бедренную часть обозначен завитком, очевидно, обозначающим коленный выступ.

Контуры задних ног дублированы углубленными линиями. Правая нога частично перекрывает левую. Когти преувеличены. Чуть выше уровня выступов, соответствующих пяткам лап грифона (в природе у хищников они находятся на значительном расстоянии от когтей), поперек ног проходит полоса с поперечным рифлением, обломанная с обеих сторон и, возможно, являющаяся завершением обломанного хвоста грифона. Корень хвоста отграничен линией.

Аналогии и хропология. Не имея близких аналогий, данное изображение сходно в стилистическом отношении с вышеописанным крылатым львом типа I-3-I-1 Елизаветинский. Кроме того, в сюжетно-композиционном отношении данное изображение, очевидно, продолжает вышеупомянутую традицию «семибратненской» стадии V в. до н. э., представляющую хищников как бы в прыжке с вывернутой на 180 градусов задней частью, с откинутыми назад задними ногами. Отличие в том, что у кужорского грифона бедренная часть и сами ноги не перекручены, а даны в том же ракурсе, что и грудная часть с передними ногами, что, очевидно, надо относить на счет более поздней интерпретации (на то же указывает и плоскостная односторонняя моделировка кужорского изображения в противовес объемной трактовке «семибратненской» серии псалиев).

Таким образом, кужорское изображение не могло возникнуть ранее этой «семибратненской» серии псалиев. Выше уже указывалось, что изображения из 1-го Кужорского кургана должны датироваться в рамках первой — третьей четв. IV в. до н. э. на основании стилистических и иконографических аналогий с более надежно датированными елизаветинскими комплексами (Елизаветинские курганы, курган 4/1913 г., или Южный, датируемый первой четв. IV в. до н. э., и курган 7/1917 г., датируемый третьей четв. IV в. до н. э.)

Группа II – отдел I

Тип II-I-1 Защитпепско-дуровский, V — первая пол. III в. до п. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Среднего Поднепровья (1, 2), Среднего Подонья (3) и Нижнего Поднепровья (4)[1]. Это фигуры, оформляющие бронзовые бляхи (1, 2),

[1] По свідетельству Е. Н. Черепановой и А. А. Щепінского, в Водославовке в одном комплексе с еще однім навершіем найдено навершіе с «изображенієм скіфского бога Геракла-Таргітая, оседлавшего дракона и охотящегося на оленя» (Черепанова, Щепінскій, 1966. С. 75). Очевідно, іменно последнее изделіе является ближайшім аналогом навершіям из Слоновской Близніцы. О нем упомінают Н. А. Онайко (Онайко, 1976. С. 178, прім. 17) и И. Д. Ратнер (Ратнер, 1984. С. 67), оно упомянуто и учтено в типологіи навершій Е. В. Переводчіковой, но до сіх пор, к сожаленію, остается неопублікованным и недоступным для ісследования.

бронзовое навершие (4), а также фигура, помещенная на золотую пластину (3).

Модель типа. Изображено существо с туловищем и ногами хищника, с головой кошачьего хищника (короткая тупомордая), с крыльями, с бычьими (1) или козлиными (2–4) рогами, т. е. зверь, соответствующий скорее иконографии грифона ахеменидского типа (об особенностях трактовки видовых признаков конкретных изображений см. ниже).

Изображение моделировано в одностороннем рельефе — на плоскости (3) или с прорезями (1, 2) либо же в двустороннем рельефе с прорезями, но в расчете на боковой обзор (4). Грифон показан с обеими задними ногами, тогда как из передних ног в трех случаях представлены также обе (1–3), в одном случае — одна с одной стороны и другая с другой (4). Задние ноги находятся в высоком узком шаге, а передние в двух случаях также в шаге (1, 2), а еще в двух случаях (3, 4) они ориентированы предплечьем и кистью наискось вперед и когтят жертву. Шея направлена наискось вперед, голова опущена перпендикулярно шее. Это грифон с поднятой лапой, подобно льву, остановившемуся в шаге с поднятой передней лапой, в готовности нападения или в состоянии терзания. Крылья ориентированы вертикально, перпендикулярно туловищу.

Грифоны данного типа отображены условно и лаконично. Пасть открыта, край рта обозначен рельефной полоской. Глаз крупный, округлый (1–3) или узкий, овальный (4), моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Ухо торчит перпендикулярно темени, оно короткое, мощное, овально-подтреугольное, с четким углублением раковины, подпирает рог сзади (1, 2) или упирается в рог спереди (3, 4). Шея короткая, мощная, вдоль шеи рельефной рифленой полоской по верхнему и нижнему краю показана шерсть (1-1, 1-2, 2-1, 3, 4) (возможно, полоска вдоль верхнего края имитирует не шерсть, а гребень, характерный для грифонов другого типа — позднегреческого). Лопатка может быть закрыта крылом (3, 4), может быть рельефно акцентирована на фоне крыла в виде гладкого сегмента с выемкой, в которой рельефно показан сустав плеча («малая лопатка») (1-1, 1-2, 2-1). Крылья показаны строго профильно. Крыло короткое, сегментовидное, в дуровском и слоновском изображениях его верхняя часть в композиции отведена для вписывания головы (4) или грудной части (3) антропоморфного персонажа, оседлавшего грифона или убивающего этого грифона (4)[1]. Перья имитированы либо однородно — крупными продольными валиками, разделенными желобками (1, 2, 4), либо дробно — аналогичными поперечными валиками (маховая часть), разнонаправленными с косыми валиками (плечевая часть) (3). Бедро гладкое, тазобедренная впадина четко (1–3) или слабо (4) акцентирована полуовальной выемкой. Мускулы ног подчеркнуты углубленной линией, идущей вдоль заднего края ноги. На лапах рельефно переданы крупные пальцы, причем в защитненских изображениях эти пальцы четко разделены на два передних и один задний, в относительном соответствии с иконографией птичьих когтей.

Хвост длинный, тонкий, отогнут вверх и вперед на спину, упирается в крыло или его модификацию (рука антропоморфного персонажа — 4), далее может далее быть отогнут назад (1–3). Окончание хвоста может быть трансформировано в птичью голову (1, 2) (ср. Бокій, 1970. С. 184–185) либо резко расширяться в крыло птицы / ухо копытного (4) (см. об этом мотиве выше).

Особенности трактовки конкретных изображений — см. в Каталоге.

Морфологическая дипамика, апалогии и хронология. В рамках данного типа прослеживается иконографическая эволюция от защитненских изображений (1, 2), более близких к канону ахеменидского грифона, к таким изображениям, как слоновские. Вместе с тем, как уже было сказано выше, слоновские и, особенно, дуровские грифоны являются несомненным подражанием изображению грифона в греческих трехфигурных композициях типа сцены на аттическом керамическом медальоне из Феодосийского музея (см. подробнее: Онайко, 1976. С. 168–169. Рис. 5; Онайко, 1977; Канторович, 1998а. С. 78–88).

В случае со слоновскими навершиями налицо модификация заданной иконографической схемы (изначально чуждой скифскому искусству) под влиянием скифского искусства позднего времени. Конкретнее, популярная в греческом искусстве сцена и композиция конного всадника, поражающего чудовище (изначально это был Беллерофонт, убивающий Химеру), к которой восходят оседлавшие грифона всадники на боспорских пеликах «керченского стиля» и на феодосийском медальоне, а в искаженном виде — и на дуровской бляхе (Онайко, 1977, С. 159), в изображении на слоновских навершиях трансформировалась под влиянием местной скифской традиции. При этом кардинально изменился и смысл всей сцены: антропоморфный герой — возможно, некое обобщенное божество, сочетающее в себе черты и Таргитая (Граков, 1950. С. 12–14; Артамонов, 1961а. С. 78–79; Раевский, 1985. С. 159–160, 226–227), и Гойтосира-Аполлона (Онайко, 1976. С. 169; Онайко, 1977. С. 156–158; Бессонова, 1983. С. 118) — стал защитником

[1] См. подробнее о стилистике и семантике данной сцены: Канторович, 1998а. С. 78–88.

рогатого неопределенного животного от напавшего на него грифона[1].

Изображение из Слоновской Близницы объективно датируется второй четв. — концом IV в. до н. э., дуровское — второй пол. IV в. — первой пол. III в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Это вполне соотносится с их подражательным характером по отношению к изображениям на вышеупомянутом медальоне из Феодосийского музея. Вместе с тем Н. М. Бокий датировала защитненские бляхи началом V в. до н. э. по их стилистическим особенностям — как промежуточную стадию между келермесско-мельгуновскими монстрами на мечах и грифонами на навершиях IV в. до н. э., имея в виду те же изображения из Слоновской Близницы (Бокій, 1970. С. 188–189). И. В. Яценко датировала защитненские бляхи V в. до н. э., с учетом репродукции в них темы львиноголового ахеменидского грифона с рогами козла (Яценко, 1977. С. 48, 93–94). Четкость, рельефность и лаконизм данных изображений, не характерные для IV в. до н. э., могут служить подтверждением такой датировки.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: V — первая пол. III в. до н. э.

Тип II-I-2 Краспокутско-александропольский, IV в. до н. э.

К данному типу относятся 12 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья. Это фигуры, оформляющие бронзовые навершия (1–6, 9, 12) и золотые нашивные бляшки (7, 8, 10, 11)[2].

Модель типа. Изображено крылатое существо с туловищем и ногами хищника, с головой кошачьего хищника (короткая тупомордая), но с клювовидной верхней челюстью, т. е. это зверь, соответствующий скорее иконографии грифона позднегреческого типа, что подтверждается в шести случаях наличием редкозубого гребня на шее (1, 5, 7, 8, 10, 11).

Изображение моделировано в рельефе — на навершиях в двустороннем рельефе с прорезями, в расчете на боковой обзор (1–6, 12), на бляшках в одностороннем рельефе (7, 8, 10, 11). Общий контур подпрямоугольный, что в шести случаях подчеркнуто рамкой, обрамляющей фигуру (6–11). Грифон показан со всеми четырьмя ногами и с обоими крыльями, одно за другим; лишь в одном случае показано одно крыло, возможно, в силу недостатка пространства (8). Задние ноги находятся в относительно высоком узком шаге, а передние либо также в шаге (1–5, 12), либо одна из передних ног направлена наискось вниз, опираясь о землю (6–11), вторая направлена горизонтально вперед (6, 7, 9, 11) или наискось вверх (8, 10) и либо охватывает рамку (6, 9), либо упирается в нее (7, 8, 10, 11) — это грифон с поднятой лапой, подобно льву, остановившемуся в шаге с поднятой передней лапой, в готовности нападения или в состоянии терзания жертвы. Шея дуговидно изогнута, голова продолжает изгиб шеи и соответственно наклонена. Крылья ориентированы вертикально или наискось назад.

Трактовка деталей лаконична и отчетлива. Пасть приоткрыта (лишь в одном случае закрыта — 8), восковица чаще не выделена, исключая александропольское и братолюбовское изображения (6, 8), в которых она маркирована выступом над клювом, причем у братолюбовского грифона на поверхности восковицы четко обозначена овальная ноздря, отграниченная валиком с углублением посередине с перпендикулярным клюву краем. Глаз укрупненный, занимает основное пространство головы вне клюва. Он чаще овальный, у александропольских и братолюбовского грифонов округлый (6, 8, 9), моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы. В братолюбовском изображении (8) от глаза назад отходит короткий валик — слезник. Ухо отходит перпендикулярно темени, оно короткое, овально-подтреугольное, с четким углублением раковины. Шея мощная, трапециевидно расширяющаяся. Крылья серповидные, изогнутые вперед. Бедро гладкое, тазобедренная часть маркирована впадиной. На лапах рельефно переданы крупные пальцы.

Особенности трактовки конкретных изображений — см. в Каталоге.

Морфологическая дипамика и хропология. Более близкими к исходному канону позднегреческого

---

[1] Другой вопрос, следует ли на этом основании однозначно видеть в антропоморфном персонаже слоновских изображений Таргитая-Геракла. Думается, что именно на слоновских навершиях это не Аполлон Гиперборейский (вопреки мнению Н. А. Онайко), в силу того, что миф о последнем имеет в первую очередь греческие корни и культ его носит чисто греческий характер. Но вполне возможно, что это некое обобщенное божество или герой, сочетающее в себе черты и Таргитая, и Гойтосира-Аполлона (ср. мнение М. И. Артамонова (1961) о принципиальной возможности такого изначального синкретизма). Данный персонаж семантически связан с идеей «охранителя стад» (т. е. бога или героя, поражающего хтоническое существо, существо «нижнего мира», нападающее на травоядное или, конкретнее, копытное животное, т. е. на существо «среднего мира»), который, в свою очередь, восходит к более древнему образу «хозяина животных» (ему слоновский герой соответствует в еще большей мере, в силу «недомашнего» характера терзаемого грифоном существа) — см. подробнее: Канторович, 1998а. С. 85–87.

[2] К данному типу примыкают изображения на бронзовых навершиях из кургана Каменская Близница (Андросов, Мухопад, 1987. С. 68–69. Рис. 6: 6), однако в силу крайней схематизированности и неясности (по сути, они десемантизированы), данные изображения не включаются в данный тип и не учитываются в общей статистике.

грифона являются, прежде всего, братолюбовское изображение, четкое и экспрессивное (8), а также краснокутское, догмаровское и александропольские изображения (1, 5, 6, 9), тогда как желтокаменское, чертомлыцкое (7, 10) и, в особенности, примитивизированные изображения на навершиях из Гайма-новой, Толстой и Чмырёвой могил (2–4, 12) искажают данный образ, что отражается, в особенности, в трактовке головы и в неуклюжих и бесформенных силуэтах приземистых ног грифона. Вместе с тем это не обязательно определяет хронологическую последовательность изображений данного типа, поскольку здесь могло иметь место независимое разнотемповое подражание неким образцам древнегреческого искусства.

Почти все изображения данного типа (кроме догмаровского) имеют объективные датировки в своих комплексах (см. Список опорных хроноиндикаторов). Это: братолюбовское (центральная могила датируется первой пол. IV в. до н. э., а по мнению В. И. Бидзили и С. В. Полина — первой четв. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012. С. 524), следовательно, наше изображение, происходящее из погр. 5 Братолюбовского кургана, не может датироваться ранее этого времени[1]); гайма новское (360–325/320 гг. до н. э.); чмырёвское (предельные рамки: вторая четв. — вторая пол. IV в. до н. э.); краснокутское (350–320 гг. до н. э.); из Толстой могилы (предельные рамки: вторая — третья четв. IV в. до н. э.); желтокаменское (третья четв. IV в. до н. э.); чертомлыцкое (350–320 гг. до н. э.); александропольские (340–300 гг. до н. э.). Как видим, объективная датировка подтверждает наш вывод о позиционировании братолюбовского изображения в начале эволюционного ряда данного типа. Догмаровское изображение должно датироваться в этих рамках, что не противоречит его композиционно-сюжетному сходству с изображением из Слоновской Близницы, которое, как уже указывалось, объективно датируется второй четв. — концом IV в. до н. э.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: IV в. до н. э.

Тип II-I-3 Гаймановско-чмырёвский, 360–315 гг. до н. э.

К данному типу относятся 7 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1–3), Прикубанья (4) и Среднего Подонья (5–7). Эти фигуры оформляют золотые нашивные бляшки.

Модель типа. Изображен лев (или, во всяком случае, хищник семейства кошачьих) с крыльями и, иногда, еще и с более или менее различимым рудиментарным козлиным рогом (1–4), т. е. зверь, соответствующий скорее канону иконографии ахеменидского грифона. Изображение моделировано в одностороннем рельефе, в шести случаях заключено в квадратную рифленую рамку (1–3, 5, 6, 7-1, 7-2, 7-3), в одном случае без рамки с доработкой деталей прорезями (4). В трех случаях пустое пространство между фигурами заполнено — либо розетообразной пальметкой (4), либо безрогими лосиными головами вышеописанного типа 5 Журовско-чигиринский (5, 6). Данные фигуры показаны в подквадратных по контуру парных геральдических синтетических композициях, стоящими на задних ногах с одной из передних ног, вытянутой вертикально вверх к собственной морде; при этом в шести случаях показана только одна эта передняя нога (2–7), тогда как в гаймановском изображении у каждого монстра присутствует и вторая передняя нога, идущая наискось вперед к морде визави (1). Шея вертикальна, слабо изогнута, голова перпендикулярна шее и чуть опущена.

Грифон показан с обеими задними ногами, тогда как обе передние ноги, как уже было сказано, показаны только в гаймановском изображении (1). Задние ноги всех грифонов, кроме гаймановских, находятся в нешироком шаге, как бы в двуногой походке, тогда как гаймановские грифоны представлены с одной ногой поверх другой, т. е. если их рассматривать в горизонтальном положении, показаны с задними ногами, отставленными назад, а с передними — в положении грифона или льва, припавшего передней частью к земле с одной поднятой передней лапой, другой положенной на землю или на добычу, в готовности нападения или в состоянии терзания, причем в роли жертвы выступает грифон-визави. Соответственно и хвост в гаймановском изображении показан по канону горизонтально стоящего или припавшего к земле хищника, т. е. изогнутым вверх и отогнутым назад, что в образовавшейся геральдической композиции при вертикальном рассмотрении грифона создает впечатление, что грифон упирается в собственный горизонтально изогнутый хвост. В других случаях грифоны упираются мордами и лапами друг в друга (2–7), а хвост их, как у стоящего на задних лапах зверя, изогнут вверх (2–4, 7-1, 7-2) или же слит с отставленной назад задней ногой (5, 6, 7-3). Крылья заполняют пространство между головой и изгибом спины, примыкают к шее.

Трактовки апатомических деталей. Грифоны данного типа отображены как детально и натура-

[1] Показательно, что А. И. Кубышев, С. С. Бессонова и Н. В. Ковалев, отметив, что «братолюбовский грифон из погр. 5 ближе к грифонам сер. — третьей четв. IV в. до н. э.», делают оговорку, что «архаические элементы его облика позволяют предполагать более раннюю дату, хотя эти признаки нельзя считать датирующими» (Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009. С. 97).

листично (гайматовское изображение, так и схематично (остальные изображения). Пасть открыта (1) или ощерена (2–4, 7-2, 7-3) или почти закрыта (5, 6, 7-1), край рта рельефно выделен (1) или же рот дан впадиной (2–7). Ноздря обозначена углублением. Глаз моделирован округлой выпуклостью зеницы в овальном углублении глазницы. Ухо чаще отходит назад (1, 5–7), реже торчит перпендикулярно темени (2–4), оно короткое, овальное или треугольное, с четким углублением раковины. К уху спереди и к темени сверху в четырех случаях (1–4) примыкает отходящий ото лба короткий козлиный рог: он может быть тонкий и гладкий, S-видно изогнутый (1), может быть мощный рифленый, слабоизогнутый и слаборазличимый (2–4). Шея короткая, мощная, может быть полностью перекрыта крылом (1, 5, 6). Лопатка может быть закрыта крылом (2, 3, 5, 6, 7-1, 7-2, 7-3), может быть рельефно акцентирована на фоне крыла в виде гладкого сегмента (1, 4). В гайматовском изображении (1) под лопаткой показан характерный для льва подшерсток (это могут быть и ребра), имитированный полосой с крупным рифлением. Крылья даны строго профильно, крыло дуговидно-серповидное, упирается в затылок грифона. Плечевые перья в гайматовском изображении отделены от маховых и имитированы идущими поперек крыла тремя дуговидными полосами с поперечным рифлением, за которыми идет широкая полоса из сегментовидных маховых перьев (1); либо же плечевая зона имитирована идущими вдоль крыла двумя широкими полосами с крупным поперечным рифлением (2, 3, 7-1, 7-2, 7-3). Однако плечевая часть крыла может и не отделяться (4, 5, 6). Бедро гладкое, тазобедренная часть акцентирована более или менее глубокой полуовальной впадиной, порой переходящей в завиток (5, 6). На преувеличенных лапах рельефно переданы крупные пальцы.

Морфологическая дипамика и хропология. В рамках данного типа прослеживается эволюция от четких и натуралистичных, предельно близких к ахеменидским образцам гайматовских изображений (1) — к остальным, более схематичным и упрощенным, являющимся очевидными подражаниями, с отходом от композиционного канона стоящего/припавшего к земле льва/грифона, что выразилось в постановке монстра на задние ноги и поднятии зада и хвоста, а также в утере одной из передних ног.

Два изображения данного типа имеют объективные датировки в своих комплексах (см. Список опорных хроноиндикаторов). Это гайматовское изображение (1) (360–325/320 гг. до н. э.) и чмырёвское (3) (330–315 гг. до н. э.). По логике вышеприведенной морфологической динамики, чмырёвское, верхнерогачикское (2) и майкопское (4) изображения не могут датироваться ранее гайматовского.

Что касается мастюгинских изображений (5), то при рассмотрении присутствующих на них лосиных головок типа 5 Журовско-чигиринский, предельные рамки которого были установлены как вторая пол. VI — середина IV в. до н. э., уже отмечалось: несмотря на то что П. Д. Либеров датировал курган 5 раскопок 1908 г. у с. Мастюгино по наконечникам стрел в широких рамках IV–III вв. до н. э. (Либеров, 1965. Табл. IX. С. 26), иконографическая близость лосиной головки на бляшке из этого комплекса остальным изображениям типа 5 Журовско-чигиринский позволяет ставить вопрос если не о сужении хронологических границ комплекса, то, по крайней мере, о датировании самой бляшки с этим изображением сер. IV в. до н. э. Это не противоречит установленному выше близкому сходству данных бляшек с гайматовским и чмырёвскими, а остальные среднедонские изображения (7-1, 7-2, 7-3), по сути, являющиеся вариантом одного оригинального изображения, будучи очень сходными с мастюгинскими и, очевидно, вторичными по отношению к ним, должны датироваться близким временем.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: 360–315 гг. до н. э.

Тип II-I-4 Майкопско-семиколеппый, первая пол. IV в. до п. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Прикубанья, — оформляющие золотые нашивные бляшки из «Майкопского клада» (1, 2) и из Семиколенных курганов, горный хребет Шахан (3).

Модель типа. Изображен орлиноголовый грифон позднегреческого типа с рудиментарным гребнем. Изображение моделировано в одностороннем рельефе. Общий контур изображения подпрямоугольный. Грифон показан со всеми четырьмя ногами, но с крылом строго в профиль. Ноги находятся в высоком узком шаге, упираются или почти упираются друг в друга лапами. Шея вертикальна, голова перпендикулярна шее, т. е. горизонтальна. Крыло ориентировано вверх и немного назад.

Трактовка деталей условна и лаконична. Клюв короткий, он приоткрыт (1, 3) или сомкнут (2), восковица не выделена, надклювье загнуто (1, 3) или закручено (2), подклювье отогнуто вниз, образуя в одном случае дополнительную птичью головку, круглый глаз которой, уподобленный глазу самого грифона, помещен в основании подклювья (2). В двух случаях из пасти торчит язык, упирающийся в кончик надклювья (1, 3). Глаз преувеличенный округлый, моделирован выпуклостью

зеницы в углублении глазницы. Ухо отходит наискось назад, упираясь концом в крыло, оно узкое подтреугольное, с углублением раковины. На темени перед ухом показан гребень, имитированный либо двумя высокими треугольными выступами (1, 3), либо двумя слабозаметными «жемчужинами», аналогичными кожно-шерстной складке на шее данного грифона (2). Шея короткая, мощная, трапециевидно расширяющаяся, в двух случаях гладкая (1, 3), в одном — обрамленная по переднему и заднему краю рельефным «жемчужником», имитирующим шерсть (2). Лопатка полностью закрыта крылом. Крыло сегментовидно-серповидное, изогнутое вперед. Плечевые и маховые перья не разделяются, они переданы крупными, веерообразно разворачивающимися полосами. Передний край крыла маркирован гладкой полоской. Бедро гладкое, тазобедренная часть маркирована впадиной. Вдоль задней стороны ног проходят желобки, имитирующие мускулы. На лапах рельефно переданы крупные пальцы.

Хвост в двух случаях длинный, отогнут вверх, упирается в крыло и затем отгибается назад, образуя петлю и завершаясь кисточкой (1, 3). В одном случае хвост обломан, но судя по позиции оставшейся части, он был трактован аналогично (2).

Хронология типа. Изображения данного типа не имеют объективных датировок. Вместе с тем два из этих изображений из «Майкопского клада» и Семиколенных курганов (1, 3), более качественно и четко проработанные (они практически тождественны, лишь ориентированы в разные стороны), находят себе ближайшую композиционно-стилистическую аналогию в изображениях оленя на аналогичных бляшках из того же «Майкопского клада». Это фигуры стоящего/идущего оленя вышеописанного типа I-I-1 Нимфейско-уляпский, второй четв. V — конца IV в. до н. э. В свою очередь, эти оленьи фигуры из Майкопского клада ближе всего в рамках своего типа изображениям на аналогичных бляшках из Уляпского могильника, курган 5, датируемого по объективным показателям первой пол. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов)[1].

Данные фигуры грифонов (1, 3) явно первичны по отношению ко второму, схематичному и примитивному изображению из «Майкопского клада» (2). Очевидно, в рамках первой пол. IV в. до н. э. и следует датировать Майкопско-семиколенный тип грифонов.

Тип II-I-5 Кульобско-белозерский, IV в. до п. э.

К данному типу относятся 8 изображений, происходящих в основном с территории Нижнего Поднепровья и Приазовья (1–5, 8), а также с территории Среднего Подонья (6, 7). Эти фигуры помещены на золотые обкладки ножен меча (1, 2), на золотую ленту — нашивку на нагрудный конский ремень[2] (3), на золотой налобник (4), оформляют золотую обивку деревянного сосуда (5), золотые пластины (6, 7) и золотую обивку горита (8).

Модель типа. Изображено орлиноголовое существо с телом хищника и крыльями, с четким или с рудиментарным гребнем на шее, т. е. зверь, соответствующий иконографии грифона позднегреческого типа.

Изображение моделировано в низком рельефе, в двух случаях (3, 8) с доработкой деталей прорезями. Грифон показан с обеими задними ногами, тогда как из передних в шести случаях представлены также обе, в двух случаях — лишь одна (3, 8). Задние ноги находятся в высоком шаге, а одна из передних согнута под тупым или прямым углом и ориентирована предплечьем и кистью вперед, по направлению движения, тогда как вторая передняя, при ее наличии, поставлена или положена на землю (1, 2, 5–7). Это грифон с поднятой лапой, подобно льву (5–8), остановившемуся в шаге с поднятой передней лапой (в готовности нападения или в состоянии терзания) или припавшему передней частью к добыче. Соответственно ряд грифонов данного типа когтят добычу в сценах терзания; в роли жертвы выступает олень (1–4). При этом в двух случаях (2, 5) грифон, в сущности, припадает передней частью к земле. Крылья ориентированы горизонтально, вдоль туловища.

Грифоны данного типа отображены как относительно натуралистично (1, 2, 5), так и схематично (3, 4, 6–8). Клюв открыт, надклювье и подклювье/нижняя челюсть короткие мощные. Глаз небольшой, округлый или овальный, дан выпуклостью в углублении, которое продолжается в стороны, образуя слезник или слезники. Ухо направлено перпендикулярно темени, лишь в среднедонских изображениях свисает на шею ввиду отсутствия места, занятого гребнем (6, 7); оно остроконечное длинное листовидное или подтреугольное, чаще с четким углублением раковины (2, 4–7). Шея короткая. Лопатка может быть закрыта крылом (2–5), может быть рельефно акцентирована на фоне крыла в виде гладкого сегмента с выемкой, в которой рельефно показан сустав плеча («малая лопатка») (1), может, наконец, быть маркирована рельефным завитком (6, 7). Крыло отходит назад вдоль

---

[1] С учетом этих аналогий представляется неправомерным предлагаемое Т. В. Рябковой удревнение до VII в. до н. э. опубликованных ею бляшек с изображением грифона из Семиколенных курганов (Рябкова, 2020. С. 277–279).

[2] Атрибуцию вещи см.: Алексеев, 2012. С. 252.

спины, в шести случаях показано одно крыло (1–3, 6–8), в двух случаях — оба, одно за другим (4, 5), крылья подтреугольно-трапециевидные, с горизонтальным верхним краем. Плечевые перья могут быть имитированы овами (1, 2, 6, 7) либо короткими продольными полосами с рифлением, образующими вертикальные ряды (3–5, 8). Маховые перья имитированы вертикальным рядом из длинных горизонтальных полос или сегментов с рельефным заполнением. Верхний край крыла маркирован рельефной линией. Бедро чаще гладкое, тазобедренная часть акцентирована более или менее глубокой полуовальной впадиной; однако в среднедонских изображениях такая впадина не показана, а само бедро маркировано рельефным завитком, подобно лопатке (6, 7). Мускулы ног подчеркнуты углубленной линией, идущей вдоль заднего края ноги. На лапах рельефно переданы крупные пальцы.

Хвост загнут вниз и может далее быть отогнут вверх и назад (1, 4–7), реже помещен между ногами (2) либо прижат к задней ноге (3). Он длинный тонкий, может иметь утолщение-кисточку на конце (1, 2, 4, 5). В изображении из Толстой могилы хвост мощный, веерообразный, ажурный, отходит назад (8).

Особенности трактовки конкретных изображений — см. в Каталоге.

Морфологическая дипамика и хропология. В рамках данного типа прослеживается эволюция от четких и натуралистичных, предельно близких к греческим образцам изображений — таких как кульобское, белозерское и одно из бердянских (1, 2, 5) — к более схематичным и упрощенным подражаниям — в первую очередь, это среднедонские изображения (6, 7), а также одно из бердянских (4) и александропольское (3). На периферии типа находится крайне упрощенное изображение из Толстой могилы (8).

Ряд изображений данного типа имеют объективные датировки в своих комплексах (см. Список опорных хроноиндикаторов). Наиболее ранними являются бердянские изображения (первая треть IV в. до н. э. или, у́же, 380–370 гг. до н. э.), далее следует изображение из Толстой могилы (предельные рамки: вторая — третья четв. IV в. до н. э.), кульобское (345–335 гг. до н. э.), и александропольское (340–300 гг. до н. э.). Белозерское изображение, очень близкое кульобскому, должно датироваться аналогично и, во всяком случае, не позднее предложенной для данного комплекса В. В. Отрощенко даты последней трети IV в. до н. э. (Отрощенко, 1984. С. 121–126). Подражательные среднедонские изображения не могут датироваться ранее бердянских и кульобского.

Таким образом, хронологические рамки данного типа — IV в. до н. э.

Тип II-I-6 Майкопско-дортобипский, IV в. до п. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Прикубанья (1) и Крыма (2). Они оформляют навершие золотой булавки (1) и золотые нашивные бляшки (2).

Модель типа. Изображено существо с головой козла (судя по наличию козлиного рога и зауженной морды), с туловищем и ногами хищника, — вероятно, модификация грифона ахеменидского типа, но с существенным семантическим сдвигом (голова копытного вместо головы льва). Изображение моделировано в одностороннем рельефе, с использованием прорезей. Общий контур изображения подпрямоугольный. Зверь показан со всеми четырьмя ногами, но с крылом строго в профиль. Ноги находятся в высоком узком шаге, упираются или почти упираются друг в друга лапами. Шея вертикальна, голова опущена. Крыло ориентировано вверх и немного назад.

Трактовка деталей условна и лаконична. Морда короткая, зауженная, рот приоткрыт (1) или сомкнут. Край рта обозначен рельефной линией. Ноздря обозначена одной (2) или двумя (1) насечками. Глаз преувеличен, занимает почти всё пространство головы, округлый, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы; в дортобинском изображении глазница имеет рельефный ободок (2). Ухо в майкопском изображении не прослеживается (1), в дортобинском свисает вниз, оно крупное, сегментовидное, с углублением раковины. Рог отходит назад и вверх, упираясь концом в окончание крыла; в майкопском изображении рог короткий тонкий, S-видный, отходит из-за глаза, на конце загибается вперед (1), в дортобинском изображении он мощный, отходит над глазом вверх, затем загибается назад и на конце заворачиается вниз (2). Шея короткая, мощная, гладкая. Лопатка полностью закрыта крылом. Крыло сегментовидно-серповидное, изогнутое на конце вперед. Плечевые и маховые перья не разделяются, в майкопском изображении перья переданы крупными ововидными веерообразно разворачивающимися рельефными полосами, в дортобинском крыло гладкое, обрамлено рельефной полосой с крупным поперечным рифлением, а верх крыла превращен в птичью голову с огромным концентрическим рельефным глазом и коротким, загнутым клювом со впадиной рта. Бедро гладкое, тазобедренная часть маркирована впадиной. Ноги геометричные, условные, преуменьшенные, завершаются преувеличенными трехпалыми лапами, рельефно переданы крупные пальцы. Хвост отогнут вверх, упирается в крыло и затем отгибается назад, завершаясь утолщением.

Хропология. Изображения данного типа не имеют объективных датировок. Вместе с тем, курганы

в местности Дорт-Оба, раскопанные Н. И. Веселовским в 1892 г. поблизости от Талаевского кургана в имении Пастака, датируются большинством исследователей в рамках IV в. до н. э. (Артамонов, 1966б. С. 59). Очевидно, именно эти рамки следует установить и для Майкопско-дортобинского типа изображений.

Тип II-I-7 Тепгипский,
вторая пол. IV — пачало III в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение из Прикубанья — на бронзовом навершии из погр. 1 кургана 2 у ст. Тенгинская. Это грифон позднегреческого типа — элемент зооморфной трансформация основного пучка рогов обособленной головы оленя типа 6 Елизаветинско-тенгинский, второй пол. IV в. — начала III в. до н. э. Описание этого изображения грифона дано выше в рамках описания головы и рогов оленя на указанном навершии.

Апалогии и хропология. Как уже было показано (Канторович, Эрлих, 2006. С. 55–61. Рис. 11), образцом для подражания при зооморфном трансформировании рогов оленя послужили сцены на распространенных в Боспорском царстве расписных вазах «керченского стиля» второй пол. IV в. до н. э. На этих вазах мы встречаем такого же, как бы остановившегося на ходу грифона с выпяченной грудью и дуговидно изогнутой, отклоняющейся назад шеей. В особенности примечательны те сцены, в которых грифон предстоит коню с седоком, ибо именно голове этого коня соответствует в тенгинской композиции обособленная голова грифона, трансформирующего верхнюю часть переднего отростка рогов (Кобылина, 1951. Рис. 5: 1; 6: 3; 4: 7; Шталь, 2000. С. 150. Кат. 56а; С. 152. Кат. 60а, 64а; С. 154. Кат. 62а; С. 155. Кат. 63а; С. 156. Кат. 65а). Кроме того, в графических приемах передачи гребня и крыльев грифона использованы декоративные элементы греческого искусства этого времени: редуцированные овы и бегущая волна из волют.

По объективным показателям тенгинское изображение датируется второй пол. IV — началом III в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Эта датировка подтверждается его преемственностью по отношению к вазам «керченского стиля».

Тип II-I-8 Елизаветовский,
сер. — вторая пол. V в. до п. э.

К данному типу относятся одно изображение, происходящее с территории Нижнего Подонья — из Елизаветовского могильника (1). Эта фигура помещена на золотую обкладку деревянного сосуда.

Представлен лев (о чем свидетельствуют короткая широкая морда, грива) с рогами оленя и с оленьим ухом. Изображение моделировано в высоком рельефе. Контур изображения подквадратный. Монстр показан со всеми четырьмя ногами, в высоком одноименном шаге, практически на прямых ногах, правая нога позади левой, лапы правых ног упираются соответственно в пясть и плюсну левых ног. Шея и голова направлены наискось вперед, голова чуть наклонена. Рога отходят назад параллельно туловищу. Хвост опущен вниз вдоль задней ноги.

Анатомические детали проработаны четко и лаконично. Голова крупная. Пасть подковообразная, открытая, края рта акцентированы валиком, отделенным желобком от остальной части головы. Нос акцентирован ромбическим утолщением, которому симметрично утолщение языка, «вываливающегося» из пасти, замыкаемой мощными клыками, имитированными дуговидными желобками, обрамленными валиками. Глаз преувеличенный овальный, наполовину выступает над головой, дан выпуклостью в углублении, которое продолжается назад, образуя короткий канал слезника. Ухо отходит назад наискось вверх, частично перекрывая рога, оно асимметрично-ромбическое, на тонком корнечеренке, с крупным продольным рифлением, имитирующим шерсть раковины. Вдоль нижнего края шеи и всей нижней челюсти вниз отходит широкая рельефная полоса с крупным продольным рифлением, очевидно, обозначающая шерстную складку или бороду. Шея короткая, мощная, рельефным перепадом отделена от головы, полностью покрыта львиной гривой, выполненной с помощью крупного продольного рифления; грива продолжается и за лопаткой (короткие продольные волнистые валики), покрывая туловище от спины до живота. Лопатка сегментовидная, рельефная, контрастирующая своей гладкой поверхностью с гривой, в выемке лопатки заключена рельефная гладкая «малая лопатка» — имитация плечевого сустава. Туловище укороченное, поджарое в задней части и расширенное в грудной, сообразно экстерьеру льва. Бедро гладкое, рельефное, тазобедренная часть акцентирована глубокой полуовальной впадиной. Вдоль спины проходит рельефный валик с крупным косым рифлением (передача шерсти). Ноги мощные укороченные, мускулы ног подчеркнуты углубленной линией, идущей вдоль заднего края ноги. На лапах рельефно и схематично переданы крупные пальцы. Хвост относительно короткий, скорее соответствующий экстерьеру оленя.

Рога мощные, состоят из семи крупных S-видных отростков, превращенных в птичьи головы, рассмотренные нами выше (см. тип птичьих голов, обозначенный как тип 26 Елизаветовско-елизаветинский). Рога исходят из точки над глазом и разделяются пятилепестковой пальметкой (ближайшие к ней отростки образуют ее волюты) на переднюю

часть с двумя горизонтальными «глазными отростками», один над другим, и заднюю часть из пяти вертикальных отростков, четыре из которых отходят от волнообразного горизонтального стержня.

Аналогии и хропология. Ближайшая образно-композиционная аналогия (А) имеется в пазырыкском искусстве: ср. кошачьего хищника с оленьими рогами, оформляющего кожаную аппликацию на седло из 1-го Туэктинского кургана (Руденко, 1960. Рис. 87). Можно расценивать эту параллель как яркий пример конвергенции в отображении единого для двух культур зооморфного персонажа, можно — как следствие взаимовлияния.

Также близок в образном и композиционном отношении, но отличается по структуре рогов, по пропорциям деталей кошачий хищник с оленьими рогами на бронзовой пластине-матрице из Гарчиново (Венедиков, Герасимов, 1973. Табл. 152). Эта пластина, происходящая из зоны фракийской культуры, демонстрирует очевидное влияние скифского звериного стиля, о чем говорят обилие зооморфных превращений, приемы моделировки, композиционное и стилистическое сходство изображений хищников, оленей, кабанов и птиц на гарчиновской матрице с целым рядом изображений этих персонажей в скифском искусстве (ср. Мелюкова, 1979. С. 119).

В восточноевропейском скифском зверином стиле нет аналогий елизаветовскому изображению, однако присутствует вышеописанная встречная тенденция изображения оленей с видовыми элементами кошачьего хищника — ср. полнофигурные изображения оленя типа II-I-1 Нимфейско-уляпский, второй четв. V — конца IV в. до н. э.: часть оленей, относящихся к данному типу (из Майкопского клада и из Уляпских курганов), показаны опирающимися на всю плоскость пальцев, включая рудиментарные пальцы, а не только копыта, что напоминает опору не копытоходящих, а пальцеходящих, т. е. хищников. Кроме того, по трактовке рогов елизаветовский монстр близок лежащим оленям типа I-1-I-3 Завадско-акмечетский, второй четв. V — первой пол. III в. до н. э., причем именно тем изображениям этого канона, которые относятся к V в. до н. э. (эпонимным изображениям из Завадской могилы и Ак-Мечети), если учитывать место рогов в общей композиции, их построение из крупных отростков, превращенных в птичьи головы, использование пальметки в качестве разделителя переднего и заднего отростка рогов.

Учитывая объективную датировку завадских изображений (450–425 гг. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов), а также лаконизм и четкость в оформлении деталей елизаветовского монстра, моделирование четкими крупными рельефными фрагментами (признаки, в целом не свойственные скифскому звериному стилю IV в. до н. э.), можно согласиться с датировкой елизаветовской обкладки V в. до н. э., предложенной в свое время Г. И. Боровкой (Borovka, 1928. P. 20B), принимая ее как обозначение крайних хронологических пределов. Эта датировка может быть сужена, поскольку птичьи головы, в которые превращены рога елизаветовского «оленельва», были рассмотрены нами выше, в контексте образа птиц, и отнесены к типу 26 Елизаветовско-елизаветинский, датируемому в рамках сер. V — начала III в. до н. э.

Следовательно, дата елизаветовского «оленельва» может быть установлена как сер. — вторая пол. V в. до н. э. Учитывая вышеуказанную параллель в пазырыкской культуре, эта дата не противоречит датировкам комплекса 1-го Туэктинского кургана, который, в соответствии с новой хронологией курганов пазырыкской культуры, относится к 442 г. до н. э. (Алексеев и др., 2005. С. 166). Распространенная датировка менее близкой аналогии — монстра на Гарчиновской пластине — VI веком до н. э., по мнению И. Венедикова и Т. Герасимова, не является достаточно аргументированной (Венедиков, Герасимов, 1973. С. 94). Судя по позиции другого персонажа матрицы — полулежащего-полустоящего оленя с повернутой головой, — не следует исключать для Гарчиновской пластины и V в. до н. э.

Тип II-I-9 Александропольский, 340–300 гг. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее из Нижнего Поднепровья (1). Это фигура, помещенная в левый край многофигурной композиции с вышеописанными грифонами на золотой ленте — нашивке на нагрудный конский ремень из Александропольского кургана (Алексеев, 2012. С. 252).

Как представляется, здесь показана искаженная химера или гибрид химеры и грифона. Как известно, Химера — синкретическое трехчастное существо греческой мифологии, описанное еще Гомером (Hom. Il. VI 180–182) («лев головою, задом дракон и коза серединой», пер. Н. И. Гнедича) и Гесиодом (Hes. Theog. 319–324) («спереди лев, позади же дракон, а коза в середине», пер. В. В. Вересаева). Соответственно, античная иконография Химеры (см., например, знаменитую этрусскую-скульптуру Химеры из Ареццо, конец V — начало IV в. до н. э.) предполагает изображение чудовища с туловищем и головой льва, с еще одной головой — головой козы, выступающей из спины Химеры (крыло александропольского зверя преобразовано в отчетливую козью голову с бородой), а хвост Химеры должен быть одновременно змеей, чья голова соответствует кисточке львиного хвоста

(в александропольском изображении эта зооморфная трансформация не прослеживается). Элементы позднегреческого грифона в александропольском изображении проявляются в клювовидности верхней челюсти и наличии гребня рептилии.

Данное изображение моделировано в низком рельефе, с доработкой деталей прорезями. Монстр показан со всеми четырьмя ногами, но с крыльями в строго профильном ракурсе. Задние ноги находятся в высоком шаге, левая передняя немного поднята (подобно грифону или льву в характерной позе), правая передняя опирается на землю. Шея вытянута наискось вперед, голова опущена перпендикулярно шее.

Анатомические детали трактованы схематично. Пасть (клюв?) закрыта, морда узкая. Глаз небольшой, овальный, дан выпуклостью в углублении, которое продолжается назад, образуя слезник. Ухо торчит перпендикулярно темени, оно остроконечное, длинное, подтреугольное и, по сути, неотличимо от трех редких выступов гребня, идущих по шее монстра. Голова отделена от шеи валиком, имитирующим складку шерсти. Шея имеет слабое продольное рифление — имитация мускулов. Лопатка узкая сегментовидная, отграничена от шеи и крыла валиком.

Крыло узкое серповидное, загибается вперед, перья имитированы широкими поперечными рельефными полосами с рифлением. В верхней части, поднимаясь над спиной монстра, крыло превращается в голову и шею козы или козла, рог которого не прослеживается, но имеются борода и характерная морда. Голова козы геометризирована, носовая часть в профиле выделена утолщением. Рот обозначен углубленной полоской в обрамлении мощных рельефных губ, ноздря — каплевидным углублением. Борода короткая, мощная, трапециевидная, упирается концом в спину химеры. Глаз овальный, обозначен впадиной зеницы в обрамлении рельефной глазницы слабозаметными выпуклостями. Ухо асимметрично-ромбическое, со впадиной раковины, отходит назад. Шея мощная, трапециевидная[1].

Бедро монстра гладкое, тазобедренная часть акцентирована неглубокой впадиной. Мускулы ног подчеркнуты углубленной линией. На лапах схематично переданы крупные рельефные пальцы. Хвост длинный, тонкий, отогнут вверх и далее вперед и вниз, упирается концом в спину, образуя замкнутую петлю.

Хропология. Александропольское изображение на основании объективных показателей датируется в пределах 340–310 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Группа II – отдел II

Тип II–II-1 Нимфейско-майкопский, вторая четв. V — пачало IV в. до п. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Крыма (1) и Прикубанья (2). Они оформляют золотые нашивные бляшки.

Модель типа. Представлен крылатый короткоголовый и широкомордый хищник с коротким ухом (т. е. крылатый лев), в одном случае — с клювовидно загнутым языком (2). Изображения моделированы в высоком одностороннем рельефе. Фигура строго профильна в трактовке крыльев, но отображены все четыре ноги, а в нимфейском изображении — еще и оба уха (1). Контур изображения подпрямоугольный. Монстр показан стоящим в высоком одноименном шаге (правая нога перед левой), с разрывом между парами передних и задних ног, причем в майкопском изображении (2) зверь опирается на землю, имитированную двойной широкой рифленой полосой. Голова на дуговидно изогнутой шее повернута назад и направлена горизонтально, симметрично загибу крыла и хвоста. Крыло ориентировано назад и вверх.

Изображения трактованы обобщенно и четко. Голова овальная, с открытой пастью, пасть подковообразная, край рта обозначен рельефной полоской. В майкопском изображении во рту дуговидной полоской показан клювовидный язык или замыкающие пасть клыки. Глаз преувеличенный овальный, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы (1) или просто впадиной (2). В нимфейском изображении перед глазом рельефными короткими полосами имитированы складки носа. Шейная часть выступает над головой, к шее прилегает горизонтальное ухо (в нимфейском изображении — оба уха, одно над другим), оно полуовальное, со впадиной раковины. Хищник имеет мощную шею и широкое туловище, длинное у нимфейского монстра и короткое, зажатое между преувеличенными лопаткой и бедром, — у майкопского. Лопатка и бедро обозначены гладкими выступами, лопатки совпадают с плечевой зоной крыльев, при этом лопатка нимфейского монстра сегментовидная с выемкой, лопатка майкопского овально-ромбическая. Крыло сегментовидное, изогнутое на конце вперед. Перья переданы крупными веерообразно разворачивающимися рельефными полосами, причем в нимфейском изображении их два яруса, первый переходит во второй уступом (1).

Ноги укороченные, мощные, завершаются преувеличенными четырехпалыми лапами, рельефно

---

[1] Интересно, что такая трансформация в голову козла находит себе параллель на восточной окраине скифо-сибирского мира, где мы встречаем яркий пример использования голов горного козла в качестве элемента «превращения» парных кошачьих хищников на бронзовой пряжке из Монголии (Ол-Сум), из коллекции П. К. Козлова (рис. 9, 10) (Руденко, 1960. С. 319–320. Рис. 160).

переданы крупные пальцы. Хвост длинный, дуговидно закинут на спину, в нимфейском изображении он гладкий, с продольным желобком, изгибается далее на конце, трансформируясь в крупную птичью головку с округлым глазом, мощным загнутым клювом с рельефной восковицей; в майкопском изображении хвост состоит из рельефных шариков, упирается изгибом в крыло, затем отгибается назад, образуя петлю.

Аналогии и хропология. Не имея близких аналогий среди грифонов, данные изображения композиционно-стилистически очень близки стоящему кошачьему хищнику (также опирающемуся на землю, имитированную рифленой полосой) на бляшках из того же «Майкопского клада» (тип II-A-II-7 Майкопский) (см. выше).

Объективную датировку имеет нимфейское изображение — 475–425 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Майкопская фигура гораздо схематичнее нимфейской, причем характерная для нее столь редкая деталь, как горизонтальная опора для лап хищника, присутствует, помимо вышеуказанного кошачьего хищника из «Майкопского клада», в двух надежно датируемых прикубанских изображениях кошачьего хищника, относящихся к вышеописанным типам II-A-I-7 Уляпский, первой пол. (с тяготением к первой трети) IV в. до н. э., и II-A-II-5 Уляпский, второй пол. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Соответственно майкопское изображение тяготеет уже к IV в. до н. э., но, в силу большого сходства с нифмейским, не может быть отделено от него значительным хронологическим разрывом.

Таким образом, предельные рамки рассмотренного типа: вторая четв. V — начало IV в. до н. э.

Группа III – отдел I
Тип III-I-1 Перепятихипский, вторая пол. VII в. до п. э.

К данному типу относится одно оригинальное изображение. Это воплощение канона раннегреческого грифона, выполненное с элементами собственно скифского звериного стиля и оформляющее золотые и серебряную нашивные бляшки из кургана Перепятиха у с. Марьяновка на Среднем Днепре, раскопанного в 1845 г. Н. Д. Иванишевым[1].

Эти бляшки неоднократно становились объектом исследования, начиная с работы М. И. Ростовцева (Ростовцев, 1925. С. 482), но наиболее тщательному анализу их подверг С. А. Скорый (Скорий, 1990. С. 38–42). Исследователь дифференцировал три типа изображений — «реалистичных» левосторонних (1 серебряная позолоченная бляшка), «схематичных» левосторонних (5 золотых бляшек) и «схематичных» правосторонних (3 золотых бляшки), изготовленных по двум противонаправленным матрицам с последующей доработкой деталей. Таким образом, можно говорить о трех оригинальных изображениях из Перепятихи. Для бляшки, относящейся к первому типу, С. А. Скорый допустил непосредственно переднеазиатское производство и объяснил ее появление в Поднепровье следствием переднеазиатских походов скифов, приведя в качестве ближайших аналогий изображения грифонов раннегреческого типа на келермесском зеркале и на ионийском сосуде, а также переднеазиатского типа из Луристана (Скорий, 1990. С. 65. Рис. 10, *1–3*). Для двух других типов бляшек С. А. Скорый предположил местное производство, исходя из большей схематичности и примитивности данных изображений по сравнению с бляшкой первого типа, отметив при этом отсутствие каких-либо аналогий данным изображениям в Северном Причерноморье.

К сказанному С. А. Скорым следует добавить, что грифоны из Перепятихи, при всем их сходстве с греко-ионийскими грифонами на Келермесском зеркале, более схематичны и гротескны и отличаются невнятно переданным незагнутым языком в полуприкрытой пасти, геометризированными ухом, холкой, шейной складкой и крылом, гипертрофированными лапами и кончиком хвоста. Вместо малопонятного для местных мастеров шишки-рога раннегреческих грифонов или завитка передневосточных грифонов на темени грифонов из Перепятихи изображен кружок — следствие геометризации образа в скифской среде. На пяти бляшках из девяти, представляющих все три выделенных С. А. Скорым типа, этот кружок был, очевидно, доработан и имеет округлое углубление, что создает впечатление кольцевидного завитка, который в совокупности с глазом грифона может трактоваться как птичья головка клювом вверх, т. е. как следствие характерного для скифского искусства приема зооморфной трансформации.

Апалогии и хропология. Грифоны из Перепятихи, скорее всего, созданы под влиянием полнофигурных изображений грифонов в искусстве греческой архаики. В сходной позе с грифоном из Перепятихи представлен грифон с детенышем, вычеканенный на известной бронзовой пластине из Олимпии (Marunti, Rudenko, Manganaro, 1960.

---

[1] Как указывает С. А. Скорый, сведения о точном количестве бляшек противоречивы. С. А. Скорый опубликовал 1 серебряную и 8 золотых бляшек, хранящиеся в Музее исторических драгоценностей Украины, отметив при этом, что сам исследователь кургана Перепятиха Н. Д. Иванишев первоначально насчитывал 24 золотых бляшки, в Каталоге выставки III Археологического съезда содержатся сведения о 15 золотых бляшках, в Каталоге выставки XI Археологического съезда — о 12 золотых бляшках (Скорий, 1990. С. 38–43, фото 7, 1; 7, 2–5, 8, 1–4).

P. 1056–1063. Fig. 1346). Здесь также весьма вероятно влияние греческой вазописи VII в. до н. э., на что уже указывал С. А. Скорый (Скорий, 1990. Рис. 10: 2) — ср., в частности, грифонов на знаменитой ойнохое Леви (Кисель, 2003. С. 54. Рис. 51), геральдических грифонов у священного древа на коринфской вазе (Frankfort, 1939. P. 311–313. Fig. 113) и, особенно, изображенную на вазе того же круга птицу-грифа (А) с закрученным вперед хохолком на месте шишки-рога (Furtw ngler, 1886–1890. Sp. 1762, abb.). Этот хохолок аналогичен вышеупомянутому кольцевидному завитку на темени некоторых перепятихинских грифонов, с одной стороны, и завитку на темени более ранних хеттских монстров — с другой. Последняя аналогия позволяет допускать прямую преемственность изображений из Перепятихи по отношению к передневосточной традиции (ср. луристанскую аналогию, приводимую С. А. Скорым (Скорый, 1990. Рис. 10: 3), с учетом не раз отмечавшегося непосредственного влияния хеттского монументального искусства на иконографию протокоринфских ваз (Frankfort, 1939. P. 311–312). Не случайно А. И. Шкурко склонен относить перепятихинские изображения к типу ориентализирующего, а не раннегреческого грифона (Шкурко, 1982. С. 3).

Хропология. Курган Перепятиха ранее, как правило, относили к VI в. до н. э. (Скорий, 1990. С. 67. Табл. 2)[1], но С. А. Скорый датировал его второй пол. VII в. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989. С. 32, 141, 258–259; Скорий, 1990. С. 66–68; Скорый, 2003. С. 34, 121), что подтверждается, как мы видели, иконографическими параллелями.

Группа III – отдел II
Тип III-II-1 Кужорский,
первая — третья четв. IV в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Прикубанья, — на щитке бронзового псалия из кургана 1 у ст. Кужорской (1). Это трансформация рогов оленя, объемная головка которого оформляет стержень данного псалия (см. выше обособленные головы оленей, тип 6 Кужорский).

В целом щиток псалия выполнен в виде односторонних осесимметричных пышных рогов оленя, направленных вверх и трансформированных в сдвоенные фигуры грифонов, упирающихся раскрытыми ртами в собственные крылья. При этом в качестве передних рогов оленя выступают нижние части хвостов этих грифонов, а вся остальная часть грифоньих тел играет роль задних рогов оленя. Моделировка плоскостная, контуры всех внутренних деталей в изображениях на щитке образованы либо прорезями, либо (на плоскости) углубленными линиями.

Грифоны представлены в строго профильном ракурсе. Они предстоят или предлежат друг другу и примыкают друг к другу шеями и (частично) ногами. Головы обращены назад, в противоположные стороны. Грифоны крутолобые, с преувеличенными каплевидными глазами, обведенными двойным контуром, с отходящей назад дуговидной слезницей. Внешние контуры фигур дублированы линией. Кроме того, линией отграничена верхняя часть головы с глазом и ноздрей. Уши не обозначены. Контур ноздри обозначен округлым завитком. Пасть широко открыта, ее окончания упираются в крыло грифона. Зубы имитированы рифленой полосой вдоль края пасти. Завершение нижней челюсти отогнуто вниз, отчего она приобретает сходство с клювом, а подбородок обозначен невысоким треугольным выступом в основании нижней челюсти.

Геометризированная лопаточно-плечевая часть слита с рудиментарной, крайне схематизированной передней ногой, отходящей назад. Это сочетание отображено в пределах плоскости туловища грифона и отграничено от шеи, с одной стороны, и от живота — с другой — двойной ломаной линией с завитком на конце. При этом плечо и нога чуть выступают за нижний край туловища.

Крылья грифонов узкие и имеют Г-образные очертания за счет того, что переламываются под прямым углом после короткой плечевой зоны, перпендикулярной спине. Соответствующие перья показаны в виде сегментовидных чешуек, образующих продольные ряды, четко разграниченные на плечевую и перпендикулярную ей маховую часть. Окончания крыльев упираются в окончания хвостов грифонов.

Задние ноги грифонов показаны в различном положении. Нога левого от зрителя грифона показана почти прямой, перпендикулярной туловищу. Нога завершается тремя преувеличенными когтями, два из которых загнуты назад, а задний — вперед. Эти когти упираются в подхвостье грифона, помещенного справа. Задняя нога правого грифона также отходит перпендикулярно от туловища, но затем при переходе в ступню изгибается вверх или вперед. Преувеличенная ступня, имеющая всего один коготь, перпендикулярный ступне, подпирает живот данного грифона и зажата между окончаниями передних ног грифонов. Пятка данной ступни отграничена двумя дуговидными линиями. Кроме того, вся ступня в целом, включая коготь,

[1] Возможно, именно завышенная датировка послужила причиной соотнесения А. И. Шкурко грифонов из Перепятихи с ахеменидской иконографией (Шкурко, 1982. С. 3), что, на наш взгляд, не имеет серьезных оснований и не подкрепляется аналогиями.

превращена в шею и голову хищной птицы. Роль шеи птицы здесь выполняет собственно ступня/лапа до когтя, глаз отграничен дуговидной линией в основании когтя, а сам коготь играет одновременно роль загнутого клюва, причем восковица этого клюва образована треугольником, примыкающим к глазу птицы, тогда как рот обозначен дуговидной линией.

Хвосты грифонов направлены от вершины крупа вниз или назад (основание хвоста левого грифона обозначено треугольником), затем у лба оленя хвосты выгибаются в обратную сторону, причем их окончания превращаются в голову хищной птицы с овальным глазом, спирально закрученным клювом и восковицей, отделенной от клюва специальной линией (восковица птицы на хвосте левого грифона, кроме того, немного выступает в профиле над поверхностью клюва).

Аналогии и хропология. Ближайщую аналогию составляет псалий из кургана 1 станицы Кужорской (конская могила, уздечный набор 4) с головой оленя, рога которого трактованы в виде стилистически тождественных хищников, грызущих собственные передние лапы (см. полнофигурные изображения хищников, тип I-1-Б-I-2 Кужорский).

Ранее, при характеристике изображений хищников, уже указывалось, что соответствующие изображения из кургана 1 у ст. Кужорской, относящиеся к разным типам, датируются в рамках первой — третьей четв. IV в. до н. э. на основании стилистических и иконографических аналогий с более надежно датированными елизаветинскими комплексами (Елизаветинские курганы, курган 4/1913 г., или Южный, датируемый первой четв. IV в. до н. э., и курган 7/1917 г., датируемый третьей четв. IV в. до н. э.), к которым относятся изображения смежного Елизаветинско-кужорского типа (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Таким образом, хронологические рамки данного типа: сер. — третья четв. IV в. до н. э.

Тип III-II-2 Аксютипецко-беловский,
третья четв. — сер. V в. до п. э.

К данному типу относятся 2 изображения из Среднего Поднепровья (1) и Среднего Подонья (2). Они оформляют бронзовые уздечные бляхи.

Модель типа. Представлен бескрылый рогатый клювоголовый грифон. Изображение рельефное, одностороннее, с использованием прорезей. Грифоны представлены с приподнятым задом, опирающимся на почти прямые сближенные ноги, согнутые в лапах, с опущенной до земли грудной частью и подложенными передними ногами, с изогнутой назад шеей, с повернутой назад головой, противонаправленной туловищу и опирающейся клювом на лопатку, с единственным рогом, отходящим от темени или от глазной части назад и упирающимся в спину[1].

Изображения крайне лаконичные и достаточно схематичные. Грифоны крутолобые, коротко-клювые. Надклювье загнутое, подклювье почти прямое, напоминает челюсть кошачьего хищника. Пасть подковообразная, приоткрытая, рот показан впадиной. Ухо намечено выступом, овально-подтреугольное, с углублением раковины. Глаз среднего размера, округлый (выпуклость зеницы в обрамлении рельефной глазницы). Голова отделена от шеи желобком (1) или уступом под скулой (2). Объемность шеи подчеркнута продольным ребром плоскостей, подчеркивающим кожно-шерстную складку над шеей. Рог прямой, тонкий, на конце закручивающийся назад. Лопатка рельефная гладкая, сегментовидная, с вписанной в нее «малой лопаткой» — суставом плеча. Туловище плавно переходит в заднюю часть, тазобедренный сустав обозначен выемкой. Ноги схематичные, тонкие, в беловском изображении — без демонстрации пальцев (2), в аксютинецком пальцы показаны двумя валиками на каждой лапе, причем к задней ноге в этом изображении примыкает валик, возможно, возникший вследствие брака при отливке (1). От низа живота зверя отходит волнообразный тонкий отросток, то ли имитирующий самцовый половой орган, то ли (менее вероятно) возникший как технологический элемент в ходе отливки. Хвост отходит назад от зада, он короткий веероообразный (состоит из треугольных зубчиков).

Хропология. Основу хронологии данного типа составляет аксютинецкое изображение, которое датируется по объективным показателям третьей четв. — сер. V в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов). Почти тождественное ему беловское изображение должно датироваться аналогично.

Тип III-II-3 Солохский,
400–375 гг. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Нижнего Поднепровья. Оно оформляет золотую обкладку ножен меча из Бокового погребения Солохи (1).

---

[1] К данному тіпу композіціонно прімыкают ізобра-жения на бронзовых бляхах и концах бронзовых псалі-ев уздечного набора із Верхнеднепровского уезда, опу-бліkованного Ханенко (Древності Прідднепровья, 1900. Табл. XLI, № 334, фото в центре и внізу) (в это набор вхо-дят и рассмотренные выше «оленекозлы», рога которых трансформіpованы аналогічнымі головкамі). Однако данные ізображения представляются совершенно десе-мантізіpованнымі и поэтому не рассматpіваются в дан-ной работе и не учітываются в общей статістіке.

Представлено синкретическое существо, в целом отвечающее нормам иконографии кошачьего хищника, но наделенное при этом четким гребнем рептилии и ухом копытного или волчьего хищника, с хвостом волчьего хищника, т. е. перед нами нечто вроде позднегреческого грифона, при этом лишенного птичьих элементов — крыльев и клюва.

Изображение моделировано в высоком рельефе. Грифон показан в S-видной композиции, со всеми четырьмя ногами, с приподнятым задом, с опущенной до земли грудной частью, с изогнутой назад шеей, с повернутой назад головой, опущенной вертикально и опирающейся мордой на лопатку. Задние ноги находятся в широком низком шаге, левая перед правой (лапа левой ноги упирается в суставы согнутых передних ног), передние ноги согнуты под острым углом и ориентированы предплечьем и кистью вперед, правая над левой.

Грифон отображен относительно схематично, но четко. Голова практически сведена к трем компонентам — глазу, носу и пасти. Пасть подковообразная, широко открытая, рельефными полосками обозначены клыки, края рта выделены валиком, в подбородочной части переходящим в треугольное расширение с продольным рифлением (подбородок и щека). Над верхней губой с помощью рельефных полос отображены складки кожи. Глаз преувеличенный сегментовидный, упирается в край рта, образован выпуклостью в треугольном углублении, углом назад, обозначающим слезник. Ухо практически исходит из глаза, направлено горизонтально, прилегает к шее, оно листовидно-ромбическое, удлиненное, с продольным рифлением раковины, напоминающее ухо в трактовке копытных в скифском искусстве (ср. уши многих оленей Завадско-акмечетского типа и изображения обособленных ушей копытных). Голова переходит в шею уступом, шея гладкая, мощная, складывается из двух плоскостей, разделенных ребром (отображение мускулов). Вдоль внешнего края шеи практически по всей длине от уха до лопатки проходит широкий рельефный гребень с крупным поперечным рифлением. Лопатка рельефно обособлена и отграничена валиком, имеет форму полуовала и содержит в выемке валиковидную «малую лопатку» — отображение плеча.

Треугольный участок туловища за лопаткой заполнен горизонтальными валиками, имитирующими ребра. Туловище широкое в грудной части и поджарое у бедра, что свойственно экстерьеру льва в природе. Оно разделено продольным ребром плоскостей, подчеркивающим мускулы, тазобедренная часть акцентирована полуовальной впадиной. Мускулы ног подчеркнуты углубленными линиями, идущими вдоль заднего края ноги. Рельефно переданы крупные пальцы. Хвост короткий, мощный, располагается прямо вдоль отходящей назад задней ноги, чуть загибаясь на конце вверх.

Хропология. Боковое погребение Солохи имеет объективную датировку (см. Список опорных хроноиндикаторов) — 400–375 гг. до н. э.

§ 3. Редуцированные изображения грифонов

3.1. Головы (в том числе с шеями)

Тип 1 Грищепецко-ольвийский, копец VI —V в. до п. э.

К данному типу относятся 6 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1–3), Нижнего Поднепровья (4), Побужья (5) и Крыма (6). Это головы, оформляющие бронзовые уздечные бляхи.

Модель типа. Представлены головы монстров с мордой, похожей на морду кошачьего хищника (ср. головы хищников типа 2 Нимфейско-журовский), но с клювовидно загнутой верхней челюстью и хохолком-гребнем на темени, что в сочетании с элементами анатомии кошачьих как раз и составляет иконографические признаки грифона; в одном случае (1) сходство с птицей дополнительно подчеркнуто присутствием восковицы, край которой уступом переходит в клюв, а сходство с хищным зверем — наличием зубов. Изображения моделированы в одностороннем рельефе, ракурс строго профильный.

Грифон показан с широко раскрытой пастью, чаще беззубой, но в одном случае с редкими треугольными зубами (1). Пасть обрамлена подковообразным рельефным ободком, имитирующим складку рта. Рот замыкается ломаным языком, который исходит от нижней челюсти, переламывается под прямым или острым углом и упирается в верхнюю челюсть, иногда загибаясь внутрь окончания клюва (1, 3, 6); таким образом, язык занимает в композиции место, которое в изображениях хищников отдано крупным клыкам (ср. опять же тип 2 Нимфейско-журовский). Подбородок и скула моделированы более или менее отчетливыми выступами. Подбородок часто дополнительно акцентирован завитком (1) или изгибом (2, 4, 5). Глаз округлый или овальный, моделирован выпуклостью зеницы во впадине глазницы, от которой в одном случае вниз отходит треугольный слезник (1). Ухо грифона частично или полностью выступает за контур головы, отходит наискось вверх и назад. В основании головы рельефным выступом обозначена кожно-шерстная складка. Гребень моделирован рифленым выступом над глазом, иногда доходит от глаза до уха (1, 3). Кожно-шерстная складка в трех случаях отчетливо трансформирована в птичью голову, клюв которой направлен вверх и упирается в ухо (1, 5,

6), в остальных случаях можно говорить о рудиментарности данной трансформации.

Особенности трактовки конкретных изображений — см. в Каталоге.

Хропология Грищенецко-ольвийского типа определяется по объективно датируемым изображениям (см. Список опорных хроноиндикаторов) — журовскому (3) (конец VI — начало V в. до н. э.) и берестнягскому (2) (вторая пол. V в. до н. э.). Комплекс погр. 7 Грищенецкого могильника датирован В. Г. Петренко началом или первой пол. V в. до н. э. именно на основании бляхи с рассмотренным нами изображением (1) (Петренко, 1967. С. 92). Учитывая высокое качество данного изображения и его четкость, вполне возможно относить его к ранним изображениям изучаемого типа, что соответствует датировке В. Г. Петренко. Остальные изображения так или иначе иконографически сходны с вышеназванными и должны датироваться близким временем. Такая хронологическая позиция соответствует иконографической близости и явной вторичности данного типа по отношению к типу голов хищников 1 Нимфейско-журовский, датируемому в рамках VI–V вв. до н. э.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: конец VI — V в. до н. э.

Тип 2 Елизаветипский,
вторая — третья четв. IV в. до п. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Прикубанья и оформляющие щитки бронзовых псалиев (1–3).

Модель типа. Здесь представлены головы на длинных тонких шеях. Данные монстры наделены челюстями хищников, переходящими в птичьи клювы — это нечто среднее между кошачьим хищником и орлиноголовым грифоном позднегреческого типа. Моделировка плоскостная односторонняя, с оформлением деталей с помощью прорезей и углубленных линий.

Эти головы и шеи составляют элемент зооморфной трансформации. В одном случае голова зажата между двумя птичьими головами, вместе с которыми она трансформирует рога оленя, чья голова, в свою очередь, оформляет щиток псалия (1). Еще в двух случаях это элементы зооморфной трансформации птичьих лап, оформляющих щитки псалиев (2, 3), — превращение наименьшего пальца, в которое впивается кошачий хищник, трансформирующий предыдущий палец.

Два из трех монстров показаны с открытой пастью (1, 2), третий — с закрытой, с отсутствующей нижней челюстью, что придает ему сходство с птицей (3). Ноздри не обозначены. Клювовидные челюсти удлинены и загнуты, и в одном случае (1) нижняя челюсть превращена в дополнительную птичью головку, глаз которой имитирован волютообразным углублением, аналогичным завитком отграничена скула. В двух случаях (2, 3) четко показана восковица, отграниченная наискось углубленной линией от клюва и образующая выступ над надклювьем в контуре. Глаз монстра овальный, дополнительно маркирован лобным выступом. Он упрощенный, геометричный (2), в одном случае с отходящими от него углубленными линиями слезников (1). В одном случае рифленой полоской вдоль края пасти имитированы зубы (1). Ухо показано в одном случае (1), оно отходит вверх и назад, выполнено в виде трехлепестковой перевернутой пальметки, средний лепесток которой имитирует раковину.

Шеи монстров относительно тонкие, прямые или слабоизогнутые. Вдоль шеи по обоим краям (2, 3) или только по заднему краю (1) показана кожно-шерстная складка, моделированная полосой — гладкой или с поперечным рифлением.

Аналогии и хропология. Ближайшую стилистическую аналогию изображениям данного типа составляют головы хищников на тех же псалиях (тип 7 Елизаветинско-кужорский, IV в. до н. э., см. выше), трансформирующие остальные отростки оленьих рогов / птичьих лап. С учетом этой датировки следует определять и хронологию Елизаветинского типа, причем объективно устанавливаемая (см. Список опорных хроноиндикаторов) дата елизаветинского изображения (2) (третья четв. IV в. до н. э.) не противоречит этому. Изображение из Краснодарского музея (3) очень близко елизаветинскому. Наконец, псалии из погр. 39 у хут. Прикубанского (1) по объективным показателям датируются в пределах второй — третьей четв. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тем самым дата Елизаветинского типа может быть определена как вторая — третья четв. IV в. до н. э.

Тип 3 Тепгипско-майкопский,
вторая пол. IV — пачало III в. до п. э.

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Прикубанья (1–4). Это изображения, оформляющие бронзовые наносники/налобники (2–4), а также бронзовое навершие (1), точнее, фрагмент этого навершия — верхнюю часть переднего отростка рогов обособленной головы оленя типа 6 Елизаветинско-тенгинский.

Модель типа. Представлены голова и шея (а в трех случаях еще и грудная часть — 2–4) грифона с сильно загнутым (на 180 или почти на 180 градусов) клювом хищной птицы, в одном случае — с ухом (1). Этот тип изображений находится на грани образов грифона и хищной птицы, при этом клюв здесь сочетается с короткой мощной

звериной челюстью, в которую он упирается своим изгибом и которая имеет характерный свисающий подбородок (в изображении на Тенгинском навершии (1) эта звериная челюсть превращена в дополнительную головку грифона или ушастой птицы). Таким образом, в изображениях данного типа грань между денотатом птицы и грифона перейдена в пользу последнего.

Изображения моделированы либо в одностороннем низком рельефе с доработкой деталей углубленными линиями (1), либо скульптурно (2–4), но в расчете преимущественно на профильный обзор, с использованием прорезей для моделировки деталей.

Голова перпендикулярна шее, шея в двух случаях плавно переходит в расширенную грудную часть (2, 3), еще в одном случае (4) грудь отделена от шеи горизонтальным валиком и преобразована в пальметку (возможно, это не грудь, а лапа). Изображения трактованы лаконично. Надклювье узкое и длинное. Рот обозначен прорезью. Восковица обозначена выступом над надклювьем, а на Тенгинском навершии (1) дополнительно отграничена волнистой линией по краю надклювья. Контуры верхней и нижней челюстей на Тенгинском навершии подчеркнуты углубленной линией. Глаза в изображениях на наносниках округлые (2–4), занимают все основное пространство головы, моделированы выпуклостью зеницы в углублении глазницы, тогда как на Тенгинском навершии глаз овальный, с завитком-слезницей, сформирован углубленной линией. Ухо грифона на Тенгинском навершии выступает в профиле над его лобно-теменной частью и моделировано трехлепестковой пальметкой, элементы которой образованы углубленными линиями. Шея грифонов на наносниках короткая трапециевидная (2–4), на Тенгинском навершии — прямоугольная, обрамлена вдоль верхнего и нижнего контура рифлеными полосами, образованными углубленными линиями и, возможно, маркирующими шерстную складку на шее.

Апалогии и хропология. Тенгинско-майкопский тип композиционно соответствует, с одной стороны, описываемым ниже типам погрудных изображений грифона — Носакинско-кужорскому (вторая пол. V — IV вв. до н. э.) и Корнеевско-будковскому (V–IV вв. до н. э.), с другой — вышеописанному Цимбальско-будковскому типу погрудных изображений птиц (сер. V — IV в. до н. э.). Тенгинско-майкопский тип представляется прикубанской репликой этих более массовых и широко распространенных типов — дериватом, в котором почти утрачена грань между образами грифона и птицы.

По объективным показателям тенгинские изображения, составляющие основу данного типа (см. Список опорных хроноиндикаторов), датируются второй пол. IV — началом III в. до н. э. Майкопское изображение (4) может датироваться в тех же рамках, но с тяготением к началу этого периода, с учетом его высокого качества и попытки передать лапу грифона.

Таким образом, хронологические рамки данного типа — вторая пол. IV — начало III в. до н. э.

Тип 4 Дуровско-майкопский, вторая пол. IV — первая пол. III в. до п. э.

К данному типу относятся 5 изображений, происходящих с территории Среднего Подонья (1), Прикубанья (2, 3, 5) и Крыма (4). Это изображения, оформляющие бронзовые наносники/налобники.

Модель типа. Представлены голова, шея и рудиментарная грудная часть (в одном случае — грудная часть и передние ноги) грифоноподобного существа — с мордой зверя и знаком гребня на шее — вероятная модификация орлиноголового грифона позднегреческого типа, контаминированного с местными образами копытных или хищников.

Изображения двусторонне-рельефные, рассчитанные преимущественно на боковой обзор, моделированы с использованием сквозных отверстий. Центром симметрии является преувеличенный глаз. Животное представлено с дуговндно изогнутой шеей, перпендикулярной груди, голова продолжает изгиб шеи и упирается нижней челюстью в грудь.

Изображения трактованы крайне лаконично. По сути, голова образована огромным глазом и примыкающей к нему носовой частью (исключение — одно из изображений из «Майкопского клада» (5), в котором голова проработана более подробно: показана квадратная морда с выделенным носовым выступом). Глаз моделирован округлой выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Нос и пасть с сомкнутыми челюстями моделированы единой рельефной S-видной полосой, ноздря обозначена углублением. Уши непосредственно примыкают к глазу, они маленькие, овальные, со впадиной раковины. Шея мощная (1, 2, 5) или тонкая (3, 4), с валиком вдоль задней стороны (обозначение шерсти?) и с выступающими одним или двумя зубцам, очевидно, обозначающими грифоний гребень. Грудная часть моделирована валиком, исключая одно из изображений из «Майкопского клада» (5), в котором грудная часть переходит в две передние ноги, согнутые под прямым углом и завершающиеся смыкающимися схематичными лапами, перпендикулярными пясти.

Апалогии и хропология. Ближайшую морфологическую аналогию данному типу составляют изображения «оленекозла» — мотива, прикубанского по происхождению, оформляющего такие же бронзовые наносники/налобники. Дуровско-майкопский тип — дериват и переосмысление темы

«оленекозла», следствие гипертрофирования рога «оленекозла» и исчезновения его головы в ходе тиражирования и подражаний. Таким образом, Дуровско-майкопский тип не мог появиться ранее возникновения образа «оленекозла», представленного единственным Елизаветинско-тенгинским типом, второй пол. IV в. до н. э. Этому не противоречит объективная датировка дуровского изображения (1) (см. Список опорных хроноиндикаторов) второй пол. IV — первой пол. III в. до н. э. Аналогично должно датироваться и одно из майкопских изображений (2), практически тождественное дуровскому, тогда как еще одно майкопское изображение (3) и очень сходное с ним изображение из «Крымской коллекции» (4) представляются подражаниями дуровскому и первому из майкопских, соответственно, они должны датироваться близким временем. Еще одно майкопское изображение (5) представляется боковым, тупиковым ответвлением в развитии данного типа.

Таким образом, хронологические рамки типа: вторая пол. IV — первая пол. III в. до н. э.

3.2. Протомы и погрудные изображения

Тип 1 Новозаведепско-келермесский, вторая пол. VII в. до п. э.

К данному типу относятся 5 изображений, происходящих с территории Ставрополья (1), Прикубанья (2–4) и неизвестного происхождения, но скорее всего, прикубанского или ставропольского (5). Все эти изображения оформляют бронзовые навершия с бубенцом.

Модель типа. Представлен монстр, в принципе соответствующий канону грифона раннегреческого типа, но при этом лишь новозаведенское изображение (1) содержит все атрибуты, предусмотренные данным каноном (открытая клювовидная пасть, высунутый язык, вертикально торчащие длинные острые уши, напоминающие уши хищников семейства волчьих, шишковидный выступ на темени и кожно-шерстная складка в основании головы).

Изображения скульптурные, моделированы сходящимися плоскостями, рассчитаны на круговой обзор. Бубенец наверший плавно (2–4) или через рифленый поперечный валик (1, 5) перерастает в короткую, иногда почти не выраженную (4) шею, увенчанную перпендикулярной ей головой.

Изображения трактованы лаконично. Морда клювоообразная, надклювье мощное, дуговидно изогнутое, продольно разделенное ребром плоскостей, подклювье короче надклювья, в говердовском изображении изломано под прямым углом (4). Рот открыт, во рту четко моделирован скульптурный язык: он прогнут вверх (в говердовском изображении — выгнут) и касается (1, 4, 5) или почти касается (2, 3) нёба. Край рта маркирован валиком (исключение — говердовское изображение). Глаза грифонов крупные округлые (1) или овальные (2, 3, 5), моделированы выпуклостью зеницы в обрамлении рельефной глазницы; лишь в говердовском изображении глаза не показаны (4). Уши преувеличенные, удлиненно-овальные, заостренные, развернуты вперед (1, 5) или в стороны (2, 3), ушные раковины имитированы углублениями; лишь в говердовском изображении уши не показаны. Уши продолжаются на шее и под подбородком в виде валика, имитирующего шерстную складку (1–3, 5). Между ушами на темени новозаведенских грифонов (1) помещен шишковидный выступ.

Морфологическая динамика в рамках данного типа, очевидно, состоит в упрощении этого образа — в утрате сначала шишковидного выступа на темени, а затем и торчащих ушей. Так, если у грифонов на новозаведенских навершиях данный выступ отображен достаточно четко, то у келермесского (2) и майкопского (3) грифонов, равно как и у грифона неизвестного происхождения (5) он отсутствует. Монстр на говердовском навершии, лишенный не только выступа, но и ушей (не прослеживаются даже глаза), вероятно, замыкает реконструируемый эволюционный ряд и образует своего рода иконографический тупик. Единственным признаком, который сигнализирует о связи данного изображения с каноном раннегреческого грифона, является трактовка клюва и языка, причем даже язык уже не прогнут, как требует канон, а выгнут и упирается в завершение геометризированного подклювья. В остальном же говердовское изображение скорее соответствует уже канонам не грифона, а хищной птицы.

Хропология. Основу хронологии данного типа составляют объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов): из кургана 3/Ш Келермесского могильника (2) (вторая пол. VII в. до н. э.) и кургана 1 у хут. Говердовский (4) (вторая пол. VII в. до н. э.). Изображение из кургана 8 могильника Новозаведенное-II (1), как эталонное для данного келермесского и говердовского изображений, должно датироваться в сходных рамках, во всяком случае, не позже. Остальные изображения в силу их морфологического сходства могут датироваться в тех же пределах.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: вторая пол. VII в. до н. э.

Тип 2 Носакипско-кужорский, вторая пол. V— IV вв. до п. э.

К данному типу относятся 6 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1, 2), Среднего Поднепровья (3), Прикубанья (4, 5) и Крыма (6). Это изображения, оформляющие уздечные наносники/налобники — бронзовые (2, 4,

6), серебряный (3) и серебряный с золотой плакировкой (1), а также бронзовые псалии (5).

Модель типа. Представлен орлиноголовый грифон позднегреческого типа — с клювом хищной птицы, с ушами и гребнем, с туловищем зверя и, в одном случае (1), с ногами хищника. Грифон здесь отображен с разной степенью редуцированности — либо погрудно (2, 3, 4, 6), либо погрудно с вытянутыми вперед передними ногами — в виде протомы (1), либо погрудно с рудиментарным безногим туловищем (5).

Изображения моделированы скульптурно, но в расчете преимущественно на профильный обзор. Шея перпендикулярна груди (может быть немного согнута вперед — 4), голова перпендикулярна шее и, соответственно, горизонтальна (1–3, 5), полуопущена (4) или приподнята (6). Уши отходят вверх перпендикулярно темени.

Анатомические детали трактованы достаточно подробно, но с большой условностью в сравнении с греческими образцами. Клюв мощный, он чаще раскрыт (1, 4–6), реже сомкнут (2, 3). Надклювье загнуто под прямым углом, подклювье прямое, надклювье длиннее подклювья.

Глаза среднего размера, моделированы выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Они близки натуре — глазница овальная, зеница округлая и соответственно оставлено пространство для слезниц; в ольвийском изображении (2), кроме того, рельефно показаны бровные дуги, вполне в духе античной традиции. Исключение составляет старинский грифон (3) с условными округлыми глазами без слезников. Уши натуралистичные, остроконечные, овально-подтреугольные или треугольные, имеют четкую впадину раковины. Они обращены фронтально вперед, лишь в старинском изображении развернуты в профиль (3). Гребень рельефный, редкозубый.

Особенности трактовки конкретных изображений — см. в Каталоге.

Апалогии и хропология. Основу хронологии данного типа составляют изображения из таких объективно датируемых комплексов, как курган 4 могильника Носаки (1) (вторая пол. IV в. до н. э.) и курган 5 Уляпского могильника (5) (первая пол. IV в. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов). Кроме того, кужорские изображения на наноснике (4) по композиции, трактовке деталей и технике моделировки демонстрируют подражание местными мастерами таким вполне греческим изображениям, как головы — золотые украшений саркофага из кургана Большая Близница, датируемого серединой — второй пол. IV в. до н. э. (Minns, 1913. Fig. 318; Артамонов, 1966б. С. 74. Табл. 312). Значительное морфологическое сходство с данными изображениями имеет грифон на налобнике из Ольвийской хоры (2), но при этом его публикаторы полагают, что «четкая форма пальметки позволяет датировать изделие не позднее V в. до н. э.» (Островерхов, Охотников, 1989. С. 59). Очевидно, если и относить ольвийское изображение к V в. до н. э., следует его датировать не ранее второй половины этого столетия. Изображение из Старинской птицефабрики (3), весьма сходное с носакинским и из Ольвийской хоры (1, 2), но более упрощенное (клюв сомкнут, гребень рудиментарен), не может датироваться ранее их.

Таким образом, вероятные хронологические рамки данного типа — вторая пол. V — IV вв. до н. э.

Тип 3 Корпеевско-будковский, V–IV вв. до п. э.

К данному типу относятся 11 изображений, происходящих в основном с территории Среднего Поднепровья (2–10), а также из Нижнего Поднепровья (1) и Прикубанья (11). Это изображения, оформляющие бронзовые уздечные наносники/налобники[1] (1–11) и, в одном случае, — бронзовую уздечную бляху (12).

Модель типа. Представлены голова, шея и грудь некоего существа с клювом хищной птицы или клювообразной мордой, с ушами, с гребнем на голове и/или на шее, что в общем соответствует иконографии грифона позднегреческого типа (в двух случаях гребень отсутствует — 10, 12). Изображения моделированы скульптурно, но в расчете преимущественно на профильный обзор.

Шея перпендикулярпа груди (может быть немного приподнята — 3, 4), голова перпендикулярна шее (также может быть немного приподнята — 1, 3, 4) и, соответственно, параллельна груди. Большинство изображений (1–7), возможно, содержат схематичное воспроизведение сдвоенных передних лап при помощи продольного рифления грудной части (возможна и другая версия: это имитация шерсти).

Анатомические детали трактованы схематично. Клюв короткий, он чаще раскрыт (1–8, 10, 11), в одном лишь случае сомкнут (9). У грифонов с открытым клювом надклювье загнутое или закрученное, подклювье прямое или отогнуто вниз. Глаза, как

---

[1] К данному типу примыкают, но не включаются в его состав и соответственно не учитываются нами в рамках общей статистики изображения, абсолютно лишенные видовой определенности — на бронзовых налобниках/наносниках из могильника Криволиманский, курган 20, погр. 2 (Прохорова, 1987. Рис. 2: 6), из Острой могилы (Яценко, 1956. Рис. 5–б), из кургана 2 у с. Аксютинцы (1883–1885 гг.) (Могилов, 2008. Рис. 167: 16) и из кургана Вакулина могила (Могилов, 2008. Рис. 167: 17). Эти изображения находятся на границе образов птицы, хищника и грифона.

правило, преувеличенные и занимают основное пространство головы вне клюва, они моделированы выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Уши направлены вверх, вертикально или наискось вперед (в одном случае ухо рудиментарное, слито с гребнем, но его выступ просматривается — 1). Все уши, за исключением рудиментарного (1), имеют впадину раковины. Гребень рельефный, редкозубый. Шея усеченно-коническая, гладкая (не считая гребня), плавно переходит в грудь.

В рамках данного типа мы наблюдаем, как в ходе постоянного тиражирования в варварской среде канона грифона позднегреческого типа, столь четко реализуемого в вышеописанных изображениях типа 2 (Носакинско-кужорский), имеет место либо общая схематизация (1, 9), либо неуклонное изживание грифоньих признаков — атрофирование гребня (1–9), вплоть до его исчезновения вследствие слияния с ухом (10, 11), дробление и модификация клюва (2–10) упрощение и аморфизация клюва (9).

Особенности трактовки конкретных изображений — см. в Каталоге.

Хропология. Основу хронологии данного типа составляют объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов): из Боковой гробницы Скифской могилы (8) (ее уздечные комплекты как таковые датируются в рамках всего V в. до н. э.) и из Корнеевки, курган 2, погр. 3 (1) (последняя четв. V в. до н. э.). Остальные изображения, подражающие характерному для V–IV вв. до н. э. типу позднегреческого грифона, должны датироваться в этих хронологических рамках.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: V–IV вв. до н. э.

Тип 4 Уляпский,
вторая пол. IV в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Прикубанья и оформляющее бронзовый налобник из 8-го Уляпского кургана (1).

Представлена протома короткоухого короткоголового хищника (т. е. семейства кошачьих) с раскрытой пастью, верхняя челюсть которого в сочетании с треугольным верхним клыком имеет весьма значительное сходство с клювом; это заставляет допускать, что мастер стремился изобразить здесь не столько кошачьего хищника, сколько грифона. Вместе с тем данное изображение в отношении моделировки, общей композиции и трактовки анатомических деталей аналогично полнофигурному объемному изображению лежащего кошачьего хищника с обращенной назад головой, оформляющего выпуклый ажурный конский налобник второй пол. IV в. до н. э. из кургана 1 станицы Кужорской (см. полнофигурные изображения хищников, тип I-4-II-1 Кужорский, первой — третьей четв. IV в. до н. э.). И, судя по размещению рудиментов передних ног на уляпской протоме, соответствующих ногам этого кужорского зверя, уляпский хищник также показан с повернутой назад головой, сливающейся подбородком с выступом спины. Моделировка скульптурная, рассчитанная на трехмерное обозрение.

Зверь наделен преувеличенной головой с прорезью в нижней челюсти. Глаза преувеличенные округлые, концентрические, выступ зеницы помещен в рельефный поясок глазницы. Лобно-теменная часть крутая, носовая часть практически не выделена, что придает верхней части головы форму полушария. Ноздревые отверстия не обозначены. Пасть широко раскрыта. Края пасти обозначены рельефными полосами. От края пасти отходят преувеличенные треугольные зубы — один верхний и три нижних. Мощный подбородочный выступ сливается с поверхностью спины. Уши отходят вверх перпендикулярно голове и развернуты в стороны, они крупные, треугольные, остроконечные, со впадиной раковины с рельефным завитком внутри (имитация шерсти). Голова плавно переходит в чуть изогнутую тонкую цилиндрическую шею, чуть расширяющуюся к основанию. Лопатка обозначена выступом. Ноги рудиментарны.

Хропология. По объективным показателям комплекс кургана 8 Уляпского могильника датируется второй пол. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тип 5 Солохский,
400–375 гг. до п. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья. Они оформляют бронзовые обложенные золотом наносники из Бокового погребения Солохи (1, 2).

Модель типа. Это погрудные изображения львиноголового грифона с явным гребнем рептилии (1) или с гривой, напоминающей одновременно грифоний гребень (2). Изображения моделированы в двустороннем рельефе, строго профильно, в расчете на боковой обзор.

Шея перпендикулярна груди, голова перпендикулярна шее и, соответственно, параллельна груди. Уши направлены вперед, продолжая линию шеи. Голова трапециевидная, морда короткая, характерная для кошачьего хищника. Пасть раскрыта, замыкается рельефными клыками, нижний клык охватывает верхний. Нос может быть гладким (1), может иметь рельефные складки (2), типичные для льва. Край пасти маркирован валиком.

Глаз овальный (1) или округлый (2), моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы.

Уши короткие подтреугольные, свойственные кошачьим хищникам. Шея трапециевидная, гладкая (не считая гребня), плавно переходит в грудную часть. Гребень упирается в ухо, отделен от шеи желобком, он рельефный, редкозубый (всего три зуба), в одном случае выступы крупные, по форме и размеру аналогичные уху данного зверя (1), в другом случае гребень низкий и может трактоваться и как грива льва (2). В основании грудной части продольным рифлением показана шерсть или же намечена лапа.

Хронология. По объективным показателям комплекс Бокового погребения Солохи датируется 400–375 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тип 6 Гаймановско-солохский, 400–320 гг. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья. Они оформляют бронзовый обложенный золотом налобник из бокового погребения Солохи (2) и золотой налобник/наносник из двух половинок — обкладок деревянной основы, происходящий из центральной гробницы Гаймановой могилы (1).

Модель типа. Это погрудное изображение львиноголового грифона с козлиными/бычьими рогами, а в гаймановском изображении, кроме того, содержится и гребень рептилии. Возможно, это попытка передать облик львиноголового грифона ахеменидского типа с рогами. Изображения моделированы в двустороннем рельефе, в расчете преимущественно на боковой обзор.

Шея перпендикулярна груди, голова перпендикулярна шее и, соответственно, параллельна груди. Уши отходят назад, противонаправленно морде. Голова трапециевидная, морда короткая, характерная для кошачьего хищника. Пасть приоткрыта, замыкается узкими рельефными клыками. Ноздри показаны каплевидной впадиной по бокам морды (1) или впадиной в ее фасе (2). Край пасти в гаймановском изображении маркирован валиком. Глаз овальный (1), он моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы с выступающими каналами слезников, или округлый, моделированный аналогично (2).

Уши длинные, узкие, листовидные, со впадиной раковины. На уши опираются, почти сливаясь с ними, короткие рога, скорее бычьи, возможно, козлиные; в солохском изображении они оканчиваются шариками (2). Шея трапециевидная, плавно переходит в грудную часть. Гребень, показанный в гаймановском изображении, упирается в ухо, отделен от шеи желобком, он рельефный, редкозубый, выступы крупные (всего два треугольных зуба). В основании грудной части солохского налобника помещена рельефная 7-лепестковая пальметка (передача львиной шерсти на груди или же обозначение лапы).

Хронология. По объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) комплекс Бокового погребения Солохи датируется 400–375 гг. до н. э., комплекс Гаймановой могилы большинство авторов относит к 360–325/320 гг. до н. э., хотя ее Центральную гробницу С. В. Полин датирует более ранним временем — 390–380 гг. до н. э.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: 400–320 гг. до н. э.

V.2. ОБРАЗ БАРАНОПТИЦЫ/ГРИФОБАРАНА

§ 1. Принципы идентификации образа

Синкретический образ бараноптицы, или грифобарана — одна из наиболее популярных тем раннескифского искусства звериного стиля (Рябкова, 2005. С. 46, 48, 55–57), «единственный устойчивый, оригинальный образ фантастического существа в раннескифском искусстве» (Шкурко, 1982. С. 3). Предложенный М. И. Артамоновым и поддержанный А. И. Шкурко термин «бараноптица» (Артамонов, 1968б. С. 34–35. Рис. 4–5; Шкурко, 1982. С. 3) представляется более правомерным, нежели широко распространенное в научной литературе понятие «грифобаран», первая часть которого связана с определенными нескифскими мифологическими концепциями, отраженными в античных письменных источниках, и с соответствующими научными построениями, что в нашем случае априорно вносит элемент смысловой интерпретации и адресует к строго определенному кругу иконографических аналогий. Между тем, как уже не раз отмечалось в литературе (Ильинская, 1965. С. 100–102; Шкурко, 1982. С. 3), грифон (комбинация двух основных компонентов — хищной птицы и кошачьего хищника, с возможными дополнениями элементов других животных) и бараноптица (комбинация хищной птицы и копытного) образуют в скифском искусстве независимые линии (хотя и пересекающиеся в своем развитии) — как в стилистическом, так и в семантическом отношении.

Необходимыми иконографическими признаками грифобарана/бараноптицы в научной литературе традиционно считаются загнутый или закрученный птичий клюв и U-образные бараньи рога, исходящие из двух близко расположенных точек на темени, затем расходящиеся в стороны вниз по поверхности головы, обрамляющие глаза снизу и проходящие перед глазами, почти смыкаясь на лбу. В некоторых случаях рога и иные детали бараноптицы могут быть зооморфно трансформированы (см. ниже).

Исходя из того что в большинстве случаев данный образ представлен редуцированно — мотивом головы, А. И. Шкурко затруднялся определить на основании материала, имевшегося в его распоряжении, с кем именно отождествлялась бараноптица в сознании древних — с «небесным летающим бараном или орлом с чертами овна» (Шкурко, 1982. С. 3). Между тем В. П. Андриенко однозначно трактует мотив головы бараноптицы как воплощение образа некоей рогатой царственной птицы (Андриенко, 1999. С. 22, 23). Однако в тех случаях, когда мы встречаемся с образом бараноптицы в полнофигурном воплощении — на псалиях (см. ниже), противоположные концы которых оформлены в виде головы и конечности животного и могут интерпретироваться как упрощенное воспроизведение всего животного (Полидович, 2004б. С. 209, 210), его «альфа и омега», мы обнаруживаем не птицу с бараньими рогами, а именно копытное животное с бараньими рогами и с птичьим клювом вместо морды.

Тема бараноптицы в скифском искусстве, как уже сказано, представлена в редуцированном отображении — в виде обособленной головы в сочетании с обособленной конечностью копытного, либо просто мотивом головы. Каждому из этих вариантов отображения бараноптицы соответствует один тип.

§ 2. Головы в сочетании с задними ногами или копытами — знаки полнофигурных бараноптиц

Тип 1 Новозаведепско-аксютипецкий, вторая четв. VII — сер. VI в. до н. э.

К данному типу относятся 16 оригинальных изображений, происходящих преимущественно с территории Среднего Поднепровья (3–9, 11, 14–16), а также Центрального Предкавказья (1, 2, 13) и Прикубанья (10). Все эти изображения оформляют элементы конского снаряжения — трехдырчатые костяные/роговые псалии (1–9, 12–16) и костяные насадки на деревянные псалии (10, 11)[1].

Модель типа. Изображения данного типа представляют голову и шею бараноптицы (верхняя часть псалия) и ногу бараноптицы (нижняя часть псалия). В результате мы наблюдаем обозначение бараноптицы с помощью ее головы и конечностей, это ее «альфа и омега». Как уже сказано, мы обнаруживаем при этом не птицу с бараньими рогами, а именно копытное животное с птичьим клювом и бараньими рогами. Моделировка объемная, но она рассчитана на профильное обозрение — как двустороннее, так и одностороннее.

Голова увенчивает длинную усеченно-коническую или цилиндрическую шею, при этом клюв горизонтален, реже немного приподнят (1, 2, 6). Клюв закручен (1–11, 13, 14, 16) реже загнут (12, 15). Надклювье может быть поперечно зарифлено овалами или квадратиками (3, 4). Линия рта чаще обозначена одним или двумя желобками, но может быть маркирована вписанной в клюв рудиментарной птичьей головкой, сонаправленной с клювом бараноптицы и состоящей из кружка-глаза (играющего одновременно роль ноздри бараноптицы) и длинного сегментовидного клюва (1, 2, 11).

Глаз нормальных пропорций, округлый, выпуклый, со впадиной зрачка в рельефных кольцах зеницы и глазницы; изредка глаз не обозначен (9, 13). Рога тонкие, рельефные, гладкие, восходят над поверхностью головы, в келермесском изображении (10) между рогами на темени показан выступ. Ухо — в тех случаях, когда оно имеется (1–4, 10, 11, 15), — плотно прилегает к шее, заходя на поверхность рога, показано со впадиной раковины; оно либо подтреугольное — миниатюрное (1–4) или средних размеров, изоморфное подошве копыта (15), либо же оно полуовальное (10) либо округлое (11). Шея слабо изогнута, чаще гладкая (3–6, 8–13) или с циркульными фигурами на боковой поверхности (7), но в ряде случаев на передней поверхности шеи и иногда еще и по бокам и по задней поверхности рельефно обозначена шерсть — елочной или горизонтальной или косой насечкой (1, 2, 14–16), причем эти насечки могут переходить в центральную зону псалия (1, 2) (имитация шерсти на брюхе?), а также на нижнюю часть псалия (1, 2) (имитация мохнатых ног бараноптицы?). Нога укороченная, завершается преувеличенным копытом, обозначенным при переходе от надкопытной части

---

[1] При подсчете в целях статистической точности были исключены фрагментированные изображения голов с сохранившимися бараньими рогами, но с утраченной передней частью, так как нельзя быть абсолютно уверенным, принадлежали ли они бараноптицам или же баранам. Это одна из костяных уздечных пронизей из кургана 2/В Келермесского могильника (Галанина, 1997. С. 240. Кат. 241. Табл. 22), завершение костяного псалия из кургана 6 могильника Новозаведенное-II (Петренко, Маслов, Канторович, 2006. С. 339. Рис. 4, 7 (верхний)) и костяное навершие псалия из кургана 10 могильника Новозаведенное-II. По той же причине здесь не учитывались изображения с недостаточным качеством воспроизведения птичьих черт или с преднамеренной иконографической «пограничностью». Имеются в виду одна из бронзовых пронизей-распределителей уздечных ремней из Захарейковой могилы (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980. Рис. 36: 2) и из Музея Метрополитен (Иванчик, 2001. Рис. 13); а также бронзовые псалии из кургана 1 у хутора Говердовского, раскопки А. А. Нехаева (Канторович, Эрлих, 2006. Кат. 53) и из кургана 12 могильника Нартан (Батчаев, 1985. Табл. 33: 30).

с помощью утолщения, а также иногда отделенным уступом (10, 11); в одном случае (10) четко оформлен рудиментарный палец. Три остальные копыта могут быть обозначены выступами «под брюхом» — сбоку от трех отверстий псалия, причем это могут быть как действительные копыта (1, 6, 14), так и выступы в виде солярного знака — «киммерийской розетки» (6). При этом копыта, в тех случаях, когда их подошва детализирована, всегда соответствуют морфологии лошадиного копыта — с V-образной выемкой в основании (1, 2, 10, 11, 13, 14). Иногда завершения рогов изоморфны подошве лошадиного копыта (9) (это опять-таки «альфа» и «омега»).

Морфологическая дипамика. Ядро Новозаведенско-аксютинецкого типа составляют насадки на псалии из кургана 1/В Келермесского могильника (10) и, особенно, изображения, оформляющие псалии из могильника Новозаведенное-II, курган 16 (1, 2), где образ представлен наиболее полно, отображены четыре копыта, по сути, обозначающие все четыре ноги животного, завитками или елочкой передана шерсть на шее, животе и ноге бараноптицы; в келермесском изображении показан рудиментарный палец над копытом. Именно в келермесских и новозаведенских изображениях тщательно проработаны все анатомические детали, клюв удлиненный, воспроизведено овальное ухо, в основном утрачиваемое в ходе тиражирования в Среднем Поднепровье. К этому иконографическому ядру примыкают также аксютинецкое, мельниковское и репяховатое изображения (по таким признакам, как оформление клюва и наличие уха) (3, 4, 11), а также бельское из Цариной могилы (14), передающее все четыре копыта. Остальные среднеднепровские изображения (5–9, 12, 15, 16), а также нартановское (13) демонстрируют тиражирование образа, в ходе которого искажается его иконография: исчезает ухо, порой и глаз (Нартан), клюв сливается с шеей и т. д.

Апалогии и хропология. Образ бараноптицы известен и в искусстве других регионов, так или иначе испытывавших влияние скифской культуры. Данный мотив присутствует на псалиях скифского типа — случайных находках в зоне «савроматской» культуры: головы бараноптицы изображены на двух трехпетельчатых бронзовых псалиях (Г), найденных в 1895 г. у станции Ртищево у г. Балашова на границе лесостепного Подонья и Поволжского Правобережья (ныне сохранился только один из них), а концы трехдырчатого рогового псалия (Д) из кургана у с. Рысайкино у г. Бугуруслана оформлены головой бараноптицы и копытом (Смирнов, 1961. С. 80, 81. Рис. 43, 12, 13; Смирнов, 1964. С. 216, 217. Рис. 77: 1, 2; 82: 10, 39; Чежина, 1987. С. 25–28. Рис. 1–3). Эти псалии датируются К. Ф. Смирновым концом VII — VI вв. до н. э. Ближайшие аналогии им он видит в Кармир-Блуре, Келермесе и Среднем Поднепровье и объясняет их появление в этих местах как импорт из лесостепного Приднепровья (опосредованно, через население Среднего Дона). При этом исследователь справедливо допускает в качестве прототипов ртищевских псалиев и северокавказские бронзовые псалии типа Фаскау (Галиат) (Смирнов, 1961. С. 80, 81). К. Ф. Смирнов считал возможным появление ртищевских и рысайкинского псалиев в самой савроматской среде вследствие заимствования образа бараноптицы из скифской культуры, тогда как Е. Ф. Королькова (Чежина) однозначно расценивает эти псалии как импорт из лесостепного Приднепровья — зоны наибольшей концентрации подобных псалиев, выделяя в качестве ближайших аналогий вышеупомянутые псалии из Мельниковки, Аксютинцев, Журовки и насадки из Репяховатой могилы (Чежина, 1987. С. 27; Королькова, 2006. С. 65, 69, 70).

Кроме того, отдельные изображения бараноптицы сопрягаются с зоной скифского присутствия и влияния в Закавказье и Передней Азии во время походов (Иванчик, 2001. С. 34, 35). При этом в одних случаях мы видим вполне адекватное воплощение образа (Чавуш-тепе) (аналогия В) (Иванчик, 2001. Рис. 27: 5); Кармир-блур, комната привратника, насадка со шпеньком (Пиотровский, 1954. С. 142. Рис. 1) — см. ниже тип 1 Келермесско-новозаведенский, аналогия В), сходное с келермесскими бараноптицами «второго издания» — с закрученным клювом. В других случаях налицо искажающее тиражирование. Именно таково еще одно изображение из Кармир-Блура (втульчатая насадка на деревянный псалий (Рябкова, 2012. Табл. 1: 1) — см. ниже тип 1 Келермесско-новозаведенский, аналогия А), а также изображения из Хазанлу, в которых бараньи рога схематизируются и становятся дополнительным обрамлением глаза (аналогии А, Б) (Иванчик, 2001. Рис. 27: 1–2). А. И. Иванчик датирует находки из Чавуш-тепе и Хазанлу второй — третьей четв. VII в. до н. э. (Иванчик, 2001. С. 210), в частности, при этом слой III В поселения Хазанлу датирован им вслед за Дайсоном и Мускареллой первой пол. VII в. до н. э. (Иванчик, 2001. С. 279–280).

Наряду с переднеазиатским аналогами, основу хронологии рассматриваемого типа составляют объективно датируемые (см. Список опорных хроноиндикаторов) изображения из Келермесского кургана 1/В (10) (660–640 гг. до н. э.) и, особенно, из Новозаведенского кургана 16 (1, 2) (610–590 гг. до н. э.), а также из погр. 1 Репяховатой могилы (11) (не позднее рубежа VII–VI вв. до н. э.). Урочище Царина могила (14, 15) относится к горизонту Б Бельского городища (см. Список опорных

хроноиндикаторов), т. е. датируется в рамках третьей четв. VII — первой четв. VI в. до н. э. Остальные изображения с территории Среднего Поднепровья (3–9, 16), как к и нартановское (13), будучи подражательными по отношению к вышеназванным, могут датироваться вплоть до сер. VI в. до н. э.

Таким образом, предельные рамки Новозаведенско-аксютинецкого типа: вторая четв. VII — сер. VI в. до н. э.

§ 3. Обособленная голова бараноптицы

Тип 1 Келермесско-повозаведепский, вторая четв. VII — сер. VI в. до п. э.

К данному типу относятся 35 изображений, происходящих преимущественно с территорий Прикубанья (1, 2, 9–19), Ставрополья (3, 4, 20, 21, 26, 30) и Среднего Поднепровья (6–8, 22–25, 27, 33–35), а также с территорий Нижнего Поднепровья (29), Крыма (31) и Нижнего Подонья (5, 28, 32). Большинство из этих изображений оформляют элементы конского снаряжения — костяные навершия деревянных псалиев (1–8), костяные столбики-распределители уздечных ремней (9–25), костяные/роговые налучья (28–30, 32–35), костяное налучье или же навершие (31), вероятнее всего, для рукояти плети (Смирнов, 2015. С. 53–54. Рис. 2: 1); в единичных случаях это бронзовые навершия (27), а также костяная насадка со шпеньком неясного назначения (26).

Модель типа. Изображения данного типа представляют голову бараноптицы (иногда с шеей). Моделировка скульптурная, головка рассчитана на объемное обозрение. Большинство головок показаны с шеями (исключения: 26, 28–35) — толстыми, усеченно-коническими или цилиндрическими, при этом голова чаще посажена горизонтально (8–21, 23–25), реже может быть приподнята относительно шеи (1–7). Клюв закручен (1–8, 22, 26, 28–30, 32–35) или загнут (9–21, 23–25, 27, 31). Линия рта обычно обозначена одним или двумя желобками, реже может быть дополнительно маркирована вписанной в клюв рудиментарной птичьей головкой, сонаправленной с клювом бараноптицы и состоящей из кружка-глаза (играющего одновременно роль ноздри бараноптицы) и длинного сегментовидного клюва (2–4, 7, 28). Иногда вместо этого мотива в клюв бараноптицы вписана с двух сторон противонаправленная этому клюву рельефно моделированная двусторонняя головка некоего зверя (30, 31). Это животное можно трактовать как копытное, как хищника и как зайца; с учетом формы уха, мы склоняемся к последнему и рассматриваем его в соответствующем разделе (см. ниже Темиргоринско-новозаведенский тип заячьих голов). На волковецких навершиях (27) место этой дополнительной головки в общей композиции занимает объемный дуговидный язык, отграниченный прорезями, что более соответствует иконографии грифона раннегреческого типа в скифском искусстве (см. выше). Вместе с тем встречаются и такие изображения бараноптицы, в которых ноздри показаны достаточно четко, но никак не трансформированы (26, 28, 29, 35).

На поверхности клюва бараноптицы на налучье из зольника № 28 Западного Бельского городища (28) размещен свернувшийся в кольцо кошачий хищник, относящийся к вышеописанному Келермесско-яблоновскому типу.

Глаз бараноптиц нормальных пропорций, округлый, выпуклый, со впадиной зрачка в рельефных кольцах зеницы и глазницы, но может быть и не проработан (9, 24, 25). Ухо чаще не показано, в тех же случаях, когда оно присутствует (1–4, 9–12, 15–17, 19, 21, 23, 28, 29), показано со впадиной раковины, плотно прилегает к шее, заходя на поверхность рога, оно либо миниатюрное подтреугольное (2–4, 9, 21, 23), полуовальное (10–11, 15–17, 19), либо округлое (1, 28). Рога тонкие, рельефные, гладкие, восходят над поверхностью головы, в ряде случаев между рогами на темени показан округлый выступ (1, 19, 21, 26).

Рога некоторых бараноптиц данного типа подвергнуты зооморфной трансформации. Завершения рогов могут быть изоморфны подошве лошадиного копыта (7, 8) (принцип «альфа и омега»). Корень рогов на затылке бараноптицы на навершии из Волковцев (27) преобразован в голову быка анфас, причем рога этого быка, проходящие под глазом бараноптицы, в свою очередь, трансформированы в головы хищной птицы с мощными загнутыми клювами, упирающимися в расположенную перед глазом бараноптицы фигуру длинноухого зверя (вероятно, копытного, но не исключено, что зайца). Рога бараноптицы на навершии из Темиргоры (31) за и перед ее глазом замещены двумя парами фигур животных, сросшихся головами. Рога обычных, не нагруженных дополнительными изображениями головок бараноптиц и баранов в памятниках келермесского круга обычно исходят из двух близко расположенных точек на темени, а затем расходятся в стороны вниз, и соответственно звери за головой темиргоринского грифобарана слиты головами, а туловища их расходятся. Далее рога в изображении из Темир-горы обрамляют глаза снизу: это рельефные валики, продолжающие линию вышеназванных зверей и, возможно, играющие роль хвостов этих зверей, преувеличенных и задранных вверх, а затем проходят перед глазами, почти сходясь на лбу, где и трансформируются во вторую пару зверей.

У бараноптицы на налучье из Новозаведенного II, кургана 13 рога образованы «разъятой» на два

профиля фигурой кошачьего хищника (30). У бараноптицы на налучье из Высочино оба рога превращены в головы хищных птиц (32). У бараноптицы на налучье из зольника № 28 Западного Бельского городища (33) рог превращен в фигуру свернувшегося в кольцо зайца (см. ниже, Бельский тип).

Во всех случаях, как мы видим, указанные «вторичные» парные фигуры копытных и хищников композиционно располагаются строго по линии рогов бараноптицы. Описанная трансформация рогов приводит к фактической неразличимости последних и, как следствие, к образно-семантической нечеткости[1].

Морфологическая дипамика. В рамках данного типа наблюдается определенная морфологическая динамика. Ядро типа составляют столбики-распределители из Келермесских курганов 1/В и 2/В (1, 2, 9–19), а также из могильников Новозаведенное II, курган 7 (26) и Новопавловск-3, курган 1 (21), где образ представлен наиболее полно и тщательно: наличествуют уши (исключая новозаведенское изображение), клюв мощный, отображен выступ между рогами — атавизм теменных выступов на передневосточных и ионийских прототипах бараноптицы (связан с влиянием образа восточногреческого грифона, одного из стилистических истоков бараноптицы — см. о генезисе данного образа в главе VII). Среднеднепровские изображения демонстрируют тиражирование образа, в ходе которого искажается его иконография: исчезает ухо (присутствует только в изображении из поселения Сокол — 23), порой исчезает и глаз (24), клюв сливается с шеей, рога становятся аморфными (8) и т. д.

Апалогии и хропология. Ближайшие аналогии (А, Б, В) происходят из Закавказья и Передней Азии — зоны скифских походов: это костяная насадка на деревянный псалий (А) из Тейшебаини (Кармир-Блур), костяная насадка со шпеньком неизвестного назначения (В) из того же памятника (Кармир-Блур, комната привратника) (Пиотровский, 1954. С. 142. Рис. 1; Рябкова, 2012. Табл. 1: 1), бронзовые распределители уздечных ремней (Б) из погр. Норшун-тепе (Hauptmann, 1983. S. 251–270).

Основу хронологии рассматриваемого типа составляют объективно датируемые (см. Список опорных хроноиндикаторов) изображения из Келермесских курганов 1/В и 2/В (660–640 гг. до н. э.), из Темир-горы (третья четв. VII в. до н. э.), из Новозаведенских курганов 7 и 13 (вторая пол. VII — начало VI в. до н. э.), из погр. 2 Репяховатой могилы (рубеж VII–VI вв. до н. э.). Как уже было отмечено в связи с хронологией Келермесско-яблоновского типа свернувшихся в кольцо хищников, к которому относится изображение на клюве бараноптицы на налучье из зольника № 28 Западного Бельского городища (33), это налучье принадлежит к культурным отложениям на данном зольнике, относимым И. Б. Шрамко к диапазону последней четв. VII — первой четв. VI в. до н. э. (Шрамко, 2015. С. 487). При этом большинство среднеднепровских изображений, будучи подражательными по отношению к вышеназванным, могут датироваться вплоть до сер. VI в. до н. э.

Таким образом, предельные рамки данного типа: вторая четв. VII — сер. VI в. до н. э.

V.3. КОМБИНАЦИЯ ОБРАЗОВ ГРИФОНА И БАРАНОПТИЦЫ

Обособленная голова

Тип 1 Ульский,
первая пол. VI в. до н. э.

К данному типу относится 2 изображения обособленной головы, оформляющей бронзовые навершия из Прикубанья, — из Ульского кургана №1 (раскопки 1908 г.) (1) и из «Крымской коллекции» (2).

Модель типа. Представлена голова с шеей, переходящей в псевдогрудь (бубенец навершия), своего рода гибрид образов грифона раннегреческого типа и бараноптицы. Изображение скульптурное, объемное, но рассчитанное на боковой обзор, моделировано с использованием прорези (1) или углублений (2) для передачи пасти. Бубенец навершия через гладкий поперечный валик (1) или непосредственно (2) переходит в шею, увенчанную перпендикулярной ей головой.

Изображение лаконичное. Морда клювоообразная, надклювье мощное, дуговидно изогнутое, по бокам разделенное на три продольных валика. Подклювье либо изломано под прямым углом, упирается в нёбо, по бокам разделено на два продольных валика (1), либо гладкое, изогнутое подобно надклювью. Рот открыт, во рту четко моделирован скульптурный язык: он либо отходит от нижней челюсти наискось вверх и касается нёба (1), либо повторяет линию клюва (2). Восковица рельефная, почти вертикальная, высоко выступающая над клювом. Глаза монстров небольшие, округлые, моделированы полушариями. Уши не показаны. На затылке, за глазом помещен уплощенно-шаровидный

---

[1] Соответственно Л. К. Галанина и Н. Л. Грач трактуют навершие из Темир-горы не как образ бараноптицы, а как воспроизведение птичьей головы (Scythian Art, 1986. P. 20), при этом фигуры животных за и перед ее глазом должны считаться не превращением, а «наложением» или «присоединением». Но по вышеприведенным соображениям следует всё же согласиться с М. И. Артамоновым, Э. В. Яковенко и А. И. Шкурко в том, что это бараноптица (грифобаран) (Артамонов, 1968б. Рис. 4; Яковенко, 1976. С. 128, 129; Шкурко, 1982. С. 3).

выступ, обрамленный подковообразным бараньим рогом. Шея короткая, мощная, гладкая, выполнена в виде перевернутого усеченного конуса (1) или цилиндра (2).

Аналогии и хропология. Как мы видим, голова ульского монстра (1) соответствует иконографии грифона раннегреческого типа с полураскрытой прорезной клювовидной пастью, в которой виден торчащий наискось скульптурный язык, с ломаной нижней челюстью. В этом отношении ульскому монстру наиболее близко изображение «псевдогрифона» из Говердовской, относящегося к рассмотренному выше типу 1 Новозаведенско-келермесский, второй половины VII в. до н. э. (см. Приложение 5, рис. 26: 7). Монстр из «Крымской коллекции» (2) более похож по трактовке клюва на хищных птиц.

Восковица обоих монстров композиционно соответствует вертикальным ушам грифонов раннегреческого типа. Вместе с тем очевидно, что затылочную часть мастера создавали под влиянием иконографии барана и бараноптицы, так как наделили монстров бараньими рогами (при этом преуменьшив рога и сильно загнув их назад), обрамляющих уплощенно-шаровидный выступ, фактически находящийся на затылке. Данный выступ соответствует глазу в композиции барана и бараноптицы, но остается неясным, что конкретно хотели показать мастера данных наверший — преувеличенный глаз, который они потом дополнили глазом в основании клюва, или же геометризированное ухо (см. Приложение 5, рис. 26: 1–4).

Таким образом, оба изображения ульского типа — очевидное следствие пересечения иконографии грифона и бараноптицы в рамках скифской изобразительной системы в процессе развития этих независимо возникших образов. На смешанность данных тем в ульском изображении уже обращали внимание А. И. Шкурко (Шкурко, 1982. С. 3) и Е. В. Переводчикова (Переводчикова, 1980в. С. 86–87). Действительно, разрабатывая головы ульского монстра и монстра из «Крымской коллекции», мастера явно ориентировались на канон раннегреческого грифона, уже искаженный скифской переработкой. Значительное сходство между собой ульского монстра и монстра из «Крымской коллекции» (по сути, уникальных, иконографически «тупиковых» изображений) на фоне локализации наверший такого рода преимущественно на Северо-Западном Кавказе (в основном в Прикубанье и на Ставрополье), во вторую очередь — в Среднем Поднепровье (см. Канторович 2015а. С. 121–123, 175–179), заставляет полагать, что и навершие из «Крымской коллекции» (вопреки информации его «находчиков») изначально происходит из Прикубанья или Ставрополья.

Следовательно, здесь мы наблюдаем контаминацию уже зрелых образов бараноптицы и грифона раннегреческого типа. Это соответствует датировке ульского изображения по объективным показателям первой пол. VI в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

V.4. ОБРАЗ ТУПОРЫЛОГО ЗВЕРЯ

Обособленная голова

К данному образу нами отнесены изображения неопределенных существ, которым свойственна морда с тупым завершением, с четко выраженными ноздрями, высунутый язык и остроконечные вертикальные уши (иногда еще и гребень).

Данные «странные смешанные изображения» (Шкурко, 1982. С. 3) трактуются исследователями сходно: либо в качестве фантастических животных (Ильинская, 1968. С. 158), либо как искаженные орлиноголовые грифоны (Переводчикова, 1980в. С. 97–98), либо в качестве хищных зверей, которым приданы грифоньи черты — длинные уши и гребень (Шкурко, 1982. С. 3). В. А. Ильинская отнесла приднепровские изображения из этого массива к другой образной группе, трактовав их как схематизированные головы коней — результат переработки малопонятного здесь образа грифона под влиянием местной лесостепной иконографии лошади (Іллінська, 1963. С. 45. Рис. 3, 10; Ильинская, 1968. С. 158. Табл. XXXVI, 11). Против этого выступила Е. В. Переводчикова, признающая вторичность лесостепных приднепровских изображений тупорылого зверя по отношению к келермесским, но считающая эти изображения, как и первичные для них келермесские, грифоньими и отрицающая образную атрибуцию, предложенную В. А. Ильинской (Переводчикова, 1980б. С. 29–30); ср. также возражения А. И. Шкурко, относящего все эти изображения тупорылых зверей к единому типу и настаивающего, что при всей схематизации данных образов они «не становятся ближе к коню» (Шкурко, 1982. С. 3. Табл. II, 4–8). Позиция А. И. Шкурко представляется наиболее обоснованной[1].

---

[1] К данному образу в качестве десемантизирующего подражания примыкают композиционно сходные изображения зверя с зауженной мордой, но без языка и со слабо намеченным ртом на аналогичных навершиях, происходящих из кургана 2 у с. Коцюбинчики в Западном Подолье (Бандривский, 2013. Рис. 14–16). Эти изображения не включаются нами в массив источника не только из-за их крайней видовой неопределенности, но и в силу их соответствия скорее требованиям восточногальштатской, нежели скифской, стилистики (ср. аналогичное фрако-гальштатское изображение на бронзовом навершии из Гернесег-Горнешты (Dumitrescu, 1974. Fig. 472: 3). Не случайно М. С. Бан-

Поэтому данный образ расценивается как пограничный с образом грифона и рассматривается в рамках таксона синкретических существ. Он условно обозначается как образ тупорылого зверя и представлен только редуцированными изображениями (голова с шеей), образующими единственный тип.

Л. И. Бабенко трактовал в своих статьях одно из изображений данного типа (11) — на навершии из кургана у с. Васильков (в тех же статьях данное навершие было впервые опубликовано и было окончательно установлено его происхождение) — как отображение летучей мыши (Бабенко, 2000. С. 148; Бабенко, Ліфантій, 2019. С. 101). Данная интрепреатция представляется обоснованной и, таким образом, вполне возможно, что некоторые другие изображения данного типа, наиболее сходные с васильковским (майкоспкое — 2, нартанское — 4), следует трактовать аналогично.

Тип 1 Говердовско-будковский, вторая пол. VII — сер. VI в. до н. э.

К данному типу относятся 11 изображений, происходящих с территории Прикубанья (1–3), Центрального Предкавказья (4, 5) и Среднего Поднепровья (8–11). В основном эти изображения оформляют бронзовые навершия с бубенцом (1–4, 6–11), и лишь в одном случае — роговые столбики-распределители уздечных ремней (5).

Модель типа. Изображения объемные, скульптурные, рассчитанные на круговой обзор. Бубенец наверший плавно (реже через поперечный валик — 4, 8) перерастает в короткую, иногда почти не выраженную (2–4) шею, увенчанную перпендикулярной ей головой животного (1–4, 6–11), тогда как на столбиках-распределителях роль шеи выполняет сам столбик с отверстиями (5).

Изображения схематичные. Морда имеет тупое завершение. Нос утолщен, причем спереди, по подобию пятачка свиньи, помещены ноздри, моделированные крупными округлыми углублениями по краям «пятачка» над прорезью пасти (в нартанском изображении (4) одна из ноздрей помещена не с краю морды, а на вершине «пятачка»). Рот зверя приоткрыт или открыт, пасть обозначена глухой прорезью или узким желобком по фасу, иногда с заходом на профили (1, 3, 5, 7–9). В случае, если пасть разинута, во рту, на плоскости нижней челюсти, отогнутой вниз, часто рельефным выступом показан треугольный язык, доходящий до самого конца нижней челюсти (1, 8) либо свисающий за пределы челюсти (3, 6, 7, 9). Шея в изображениях на навершиях усеченно-коническая (1–4, 6–11), на столбиках-распределителях — цилиндрическая (5). Глаза животного либо небольшие округлые, моделированы выпуклостями (2, 4, 6, 9, 10) или впадинами (5) по сторонам головы или практчиески на темени (11), либо глаза не показаны, а как бы замещены сгибами между ушами и лбом (1, 3, 8). Уши преувеличенные, треугольные или треугольно-овальные (в васильковском изображении (11) уши в верхней части обломаны), развернуты вперед (1, 3, 4, 6) или в стороны (2, 8–11), ушные раковины могут быть оформлены углублениями (2, 4, 5, 9–11). При этом в нартанском изображении (4) два уха слились в одно. В новозаведенском изображении (5) уши трактованы своеобразно: они скульптурные воронковидные, развернутые раковинами вверх, напоминают уши свиньи.

На одном из наверший из Будков (6; второе навершие обломано, но очень похоже на первое — 7) и на навершии из Волковцев (9) между ушами на темени помещен конусовидный выступ, возможно, имитирующий выступ на темени грифона раннегреческого типа (см. выше) или же хохолок гривы лошади.

Хропология. Основу хронологии данного типа составляют объективно датируемые изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов): из кургана 3/Ш Келермесского могильника (3) (вторая пол. VII в. до н. э.), курган 1 у хут. Говердовский (1) (вторая пол. VII в. до н. э.), курган 7 могильника Новозаведенное-II (5) (вторая пол. VII — начало VI в. до н. э.). Остальные изображения должны датироваться сходно, но с учетом подражательности будковских, роменского, волковецкого, васильковского и нартанского изображений (4, 6–9), их можно датировать вплоть до сер. VI в. до н. э.

Таким образом, совокупные хронологические рамки данного типа: вторая пол. VII — сер. VI в. до н. э. О вероятных истоках и семантике данного образа см. ниже (в главе VII, § 2).

V.5. ОБРАЗЫ ГИППОКАМПА-ЛОШАДИ, ГРИФОНО-ГИППОКАМПА И «ПЕТУШКА-ГИППОКАМПА»

Данные образы родственные, их природным прототипом является рыба рода *Hippocampus* — морской конек (гиппокамп); данный прототип контаминирован с иными образами, поэтому они рассматриваются в едином разделе.

дривский, опубликовавший и тщательно проанализировавший навершия из Коцюбинчиков, полагает, что здесь изображена лань и что эти навершия «по всем признакам представляют собой промежуточое звено между навершиями восточноевропейской лесостепи и Карпатского бассейна» (Бандривский, 2013. С. 258–259).

§ 1. Комбинация гиппокамна и лошади

Данный образ представлен единственным типом.

Тип 1 Уляпский,
первая пол. IV в. до п. э.

К данному типу относится одно изображение из Прикубанья (из 5-го Уляпского кургана) (1), оформляющее парные S-видные бронзовые двудырчатые псалии.

Изображение составлено из лошадиной головы и шеи с гривой, которые оформляют верхнюю часть псалия, и загнутой нижней части псалия, уподобленной очертаниям хвоста морского конька. Моделировка в целом объемная, но рассчитанная на одностороннее профильное восприятие, соответственно изображение сочетает объемность в трактовке шеи, головы, хвоста, рельефность в передаче глаз, ушей, носа, пасти с плоскостной передачей гребня, внешний край которого подчеркнут углубленной линией. Шея гиппокампа дуговидно изогнута, голова перпендикулярна шее, уши торчат наискось назад, нижняя часть тела дуговидно изогнута противоположно шее.

Детали трактованы схематично и лаконично. Гиппокамп имеет узкую конскую голову. Ноздри и рот обозначены углублениями. Глаза округлые, моделированы выпуклой зеницей в кольце глазницы. Уши короткие треугольные со впадиной раковины. Голова плавно переходит в шею. Грива (она же гребень) пышная, моделирована высокими, крупными треугольными выступами-зубцами, проходит от темени между ушами по всей длине шеи. Нижняя часть тела представляет собой стержень, переходящий через рельефный поясок в рельефное кубаревидное утолщение, очевидно, имитирующее хвост гиппокампа.

Аналогии и хропология. Уляпское изображение не имеет близких образных аналогий в собственно зверином стиле, но композиционно сходно с изображениями лошади вышеописанного Семибратненского типа, а в трактовке головы лошади эти типы близки и стилистически, но уляпское изображение менее натуралистично в трактовке носовой части и глаза. Сам же образ гиппокампа, несомненно, заимствован из греческого искусства, где был широко известен, в том числе и на территории Северного Причерноморья (см. изображения морских коньков на золотых пластинах из Куль-Обы: Piotrovsky, Galanina, Grach, 1986. Cat. 207; ср. аналогичное мнение С. С. Бессоновой: Бессонова, 2004. С. 26). Однако создатель уляпских псалиев трактовал его, как мы видим, вполне в духе местной стилистики. S-видная форма псалиев оказалась идеальной для передачи силуэта гиппокампа.

Таким образом, уляпские гиппокампы представляют собой уникальный опыт для местного искусства. Как будет показано ниже, в Прикубанье под влиянием скифского северопричерноморского звериного стиля проникли изображения «петушков» — результат попытки переработать малопонятный образ гиппокампа, но эти «петушки» имеют лишь контурное сходство с уляпскими гиппокампами, а стилистически (в понимании образа, в трактовке деталей, в моделировке) совершенно отличны от них и связаны с последующим, «елизаветинским» этапом прикубанского зооморфизма.

Хронология Уляпского типа определяется по объективным датировкам уляпского комплекса первой пол. IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

§ 2. Грифоно-гиппокампы

Данный образ, являющийся комбинацией грифона и гиппокампа, представлен двумя типами.

Тип 1 Краспокутско-тилигульский,
350–320 гг. до п. э.

К данному типу относятся 7 изображений, происходящих с территории степного Нижнего Поднепровья–Побужья и Приазовья. Это фигуры, оформляющие в основном бронзовые навершия (1–5), а также золотые бляшки (6, 7).

Модель типа. В большинстве случаев (за одним исключением — 7) здесь представлена сцена терзания/поглощения неким фантастическим животным некоего неизвестного зверя (см. его характеристику ниже, в разделе «Неопределимые животные»), которого монстр схватил за шею и грызет. А. И. Мелюкова считает, что здесь изображен грифон-гиппокамп, пожирающий хищника. Исследовательница не поддерживает мнение С. С. Бессоновой о том, что это «собако-птица», и в данном случае мы согласны с А. И. Мелюковой (Мелюкова, 1981. С. 36)[1]. Действительно, здесь представлено некое существо, наделенное головой и передними ногами кошачьего хищника, гребнем грифона, крыльями, при этом без задних ног, но со змеевидной задней частью туловища и хвостом, которые очень похожи на туловище и хвост гиппокампов в греческом искусстве (ср. например, вышеупомянутых морских коньков на золотых пластинах из Куль-Обы).

Изображения на навершиях моделированы в двустороннем рельефе с прорезями (в расчете на боковой обзор), на бляшках — в одностороннем рельефе. У грифоно-гиппокампа на навершиях при этом показаны обе передних ноги — с одной сто-

[1] С. С. Бессонова в более поздней своей работе также называет эти существа грифоно-гиппокампами (Бессонова, 2004. С. 28).

роны и с другой стороны, совмещенные в единую объемную ногу, и оба крыла (каждое рассчитано на односторонний обзор) — с одной стороны и с другой стороны, одно за другим. Передние ноги ориентированы горизонтально вперед и удерживают жертву за шею. Монстр на бляшках из Никопольских курганов (6) показан строго профильно и в отображении лап, и в отображении крыльев (т. е. так, как смотрелись бы навершия при одностороннем обзоре), передняя нога также удерживает жертву за шею. У другого монстра на бляшках — из кургана 1 у с. Пески (7) — показаны обе передние ноги, левая в позиции удержания отсутствующей жертвы (упирается в рамку), правая опущена вертикально, крылья расположены одно за другим. Шея грифоно-гиппокампов согнута дуговидно вперед, голова опущена вертикально (1–6) или наискось (7). Это каноническая поза грифона или льва с поднятой передней лапой. Крылья ориентированы вертикально, перпендикулярно туловищу. Змеиная часть туловища однократно закручена и переходит в хвост, задранный вверх, причем на навершиях он на конце отогнут вперед.

Трактовка деталей условна и лаконична. Пасть открыта. Глаза среднего размера, овальные, моделированы выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Ухо торчит перпендикулярно темени, наискось вперед, оно короткое подтреугольное, с углублением раковины. Шея относительно тонкая, гладкая, по верху шеи проходит гребень, составленный крупными подтреугольными зубьями. Лопатки закрыты крыльями. Крылья длинные, узкие, сегментовидные, их верхний край маркирован гладким рельефным валиком, само крыло имеет крупное поперечное косое рифление, сформированное крупными косыми трапециями и треугольниками (имитация перьев). Переднее из крыльев упирается концом в гребень, в его изгиб упирается следующее крыло, а в его изгиб, в свою очередь, упирается завиток хвоста. Исключение составляет никопольское изображение (6), в котором крыло подтреугольное, с разделением на плечевые и маховые перья, при этом плечевые перья образованы поперечными рифлеными полосами, маховые — крупными продольными полосами.

Змеевидная часть туловища чаще гладкая (1, 3–5, 7), реже (2, 6) покрыта рельефными овами (имитация чешуи?). Окончание хвоста грифоно-гиппокампов может быть зооморфно трансформировано — превращено в малоразличимую голову хищной птицы (1) или в развернутую на зрителя подошву копыта (2, 5); в одном случае хвост завершается трехлепестковой пальметкой (6).

Морфологическая дипамика и хропология. Изображение из Никопольских курганов (6) представляется греко-скифским по стилистике и, возможно, первичным по отношению к изображениям на навершиях, тогда как изображение из кургана 1 у с. Пески (7), напротив, является вторичным по отношению к никопольскому и к композициям на навершиях (здесь крайне упрощена трактовка деталей и утрачена сама сцена терзания). Хронология Краснокутско-тилигульского типа определяется объективной датировкой изображений из Краснокутского кургана (2, 3): 350–320 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тип 2 Акимовско-елизаветовский, третья четв. V — первая четв. IV в. до п. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья (1), Нижнего Подонья (2) и Прикубанья (3). Они украшают золотые обивки чаши (1) и золотую обкладку ритона (3), а также основную лопасть золотой обкладки ножен меча (2).

Модель типа. Изображено некое существо, состоящее из грифоньей передней части и рыбовидной (1, 2) или змеевидной (3) задней части. Точнее, эти монстры лишены задних ног, а в передней части имеют крылья, лапы хищника и голову — в одном случае голову волчьего хищника с бородой (3), в двух случаях — голову кошачьего хищника с клювовидной верхней челюстью (1, 2). При этом в язык елизаветовского монстра (2) впивается змея (выполненная вполне в греческой манере), обвивающая его туловище, проходящая под животом и затем пропущенная между лапами монстра.

Изображения моделированы в одностороннем рельефе. У грифоно-гиппокампа показаны обе передних ноги, они подогнуты под грудь и вытянуты нижними частями вперед, левая над правой (в акимовском изображении (1) из-за левой ноги виднеется только лапа правой ноги). Крылья даны строго профильно. Шея прямая, чуть наклонена вперед, голова приподнята. Крылья ориентированы вверх и немного назад. Рыбья (1, 2) или змеиная (3) часть туловища загнута немного вниз (1) или чуть вверх (3), либо прямо отходит назад (2); эта часть переходит в хвост, направленный горизонтально назад (1, 2) или загнутый на конце вперед, с упором окончанием в крыло (3).

Трактовка деталей достаточно подробна. Пасть открыта, в акимовском и елизаветовском изображениях зубы не показаны, а отображен рельефный язык, у семибратненского (3) монстра пасть заполнена пятью парами треугольных рельефных зубов. Края рта моделированы рельефным валиком, гладким в акимовском и елизаветовском изображениях, рифленым в семибратненском изображении. Глаза среднего размера, овальные, моделированы

выпуклостью зеницы в углублении глазницы, у елизаветовского монстра углублением показан зрачок. Ухо торчит перпендикулярно темени, наискось назад, оно овально-подтреугольное, с углублением раковины, в которой у семибратненского монстра косым рифлением показана шерсть (ухо этого зверя вообще сходно не столько с ухом волка, сколько с ухом оленя или лося в скифском искусстве). Голова отделена от шеи шерстной складкой, имитированной валиком (1), желобком (2) или рельефной полоской с поперечным рифлением (3). Шея гладкая, в акимовском и елизаветовском изображениях мощная, у семибратненского монстра относительно тонкая; в елизаветовском и семибратненском изображениях вдоль шеи проходит рельефная полоса, у елизаветовского монстра — гладкая полоска по переднему краю шеи, у семибратненского — рифленый валик по заднему краю шеи (грива? гребень?). При этом у семибратненского монстра вдоль шеи по ее поверхности свисает рельефный локон, что напоминает иконографию передневосточного грифона.

Лопатки монстров рельефно выделены, у акимовского изображения лопатка овальная, в нее вписана рельефная «малая лопатка» — сустав плеча; у елизаветовского монстра лопатка гладкая, полуовальная, переходит в рифленое крыло; у семибратненского лопатка моделирована двулинейным завитком в один оборот (возможно, это дополнительный клюв вышеописанной птичьей головки с глазом на спине монстра и с основным клювом — элементом превращения крыла монстра, см. Ольвийско-завадский тип птичьих головок). Крылья короткие, сегментовидные, у елизаветовского монстра верхний край крыла маркирован тремя валиками — гладким средним в обрамлении двух валиков-«жемчужников». Само крыло акимовского и елизаветовского монстров имеет крупное продольное рифление (имитация перьев). В семибратненском изображении крыло, как уже сказано, полностью трансформировано в голову хищной птицы («скифский грифон») Ольвийско-завадского типа.

Ноги укороченные, мускулы ног подчеркнуты углубленными линиями, каждая лапа оформлена тремя валиками, схематично (1, 2) или натуралистично (3) имитирующими пальцы. Правая нога семибратненского монстра поднята наискось вверх и упирается лапой в конец бороды, вертикально спускающейся от подбородка (борода конусовидная, имеет поперечное рифление).

Задняя часть акимовского (1) и елизаветовского (2) монстров короткая гладкая, переходит в крупный (1), даже огромный (2) хвостовой плавник в виде трехлепестковой пальметки (1) или в виде прямоугольника с продольно зарифленной верхней половиной и заполненной шестью продольными рядами по 5 квадратов нижней половиной (имитация чешуи?) (2).

Задняя часть семибратненского монстра (3) трансформирована в шею и голову нехищной птицы Семибратненского типа (см. выше).

Апалогии и хропология. Данный тип с большим основанием, нежели Краснокутско-тилигульский тип может соотноситься с образом «собако-птицы», наличие которого в скифском искусстве обосновывается С. С. Бессоновой (Безсонова, 1977). Во всяком случае, в Иране, в более позднюю, сасанидскую эпоху известен целый ряд иконографически близких изображений, которые отображали именно этот мотив местной мифологии (ср., например: Тревер, 1937. Рис. 2).

Хронология типа определяется в первую очередь объективной датировкой (см. Список опорных хроноиндикаторов) изображения из семибратненского кургана 4 (третья четв. V в. до н. э.). Елизаветовское изображение соседствует на тех же ножнах меча с головой оленя на боковой лопасти; эта голова отнесена мною выше к типу 5 оленьих голов (Елизаветовско-ассиновский, конца V — первой четв. IV в. до н. э.), причем анализ морфологической динамики этого типа позволил обосновать датировку для данной головы оленя в пределах конца V — начала IV в. до н. э. Очевидно, акимовское изображение должно датироваться в рамках, задаваемых этими хроноиндикаторами.

Таким образом, вероятная совокупная датировка данного типа: третья четв. V — первая четв. IV в. до н. э.

§ 3. «Петушки-гиппокампы»

Термин «петушки» был предложен В. А. Ильинской (Ильинская, 1973. С. 55). Идентификации и характеристике данного образа была посвящена специальная статья (Канторович, 1992), позднее к этому образу в контексте темы фантастических коней и гиппокампов обращалась С. С. Бессонова (Бессонова, 2004. С. 27–28).

Данный образ представлен единственным типом.

Тип 1 Мордвиповско-уляпский,
вторая четв. — копец IV в. до п. э.

К данному образу и типу относятся 20 изображений, происходящих в основном с территории Нижнего Поднепровья (1–6, 18–20) и Среднего Поднепровья (7, 13–16), а также Среднего Подонья (11, 12), Прикубанья (8–10) и Крыма (17). Все эти изображения оформляют бронзовые уздечные бляхи, за единственным исключением (2), когда изображение «петушка», однозначно квалифицированное Б. Н. Мозолевским как гиппокамп (Мо-

золевський, 1979. С. 59), помещено на золотые обивки ритона[1].

Модель типа. Изображения представляют некое существо с опущенной конеподобной головой, туловищем, как правило, в виде двух параллельных S-видных или дуговидных полос (в некоторых случаях этих полос большое — четыре или пять (8–10, 17–20), и они почти прямые — 8–10), с одним или двумя выступами по сторонам, вероятно, имитирующими конечности (преобразованные плавники — см. Бессонова, 2004. С. 27).

Изображения односторонние, моделировка рельефная с использованием прорезей или плоскостная с доработкой деталей углубленными линиями.

Голова «петушка» представляет собой, как правило, узкий овал. Глаз крупный, овальный или округлый, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы (1, 2, 6–13, 16–20), реже — округлой выпуклостью или отверстием без детализации (3–5) или вовсе не прослеживается (14, 15).

Окончание морды выполнено в виде кружка или завитка (1–3, 4–7, 17, 18), реже — в виде загнутого клюва (8), в виде лошадиной морды, с углубленными линиями, обозначающими ноздрю и рот (11, 12), в виде морды некоего зверя с отчетливым петлевидным носом с углублением ноздри и коротким выступом нижней челюсти (9). В некоторых случаях носовая часть не выделена и слита с глазной (5, 13–16, 19, 20), в одном случае обломана (10).

К лобно-теменной части головы, как правило, примыкает листовидная или овальная «шапочка», имеющая поперечное рифление и отделенная от головы гладким валиком (1–2, 7, 13–17), полоской (3) или впадиной (4–6, 8, 19, 20). В редких случаях такая «шапочка» укорочена и смещена на темя (9–10), либо отсутствует или обломана (18); у «петушков» с лошадиными головами эта деталь отсутствует (11, 12).

За глазом к голове или к шее «петушка», как правило, примыкает «гребень», сформированный дуговидными отростками-лепестками (1–3, 6–8, 13, 16, 17, 19), иногда преуменьшенными (4, 14, 15), иногда эта деталь отсутствует (5, 18, 20) или замещена коротким козлиным рогом (9, 10), а у «петушков» с лошадиными головами — короткими выступами лошадиной гривы (11, 12). «Петушок» может быть наделен ухом, помещенным позади «гребня» или рога (1, 2, 6, 9, 10, 14, 17, 18), а у «петушков» с лошадиными головами — перед гривой. Уши овальные, с впадиной раковины.

Как уже сказано, туловище «петушка» сформировано полосами, исходящими из-под головы приблизительно из одной точки и имеющими, в большинстве случаев, изгибы у этого корня и внизу. Каждая из этих полос часто разделена еще на две рельефных полосы, в одном случае имеет поперечно зарифленную полосу в качестве оси (3).

Эти полосы, формирующие основу туловища, замыкаются внизу горизонтальной дуговидной (в одном случае прямой — 9) широкой полосой с поперечным рифлением (в ряде случаев эта деталь обломана (8, 10, 17). Возможно, это имитация хвоста природного гиппокампа.

Выступы по сторонам туловища «петушка», вероятно, имитирующие его конечности, короткие, полуовальные или сегментовидные, поперечно зарифленные (имитация пальцев лап или плавников гиппокампа?) иногда еле заметные (9, 10, 14, 19, 20). Чаще их два (1–4, 6, 8, 13, 15, 16), реже один (5, 7, 9, 10–12, 14, 17).

В рамках типа прослеживается морфологическая динамика: от изображений «петушков» с гребнем-шапочкой и хохолком, более соответствующих природному прообразу гиппокампа и его преломлению в древнегреческом искусстве (в основном это нижнеднепровские «петушки» 1–4) — к существам, также наделенным этими деталями, но клювоголовым (прикубанский «петушок» — 8). Затем хохолок превращается в рог, «шапочка» смещается за глаз, а клюв превращается в морду зверя, при этом исчезает двухчастная структура шеи-туловища, соответствующая структуре двух ног в шаге, исчезают и выступы-ручки (прикубанские «петушки» — 9, 10). Кроме того, происходит общее упрощение изображения, исчезают глаза, носовая часть, одна из лапок (некоторые нижнеднепровские, крымский и все среднеднепровские «петушки» — 4–7, 13–17). Наконец, на Среднем Дону морской конек приобретает вид протомы лошади (11, 12).

Идептификация образа, апалогии и хронология. Данный образ представляет собой, очевидно, искаженное отображение гиппокампа (морского конька) с использованием в своей основе композиции и некоторых анатомических элементов мотива обособленных конечностей хищника (см. выше). Автором достаточно давно (Канторович, 1992. С. 30–39) было выдвинуто предположение о том, что фракийские бляхи типа Крайова (оформленные в виде сдвоенных конечностей хищника с присоединенной к ним головой некоего

---

[1] К данной группе изделий, очевидно, примыкают морфологически сходные среднеднепровские бронзовые уздечные бляхи из Новоселки, курган 4 (2 экз.) (Могилов, 2008. Рис. 106: 11–12) и Умани, курган 4, погр. 3 (4 экз.) (Могилов, 2008. Рис. 106: 20), однако в первом случае собственно изображение «петушка» практически отсутствует, остались лишь его контуры, во втором случае изображение крайне неопределенно в видовом отношении. Соответственно эти изображения не включены нами в общий корпус источников.

существа), сами по себе вторичные по отношению к скифскому мотиву обособленных конечностей хищника (см. Приложение 5, рис. 2), обусловили своим «реверсным» воздействием на скифское искусство степного Северного Причерноморья возникновение образа и типа «петушка»-гиппокампа; этот мотив распространился далее в Лесостепь (на территории Среднего Поднепровья и Среднего Подонья) и в Прикубанье. Эта позиция была поддержана С. С. Бессоновой (Бессонова, 2004. С. 27).

Ближайшая аналогия «петушкам» происходит из Болгарии (А): это бронзовая нащечная бляха из села Цар Асен, Силистренской обл. (по указанию автора публикации, Д. А. Топала, она происходит из грабительских раскопок) (Топал, [б. г.]. Рис. 3). Это единственное такого рода изображение за пределами зоны восточноевропейского звериного стиля, и не случайно Д. А. Топал рассматривает ее появление в Болгарии (наряду с рядом других элементов конского снаряжения, выполненных в скифском зверином стиле) как следствие проникновения скифских племен на территорию к югу от Дуная.

Хронология Мордвиновско-уляпского типа и образа «петушка» в целом определяется объективными датировками (см. Список опорных хроноиндикаторов) изображений из Толстой могилы (2) (вторая — третья четв. IV в. до н. э.), из Гайманової могилы (3) (360–325/320 гг. до н. э.), из Бабиной могилы (5) (сер. — третья четв. IV в. до н. э.), из Чертомлыка (350–320 гг. до н. э.) и из Уляпского кургана 8 (10) (вторая половина IV в. до н. э.). Остальные изображения должны датироваться в рамках, задаваемых этими хроноиндикаторами.

Итак, хронологические рамки данного типа и образа «петушка» в целом: вторая четв. — конец IV в. до н. э.

V.6. ОБРАЗ «ЛОСЕПТИЦЫ»

К данному образу отнесены изображения некоего синкретического существа, сочетающего черты птицы и лося: оно наделено птичьим клювом, ухом и лосиными рогами, причем данное животное представлено только в редуцированном воплощении — в виде головы и шеи (иногда, возможно, это протома с рудиментарной лапой), так что невозможно понять, как именно древние мастера представляли себе его туловище и конечности.

Данный образ представлен единственным типом.

Тип 1 Чертомлыцко-уляпский, вторая четверть — копец IV в. до п. э.

Всего насчитывается 17 оригинальных изображений «лосептицы». К данному образу и типу относятся головы и шеи животных, оформляющие бронзовые (3–11, 13–17) и бронзовые с позолотой (1, 2, 12) уздечные элементы — налобники/наносники (1–16) и бляху (17), которые происходят с территории Среднего Поднепровья (4, 5), Нижнего Поднепровья (1, 2, 3, 7, 8, 12, 17), Крыма (14–16), Среднего Подонья (9) и Прикубанья (6, 10, 11, 13). Отметим, что основная масса этих изображений (с учетом копий это 57 экз.) происходит из кургана Чертомлык (40 экз.).

Модель типа. Изображения моделированы скульптурно, но рассчитаны на односторонний боковой обзор, соответственно ракурс строго профильный. Голова перпендикулярна шее, параллельна грудной части, ухо противонаправлено клюву, они симметричны друг другу относительно глаза.

Голова, в сущности, складывается из крупного загнутого каплевидного клюва со впадиной рта (иногда напоминающего горбатую лосиную морду — 9, 11), преувеличенного округлого (в одном случае овального — 12) концентрического глаза, образованного выпуклостью зеницы во впадине глазницы и овально-подтреугольного уха со впадиной раковины, напоминающего лосиное. В двух случаях рельефный глаз отсутствует, так как его место полностью занято корнем рогов (7, 10): здесь роль глаза, очевидно, играет круглая прорезь между основанием клюва и передним отростком рогов. Рога сформированы двумя симметричными отростками, отходящими от точки над глазом вперед и назад и опирающимися на изгиб клюва и на ухо. Рога могут быть трансформированы в парные птичьи головки (4–6, 15), обращенные в противоположные стороны, а могут, стилизуясь, сливаться в нечто подобное грифоньему гребню с четырьмя выступами (8–13, 16, 17).

Голова посажена на мощную, короткую трапециевидную шею, оформляющую участок рабочего крепления наносника, с отверстием для ремня. Шея плавно переходит в грудную часть, в одних случаях гладкую (1, 4–6, 10, 15–17), в других — крупными полосами рельефа, чаще поперечного (2, 3, 7–9, 11, 13, 14, 16), в одном случае — продольного (12) показаны то ли шерсть, то ли лапа с когтями. Шея гладкая, за одним исключением (12), где на ее поверхности показаны 2 продольных желобка, возможно, имитирующие напряженные мускулы или шерсть.

Хронология образа и типа основана прежде всего на объективной датировке чертомлыцких блях (3), происходящих из насыпи и конских могил, т. е. предметов, близких по времени Центральной гробнице Чертомлыка (максимальные рамки — 350–320 гг. до н. э.), а также уляпского (6) (вторая половина IV в. до н. э.), бабинского (10) (середина — третья четверть IV в. до н. э.),

гайманов ского (7) (предельные рамки — 365–320 гг. до н. э.), елизаветинского (13) (третья четверть IV в. до н. э.), александропольского (17) (340–300 гг. до н. э.) и чмырёвского (12) (330–315 гг. до н. э.) изображений (см. Список опорных хроноиндикаторов). Этим датировкам не противоречит менее точная дата Петровского комплекса, определенная публикаторами по типу акинака и железных удил с витым стержнем (вторая четв. — сер. IV в. до н. э.) (Братченко, Швецов, Дубовская, 1989. С. 171–172). Близкое гайманов скому шолоховское изображение (9) и изображения из «Крымской коллекции» (14–16) должны датироваться аналогично ему, тогда как изображения из могильника Прикубанского (10) и «Майкопского клада» (11) должны датироваться сходно с очень близким им чертомлыцким (3); кошеватовское (4) и шполянское (5) изображения близки уляпскому и должны датироваться соответственно. При этом комплекс кургана у с. Кошеватое датирован В. Г. Петренко по типам наконечников стрел и бляшек от конской сбруи, в том числе со звериным стилем, рубежом V–IV или IV в. до н. э. Думается, что вышеназванные параллели заставляют исключить для кошеватовского изображения рубеж V–IV вв. до н. э. и датировать его не ранее второй трети IV в. до н. э.

Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа и всего образа «лосептицы»: вторая четверть — конец IV в. до н. э.

V.7. ОБРАЗ «ОЛЕНЕПТИЦЫ»

К данному образу отнесены изображения синкретического существа, сочетающего черты птицы и оленя: оно наделено птичьим клювом, ухом и оленьими рогами. Данное существо представлено в редуцированном воплощении — в виде головы, шеи и грудной части: это сокращенная протома.

Данный образ представлен единственным типом.

Тип 1 Семибратпепский, вторая пол. V в. до п. э.

К данному образу и типу относятся 4 оригинальных изображения, оформляющие бронзовые налобники/наносники, происходящие с территории Прикубанья — из 4-го Семибратненского кургана (1, 2) и из «Майкопского клада» (3, 4).

Сходство семибратненских и майкопских изображений заставило А. М. Лескова предположить, что три налобника из Майкопского клада некогда формировали единый комплекс с семибратненскими, т. е. происходили из того же кургана 4, были затем похищены и впоследствии попали в коллекцию Мерля де Массоно (Leskov, 2008. P. 178–179).

Модель типа. Представлено существо с головой хищной птицы, ухом копытного и рогами благородного оленя, с усеченным туловищем (без конечностей). Моделировка скульптурная, в расчете преимущественно на объемный обзор, но при этом мы видим туловище как бы со спины. Шея находится под тупым углом к туловищу, голова под тупым углом к шее, т. е. приподнята. Ухо противонаправлено клюву, они симметричны друг другу относительно глаза[1]. Рога параллельны голове, опираются на ухо. Две парные майкопские оленептицы (3-1, 3-2) и одна из семибратненских (2) показаны с головой и шеей, повернутыми на 90 градусов в сторону, у второй семибратненской оленептицы (1) и у одной из майкопских (4) голова обращена назад по линии спины, т. е. повернута на 180 градусов.

Анатомические детали трактованы в высоком рельефе, четко и лаконично. Голова складывается из мощного загнутого клюва (со впадиной рта и рельефной восковицей с косым краем) и преувеличенного округлого концентрического глаза, образованного выпуклостью зеницы во впадине глазницы в обрамлении рельефного края. Ухо вполне соответствует иконографии оленя и лося в скифском зверином стиле: оно овально-ромбическое, с четким рельефным краем и впадиной раковины, заполненной косым рифлением, имитирующим шерсть (в одном из майкопского изображений (4) раковина гладкая). Рога построены по схеме оленей Завадско-акмечетского типа (см. выше), разделяются на переднюю и заднюю части. Передняя часть образована одним дуговидным «глазным» отростком. Задняя, основная, часть рогов состоит из трех дугообразных отростков, загнутых на конце вверх: у майкопских оленептиц вверх отходит еще один короткий отросток (3-1, 3-2), у другой майкопской (4) и у семибратненских (1, 2) он рудиментарен, занимает впадину между передней и задней частями рогов. В основании головы семибратненских олненптиц проходит рифленый валик, отделяющий ее от шеи и имитирующий кожно-шерстную складку, характерную для оленя или лося в природе. Шея усеченно-коническая, трапециевидная, гладкая, в одном из семибратненских изображений на шее с помощью вертикальных, сходящихся под углом плоскостей отчетливо намечены мускулы (1).

Шея плавно переходит в спину или грудь, в верхней части гладкую, а затем переходящую далее в трапециевидную (1, 2, 4) или овальную (3-1, 3-2) плоскость, покрытую крупным продольным рифлением, которое разделено на поперечные ступени, спускающиеся к низу налобника. Возможно, это

[1] В одном из семибратненских изображений (1) ухо частично утрачено, или же это следствие недолива металла.

одновременная имитация шерсти зверя и перьев птицы (если данная плоскость — спина, то крылья птицы как бы сложены на спине: ср. Leskov, 2008. P. 178), что соответствует синкретизму образа оленептицы. В основании шеи слева и справа уступом отграничены выпуклые овалы, очевидно, имитирующие лопаточно-плечевую часть.

Апалогии и хропология. В целом образ «оленептицы» соответствует известной тенденции контаминации образа благородного оленя и хищной птицы, существующей в скифо-сибирском зверином стиле — ср. полнофигурные изображения клювоголовых оленей и оленекозлов на плечах пазырыкских мумий из 2-го Пазырыкского кургана и из могильников Ак-Алаха-3 (курган 1) и Верх-Кальджин-2 (курган 3) (Полосьмак, 2001. Рис. 151: а, б, в); ср. также сделанную в Китае, но явно в расчете на кочевнические вкусы, фигурку из провинции Шаньси (Oro, 2001. P. 149–150. Fig. 51). Имеется и тематическая параллель, более близкая территориально и связанная скорее с кобанским искусством, — крылатый олень на костяном гребне из Гойты (Прокопенко, 2010. Рис. 185: 21). Но непосредственную аналогию данному типу по композиции и по трактовке головы и рогов составляют протомы оленя типа 1 Журовско-семибратненский. Возможно, изучаемый тип изображений сформировался под их композиционно-стилистическим влиянием, при объективном наличии в скифо-сибирском мире идеи синкретического персонажа — «оленептицы» (см. также многочисленные случаи трансформации рогов оленя в птичьи головы).

Хронологическую основу типа составляют изображения из 4-го Семибратненского кургана (1, 2), объективно датируемого второй пол. или третьей четв. V в. до н. э. или, у́же, 440–430 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов), что соответствует взаимосвязи с протомами оленя типа 1 Журовско-семибратненский, которые, как было установлено ранее, датируются в рамках начала — второй трети V в. до н. э. Изображение из Майкопского клада, очень близкое семибратненскому, должно датироваться аналогично.

Таким образом, предельные хронологические рамки Семибратненского типа и всего образа «оленептицы» — вторая пол. V в. до н. э.

V.8. КОМБИНАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ПТИЦЫ И НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КОПЫТНОГО

К данному мотиву отнесены редуцированные изображения, в которых равноценно сочетаются видовые элементы птицы и неопределенного копытного.

Данный мотив представлен двумя типами.

Тип 1 Ромепско-фаскауский, сер. VII — VI в. до п. э.

К данному типу относятся 5 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1, 5), Нижнего Поднепровья (3) и Центрального Предкавказья (2, 4). Все эти изображения оформляют трехпетельчатые (1–2) и трехдырчатые (3–5) псалии — бронзовые (1, 2) и костяные (3–5).

Модель типа. Изображения представляют голову и шею хищной птицы (верхняя часть псалия) и ногу копытного (нижняя часть псалия), в целом дуговидных очертаний. Моделировка объемная, но она рассчитана на профильное обозрение. Голова увенчивает длинную цилиндрическую (1, 2) или усеченно-коническую (3–5) шею, при этом клюв горизонтален (1), немного приподнят (2) или поднят наискось (3–5). Клюв загнут (1, 3, 5) или закручен (2, 4). Надклювье в грушевском изображении поперечно зарифлено овалами (3). Линия рта обозначена одним или двумя желобками (1, 3, 5) или не показана (2, 4). Голова в шумейковском изображении изоморфна подошве копыта (5).

Глаз округлый, моделирован выпуклостью зеницы в обрамлении рельефного кольца глазницы, в двух случаях впадиной дан зрачок (3, 5), в одном случае глаз не прослеживается (4). Шея слабо изогнутая (1, 2, 5) или прямая (3, 4). Нога укороченная, завершается преувеличенным копытом, обозначенным при переходе от надкопытной части с помощью утолщения, а в одном случае еще и поперечным валиком (1).

В отношении псалиев из могильника Фаскау (Галиат) (2) следует подчеркнуть, что здесь представлена именно голова птицы, а не барана или бараноптицы, так как «на данных псалиях есть концентрические окружности, которые следует толковать как изображение глаз, в отличие от линий спиралевидного контура, изображающих закрученные рога баранов и бараногрифонов на большом количестве предметов скифской архаики» (Мошинский, 2006. С. 25). При этом А. П. Мошинский признает сходство галиатских псалиев с рассмотренным выше псалием с головой барана из кургана 12 Нартанского могильника.

На псалии из кургана 14 Нартанского могильника (4) голова и копыто переданы в разных плоскостях: голова дана в профиль, а копыто развернуто на зрителя и геометризировано, так что природная подоснова фактически утрачивается.

Апалогии и хропология. Изображения Роменско-фаскауского типа относятся к массиву изображений на трехпетельчатых и трехдырчатых псалиях, оформляемых также в виде аналогичного знака барана, лошади, хищника и комбинации птицы

и копытного. Одно из изображений Роменско-фаскауского типа (5) происходит из того же комплекса (Шумейковский курган), что и вышеописанные изображения лошади Аксютинецо-шумейковского и Шумековско-аксютинецкого типов. Костяные псалии с головой лошади с поднятым ухом разделяются по классификации А. Д. Могилова на два типа соответственно морфологии средней части псалия — с тремя петлями и с тремя дырами; трехпетельчатые псалии датируются А. Д. Могиловым серединой VII — VI в. до н. э. (Могилов, 2008. С. 27). В этих рамках следует датировать и Роменско-фаскауский тип.

Тип 2 Тауйхабльско-аксютипецкий, копец VI — первая пол. V в. до п. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Срелнего Поднепровья (2), Крыма (3) и Прикубанья (1). Все они оформляют бронзовые вотивные топорики-скипетры.

Модель типа. Представлены голова и шея хищной птицы (клинок топорика) и нога копытного (обушок топорика). Моделировка объемная, но она рассчитана на профильное обозрение. Трактовка деталей лаконичная. Голова увенчивает гладкую цилиндрическую шею, при этом клюв (если рассматривать скипетр в вертикальном положении) немного приподнят. Сам клюв загнут, он длинный, тонкий, серповидный в аксютинецком и тауйхабльском изображениях (1, 2), более короткий в кулаковском изображении (3). Линия рта дана каплевидным желобком. Подбородок и короткая восковица птицы выделены с помощью выступов над уровнем клюва. Глаз выпуклый, овально-округлый, моделирован выступом. Нога крайне укороченная, с рудиментарным пальцем, выделенным с помощью выступа, и преувеличенным подтреугольным копытом, подошва которого сформирована сходящимися плоскостями с продольным ребром между ними.

Апалогии и хропология. Аналогичный топорик предположительно изображен в руках у скифа на золотых пластинах парадного пояса из кургана 5 у с. Аксютинцы (На краю Ойкумены. С. 92. Кат. № 398; Конь и всадник. С. 29. Кат. № 38).

Хронология данного типа основывается на датировке топорика из кургана Кулаковского, который происходит из того же комплеса, что и бляхи с изображением свернувшегося хищника Кулаковско-ковалевского типа, дата которых (см. выше) была определена в рамках конца VI — первой пол. V в. до н. э. Тайухабльское и аксютинецкое изображения, очень близкие кулаковскому, должны датироваться в тех же пределах.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: конец VI — первая пол. V в. до н. э.

V.9. ОБРАЗ РОГАТОЙ РЫБЫ

К данному образу относятся изображения, наделенные вышеуказанными признаками скифского звериного стиля, природными признаками надкласса рыбы (*Pisces*) и, вместе с тем, природными признаками млекопитающих (см. ниже).

Данный образ представлен только в полнофигурном отображении. Выделяется единственный тип.

Тип 1 Гаймаповский, 390–380 гг. до п. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Нижнего Поднепровья, из центральной гробницы Гаймановой могилы, из конской могилы. Это изображение оформляет парные золотые нащечники (обкладки деревянной основы) коня № 2.

Изображения выполнены в рельефе, односторонние. Голова большая, рыло тупое укороченное, напоминающее морду хищника. Пасть распахнута, рот обозначен узким длинным желобком, во рту частыми короткими выступами показаны зубы. Глаз средних размеров, округлый, моделирован округлой выпуклостью зеницы в углублении овальной глазницы с выступающими вперед и назад каналами слезников (опять-таки природная черта млекопитающего).

Голова отделена от туловища слабозаметным сегментовидным валиком-«воротником» (имитация жаберного плавника). Туловище непропорционально маленькое в сравнении с головой, веретенообразное, покрыто косыми валиками, имитирующими чешую.

Спинной, брюшной и анальный плавники не отображены. Хвостовой плавник в сравнении с туловищем мощный, выполнен в виде пальметки с крупными рельефными лепестками.

По верху туловища рыбы вдоль спины проходит широкая полоса из пяти рельефных S-видных завитков, которые являются ничем иным, как отростками задней ветви оленьих рогов, тогда как передний, «глазной», отросток рога отходит от затылка вперед, облегая голову рыбы, далее разделяется на два отогнутых назад завитка, передний из которых упирается в носовой выступ рыбы. Полоса четырех рельефных S-видных завитков, симметричная задней ветви оленьих рогов, проходит и под животом рыбы, но ее нельзя трактовать как рога. Скорее всего, эти четыре отростка имитируют ноги зверя.

Таким образом, данное изображение сочетает признаки рыбы и млекопитающих (хищника и оленя).

Хропология. Центральная гробница Гаймановой могилы датируется в пределах 390–380 гг. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012. С. 452).

Краткие итоги систематизации изображений синкретических существ

Автором выявлено и систематизировано 237 оригинальных изображений синкретических животных, наделенных указанными в главе I признаками скифского звериного стиля и изначально воспринимаемых создателями этих изображений как сочетания отличительных признаков остальных мегаобразов — хищников, копытных и птиц, как попарно, так и в сумме. Эти изображения образуют 46 морфологических типов и в совокупности присутствуют во всех субрегионах восточноевропейского скифского звериного стиля на всем протяжении его функционирования.

Количество морфологических типов изображений синкретических животных существенно выше аналогичного показателя в рамках остальных мегаобразов в восточноевропейском скифском зверином стиле и свидетельствует об их разноплановости и низкой стандартизированности, граничащей с эклектичностью.

В рамках мегаобраза синкретических животных доминируют 2 образа — внутренне неоднородный образ грифонов и крылатых львов (112 изображений, в том числе 67 полнофигурных и 45 редуцированных (головы, протомы), формирующих в совокупности 33 типа) и, напротив, каноничный образ бараноптицы/грифобарана (51 изображение, 2 типа). При этом образ грифона реализуется на протяжении всей скифской эпохи, претерпевая от «скифской архаики» к «скифской классике» существенные изменения иконографии (раннегреческий (ионийский) тип, затем ахеменидский и позднегреческий типы) и испытывая в процессе развития влияния из переднеазиатского, раннегреческого и классического греческого бестиария и соответствующей стилистики. Напротив, образ бараноптицы связан исключительно со «скифской архаикой» и, за редкими исключениями, присущ только скифской археологической культуре или зоне скифского временного присутствия или влияния.

Остальные образы в рамках мегаобраза синкретических животных не столь многочисленны и являются скрещением различных образов, порой тупиковым: в эпоху «скифской архаики» это гибриды грифона и бараноптицы (2 изображения, 1 тип), грифона и кошачьего хищника (контаминированный с образом летучей мыши) — тупорылый зверь (11 изображений, 1 тип); в эпоху «скифской архаики» и в начале эпохи «скифской классики» — комбинация элементов птицы и неопределенного копытного (8 изображений, 2 типа); в эпоху «скифской классики» — миксация образов грифона и гиппокампа (31 изображение, 4 типа), лося и птицы — «лосептица» (17 изображений, 1 тип), оленя и птицы — «оленептица» (4 изображения, 1 тип), рыбы и грифона — рогатая рыба (1 изображение).

Подробной характеристике истоков и направлений реализации мегаобраза синкретических существ посвящена глава VII (§ 2).

Глава VI

Прочие образы: классификация, типология и хронология изображений

VI.1. ОБРАЗ ЗАЙЦА

§ 1. Общие принципы образно-видовой идентификации изображений

К данному таксону относятся изображения, наделенные вышеуказанными характеристиками скифского звериного стиля и природными признаками семейства зайцы (*Leporidae*). К этим признакам, отобразившимся в скифской иконографии, относятся в первую очередь длинные заостренные уши, короткий хвост и относительно тонкие ноги с короткими пальцами, производящие впечатление когтевидных (во всяком случае, не копытовидных) завершений.

Образ зайца в скифском зверином стиле наиболее полно освещен в статье Ю. Б. Полидовича и Г. Н. Вольной, в которой собраны практически все известные изображения зайца скифской эпохи с территории лесостепного и степного Северного Причерноморья и Северного Кавказа, а также с территории Центральной Европы и из восточных районов скифо-сибирского мира. Авторы учли 80 оригинальных изображений (не считая копий) и классифицировали их, дифференцировав одиночные, парные (антитетические) и «сюжетные» (имеются в виду 4 группы сцен: охота скифа на зайца, преследование зайца собакой, терзание зайца орлом и терзание зайца хищником) (Полидович, Вольная, 2005. С. 415 сл.). Одиночные изображения зайца были разделены Ю. Б. Полидовичем и Г. Н. Вольной на две группы — бегущие и лежащие (с подогнутыми лапами). Далее среди бегущих дифференцируются два варианта зайцев — «с вытянутыми передними и задними лапами» (собственно бегущие) и «с приподнятой передней частью туловища, слегка подогнутыми задними ногами и вытянутыми передними» («как бы в прыжке»). Среди лежащих три варианта: с прямо поставленной головой, с опущенной головой, с головой анфас (Полидович, Вольная, 2005. С. 415–418). Как видим, в данной классификации на одном и том же таксономическом уровне происходит дифференцирование по разным критериям. Кроме того, отдельно описываются изображения зайца с вывернутым на 180 градусов туловищем и мотив обособленной головы зайца (Полидович, Вольная, 2005. С. 419–420).

Вместе с тем, значительная часть изображений, приведенных Ю. Б. Полидовичем и Г. Н. Вольной, будучи связанны со скифским культурным контекстом и происходя из скифских памятников, не несет никаких признаков скифского звериного стиля (Полидович, Вольная, 2005. С. 417, 422, 423). Кроме того, еще ряд изображений, включенных в сводку Ю. Б. Полидовича и Г. Н. Вольной (в частности, такие как нартановское и темиргоринское), могут атрибутироваться не как образы зайца, а как образы иных животных, что сознают и сами авторы (Полидович, Вольная, 2005. С. 419–420). В частности, как показал Л. И. Бабенко, ряд изображений, идентифицированных Г. Н. Вольной и Ю. Б. Полидовичем как заячьи (на золотых бляшках круга мастерских Бельского городища), могут интерпретироваться и как упрощенная трактовка грифона (Бабенко, 2012. С. 113).

Соответственно в данной работе круг классифицируемых изображений ограничивается только теми, которые имеют четкие признаки скифского звериного стиля и однозначно трактуются как зайцы, поэтому в нашей сводке содержится значительно меньше изображений, чем в сводке Ю. Б. Полидовича и Г. Н. Вольной[1].

[1] В частности, в связи с этим не учитывается находящееся на грани греческой и скифской стилистики изображение зайца, терзаемого огромной птицей, на золотой обкладке горита из кургана Дорт-Оба (ОАК за 1892 г. С. 9. Рис. 4). Также в силу неясности репродукции и невозможности визуального ознакомления с утраченной вещью не учитывается фигура зайца (равно как и других животных, изображенных на кинжале из Киевского исторического музея), зарисованного Б. З. Рабиновичем (Ильинская, 1975. Рис. 7).

§ 2. Классификация, типология и хронология изображений зайца

Тема зайца в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется в полнофигурном отображении и редуцированно (обособленная голова).

Полнофигурные изображения

Все эти изображения в контексте универсальной таксономической системы классифицирования полнофигурных изображений относятся к **грунне I** (нижние части ног параллельны оси туловища) — лежащие.

В рамках этой группы выделяются две сюжетные подгруппы:

нодгрунна I-1 — ***передняя и задняя ноги вперед;***

нодгрунна I-2 — ***передняя нога назад, задняя вперед.***

При этом в рамках обеих подгрупп выделяется только один сюжетный отдел ***по позиции головы относительно туловища***: **отдел I** — изображения зайцев с головой, однонаправленной с туловищем.

Вместе с тем еще до перехода на уровень сюжетного отдела в рамках подгруппы I-1 выделяются **2 сюжетных нодкласса** («нерегулярный» таксон) — подкласс **а** и подкласс **б** (для подгруппы I-2 в изображении зайца такое деление на подклассы неактуально).

Напомним в связи с этим, что более высокий, нежели подкласс, «нерегулярный» таксон в рамках единой таксономии — сюжетный класс А — представляет животных, у которых передняя и задняя части туловища даны в едином ракурсе (в отличие от класса Б, в рамках которого задняя часть туловища вывернута относительно передней на 180 градусов); все изображения зайцев относятся к подклассу А. По степени изогнутости туловища изображения класса А в рамках единой таксономии разделяются на 2 сюжетных подкласса:

нодкласс а — туловище прямое или слабоизогнутое;

нодкласс б — туловище согнуто в кольцо или полукольцо (свернувшиеся животные).

В итоге изображения зайцев распределяются по трем таксонам:

Группа I – подгруппа 1 – подкласс а – отдел I;
Группа I – подгруппа 1 – подкласс б – отдел I;
Группа I – подгруппа 2 – отдел I.

По менее значимым композиционным показателям, а также с учетом образно-стилистических признаков выделяются **4 изобразительных тина**, два из которых относятся к таксону Группа I – подгруппа 1 – подкласс а – отдел I; один – к таксону Группа I – подгруппа 1 – подкласс б – отдел I; еще один — к таксону Группа I – подгруппа 2 – отдел I.

Группа I – подгруппа 1 – подкласс а — отдел I

Тин I-1-а-I-1 Бельско-владимировский, начало V — вторая четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 16 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (5, 8, 11–14, 16), Нижнего Поднепровья и Приазовья (1, 3, 4, 6, 7, 9), Крыма (2) и Прикубанья (10, 15). Это фигуры, оформляющие золотые нашивные бляшки (1–9, 11–14, 16), золотой наконечник или модель конского оголовья (10), а также бронзовые псалии (15-2, 15-3) и серебряный псалий (15-1).

Модель тина. Изображен длинноухий зверь с каплевидной головой и когтевидными завершениями ног, т. е. вполне соответствующий природным параметрам зайца. Изображения моделированы в одностороннем высоком рельефе (исключение — гравировка на ульских псалиях — 15). Фигура строго профильная, вписанная в овал. Заяц показан лежащим (в ульских и головковском изображениях — низко присевшим — 10, 15, 16), с лапой задней ноги, упирающейся в сгиб запястья передней ноги, с головой горизонтально направленной (4, 5, 6, 8, 9, 12), либо склоненной наискось вперед (1, 2, 7, 10, 11, 13–15, 16); лишь в одном случае голова вертикально опущена (3). Ухо плотно прижато к шее.

Изображения трактованы схематично. Голова овальная. Носовая часть минимизирована, рот обозначен миниатюрной впадиной, обычно почти примыкающей к глазу. Основную часть головы занимает преувеличенный глаз – округлый или овальный, моделированный в виде выпуклой зеницы во впадине глазницы; исключение составляют ульские изображения (10, 15), в которых глаз нормального размера. Ухо удлиненно-листовидное или удлиненно-треугольное, со впадиной раковины. Шея и туловище гладкие. Шея обычно слита с туловищем воедино, исключая бабинское (1) и ульские изображения. Лопатка полуовальная, овальная или сегментовидная, моделирована рельефно, исключая плоскостное изображение на ульском псалии, где она отграничена спереди углубленной линией (15). Спина выгнутая, лишь в одном случае прогнутая (11). Бедренная часть овальная или полуовальная, с треугольно моделированной тазобедренной выемкой. Лапы преувеличены, переданы чаще без пальцев — петлей или овалом, реже — с двумя или тремя крупными рельефными пальцами (2, 5, 6, 10, 12, 15, 16). Хвост минимизирован, часто почти незаметен, если же он различим, то отходит назад и примыкает к спине или заду зайца.

Аналогии и хронология. Данному типу нет близких аналогий в рамках скифского звериного стиля. Вместе с тем он композиционно сходен с модулем припавшего к земле хищника в скифском искусстве. Хронология данного типа базируется на таких изображениях, датируемых по объективным показате-

лям (см. Список опорных хроноиндикаторов), как бабинское (1) (470–450 гг. до н. э.) и нимфейское (2) (475–425 гг. до н. э.). Курган 11 курганной группы около шахты 22 у г. Орджоникидзе в Поднепровье (4) датируется с учетом находки в комплексе черно-лаковой чашечки в рамках V–IV вв. до н. э. (Черненко и др., 1986. С. 98). Комплекс Ульского кургана № 2 раскопок 1909 г. по хронологии В. Р. Эрлиха датируется второй пол. VI в. до н. э. (Эрлих, 2010. С. 117–118, 125). Комплекс из кургана А у с. Басовка датируется В. А. Ильинской первой пол. V в. до н. э. по типам наконечников стрел и предметов украшений (Ильинская, 1968. С. 106, 107).

Верхнюю дату для данного типа, очевидно, задает песочинское (14) изображение, которое относится ко второй четверти IV в. до н. э. Остальные изображения, в силу их большого сходства с вышеуказанными, должны датироваться в сходных рамках, каковые для Бельско-владимировского типа, по хронологически предельным изображениям, определяются как начало V — вторая четв. IV в. до н. э.

Тин I-1-а-I-2 Новозаведенско-чертоватовский, вторая нол. VII — VI в. до н. э.

К данному типу относятся 6 изображений, происходящих с территории Ставрополья (1, 2), Нижнего Поднепровья (3), Среднего Поднепровья (4, 5) и Крыма (6). Это фигуры, оформляющие отростки блюда из рога лося (1, 2), костяную пластину (3), костяную бляшку (4), бронзовые навершия (5) и костяное навершие (вероятнее всего, для рукояти плети) (6), причем на навершиях данный образ является элементом зооморфного превращения рогов бараноптицы[1].

Модель тина. Изображен длинномордый и длинноухий зверь, вполне соответствующий природным параметрам зайца. В отношении изображения из поселения Чертоватое-VII (3) опубликовавший его А. С. Островерхов констатировал, что представленные здесь антитетические животные — хищники (Островерхов, 1994. С. 6), однако Ю. С. Полидович и Г. В. Вольная справедливо обратили внимание на такие заячьи черты, как приподнятый зад (что соответствует этологии зайца), длинные уши и короткий хвост (Полидович, Вольная, 2005. С. 420).

Изображения моделированы в одностороннем рельефе. Фигура строго профильная. Заяц показан припавшим к земле (в гуляйгородском изображении — низко присевшим — 4), с лапой задней ноги, упирающейся в сгиб передней ноги, с головой, склоненной наискось вперед; при этом темиргоринское изображение (6) можно трактовать и как протому (ср. Смирнов, 2015. С. 52), и как полнофигурное изображение без передней ноги (ср. Яковенко, 1976а. С. 237–239). Ухо плотно прижато к шее.

Изображения трактованы лаконично, но достаточно внятно в видовом отношении. Голова трапециевидная. Нос и пасть чаще оформлены рельефной фигурой, со впадинами ноздри и рта (1–3, 5, 6), в гуляйгородском изображении (4) рот обозначен впадиной, ноздря не акцентирована. Глаз среднего размера, округлый или овальный, моделированный углублением зеницы в обрамлении рельефной глазницы (1, 2, 5) или выпуклым кружком (3, 6); в гуляйгородском изображении глаз слабозаметен. Ухо крайне удлиненное, узкое, со впадиной раковины (1–3, 5, 6); в гуляйгородском изображении раковина не акцентирована. Шея длинная трапециевидная, в новозаведенских изображениях покрыта частыми мелкими впадинами, имитирующими шерсть и переходящими на туловище и бедро (1, 2); в чертоватовском и гуляйгородском изображениях шея, туловище и бедро гладкие (3, 4). Лопатка чаще не акцентирована (1, 2, 4–6), но в чертоватовском изображении сегментовидная, отграниченная насечками (3). Спина выгнутая. Бедренная часть не акцентирована. Лапы чаще переданы без пальцев — кружком-петлей, как у многих хищников в скифском зверином стиле (1, 2), или заострением (4–6); в чертоватовском изображении они показаны с тремя рельефными пальцами (3). Хвост чаще минимизирован, дан почти незаметным заострением (1, 2, 5) или вовсе не показан (4, 6), в чертоватовском изображении показан четко, здесь хвосты обоих зайцев тонкие, отходят горизонтально назад и накладываются друг на друга.

Аналогии и хронология. Близкую аналогию новозаведенским изображениям составляет выполненное в пограничной передневосточно-скифской манере изображение зайца на Келермесской секире (А), которая происходит из кургана 1/Ш (Галанина, 1997. Кат. 6 (b). Табл. 10), объективно датируемого второй пол. VII в. до н. э. (при возможной более ранней дате самой секиры). Это корреспондирует с объективной датировкой (см. Список опорных хроноиндикаторов) Новозаведенского кургана 5, откуда происходит одно из изображений зайца (1), в рамках второй половины VII в. до н. э. Сходно должно датироваться и близкое вышеназванному новозаведенскому изображение из Новозаведенского кургана 10 (2). Темиргоринское изображение (6) объективно датируется третьей четв. VII в. до н. э.

[1] Аналогично атрибутирует данного зверя на темиргоринском навершии Н. Ю. Смирнов, подробно изучивший данный предмет, однако основную головку он считает птичьей, соответственно видит здесь не превращение рогов бараноптицы, а прием наложения (Смирнов, 2015. С. 51–53).

Гуляйгородский курган 38, из которого происходит соответствующее изображение зайца, В. А. Ильинская датирует сер. VI в. до н. э., ориентируясь в первую очередь на дату зеркала «ольвийского типа», отнесенного Б. Н. Граковым ко второй трети VI в. до н. э. (Ильинская, 1975. С. 58. Табл. II, 28; Граков, 1947б. С. 23 сл.). Т. М. Кузнецова, в классификации которой это зеркало относится ко II классу II отделу 01 группе 03 типу 01 виду 02 варианту, датирует зеркало второй пол. VI в. до н. э. (Кузнецова, 2002. С. 195, 286). Изображения зайцев из Чертоватого, в силу их значительного сходства с новозаведенскими и с учетом близкой новозаведенским техники исполнения, должны датироваться сходно[1].

Таким образом, предельные хронологические рамки данного типа: вторая пол. VII — VI в. до н. э.

Группа I – подгруппа 1 – подкласс Б – отдел I

Тин I-1-б-I-1 Бельский,
носледняя четв. VII — нервая четв. VI в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее из района Среднего Поднепровья — с территории Западного Бельского городища (1). Это превращение рогов вышеописанной бараноптицы (тип 1 Келермесско-новозаведенский), оформляющей налучье из рога оленя.

Представлен заяц, свернувшийся в кольцо вокруг глаза бараноптицы и повторяющий очертания хищника, помещенного на клюв бараноптицы (см. тип I-1-А-б-I-1 Келермесско-яблоновский). Изображение моделировано в высоком двустороннем рельефе. Фигура как бы сложена из двух строгих профилей, вписана в круг. Заяц показан с ногами, близко подведенными к шее и туловищу, причем передняя лапа упирается в подбородок зайца, задняя — в его лопатку. Задняя нога обрамляет глаз бараноптицы.

Анатомические детали геометризированы и лаконичны. Глаз округлый, моделирован выпуклостью зеницы (с точкой зрачка). Ухо удлиненное сегментовидное, со впадиной раковины, облегающее шею. Носовая часть выпуклая, сердцевидная, рот дан узким углублением. Скула округлая, слабо выступающая. Шея, лопатка (овальная) и бедро (подпрямоугольное, с овально моделированной тазобедренной выемкой) достаточно мощные, основная часть туловища узкая, удлиненная. Ноги практически сведены к предплечью и стопе. Лапы (т. е. окончания ног) показаны с тремя рельефными пальцами.

Хронология. Зольник № 28 Западного Бельского городища, из которого происходит налучье, датируется И. Б. Шрамко в пределах последней четв. VII — первой четв. VI в. до н. э. (Шрамко, 2015. С. 487).

Группа I – подгруппа 2 – отдел I

Тин I-2-I-1 Шумейковский,
вторая нол. VII — VI в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Среднего Поднепровья — из кургана у хут. Шумейко (1). Оно оформляет золотую нашивную бляшку.

Изображение моделировано в одностороннем высоком рельефе. Фигура строго профильная, имеет очертания перевернутой трапеции. Представлен заяц, лежащий с прижатыми к туловищу ногами внахлест, передняя на задней (задняя подпирает лапой сгиб передней, а передняя лежит лапой на сгибе задней), с отходящей вперед и чуть вверх шеей, увенчанной головой, направленной наискось вниз. Ухо плотно прижато к шее, хвост отходит вниз и концом примыкает к заду.

Изображение трактовано лаконично и четко. Голова трапециевидная, с заостренной мордой. Ноздря и пасть слиты в крупную овальную фигуру, рот обозначен впадиной. Основную часть головы занимает преувеличенный глаз — овальный, моделированный в виде выпуклой зеницы во впадине глазницы с широким рельефным краем. Ухо удлиненное, сегментовидное, со впадиной раковины, опирается на лопатку. Шея трапециевидная, мощная, с валиком по нижней стороне, отграниченным желобком (имитация шерсти?). Лопатка овальная. Бедренная часть полуовальная, с овально моделированной тазобедренной выемкой. Лапы переданы подковообразной рельефной петлей. Хвост узкий.

Аналогии и хронология. Не находя себе близких аналогий, шумейковское изображение по трактовке анатомических деталей близко вышеописанному изображению зайца Бельского типа. Кроме того, по контуру и композиции шумейковское изображение сходно с каноном оленя Келермесско-кульобского типа, а по трактовке ключевых анатомических деталей соответствует наиболее ранним изображениям этого типа — костромскому оленю, келермесским оленям и т. д. Исходя из этого, данное изображение может датироваться в рамках второй половины VII — VI в. до н. э.

[1] Чисто композиционную аналогию чертоватовским изображениям составляет выполненное совершенно в греческой манере, без каких-либо признаков скифского звериного стиля золотое навершие из «Майкопского клада», присоединенное к плоскому основанию (Leskov, 2008. P. 49–50, cat. 84). По мнению А. М. Лескова, данная вещь изготовлена в мастерских Боспорского царства и датируется IV в. до н. э. (Leskov, 2008. P. 66) . Однако в силу исключительно композиционного сходства данная аналогия не может служить хронологическим указателем для чертоватовских изображений.

Обособленная голова

Тин 1 Темиргоринско-новозаведенский, третья четв. VII — начало VI в. до н. э.

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Ставрополья (1) и Крыма (2). Это элементы зооморфного наложения на клюв бараноптиц, оформляющих костяное налучье (1) и костяное навершие (вероятнее всего, для рукояти плети) (2).

Модель тина. Представлена вписанная с двух сторон в клюв бараноптицы и противонаправленная этому клюву рельефно моделированная двусторонняя, трапециевидная (1) или овальная (2) головка некоего зверя, который по форме уха, скорее всего, должен идентифицироваться как заяц (хотя не исключено, что это животное можно трактовать иначе — как копытное или как хищника). Данное существо наделено длинным сегментовидным ухом со впадиной раковины, выступающим округлым концентрическим глазом (в темиргоринском изображении глаз занимает почти все пространство головы — 2), в одном случае также дуговидной шеей (1). Окончание морды образовано восьмерковидной фигурой со впадинами ноздри и рта.

Хронология типа определяется объективными датировками комплексов из Новозаведенского кургана 13 (вторая пол. VII — начало VI в. до н. э.) и Темир-горы (третья четв. VII в. до н. э.) (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Таким образом, рамочная датировка данного типа: третья четв. VII — начало VI в. до н. э.

VI.2. ОБРАЗ ВЕРБЛЮДА

К данному образу относятся изображения, наделенные вышеуказанными признаками скифского звериного стиля и природными признаками верблюда, скорее всего, двугорбого (*Camelus bactrianus*), а именно: хохолок на темени (т. е. «шапка» густой шерсти), овальное ухо, горбоносая морда с нависающей верхней губой. Верблюд не принадлежит ни к отряду парнокопытных, ни к отряду непарнокопытных, а относится к отряду мозоленогих, семейству верблюдовых, поэтому соответствующие изображения рассматриваются вне мегаобраза копытных. Поскольку данный образ представлен в восточноевропейском зверином стиле только обособленной головой, идентификация данного мотива именно с отрядом двугорбого верблюда определяется реконструируемым ниже генетическим рядом, который позволяет объяснить появление изображений верблюда на территории скифской археологической культуры, где в данную эпоху у них не было природного прототипа.

Мотив головы верблюда представлен единственным типом.

Тин 1 «Уллу — Аксютинцы», рубеж VI–V — сер. V в. до н. э.

К данному типу относятся 6 изображений, происходящих с территории Центрального Предкавказья (1, 3), Прикубанья (2) и Среднего Поднепровья (4–6). Все они оформляют бронзовые уздечные бляхи.

Модель тина. Представлено изображение головы некоего существа с сегментовидной верхней челюстью, с нависающей верхней губой, с хохолком на темени, с овальным ухом. Всё это соответствует природным чертам двугорбого верблюда — бактриана. Изображения рельефные, односторонние, с прорезью (1, 4–6) или со впадиной (2, 3) для обозначения рта, ракурс профильный. Животное имеет горбатую морду с овальным завершением (но без явного перелома, характерного для иконографии лося), преувеличенный округлый концентрический глаз (выпуклость зеницы в рельефном ободке глазницы), овальное ухо со впадиной раковины, непосредственно примыкающее к глазу, и поперечно зарифленный гребень-хохолок непосредственно над глазом. Рот овальный, в изображении из Гастон Уота слабозаметный (3), в остальных случаях четко проработанный, причем в майкопском изображении (2) рот зубастый, что имитировано тремя поперечными валиками, разделенными впадинами. В броварском изображении (5) у края носовой кости показана рельефная впадина.

Хохолок четче всего воспроизведен в изображениях из Уллу и Гастон Уота (1, 3) — он, как и в полнофигурных изображениях верблюда, сегментовидный, с крупным поперечным рифлением (1). Эта деталь гораздо схематичнее в майкопском, аксютинецком (4), броварском (5) и макеевском (6) изображениях, где хохолок либо овальный, с единственным желобком внутри, т. е. подобный уху (2), либо складывается из трех (3, 5), четырех (1, 4) и более (6) коротких вертикальных валиков, похожих в совокупности либо на гребень грифона, либо на пальметоидную рудиментарную корону лосиных рогов (4, 5).

В литературе аксютинецкое изображение трактуется то как «голова грифона» (Ильинская, 1968. С. 31), то как голова «лося с чубчиком» (Могилов, 2008. С. 48). Изображение из Броварок квалифицировано Л. К. Галаниной как «голова грифона» (Галанина, 1977. С. 53). Действительно, загнутая морда напоминает клюв, а рифленый выступ над глазом — гребень грифона. В то же время в аксютинецком и броварском изображениях «хохолок» может трактоваться и как верблюжий, тогда как в макеевском изображении семантическая грань между верблюдом и грифоном практически

перейдена в пользу последнего, так как хохолок очень низкий.

Аналогии и генезис (см. рис. 27 Приложения 5). Е. Ф. Королькова идентифицировала и систематизировала практически все изображения двугорбого верблюда-бактриана на пространстве евразийских степей, причем не только в отношении скифской, но и последующей, сарматской эпохи; к 2006 г. исследовательницей было учтено 90 изделий из 35 памятников (Королькова, 1999. С. 68–96; Королькова, 2006. С. 88–104). И хотя Е. Ф. Королькова не выявила изображений верблюда на территории скифской археологической культуры, четкие критерии идентификации данного образа, разработанные исследовательницей, позволяют, опираясь на результаты раскопок с нашим участием, — а именно к ним относится изображение из Уллу (1) (Белинский, Канторович, Маслов, Райнхольд, 2013. С. 18–19), доказать проникновение образа верблюда также и в зону восточноевропейского скифского звериного стиля.

Конкретнее, ближайшую аналогию выделенному нами типу составляют бронзовые уздечные бляхи (А-1, А-2), оформленные в виде головы верблюда из Хошеутова (Očir-Gorjaeva, 2005. Cat. 98, 99, 118, 119). Менее близки, но сходны с данным типом головы верблюдов на бронзовых псалиях из Хошеутова (Očir-Gorjaeva, 2005. Cat. 4–5). Изображения типа «Уллу — Аксютинцы» — это, скорее всего, искаженный и меняющий идейную основу образ верблюда, пришедший в ареал скифской культуры (в регион, где верблюды как таковые в это время не водились) и ее контактную зону изначально с территории Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (ср. полнофигурные изображения борющихся верблюдов-самцов на уздечных бляхах из Пятимар первой пол. V в. до н. э. (Смирнов, 1976. Рис. 5: 7); этот сюжет нашел продолжение в более поздних изображениях из Филипповки (The Golden Deer of Eurasia, 2000. Cat. 13). Показательно, что на Северном Кавказе, более близком к Нижнему Поволжью этот персонаж отображался более реалистично (Уллу, Гастон Уота), нежели в Среднем Поднепровье, весьма отдаленном от природных и иконографических истоков образа (здесь он «подавляется» темой грифона или лося или контаминируется их иконографией — см. изображения из Аксютинцев и Броварок).

Хронология. Ориентиры для определения хронологических рамок данного типа и всего мотива верблюжьей головы в восточноевропейском скифском зверином стиле нам дает, во-первых, аналогия с Хошеутовом, датируемом в рамках V в. до н. э., возможно, его серединой (Očir-Gorjaeva, 2005. S. 70–72), во-вторых, бляха из Уллу, происходящая из погребального комплекса со стрелами V в. до н. э. Это не противоречит датировке аксютинецкого изображения: по мнению В. А. Ильинской, предметы архаического типа в этом комплексе преобладают (в частности, это двулопастные и трехлопастные наконечники стрел с шипом), но сочетаются с уздечным ремнем с бронзовыми колечками и изучаемыми нами бляхами, которые уходят за пределы «скифской архаики». Вывод В. А. Ильинской: рубеж VI–V вв. до н. э. (Ильинская, 1968. С. 73). А. Д. Могилов датирует эти уздечные принадлежности и весь комплекс второй пол. VI в. до н. э. (Могилов, 2008. С. 48). Комплекс из Броварок по составу колчанного набора и типам бронзовых уздечных блях отнесен исследователями к первой половине V в. до н. э. (Ильинская, 1957. С. 238; Галанина, 1977. С. 53). Близкие броварскому изображения из Аксютинцев и Макеевки должны датироваться аналогично.

С учетом иконографической первичности изображений из Уллу в рамках данного типа, очевидно, следует датировать весь тип в пределах рубежа VI–V — сер. V в. до н. э.

VI.3. ОБРАЗ ДЕЛЬФИНА

К данному образу относятся изображения, которым, с одной стороны, присущи черты скифского звериного стиля, с другой стороны, природные признаки семейства дельфиновые (*Delphinidae*), — конкретнее, характерные признаки афалин (*Tursiops truncatus*) и белобочек (*Delphinus delphis*), т. е. видов, наиболее распространенных в Черном море. К этим признакам относятся отграничение «клюва»[1] уступом от выпуклой лобно-носовой (жировой) подушки, т. е. «крутолобость»[2], а также четкий спинной плавник. Это важнейшие черты дельфина в греческой иконографии, отличающие его от рыбы и хорошо известные скифам, в чью среду, как известно, такие изображения попадали — см., например, дельфинов, плывущих рядом с оседланным Нереидой (Фетидой?) гиппокампом на золотых височных подвесках из кургана Большая Близница (Scythian Art, 1986. Fig. 251). Отметим и такую особенность представляемых ниже изображений дельфина с элементами скифского звериного стиля, как преувеличенность головы в сравнении с туловищем, что находит аналогию в иконографии дельфина на греческих монетах и керамических клеймах и, очевидно, является намеренным акцентированием этого признака

[1] Термин, иногда употребляемый в биологии для обозначения удлиненных челюстей дельфина.

[2] Это основной признак дельфина в греческой иконографии, отличающий его от рыбы.

в античном искусстве для лучшего различения дельфинов и рыб.

Образ дельфина представлен только полнофигурными изображениями, среди которых можно дифференцировать два типа.

Тин 1 Большецимбальский,
вторая — третья четв. IV в. до н. э.

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья. Они оформляют уздечные принадлежности — золотые нащечники из кургана Большая Цимбалка (1, 2), сопровождавшие соответственно налобник с изображением «змееногой богини» и налобник с геральдическими грифонами[1]. Также к данному типу относится изображение на серебряных нащечниках (на деревянной основе) из кургана Толстая могила (3), которые опять-таки сопровождали налобник с изображением змееногой богини (Мозолевський, 1979. Рис. 23).

Модель тина. Изображения выполнены в рельефе, односторонние. Основу композиции составляют уши копытных, аналогичные рассмотренному выше типу ушей копытных / крыльев птицы, обозначенному нами как тип 1 Нимфейско-бобрицкий. Наиболее близки (с точки зрения композиции и пропорций) к данным изображениям дельфина изображения обособленных ушей, относящиеся к Нимфейско-бобрицкому типу, а именно на золотых уздечных бляхах из Чмырёвой могилы, набор коня 10 и на бронзовых уздечных бляхах из Каменной Балки, курган 6, погр. 2 (см. выше).

Очевидно, именно на композиционной основе этого мотива, в целом скифского или скифо-греческого, северопричерноморскими мастерами (судя по манере изображения змееногой богини на большецимбальском налобнике, это могли быть греки или эллинизированные скифы), ориентировавшимися на скифские вкусы, был выработан хорошо им знакомый мотив фигуры дельфина. Это было достигнуто посредством трансформирования узкой части нащечника / черенка уха копытного в голову дельфино-птицы. Это голова с крупным волютовидным глазом, уступом переходящим в мощный закрученный клюв, отделенный от глаза каплевидной рельефной полосой (в цимбальских изображениях). В то же время, собственно завиток клюва может интерпретироваться и как язык, высовывающийся за пределы зубастой дельфиньей пасти; зубы (многочисленные, что отражает природную многозубость черноморских дельфинов, в особенности белобочек) показаны с помощью мелких рельефных выступов (1, 2) или «жемчужника» (3). За глазом в одном из цимбальских изображений показано каплевидное рельефное ухо (что абсолютно противоречит анатомии как дельфина, так и птицы) со впадиной раковины (1), тогда как в другом цимбальском изображении ухо формирует вместе с завитком под глазом дополнительную птичью головку (2). В обоих цимбальских изображениях вниз от глаза отходит рельефная деталь, похожая на лист аканфа (популярный фитоморфный мотив в греческом искусстве). Возможно, это имитация грудного плавника (который помещен при этом у самого глаза, вопреки анатомии дельфина, у которого плавник отстоит от глаза на значительном расстоянии). В цимбальских изображениях на поверхности длинной восковицы с косым боковым краем (опять-таки аллюзия на птичьи головы в скифском искусстве) впадиной намечена каплевидная ноздря.

Само ухо копытного, составляющее композиционную основу изображений Большецимбальского типа, становится в данном случае туловищем дельфина и покрыто рельефным чешуйчатым орнаментом из продольно расположенных ов, заходящих друг на друга. Эти овы заключены между широкими рельефными рифлеными краями (что соответствует рельефному ободку уха копытного Нимфейско-бобрицкого типа), исполненными в виде поперечных рельефных треугольников.

Итак, налицо влияние иконографии греческого образа дельфина на формирование Большецимбальского типа: таковое проявляется не только в «превращении» черенка нащечника/уха в дельфинью голову (именно дельфинью, а не рыбью, о чем свидетельствуют крутолобость животного и четкий длинный ряд мелких зубов), но и в контуре самого нащечника/уха, уподобленного телу дельфина. Конечно, дельфинье туловище на нащечниках укорочено и схематизировано, ибо того требуют общая композиция и параметры нащечника/ уха. Кроме того, дельфин показан чешуйчатым, поскольку, возможно, он воспринимался древними мастерами как некая особая рыба. Как мы видели, для воспроизведения различных анатомических деталей здесь также использованы чисто греческие декоративные элементы: волюты для передачи глаза и высунутого языка; лист аканфа — для отображения грудного плавника; геометрические фигуры; овы для передачи чешуек, покрывающих туловище дельфина. В то же время, превращение глаза на

---

[1] Примечательно, что еще в те времена, когда изучение скифского звериного стиля еще не началось, исследователи уже обращали внимание на отличие стилистики нащечников из Большой Цимбалки от греческой изобразительной манеры; именно так следует понимать замечание И. И. Толстого и Н. П. Кондакова: «Варварской техники чеканные и резные нащечники (две пары) имеют форму крыла с дельфиньею раскрытою пастью на широком его конце» (Толстой, Кондаков, 1889. С. 116).

одной из пар цимбальских нащечников в дополнительную птичью голову — художественный прием, в большей мере соответствующий скифской эстетике и семантике. Кроме того, сама амбивалентность данных изображений (фигура дельфина / ухо копытного, голова дельфина / голова птицы) — черта явно не греческая.

Таким образом, несмотря на явное преобладание греческих художественных элементов, изображения Большецимбальского типа могут включаться в рамки скифского звериного стиля.

Хронология. Как мы видели, датировка композиционной основы Большецимабальского типа дельфина — ушей/крыльев Нимфейско-бобрицкого типа — определяется в рамках V–IV вв. до н. э. Это не противоречит объективной хронологии изображений Большецимбальского типа (см. Список опорных хроноиндикаторов): цимбальские датируются второй четв. IV в. до н. э., изображения из Толстой могилы — второй — третьей четв. IV в. до н. э.

Таким образом, хронологические рамки данного типа: вторая — третья четверти IV в. до н. э.

Тин 2 Елизаветовский,
нервая четв. IV в. до н. э.

К данному типу относится одно оригинальное изображение (1), происходящее с территории Нижнего Подонья и четырежды воспроизведенное по периметру серебряного позолоченного ритона из Елизаветовского могильника (курган 9, раскопки 1909 г.).

Это дельфин, терзаемый птицей, относящейся к рассмотренному выше типу II-I-2 Завадско-елизаветовский, V–IV вв. до н. э. Как уже отмечалось, это единственный случай в рамках Завадско-елизаветовского типа, когда птица клюет и когтит не рыбу, а дельфина, что, впрочем, не чуждо изображениям на греческих монетах Причерноморья (см. выше). Данный дельфин определяется по отграничению «клюва» уступом от выпуклой лобно-носовой части, а также по спинному плавнику. Изображения выполнены в рельефе, односторонние. Рот обозначен углублением. Глаз крупный, округлый, образован выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Под глазом рельефным овальным выступом с вертикальным рифлением обозначена та же деталь, что и в Большецимбальском типе дельфинов — вероятный грудной плавник, опять же, вопреки анатомии дельфина, практически примыкающий к глазу. Туловище гладкое, на спине расположен рельефный плавник, имеющий косое поперечное рифление.

Хронология. Елизаветовское изображение по объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) датируется первой четв. IV в. до н. э.

VI.4. ОБРАЗ РЫБЫ

К данному образу относятся изображения, наделенные вышеуказанными признаками скифского звериного стиля и безошибочно идентифицируемыми природными признаками надкласса рыбы (*Pisces*). Характерные черты менее крупных таксонов надкласса Рыбы учитываются уже на уровне типа (в том случае, если такие признаки удается выявить).

Образ рыбы представлен только полнофигурными изображениями, среди которых можно дифференцировать три типа.

Тин 1 Рылеевско-солохский,
сер. V — начало IV вв. до н. э.

К данному типу относятся 7 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1–4), Крыма (5) и Среднего Поднепровья (6, 7). Они оформляют в основном уздечные принадлежности — золотые налобники (1, 2), бронзовые нащечники (4, 5) и бронзовые бляхи (6, 7), а в одном случае — золотые обивки деревянной чаши (3)[1].

Модель тина. Данные изображения представляют рыб семейства осетровые (*Acipenseridae*), которым в природе свойственно узкое длинное туловище, коническое или лопатовидно удлиненное рыло и, в качестве наиболее характерной черты, — отсутствие чешуи и наличие костных выступов-щитков (так называемых «жучек») — продольных рядов ромбовидных костных чешуек, идущих по спине, бокам и брюху осетровых в природе (БСЭ, 3-е изд. Т. 9. С. 255; Т. 18. С. 557). Данный вывод подкрепляется и сообщением Геродота (Herod., IV, 53) о том, что «в Борисфенесе водятся огромные рыбы без позвоночного столба, называемые анта-

[1] К данному типу, теоретически, может относиться изображение на серебряной обивке деревянной чаши из кургана № 3 у с. Великая Багачка (Рябова, 1984. Рис. 3: 5), однако мы его не учитываем в силу общей фрагментированности данной обивки и невнятности фигуры рыбы. Такое же исключение сделано и в отношении достаточно условного изображения на золотой обивке деревянной чаши из раскопок Н. Н. Чередниченко у с. Тарасовка (Верхнетарасовка) в Поднепровье, опубликованного пока лишь один раз (Рябова, 1984. С. 38. Рис. 3: 2) в достаточно схематичной репродукции, не позволяющей однозначно атрибутировать рыбу как осетровую или не-осетровую; к сожалению, пока мне не удалось ознакомиться с данным предметом de visu. Наконец, из-за крайней схематичности и неясности изображения не учитывается изображение неопределенного животного на золотой обкладке рукояти чаши из Александропольского кургана, которое А. П. Манцевич интерпретировала как фигуру хищного зверя, приготовившегося к прыжку (Манцевич, 1966. С. 28. Рис. 3: 11), тогда как С. В. Полин считает это существо рыбой (Бидзиля, Полин, 2012. С. 455, прим. 256).

каями и идущие на соление» (пер. Ф. Г. Мищенко: Геродот, 1888. С. 327); другой вариант перевода: «В реке водятся огромные бескостные рыбы под названием “антакеи”» (пер. Г. А. Стратановского: Геродот, 1972. С. 200). Обратим внимание, что все изображения данного типа, кроме одного, происходят из Приднепровья, а оставшееся изображение — из Крыма; как известно, осетры обитают в Черном море, откуда заходят в различные реки, в том числе и в Днепр (поднимаясь до г. Могилева).

Эти животные трактуются современными комментаторами Геродота именно как рыбы семейства осетровых. Так, еще Н. И. Максимович в своем описании Днепра предположил, что это осетры, севрюги и белуги (Максимович 1901. С. 64; ср. Доватур и др., 1982. С. 282–283, прим. 361). Г. А. Стратановский пришел к выводу, что это белуга (Acipenser huso) (Геродот, 1972. С. 520, прим. 44). Отметим, что черноморская белуга обитает в северо-западной части Черного моря и заходит на нерест, в том числе, и в Днепр. С. Г. Колтухов в связи с изображениями рыб на нащечниках из Малой Лепетихи указывает: «Двойной ряд жуковин на боку и асимметричный хвостовой плавник позволяют думать, что это изображения рыб осетровой породы» (Колтухов, 1997. С. 63). Данный исследователь однозначно атрибутировал публикуемые им восемь бронзовых нащечников (отлитых в одной форме) из погр. № 2 кургана № 4 между селами Рылеевка и Славное как фигурки осетров (Колтухов, 1997. С. 60, 62). Нами это изображение (5) обозначено как рылеевское ввиду большей близости комплекса к Рылеевке, нежели к Славному[1].

Изображения выполнены в высоком рельефе, односторонние, исключая объемное изображение из Рылеевки, рассчитанное на трехсторонний обзор (5). Солохские изображения (2) составляют парную синтетическую композицию, или же это «разложенная надвое» единая рыба. Головная часть каневского (6) и перещепинского (7)изображений обломана, но в силу их большого сходства с остальными они могут быть отнесены к данному типу.

Рыло рыб данного типа чаще удлиненное (исключение составляет архангельское изображение с укороченной мордой — 3). Пасть закрыта, рот обозначен узким желобком. При этом в тарановском (1), солохском (2) и архангельском (4) изображениях на конце рыла, в соответствии с иконографией млекопитающих, углублением обозначена ноздря, что противоречит анатомии рыбы, ноздри которой не служат для дыхания и расположены значительно ближе к глазам. Глаз, как правило, средних размеров, округлый, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы, лишь в рылеевском изображении он маленький, дан овальной выпуклостью.

Голова (в случае ее сохранности) четко отделена от туловища: в рылеевском изображении дуговидным уступом, в остальных — широким дуговидным валиком-«воротником» с поперечным рифлением (имитация жаберной крышки). От этого валика назад отходит сегментовидный грудной плавник, чаще рифленый (1–4), в рылеевском изображении — гладкий. Туловище длинное, веретенообразное, в целом гладкое, вдоль туловища посередине, как правило, проходит полоса боковых «жучек», имитированных широким желобком с заполнением рельефной «елочкой» (1) или же валиком (2–4), состоящим из «елочек» (1–3) или «жемчужника» (4); лишь у рылеевской рыбы туловище совершенно гладкое (5). По поверхности спины рыбы в большинстве изображений (2–4, 6, 7), исключая тарановское (1) и рылеевское, проходит спинной плавник, слитый порой со спинным рядом хрящей-«жучек» и имеющий поперечное рифление с наклоном назад. Анальные плавники (или брюшные, это не всегда различимо, порой они слиты воедино) в архангельском (4), каневском (6) и малолепетихинском (4) изображениях показаны аналогично спинному рифлению, но они короче; в рылеевском (5) и перещепинском (7) изображениях эти плавники сегментовидные гладкие, тогда как в тарановском и солохском (2) тождественны грудному плавнику — сегментовидные с рифлением. При этом в солохском изображении грудной и брюшной/анальный плавники превращены в антитетичные фигуры птиц, кроме того, на одном из солохских налобников (2) (Манцевич, 1987. Кат. 16) между профилями рыб за брюшным/анальным плавником помещена миниатюрная дополнительная рыбка, подобная большой, тогда как на другом налобнике (Манцевич, 1987. Кат. 13) такие рыбки помещены и перед, и за брюшным/анальным плавником.

Хвостовые плавники мощные, могут иметь очертания трапеции (1–3, 6, 7), треугольника с выемкой

[1] Изначально двойственное обозначение данной курганной группы (и как Славное, и как Рылеевка) привело к определенной путанице. Так, в обзоре С. В. Полина данное изображение ошибочно упоминается как два изображения, оформляющее нащечники из разных комплексов — из кургана № 4 у с. Рылеевка и из кургана № 4 у с. Славное (Бидзиля, Полин, 2012. С. 455, прим. 257), однако в реальности это один и тот же комплекс — погр. № 2 кургана № 4 курганной группы, первоначально обозначенной ее публикаторами С. Г. Колтуховым и Г. Н. Тощевым как могильник у с. Славное (располагается в 3 км от этого села и в 2 км от с. Рылеевка); в дальнейшем данная группа именовалась С. Г. Колтуховым как могильник у с. Рылеевка (Колтухов, Тощев, 1998. С. 98, 112–113. Рис. 61: 3; Колтухов, 2012. С. 219–221. Рис. 59–61).

в основании (4) или двойной трапеции, соединенной основаниями (5). Они продольно зарифлены — полностью (1–4, 7) или частично (5, 6), могут быть частично превращены в профили птиц (2), полностью трансформированы в пальметку с волютами в основании (2, 3); такая же пальметка, но без волют, может быть вписана в выемку хвоста (7).

Морфологическая динамика и хронология. Опору для хронологии данного типа составляет датируемое по объективным показателям (см. Список опорных хроноиндикаторов) сдвоенное изображение из основного погребения Солохи (420/410–400 гг. до н. э.). Иконографически близкое ему изображение из Тарановой могилы должно датироваться в тех же пределах.

Рылеевское изображение — менее детализированное, нежели солохское и тарановское, более лаконичное, с разделкой тела сходящимися плоскостями (архаизирующий признак в скифском зверином стиле). Соответственно, оно представляется несколько более ранним, что согласуется с датировкой рылеевского комплекса С. В. Колтуховым (Колтухов, 2012. С. 73–74): исследователь относит весь комплекс к V в. до н. э., но при этом основным хроноиндикатором справедливо признает фасосскую амфору Стеблевской серии I-A-2 (по С. Ю. Монахову), датируемую сер. V в. до н. э.[1] Фрагментированные каневское и перещепинское изображения, сходные с рылеевским, должны датироваться близким ему временем.

Малолепетихинское изображение (4) происходит из комплекса, датируемого С. В. Полиным рубежом V–IV вв. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012. С. 515) не только по самим нащечникам в виде рыб, но и по бронзовым навершиям в виде птиц (см. выше тип II-I-6 Малолепетихинский). Это навершия IX типа по Е. В. Переводчиковой, датируемого ею в целом в широких рамках VI–IV вв. до н. э., но именно лепетихинские навершия датированы исследовательницей IV в. до н. э. (Переводчикова, 1980б. С. 32. Рис. 7: 10). Изображение из Архангельской слободы, представляющееся упрощенной переработкой таких тонко выполненных изображений, как солохское и тарановское, должно быть близко им по времени. Напротив, менее детализированное, нежели солохское и тарановское, более лаконичное, с разделкой тела сходящимися плоскостями рылеевское изображение икографически раньше их, что согласуется с датировкой рылеевского комплекса С. В. Колтуховым сер. V в. до н. э. (Колтухов, 1997). Фрагментированные каневское и перещепинское изображения, сходные с рылеевским, должны датироваться близким временем.

Таким образом, примерные хронологические рамки данного типа: сер. V — начало IV в. до н. э.

Тин 2 Новозаведенско-волковецкий, вторая нол. VII — IV в. до н. э.

К данному типу относятся 5 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья (1, 3, 4), Среднего Поднепровья (2) и Ставрополья (5). Они оформляют различные предметы: бронзовую бляху щита (1), золотой налобник (2), золотые обивки деревянной чаши (3, 4) и золотую нашивную бляшку (5)[2].

Модель тина. Данные изображения представляют рыб различных семейств, исключая семейство осетровых, поскольку все они наделены чешуей[3]. Изображения выполнены в рельефе, односторонние. При этом новозаведенское изображение (5), подобно вышеописанному на налобниках из Центральной могилы Солохи, представляет собой единую рыбу, «разложенную надвое»[4].

Туловище рыб веретенообразное, короткое (1, 4, 5) или длинное (2, 3). Как уже сказано, оно полностью покрыто рельефной чешуей, имитированной либо крупными продольно идущими полуовалами (1, 4, 5), либо ромбами (2), либо косыми поперечными полосками, отходящими от двух гладких продольных валиков (3). При этом позвоночник у новозаведенской (5) и солохской (3) рыб рельефно выделен, он либо гладкий (3), либо оформлен «жемчужником» из ромбов (5).

Рыло чаще тупое, укороченное (исключение — волковецкое изображение с удлиненной мордой — 2). Пасть закрыта, рот обозначен узким длинным желобком. При этом в орджоникидзевском, волковецком, солохском и малоцимбальском изображениях на конце рыла, в соответствии с иконогра-

---

[1] С. Г. Колтухов полагает, что рылеевские нащечники в виде осетров были произведены в греческой мастерской (Колтухов, 2012. С. 74). Не отрицая такой возможности, следует констатировать, что рылеевские изображения, как показал наш стилистический анализ в контексте типологии, вполне соответствуют канонам скифского звериного стиля, т. е. были изготовлены с учетом скифских вкусов.

[2] Очевидно, на композиционной основе Новозаведенско-волковецкого типа создано изображение, оформляющее знаменитый золотой налобник из кургана 1 у с. Волковцы 1897–1899 гг. (Могилов, 2008. Рис. 117: 1). Однако дополнительные антропозооморные и фитоморфные мотивы, вписанные в этот контур, совершенно вытеснили признаки рыбы, поэтому данный налобник в рамках изучаемого типа не учитывается.

[3] В отношении орджоникидзевской рыбы С. В. Колтухов пришел к выводу, что она по внешним признакам близка к семейству карповых (Колтухов, 1997. С. 60).

[4] Сердечно благодарю Владимиру Гавриловну Петренко за предоставленную возможность использовать неопубликованный материал из могильника Новозаведенное-II.

фией млекопитающих, углублением-завитком (1, 2) или просто впадиной (3, 4) обозначена ноздря, что противоречит анатомии рыбы, ноздри которой расположены ближе к глазам. Глаз средних размеров, округлый, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы. В орджоникидзевском изображении (1) отчетливо показан слезный канал перед глазом (рельефным завитком), что опять-таки не соответствует природе, поскольку у рыб нет век и слезных каналов. Такая трактовка явно перенесена из иконографии млекопитающих в скифском искусстве.

Голова отделена от туловища дуговидным валиком-«воротником» (имитация жаберной крышки) — гладким (3, 4) или с поперечным рифлением (1, 2, 5). От этого валика назад отходит сегментовидный грудной плавник (в одном случае (1) — с завитком в основании), дальше по животу показан подобный грудному брюшной плавник — иногда, очевидно, слитый с анальным (1, 4), иногда же анальный плавник показан отдельно вслед за брюшным (2, 3, 5). Плавники в орджоникидзевском, солохском и малоцимбальском изображениях рельефные, с продольным (1) или поперечным (3, 4) рифлением; в волковецком изображении (2) все три плавника сведены к минимуму и моделированы в пределах общего контура маленькими рельефными ововидными фигурами с углублением посередине.

По поверхности спины рыбы проходит спинной плавник с наклоном назад, чаще имеющий поперечное рифление (1–3); в малоцимбальском изображении он слит с чешуей (4); в двупрофильном новозаведенском изображении (5) плавники на брюхе показаны и вверху, и внизу. Хвостовые плавники мощные, рифленые, имеют очертания трапеции, с треугольной выемкой в основании, которая может быть заполнена пальметкой (1, 2).

Хронология. Нижнюю хронологическую границу данного типа определяет новозаведенское изображение, происходящее из одного из ранних курганов могильника Новозаведенное-II, в целом датируемого в пределах второй пол. VII в. до н. э. — начала VI в. до н. э. (Петренко, Маслов, Канторович, 2000. С. 239–240, 246). Для определения верхней границы типа основу составляют такие датируемые по объективным показателям изображения (см. Список опорных хроноиндикаторов), как малоцимбальское (450–420 гг. до н. э.), из бокового погребения Солохи (400–375 гг. до н. э.), а также волковецкое (вторая четв. — вторая пол. IV в. до н. э.).

Орджоникидзевское изображение (1), наиболее реалистичное на фоне остальных рыб данного типа (при наличии и здесь орнаментальных элементов и отступлений от натуры, см. выше), происходит из комплекса впускного погребения (курганная группа около шахты 22, курган 12, погр. 2), который может быть косвенно датирован по основному погребению данного кургана (погр. 1), в каковом, в свою очередь, найдены 2 амфоры, определенные их публикаторами как хиосские пухлогорлые (Тереножкин и др., 1973. С. 169. Рис. 46: 1, 2). Эти амфоры можно относить к типу III хиосских амфор (пухлогорлому), по классификации С. Ю. Монахова, к развитому варианту этого типа — III-B (более вероятно, судя по форме горла) или же к его позднепухлогорлому варианту — III-C, т. е. во всяком случае, в соответствии с хронологией С. Ю. Монахова, датировать не позднее рубежа третьей — четвертой четв. V в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 18, 19. Табл. 6, 7), что, таким образом, дает terminus post quem для впускного погребения, откуда происходит данная бляха с изображением рыбы (ср. мнение С. Г. Колтухова, датирующего комплекс впускного погребения «не ранее IV в. до н. э.» (Колтухов, 1997. С. 60).

Таким образом, предельные рамки данного типа: вторая пол. VII — IV в. до н. э. При этом новозаведенское изображение отделено от остальных, как мы видим, почти двухсотлетним разрывом, что, с учетом дальнейшего прироста материала, может привести к его выделению в особый морфологический тип (при условии отсутствия новых находок, дающих переходные формы).

Тин 3 Завадско-галущинский, нервая нол. (вторая четв.?) V — вторая треть IV в. до н. э.

Данный тип составляют рыбы — объекты терзания птицами, относящимися к вышеописанному типу II-I-2 Завадско-елизаветовский V–IV вв. до н. э. — все, кроме объекта терзания на елизаветовском ритоне, поскольку он является дельфином (см. вышеописанный Елизаветовский тип дельфинов).

К Завадско-галущинскому типу рыб относятся 16 изображений, происходящих с территории Нижнего Поднепровья и Побужья (1, 2), Крыма (5, 16)[1],

[1] На рис. 3 воспроизведено только изображение на тех золотых бляшках (7 экз.) из Куль-Обы, которые хранятся в Государственном Эрмитаже и были опубликованы в ДБК (Древности Боспора..., 1854, т. I. С. 144; Атлас, табл. XX, 12). Судя по имеющимся репродукциям, по тому же штампу или матрице были сделаны изображения на золотых бляшках, хранящихся в Département des Monnaies, Médailles et Antiques de la Bibliothèque nationale de France (2 экз., атрибутируются публикаторами как покупки в 1831 г. вещей, украденных из Куль-Обы — см.: L' or des Amazones, 2001. P. 128–130), а также на золотой бляшке из Думбартон Оукса в США (Фаркаш, 1992. С. 199. Рис. 5). Все они рассматриваются нами как копии одного оригинального изображения и поэтому не учитываются как отдельные изображения.

Среднего Поднепровья (3, 4, 14), Прикубанья (6–10, 15)[1] и Центрального Предкавказья (11–13). Это фигуры, оформляющие: золотые обивки деревянного сосуда (1–3, 6, 14), золотые нашивные бляшки (4, 5), бронзовую пластину с железными застежками (7), бронзовые нащечники (8, 9) и бронзовые уздечные бляхи (11–13, 15, 16).

Модель тина. Представлены рыбы, крайне неопределенные в видовом отношении, скорее, некий обобщенный образ. С. Г. Колтухов справедливо отметил, что рыба в этой композиции «занимает подчиненное положение, образ слабо разработан» (Колтухов, 1997. С. 66).

Изображения моделированы в основном в одностороннем высоком рельефе, иногда с доработкой гравировкой (1–6, 8–15); в одном случае моделировка плоскостная, с передачей деталей углубленными линиями (7).

Рыло чаще тупое, укороченное (исключение составляет «майкопское» изображение с удлиненной мордой — 6). Пасть закрыта, рот обозначен желобком или впадиной-точкой. Глаз средних размеров, округлый или овальный, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы. При этом в одном из завадских и «майкопских» изображений (2, 6) углублением-точкой обозначена ноздря, причем в завадском изображении она помещена на конце морды, что, как уже говорилось, согласуется с иконографией млекопитающих и, напротив, не соответствует анатомии рыбы; в «майкопском» же изображении ноздря помещена ближе к глазу, что вполне отвечает природному прототипу (но к ней от глаза тянется рельефный дуговидный слезник, что опять-таки противоречит натуре).

Голова чаще плавно переходит в туловище, реже — в более качественных изображениях (5, 6, 10, 14) — отделена от туловища дуговидным валиком-«воротником» (имитация жаберной крышки) — гладким (5, 10, 14) или с поперечным рифлением (6). Туловище веретенообразное, либо гладкое (1–5, 7–10, 13–16), либо полностью покрытое рельефной чешуей, имитированной продольно идущими полуовалами (6), либо же заполненное косыми поперечными полосками, отходящими от трех гладких продольных валиков (11, 12). По поверхности спины рыбы в некоторых изображениях проходит спинной плавник, имеющий поперечное рифление с наклоном назад (5–7); не исключено, однако, что это имитация спинных хрящей-«жучек» у осетровых. Плавники на брюхе чаще не выделены, в редких случаях всё же показаны, хотя и сведены к минимуму (5, 6, 8, 10).

Хвостовые плавники мощные, трапециевидные, продольно зарифленные (лишь в изображении из Чечни (12) — гладкие), пальметоидные, с выемкой в основании, которая может быть заполнена дополнительной пальметкой (6).

Хронология. Основу хронологии данного типа составляют объективно датируемые (см. Список опорных хроноиндикаторов) петраковско-ромейковское (3) (первая пол. V в. до н. э.), завадские (1, 2) (450–425 гг. до н. э.) и кульобские (5) изображения (вторая треть IV в. до н. э.)[2].

Таким образом, хронология данного типа не противоречит хронологии изображений птиц типа II-I-2 Завадско-елизаветовский, датируемого в основном на базе объективных показателей (см. Список опорных хроноиндикаторов) в предельных рамках V–IV вв. до н. э. Однако с учетом того, что не все птицы типа II-I-2 Завадско-елизаветовский когтят фигуру рыбы, хронологические рамки Завадско-галущинского типа рыб более узкие: первая пол. (вторая четв.?) V — вторая треть IV в. до н. э.

VI.5. НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ ЖИВОТНЫЕ

К данному таксону отнесены изображения, наделенные вышеуказанными признаками скифского звериного стиля и не соотносимые на сегодняшний день ни с одним биологическим прототипом, но в то же время не являющиеся синкретическими. Они известны как в полнофигурном воплощении, так и редуцированно (головы).

§ 1. Полнофигурные изображения

Для данных изображений использованы универсальные принципы классификации. Соответственно известны изображения стоящих животных (III группа), с головой прямо (I отдел) и повернутой (II отдел), в рамках каждого таксона имеется по одному типу.

---

[1] Изображение на бляхе из музея в Сен-Жермен-ан-Ле (15) может считаться предположительно прикубанским в силу его большого сходства с изображением на бляхе из могильника Цемдолина (9); на эту аналогию уже было указано авторами публикации цемдолинской бляхи (Malychev, Ravitch, 1999. Fig. 9).

[2] Дата последнего захоронения в Куль-Обе, по мнению Н. Л. Грач, должна определяться по найденной там фасосской амфоре с клеймом, относящимся к 345–335 гг. до н. э. (Grač, 1997. S. 157). Более раннее вероятное «захоронение под склепом», по А. Ю. Алексееву, должно быть отнесено к началу IV в. до н. э. (Алексеев, 2003. С. 276, 296), что следует учитывать, если не исключать возможность происхождения разошедшихся по миру бляшек из Куль-Обы не только из напольного погребения, но и из подпольного. В любом случае кульобские изображения не выходят за рамки первой — третьей трети IV в. до н. э.

Тин III-I-1 Слоновская Близница, вторая четв. — конец IV в. до н. э.

К данному типу относится одно изображение, происходящее с территории Нижнего Поднепровья — на бронзовых навершиях из Слоновской Близницы (1). Это существо, терзаемое грифоном (относящимся к вышеописанному типу II-I-1 Защитненско-дуровский), схватившим его лапой за шею и поглощающим его рог[1]; грифона, в свою очередь, закалывает антропоморфный персонаж. О проблеме семантики и истоков трехфигурной композиции на навершиях из Слоновской Близницы было сказано выше, в связи с анализом соответствующего изображения грифона[2].

Перед нами то ли копытное, то ли хищное животное. Изображение моделировано в двустороннем рельефе с прорезями, но в расчете на боковой обзор. Передние и задние ноги слоновского зверя согнуты под прямым углом, их нижние части вытянуты вперед и слиты в два бесформенных конгломерата, причем задние ноги соединены с ногой антропоморфного персонажа (?), то ли свешивающейся с оседланного монстра, то ли выступающей из-за его туловища (второе представляется вполне вероятным, учитывая то, что эта нога достигает опоры-«земли») и, в свою очередь, смыкающейся с одной из задних ног монстра, выставленной вперед.

Трактовка деталей крайне условна и схематична. Пасть приоткрыта, рот обозначен углублением. Глаз большой, округлый, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Ухо торчит перпендикулярно темени, оно овальное, с углублением раковины. Рог короткий и мощный, противонаправлен морде животного. Шея мощная, трапециевидная, по верху шеи проходит шерсть или грива, составленная полосой рифления. Туловище короткое и, как и ноги, покрыто округлыми впадинами, очевндно, имитирующими пятна на шкуре. Ноги слоновского существа короткие, мощные, задняя показана одна, передние две, с преувеличенной нижней частью (пясть), одна уложена на другую, завершаются рельефными схематичными лапами.

Аналогии и хронология. Как было сказано выше, слоновская сцена в целом и ее персонажи, равно как и сцена на вышеописанной золотой пластине из Дуровки, являются несомненным варварским подражанием, схематизацией греческих трехфигурных сцен охоты героя (сидящего на грифоне) на копытное — типа композиций на аттическом керамическом медальоне из Феодосийского музея; см. также сцены на боспорских пеликах «керченского стиля». Но изучаемое животное резко отличается по трактовке деталей от ланей на медальоне из Феодосийского музея и на золотой пластине из Дуровки (см. выше образ оленя, тип I-2-I-3 Дуровский). Лань на медальоне из Феодосийского музея показана вполне натуралистично, в греческом духе. В сравнении же с более стилистически близким ему дуровским копытным, слоновское животное трактовано гораздо более неопределенно в видовом отношении: с одной стороны, у него четко показаны пятна на шкуре, типичные для лани *Cervus dama* (другое название — «пятнистый олень»), и рог, скорее козлиный, во всяком случае, совершенно не похожий на рога дуровской и феодосийской ланей (хотя, как и у них, рог слоновской жертвы противонаправлен морде, а ухо перпендикулярно ей). С другой стороны, ноги слоновского существа оканчиваются не копытами, а лапами, и, кроме того, пятна могут быть пятнами шкуры кошачьего хищника.

Слоновское терзаемое животное находит себе соответствие не столько в феодосийском и дуровском изображениях, сколько в чисто скифской традиции, прежде всего в описываемых ниже животных типа III-II-1 Краснокутско-водославовский, занимающих аналогичное место в общей композиции, как бы составляя дополнительную опору привставшему чудовищу в грудной и головной части последнего.

Изображение из Слоновской Близницы объективно датируется второй четв. — концом IV в. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

Тин III-II-1 Краснокутско-водославовский, 350–320 гг. до н. э.

К данному типу относятся 6 изображений, происходящих с территории степного Нижнего Поднепровья–Побужья и Приазовья. Это фигуры, оформляющие бронзовые навершия (1–5) и золотую бляшку (6) с двухфигурными сценами терзания. К рассматриваемому типу относятся жертвы, терзаемые грифоно-гиппокампами вышеописанного типа 1 Краснокутско-тилигульский: грифоно-гиппокамп схватил жертву лапой за шею и впился пастью в его темя. Как уже было сказано, А. И. Мелюкова считает, что данная жертва — хищник (Мелюкова, 1981. С. 36).

Модель тина. Перед нами то ли копытное, то ли хищное животное. Изображения на навершиях моделированы в двустороннем рельефе с прорезями (но в расчете на боковой обзор, в строго профильном ракурсе), на бляшке — в одностороннем рельефе, в строго профильном ракурсе.

Данные жертвенные существа очень похожи на рассмотренное выше терзаемое существо типа III-I-1 Слоновская Близница, но с модификациями композиционной схемы — поза здесь иная. Звери

---

[1] Ср. поглощение хищником рога козла на вышеописанных «ольвийских» крестовидных бляхах «ольвийского типа».

[2] См. подробнее о стилистике и семантике данной сцены: Канторович, 1998а. С. 78–88.

Краснокутско-водославовского типа показаны с повернутой назад головой (так, что голова и туловище зверя образуют S-видную фигуру), а их передние ноги, в отличие от слоновского изображения, могут быть подломлены под грудь (2) или почти вертикально выпрямлены (1, 3, 6). Их голова не опущена, а горизонтальна. Задние ноги жертвенных существ Краснокутско-водославовского типа чаще согнуты под прямым углом и подложены под туловище, лишь в одном случае они слабо согнуты и направлены наискось вперед (4); нижние части ног (плюсны) вытянуты вперед.

Трактовка деталей крайне условна и схематична. Пасть приоткрыта, рот обозначен прорезью или углублением. Глаз овальный, моделирован выпуклостью зеницы в углублении глазницы. Ухо противонаправлено морде, горизонтальное, короткое овальное, с углублением раковины. Шея и туловище гладкие, шея трапециевидная, туловище грацильное, лопатка не акцентирована (исключение — никопольское изображение (6), в котором лопатка рельефно выделена), бедро мощное, рельефное, с надколенной впадиной. Ноги короткие, с преувеличенной нижней частью (пясть), завершаются лапами с рельефными пальцами. В одном из краснокутских изображений (3) передняя нога сливается с рамкой навершия, лапа не прослеживается. Хвост короткий толстый, прилегает к заду.

Морфологическая динамика и хронология. Как было отмечено выше, композиция из Никопольских курганов (6) представляется греко-скифской по стилистике и, возможно, первичной по отношению к изображениям на навершиях. Хронология данного типа определяется объективной датировкой изображений из Краснокутского кургана: 350–320 гг. до н. э. (см. Список опорных хроноиндикаторов).

§ 2. Редуцированные изображения

Известны изображения обособленных голов неопределенных животных, выделяется один тип.

Тин 1 «Горки — Карагодеуашх», IV в. до н. э.

К данному типу относятся 6 изображений, не поддающихся однозначной образно-видовой атрибуции. Каждое изображение представляет собой композицию из трех голов животных. Данные композиции происходят с территорий Среднего Поднепровья (1), Среднего Подонья (4), Нижнего Подонья–Подонцовья (5) и Прикубанья (2, 3, 6). В основном это изображения, оформляющие бронзовые уздечные бляхи (1, 3–6), а также золотую пластину (2).

Модель тина. Перед нами осесимметричные композиции, состоящие из трех головок, две из которых показаны в профиль (на бляхе из Краснодарского музея (6) одна их этих голов утрачена), сонаправлены (так называемая синтетическая композиция), имеют общую дуговидную шею и обрамляют центральную восьмерковидную голову, которая дана как бы в плане или анфас, но при этом с единственным глазом; ось симметрии проходит через центральную головку. Головы практически сведены к преувеличенному выпуклому округлому глазу (заключенному в рельефную кольцевидную глазницу), переходящему через тонкую перемычку в преувеличенную носовую часть, с выступающим утолщенным носом. При этом у боковых голов от носа вниз отходят клювообразные выступы, упирающиеся в голову центрального животного; в большинстве случаях такие выступы идут еще и вверх (1–3, 5), но в трех композициях эти верхние выступы частично обломаны (1–3). К глазу примыкает короткое треугольное ухо со впадиной раковины. Мощная шея моделирована двумя продольными валиками (возможно, имитация мускулов), а в композиции из Частых курганов-II (5) с внешней стороны шеи проходит третий валик (с косым рифлением), возможно, имитирующий шерсть или гриву.

Хронология. Те объективно датируемые комплексы, из которых происходят изображения данного типа (Карагодеуашх (3), Горки (4)), относятся к интервалу сер. — третьей четв. IV в. до н. э. Изначально амфоры из кургана Карагодеуашх рассматривались как пантикапейские или раннехерсонесские и датировались в рамках первой половины IV в. до н. э., однако ныне С. Ю. Монахов связывает их с неизвестным центром Северной Эгеиды или Пропонтиды и датирует третьей четв. IV в. до н. э. (Монахов, 1999. С. 412). С. В. Полин определяет хронологию амфор из Карагодеуашха с учетом аналогий в Центральной гробнице Бабиной Могилы в рамках сер. — начала третьей четв. IV в. до н. э. (Бидзиля, Полин, 2012. С. 550). Таким образом, комплекс кургана Карагодеуашх следует датировать в пределах сер. — третьей четв. IV в. до н. э. Что касается погребения в кургане 10 могильника Горки-I, хронология комплекса определяется амфорой Пепарет II, датируемой третьей четв. IV в. до н. э. (Гуляев, Савченко, 2004. С. 43).

Остальные изображения описываемой группы, в силу их морфологической близости к композициям из кургана Карагодеуашх и из кургана у с. Горки, должны датироваться в сходных или аналогичных хронологических рамках.

При этом В. Е. Максименко, В. В. Ключников и С. В. Гуркин определяют хронологию кургана 1 группы Частые курганы-II как V — начало IV в. до н. э. по типам акинака и наконечников стрел из

этого комплекса (Максименко, Ключников, Гуркин, 2001. С. 222). Однако наша недавняя находка в кургане № 5 могильника Новозаведенное-III на Ставрополье, датируемом исключительно в рамках IV в. до н. э. (Канторович, Маслов, 2017), медного (по новейшим данным) ковша или черпака, аналогичного бронзовому ковщу из кургана 1 группы Частые курганы-II, позволяет ограничивать дату интересующего нас комплекса из Частых курганов-II пределами IV в. до н. э. (Канторович, Маслов, 2019. С. 93–94. Рис. 1, 2, 3: 1, 5).

В итоге предельно широкая дата изображений типа «Горки — Карагодеуашх», с учетом возможной хронологии комплекса из кургана 1 группы Частые курганы-II, определяется как IV в. до н. э., однако большинство изображений данного типа, как представляется, относятся к сер. — третьей четв. IV в. до н. э.

Интернретация, аналогии, нроисхождение. Проблема интерпретации изображений данного типа и образуемой ими композиции неразрывно связана с вопросом о генезисе типа. Данная композиция составлена из персонажей, которые не могут быть однозначно соотнесены с какими-либо природными прототипами и, соответственно, поразному трактуются исследователями.

Так, А. В. Могилов, справедливо обративший внимание на морфологическое единство изображений на бляхах из Горок, Берестянки и Частых курганов-II (остальные аналогии им не упомянуты), считает всех существ данной композиции волками (Могилов, 2008. С. 45). В принципе, учитывая напоминающее пятачок утолщение окончания морды, можно было бы усматривать здесь и кабаньи черты (в особенности это относится к композиции из Ивановской — 2), однако клювовидные выступы данных головок вряд ли можно трактовать как модель торчащего кабаньего клыка, поскольку либо головки наделены двумя противонаправленными клыками, либо, в тех случаях, когда этот выступ единственный, он направлен вниз под морду: и то, и другое равно нереально для кабана.

Представляется, что наиболее близко к разгадке семантики данной композиции и вовлеченных в нее образов подошла Е. В. Переводчикова. Исследовательница усматривает в персонажах на бляхах из Краснодарского музея и из Карагодеуашха «существ, напоминающих орлиных и львиных грифонов» (Переводчикова, 1980. С. 104), а в самой композиции — сцену терзания (Переводчикова, 1984. С. 13), т. е., видимо, подразумевается, что центральная головка — не грифонья. При этом Е. В. Переводчикова в качестве параллели данным композициям привлекает «встречающиеся в курганах Алтая сокращенные сцены терзания, представленные только головами, одна из которых держит в пасти другую» (Переводчикова, 1984. С. 13).

Действительно, трудно найти более близкую композиционную аналогию, нежели приведенная Е. В. Переводчиковой. Такого рода изображения изначально появились в пазырыкской культуре, в них представлена голова грифона, буквально поглощающего голову безрогого травоядного существа, вероятно, копытного — см., например, деревянные резные бляхи из Пазырыкского кургана № 2 (Руденко, 1953. Рис. 115в) и из Берельского кургана № 11 (Самашев, 2011. Рис. 34–35; Самашев, Мыльников, 2004. Рис. 16)[1]. Вероятно, такого рода композиции повлияли на возникновение рассматриваемого морфологического типа, но скорее опосредованно, нежели напрямую, хотя промежуточные стадии этого процесса пока неясны. При этом, видимо, в ходе тиражирования данного пазырыкского мотива (или какой-то его реплики, более близкой в пространственном отношении к скифской культуре), в скифском и скифомеотском искусстве произошла значительная схематизация образа терзающего грифона и образа терзаемого копытного, превращение их в весьма неопределенные и условные существа. Кроме того, в ходе геометризации и симметризации композиции нижняя челюсть грифона могла превратиться в еще одну (зеркальную) головку терзающего существа.

Наконец, благодаря относительно недавним раскопкам Берельского кургана № 11 сокровищницу пазырыкского искусства пополнило пока уникальное, не имеющее аналогов изображение, наиболее близкое типу «Горки — Карагодеуашх» (Самашев, Мыльников, 2004. С. 31, 225. Рис. 21, 274, 275). Это деревянная бляха (Ан: А), оформленная в виде двух профилей грифона, охватывающих голову травоядного и впивающихся в его морду у рта своими клювами, причем сама голова жертвы моделирована скульптурно и в другом ракурсе, нежели плоскостные грифоньи профили (т. е., в данном случае, это единая голова грифона, как бы разъятая на два плоскостных профиля — известный композиционный прием в древнем искусстве). Изображения, подобные этой берельской бляхе (но более ранние), видимо, и стали изначальными прототипами морфологического типа «Горки — Карагодеуашх»; тем самым находит объяснение странная центральная головка в композиции данного типа: это вид сверху на некогда объемную голову травоядного, превращенный в ее план.

---

[1] Также это может быть композиция в виде головы грифона с головой рогатого оленя или барана в пасти, головы волка с головой оленя в пасти (Руденко, 1960. Рис. 150, в, г, з).

К типу «Горки — Карагодеуашх» и его прототипам морфологически примыкает синтетическая композиция из двух голов взнузданных лошадей, объединенных общей шеей на обтянутой золотым листом бронзовой уздечной бляхе (Ан: В) в грабительском выбросе из основного погребения (№ 1) кургана (перекрывавшего меотский грунтовый могильник IV Новолабинского городища) у станицы Новолабинской в Прикубанье (Раев, Беспалый, 2006. Табл. 9: 2). Уши лошадей короткие, подтреугольные, отходят назад и примыкают к шее, как и в изображениях типа «Горки — Карагодеуашх». Б. А. Раев и Е. И. Беспалый описывают эту композицию как «рельефное изображение в виде двух противостоящих конских голов; морды проработаны, шеи с гривами стилизованы, на мордах лошадей уздечные ремни» (Раев, Беспалый, 2006. С. 6).

Эта трактовка в основе представляется справедливой, причем среднее зональное поперечное рифление на шее лошадей можно в данном случае трактовать как имитацию гривы. Развивая мысль Б. А. Раева и Е. И. Беспалого, можно допустить, что новолабинская бляха — это своего рода знак парной лошадиной запряжки. Однако между головами здесь также (в качестве очевидной реплики старой композиционной традиции) помещена восьмерковидная голова с единственным глазом и утолщенным носом, обозначенными концентрическими рельефными кругами. Она очень похожа на средние головки в плане в рамках типа «Горки — Карагодеуашх» и композиционно соответствует средней головке вышеупомянутой берельской трехмерной бляхи из кургана № 11. Возможно, в контексте новолабинской бляхи, эта головка отображает третью — коренную — лошадь, соответственно перпендикулярная полоска на перемычке между кружками глаза и ноздри обозначает упряжь, как и полоска у глаз профильных конских головок; в таком случае, перед нами не парная, а тройная запряжка.

Новолабинская бляха датируется существенно более поздним временем, нежели тип «Горки — Карагодеуашх». Погр. № 1 кургана у станицы Новолабинской, по мнению Е. А. Бегловой и В. Р. Эрлиха, «по имеющимся импортам, может быть отнесено к началу II в. до н. э.» (имеется в виду в первую очередь дата сложнопрофилированного двуручного канфара на коническом поддоне из этого комплекса) (Беглова, Эрлих, 2018. С. 142). Кроме того, обкладка бронзовой бляхи золотым листом нехарактерна для традиции скифского звериного стиля.

Возможны две версии истоков новолабинского изображения. Первая версия — рационализация в новой меото-сарматской культурной среде скифо-меотских изображений типа «Горки — Карагодеуашх», почти десемантизированных и, соответственно, легко переосмысляемых. Данная версия более логична в территориальном аспекте, тем более, что три из шести оригинальных изображений типа «Горки — Карагодеуашх» происходят из Прикубанья, из памятников меото-скифского круга.

Вторая версия появления новолабинского изображения — опосредованное воздействие на местное искусство скульптурных композиций типа той, что оформляет вышеупомянутую трехмерную берельскую бляху из кургана № 11. Данная версия более основательна иконографически: налицо общее сходство «натуралистичных» профилей; кроме того, поперечное рифление средней зоны шеи новолабинских лошадей (имитация гривы) коррелирует с рифлением шеи грифонов на берельской бляхе (имитация шерсти). Но пока невозможно указать какие-либо промежуточные фазы такого влияния.

В любом случае новолабинское изображение — несомненный результат тиражирования более ранней композиции типа «Горки — Карагодеуашх» или трехмерной берельской бляхи из кургана № 11. В ходе реплицирования, при сохранении структуры, произошло коренное переосмысление образов и самой сцены: вместо терзания или поглощения грифонами/грифоном травоядных налицо сочетание однородных животных — лошадей.

Что касается хронологии трехмерной берельской бляхи из кургана № 11 (Ан: А), этот показатель не позволяет считать ее, как и плоскостную бляху из того же комплекса (Ан: Б), прототипом изображений типа «Горки — Карагодеуашх» (тогда как в отношении новолабинской бляхи это допустимо). При всей известной дискуссионности хронологии пазырыкской культуры представляется справедливым мнение З. С. Самашева, основанное на серии радиоуглеродных дат (с учетом относительной дендрохронологии), что Берельский курган № 11 следует относить ориентировочно к 322 г. до н. э.; при этом Берельский могильник в целом З. С. Самашев датирует в рамках IV–III вв. до н. э. (Самашев, 2011. С. 193–199, 206; ср. Евразия в скифскую эпоху, 2005. С. 61–63, 73–76, 169, 215). Однако нельзя исключать (учитывая вышеприведенные аналоги из других курганов пазырыкской культуры и ее общую хронологию, предполагающую, даже в рамках ныне господствующей «омолаживающей» тенденции, дату V в. до н. э. для ее ранних комплексов — см. Алексеев и др., 2005. С. 66–67), что композиции, подобные берельским, в том числе трехмерные сцены терзания грифоном травоядного, создавались в пазырыкской художественной среде и ранее, до IV в. до н. э., т. е. до появления изобразительного типа

«Горки — Карагодеуашх» в скифской археологической культуре.

Итак, выявленный изобразительный тип отражает устойчивую, хотя и недолговременную иконографическую тенденцию в восточноевропейском скифском зверином стиле IV в. до н. э., преимущественно на отрезке сер. — третьей четв. IV в. до н. э. В этом качестве рассматриваемый тип может в будущем служить относительно надежным хроноиндикатором и культурным маркером новых археологических комплексов. В то же время наследование и переработка данного мотива в последующую сарматскую эпоху, примером чему является композиция из погр. № 1 кургана у станицы Новолабинской (если придерживаться первой из предложенных нами версий генезиса новолабинской бляхи), позволяет говорить о существовании иконографической линии «Горки — Карагодеуашх» как минимум до рубежа скифской и сарматской эпох, т. е. до конца IV — начала III в. до н. э.

* * *

Таким образом, можно констатировать наличие в восточноевропейском скифском зверином стиле отдельной устойчивой иконографической линии, формирующей особый морфологический тип, который представляет персонажей, не поддающихся однозначной образной атрибуции.

Интересно, что, несмотря на свою малочисленность (6 оригинальных изображений, 7 единиц с учетом копий), данный морфологический тип, как мы видели, представлен на значительной территории: изображения происходят с территории Среднего Поднепровья (Берестянка), Среднего Подонья (Горки), Нижнего Подонья — Подонцовья (Частые курганы-II) и Прикубанья (Карагодеуашх, коллекция Краснодарского музея, Ивановская). Видимо, изначально изображения типа «Горки — Карагодеуашх» несли некую понятную информацию, что и обусловило их распространение на столь значительных пространствах в рамках скифской и меотской археологических культур.

Глава VII

Репертуар, хронологическая и пространственная динамика образов, сюжетов и мотивов восточноевропейского скифского звериного стиля как локального варианта скифо-сибирского звериного стиля

§ 1. Основные статистические показатели

1.1. Образный строй восточноевронейского скифского звериного стиля

Как уже отмечалось в главе I, в соответствии с установленными критериями, из общего массива зооморфных изображений, известных на территории скифской археологической культуры, было отобрано 2538[1] оригинальных изображений, имеющих признаки скифского звериного стиля.

Эти изображения происходят из археологических памятников (погребений, поселений) и иных местонахождений (случайных находок, покупок), локализуемых в указанных во Введении пределах зоны скифской археологической культуры. Общее число этих памятников и местонахождений составляет 1028 единиц. Из этого массива местонахождений 769 единиц соответствуют погребениям и поселениям, при этом для упрощения подсчетов несколько погребений одного кургана, несколько курганов одного могильника (например, Келермесского) или несколько курганов или могильников, обозначаемых по одному населенному пункту, рядом с которым они расположены (например, у с. Аксютинцы), учитывались как одна статистическая единица. Остальные 259 единиц соответствуют случайным находкам и покупкам, в это число входят 77 изображений на предметах из коллекции, условно именуемой «Майкопский клад», поскольку, как мы помним, эти предметы происходят из разных мест[2].

Классификация 2538 оригинальных изображений позволила реконструировать репертуар восточноевропейского локального варианта скифо-сибирского звериного стиля — см. **Приложение 5, табл. 1**. Статистические показатели данного репертуара представлены в **табл. 2 и табл. 3 Приложения 5**.

Данная статистика, отражающая современное состояние археологического источника, подтверждает давно сложившееся в науке представление об абсолютном господстве четырех мегаобразов в изобразительной системе скифо-сибирского звериного стиля, а именно: хищников, копытных, птиц и синкретических животных. Совокупная доля этих четырех мегаобразов в общем массиве восточноевропейского скифского звериного стиля составляет почти 97% (2461 оригинальное изображение). При этом наиболее распространены изображения копытных (873, т. е. 34,4%), далее идут изображения хищников (660, т. е. 26%), почти столько же изображений птиц (691, т. е. 27,2%), в том числе множество птичьих головок — элементов зооморфных превращений). Существенно меньше изображений синкретических существ (237, т. е. 9,3%), но следует помнить, что ряд изображений копытных и хищников также содержат в себе черты иных животных (в первую очередь птиц, головы которых являются ведущим элементом «зооморфных превращений»).

На периферии репертуара восточноевропейского скифского звериного стиля находятся изображения рыб (28), зайцев (26), верблюдов (6), дельфинов (4) и неопределенных животных (13). В совокупности они составляют 77 оригинальных изображений, или 3% от всего массива изображений.

---

[1] Данные на декабрь 2021 г.

[2] В данной работе были учтены те предметы из «Майкопского клада», которые репродуцированы на фотографиях в его практически исчерпывающей публикации в монографии А. М. Лескова (Leskov, 2008) и в иных изданиях (Greifenhagen, 1970 и др.). Те изделия из «Майкопского клада», которые были представлены в монографии А. М. Лескова только в рисунках по музейным инвентарным книгам (поскольку на тот момент их нынешнее местонахождение было неизвестно и их фотографии было сделать невозможно), были нами учтены в той мере, в какой они были идентифицированы и представлены (и соответственно впервые опубликованы как единицы музейного хранения — см. Железный век, 2020) на относительно недавней выставке «Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э.», прошедшей в Государственном Эрмитаже и в Государственном историческом музее в 2020–2021 гг.

Разработанная статистика показательна также в контексте оценки степени стандартизации тех или иных образов, что, собственно, и позволяет говорить о стиле как о формальной стороне художественного направления.

Как видно из **табл. 2 Приложения 5**, 2538 оригинальных изображений распределяются по 355 морфологическим типам, т. е. в среднем на 1 тип приходится 7,15 изображения. При этом наибольшая стандартизация присуща мегаобразу птицы: птичьи изображения, составляя, как мы видели, более четверти всего массива оригинальных изображений восточноевропейского скифского звериного стиля, концентрируются в рамках 55 типов, а это лишь 15,5% от общего количества последних; в среднем на 1 тип приходится 12,6 изображения птицы. Наиболее богато и разнообразно тема птицы реализуется в редуцированном отображении (603 оригинальных изображения образуют 34 типа, в том числе 27 типов сформированы 487 изображениями обособленной птичьей головы). Некоторые типы изображений птиц (в особенности птичьей головы) насчитывают в своем составе десятки (а в случае с Ольвийско-завадским типом — более 130) оригинальных изображений.

Удельная доля типов изображений хищников и копытных соответствует вышеуказанной преимущественной популярности этих мегаобразов в восточноевропейском скифском зверином стиле. Как видно из **табл. 2 Приложения 5**, доля изображений копытных в общем массиве изображений почти идентична доле образуемых типов (соответственно 34,4% и 36,6%), и в среднем на 1 тип приходится 6,7 изображения. Мегаобраз хищника несколько менее стандартизирован: доля изображений в общем массиве здесь несколько ниже доли типов (26% против 31%), и в среднем на каждый тип приходится 6 изображений. При этом редуцированные изображения хищников более стандартизированы, нежели полнофигурные, о чем свидетельствует следующее соотношение: 397 редуцированных изображений образуют 47 типов, тогда как 263 полнофигурных изображений формируют 63 типа.

Соотношение доли оригинальных изображений синкретических существ (9,3% от общего массива изображений) и доли соответствующих типов (12,9% от общего количества типов) также свидетельствует о меньшей стандартизации в этой сфере (в среднем на каждый тип приходится 5,2 изображения). В особенности это проявляется в разработке образа грифона, 112 изображений которого образуют 33 типа, т. е. в среднем всего лишь 3,4 изображения на тип. Последнее вполне закономерно, поскольку этот образ изначально был внешним для скифской художественной системы и в наибольшей мере подвергался изобразительным экспериментам и внешним воздействиям (см. Канторович, 2012б. С. 106–133).

1.2. Соотношение образов восточноевронейского скифского звериного стиля и категорий украшаемых изделий

В **табл. 3 Приложения 5** представлены итоги статистического исследования, призванного выявить соотношение репертуара восточноевропейского скифского звериного стиля и макрокатегорий изделий, украшаемых или оформляемых в этой манере.

Налицо абсолютное преобладание изображений, оформляющих предметы конского снаряжения и вооружения, — всего 1933 из 2538 единиц, т. е. в совокупности 76,2% от общего массива изображений[1]. С учетом многочисленных копий уздечных блях, парного изготовления нащечников и псалиев, самих украшаемых вещей значительно больше. Поскольку конское снаряжение, несомненно, связано с боевым конем, данная статистика соответствует заключению А. И. Мелюковой о том, что «именно воинская среда определяла формирование эстетических принципов скифского искусства, которые проявлялись не только в выборе сюжетов, но и в стиле изображений» (Мелюкова, 1989б. С. 101). При этом наиболее значительно количество оригинальных изображений, оформляющих и украшающих предметы конского снаряжения (1629 единиц), что абсолютно превышает количество изображений, связанных с остальными компонентами скифской материальной культуры и составляет почти две трети всей совокупности изображений (64,18%). Вероятно, в первую очередь это обусловлено большим количеством аксессуаров конского снаряжения в сравнении с элементами вооружения и вещами других категорий материальной культуры.

Статистика образно-видовой принадлежности изображений, оформляющих конское снаряжение, демонстрирует, что в репертуаре скифо-сибирского звериного стиля 98% случаев зооморфизации конского снаряжения связаны с мегаобразами — хищниками, копытными, птицами и синкретическими существами (**табл. 3 Приложения 5**). При этом данный показатель симметричен степени популярности этих мегаобразов в общем массиве изображений восточноевропейского скифского звериного стиля (ср. последнюю колонку **табл. 3**). Именно снаряжение коня наиболее часто украшается изображениями копытных (37,2%), далее следуют хищники (28,7%), птицы (23,1%) и, наконец, синкретические существа (9%).

---

[1] К комплексу конского снаряжения, помимо прочего, нами были отнесены кабаньи клыки и их имитации, служившие преимущественно подвесками на оголовье коня.

Общее количество оригинальных изображений, оформляющих и украшающих предметы вооружения, составляет 304 единицы, т. е. примерно десятую часть от всего массива изображений (11,94%). Эта доля, как мы видим, не столь велика, как доля изображений, связанных с конским снаряжением, но всё же весьма значительна. Здесь следует оговориться, что достаточно многочисленные зооморфные изображения, оформляющие колчанные/поясные крючки, в данной монографии нами учтены именно как акссессуары комплекса вооружения, тогда как ранее в нашей докторской диссертации они рассматривались как элементы костюма. Как известно, эти крючки трактуются в литературе двояко (причем иногда одними и теми же авторами, поскольку одна атрибуция не исключает вторую): либо как элементы костюма — поясные пряжки, застежки кафтана (Rostovzeff, 1929. P. 42; Либеров, 1965. С. 18, 19; Гуляев, 1969. С. 127; Гуляев, 2016. С. 66–68), либо как аксессуары вооружения — средство крепления к поясу или портупейному ремню горита/колчана (Смирнов, 1961. С. 35–36, 109. Рис. 10[1]; Гуляев, 1969. С. 127; Максименко, 1983. С. 144–145; Кокорина, Лихтер, 2001. С. 235–238. Рис. 5–7) или, реже, скрепа ремней портупеи для ножен меча (Либеров, 1965. С. 18; Гуляев, 1969. С. 127; Гуляев, 2016. С. 68)[2]. Очевидно, следует согласиться с В. И. Гуляевым и Е. И. Савченко, предполагающими многофункциональное назначение крючков, сочетающее оба варианта (Гуляев, 1969. С. 126–127; Савченко, 2004. С. 229–241). Конечное решение в пользу атрибуции крючков как аксессуаров вооружения принято нами с учетом того, что многие исследователи, рассматривавшие данную категорию изделий как феномен, либо прямо настаивают на их такой версии, либо, как минимум, не исключают ее[3].

99% случаев зооморфизации предметов вооружения или их частей связаны с мегаобразами — хищниками, копытными, птицами и синкретическими существами. При этом наиболее часто вооружение украшается изображениями птиц (почти 51%) и хищников (25,3%); доля копытных (17,4%) менее значительна, доля синкретических существ невелика (5,3%). Между тем, как мы видели, доля копытных в общем массиве изображений существенно выше (их более трети), а доля хищников и птиц, напротив, ниже, и если при оформлении в зверином стиле других категорий вещей скифской культуры в редких случаях могут отображаться нехищные отряды птиц (в частности, вышеупомянутые отряд гусеобразные, семейство утиные), то помещенные на вооружение изображения птиц, соответствующие канонам скифского звериного стиля, представляют исключительно хищные виды, в основном принадлежащие к отряду соколообразных.

Следовательно, налицо явное предпочтение, оказываемое при оформлении предметов вооружения в скифской культуре образам млекопитающих хищников и хищных птиц (совокупная доля этих образов в общем массиве изображений, связанных с вооружением, — 76,3%), что, очевидно, было нацелено на усиление поражающей функции вооружения. Это соответствует семантике данных мегаобразов, связанных с темой нападения и уничтожения.

Среди изображений в скифском зверином стиле существенна та их доля, которая оформляет элементы одежды и, шире, различными аксессуарами костюма, включая украшения. Насчитывается 214 изображений, связанных с предметами этих категорий, что составляет 8,43% от общего массива изображений. Естественно, с учетом многочисленных копий одежных нашивных бляшек, самих украшаемых вещей гораздо больше. Наиболее часто элементы костюма оформляются или украшаются изображениями копытных (35,5%), далее следуют птицы (24,3%), хищники (17,8%), и, наконец, синкретические существа (13,6%). Как видим, процентное соотношение мегаобразов копытных и птиц, оформляющих элементы костюма, в целом близко их доле в общем массиве изображений восточноевропейского скифского звериного стиля (с незначительными отклонениями), тогда как соответствующий показатель для хищников ниже их доли в общем массиве, а синкретических существ — несколько выше.

Меньшее количество оригинальных изображений (148 единиц, 5,83% от общего массива) украшает сосуды и их элементы — в большинстве золотые обивки деревянных чаш, также рукояти и стенки бронзовых котлов, элементы ритуальных блюд, в единичных случаях стенки керамических

---

[1] К. Ф. Смирнов исходил из того, что данные крючки обнаруживались в савроматских погребениях «всегда с остатками колчанов или наконечниками стрел» (Смирнов, 1961. С. 35); ср. аналогичные наблюдения В. Е. Максименко в отношении нижнедонских памятников скифской и раннесарматской эпох (Максименко, 1983. С. 42, 49, 53, 54, 68).

[2] Исчерпывающая сводка известных на сегодняшний день зооморфных колчанных/поясных крючков скифской эпохи (включая не только крючки, происходящие с территории скифской археологической культуры и рассматриваемые в нашей статье, но и аналогичные предметы из зоны «савроматской» и ананьинской культур), анализ их морфологии и репертуара изображений содержится в монографии В. И. Гуляева (Гуляев, 2016).

[3] Естественно, нами не учитывались крючки, рабочая часть которых десемантизирована, и в результате не прослеживаются никакие детали птицы, за исключением изгиба крючка/клюва.

сосудов. Доля изображений хищников в этом контексте составляет 12,8%, что, как мы видим, ниже их доли в общем репертуаре (см. **табл. 2 Приложения 5**). Доля изображений копытных (39,2%), напротив, близка их общему репертуарному показателю; доля изображений птиц (37,2%) существенно выше этого показателя; доля изображений синкретических существ (3,4%) гораздо ниже.

Ряд изображений (62 единицы, 2,4% от общего массива) оформляет рукояти — как центральные, так и боковые — бронзовых зеркал, а в единичных случаях образы гравированы на плоскости диска зеркала. В основном это кошачьи хищники (схема Келермесской пантеры) и олени (схема Костромского оленя), в единичных случаях птицы.

91 оригинальное изображение (3,4% от общего массива) оформляет навершия ритуальных шестов, устанавливавшихся по углам погребальной колесницы и/или на дышле погребальной колесницы, либо по углам сакрального пространства (Мелюкова, 1989. С. 98–100). При этом нельзя забывать, что в большинстве случаев навершия изготавливались и помещались в погребения и ритуальные комплексы попарно или по четыре (Переводчикова, Раевский, 1981. С. 43), а иногда и до 10 экземпляров (Мелюкова, 1989. С. 99), т. е. как таковых наверший, оформленных в зверином стиле, существенно больше. На них в основном представлены синкретические животные (они составляют 38,5% от всех изображений на навершиях, что, как мы видим, значительно выше их доли в общем репертуаре), в меньшей мере копытные (26,4%) и птицы (25,3%), доля остальных образов незначительна. Это — дополнительное свидетельство особого семиотического статуса наверший как денотата инобытия, инфернальной зоны, символом которой в первую очередь служили именно синкретические существа.

Отдельно были учтены изображения, украшающие рукояти ритуальных костяных ложек (4 единицы). Остальные изображения, объединенные в графе «Прочие» **табл. 3 Приложения 5**, украшают рукояти ножей (в том числе ритуальных, жертвенных), различные подвески (в тех случаях, когда они не могут быть однозначно признаны конскими подвесками или аксессуарами одежды), изделия неизвестного назначения. На долю этих изображений приходится 86 единиц, т. е. 3,39% от общего массива.

* * *

Предпринятый статистический анализ массива изображений восточноевропейского скифского звериного стиля полностью подтвердил давний вывод о том, что основу его репертуара, как и всего художественного направления, именуемого скифо-сибирским звериным стилем, составляют мегаобразы хищников, копытных, птиц (в основном хищных) и синтетических существ. При этом более двух третей от всего массива изображений оформляют предметы конского снаряжения и вооружения.

Кроме того, было показано, что изобразительная стандартизация и канонизация в первую очередь осуществлялись при реализации мегаобраза хищной птицы, во вторую очередь — при воплощении образов копытных животных, в особенности оленя. В меньшей мере стандартизация свойственна разработке изображений хищников и синкретических существ. Это не случайно, поскольку, как показывает стилистический анализ, в формировании иконографии этих мегаобразов большую роль (как изначально, так и в процессе развития стиля) сыграло воздействие древнегреческого и передневосточного искусства.

Предлагаемые принципы идентификации и статистического анализа изображений восточноевропейского скифского звериного стиля, на наш взгляд, могут быть применены и к другим локальным вариантам скифо-сибирского звериного стиля, что создаст возможность их сравнительного анализа в рамках единых методологических подходов и заложит основы единой статистики соответствующих изображений в рамках всего скифо-сибирского мира.

§ 2. Хронологическая и пространственная динамика образов, сюжетов и мотивов восточноевропейского скифского звериного стиля

2.1. Хронологическая и нространственная динамика мегаобраза хищника

Итак, к мегаобразу хищника нами были отнесены изображения, наделенные признаками скифского звериного стиля и природными признаками таких семейств, как семейство кошачьи (*Felidae*), семейство волчьи (*Canidae*) и семейство медвежьи (*Ursidae*) отряда хищные (*Carnivora*). В тех случаях, когда нам удавалось осуществить зоологическую интерпретацию изображений на уровне семейства, мы чаще встречали отображение кошачьих, немного реже — волчьих, гораздо реже (и в связи с локальными типами) — медвежьих. Но в ряде случаев в восточноевропейском скифском зверином стиле семейственное и, тем более, родо-видовое дифференцирование хищников не прослеживалось в принципе, что подтвердило предположение Е. В. Переводчиковой о концепции «хищника вообще» в репертуаре скифо-сибирского звериного стиля (Переводчикова, 1986. С. 8–11).

Как показал статистический анализ, мегаобраз хищника в восточноевропейском скифском зверином

стиле формирует очень важный сегмент (более четверти от общего количества оригинальных зооморфных изображений) — см. **Приложение 5, табл. 1**.

Мегаобраз хищника реализуется полнофигурно (263 изображения, т. е. 39,8% от всего массива изображений хищника) и, чаще, редуцированно — протома, голова, конечности (397 изображений, соответственно 60,2%). При этом, как демонстрирует табл. А, редуцированные изображения, будучи многочисленнее полнофигурных, образуют меньшее количество морфологических типов, т. е. более стаидартизированы.

Как видно из табл. Б, господствующими сюжетными направлениями в полнофигурной реализации образа хищника являются сюжет лежащего хищника и стоящего/идущего хищника. Полулежащий/полустоящий хищник — маргинальный сюжет.

В рамках сюжета лежащего хищника, составляющего I группу классификационной системы, основной массив изображений относится к подгруппе I-1 (передние и задние ноги вперед) — это 26 типов со 123 изображениями, тогда как к трем другим подгруппам относятся всего лишь 10 типов и 28 изображений (подгруппа I-2 — передняя нога назад, задняя вперед: 2 типа, 9 изображений; подгруппа I-3 — передняя нога вперед, задняя назад: 7 типов, 18 изображений; подгруппа I-4 — передняя и задняя ноги назад: 1 тип, одно изображение).

Таблица А. Соотношение нолнофигурных и редуцированных отображений хищника

Степень реализации образа	Количество типов	Количество оригинальных изображений
Полнофигурные изображения	63 (57,2%)	263 (39,8%)
Редуцированные изображения	47 (42,8%)	397 (60,2%)
ВСЕГО	110 (100%)	660 (100%)

Таблица Б. Статистика изображений в рамках композиционных сюжетов нолнофигурного отображения хищника

Сюжет	Количество типов	Количество оригинальных изображений
Лежащие и летящие в прыжке	36 (57,1%)	151 (57,4%)
Стоящие, идущие, присевшие	21 (33,3%)	105 (39,9%)
Полулежащие/ полустоящие	6 (9,5%)	7 (2,7%)
ВСЕГО	63 (100%)	263 (100%)

При этом среди лежащих хищников более популярными являются отображения хищника с головой, ориентированной в одном направлении с туловищем (I сюжетный отдел, 25 типов), нежели хищника с повернутой головой (II сюжетный отдел, 11 типов).

Основными же тенденциями отображения лежащего хищника, концентрирующими относительно большое количество оригинальных изображений, являются иконографические линии, определяемые типами I-1-А-а-I-1 Краснознаменско-новозаведенский, I-1-А-б-I-1 Келермесско-яблоновский и I-1-А-б-I-3 Кулаковско-ковалевский.

Тип I-1-А-а-I-1 Краснознаменско-новозаведенский, второй пол. VII — начала V в. до н. э., — относительно многочисленный (14 изображений) и широко распространенный тип изображений, охватывающий все зоны скифской археологической культуры (Ставрополье, Центральное Предкавказье, Прикубанье, Нижнее Подонье, Среднее Поднепровье), исключая Подонье. Этот тип связан в основном с эпохой «скифской архаики», лишь единичные изображения датируются эпохой «скифской классики», причем самым ее началом. Здесь представлено припавшее к земле животное с головой прямо и ногами вперед рода *Panthera* (леопард *Panthera tigris*? львица *Panthera leo*?), (исключая изображение из Шполы (3), которое может трактоваться скорее как медвежье), моделированное рельефно, иногда скульптурно. Как уже было сказано, ближайшую композиционную аналогию изображениям этого типа составляют фигурки припавшего к земле кошачьего хищника на рукояти Келермесской секиры, выполненные в пограничной передневосточно-скифской манере, а вероятным композиционным истоком для тех и других являются изображения, подобные фигурам на золотых лентах, на серебряном диске и на керамическом блюде из Саккызского клада (см.: Ильинская, 1971. С. 70–72. Рис. 2: 7, 3: 2, 3, 5). В свою очередь, саккызские изображения выполнены в контексте передневосточной традиции: в частности, как уже отмечалось, скульптурная фигурка из Новозаведенного (2) очень близка львам — навершиям булавок из Хасанлу и из Луристана (Петренко, Маслов, Канторович, 2004. Рис. 192).

У данного типа изображений мог быть и непосредственный природный прототип, а именно леопард Panthera tigris, некогда широко распространенный на Кавказе. Еще в XIX в. известный ставропольский натуралист, географ и гляциолог Н. Я. Динник в своих воспоминаниях о путешествии по северо-западному Кавказу отмечал: «...В течение нескольких часов мы видели на небольшом сравнительно пространстве семь оленей,

пантеру (леопарда. — *А. К.*), рысь и более двух десятков серн» (Цит. по: Бобринский, 1960. С. 331).

Отметим также, что С. С. Бессонова, рассматривая трактовки пантеры (леопарда, барса) в скифском зверином стиле на всем протяжении его существования как составную часть группы скифских, ближневосточных и греческих изображений этого животного, связанных с вещами, происходящими из скифских памятников, пришла к выводу об особой роли мотива самки леопарда/пантеры в скифской мифологии как атрибута или символа архетипической Великой Богини и божества, родственного греческому Дионису (Бессонова, 2011. С. 49–66).

Как представляется, именно к ранним изображениям Краснознаменско-новозаведенского типа восходят изображения кошачьего хищника, менее определенного в видовом отношении, типа I-1-А-а-I-3 Ульско-малгобекский, второй пол. VI — начала V в. до н. э., а в композиционном отношении не столь многочисленные, как изображения кошачьих, фигуры припавших к земле волков и медведей типа I-1-А-а-I-2 Новозаведенский, второй пол. VII в. до н. э., и типа I-1-А-а-I-4 Бельско-енкивецкий, последней четв. VII — первой пол. V в. до н. э. (природные прототипы которых хорошо известны в районах Среднего Поднепровья (*Canis lupus*, *Ursus arctos arctos*), Северного Причерноморья (*Canis lupus*) и Северного Кавказа (*Canis lupus*, *Ursus arctos arctos*)).

Большинство остальных типов лежащего хищника с прямым туловищем и головой, сонаправленной с туловищем, так или иначе восходят к этой базовой линии: имеются в виду более поздние и локальные (прикубанские или придонские) типы (тип I-1-А-а-I-7 Семибратненский, сер. — третьей четв. V в. до н. э., тип I-1-А-а-I-8 «Веселое — Частые», конца V — сер. IV в. до н. э., тип I-1-А-а-I-9 Нижнедонской, IV — начала III в. до н. э., тип I-1-А-а-I-5 Кужорский, первой — третьей четв. IV в. до н. э.). Исключение составляют львиные изображения типа I-1-А-а-I-6 Нимфейско-любимовский, второй четв. V — IV в. до н. э., которые, как было показано выше, находятся на грани скифского и греческого анимализма и появились в результате упрощения греческих изображений львов. Возвращаясь к базовой линии, исходящей от Краснознаменско-новозаведенского типа, отметим, что с ней, скорее всего, также связаны немногочисленные и локально ограниченные типы изображений кошачьих хищников, лежащих с повернутой головой, — прикубанский тип I-1-А-а-II-2 Ульско-майкопский, второй пол. VI — первой пол. IV в. до н. э., и среднеднепровский тип I-1-А-а-II-3 Аксютинецкий, первой пол. V в. до н. э. Напротив, еще один тип кошачьего хищника с повернутой головой — тип I-1-А-а-II-1 Архангельско-белозерский, конца V — IV в. до н. э., является подражанием греческим изображениям кошачьих хищников.

Опять-таки, если не к самой «краснознаменско-новозаведенской» линии, то к таким ее прикубанским ответвлениям, как тип I-1-А-а-I-7 Семибратненский, сер. — третьей четв. V в. до н. э., и тип I-1-А-а-I-5 Кужорский, первой — третьей четв. IV в. до н. э., следует возводить немногочисленные и локальные (прикубанские) изображения лежащего кошачьего хищника с вывернутой на 180 градусов задней частью типа I-1-Б-I-1 Уляпско-тенгинский, IV — начала III в. до н. э., типа I-1-Б-I-2 Кужорский, первой — третьей четв. IV в. до н. э. (с ногами вперед), и типа I-3-Б-I-1 Семибратненский, сер. — третьей четв. V в. до н. э. (с отброшенной назад задней ногой), при том что сама идея такой вывернутости, вероятно, пришла из сако-сибирских зон звериного стиля, где она была распространена гораздо шире. Еще один тип хищника с вывернутой задней частью, но с передней частью в стоящем положении, — тип II-Б-I-1 Ушаковский, первой пол. IV в. до н. э., — возможно, напрямую связан с этой сако-сибирской линией или же возник под влиянием Прикубанья, во всяком случае, это идеально совпало с необходимостью для мастера «уложить» изображение в оставшееся пространство ножен меча из Ушаковского кургана.

Параллельно изображению хищника с прямым туловищем развивается иная и столь же мощная композиционно-сюжетная линия свернувшегося хищника (9 типов, 70 оригинальных изображений) (см. **Приложение 5, рис. 1–4**). Здесь выделяются 2 стадиально последовательных доминирующих типа, к которым относится основной массив (50 изображений), — Келермесско-яблоновский и Кулаковско-ковалевский[1]. Первый из них — тип I-1-А-б-I-1

[1] Дифференцирование изображений, отнесенных нами к Келермесскому и Кулаковско-ковалевскому типам, по сути, было осуществлено уже в работах В. А. Ильинской, причем на значительно меньшем объеме материала, имевшемся тогда в распоряжении исследовательницы. «В начале V в. до н. э. появляется новый образ свернувшегося в кольцо хищного зверя, выполненный в той же манере и в той же кольчатой ажурности, что и ранние изображения подобного рода. Однако вид животного изменился. Вместо кошачьего хищника с округлыми формами, кольчатыми лапами и хвостом в эту схему вписан хищник собачьей породы, скорее всего волк с длинными, прижатыми к затылку ушами, вытянутой мордой, хищно оскаленной пастью, худым поджарым туловищем и большими тяжелыми лапами. Расположение лап такое же, как и у кошачьего хищника: передняя — под шеей, задняя поджата под туловищем, когтистые лапы переданы поперечными рубчиками, конец хвоста — у основания морды. Подобные изображения встречаются преимущественно на бронзовых бляхах конской узды в комплексах V в. до н. э.

Келермесско-яблоновский, второй четв. VII — первой пол. V в. до н. э. Представлен хищник семейства кошачьих, свернувшийся в кольцо, моделированный в высоком, порой почти скульптурном рельефе, одностороннем или двустороннем. Ему свойственна «плотная компоновка и лаконизм в передаче образа» (Чежина, 1984. С. 61). Это многочисленный по составу тип (29 оригинальных изображений), распространенный во всех зонах скифской археологической культуры (Прикубанье, Ставрополье, Центральное Предкавказье, Крым, Нижнее Подонье, Нижнее Поднепровье и Среднее Поднепровье), исключая Среднее Подонье, и характерный преимущественно для эпохи «скифской архаики», но завершающий свое существование уже в эпоху «скифской классики», в первой пол. V в. до н. э.

Параллельно с этим типом в эпоху «скифской архаики» начинает развиваться, но широко распространяется уже в эпоху «скифской классики» на всем ее протяжении, составляя вторую основную тенденцию реализации сюжета свернувшегося в кольцо хищника, тип I-1-А-б-I-3 Кулаковско-ковалевский, последней четв. VI — IV в. до н. э. (см. **Приложение 5, рис. 3**).

Это хищник скорее семейства волчьих, моделированный, как правило, в одностороннем рельефе, с прорезями, отделяющими туловище, шею и хвост от ног, в более свободной, нежели в Келермесско-яблоновском типе, анатомической компоновке, с более частой детализацией и с частыми зооморфными превращениями. Это также многочисленный по составу тип (21 оригинальное изображение), распространенный во всех зонах скифской археологической культуры (Крым, Нижнее Побужье, Нижнее Поднестровье, Нижнее Поднепровье, Среднее Поднепровье, Среднее Подонье, Прикубанье и Ставрополье). При наличии природного прототипа (*Canis lupus*) на всех указанных территориях и при несомненной композиционной связи Кулаковско-ковалевского типа с Келермесско-яблоновским не следует исключать первичное возникновение этого типа под влиянием импульсов из савромато-сако-сибирской зоны, где сюжет свернувшегося волка был хорошо известен.

С двумя вышеназванными типами так или иначе связано появление большинства остальных типов свернувшегося хищника. Именно от Келермесско-яблоновского типа «отпочковалось» изображение из Старшой могилы, составляющее тип I-1-А-б-I-2, второй пол. VII в. до н. э., и, вероятно, тип I-1-А-б-I-6 Ольвийско-басовский, второй четв. VI — начала V в. до н. э. (при одновременном участии в формировании данного типа композиционной схемы стоящих на полусогнутых ногах кошачьих хищников типа Келермесской пантеры и наверший рукоятей зеркал «ольвийского типа» — см. выше) и тип I-1-А-б-I-7 Роменский, конца VI — первой пол. V в. до н. э. (хотя здесь возможно и влияние савроматского искусства, учитывая объект украшения — кабаний клык).

Скорее всего, композиционно и в стилистической трактовке лап с Келермесско-яблоновским типом связано изображение хищника с повернутой анфас головой из Ольвии, составляющее тип I-1-А-б-II-1 Ольвийский, сер. VI — первой пол. V в. до н. э. А. И. Шкурко оценивает это изображение, привлекая его в качестве аналогии кошачьей головке анфас из с. Будки в Лесостепи, в принципе как «первый опыт изображения головки в фас» (Шкурко, 1975б. С. 101). Но это справедливо лишь для восточноевропейского скифского звериного стиля. Все немногочисленные изображения свернувшихся хищников с головой анфас в скифо-сибирском зверином стиле, включая ольвийское, были собраны Ю. Б. Полидовичем (Полидович, 2008. Рис. 4). Все они, кроме ольвийского, происходят из Средней или Восточной Азии и датируются, по данным Ю. Б. Полидовича, VI–V вв. до н. э. Ближайшая в территориальном отношении для ольвийского изображения композиционная аналогия происходит с территории Казахстана (с. Чистый Яр) (Полидович, 2008. Рис. 4: 2), остальные — из различных районов Китая и Монголии. Возможно, что эта необычная для Северного Причерноморья композиционная схема, действительно, могла прийти сюда из указанных регионов, но пока не найдены промежуточные территориальные аналогии, не следует исключать и другие возможности. Так, если безусловно принимать идею семантической изначальности сюжета свернувшегося хищника, можно объяснять поворот головы животного на ольвийской бляхе как композиционное отклонение от основной схемы свернувшегося хищника Келермесско-яблоновского типа, — отклонение, возникшее либо в результате влияния схем идущего или лежащего в профиль кошачьего хищника в скифском искусстве (наподобие пантеры из Золотого кургана — см. ниже), либо как влияние греческого искусства, практиковавшего поворот головы анфас еще на коринфских вазах, или же передневосточного искусства, где этот ракурс также хорошо известен.

В свою очередь, развитием и модификацией Кулаковско-ковалевского типа (**Приложение 5, рис. 3**) являются, прежде всего, композиционный эксперимент на Малой Кулаковской бляхе (тип I-1-А-б-I8

(курган Кулаковского у Симферополя, курганы № 8, 12 группы Частых, № 491 у ст. Макеевки, № 2 у с. Волковцы, № 499 у с. Басовка, № 398 у с. Журовка и др.)» (Ильинская, 1971. С. 83–84. Рис. 101: 1–3; см. также: Ильинская, 1968. С. 134).

Кулаковский, конца VI — первой пол. V в. до н. э.) и провинциальное центральнокавказское подражание Кулаковско-ковалевскому (а возможно, и Келермесско-яблоновскому типу), а именно тип I-1-А-б-I-4 Кумбултинский, второй пол. V — начала IV в. до н. э. (впрочем, этот тип может быть равно локальным подражанием территориально близким изображениям свернувшегося хищника в «савроматской» культуре).

Возможно, с Кулаковско-ковалевским типом композиционно связаны не имеющие местного природного прототипа изображения льва (*Panthera leo*) типа I-1-А-б-I-5 Акбурунско-семибратненский, сер. — второй пол. V в. до н. э., но образно они восходят к передневосточно-античным прототипам. Близкую аналогию изображениям Акбурунско-семибратненского типа составляют такие изображения хищника, как: на золотой бляхе из Зивие (Сорокин, 1972. С. 75–78), близость которой в отношении семибратненского изображения уже отмечена Д. С. Раевским и М. Н. Погребовой (Погребова, Раевский, 1992. С. 105. Рис. 6); на обушке топорика из Метрополитен-музея (Фаркаш, 1992. С. 169–170. Рис. 2, 3). Саккызская бляха, с учетом более поздней ее датировки по отношению к остальным предметам из Зивие (см. Погребова, Раевский, 1992. С. 90–91, 115. Рис. 14) могла быть истоком Акбурунско-семибратненского типа (см. **Приложение 5, рис. 4**).

Обращаясь к сюжету стоящего/идущего хищника (II группа классификационной системы), мы наблюдаем здесь меньшее, нежели у лежащих хищников, разнообразие в соположении ног, что избавляет от необходимости выделения сюжетных подгрупп, а в отношении позиции головы относительно туловища — примерно равное соотношение отображений типов хищника с головой, ориентированной в одном направлении с туловищем, и хищника с повернутой головой (I отдел — 11 типов, II отдел — 10 типов) (близкое соотношение характерно и для полулежащих/полустоящих хищников (I отдел — 4 типа, II отдел — 2 типа)).

Среди изображений стоящего/идущего хищника наиболее характерными типами, концентрирующими наибольшее число оригинальных изображений, являются типы II-А-I-2 Роменско-ольвийский, второй пол. VI в. до н. э., и II-А-I-5 Кащеевско-колбинский, V–IV вв. до н. э. Однако истоки данного сюжета в восточноевропейском скифском зверином стиле, несомненно, связаны с типом II-А-I-1 Келермесский, второй пол. VII — первой пол. VI в. до н. э., объединяющем северокавказские изображения (Прикубанье, Ставрополье). Именно этот тип, представляющий кошачьего хищника — львицу и/или леопарда, немного присевшего и приготовившегося к прыжку, наиболее ярко и, по возможности, близко к натуре (в силу влияния переднеазиатского искусства) явленного зрителю знаменитой Келермесской пантерой, лежит в основе композиции большинства остальных изображений стоящего хищника с головой, однонаправленной с туловищем. Так, просто греческой репликой с изображений Келермесского типа является тип II-А-I-2 Роменско-ольвийский, насчитывающий 22 изображения, оформляющие окончания ручек бронзовых зеркал «ольвийского типа» и, в соответствии с зоной продвижения этих зеркал, широко распространенный (в рамках скифской археологической культуры это территории Среднего Поднепровья, Подолья, Приазовья, Нижнего Побужья и Нижнего Поднепровья, Крыма, Прикубанья и Центрального Предкавказья). При этом 1-й вариант Роменско-ольвийского типа — это первичная реплика, тогда как 2-й вариант — тиражирование изображений 1-го варианта. Некоторое отступление от образа кошачьего хищника в иконографии Роменско-ольвийского типа было допущено лишь в одном случае, на территории Среднего Поднепровья (изображение пантеры-медведя из Скоробора, сочетающей голову медведя с такими признаками кошачьего, как низкий сед перед прыжком и длинный хвост). В свою очередь, в ходе подражаний (подобных скороборскому, но более радикальных) по отношению к Роменско-ольвийскому типу, возникло вполне медвежье изображение типа II-А-I-3 Майкопский, второй пол. VI в. до н. э., — не присевшего, а с выпрямленными ногами, как это и свойственно медведю в природе, и с морфологическими признаками медведя.

Возможно, опять-таки с упрощением композиционной схемы Келермесского типа, второй пол. VII — первой пол. VI в. до н. э. связано появление почти стыкующегося с ним хронологически типа II-А-I-4 Гусарско-опишлянский, конца VI — первой пол. V в. до н. э. (при одновременном значительном воздействии греческой стилистики). Возможно, продолжением той же «келермесской схемы» (судя по позиции ног и туловища), но с изменением положения головы на поворот назад, в конечном счете связано появление типа II-А-II-3 Майкопский, IV в. до н. э.

Напротив, изображения еще одного многочисленного (27 изображений) типа стоящего/идущего хищника — тип II-А-I-5 Кащеевско-колбинский, V–IV вв. до н. э. — если и имеют какую-то отдаленную композиционную связь с Келермесским типом и его вышеназванными дериватами, в своей образной и стилистической основе вполне оригинальны. Будучи достаточно широко распространенными (Нижнее Подонье — Подонцовье, Среднее и Нижнее Поднепровье, Приазовье, Прикубанье и Центральное

Предкавказье), в подавляющем большинстве эти изображения происходят с территории Среднего Подонья (21 изображение) и представляют хорошо известного здесь медведя в характернейшей для него природной позе кормления (мордой в землю) на мощных прямых ногах с опорой на полную стопу, как это свойственно медведю.

Остальные типы стоящего/идущего хищника в большинстве связаны не столько со скифо-сибирскими корнями, сколько с влиянием греческой и греко-персидской стилистики. Это, прежде всего, локализуемые в основном в пределах степного Северного Причерноморья и Приазовья (с заходом в Прикубанье) и связанные преимущественно с украшением золотых ножен мечей (реже — драгоценных сосудов) изображения львов и львиц в сценах терзания и преследования как с головой прямо, так и с повернутой головой: тип II-А-I-6 Солохско-ушаковский, 450–300 гг. до н. э., тип II-А-II-4 Семибратненско-елизаветовский, сер. V — IV в. до н. э., тип II-А-II-10 Белозерско-кульобский, IV в. до н. э.). К этой же совокупности типов примыкает и единственное изображение типа II-Б-I-1 Ушаковский, первой пол. IV в. до н. э., представляющее льва с вывернутой на 180 градусов задней частью (как уже говорилось, в этой композиционной черте сказалось влияние соответствующих прикубанских изображений или же прямое влияние искусства сако-сибирских вариантов звериного стиля).

Также близкие или отдаленные подражания шествующим и нападающим львам, львам с поднятой передней лапой, геральдическим львам, широко известным в греческом и переднеазиатском искусстве, составляют типы: II-А-I-7 Уляпский, первой пол. IV в. до н. э., II-А-I-8 Чертомлыцкий, второй пол. IV в. до н. э., II-А-I-9 Нимфейско-плавненский, второй четв. V — начала IV в. до н. э., II-А-I-10 «Толстая могила — Гайманова могила», второй — третьей четв. IV в. до н. э., II-А-II-5 Уляпский, второй пол. IV в. до н. э., II-А-II-8 Нечерзийский, IV в. до н. э., II-А-II-7 Майкопский, сер. V — начала IV в. до н. э. В изображениях этих типов очевидны влияния греческого искусства не только в композиции, но и в стилистике (натурализм, гладкое оформление туловища). Налицо также воздействие переднеазиатской традиции геральдических композиций и изображений шествующих хищников. Эта позиция нападающего льва позднее, очевидно, стала основой для сюжетов нападающих хищников в сценах терзания греческой стилистики (см., например, фигуры львов и леопарда на пекторали из Толстой могилы: Мозолевський, 1979. С. 80. Рис. 61, 62), и уже не из передневосточного, а из греческого искусства могла проникать в скифский звериный стиль. Думается, что мы имеем дело с приспособлением античными и передневосточными мастерами характерных для их репертуара образов льва ко вкусам скифской среды, в связи с чем этими мастерами вносились зооморфные превращения (Нимфейско-плавненский тип) и некоторая дробность моделировки фигур. Возможно и обратное: подражание скифскими мастерами образам, популярным в искусстве древних цивилизаций, с сохранением элементов скифской стилистики.

Кроме того, среди стоящих хищников с повернутой головой есть и ряд самобытных изображений, связанных с локальными школами. Это поднепровско-крымский тип II-А-II-1 «Золотой курган — Макеевка», конца VI — первой пол. V в. до н. э., в котором сказались также и фрако-греческие или просто греческие влияния (техника сфирелатон, см. выше характеристику аналогий пантере из Золотого кургана). Тип «Золотой курган — Макеевка» отражает определенную композиционную тенденцию VI–V вв. до н. э. в зооморфном искусстве всего скифо-сибирского мира: композиционно сходные с пантерой из Золотого кургана, но стилистически отличные изображения, датируемые второй пол. VI — началом V в. до н. э., происходят из могильника Тасмола V (Кадырбаев, 1966. С. 398. Рис. 63) и из кургана 53 Южного Тагискена (Итина, Яблонский, 1997. С. 68–69. Рис. 44: 1). Композиционные аналогии данным изображениям можно найти и еще восточнее (Алтай, курган Кумуртук, см.: Киселев, 1951. Табл. XXX: 8), а также западнее — во фракийском искусстве (Башова могила, см.: Венедиков, Герасимов, 1973. С. 375. Табл. 213).

Всем этим композициям, как представляется, предшествуют переднеазиатские протомы кошачьих хищников, рассматриваемых как бы в плане, с вытянутыми вперед лапами — см., например, изображение на рукояти луристанского кинжала (Канторович, 2002. Рис. 8: 11) или же фигуры этих животных с задней частью в профиль, а передней, включая голову, грудь и передние ноги, — анфас (см., например, изображения на золотом браслете VII в. до н. э. из Зивие (Ghirshman, 1964a. P. 111, abb. 145). Кроме того, как указывала А. И. Мелюкова, еще с первой пол. V в. до н. э. известны наносники в виде обычных протом хищников со свисающими передними ногами, пальцы которых сливаются воедино, образуя широкую орнаментальную полосу с поперечным рифлением по низу пластины налобника (Мелюкова, 1976. С. 112–113). Таковы, например, вышеописанное изображение из Новопетровки (на налобнике, датированном авторами публикации концом VI — началом V в. до н. э.), в котором слиты только собственно лапы хищника, а основная часть ног разделена (Островерхов, Тощев, 1985. С. 75–77. Рис. 1), или вышеописанная

протома из Макеевки, курган 491 (Петренко, 1967. С. 93. Табл. 29: 26), в которой ноги слиты полностью, образуя пластину с полосой поперечного рифления по низу, возникшую вследствие слияния лап и орнаментализации когтей.

Композиционно-стилистически и по моделировке к типу «Золотой курган — Макеевка» примыкает единственное изображение типа II-A-II-2 «Частые курганы», конца VI — начала V в. до н. э. Но в образном отношении оно самобытно, так как представляет хорошо известного на Среднем Дону медведя на мощных прямых ногах с опорой на полную стопу. Изображение типа II-A-II-6 Нартанский, VI в. до н. э., представляющее кошачьего хищника со сведенными почти в точку прямыми ногами (это скорее отвечает иконографии копытного в скифо-сибирском искусстве), и в то же время с позицией головы и хвоста как в изображении грифона (крылатого льва) типа II–II-1 Нимфейско-майкопский, представляется местным подражанием образам копытных и хищников скифского звериного стиля без четкого соблюдения его сюжетных канонов. Со скифо-фракийскими протомами на налобниках, как было показано выше, связано своим происхождением единственное изображение типа II-A-II-9 Тенгинский, второй пол. IV в. до н. э.

Изображения полулежащего/полустоящего хищника (III группа классификационной системы) в основном также несут следы подражания греческим прототипам — львам, львицам и пантерам (типы: III-I-1 Уляпский, первой пол. IV в. до н. э., III-I-2 Александропольский, сер. IV — рубежа IV–III вв. до н. э., III-II-2 Солохский, 400–375 гг. до н. э., III-II-1 «Скифская могила», второй пол. V в. до н. э.), а также собаке — образу, совершенно не типичному для скифского искусства (III-I-3 «Архангельская слобода», конца V — начала IV в. до н. э.). Исключение составляет характерный для синкретической греко-скифской ольвийской изобразительной школы (Островерхов, 1984; Островерхов, 1994) тип III-I-4 Березанско-ольвийский, конца VI — начала V в. до н. э., представляющий полусвернувшегося хищника. Здесь, скорее, как и в случае с зеркалами «ольвийского типа», греческий мастер стремился отражать местный колорит и подражать скифскому канону свернувшегося хищника, несколько модифицировав его.

* * *

Основной массив редуцированных изображений хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле связан с мотивом обособленной головы, в меньшей мере — с мотивом обособленных конечностей, еще менее значительна доля протом (см. табл. В).

Таблица В. Статистика изображений в рамках редуцированного отображения хищника

Мотив	Количество типов	Количество оригинальных изображений
Обособленная голова	29 (61,7%)	209 (52,6%)
Протома	6 (12,7%)	31 (7,8%)
Обособленные конечности	12 (25,5%)	157 (39,5%)
ВСЕГО	47 (100%)	397 (100%)

Среди обособленных голов хищников наиболее распространены профильные изображения (13 типов, 109 изображений). Из них наибольшее количество оригинальных изображений насчитывают в своем составе тип 5 Роменско-сладковский, конца VI — начала III в. до н. э. (36 изображений) и тип 2 Нимфейско-журовский, VI–V вв. до н. э. (30 изображений). Однако исходным типом в реализации этого мотива является отображающий кошачьего хищника (леопарда *Panthera tigris*?) тип 1 Новозаведенско-берестнягский, второй четв. VII — первой пол. V в. до н. э. (Ставрополье, Прикубанье, Среднее Поднепровье), восходящий, очевидно, к лежащим хищникам типа I-1-A-a-I-1 Краснознаменско-новозаведенский, второй пол. VII в. — начала V в. до н. э., в пользу чего говорит как морфологическое сходство, так и, в одном случае, происхождение из одних и тех же памятников (Новозаведенное-II). Что касается Нимфейско-журовского типа, широко распространенного (Среднее Поднепровье, Нижнее Поднепровье и Побужье, Крым и Центральное Предкавказье) и многочисленного, он также представляет кошачьего хищника (леопарда *Panthera tigris* и львицу *Panthera leo*?) и, скорее всего, производен от таких полнофигурных изображений лежащих хищников, как поздние экземпляры типа I-1-A-a-I-1 Краснознаменско-новозаведенский (например, Журовка, курганы Г). Вместе с тем возможно и происхождение ряда изображений Нимфейско-журовского типа от Новозаведенско-берестнягского типа, к иконографии которого также восходит единственное изображение типа 12 Шелковая, конца VI — первой пол. V в. до н. э., составляющее провинциальную реплику, изменившую образное содержание (вместо кошачьего хищника изображен волк).

Параллельно с развитием этих типов, при учете их иконографического опыта, но при одновременном восприятии греческой изобразительной традиции (мотив овы, усиление натурализма) формируется отображение хищника, который равно может считаться волчьим и кошачьим и формирует тип 4 Ольвийский V– IV вв. до н. э., ограниченный территорией, прилегающей к античным центрам

(Нижнее Побужье, Крым, Прикубанье). В свою очередь, продуктом типов 2 Нимфейско-журовский и 4 Ольвийский может считаться единственное изображение, формирующее среднеднепровский тип 10 «Полковая Никитовка» конца VI — первой пол. V в. до н. э.

Что же касается типа 5 Роменско-сладковский, конца VI — начала III в. до н. э., наиболее массового и повсеместно распространенного (его ареал: Среднее Поднепровье, Нижнее Поднепровье и Побужье, Крым, Среднее и Нижнее Подонье, Прикубанье, Центральное Предкавказье), то его корни совершенно иные. В основном изображения данного типа отображают волка *Canis lupus* и оформляют подвески из клыка кабана и их бронзовые имитации, а также колчанные крючки / застежки пояса, что указывает на источники влияния — во-первых, многочисленные кабаньи клыки «савроматского» варианта скифо-сибирского звериного стиля с редуцированными изображениями (голова хищника на основании — голова птицы на острие) и их бронзовые модели (ср. Яковенко 1969. С. 201, 205 сл.; Яковенко, 1976, С. 130–133; Королькова, 2006. С. 121), во-вторых — среднедонские колчанные крючки / застежки пояса. Очевидно, эти тенденции удачно соединились с традицией отображения головы кошачьего хищника, существовавшей в период «архаики» в скифском зверином стиле Северного Причерноморья и Северного Кавказа, что в итоге обусловило столь массовое распространение Роменско-сладковского типа. Скорее всего, под его влиянием возник локальный (среднедонской) и хронологически ограниченный тип 6 Дуровско-мастюгинский, первой пол. — третьей четв. IV в. до н. э.

Остальные типы изображений голов локальны и хронологически ограниченны. Так, прикубанский тип 7 Елизаветинско-кужорский, IV в. до н. э., скорее всего, — производный от полнофигурных изображений хищников «елизаветинского стиля», прежде всего это типы I-1-Б-I-1 Уляпско-тенгинский, IV — начала III в. до н. э., I-3-А-I-4 Елизаветинский, третьей четв. IV в. до н. э., и, особенно, тип I-3-А-II-2 Елизаветинско-кужорский, первой — третьей четв. IV в. до н. э. Тип 8 Майкопский, второй четв. V в. до н. э. (Прикубанье), мог возникнуть, вероятно, вследствие импульсов из Нижнего Поволжья, где в Хошеутовском комплексе ему обнаруживаются ближайшие аналоги (см. выше).

Изображение головы льва *Panthera leo* типа 3 Берестнягско-стеблевский, второй пол. V — начала IV в. до н. э. (Среднее Поднепровье, Среднее Подонье, Центральное Предкавказье) возникло под несомненным ахеменидским или греко-персидским влиянием (ср. изображение из Баксинского кургана в окрестностях Керчи: Черненко, 1968. С. 67–68. Рис. 36, 37), но при наличии в качестве субстрата вышеуказанной скифской традиции изображения кошачьего хищника эпохи «архаики». Другое изображение львиной головы, формирующее прикубанский тип 11 Краснодарского музея, второй пол. IV в. до н. э., с одной стороны, сформировалось, судя по стилистике, в кругу изображений оленей и хищников «елизаветинского стиля», с другой — демонстрирует черты греческого натурализма в реализации образа. Наконец, единичное изображение типа 9 Александропольский, 340–300 гг. до н. э., восходит к полнофигурным изображениям хищников, в первую очередь украшающих мечи (тип II-А-I-6 Солохско-ушаковский, 450–300 гг. до н. э.), а через них — к греческим прототипам.

Изолированным от всех этих тенденций является самый ранний среди типов изображений хищника (первая пол. VII в. до н. э.) и локальный (Прикубанье) — тип 13 Тауйхабльско-хаджохский. О проблеме его истоков будет сказано в § 3 главы VII.

Фасы хищников встречаются реже профилей (7 типов, 53 изображения). Среди них наиболее массовым (25 изображений) и широко распространенным является тип 1 «Берестняги — Солоха», второй пол. VI — IV в. до н. э., ареал которого охватывает территории Среднего и Нижнего Поднепровья, Прикубанья и Крыма. Этот тип голов львов и иных кошачьих хищников, возможно, возник под влиянием скифских полнофигурных изображений хищников, в первую очередь кошачьих, с головой, повернутой анфас со скрытой от зрителя нижней челюстью (в первую очередь таких, как фигуры типа II-А-I -1 «Золотой курган — Макеевка», конца VI — первой пол. V в. до н. э.).

Вместе с тем, этот мотив мог зародиться и от передневосточных и древнегреческих мотивов как полнофигурных изображений хищников с головой анфас, так и обособленных фасов хищников. В частности, нельзя исключать появление отдельных изображений тип 1 «Берестняги — Солоха» (изображение из Томаковской могилы) вследствие подражаний головкам на пантикапейских монетах (Ростовцев, 1925. С. 477), и вообще нельзя игнорировать роль греческих изображений кошачьего хищника анфас, известных еще на вазах коринфского стиля. То же относится и к зародившемуся еще раньше среднеднепровскому типу 3 Бельско-аксютинецкий, сер. VII — третьей четв. V в. до н. э. Прототипы данным типам обнаруживаются и переднеазиатском искусстве (линии «Луристан — Зивие — скифский звериный стиль эпохи архаики», и «Луристан — Зивие — ахеменидское искусство — скифский звериный стиль эпохи классики»).

Еще в 1929 г. Г. И. Боровка высказал предположение, что скифская трактовка фаса кошачьего хищника восходит к хеттскому искусству (че-

рез посредство греческих образцов) см.: Borovka, 1929; переиздание данной работы в переводе на русский язык: Боровка, 1994). Исследователь указывал на мотивы гипертрофирования щек и подчеркивания усов с помощью бороздок (Боровка, 1994. С. 20).

Действительно, композиция фаса хищника в данном виде окончательно формируется в полнофигурных изображениях кошачьего хищника в переднеазиатском зооморфном искусстве еще во II тыс. до н. э., находя в этот период параллели и в эгейском искусстве (см., например, изображение лежащего льва из Като Закро (Сидорова, 1972. С. 133. Рис. 144) и особенно льва в сцене терзания из Спаты (Огненова-Маринова, 1975. С. 133. Рис. 5), а в начале I тыс. до н. э. закрепляется в обособленных изображениях головы кошачьего хищника анфас в Передней Азии (Зивие и др.) (см. подробнее: Канторович, 1998б). Отличительная черта этой композиции, унаследованная и в скифских трактовках, — отсутствие у зверя нижней челюсти, как бы перекрываемой верхней. Думается, что эта особенность доказывает вторичность традиции изображения отдельной головы по отношению к воспроизведению целой фигуры льва в переднеазиатском искусстве, ибо именно у хищника в сценах терзания, популярных в этом регионе еще с III–II тыс. до н. э., нижняя челюсть либо сокрыта от зрителя под верхней, либо, позднее, вообще не показана, будучи закрытой от зрителя телом терзаемого животного, поверх которого находится верхняя челюсть[1].

Локальный (прикубанский) тип 2 Уляпско-шунтукский, сер. — третьей четв. IV в. до н. э., отображающий хищников семейства кошачьих, судя по изображениям щек, похожих на лапы, мог возникнуть вследствие влияния композиции головы медведя в плане с подложенными под голову лапами или с лапами по бокам головы, подобно тому, что мы видим в протомах типа 5 Малобудковско-волковецкий, конца VI — первой пол. V в. до н. э., и типа 3 «Староживотинное — Семибратние», сер. V — конца IV в. до н. э. Последний тип, как уже было отмечено в разделе типологии, восходит, в свою очередь, к соответствующим «савроматским» мотивам. Аналогично мог возникнуть и крайне схематичный тип 4 Каневско-майкопский, второй пол. VI — V в. до н. э. (Среднее Поднепровье, Прикубанье и Центральное Предкавказье), с той разницей, что в данном случае не произошло переосмысления образа медведя (см. выше о нижневолжских аналогиях, приведенных в рамках типологии).

Что касается единственного изображения, формирующего тип 5 Елизаветовский, конца V — первой пол. IV в. до н. э., данная голова, как уже отмечалось, просто сделана по той же матрице, что и фигура льва на основной пластине ножен данного меча, относящаяся к типу II-A-II-4 Семибратненско-елизаветовский.

Ниже при характеристике протом будут указаны вероятные греко-фракийские корни фасов на пластинах налобников типа 6 Чертомлыцко-огузский, второй четв. — второй пол. IV в. до н. э., одновременно являющихся лапами и грудной частью протомы хищника типа 2 Чертомлыцко-огузский, а также профилями птичьих голов. То же относится и к фасу/грудной части на пластине налобника типа 7 «Толстая могила», второй — третьей четв. IV в. до н. э. (соответствует также протоме хищника Чертомлыцко-огузского типа), в котором уже нет композиции «фас хищника из двух профилей птиц».

Среди скульптурных изображений голов (т. е. рассчитанных на круговой обзор), каковых всего насчитывается 9 типов, включающих 47 изображений), наиболее массовым (18 изображений) и широко распространенным (Нижнее Подонье, Крым, Центральное Предкавказье, Прикубанье и Среднее Поднепровье) является тип 4 «Частые курганы-2 — аллероевский», V — первой пол. IV в. до н. э., отображающий волка. Как показала типология, иконографическое ядро типа составляют изображения из нижнедонских Частых курганов и центральнокавказские (аллероевские и из Осетии). Это говорит в пользу северокавказского происхождения данного типа, что могло быть обусловлено развитием объемных изображений хищника в кобанском искусстве, давшем, очевидно, соответствующий импульс скифскому. Более самобытными (при том что объемный ракурс вообще не характерен для скифского звериного стиля) представляются не столь массовые изображения типа 1 «Будки», сер. VII — VI в. до н. э., и типа 3 «Скифская могила — Макеевка», V–IV вв. до н. э. В среднеднепровском типе 1 «Будки» мы видим, по сути, то же отображение фаса хищника (с почти скрытой от зрителя нижней челюстью), проблема истоков которого была рассмотрена выше.

В типе 3 «Скифская могила — Макеевка», более массовом и широко распространенном (Среднее и Нижнее Поднепровье, Среднее и Нижнее Подонье, Прикубанье и Ставрополье), можно видеть дальнейшее развитие иконографически изначальных изображений одновременного ему типа 4 «Частые курганы-2 — аллероевский», но с переосмыслением и постепенной заменой более типичного для Северного Кавказа волчьего хищника на хищника

[1] См., например, изображение льва на знаменитом сосуде дописьменного периода из Урука с рельефными изображениями львов и быков (Herzfeld, 1941. Pl. 22–23; Frankfort, 1970. P. 29. Fig. 16), а для более позднего времени — ахеменидские рельефы (Godard, 1962. Pl. 47).

кошачьего, более популярного в искусстве Скифии. Напротив, локальный (северокавказский), хронологически короткий и немногочисленный тип 5 Новозаведенско-старокорсунский, VI в. до н. э., демонстрирует развитие безусловно волчьего образа в регионе, где кобанское искусство (практикующее данную тему шире, нежели тему кошачьего) в это время является доминирующим (Центральное Предкаказье) или оказывает сильное влияние (Прикубанье). Под явным кобанским воздействием в отношении семантики (морда скорее кошачьего хищника, но уши несомненно волчьи) и стилистики (скульптурность, заглаженность) возникает и северокавказский тип 8 Елизаветинско-шалушкинский, IV в. до н. э.: неслучайно, как показала типология, именно из зоны собственно кобанской культуры происходят наиболее качественные изображения данного типа. В какой-то мере это кобанское влияние могло сказаться и на оформлении скульптурной головы кошачьего хищника — единственного изображения, формирующего прикубанский тип 9 «Майкопского клада», конца VII — начала V в. до н. э., однако непосредственный импульс к созданию такового, скорее всего, произвела вполне скифская (с раннегреческими ионийскими корнями) традиция изображений грифонов и, особенно, трансформированных грифонов — «тупорылых животных» на грушевидных бронзовых навершиях, в ряде случаев контаминированных с образом летучей мыши (Бабенко, 2000. С. 148; Бабенко, Ліфантій, 2019. С. 101).

Иные корни имеет локальный среднеднепровский тип 6 «Кошеватое», конца V — IV в. до н. э., однозначно представляющий местный природный прототип — медведя. Также медведя (с меньшей вероятностью — волка) представляет нижнедонской тип 2 Краснодворский, VI–V вв. до н. э., однако в данном случае налицо внешний импульс — богатейшая традиция производства каменных алтариков с зооморфными ножками и большой опыт отображения медведей и волков в «савроматской» культуре, в первую очередь в Южном Приуралье, откуда эти влияния приходили на Нижний Дон через Нижнюю Волгу (см. выше аналогии, приведенные в рамках типологии).

Наконец, единственное изображение (львица или леопард), формирующее тип 7 Солохский, 400–375 гг. до н. э., будучи выполненным, как уже отмечалось в ходе типологии, в принципе, в духе традиции скифской архаики — в манере исполнения полнофигурных кошачьих хищников типа I-1-А-а-I-1 Краснознаменско-новозаведенский, в то же время, очевидно, испытало значительное влияние современного ему греческого искусства, обусловившего объемность и определенную натуралистичность данного изображения.

Среди протом наиболее крупным является тип 2 Чертомлыцко-огузский (11 изображений), при этом он весьма ограничен и хронологически (вторая четв. — вторая пол. IV в. до н. э.), и территориально (Нижнее Поднепровье), и категориально — это исключительно конские налобники/наносники. Взаимосвязь данного типа изображений с фракийскими наносниками/налобниками уже отмечалась А. И. Мелюковой (Мелюкова, 1976. С. 111–115. Рис. 3–5), и не случайно, как мы видим, Чертомлыцко-огузский тип фактически ограничен материалом Царских и аристократических курганов Приднепровских порогов, т. е. памятников, близких к зоне давних контактов скифской знати с фракийским миром, известных еще по рассказу Геродота о царе Скиле, чьим братом, как известно, был Октамасад, внук фракийского царя Тера (Herod, IV, 80).

Остальные типы протом объединяют незначительное количество изображений и опять-таки локальны, исключая тип 1 Новопетровско-макеевский, конца VI — первой пол. V в. до н. э. (Нижнее и Среднее Поднепровье, Центральное Предкавказье), который сформировался, очевидно, изначально в среде скифского искусства, в Приднепровье, поскольку, как уже отмечалось при его описании, восходит к стоящим хищникам с повернутой анфас головой и передней частью типа II-А-II-1 «Золотой курган — Макеевка», конца VI — первой пол. V в. до н. э. Тип 3 «Староживотинное — Семибратние», сер. V — конца IV в. до н. э., ограниченный Подоньем и Прикубаньем, скорее, возник под внешними влияниями, в первую очередь это могут быть греческие и греко-персидские изображения льва, терзающего добычу (ср. тип II-А-II-4 Семибратненско-елизаветовский, сер. V — второй трети IV в. до н. э.), но возможно и влияние изображений головы медведя в плане с лапами по бокам головы, подобных тем, что мы видим в среднеднепровском типе 5 Малобудковско-волковецкий, конца VI — первой пол. V в. до н. э., который, в свою очередь, как уже было отмечено, восходит к соответствующим «савроматским» мотивам (а в части аксютинецкого изображения — одновременно к местным традициям). Тип 4 Кужорско-майкопский, первой — третьей четв. IV в. до н. э., ограниченный Прикубаньем, — безусловно дочерний по отношению к изображениям «елизаветинского стиля» (Королькова, 2001. С. 91–92; Канторович, Эрлих, 2006. С. 102–103), прежде всего относящихся к типам I-1-Б-I-1 Уляпско-тенгинский, IV — начала III в. до н. э. и I-3-А-I-4 Елизаветинский, третьей четв. IV в. до н. э., а опосредованно через них восходящий к более раннему типу I-3-Б-I-1 Семибратненский, сер. — третьей четв. V в. до н. э.

Наконец, единичное изображение, составляющее тип 6 Александропольский, 340–300 гг.

до н. э., с одной стороны, восходит к греко-фракийскому стилю, с другой стороны, к скифскому художественному контексту. Композиционный модуль александропольского изображения — мотив обособленных конечностей хищника, который был, как мы видели, чрезвычайно популярен в восточноевропейском скифском зверином стиле. Однако в данной ситуации конечность хищника уже явно не осознается мастером как самостоятельное изображение (см. Мелюкова, 1981. С. 89), а является лишь композиционной основой для новой темы (Канторович, 2002б. С. 111–112, Рис. 7: 1, 6), ибо кроме контура, никаких других признаков мотива обособленных конечностей хищника александропольские нащечники не содержат. Аналогичный процесс десемантизации претерпевает мотив конечностей на нащечниках в известных случаях использования их плоскости для изображения птиц в греко-скифской декоративной манере (см. ниже). При этом рассматриваемые александропольские нащечники, судя по их очертаниям, являются в отношении композиционной основы подражанием скифским репликам второй пол. IV в. до н. э. с известных фракийских изображений обособленных конечностей типа Крайовы и др. (ср. Berciu, 1969. P. 129. Fig. 90–92), т. е. подражанием фрако-скифским изображениям конечностей типа гайматовских, чмырёвских и др.; или же контур александропольских нащечников мог сложиться на основе композиции фантастического образа «петушков», возникшего в степной Скифии под влиянием различных источников, в том числе и указанных фракийских мотивов. В любом случае на александропольских нащечниках сохраняются следы фракийской орнаментики в виде окантовки изображений широкими рифлеными полосками; аналогичные волнистые полосы проходят и посередине нащечников, передавая изгиб туловища льва. Таким образом, перед нами достаточно редкое изображение, в котором соединились скифские, фракийские и, вероятно, греческие (элементы натурализма, свобода выбора ракурса) стилистические компоненты.

Мотив обособленных конечностей хищника отражен в 12 типах, включающих в совокупности 157 изображений. Из них 153 обнаружено собственно в зоне скифской археологической культуры, но вместе с ними в данный массив в виде исключения были интегрированы и учтены в общих подсчетах (и соответственно включены в каталог) 4 изображения из районов возможного скифского временного присутствия или влияния, демонстрирующие почти полное тождество изображениям соответствующих типов и происходящие с территорий культур, сопредельных скифской археологической культуре, — фракийской (Гэвань, Луковиты, Чилик-дере) и гальштатской (Бычья скала).

В искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы этот мотив использовался исключительно в период «скифской классики» V–IV вв. до н. э. (**Приложение 5, рис. 4-г**). Дополнительной проверкой установленной хронологии служат 14 случаев совстречаемости разнотипных изображений в одном погребальном комплексе[1].

Вместе с тем при господстве изображений V–IV вв. до н. э. в рамках изучаемого мотива не исключено датирование отдельных из них, с одной стороны, концом VI в. до н. э. (для некоторых изображений типа «Журовка — Аксютинцы»), с другой стороны, началом III в. до н. э. (для некоторых изображений типа «Ак-Бурун — Корнеевка»). При этом в течение всего периода V–IV вв. до н. э. мотив обособленных конечностей хищника функционировал

---

[1] 1) в погр. 2 кургана 15 у г. Красноперекопска — нащечник с изображением типа «Красноперекопск — Тузла» и нащечник с изображением типа «Ак-Бурун — Острая могила»; 2) в Восточной могиле Бердянского кургана («погребение жрицы») — нащечники с изображением типа «Бердянский — Петровка» и нащечники с изображением типа «Ак-Бурун — Корнеевка»; 3) в погр. 3 кургана 2 у пгт Петровка — нащечники с изображением типа «Бердянский — Петровка» и нащечники с изображением типа «Солоха — Чертомлык»; 4) в кургане 2 урочища «Стайкин Верх» у с. Аксютинцы налобник или нащечник с изображением типа «Нимфей — Аксютинцы» и бляха с изображением типа «Журовка — Аксютинцы»; 5) в гробнице 14 кургана 1 Нимфейского некрополя (раскопки 1878 г.) — бляха с изображением типа «Нимфей — Аксютинцы» и бляха с изображением типа «Нимфей — Завадская могила»; 6) в погр. 13 кургана у г. Арциз — нащечники с изображением типа «Арциз — Солоха», бляхи с изображением типа «Журовка — Аксютинцы» и бляха с изображением типа «Солоха — Чертомлык»; 7) во впускном погребении Солохи — нащечники коней 2 и 5 с изображением типа «Арциз — Солоха» и нащечники коней 2 и 3 с изображением типа «Солоха — Чертомлык»; 8) в погр. 5 у мыса Ак-Буруп — бляха с изображением типа «Ак-Бурун — Острая могила» и нащечник с изображением типа «Ак-Бурун — Корнеевка»; 9) в погр. 14 кургана 8 у с. Николаевка Овидиопольского района Одесской области — нащечник с изображением типа «Ак-Бурун — Острая могила» и псалии с изображением типа «Первомаевка — Николаевка»; 10) в кургане у местечка Круполь — налобник с изображением типа «Ак-Бурун — Острая могила» и бляшки с изображением типа «Ак-Бурун — Корнеевка»; 12) в кургане у с. Кошеватое — бляха с изображением типа «Ак-Бурун — Корнеевка» и бляха с изображением типа «Солоха — Чертомлык»; 13) в кургане у с. Резино — бляха с изображением типа «Ак-Бурун — Корнеевка» и бляха с изображением типа «Солоха — Чертомлык»; 14) в развеянном кургане у с. Софиевка — бляха с изображением типа «Тузла — Бобрица» и бляха с изображением типа «Ак-Буруп — Острая могила».

лишь в рамках одного типа: «Ак-Бурун — Корнеевка». Учитывая морфологические признаки данных типов, можно утверждать, что дольше всего в рамках мотива редуцированных конечностей хищников бытовало изображение единственной ноги, свисающей или опирающейся на кончики пальцев (либо, при взгляде в другом ракурсе, это горизонтально направленная нога с выпрямленными лапами).

Анализ изображений показал, что все композиционные схемы, задействованные при передаче обособленных ног хищника, встречаются в синхронных и несколько более ранних полнофигурных изображениях хищников в скифском зверином стиле. Вероятно, именно на них и ориентировались мастера при создании первых редуцированных изображений конечностей.

В частности, изображениям типа I-II-1 «Нимфей — Аксютинцы», очевидно, композиционно соответствуют синхронные налобники в виде профильных фигур хищников с головой анфас (Петренко, 1967. Табл. 29: 19, 27) (**Приложение 5, рис. 5: 14**), а предшествуют и тем и другим в качестве эталонов фигуры кошачьих хищников с туловищем и задними ногами в профиль, с головой анфас и с фронтальными передними ногами, слитыми в одно целое, типа пантеры на бляхе из Золотого кургана в Крыму (**рис. 5: 2**) — комплекса, датируемого концом VI — началом V в. до н. э. (ОАК за 1890 г. С. 4–6. Рис. 1; Алексеев, 2003. Рис. 26: 14), ср. датируемую этим же временем бляху из Пантикапея (Островерхов, Охотников, 1989. Рис. 1: 1) (**рис. 5: 1**). Как уже отмечалось, эти изображения не единичны, а отражают определенную композиционную тенденцию VI–V вв. до н. э. в зооморфном искусстве скифо-сибирского мира (ср.: изображения из могильника Тасмола V, из кургана 53 Южного Тагискена, из кургана Кумуртук (Кадырбаев, 1966. С. 398. Рис. 63; Итина, Яблонский, 1997. С. 68–69. Рис. 44: 1; Киселев, 1951. Табл. XXX: 8) и во фракийском искусстве (Башова могила — см.: Венедиков, Герасимов, 1973. С. 375, табл. 213), а общим композиционным субстратом для этой тенденции служат переднеазиатские изображения VIII–VII вв. до н. э. — протомы (показаны в плане, с вытянутыми вперед лапами) и фигуры кошачьих (с задней частью в профиль и с передней частью, включая голову, грудь и передние ноги — анфас) (Ghirshman, 1964. P. 111, abb.145; Канторович, 2002. Рис. 8: 11).

Оказывали влияние и известные в скифском искусстве еще с первой пол. V в. до н. э. наносники в виде обычных протом хищников со свисающими передними ногами, пальцы которых сливаются воедино, образуя широкую орнаментальную полосу с поперечным рифлением по низу пластины налобника (из Новопетровки, Макеевки и т. д. (**Приложение 5, рис. 5: 8**) (Петренко, 1967. С. 93. Табл. 29: 26; Мелюкова, 1976. С. 112–113; Островерхов, Тощев, 1985. С. 75–77. Рис. 1). Видимо, именно к этим профильно-фасным целым фигурам типа пантеры из Золотого кургана в Крыму или к производным от них протомам типа макеевской и надо возводить в качестве pars pro toto тип I-II-1 «Нимфей — Аксютинцы» (**рис. 5: 2–4**).

Практически с момента начала использования мотива редуцированных конечностей хищника в скифском искусстве появляется изображение обособленной лапы медведя. Примечательна находка в районе Днепровского Надпорожья в скифском кургане Близнец-2 (датируется последними десятилетиями V в. до н. э. — см.: Ромашко, Скорый, 2009. С. 86–87) пяти когтей медведя, лежавших компактно, в анатомическом порядке (при том что погребение было ограблено), что позволило В. А. Ромашко и С. А. Скорому интерпретировать эту ситуацию как остатки целой медвежьей лапы (Ромашко, Скорый, 2009. С. 68–69. Рис. 22: 1–5). Исследователи, соотнеся эту ситуацию с бронзовыми уздечными бляхами в виде медвежьей лапы, высказали предположение, что «в скифской среде в качестве амулетов-оберегов могли использоваться медвежьи лапы, послужившие прообразами для создания металлических амулетов-оберегов» (Ромашко, Скорый, 2009. С. 69).

Вместе с тем, как показала типология, изображение лапы медведя, как и его природный прототип, весьма сходно с кистью человеческой руки (**рис. 5: 11, 19, 23**). В результате появляются типы изображений, находящихся на грани зооморфности и антропоморфности — тип «Ак-Бурун — Корнеевка» и, особенно, тип II-II-2 «Журовка — Аксютинцы», в рамках которого возникает тема руки человека.

Хронологическое соотношение выявленных типов изображений редуцированных конечностей позволяет утверждать, что основная тенденция эволюции этого мотива в V–IV вв. до н. э. состоит в переходе от подражания соответствующим элементам синхронных полнофигурных изображений и от сочетания элементов натурализма с имманентными для скифского звериного стиля принципами зооморфных превращений — к схематизации и геометризации, к полному отрыву от параллельно развивающегося мотива фигуры хищника, и, в конечном счете, к утрате зооморфной основы. В этом контексте не случайно хронологическое обособление двух типов, связанных почти исключительно с IV в. до н. э. и наиболее многочисленных по количеству оригинальных изображений: типов I-I-3 «Бердянский — Петровка» и II-II-3 «Солоха — Чертомлык» (**рис. 5: 15, 18**). Это крайне упрощенное воспроизведение соответственно пары конечно-

стей и одной конечности, что, очевидно, демонстрирует основную тенденцию эволюции изучаемого мотива в IV в. до н. э. Возможно, изображения типа II-II-3 «Солоха — Чертомлык» являются логичным стилистическим развитием или искажающим копированием изображений ряда вышеописанных типов, в первую очередь таких как I-I-3 «Бердянский — Петровка» и I-II-2 «Арциз — Солоха» (**Приложение 5, рис. 5: 17**). Изменения, очевидно, шли в направлении слияния двух ног в одну и формирования валика между ними вместо былого пустого пространства.

В результате упомянутой десемантизации во второй пол. IV в. до н. э. мотив обособленных конечностей хищника часто становился композиционной основой для реализации иных мотивов — таких, как вышеописанные синкретические «петушки-гиппокампы» и фигуры птиц и хищников на плоскости бывших конечностей хищников. В этих образах тема хищника, редуцированного до пределов конечностей, по принципу pars pro toto, очевидно, семантически вторична, порой полностью подавлена или переосмыслена. При этом в отношении «петушков-гиппокампов» еще возможно говорить об амбивалентности образа и о сохранении некой «идеи редуцированных конечностей хищника». Также вторичны по отношению к рельефным бляхам в виде обособленной конечности хищника плоские нащечники второй пол. IV в. до н. э. (золотые, серебряные и бронзовые), украшенные птичьей фигурой, под которой помещен горизонтальный декоративный фриз в виде аканфа, волнообразных элементов или дельфинов (в рамках нашей классификации это тип полнофигурных птиц I-I-6 Огузско-чертомлыцкий, второй четв. — конца IV в. до н. э.), на что уже указывал Б. Н. Мозолевский (Мозолевський, 1979. С. 186–188. Рис. 132), акцентировавший внимание на контурном сходстве этих нащечников с изображениями, объединенными в нашей работе в тип конечностей хищников «Солоха — Чертомлык». В одном случае в контур обособленной конечности хищника вписана, как мы видели, протома льва (тип 6 Александропольский, 340–300 гг. до н. э.) (**рис. 5: 24**).

Изображения обособленных конечностей хищника составляют наиболее традиционный раздел среди различных вариаций реализации темы хищника в скифском искусстве с точки зрения преобладания в них местного художественного элемента. Это в первую очередь относится к изображениям конечностей в шаге, которые в тенденции преобразуются в единую конечность или приобретают сходство с птичьей лапой (возможно, именно так они впоследствии и воспринимались) — ср. вышеупомянутые изображения птичьих лап на концах псалиев. Отдельные проявления инокультурных влияний в этом разделе скифского искусства связаны прежде всего с фракийскими источниками конца V — IV вв. до н. э., при том что в самом фракийском искусстве изображения обособленных конечностей изначально появились, скорее всего, именно под влиянием скифского звериного стиля (см.: Мелюкова, 1976. С. 112). Выше уже говорилось о несомненном влиянии фракийской стилистики на формирование большинства изображений типа I-II-2 «Арциз — Солоха» (**Приложение 5, рис. 4-б**). Вместе с тем значительное композиционное сходство собственно арцизского и солохских изображений (**рис. 4-б: 2, 5**) с изображениями типа I-I-2 «Красноперекопск — Тузла» позволяет допускать, что при образовании изобразительного типа I-II-2 «Арциз — Солоха» мощные фракийские влияния сочетались с собственно скифской сюжетно-композиционной подосновой. Кроме этого, в отдельных случаях уже во второй пол. IV в. до н. э. определенные типы изображений обособленных конечностей сами вызывали подражание во фракийской среде: так, изображение из Луковита в зоне фракийской культуры фактически относится к типу II-II-3 «Солоха — Чертомлык».

Анализ соотношения всего массива изображений обособленных конечностей хищника в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы и категорий украшаемых ими изделий приводит к выводу, что данный мотив прежде всего оформлял элементы конского убора, в первую очередь наременные бляхи, в том числе нащечники, гораздо реже — налобники/наносники.

М. И. Артамонов, проведя параллель между северопричерноморскими уздечными оголовными наборами и пазырыкскими конскими масками, предположил, что «расчленение образа зверя, в частности выделение в самостоятельный декоративный мотив задних ног или лап» в собственно скифском зверином стиле — это реликт или «сокращенный вариант» пазырыкской практики полнофигурного изображения зверя по поверхности конской маски, налобную часть которой составляла скульптурная протома, а нащечные части оформлялись в «разложенные» по сторонам задние конечности хищника (Артамонов, 1971. С. 31).

Действительно, в некоторых случаях, учитывая направленность парных блях-нащечников в виде конечностей продольно по линии соответствующего ремня (о чем свидетельствует поперечное положение ременной петли на оборотной стороне бляхи), можно считать эти конечности единым целым с обособленной головой хищника или грифона, оформляющей отдельный налобник/наносник того же уздечного комплекта, т. е. видеть здесь в совокупности некую протому с подложенными

под голову ногами или даже полнофигурную композицию (см., например, уздечный набор коня № 2 из погребения у боковой могилы кургана Солоха — Манцевич, 1987. Кат. 90, 91)). Наши подсчеты показали, что как минимум почти половина от всего массива уздечных наременных блях, оформленных в виде конечностей хищника, сопровождалась налобником/наносником в виде протомы или головы и шеи грифона или хищной птицы или некоего зверя или синкретического животного (Канторович, 2012а. С. 55. Табл. 4). При этом число таких сочетаний могло быть и большим, учитывая ограбленность многих из погребений, в которых такие налобники/наносники не обнаружены, а также недостаточность сведений о целом ряде комплексов, раскопанных в XIX — начале XX в. (наличие/отсутствие искомого сочетания невозможно установить для 24% оригинальных изображений).

Кроме того, и в случаях, когда при наличии таких нащечников вышеназванный налобник/наносник в составе убора несомненно отсутствует (доля таких случаев, если исключить разграбленные и неясные по содержанию комплексы, составляет 30%), допустимо предполагать, что голова/протома хищника подразумевается как компонент убора (Канторович, 2012а. С. 54–55).

Однако при этом есть примеры, когда изображение сдвоенных обособленных ног или одной ноги украшает единственную бляху, являющуюся конским налобником/наносником, — см. тип 3 налобников по классификации В. Г. Петренко (Петренко, 1967. С. 40). Это бляха из Бобрицы, курган 66 (тип I-I-1 «Тузла—Бобрица», № 3) и бляха из Берестняг, курган 5 (тип II-I-2 «Нимфей — Завадская могила», № 2). Кроме того, практиковалось и крепление блях с изображением конечностей перпендикулярно ремню оголовья (о чем опять-таки свидетельствует положение ременной петли, на этот раз продольное), а иногда один нащечник крепился продольно, другой — поперечно ремню оголовья: таковы бляхи из кургана группы Первомаевка I (тип I-I-2 «Красноперекопск — Тузла») и из Завадской могилы (тип II-II-2 «Нимфей — Завадская могила»). Впрочем, последнее может свидетельствовать о стремлении создателей уздечного комплекта показать ноги с двух сторон головы лошади в разной позиции: одну горизонтально, другую вертикально, что вместе образует шаг.

Как бы то ни было, мы встречаемся здесь, как во всем скифском зверином стиле, с передачей не только и не столько образов животных, сколько доминирующих у них качеств (это, прежде всего, функции движения и поражения), абстрагированных и символизируемых соответствующими частями тела. Не исключено, что данные изображения выполняли апотропеическую функцию и были средством магической защиты коня, «охватывая» его голову, подобно тому, как в древнегреческих изображениях Геракла с накинутой львиной шкурой голова героя оказывалась в пасти убитого им немейского льва, а передние лапы льва охватывали шею.

Картографирование надежно локализуемых изображений обособленных конечностей хищников (всего около 70 местонахождений) продемонстрировало, что, за редкими исключениями (Бычья скала — гальштатская культура; Филипповка — «савроматская» культура; могильник Чилик-дере, клад из Луковит, клад из Гэвани — фракийская культура), памятники, из которых они происходят, находятся в рамках скифской археологической культуры «в широком смысле слова» — на территории Лесостепного Поднепровья и Подонья, степного Северного Причерноморья и, в меньшей мере, Северного Кавказа (Прикубанье и Центральное Предкавказье) (**Приложение 5, рис. 6**). Тем самым подтверждается, что данный мотив свойствен именно восточноевропейскому скифскому звериному стилю, состоящему из лесостепного, степного и северокавказского локальных вариантов. В свою очередь, это означает, что восточноевропейский скифский звериный стиль, имея надэтничный характер, может рассматриваться как культурный индикатор и идентификатор для соответствующего региона и маркировать зону скифской археологической культуры «в широком смысле слова», памятники которой созданы как собственно скифами, так и скифоидными и нескифскими племенами на территории степного и лесостепного Северного Причерноморья и в зоне контакта скифов с меотскими и кобанскими племенами Северного Кавказа.

2.2. Хронологическая и нространственная динамика образов конытных

Как показал статистический анализ, образы различных копытных животных в совокупности составляют доминирующий массив изображений восточноевропейского скифского звериного стиля: 34,4% от общего количества оригинальных зооморфных изображений, в абсолютном исчислении — 873 изображения, образующие 130 типов (**Приложение 5, табл. 2**).

В рамках мегаобраза копытных в восточноевропейском скифском зверином стиле несомненным лидером является образ благородного оленя (*Cervus elaphus*) и близкий к нему образ, воплощающий другой вид, относящийся к тому же семейству оленевые, или оленьи (*Cervidae*), — лань (*Cervus dama*). Эти два мотива по оговоренным выше причинам учитывались нами как единый образ оленя, к которому относится 292 изображения, т. е. 11,5% от общего массива изображений восточноевропейско-

го скифского звериного стиля и треть (33,4%) всех изображений копытных (**Приложение 5, табл. 2**). Смежный образ лося (*Alces alces*) значительно уступает ему в популярности — 108 изображений, что составляет 4,3% от общей совокупности изображений и 12,4% от всех изображений копытных. Тема лося уступает в количественном воплощении (но значительно превосходит в стилистическом разноообразии) находящемуся на втором месте после оленя образу лошади (семейство *Equidae*, род *Equus*) —116 изображений, 13,3% от всех изображений копытных. Еще менее распространенными (вероятно, в силу отсутствия природных прототипов на большей части территории скифской археологической культуры) являются изображения горного барана (80 изображений, т. е. 9,2% от всех изображений копытных) и горного козла (57 изображений, 6,5% от всех изображений копытных), при том что в большинстве других регионов скифосибирского мира оба эти мотива весьма популярны. Кабан — значимый, но не самый популярный в восточноевропейском скифском зверином стиле образ, он объединяет 46 оригинальных изображений, т. е. 5,3% от всех изображений копытных. Образ быка в репертуаре восточноевропейского скифского звериного стиля почти не используется: насчитывается всего 5 оригинальных его изображений.

Кроме того, небольшое количество изображений находится на грани образов оленя и лося и составляет синтетический образ «оленелося», объединяющий изображения обособленной головы животного с лосиными рогами (стаидартная «корона» рогов с превращениями отростков в птичьи головы), но с узкой оленьей мордой (13 изображений). Также пограничный характер имеют синтетические образы «лосекозла» (21 изображение) и «оленекозла» (20 изображений), немногочисленные в силу своей лимитрофности.

Заметную роль в рамках мегаобраза копытного играет мотив обособленных конечностей копытных — сдвоенных ног, одиночной ноги, ее нижней части или собственно копыта: всего 91 изображение, 10,4% от всех изображений копытных. При этом следует оговориться, что к данному мотиву были отнесены и многочисленные псалии с обломанной верхней частью, возможно, отображавшей голову лошади, барана, бараноптицы или хищника.

Наконец, на грани мегаобразов копытных и птиц находится амбивалентный мотив ушей копытных / крыльев птиц (24 изображения).

* * *

Анализируя динамику образа оленя, мы обнаруживаем, что этот персонаж равномерно представлен как полнофигурно (23 типа, 140 изображений), так и редуцированно — протома, голова, рога (21 тип, 152 изображения).

Абсолютно преобладающим сюжетным направлением в полнофигурной реализации образа оленя является сюжет лежащего оленя (113 изображений, т. е. 80,7% от всех полнофигурных изображений оленя, образующие 13 типов), тогда как сюжеты стоящего/идущего оленя (19 изображений, 8 типов) и полулежащего/полустоящего оленя (8 изображений, 2 типа) представлены гораздо меньшим числом изображений и типов.

Основные композиционно-стилистические тенденции (по сути, иконографические каноны) реализации темы оленя в восточноевропейском скифском зверином стиле связаны с двумя типами лежащего оленя: тип I-1-I-1 Келермесско-кульобский, второй четв. VII — начала IV в. до н. э. (37 изображений, 3 варианта), и тип I-1-I-3 Завадско-акмечетский, второй четв. V — первой пол. III в. до н. э. (45 изображений, 3 варианта). Эти типы в совокупности объединяют 58,6% всех полнофигурных изображений оленя и 72,6% изображений лежащего оленя.

Версия о дифференциации двух магистральных иконографических теиденций, составляющих каноны Келермесско-кульобского и Завадско-акмечетского типов, при наличии некоторых зон их пересечения, ранее уже была выдвинута автором на более локальном материале Степной Скифии и обоснована посредством распределения изображений, составляющих обе вышеупомянутые иконографические линии по их отношению к парным значениям 12-ти базовых композиционных и стилистических признаков (Канторович, 1996. С. 46–59)[1]. Расширение исследования до пределов Приднепровско-Подонской Лесостепи и Северного Кавказа подтвердило эти выводы. Изображения Келермесско-кульобского и Завадско-акмечетского типов охватывают все основные ландшафтные территории, составляющие локальный вариант восточноевропейского скифского звериного стиля (лишь в Среднем Подонье отсутствуют изображения Келермесско-кульобского типа, что закономерно, поскольку этот тип реализовывался в основном в эпоху «скифской архаики», тогда как в данном регионе скифских памятников этого времени практически нет).

Келермесско-кульобский тип относится к широко известному в скифо-сибирском зверином стиле

[1] Дихотомия этих двух композиционных канонов намечена еще в классическом труде Г. И. Боровки, затем об этом писали К. Шефольд и Н. Л. Членова (Borovka, 1928. P. 31–32; Schefold, 1938. P. 37; Членова, 1962. С. 180–181). Опять-таки Г. И. Боровка первым обратил внимание на то, что, в зависимости от соположения ног и туловища варьирует схема оленьих рогов (Borovka, 1928. P. 34–35).

сюжету «летящего», или «классического скифского» оленя, распространенному от Южной Сибири до Северного Причерноморья. Вероятно, распространение данного типа в восточноевропейском скифском зверином стиле связано изначально с центральноазиатскими импульсами, прежде всего с весьма ранними изображениями оленей «на пуантах» на «оленных камнях» саяно-алтайского типа, в частности на камне из кургана Аржан-1 (Грязнов, 1980. Рис. 29: 2). Позиция головы и туловища в этих сюжетах идентична позиции головы и туловища «летящего» оленя и, очевидно, как инвариант («изобразительный блок») легла в основу таких ранних изображений «классического скифского» оленя, как из кургана 5 Чиликтинской группы (Черников, 1965. Рис. 7: 1) и из Гумаровских курганов (Исмагилов, 1988. Рис. 4), в свою очередь ставших истоками реализации сюжета «летящего оленя» в восточноевропейском скифском зверином стиле (напрямую или опосредованно через переднеазиатский и северокавказский регионы — см. изображения на золотом поясе из Саккызского клада (Луконин, 1977. Илл. на с. 10) и на Келермесской секире (Алексеев, 2012. Илл. на с. 74–75)).

От Келермесско-кульобского типа на ранней стадии его развития «отпочковывается» тип I-1-I-2 Новозаведенско-роменский, второй пол. VII–VI в. до н. э., который представляется модификацией основного канона, с заменой темы взрослого оленя на олениху / молодого оленя и соответственно с изменением позиции ушей, акцентируемых, в отсутствие рогов, как основной видовой признак. Это ответвление от Келермесско-кульобского типа, не став популярным в самом восточноевропейском скифском зверином стиле (Новозаведенско-роменский тип объединяет всего два оригинальных изображения, но, что характерно, происходящих из разделенных значительным расстоянием зон — Ставрополья и Среднего Поднепровья), нашло тем не менее благодатную почву в центральноевропейском искусстве, где в ходе стилизации утрачивало видовую определенность (см. вышеупомянутые в рамках нашей типологии аналогии из Семиградья и Бухареста). Опять же тип I-1-II-1 Константиновский, конца VII — начала VI в. до н. э., образуемый единственным изображением «летящей» оленихи / молодого оленя с головой назад, гравированным на Константиновской пластине, является несомненной сюжетно-тематической вариацией ранних изображений Келермесско-кульобского типа, прежде всего изображений этого типа на самой Константиновской пластине.

Второй композиционно-стилистический канон, задаваемый Завадско-акмечетским типом, как мы видим, более поздний, но при этом он пересекается «внахлест» с Келермесско-кульобским типом. Даже если принимать версию Е. Ф. Корольковой и А. Ю. Алексеева о слишком ранней, на мой взгляд, датировке Кульобского оленя первой пол. V в. до н. э. (см. обсуждение данного вопроса выше, в рамках типологии), имеются объективно датируемые бляшки с оленем Келермесско-кульобского типа из Нимфейского могильника (475–425 гг. до н. э.), хронологически пересекающиеся или, как минимум, стыкующиеся с пластинами из кургана Бабы, Завадской могилы и Ак-Мечети. Следовательно, возможно объяснять возникновение Завадско-акмечетского типа существенной модификацией Келермесско-кульобского типа, а в качестве соединительных звеньев между двумя этими канонами (ибо напрямую вывести завадско-акмечетскую иконографию из келермесско-кульобской нельзя, в силу значительных композиционно-стилистических различий), с учетом иконографических показателей и объективной хронологии могут рассматриваться тип I-1-I-4 Ильичевско-журовский, первой пол. V в. до н. э., и тип I-2-I-1 Аксютинецкий, первой пол. V в. до н. э. Два эти типа, малочисленные по составу и хронологически ограниченные, в композиционно-стилистическом отношении занимают промежуточное положение между канонами Келермесско-кульобского и Завадско-акмечетского типов (см. выше типологию Ильичевско-журовского типа. Аксютинецкий тип, в силу позиции одной из передних ног относится к другому классификационному таксону, но очевидно, что в основе позиция его ног соответствует Завадско-акмечетскому типу, а положение шеи и головы, равно как и структура рогов — Келермеско-кульобскому типу).

В то же время не следует исключать и возможность одновременного влияния на процесс формирования завадско-акмечетского композиционного канона передневосточных импульсов, имея в виду длительную традицию воспроизведения в Передней Азии копытных, лежащих с прямой спиной и вертикально посаженной шеей, с плотно поджатыми к туловищу ногами, нижняя часть которых расположена горизонтально и составляет одну линию, а плоскости копыт почти соприкасаются (искусство Шумера дописьменного периода (вторая пол. IV тыс. до н. э.) — раннединастический период Шумера (3000–2430 гг. до н. э.) — олени на печатях «типа Киркук» образах оленя и лани в доахеменидском Иране (загросское и луристанское искусство) (Членова, 1984. С. 3–6. Рис. 1, 2; Канторович, 1998б).

При этом, как было видно из аналогий, приведенных выше в рамках типологии, Завадско-акмечетский тип, в противовес Келермесско-кульобскому, остается исключительно местным композиционно-стилистическим каноном, ограниченным скиф-

ской археологической культурой и имеющим лишь отдельные реплики во фракийском искусстве. Возможно, это связано с присутствием греческой изобразительной компоненты в его иконографии (в той или иной мере практикуемое пальмовидное и волютовидное оформление рогов).

Еще два малочисленных по составу типа (I-1-I-6 «Смела — Елизаветовская», V — первой пол. IV в. до н. э., и I-1-I-5 «Александропольский — Частые», IV — начала III в. до н. э.) в композиционно-стилистическом отношении также занимают промежуточное положение между канонами Келермесско-кульобского и Завадско-акмечетского типов. С учетом достаточно поздней датировки типа «Александропольский — Частые», он может трактоваться как следствие одновременного заимствования композиционных и стилистических элементов из обоих основных канонов (в том случае, если келермеско-кульобская традиция доживает до IV в. до н. э., что вполне вероятно, поскольку Кульобский олень датируется, на наш взгляд, именно началом IV в. до н. э.). Что же касается типа «Смела — Елизаветовская», его более раннее изображение из Смелы может быть опять-таки промежуточным звеном между традиционной келермесско-кульобской и зарождающейся завадско-акмечетской иконографией, тогда как елизаветовские изображения, скорее, опять же являются периферийной контаминацией келермесско-кульобского и завадско-акмечетского канонов.

Следствием «перемешивания» композиционно-стилистических элементов угасающего келермесско-кульобского канона с формирующейся завадско-акмечетской иконографией (см. типологию) является и появление типа I-1-II-2 Семибратненско-журовский, V в. до н. э., хронологически и локально ограниченного (иконографический центр этого типа, безусловно, находится в Прикубанье, но единичные изображения известны также на Ставрополье, в Среднем и Нижнем Поднепровье).

Напротив, тип I-1-I-7 Уляпский, первой пол. (ближе к сер.) IV в. до н. э., представленный единственным изображением, имеет отличное от всех вышеупомянутых типов происхождение, обусловленное, очевидно, развитием в скифо-меотском искусстве Прикубанья (в основном в изображениях обособленной головы «оленелося») популярной во всей скифской археологической культуре иконографической схемы головы лося (в особенности типа 2 Нимфейско-журовский, V — сер. IV в. до н. э.), с ее дополнением в данном случае иконографией оленя, характерной для местного искусства (ср. позицию туловища, шеи и задней ноги лошади на аналогичном псалии, составляющей тип полнофигурных изображений лошади, обозначенный нами как тип I-I-3 Шунтукский, третьей четв. V — третьей четв. IV в. до н. э.). В качестве следующей стадии развития иконографии данного типа, его стилизации и схематизации может рассматриваться объемное редуцированное изображение оленя, образующее тип 1 Кужорский, сер. — третьей четв. IV в. до н. э.

Особенным является и тип I-2-I-2 Семибратненский, 450–440 гг. до н. э., составленный единственным прикубанским изображением трехногого оленя, терзаемого львом. С точки зрения общей композиции это изображение в основном восходит к завадско-акмечетскому канону (см. типологию), исключая позицию выдвинутой вперед одной из передних ног с поднятым коленом — характерная поза оленя, пытающегося подняться, разработанная в сценах нападения и терзания в греческом искусстве этого времени, проникшая и в скифское искусство (ср. тип III-I-2 Кульобско-белозерский, конца V — IV в. до н. э.). О греческом художественном влиянии свидетельствует также отображение самцовых гениталий и пальметоидность рогов (укоренившаяся, впрочем, и в завадско-акмечетской иконографии). Вместе с тем трехногость оленя, общая статичность фигуры опять-таки свидетельствуют о наличии скифской, негреческой стилистической компоненты в этом изображении. Как уже говорилось, вероятно, мы имеем дело с попыткой греческого мастера выполнить произведение в скифском стиле, чем и обусловлена эклектичность и соответственно «тупиковость» этого типа.

Наконец, еще один тип в рамках сюжета лежащего оленя — тип I-2-II-1 Ульско-тенгинский, сер. VI — начала III в. до н. э., локальный (прикубанский) и немногочисленный, но протяженный во времени, очевидно, демонстрирует отход от канонов изображения лежащего оленя в меото-скифском искусстве, поскольку позиция ног здесь явно заимствована из иконографии хищника.

Переходя к сюжету стоящего/идущего оленя, который, как мы видели, является вторым по популярности в рамках образа оленя (19 изображений, т. е. 13,6% от всех полнофигурных изображений оленя), образующие 8 типов), отметим, что синтез данных, полученных в результате классификации и типологии, с учетом не только полнофигурных изображений, но и тех протом оленя, которые соответствуют этому сюжету, позволяет воссоздать эволюцию данного сюжета в восточноевропейском скифском зверином стиле (**Приложение 5, рис. 7**). Наиболее ранними в рамках стоящего/идущего оленя являются единичные изображения конца VII — первой пол. V в. до н. э., представляющие статичного оленя, стоящего на относительно прямых ногах, с опорой на кончики копыт либо на полукопыта (так называемая позиция «на пуантах» или «на свисающих ногах») с повернутой головой. Это изображение

эпохи «архаики», причем это даже не полная фигура, а протома, формирующая тип 1 Константиновский, на Константиновской пластине конца VII — начала VI в. до н. э., а также относящееся уже к началу эпохи «классики» полнофигурное изображение, формирующее тип II-II-1 «Дубовая», первой пол. V в. до н. э. (оба с повернутой назад головой). Таким образом, полнофигурных изображений стоящего/идущего оленя периода «архаики» в скифской археологической культуре нет, хотя известны фигуры безрогих лосей с головой назад и свисающими ногами на Жаботинских пластинах.

Изначальные истоки трактовки оленя на Константиновской пластине и лося на Жаботинских пластинах, равно как и оленя из Дубовой, представленных со «свисающими ногами», могут связываться как со звериным стилем сако-сибирских культур «скифского мира» (начиная со знаменитого оленного камня из кургана Аржан-1), так и с переднеазиатским, закавказским и древнегреческим искусством (см., например: Членова, 1967. С. 125. Табл. 32, 8, 9; Марсадолов, 2001. С. 44–45. Рис. 22). При этом фигуры оленей и лосей с прямыми ногами «на цыпочках» на Константиновской и Жаботинских пластинах по композиции и оформлению деталей ближе именно к сако-сибирскому решению (**Приложение 5, рис. 7: 4–6, 7**). Изображение из д. Дубовой (**рис. 7: 10**) представляется результатом слияния данной традиции с иконографией лежащего оленя с повернутой назад головой, уложенной на спину и с развернутыми рогами аналогичных очертаний в восточноевропейском скифском зверином стиле (**рис. 7: 13**) — это тип I-1-II-2 Семибратненско-журовский, V в. до н. э.

Интересно, что позиция «на цыпочках», несмотря на ее редкую встречаемость в период «архаики», сохраняется в восточноевропейском скифском зверином стиле в V в. до н. э. в качестве реликта в изображениях обособленной ноги оленя или иного копытного. Напротив, полнофигурные изображения стоящих/идущих оленей в восточноевропейском скифском зверином стиле не позднее чем с сер. V в. до н. э. получают иную композиционную трактовку: их персонажи опираются не на пуанты, а на всю плоскость копыта, тогда как голова показана в одном направлении с туловищем. Характерно, что для наиболее раннего изображения типа II-I-1 Нимфейско-уляпский, второй четв. V — конца IV в. до н. э. — оленя на бляхе из Нимфея (475–425 гг. до н. э.) — еще свойственны реликты иконографии оленей со «свисающими ногами»: ноги сближены и персонаж как бы скован, копыта нимфейского оленя не находятся на одном уровне, плоскости их подошв не горизонтальны, т. е. ноги еще не вполне опущены на землю (**Приложение 5, рис. 7: 9, рис. 8: 1**) — ср. изображение из д. Дубовой и более ранних оленей «на пуантах» (**рис. 7: 4–6, 7, 10**).

Но другие персонажи данного типа, равно как и остальных типов I отдела II группы, опираются не на пуанты, а на всю плоскость копыта. Они прочно стоят (тип II-I-4 Аксютинецко-волковецкий, V–IV вв. до н. э.) или, чаще, шествуют на коротких ногах, контрастирующих с удлиненными конечностями оленей «на пуантах» (изображения типа II-I-1 Нимфейско-уляпский (исключая вышеназванное нимфейское) (**Приложение 5, рис. 8: 2–4**), типа II-I-2 Акимовско-пятибратненский, второй пол. IV в. до н. э., и типа II-I-5 Елизаветинско-дуровский, конца V — IV в. до н. э.). С точки зрения трактовки анатомических деталей изображения шествующих оленей этих типов вполне самобытны и имеют, очевидно, местную подоснову (в частности, по форме рогов, превращению их отростков в птичьи головы, по композиции шеи и туловища иконографическую параллель им составляют изображения оленей Завадско-акмечетского типа) (**рис. 8: 5**), а также в ряде случаев обнаруживают влияние греческой традиции (моделирование рогов с помощью пальметки и волют). Сходство изображений этих типов с сако-сибирскими оленями не выходит за рамки общестилевых признаков, присущих скифо-сибирскому зооморфному искусству, причем наиболее близкие им аналогии (очевидно, композиционные реплики, сохраняющие, однако, традиционную структуру рогов «классического скифского оленя» в виде горизонтальной ветви с отходящими вверх S-видными отростками) обнаруживаются в изображениях конца V–III вв. до н. э., связанных с памятниками «савроматской» (**рис. 8: 7**) и кара-абызской культур (Филипповка, курган 1, Шиповский могильник, Шиповские курганные группы I, II, Биктимировский III могильник, Уфимский могильник, Охлебининский могильник) (см. подробнее: Канторович, 2009. С. 245–260; см. также о кара-абызской группе изображений: Корепанов, 1987. Рис. 5, 9; Овсянников, 2006. С. 171–172; Савельев, 2008. Рис. 6, 1, 4–9).

В IV в. до н. э. иконография стоящих оленей в Северном Причерноморье не только по трактовке анатомических деталей, но и по композиционным признакам связана исключительно с местными традициями и с влиянием греческого искусства. При этом в композиции «шествующего» оленя еще во второй пол. V — начале IV в. до н. э. появляются элементы иконографии хищника и грифона: см. изображения из «Майкопского клада» и из Уляпских курганов, относящиеся к типу II-I-1 Нимфейско-уляпский, представляющие оленя стоящим на копытах так, как кошачий хищник стоял бы на лапах (его «шпоры» составляют одну линию

с подошвой копыта и тем самым как бы касаются земли) (**рис. 8: 2–3**), а также тип II-I-5 Елизаветинско-дуровский, конца V — IV в. до н. э. и изображение из Частых курганов типа II-I-1 Нимфейско-уляпский — с лаповидным завершением ног (**рис. 8: 4**). Всё это вписывается в местную традицию, учитывая встречную тенденцию изображения кошачьего хищника с видовыми элементами оленей и других копытных — ср., например, изображение грифоноподобного существа — льва с оленьими рогами типа II-I-8 Елизаветовский, сер. — второй пол. V в. до н. э. Очевидно, местными ответвлениями традиции «шествующего оленя» являются немногочисленные изображения, образующие прикубанский тип II–I-3 Уляпский, первой пол. IV в. до н. э. (скорее всего, это результат стилизации иконографии Акимовско-пятибратнего типа, с усилением декоративности), и крымский тип II-I-6 Калининский, сер. IV в. до н. э. (провинциальная искажающая реплика с изображений Нимфейско-уляпского и Акимовско-пятибратнего типов).

Сюжет полустоящего/полулежащего оленя является периферийным в рамках образа оленя, ограничен эпохой «классики» и представлен всего лишь 2 типами и 8 изображениями, относящимися к I отделу. Это тип III-I-1 Чмырёвско-гайманов-ский, второй — начала третьей четв. IV в. до н. э., и тип III-I-2 Кульобско-белозерский, конца V — IV в. до н. э. Очевидно, что этот сюжет возник под влиянием греческого искусства, в котором в данный период широко распространились сцены нападения грифона/хищника на оленя, коня или другое копытное, в которых художник стремился показать жертву то ли пытающейся привстать, то ли припавшей на передние ноги, порой с одной из ног, выставленной вперед и согнутой в колене. Неслучайна и локализация данных двух типов вблизи античных центров — в Нижнем Поднепровье и в Крыму. При этом если Кульобско-белозерский тип не только композиционно, но и сюжетно (сцены терзания и преследования) и стилистически (определенный натурализм в трактовке деталей) включен в греко-скифский контекст, то изображения Чмырёвско-гайманов-ского типа вполне самобытны и отражают скифскую традицию как в трактовке деталей (акцентирование определенных частей тела, зооморфное превращение лопатки), так и в самом образном строе: по сути, это синтетическое копытное — олень с бородой козла (что мы уже видели у некоторых оленей Завадско-акмечетского типа), хотя оленьи признаки в нем безусловно преобладают.

* * *

Как уже было сказано, в **редуцированном виде** олень представлен достаточно широко — это почти половина общего числа типов (21) и немногим более половины (52,1%) от общего числа изображений оленя (152). В частности, это: 6 типов, 6 изображений протом; 14 типов, 105 изображений голов; 1 тип, 41 изображение рогов. Что касается копыт и обособленных ног, возможно, оленьих, они учитываются в рамках общего мотива обособленных ног копытных, поскольку однозначные признаки принадлежности этих изображений к видам благородного оленя или лани отсутствуют.

Среди ***протом и иных редуцированных изображений с конечностями*** выделяются объемные и плоскостные, причем и те, и другие немногочисленны и разнообразны, каждый тип представлен единственным изображением. Все они, исключая тип 1 плоскостных протом (Константиновский) конца VII — начала VI в. до н. э., о происхождении которого уже было сказано выше (в контексте сюжета стоящего/идущего оленя), относятся к эпохе «скифской классики». Как уже было сказано, тип 1 Кужорский, второй пол. IV в. до н. э., объемных протом — результат прямого продолжения и усложнения иконографии типа лежащих оленей I-1-I-7 Уляпский, первой пол. IV в. до н. э. Изображение, формирующее тип 2 Майкопский плоскостных протом, датируемый третьей четв. IV в. до н. э., является, как показала типология, продуктом стилизации мотива обособленных плоскостных оленьих голов типа 6 Елизаветинско-тенгинский, второй пол. IV — начала III в. до н. э., причем данная протома соседствует на одном предмете с двумя из таких голов Елизаветинско-тенгинского типа.

Тип 2 объемных протом Ассиновский, конца V — третьей четв. IV в. до н. э., вероятно, является упрощающей провинциальной репликой типа 3 объемных оленьих голов Хатажукаевско-елизаветинский, конца V — третьей четв. IV в. до н. э.

Тип 3 плоскостных протом Елизаветинский, третьей четв. IV в. до н. э., представляется редукцией и модификацией темы полулежащего-полустоящего оленя, с передней ногой, выступающей вперед и согнутой в колене. Эта модификация произошла в рамках прикубанской меотской школы односторонних изображений на щитках Г-образных псалиев, оформляемых чаще всего в виде обособленных рогов оленя / лап птицы, фигур и редуцированных частей других животных. Очевидно, что и тип 3 объемных протом «Большая Близница», второй — третьей четв. IV в. до н. э. (в котором композиционная связь между головой и единственной ногой практически разорвана, по сути это «знак оленя»), выполнен в духе этой школы плоскостных щитков Г-образных псалиев, с той разницей, что голова дана здесь не в профиль, а анфас. Вместе с тем относительный натурализм трактовки головы и конечности оленя из Большой Близницы, наличие

квадратной рамки, в которую заключена голова, свидетельствуют о влиянии греческого искусства.

Изображения ***обособленных голов*** составляют, как мы видели, основной массив редуцированных отображений оленя. В рамках этого таксона среди объемных изображений выделяется в качестве наиболее раннего (период «архаики» и начало «классики») тип 5 Волковецко-стеблевский, сер. VII — сер. V в. до н. э., оформляющий единую категорию вещей — бронзовые налобники/наносники — и представляющий безрогого оленя / олениху. По сути, это почти протома (без ног), ранние изображения которой, видимо, продуцированы полнофигурными изображениями лежащей оленихи / молодого оленя такого типа, как тип I-1-I-2 Новозаведенскороменский, второй пол. VII — VI в. до н. э.

Все остальные типы объемных голов оленей не выходят за рамки эпохи «скифской классики». При этом тип 1 Журовско-семибратненский, начала — второй трети V в. до н. э., очевидно, с одной стороны, восходит к вышеупомянутому Волковецко-стеблевскому или, по крайней мере, развивается параллельно с ним, поскольку некоторые изображения этих типов, как показала типология, различаются лишь наличием/отсутствием рогов. С другой стороны, как уже отмечалось в ходе типологии, схема рогов оленей Журовско-семибратненского типа представляется пальметоидной стилизацией природной структуры рогов благородного оленя, что, видимо, происходило на фоне параллельного процесса аналогичной «пальметизации рогов» в рамках формирования иконографии типа I-1-I-3 Завадско-акмечетский, второй четв. V — первой пол. III в. до н. э. В свою очередь, модификация иконографии Журовско-семибратненского типа (либо геометризация рогов, либо их превращение в малоразличимую голову хищной птицы) приводит к появлению типа 2 Берестнягско-елизаветовский, сер. — второй пол. V в. до н. э. Усиление объемности и фронтальности в применении к иконографии Журовско-семибратненского типа (возможно, под влиянием вполне греческих трактовок наподобие навершия с головой оленя и пышными фронтальными рогами из Новочеркаского музея (Ильинская, 1967. Рис. 4 на с. 297), вероятно, обусловило возникновение прикубанского типа 3 Хатажукаевско-елизаветинский, конца V — третьей четв. IV в. до н. э. Напротив, тенденция превращения скульптуры в плоскостной фас, тенденция схематизации изображений Хатажукаевско-елизаветинского типа, логичная в регионе Прикубанья в рамках вышеупомянутой меотской школы Г-образных псалиев с плоским щитком с односторонним изображением, видимо, стала причиной возникновения типа 4 Тузлинский, начала IV в. до н. э. В рамках той же школы Г-образных псалиев с плоским щитком с односторонним изображением, несомненно, возникло изображение, формирующее тип 6 Кужорский, первой — третьей четв. IV в. до н. э., однако по трактовке непропорционально огромных, развернутых на зрителя рогов, превращенных в антитетические грифоньи фигуры «елизаветинского стиля», это изображение совершенно уникально.

Среди достаточно многочисленных и разнотипных плоскостных изображений оленьих голов наиболее ранним является тип 1 Константиновский, конца VII — начала VI в. до н. э., объединяющий головы на Константиновской пластине, являющиеся в стилистическом отношении «сколками» с полнофигурных изображений оленя на той же пластине.

Все остальные плоскостные изображения оленьих голов ограничены эпохой «классики». Основной их массив относится к двум типам — типу 2 Семибратненско-ульский и типу 6 Елизаветинско-тенгинский. При этом Семибратненско-ульский тип, будучи менее насыщенным изображениями (18 изображений), в то же время имеет более широкие хронологические рамки (вторая пол. V — начало IV в. до н. э.) и распространен в нескольких субрегионах скифской археологической культуры (Поднепровье, Поднестровье, Прикубанье и Ставрополье), тогда как Елизаветинско-тенгинский тип (27 изображений) является исключительно локальным (Прикубанье) и хронологически гораздо у́же (вторая пол. IV — начала III в. до н. э.). Семибратненско-ульский тип — несомненный вариант pars pro toto оленей типа I-1-I-3 Завадско-акмечетский, второй четв. V — первой пол. III в. до н. э., причем первоначальная редукция завадско-акмечетского канона, видимо, происходила параллельно в степном Северном Причерноморье — центре Завадско-акмечетской иконографии, и в Прикубанье (см. типологию). Елизаветинско-тенгинский тип представляется в основе прикубанским продуктом Семибратненско-ульского типа, с усилением вычурности в трактовке рогов (при одновременной схематизации головы), что сопровождается зооморфизацией или фитоморфизацией рогов, а также разворотом рогов из профиля в фас, в соответствии с традицией меотской школы Г-образных псалиев с плоским щитком с односторонним изображением. Далее, уже в рамках развития самого Елизаветинско-тенгинского типа, рога могли упрощаться и геометризироваться, а голова атрофироваться. Иногда голова вовсе исчезала при одновременном уподоблении рогов лапе и когтям хищного зверя/птицы, в результате чего возникла основная масса амбивалентных изображений типа обособленных рогов/когтей (это локализуемый преимущественно в Прикубанье тип 1 Семибратненско-елизаветинский, четвертой четв. VI — третьей четв. IV в. до н. э.). Однако традиция редукции темы оленя до

предела обособленных рогов, уподобляемых когтям, как видно из датировки типа, возникла существенно раньше (видимо, в Среднем Поднепровье), о чем говорит наличие пусть немногочисленных, но связанных с достаточно ранними псалиями изображений в Среднем Поднепровье и Центральном Предкавказье четвертой четв. VI — первой пол. V в. до н. э. В Прикубанье в IV в. до н. э. эта тенденция нашла благодатную почву для своего развития и усложнения.

Опять же стилизацией Семибратненско-ульского типа, но предполагающей на этот раз «растягивание» рогов и всего изображения не вверх, как это преимущественно происходит в рамках Елизаветинско-тенгинского типа, а вширь, является тип 5 Елизаветовско-ассиновский, конца V — первой четв. IV в. до н. э. При этом в натуралистичной трактовке головы елизаветовского оленя, в волютовидных клювах птиц, трансформирующих рога оленя, сказывается и влияние греческой стилистики. В свою очередь, удвоение изображений Елизаветовско-ассиновского типа в ходе композиционной игры «фас из двух профилей» приводит к возникновению типа 8 Семибратненско-елизаветинский, первой — третьей четв. IV в. до н. э. Наконец, тип 4 Журовско-ильичевский, первой пол. V — третьей четв. IV в. до н. э., скорее всего, возник как развитие иконографии изображений лежащего оленя типа I-1-I-4 Ильичевско-журовский, первой пол. V в. до н. э., с превращением стержня рогов в вертикальную ось симметрии всего изображения и, в частности, для отходящих от него горизонтальных отростков, трансформированных в птичьи головы.

Изображения обособленной головы оленя, терзаемой или поглощаемой хищником или грифоном (тип 3 Кужорско-елизаветинский, IV — начала III в. до н. э., и тип 7 Солохско-бердянский, первой пол. IV в. до н. э.), восходят к разнообразным полнофигурным трактовкам оленя или иным изображениям обособленных голов и протом. Для Кужорско-елизаветинского типа наиболее вероятными прототипами могут считаться головы наиболее популярного здесь вышеупомянутого Елизаветинско-тенгинского типа, второй пол. IV — начала III в. до н. э., и Семибратненско-ульского типа, второй пол. V в. до н. э. — начала IV в. до н. э. Головы Солохско-бердянского типа также похожи на головы Семибратненско-ульского типа, но их относительная натуралистичность заставляет возводить их и к греческим изображениям оленей.

* * *

В рамках восточноевропейского скифского звериного стиля нами выявлено 17 типов изображений **лося** (полнофигурных и редуцированных), объединяющих 108 оригинальных изображений, датируемых совокупно в рамках VII — начала III в. до н. э. Основная масса изображений лося представляет собой мотив обособленной головы этого персонажа: насчитывается 27 полнофигурных изображений, образующих 6 типов, и 81 изображение обособленной лосиной головы, объединяемое в 11 типов. При этом мотив головы лося активно используется как элемент зооморфных трансформаций частей тела других животных и сам подвержен зооморфным превращениям (оформление рогов и шейной складки в виде птичьих голов).

Одни из выявленных морфологических типов лося локальны (например, Елизаветинский тип лосиных головок, связанный только с Прикубаньем), другие имеют широкую распространенность. Картографирование образа лося (**Приложение 5, рис. 9**) продемонстрировало, что наиболее крупные по количеству изображений типы покрывают территории Среднего Поднепровья, Нижнего Поднепровья, Среднего Подонья и Среднего Подонцовья, Нижнего Подонья, Центрального Предкавказья и Крыма (Журовско-ольвийский тип полнофигурных изображений) или же Среднего и Нижнего Поднепровья, Нижнего Побужья–Поднестровья, Крыма, Приазовья, Среднего Подонья и Прикубанья (Нимфейско-журовский тип лосиных головок), т. е. всю зону скифской археологической культуры и территорию ее непосредственного влияния.

На основании хронологии типов изображений лося, представленной нами выше в разделе типологии, составлена сводная хронология данного образа в восточноевропейском зверином стиле (**Приложение 5, рис. 10**; номера типов, приведенные в таблице, соответствуют их классификационным номерам). Как мы видим, мастера восточноевропейского скифского звериного стиля обращались к теме лося с середины VII в. до н. э. вплоть до начала III в. до н. э. При этом пик популярности образа приходится на период V — первой половины IV в. до н. э.: именно к этому временному отрезку относится наибольшее количество изображений и морфологических типов.

Хронологический анализ с учетом новых данных подтвердил вышеприведенный вывод А. И. Шкурко (сделанный в конце 1970-х гг. на основе значительно меньшего объема материала) о малой популярности темы лося для скифской культуры Северного Причерноморья периода «архаики». Несмотря на то что пять из шести типов полнофигурных изображений лося ограничены рамками VII–VI вв. до н. э., четыре из них связаны с одним комплексом — вторым Жаботинским курганом сер. — второй пол. VII в. до н. э. Наиболее популярной и долгосрочной в рамках полнофигурной реализации темы лося является иконография Журовско-ольвийского типа (тип II-2-2), изображения которого

датируются в рамках конца VI — V вв. до н. э., исключая провинциальное нижнедонское подражание из Елизаветовской, относящееся к первой пол. IV в. до н. э.

Редуцированные изображения (головы) лосей в период «скифской архаики» практически неизвестны, исключая наиболее ранние и несамостоятельные (элементы зооморфных превращений) изображения второй пол. VI в. до н. э., входящие в тип 5 Журовско-чигиринский. Наиболее популярным в рамках редуцированной версии образа лося является тип 2 Нимфейско-журовский и тесно связанные с ним тип 3 Нимфейско-семибратненский и тип 5 Журовско-чигиринский.

По итогам проведенной классификации и типологии возможно проследить основные направления развития иконографии лося в восточноевропейском скифском зверином стиле (**Приложение 5, рис. 11**). Ее начало, как известно, связано с жаботинскими изображениями. Они весьма разнообразны в половозрастном и сюжетном отношении, но образуют в совокупности стилистическое единство, соответствующее изначальным традициям скифо-сибирского звериного стиля (ближайшую параллель им составляют олени Константиновской пластины).

Для жаботинских изображений лося пока не представляется возможным установить непосредственных предшественников в рамках образа лося в скифо-сибирском зверином стиле (если не считать вышеупомянутое изображение на зеркале из кургана 21 Уйгарака (Вишневская, 1973. С. 117), скорее близкое по времени, а не предшествующее Жаботинским пластинам и бляшкам), а от известных и многочисленных лосиных изображений эпохи неолита и бронзы скифские изображения отделены значительным хронологическим разрывом (Ильинская, 1976. С. 19. Рис. 2: 1–4). Переднеазиатские корни данного образа маловероятны, так как в этом регионе для темы лося не было природной подосновы. Отсюда впечатление вторичности вышеупомянутых изображений лосей на Келермесской секире, возможно, они возникли как ответ переднеазиатских мастеров на скифский запрос. Во всяком случае, лоси Келермесской секиры достаточно далеки в композиционно-стилистическом отношении от жаботинских и не могут быть их прототипами.

Таким образом, истоки возникновения образа лося в восточноевропейском скифском зверином стиле эпохи «архаики» остаются неясными. В какой-то мере, возможно, специфическая иконография «скифского лося» (в первую очередь форма рогов, трактовка морды, обозначение «серьги») была непосредственно навеяна природными прототипами и возникла в процессе формирования звериного стиля как такового, при одновременном воздействии иконографии биологически и ландшафтно близкого благородного оленя, порой наделенного вислой лосевидной мордой (изображения типа Константиновской пластины). В свою очередь, иконография оленя зарождалась в данном регионе под влиянием несомненных импульсов из восточных зон скифо-сибирского мира (изображения на бляхах из Гумарова и из 5-го Чиликтинского кургана) и при участии переднеазиатского искусства (Зивие, Келермесская секира, Мельгуновский и Келермесский мечи).

Композиционно-стилистические традиции, заложенные иконографией Жаботинских типов, продолжаются в наиболее ранних и относительно натуралистичных изображениях Журовско-ольвийского типа, и в первую очередь в самом журовском (курганы Г), но почти вековой разрыв и больший натурализм последних не позволяют объединить эти типы в едином таксоне. Именно в журовском изображении (курганы Г) впервые в иконографии лося в восточноевропейском зверином стиле отчетливо проработана такая важная видовая деталь, как «серьга». С учетом остальных композиционно-стилистических признаков журовского изображения, перед нами действительно сформировавшаяся иконографическая схема лосиной головки, где реализм и стилизация находятся в гармонии друг с другом.

Видимо, именно полнофигурные изображения Журовско-ольвийского типа стали образцом для разработки мотива обособленной головы лося, в первую очередь Нимфейско-журовского типа. При этом постепенное усиление стилизационных процессов на протяжении V в. до н. э. приводило к превращению утолщенной щеки с серьгой в орнаментальную полоску у основания головы, к разложению конгломерата рогов на две симметричные ветви, к сжатию морды животного с усилением ее изломанности в целях симметризации.

В свою очередь, несомненным дериватом Нимфейско-журовского типа являются изображения животного с лосиными рогами (стандартная «корона» рогов с зооморфными превращениями в птичьи головы), но с узкой оленьей мордой, отнесенные нами к синтетическому образу «оленелося» и соответственно составляющие другой классификационный таксон — тип 1 Акташско-нартанский (**Приложение 5, рис. 11: 17, 23**). Эта «акташская» линия, в свою очередь, могла дать в своем развитии известный мотив схематизированной обособленной головы «оленелося» типа 2 Уляпско-вознесенский — с мощной носовой частью и рогами в виде двух симметричных пар противонаправленных птичьих головок (оформление уздечных блях из Прикубанья, Центрального Предкавказья и Среднего Поднепровья) (**рис. 11: 27**). Вместе с тем эти головы могли быть прямым производным

лосиных голов Журовско-ольвийского типа или же полнофигурных изображений оленя типа I-1-I-7 Уляпский — со сходной схемой рогов: в виде двух противонаправленных симметричных волютовидных отростков с пальметкой между ними (**Приложение 5, рис. 11: 30**).

Нимфейско-семибратненский тип головы однорогого лося может квалифицироваться как боковое ответвление традиции как полнофигурного, так и редуцированного воспроизведения лося в скифском зверином стиле V в. до н. э., т. е. как модификация трактовки лося с двумя симметрично разложенными рогами, образующими «корону» (**рис. 11: 15, 16**). Нами уже отмечалось, что в азиатской части «скифского мира» имеется параллель данному мотиву (Канторович, 1995. С. 53). Это мотив головы копытного на бронзовой уздечной бляхе из тасмолинской культуры Центрального Казахстана, из комплекса VII–VI вв. до н. э. (могильник Тасмола I, курган 19, комплекс содержит зеркало с центральной петелькой и высоким бортиком) (Кадырбаев, 1966. Рис. 7: 1). Сходные изображения оформляют бронзовые уздечные подвески или наносники в культурах скифо-сибирского типа на Алтае и в Туве (могильники Вакулиха-1, Машенка-1, Каракол, Алды-Бель-I, Хемчик-Бом-III) (Бородаев, 1998. С. 57, 66, 69–70. Рис. 7: 11; 8: 1–5). Судя по трактовке морды, окончание которой приострено и не имеет характерного для *Alces Alces* перелома вниз, упомянутые южносибирские изображения воплощают скорее не лося, а оленя, наделенного передним («глазным») отростком рогов (в природе обособленным от задней части рогов), а роль оленьего глаза выполняет отверстие бляхи (Бородаев, 1998. С. 66, 70). Морда копытного на тасмолинской бляхе, которая может быть трактована равно как оленья и как лосиная, соответствует иконографии оленя с вислоносой, похожей на лосиную, мордой, свойственной некоторым трактовкам оленя в скифо-сибирском зверином стиле Южного Приуралья (Гумарово) и Южной Сибири (ряд тагарских изображений, Бухтарминское зеркало).

Поэтому представляется справедливым мнение В. В. Бородаева, объясняющего появление алтайско-тувинских и тасмолинского изображений как результат редуцирования таких изображений оленя с полным воспроизведением рогов, как фигуры на аржанском камне и бухтарминском зеркале (Бородаев, 1998. С. 66. Рис. 8). Такое редуцирование, с одной стороны, определялось фактурой налобников, с другой стороны, иконографически обусловливалось давней традицией скифо-сибирского искусства противопоставлять пару передних отростков рогов основному их массиву, утрируя тем самым их некоторую обособленность в природе в соответствии с требованиями профильного ракурса[1]. Как мы видим, иконографический фон, с которым связано тасмолинское изображение, свидетельствует не только об иных стилистических параллелях и истоках, но, очевидно, и о несколько ином образно-семантическом контексте, нежели контекст европейских однорогих лосей.

Возвращаясь к рассматриваемому региону, отметим, что в V–IV вв. до н. э. в скифском искусстве наблюдается смешивание образов лося и хищной птицы. Это проявляется, в одном случае, в уподоблении лосиной морды птичьему клюву (намечающееся еще в изображениях головы лося конца «скифской архаики» —начала «скифской классики», в таких как ульские, кулаковская, ковалевские головки типа 5 Журовско-чигиринский и др.), но при сохранении у животного симметричной «короны» лосиных рогов. В другом случае, напротив, морда лося сохраняется неизменной, но его «корона» упрощается, уподобляясь птичьему хохолку (здесь сказывается влияние и местных трактовок грифона с маленьким гребнем, а также, как об этом уже говорилось, воздействие «савроматского» поволжско-приуральского мотива грифоноподобного верблюда с маленьким гребнем и овальным ухом (типа Пятимар, Филипповки и Хошеутова), пришедшего в Северное Причерноморье из Нижнего Поволжья (**Приложение 5, рис. 11: 21, 32**). В результате появляется относительно устойчивый синкретический образ, который соответственно был обозначен нами как «лосептица» (**рис. 11: 23**).

Создание таких образов упрощается тем, что иконографии головы лося в скифском искусстве были изначально присущи такие элементы, как мощная горбатая морда, сходная по своим очертаниям с загнутым птичьим клювом, а также преувеличенный округлый глаз (в противовес овальному глазу оленей в искусстве того же времени). Эти черты облегчали ассоциирование головы лося с птичьей головой, а отмеченный выше распространенный в скифском искусстве обычай наделять птиц ушами еще более способствовал взаимосближению этих образов.

Как видим, если в эпоху «скифской архаики» VII–VI вв. до н. э. образ лося в семантическом отношении относительно обособлен в рамках местного репертуара, то с конца VI в. до н. э. и позднее, в период «скифской классики», этот мотив, с одной стороны, в значительной мере смыкается с образом оленя

[1] Такого рода редуцирование подтверждается и наблюдением В. В. Бородаева о том, что на ряде упомянутых алтайско-тувинских наносников также показан и «зарождающийся следующий отросток» (Бородаев, 1998. С. 70. Рис. 8: 1–5). Это, несомненно, первый из отростков основного массива рогов, показанный в рудиментарном виде и противонаправленный переднему.

(что вполне закономерно в биологическом и географическом отношении), формируя пограничные изображения «оленелосей», а с другой стороны, порой оказывается на грани иного семантического контекста, будучи контаминированным с образами хищной птицы и грифона (что ведет к появлению на рубеже V–IV вв. до н. э. синкретического образа «лосептицы»).

* * *

Упомянутый пограничный образ **«оленелося»** объединяет немногочисленные (всего 13) изображения обособленной головы животного с лосиными рогами, но с узкой оленьей мордой. Этот мотив разрабатывается достаточно широко: в Прикубанье, Центральном Предкавказье, в Среднем Поднепровье и в Крыму. «Оленелось» представлен тремя близкими типами: тип 1 Акташско-нартанский, второй четв. V — IV в. до н. э. (это дериват головы лося, относящейся к 1-му варианту типа 2 Нимфейско-журовский, V — сер. IV в. до н. э.); тип 2 Уляпско-вознесенский, второй пол. IV в. до н. э. (это либо следствие дальнейшей стилизации изображений оленелося вышеназванного Акташско-нартанского типа, либо опять-таки ответвление мотива головы лося, относящейся к 1-му варианту Нимфейско-журовского типа через промежуточную стадию в внде изображений лежащего оленя типа I-1-I-7 Уляпский, первой пол. (ближе к сер.) IV в. до н. э.); тип 3 Елизаветинско-кужорский, второй пол. IV — начала III в. до н. э. (возможное ответвление Уляпско-вознесенского типа «оленелося», с превращением рогов в головы козлов и хищников, рассмотренных в рамках соответствующих таксонов). Перед нами — тупиковые линии развития образов оленя и лося в рамках стилизации, преимущественно происходившей в Прикубанье (**Приложение 5, рис. 11: 12, 27**).

Возникновение образа **«лосекозла»** (к нему относятся 21 полнофигурное изображение), существовавшего в искусстве немногим более века (вторая четв. V — первая пол. IV в. до н. э.), свойственного почти исключительно восточноевропейскому скифскому звериному стилю и компактного в иконографическом отношении (представлен единственным типом — Испановско-солохским, в рамках которого выявляются две линии стилизации: крымско-причерноморская и крымско-прикубанская), можно объяснять тем, что нормальное положение рога горного козла в сюжете повернутой назад головы сменилось инвертированием рога (в силу слабого знакомства с природным прототипом создателей скифского звериного стиля в его северопричерноморском и прикубанском вариантах). Вместе с тем данный тип изображений не может отождествляться с сюжетом, обозначенным в литературе как «козел с повернутой назад головой» в силу того, что у многих из образов данного типа, как было сказано, лосиная голова.

Эту черту следует возводить к мотиву однорогого лося — см. тип 3 обособленной головы лося Нимфейско-семибратненский, V в. до н. э. (о генезисе данного мотива уже было сказано выше). Как было показано, несмотря на то, что в азиатской части «скифского мира» имеется параллель данному приему инвертирования рога, образы «лосекозла» и однорогого лося тяготеют к европейской зоне скифо-сибирского мира и, в первую очередь, к звериному стилю степной Скифии и Прикубанья (**Приложение 5, рис. 11: 15, 24, 25**). Примечательно, что рог однорогого лося, как и рог «лосекозла», трансформирован на конце в птичью головку.

Представляется, что именно на основе этих образов и под влиянием образа оленя (имеется в виду обособляемый передний отросток оленьего рога) в середине IV в. до н. э. в Прикубанье формируется и становится весьма популярной локальная традиция моделирования бронзовых наносников и иных уздечных блях в виде обособленной головы некоего копытного, единственный рог которого композиционно соответствует рогам «лосекозлов» и однорогих лосей, а стилизованная тонкая морда, завершающаяся мощной ноздрей и пастью, слитыми в S-видную фигуру, представляет собой нечто среднее между оленьей и лосиной. Основная часть этих персонажей была отнесена нами к образу, условно названному **«оленекозел»**. Данный образ компактен в иконографическом (представлен единственным типом — Елизаветинско-тенгинским, включающим 20 изображений) и хронологическом отношении (сер. IV — начала III в. до н. э.). Важнейшей чертой его иконографии является то, что рог этого существа, морфологически сходный с рогом горного козла, трансформирован в шею и голову птицеголового грифона с гребнем (позднегреческого типа), причем редкие выступы на роге «оленекозла», вероятно, имитирующие реальное рифление рога горного козла, одновременно обозначают гребень на шее упомянутого грифона (Приложение 3, рис. 11: 28, 29). Обозначенная выше в рамках типологии «оленекозла» география местонахождений этого образа за пределами Прикубанья (Нижний Дон, Средний Днепр, а вне зоны восточноевропейского скифского звериного стиля — как оформление в контексте находок узды прикубанского типа в Абхазии и в Южном Приуралье), опять-таки демонстрирует прикубанский приоритет в разработке данного образа.

* * *

Достаточно рано, со второй половины VII в. до н. э., в восточноевропейском скифском зверином стиле начинает отображаться **горный козел**.

Данный персонаж представлен преимущественно полнофигурно (8 типов, 42 изображения), а также редуцированно — протома (1 тип, 7 изображений), голова (3 типа, 8 изображений), всего — 12 типов, 57 изображений.

В основном этот образ представлен в период «архаики» в полнофигурном воплощении. Наиболее популярен сюжет горного козла, лежащего с повернутой назад головой. Соответствующие изображения формируют тип I-II-1 Бобрицко-ульский, второй пол. VII — первой пол. V в. до н. э. (объединяет наибольшее количество изображений (18), происходящих в основном с территории Среднего Поднепровья и Прикубанья). Это тип, безусловно возникший под влиянием переднеазиатской традиции. Ближайшие аналогии (фигуры козлов на золотом перекрестье меча Мельгуновского кургана (Придик, 1911. Табл. I, II), на обушке и на проушине Келермесской секиры из кургана 1/Ш (Галанина, 1997. Кат. 6. Табл. 10)), хотя и происходят с территории восточноевропейского звериного стиля, но не включены нами в список изображений типа, как целиком относящиеся к переднеазиатской стилистической традиции. Как показал П. Амандри, сюжет горного козла, лежащего с повернутой назад головой, обнаруживает композиционные истоки в переднеазиатской традиции, инициировавшей также подражания в греческом искусстве (Amandry, 1965. Pl. XXX. Fig. 2). Не случайно некоторые изображения Бобрицко-ульского типа (бельское, томаковское) образуют геральдические композиции, в которых аналогичные козлы часто показаны в передневосточном искусстве.

Менее популярны фигуры лежащего горного козла с головой прямо. К периоду «архаики» относятся два типа. Это, во-первых, тип I-I-1 Волошинско-чегемский, второй четв. VII — VI в. до н. э. — в позе «летящего оленя» с приподнятой головой и подложенными под туловище ногами, скорее в духе композиции оленей Келермесско-константиновского типа. Данный тип, включающий всего 3 изображения, явно не местного происхождения (отсюда и его малая «насыщенность»), поскольку находит многочисленные соответствия в изображениях козла, лежащего с ногами внахлест, в более восточных зонах скифо-сибирского мира, в особенности в Южной Сибири. Во-вторых, это тип I-I-3 Новозаведенский, VII в. до н. э., составленный двумя изображениями (из могильников Новозаведенное-II и Дыш-IV), украшающими ритуальное блюдо из рога лося и роговой скипетр. Данный тип по очертаниям основных анатомических деталей опять же тяготеет к изображениям горного козла в архаическом скифском искусстве и в тесно связанном с ним переднеазиатско-закавказском круге сюжетов: ср. восьмую сверху фигуру на рукояти Келермесской секиры (см. Галанина, 1997. Табл. 11, 6а); фигуру копытного на костяной ложечке из Дарьевки (Ильинская, 1975. Табл. XXXIV, 2)[1]; фигуры безоаровых козлов, выполненные в ассирийском стиле на чаше из Келермесского кургана 1/Ш (Галанина, 1997. С. 146–148. Табл. 33, 23).

Единственный тип эпохи «классики», относящийся к сюжету лежащего козла с головой прямо, — тип I-I-2 Испановско-уляпский, сер. V — IV в. до н. э., построен по принципу композиции оленей Завадско-акмечетского типа и, вероятно, возник вследствие реализации этой чрезвычайно популярной в восточноевропейском скифском зверином стиле композиционной схемы для отображения горного козла (то же относится и к ближайшим аналогиям Испановско-уляпскому типу, известным на Нижней Волге (Хошеутово)).

В период «архаики» зарождается и сюжет стоящего козла. Этот сюжет реализуется, во-первых, в исключительно архаичном типе II-I-2 Поповско-аксютинецкий, VII–VI вв. до н. э., объединяющем фигуры козла со сведенными в точку ногами, восходящие к многочисленным изображениям из более восточных зон скифо-сибирского мира (в особенности из Южной Сибири) (ср. Могилов, 2008. С. 45). Во-вторых, это более насыщенный изображениями тип II-I-1 Келермесско-чертомлыцкий, который объединяет изображения прочно стоящих козлов (на рукоятях и стенках бронзовых котлов), возникает во второй пол. VII в. до н. э. и продолжает существовать в период «классики» до третьей четв. IV в. до н. э. включительно, причем основные аналогии изображениям данного типа опять-таки связаны с более восточными районами скифо-сибирского мира, где детально разработана иконография стоящего горного козла.

Изображения полулежащих/полустоящих горных козлов сюжетно периферийны и немногочисленны и представляют козла, терзаемого хищником. Они образуют 2 типа, узких в хронологическом отношении: это тип III-II-1 Опишлянско-гусарский, второй четв. VI — начала V в. до н. э. (фигуры на бляхах «ольвийского типа»), и тип III-I-1 Кульобский, 345–335 гг. до н. э. (фигура на ножнах меча из Куль-Обы, которая по композиции и стилистике находится на периферии скифского звериного стиля и относится к группе образов, реализованных в скифо-греко-персидской манере).

Что касается редуцированных изображений (протом и голов) горного козла, единственный тип протом этого животного относится к периоду «классики». Это тип 1 Елизаветинско-уляпский, второй

[1] Данное изображение как таковое в нашей работе не учитывается, так как оно фрагментировано, и нет уверенности, горный козел это или иное копытное.

пол. IV в. до н. э., который связан в основном с территорией Прикубанья и, вероятно, восходит в конечном счете к S-видным прикубанским псалиям, несущим образ хищника, в первую очередь типа I-3-Б-I-1 Семибратненский, сер. — третьей четв. V в. до н. э. «Выпрямление» этих псалиев и замена образа хищника образом козла в IV в. до н. э., очевидно, и привели к появлению изображений Елизаветинско-уляпского типа, реализуемым также и на популярных в IV в. до н. э. налобниках с выступающей протомой или с головой и шеей животного.

Мотив ***обособленной головы*** горного козла малопопулярен. К периоду «архаики» относится один тип — тип 1 Келермесский, 660–640 гг. до н. э., формируемый единственным изображением: на костяных насадках на деревянные псалии из кургана 2/В Келермесского могильника.

Эта головка выполнена в духе магистральной традиции «келермесской школы», связанной в основном с реализацией голов не козлов, а баранов — см. в первую очередь тип 1 Келермесско-новозаведенский (в рамках этого типа см. в особенности изображения из другого кургана ранней Келермесской группы — кургана 1/В).

К периоду «классики» относятся 2 типа голов козла с незначительным количеством изображений. Из них большее число (5) относится к типу 2 Елизаветинско-колбинский, второй пол. IV в. до н. э. Это тип, в основном связанный с Прикубаньем (с единичным ответвлением в Среднее Подонье, где он оформляет характерный для этого региона колчанный/поясной крючок и является в основе дериватом вышеупомянутого прикубанского типа 1 Елизаветинско-уляпский протом козла). Еще один тип — тип 3 Волковецко-ялхоймохкский, второй четв. — второй пол. IV в. до н. э., образованный двумя отдаленными друг от друга изображениями на налобниках из Среднего Поднепровья и Центрального Предкавказья, представляется опять-таки редкой попыткой реализации темы козла при оформлении популярных в восточноевропейском скифском зверином стиле в IV в. налобников с пластиной и выступающей над ней шеей и головой животного.

* * *

Не позднее второй трети VII в. до н. э., в основном в редуцированном воплощении (голова или голова+копыто) начинает отображаться **горный баран**.

Данный образ представлен полнофигурно лишь в одном случае (1 тип, 1 изображение), а в основном он трактован редуцированно — голова (5 типов, 34 изображения), протома (1 тип, 1 изображение), голова в сочетании с ногами или копытами — на окончаниях псалий (3 типа, 44 изображения); итого 10 типов, 80 изображений.

Это, прежде всего, очень популярный мотив бараньих голов типа 1 Келермесско-новозаведенский, второй трети VII — первой пол. VI в. до н. э. (21 изображение). К нему относятся в основном изображения, оформляющие костяные столбики-распределители уздечных ремней и костяные навершия деревянных псалиев (реже — на ритуальных блюдах из рога лося и из камня, на вотивных топориках и на булавках). Основная масса этих изделий происходит с территорий Северо-Западного Кавказа (в основном из Прикубанья) и Среднего Поднепровья, и очевидно, что иконографическое ядро данного типа связано с широко распространенной в скифо-сибирском мире темой горного барана, основная масса полнофигурных изображений которого происходит из более восточных зон скифо-сибирского звериного стиля. Остальные малопопулярные типы головы барана в период «архаики» либо могут являться: 1) девиацией Келермесско-новозаведенского типа (тип головы барана с инвертированным рогом, обозначенный нами как тип 2 Келермесский, второй трети VII в. до н. э.; этот тип связан только с комплексом Келермесского кургана 1/В); 2) частными ответвлениями Келермесско-новозаведенского типа или его аналогов в восточной части скифо-сибирского мира, обусловленными также началом античного воздействия на скифскую традицию (это исключительно приднепровский тип 3 «Старшая могила — Ольвия», второй пол. VII — начала V в. до н. э.). Как и в рамках мотива лошади (см. ниже), особенно популярным в период «архаики» в реализации образа барана является оформление трехдырчатых костяных псалиев в виде голов и копыт, практикуемое в основном на территории Среднего Поднепровья (тип I-1 Аксютинецко-нартановский, сер. VII — VI в. до н. э., и тип I-2 Журовско-аксютинецкий, сер. VII — VI в. до н. э.).

В конце периода «архаики» на уникальных Ульских псалиях в Прикубанье мы встречаем первое и единственное для восточноевропейского варианта скифского звериного стиля полнофигурное изображение барана (тип I-I-1 Ульский, второй пол. VI в. до н. э.).

В период «классики» образ барана не является популярным. Заданную скифской архаикой традицию оформления псалиев (но теперь уже двудырчатых S-видных) головой и конечностью барана продолжает в Среднем Поднепровье локальный тип II-1 Роменско-хитцовский, V–IV вв. до н. э., который морфологически близок типам обособленных конечностей копытных, оформляющим окончания аналогичных псалиев, но с головой хищника на верхней части псалия: это тип 5 Первомаевско-аксютинецкий, V–IV вв. до н. э., и тип 6 Журовско-гайматовский, V — третьей четв. IV в. до н. э.

Единственная протома барана, формирующая среднеднепровский тип 1 «Омельник», четвертой четв. VI — второй трети V в. до н. э., представляется тематической вариацией Волковецко-стеблевского типа объемных голов оленей, оформляющих аналогичные же налобники/наносники (ср., в частности, изображение из Каневского уезда, в котором грудная часть непосредственно переходит в преувеличенное копыто). Тип 4 Стеблевско-акбурунский, V — первой четв. IV в. до н. э., локализуемый в Среднем и Нижнем Поднепровье и в Крыму, представляется скифской репликой с боспорских греческих изображений, таких как головы баранов, оформляющие золотые бляшки из кургана 24 (1876 г.) некрополя Нимфея (Силантьева, 1959. С. 57. Рис. 24: 8; Артамонов, 1966б. Рис. 35) и из 2-го Семибратнего кургана (Артамонов, 1966б. Рис. 48). Прикубанским подражанием боспорским образцам, видимо, являются изображения, оформляющие S-видные псалии и наносник, составляющие тип 5 Елизаветинский, третьей четв. IV в. до н. э.

* * *

Образ **лошади** (14 типов, 116 изображений) представлен крайне редко в полнофигурном ракурсе (3 типа, 6 изображений), а в основном — редуцированно: это протома (1 тип, 2 изображения), либо обособленные головы (6 типов, 28 изображений), либо головы (изредка — протомы), сочетающиеся с копытами (изредка — с задними ногами) на противоположных окончаниях псалий (4 типа, 80 изображений, включая 78 изображений на псалиях плюс относящиеся к этим же морфологическим типам 2 головы без копыт — на насадке на деревянный псалий и на гребне).

Что касается полнофигурного отображения лошади, таковой прием в восточноевропейском скифском зверином стиле вообще редок, реализуется только в сюжете лежащей лошади с головой вперед и в основном связан с периодом «классики», но при этом появляется достаточно рано — это изображения второй пол. VII в. до н. э. на золотых обкладках уздечных фаларов из Келермеского кургана 4/Ш, составляющие тип I-I-1 Келермесский. Композиционно и стилистически соответствуя канону оленя Келермесско-кульобского типа, данные изображения, вероятно, возникли в местной среде (под влиянием иконографии «классического скифского оленя», в свою очередь, изначально сформировавшейся в более восточных зонах скифо-сибирского мира), но не нашли дальнейшего развития в силу общей непопулярности (табуированности?) полнофигурного воплощения лошади в этом регионе.

Последующие полнофигурные отображения лошади появляются значительно позже. Узколокальный и краткосрочный среднедонской тип I-I-2 Колбинско-мастюгинский, сер. — второй пол. IV в. до н. э., представляет лошадь, весьма далекую от природного прототипа. Единственное изображение на прикубанском псалии, формирующее тип I-I-3 Шунтукский, третьей четв. V — третьей четв. IV в. до н. э., композиционно коррелирует с трактовками кошачьих хищников на псалиях типа I-3-Б-I-1 Семибратненский, сер. — третьей четв. V в. до н. э., и в то же время с волчьими хищниками на псалиях типа I-3-А-I-4 Елизаветинский, третьей четв. IV в. до н. э. Видимо, шунтукское изображение возникло в этой традиции оформления псалиев как рифейный образ, чем и объясняется сходство данной лошади с хищником.

Как уже сказано, образ лошади массово реализуется именно в редуцированном воплощении, причем особенно он популярен в период скифской «архаики». Это три типа, которые объединяют в сумме 76 оригинальных изображений (не считая пар и копий) голов и копыт на костяных псалиях плюс две вышеупомянутые головы на насадке и на гребне: тип I-1 Аксютинецо-шумейковский, сер. VII — первой пол. V в. до н. э., тип II-1 Шумейковско-аксютинецкий, сер. VII — VI в. до н. э., и тип II-2 Шумейковско-волковецкий, сер. VII — VI в. до н. э. Все изображения этих типов локализуются в Среднем Поднепровье (лишь одно происходит с территории Ставрополья — из могильника Новозаведенное-II). Очевидно, это среднеднепровская традиция, возникшая здесь же и практически прерванная с началом «классики». Из этого же региона и, видимо, также в качестве местного новообразования происходит изображение головы лошади анфас на бронзовых бляхах-распределителях уздечных ремней типа 1 Волковецко-гуляйгородский, сер. VII — VI в. до н. э.

Изображения ***обособленных лошадиных голов*** без копыт более локальны и малочисленны по составу.

В частности, тип 5 Келермесско-енкивецкий, второй четв. VII — сер. V в. до н. э., преимущественно прикубанский; большинство относящихся к нему изображений вполне вписываются в контекст наверший Келермесской школы с изображениями грифонов, хищных птиц, быков и тупорылых зверей, с элементами воздействия греческого и переднеазиатского искусства. Однако на рубеже «скифской архаики» и «скифской классики» появляются среднеднепровские подражания данным изображениям на предметах другой категории, что проявляется в изображении на лопастях бляхи из с. Енкивцы.

Среднеднепровский тип 6 Роменский, конца VI — первой пол. V в. до н. э., является частью скифской традиции зооморфного оформления вотивных секир, или скипетров (Іллінська, 1961а. С. 44–47. Рис. 11).

Явной репликой с изображений головы лошади Волковецко-гуляйгородского типа представляются изображения, формирующие тип 4 Нартанско-майкопский, V–IV вв. до н. э.

Продолжает линию, сформированную вышеперечисленными типами лошадей на псалиях эпохи «архаики», прикубанский тип II-3 Семибратненский, второй пол. V в. до н. э., представляющий голову и копыто лошади на противоположных частях псалия. При этом, очевидно, данный тип связан также и с синхронным ему вышеназванным трендом оформления S-видных псалиев (в основном в рамках темы хищника).

Единичное ульское изображение головы лошади, оформляющее золотой наконечник или модель оголовья боевого коня и составляющее тип 2 Ульский, второй пол. VI в. до н. э., как уже сказано в разделе типологии, могло возникнуть в результате слияния скифской традиции передачи конского фаса Волковецко-гуляйгородского типа с элементами переднеазиатской стилистики (оформление глаз, создание гнезд для драгоценных вставок), а также греческой традиции архаических конских налобников.

Категориально узкий тип 3 Елизаветовско-александропольский, IV в. до н. э., связанный с оформлением золотых обкладок ручек и обивок деревянных сосудов, может быть скифским искажающим подражанием натуралистичным изображениям коня в греческом искусстве (ср. Братолюбовскую фиалу (Кубышев, Бессонова, Ковалев, 2009. Фото 18) и налобник из того же Александропольского кургана (Алексеев, 2012. Илл. на с. 251)).

Наконец, протомы лошадей на бронзовых налобниках/наносниках типа 1 Тенгинско-новозаведенский, второй пол. IV — начала III в. до н. э., относятся к скифо-меотской школе звериного стиля, произведения которой распространялись в Центральное Предкавказье и даже в Южное Приуралье.

* * *

Образ **быка** (2 типа, 5 изображений) эпизодически встречается в период «архаики» в Прикубанье в рамках мотива обособленной головы на бронзовых навершиях (тип «Старшая могила — Ульские», второй пол. VII — VI в. до н. э., 4 изображения) и затем «пунктирно» продолжается в единственном полнофигурном изображении, формирующим среднеднепровский тип 1 Золотоношский, первой пол. V в. до н. э.

Появление образа быка, вероятно, изначально обусловлено переднеазиатским художественным влиянием, что особенно четко проявляется в прикубанских изображениях (ульские и четукское) (Переводчикова, 1998 С. 31–32). Видимо, поэтому мотив быка практически не закрепляется в восточноевропейском скифском зверином стиле. Иное объяснение редкой встречаемости данного изображения в скифском искусстве предложили недавно А. А. Грибкова и Ю. Б. Полидович: «Единичность находок с изображениями быков…, на наш взгляд, не является показателем непопулярности образа быка, а, скорее всего, обусловлена его высоким семиотическим статусом в культуре скифских народов», «особой священностью образа», сочетающего функции плодородия и оберега, что обусловило его табуирование в изобразительном искусстве (Грибкова, Полидович 2013. С. 264–267). Вместе с тем исследователи сами признают, что при всей важности темы быка в эпоху бронзы «в скифскую эпоху бык в повседневной жизни, ритуале и мифе уступает место коню» (Грибкова, Полидович, 2013. С. 265). Очевидно, лишь дальнейшее накопление материала сможет прояснить этот вопрос.

* * *

К образу **кабана** мастера восточноевропейского скифского звериного стиля обращались начиная с середины VI в. до н. э. (Гуляй-город) и вплоть до рубежа IV–III вв. до н. э. (Александропольский курган). Преобладают редуцированные отображения этого животного: всего выявлено 46 оригинальных изображений кабана (14 типов), в том числе 10 полнофигурных (распределенных по трем сюжетным группам и по 7 типам) и 36 редуцированных, а именно 35 изображений обособленной головы кабана (6 типов) и одно изображение обособленной конечности кабана (повторенное в ряде копий), формирующее 1 изобразительный тип.

При этом для эпохи «скифской архаики» VII–VI вв. до н. э. на изучаемой территории характерно отсутствие редуцированных трактовок кабана и единичность полнофигурных изображений этого животного (гуляйгородская бляха сер. VI в. до н. э. и, с натяжкой, александровская пластина ножен рубежа VI–V вв. до н. э.). Неслучайно А. И. Шкурко полагал, что в Скифии этого времени в целом вовсе нет изображений кабана, в отличие от восточных районов скифо-сибирского мира (Шкурко, 1975. С. 85), а В. А. Ильинская исключила образ вепря из репертуара, общего для всего скифо-сибирского искусства, расценивая его как изначально сако-сибирский (Ильинская, 1976. С. 26). Как уже отмечалось, вряд ли можно говорить о доминировании признаков скифо-сибирского звериного стиля (при наличии следов его несомненного влияния) в преимущественно переднеазиатских по характеру фигурах на Келермесской секире и тем более в лишенных следов скифского влияния фигурах на Келермесском зеркале и на зеркале из кургана 35 у с. Бобрица, хотя сам факт присутствия этого образа на вещах в скифской среде свидетельствует о наличии «идеи кабана» в культурном контексте «скифской архаики».

Полнофигурные изображения кабана, выполненные в канонах скифо-сибирского звериного стиля, в VII–VI вв. до н. э. происходят в основном из более восточных районов по отношению к скифской археологической культуре. Это, прежде всего, изображения из таких, безусловно ранних, предшествующих «скифской классике» памятников, как Аржан-1 (кабаны «на цыпочках» на «оленном камне», кабан со свисающими ногами на рукояти кинжала и кабан в позе «внезапной остановки» на кабаньем клыке) (Грязнов, 1980. Рис. 11: 4, 24: 1, 29: 2), Аржан-2 (стоящие кабаны на золотых бляшках и кабан «на цыпочках» на каменной плите) (Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010. Abb. 114, 2); из 5-го Чиликтинского кургана (кабаны «на цыпочках» на золотых пластинах) (Черников 1960. Рис. 10. Табл. XVIII), из кургана 3 группы Тасмола-V («на цыпочках», со сведенными в точку ногами на роговой застежке) (Кадырбаев, 1966. Рис. 62, 1), из кургана 4 группы Сакар-Чага 3 (кабаны «на цыпочках» на костяном навершии) (Яблонский 1996. Рис. 5). Кроме того, известны петроглифические изображения кабанов «на цыпочках» из Тарбагатая, у р. Ур-Марал и у ручья Тамураши, которые, в силу значительного сходства с вышеуказанными, также связываются исследователями с архаическим периодом скифо-сибирского искусства (Черников 1965. Рис. 10; Шер, 1980. Рис. 121). Ср. также бронзовую бляшку из Карагалинска в Северном Казахстане (Грязнов, 1956. Рис. 4: 6) и золотую пластину из могильника Ключи 3 на Алтае (Телегин, 1997. Рис. 43).

При этом показательно, что среди вышеупомянутых сако-сибирских изображений эпохи «скифской архаики» нет лежащих кабанов: они могут стоять со сведенными в точку ногами, могут двигаться или «тормозить» с прямыми ногами, направленными наискось вперед, могут быть показаны с безжизненно свисающими ногами, но не с горизонтально размещенными нижними частями ног, что определяет лежачее положение. Исключение составляют протома кабана на уздечной бляхе из тасмолинской культуры (могильник Нурманбет-II), демонстрирующая голову, опущенную на переднее копыто (Артамонов, 1973. Илл. 32), а также полнофигурное изображение кабана на гривне из погр. 5 кургана Аржан-2 (Čugunov, Parzinger, Nagler, 2010. Taf. 36, 4), где вепрь показан с горизонтальными ногами ниже сгиба запястья и сустава заплюсны, но голова его не лежит на передней ноге, а немного приподнята над ней, причем щетина показана торчащей, как у нападающего кабана (ср. одну из фигур кабана (левую) на крышке Башадарского саркофага — Баркова, 1984. Рис. 5: 1).

В любом случае из полнофигурных изображений к восточноевропейским скифским изображениям лежащих кабанов (в первую очередь к кабанам наиболее раннего в этом сюжете типа — типа I-1 Александровско-архангельский, конца VI — начала IV в. до н. э.) в композиционном отношении ближе не сако-сибирские изображения, а сдвоенные фигуры кабанов на торце Келермесской секиры, однако они, как уже говорилось, не могут быть вполне отнесены к скифскому искусству.

Вероятно, композиционная схема лежащего кабана с подложенными под туловище направленными вперед ногами, с головой, опущенной на копыто передней ноги, имеет истоки еще в переднеазиатском искусстве начала I тыс. до н. э., в частности, в изображениях из Ирана (бронзовые псалии из Луристана, уздечная бляха) и из Малой Азии (уздечные бляхи из Сард и из коллекции Британского музея) (см. подробнее: Amandry, 1965. P. 154. Pl. XXVII, 3, XXIX, 3, 4, 6–8; Переводчикова 1994. Рис. 4, 6–10; Иванчик, 2001. Рис. 37, 2; 39, 2; 42, 1). Видимо, именно эта схема повлияла на появление таких пограничных между скифо-сибирским и передневосточным искусством схем «стоящележащего» кабана, как имеющий ряд несомненных элементов скифо-сибирского звериного стиля (Amandry. 1965. P. 154) вепрь на бляшке из слоновой кости из Эфесского Артемисия (Фармаковский, 1914. Табл. VIII, 5), датируемой не позже начала VI в. до н. э. (Максимова, 1954. С. 298) или первой половиной VI в. до н. э. (Иванчик, 2001. С. 90): зверь здесь показан с ногами, направленными наискось вперед, с приподнятым над землей корпусом, но с вертикально опущенной головой и рылом на уровне копыт. При этом такие не характерные для местного искусства черты, как моделировка эфесского изображения сходящимися плоскостями, преувеличенность гребня, акцентирование глаза, уха, лопатки, бедра, копыт, превращение боковых рудиментарных пальцев в колечки (ср., например, копыта Костромского оленя) позволяют относить это произведение к скифо-сибирскому звериному стилю, не исключая участия местных малоазийских мастеров в его создании; уже П. Амандри отметил совершенно особенный характер эфесского кабана на фоне остальных вышеназванных переднеазиатских изображений этого животного и указал, что такие признаки, как позиция ног и стилизация уха связывают данное изображение со скифским искусством (Amandry, 1965. P. 154).

Возможно, произошла конвергенция передневосточного сюжета лежащего кабана с изначально сако-сибирской схемой «тормозящего» кабана с вытянутыми наискось вперед ногами, — схемой, уже имевшей тенденцию к почти горизонтальному отображению ног (ср. вышеупомянутое изображение «почти лежащего» кабана из Аржана-2 и изображение кабана на Башадарском саркофаге (Руденко, 1960. Рис. 21) — здесь зверь несомненно нападает,

о чем свидетельствует приподнятый хвост). Эта комбинация и привела к возникновению композиционной схемы иного в семантическом отношении сюжета кабана — лежащего (убитого?), первым в ряду которых в Скифии стали изображения Александровско-архангельского типа. В свою очередь, Александровско-архангельский тип в своем развитии мог дать такие ответвления, как уляпский тип лежащего кабана, формировавшийся при одновременном скифском и ахеменидско-закавказском влиянии — см. кабаны на браслетах из Вани (Лордкипанидзе, 1984. С. 51–53) и на уздечных бляхах из Тегеранского музея, из частной коллекции и из Британского музея (Amandry, 1965. P. 154. Pl. XXIX, 3, 4, 6–8).

Данный контекст полнофигурных изображений, развивавшихся в эпоху «скифской классики» в направлении орнаментализации (зооморфные трансформации, использование греческих декоративных мотивов) и, в конечном счете, схематизации, в свою очередь, послужил фоном для появления и успешного развития мотивов редуцированных кабанов (голова, конечность) в V–IV вв. до н. э.

В то же время иконография редуцированных изображений кабана определялась не только местным контекстом, но и, в ряде случаев, несомненным внешним влиянием. Так, изображения обособленной головы на окончаниях кабаньих клыков на псалии из Тернового и на клыках из Глубокой Пристани и из-под Керчи могли возникнуть как подражание «савроматскому» искусству, где традиция орнаментирования кабаньих клыков была более развита (ср., в частности, более совершенное в художественном отношении изображение на клыке из Новопривольного — Королькова, 2006. Табл. 9: 7). Головы Мастюгинско-колбинского типа, будучи полностью или частично смоделированы из рельефных линий, мелко дробящих их поверхность (аналогично моделирована и шея кабана из Тернового, но собственно голова выполнена в исконных традициях скифского звериного стиля), тяготеют в этом отношении к общему контексту среднедонского локального варианта скифского звериного стиля (см: Гуляев, 2010. Рис. 12, 15, 20, 21, 28, 29), в свою очередь, связанного в этом отношении с нижневолжским вариантом «савроматского» стиля на его поздней стадии (ср. изображения круга Филипповки: Королькова, 2006. Табл. 2). Изображение конечности кабана из «Майкопского клада» находит себе соответствие в изображениях ноги копытного (оленя?) на аналогичных обивках из кургана Бабы (ОАК за 1897 г. С. 135. Рис. 262), из кургана 6 Острой могилы (Яценко, 1956. Рис. 2) и из того же «Майкопского клада» (Leskov, 2008. P. 118–119. Cat. № 150).

Возможно, под влиянием подобных кабаньих голов с частичной или полной зооморфной трансформацией в зоне воздействия меотского исусства возникали новые амбивалентные изображения с мотивом кабана, такие как голова кабана с «зооморфными превращениями» на бронзовой уздечной бляхе — налобнике IV в. до н. э. из Алексеевского ущелья в Абхазии. Опубликовавший данную бляху Ю. Н. Воронов именовал ее «двустороннезооморфной», очевидно, ориентируясь на противонаправленные головы хищных птиц, размещенные по краям бляхи (Воронов, 1975. С. 229. Рис. 9: 7). Однако впоследствии В. Р. Эрлих и Г. К. Шамба, перевернув налобник на 180 градусов, справедливо отметили, что он выполнен в виде головы кабана, с трансформацией пятачка и шерстной складки на шее этого животного в птичьи головы, зафиксированные Ю. Н. Вороновым (Эрлих, Шамба, 2005. Рис. 2: 1). В то же время присутствие в данном изображении черты, явно не свойственной трактовкам кабана в скифомеотском искусстве и вообще в скифо-сибирском зверином стиле — полоски мелких треугольных зубов (черта, скорее присущая иконографии хищника), позволили данным исследователям утверждать, что алексеевская бляха изготовлена хотя и под прикубанским влиянием, но все же местным мастером. Интересно, что в Абхазии в слоях Эшерского городища те же исследователи обнаружили кабаний клык (предположительно конский наносник) с односторонним гравированным изображением головы кабана с не очень удачными попытками зооморфных трансформаций некоторых деталей — опять же, видимо, местная работа под непосредственным или опосредованным скифомеотским влиянием (Эрлих, Шамба, 2006. Рис. 2: 2).

Кратко касаясь проблемы семантики образа кабана, отметим, что в той или иной мере этот аспект затрагивали многие ученые, занимавшиеся художественным направлением скифо-сибирского звериного стиля. Исследователями был осуществлен глубокий анализ семантики скифского образа кабана, ассоциируемого предположительно с инкарнациями Веретрагны в иранской мифологии (Кузьмина, 1976. С. 55, 60) и «Ареса» в собственно скифской мифологии (Болтрик, 1998. С. 80–82), квалифицируемого также (в качестве животного, занимающего промежуточную позицию между травоядными и хищникам) как медиатор между средним и нижним мирами (Переводчикова, 1994. С. 46–48).

Кроме того, специально рассматривалась семантика сюжета лежащего кабана, что напрямую связано с выделенными нами типами I-I-1 Александровско-архангельский, конца VI — начала IV в. до н. э., I-I-2 Уляпский, первой пол. IV в. до н. э., и I-I-3 Нечерзийский, IV в. до н. э. Позиция александровского кабана, и в особенности тот факт, что его

пятачок находится ниже уровня копыт, позволили исследователям, обнаружившим и опубликовавшим данное изображения, предположить, что на ножнах меча из с. Александровка изображен «раненый или убитый» кабан (Ковалева и др., 1978. С. 13). Сходным образом описывает кабана на бляхах колчана из Архангельской слободы А. М. Лесков: по его словам, здесь изображен тяжелый вепрь, уткнувшийся или упершийся в землю (Лесков, 1974. С. 75). Правомерно отнести эти оценки и к трактовке позы кабана на пластине из МИДУ, а также к изображениям Уляпского и Нечерзицского типов (тем более что нечерзицского кабана терзает хищник). Симптоматично присутствие изображений кабанов Александровско-архангельского типа на изделиях, являющихся важнейшими атрибутами скифа-воина, — на мече, колчане и чаше (напомним, что именно колчан с луком и чаша в совокупности с поясом составляли набор, с которым связано излагаемое Геродотом этногоническое сказание о Геракле — прародителе скифов и об испытании его сыновей: Hdt, IV, 9–10). Возможно, здесь мы имеем дело с воинско-охотничьей магией. В качестве параллели можно привести аналогию из иного этнического и хронологического контекста, сходного со скифским, с точки зрения хозяйственно-культурного типа. Как указывает С. Г. Кляшторный, в раннесредневековом тюркском обществе для инициации предполагалось совершение охотничьего или воинского подвига, причем одна из тюркских рунических надписей сообщает, что известный полководец Куличор «в семь лет … убил горную козу, а в десять лет — дикого кабана» (Кляшторный, 1984. С. 148).

* * *

Достаточно популярны мотивы обособленных частей тела копытных, непосредственную видовую принадлежность которых невозможно определить (видимо, это и не предусматривалось, и мастера изображали обобщенное копытное — ср. выше мотив обобщенного хищника).

Так, распространен амбивалентный мотив **ушей копытных / крыльев нтиц** (2 типа, 24 изображения). Он известен только в эпоху «скифской классики» и ограничен рамками V–IV вв. до н. э. При этом основная масса изображений ушей (это скорее оленьи или лосиные уши) / крыльев (22) связана с оформлением уздечных блях и образует тип 1 Нимфейско-бобрицкий, V–IV вв. до н. э., распространенный во всех основных зонах скифской археологической культуры, исключая Среднее Подонье. И лишь 2 изображения такого рода оформляют лопасти псалиев из Прикубанья, формируя тип 2 Семибратненско-малоцимбальский, 450–420-х гг. до н. э.

Еще шире представлен и распространен во всех субрегионах восточноевропейского скифского звериного стиля **мотив обособленных конечностей копытных** — сдвоенных ног, одиночной ноги, ее нижней части или собственно копыта (10 типов, 91 изображение, т. е. 10,4% от всех изображений копытных). В рамках данного мотива дифференцируются редкие изображения сдвоенных ног (1 тип, 3 изображения) и большой массив изображений одиночных ног, в том числе обособленных копыт (9 типов, 88 изображений), в основном на окончаниях псалиев периода «скифской архаики» из Среднего Поднепровья; следует, однако, напомнить, что к этому мотиву были отнесены и многочисленные псалии с обломанной верхней частью, возможно, отображавшей голову лошади, барана, бараноптицы или хищника.

Что касается сдвоенных ног, формирующий этот таксон единственный тип (тип 1 Пастырский, V в. до н. э.), представленный двумя изображениями, восходящими к полнофигурным изображениям оленей типа II-II-1 «Дубовая», первой пол. V в. до н. э., а через него — к позиции «на цыпочках» эпохи «архаики».

Истоки мотива одиночных ног, как и в случае со сдвоенными ногами, уходят в раннескифскую эпоху, в горизонт предскифских культур Северного Кавказа, будучи представленными на псалиях переходного характера от предскифского к скифскому типу (Хаджох), а те являются изначальными в морфологической динамике в рамках среднеднепровско-северокавказского Хаджохско-аксютинецкого типа, первой пол. VII — первой пол. V в. до н. э., объединяющего 42 изображения, т. е. основной массив изображений копыт и обособленных ног в восточноевропейском скифском зверином стиле (при этом аналогичные копыта оформляют нижние части трехдырчатых псалиев, верхняя часть которых оформлена в виде голов бараноптицы, барана, лошади и птицы). Возможно, именно дальнейшая редукция наиболее ранних изображений Хаджохско-аксютинецкого типа приводит к возникновению таких локальных (исключительно северокавказских) и малочисленных типов эпохи «архаики», как тип 1 Келермесско-нартанский, второй трети VII в. до н. э. (4 изображения), и тип 2 Краснознаменско-келермесский, сер. VII — начала VI в. до н. э. (8 изображений). Подробнее о проблеме истоков мотива копыта будет сказано в § 3 главы VII.

Остальные типы изображений обособленной ноги копытного/копыта относятся к эпохе «скифской классики». Эти типы менее насыщены изображениями и, как правило, более локальны. Тип 4 Первомаевско-аксютинецкий, V–IV вв. до н. э., по сути, продолжает традицию мотива обособленной ноги копытного эпохи «архаики» на территории Поднепровья и Центрального Предкавказья применительно к новой форме псалий, характерной для

эпохи «классики», — S-видной (псалии при этом двудырчатые). Фитоморфизация копыта, намечаемая в изображениях Первомаевско-аксютинецкого типа, приводит к возникновению поднепровско-среднедонского типа 6 Журовско-гайматовский, V — третьей четв. IV в. до н. э. Локальным (прикубанским) развитием темы обособленной ноги копытного на S-видных и, затем, Г-образных двудырчатых бронзовых псалиях является тип 5 Елизаветинско-майкопский, сер. V — третьей четв. IV в. до н. э. Немногочисленный по составу, но широко локализуемый тип 7 Бабинско-турьинский, V в. до н. э., представляется атавизмом полнофигурных изображений копытных «на цыпочках» эпохи «архаики».

Возможно, как было уже сказано, промежуточным звеном в передаче этой традиции для Бабинско-турьинского типа послужил Пастырский тип сдвоенных ног копытного. В свою очередь, редуцирование Бабинско-турьинского типа, с дальнейшей стилизацией копыта приводит к возникновению типа 8 Пастырско-ульский, V в. до н. э. Наконец, тип 9 Петровский, второй четв. — сер. IV в. до н. э., составленный единственным изображением, видимо, является следствием относительно натуралистичного редуцирования полнофигурных изображений копытных этого времени.

2.3. Хронологическая и нространственная динамика мегаобраза нтицы

Обращаясь к мегаобразу птицы, отметим, что статистический анализ продемонстрировал его важную роль в репертуаре восточноевропейского скифского звериного стиля: это более четверти (27,2%) от общего количества оригинальных зооморфных изображений, в абсолютном исчислении 691 изображение, образующее 55 типов, — см. **табл. 2 Приложения 5**. При этом подавляющее большинство орнитоморфных изображений в восточноевропейском скифском зверином стиле следует связывать с отрядом соколообразных, или дневных хищных птиц (*Falconiformes*), подсемейством соколиных (*Falconidae*), реже семейства ястребиных (*Accipitridae*); лишь в немногих случаях изображения птиц представляют не соколообразных, а иные отряды, в частности отряд гусеобразные (*Anseriformes*), семейство утиные (*Anatidae*). Вместе с тем водоплавающие птицы, как показала Л. С. Клочко (Клочко, 2010. С. 55–73), были активно задействованы в скифском культурном контексте (в первую очередь в системе женского костюма), но соответствующие изображения выполнены в основном не в скифском, а в греческом стиле, и в нашей работе не рассматриваются.

Наиболее богато и разнообразно тема птицы реализуется в редуцированном отображении (34 типа, 603 оригинальных изображения). Это в первую очередь изображения обособленной птичьей головы (27 типов, 487 оригинальных изображений (это более двух третей (70,5%) изображений птиц и почти одна пятая (19,2%) всего массива изображений восточноевропейского скифского звериного стиля). Следует, однако, заметить, что в этот массив входят многочисленные головки птиц — субъекты зооморфной трансформации частей тела других зооморфных образов (при том что наиболее миниатюрные и слаборазличимые элементы такого рода в моих подсчетах не учитывались и как самостоятельные объекты не рассматривались). Во вторую очередь — это погрудные изображения («сокращенные протомы») (4 типа, 93 оригинальных изображения) и конечности (3 типа, 23 оригинальных изображения).

Полнофигурные изображения птиц встречаются значительно реже редуцированных (88 оригинальных изображений, 12,7% всех изображений птиц), но при этом они морфологически весьма разнообразны (21 тип).

* * *

Птицы в **нолнофигурном отображении** — это преимущественно представители отряда соколообразных, или ***дневных хищных птиц***, и чаще всего они демонстрируются с так или иначе расправленными крыльями — в полете, садящимися или готовящимися взлететь, с головой прямо и повернутой. В рамках этого сюжета наиболее ранними, существующими практически с самого начала скифской эпохи, являются тип I-I-1 Жаботинский, сер. — второй пол. VII в. до н. э., и тип I-II-1 Мельгуновско-солохский, второй пол. VII — первой пол. IV в. до н. э. При этом Жаботинский тип локальный; изображения этих птиц, как и фигуры лосей на Жаботиновских пластинах, не находят близких аналогий на своем классификационном уровне. В то же время, по особенностям технологических приемов и по трактовке некоторых деталей (голова, шея), жаботинские изображения имеют некоторое сходство с изображениями сидящей птицы (с прижатым крылом), составляющими тип II-I-1 Новозаведенский, второй пол. VII — начала VI в. до н. э. Вместе Жаботинский и Новозаведенский типы, очевидно, связаны с ранней косторезной школой скифо-сибирского звериного стиля, к которой относятся и жаботинские лоси, и ряд других изображений эпохи «скифской архаики», что соответствует интенсивности связей Прикубанья и Правобережного лесостепного Приднепровья в данный период.

В противовес Жаботинскому типу, Мельгуновско-солохский тип (с параллельными туловищу крыльями, развернутыми на зрителя, и с головой,

повернутой в профиль) является очень популярным и длительно функционировавшим. Его иконография реализуется на предметах самых разных категорий, в течение почти всей скифской эпохи и на широком пространстве — в Нижнем Поднепровье, Среднем Поднепровье и Подонцовье, а также в Прикубанье. Исследователями доказана сюжетно-стилистическая преемственность изображений типа Мельгуновского орла по отношению к древневосточным образцам (Ильинская, 1965, С. 105; Раевский, 2006. С. 411–413. Рис. 15). Вместе с тем изобразительный лаконизм в трактовке основных элементов (доходящий до сознательного исключения такой детали, как лапа птицы), моделировка сходящимися плоскостями справедливо признаются А. И. Шкурко «соответствующими нормам строгой стилизации таких классических произведений раннескифского искусства, как келермесская пантера или костромской олень» (Шкурко, 1975б, С. 115).

От Мельгуновско-солохского типа так или иначе «ответвляются» многие другие типы летящей хищной птицы с повернутой головой. В первую очередь это более локальный и хронологически ограниченный, связанный преимущественно с Нижним Поднепровьем тип I-II-2 Огузско-желтокаменский, сер. — второй пол. IV в. до н. э. Это очевидное композиционное продолжение Мельгуновско-солохского типа, но с усилением натурализма, обусловленного влиянием греческой стилистики, и переосмыслением образа (нехищная птица вместо хищной). Также и нижнеднепровский тип I-II-3 Николаевский, IV в. до н. э., составленный единственным изображением, представляется греко-скифской вариацией мельгуновско-солохской композиционной схемы, с полной заменой туловища, крыльев и хвоста пальметкой. Опять-таки греческой модификацией (усиление натурализма, задействование мотивов пальметки и розетки для передачи хвоста и лапы) мельгуновско-солохской схемы или же схемы птицы Келермесского зеркала, очевидно, объясняется появление локального и хронологически ограниченного типа I-II-4 Нимфейский, 475–425 гг. до н. э. Наконец, модификацией мельгуновско-солохской схемы является композиция типа II-II-1 Солохский, 420/410–400 гг. до н. э.: либо это редукция пары птиц с «убиранием» одного крыла, что создает впечатление сдвоенных фигур с поворотом головы назад и единой грудной частью (очень сходной с грудью Мельгуновского орла), или же, если это воспринимать как комбинирование единой фигуры из двух профилей, каждый профиль с самостоятельной головой, что опять-таки повторяет мельгуновско-солохскую схему, но с добавлением к ней еще одной антитетичной головы.

Следствием композиционного развития мельгуновско-солохской композиционной схемы, соединенной с композицией птицы в изначально греческой сцене «птица на рыбе/дельфине», является чрезвычайно популярный в скифском искусстве мотив сидящей птицы, клюющей и когтящей рыбу, к которому относится основная масса изображений типа II-I-2 Завадско-елизаветовский, V–IV вв. до н. э. (проблема генезиса данного типа рассмотрена выше, в рамках типологии). Уже в рамках этого типа, многочисленные изображения которого (25 единиц) распространены во всех зонах скифской археологической культуры, как было показано в ходе типологии, происходит постепенное изживание образа рыбы и замена его преувеличенной ногой птицы, сохраняющей то же место в композиции, что и исчезнувшая рыба. Дальнейшая стилизация приводит к тому, что исчезает даже композиционный «атавизм» рыбы, в результате чего возникает изображение, составляющее другой тип II-I-3 Уллу, который, скорее всего, непосредственно навеян уже нижневолжскими изображениями, практически тождественными уллускому и упомянутыми выше в качестве аналогий (Хошеутово, Старица). Иначе говоря, мы наблюдаем теперь обратное движение (после векторов влияния «Северное Причерноморье и Северный Кавказ — Средний Дон» и «Северное Причерноморье и Северный Кавказ — Нижняя Волга» (и далее на Южный Урал) — появляется вектор влияния «Нижняя Волга — Северный Кавказ»).

В свою очередь, как уже говорилось (см. типологию), к композиции Завадско-елизаветовского типа, но при участии кобанской скульптурной традиции восходит единственное изображение, составляющее тип I-I-5 Ялхой-мохкский, V в. до н. э.

Малочисленный по составу и хронологически ограниченный тип I-I-3 Мастюгинский, IV в. до н. э., очевидно, является боковым ответвлением магистральной линии зооморфизации популярных на Среднем Дону колчанных/поясных застежек, собственно крючок которых оформляется птичьими головами (тип 5 Мастюгинский, третьей четв. V — начала III в. до н. э.), а широкий противоположный конец выполняется в виде иных зооморфных изображений разных образов и типов — головой хищника, кабана, фигурой кошачьего хищника, медведя или оленя. Также чисто местным, связанным со среднедонскими изобразительными тенденциями, представляется сформированный единственным изображением тип II-I-8 Частые курганы, сер. IV — начала III в. до н. э.

Тип I-I-4 Тенгинский, второй пол. IV — начала III в. до н. э., также локальный и малочисленный, возник в Прикубанье в результате соединения местных тенденций с греческой, скорее всего,

боспорской традицией, имеющей в основе мотив пальметки.

Представленный единственным изображением тип I-II-4 Нимфейский, 475–425 гг. до н. э., очевидно, является следствием взаимодействия греческой (пальметовидный хвост, объемность) и скифской стилистики (преувеличенность глаза, клюва и шеи, общий геометризм изображения).

Не столь массовым, как мотив хищной птицы, но заметным явлением была полнофигурная реализация нехищной птицы (садящейся или взлетающей), но эта образно-сюжетная тенденция значительно более ограниченна территориально и хронологически. Наиболее ранними и, в принципе, единственными в эпоху «скифской архаики» полнофигурными изображениями нехищной птицы, являются изображения, составляющие тип I-I-10 «Займо-Обрыв», конца VII — сер. VI в. до н. э. Этот тип несомненно принадлежит к той же скифской костерезной школе, что и полнофигурные изображения типа II-I-1 Новозаведенский, VII — первой трети VI в. до н. э. и изображения обособленной птичьей головы на булавках из с. Пожарная Балка и из Люботинских курганов (относятся к типу 16 Жаботинско-герасимовский, сер. VII — сер. VI в. до н. э.).

Основным же по числу изображений из полнофигурных воспроизведений нехищных птиц является гораздо более поздний тип I-I-2 Гайманов-ско-чертомлыцкий, второй трети IV — начала III в. до н. э. Этот тип составлен фигурами на нижнеднепровских бронзовых навершиях, причем при рассмотрении данных фигур в плане становится очевидным, что этот тип композиционно может быть также возведен к Мельгуновско-солохскому, но с изменением позиции головы, в данном случае сонаправленной с туловищем.

Кроме того, нехищная птица широко представлена на нижнеднепровских нащечниках — тип I-I-6 Огузско-чертомлыцкий, второй четв. — конца IV в. до н. э. (13 оригинальных изображений с многочисленными копиями и зеркальными отображениями). Этот тип, как показал морфологический анализ, в значительной мере связан с греко-фракийским художественным контекстом, о чем свидетельствует натурализм в трактовке отдельных деталей и рифленая окантовка, равно как и ряд растительных мотивов, но сам прием использования конечностей хищника в качестве композиционной основы связан со скифской художественной компонентой.

Представленные единственными изображениями (утка) типы II-I-5 Малочертомлыцкий, второй пол. V в. до н. э., и тип II-I-6 Малолепетихинский, конца V — IV в. до н. э., не имеют близких аналогий и в своей образной основе, очевидно, продолжают греческую традицию отображения водоплавающих птиц, но при этом данным изображениям присущи и элементы скифской стилистики, проявляющиеся прежде всего в схематизме и примитивизме. В случае с единственным изображением, формирующим тип I-I-9 Семибратненский, третьей четв. V в. до н. э., прослеживается аналогичное взаимопроникновение греческого (видовая тематика (утка?), объемность, пальметоидный хвост) и скифского стилей (геометричность и схематичность трактовки). То же относится и к изображению, составляющему тип II-I-7 Александропольский, 340–300 гг. до н. э., причем греческий компонент здесь значительно преобладает (натуралистичность изображения), тогда как к скифской манере можно отнести лишь статичность позы птицы и геометричность глаза и клюва.

* * *

Среди множества типов изображений **обособленной нтичьей головы** абсолютно преобладает образ хищной птицы. Тема обособленной головы хищной птицы реализуется с самого начала существования скифской культуры, первично в виде простейшего амбивалентного мотива птичьих голов с загнутым или закрученным клювом / птичьих когтей в рамках Келермесско-нартанского типа, второй трети VII — первой пол. V в. до н. э., и Келермесско-гуляйгородского типа, сер. VII — третьей четв. VI в. до н. э. О проблеме истоков данного мотива будет сказано в § 3 главы VII.

Вероятно, модификацией одного из указанных архаичных типов — Келермесско-гуляйгородского[1] является тип 21 Братишевско-гуляйгородский, сер. VII — VI в. до н. э., в котором меняется лишь позиция головы относительно шеи/столбика пронизки: голова теперь составляет не единую линией с шеей, а становится перпендикулярной ей. Не исключено, что тупиковым ответвлением Келермеско-гуляйгородского типа является ограниченный немногочисленными изображениями исключительно северокавказский тип 7 Новозаведенско-ульский, второй пол. VII — начала VI в. до н. э., сочетающий птичью голову с дополнительной головкой барана в основании (возможно, это попытка отобразить популярную бараноптицу иначе, нежели диктовал канон, что привело к тому, что эта традиция была не понята мастерами и прервалась).

Очень ранним, возникшим в самом начале скифской эпохи, является тип 6 Краснознаменский,

---

[1] При наличии близкой, но достаточно поздней аналогии на другом краю скифо-сибирского мира — в могильнике Догээ-Баары V–IV вв. до н. э. в Туве (см. анализ вопроса о датировке кургана 12 данного могильника выше, в рамках типологии и хронологии Братишевско-гуляйгородского типа).

второй четв. VII — начала VI в. до н. э., ограниченный территориями Северного Кавказа и Среднего Поднепровья — зонами генезиса скифской культуры. Возможно, основой для его возникновения (помимо складывавшейся местной традиции наверший с бубенцами, преимущественно несущих образ грифона) были вышеуказанные схемы птичьей головы предскифской эпохи Северного Причерноморья и Предкавказья. Опять-таки сочетание местного среднеднепровского образа «уточки» с пришедшей с Северного Кавказа идеей навершия (где эта идея, в свою очередь, появилась вследствие переднеазиатско-ионийских влияний) в виде головы и шеи, переходящих в бубенец («грудь» животного), привело к появлению редкого изображения, формирующего тип 15 Поповка, VII–VI вв. до н. э. Среднеднепровский тип 10 «Поповка — Аксютинцы», третьей четв. VII — сер. VI в. до н. э. имеет полицентричные корни, поскольку сочетает мотив «киммерийской розетки», хорошо известный здесь с переходного (от предскифской к скифской эпохе) «жаботинского времени» с переднеазитско-кавказскими антитетическими и свастическими композиционными схемами и с явно местным образом хищной птицы, находящейся на грани с образом копытного (лошади?).

Вероятно, сочетание мотива языкатого грифона, оформляющего навершия с бубенцом, с келермеско-гуляйгородской композиционной схемой головы птицы, продолжающей линию мощной шеи и наделеной закрученным клювом, продуцировало тип 9 Роменско-верхнекобанский, рубежа VII–VI в. до н. э. — тип недолговременный и (за одним исключением) связанный с единой категорией вещей — бутеролями ножен мечей.

К выработанной в рамках Келермесско-гуляйгородского типа композиционной схеме, очевидно, восходит, как ее примитивный вариант, тип 27 Журовско-бельский, конца VII — первой пол. V в. до н. э., ограниченный категориально (рукояти железных ножей) и пространственно (Среднее Поднепровье).

Наконец, еще один тип эпохи архаики, ограниченный территориями Среднего Поднепровья, Подонцовья и Центрального Предкавказья, — тип 16 Жаботинско-Герасимовский, сер. VII — сер. VI в. до н. э., — очевидно, возник самостоятельно на базе местных традиций полнофигурных геометричных и лаконичных изображений птицы с удлиненным, сильно загнутым клювом и выступающим над надклювьем глазом, прежде всего таких, как иконография типа I-I-1 Жаботинский, сер. — второй пол. VII в. до н. э.

Однако основной массив оригинальных изображений птичьей головы в скифской культуре связан с типом птицы с волютовидным клювом, спиралевидно закрученным в один или полтора оборота, с упором кончиком клюва в подклювье и акцентированным кружком в середине завитка. Это тип 3 Ольвийско-завадский, беспрецедентно популярный в восточноевропейском скифском зверином стиле: к нему относятся как минимум 134 оригинальных изображений (не считая самые миниатюрные и наименее различимые элементы зооморфных превращений), т. е. больше одной четверти (27,5%) от общего массива изображений обособленной птичьей головы (причем в отношении периода «скифской классики» V–IV вв. до н. э. эта доля еще более значительна). Тип представлен во всех субрегионах скифской археологической культуры и на сопредельных территориях и функционирует в течение длительного времени — со второй четв. VI до конца IV в. до н. э. Изображения Ольвийско-завадского типа украшают почти все категории изделий, реализуются в самых различных материалах (кость, бронза, золото) и широко применяются также в качестве элементов зооморфных превращений частей тела других зооморфных образов. Эта иконография, несомненно, основана на традициях эпохи «скифской архаики», в первую очередь, очевидно, на иконографии хронологически стыкующихся с ним типов, в изображениях которых наблюдается закручивание клюва: это тип 1 Келермесско-гуляйгородский, сер. VII — третьей четв. VI в. до н. э., и тип 16 Жаботинско-Герасимовский, сер. VII — сер. VI в. до н. э. Очевидно, на этот субстрат, начиная со второй четв. VI в. до н. э. — времени начала активной греческой колонизации Северного Причерноморья — наслоилось влияние греческого мотива волюты, в результате чего возник необыкновенно популярный скифо-греческий мотив. Данный мотив распространился и за пределы скифской археологической культуры на соседние территории: близкие аналогии Ольвийско-завадскому типу, датируемые в рамках сер. VI — сер. V в. до н. э. мы находим в Нижнем Поволжье и в Румынии (см. выше характеристику Ольвийско-завадского типа).

Остальные типы птичьей головы, в том числе и насыщенные изображениями, более хронологически ограниченны и связаны с определенными категорями вещей, будь то навершия, ритуальные секиры, уздечные бляхи, бутероли и навершия мечей, колчанные/поясные крючки. При этом ряд из этих типов, вероятно, представляют собой локальные ответвления Ольвийско-завадского типа, возникшие позже начала функционирования последнего. Это в первую очередь относится к популярному, преимущественно прикубанскому, типу 26 Елизаветовско-елизаветинский, сер. V — начала III в. до н. э., возникшему, очевидно, в результате удлинения и сужения клюва птиц Ольвийско-завадского

типа (логичное развитие мотива волюты). Также это, возможно, поднепровско-среднедонской тип 22 Волковецко-елизаветовский, первой пол. V — начала III до н. э., демонстрирующий сходный, но менее сильно загнутый клюв, при том что антитетические головки птиц на обкладках чаш, входящие в этот тип, были, как уже говорилось, вероятными заимствованиями из «савроматского» искусства (см. выше, типология). Возможно, и тип 4 Ковалевско-басовский, конца VI — IV в. до н. э., синхронный Ольвийско-завадскому и ограниченный Поднепровьем и Побужьем, если не восходит к ольвийско-завадской схеме, будучи более натуралистичным в оформлении клюва (в этом отношении он скорее продолжает традицию, заложенную иконографией периода «архаики», в частности, типом 2 Келермесско-нартанский, второй трети VII — начала VI в. до н. э.), всё же демонстрирует связи с изображениями Ольвийско-завадского типа в трактовке косой акцентированной восковицы, иногда зарифленной.

Большинство остальных типов эпохи «скифской классики», скорее всего, возникали как сколок с полнофигурных изображений птиц (в первую очередь с типа I-II-1 Мельгуновско-солохский), так и в качестве развития иконографических тенденций «магистральных типов» эпохи архаики (типа 1 Келермесско-гуляйгородский и типа 2 Келермесско-нартанский) и «классики» (но берущих начало в конце «архаики» — это тип 3 Ольвийско-завадский и тип 4 Ковалевско-басовский). Сказанное относится к следующим типам: тип 8 «Ульские — Уллу», второй пол. VI — V в. до н. э., ограниченный пространственно (Северный Кавказ) и категориально (в основном оформляются окончания железных псалиев), сходный более всего с Келермесско-гуляйгородским типом; тип 13 Ольвийско-грищенецкий, конца VI — V в. до н. э. (сходный более всего с Ольвийско-завадским типом, но с «недокрученным» клювом); тип 14 Кужорско-мастюгинский, IV в. до н. э. (сходный и с Ольвийско-завадским, и с Ковалевско-басовским типами, но крайне упрощенный); тип 17 Майкопско-журовский, V в. до н. э. (также сходен с Ольвийско-завадским и с Ковалевско-басовским типами, а также с Келермесско-нартанским); тип 23 Роменско-малокатериновский, V — второй трети IV в. до н. э. (ближе Ковалевско-басовскому, но у отдельных изображений есть и признаки Ольвийско-завадского типа — волютовидный или круто закрученный клюв); тип 24 Нимфейско-песочинский, второй — третьей четв. V в. до н. э. (скорее, восходит к Ковалевско-басовскому типу). Наконец, тип 25 Ушаковско-белозерский, IV в. до н. э. демонстрирует сочетание схем Ольвийско-завадского и Ковалевско-басовского типов с греческим композиционно-декоративным контекстом (синтетическая композиция, розетки вместо глаз и пальметки между клювами, организующие все изображение в мотив «пальметки между волютами»).

Очевидно, напрямую к Келермесско-нартанскому типу восходит тип 18 Кичкасско-пастырский, первой пол. — сер. V в. до н. э., в основном украшающий бронзовые символические молоточки-клевцы/скипетры, т. е. вещи, по определению апеллирующие к прошлому. Опять же с амбивалентным Келермесско-нартанским типом (игра: клюв/коготь), видимо, связано появление многочисленных клювовидных/когтевидных объемных наверший рукоятей мечей типа 19 Журовско-уляпский, конца VI — V в. до н. э.: это 53 парных изображения, распространенных во всех крупных зонах скифской археологической культуры, исключая Нижнее Подонье. Уже из этого типа, в свою очередь, нужно выводить тип 20 Елизаветовско-солохский, конца V — IV в. до н. э., гораздо более локальный (Поднепровье и Нижнее Подонье) и малочисленный, скорее всего, представляющий явную геометризацию, «скелетизацию» и уплощение изображений Журовско-уляпского типа.

Исключений в этом отношении немного. Это, во-первых, тип 5 Мастюгинский, третьей четв. V — начала III в. до н. э., безусловным очагом формирования которого является Среднее Подонье, где был центр производства колчанных или поясных застежек, крюки которых оформляет подавляющее большинство изображений этого типа и где функционировал тип полнофигурных изображений птиц I-I-3 Мастюгинский, дериватом которого, как было показано выше (см. типология), являются головки типа 5 Мастюгинский. Во-вторых, это тип 11 Гуляйгородско-макеевский, второй пол. VI — первой пол. V в. до н. э., оформляющих окончания определенной категории изделий — кабаньих клыков или их бронзовых имитаций, либо псалиев, морфологически сходных с клыками. Эти клыки и изображения на них, как уже говорилось в отношении голов хищников на противоположных концах клыков, имеют своим истоком зону наибольшего распространения кабаньих клыков с зооморфными изображениями — «савроматский» вариант скифо-сибирского звериного стиля, и в первую очередь — Южное Приуралье (Королькова, 2006. С. 121; Яковенко, 1969. С. 201, 205 сл.; Яковенко, 1976, С. 130–133), откуда вместе с клыками и приходит мотив птичьей головы с предельно удлиненным узким клювом, вообще характерный для этой зоны. При этом в некоторых прикубанских и предкавказских изображениях Гуляйгородско-макеевского типа наблюдается тенденция укорачивания и расширения клюва — очевидно, под давлением местной традиции.

В-третьих, это тип 12 Семибратненско-ушаковский, третьей четв. V — первой пол. IV в. до н. э., образованный двумя изображениями, относительно натуралистичными и представляющими птицу отряда гусеобразных, возможно, из семейства утиных, что свидетельствует, очевидно, о греческом образно-стилистическом влиянии.

Каковы же истоки и причины широкой популярности мотива «закрученного клюва» в рамках ВСЗС, в особенности в период «скифской классики», к которому относится большинство изображений такого рода?

Е. Ф. Королькова в своей обобщающей монографии справедливо выделяет мотив птицы с закрученным клювом в особую иконографическую линию, обозначенную как «изображения стилизованных голов хищных птиц в искусстве скифо-сибирского мира» (Королькова, 2006. С. 55–56, 239. Табл. 21). Симптоматично, что в привлеченных исследовательницей примерах этой тенденции большинство изображений происходит из зоны восточноевропейского скифского звериного стиля (Королькова, 2006. Табл. 21: 1–15, 20) и относится в контексте разработанной нами классификации к типу 3 Ольвийско-завадский. Е. Ф. Королькова отмечает, что иная трактовка — «образы почеркнуто длинноклювых птиц», напротив, характерна для Южного Приуралья, Казахстана, Алтая, Южной Сибири и Северного Китая, при этом данные мотивы «практически отсутствуют в искусстве звериного стиля на других территориях» (Королькова, 2006. С. 61. Табл. 23).

На наш взгляд, традиция «закрученного клюва» в скифо-сибирском зверином стиле в целом не может быть связана с единым истоком.

С одной стороны, мы видели явное преобладание данного мотива в рамках восточноевропейского скифского звериного стиля и его присутствие на сопредельных территориях со скифской археологической культурой под влиянием импульсов из ее зоны. Далее на восток в скифо-сибирском мире в Южном Приуралье и в культурах сако-массагетского круга этот мотив встречается реже, здесь господствуют образы птиц с загнутым клювом.

С другой стороны, мотив «закрученного клюва» весьма популярен в пазырыкской культуре, он присутствует также в тагарской и уюкской культурах (см. Канторович, 2021. Рис. 8); очевидно, что в Южной Сибири данный мотив не мог появиться под опосредованным и, тем более, непосредственным влиянием из зоны восточноевропейского скифского звериного стиля; но вряд ли был возможен и обратный вектор влияния, учитывая малочисленность такого рода изображений в регионах между южносибирскими культурами скифо-сибирской общности и скифской археологической культурой.

Представляется, что обе иконографических линии в изображении птиц в восточноевропейском скифском зверином стиле — как с загнутым, так и с закрученным клювом, — уходят корнями в предскифское искусство Северного Кавказа. Именно в этом регионе скифскому мотиву обособленной головы хищной птицы иконографически предшествуют: во-первых, птицеголовые скипетры и их изображения на стелах (Фарс, погр. 35; станица Абадзехская; могильник на Кисловодской мебельной фабрике; музей станицы Гиагинской; аул Тауйхабль; 1-й Султангорский могильник; Кубанский могильник; Зандак; Зубовская; Усть-Лабинская; Дыш) (Эрлих, 2004б. Рис. на с. 108; Маслов, Гей, Андреева, 2020. Рис. 8, 10: 1–7); во-вторых, протомеотские псалии «сиалковского варианта» с завершениями в виде птичьей головы (Кубанский могильник, погр. 39) (Анфимов, 1975. Рис. 3: 6). От этих изделий, в первую очередь от скипетров типа Фарс, как уже указывал В. Р. Эрлих (Эрлих, 1990. С. 249, 250), линия развития мотива птичьей головы может быть проведена к упомянутым нами выше древнейшим на Северном Кавказе скифским и скифомеотским амбивалентным изображениям птичьих голов/когтей Келермесско-нартанского типа.

И далее тема птичьей головы, как мы видели, присутствует в рамках восточноевропейского скифского звериного стиля не позднее чем со второй четверти VII в. до н. э. — на вышеописанных уздечных бляхах, распределителях, псалиях (Красное Знамя, курган 1, Южная гробница, курган 6; Келермес, курганы 2–4/Ш, курган 1/В, наборы коней 19 и 20, курган 24/1983 г.; Братишев, курган 1; Жаботин, курган 2) и навершиях (Галанина, 1997. Кат. 218); не позднее чем с середины VII в. до н. э. — также на ряде других предметов: на костяных булавках, ложечках, зеркале из Герасимовки (курган 2), на боковой лопасти ножен меча из Келермесского кургана 1/Ш (изображения вышеупомянутого Жаботинско-герасимовского типа); не позднее чем с рубежа VII–VI вв. до н. э. — на бутеролях мечей (Репяховатая могила, погр. 2) и т. д. Именно в этих рамках, на собственной основе, видимо, появляется тема закрученного клюва, о чем свидетельствуют такие архаические типы, как Келермесско-гуляйгородский и Братишевско-гуляйгородский (сер. VII — третья четв. VI в. до н. э.), а также ряд изображений Краснознаменского, Новозаведенско-ульского, Жаботинско-герасимовского, Роменско-верхнекобанского типов, а также трактовки бараноптицы. Кроме того, мотив закрученного клюва фигурирует и в ранних изображениях, так или иначе связанных с передневосточными и передневосточно-греческими контактами скифов в VII в. до н. э.: см. соответственно птичьи головки на диадеме из Зивие (Луконин, 1977. Табл. 27)

и летящую птицу на Келермесском зеркале (Галанина 1997. Кат. 52. Табл. 1)[1].

Эти иконографические «наработки» эпохи «скифской архаики», очевидно, составили основу для формирования иконографии магистрального Ольвийско-завадского типа, относящегося преимущественно к V–IV вв. до н. э., но сформировавшемуся еще во второй четверти — середине VI в. до н. э. Вероятно, мотив закрученного клюва — субстрат периода «скифской архаики» — вошел в своеобразный «резонанс» с мотивом волюты, одной из ключевых тем древнегреческой орнаментики, пришедшей в Скифию в процессе греческой колонизации Северного Причерноморья — см., например, мраморные архитектурные детали из Ольвии и Пантикапея VI в. до н. э. (Античные государства, 1984. Табл. XCI: 1, 3). Активная фаза колонизации падает на первую половину VI в. до н. э., т. е. как раз на время начала формирования иконографии Ольвийско-завадского типа. Соответственно, влияние греческой волюты проявляется уже в ранних изображениях вышеописанного Ольвийско-завадского типа, например, в таких как головки на «ольвийских бляхах» и на роменском гребне. В дальнейшем, в V–IV вв. до н. э. это влияние только усиливалось (см. подробнее: Канторович, 1997), в результате чего и возник необыкновенно популярный скифо-греческий мотив волютообразного клюва, причем волюту порой дополняла пальметка, как и в греческой орнаментике (1-я Завадская могила, чаша III).

И уже из зоны восточноевропейского скифского звериного стиля данный мотив, как мы видели, стал распространяться на соседние территории: близкие аналогии Ольвийско-завадскому типу мы находим, с одной стороны, в Нижнем Поволжье и Южном Приуралье, с другой стороны — на территории Румынии, Венгрии и Словакии.

* * *

Популярны и **ногрудные изображения хищных птиц** (по сути — усеченные протомы). Однако эти изображения, будучи достаточно многочисленными (93 изображения), более стандартизированы, нежели птичьи головы и соответственно образуют всего 4 типа. Это объясняется их категориальной и хронологической ограниченностью: все они (за одним исключением) оформляют конские налобники/наносники и подвески, датируемые в общих пределах середины V — первой половины III в. до н. э. Они часто сочетаются в уздечном комплекте с нащечниками в виде обособленных конечностей хищника (см. выше), что как уже отмечалось, позволяет допустить, что в совокупности эти элементы, как ранее предполагал М. И. Артамонов, образуют «рассредоточенную» по конскому оголовью протому грифона.

Редуцированные протомы равномерно распределяются между тремя основными типами, в совокупности объединяющими 86 изображений из 93. Тип 1 Гайдамановско-пастырский, сер. V — IV в. до н. э. скорее всего, возник как редуцирование полнофигурных изображений птиц — в первую очередь типа I-II-1 Мельгуновско-солохский, о чем говорит сходство в трактовке головы. Очевидно, и композиционно, и стилистически (но не семантически) производными от Гайдамановско-пастырского типа надо считать изображения ушастой птицы типа 3 Гайдамановско-солохский, конца V — IV в. до н. э.

Тип 2 Цимбальско-будковский, сер. V — IV в. до н. э., можно расценивать как дальнейшую стилизацию синхронного ему Гайдамановско-пастырского типа (с удлинением клюва и изменением позиции головы относительно шеи), но возможно связывать его истоки и со сходными по форме изображениями птичьей головы архаизирующего типа — типа 18 Кичкасско-пастырского, первой пол. — начала третьей четв. V в. до н. э.

Более сложным представляется происхождение ограниченного хронологически и количественно (7 изображений) типа 4 Дуровско-карагодеуашхский, сер. IV — первой пол. III в. до н. э. В целом, как уже отмечалось выше в ходе типологии, этот вопрос является частью проблемы происхождения наносников/налобников с петлей/крючком, как зооморфных, так и лишенных зооморфности. В уздечных наборах эпохи скифской архаики Северного Причерноморья они неизвестны. Самый ранний из среднедонских налобников, датируемый V в. до н. э., происходит из кургана Мастюгино 29/22, разрушенного крестьянами в начале XX в., затем исследованного А. А. Спицыным и полностью раскопанного в 1960 г. П. Д. Либеровым. Комплекс был датирован П. Д. Либеровым по античной бронзовой гидрии V в. до н. э., при том что В. Д. Блаватский считал возможным датировать происходящую из того же комплекса чернолаковую чашу шире — в пределах V–IV вв. до н. э. (Пузикова, 2001, с. 61). Между тем морфологически мастюгинский

[1] М. Ю. Вахтина возводит птицу на Келермесском зеркале сюжетно-семантически (но не стилистически) изначально к микенским образам, выстраивая линию: «женское божество + кошачьи хищники + грифоны + хищные птицы ...» (Вахтина, 2000. С. 68). В. А. Кисель объясняет ее происхождение «заимствованием из восточного художественного наследия», констатируя при этом, что птица «не имеет точных аналогий ни в греческом, ни в ближневосточном, ни в скифском искусстве» (Кисель, 2003. С. 96). Отметим всё же определенное композиционно-стилистическое сходство птицы на Келермесском зеркале с «Мельгуновским орлом», который, как мы видели, выполнен вполне в канонах скифского звериного стиля.

налобник вполне соответствует типу среднедонских налобников IV в. до н. э. Таким образом, либо его более ранняя датировка сомнительна, либо же он остается единственным столь ранним среднедонским налобником данного типа.

Наша реконструкция генезиса наносников/налобников с петлей/крючком представлена на **рис. 12 Приложения 5**. Думается, что, наряду с упомянутой нами выше (в ходе типологии изображений типа 4 Дуровско-карагодеуашхский) версией Е. Е. Фиалко об изначальных истоках среднедонских наносников/налобников с петлей в результате вторичного использования бронзовых псалиев с шишечкой на конце, имеется не меньше оснований допускать их появление в результате распространения в эту зону морфологически близких наносников/налобников из ареала «савроматской» культуры, встречаемых вплоть до р. Илек (Сынтас I, курган 1, погр. 2). Это наносники/налобники с крючком/петлей и сходные с ними (в основном железные, налобник из Сынтаса — бронзовый) конца VI — IV в. до н. э.[1] (сводку данных изображений см. в: Канторович, 2007в. Рис. 5). Некоторые из этих налобников синхронны скифским, но есть и такие, которые происходят из более ранних комплексов, нежели среднедонские, нижнеднепровские, крымские и прикубанские. Так, упомянутый сынтасский комплекс М. К. Кадырбаев и Ж. К. Курманкулов датируют концом VI — V в. до н. э. (они характеризуют предполагаемый наносник/налобник как «фигурную бронзовую пронизку от уздечного набора в форме миниатюрного топорика с барельефным навершием, оформленным в виде головы грифона» (Кадырбаев, Курманкулов, 1976. С. 141, 155, 156. Рис. 3: 2). Комплекс Мечет-сай, курган 2 К. Ф. Смирнов датировал концом VI — началом V в. до н. э. (Смирнов, 1961. С. 96. Рис. 56: 7; Смирнов, 1964. С. 50. Рис. 21: 1к). Ак-Булакский курган у хут. Веселого К. Ф. Смирнов по набору бронзовых наконечников стрел и железных кинжалов датирует концом V — началом IV в. до н. э. (Смирнов, 1961. С. 97. Рис. 58: 13, 14).

В свою очередь, как среднедонские, так и «савроматские» наносники/налобники могут рассматриваться как схематизация профильного силуэта повернувшей голову назад птицы со сложенными крыльями (**Приложение 5, рис. 12**). Эта схема более известна в савромато-сако-сибирских локальных вариантах скифского звериного стиля и в сопредельных зонах (Чиликтинские курганы, курган 5 (Черников, 1965. Табл. XIII, XIV), тагарская культура (см, например: Завитухина, 1983. С. 19. Кат. 222–226), тасмолинская культура (Кадырбаев, 1966. Рис. 66: 48), ананьинская культура (Збруева, 1952. Табл. XXVI, 3. С. 140) и др.), в том числе в качестве оформления конских налобников (Уйгарак, курган 39, Хошеутово, Пятимары, курган 8, Ак-Алаха-1, курган 1, Ак-Алаха-3, курган 1). Во всяком случае, налобники из Хошеутова и Пятимар, курган 8 (**рис. 12: 2, 3**) датируются никак не позднее второй половины V в. до н. э., а наиболее ранние плоскостные налобники с изображениями обернувшейся птицы — не позднее VI в. до н. э.: это Уйгарак, курган 39 (**рис. 12: 1**), т. е. один из самых ранних комплексов данного могильника, датируемый VII–VI вв. до н. э. (Вишневская, 1973. С. 121–122). Поэтому не следует исключать влияния этого более раннего образа на формирование параметров изучаемых налобников.

Показательно, что многие поволжско-приуральские налобники зооморфны. О сынтасском налобнике уже было сказано. Не вызывает сомнений и зооморфность Ак-Булакского налобника (К. Ф. Смирнов, впрочем, считает такие изделия в зоне «савроматской» культуры уздечными подвесками — Смирнов, 1961. С. 97), а именно трансформированность основной его части в голову хищной птицы (Смирнов, 1961. С. 97. Рис. 58: 14). Симптоматично также, что К. Ф. Смирнов допускал, что найденный в кургане 2 Мечетсая сильно корродированный налобник/наносник был украшен зооморфным изображением (Смирнов, 1961. С. 96. Рис. 56: 7; Смирнов, 1964. С. 50. Рис. 21: 1к).

Вместе с тем, очевидно сходство исследуемых скифских и «савроматских» налобников с крючком (в трактовке верхней петли или крючка, а в отдельных случаях и всего предмета) с разнообразными зооморфными налобниками V–IV вв. до н. э. с территории степной и лесостепной Скифии, а также из Прикубанья: наиболее ранними из них являются налобники V в. до н. э. в виде протомы крайне упрощенного орлиноголового грифона из Грушевки (курган 383) и Аксютинцев (курган 2) в лесостепном Поднепровье (выделены нами в тип 2 протом грифона Корнеевско-будковский). Встречаются здесь в V в. до н. э. и асимметрично-ромбические налобники, близкие целому ряду среднедонских налобников с крючком, но с ременной петлей на обороте (Петренко, 1967. С. 39. Табл. 28, 9–11).

Во всяком случае, представляется, что морфологические истоки данных налобников следует связывать с упрощением определенного зооморфного

---

[1] Переволочаны, курган 10, погр. 2 (Očir-Gorjaeva, 2005. Abb. 94, 2), Сынтас-I, курган 1, погр. 1 (Кадырбаев, Курманкулов, 1976. Рис. 3, 2; Королькова, 2006. С. 191. Табл. 22, 17), Переволочаны, курган 10, набор 1 (Očir-Gorjaeva, 2005. Abb. 75, 1), Большой Климовский курган (Očir-Gorjaeva, 2005. Abb. 80, 1), Мечетсай, курган 2, погр. 2 (Očir-Gorjaeva, 2005. Abb. 89, 7), Переволочаны, курган 10, набор 2 (Očir-Gorjaeva, 2005. Abb. 76, 1), Акбулак, курган у хут. Веселого (Смирнов, 1961. С. 97. Рис. 58: 13, 14).

мотива. При этом ситуация осложняется тем, что уже после того, как эти зооморфные черты были фактически утрачены, налобники/наносники данной схемы, сохранившие соответствующий морфологический модуль, могли испытать «вторичную зооморфизацию» (**Приложение 5, рис. 13**). Имеется в виду зооморфизация верхней части среднедонских наносников/налобников, которая могла происходить по влинием рассмотренного выше образа «оленекозла» IV в. до н. э. С. В. Полин уже обращал внимание на то, что налобники Прикубанья на фоне остального массива рассматриваемых им налобников имеют характерную особенность — зооморфное оформление крючка (Полин, 1992. С. 64–65). Именно на зооморфизацию верхней части налобника мог повлиять образ «оленекозла», в виде обособленной головы которого в Прикубанье в IV в. до н. э. моделируются преимущественно бронзовые наносники. Вероятно, именно прикубанские и нижнедонские налобники с головой «оленекозла» и их производные послужили образцом для композиционного подражания (с частичной или полной утратой зооморфности) на Среднем Дону. Морда «оленекозла» при этом фактически исчезла (вместо нее осталась лопасть), а голова грифона — трансформация рога — превратилась в птичью голову.

* * *

Изображения **обособленных конечностей птицы** относительно немногочисленны (3 типа, 23 оригинальных изображения), если не считать таковыми: вышеописанные амбивалентные клювы/когти, оформляющее преимущественно навершия мечей; обособленные лапы хищников типа 7 «Нимфей — Завадская могила», очень сходные с птичьими; практически десемантизированные оформления щитков псалиев, несущие изображения оленьих рогов и/или голов хищников и грифонов (эти изображения уже учтены нами как обособленные рога оленя типа 1 Семибратненско-елизаветинский).

Изображения обособленных конечностей птицы представлены как в виде лапы, так и в виде отдельных когтей. Очевидно, схема лапы, сформированной из двух симметричных преувеличенных когтей (тип 2 Перещепинско-майкопский, V в. до н. э.) задана еще в полнофигурных изображениях типа I-II-1 Мельгуновско-солохский и, как следствие, в изображениях типа II-I-2 Завадско-елизаветовский, откуда и приходит этот мотив. Схема, фиксирующая три соразмерных когтя, два из которых противонаправлены третьему (тип 1 Берестняги — Олефирщина, второй пол. V — третьей четв. IV в. до н. э.), соответствует схемам конечностей хищников, составляющих ряд изображений типа 7 «Нимфей — Завадская могила» второй четв. — второй пол. V в. до н. э. и, видимо, производна от них. Что же касается типа 3 Журовско-елизаветовский, V в. до н. э., здесь мы имеем дело, очевидно, с местной традицией гиперболизации когтей птицы, возможно, навеянной изображениями парных голов/когтей на навершиях мечей типа 19 Журовско-уляпский, конца VI — V в. до н. э.

2.4. Вероятные истоки, хронологическая и пространственная динамика синкретических образов

2.4.1. Основные статистические показатели

Как показал статистический анализ, образы различных синкретических существ в совокупности составляют заметный сегмент восточноевропейского скифского звериного стиля: 9,3% от общего количества оригинальных зооморфных изображений, в абсолютном исчислении — 237 изображений, образующих 46 типов (**Приложение 5, табл. 2**).

Как мы видим из **табл. 2**, синкретические образы в восточноевропейском скифском зверином стиле достаточно разноплановы, но абсолютно преобладают два мотива, изображения в рамках которых составляют в сумме более двух третей массива синкретических изображений: это, во-первых, грифоны (преимущественно ранне- и позднегреческого типа), включая крылатых львов (112 единиц, т. е. 47,3% от всех изображений синкретических животных), и, во-вторых, бараноптицы/грифобараны (51 единица, 21,5% от всех изображений синкретических животных). Также относительно популярен, но только в эпоху «скифской классики», в основном в IV в. до н. э., мотив грифоно-гиппокампа и его дериваты (в совокупности 31 единица, 13,1% от всех изображений синкретических животных). Остальные образы являются в основном пограничными с вышеуказанными и с другими мегаобразами и соответственно менее распространены (**Приложение 5, табл. 2**).

На фоне остальных мегаобразов заметна не только семантическая разноплановость (уступающая лишь вариабельности копытных) но и стилистическая эклектичность синкретических мотивов, в связи с которыми мы наблюдаем наибольшее количество морфологических типов в отношении к количеству оригинальных изображений (в среднем на 1 тип приходится 5,15 изображения). Образ грифона не имеет себе равных и с точки зрения упомянутой стилистической эклектичности: 112 оригинальных изображений грифона, в том числе 67 полнофигурных и 45 редуцированных (головы, протомы), в совокупности формируют 33 типа, т. е. на 1 тип приходится в среднем 3,4 изображения (**Приложение 5, табл. 2**). Этот статистический показатель отражает отсутствие устойчивых господствующих тенденций в разработке

образа грифона, — вероятно, поскольку этот образ в своей основе являлся внешним для скифской художественной системы.

2.4.2. Образы синкретических существ в эпоху «скифской архаики» VII–VI вв. до н. э.

Тема грифона, как мы видели, возникает в восточноевропейском скифском зверином стиле первоначально как трансляция канона **раннегреческого (ионийского) грифона**. Этот канон реализуется начиная с середины VII в. до н. э. — в рамках мотива погрудного изображения на бронзовых навершиях из Ставрополья и Прикубанья (тип 1 Новозаведенско-келермесский, второй пол. VII в. до н. э.). Практически тогда же в Среднем Поднепровье появляется и полнофигурное воплощение данного грифона (на золотых бляшках — тип III-I-1 Перепятихинский, второй пол. VII в. до н. э.), фактически не нашедшее никакого продолжения в скифском искусстве.

В поисках истоков мотива грифона в скифо-сибирском зверином стиле следует учитывать как более ранние иконографические корни, так и природные прототипы. Что касается последних, в первую очередь таким прототипом мог служить черный гриф, *Aegypius monachus* (**Приложение 5, рис. 15: 1**), обитающий в предгорьях и горах Центральной Азии, Средней Азии, Кавказа, Крыма и Северной Африки. Он наделен хохолком из перьев и воротником — «на нижней части шеи ожерелье из длинных заостренных перьев» (Жизнь животных. 1970. С. 182). Наряду с длинным клювом, круто загнутым на самом конце, эти анатомические детали черного грифа могли стать источником формирования соответственно гребня и мощной складки на шее как грифона раннегреческого типа (**Приложение 5, рис. 16: 4, 5**), так и особого образа грифа-птицы (в полнофигурном и редуцированном воплощении) — см., например, полнофигурное изображение на деревянной уздечной налобной бляхе из 1-го Туэктинского кургана (**Приложение 5, рис. 15: 2**) (Руденко, 1960. С. 285. Рис. 146н, табл. CI). Однако образ птицы-грифа в скифо-сибирском зверином стиле возник не сразу и известен в основном в его пазырыкском варианте (что вполне закономерно, поскольку в ареал черного грифа входит и Восточный Алтай) (Руденко, 1960. С. 285–293; Кубарев, Черемисин, 1984. Рис. 3). В. Д. Кубарев и Д. В. Черемисин, тщательно проанализировавшие образ птицы-грифа, обосновали его семантическое сходство с образом птицеголового грифона (в силу существования представлений о грифе-падальщике как посреднике между миром живых и миром мертвых), в противовес образу орла; вместе с тем данные исследователи указали на иконографическую специфичность образа грифа на фоне иконографии грифона и, особенно, орла в скифо-сибирском зверином стиле (Кубарев, Черемисин, 1984. С. 92–95).

Действительно, образу орла в скифском и переднеазиатском искусстве находятся свои природные прототипы. Ими могли быть особи рода типичных орлов (*Aquila*) — беркуты (*Aquila chrysaetus* — Полосьмак, 1994. С. 8), степные орлы (*Aquila rapax*) и т. д. — в рамках того же семейства ястребиных, к которому относятся и настоящие грифы (Жизнь животных, 1970. С. 173–177. Рис. 86, 87. Табл. 20). Наконец, отправной точкой могли послужить и другие ястребиные. Эти природные особи наряду с черным грифом могли также послужить прототипами для иконографии птицеголовых монстров, в том числе грифонов (**Приложение 5, рис. 16**).

Что же касается иконографических корней грифона-птицезверя, таковые совершенно отсутствуют в предскифском горизонте древностей степей Евразии конца II — начала I тыс. до н. э. Поскольку наиболее ранние случаи отображения грифона-птицезверя в скифо-сибирском зверином стиле известны в его восточноевропейских локальных вариантах, в памятниках VII в. до н. э., данная тема могла возникнуть здесь только под переднеазиатским и греко-ионийским влиянием, а в конечном счете — на базе долговременной переднеазиатской традиции образов монстров, сочетающих черты кошачьего хищника и птицы, — традиции, гораздо более ранней, чем греческая, и, как считает большинство исследователей, первичной по отношению к ней.

Действительно, синкретическое существо с птичьими компонентами (головой, крыльями и передними ногами) в сочетании с львиными компонентами (ухом, туловищем, задними ногами, гривой и хвостом) известно еще на печатях из Суз, синхронных урукской эпохе IV тыс. до н. э. (**Приложение 5, рис. 17: 1**) (Frankfort, 1939. P. 25–26.Fig. 7). В III тыс. до н. э. на шумерских вазах известны изображения стоящего на задних ногах крылатого зверя со змеиной головой, телом хищника, кошачьими передними лапами и птичьими задними лапами, наделенного спиральными локонами, ниспадающими с головы вдоль шеи, — признак, столь характерный впоследствии для критомикенских, хеттских и раннегреческих грифонов (Poulsen, 1912. S. 48, abb. 38). Сходно, но с птичьей головой, звериными ушами и гребнем вдоль шеи вместо локона трактован монстр, поглощающий человека на месопотамских печатях эпохи I династии Вавилона 2000–1900 гг. до н. э. (**рис. 17: 2**) (Frankfort, 1939. P. 160. Pl. XXVII, g). Более близкий раннегреческому грифону крылатый лев с головой птицы, с хохолком, с локонами присутствует, например, на

ассирийских печатях XIII–X вв. до н. э. — в сцене, где пару таких перевернутых монстров держит за заднюю ногу герой (**Приложение 5, рис. 17: 3**) (Frankfort, 1939. P. 160. Pl. XXXII, b). В тот же период на печатях появляется антропозооморфное существо с абсолютно птичьей головой, хохолком, крыльями и туловищем человека («грифоноголовый демон», по Г.Франкфорту), движущееся к священному дереву или к царю (**рис. 17: 4**) (Frankfort, 193. P. 160. Pl. XXXII, g). Позднее тот же персонаж в различных модификациях присутствует в монументальном искусстве — как в новоассирийском стиле (например, гений с шишкой или губкой и ведром у священного дерева на алебастровых рельефах дворца Ашшурнацирпала II в Кальху (883–859 гг. до н. э.) (**рис. 17: 5**) (Ancient Near Eastern Art, 1984, inside cover), так и в неохеттском стиле (например, рельеф из Каркемыша второй половины VIII в. до н. э.) (**Приложение 5, рис. 18: 5**) (Akurgal, 1962. Fig. 127), а также в урартском искусстве (например, костяное украшение трона из Топрак-кале VIII–VII вв. до н. э.) (**рис. 18: 7**) (Пиотровский, 1959. Табл. L; Frankel, 1979. P. 25, fig. 22).

Крылатого льва с высунутым языком, иногда — с клювовидной верхней челюстью, с острым длинным ухом мы встречаем на печатях «среднеассирийского стиля» 1400–1100 гг. до н. э. Этот образ фиксируется и в X в. до н. э. (**Приложение 5, рис. 17: 6**) (Frankfort, 1939. P. 186. Fig. 56, 59; Pl. XXXII, f; Tabl. II), причем на тех же печатях есть и изображение существа с такой же головой, ушами, шеей и крыльями, но с телом человека (**рис. 17: 7**) (Frankfort, 1939. P. 187. Fig.59).

Крылатый лев с торчащим острым ухом присутствует и на ассирийских печатях более позднего времени — IX–VIII вв. до н. э. (объект царской охоты) (**рис. 17: 8**) (Frankfort, 1939. Pl. XXXIV, a), а также в верхнем ярусе золотой пекторали VIII–VII вв. до н. э. из Зивие (**рис. 17: 9**) (Ghirshman, 1964. Abb. 137). Тогда же и в монументальном, и в декоративно-прикладном искусстве распространяются изображения орлиноголовых грифонов с высоким гребнем из последовательных завитков, завершающимся завитком на лбу, с локонами вдоль шеи (по Н. Н. Погребовой — тип «ориентализирующего грифона»). В частности, он представлен на золотом сосуде из Марлика IX–VIII вв. до н. э. (**рис. 17: 10**) (Negahban. Fig. 2) и в нижнем ярусе вышеупомянутой пекторали из Саккыззского клада (конец VIII — VII вв. до н. э.) — позади крылатого антропоморфного существа и впереди крылатого монстра с львиным телом и бараньей головой (**рис. 17: 11**) (Vanden Berghe, 1966. Pl. 140e; Porada, 1963. P. 121). Данная иконографическая традиция продолжается и позднее: так, орлиноголовый грифон с хохолком и чешуйчатым туловищем присутствует на печатях Нововавилонского царства первой половины VI в. до н. э. (**рис. 17: 12**) (Frankfort, 1939. Pl. XXXVI, f).

Промежуточным звеном в переходе от передневосточных грифонов и иных орлино- и грифоголовых монстров к грифону «раннегреческого типа», как справедливо отметил В. А. Кисель, скорее всего, были изображения VIII — начала VII вв. до н. э. — ассирийские (крепость Салманасара III, Сакче-Гезю), сиро-финикийские и, как нам представляется, урартские (см. вышепомянутое изображение из Топрак-кале — **Приложение 5, рис. 18: 7**) и неохеттско-фригийские (см, например, ортостат из окрестностей Анкары VII в. до н. э. (**рис. 18: 6**) (The Museum, 1983. P. 186. Fig. 307), фиксирующие этих существ с такими чертами, характерными впоследствии для греко-ионийских грифонов, как «широко распахнутый клюв, резко выгнутый вверх язык, спускающиеся от ушей “бакенбарды” (природным прототипом этих “бакенбард” мог быть, вероятно, вышеупомянутый “воротник” на шее птицы-грифа. — *А. К.*) и заостренные поднимающиеся над головой уши» (Кисель, 2003. С. 53–54). К сказанному В. А. Киселем следует лишь добавить, что эти черты, как было видно, присутствуют порознь и в более ранних переднеазиатских изображениях, но в единстве они впервые встречаются именно в указанных памятниках, непосредственно предшествующих времени формирования типа раннегреческого грифона.

Вероятно, на той же основе возник и важнейший диагностический признак раннегреческих грифонов — шишковидный выступ-рог на темени. По сути, это гипертрофированный рудимент высокого завитка волос на темени, переходящего в хохолок и затем в локон на шее грифонов и антропозооморфных персонажей в хеттском, фригийском и урартском искусстве (**рис. 18: 5–7**) (характерно, что у многих грифонов раннегреческого типа эти локоны сохранились: **рис. 18: 2, 3; рис. 20: 5–7**). В свою очередь, данный завиток на темени — следствие преувеличения вышеупомянутого переднего надлобного завитка гребня или хохолка грифонов и грифоноподобных антропозооморфных существ в ассирийской и иных традициях ближневосточного искусства (**рис. 17: 5–7; рис. 18: 5, 8**).

Таким образом, всевозможные сочетания признаков хищной птицы и льва в синкретических переднеазиатских образах могли стать в VII вв. до н. э. — в период скифских походов в Закавказье и Переднюю Азию, в период первых контактов с греко-ионийским миром и появления здесь кочевнических погребений типа Норшун-тепе и Имирлера — благодатной основой для заимствования в скифском искусстве (напрямую из переднеазиатских источников или при посредстве

греческой иконографии). Рассмотрим непосредственные результаты этих заимствований в соответствии с типологией, предложенной Н. Н. Погребовой.

Заимствование традиции напрямую из переднеазиатских источников представляется вероятным в отношении орлиноголовых антропозооморфных четвероногих и двуруких существ, стреляющих из луков на золотых обкладках ножен из Мельгуновского кургана (Граков, 1971. Табл. XXV) и курган 1/Ш Келермесской группы (Галанина, 1997. Табл. 9. Кат. 1) (**Приложение 5, рис. 19: 1, 2**). Именно их Н. Н. Погребова отнесла к типу «ориентализирующих, переднеазиатских грифонов» (Погребова, 1948. С. 62, 65–66). Эти фигуры монстров, как неоднократно отмечалось, выполнены в целом в ассиро-урартском духе (Придик, 1911. С. 14, 20; Пиотровский, 1954; Черненко, 1980. С. 15–17, 20–22; Кисель, 1998. С. 7, 8). Как и аналогичные монстры с львиными и человеческими головами на этих мечах, данные грифоны, вероятно, возникли вследствие синкретизации вышеописанных переднеазиатских птицеголовых грифонов с гребнем с такими образами ассирийских печатей IX–VIII вв. до н. э., как стреляющие из луков персонажи, имеющие выше пояса антропоморфный облик, ниже — туловище крылатого льва (**рис. 19: 4**) (Frankfort, 1939. Pl. XXXIV, d).

Вместе с тем исследователями неоднократно отмечалось такое отступление упомянутых мельгуновских и келермесских персонажей от ассиро-урартской художественной манеры, как их перегруженность фантастическими деталями (Пиотровский, 1959. С. 252; Кисель, 2003. С. 29). В частности, превращение крыльев данных монстров в рыб (Мельгунов) или рыб с головами кошачьих хищников (Келермес) находится в русле традиции зооморфных трансформаций, хотя и известной в ассирийском искусстве, но более характерной в Передней Азии для хеттского и луристанского стиля. К моменту создания келермесского и мельгуновского акинаков (вторая или третья четверть VII в. до н. э. — Кисель, 2003. С. 30) этот прием мог быть усвоен уже формирующимся скифским стилем, в рамках которого он впоследствии станет необычайно популярным: см. одни из наиболее ранних случаев «превращений» из того же кургана 1/Ш Келермесской группы — Келермесская пантера, медведь на секире (Галанина, 1997. Табл. 3, №13; табл. 11. Кат. 6), из Темир-горы (Яковенко, 1976. С. 130. Рис. 1, 2), из 6-го Краснознаменского кургана (Петренко, 2006. Табл. 74, 178, 187) и др. (Канторович, 2002. С. 122. Рис. 1, 1–4). Неслучайно эти монстры соседствуют на келермесском и мельгуновском мечах с изображениями классического скифского типа (оленями на боковой лопасти и пантерами на ременной обкладке), — чувствуется стремление нескифского мастера учесть идейно-художественные запросы скифской среды. О том же говорит и отмеченная В. А. Киселем утрата некоторых элементов урартского стиля в изображениях монстров (Пиотровский, 1959. С. 252; Кисель, 2003. С. 29).

Вместе с тем характерно, что какие-либо иные **«ориентализирующие грифоны»**, помимо мельгуновско-келермесских, в собственно скифском искусстве неизвестны (Погребова, 1948. С. 62; Шкурко, 1982. С. 3). Вероятно, они не закрепились здесь в связи с их жесткой семантической сопряженностью с определенной мифологической традицией (о чем свидетельствует их усложненность), что не оставляло возможностей для новых интерпретаций в местном духе.

Полнофигурные отображения **грифона «раннегреческого тина»**, выполненные с элементами собственно скифского звериного стиля в эпоху скифской архаики крайне редки и известны пока лишь в одном оригинальном изображении, оформляющем золотые нашивные бляшки типа III-I-1 Перепятихинский, второй пол. VII в. до н. э. В разделе типологии уже были прослежены иконографические корни перепятихинских грифонов изображений, сформировавшихся на основе полнофигурных грифонов греческой архаики (не исключая и прямой преемственности изображений из Перепятихи по отношению к передневосточной традиции).

В остальном образ полнофигурного орлиноголового грифона «раннегреческого типа», хотя и присутствует на некоторых памятниках скифского круга, но, как правило, не несет в себе каких-либо черт собственно скифского звериного стиля. Именно таковы два изображения на серебряном с электровой обкладкой зеркале и еще два — на серебряном позолоченном ритоне из Келермесских курганов № 3/Ш, 4/Ш (Галанина, 1997. Табл. 1. Кат. 52; табл. 38, 39. Кат. 41) (**Приложение 5, рис. 20: 5–7**). Вместе с тем, по мнению ряда исследователей, некоторые отступления от канонов демонстрируют стремление создателей этих изображений учесть вкусы скифских заказчиков (Погребова, 1948; Кисель, 2003). Данные предметы импортные и изготовлены, скорее всего, в Малой Азии, в грекоионийской и лидийской среде; нельзя исключать, хотя это гораздо менее вероятно, их производство где-то в другом месте по заказу скифского вождя, но опять же малоазийскими мастерами (Кисель, 2003. С. 52–56, 85–99).

В редуцированном виде **грифон «раннегреческого тина»**, интегрированный в скифскую изобразительную систему, представлен протомами на бронзовых навершиях типа 1 Новозаведенско-

келермесский, второй пол. VII в. до н. э.[1] При этом если для полнофигурных трактовок грифона раннегреческого типа в скифском искусстве следует допускать как заимствования из греческого искусства, так и напрямую из переднеазиатских первообразов, то в отношении воспроизведения грифона данного типа в раннескифской культуре в редуцированном виде в качестве непосредственного источника надо отдавать однозначное предпочтение древнегреческому искусству.

Действительно, в отношении головы и шеи орлиноголового грифона на ритуальных бронзовых навершиях можно говорить о наличии определенных элементов скифской стилистики, что проявляется в лаконизме, геометричности и некоторой упрощенности анатомических элементов, а в некоторых случаях — в моделировании изображения сходящимимся плоскостями. О симбиозе греческой и скифской традиций говорит уже само оформление изделий скифского ритуала — наверший-бубенцов, несвойственных греческой культуре того времени, — в виде грифона раннегреческого типа. Не находится прецедентов этому сочетанию и в переднеазиатском искусстве, несмотря на широкую распространенность в Иране, Закавказье и Малой Азии еще с эпохи бронзы зооморфно украшенных бубенцов и наверший-штандартов (см. Погребова, 1984. С. 107–131). Вероятно, этот симбиоз имел место во время переднеазиатских скифских походов, в результате чего и возникли такие достаточно редкие произведения, как бронзовые навершия типа 1 Новозаведенско-келермесский. Несомненно, главный источник изображений данного типа — многочисленные протомы грифона со стержневидным и шишковидным выступом на темени на бронзовых атташах греческих бронзовых котлов VII в. до н. э.. Особенно близки скифским изображениям атташи из Милета первой четв. VII в. до н. э. (The Anatolian civilizations, 1983. Fig. 95), с о. Родос (?) сер. VII в. до н. э. (**Приложение 5, рис. 21: 1**) (Jantzen, 1955. Taf. 33, № 88), из Олимпии третьей четверти VII в. до н. э. (**рис. 21: 2, 3**) (Jantzen, 1955. Taf. 18, № 49; taf. 25, №71; Mertens, 1985. Fig. 9. P. 21) и с о. Самос конца VII в. до н. э. (Jantzen, 1955. Taf. 34–36, № 89–103). Последняя аналогия показательна и в свете вышеупомянутого свидетельства Геродота об отливке на Самосе котлов с грифоньими протомами (Hdt., IV, 152). Образцами для скифских наверший могли также послужить архаические греческие керамические сосуды в виде протомы грифона с туловом, по форме сходным с бубенцом упомянутых наверший (см. например, сосуд 675–650 гг. до н. э. из Британского музея, найденный на острове Эгина) (**рис. 21: 4**) (Boardman, 1998. P. 126. Fig. 243). Популярность мотива протомы грифона с шишковидным выступом в греческом искусстве подтверждается ее использованием и позднее (см., например, свинцовые атташи сер. VI в. до н. э. — украшения козырька шлема деревянной статуи Афины из святилища на Хиосе, представляющие грифона с зубами и (в одном случае) — с гривой-гребнем, иконографически переходного от раннегреческих грифонов к грифонам классической эпохи (Boardman, 1967. P. 26–27, 292–293. Pl. 84–85, № 166).

Таким образом, можно вполне согласиться с мнением Д. Мертенс о том, что обособленная голова или протома такого грифона — мотив именно греко-ионийский (Mertens, 1985. P. 21), в противовес ассирийскому, урартскому и хеттскому искусству, где практиковалось в основном полнофигурное изображение грифона. Немногочисленные исключения типа золотой протомы-атташа из Зивие (**Приложение 5, рис. 18: 4**) (Ghirshman, 1964. S. 108, abb. 138) представляются более стилистически отдаленными от грифонов на скифских навершиях по сравнению с массовыми отображениями протомы грифона со стержневидным и шишковидным выступами на темени на рукоятях греческих бронзовых котлов VII в. до н. э. Примечательно, что Р. Гиршман рассматривает протому из Зивие, как и парную ей протому льва, в качестве урартской работы и обращает внимание на то, что данный грифон далеко не столь угрожающий, не столь «зловредный», как греческие (Ghirshman, 1962. P. 108, 339). Вместе с тем данные греческие протомы, несомненно, вторичны по отношению к вышеперечисленным греческим и передневосточным полнофигурным отображениям грифона. Вполне возможно, что прообразами для них послужили в первую очередь грифоны позднего хеттского искусства (ср. Галанина, 1997. С. 136; Кисель, 2003. С. 53–54).

Как уже отмечалось в ходе типологии, в изображениях протомы грифона раннегреческого типа

---

[1] Что касается протомы грифона на золотой диадеме из кургана 3/Ш Келермесской группы (**Приложение 5, рис. 20: 1**) (Галанина, 1997. Табл. 30, кат. 38), таковая в полной мере относится к тому же восточногреческому стилю, что и изображения на келермесских зеркале и ритоне и, по сути, никаких собственно скифских черт не несет (Schefold, 1938. S. 12; Погребова, 1948. С. 64–65; Галанина, 1993. С. 103–104). Головы грифонов на золотых калачиковидных серьгах, оказавшихся вследствие вторичного использования в более позднем кургане IV в. до н. э. в имении Пастака в Крыму и представляющие собой «переделку архаической серьги согласно вкусам нового времени» (Петренко, 1978. С. 30. Табл. 19, 10, 10а) (**Приложение 5, рис. 22: 2**), также вполне соответствуют древнегреческой ювелирной традиции — ср., например, золотое украшение-розетку конца VII — начала VI в. до н. э. с о. Мелос, из Метрополитен-музея, а также серьги того же происхождения (**рис. 22: 1**) (Кисель, 2003. Рис. 52, 53).

на скифских и скифомеотских навершиях, несмотря на их немногочисленность, можно проследить определенную иконографическую динамику, состоящую в упрощении этого образа — в утрате сначала шишковидного выступа на темени, а затем и торчащих ушей. Такая утрата основных иконографических признаков, думается, определялась двумя факторами. Во-первых, как мы уже отмечали в связи с иконографией птицы, играло роль непонимание местными мастерами самой семантики раннегреческого и переднеазиатского грифона, его контаминация с уже существовавшим в скифском и скифомеотском искусстве образом хищной птицы (или с его природными прототипами), унаследованным, как мы видели, отчасти еще с предскифского времени. Во-вторых, вполне вероятно, что упрощение иконографии грифона с шишковидным рогом в скифомеотской художественной среде находится в русле общей схематизации данного образа, происходившей в конце VII — VI в. до н. э. и в собственно греческом искусстве — ср., например, навершие бронзового скипетра из Византия (начало VI в. до н. э.), грифон на котором имеет гипертрофированный схематизированный рог и упрощенный клюв (**Приложение 5, рис. 21: 8**) (The Anatolian civilizations, 1983. P. 37. Fig. 97).

«Скифский грифон» — по сути, ушастая птица — гораздо более популярен и самобытен, нежели раннегреческий и переднеазиатский. Вероятно, следует согласиться с Н. Н. Погребовой в том, что ухо появилось в иконографии скифской хищной птицы прежде всего как подражание иконографии грифона. Впрочем, изображения ушастой птицы — как редуцированные, так и полнофигурные — в европейской части скифо-сибирского мира в основном свойственны «скифской классике» V–IV вв. до н. э., хотя на Саяно-Алтае они появляются, возможно, с середины VI в. до н. э. (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005. С. 55. Рис. 58).

* * *

В контексте пограничных с грифоном синкретических существ следует рассматривать и характерные только для периода «скифской архаики» изображения шеи и головы **тупорылого зверя** с торчащими остроугольными ушами со свисающим языком (иногда еще и с гребнем) на навершиях (тип 1 Говердовско-будковский, второй пол. VII — сер. VI в. до н. э., 11 оригинальных изображений). Примечательны и относящиеся к данному типу две скульптурные звериные головки, оформляющие роговые столбики-распределители уздечных ремней из кургана 7 могильника Новозаведенное-II. Эти головки, очевидно, возникли под влиянием подобных наверший, но не сохранили какие-либо отличительные грифоньи черты, а, напротив, приобрели некоторое сходство с головой свиньи или кабана («пятачок», отсутствие языка, короткие косо обрубленные уши с раковиной, обозначенной вертикальным воронковидным отверстием).

Появившийся вначале в Прикубанье (судя по хронологии комплексов), этот образ изначально был результатом искажающего копирования и упрощения переднеазиатских образов кошачьего хищника с оскаленной пастью и с высунутым свисающим языком, на что уже указывал А. И. Шкурко (Шкурко, 1982. С. 3). Примечательно, что такие переднеазиатские прототипы обнаружены в качестве импортов в том же Келермесском кургане 3/Ш, где и найдены вышеназванные навершия с тупорылым зверем и грифонами раннегреческого типа. Это голова льва на наконечнике сосуда или ритона малоазийского или северосирийского производства VIII–VII вв. до н. э. (**Приложение 5, рис. 23: 5**) (Галанина, 1997. Табл. 38–39, кат. 40). Данные изображения, как показали Л. К. Галанина и В. А. Кисель, находятся в русле конкретно новохеттской традиции и, в особенности, сходны с образами львов в монументальной скульптуре IX в. до н. э. (Галанина, 1997. С. 148; Кисель, 2003. С. 66). Существуют и более хронологически близкие аналогии, например, рельеф в виде «химеры» из Кархемыша второй половины VIII в. до н. э. (**рис. 23: 4**) (Akurgal, 1962. P. 293. Fig. 126). Можно отметить также параллели в торевтике VIII–VII вв. до н. э. из Луристана (львы на пластинах булавок и умбонах щитов) и, особенно, Зивие — см. львиную протому-атташ, парную с вышеупомянутой протомой грифона, а также крылатых львов с торчащими ушами, острым ухом и открытой пастью с высунутым языком в верхнем ярусе пекторали (Ghirshman, 1964. Abb. 63, 90, 137, 139); ср. также образ крылатого льва с торчащим острым ухом и открытой пастью на ассирийских печатях IX–VIII вв. до н. э. (**рис. 23: 8**) (Frankfort, 1939. Pl. XXXIV, a). Видимо, контаминация этого образа с темой грифона раннегреческого типа (отсюда — очень длинные торчащие уши) и, возможно, ориентализирующего типа (отсюда — гребень у некоторых тупорылых монстров) привела к появлению в скифском искусстве нового синкретического образа с неустойчивой семантикой. Последнее сделало возможным трансформацию этого образа в Приднепровье в более понятный образ лошади с хохолком-выступом гривы. В то же время данный образ был, очевидно, в ряде случаев, контаминирован с образом летучей мыши (Бабенко, 2000. С. 148; Бабенко, Ліфантій, 2019. С. 101).

* * *

Иконографически и семантически пограничным, но не тождественным по отношению к теме грифона в раннескифском искусстве является гораздо

более популярный (51 оригинальное изображение, объединяемые в 2 типа) синкретический образ **бараноптицы/грифобарана** — комбинация хищной птицы и копытного, известный со второй четверти VII в. до н. э., т. е. с самого начала существования скифской культуры. Это образ исключительно архаический, оформляющий в основном костяные уздечные распределители, псалии и насадки на псалии, гораздо реже костяные налучья и бронзовые навершия.

Данный образ воплощался во второй четверти VII — середине VI в. до н. э. и, в основном, локализован в зонах лесостепного, степного и северокавказского вариантов скифского звериного стиля. Картография памятников с изображениями бараноптицы (**Приложение 3, рис. 24**) продемонстрировала, что данный персонаж известен и в искусстве других регионов, так или иначе испытывавших влияние скифской культуры: во-первых, он присутствует на псалиях скифского типа — случайных находках в зоне «савроматской» культуры, во-вторых, отдельные изображения бараноптицы сопрягаются с зоной скифского присутствия и влияния в Закавказье и Передней Азии[1]. В основном образом бараноптицы оформляет элементы конского снаряжения — псалии, насадки на деревянные псалии, столбики-распределители уздечных ремней, изредка налучья и навершия.

Различаются два типа рассматриваемого образа. Новозаведенско-аксютинецкий тип, второй четв. VII — сер. VI в. до н. э. — это отображение головы бараноптицы в сочетании с условно переданным туловищем и одной или несколькими конечностями (условно-полнофигурное воспроизведение). В основном это костяные и роговые псалии, в одном случае — бронзовые, а также костяные насадки в виде головы и копыта, соответственно, на вершину и на нижнюю часть деревянных псалиев. Такие псалии могут интерпретироваться как упрощенное воспроизведение всего животного (Полидович, 2004а. С. 143–165; Полидович, 2004б. С. 209–210) или как его обозначение — «альфа» (голова) и «омега» (копыто). Таким образом, это не птица с бараньими рогами, а некое копытное существо (чаще — с конскими копытами), в идеале — четвероногое (все четыре конечности изображаются редко, обычно они обозначаются копытом на нижнем выступе псалия), с бараньими рогами и птичьим клювом.

Второй тип бараноптицы — мотив обособленной головы (иногда с шеей), оформляющей костяные насадки-навершия деревянных псалиев, не имеющих костяных насадок в виде копыт, костяные, роговые и бронзовые распределители перекрестных ремней, костяные и роговые навершия луков, предметы неизвестного назначения — насадки со шпеньком, а также детали бронзовых ритуальных наверший. Это тип обозначен нами как Келермесско-новозаведенский и датируется в рамках второй четв. VII — сер. VI в. до н. э. Рассмотренные выше условно-полнофигурные образы бараноптицы Новозаведенско-аксютинецкецкого типа позволяют аналогичным образом интерпретировать изображения обособленной головы бараноптицы без туловища и конечностей.

С наибольшей вероятностью образ бараноптицы соотносится с общеиранской мифологической подосновой, нашедшей отражение в иранской письменной традиции в таком явлении, как божественная благодать Хварно/Фарн — воплощение славы, удачи и победоносности героев. Этот термин впервые был зафиксирован иноязычными — ассирийскими — письменными источниками (искаженно, в конце VIII в. до н. э.), а затем уже собственно ираноязычными текстами — ахеменидскими, эламскими (Литвинский, 1968. С. 47, 48) и, особенно подробно в Авесте — см. Замйад-яшт, 9–97 (Авеста, 1997). Исследователями надежно установлено и присутствие термина «фарн» (в частности, в составе имен) в скифском (не позднее III в. до н. э.), а впоследствии — в сарматском и осетинском языках (см. обзор мнений: Литвинский, 1968. С. 59–74). При этом само появление этого понятия в скифском обиходе связывается с гораздо более ранним временем — или еще с общеиранским прошлым (Грантовский, 1970. С. 157), или же с периодом скифского пребывания в Передней Азии (Кулланда, 2006. С. 206–207), в частности, под мидийским влиянием в VII–VI вв. до н. э. (Дьяконов, 1956. С. 373, 374). Исследователи предполагают наличие соответствующей идеологемы в представлениях скифского общества. По словам Б. А. Литвинского, «в скифо-сармато-аланской среде… фарн был исконным, незаимствованным божеством» (Литвинский, 1968. С. 74). Упомяну также мнение Э. А. Грантовского о проявлении концепции фарна в знаменитой геродотовой легенде о золотых небесных дарах (Грантовский, 1970. С. 158).

---

[1] А. С. Балахванцев предложил вариацию прочтения опубликованной ранее Е. Ф. Чежиной арамейской надписи на роговом псалии с изображением бараноптицы из Рыкайкино в зоне «савроматской» культуры (Чежина, 1989. С. 261–264); на основе палеографической датировки этой надписи исследователь предположил, что этот образ возник еще во второй половине VIII в. до н. э. Однако по своему морфологическому облику данный псалий является отнюдь не самым ранним среди псалиев раннекелермесского облика, причем нельзя исключить сохранения навыков старых начертаний арамейских букв в течение четверти века — до второй четверти VII в. до н. э., времени, когда, по нашим представлениям, на Северном Кавказе сформировался образ грифобарана/бараноптицы.

Вместе с тем прямое сближение скифского образа бараноптицы с Хварно Авесты затруднительно. Как отметил Б. А. Литвинский, «в авестийских текстах фарн не появляется в образе барана» (Литвинский, 1968. С. 56). И. В. Рак замечает, что в Авесте Хварно воплощается в огненный диск и хищную птицу Вараган (Авеста, 1997. С. 467). Вместе с тем в Авесте можно усматривать косвенную связь Хварно с образом барана, учитывая наличие последнего среди многочисленных воплощений божества Вэртрагны, несущего «благое Хварно, Спасение и Мощь» (Бахрам-яшт, 2, 19, 23; перевод И. М. Стеблин-Каменского) (Авеста, 1997). Б. А. Литвинский считает вполне вероятным, что «в народных представлениях иранцев» баран мог быть ипостасью фарна «уже в эпоху сложения Авесты», но в текстах это закрепилось позднее (Литвинский, 1968. С. 57).

В сасанидское время, как неоднократно отмечалось исследователями, Хварно чаще всего отображалось именно в виде горного барана (Авеста, 1998. С. 467, 468). Эта тенденция сохраняется и в зороастрийско-пехлевийской литературе. Например, в Карнамаке (сочинение VI в. н.э.) видимым отражением утраты Ардаваном царственной благодати — «кеянидского фарна» — и перехода ее к Ардаширу является то, что последнего в его побеге с лучшей наложницей Ардавана сопровождает огромный горный баран. Ардаван прекращает погоню только с того момента, как баран, первоначально следовавший рядом с конями беглецов, оказывается сидящим на одном коне с Ардаширом (Литвинский, 1968. С. 55, 56; Луконин, 1969. С. 7).

Эта асинхронная и культурно отдаленная параллель важна для нас в контексте преимущественной связи образа бараноптицы именно с предметами конского снаряжения (см. выше). При этом еще в Авесте встречается упоминание о «Мощи и Силе», вздымающихся над головой коня, в которого воплощается всё тот же Вэртрагна (Бахрам-яшт, 9; перевод И. М. Стеблин-Каменского) (Авеста, 1997). Примечательно, что наиболее тематически «выдержанными» в скифском искусстве являются именно те бараноптицы, которые оформляют предметы конского снаряжения — псалии и бляхи-распределители, тогда как соответствующие образы на налучьях (Темир-гора, Новозаведенное-II, курган 14, Высочино, исключая налучье из Семеновки) и на ритуальном навершии (Волковцы, курган 476) содержат элементы «зоомофных превращений».

Такая сопряженность образа бараноптицы с конским убором показательна и в контексте гипотезы Д. С. Раевского о тематическом параллелизме между скифским божеством Тагимасадом, одной из функций которого (в соответствии с геродотовым однозначным отождествлением этого бога с Посейдоном), было коневодство, и авестийским Йимой / ведическим Ямой — создателем коня, ставшего его инкарнацией (Раевский, 1971. С. 271–274). Для нас в данном случае важно, что Йима — первопредок человечества в иранской мифологии — выступает в Авесте как персонаж, обретающий Хварно и упускающий его (Замйад-яшт, 31, 34–38) (Авеста, 1997). Выстраиваемая логическая цепочка соответствий, как представляется, свидетельствует о допустимости ассоциирования темы бараноптицы с идеей высшей благодати — фарна.

Но какой бы ни была семантическая база бараноптицы, непосредственными иконографическими «корнями» данного мотива являются древнейшие скифские образы горных баранов и хищных птиц, имеющие в свою очередь, стилистических предшественников в переднеазиатском искусстве (**Приложение 5, рис. 25: 3–8, 23, 24**) (Артамонов, 1968. С. 35, 36; Ильинская, 1965; Виноградов, 1972. С. 142–146; Шкурко, 1982. С. 3; Погребова, Раевский, 1992. С. 129–132). Вместе с тем обнаруживаются и местные прототипы образам горных баранов и птиц — в предскифской традиции на Северном Кавказе: в искусстве протомеотской (псалии «сиалковского варианта», птицеголовые скипетры) (**рис. 25: 1, 2, 20**) и кобанской культур. Слияние этих традиций, вероятно, и привело к появлению качественно нового синкретического образа бараноптицы, причем исходным центром его распространения был Северный Кавказ, тогда как Северное Причерноморье и Передняя Азия были в этом отношении периферией (подробнее о вероятных истоках данного образа см.: Канторович, 2007а. С. 240–243).

Итак, период воплощения образа бараноптицы должен определяться рамками второй четверти VII (исходя из датировки ранней группы Келермесских курганов) — середины VI в. до н. э. В этих временных пределах намечаются несколько линий развития иконографии образа. Эталонные изображения бараноптицы, характеризующиеся тщательной проработкой всех анатомических деталей, связаны с территорией Северного Кавказа — вероятного истока данного образа, где он возник, скорее всего, в среде скифских и работавших в скифском духе нескифских мастеров «саккызско-келермесской школы» (Шкурко, 1982. С. 3; Чежина, 1987. С. 27; Королькова, 2006. С. 67; Канторович, 2012б. Рис. 21). Степное и лесостепное Северное Причерноморье, равно как и Передняя Азия, были в этом отношении вторичны: здесь при наличии весьма качественных отображений начинается искажающее тиражирование с утратой ряда анатомических деталей (ушей, глаз) и с превращением рогов в восковицу, в конечном счете, с семантической трансформацией в образ барана, птицы или грифона (ср. Шкурко, 1976. С. 91; Королькова, 2006. С. 68).

В то же время и на Северном Кавказе стилизация могла вести к геометризации клюва и рогов бараноптицы (тип 1 Новозаведенско-аксютинецкий, №1–2, 13). Кроме того, возникла особая группа удлиненных голов бараноптицы на навершиях и налучьях (тип 1 Келермесско-новозаведенский, №27, 30–33), для которых, с одной стороны, присуще высокое качество исполнения, с другой — тематическая нечеткость, о чем свидетельствует зооморфное трансформирование рогов и вписывание дополнительных зооморфных мотивов в плоскость удлиненного клюва (Канторович, 2007а. Рис. 5). Очевидно, семантическая сложность, перегруженность образа бараноптицы в конечном итоге и послужила причиной его раннего исчезновения и замены иными синкретическими мотивами.

* * *

Пересечение двух мощных иконографических линий продуцировало **гибрид раннегреческого грифона и баранонтицы** (**Приложение 5, рис. 26**). Как уже было показано в ходе типологии, это закономерно тупиковый и локальный образ, представленный единственным типом (тип 1 Ульский, первой пол. VI в. до н. э.), включающим 2 изображения (**рис. 26: 4**).

На скрещении иконографических линий птицы и копытного в период «скифской архаики» сформировался мотив, **комбинирующий голову нтицы и ногу неопределенного конытного**; соответствующие изображения формируют тип 1 Роменско-фаскауский, сер. VII–VI в. до н. э., и оформляют бронзовые и костяные псалии из Среднего и Нижнего и Центрального Предкавказья. Этот мотив нашел свое продолжение на грани периодов «скифской архаики» и «скифской классики» (не найдя продолжения в более позднее время) — в изображениях типа 2 Тауйхабльско-аксютинецкий, конца VI — первой пол. V в. до н. э., оформляющих бронзовые вотивные топорики-скипетры с территории Срелнего Поднепровья, Крыма и Прикубанья.

Вышеперечисленными темами ограничена реализация образов синкретических существ в эпоху «скифской архаики» VII–VI вв. до н. э.

2.4.3. Образы синкретических существ в эпоху «скифской классики» V–IV вв. до н. э.

В эпоху «скифской классики» в восточноевропейский скифский звериный стиль проникает тема **нозднегреческого грифона**, что соответствует времени появления этого мотива в греческом искусстве. Помимо многократной вполне греческой в стилистическом отношении репродукции этого мотива на целом ряде вещей, сделанных специально для скифов (в частности, таких шедевров, как пектораль из Толстой могилы и амфора из Чертомлыка), мы наблюдаем целый ряд спорадических и узколокальных вариаций позднегреческого орлиноголового грифона, выполненных уже в скифской стилистике.

Прежде всего, это **«иконографически выверенный» орлиноголовый грифон с неренончатым гребнем** (часто рудиментарным), изображения которого выполнены с присущей скифскому искусству схематизацией, геометризацией и акцентированием определенных элементов. Всего насчитывается 35 оригинальных полнофигурных изображений такого рода, они формируют 7 морфологических типов (тип I-1-I-3 Малочертомлыцко-солохский, тип I-1-II-1 Краснoперекопско-корнеевский, тип I-2-I-1 Краснoперекопско-желтокаменский, тип II-I-2 Краснокутско-александропольский, тип II-I-4 Майкопский, тип II-I-5 Кульобско-белозерский, тип II-I-7 Тенгинский)[1]. Кроме того, сюда можно отнести еще одно изображение (№2 в эклектичном типе I-1-I-1 Тузлинско-кужорский) — на псалиях из кургана 1 у ст. Кужорской (соответственно это 36-е изображение в рамках данной межтиповой разновидности). В основном эти типы хронологически спорадические и узколокальные, но в совокупности существуют в широких временных рамках (вторая пол. V — начало III в. до н. э.) и пространственных пределах (покрывают бóльшую часть ареала восточноевропейского скифского звериного стиля, исключая лишь территории Нижнего Подонья и Центрального Предкавказья). Эти изображения в основном оформляют или украшают аксессуары одежды — золотые нашивные бляшки, пластины, ленты головного убора, реже — бронзовые навершия ритуальных шестов, золотые обкладки ножен мечей и обивки горита, золотые конские налобники и золотые обивки деревянных сосудов.

Тема позднегреческого грифона реализована и в ряде редуцированных изображений. Самым ранним из них является мотив обособленных голов типа 1 Грищенецко-ольвийский, конца VI — V в. до н. э., изображения, оформляющие бронзовые

[1] К этим типам примыкают золотые нашивные бляшки, происходящие из памятников IV в. до н. э. (с территории Нижнего Поднепровья и Крыма), оформленные в виде искаженных и упрощенных отображений сфинкса (?) (Новосаки, курган 13: Бидзиля и др., 1977. Рис. 35: 3; Солоха, боковое погребение: Манцевич, 1987. Кат. 44) и орлиноголового грифона позднегреческого типа (Куль-Оба, собрание ГЭ и собрание ОАМ: Артамонов, 1966б. Табл. 225; Островерхов, Охотников, 1989. Рис. 3: 4; Treasures, 2006. P. 122. Fig. 8). Однако, как представляется, эти изображения — результат не взаимопроникновения скифской и греческой стилистики, а следствие тиражирования и схематизации в собственно греческой художественной среде. Поэтому в наш корпус источников данные изображения не включаются.

уздечные бляхи, происходящие с территории Среднего Поднепровья, Нижнего Поднепровья и Побужья. Не следует исключать, что головы этого типа могли сформироваться в собственно скифской среде — на основе характерных для скифского искусства профильных голов львов и иных хищников, контаминированных с местным образом хищной птицы. В дальнейшем канон позднегреческого грифона закрепляется в протомах типа 2 Носакинско-кужорский, второй пол. V — IV вв. до н. э., происходящих с территории Нижнего Поднепровья, Среднего Поднепровья и Прикубанья и оформляющих бронзовые и серебряные конские налобники/наносники и бронзовые псалии. Наконец, модификацию грифона позднегреческого типа, слитого с местными образами копытных или хищников, представляют головы типа 4 Дуровско-майкопский, второй пол. IV — первой пол. III в. до н. э., оформляющие бронзовые наносники/налобники из Прикубанья и Среднего Подонья.

Кроме того, под влиянием образа грифона возникают различные **гибриды кошачьего хищника и нтицы**. Это может быть кошачий хищник (преимущественно лев) с крыльями — 4 морфологических типа, датируемых в совокупности в рамках второй четв. V — третьей четв. IV в. до н. э., локализуемых в целом на территории Прикубанья и Крыма и связанных с оформлением бронзовых псалиев, бронзовых конских налобников и золотых нашивных бляшек (тип I-3-II-1 Кужорский, тип II–II-1 Нимфейско-майкопский, тип III-II–1 Кужорский, тип I-1-I-4 Майкопский).

Такими гибридами также являются локальные высококачественные прикубанские изображения скифо-меотского «елизаветинского стиля» (Канторович, Эрлих, 2006. С. 102–103), оформляющие бронзовые псалии и конские налобники первой — третьей четв. IV в. до н. э.: кошачий хищник с мордой в виде загнутого клюва, но без крыльев (изображение из «Майкопского клада», относящееся к типу I-1-I-1 Тузлинско-кужорский), крылатый кошачий хищник с клювовидными загнутыми вниз челюстями (тип I-3-I-1 Елизаветинский), крылатый кошачий хищник с рогами лося, лани или оленя (тип I-1-I-2 Елизаветинский), монстр с туловищем хищника, с головой птицы, с гребнем рептилии и с передними ногами копытного (тип I-1-I-5 Майкопский). Думается, что все эти образы в той или иной мере производны от иконографии грифона позднегреческого типа или находятся на грани этого мотива с мотивом грифона ахеменидского типа.

Подобные гибриды реализуются и в редуцированном исполнении: это протомы типа 3 Корнеевско-будковский, V–IV вв. до н. э., происходящие с территории Поднепровья (в основном Среднего) и оформляющие бронзовые конские наносники; это близкие им и, возможно, производные от них головы типа 3 Тенгинско-майкопский, второй пол. IV — начала III в. до н. э., происходящие с территории Прикубанья и оформляющие бронзовые конские наносники и навершие ритуального шеста; это также прикубанские головы типа 2 Елизаветинский, третьей четв. IV в. до н. э., оформляющие бронзовые псалии. Наконец, это протома типа 4 Уляпский, оформляющая бронзовый конский налобник второй пол. IV в. до н. э.

Что касается канона **ахеменидского грифона**, его модификации также встречаются в восточноевропейском скифском зверином стиле эпохи «скифской классики», хотя и гораздо реже. Такие вариации известны в V — начале III в. до н. э. Это связанный с территориями Среднего и Нижнего Поднепровья, а также Среднего Подонья тип II-I-1 Защитненско-дуровский, изображения которого украшают бронзовые уздечные бляхи, бронзовые навершия ритуальных шестов и золотую пластину. Это также происходящий с территории Нижнего Поднепровья, Прикубанья и Среднего Подонья тип II-I-3 Гаймановско-чмырёвский, к которому относятся изображения на золотых нашивных бляшках. Кроме того, это тип II-I-6 Майкопско-дортобинский, изображения которого связаны с территориями Прикубанья и Крыма и оформляют навершие золотой булавки и золотые нашивные бляшки.

Наконец, возможно, что единичное и уникальное для восточноевропейского звериного стиля нижнедонское изображение льва с оленьими рогами на золотой обкладке деревянного сосуда (тип II-I-8 Елизаветовский, сер. — второй пол. V в. до н. э.), появилось, как и его далекий пазырыкский аналог из 1-го Туэктинского кургана, датируемый по новой хронологии пазырыкской культуры 442 г. до н. э. (см. выше, в разделе типологии), под влиянием ахеменидского канона львогрифона (с заменой козлиных рогов на оленьи и утратой крыльев), что и объясняет их значительное сходство. Вместе с тем хронологическая близость елизаветовского изображения с туэктинским не позволяет исключать и взаимовлияние этих изображений и даже первичность туэктинского изображения по отношению к елизаветовскому.

Местными локальными **гибридами нозднегреческого и ахеменидского грифонов** представляются: нижнеднепровские погрудные изображения львиноголового существа с гривой/гребнем рептилии, с козлиными/бычьими рогами, оформляющие бронзовые (обложенные золотом) конские наносники (тип 5 Солохский, 400–375 гг. до н. э., тип 6 Гаймановско-солохский, 400–320 гг. до н. э.); полнофигурные изображения грифона / кошачьего хищника с клювовидными челюстями и прямым рогом (тип III-II-2 Аксютинецко-беловский, третьей

четв. — сер. V в. до н. э.), оформляющие бронзовые уздечные бляхи из Среднего Поднепровья и Среднего Подонья.

В конце периода «скифской классики», на пересечении иконографических линий птицы и лося (Канторович, 2014а. С. 478–480. Рис. 14), возник популярный на определенном отрезке «скифской классики» (вторая четв. — конец IV в. до н. э.) образ **«лосентицы»** (тип 1 Чертомлыцко-уляпский), оформляющий бронзовые конские налобники/наносники, в основном с территории Среднего и Нижнего Поднепровья и Прикубанья, реже из Среднего Подонья. Еще ранее, во второй половине V в. до н. э., на грани тем хищной птицы и оленя в Прикубанье реализовывался аналогичный, но узколокальный и менее популярный образ **«оленентицы»**, также связанный с бронзовыми налобниками/наносниками (тип 1 Семибратненский).

Наконец, на базе природной темы рыбы — морского конька (гиппокампа), под сильным греческим (а также, в ряде случаев, греко-фракийским влиянием), на границе с образом орлиноголового грифона формируются и реализуются в предельных рамках третьейй четв. V — IV в. до н. э. следующие образы: **гиннокамна-лошади** — в Прикубанье, на бронзовых псалиях (тип 1 Уляпский, первой пол. IV в. до н. э.); **грифоно-гиннокамна** — в Нижнем Поднепровье, Нижнем Подонье и Прикубанье, на бронзовых навершиях и на золотых бляшках (тип 1 Краснокутско-тилигульский, 350–320 гг. до н. э.), на золотых пластинах сосудов и ножен мечей (тип 2 Акимовско-елизаветовский, третьей четв. V — первой четв. IV в. до н. э.); популярный образ **«нетушка-гиннокамна»** (20 изображений) — в Нижнем и Среднем Поднепровье, в Среднем Подонье и в Прикубанье, на бронзовых уздечных бляхах, в одном случае на золотых обивках ритона (тип 1 Мордвиновско-уляпский, второй четв. — конца IV в. до н. э.).

Также контаминация образа рыбы с образом копытного приводит к появлению уникального образа **рогатой рыбы**, реализованного как одно оригинальное изображение на золотых конских нащечниках из Гайманової могилы (тип 1 Гайманов-ский, 390–380 гг. до н. э.). Такое ошутимое присутствие синкретических образов, связанных с водной стихией, соответствует выводам исследователей о важной роли водного начала в скифских религиозно-мифологических представлениях— ср. функции «дочери Борисфена», Апи, Арпоксая и Фагимасада-Посейдона (Раевский, 2006. С. 64–66, 84; Бессонова, 2004. С. 25).

Выводы

В раннескифском зверином стиле мы наблюдаем, с одной стороны, относительную малочисленность воплощений «настоящего грифона» ориентализирующего и раннегреческого типов, с другой — напротив, наличие значительного массива «квазигрифонов» — ответвлений от основного образа и пересечений с другими синкретическими образами. Следовательно, тема синкретического существа, прежде всего грифона, пришедшая из древнегреческого и переднеазиатского искусства, оказалась недостаточно понятой и воспринятой в скифской среде в VII–VI вв. до н. э., замещаясь синкретическими образами, более соответствующими местной идеологии, в которой такого рода сюжеты, несомненно, должны были уже присутствовать, учитывая индоиранскую подоснову в виде легенд об инфернальных зонах и населяющих их фантастических существах (Бонгард-Левин, Грантовский, 2001. С. 25–78). Возможно, учитывая параллели в хеттском и греческом искусстве, эта подоснова могла быть и более глубокой — индоевропейской (Черемисин, Запорожченко, 1999. С. 230).

Однако наличие такой идейной базы, видимо, было еще недостаточно для поглощения раннескифской средой конкретных художественных образов Древней Греции и Переднего Востока, иконография которых была детерминирована соответствующей ей мифологией (в том числе и неиндоевропейской). Отсюда — усиленная и, порой, искусная модификация этих образов, осуществлявшаяся в восточноевропейском скифском зверином стиле. В эпоху «скифской архаики» эти процессы имели место преимущественно на Северном Кавказе — на плацдарме скифских переднеазиатских походов, где концентрировались соответствующие художественные заимствования и импорты. При этом такие образы, как правило, не могли быть всеобъемлющими и либо оставались локальными и недолговечными (тупорылый зверь и гибрид грифона с бараноптицей), либо же, будучи популярными (бараноптица), тем не менее, подвергались иконографическим деформациям вследствие недостаточного их понимания в других зонах скифской культуры. Так, в лесостепном Поднепровье реализация образа бараноптицы, достаточно сложного в смысловом и формальном отношении, привела к его искажению и, как следствие, к прекращению традиции (Шкурко, 1982. С. 3).

Сам же образ раннегреческого грифона, интегрированный в раннескифское искусство, хотя и не нашел широкого распространения, но, во-первых, стимулировал беспрецедентную популярность образа ушастой птицы — «скифского грифона», во-вторых, создал если не иконографическую, то семантическую базу для широкого распространения в скифо-сибирской художественной системе в V–IV вв. до н. э. новых разнообразных модификаций грифона, навеянных иконографией ахеменидского

львогрифона с козлиными рогами и позднегреческого орлиноголового грифона с длинным перепончатым гребнем.

В эпоху «скифской классики» V–IV вв. до н. э. основную тенденцию в реализации мегаобраза синкретических существ составили изображения позднегреческого грифона, как полнофигурные, так и редуцированные, часто с упрощениями и искажениями. И опять-таки на периферии этого канона наблюдается гибридизация образа позднегреческого грифона с образом кошачьего хищника, птицы и, порой, копытного, дающая некие новые образы. Это, очевидно, свидетельствует о дальнейшем переосмыслении скифским обществом семантики грифона и о ее модификации в соответствии с некими местными (скифскими, меотскими и т. д.) мифологическими концепциями.

2.5. Совокупная динамика ренертуара восточноевронейского скифского звериного стиля (основные тенденции)

Предпринятые нами типологический, хронологический, статистический анализ и реконструкция межтиповых взаимодействий массива изображений восточноевропейского скифского звериного стиля позволяют определить репертуарные предпочтения в рамках данного художественного направления в целом и их динамику на протяжении существования скифской археологической культуры.

В период **«скифской архаики»** VII–VI вв. до н. э. в рамках мегаобраза хищника преимущественно разрабатываются нижеследующие образы, сюжеты и мотивы: припавший к земле хищник с прямым туловищем, с головой прямо и ногами вперед рода *Panthera* (леопард *Panthera tigris*? львица *Panthera leo*?); канон свернувшегося в кольцо хищника семейства кошачьих, плотно скомпонованного, и лаконичного в деталях (характерен преимущественно для эпохи «скифской архаики», но завершает свое существование уже в эпоху «скифской классики», в первой половине V в. до н. э.); «канон Келермесской пантеры», представляющий кошачьего хищника — львицу и/или леопарда, немного присевшего и приготовившегося к прыжку; профильные изображения обособленных голов кошачьего хищника (леопарда *Panthera tigris*?).

В рамках мегаобраза копытных животных в эпоху «скифской архаики» доминирует образ благородного оленя. В эпоху «архаики» господствует канон «скифского», или «летящего» оленя (на самом деле — лежащего в жертвенной позе), при том, что данный сюжет имеет отдельные инерционные воплощения и в V — начале IV в. до н. э. В период «архаики» также популярны: полнофигурное отображение горного козла; мотив головы горного барана и, особенно, мотив головы этого животного в сочетании с ногами или копытами (на противоположных концах костяных псалиев); активно практикуется и оформление аналогичных псалиев головой и копытами лошади, но это происходит почти исключительно в Среднем Поднепровье; распространен и мотив обособленного копыта, преимущественно лошадиного, опять же в основном на окончаниях псалиев из Среднего Поднепровья.

В рамках мегаобраза птицы в период «архаики» господствует линия редуцированной трактовки: обособленная голова хищной птицы отряда соколообразных с загнутым или закрученным клювом (в ряде случаев птичья голова одновременно является птичьим когтем, т. е. знаком ее полного отражения — «альфа» и «омега»). Среди полнофигурных отображений, в общем непопулярных в эпоху «архаики», тем не менее, обозначается четкая композиционная тенденция, продолжающаяся в эпоху «скифской классики»: мотив хищной птицы в полете с параллельными туловищу крыльями, развернутыми на зрителя, с головой, повернутой в профиль («канон Мельгуновского орла»).

Реализация образов синкретических существ в эпоху «скифской архаики» преимущественно связана с разработкой специфически местного образа бараноптицы /грифобарана и с трансляцией канона раннегреческого (ионийского) грифона в редуцированном виде — в рамках мотива погрудного изображения на бронзовых навершиях. В целом же для периода «архаики» характерна малочисленность воплощений в восточноевропейском зверином стиле «настоящего грифона» раннегреческого типа, особенно заметная на фоне изобретаемых скифскими мастерами «квазигрифонов» — ответвлений от основного образа грифона и результатов его пересечения с другими синкретическими образами.

В период **«скифской классики»** V–IV вв. до н. э. мегаобраз хищника реализуется по нескольким важнейшим направлениям. Это, прежде всего, зародившийся еще в конце эпохи «архаики» (в последней четверти VI в. до н. э.) мотив свернувшегося в кольцо волка, в более свободной анатомической компоновке, нежели в аналогичном композиционном каноне эпохи «архаики», с большей детализацией и с частыми зооморфными превращениями анатомических деталей. Кроме того, это канон медведя в характерной для него природной позе кормления: стоящего на мощных прямых ногах с опорой на полную стопу, с мордой в землю (преимущественно среднедонской тип изображений, но с «выплесками» во все остальные регионы скифской археологической культуры). Также это мотив стоящего/идущего кошачьего хищника, иногда с поднятой передней лапой — в основном в сценах нападения, терзания,

преследования. Кроме того, это мотив обособленной головы волка, представленной в профильном ракурсе и оформляющей подвески из кабаньего клыка и их бронзовые имитации, а также колчанные крючки / застежки пояса. Также это иконографическая тенденция отображения голов львов и иных кошачьих хищников анфас со скрытой от зрителя нижней челюстью — маска хищника. Это также мотив объемной головы волка. Кроме того, это иконографическая линия, предусматривающая отображение протом кошачьего хищника на конских налобниках/наносниках. Наконец, это мощная художественная тенденция отображения обособленных конечностей хищника (кошачьего, волчьего, медведя, а в некоторых случаях, возможно, грифона) на уздечных бляхах, во многих случаях, вероятно, формирующих единую «составную протому» с головой хищника или грифона, оформляющей отдельный налобник/наносник того же уздечного комплекта.

В контексте мегаобраза копытных животных в эпоху «скифской классики», как и в эпоху «скифской архаики», доминирует образ благородного оленя, в рамках полнофигурных изображений которого господствует канон «спокойно лежащего» оленя, характерный именно для восточноевропейского локального варианта скифо-сибирского звериного стиля. Кроме того, чрезвычайно популярным становится мотив обособленной головы оленей, в свою очередь, редуцируемой до обособленных оленьих рогов. Также в эпоху «классики» важной тенденцией, не характерной для периода «архаики», является разработка мотива головы лося, а также его полнофигурное воплощение в лежачем положении с подложенными под туловище ногами, с головой, обращенной назад. В период «классики» значительно сокращается реализация образов горного барана и горного козла, но зато заметной тенденцией становится появление на границах образов вышеперечисленных реальных копытных новых синтетических мотивов «оленелося», «лосекозла» и «оленекозла», возможно, отражающих особенности «народной классификации» или же возникших вследствие искажения одного из образов в пользу другого. Кроме того, в эпоху «классики» существенное место занимает образ кабана (в единичных случаях мастера восточноевропейского скифского звериного реализовывали эту тему еще в эпоху «архаики», с середины VI в. до н. э.); приоритет имеет мотив обособленной головы этого зверя. Наконец, в период «классики» появляется и развивается достаточно популярный амбивалентный мотив ушей копытных / крыльев птиц.

В рамках мегаобраза птицы в эпоху «классики» основную тенденцию составляет возникший еще в эпоху «архаики» (со второй четверти VI в. до н. э.) мотив головы хищной птицы с волютовидным клювом, спиралевидно закрученным в один или полтора оборота, с упором кончиком клюва в подклювье и с акцентированным кружком в середине завитка. Популярны и погрудные изображения хищных птиц (по сути — усеченные протомы), оформляющие конские налобники/наносники. Полнофигурные отображения птицы в эпоху «классики» чаще всего демонстрируют пернатых с так или иначе расправленными крыльями — в полете, садящимися или готовящимися взлететь. В этот период находит свое продолжение «канон Мельгуновского орла», от которого «ответвляются» многие другие типы летящей хищной птицы с повернутой головой. На основе той же композиционной схемы, гибридизированной с композицией птицы в изначально греческой сцене «птица на рыбе/дельфине», возникает весьма популярный в эпоху «скифской классики» мотив сидящей птицы, клюющей и когтящей рыбу.

В рамках мегаобраза синкретических существ в эпоху «скифской классики» господствует иконографическая линия позднегреческого орлиноголового грифона с длинным перепончатым гребнем, что соответствует времени появления и активного распространения этого мотива в греческом и греко-скифском искусстве. Помимо того что в манере скифского звериного стиля реализуется «иконографически выверенный» позднегреческий грифон (лежащий, «летящий», идущий, нападающий с поднятой передней лапой, в геральдической позе на задних лапах, а также в редукции — голова, протома), продолжается возникшая в эпоху «архаики» тенденция создания новых разнообразных модификаций грифона, навеянных иконографией позднегреческого грифона и ахеменидского львогрифона с козлиными рогами: это всевозможные гибриды кошачьего хищника и птицы, синтез позднегреческого и ахеменидского грифонов, льва и оленя, хищной птицы и оленя, хищной птицы и лося, гиппокампа и лошади; грифона и гиппокампа. Также на базе природной темы морского конька (гиппокампа) с использованием композиции, заданной мотивом обособленных конечностей хищника, формируется достаточно популярный в конце скифской эпохи образ «петушка-гиппокампа».

Наконец, как определенную семантико-стилевую тенденцию эпохи «классики» можно расценивать появление ранее неизвестных образов зайца и рыбы (заметных с точки зрения численности изображений), а также абсолютно периферийных для восточноевропейского скифского звериного стиля образов верблюда и дельфина, крайне редко реализуемых местными мастерами и вполне ожидаемо искажаемых ими в силу недостаточного непонимания.

Проведенное нами исследование демонстрирует на массовом материале существенные изменения в рамках ряда образов и сюжетов при переходе от периода «скифской архаики» к эпохе «скифской классики», а также о наличии при этом ряда базовых типов, определяющих иконографию образов на протяжении всего существования скифской археологической культуры.

* * *

Иконография и хронология изображений и типов демонстрируют на массовом материале угасание восточноевропейского скифского звериного стиля как художественного направления в конце IV — начале III в. до н. э. вследствие вырождения под мощным воздействием инокультурных художественных систем, прежде всего греческого искусства. Кроме того, как показала типология, в рамках некоторых немногочисленных морфологических типов прослеживается эволюция в направлении художественной манеры сарматского звериного стиля. В целом же, очевидно, восточноевропейский скифский звериный стиль исчезает вместе со всем комплексом скифской археологической культуры в результате сарматского давления и, возможно, аридизации восточноевропейской степи (см. подробнее: Полин, 1992. С. 104–107), оставляя лишь отдельные образно-сюжетные атавизмы в позднескифской археологической культуре.

§ 3. Вопрос об истоках восточноевропейского скифского звериного стиля в контексте общей проблемы происхождения скифо-сибирского звериного стиля

3.1. Изначальные образы и мотивы восточноевронейского скифского звериного стиля

Проведенное исследование позволило выявить значительный массив морфологических типов изображений восточноевропейского скифского звериного стиля периода «скифской архаики» VII–VI вв. до н. э. (**Приложение 5, рис. 28**). Это не менее 60 типов, часть из которых полностью «замкнута» в эпохе «архаики», а часть состоит из изображений как эпохи «архаики»», так и эпохи «скифской классики» (V–IV вв. до н. э.). Следовательно, изображения периода «архаики» в значительной мере определяют образный и сюжетный репертуар скифского звериного стиля в последующую эпоху — «классики».

Наиболее ранние из этих типов связаны с изображениями обособленных голов хищников в свастических композициях на уздечных бляхах первой половины VII в. до н. э., обособленного копыта/ноги копытного на псалиях переходного характера от предскифского уздечного комплекта к скифскому, а также с амбивалентным мотивом обособленной птичьей головы/когтя (**рис. 28: 1, 2, 6**).

Синтез данных, полученных в результате типологического и хронологического анализа, приводит к заключению, что в восточноевропейском скифском зверином стиле тема хищника изначально возникает не в полнофигурном выражении, а в рамках мотива обособленных голов хищников в свастических композициях, формирующих очень ранний (первая половина VII в. до н. э.) и локальный (Прикубанье) Тауйхабльско-хаджохский тип изображений на уздечных бляхах, совершенно изолированный от остальных тенденций развития скифского звериного стиля (**рис. 28: 1**). Присутствие в комплексе кургана 1 Хаджохского могильника, откуда происходит одно из этих изображений, двух пар бронзовых удил сако-сибирского облика — с дополнительным отверстием со стремечковидными окончаниями, а также наличие ранних параллелей свастической четырехлучевой композиции с головами хищников или лошадей именно на востоке скифо-сибирского мира — на одном из «оленных камней» в Монголии (Волков, 2002. С. 183. Рис. 68, 3) или с головами птиц на уздечной бляхе из Уйгарака (курган 83), датирующейся не позднее VII в. до н. э. (Вишневская, 1973. С. 151. Табл. XIX, 5), позволяют допускать происхождение данного типа под влиянием сако-сибирских, возможно, приаральских импульсов. При этом нельзя абсолютно исключать, как уже указал А. Ю. Скаков (Скаков, 2013), и местные кавказские прототипы Тауйхабльско-хаджохскому типу — в искусстве кобанской культуры — ср. бронзовый скипетр в виде трехлучевой свастики с лопастями в виде шей и голов хищников из погр. 254 Тлийского могильника (Техов, 1977. С. 153. Рис. 108; см. подробнее: Канторович, Эрлих, 2006. С. 36–38).

В раннескифскую эпоху и, глубже, в горизонт предскифских культур Северного Кавказа уходят истоки мотива обособленного копыта/ноги копытного, с которого в принципе начинается реализация темы копытных в восточноевропейском скифском зверином стиле. Этот мотив представлен на псалиях переходного характера от предскифского к скифскому типу — см. комплекс кургана 2 Хаджохского могильника (**рис. 28: 2**). Хаджохские изображения являются изначальными в рамках динамики среднеднепровско-северокавказского типа 3 Хаджохско-аксютинецкий, первой пол. VII — первой пол. V в. до н. э., всего объединяющего 42 изображения — основной массив изображений копыт и обособленных ног в восточноевропейском скифском зверином стиле (при этом аналогичные копыта оформляют нижние части трехдырчатых псалиев, верхняя часть которых оформлена в виде

голов бараноптицы, барана, лошади и птицы). Возможно, именно дальнейшая редукция наиболее ранних изображений Хаджохско-аксютинецкого типа приводит к возникновению таких локальных (исключительно северокавказских) и малочисленных типов эпохи «архаики», как тип 1 Келермесско-нартанский, второй трети VII в. до н. э. (**Приложение 5, рис. 28: 3**) и тип 2 Краснознаменско-келермесский, сер. VII — начала VI в. до н. э. (**рис. 28: 4, 5**).

В частности, В. Р. Эрлих справедливо отмечает сходство копыт на ульских бляшках Краснознаменско-келермесского типа (**рис. 28: 5**) с копытами на концах псалиев из Хаджохского кургана (**рис. 28: 2**) (Эрлих, 2007. С. 126). Возможно, псалии круга хаджохских послужили истоком изображений, оформляющих эти ульские бляшки. К Краснознаменско-келермесскому типу можно относить (как стилизованное изображение обособленной ноги лошади в целом) чрезвычайно редкие муфты-распределители колесничных вожжей, декорированные изображением конского копыта (**рис. 28: 4**), вероятно, крепившиеся на ярмо и имеющие близкие тагарские аналогии (Членова, 1967. Табл. 15: 6–8). Вместе с тем изначально форма изогнутой конечности с копытом Краснознаменско-келермесского типа восходит, как указала В. Г. Петренко, к муфтообразным подвескам колец колесничной упряжи предскифской эпохи (Петренко, 2006. С. 70–71. Рис. 2). Многочисленные аналогии изображениям подошвы или отпечатка копыта Краснознаменско-келермесского типа, происходящие из более восточных зон скифо-сибирского мира — от тагарской культуры до саков Приаралья (Членова, 1999. С. 231–234; Членова, 2000. С. 101–103. Рис. 10), — позволяют говорить о конвергентном пути формирования данного типа на основе совмещения двух традиций: отображения подошвы копыта и копыта с надкопытной частью в положении «на цыпочках».

Отображение темы птицы в восточноевропейском скифском зверином стиле начинается с амбивалентного мотива обособленной птичьей головы/когтя. Не позднее второй трети VII в. до н. э. появляются очень простые и в то же время семантически емкие изображения обособленных птичьих когтей/голов с загнутым клювом («альфа» и «омега» хищной птицы) на металлических уздечных пронизях и накладках (изображения типа 2 Келермесско-нартанский, второй трети VII — начала VI в. до н. э.) (**рис. 28: 6**), а начиная с середины VII в. до н. э. — изображения обособленных птичьих голов с закрученным клювом на аналогичных уздечных пронизях, костяных налучьях и подвесках (тип 1 Келермесско-гуляйгородский, сер. VII — третьей четв. VI в. до н. э.) (**рис. 28: 7**).

Эти типы, очевидно, уходят корнями в предскифское искусство Северного Кавказа. Именно в этом регионе скифскому мотиву обособленной головы хищной птицы иконографически предшествуют птицеголовые скипетры и их изображения на стелах (**Приложение 5, рис. 25: 1**) (Фарс, погр. 35, станица Абадзехская, могильник на Кисловодской мебельной фабрике, музей станицы Гиагинской, аул Тауйхабль, 1-й Султангорский могильник, Кубанский могильник, Зандак, Зубовская, Усть-Лабинская) (Эрлих, 2004б. Рис. на с. 108), а также протомеотские псалии «сиалковского варианта» с завершениями в виде птичьей головы (Кубанский могильник, погр. 39) (**рис. 25: 2**) (Анфимов, 1975. Рис. 3: 6). От этих изделий, в первую очередь от скипетров типа Фарс, как уже указывал В. Р. Эрлих (Эрлих, 1990. С. 249, 250), можно вести линию развития мотива птичьей головы к древнейшим в этом регионе амбивалентным изображениям птичьих голов/когтей, входящих в вышеупомянутый Келермесско-нартанский тип (**рис. 25: 4, 6**). Тема птичьих голов присутствует также на уздечных бляхах, псалиях (**Приложение 5, рис. 28: 8**) и навершиях — со второй четверти VII в. до н. э.; на костяных булавках, ложечках, зеркале (**рис. 28: 9а, 9б**) и на лопасти ножен Келермесского меча — не позднее чем с середины VII в. до н. э.; на бутеролях мечей — с рубежа VII–VI вв. до н. э. (**рис. 28: 10**).

Также достаточно рано, не позднее рубежа третьей — четвертой четверти VII в. до н. э., появляются изображения припавшего к земле кошачьего хищника на бронзовых уздечных бляхах (**рис. 28: 11**), костяных пластинах и блюдах из лосиного рога (**рис. 28: 12**), равно как и редуцированные изображения данного хищника, в том числе в сочетании с «киммерийской розеткой» (с середины VII в. до н. э.) — на уздечных бляхах (**рис. 28: 13**), бронзовых ритуальных ножах и др. К еще более раннему времени, ко второй четверти VII в. до н. э., надо относить первые для восточноевропейского скифского звериного стиля изображения, впоследствии многочисленные, свернувшегося в кольцо хищника (костяные уздечные пронизи из Келермесских курганов ранней группы) — одного из знаковых мотивов скифо-сибирского звериного стиля (**рис. 28: 24**).

Не позднее второй трети VII в. до н. э., в основном в редуцированном воплощении (голова или голова+копыто), начинают отображаться баран (**рис. 28: 14**) и синкретическая бараноптица/грифобаран (**рис. 28: 15**), оформляющие костяные уздечные распределители (**рис. 28: 14**), псалии и насадки на псалии (**рис. 28: 15**), а также (для бараноптицы) костяные налучья, бронзовые навершия и (для барана) ритуальные блюда из рога лося и камня.

С середины VII в. до н. э. на бронзовых навершиях воспроизводится и редуцированный образ грифона раннегреческого (ионийского) типа (**Приложение 5, рис. 28: 16**), а затем на золотых бляшках появляется полнофигурное воплощение данного грифона, очевидно, восходящее к передневосточным и ионийским прототипам (**рис. 28: 17**).

Не позднее второй половины VII в. до н. э. в восточноевропейском скифском зверином стиле появляется популярнейший впоследствии мотив классического скифского «летящего» (лежащего в жертвенной позе) оленя, оформляющего уже в начале своей иконографической траектории самые разнообразные предметы: костяные пластины-накладки, лопасти золотой обкладки ножен меча (**рис. 28: 18**), золотые бляхи и обкладки щита или горита, золотой наконечник, золотую обкладку уздечного фалара, золотую бляху, бронзовые навершия и др.

Также достаточно рано, со второй половины VII в. до н. э., в полнофигурном воплощении изображается горный козел (блюда из рога лося (**рис. 28: 19**), рукояти и декор бронзовых котлов) и, с того же времени, массово практикуется редуцированное отображение лошади (головы и копыта на костяных псалиях) (**рис. 28: 20**).

Пусть и в единичном воплощении, но достаточно рано, не позднее последней трети VII в. до н. э., появляются изображения целой фигуры птицы (Жаботинские костяные уздечные пластины, Новозаведенское блюдо из рога лося (**рис. 28: 21**), Мельгуновские золотые бляхи) и целой фигуры лося (Жаботинские костяные уздечные пластины и бляшки) (**рис. 28: 22**), во второй половине VII в. до н. э. — полнофигурные изображения лошади (Келермесские золотые пластины горита) (**рис. 28: 23**).

Итак, хронология изначальных морфологических типов восточноевропейского скифского звериного стиля позволяет прийти к выводу, что самыми ранними памятниками, содержащими произведения данного локального варианта скифо-сибирского звериного стиля, являются комплексы, переходные от предскифского к скифскому горизонту, сочетающие элементы обеих стадий и находящиеся на Северном Кавказе: это Хаджохский курган 2, курган 41 могильника Фарс/Клады (первая пол. — сер. VII в. до н. э.) и комплекс предметов у хут. Алексеевского, первой пол. VII в. до н. э. Но в этих комплексах элементы скифского звериного стиля еще единичны. Массовое присутствие изображений в зверином стиле впервые фиксируется опять-таки на Северном Кавказе в объективно датируемых Келермесских и Краснознаменских курганах: ранняя подгруппа Келермесских курганов (1/В и 2/В) (660–640-е гг. до н. э.), Южная гробница кургана 1 Краснознаменского могильника и синхронный ей курган 4 того же могильника (сер. — третья четв. VII в. до н. э.), курган 6 того же могильника (рубеж третьей — четвертой четв. VII в. до н. э.); четко датируется и курган Темир-гора (третья четв. VII в. до н. э.). При этом многие другие изображения выявленных морфологических типов так или иначе сходны с келермесскими и краснознаменскими (изображения из кургана 20 могильника Нартан-1; из курганов 2 и 7 могильника Новозаведенное-II) и часто вторичны по отношению к ним; во всяком случае, не могут быть отделены от них значительным хронологическим промежутком, при том, что многие из них надежно датируются по античным импортам в максимальных пределах третьей четверти VII — начала VI в. до н. э. (материалы горизонта Б Западного Бельского городища, кургана 16 могильника Новозаведенное-II, Репяховатой могилы — см. характеристику этих памятников в Списке опорных хроноиндикаторов).

Таким образом, наблюдается не постепенное, а достаточно динамичное возникновение и развитие феномена скифского звериного стиля (на территории скифской археологической культуры Восточной Европы), сохраняющего в первое время своего существования в ряде мотивов рудименты киммерийской орнаментики («киммерийская розетка») и следы предскифской иконографии зооморфных образов (в рамках мотива барана, птицы и сугубо восточноевропейского образа бараноптицы/грифобарана, а также мотива обособленной конечности копытного).

Как представляется, это наблюдение не позволяет «растягивать» на длительный промежуток времени процесс формирования основных образов, сюжетов, мотивов и художественных приемов восточноевропейского скифского звериного стиля (что важно в контексте непрекращающихся споров относительно истоков скифской культуры и хронологии ее начальной стадии — см. Erlikh, Kantorovich, Maslov, 2013. P. 38–39). Напротив, данный процесс, начавшись в первой половине VII в. до н. э. со спорадической реализации отдельных зооморфных тем в редуцированном воплощении (мотивы копыта и птичьего клюва, восходящие к северокавказским предскифским корням), обрел со второй трети — второй половины VII в. до н. э. динамизм и мощь, что определялось тремя факторами: 1) воздействием переднеазиатской стилистики (следствие скифских походов и иных контактов скифской культуры с Закавказьем и Передней Азией); 2) безусловными художественными импульсами и вероятными миграционными волнами из восточных зон скифо-сибирского мира; 3) влиянием ионийского искусства (по крайней мере со второй половины VII в. до н. э.).

3.2. Об истоках восточноевронейского скифского звериного стиля в контексте общей проблемы нроисхождения скифо-сибирского звериного стиля

Наши выводы относительно поликультурных истоков восточноевропейского скифского звериного стиля показательны с точки зрения общей проблемы генезиса скифо-сибирского звериного стиля. Не вдаваясь в историографию данной сложной проблемы (это тема для отдельного исследования), отметим исходные позиции и основные современные тенденции в ее решении.

Широкая распространенность произведений скифо-сибирского звериного стиля при отсутствии соразмерного субстрата в зоне Евразийских степей в предшествующую эпоху обусловила многообразие гипотез его происхождения.

Попытки найти прародину этого художественного направления мы встречаем уже у основоположников изучения скифского звериного стиля — в многократно упомянутых нами трудах Б. В. Фармаковского, Г. И. Боровки, Э. Х. Миннза и М. И. Ростовцева. Однако ионийская гипотеза, предложенная столетие назад Б. В. Фармаковским (Фармаковский, 1914. С. 33–37, 78; ср. Amandry, 1965. Fig. 2, 3. Pl. XXX, 6, 7), с учетом накопленного материала, представляется ныне неактуальной, исключая появление в скифском зверином стиле грифонов раннегреческого типа и, возможно, сюжета лежащего козла с головой, обращенной назад[1].

Г. И. Боровка обосновал южносибирскую (центральноазиатскую) теорию зарождения скифского звериного стиля, не отрицая при этом сильного влияния иранского и греческого искусства на последующих стадиях развития данного стиля (Borovka, 1929. P. 66–69, 75–76)[2].

Более сложную и неоднозначную позицию занимали в этом отношении два других основателя изучения скифского звериного стиля — Э. Х. Миннз и М. И. Ростовцев.

Э. Х. Миннз, предположив южносибирское происхождение этого феномена, допускал предварительный приход зооморфной традиции в южносибирскую прародину из юго-западной Азии и даже из критомикенского искусства (Minns, 1913. P. 261–262).

М. И. Ростовцев в своей более ранней статье (написана в 1921–1922 гг., рукопись обнаружена Г. М. Бонградом-Левиным в архиве Йельского университета, опубликована в 2001 г.) высказал мысль о едином независимом истоке для скифского и китайского зооморфного искусства: «Мы видели, что и на юге России, и в Китае звериный стиль орнаментации пришел извне. Мы видели, что родиной этого стиля не были ни Месопотамия, ни Сибирь, а какая-то местность, которая находилась под сильным влиянием Месопотамии, но имела свое искусство и свою культуру. Единственной местностью, которая удовлетворяет этим условиям, является Центральная Азия, которая, как известно, в значительной степени была заселена племенами великой иранской расы» (Ростовцев, 2001. С. 294). Но эту гипотезу нельзя назвать однозначно центральноазиатской, поскольку в предыдущих пассажах данной статьи исследователь утверждает: мотивы китайского звериного стиля были «заимствованы откуда-то, где искусство находилось в тесной связи с вавилоно-ассирийским искусством» (Ростовцев, 2001. С. 293).

Очевидно, что термин «Центральная Азия» М. И. Ростовцев употребил здесь либо: 1) в расширительном значении, которое было принято в немецкой (начиная с середины XIX в., с исследований Александра Гумбольдта) и в русской географической традиции, т. е. с включением в эту территорию, помимо прочего, и Средней Азии (см.: Обручев, 1934. Стб. 482); 2) просто взамен термина «Средняя Азия», как это принято в политологической традиции, особенно популярной в наши дни. В любом случае ясно, что М. И. Ростовцев не имел в виду ту Центральную Азию, которая в узком смысле слова, определенном Ф. Рихтгофеном, представляла собой в немецкой и русской географии, начиная с 1870-х гг., регион к востоку от Средней Азии, опоясанный со всех сторон горами и окружающий географический центр Азии (Обручев, 1934. Стб. 482–485)[3], ибо население этого региона никак не могло находиться «в тесной связи» с искусством древнего Переднего Востока.

В своей более поздней базовой монографии по звериному стилю М. И. Ростовцев предположил (наряду с иными версиями) происхождение звериного стиля Месопотамии и Китая из единого источника, одновременно подчеркнув, что в дальнейшем эти стили развивались в различных направлениях

---

[1] Также исключительно историографическое значение имеет, с учетом новых материалов, североевразийская теория Д. Н. Эдинга (Эдинг, 1940. С. 84, 98).

[2] См. также упомянутую нами выше идею Г. И. Боровки о том, что скифская трактовка фаса кошачьего хищника восходит к греческим образцам и, через их посредство, к хеттскому искусству.

[3] См. современное продолжение этой традиции: «Центральная Азия, внутриматериковая часть Азии. Пл. 5–6 млн км². На В. ограничена юж. частью Большого Хингана и хр. Тайханшань, на Ю. — продольной тектонической впадиной верхнего течения Инда и Брахмапутры, на З. и С. — горными хр. Вост. Казахстана, Алтая, Зап. и Вост. Саяна. Здесь расположены Монголия и бóльшая часть Китая» (География, 2006. Статья «Центральная Азия»).

(Rostovtzeff, 1929. P. 74). В той же книге исследователь заявляет об отказе от своей более ранней идеи о наличии общего источника скифского и китайского анималистического искусства (Rostovtzeff, 1929. P. 73). В одновременно опубликованной статье, переизданной в 1993 г. В. Ю. Зуевым, М. И. Ростовцев объяснил появление звериного стиля в Китае под влиянием кочевников «Срединной, главным образом кочевой Азии» (Ростовцев, 1993. С. 63). Таким образом, хотя в другой публикации М. И. Ростовцев постулировал, что скифо-сибирский звериный стиль берет начало не в ионийской, а в передневосточной среде[1], вопрос о его происхождении был, в конечном счете, оставлен им открытым.

Этот вопрос неизменно и всё более остро возникал и после выхода этих основополагающих работ, с учетом нарастающего объема материала, накапливаемого археологией, в особенности в послевоенное время. В результате к 1970–1980-м гг. в науке сформировались две принципиально различные концепции происхождения скифо-сибирского звериного стиля (при наличии определенных оттенков и нюансов): полицентрическая и моноцентрическая, в свою очередь, в рамках последней наиболее актуальными остаются противостоящие друг другу центральноазиатская и малоазиатская гипотезы.

В последние десятилетия центральноазиатская гипотеза, берущая начало, прежде всего, в сибирской теории Г. И. Боровки, обрела «второе дыхание» на основе раннего радиоуглеродного датирования важнейшего памятника скифо-сибирской общности — кургана Аржан-1, и была вновь поддержана В. Ю. Зуевым (Зуев, 1993. С. 38–52), Я. А. Шером (Шер, 1998. С. 226) и Д. Г. Савиновым (Савинов, 1998. С. 154–165; Савинов, 2012. С. 35–55). В частности, Д. Г. Савинов оспорил мнение об отсутствии в изначальном (нуклеарном) скифо-сибирском зверином стиле многофигурных композиций и о заимствовании последних исключительно из переднеазиатского искусства (что является одним из аргументов сторонников переднеазиатской теории происхождения скифо-сибирского звериного стиля). Д. Г. Савинов противопоставил этому идею о наличии внешне не взаимосвязанных, но внутренне единых композиций (однорядных, многорядных, круговых, «два в одном», «совмещение разных фигур в одном изображении» и «загадочные картинки»), появившиеся, по его мнению, раньше всего в центральноазиатской части «скифо-сибирского мира» (Савинов, 2012. С. 38–51).

Кроме того, центральноазиатская и китайская гипотезы происхождения скифо-сибирского звериного стиля получили в последние десятилетия особенно активную поддержку в работах Г. Н. Курочкина (Курочкин, 1993. С. 92–104), А. А. Ковалева (Ковалев, 1996. С. 123–126; Ковалев, 1998. С. 122–131) и Е. С. Богданова (Богданов, 2004. С. 50–56).

Напротив, в защиту переднеазиатской гипотезы, восходящей к работам 1960-х — 1970-х гг. (см., в частности: Артамонов, 1961. С. 31–46; Артамонов, 1962. С. 35; Артамонов, 1966а. С. 239–251; Артамонов, 1968б. С. 27–45; Блэк, 1976; Луконин, 1977. С. 11, 23–24), выступили Д. С. Раевский и М. Н. Погребова (Погребова, Раевский, 1992. С. 74–163; Погребова, Раевский, 1999. С. 260–274; Погребова, Раевский, 2001. С. 45–52). Данные исследователи в одной из своих статей (Погребова, Раевский, 2005. С. 578–588) и в недавно опубликованной совместно с С. В. Кулландой монографии (Раевский, Кулланда, Погребова, 2013. С. 152–174) обосновали идею происхождения скифского звериного стиля в западной части евразийского культурного континуума на основе воздействия переднеазиатского искусства. Последующее распространение данного стиля на широкие пространства евразийских степей вплоть до Южной Сибири объясняется авторами органическим присутствием в его поэтике языка индоиранских певцов-сказителей (отсутствие или второстепенная роль сюжетной композиции, повтор на разные лады одного и того же имени, зооморфного изображения и т. п.), облегчавшего восприятие этого стиля другими ираноязычными народами скифо-сибирского мира. Эти выводы в сочетании с палеолингвистическими реконструкциями С. В. Кулланды и анализом письменных источников позволили исследователям поставить под сомнение теорию центральноазиатского происхождения не только скифского звериного стиля, но и скифского этноса и скифской культуры в целом (Раевский, Кулланда, Погребова, 2013. С. 175–219).

Вместе с тем в последние десятилетия, прежде всего в трудах Е. В. Переводчиковой, активно разрабатывалась и полицентрическая концепция формирования художественного направления скифо-сибирского звериного стиля (Переводчикова, 1994. С. 58–85). Эту позицию разделяем и мы, поскольку такой подход подкрепляется, на наш взгляд, гетерогенностью важнейших образов, сюжетов, мотивов и художественных приемов, изначально присущих большинству локальных вариантов звериного стиля. Следовательно, механизм формирования

---

[1] «Все попытки свести генезис этого стиля к элементам ионийского художественного творчества надо считать односторонними. В Малой Азии, конечно, этот стиль представлен, и представлен ярко. Но и там он — не продукт чисто местного развития, а элементы его коренятся в ассиро-вавилонском, хеттском и древнеперсидском или, лучше, иранском художественном творчестве» (Ростовцев, 1925. С. 306).

скифского звериного стиля в его восточноевропейском варианте должен моделироваться не как реплика формирования раннескифской культуры в целом, а как процесс достаточно обособленный, имевший свою внутреннюю логику, хотя результат этого процесса, несомненно, совпадает с появлением скифской культуры (Канторович, 2008а. С. 823–824). В частности, мы подвергли сомнению существующие реконструкции распространения мотива акцентированного «горбика» на спине животных в качестве доказательства центральноазиатского происхождения скифо-сибирского звериного стиля. Наличие такового в изображениях клювоголовых оленей монголо-забайкальского типа на соответствующих сибирских и монгольских оленных камнях и в петроглифах не может рассматриваться как исходный пункт в возникновении этого мотива вообще и в скифо-сибирском зверином стиле в частности, поскольку данный мотив — древнейший и популярный в мировом зооморфном искусстве — является ничем иным, как следствием акцентирования движения зверя (будь то копытное или хищник) и обозначения собственно «звериного качества». Соответственно представления о распространении «горбика» не могут служить решающим аргументом в пользу более ранней хронологической позиции тех или иных зооморфных изображений по отношению к другим (см. подробнее: Канторович, 2001. С. 191–218).

Показательно, что элементы полицентрического подхода мы наблюдаем и в трудах некоторых сторонников моноцентрических гипотез. Так, М. И. Артамонов, сторонник переднеазиатской гипотезы, сделал оговорку в пользу происхождения некоторых образов скифского искусства, в частности, лося, в результате «приспособления заимствованных сюжетов в местной среде» (Артамонов, 1971. С. 27). А. Ю. Алексеев в своей фундаментальной монографии, посвященной хронографии Европейской Скифии, обосновывая центрально- или среднеазиатское происхождение раннескифской археологической культуры Северного Причерноморья, вывел скифский звериный стиль за рамки индикаторов данного процесса (в силу гетерогенности этого феномена), хотя и сделал исключение для ряда «мотивов, образов и иконографических схем» (Алексеев, 2003. С. 55).

Еще ближе к полицентрической концепции подошел Д. Г. Савинов. В вышеупомянутой работе он в принципе допустил разновекторное направление заимствований и индивидуальную траекторию отдельных образов скифо-сибирского звериного стиля. Так, исследователь предполагает возвратное движение темы «фантастического хищника», изначальные истоки которого, как полагает Д. Г. Савинов, уходят в эпоху бронзы и связаны с цивилизациями Ближнего Востока и его среднеазиатской периферии, откуда «в середине II тыс. до н. э. подобные изображения проникают в Центральную Азию и Южную Сибирь, где становятся достоянием окуневской изобразительной традиции» (Савинов, 1998. С. 163). После этого, по мнению Д. Г. Савинова, данные изображения доживают в Сибири до раннескифского времени и затем распространяются в скифскую эпоху на запад по степи, интегрируясь в искусство Европейской Скифии (Савинов, 1998. С. 160–164). В любом случае показательно мнение исследователя, что феномен скифо-сибирского звериного стиля — «явление многокомпонентное, в сложении которого принимали участие разные изобразительные традиции, что касается не только особенностей стиля, но и отдельно взятых образов различных животных» (Савинов, 1998. С. 132).

На наш взгляд, бесперспективно искать некую единую прародину не только всего скифо-сибирского звериного стиля, но и такого его локального макровариантa, как восточноевропейский скифский звериный стиль. В пользу особой осторожности в данном вопросе говорит большое географическое разнообразие истоков различных мотивов и художественных приемов восточноевропейского искусства скифского звериного стиля уже в его начальный период.

Так, «автохтонными» в широком смысле (северопричерноморскими и северокавказскими) представляются мотив обособленной головы хищной птицы и образ бараноптицы (восточноевропейский образ на переднеазиатско-кавказской семантической подоснове). Центральноазиатские истоки, вероятнее всего, имеют сюжет оленя со свисающими ногами («на цыпочках») и сюжет свернувшегося в кольцо хищника; центральноазиатскими или восточноказахстанскими влияниями обусловлено присутствие здесь мотива «летящего» оленя. Переднеазиатскому (ассирийскому, урартскому, хеттскому) и восточногреческому искусству местный звериный стиль обязан целым рядом образов, мотивов и художественных приемов, среди которых: образ грифона как таковой; мотив обособленной головы восточногреческого грифона и полнофигурное изображение такого грифона; сюжет хищной птицы с параллельными туловищу крыльями, развернутыми на зрителя, и с головой, повернутой в профиль (канон Мельгуновского орла); традиция обособления головы животного с помощью поперечной линии на шее; «зооморфные превращения» как изначальная идея (см. подробнее: Канторович, 2002а); гипертрофирование мускулов ног, лопатки и крупа, акцентирование лопатки в комплексе с мускулом плеча или предплечья, приведшее в дальнейшем к образованию

оригинального мотива «дробной лопатки»; мотив «редуцированной скелетности» в трактовке ребер; гипертрофирование бровных складок у копытных и хищников.

На наш взгляд, механизм формирования скифского звериного стиля в его восточноевропейском варианте — не реплика формирования раннескифской культуры в целом, как это полагает А. Ю. Алексеев (Алексеев, 2003. С. 55), а процесс достаточно обособленный, имевший свою внутреннюю логику, хотя результат этого процесса, несомненно, совпадает с появлением скифской культуры. Безусловно, традиции переднеазиатского и центральноазиатского зооморфизма в эпоху, предшествующую возникновению скифо-сибирской общности, гораздо богаче восточноевропейских. Однако уже на стадии своего зарождения восточноевропейский звериный стиль, как видим, черпал не из какого-либо одного, а из всех этих трех источников и явился продуктом сочетания пришлых и автохтонных тенденций (тогда как в период его развития добавилось еще мощное воздействие классического греческого и фракийского зооморфизма). Вот почему вывод о происхождении какого-либо отдельного образа, сюжета, мотива или художественного приема, даже отдельной их группы не может быть определяющим в вопросе происхождения восточноевропейского искусства скифского звериного стиля и всей скифской культуры в целом.

Несомненно, глобальная проблема генезиса скифо-сибирского звериного стиля не может быть решена на материале отдельного локального варианта, и соответственно при написании данной монографии нами такая задача изначально не ставилась. Однако полученные нами результаты в отношении восточноевропейского скифского звериного стиля, как представляется, говорят в пользу полицентрической теории происхождения скифо-сибирского звериного стиля и, косвенно, всей скифо-сибирской культурно-исторической области.

Заключение

Письменные источники, характеризующие скифов и родственные им народы, Скифию и скифскую культуру — как античные, так и передневосточные, как синхронные, так и диахронные, — не оставили нам каких-либо свидетельств об искусстве скифского звериного стиля. Таковыми нельзя считать сообщение Геродота о беломраморных статуях грифонов, украшавших дворец царя Скила в Ольвии (Hdt., IV, 79), поскольку эта деталь приведена «отцом истории» как свидетельство эллинофильства Скила, а название материала прямо говорит о привозном характере статуй или их заготовок. Описав скифский пантеон, Геродот рассказывает о жертвоприношениях животных (в частности, о посвящении Аресу-акинаку и прочим богам рогатого скота и лошадей (Hdt., IV, 59–62))[1], но из этого не следует, что животные у скифов были атрибутами определенных божеств. Опять-таки невозможно соотнести с конкретными скифскими божествами какие-либо образы звериного стиля или их природные прототипы.

Использование животных в качестве средства кодирования зон мироздания мы встречаем в сообщении Геродота о скифских «дарах» персам (Hdt., IV, 131–132), но только птицы, обозначающие небо, находят параллели в образах звериного стиля, тогда как маркирующие земную и водную стихию мыши и лягушки в этом искусстве практически не известны. Лишь особая роль зайца в скифском мировосприятии, отраженная Геродотом в рассказе о несостоявшейся битве скифов с персами (Hdt., IV, 154), на который обращали внимание многие исследователи (в первую очередь Д. С. Раевский, Ю. Б. Полидович и Г. Н. Вольная), может объяснить присутствие этого образа (причем, как мы видели, далеко не самого популярного) в репертуаре скифского звериного стиля.

Таким образом, основным источником для исследования скифского звериного стиля остается изучение соответствующих изображений и их культурного контекста. В этой ситуации особенно возрастает значение систематизации скифского звериного стиля, всестороннего и всемерного учета изображений и их многочисленных признаков, а также важную роль играет разработка единых критериев и единого алгоритма описания различных локальных вариантов скифо-сибирского звериного стиля.

Именно с этой целью нами была разработана таксономическая система, позволившая классифицировать, описать типы и установить хронологию массива изображений восточноевропейского скифского звериного стиля. При этом даже при рассмотрении композиции из нескольких животных (сцены терзания, преследования, геральдического сочетания и др.) каждое изображение изучалось обособленно в рамках соответствующего таксона наравне с одиночными изображениями. Сюжетный смысл, характерный для тех же сцен терзания, в этом случае учитывался в последнюю очередь. Принцип такой классификации основан на общепризнанном выводе о том, что скифо-сибирскому звериному стилю была изначально присуща замкнутость образа отдельного животного в себе, его закрытый, изолированный характер. Сюжетные многофигурные сцены были первоначально чужды этому искусству, и даже при анализе многофигурных композиций возможно изолированное изучение каждого изображения (Артамонов, 1968б. С. 45; Федоров-Давыдов, 1976. С. 17–20, 54, 65; Переводчикова, 1994. С. 54–55).

Как показало наше исследование, классификационно-типологический метод, разработанный О. Монтелиусом и В. А. Городцовым и применяемый к основным археологическим категориям изделий, вполне позволяет, при учете специфики материала, систематизировать и зооморфные изображения, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле. Применение классификационно-типологического метода к восточноевропейскому скифскому звериному стилю позволило провести

---

[1] Ср. более позднее свидетельство Лукиана Самосатского о жертвоприношении быка с последующим ритуалом усаживания на шкуру с призывом о помощи (Luc, Tox. 48).

первое совокупное исследование данного локального варианта скифо-сибирского звериного стиле как единого культурно-исторического феномена на основе современной обширной источниковой базы.

Анализ 2538 оригинальных изображений и дифференцирование 355 морфологических типов восточноевропейского скифского звериного стиля продемонстрировали наличие большого массива «общескифских» типов и ряда иконографических линий, характерных для всего пространства скифской археологической культуры. Это позволило подтвердить, с учетом нового массового материала, сложившуюся в науке концепцию единства лесостепного, степного и северокавказского субвариантов искусства скифского звериного стиля (см., например: Шкурко, 1975а. С. 9–10). Они формируют единый локальный вариант в системе искусства скифо-сибирского мира и, собственно, в совокупности определяют пределы скифской археологической культуры — продукта деятельности скифов и родственных скифам народов, а также нескифских народов этих регионов, вовлеченных в единое идеолого-информационное и эстетическое пространство.

Статистическое исследование, призванное выявить соотношение репертуара восточноевропейского скифского звериного стиля и макрокатегорий изделий, украшаемых или оформляемых в этой манере, продемонстрировало абсолютное преобладание изображений, оформляющих предметы конского снаряжения и вооружения. Тем самым был полностью подтвержден вывод А. И. Мелюковой о том, что «именно воинская среда определяла формирование эстетических принципов скифского искусства, которые проявлялись не только в выборе сюжетов, но и в стиле изображений» (Мелюкова, 1989б. С. 101). При этом для большинства наиболее популярных изобразительных типов можно говорить о наличии некоей иконографической модели, используемой мастером для оформления изделий самых разных категорий и макрокатегорий, независимо от материала вещи и технологии ее производства.

Применение единого алгоритма датирования морфологических типов изображений по объективным показателям сделало возможным определение хронологических границ каждого типа (что не исключает определенную коррекцию хронологии при появлении новых данных в ходе накопления археологического материала). По итогам этой хронологии сами типы, в особенности объединяющие значительные массивы изображений, можно квалифицировать как хроноиндикаторы, устанавливающие предельные временные рамки археологических комплексов, содержащих соответствующие изображения, что должно упрочить датирующие возможности изделий, выполненных в скифском зверином стиле.

Предпринятые нами типологический, хронологический и статистический анализ и реконструкция межтиповых взаимодействий массива изображений восточноевропейского скифского звериного стиля позволили определить репертуарные предпочтения в рамках данного художественного направления в целом и их динамику на протяжении существования скифской археологической культуры. Исследование продемонстрировало существенные изменения в рамках ряда образов и сюжетов при переходе от периода «скифской архаики» VII–VI вв. до н. э. к эпохе «скифской классики» V–IV вв. до н. э., подтвердив обоснованность сложившейся в научной литературе традиции дифференцирования двух этих стадий в развитии скифской археологической культуры. В то же время был выявлен ряд константных морфологических типов, иконографических тенденций и художественных приемов, определяющих иконографию зооморфных образов и сюжетов на протяжении всего существования скифской археологической культуры, что говорит о внутренней целостности скифского звериного стиля.

Хронология изображений и их морфологических типов показала, что наиболее ранними памятниками, содержащими произведения восточноевропейского скифского звериного стиля, являются комплексы, переходные от предскифского к скифскому горизонту, сочетающие элементы обеих стадий и находящиеся на Северном Кавказе. При этом наблюдается достаточно быстрое возникновение и развитие феномена скифского звериного стиля, сохраняющего в первое время своего существования в ряде мотивов рудименты предскифской («киммерийской») орнаментики и следы предскифской иконографии зооморфных образов. Это наблюдение не позволяет «растягивать» на длительный промежуток времени процесс формирования раннескифского комплекса образов, сюжетов, мотивов и художественных приемов восточноевропейского звериного стиля (что важно в контексте непрекращающихся споров относительно истоков скифской культуры и хронологии ее начальной стадии). Напротив, данный процесс, начавшись в первой полвине VII в. до н. э. с еще спорадической реализации отдельных зооморфных тем в редуцированном воплощении, восходящих к северокавказским предскифским корням, приобрел динамизм и размах, начиная со второй трети — второй половины VII в. до н. э., что определялось в этот период тремя факторами: 1) безусловными художественными импульсами и вероятными миграционными волнами из более восточных зон скифо-сибирского мира; 2) воздействием переднеазиатской стилистики (следствие скифских походов в Закавказье и Переднюю Азию и иных контактов

скифской культуры с искусством этих регионов); 3) влиянием ионийского искусства (по крайней мере со второй половины VII в. до н. э.).

Глобальная проблема генезиса скифо-сибирского звериного стиля не может быть решена на материале отдельного локального варианта. Однако полученные автором результаты в отношении восточноевропейского скифского звериного стиля говорят в пользу полицентрической концепции происхождения скифо-сибирского звериного стиля и, косвенно, всего звериного стиля скифо-сибирской культурно-исторической области.

Преимущество полицентрического подхода состоит в том, что с его помощью легче объяснить изначальную гетерогенность образно-сюжетного репертуара и системы художественных приемов скифо-сибирского звериного стиля. Эти элементы, смешивавшиеся в «плавильном котле» искусства евразийских кочевников скифской эпохи и сформировавшие феномен скифского звериного стиля, тем не менее, сохраняют следы своего происхождения. Поэтому соответствие между художественными источниками скифо-сибирского звериного стиля и историческими судьбами номадов скифо-сибирского мира может быть установлено лишь конкретно и дискретно.

Что же касается финальной стадии восточноевропейского скифского звериного стиля, иконография и хронология изображений и типов на массовом материале подтверждает традиционно констатируемое в науке угасание этого художественного направления в конце IV — начале III в. до н. э. Этому причиной, очевидно, была потеря собственной манеры под мощным воздействием греческого искусства, а также само крушение исторического могущества скифов и соответствующей скифской археологической культуры вследствие сарматского давления и возможных природных катаклизмов в восточноевропейской степи. Кроме того, в рамках некоторых немногочисленных морфологических типов изобразительная динамика демонстрирует эволюцию в направлении художественной манеры сарматского звериного стиля. В целом же, очевидно, восточноевропейский скифский звериный стиль исчезает вместе со всем комплексом скифской археологической культуры, оставляя лишь отдельные образно-сюжетные атавизмы в позднескифской археологической культуре.

Итак, детальный анализ восточноевропейского локального варианта скифо-сибирского звериного стиля позволил расширить и уточнить общие представления о скифской археологической культуре, идеологии и эстетических нормах ее создателей, о ее истоках, эволюции, хронологии, исторических судьбах, о ее взаимосвязях с иными археологическими культурами.

Кроме того, проведенное нами исследование показало, что существует принципиальная возможность создания универсальной таксономической системы, единого «классификационного языка» для описания всего массива изображений скифо-сибирского звериного стиля, что продемонстрировано на примере одного из его крупнейших локальных вариантов — восточноевропейского скифского звериного стиля.

Дальнейшими задачами исследования скифского звериного стиля, как представляется, могли бы стать:

1) универсальная систематизация массива изображений всего скифо-сибирского звериного стиля с учетом предложенной таксономической основы и разработанного кода обозначения типов изображений в соответствии с принятой таксономией;

2) создание на этой основе единой базы данных по изображениям скифо-сибирского звериного стиля;

3) дифференцированный поиск истоков конкретных образов, сюжетов, мотивов и художественных приемов (что позволит более успешно решать проблему возникновения скифо-сибирского звериного стиля, в совокупности представляющегося полигенетичным).

Предлагаемая систематизация может послужить определенным дополнением и проверкой дифференцирования признаков на значимые и незначимые с точки зрения образной принадлежности зооморфных персонажей и, следовательно, семантики этих персонажей и их анатомических деталей. Целесообразны и специальные исследования определенных образов и мотивов скифо-сибирского звериного стиля как единого явления, а также дальнейшая классификация многофигурных композиций на основании сформировавшейся в искусствоведении теории композиции. Все это в комплексе позволит всесторонне изучить феномен скифо-сибирского звериного стиля — одного из компонентов «скифской триады», важнейшего признака археологических культур скифо-сибирской культурно-исторической области, яркого индикатора историко-культурных процессов в степях Евразии и на сопредельных территориях в скифскую эпоху.

Список литературы и архивных материалов

Абрамов А. П., 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // Боспорский сборник. № 3. М.: Архэ. С. 4–135.

Абрамова М. П., 1974. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. № 2. С. 195–212.

Авеста, 1997 — Авеста в русских переводах (1861–1996) / Сост., общая ред., примеч. и справ. раздел И. В. Рака. СПб.: Журнал «Нева»; РХГИ. 480 с.

Агульников С. М., Попович С. С., Церна С. В., Топал Д. А., 2013. Скифский курган № 7 у с. Пуркарь на Нижнем Днестре // Stratum plus. № 3. С. 257–284.

Агульников С., Савва Е., 2004. Исследования курганов на левобережье Днестра. Кишинэу: CEP USM. 243 с.

Агульников С. М., Субботин А. В., 1997. Скифский курган V в. до н. э. в Днестровском Правобережье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Сборник научных статей Международной археологической конференции / Отв. ред. С. Б. Охотников. Одесса: Ветаком. С. 182–186.

Акишев К. А., 1973. Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата [б/изд.]. С. 43–58.

Акритас П. Г., 1961. Археологические исследования Чегемского ущелья в 1959 г. // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. 9. Нальчик: Кабард. книжное изд-во. С. 177–192.

Аксьонов В. С., Бабенко Л. И., 2008. Катакомбне поховання IV ст. до н. е. поблизу смт Коротич // Проблемы археологии Восточной Европы. К 85-летию Б. А. Шрамко / Отв. ред. С. И. Посохов. Харьков: Курсор. С. 7–18.

Алексеев А. Ю., 1991. Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н. э. // АСГЭ. Вып. 31. С. 43–56.

Алексеев А. Ю., 1992. Скифская хроника (Скифы в VII–IV вв. до н. э. Историко-археологический очерк). СПб.: Петербургкомстат. 206 с.

Алексеев А. Ю., 1995. Скифское погребение V в. до н. э. в кургане Малая Цимбалка (Раскопки И. Е. Забелина в 1868 г.) // АСГЭ. Вып. 32. С. 53–59.

Алексеев А. Ю., 1996. О так называемых «нащитных эмблемах» скифской эпохи // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. А. Иессена / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 130–134.

Алексеев А. Ю., 2003. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 416 с.

Алексеев А. Ю., 2012. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2012. 272 с.

Алексеев и др., 2005 — Алексеев А. Ю., Боковенко Н. А., Васильев С. С., Дергачев В. А., Зайцева Г. И., Ковалюх Н. Н., Кук Г., Ван дер Плихт Й., Посснерт Г., Семенцов А. А., Скотт Е. М., Чугунов К. В. Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб.: «Теза». 290 с.

Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтасьев С. Р., 1993. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб.: Информационно-исследовательский институт «Ермаков». 121 с.

Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р., 1991. Чертомлык. (Скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев: Наукова думка. 416 с.

Алексеев А. Ю., Рябкова Т. В., 2010. Скифы // Античное наследие Кубани. В 3 т. / Под ред. Г. М. Бонгарда-Левина, В. Д. Кузнецова. Т. 1. М.: Наука. С. 236–259.

Алексеева И. Л., Булатович С. А., 1990. Два кургана на левобережье Днестровского лимана // Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины. Вестник Черноморской ассоциации археологов и любителей древности / Отв. ред. А. О. Добролюбский. Вып. 1. Одесса; Запорожье: Изд-во Запорожского университета. С. 35–48.

Алексеева И. Л., Охотников С. Б., Редина Е. Ф., 1997. Скифское погребение у г. Арциз // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимодействия античной и варварских культур (IV в. до н. э. — IV в. н.э.). Материалы полевого семинара / Отв. ред. Е. В. Яровой. Тирасполь: ПГУ. С. 48–55.

Андриенко В. П., 1978. Новые раскопки у с. Пожарная Балка // АО за 1977 г. М.: Наука. С. 289.

Андриенко В. П., 1999. О находках изображений рогатых птиц на поселениях Ворсклы // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докладов. Харьков: НМЦ «МД». С. 22–23.

Андриенко В. П., 2001. Детали конской узды с поселения Пожарная Балка // ДАС. Вып. 9. С. 46–54.

Андросов А. В., Мухопад С. Е., 1987. Скифский аристократический курган «Каменская Близница» // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Вып. 1 / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ. С. 54–74.

Античные государства, 1984 — Античные государства Северного Причерноморья / Серия: Археология СССР. М.: Наука. 392 с.

Анфимов Н. В., 1975. Новый памятник древнемеотской культуры (могильник хут. Кубанского) // Скифский мир / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 35–51.

Анфимов Н. В., 2011. Древнее золото Кубани. Краснодар: Традиция. 268 с.

Апальков А. Н., 1995. Находки предметов вооружения скифского времени в междуречье Сейма и Сосны // РА. № 2. С. 149–152.

Аптекарев А. З., 1986. Комплекс вещей V до н. э. из станицы Старокорсунской // СА. № 4. 245–249.

Арсланова Ф. Х., 1974: Новые материалы VII–VI вв. до н. э. из Восточного Казахстана // Бронзовый и железный век Сибири / Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Вып. 4. Новосибирск: Наука, Сибирское отд. С. 77–83.

Артамонов М. И., 1961. К вопросу о происхождении скифского искусства // Omagiu lui George Oprescu. Bucuresti: Editura Academiei Republicii Populare Romîne. P. 31–46.

Артамонов М. И., 1961а. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. Вып. 2. С. 57–87.

Артамонов М. И., 1962. К вопросу о происхождении скифского искусства // СГЭ. [Вып.] XXII. С. 30–35.

Артамонов М. И., 1966а. К предыстории скифо-сибирского звериного стиля // Melanges offerts a Kazimierz Michalowsky. Warszaw: Państwowe Wydawn. Naukowe. P. 239–251.

Артамонов М. И., 1966б. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага: Артия; Ленинград: Советский художник. 306 с.

Артамонов М. И., 1968а. Куль-обский олень // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Ленинград: Наука. С. 9–16.

Артамонов М. И., 1968б. Происхождение скифского искусства // СА. 1968. № 4. С. 27–45.

Артамонов М. И., 1971. Скифо-сибирский звериный стиль (основные этапы и направления) // Проблемы скифской археологии (МИА № 177). С. 24–36.

Артамонов М. И., 1973. Сокровища саков. Аму-Дарьинский клад. Алтайские курганы. Минусинские бронзы. Сибирское золото. М.: Искусство, 1973. 380 с.

Артамонов М. И., 1976. Искусство скифов // Триста веков искусства. Искусство европейской части СССР. М.: Искусство. С. 64–89.

Археология в Ростовском…, 2005 — Археология в Ростовском университете (1915–2005 гг.) / Отв. ред. В. В. Ключников. Ростов-на-Дону: НОЦ «Археология». 39 с.

Арциховский А. В., 1947. Введение в археологию, 3-е изд. М.: МГУ, 1947. 132 с.

Бабенко Л. І., 2000. Біметалічне навершя скіфської доби // Археологія. № 3. С. 147–148.

Бабенко Л. И., 2004. Комплекс речей поховання IV ст. до н. е. біля Пересічної // Археологія. № 3. С. 33–37.

Бабенко Л. И., 2005. Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: Райдер. 284 с.

Бабенко Л. И., 2012. Об одном иконографическом варианте образа грифона в греко-скифской торевтике // Древности: Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков: НТМТ. С. 105–116.

Бабенко Л.І., 2019. Навершя із Чмиревої Могили // Археологія і давня історія України. Вип. 4 (33) . С. 295–312.

Бабенко Л. І., Ліфантій О. В., 2019. Атрибуція речей із забутого комплексу з розкопок біля с. Васильків // Археологія і давня історія України. Вип. 4 (33). С. 97–108.

Балахванцев А. С., 2012. Арамейская надпись из Рысайкино (к вопросу о скифских походах в Переднюю Азию) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международ. науч. конференции, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. Т. 2. СПб.: ИИМК РАН, Периферия. С. 358–361.

Бандрівський М. С., 1996. Про час появи найраніших зразків скіфського звіриного стилю на заході України // Білське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Европи / Под ред. О. Б. Супруненко. Полтава: ЦОДПАб вид. центр Археологія. С. 345–352.

Бандрівський М. С., 2010. Образотворчі традиції на заході Українського Лісостепу у VII — напочатку VI ст. до нар. Хр.: витоки і причини трансформації // Археологический альманах. № 21. Изобразительное искусство в археологическом наследии / Отв. ред. Ю. Б. Полидович, А. Н. Усачук. Донецк: ООО Лебедь. С. 145–177.

Бандривский М. С., 2013. Курганы в Швайковцах и Коцюбинчиках — новый источник для датировки Западно-подольской группы раннескифской культуры (по материалам раскопок 2007–2009 гг.) // Российский археологический ежегодник. № 3. С. 341–361.

Бандуровский А. В., 2002. Ольвия как один из центров производства изделий в зверином стиле // АВУ 2000–2001 гг. Киев: ИА НАНУ. С. 89–90.

Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В., 2000. Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). Киев: ИА НАНУ. 236 с.

Бандуровский А. В., Буйнов Ю. В., Дегтярь А. К., 1998. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина // Люботинское городище. Сборник научных трудов / Отв. ред. Ю. В. Буйнов. Харьков: Регион-Информ. С. 143–182.

Баркова Л. Л. 1983. Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинках из Майэмира // АСГЭ. Вып. 24. С. 20–31.

Баркова Л. Л., 1984. Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана // АСГЭ. Вып. 25. С. 83–89.

Баркова Л. Л., 1987. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая // АСГЭ. Вып. 28. С. 5–29.

Баркова Л. Л., 1990. Образ оленя в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // АСГЭ. Вып. 30. С. 55–66.

Батчаев В. М., 1985. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1979 гг. / Отв. ред. В. И. Марковин. Вып. II. Нальчик: Эльбрус. С. 7–115.

Беглова Е. А., Эрлих В. Р., 2018. Меоты Закубанья в сарматское время (по материалам Тенгинского грунтового могильника). М.; СПб.: Нестор-История. 384 с.

Безматерных А. Е., 2004. Античные амфоры в курганах скифского времени лесостепного Дона // Старожитности Степового Причорномор'я і Криму. Т. XI. Запоріжжя: ЗДУ. С. 19–23.

Безсонова С. С., 1977. Образ собако-птаха в мистецтві Північного Причерномор'я скифськоі пори // Археологія. № 23. С. 11–24.

Бейсов Г. С., 1981 Отчет об исследовании кургана № 2 в зоне строительства завода по производству железобетонных труб в г. Азове Ростовской обл. в 1980 г. // Архив ИА АН СССР. № Р-1/8083, 8065б. Азов.

Белинский А. Б., Канторович А. Р., Маслов В. Е., Райнхольд С., 2013. Раскопки могильника Уллу в Центральном Предкавказье // Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: взаимодействие и преемственность культур. Четвертая Абхазская междунар. археол. конференция. Тезисы докладов. Сухум: Абхазский институт гуманитарных исследований. С. 18–19.

Березин Я. Б., Маслов В. Е., 2012. Скифский меч из могильника «Энергетик-3» // Историко-археологический альманах. Вып. 11 / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир: Азовский краеведческий музей; Краснодар; М.: ИА РАН. С. 32–36.

Березин Я. Б., Ростунов Е. И., 2011. Сарматские захоронения Кобийского могильника // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. № 12. С. 60–108.

Березуцкий В. Д., 2006. Курганы скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону (раскопки 2004 г.) // Археологические памятники Восточной Европы. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 12. Воронеж: Научная книга. С. 138–147.

Березуцкий В. Д., Маликов А. В., 1999. Находка изделия в зверином стиле с окраины г. Воронежа // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Тезисы докладов научной конференции. Липецк: ТД НК / ЛипецГПИ. С. 113–114.

Березуцкий В. Д., Разуваев Ю. Д., 2004. Курганный могильник скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону // Археология среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 53–68.

Беспалый Е. И., Парусимов И. Н., 1987. Отчет о работах Приморского археологического отряда Азовского историко-краеведческого музея за 1986 г. Азов // Архив ИА АН СССР № Р-11388.

Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И., 2009. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник Высочино / Серия «Материалы и исследования по археологии Юга России». Вып. 1. Ростов-на Дону: Изд-во ЮНЦ РАН. 224 с.

Бессонова С. С., 1983. Религиозные представления скифов. Киев: Наукова думка. 138 с.

Бессонова С. С., 1994. Курганы Лесостепного Побужья // Древности скифов. Киев: ИА АН Украины. С. 3–33.

Бессонова С. С., 2004. Крылатый конь — гиппокамп — морской конек и скифский Посейдон // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Т. XI / Отв. ред. П. П. Толочко. Запоріжжя: ЗДУ. С. 25–30.

Бессонова С. С., 2009. Ритон из Братолюбовского кургана (к вопросу о датировке центрального захоронения) // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С. А. Скорого / Серия «Археология и древняя история Украины» / Отв. ред. С. С. Бессонова. Киев; Полтава: ИА НАНУ. С. 30–38.

Бессонова С. С., 2011. Скифская пантера (к вопросу о семантике образа) // Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки». 15–17 листопада 2010 р. / Отв. ред. Л. В. Строкова. Київ: Музей історичних коштовностей України. С. 49–66.

Бессонова С. С., Скорый С. А., 1986. Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // СА. № 4. С. 158–170.

Бессонова С. С., Скорый С. А., 2001. Мотронинское городище скифской эпохи (по итогам раскопок 1988–1996 гг.). Киев; Краков: Киевская типография ФНУ. 256 с.

Бессонова и др., 1988 — Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А. Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. Киев: Наукова думка. 216 с.

Бідзіля В. І., 1971. Дослідження Гайманової Могили // Археологія. № 1. С. 44–55.

Бидзиля и др., 1977 — Бидзиля В. И., Болтрик Ю. В., Мозолевский Б. Н., Савовский И. П. Курганный могильник в урочище Носаки // Курганные могильники Рясные могилы и Носаки (предварительная публикация) / Отв. ред. В. И. Бидзиля. Киев: Наукова думка. С. 61–158.

Бидзиля В. И., Полин С. В., 2012. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф. 752 с., 64 илл.

Блэк В. Б., 1976. К вопросу об истоках скифо-сарматского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 30–39.

Бобринский А. А., 1887. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. I. Дневники пятилетних раскопок гр. Алексея Бобринского. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича. 172 с., 24 табл.

Бобринский А. А., 1894. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 2: Дневники раскопок 1887–1889 гг. СПб.: Типография В. С. Балашева и Ко. 233 с., 30 табл.

Бобринский А. А., 1901. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 3. Дневники раскопок 1889–1897 гг. СПб.: Типография Главного Управления уделов. 174 с., 21 табл.

Бобринский А. А., 1905. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 году в Чигиринском уезде Киевской губернии // ИАК. Вып. 14. С. 1–43.

Бобринский А. А., 1905а. Отчет о раскопках близ с. Журовки и Капитановки (Чигиринского уезда Киевской губернии) в 1904 году // ИАК. Вып. 17. С. 77–98.

Бобринский А. А., 1906. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1905 году // ИАК. Вып. 20. С. 1–16.

Бобринский А. А., 1910. Исследования в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1907 году // ИАК. Вып. 35. С. 48–60.

Бобринский А. А., 1910а. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1908 году // ИАК. Вып. 35. С. 61–85.

Бобринский А. А., 1914. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1912 году // ИАК. Вып. 54. С. 99–102.

Бобринский А. А., 1916. Отчет о раскопках в Киевской губернии в 1913 году // ИАК. Вып. 60. С. 1–6.

Бобринский Н. А., 1960. Животный мир и природа СССР. М.: АН СССР. 470 с.

Богданов Е. С., 2004. Проблема происхождения образа хищника, свернувшегося в кольцо, в «восточной провинции» скифского мира // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4. С. 50–56.

Богданов Е. С., 2006. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии. Новосибирск: ИАЭ СО РАН. 240 с.

Бокій Н. М., 1970. Нові пам'ятки скіфського звіриного стилю в Кіровоградщини // Археологія. Т. XXIII. С. 182–193.

Бокий Н. М., 1971. Археологические работы на Кировоградщине в 1968 году // АИУ за 1968 г. С. 154–159.

Болтрик Ю. В., 1998. Вепрь — один из символов скифского Ареса // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Междунар. науч. конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора М. И. Артамонова. Тезисы докладов / Отв. ред. Г. В. Вилинбахов, А. Д. Столяр. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 80–81.

Болтрик Ю. В., 2002. Курганы скифской элиты в междуречье Нижнего Днепра и Дона // Великая Скифия: (Учебное пособие для специального курса лекций по археологии) / Отв. ред. В. Ю. Мурзин, Г. Н. Тощев. Киев; Запорожье: ИА НАНУ, ЗГУ. С. 55–66.

Болтрик Ю. В., Савовский И. П., 1991. Курган Плоская Могила // Курганы степной Скифии / Отв. ред. Ю. В. Болтрик, Е. П. Бунятян. Киев: Наукова думка. С. 98–107.

Болтрик Ю. В., Фіалко О. С., 1991. Огуз — курган скіфського царя кінця IV ст. до н.е. // Золото степу: Археологія України / Отв. ред. П. П. Толочко, В. Ю. Мурзин. Киев; Шлезвіг [б/изд.]. С. 178–180.

Болтрик Ю. В., Фиалко Е. Е., Чередниченко Н. Н., 1994. Бердянский курган // РА. № 3. С. 140–156.

Болтрик Ю. В., Фіалко О. Е., 2012. Останні дослідження кургану Чмирева Могила // Археологія и давня історія України. Вип. 8. С. 50–57.

Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А., 2001. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. СПб.: Алетейя. 816 с.

Боровка Г. И., 1994. Распространение древнегреческого сюжета через Скифию и Бактрию в древний Китай // ДАС. Вып. 5. С. 20–76.

Бородаев В. В., 1998. Вакулихинский клад (комплекс находок раннескифского времени с местонахождения Вакулиха-I) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье / Отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алтайского университета. С. 56–73.

Братченко С. Н., Швецов М. Л., Дубовская О. Р., 1989. Курган IV в. до н. э. в бассейне Северского Донца // СА. № 1. С. 170–177.

Браун Ф. А., 1906. Отчет о раскопках в Таврической губернии в 1898 г. // ИАК. Вып. 19. С. 81–116.

Брашинский И. Б., 1973. Раскопки скифских курганов на Нижнем Дону // КСИА. Вып. 133. С. 54–61.

Брашинский И. Б., 1980а. Греческий керамический импорт на Нижнем Дону в V–III вв. до н. э. Ленинград: Наука, Ленингр. отд. 268 с.

Брашинский И. Б., 1980б. Результаты раскопок Елизаветовского городища и могильника // АО за 1979 г. С. 99–100.

Бруяко И. В., Островерхов А. С., 2010. Новые памятники звериного стиля из Нижнего Поднестровья // Записки отдела нумизматики и торевтики Одесского археологического музея. Вып. I. Одесса: СМИЛ. С. 113–121.

Буйских С. Б., Островерхов А. С., 1994. Кабаний клык с зооморфным изображением из Глубокой Пристани // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов междунар. конференции. Запорожье [б/изд.]. С. 34–38.

Бунятян Е. П., 1977. Курганная группа Шевченко III // Курганы южной Херсонщины / Отв. ред. Е. В. Черненко. Киев: Наукова думка. С. 97–128.

Бурков С. Б., Маслов В. Е., 2007. Воинские погребения из курганов у станицы Ассиновской // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М. П. Абрамовой / Отв. ред. В. И. Козенкова, В. Ю. Малашев (МИАР. Вып. 8). С. 295–320.

Вальчак С. Б., 1998. Предметы эпохи поздней бронзы — раннего железа из коллекций Восточной Украины и их аналогии // АЛЛУ. № 1–2. С. 19–22.

Вальчак С. Б., 2009. Конское снаряжение в первой трети 1-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М.: ТАУС. 292 с.

Васильев В. Н., 1998. К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // Уфимский археологический вестник. Вып. 1. С. 25–43.

Вахтина М. Ю., 2000. Келермесское зеркало, сектор 6: лиса, медведь и птица // Stratum plus. № 3. С. 52–71.

Вахтина М. Ю., 2005. Греческое искусство и искусство Европейской Скифии в VII–IV вв. до н. э. // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.: Алетейя. С. 297–399.

Вдовиченко И. И., 2003. Античные расписные вазы из крымских музеев. Каталог коллекций. Симферополь: СОНАТ. 128 с.

Венедиков И., Герасимов Т., 1973. Тракийското изкуство. София: Български художник. 408 с.

Вітрик І. С., Данилко Н. М., 2002. Поховання знатної скіфянки у «Великому кургані» М. І. Веселовьского // Музейні читання. Матеріали наукової конференції, грудень 2001 р. / Отв. ред. Л. С. Клочко. Київ: Музей історичних коштовностей України. С. 138–149.

Виноградов В. Б., 1963. Сарматы Северо-Восточного Кавказа / Труды Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Т. VI. 135 с.

Виноградов В. Б., 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV века до н. э.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство. 390 с.

Виноградов В. Б., 1974. Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии // СА. № 4. С. 258–262.

Виноградов В. Б., Шкурко А. И., 1963. О некоторых предметах звериного стиля из Центрального Предкавказья в скифское время // Сборник докладов на VI и VII Всесоюзных археологических студенческих конференциях Московского государственного университета. М.: МГУ. С. 37–59.

Винокур І. С., 1985. Історія Лісостепового Подністров'я і Південного Побужжя. Київ; Одеса: Вища школа, 1985. 124 с.

Вишневская О. А., 1973. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. / Труды Хорезмской

археолого-этнографической экспедиции. Вып. VIII. М.: Наука. 160 с.
Власова Е. В., 2010. Древности эллинские и местные // Античное наследие Кубани. В 3 т. / Под ред. Г. М. Бонгарда-Левина, В. Д. Кузнецова. Т. 3. М.: Наука. С. 198–262.
Волкобой С. С. и др., 1979 — Волкобой С. С., Шалобудов В. Н., Лихачев В. А. Скифский могильник «Славянка» на Днепропетровщине // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. Вып. 3 / Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск: Изд-во ДГУ. С. 45–61.
Волков В. В., 2002. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир. 248 с.
Волков И. Г., 1983. Скифские прорезные навершия из Прикубанья // АСГЭ. Вып. 23. С. 57–59.
Вольная Г. Н., 2002. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тыс. до н. э. Владикавказ: Иристон. 145 с.
Вольная Г. Н., 2013. Об атрибуции находок из курганов Понуро-Калининской оросительной системы Краснодарского края в собрании Музея Института истории и археологии СОГУ // Шестая Международная кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар: Экоинвест. С. 69–72.
Воронина Р. Ф., 1962. О некоторых кинжалах и акинаках Курской области // Лесостепные культуры скифского времени / Отв. ред. А. И. Мелюкова. (МИА. № 113). С. 130–133.
Воронов Ю. Н., 1975. Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н. э. // Скифский мир / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 218–234.
Воронов Ю. Н., 1991. Новые материалы античной эпохи из окрестностей Диоскуриады // СА. № 1. С. 225–234.
Вязьмитина М. И., 1963. Ранние памятники скифского звериного стиля // СА. № 2. С. 158–170.
Габуев Т.А, Эрлих В. Р., 2001. Два погребения V в. до н. э. из Предкавказья (Из материалов Государственного музея Востока) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки (МИАР. Вып. 3). С. 112–125.
Гаврилюк Н. А., Грищенко В. Н., Яблоновская-Грищенко Е. Д., 1999. Авифауна скифской торевтики // Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки» / Отв. ред. Ш. Г. Арустамян. Київ: Національноий музей історії України. С. 56–64.
Гавриш П. Я., 1999а. Деталі кінськоі збруі в матеріалах розкопок Книшівського городища // ПАЗ. № 3. С. 148–151.
Гавриш П. Я., 1999б. Нові археологічні знахідки в Західній фортеці Більского городища // ПАЗ. № 3. С. 100–105.
Гавриш П. Я., 2000. Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Припсілля). Полтава: Археологія. 233 с.
Гадиев У. Б., 2003. К вопросу об этнической принадлежности воинского захоронения скифского времени из с. Барсуки // Газета «Сердало». № 13 от 25.10.2003.
Гайдукевич В. Ф., Капошина С. И., 1951. К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. Вып. XV. С. 162–187.
Галанина Л. К., 1977. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга). САИ. Д1-33. 68 с.
Галанина Л. К., 1980. Курджипский курган. Памятник культуры прикубанских племен IV века до н. э. Ленинград: Искусство. 128 с.
Галанина Л. К., 1983. Раннескифские уздечные наборы // АСГЭ. Вып. 24. С. 32–35.
Галанина Л. К., 1994. К проблеме хронологии Келермесских курганов // РА. № 1. С. 92–107.
Галанина Л. К., 1997. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи / Серия «Степные народы Евразии». Т. 1. М.: Палеограф. 270 с., 44 табл.
Галанина Л. К., 1999. Ульский курган (раскопки Н. И. Веселовского в 1910 г.) // АСГЭ. Вып. 34. С. 58–67.
Галанина Л. К., 2005. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н. э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским в 1913 г.) // АСГЭ. Вып. 37. С. 97–108.
Галанина Л. К., 2006. Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа. Келермесские курганы. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 80 с.
Галанина Л. К., 2010. Конское снаряжение из коллекции елизаветинских древностей, хранящихся в Государственном Эрмитаже (раскопки Н. И. Веселовского 1914, 1915, 1917 гг.) // АСГЭ. Вып. 38. С. 107–122.
Галанина Л. К., Алексеев А. Ю., 1990. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. Вып. 30. С. 34–54.
Галанина Л. К., Алексеев А. Ю., 2010. Древности скифской эпохи из Прикубанья // Античное наследие Кубани. В 3 т. / Под ред. Г. М. Бонгарда-Левина, В. Д. Кузнецова. Т. 3. М.: Наука. С. 170–197.
География, 2006 — География. Энциклопедия / Гл. ред. А. П. Горкин. Серия: Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн-Пресс. 624 с.
Гёрц К. К., 1898. Собрание сочинений, изданное Императорской Академиею наук на средства капитала имени профессора К. К. Герца. Вып. 2. Исторический обзор археологических исследований и открытий на Таманском полуострове с конца XVIII ст. до 1859 г. Изд. 2-е. СПб.: Типография Императорской Академии наук. 189 с.
Гончарова Л. Ю., 2000. Иконографические аспекты звериного стиля лесостепного Подонья V — начала III вв. до н. э. // Донская археология. Вып. 3–4. С. 51–61.
Гончарова Л. Ю., 2001а. Звериный стиль в искусстве населения лесостепного Подонья в скифское время. Автореферат дисс. … канд. ист. наук. Воронежский гос. университет. 17 с.
Гончарова Л. Ю., 2001б. Искусство Лесостепного Подонья и Европейской Скифии в IV — начале III в. до н. э.: черты сходства и различия // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. А. Н. Бессуднов. Липецк: ЛГНУ, Гос. дирекция по охране культурного наследия Липецкой обл. С. 36–38.
Городцов В. А., 1911. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. // Труды XIV Археологического съезда. Т. III. С. 93–161.
Горончаровский В. А., 2013. О хронологии Семибратних курганов // Третья Абхазская международная археологическая конференция (Посвящена памяти Г. К. Шамба). Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум: ИИМК РАН. С. 230–233.

Граков Б. Н., 1928. Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. М.: РАНИОН. 223 с.
Граков Б., 1947а. Скіфи. Київ: АН УРСР. 96 с.
Граков Б. М., 1947б. Чи мала Ольвія торговельні зносини з Поволжям і Приуральям в архаічну ти классичну епохи? // Археологія. Вып. 1. С. 23–38.
Граков Б. Н., 1950. Скифский Геракл // КСИИМК. Вып. XXXIV. С. 7–18.
Граков Б. Н., 1962. Скифские погребения на Никопольском курганном поле // Памятники скифо-сарматской культуры (МИА № 115). С. 56–114.
Граков Б. Н., 1965. Заметки по скифо-сарматской археологии // Новое в советской археологии. Памяти С. В. Киселева (к 60-летию со дня рождения). (МИА № 130). С. 215–219.
Граков Б. Н., 1971. Скифы. М.: Изд-во МГУ. 170 с.
Граков Б. Н., Мелюкова А. И., 1954. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии (по материалам конференции ИИМК АН СССР 1952 г.). М.: Изд-во АН СССР. С. 39–93.
Грантовский Э. А., 1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М.: Наука. 395 с.
Грач Н. Л., 1961. Львиная головка из раскопок Мирмекия // СГЭ. Вып. XX. С. 48–50.
Гребенников Ю. С., 1988. Киммерийцы и скифы Степного Побужья. Николаев [б/изд.]. 191 с.
Гребенников Ю. С., Недопако Д. П., 1984. Скифский меч с Южного Побужья // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наукова думка, 1984. С. 126–128.
Греки и варвары, 2005. — Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб.: Алетейя. 461 с.
Гречко Д. С., 2010. Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. Київ: ИА НАНУ. 286 с.
Гречко Д. С., 2019. Скифия от Октамасада до Атея (по материалам Днепровского Лесостепного Левобережья) // Археологія і давня історія України. Т. 2. № 31. С. 29–52.
Гречко Д. С., Крутилов В. В., 2010. Новая литейная форма из Ольвии // Боспорские чтения. Вып. XI. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Центр археологических исследований, БФ «Деметра». С. 96–101.
Грибкова А. А., Полидович Ю. Б., 2013. Фигурка быка скифского времени из собрания Б. И. и В. Н. Ханенко // Археологический альманах. Вып. 30 / Отв. ред. А. Н. Усачук, Ю. Б. Полидович. Донецк: «Донбас». С. 259–277.
Григорьев В. П., 1994. Захоронение тяжеловооруженного скифского воина у с. Гладковщина // Древности скифов / Отв. ред. Е. В. Черненко. Киев: Институт археологии. С. 63–79.
Григор'ев В. П., 1995. Про етнічну приналежність похованих в курганах рубежу VII–VI ст. до н.е. біля сіл Гладківщина і Придніпровське // Археологічні дослідження на Черкащині. Черкаси: Сіяч. С. 58–67.
Грязнов М. П., 1956. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. Вып. 61. С. 8–16.
Грязнов М. П., 1980. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Ленинград: Наука. 64 с.
Гуляев В.И, 1969. Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время (МИА № 151). С. 109–127.
Гуляев В. И., 2001. Общие проблемы археологии Среднего Дона в скифское время // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 18–52.
Гуляев В. И., 2006. Деревянные чаши с золотыми обкладками из курганов скифского времени на Среднем Дону. Древности скифской эпохи. Памяти А. И. Мелюковой (1921–2004) (МИАР. Вып. 7). С. 335–350.
Гуляев В. И., 2009. Скифы на Среднем Дону: новые находки и открытия // Археологические открытия 1991–2004. Европейская Россия / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 213–224.
Гуляев В. И., 2010. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М.: ИА РАН. 346 с.
Гуляев В. И., 2016. Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание. М.: ИА РАН. 104 с.
Гуляев В. И., 2017. Необычный курган скифского времени на Среднем Дону // Исторические исследования. № 8. С. 73–93.
Гуляев В. И., 2019. «Будиния или Скифия?» Этнокультурная принадлежность населения Среднего Дона в V–IV вв. до н. э. // Археологія і давня історія України. 2019. Т. 2. № 31. С. 53–66.
Гуляев В. И., Савченко Е. И., 2004. Новый памятник скифской эпохи на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 35–52.
Гущина И. И., 1962. Несколько украшений конского убора скифского времени // КСИА. Вып. 89. С. 66–69.
Дараган М. Н., 2010. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой Могилы // Античный мир и археология. Вып. 14. Саратов: Изд-во Саратовского университета. С. 175–02.
Дараган М. Н. О формировании скифских колчанных наборов второй половины VI в. до н. э. // Stratum plus. № 3. С. 51–111.
Дашевская О. Д., 1991. Поздние скифы в Крыму. САИ Д1-7. 75 с.
Дворниченко В. В., Очир-Горяева М. А., 1997. Хошеутовский комплекс уздечных принадлежностей скифского времени на Нижней Волге // Донские древности. Вып. 5. Азов: Азовский краеведческий музей. С. 99–115.
Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А., 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты. Перевод. Комментарий. М.: Наука, 455 с.
Доманский Я. В., 1984. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. Москва: Искусство. 240 с.
Древности Боспора, 1854 — Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа. СПб.: Типография Императорской Академии наук. Т. I. 458 с.; Т. II. 350 с.; Т. III. 98 л. илл.
Древности Геродотовой..., 1866 — Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. Вып. I. СПб.: Типография Императорской Академии наук. 50 с.

Древности Геродотовой..., 1872 — Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. Вып. II. СПб.: Типография Императорской Академии наук. 234 с.

Древности Приднепровья, 1899 — Ханенко Б. И., Ханенко В. И., 1899. Древности Приднепровья и побережий Черного моря. Вып. II. Киев: Типография С. В. Кульженко. 32 с.

Древности Приднепровья, 1900 — Ханенко Б. И., Ханенко В. П. Древности Приднепровья и побережий Черного моря. Вып. III. Киев: Типография С. В. Кульженко. 62 с.

Древности Приднепровья, 1907 — Ханенко Б. И., Ханенко В. П. Древности Приднепровья и побережий Черного моря. Вып. VI. Киев: Типография С. В. Кульженко. 44 с., 42 л. илл.

Дьяконов И. М., 1956. История Мидии от древнейших времён до конца IV в. до н. э. М.; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР. 486 с.

Дьяченко и др., 1999. — Дьяченко А. Н., Мэйб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2 / Отв. ред. А. С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского университета. С. 93–126.

Дударев С. Л., 2011. О комплексах и находках эпохи раннего железа с территории Северного Кавказа // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко / Отв. ред. С. И. Посохов. Харків: ХНУ имени В. Н. Каразина. С. 125–137.

Евдокимов Г. Л., Фридман М. И., 1987. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине. // Скифы Северного Причерноморья / Отв. ред. Е. Н. Черненко. Киев: Наукова думка. С. 85–115.

Евдокимов Г. Л., Фридман М. И., 1991. Скифские курганы у с. Первомаевка на Херсонщине // Курганы степной Скифии / Отв. ред. Ю. В. Болтрик, Е. П. Бунятян. Киев: Наукова думка. С. 72–97.

Елагина Н. Г., Кузнецова Т. М., Кузнецов С. В., 2004. Погребальный обряд могильника у поселка Днепрорудный // Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci / Отв. ред. Я. Хохоровски. Krakow: Księgarnia Akademicka. С. 133–147.

Ермолова Н. М., 1980. К вопросу об интерпретации изображений животных // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово: Изд-во КГУ. С. 358–367.

Ескина А. В., 1995. Зеркало «ольвийского» типа из могильника Нечерезий // Археология Адыгеи / Отв. ред. П. А. Дитлер. Майкоп: Меоты. 281 с.

Железный век, 2020. — Железный век. Европа без границ. Первое тысячелетие до н. э.: каталог выставки / Под ред. А. Ю. Алексеева, М. Наврота, А. Гасса, Ю. Ю. Пиотровского. СПб.: «Чистый лист». 720 с.

Жизнь животных, 1970 — Жизнь животных. Т. 5. Птицы / Под ред. проф. Н. А. Гладкова и проф. А. В. Михеева. М.: Просвещение. 611 с.

Жизнь животных, 1971 — Жизнь животных. Т. 6. Млекопитающие, или звери / Под ред. проф. С. П. Наумова и проф. А. П. Кузякина М.: Просвещение. 627 с.

Жилка и др., 2009 — Жилка В., Левендюк В., Руденко В., Саркісян А., Самайчук В. В. Історія виникнення села Вільхове та його назва // Моя Кіровоградщина — перлина скіфського степу. Матеріали обласного історико-географічного конкурсу, присвяченого 70-річчю Кіровоградської області. Кіровоград: Кировоградський обласний центр туризму..., 2009. С. 62–65.

Завитухина М. П., 1983. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Публикация одной коллекции. Ленинград: Искусство, Ленингр. отделение. 190 с.

Задников С. А., Шрамко И. Б. 2009. К вопросу о первых контактах населения Бельского городища с античным миром // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: материалы науч. конференции / Отв. ред. М. Ю. Вахтина, О. Ю. Соколова, Е. В. Грицик, В. Ю. Зуев, С. В. Кашаев, В. А. Хршановский. СПб.: Нестор-История. С. 473–477.

Зайцев Ю. П., 2007. Комплекс из Гэвани (к проблеме хронологии III в. до н. э.) // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. Материалы междунар. науч. конференции / Отв. ред. В. Ю. Зуев. Ч. 2. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 258–268.

Замятнин С. Н., 1946. Скифский могильник «Частые курганы» под Воронежем (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910–1915 гг.) // СА. Вып. VIII. С. 9–50.

Зарайская Н. П., Привалов А. И., 1992. Скифские памятники Шевченковского могильника // ДАС. Вып. 2. С. 118–160.

Збруева А. В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Прпуралья. Т. V (МИА № 30). 326 с.

Зверев Е. Ю., Топал Д. А., 2012. Гетский горизонт многослойного поселения у с. Тпрсова (Резинский район, Республика Молдова) // Stratum plus. № 3. Эллинство и иранство. С. 231–242.

Зеест И. Б., 1960. Керамическая тара Боспора. (МИА № 83).180 с.

Зимовец Р. В., 2015. Об одном условном полисемантическом образе в скифском искусстве звериного стиля // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (15). Старожитності раннього залізного віку / Гол. ред. С. А. Скорий. Київ: ІА НАНУ. С. 55–64.

Зимовец Р. В., 2016. О локальных особенностях бронзовых бутеролей в виде головы хищной птицы // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (19). Старожитності раннього залізного віку / Гол. ред. С. А. Скорий. Київ: ІА НАНУ. С. 76–88.

Зимовец Р. В., 2019. Образ кабана в скифском зверином стиле Северного Причерноморья. Внутренняя эволюция и внешние влияния // Археологія і давня історія України. Т. 2. № 31. С. 409–429.

Зимовец Р., Скорый С., Окатенко В., 2018. Бронзовая маска с Бельского городища: к вопросу о центральноазиатских мотивах в раннескифском зверином стиле Северного Причерноморья // Tyragetia. Serie nouă. Vol. XII [XXVII]. N 1. P. 219–236.

Золото потомков Геракла..., 2015 — Золото потомков Геракла. Народы Прикубанья VI в. до н. э. — III в. н.э. / Автор-сост. Е. А. Хачатурова. Краснодар: Традиция. 67 с.

Золото степу, 1991 — Золото степу. Археологія України / Отв. ред. П. П. Толочко, В. Ю. Мурзин. Київ; Шлезвіг: Інститут історії НАНУ, 1991. 438 с.

Зуев В. Ю., 1993. Изучение жаботинских гравировок и проблема развития звериного стиля в европейской Скифии на рубеже VII–VI вв. до Р. Хр. // Петербургский археологический вестник. Вып. 6. Скифы, сарматы, славяне, Русь. Сбоник археологических статей в честь 56-летия Д. А. Мачинского / Отв. ред. В. Ю. Зуев. С. 38–52.

Иванов А. В., 2019. Элитный комплекс начала IV в. до н. э. на западных границах меотской культуры // SCYTHIA et SARMATIA: Сборник статей / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: МАКС Пресс. С. 61–70.

Иванчик А. И., 1989. О датировке поэмы «Аримаспея» Аристея Проконнесского // ВДИ. № 2. С. 29–49.

Иванчик А. И., 2001. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. М.: Палеограф. 323 с.

Иессен А. А., 1955. Несколько бронзовых предметов, найденных в районе станицы Тульской // СГЭ. Вып. VIII. С. 31–32.

Иессен А. А., Пиотровский Б. Б., 1940. Моздокский могильник. Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа. Вып. I. Ленинград: Гос. Эрмитаж. 56 с.

Ильинская В. А., 1954. Курганы скифского времени в бассейне р. Сулы // КСИИМК. Вып. 54. С. 24–41.

Ильинская, 1954а. Из неопубликованных материалов скифского времени на Посулье // КСИА АН УССР. Вып. 3. С. 66–70.

Ильинская В. А., 1957. Памятники скифского времени в бассейне р. Псёл // СА. Вып. XXVII. С. 232–249.

Іллінська В. О., 1961. Скіфська вузда VI ст. до н. е. // Археологія. Т. XIII. С. 38–61.

Іллінська В. О. 1961а. Скіфськи сокири // Археологія. Т. XII. С. 27–52.

Іллінська В. О., 1963. Про скіфські навершники // Археологія. Т. XV. С. 33–60.

Ильинская В. А. 1965. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. № 1. С. 86–107.

Ильинская В. А., 1967. Навершия из Майкопского и Новочеркасского музеев // СА. № 4. С. 293–301.

Ильинская В. А., 1968. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев: Наукова думка. 203 с.

Іллінська В. А. 1968а. Із ненадрукованных матеріалів скіфського часу в Лівобережному степу // Археологія. Т. XXI. С. 147–163.

Ильинская В. А., 1971. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. № 2. С. 64–85.

Ильинская В. А., 1973. Скифская узда IV в. до н. э. // Скифские древности. Киев: Наукова думка. С. 42–64.

Ильинская В. А., 1975. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н. э.). Киев: Наукова думка. 223 с.

Ильинская В. А., 1976. Современное состояние проблемы скифо-сибирского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 9–29.

Ильинская В. А., Горишний П. А., 1975. Бронзовая бляха из кургана у села Жовнино // Скифский мир / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 207–210.

Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И., 1980. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 31–63.

Ильинская В. А., Тереножкин А. И., 1983. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка. 379 с.

Ильюков Л. С., 1992. Каменный столик из хутора Краснодворского // Донские древности. Вып. 1. Азов: Азовский краеведческий музей. С. 56–59.

Ильюков Л. С., 2016. Крестовидные бляхи раннего железного века из степей Восточной Европы // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы междунар. науч. конференции, посвященной памяти М. Н. Погребовой. М.: Институт востоковедения РАН. С. 80–84.

Ильюков Л. С., Лукьяшко С. И., 1994. Новые памятники скифского времени на Нижнем Дону // Донские древности. Вып. 2. Азов: Азовский краеведческий музей. С. 57–79.

Императорский российский, 1893 — Императорский российский исторический музей. Указатель памятников. М.: Типография А. И. Мамонтова. 623 с.

Исмагилов Р. Б., 1988. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье // АСГЭ. Вып. XXIX. С. 29–47.

Исследования, 1996 — Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1996 г. / В. Ю. Мурзин, Р. Ролле, В. Херц, С. В. Махортых. Киев: ИА НАНУ; Немецкое науч.-исслед. общество, 1997. 62 с.

Исследования, 1998 — Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1998 г. / В. Ю. Мурзин, Р. Ролле, В. Херц, С. В. Махортых, В. П. Белозор. Киев: ИА НАНУ; Немец. науч.-исслед. общество, 1999. 61 с.

Исследования, 1999 — Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1999 г. / В. Ю. Мурзин, Р. Ролле, В. Херц, С. А. Скорый, С. В. Махортых, В. П. Белозор. Киев: ИА НАНУ; Немец. науч.-исслед. общество, 2000. 60 с.

Исследования, 2000 — Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2000 г. / В. Ю. Мурзин, Р. Ролле, В. Херц, С. А. Скорый, С. В. Махортых, Е. В. Черненко. Киев: ИА НАНУ; Немец. науч.-исслед. общество, 2001. 65 с.

Исследования, 2002 — Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2002 г. / Р. Ролле, В. Герц, С. В. Махортых, В. П. Белозор. Киев: ИА НАНУ; Немец. науч.-исслед. общество, 2003. 62 с.

Исследования, 2003 — Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2003 г. / Е. В. Черненко, Р. Ролле, С. А. Скорый, С. В. Махортых, В. Ю. Герц, В. П. Белозор. Киев: ИА НАНУ; Немец. науч.-исслед. общество, 2004. 72 с.

Исследования, 2004 — Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2004 г. / Е. В. Черненко, Р. А. Ролле-Герц, С. А. Скорый, С. В. Махортых, В. Ю. Герц, В. П. Белозор. Киев: ИА НАНУ; Немец. науч.-исслед. общество, 2005. 69 с.

Исследования, 2006 — Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 2005 г. / С. В. Махортых, Р. А. Ролле-Герц, С. А. Скорый, В. Ю. Герц, В. П. Белозор. Киев: ИА НАНУ; Немец. науч.-исслед. бщество, 2006. 63 с.

Итина М. А., Яблонский Л. Т., 1997. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: РОССПЭН. 186 с.

Кадырбаев М. К., 1966. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука. С. 303–436.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К., 1976. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 137–156.

Каменецкий И. С., 1989. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. — III в. н.э. // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука. С. 224–251.

Каменецкий И. С., 2010. Карагодеуашх: достоверность старых отчетов // Человек и древности. Памяти А. А. Формозова (1928–2009) / Сост. И. С. Каменецкий, А. Н. Сорокин, М. В. Андреева. М.: Гриф и Ко. С. 481–490.

Каменецкий И. С., 2011. История изучения меотов. М.: ТАУС. 383 с.

Канторович А. Р., 1992. «Петушки» — один из образов звериного стиля степной Скифии // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. / Отв. ред. Ю. Л. Щапова, И. В. Яценко. М.: Изд-во Московского университета. С. 57–68.

Канторович А. Р., 1994а. Звериный стиль степной Скифии VII–III вв. до н. э. Автореферат дисс. … канд. ист. наук. М.: МГУ. 24 с.

Канторович А. Р., 1994б. Звериный стиль степной Скифии VII–III вв. до н. э. Дисс… канд. ист. наук. М.: МГУ. 628 с. Научная библиотека МГУ имени М. В. Ломоносова.

Канторович А. Р., 1995. Один из образов копытного животного в искусстве скифского звериного стиля // РА. № 4. С. 45–55.

Канторович А. Р., 1996. «Летящие» и лежащие олени в искусстве звериного стиля степной Скифии // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 2 / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир; М.: Армавирский краеведческий музей. С. 46–59.

Канторович А. Р., 1997. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля степной Скифии // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / Отв. ред. Р. М. Мунчаев, В. С. Ольховский (МИАР. Т. 1). С. 97–114.

Канторович А. Р., 1998а. Изображения на скифских навершиях из кургана Слоновская Близница: стилистика и семантика // РА. № 4. С. 78–88.

Канторович А. Р., 1998б. К вопросу о переднеазиатском влиянии на звериный стиль степной Скифии // ВДИ. № 3. С. 146–167.

Канторович А. Р., 2001. Об одном важном мотиве в искусстве скифо-сибирского звериного стиля // На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. Apotheosis. Миф. 7 / Отв. ред. И. Маразов. София: Нов български университет. С. 191–218.

Канторович А. Р., 2002а. К вопросу о стилистических истоках и причинах популярности приема «зооморфных превращений» в искусстве скифского звериного стиля // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 8 / Отв. ред. Р. М. Мунчаев. Армавир; М.: Армавирский краеведческий музей. С. 20–33.

Канторович А. Р., 2002б. Классификация и типология элементов «зооморфных превращений» в зверином стиле степной Скифии // Структурно-семиотические исследования в археологии / Отв. ред. А. В. Евглевский. Т. 1. Донецк: ДонНУ. С. 77–130.

Канторович А. Р., 2007а. Истоки и вариации образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Памяти М. П. Абрамовой (1931–2003) / Отв. ред. В. И. Козенкова, В. Ю. Малашев (МИАР. Т. 8). С. 235–257.

Канторович А. Р., 2007б. Конские налобники/наносники с петлей и крючком и их связь с некоторыми мотивами скифо-сибирского звериного стиля // Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження О. І. Тереножкіна. Матеріали Міжнар. наук. конференції / Отв. ред. С. А. Скорый. Київ; Чигирин: Інститут археології НАНУ, ТОВ ВПД «Формат». С. 74–77.

Канторович А. Р., 2007в. О некоторых предметах конского снаряжения с городища «Чайка» // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. Сборник научных трудов [к юбилею И. В. Яценко] / Отв. ред. В. Л. Янин, Ю. Л. Щапова. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. С. 252–274.

Канторович А. Р., 2008. Редуцированные изображения конечностей хищников в восточноевропейском скифском зверином стиле // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале 2008 г. / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. Т. II. М.: ИА РАН. С. 30–33.

Канторович А. Р., 2008а. Еще раз о проблеме прародины восточноевропейского скифского звериного стиля // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006 / Гл. ред. А. Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли. С. 823–824.

Канторович А. Р., 2009. Сюжет стоящего/идущего оленя в восточноевропейском скифском зверином стиле и его реплики в искусстве «савроматской» и кара-абызской культуры // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Отв. ред. С. В. Кузьминых, А. А. Чижевский, Г. Р. Руденко / Археология евразийских степей. Вып. 8. Елабуга [б/изд.]. С. 245–260.

Канторович А. Р., 2010. Меото-скифское искусство Прикубанья (VII — начало III в. до н. э.) // Античное наследие Кубани: В 3 т. Т. 1. Ч. III. М.: Наука. С. 286–314.

Канторович А. Р., 2011а. К вопросу об основных принципах классификации изображений скифского звериного стиля // От палеолита до средневековья / Отв. ред. В. Л. Егоров. М.: Исторический факультет МГУ. С. 29–38.

Канторович А. Р., 2012а. Изображения обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы: типология, хронология, анализ истоков и эволюции (монография в журнале) // Stratum plus. № 3. Эллинство и иранство / Ред. М. Е. Ткачук. С. 17–71.

Канторович А. Р., 2012б. К вопросу об истоках и вариациях образов грифона и грифоноподобных существ

в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н. э. // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти И. И. Гущиной. Труды ГИМ. Т. 191 / Отв. ред. Д. В. Журавлев, К. Б. Фирсов. М.: ГИМ. С. 106–133.

Канторович А. Р., 2014а. Вариации на тему верблюда в восточноевропейском скифском зверином стиле // АВ. Вып. 20. С. 105–112.

Канторович А. Р., 2015. Основные тенденции в изучении искусства восточноевропейского скифского звериного стиля в постсоветский период // Восток (Oriens). № 2. С. 177–195.

Канторович А. Р., 2018. Изделия в скифском зверином стиле из курганного могильника Новозаведенное-III в Центральном Предкавказье // На ионийский лад я пою…: сборник статей в честь Н. М. Никулиной / Под ред. Т. П. Кишбали, М. А. Лопуховой, Н. А. Налимовой, И. И. Тучкова. Т. 139. Труды исторического факультета МГУ. М.: КДУ; Университетская книга. С. 142–170.

Канторович А. Р., 2019. Изображения в скифском зверином стиле на предметах Крымской коллекции // Археологія і давня історія України. Т. 2. № 31. С. 430–455.

Канторович А. Р., 2021. Мотив птичьей головы с волютовидным клювом в системе восточноевропейского варианта скифского звериного стиля и его вероятные истоки // Stratum plus. № 3. С. 15–50.

Канторович А. Р., Грибкова А. А., 2011. Золотая пластина из коллекции МИДУ и сюжет лежащего кабана в скифском зверином стиле // ВДИ. № 4. С. 132–146.

Канторович А. Р., Кравцова С. Л., 2020. Акинак из села Александровское Ставропольского края // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 135–144.

Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2017. Могильник Новозаведенное-III как свидетельство пребывания скифов в Центральном Предкавказье в конце V–IV в. до н. э. // Исторические исследования. Вып. 8. С. 107–139.

Канторович А. Р., Маслов В. Е., 2019. Бронзовый черпак из могильника Новозаведенное-III на Ставрополье // SCYTHIA et SARMATIA: Сборник статей / Отв. ред. А. А. Малышев. М.: МАКС Пресс. С. 89–99.

Канторович А. Р., Петренко В. Г., Маслов В. Е., 2007. Раскопки кургана раннескифской эпохи у г. Новопавловска (предварительная публикация) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII. Археология, палеоантропология, краеведение, музееведение / Гл. ред. А. Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли. С. 168–207.

Канторович А. Р. , Шишлов А. В., 2014. Зооморфная бутероль из курганной группы «Семигорье» и базовая тенденция в реализации сюжета свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле // Вестник Южного научного центра РАН. Т. 10. № 4. С. 85–95.

Канторович А. Р., Эрлих В. Р., 2005. Уникальные навершия из святилища у ст. Тенгинской // КСИА. Вып. 219. С. 49–63.

Канторович А. Р., Эрлих В. Р., 2006. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи (VIII–III века до н. э.). М.: Государственный музей Востока. 232 с.

Канторович А. Р., Эрлих В. Р., 2005–2009. Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике // Stratum plus. № 3. С. 277–296.

Канторович А. Р., Яблонский Л. Т., 2009. О северопричерноморских и северокавказских параллелях изображениям в скифо-сибирском зверином стиле из Филипповских курганов // Нижневолжский археологический вестник. Т. 10 / Отв. ред. А. С. Скрипкин, Л. Т. Яблонский. Волгоград: Волгоградский гос. университет, 2009. С. 73–100.

Капошина С. И., 1950. Памятники звериного стиля из Ольвии // КСИА. Вып. XXXIV. С. 42–52.

Капошина С. И., 1956. О скифских элементах в культуре Ольвии // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху (МИА № 50). С. 211–254.

Каравайко Д. В., 2016. Об одной коллекции бронзовых вещей // Археологія і давня історія України. № 2 (19). С. 206–211.

Карпович А. О. Погребальный обряд и проблемы хронологии Серегинского грунтового могильника. Дипломная работа. М., 2003 / Кабинет кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

Карышковский П. О., 1982. Об изображении орла и дельфина на монетах Синопы, Истрии и Ольвии // Нумизматика античного Причерноморья / Отв. ред. В. Л. Янин. Киев: Наукова думка. С. 80–98.

Кашаев С. В., 2013. Тузлинские курганы (по материалам публикаций и архивов) // Российский археологический ежегодник. № 3. С. 362–373.

Керефов Б. М., Кармов Т. М., 2009. Нартан-2. Курганный могильник скифского времени. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН. 50 с.

Кетрару Н. А., Серова Н. Л., 1987. Скифские курганы в Дубоссарском районе // Молдавское Поднестровье в первобытную эпоху / Отв. ред. И. А. Борзияк. Кишинёв: Штиинца. С. 107–131.

Киселев С. В., 1951. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР. 635 с.

Кисель В. А., 1997. Священная секира скифов. Об одной находке из Келермеса. СПб.: Музей археологии и этнографии. 110 с.

Кисель В. А., 1998. Памятники ближневосточной торевтики из курганов Предкавказья и Северного Причерноморья VII — начала VI в. до н. э. Автореферат дисс. … канд. ист. наук. СПб.: ИИМК. 19 с.

Кисель В. А., 2003. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб.: Петербургское востоковедение. 192 с.

Кияшко В. Я., Кореняко В. А., 1976. Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону // СА. № 1. С. 170–177.

Клочко Л. С., 1982. Новые материалы к реконструкции головного убора скифянок // Древности степной Скифии. Киев: Наукова думка. С. 118–129.

Клочко Л. С., 2010. Образ водоплавного птаха на декоративних елементах скіфського костюма // Музейні читання. Матеріали наукової конференції «Ювелірне мистецтво — погляд крізь віки» / Отв. ред. Л. В. Строкова. Київ [б/изд.]. С. 55–73.

Клочко Л. С., Оленковский Н. П., 1990. Новые скифские навершия с Нижнего Днепра // СА. № 3. С. 253–255.

Клочко В. И., Скорый С. А., 1991. Курган Вакулина Могила // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон [б/изд.]. С. 99–109.

Кляшторный С. Г., 1984. Каган, беги и народ в памятниках тюркской рунической письменности // Ученые записки ЛГУ. Востоковедение. 9. Филологические исследования. № 412. Серия востоковедческих наук. Вып. 25. С. 143–153.

Кобылина М. М., 1951. Поздние боспорские пелики // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. I (МИА № 19). С. 136–170.

Кобылина М. М., 1969. Раскопки Фанагории // АО за 1968 г. М.: Наука. С. 90–91.

Ковалев А. А., 1996. Происхождение скифов согласно данным археологии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А. А. Иесена / Отв. ред. Ю. Ю. Пиотровский. СПб.: Гос. Эрмитаж. С. 121–126.

Ковалев Н. В., Полин С. В., 1991. Скифские курганы у с. Корнеевка Запорожской области // Курганы степной Скифии / Отв. ред. Ю. В. Болтрик, Е. П. Бунятян. Киев: Наукова думка. С. 33–53.

Ковалева и др., 1978 — Ковалева И. Ф., Волкобой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н. Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский» // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н. э. Вып. 2. Днепропетровск: ДГУ. С. 4–31.

Ковалева И. Ф., Мухопад С. Е., 1979. Скифские памятники Орельско-Самарского междуречья // Курганные древности Степного Поднепровья (III–I тыс. до н. э.). Вып. 3. Днепропетровск: ДГУ. С. 112–123.

Ковалева И. Ф., Мухопад С. Е., 1982 Скифское погребение конца VI — V вв. до н. э. у с. Александровка // Древности степной Скифии. Киев: Наукова думка. С. 91–101.

Ковпаненко Г. Т., 1967. Племена скіфського часу на Ворсклі. Киев: Наукова думка. 188 с.

Ковпаненко Г. Т., 1981. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наукова думка. 160 с.

Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А., 1989. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья. Киев: Наукова думка. 331 с.

Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А., 1994. Новые погребения раннего железного века в Поросье // Древности скифов / Отв. ред. Е. В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1994. С. 41–63.

Ковпаненко Г. Т., Бунятян Е. П., 1978. Скифские курганы у с. Ковалевка Николаевской области // Курганы на Южном Буге / Отв. ред. В. Ф. Генинг. Киев: Наукова думка. С. 133–150.

Ковпаненко Г. Т., Левченко Б. М., 1977. Скифский меч из с. Медвин Киевской обл. // Археологія. № 23. С. 60–61.

Ковпаненко Г. Т., Скорий С. А., Батуревич Е. Ю., 1996. Кургани скіфського часу поблизу с. Іванівка на Київщині // Археологія. № 4. С. 101–114.

Ковпаненко Г. Т., Яковенко Э. В., 1973. Скифские курганы на юге Херсонщины // Скифские древности / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 253–265.

Козенкова В. И., 1998. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант // САИ. Вып. В2–5. Т. 5. 200 с.

Козенкова В. И., 2007. Специфика некоторых атрибутов костюма древних «кобанцев» как показатель процесса миграций // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Памяти М. П. Абрамовой (1931–2003) / Отв. ред. В. И. Козенкова, В. Ю. Малашев (МИАР. Т. 8). С. 258–294.

Кокорина Ю. Г., Лихтер Ю. А., 2001. Куда смотрит вещь // На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. Apotheosis. Миф. 7. София: Нов български университет. С. 233–239.

Колотухин В. А., 2000. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь: СОНАТ. 120 с.

Колтухин В. А., 2000. Киммерийцы и скифы Степного Крыма. Симферополь: СОНАТ. 120 с.

Колтухов С. Г., 1997. Образы рыб в греко-варварском искусстве Северного Причерноморья // Археология Крыма. Вып. 1. Симферополь [б/изд.]. С. 59–67.

Колтухов С. Г., 2007. Основное погребение кургана Бешоба IV/2 // Древняя Таврика / Отв. ред. Ю. П. Зайцев, В. И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум. С. 193–206.

Колтухов, С. Г., 2012. Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н. э. (погребальные памятники) // Археологический альманах. Вып. 27. С. 1–268.

Колтухов С. Г., 2012а. Скифы Крымского Присивашья в VII–IV вв. до н. э. Ландшафтно-историческое районирование археологических памятников Крыма. Погребальные памятники / Серия: Материалы к археологической карте Крыма. Вып. X. Симферополь: Предприятие Феникс, 140 с.

Колтухов С. Г., Андрух С. И., 1995. Скифские погребения V в. до н. э. из Северо-западного Крыма // АВ. № 4. С. 146–152.

Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н., 2016. Скифы Предгорного Крыма VII–IV вв. до н. э. Курганы 1890–1892 и 1895 гг.: (По материалам Н. И. Веселовского и Ю. А. Кулаковского). Серия: Материалы к археологической карте Крыма. Вып. XVII. Симферополь [б/изд.]. 288 с.

Колтухов С. Г., Сенаторов С. Н., 2020. Скифы Предгорного Крыма VII–IV вв. до н. э. Ч. II. Между долиной Салгира и междуречьем Карасу. Симферополь: Колорит. 307 с.

Колтухов С. Г., Тощев, 1998. Курганные древности Крыма (по материалам раскопок Северо-Крымской экспедиции в 1993–1995 гг.). Т. 2. Запорожье: Запорожский гос. университет. 196 с.

Конь и всадник, 2003 — Конь и всадник. Взгляд сквозь века. Каталог выставки. М.: ГИМ. 64 с.

Копейкина Л. В., 1972. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. № 1. С. 147–158.

Копейкина Л.В, 1986. Золотые бляшки из кургана Куль-Оба // Античная торевтика. Ленинград: Гос. Эрмитаж. С. 28–63.

Копылов В. В. Мечи из погребений V в. до н. э. Елизаветовского курганного могильника // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 24–27.

Копылов В. П., 2000. Население дельты Дона в V–IV вв. до н. э. // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология. М.: ИА РАН. С. 157–166.

Кореняко В. А., 2001. Курган раннескифского времени у села Новозаведенного в Ставропольском крае // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / Отв. ред. М. П. Абрамова, В. П. Марковин (МИАР. Т. 3). С. 52–64.

Кореняко В. А., 2012. Ногайская степь в раннем железном веке (по материалам Ногайского краеведческого

музея) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы междунар. науч. конференции, посвященной 110-летию выдающегося российского археолога М. П. Грязнова / Отв. ред. В. А. Алёкшин и др. Т. 2. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 340–345.

Кореняко В. А., Лукьяшко С. И., 1982. Новые материалы раннескифского времени на левобережье Нижнего Дона // СА. № 3. С. 149–164.

Корепанов К. И., 1987. О локальных различиях в искусстве «звериного» стиля среднего Поволжья и Прикамья VII–III вв. до н. э. Кемерово [б/изд.]. С. 63–75.

Коровина А. А., 1957. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. № 2. С. 174–187.

Королькова Е. Ф., 1996. Теоретические проблемы искусствознания и звериный стиль скифской эпохи. СПб.: Петербургское востоковедение. 78 с.

Королькова Е. Ф., 1998. Иконография хищной птицы в скифском зверином стиле VI–IV вв. до н. э. // Проблемы археологии. Вып. 4. История и культура древних и средневековых обществ. СПб.: СПбГУ. С. 166–177.

Королькова Е. Ф., 1999. Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии // АСГЭ. Вып. 34. С. 68–96.

Королькова Е. Ф., 2001. Кубанский звериный стиль и его восточные аналогии // АСГЭ. Вып. 35. С. 91–111.

Королькова Е. Ф., 2003. Ритуальные чаши с зооморфным декором в культуре ранних кочевников // АСГЭ. Вып. 36. С. 28–59.

Королькова Е. Ф., 2006. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб.: Петербургское востоковедение. 272 с.

Королькова (Чежина) Е. Ф., Алексеев А. Ю., 1994. Олень из кургана Куль-Оба // Памятники древнего и средневекового искусства. Сборник статей в память проф. В. И. Равдоникаса. Проблемы археологии. Вып. 3. СПб.: СПбГУ. С. 102–109.

Краткий словарь, 1959 — Краткий словарь терминов изобразительного искусства. М.: Советский художник. 190 с.

Круннов Е. И., 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во АН СССР. 520 с.

Ксенофонтова И. В., 2010. Остродонные амфоры Уляпского могильника из собрания ГМВ // Материальная культура Востока. Вып. 5. М.: Наука. С. 138–148.

Кубарев В. Д., Черемисин Д. В., 1984. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение. С. 86–100.

Кубышев А. И., Бессонова С. С., Ковалев Н. В., 2009. Братолюбовский курган. Киев: Корвин Пресс. 8 с.

Курочкин Г. Н., 1993. Свернувшийся в кольцо хищник и «летящий» олень (генезис и распространение ведущих образов скифо-евразийского звериного стиля) // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III археологического семинара). Ч. II. Новочеркасск: Новочеркасский музей истории донского казачества. С. 92–104.

Кудрявцев А. А., Прокопенко Ю. А., Черкасов В. Н., 2003. Итоги изучения кургана № 2 могильника № 2 Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: Тезисы докладов междунар. науч. конференции. Ставрополь: СГУ. С. 18–32.

Кузнецова Т. М., 1988. Скифские ритуальные сосуды // КСИА. Вып. 194. С. 17–22.

Кузнецова Т. М. 2002. Зеркала Скифии VI–III века до н. э. Т. I. М.: Индрик. 352 с.

Кузьмина Е. Е., 1976. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 52–65.

Кулатова І. М., 1995. Хрестовидна бляха скіфської доби з Енківець у Посуллі // ПАЗ. № 3. С. 130–147.

Кулатова І. М., 1998. Кургани скіфського часу в урочищі Лапівщина у Поворскі (за дослідженнями І. А. Зарецького 1888 р.) // АЛЛУ. № 1–2. С. 26–28.

Кулатова И. Н., Супруненко А. Б., 1996. Первый Мгарский курган // Білське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Европи / Под ред. О. Б. Супруненко. Полтава: ЦОДПАб вид. центр Археологія. С. 318–338.

Кулатова І. М., Сунруненко О. Б., 2010. Кургани скіфського часу західної округи Більсклого городища. Київ: Центр пам'яткознавства НАНУ и УТОПІК. 200 с.

Кулатова И. Н., Луговая Л. Н., Супруненко А. Б., 1993. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. М.; Полтава: Вид. Полтавського краєзнавчого музею. 108 с.

Кулатова І. М. Скорий С. А., Сунруненко О. Б., 2010. Кургани поблизу с. Волошине в пониззі Псла. Центр пам'яткознавства НАН і УТОПІК. Киев [б/изд.] 160 с.

Кулатова І. М., Супруненко О. Б., 1995. Кургани скіфського часу на Переяславщині (за розкопками В. Щербаківського 1913 р.) // ПАЗ. № 4. С. 154–166.

Кулланда С. В., 2006. Lingua Scythica ad usum historici // Древности скифской эпохи (МИАР. Вып. 7). С. 194–209.

Культурный мост, 2018 — Культурный мост из прошлого в настоящее. Каталог интерактивной выставки археологических находок / Сост. В. В. Новиков, А. С. Миронова, А. А. Руденко. М. [б/изд.]. 224 с.

Курочкин Г. Н., 1992. Богатые курганы скифской знати на юге Сибири (Большой Новоселовский и Большой Полтаковский курганы). СПб.: ИИМК РАН. 44 с.

Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В., 1894. Курган Карагодеуашх. Древности Южной России. МАР № 13. СПб.: Типография Императоскрой Академии наук. 192 с.

Левашова В. П., 1971. Искусство племен хакасско-минусинской котловины // История искусства народов СССР. Т. 1. Искусство первобытного общества и древнейших государств на территории СССР. М.: Изобразительное искусство. С. 183–190.

Леви Е. И., 1954. К вопросу об ольвийской агоре // СА. Вып. XXI. Т. 21. С. 319–342.

Легенди степу, 2004 — Легенди степу. Фотоальбом укр. та англ. мовами. Донецьк: «Кальміус». 103 с.

Лейпунская Н. А., 1981. Керамическая тара из Ольвии (из опыта изучения амфор VI–IV вв. до н. э.). Киев: Наукова думка. 119 с.

Лесков А. М., 1968. Богатое скифское погребение из Восточного Крыма // СА. № 1. С. 158–165.
Лесков А. М., 1972. Новые сокровища курганов Украины. Ленинград: Аврора. 151 с.
Лесков О. М., 1974. Скарби курганів Херсонщини. Київ: Мистецтво. 123 с.
Лесков и др., 2005 — Лесков А. М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья в сер. VI — нач. III вв. до н. э.: Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М.: Наука. 192 с.
Лесков и др., 2013 — Лесков А.М., Беглова Е. А., Ксенофонтова И. В., Эрлих В. Р. Меоты Закубанья в сер. VI — нач. III вв. до н. э.: Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальные комплексы. М.: Гос. музей Востока. 183 с.
Лесков А. М., Эрлих В. Р., 1999. Могильник Фарс / Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М.: Гос. музей Востока. 163 с.
Либеров П. Д. 1951. Курганы у села Константиновки // КСИИМК. Вып. XXXVII. С. 137–143.
Либеров П. Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону. САИ Д1-31. 38 с.
Либеров П. Д., 1965а. Отчет о раскопках «Частых курганов» Воронежской археологической экспедицией ИИМК АН СССР в 1954 г. // Архив ИА РАН. 1955 Р-1 № 1024.
Либеров П. Д., 1971. Древняя история населения Подонья. Дисс. … докт. ист. наук. М., 1970 / Архив ИА РАН. Р-2, 2088, 2089, 2088-а, 2089-а.
Либеров П. Д., 1976. Локальные особенности звериного стиля среднедонской культуры и отражение связей с внешним миром // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 138–146.
Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2010. Меоты // Античное наследие Кубани: В 3 т. Т. 1. Ч. III. М.: Наука. С. 186–217.
Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2017. Конская упряжь в меото-скифском зверином стиле из Прикубанского могильника // Постерный доклад на конференции «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики». Москва, ИА РАН и Государственный Исторический музей, Россия, 13–14 ноября 2017. — URL: http://scythia-sarmatia.ru/wp-content/uploads/pos15.jpg (дата обращения: 07.01.2018).
Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2018. Хронология погребений с конской упряжью в зверином стиле из Прикубанского могильника // Вестник ВолГУ. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. Т. 23. № 3. С. 99–113.
Литвинский Б. А., 1968. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе: Дониш. 120 с.
Лордкипанидзе О. Д., 1984. Город-храм Колхиды. М.: Наука. 93 с.
Лугова Л. М., 1999. Поховання скіфського воіна у пониззі Ворскли // ПАЗ. С. 123–133.
Луконин В. Г., 1969. Культура сасанидского Ирана. М.: Наука. 244 с.
Луконин В. Г., 1977. Искусство Древнего Ирана. М.: Искусство. 232 с.
Лукьяшко С. И., 2013. Население Нижнего Дона в предскифское и скифское время (IX–IV вв. до н. э.). Дисс… докт. ист. наук. М.: МГУ. 577 л. + прил. (227 л., илл., табл.) / Научная библиотека МГУ имени М. В. Ломоносова.
Лунин Б., 1939 Археологические находки 1935–1936 гг. в окрестностях станиц Тульской и Даховской близ Майкопа // ВДИ. № 3. С. 210–223.
Макалатия С. И., 1949. Раскопки Дванского могильника // СА. Вып. XI. С. 225–240.
Макаренко Н. Е., 1911. Археологические исследования 1907–1909 годов // ИАК. Вып. 43. 130 с.
Максименко В. Е., 1983. Савроматы и сарматы на нижнем Дону. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета. 224 с.
Максименко и др., 2001 — Максименко В. Е., Ключников В. В., Гуркин С. В. Исследование могильника «Частые курганы II на Нижнем Дону в 2000 году (предварительная публикация)» // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 220–223.
Максимов Е. К., Полесских М. Р., 1971. Заметка об акинаках // СА. № 2. С. 238–242.
Максимова М. И., 1954. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. Вып. XXI. С. 281–305.
Максимович, Н. И., 1901. Днепр и его бассейн. Киев: Типография С. В. Кульженко. 400 с.
Малышев А. А., Равич И. Г., 2001. О находках образцов скифского звериного стиля в окрестностях Новороссийска // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки (МИАР. Вып. 3). С. 103–111.
Манцевич А. П., 1950. Гребень и фиала из кургана Солоха // СА. Вып. XIII. С. 217–238.
Манцевич А. П., 1966. Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. Вып. 8. С. 23–38.
Манцевич А. П., 1969. Парадный меч из кургана Солоха // Древние фракийцы в Северном Причерноморье (МИА № 150). С. 96–118.
Манцевич А. П., 1987. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Ленинград: Искусство. 143 с.
Марковин В. И., 1971. Бронзовое навершие из Прикубанья // СА. № 4. С. 214–215.
Мартынов А. И., 1987. О мировоззренческой основе искусства скифо-сибирского мира // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение. С. 13–25.
Марсадолов Л. С., 1998. Проблемы уточнения абсолютной археологии больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н. э. // Радиоуглерод и археология. Ежегодник. Вып. 2. СПб. [б/изд.]. С. 45–51.
Марсадолов Л. С., 2001. Образ оленя на заре скифской истории // Золотые олени Евразии. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже. СПб.: «Славия». С. 44–47.
Марченко И. И., Лимберис Н. Ю., Бочковой В. В., 2001. Новый меотский могильник у хут. Прикубанский // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов междунар. археол. конференции / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар; Анапа [б/изд.]. С. 91–99.

Марченко К. К. Житников В. Г., Копылов В. П., 2000. Елизаветовское городище на Дону (PONTUS SEPTENTRIONALIS II). М.: Палеограф. 281 с.

Масленицына Е. С., 1992. Некоторые стилистические группы памятников в искусстве Прикубанья в конце V — IV в. до н. э. // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. / Отв. ред. Ю. Л. Щапова, И. В. Яценко. М.: Изд-во Моск. университета. С. 57–68.

Маслов В. Е., 2002. Зеркало «ольвийского типа» из Краснодарского края // РА. № 3. С. 153–157.

Маслов В.Е., 2010. Фрагменты ионийских сосудов из кургана 16 могильника Новозаведенное 2 // Археология и палеоантропология евразийских степей и прилегающих территорий. Сб. статей в честь 60-летия Л. Т. Яблонского (МИАР. Т. 13). С. 51–62.

Маслов В. Е., 2011. Группа редких уздечных блях с территории Северного Кавказа // От палеолита до средневековья. Сборник памяти Г. А. Федорова-Давыдова / Отв. ред. В. Л. Егоров. М.: Изд-во Моск. университета. С. 51–52.

Маслов В. Е., Андреева М. В., Гей А. Н., 2020. Курган келермесского времени могильника Дыш IV (Республика Адыгея) // КСИА. Вып. 261. С. 182–202.

Маслов В. Е., Гей А. Н., Андреева М. В., 2020. Курган раннескифского времени в Адыгее (могильник Дыш IV) // Stratum plus. № 3. С. 293–330.

Маслов В. Е., Гей А. Н., Андреева М. В., 2021. Предметы конской узды из кургана 1 могильника Дыш IV // РА. 4. С. 35–52

Маслов В. Е., Очир-Горяева М. А., 1997. Об общих элементах в культуре нижневолжских кочевников и населения Центрального и Восточного Предкавказья в конце VI — начале IV вв. до н. э. // Степь и Кавказ (культурные традиции). Труды ГИМ / Отв. ред. П. М. Кожин. М.: ГИМ. С. 62–74.

Махортых С. В., 1987. Новые данные о скифо-кавказских контактах // Скифы северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. С. 52–62.

Махортих С. В., 2006. Скіфська вузда Перещепинського могильника // Більске городище та його округа (до 100-річча початку польових досліджень). Київ: Шлях. С. 57–76.

Махортых С. В., 2012. Хронология Перещепинского курганного могильника близ Бельска // Stratum plus. № 3. С. 145–160.

Махортых С.В, 2019. Золотые накладки на деревянные сосуды из Перещепинского могильника близ Бельска // Археологія і давня історія України. Т. 2. № 31. С. 470–482.

Махортых С. В., Ролле Р., 2015. Изображения редуцированной лапы животного и кисти человеческой руки в искусстве степной и лесостепной Скифии // Stratum plus. № 3. С. 183–204.

Медведев А. П., 1999. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н. э. М.: Наука. 160 с.

Медведев А. П., 2001. Раскопки Староживотинного могильника скифского времени // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2. Липецк: Успех-Инфо. С. 4–14.

Медведская И. Н., 1992. Периодизация скифской архаики и древний Восток // РА. № 3. С. 86–107.

Мелюкова А. И., 1958. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // Памятники скифо-сарматского времени в Северном Причерноморье (МИА № 64). С. 5–102.

Мелюкова А. И., 1964. Вооружение скифов. САИ. Д1-4. 113 с.

Мелюкова А. И., 1976. К вопросу о взаимосвязи скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 106–127.

Мелюкова А. И.,1979. Скифия и фракийский мир. М.: Наука. 256 с.

Мелюкова А. И., 1981. Краснокутский курган. М.: Наука. 112 с.

Мелюкова А. И., 1984. Курганы скифских кочевников у с. Николаевка // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка. С. 90–103.

Мелюкова А. И., 1989. Оружие, конское снаряженияе, повозки, навершия // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука. С. 92–100.

Мелюкова А. И., 1989а. Скифообразные памятники в Средней Европе // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука. С. 87–90.

Мелюкова А. И., 1989б. Скифское искусство звериного стиля // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука. С. 100–104.

Мелюкова А. И., 1995. Новые данные о скифо-фракийских взаимоотношениях в IV–III вв. до н. э. // РА. № 1. С. 28–36.

Мелюкова А. И., 2006. По поводу скифских походов на территорию Средней Европы // Древности скифской эпохи (МИАР. Вып. 7). С. 25–42.

Мещеряков Д. В., Яблонский Л. Т., 2007. О некоторых кавказских импортах в памятниках раннесарматского времени Южного Приуралья // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М. П. Абрамовой / Отв. ред. В. И. Козенкова, В. Ю. Малашев (МИАР. Вып. 8). С. 357–368.

Миллер А. А., 1910. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. Вып. 35. С. 86–130.

Миллер А. А., 1914. Раскопки у станицы Елисаветовской в 1914 году // ИАК. Вып. 56. С. 220–247.

Минаева Т. М., 1956. Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 8 / Отв. ред. Г. Д. Краснов. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство. С. 329–344.

Мінжулін О., 1998. Реставрація творів з металлу. Підручник для студентів вищих художніх начальних закладів. Киев: Спалах. 232 с.

Могилов О. Д., 2008. Спорядження коня скіфськоі доби у Лісостепу Східної Свропи. Київ; Кам'янець-Подільський: Інститут археології. 439 с.

Могилов А., 2016. С.Мотив ног копытного животного на скифских уздечных бляхах // Revista Arheologică. Serie nouă. Vol. XII. N 1-2. P. 169–175.

Могилов А. Д., Диденко С. В., 2009. Принадлежности конского снаряжения скифского типа одной из коллекций национального музея истории Украины // Stratum

plus. 2005–2009. № 3. Скифские интерпретации. С. 195–216.
Могилов А., Ляшко Ю., Руденко С., 2021. Скифское всадническое погребение в бассейне р. Тясмин // Revista Arheologică. Serie nouă. Vol. XVII. N 1. P. 59–80.
Мозолевский Б. Н., 1973. Скифские погребения у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине // Скифские древности. Киев: Наукова думка. С. 204–206.
Мозолевский, 1975 — Мозолевский Б.Н. Фракийская узда из Хоминой могилы // Studia Thracica. 1: Фракоскифские культурные связи. София: БАН. С. 166–179.
Мозолевський Б. М., 1979. Товста Могила. Київ: Наукова думка. 185 с.
Мозолевский Б. Н., 1980. Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине (раскопки 1972–1975 гг.). // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 70–154.
Мозолевский Б. Н., 1982. Скифский царский курган Желтокаменка // Древности степной Скифии. Киев: Наукова думка. С. 179–222.
Мозолевский Б. Н., 1987. Малый Чертомлык // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. С. 63–74.
Мозолевский Б. Н., Полин С. В., 2005. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев: Стилос. 599 с.
Монахов С. Ю., 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II веков до н. э. Саратов: Изд-во СГУ. 680 с.
Монахов С. Ю., 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммерида; Изд-во СГУ. 352 с.
Моруженко А. А., 1988. К вопросу о памятниках раннего железного века в бассейне р. Ворсклы // СА. № 1. С. 33–52.
Мошинский А. П., 2006. Древности горной Дигории VII–IV вв. до н. э. систематизация и хронология. М.: ГИМ. 208 с.
Мошинский А. П., 2010. Древние бронзы Кавказа. М.: ГИМ. 199 с.
Мошинский А. П., Переводчикова Е. В., 2004. Скифский звериный стиль в кобанских могильниках Дигории // Боспорские исследования. Вып. VII. С. 5–26.
Мунчаев Р. М., 1963. Луговой могильник (исследования 1956–1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии. М.: Изд-во АН СССР. С. 139–211.
Мурзин В. Ю., 1977. Два раннескифских комплекса из Запорожской обл. // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев: Наукова думка. С. 54–68.
Мурзин В. Ю., 1984. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 136 с.
Мурзін В., Ролле Р., Супруненко О., 1999. Більське Городище / Відп. ред. С. Д. Крижицький Київ; Гамбург; Полтава: Археологія, 1999. 102 с.
Мурзін В. Ю., Ролле Р., Білозор В. И., 1996. Про подальші дослідження Перещепинського могильника // Археологія. № 4. С. 141–149.
Мурзін В. Ю., Черненко Е. В., 1979. Скіфський курган поблизу с. Дніпряни // Археологія. Вып. XXXII. С. 61–63.
Мурзин В. Ю.,Черненко Е. В., 1980. Средства защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 155–167.
Мурзин В. Ю., Шлайфер В. Г., 2011. Два необычных акинака из Черкасской области // Восточноевропейские древности скифской эпохи: сборник начных трудов / Ред. В. Д. Березуцкий, П. М. Золотарев, Ю. Д. Разуваев, Н. Б. Компаоре. Воронеж: Научная книга. С. 109–113.
Найденко А. В., Прокопенко Ю. А., 1996. Археологические материалы Грушевского городища VIII–III вв. до н. э. как исторический источник по истории края (исследование пряслиц) // Ставропольская земля в прошлом и настоящем. Материалы науч. конференции. В 2-х ч. Ч. 1 / Отв. ред. В. А. Шаповалов. Ставрополь: СГУ. С. 24–37.
Национальный музей, 2001 — Национальный музей истории Украины. Фотоальбом. Київ.
На краю ойкумены, 2002 — На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. М.: ГИМ. 143 с.
Никитина Г. Ф., 1994. Классификация и типология с позиции практики // РА. № 2. С. 93–97.
Новичихин А. М., 1998. Новый памятник искусства звериного стиля с территории азиатского Боспора // Историко-археологический альманах. Вып. 4. Армавир [б/изд.]. С. 27–28.
Новичихин А. М., 2006. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (по материалам погребальных памятников). Анапа: Анапский филиал Сочинского гос. университета. 220 с.
Нудельман А. А., Рикман Э. А., 1956. Навершие и клад серебряных украшений скифского времени из Молдавии // Известия Молдавского филиала Академии наук СССР. № 4 (31). С. 129.
ОАК за 1870–1871 гг. СПб., 1874.
ОАК за 1876 г. Атлас. СПб., 1879.
ОАК за 1877 г. СПб., 1880.
ОАК за 1882–1888 гг. СПб., 1891.
ОАК за 1890 г. СПб., 1893.
ОАК за 1891 г. СПб., 1893.
ОАК за 1892 г. СПб., 1894.
ОАК за 1895 г. СПб., 1897.
ОАК за 1897 г. СПб., 1900.
ОАК за 1898 г. СПб., 1901.
ОАК за 1901 г. СПб., 1903.
ОАК за 1903 г. СПб., 1906.
ОАК за 1904 г. СПб., 1907.
ОАК за 1905 г. СПб., 1908.
ОАК за 1908 г. СПб., 1912.
ОАК за 1909–1910 гг. СПб., 1913.
ОАК за 1911 г. Пг., 1914.
ОАК за 1912 г. Пг., 1914.
ОАК за 1913–1915 гг. Пг., 1918.
Обручев В., 1934. Центральная Азия // Большая Советская энциклопедия, 1-е изд. Т. 60. М.: Советская энциклопедия, ОГИЗ РСФСР. С. 482–487.
Овсянников В. В., 2006. Зооморфная металлопластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию А. Х. Пшеничнюка. Уфа: «Гилем». С. 171–179.

Огиенова-Маринова Л. А., 1975. Влияние технологии выполнения при оформлении стиля и мотивов в торевтике фракийцев и скифов // Studia Thracica, I: фракоскифские культурные связи / Отв. ред. А. Фол, Л. Огиенова-Маринова. София: Изд-во Болгарской Академии наук. С. 127–138.

Огурцов А. П., Юдин Э. Г., 1976. Типология // Большая Советская энциклопедия, 3-е изд. Т. 25. М.: Советская энциклопедия. С. 563–564.

Окатенко В. М., Буйнов Ю. В., 2010. Курган з похованнями скіфського типу біля Старого Мерчика // Археологія. № 1. С. 78–90.

Ольховский В. С., 1982. О населении Крыма в скифское время // СА. № 4. С. 61–81.

Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л., 1994. Скифские изваяния VII–III вв. до н. э. М. [б/изд.]. 191 с.

Ольховский В. С., Храпунов И. Н., 1990. Крымская Скифия. Симферополь: Таврия. 128 с.

Онайко Н. А., 1962. Античный импорт на территории Среднего Поднепровья // СА. № 1. С. 66–82.

Онайко Н. А., 1966а. Античный импорт в Поднепровье и Побужье в VII–V вв. до н. э. САИ, Д1-27. 71 с.

Онайко Н. А., 1966б. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье // Культура античного мира. М.: Наука. С. 159–176.

Онайко Н. А. 1970. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н. э. САИ. Д1-27.1970. 70 с.

Онайко Н. А., 1976. Антропоморфные изображения в меото-скифской торевтике // Художественная культура и археология античного мира. М.: Наука. С. 166–179.

Онайко Н. А., 1977. Аполлон Гиперборейский // История и культура античного мира. М.: Наука. С. 153–160.

Островерхов А. С., 1984. Образ птицы в искусстве ольвийской школы «звериного» стиля // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка. С. 62–77.

Островерхов А. С., 1994. Звіриний стиль у культурі Ольвії // Археологія. № 2. С. 58–69.

Островерхов А. С., 1996. Звериный стиль и античные города Северного Причерноморья // ВДИ. № 2. С. 85–102.

Островерхов А. С., 2005. Памятники звериного стиля из ольвийской и никонийской округ (кон. VI — III в. до н. э.) // Структурно-семиотические исследования в археологии / Отв. ред. А. В. Евглевский. Т. 2. Донецк: ДонНУ. С. 219–266.

Островерхов А. С., Отрешко В. М., 1986. Новый образец звериного стиля, найденный близ Ольвии // Памятники древнего искусства Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова думка. С. 61–66.

Островерхов А. С., Охотников С. Б., 1989. О некоторых мотивах скифского звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. № 2. С. 50–67.

Островерхов А. С., Тощев Г. М., 1985. Скіфський кінський наносник // Археологія. Вып. 49. С. 75–78.

Отрощенко В. В., 1980. Исследования в Каменко-Днепровском районе Запорожской области // АО-1979. М.: ИА РАН, 1980. С. 317–318.

Отрощенко В. В., 1984. Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. Киев: Наукова думка. С. 121–125.

Отрощенко В. В., 1992. Традиция изготовления деревянных сосудов в эпоху бронзы и раннего железного века на юге Восточной Европы // Киммерийцы и скифы. Тезисы докладов. Мелитополь: ИА АНУ. С. 71–72.

Отрощенко В. В., Рассамакін Ю. Я., 1984. Скарби тринадцятого кургану // Наука і суспільство: Щорічник. № 12. С. 48–51.

Отрощенко В. В., Рассамакин Ю.Я, 1986. Раскопки скифского кургана у с. Великая Знаменка // АО за 1984 г. М.: Наука. С. 285.

Охотников С. Б., 1984. Скифский меч из г. Котовска Одесской области // Северное Причерноморье (материалы по археологии) / Ред. Г. А. Дзис-Райко. Киев: Наукова думка. С. 112–113.

Очеретній С. В., 2019. Роговий гребінь з розкопок на Немирівському городищі // Археологія і давня історія України. Вип. 4 (33). С. 357–361.

Очир-Горяева М. А., 2001. Предметы конской узды из Майкопа // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар; Анапа. С. 129–133.

Ошмарин П. Г., Пикунов Д. Г., 1990. Следы в природе. М.: Наука. 296 с.

Панковский В. Б., 2019. Псалий из поселения Лазьковские ставки I по следоведческим наблюдениям // Археологічні дослідження Більського городища — 2018 = Archeological research of Bilsk hillfort — 2018: збірник наукових праць / Відп. ред. І. І. Корост. Київ; Котельва: ЦП НАНУ і УТОПІК. С. 89–98.

Парусимов И. Н., 1999. Погребение скифского времени у с. Ново-Николаевка // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1990 г. Вып. 10. С. 55–57.

Патрушев В. С., Халиков А. Х., 1982. Волжские ананьинцы: Старший Ахмыловский могильник. М.: Наука. 280 с.

Переводчикова Е. В., 1979. Келермесская секира и формирование скифского звериного стиля // Проблемы истории античности и средних веков. М.: Изд-во МГУ. С. 138–155

Переводчикова Е.В., 1980а. Прикубанский вариант скифского звериного стиля. Автореферат дисс. … канд. ист. наук. М.: Изд-во Моск. университета. 20 с. / Научная библиотека МГУ имени М. В. Ломоносова.

Переводчикова Е. В., 1980б. Типология и эволюция скифских наверший // СА. № 2. С. 23–44.

Переводчикова Е. В., 1980в. Прикубанский вариант скифского звериного стиля. Дисс… канд. ист. наук. М.: МГУ. 190 с. / Научная библиотека МГУ имени М. В. Ломоносова.

Переводчикова Е. В., 1984. Характеристика предметов скифского звериного стиля // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа / Отв. ред. Н. И. Кирей. Краснодар: Изд-во Кубанского гос. университета. С. 5–15.

Переводчикова Е. В., 1986. Воспроизведение вида животного в скифском зверином стиле // КСИА № 186. С. 8–13.

Переводчикова Е.В, 1987. О локальных чертах скифского звериного стиля Прикубанья // СА. № 4. С. 44–58.

Переводчикова Е. В., 1994. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Восточная литература. 206 с.

Переводчикова Е. В., 1995. Скифский звериный стиль как изобразительная система (по материалам Прикубанья) // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи / Под. ред. В. А. Могильникова. М.: ИА РАН. С. 99–114.

Переводчикова Е. В., 1998. Произведения звериного стиля из Ульских курганов в свете некоторых вопросов истории скифской культуры // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 6-го археологического семинара) / Отв. ред. Б. А. Раев. Краснодар: Краснодарская гос. академия культуры. С. 30–33.

Переводчикова Е. В., 2000. К вопросу о связях Нижнего Поволжья, Прикубанья и Нижнего Подонья (по материалам скифского звериного стиля) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология / Отв. ред. В. И. Гуляев, В. С. Ольховский. М.: ИА РАН. С. 231–237.

Переводчикова Е. В., Фирсов К. Б., 2002. О конструктивных особенностях зооморфных конских наносников (налобников) из скифского кургана Козел // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 8-го археологического семинара). Краснодар [б/изд.]. С. 47–51.

Переводчикова Е.В., 2009. Верблюд в классификационной системе скифского звериного стиля // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. XV / Ред. Г. М. Тощев. Запоріжжя: ЗДУ. С. 129–131.

Переводчикова Е. В., Фирсов К. Б., 2005. К реконструкции убора коней из кургана Козел // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского / Под ред. В. И. Гуляева. М.: ИА РАН. С. 394–406.

Переводчикова Е. В., Раевский Д. С. 1981. Еще раз о скифских навершиях // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура) / Под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука. С. 42–52.

Петренко В.Г., 1962. Бронзовая бляха с головой грифона // КСИА № 89. 1962. С. 54–56.

Петренко В. Г., 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н. э. САИ. Д1-4. 180 с.

Петренко В. Г., 1978. Украшения Скифии VII–III вв. до н. э. // САИ. Д4-5.142 с.

Петренко В. Г., 1978а. Курган у местечка Круноль // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука. С. 42–49.

Петренко В. Г., 1989. Скифы на Северном Кавказе // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука. С. 216–223.

Петренко В. Г., 1990. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии / Отв. ред. А. И. Мелюкова. М.: ИА АН СССР. С. 60–81.

Петренко В. Г., 2006. Краснознаменский могильник: элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе / Серия Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. Т. 1. М.; Берлин; Бордо: Палеограф. 309 с.

Петренко В. Г., Маслов В. Е., 1999. Роговые блюда могильника Новозаведенное-II // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову. Архивные материалы, публикации, статьи / Отв ред.: А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. А. Башилов. М.: ИА РАН. С. 120–129.

Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р., 2000. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э.: палеоэкология, антропология и археология / Отв. ред. В. И. Гуляев, В. С. Ольховский. М.: ИА РАН. С. 238–248.

Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р., 2004. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное II (предварительная публикация) // Археологические памятники раннего железного века юга России (МИАР. Вып. 6). С. 179–210.

Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р., 2006. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное II // Древности скифской эпохи. Сборник памяти А. И. Мелюковой (МИАР. Вып. 7). С. 399–423.

Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р., 2009. Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведенное-II в 1991–2003 гг. // АО-1991–2004 гг. Европейская Россия. С. 225–234.

Пиотровский Б. Б., 1954. Скифы и древний Восток // СА. Вып. XIX. С. 141–158.

Пиотровский Б. Б., 1959. Ванское царство (Урарту). М: Изд-во Восточной литературы. 284 с.

Пиотровский Б. Б., 1982. Кармир-блур. Вып. I. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1950. 100 с.

Плешивенко А. Г., 1996. Курганы села Малоекатериновка. Запорожье [б/изд.]. 167 с.

Погребова М. Н., Раевский Д. С., 1992. Ранние скифы и древний Восток. М.: Наука. 260 с.

Погребова М. Н., Раевский Д. С., 1999. К культурно-исторической интерпретации памятников звериного стиля из Жаботинского кургана № 2 // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / Отв ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. А. Башилов. М.: ИА РАН. С. 260–274.

Погребова М. Н., Раевский Д. С., 2001. «Уйгаракский аргумент» в контексте дискуссии о происхождении звериного стиля скифской эпохи // РА. № 4. С. 45–52.

Погребова М. Н., Раевский Д. С., 2005. Звериный стиль скифской эпохи как lingua franca евразийских степей // Центральная Азия: источники, история, культура. Материалы Междунар. науч. конференции, посвященной 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского / Отв. ред. Т. К. Мкртычев. М.: Восточная литература. С. 578–588.

Погребова Н. Н., 1948. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. Вып. XXII. С. 62–65.

Погребова Н. Н. К вопросу о скифском зверином стиле // КСИА. 1950. Вып. XXXIV. С. 129–141.

Покровська Е. Ф., 1957. Розкопки курганів V ст. до н. е. поблизу Шполи // Археологія. Т. XI. С. 148–153.

Полидович Ю. Б., 1994. О мотиве свернувшегося хищника в искусстве скифского мира // РА. № 4. С. 63–78.

Полідович Ю. Б., 2000. Скіфські хрестоподібні бляхи // Археологія. № 1. С. 35–48.

Полидович Ю. Б., 2001. К истокам скифского искусства: происхождение мотива свернувшегося хищника // РА. № 3. С. 25–34.

Полідович Ю. Б., 2001. Образ хижака у мистецтві народів скіфського світу (за археологічними пам'ятками VII–IV ст. до н. е.). Автореф. дисс… канд. ист. наук. Киев. 19 с.

Полидович Ю. Б., 2004а. Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // Археологический альманах. № 15. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности / Отв. ред. А. Н. Усачук. Донецк: «Донбас». С. 143–165.

Полидович Ю. Б., 2004б. Раннескифские зооморфно оформленные псалии как воплощение фигуры животного // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Т. XI / Отв. ред. П. П. Толочко. Запоріжжя: ЗДУ. С. 206–210.

Полидович Ю. Б., 2008. Об одной изобразительной традиции в искусстве народов скифского мира // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в евразии скифо-сакской эпохи / Отв. ред. З. С. Самашев. Астана: ПЦК РК. С. 39–59.

Полидович Ю. Б., 2009. Крестовидная бляха из архаического некрополя Ольвии в контексте скифского «звериного стиля» // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: материалы науч. конференции / Отв. ред. М. Ю. Вахтина, О. Ю. Соколова, Е. В. Грицик, В. Ю. Зуев, С. В. Кашаев, В. А. Хршановский. СПб.: Нестор-История. С. 477–484.

Полидович Ю. Б., Вольная Г. В., 2005. Образ зайца в скифском искусстве // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского. Сборник статей / Гл. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. 590 с.

Полін С. В., 1987. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. Вип. 59. С. 17–35.

Полин С. В., 1992. От Скифии к Сарматии. Киев: ИА НАНУ, НПК «Археолог». 201 с.

Полин С. В., 2014. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н. э. на Херсонщине / Серия «Курганы Украины». Т. 3. Киев: Издатель Олег Филюк. 776 с.

Полин С. В., Алексеев А. Ю., 2018. Скифский царский Александропольский курган IV в. до н. э. в Нижнем Поднепровье. Киев; Берлин: Видавець Олег Філюк. 930 с.

Полин С. В., Дараган М. Н., 2010. Работы на Александропольском кургане в 2008 г. // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. М.; Киев: ИА РАН. С. 187–205.

Полін С. В., Ковальов Н.В, Чередниченко М. М., 2000. Про датування Бердянського кургану (за керамічними матеріалами) // Археологія. № 1. С. 94–112.

Полин С. В., Кубышев А. И., 1997. Скифские курганы Утлюкского междуречья (в Северо-Западном Приазовье). Киев: Типография федерации профсоюзов. 87 с.

Полосьмак Н. В., 1994. Стерегущие золото грифы. Новосибирск: Наука. 125 с.

Полосьмак Н. В., 2001. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс. 336 с.

Попандопуло З. Х., 2019. Навершя Чмиревої Могили // Археологія і давня історія України. Вип. 4 (33). С. 313–321.

Посегун А. А., 2009. Раскопки кургана Дюнный в Аксайском районе Ростовской области // Археологические записки. Вып. 6 / Отв. ред. В. Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество. С. 63–73.

Придик Е. М., 1911. Мельгуновский клад 1763 г. // МАР. № 31. 24 с. + 5 табл.

Приймак В. В. Уламок меча // ПАЗ. 1994. № 2. С. 126–127.

Прокопенко Ю. А., 2005. Историко-культурное развитие Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н. э. Ставрополь: Изд-во Ставропольского госуниверситета. 802 с.

Прокопенко Ю. А., 2010. Новые находки предметов вооружения и конской упряжи IX–VIII, VI, IV–III вв. до н. э. в окрестностях г. Ставрополя // Из истории культуры народов Северного Кавказа. Вып. 2. Ставрополь: Графа. С. 9–18.

Прокопенко Ю. А., 2011. К вопросу о скифо-греческом синтезе в рамках звериного стиля V–IV вв. до н. э. Центрального Предкавказья // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа. Сборник в честь В. И. Козенковой. Грозный; М.: ИА РАН, Институт гуманитарных исследований АН ЧР. С. 204–214.

Прокопенко Ю. А., 2014. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н. э. Ч. 2. Ставрополь: Изд-во СКФУ. 726 с.

Прохорова Т. А., 1987. Погребение эпохи раннего железа из могильника Криволиманский-I // СА. № 1. С. 250–253.

Пругло В. И., 1963. Золотые украшения звериного стиля из Баксинского кургана // Краткие сообщения о полевых исследованиях Одесского археологического музея. Одесса: Маяк. С. 72–78.

Пузикова А. И., 1966. Новые курганы скифского времени в Белгородской области // КСИА. Вып. 107.

Пузикова А. И., 1969. Раскопки могильника скифского времени у с. Дуровка в 1965 г. // Население Среднего Дона в скифское время (МИА № 151). С. 82–96.

Пузикова А. И.,1984. Акинак из с. Ключ Курской обл. // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.: Наука. С. 210–213.

Пузикова А. И., 1995. Скифы Среднего Дона (Белгородская и Воронежская области). М.: Практик-А. 12 с.

Пузикова А. И., 2001. Курганные могильники скифского времени Среднего Подонья (публикация комплексов). М.: Индрик. 270 с.

Пчелов Е. В., 2017. Символика дельфина: от античности к Московскому царству // Мир животных в мифопоэтическом ракурсе / Отв. ред. М. В. Завьялова, Т. В. Цивьян. М.: LEGORUSSIA. С. 83–98.

Пьянков А. В., Тарабанов В. А., 1997. Могильник протомеотского времени Казазово 3 и другие находки из чаши Краснодарского водохранилища // Памятники предскифского и раннескифского времени на юге Восточной Европы / Отв ред. В. С. Ольховский (МИАР. Вып. 1) С. 62–70.

Пьянков А. В., Хачатурова Е. А., 1997. Зеркала скифского времени с зооморфными украшениями из старых поступлений Краснодарского музея-заповедника // Древности Кубани. Вып. 5. Материалы посвящены памяти В. Н. Каминского. Краснодар [б/изд.]. С. 7–15.

Пьянков А. В., Хачатурова Е. А., Юрченко Т. В., 2014. Возвращенные сокровища Кубани. Краснодар: Традиция. 152 с.

Рабинович Б. З., 1936. О датировке некоторых скифских курганов Среднего Поднепровья // СА. Вып. I. С. 79–102.
Радзиевская В. Е., 1979. Новые находки предметов скифского звериного стиля // СА. № 4. С. 266–270.
Раев Б. А., 1979. Каталог археологических коллекций Музея истории донского казачества. Новочеркасск: Музей истории донского казачества. 162 с.
Раев Б. А., Беспалый Г. Е., 2006. Курган скифского времени на грунтовом могильнике у Новолабинского городища. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. 109 с.
Раевский Д. С., 1971. Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства // Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конференция 1969 г. Доклады. М: Наука. С. 268–285.
Раевский Д. С., 1985. Модель мира скифской культуры. М.: Наука. 255 с.
Раевский Д. С., 2006. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур. 601 с.
Раевский Д. С., Кулланда С. В., Погребова М. Н., 2013. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. М.: Институт востоковедения РАН. 274 с.
Ратнер І. Д., 1984. Довідник з археології Украіни. Херсонська область. Київ: Наукова думка. 107 с.
Розова С. С., 1986. Классификационная проблема в современной науке. Новосибирск: Наука. 224 с.
Ролле Р. и др., 2004 — Ролле Р., Черненко Е. В., Махортых С. В. Комплекс уздечных принадлежностей середины I тыс. до н. э. из бассейна Ворсклы // Від Кіммерії до Сарматії. 60 років Відділу скіфо-сарматськоі археології ІА НАНУ (Матеріали Міжнар. наук. конференції). Київ: КОРВІН ПРЕСС. С. 71–72.
Ролле Р. и др., 2006 — Ролле Р., Махортих С. В., Черненко Е. В., Комплекс кінского спорядження середини I тис. до н. е. з басейну Ворскли // Більске городище та його округа (до 100-річча початку польових досліджень) / Отв. ред. Е. В. Черненко. Київ: Шлях. С. 101–104.
Ромашко В. А., Скорый С. А., 2009. Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. Дніпропетровськ: Пороги. 251 с.
Ростовцев М.И., 1914. Воронежский серебряный сосуд // МАР. № 34. С. 79–93.
Ростовцев М. И., 1925. Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Ленинград: Типография I Ленинградской трудовой артели печатников. 624 с.
Ростовцев М. И., 1993. Срединная Азия, Россия, Китай и звериный стиль // Петербургский археологический вестник. Вып. 5. ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы академика М. И. Ростовцева / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Фарн. С. 57–75.
Ростовцев М. И., 2001. Юг России и Китай — два центра развития звериного стиля // Миф. Т. 7. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. ΑΠΟΘΕΩΣΙΣ / Под ред. М. Н. Погребовой, Е. В. Антоновой, В. Я. Петрухина, С. Игнатова, И. Маразова. София: Нов български университет. С. 268–308.
Руденко С. И., 1953. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Ленинград: АН СССР. 402 с., 120 табл.
Руденко С. И., 1960. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Ленинград: Изд-во АН СССР. 360 с., 128 табл.
Рудинський М. Я., 1928. Археологчні збірки Полтавського музею // Археологічний збірник присвячений 35-річчю музея. Полтава. С. 29–62.
Рукавишникова И. В., 2006. Многофигурные изображения с предметов раннего железного века Тувы и некоторые композиции в зверином стиле из кургана Аржан II // Древности скифской эпохи / Отв. ред. В. Г. Петренко, Л. Т. Яблонский (МИАР. Вып. 7). С. 297–316.
Рябкова Т. В., 2005. Образы звериного стиля в эпоху скифской архаики // АСГЭ. Вып. 37. С. 42–65.
Рябкова Т. В., 2013. 1-й Разменный (Костромской) и 10-й Разменный курганы // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрестке. Материалы междунар. науч. конференции / Отв. ред. М. Ю. Вахтина, Е. В. Грицик, Н. К. Жижина, С. В. Кашаев, Н. А. Павличенко, О. Ю. Соколова, В. А. Хршановский. СПб.: Нестор-История. С. 378–385.
Рябкова Т. В., 2014. Три костяных псалия из Прикубанья в коллекции Эрмитажа // АВ. Вып. 20. С. 205–216.
Рябкова Т. В., 2020. О комплексе одного из Семиколенных курганов собрании Эрмитажа // АВ. Вып. 26. С. 272–282.
Рябова В. А. 1984. Дерев'яні чаші з обивками з курганів скіфського часу // Археологія. № 46. С. 31–44.
Рябова В. А., 1987. Двуручные чаши из скифских курганов // Скифы Северного Причерноморья / Ред. Е. В. Черненко. Киев: Наукова думка. С. 144–51.
Савельев Н. С., 2008. Кара-абызский олень: истоки образа и его трансформация // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале, 2008 г. / Отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров. Т. III. М.: ИА РАН. С. 69–72.
Савинов Д. Г., 1998 Образ фантастического хищника в древнем искусстве Евразии (в свете переднеазиатской теории М. И. Артамонова) // История и культура древних и средневековых обществ. Сборник статей, посвященных 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова. Проблемы археологии. Вып. 4. СПб.: СПбГУ. С. 154–165.
Савинов Д. Г., 2010. От редактора // Подольский М. Л. Зверь, который был сам по себе. СПб.: «ЭлекСис». С. 5–7.
Савинов Д. Г., 2012. Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Труды САИПИ. Вып. IX. М.; Кемерово: Кузбассвузиздат. С. 35–55.
Савченко Е. И., 2001. Могильник скифского времени «Терновое I — Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 53–143.
Савченко Е. И., 2001а. «Забытый» курган из раскопок П. Д. Либерова // РА. № 4. С. 153–161.
Савченко Е. И., 2004. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в Скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 151–277.
Савченко Е. И., 2009. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник //

Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 221–325.

Сазонов А. А., 1998. Могильник Чишхо: поздние протомеоты и раннескифские древности // Юбилейные международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). М.: Наследие. С. 114–116.

Сазонов А. А., 2000. Хаджохские курганы — некрополь древнемеотских вождей // Информационно-аналитический вестник. Вып. 3. Майкоп: Меоты. С. 42–67.

Самашев З., 2011. Берел. Алматы: Таймас. 236 с.

Самашев З. С., Мыльников В. П., 2004. Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11, могильника Берел). Алматы: ОФ «БЕРЕЛ». 312 с.

Самоквасов Д. Я., 1908. Могилы Русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей. М.: Синодальная типография. 270 с.

Самоквасов, 1908. Альбом фотографий — Могилы русской эпохи. Скито-сарматская эпоха [Альбом фотографий планшетов коллекций Д. Я. Самоквасова к изданию «Могилы Русской земли»] / Библиотека кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Сиволап М., Шелехань О., 2014. Клинкова зброя скіфського часу в зібранні Черкаського краєзнавчого музею // Наукові записки. Вип. 21. Серія Історичні науки. С. 209–217.

Сидоренко Г. О., 1964. Скіфський курган на р. Удай // Археологія. Вып. XVI. С. 191–194.

Сидорова Н. А., 1972. Искусство эгейского мира. М.: Искусство. 228 с.

Силантьева Л. Ф., 1959. Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов (МИА № 69). С. 5–107.

Симоненко А. В., 1982. О позднескифских налобниках // Древности степной Скифии / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 237–245.

Синика В. С., 2017. Новые находки предметов звериного стиля на левобережье Нижнего Днестра // Поволжская археология. № 3 (21). С. 141–144.

Скаков А. Ю., 2013. О некоторых образах кобано-колхидского искусства: скульптурные изображения лежащего зверя и зооморфные свастики // АВ. Вып. 19. С. 229–244.

Скибневский Р., 1999. Пятнадцать уроков верховой езды. Биоинформ. — URL: http://www.libros.am

Скорий С. А., 1990. Курган Переп'ятиха (до етнокультурної історії Дніпровського Лісостепового Правобережжя). Киев: Наукова думка. 124 с.

Скорый С. А., 1997. Стеблев: скифский могильник в Поросье. Киев: Киевская типография ФНПУ. 173 с.

Скорый С. А., 2003. Скифы в Днепровской Правобережной (проблема выделения иранского этнокультурного элемента) Лесостепи. Киев: ИА НАНУ. 161 с.

Скорый С. А., 2006. Ранние скифы в Добрудже: историография проблемы и археологические реалии // Древности скифской эпохи. М.: ИА РАН. С. 140–171.

Скорый С. А., Зимовец Р. В., 2014. Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев: Відавець Олег Філюк. 180 с.

Скорый С. А., Окатенко В. Н., Зимовец Р. В. 2020. Скифское архаическое погребение в урочище Марченки близ Бельского городища // Археологическое наследие. № 1 (3). С. 113–134.

Скорый С. А., Орлик А. П., Зимовец Р. В., Каравайко Д. В., 2019. Скифское погребение кургана Орликова Могила // Археологія і давня історія України. № 4 (33). С. 160–176.

Скорый С., Хохоровски Я., 2008. Конское снаряжение из кургана Скифская Могила // Проблемы археологии Восточной Европы. К 85-летию Б. А. Шрамко. Харьков: Курсор. С. 132–141.

Скорый С., Хохоровски Я., 2005–2009. Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища (Украинская Правобережная Лесостепь) // Stratum plus. Скифские интерпретации. 2005–2009. № 3. С. 234–276.

Скуднова В. М., 1954. Скифские памятники из Нимфея // СА. Вып. XXI. С. 306–318.

Скуднова В. М., 1962. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // ТГЭ. Вып. VII. С. 5–27.

Скуднова В. М., 1988. Архаический некрополь Ольвии: Публикация одной коллекции / Науч. ред., подготовка к изд. С. П. Борисковской. Ленинград: Искусство. 184 с.

Смирнов К. Ф., 1961. Вооружение савроматов (МИА № 101). 162 с.

Смирнов К. Ф., 1964. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука. 381 с.

Смирнов К. Ф., 1976. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 74–89.

Смирнов Н. Ю., 2015. Зверь и птица из Темир-горы // Боспорские исследования. Вып. 31 / Отв. ред. В. Н. Зинько. Керчь: Керченская городская типография. С. 50–59.

Смирнова Г. И., 1996. Предварительные данные о Немировском городище // Білське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Европи / Под ред. О. Б. Супруненко. Полтава: ЦОДПАб вид. центр Археологія. С. 183–198.

Соколов П. М., 2020. Новые находки звериного стиля IV в. до н. э. на поселении Биели в Восточном Крыму // История и археология Крыма. 2020. Вып. XIII. Материалы научно-практ. конференции по итогам полевого археологического сезона 2019 года на Крымском полуострове, посвященной 100-летию академической археологии России / Отв. ред. В. В. Майко. Симферополь: Колорит. С. 385–388.

Сокровища, 1985 — Сокровища курганов Адыгеи. М.: Советский художник. 152 с.

Сокровища, 2008 — Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филипповских курганов) / Под ред. Л. Т. Яблонского. Оренбург: Димур. 144 с.

Сорокин С. С., 1972. Свернувшийся зверь из Зивие // СГЭ. Вып. XXXIV. С. 75–78.

Сорокина Н. П., 1957. Тузлинский некрополь // Труды ГИМ. Вып. XXVI. М.: Советская Россия. 64 с.

Спицын А. А., 1906. Серогозские курганы // ИАК. Вып. 19. С. 157–174.

Спицын А. А., 1918. Курганы скифов-пахарей // ИАК. Вып. 65. С. 87–143.

Стеблин-Каменский М. И., 1976. Миф. Ленинград: Наука. 104 с.

Степи европейской части, 1989 — Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. А. И. Мелюкова. Серия Археология СССР. М.: Наука. 464 с.

Степная полоса, 1992 — Степная полоса азиатской части СССР в скифское время / Отв. ред. М. Г. Мошкова. Серия Археология СССР. М.: Наука. 494 с.

Супруненко О. Б., 2002. Кинджал скіфського часу з-під Полтави // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 гг. Київ: ИА НАНУ. С. 247–249.

Телегин А. Н., 1997. Раскопки в Кулунде // АО за 1996 г. М.: Наука. С. 359–361.

Тереножкин А. И. и др., 1973 — Тереножкин А. И., Ильинская А. И., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. Киев: Наукова думка. С. 113–186.

Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., 1977. Скифский курганный могильник Гайманово поле (раскопки 1968 г.) // Скифы и сарматы / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 152–199.

Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н., 1988. Мелитопольский курган. Киев: Наукова думка. 264 с.

Техов Б. В., 1976. О некоторых предметах скифского звериного стиля из памятников южного склона главного Кавказского хребта // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 153–163.

Техов Б. В., 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука. 238 с.

Техов Б. В., 1980. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н. э. М.: Наука. 94 с.

Титенко Г. Т., 1954. Закавказские удила, найденные на Полтавщине // КСИА АН УССР. Вып. 3. С. 77–80.

Толстиков В. П., 2011. Конское захоронение на верхнем плато акрополя Пантикапея // Боспорские чтения. Вып. XII. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияние культур / Ред.-сост. В. Н. Зинько. Керчь: Militaria. С. 365–368.

Толстой И. И., Кондаков Н. П., 1889. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 2. СПб.: Типография Министерства путей сообщения. 161 с.

Толстой И., Кондаков Н., 1890. Русские древности в памятниках искусства. Вып. 3. СПб.: Типография Министерства путей сообщения. 159 с.

Топал Д. А., 2014. Акинаки на западных рубежах Скифии. Находки скифских мечей и кинжалов на территории Республики Молдова // Tyragetia. Serie nouă. Vol. VIII [XXIII]. N 1. С. 7–43.

Топал Д. А., 2017. Антенны скифских акинаков. Истоки и эволюция // Археология евразийских степей. № 3. [Эпоха бронзы и ранний железный век. Материалы III междунар. науч. конференции «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации / Отв. ред. С. В. Кузьминых, А. А. Чижевский]. С. 299–353.

Топал Д. А. [б/года]. Новые кельтские и скифские находки из Северо-Восточной Болгарии. — URL: http://archaeology.ru/ONLINE/Topal/topal.html

Тревер К. В., 1937. Сэнмурв-Паскудж, собака-птица // Ленинград: Гос. Эрмитаж. 74 с.

Тришина И. В., 2003. Многофигурные композиции искусства пазырыкской культуры // РА. № 3. С. 44–60.

Тришина И. В., 2004. О центральносимметричных композициях Саяно-Алтая звериного стиля скифской эпохи // Археологические памятники раннего железного века юга России (МИАР. Вып. 6). С. 211–219.

Тульчинский Г. Л., 1979. Выступление в дискуссии // Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках / Ред. Л. С. Клейн. Ленинград: Изд-во ЛГУ. С. 168–169.

Тульчинский Г. Л., Светлов В. А. Логико-семантические основания классификации // Типы в культуре. Методологические проблемы классификации, систематики и типологии в социально-исторических и антропологических науках / Ред. Л. С. Клейн. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1979. С. 22–28.

Туровский Е. Я., 2004. Новые памятники материальной культуры скифов с территории Керченского полуострова // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы Междунар. науч. конференции. Ч. 2 / Ред. М. Ю. Вахтина, В. Ю. Зуев, С. В. Кашаев, О. Ю. Соколова, В. А. Хршановский. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 245–248.

Уварова П. С., 1900. Могильники Северного Кавказа // МАК. Вып. VIII. 381 с.

Ульские курганы, 2015 — Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе / Под ред. А. И. Иванчика, А. М. Лескова (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. Т. 2). М.; Берлин; Бордо: Палеограф. 172 с.

Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И., 2005. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алтайского университета. 204 с.

Фаркаш Э., 1992. Искусство кочевников в музеях США // ВДИ. Вып. 4. С. 195–204.

Фармаковский Б. В., 1914. Архаический период в России // МАР. Вып. 34. С. 29–37.

Федоров-Давыдов Г. А., 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство. 228 с.

Федоров-Давыдов Г. А., 1987. Статистические методы в археологии. М.: Высшая школа. 216 с.

Фиалко Е. С., 1991. Погребения женщин с оружием у скифов // Курганы степной Скифии / Отв. ред. Ю. В. Болтрик, Е. П. Бунятян. Киев: Наукова думка. С. 4–18.

Фиалко, Е. Е., 1993. Нагайка из Бердянского кургана // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. 4. Запорожье: Издательство ЗГУ. С. 197–200.

Фиалко Е. Е., 1994. Памятники скифской эпохи Приднепровской Террасовой Лесостепи. Киев: ИА НАНУ. 53 с.

Фиалко Е. Е., 1995. Фракийская узда из кургана Огуз // РА. № 1. С. 133–147.

Фіалко О. Е., 1996. Скіфські вуздечки з залізними нахрапниками // Археологія. № 4. С. 94–100.

Фиалко Е. Е., 2004. Деревянные чаши — знаки воинской доблести у скифов // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Т. XI / Отв. ред. Г. Н. Тощев. Запоріжжя [б. изд.]. С. 269–272.

Фирсов К. Б., 2005. Богатый курган скифского времени у с. Покровка Таврической губернии (1897 г.) //

Боспорский феномен. Проблемы соотношения письменных и археологических источников / Отв. ред. В. Ю. Зуев. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитаж. С. 305–315.

Хазанов А. М., 1975. Золото скифов. М.: Советский художник. 144 с.

Хазанов А. М., Шкурко А. И., 1978. Воздействие античной культуры на искусство и культуру скифо-сарматского мира // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М.: Наука. С. 72–80.

Хвойка В. В., 1901. Раскопки у с. Чучинки, Киевского у. // Археологическая летопись южной России. Т. III. С. 184–185.

Храпунов И. Н., Стоянова А. А., Канторович А. Р., 2021. Архаические и экзотические предметы из крымских могильников римского времени // Античные реликвии Херсонеса: Открытия. Находки. Теории. Материалы науч. конференции, Севастополь, 20–24 сентября 2021 года / Отв. ред. А. В. Зайков, Д. А. Костромичев, Е. С. Лесная. Севастополь: ГИАМЗ «Херсонес Таврический». С. 335–338.

Цалкин В. И., 1960. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в Северном Причерноморье (МИА № 53). С. 7 –109.

Чежина Е. Ф., 1984. Изображения свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. Вып. 25. С. 61–64.

Чежина Е. Ф., 1987. Раннескифские зооморфные псалии из Южного Приуралья и Нижнего Поволжья // СГЭ. Вып. LII. С. 25–28.

Чежина Е. Ф., 1989. Уникальная надпись на раннескифском псалии из Южного Приуралья // СА. № 1. С. 261–264.

Чежина Е. Ф., 1991. Орнаментированные кабаньи клыки и их имитации в скифскую эпоху // АСГЭ. Вып. 31. С. 30–42.

Чемякин Ю. П., 2006. Об одном сюжете «пермского звериного стиля» // Взаимодействие народов степной Евразии в эпоху Великого переселения народов / Отв. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск: Изд-во Удмуртского гос. университета. С. 70–80.

Чередниченко и др., 1979 — Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Ф., Ковалев Н. В., Погорелый В. Н., Мурзин В. Ю., Ольховский В. С., Бидзиля В. И., Зубарь В. М. Раскопки большого скифского кургана в Приазовье // АО за 1978 г. М.: Наука. С. 419–420.

Чередниченко Н. Н., Фиалко Е. Е., 1988. Погребение жрицы из Бердянского кургана // СА. № 2. С. 149–167.

Черемисин Д. В., Запорожченко А. В., 1999. «Сакральные центры» Евразии на Алтае, на Енисее и легенда об аримаспах и грифах в современных интерпретациях // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алтайского университета. С. 228–231.

Черепанова Е. В., Щепинский А. А., 1966. Там, где пройдет Северо-Крымский… . Симферополь: Крым. 96 с.

Черненко Е. В., 1968. Скифский доспех. Киев: Наукова думка. 190 с.

Черненко Е. В., 1970. Скіфські кургани V ст. до н. э. поблизу м. Жданова // Археологія. Вип. XXIII. С. 176–181.

Черненко Е. В., 1975. Оружие из Толстой Могилы // Скифский мир / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 152–173.

Черненко Е. В., 1980. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А. И. Тереножкин. Киев: Наукова думка. С. 7–30.

Черненко Е. В., Бунятян Е. Г., 1977. Курганная группа Широкое-II // Курганы Южной Херсонщины / Отв. ред. Е. В. Черненко. Киев: Наукова думка. С. 45–93.

Черненко Е. В. и др., 1986 — Черненко Е. В., Бессонова С. С., Болтрик Ю. В., Полин С. П., Скорый С. А., Бокий Н. М., Гребенников Ю. С. Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка. 368 с.

Черников С. С., 1965. Загадка Золотого кургана. М.: Наука. 190 с.

Чистов Д. Е. и др., 2012 — Чистов Д. Е., Зуев В. Ю., Ильина Ю. И., Каспаров А. К., Новоселова Н. Ю. Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2. Исследования на острове Березань в 2005–2009 гг. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 297 с.

Членова Н. Л., 1962. Скифский олень // Памятники скифо-сарматской культуры (МИА № 115). С. 167–205.

Членова Н. Л., 1967. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука. 300 с.

Членова Н. Л., 1984. Иранские прототипы скифских оленей // КСИА № 178. С. 3–10.

Членова Н. Л., 1999. Следы копыт «скифских» коней // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алтайского университета. С. 231–234.

Членова Н. Л., 2000. Олени, кони и копыта (о связях Монголии, Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху) // РА. № 1. С. 90–106.

Чугунов К. В., 2007. Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990–1998 гг.) // Сборник научных трудов в честь 60-летия А. А. Виноградова. СПб.: Культ-Информ-Пресс. С. 123–144.

Шамба Г. К., 1983. Погребение VI в. до н. э. близ Сухуми // КСИА. Вып. 174. С. 33–37.

Шамба С. М., 1988. Гюэнос-I. Тбилиси: Мецниереба. 135 с.

Шапорда О. М., Штанько А. І., Овчаренко М. І., 2019. Розвідки на території Більського археологічного комплексу в 2018 році // Археологічні дослідження Більсьского городища – 2018 = Archeological research of Bilsk hillfort – 2018: збірник наукових праць / Відп. ред. І. І. Корост. Київ; Котельва: ЦП НАНУ і УТОПІК. С. 142–151.

Шапошникова О. Г., 1970. Погребение скифского воина на реке Ингул // СА. № 3. С. 208–212.

Шевченко А. А., 2009. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В. И. Гуляев. М.: ИА РАН. С. 26–111.

Шедевры, 1987 — Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки / Науч. ред. А. М. Лесков, В. Л. Ляпушин, автор вступ. ст. А. М. Лесков. М.: Министерство культуры СССР. 190 с.

Шелехань О. В., Киркач В. А., 2019. Скіфський меч зі Слов'янська влияния // Археологія і давня історія України. Т. 2. № 31. С. 375–384.

Шер Я. А., 1980. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука. 328 с.

Шер Я. А., 1998. О возможных истоках скифо-сибирского звериного стиля // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы; М.: Ғылым. С. 218–230.

Шилов В. П., 1961. Раскопки Елизаветовского могильника в 1959 г. // СА. № 1. С. 150–168.

Шилов В. П., 1962. Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону / Отв. ред. С. М. Марков. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета. С. 52–69.

Шилов В. П., 1966. Ушаковский курган // СА. № 1. С. 174–191.

Шишлов А. В., Федоренко Н. В., Колпакова А. В., Кононенко А. П., 2005. Владимировский могильник — новый памятник скифского времени в Цемесской бухте // На юго-восточных рубежах азиатского Боспора. М.; Новороссийск [б/изд.]. С. 23–30.

Шкурко А. И., 1969. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии // СА. № 1. С. 31–39.

Шкурко А. И., 1975а. Звериный стиль в искусстве и культуре лесостепной Скифии VII–III вв. до н. э. Автореф. дис. … канд. ист. наук. М.: МГУ. 24 с.

Шкурко А. И., 1975б. Шкурко А. И. Звериный стиль в искусстве и культуре Лесостепной Скифии (VII–Ш вв. до н. э.). Дисс… канд. ист. наук. М.: МГУ. 248 с. / Российская государственная библиотека.

Шкурко А. И., 1976. О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 90–105.

Шкурко А. И., 1977. Скифское искусство звериного стиля (по материалам Лесостепной Скифии) // Музейное дело в СССР. Вып. 1. М. [б/изд.]. С. 94–113.

Шкурко А. И., 1980. Образ лося в искусстве Лесостепной Скифии // История и культура Евразии по археологическим данным / Труды ГИМ. Вып. 51. С. 71–78.

Шкурко А. И., 1982. Фантастические существа в искусстве Лесостепной Скифии // Археологические исследования на юге Восточной Европы. Ч. 2. / Труды ГИМ. Вып. 54. С. 3–8.

Шкурко А. И., 2000. Скифское искусство звериного стиля (по материалам лесостепной Скифии) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология / Ред. В. И. Гуляев, В. С. Ольховский. М.: ИА РАН. С. 304–313.

Шпилев А. Г., 2012. Зооморфные украшения скифского времени из Курской области // Древности Днепровского Левобережья от каменного внека до позднего средневековья (к 80-летию со дня рождения А. И. Пузиковой). Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 4. Курск: Курская областная типография. С. 227–240.

Шрамко Б. А., 1959. Отчет о разведках и раскопках археологической экспедиции Харьковского госуниверситета в 1958 году. Харьков // Архив ИА НАПУ. Отчет ФЭ/3182, альбом ФЭ/3183.

Шрамко Б. А., 1964. Поселения скіфського часу біля станції Шовкова // Археологія. Т. XVI. С. 181–190.

Шрамко Б. А., 1971. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей Степной и Лесостепной Скифии // Проблемы скифской археологии. (МИА № 177). С. 92–102.

Шрамко Б. А., 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка. 180 с.

Шрамко Б. А., 1994. Новые раскопки курганов в могильнике Скоробор // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Т. 1. С. 102–126.

Шрамко Б. А., 1994а. Розкопки курганів VII–IV ст. до н.е. поблизу Більська // Археологія. 4. С. 117–133.

Шрамко Б. А., 1996. Комплекс глиняных скульптур Бельского городища // Білське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Европи / Под ред. О. Б. Супруненко. Полтава: ЦОДПАб вид. центр Археологія. С. 67–87.

Шрамко Б. А., 1998. Люботинское городище // Люботинское городище. Сборник научных трудов / Отв. ред. Ю. В. Буйнов. Харьков: Регион-Информ. С. 9–131.

Шрамко Б. А., 1999. К вопросу о бронзолитейном производстве в Скифии // Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову. Архивные материалы, публикации, статьи / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова, В. А. Башилов. М.: ИА РАН. С. 318–324.

Шрамко Б. А., Солнцев Л. А., Фомин Л. Д., 1963. Техника обработки железа в лесостепной из степной Скифии // СА. № 4. С. 36–57.

Шрамко И. Б., 1995а. Краткие итоги исследований на Западном укреплении Бельского городища в 1994 г. // ПАЗ. № 3. С. 66–71.

Шрамко И. Б., 1995. Раскопки на Западном укреплении Бельского городища в 1994 г. // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Т. 1. С. 174–175.

Шрамко И. Б., 2004. О начальном периоде существования Бельского городища // Від Кіммерії до Сарматії. 60 років Відділу скіфо-сарматської археології ІА НАНУ. Матеріали Міжнар. наук. конференції. Киев: КОРВІН ПРЕСС. С. 103–106.

Шрамко І. Б., 2006. Ранній період в історії геродотівського Гелону (за матеріалами розкопок зольника № 5) // Більське городище та його округа. Київ: Шлях. С. 33–56.

Шрамко И. Б., 2010. Бельское городище: основные этапы развития // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы VII Междунар. науч. конференции. 28–29 октября 2010 года / Отв. ред. С. В. Дьячков. Харьков: ООО «НТМТ». С. 31.

Шрамко И. Б., 2015. Роговые наконечники луков с Западного Бельского городища // Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXXVII. Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 487–511.

Шрамко І. Б., 2019. Рогове завершення лука з Більського городища // Археологія. 4. С. 52–59.

Шрамко И. Б., Задников С. А., 2010. Новые находки ранней античной керамики на Бельском городище // ΣΥΜΒΟΛΑ. Вып. 1. М.; Киев: ИА РАН. С. 294–300.

Шрамко И. Б., Задников С. А., Пеляшенко К. Ю., 2008. Новые исследования памятников скифского времени на Харьковщине // Проблемы археологии Восточной

Европы. К 85-летию Б. А. Шрамко / Отв. ред. С. И. Посохов. Харьков: Курсор. С. 146–163.

Шрамко И. Б., Задников С. А., 2019. Исследование раннескифского поселения Лазьковские ставки I экспедицией Харьковского университета в 2018 году // Археологічні дослідження Більського городища — 2018 = Archaeological research of Bilsk hillfort — 2018: збірник наукових праць / Відп. ред. І. І. Корост. Київ; Котельва: ЦП НАПУ і УТОПІК. С. 78–88.

Шталь И. В., 2000. Свод мифо-эпических сюжетов античной вазовой росписи по музеям РФ и стран СНГ. Т. 1. М.: Олма-Пресс. 223 с.

Щапова Ю. Л., 1994. Описание, классификация и эволюционные закономерности в развитии древних вещей // РА. № 2. С. 11–22.

Щепинский А. А., Черепанова Е. В., 1969. Северное Присивашье в V–I тыс. до н. э. Симферополь: Крым. 328 с.

Эдинг Д. Н. 1940. Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля. Труды ГИМ. Вып. 10. М.: ГИМ. 140 с.

Эрлих В. Р., 1990. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского времени // СА. № 1. С. 247–250.

Эрлих В. Р., 1991. Меотские мечи из Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. Сборник статей. М. [б/изд.]. С. 77–99.

Эрлих В. Р., 1991а. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. Сборник статей. М. [б/изд.]. С. 31–55.

Эрлих В. Р., 1992. Вооружение и конское снаряжение в культуре населения Закубанья в скифское время. Дисс… канд. ист. наук. М.: ИА РАН // Архив ИА РАН. Р-2, № 2509, 2730.

Эрлих В. Р., 1994. У истоков раннескифского комплекса. М.: ИНИОН РАН. 145 с., 32 табл.

Эрлих В. Р., 2000. Отчет о работах на некрополе II Тенгинского городища в 2000 г. // Архив ИА РАН, Р-I № 24355, 24356.

Эрлих В. Р., 2001. Святилище IV в. до н. э. некрополя II Тенгинского городища // Третья Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар; Анапа [б/изд.]. С. 218–223.

Эрлих В. Р., 2002. Новое меотское святилище в Закубанье // Историко-археологический альманах (Армавирского краевед. музея). Вып. 8. С. 7–17.

Эрлих В. Р., 2004а. Меотское святилище в Абхазии // ВДИ. № 1. С. 158–172.

Эрлих В. Р., 2004б. О «птицеголовости» некоторых предскифских топориков-скипетров // Від Кіммерії до Сарматії. 60 років Відділу скіфо-сарматської археології ІА НАНУ. Матеріали Міжнар. наук. конференції. Київ: КОРВІН ПРЕСС. С. 106–110.

Эрлих В. Р., 2005. К дискуссии о скифах на Кубани // Четвертая кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар [б/изд.]. С. 319–323.

Эрлих В. Р., 2005а. «Скифский» культовый набор в меотском святилище // Четвертая кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар [б/изд.]. С. 323–326.

Эрлих В. Р., 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.: Наука. 430 с.

Эрлих В. Р., 2009. Курганы из окрестностей ст. Некрасовской: новое обращение к старым материалам // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Кубанский гос. университет. С. 456–460.

Эрлих В. Р., 2010. Раскопки кургана Ульской группы в 2007 г. // Материальная культура Востока. Вып. 5. М.: Полимаг. С. 117–138.

Эрлих В. Р., 2010а. Узда Колхиды в Центральной Грузии античной эпохи: к проблеме выделения традиций // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. М.: Таус. С. 73–108.

Эрлих В. Р., 2011а. Материалы раннего железного века из окрестностей станицы Некрасовской в музеях Грузии // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. Том первый / Отв. ред. М. Д. Бухарин. М.: Собрание. С. 50–72.

Эрлих В. Р., 2011б. Святилища некрополя Тенгинского городища II: IV в. до н. э. М.: Наука. 212 с.

Эрлих В. Р., 2013. Археологический комплекс Псенафа. К проблеме хронологии // Шестая международная кубанская археологическая конференция / Отв. ред. И. И. Марченко. Краснодар: Экоинвест. С. 476–480.

Эрлих В. Р., 2013а. Продукция переднеазиатских и закавказских мастерских из Ульских курганов // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. Археология, краеведение, музееведение / Отв. ред. А. А. Калмыков. М.: Памятники исторической мысли. С. 217–236.

Эрлих В. Р., 2014. Древности «Долины яблонь». Каталог выставки. М.; Майкоп: Государственный музей Востока. 143 с.

Эрлих В. Р., Канторович А. Р., 2017. Псалии с уникальным изображением кошачьего хищника из ритуального комплекса могильника Псенафа в контексте скифского звериного стиля // Археологія і давня історія України. Вип. 23. С. 390–396.

Эрлих В. Р., Нехаев А. А., 2011. Курганы эпохи скифской архаики у хутора Говердовского в Адыгее // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х. М. Мамаев. Грозный; М.: ИА РАН, Институт гуманитарных исследований Чеченской республики. С. 134–155.

Эрлих В. Р., Шамба Г. К., 2005. К вопросу о влиянии прикубанского искусства на звериный стиль Центральной Абхазии // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 5. Краснодар: Кубанский гос. унтверситет. С. 164–171.

Яблонский Л. Т., 1996: Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М.: ИА РАН. 186 с.

Яковенко Э. В., 1969. Клыки с зооморфными изображениями // СА. № 4. С. 200–207.

Яковенко Э. В., 1970. Уздечный набор V в. до н. э. из Восточного Крыма // КСИА № 124. С. 54–60.

Яковенко Э. В., 1972. Курган на Темир-горе // СА. № 3. С. 259–267.

Яковенко Е. Е., 1974. Скіфи східного Криму в V–III ст. до н. е. Київ: Наукова думка. 252 с.

Яковенко Э. В., 1976а. Древнейший памятник искусства скифов // СА. № 2. С. 236–240.

Яковенко Э. В., 1976. Предметы звериного стиля в раннескифских памятниках Крыма // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука. С. 128–137.

Якушкин Б. В., 1973. Классификация // БСЭ. 3-е изд. Т. 12. М.: Советская энциклопедия. С. 269.

Яценко И. В., 1954. Скифские памятники степного Приднепровья и Приазовья VII–V вв. до н. э. Дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИИМК АН СССР.

Яценко И. В., 1956. Скифские погребения близ Ногайска // ВДИ. № 1. С. 157–165.

Яценко И. В., 1959. Скифия VII–V веков до н. э. / Труды ГИМ. Вып. 36. 120 с.

Яценко И. В., 1971. Искусство скифских племен Северного Причерноморья // История искусства народов СССР: В 9 т. / Ред. Б. В. Веймарн. Т. 1. М.: Изобразительное искусство. С. 116–137.

Яценко И. В., 1977. Искусство эпохи раннего железа // Произведения искусства в новых находках советских археологов. М.: Искусство. С. 80–99.

Akurgal E., 1962. The Art of the Hittites. New York: H.N. Abrams. 315 p.

Alexeev A., Barkova L., Galanina L., 2001. Nomades des steppes. Les Scythes VII–III siècles av. J.-C. Paris: Éditions Autrement. 144 p.

Amandry P., 1965. Un motif scythe en Iran et en Grece // Journal of Near Eastern Studies. Vol. XXIV. N 3. P. 149–160.

Ancient Near Eastern Art, 1984 — Harper P. O., Porter B. A., Muscarella O. W., Pittman H., Spar I. Ancient Near Eastern Art. The Metropolitan Museum of Art Bulletin. Vol. 41. N 4. Spring. 504 p.

Ancient touch (интернет-каталог). — URL: www.ancienttouch.com (дата обращения: 03.04.2011).

Ashmolean museum, 1951 — Ashmolean museum. Department of antiquities. A summary guide to the collections. Oxford: Ashmolean Museum. 86 p., 73 pl.

Arts d'Orient, 2006 — Arts d'Orient: archeologie-Islam. Auction catalog. 7–9 June 2006. Paris: Boisgirard & Associés. 203 p.

Azarpay G., 1959. Some classical and Near Eastern motives in the art of Pazyryk // Artibus Asiae. Vol. XXII. N 4. P. 313–339.

Berciu D., 1969. Arta Traco-Getica. Bucuresti: Academia Republicii Soc. Romania. 234 p.

Bill A., 2003. Studien zu den Gräbern des 6. bis 1. Jahrhunderts v. Chr. in Georgien: unter besonderer Berücksichtigung der Beziehungen zu den Steppenvölkern. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie. Bd. 96. Bonn: In Kommission bei Habelt. 101 s., 193 taf.

Boardman J., 1998. Early Greek vase painting: 11th–6th centuries BC. London: Thames and Hudson. 287 p.

Boltrik J. V., Fialko E. E., 1991. Der Oguz-Kurgan. Die Grabanlage eines Skythenkonigs der Zeit nach Ateas // Hamburger Beitrage zur Archaologie. Bd. 18. S. 107–129.

Borovka G., 1928. Scythian Art. London: Ernest Benn. 185 p.

Borovka G., 1929. Wanderungen eines archaisch-griechischen motives uber Skythien und Baktriennach Alt-China // Sonderabdruck aus: Funfundwanzig jahre Romisch-Germanische Kommission. Berlin; Leipzig. 347 S.

Bydlowski A., 1905. Mogily w Nowosiólce // Światowit. T. VI. S. 1–7.

Chetraru N., Serova N., 2001. Necropola aristocraţiei scitice Dubăsari (sec. V–IV î.e.n.) (Necropolis of Scythian Aristocracy in Dubasari (5th–4th c. B.C.), in Romanian). Chisinau: Tyragetia. 76 p.

Čugunov, K.V., Parzinger H., Nagler A., 2010. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva // Archäologie in Eurasien. Bd. 26; Steppenvölker Eurasiens. Bd. 3. Mainz: Philipp von Zaber. 330 S., 153 taf.

Debidour M., 1986. En classant les timbres thasiens // BCH. Suppl. 13. Paris.

Die Thraker, 2004 — Die Thraker. Das Goldene Reich des Orpheus. Mainz: Philipp von Zabern. 384 S.

Dumitrescu V., 1974. Arta preistorica in Romania. Bucureşti: Editura Meridiane. 511 p.

Ebert M., 1928. Südrussland: Skytho-Sarmatishe Periode // Reallexicon der Vorgeschichte. Bd. 13. Berlin: Walter de Gruyer @ Co. S. 52–114.

Erlikh V.R., 2010. Recent investigations of the Ulski Kurgans // Achaemenid Impact in the Black Sea: Communication of Powers (Black Sea Studies) / Ed. by J. Nieling and E. Rehm. Aarhus University Press. P. 47–67.

Erlikh V.R., Kantorovich A.R., Maslov V.Ye., 2013. Debatable issues of the chronology of the Archaic Scythia of the Northern Black Sea region // Fifth International Congress On Black Sea Antiquities (Belgrade, 17–21, September 2013). Belgrade: University of Belgrade. Faculty of Philosophy. P. 38–39.

From the Land of the Scythians, 1975 — Piotrovsky B. et al. From the Land of the Scythians: Ancient Treasures from the Museums of the USSR, 3000 BC to 100 BC. The Metropolitan Museum of Art and the Los Angeles County Museum of Art. New York: Metropolitan Museum of Art. 160 p.

Frankel D., 1979. The ancient kingdom of Urartu. London: British Museum Publ. 32 p.

Frankfort H., 1939. Cylinder seals. London: Macmillan. 328 p.

Furtwängler A., 1886. Gryps // Ausführliches Lexikon der Griechishen und Römischen Mythologie / Hrsg. W.H. Roscher. Bd. I. Leipzig: B.G. Teubner. Spalte 1742–1777.

Ghirshman R., 1962. Iran: parthes et sassanides. Paris: Gallimard. 401 p.

Ghirshman R., 1964. Protoiranier, Meder, Achämeniden. Universum der Kunst. Bd. 5. München: Beck. 445 S.

Godard A., 1962. L'art de l'Iran. Paris: Arthaud. 532 p.

Gold aus Kiev Steppe, 1993 — Gold aus Kiev Steppe. 170 meisterwerke aus der Schatzkammer der Ukraine. Wien: Kunsthistorischen Museum. 433 S.

Gold der Steppe, 1991 — Gold der Steppe. Archaologie der Ukraine. Neumunster: K. Wachholtz. 423 S.

Grač N., 1997. Der Kurgan Kul'-Oba // Zwei Gesichter der Eremitage. Bd. I. Die Skythen und ihr Gold / Die großen Sammlungen. VI. Bonn. 268 S.

Greifenhagen A., 1970. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. I. Berlin: Gebr. Mann Verlag. 108 S.

Hauptmann H., 1983. Neue Funde eurasischer Steppennomaden in Kleinasien // Beiträge zur Altertumskunde Kleinasiens. Bd. 1. Mainz: von Zebern. S. 251–270.

Herzfeld E., 1941. Iran in the Ancient East. New York: Oxford University Press, 1941. 363 p., 131 pl.

I Tesori, 1990 — I Tesori dei kurgani del Caucaso Settentrionale: nuove scoperte degli archeologi sovietici nell'Adygeja e nell'Ossezia settentrionale. Roma: De Luca. 199 p.

Jantzen U., 1955. Griechishe Greifenkessel. Berlin: Mann. 119 s.

Kossak G., 1987. Fremdlinge in Fars // Archaelogische Mitteilungen aus Iran. Herausgegeben vom Deutschen archologischen Institut abteilung Teheran. Bd. 20. S. 107–127.

Leskov A.M., 1974. Die Skythischen Kurgane: die Erforschung der Hügelgräber Südrusslands // Antike Welt. Zeitschrift für Archäologie und Urgeschichte, 5. Jahrgang 1974, Sondernummer. 100 S.

Leskov A.M., 2008. The Maikop Treasure. Philadelphia: University of Pennsylvania Museum of Archaeology and Anthropology. 304 p.

Levitki O., 1998. Consideratii asupra monumentelor funerare din perioada Hallstattiana tarzie de pe territorial Moldovei // Revista Arheologică. 2. P. 28–59.

L'or des Amazones, 2001 — L'or des Amazones peuples nomades entre Asie et Europe, VIe siècle av. J.-C. — IVe siècle apr. J.-C.: Musée Cernuschi, Musée des arts de l'Asie de la ville de Paris, 16 mars — 15 juillet. Paris: Paris musées. 301 p.

L'or des Scythes, 1991 — L'or dés Scythes. Trésors de l'Ermitage / Ed. A. Cahen-Delhaye. Bruxelles: Musées royaux d'Art et d'Histoire. 263 p.

L'Or des Steppes, 1993 — L'Or des steppes: des Scythes à l'invasion mongole, VIIe siècle av. J.-C. — XIVe siècle ap. J.-C. [exposition, Toulouse, Musée des Augustins, 28 octobre 1993 — 17 janvier 1994]. Toulouse. 159 p.

L'oro di Kiev, 1987 — L'oro di Kiev. L'arte dei popoli delle steppe. Mostra Museo di Sant'Agostino, Genova. Milano: Electa. 151 p.

Majewski E., 1905. O charakterze starzych kurhanów // Światowit. T. VI. S. 47–72.

Malkina K., 1928. Zu dem Skythischen Pferdegeschirrschmuck aus Craiova // Praehistorische Zeitschrift. Vol. 19. S. 152–184.

Malychev A.A., Ravitch I.G., 1999. Objets scythes attribués au style animalier trouvés aux environs de Novorossiisk (Tsemdolina) (région de Krasnodar, Russie) // Antiquitès nationales. Vol. 31. P. 251–262.

Marunti M.G., Rudenko S.I., Manganaro G., 1960. Grifo // Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale. Vol. III. Roma: Ist. della Enciclopedia ital. P. 1056–1063.

Mertens J., 1985. Greek bronzes in the Metropolitan Museum of Art / The Metropolitan Museum of Art Bulletin. Vol. 41. N 4. Fall 1985. 68 p.

Minns E.H., 1913. Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge University press. 720 p.

Motzenbäcker I., 1996. Sammlung Kossnierska. Der Digorishen Formenkreis der kaukasishen Bronzezeit. Berlin: Museum für Vor-und Frühgeschichte. 294 S.

Negahban E.O. The Magic of Marlik // The Circle of Ancient Iranian Studies. — URL: http://www.cais-soas.com/CAIS/Art/marlik.htm (дата обращения: 16.02.2022)

Očir-Gorjaeva M., 2005. Pferdegeschirr aus Chošeutovo. Skythischer Tierstil an der Unteren Wolga (Archäologie in Eurasien, Bd 19). Mainz: Philipp von Zabern. 184 s.

Oro, 2001 — Oro. Il mistero dei sarmati e degli sciti. Catalogo della mostra (Milano, 15 marzo — 15 giugno 2001). Milano: Electa. 260 p.

Oro, 2007 — Oro dei cavalieri delle Steppe. Collezioni dai Musei dell'Ucraina. Milano: Silvana. 381 p.

Petrenko V.G., 1994. On the Interpretation of Early Scythian Sites in Central Ciscaucasia // The Archaeology of the Steppes: Methods and Strategies. Papers from the International Symposium held in Naples 9–12 November 1992 / Ed. by B. Genito (Istituto Universitario Orientale, Dipartimento di Studi Asiatici: Series minor. 44). Napoli. P. 347–357.

Pharmakowsky B.V., 1909. Archäeologishe Funde im Jahre 1908. Rußland // Archäeologishe Anzeiger. Bd. XXIV. S. 139–176.

Piotrovsky B., Galanina L., Grach N., 1986. Scythian Art. The Legacy of the Scythian World: mid-7th to 3rd century B.C. Leningrad: Aurora Art Publishers. 184 p.

Porada E., 1963. Iran ancien. L'art a l'epoque préislamique. Paris: Editions Albin Michel. 460 p.

Potratz J., 1963. Die Skythen in Sudrussland. Basel: Raggi Verlag Basel. 207 S.

Poulsen F., 1912. Der Orient und die frühgriechische Kunst. Leipzig; Berlin: B.G. Teubner. 220 S.

Robert C., 1912. Gryps // Paulys Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenshaft. Bd VII, Halbband 14: Glykyrrhiza – Helikeia. Stuttgart. Spalte 1906–1911.

Rosetti D.V., 1959. Movilele funerare de la Gurbanesti // Materiall si Cercetari archeologice. Vol. 6. P. 791–816.

Rostovtzeff M., 1922. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford: Clarendon Press. 276 p.

Rostovtzeff M., 1929. The Animal Style in South Russia and China. Princeton; New York: Hacker Art Books. 112 p.

Schefold K., 1938. Der skythische Tierstil in Südrussland // Eurasia septentrionalis antiqua. Vol. XII. S. 3–77.

Schiltz V., 1994. Die Skythen und andere Steppenvölker. 8. Jahrhundert v. Chr. bis 1. Jahrhundert n. Chr. (Universum der Kunst. Bd. 39). Műnchen: Verlag C.H.Beck. 473 S.

Scythian Gold, 1999 — Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine / Ed. by E.D. Reeder. New York: Abrams Inc. 352 p.

Shramko I., 2021. Bilsk (Belsk) City-Site — the Largest Fortified Settlement of Scythia // AWE. 20. P. 171–218.

Simion G., 2003. Culturi antice in zona gurilor Dunarii. Vol. I: Preistorie si protoistorie. Biblioteca Istro-Pontică, 5: Seria arheologie 5. Cluj-Napoca: Nereamia Napocae. 408 p.

Skory S., 1998. On the time and character of early penetration of the Scythian culture carriers to Dobrudja // Scythians and their expansion into the Western Black Sea territory (The International Colloquim). Tulcea. P. 11–14.

Skyyten, 1990 — Skyyten Kulta-Aarre. Turku: Turun taidemuseo. 60 s.

Tchlenova N., 1962. L'art animalier de l`epoque scythique en Siberie et en Pontide // VI Congrès international des Sciences préhistoriques et protohistoriques. Les rapports. Moscou, 1962. P. 3–4.

The Anatolian civilizations, 1983 — The Anatolian civilizations, II. Greek, Roman, Byzantine. St. Irene. Istanbul May 22 – October 30, 1983. Istanbul: Turkish Ministry of Culture and Tourism. 199 p.

The Golden Deer of Eurasia, 2000 — The Golden Deer of Eurasia. Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. New York: Metropolitan Museum of Art. 2000. XVI+304 p.

The Museum, 1983 — The Museum of Anatolian civilizations. Ankara.
The Treasures, 1991 — The Treasures of Nomadic Tribes in South Russia. Tokyo; Kyoto: The Ancient Orient Museum; The Museum of Kyoto; The Asahi Shimbun. 180 p.
Treasures, 2006 — Treasures from the Black Sea Coast. Catalogue of the exhibition at the National Museum in Cracow. March–June, 2006. Krakow: Muzeum Narodowe w Krakowie. 391 p.
Vanden Berghe L., 1966. Archeologie de l'Iran ancien. Leiden: Brill. 285 p.
Vickers M., 1979. Scythian Treasures in Oxford. Oxford: Ashmolean Museum. 56 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ — Археологічні вести
АВУ — Археологічні відкриття в Україні
АИУ — Археологические исследования на Украине. Киев
АЛЛУ — Археологічній літопис Лівобережної України
АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ — Вестник древней истории
ВУАК — Воронежская ученая архивная комиссия
ГИМ — Государственный исторический музей
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДАС — Донецкий археологический сборник
ИА — Институт археологии [АН СССР, РАН]
ИА НАПУ — Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИАК — Известия Императорской археологической комиссии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорскаго Московскаго Археологическаго общества, снаряженными на Высочайше дарованныя средства
МАР — Материалы по археологии России
МАЭСУ — Музей археологии и этнографии Слободской Украины Харьковского национального университета
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Книжная серия ИИМК / ИА АН СССР
МИАР — Материалы и исследования по археологии России (ИА РАН)
НМ КБР — Национальный музей Кабардино-Балкарской республики
НМИУ — Национальный музей истории Украины, ранее ГКИМ — Государственный Киевский исторический музей
ОАК — Отчет Императорской археологической комиссии
ОАМ — Одесский археологический музей
ОГИЗ — Объединение государственных книжно-журнальных издательств
РА — Российская археология
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
AWE — Ancient West & East
BCH — Bulletin de correspondance hellénique

Научное издание

Канторович Анатолий Робертович

Искусство скифского звериного стиля Восточной Европы
(классификация, типология, хронология, эволюция)
В двух томах

Том 1

Координатор проекта *О. В. Гаврилов*
Редактор *Г. В. Кошелева*
Корректор *С. А. Серебрякова*
Верстка *Н. Ф. Бердавцева*

Подписано в печать 23.05.2022. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 53,0.
Усл. неч. л. 54,0. Тираж 300 экз. Изд. № 11913. Заказ № 2167-22.

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15

(ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

http://msupress.com

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Амирит», 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88.
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru